СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

5.

Стр.
5. Изъ записной книжки Коленкура. 1809—1811 годы.
40. Изъ Записокъ **графа Филиппа Сегюра**. Французское нашествіе на Россію. (Графъ Ростопчинъ.—Наполеонъ въ Москвѣ).
71. Антоній Радонежскій. Статья **А. А. Титова**.
82. Изъ воспоминаній **Н. А. Малевича-Малевскаго**. А. И. Розовъ, Московскій старожилъ.
101. Изъ писемъ **Н. П. Барсукова** къ М. А. Максимовичу. 1870—1872. Съ примѣчаніями **В. В. Данилова**. (Письмо **К. А. Коссовича** къ М. Н. Каткову.)
117. Изъ Записокъ **архіепископа Никанора**. 1877. Мой отъѣздъ изъ Новочеркасска въ Уфу.
145. Неизвѣстная сатирическая статья И. А. Крылова. **В. Каллаша.**
155. Сочиненія И. Ѳ. Горбунова. **Ю. П. Бартенева.**
159. Памятные листки (У И. С. Тургенева. Мое знакомство съ Г. И. Успенскимъ и Н. Н. Страховымъ. Въ защиту себя. Къ статьѣ Н. А. Санина). **П. А. Россіева.**
163. Письмо **А. Я. Булгакова** къ графу Клейнмихелю и отвѣтъ гр. Клейнмихеля.
165. Письмо **А. П. Ермолова** къ князю П. М. Волконскому. Сообщилъ **А. А. Сиверсъ.**
167. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (Дочь княгини Дашковой.—А. С. Хомяковъ.—Наше богослуженіе).
Внутри сорочки. О письмахъ Гоголя. **В. В. Каллаша.**—О новой книжкѣ графа П. С. Шереметева «Звадъ».
Приложенъ полулистъ **Предметной Росписи** «Русскаго Архива» (Библіографія.—Старообрядство.—Генеалогіи.)

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива *прежнихъ* (до 1907) годовъ можно получать по **50** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ «Предметная Роспись» даетъ возможность находить, въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Библиотека "Руниверс"

О ПИСЬМАХЪ ГОГОЛЯ.

Письма Гоголя драгоцѣнный источникъ для его біографіи, характеристики его личности, исторіи его творчества. Появленіе въ свѣтъ наиболѣе полнаго собранія ихъ въ 1902 г. (въ изданіи Маркса подъ редакціей В. И. Шенрока) вызвало цѣлую литературу (статьи С. А. Венгерова, Н. А. Котляревскаго, г. Ашевскаго, мои и пр.) и дало возможность заглянуть глубже въ душу этого загадочнаго писателя, „духомъ схимника сокрушеннаго, а перомъ Аристофана", по мѣткому выраженію князя П. А. Вяземскаго.

Съ тѣхъ поръ появился въ печати (въ „Русскомъ Архивѣ", „Историческомъ Вѣстникѣ", „Русской Старинѣ", „Старинѣ и Новизнѣ", Кіевскомъ и Нѣжинскомъ юбилейныхъ сборникахъ и т. д.) рядъ новыхъ писемъ Гоголя. Спеціальная критика (въ особенности проф. И. П. Дашкевичъ и покойный Кирпичниковъ) указала въ изданіи Маркса и пробѣлы, и существенные недочеты. Пишущій эти строки первый обратилъ въ своемъ отзывѣ вниманіе на ошибки и недоразумѣнія въ текстѣ писемъ, напечатанныхъ въ изданіи, которымъ занимался В. И. Шенрокъ. Я получилъ тогда письмо отъ г-жи П. А. Вагнеръ, мать которой, рожденная Балабина, была ученицею и другомъ Гоголя. Считаю долгомъ привести здѣсь это письмо, потому что оно важно для вопроса объ изданіи переписки Гоголя.

„Римъ $^{10}/_{24}$ Ноября 1902. 20, Piazza di Spagna. М. г. Только на дняхъ прочла ваше „письмо въ редакцію", въ Октябрьской книгѣ „Русской Мысли", по поводу послѣдняго изданія писемъ Гоголя. Пропуски и ошибки несчетны. Вотъ очень важный пропускъ: томъ I-ый, стр. 496: „Случалось ли вамъ слышать языкъ il Meo Patacca, для которой рисунки дѣлалъ Pinelli?"... Вотъ какъ должно быть:

„Случалось ли вамъ слышать языкъ *ихъ, и читали ли вы знаменитую ихъ поэму* il Meo Patacca, для которой рисунки дѣлалъ Pinelli?" Я сама посылала В. И. Шенроку копіи съ пяти подлинныхъ писемъ Гоголя къ моей покойной матери, М. П. Балабиной, и не могу понять, какъ эта ошибка могла случиться, такъ какъ этотъ пропускъ находится тоже въ изданіи Кулиша. Надо думать, что редакторы послѣдняго изданія не хорошо слѣдили за моими копіями; но какъ же никто не замѣтилъ, что фраза въ такомъ видѣ ничего не значитъ? Я давно уже писала объ этомъ В. И. Шенроку, и онъ обѣщалъ *исправить*, но какимъ образомъ, не могу понять. Эта ошибка, хотя и самая крупная, далеко не одна, особенно въ этомъ самомъ письмѣ (Римъ, мц. Апрѣль, годъ 2588-й отъ основанія города). Всѣ подлинники (пять), которые находились у насъ, подарены мною въ концѣ прошедшаго года Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ. Павла Александровна Вагнеръ".

Недавно я имѣлъ случай свѣрить письмо къ Погодину 1847 (т. IV, стр. 75—77) съ оригиналомъ. При бѣглой свѣркѣ я отмѣтилъ слѣдующія отличія: стр. 75 строчка 10 св. передъ—вм. предъ; 14 св. послѣ „будемъ" зачеркнуто „выводить"; стр. 16 серьезно—вм. сурьезно; стр. 76 стр. 4 и 5 не отмѣчено, что слова „въ этомъ дѣлѣ" приписаны сверху; стр. 8 не отмѣчено, что послѣ „смущать" зачеркнуто „воз"; стр. 9 послѣ „принимать" пропущено „ихъ"; послѣ „была"—(гляд)ѣть (наво)на; стр. 14 „ у меня" зачеркнуто и подчеркнуто; 15 предпочтенія вм. предпочтенья;

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

1908.

II.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Русскій Архивъ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Οὐδὲν ἀκιδνότερον γαῖα τρέφει ἀνθρώπου
πάντων, ὅσσα τε γαῖαν ἔπι πνείει τε καὶ ἕρπει.

Все на землѣ измѣняется, все скоротечно; всего же, что ни цвѣтетъ, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоротечнѣй.

(Одиссея, пѣснь 18).

1908.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КОЛЕНКУРА *).

1809-й годъ.

17-го Января 1809 г.[1]). Приданое и алмазы, также и посуда, данные за великою княжною[2]), достигаютъ 2-хъ милліоновъ 600 тысячъ франковъ; вмѣсто ренты, изъ обычнаго милліона ей будутъ выплачивать ежегодно 200 тысячъ рублей, а ея супругу 100 тысячъ. Имъ дается меблированный дворецъ[3]) въ Петербургѣ. Столичное Русское купечество ознаменовало обрученіе уплатою долговъ за двѣсти человѣкъ заключенныхъ. Указываютъ, среди подношеній, сдѣланныхъ великой княжнѣ, на портретъ Государя размѣромъ съ франкъ, покрытый граненымъ алмазомъ. Принцъ Голштинскій[4]) получилъ Андрея Первозваннаго съ алмазами.

По слухамъ, дворъ очень обиженъ, даже раздраженъ противъ принца Голштинскаго за то, что онъ не пріѣхалъ, и его не извѣщали объ обрученіи.

Покои[5]), приготовленные для королевы Прусской, отличаются большой изысканностью. Она нашла въ нихъ великолѣпный туалетъ, дюжину разнообразныхъ платьевъ въ изысканномъ вкусѣ и весьма дорогихъ, равно какъ дюжины лучшихъ, какія только возможно было достать, шалей. Злые языки въ городѣ говорятъ, что надежда на эти подарки и привлекла ее на обрученіе; на различныя празднества она являлась вся въ алмазахъ, которые между тѣмъ, слышно, еще не совсѣмъ и оплачены.

---

*) См. въ I-й книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 465.

[1]) По новому стилю.

[2]) Екатериной Павловной.

[3]) Аничковъ дворецъ, позднѣе перешедшій въ собственность великаго князя Николая Павловича.

[4]) Отецъ новобрачнаго, женатый на родной сестрѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[5]) Въ Зимнемъ дворцѣ. Королева Луиза съ супругомъ пріѣзжали на свадьбу Екатерины Павловны. При въѣздѣ ихъ въ Петербургъ звонили въ колокола.

Библиотека "Руниверс"

Красавица Нарышкина появлялась повсюду; благоговѣніе, котораго она желала, оказывалось ей по обыкновенію публично: все тѣже заботы о ней, посѣщенія даже болѣе часты.

Всѣ смѣются надъ ухватками короля, надъ его киверомъ и въ особенности надъ его усами. Это выражалось такъ явно на первыхъ балахъ, что Пруссаки не могли объ этомъ не догадаться. Всѣ въ Прусскихъ лентахъ, но приличнѣе держатся только тогда, когда Государь шагахъ въ четырехъ отъ нихъ. Королеву не находятъ уже красивою, несмотря на то, что она дѣлала все возможное, чтобы казаться такою. Во мнѣніи больше уваженія къ ней, чѣмъ къ королю.

При обрученіи великой княжны замѣтили, что великій князь Константинъ простеръ свою угодливость до того, что взялъ и понесъ шляпу, потомъ перчатки принца Голштинскаго*), почему сей послѣдній не зналъ что̀ ему дѣлать, никто же изъ Русскихъ ихъ не бралъ.

Великую княжну обручали императрица-мать и Государь. Дочь выражала почтеніе предпочтительно матери своей, а не брату. Можно сказать, что Государь присутствовалъ при этомъ, какъ частный человѣкъ, хотя все происходило съ пышностью.

Прусская королева присутствовала при обрученіи и являлась къ обѣду и на балъ въ Русскомъ придворномъ платьѣ; по правую сторону Государя вездѣ король, а королева справа отъ государыни.

Многіе хотятъ усмотрѣть въ великой княгинѣ Екатеринѣ все такое, что̀ въ будущемъ отзовется громко. Она въ перепискѣ съ большею частью видныхъ генераловъ; она показываетъ видъ, что возобновляетъ отношенія съ ранеными генералами и офицерами и отличаетъ ихъ; она ласкаетъ Русскихъ стариковъ, переписывается съ ними объ искусствахъ, наукахъ или литературѣ. Говорили, будто-бы она старается доказать всѣмъ, что способна воскресить всѣ великія воспоминанія, на которыя указываетъ ея имя. Она старается быть болѣе Русской, чѣмъ ея семья, или по вкусамъ, или по обычаямъ, со всѣми разговариваетъ, объясняясь легко и съ увѣренностью сорокалѣтней женщины. Все это не ускользаетъ отъ иныхъ наблюдателей, которые видятъ въ ней орудіе ея матери, всегда отличавшейся властолюбіемъ; Государь-же слишкомъ довѣрчивъ.

Великой княгинѣ приписываютъ злословіе по отношенію къ Испанскимъ дѣламъ, что̀, по словамъ приближенныхъ, снова отдалило императрицу-мать и ея дочь отъ принятой системы, къ которой было-бы жела-

*) Это братъ новобрачнаго.

Библиотека "Руниверс"

тельно опять ихъ привязать. Это злословіе состоитъ въ томъ, что она предпочла-бы лучше стать женою попа, чѣмъ государыней въ странѣ, находящейся подъ вліяніемъ Франціи.

Съ изумленіемъ замѣтили, что во время обрученія Государь простеръ сыновнюю почтительность до того, что сошелъ съ мѣста и взялъ съ колонны положенныя тамъ его матерью перчатки, въ то время, какъ она обручала дочь съ будущимъ своимъ зятемъ. По окончаніи этого, Государь пошелъ къ ней на-встрѣчу, предложилъ ей руку и подалъ перчатки, ничего подобнаго не сдѣлавъ для царствующей государыни, которая находилась тутъ же, подлѣ свекрови.

5-го Февраля 1809 г. Послѣ своего бала и извиненій передъ посломъ Франціи графъ Строгоновъ *) былъ приглашенъ ко двору, отъ котораго онъ былъ удаленъ впродолженіи года за то, что не пригласилъ Французскаго посла на вечеръ, куда былъ званъ посолъ Австрійскій.

Пруссаковъ очень бранятъ за то, что Императоръ оказываетъ имъ милости.

22-го Февраля 1809 г. Нарышкина, красавица, отправляется черезъ пять недѣль на воды въ Швейцарію и Италію; она предпринимаетъ шестимѣсячное путешествіе. Между тѣмъ, все по-старому. Повидимому, это только для здоровья.

По слухамъ, у императрицы-матери произошло съ Государемъ нѣсколько такихъ горячихъ сценъ по поводу Австрійскихъ дѣлъ, что она падала на колѣни и, вся въ слезахъ, упрашивала его, по крайней мѣрѣ, не принимать участія въ войнѣ съ этой державой; она представляла всѣ послѣдствія, наконецъ, также безуспѣшно заставляла ходатайствовать великую княгиню Екатерину.

Увѣряютъ, что великій князь Константинъ уже приказалъ приготовить экипажи для себя и сказалъ, что черезъ мѣсяцъ отправляется съ Французскимъ посломъ въ армію, въ Галицію.

Государь спросилъ у графа Толстого, готовы-ли большія коляски его? Другой разъ онъ говорилъ съ нимъ о путешествіи въ Парижъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

22-го Марта 1809 г. Говорятъ, что князь Лобановъ уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ свои имѣнія вслѣдствіе распри съ своимъ двоюроднымъ братомъ княземъ Куракинымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, по поводу снабженія продовольствіемъ столицы. Общество на сторонѣ князя Лобанова, а Государь—князя Куракина.

---

*) Престарѣлый графъ Александръ Сергѣевичъ.

Библиотека "Руниверс"

Не перестаютъ говорить о поселеніи принца Ольденбургскаго и великой княгини Екатерины въ Москвѣ; однако для этого не дѣлается никакихъ приготовленій.

8-го Апрѣля 1809 г. Императрица прочла длинное нравоученіе графу Румянцову за его влеченіе къ Франціи, упрекнула его въ томъ, что онъ позорилъ Государя и Россію, помогая Французскому послу подготовлять погибель Австріи. Она излилась въ скорби передъ нимъ по поводу вліянія Франціи на Государя. „До того дошло, добавила она, что не только все дѣлается по ея внушенію, но отдѣльныя лица, чтобы занять должность и быть на хорошемъ счету у Государя, должны ѣздить къ послу на поклонъ“. Графъ отвѣтилъ, что его всегда влекло на сторону умныхъ людей, и до глупыхъ ему не было дѣла.

Князь Шварценбергъ, по слухамъ, расхваливаетъ Нарышкину, съ которою онъ познакомился въ Вѣнѣ и въ поѣздку ея въ Германію. Онъ слишкомъ потратился для нея; но, какъ и всѣ, видитъ ее рѣдко. Много было разговоровъ про балъ, данный на постояломъ дворѣ по Петергофской дорогѣ, гдѣ присутствовали Шварценбергъ, Нарышкина и Русскіе, бывшіе въ Дрезденѣ и Карлсбадѣ. Празднество устроено пріѣхавшимъ изъ Вѣны Свистуновымъ. Утверждали, что праздникъ, устроенный въ тотъ-же день другими членами дипломатическаго корпуса, въ домѣ насупротивъ, въ оранжереяхъ княгини Вяземской, задуманъ былъ въ пику Австріи, въ особенности балъ и фейерверкъ у Французскаго посла, причемъ на-лицо были городскія красавицы.

Какъ слышно, генералъ Барклай и князь Багратіонъ назначены главнокомандующими. Послѣдній возвращается изъ Финляндіи.

16-го Апрѣля 1809 г. Говорятъ у Нарышкиной любовникомъ ген.-адъют. Ожаровскій. Государю это извѣстно. Эта связь приходитъ къ концу. Такъ какъ нѣтъ дѣтей, то о ней и рѣчи не было.

Графъ Остерманъ и князь Борисъ Голицынъ (сынъ княгини Voldemar) просили объ отпускѣ съ досады на производство въ главнокомандующіе Барклая и Багратіона, которые по службѣ моложе ихъ. *Вычеркнуть изъ списка*—собственноручно написалъ Государь подъ ихъ прошеніями. Съ тѣхъ поръ тотъ и другой верховодятъ въ анти-Французской партіи.

22-го Апрѣля 1809 г. Въ нѣкоторыхъ кругахъ говорятъ, что надо брать примѣръ со Швеціи, гдѣ видные дѣятели низложили короля, державшагося системы, противной отечественной пользѣ. Союзъ съ Франціей разоряетъ Россію и увлекаетъ ее въ военныя дѣйствія, которыми подготовляется своего рода порабощеніе.

Библиотека "Руниверс"

Князь Шварценбергъ оплетаетъ Нарышкину съ помощью Вѣнской Польско-Австрійской партіи. Государь сказалъ: „эти Поляки повсюду каверзничаютъ, это ихъ занятіе: но они обманываются“.

По слухамъ, великій князь отправляется въ Галицію, въ армію.

Зачѣмъ дѣлать отклоненіе въ угоду Франціи въ ея распрѣ съ Австріей? Франція ничего не сдѣлала для насъ противъ Швеціи, хотя и обѣщала. Государь жертвуетъ своими войсками, предоставляя ихъ Франціи; съ нашими офицерами будутъ обходиться, какъ съ Датчанами: ихъ будутъ задерживать и распекать за малѣйшія провинности. Это все Испанскія дѣла доводятъ до войны съ Австріей. Совершенно достаточно было ограничиться искусными благодарностями Французскому послу, а не узаконивать этого грабежа поѣздкой въ Эрфуртъ [1]) и не заставлять насъ помогать въ настоящей войнѣ съ Австріей.

Что вывезъ изъ Парижа графъ Румянцовъ? Даже ни малѣйшаго облегченія въ судьбѣ Пруссіи, не смотря на обѣщанія и договоры!

Императоръ Александръ слѣпъ: Французскій посолъ морочитъ его, какъ ему вздумается; онъ приноситъ въ одинъ день больше зла, чѣмъ императоръ Павелъ причинилъ намъ за все свое царствованіе.

Распространился слухъ, будто Государь желаетъ дать крестьянамъ волю.

19-го Августа 1809 г. Замѣтили, что на одномъ изъ баловъ у Нарышкиной великій князь ни слова не сказалъ князю Шварценбергу, что онъ десять разъ обращался къ Французскому послу и все время разговаривалъ съ военными или гражданскими членами его посольства.

Австрійская Силезія отходитъ къ Пруссіи, уступившей такъ называемой Польшѣ правый берегъ Вислы.

Императоръ Александръ, по слухамъ, не ранилъ себя: онъ остается въ Петергофѣ, боясь быть свергнутымъ въ городѣ. Нужно. говорятъ, возмутиться, поднять сто тысячъ человѣкъ и размѣстить ихъ по полкамъ. Нужно поставить императрицу-мать во главѣ правленія до совершеннолѣтія великаго князя Николая. Другіе говорятъ, что надо провозгласить императрицею великую княгиню Екатерину [2]). Багратіонъ пусть будетъ командующимъ Дунайской арміей, такъ какъ старый

---

[1]) Послѣ свиданія въ Эрфуртѣ Наполеонъ возобновилъ войну за Испанскій престолъ и началъ войну съ Австріей, не желательную и для многихъ его приверженцовъ-Французовъ.

[2]) Это именно передавала намъ близкая ко двору Александра Ивановна Васильчикова, но я тогда (1854) не повѣрилъ ей. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

фельдмаршалъ Прозоровскій [1]) впалъ въ дѣтство. Надо оставить на Дунаѣ Милорадовича съ 25000 человѣкъ, которыхъ будетъ достаточно, чтобы сдерживать Турокъ отъ переправы черезъ рѣку, а остальная часть арміи чтобы шла въ Галицію; въ Литвѣ соединить дивизіи, помириться съ Англіей, увести изъ Финляндіи половину войскъ и дивизію отъ границъ великаго герцогства и занять оборонительное положеніе, не ища Французовъ, но ожидая ихъ, буде имъ захотѣлось-бы присоединить Галицію къ великому герцогству. Англичанъ не принимать къ себѣ въ гавани, но если не дѣйствовать противъ нихъ, то они также ничего не предпримутъ противъ Россіи. Съ Австріею не вступать въ союзъ, но возвратить ей Галицію. Съ Франціей не начинать войны, но готовиться къ защитѣ, буде она нападетъ. Арестовать Румянцова, Чичагова и Сперанскаго. Первому воздана будетъ справедливость, если его сошлютъ въ его помѣстья: его обошли въ Эрфуртѣ и особенно въ Парижѣ; чтобы успѣвать въ своей враждѣ къ Англіи, онъ постоянно обманывалъ Государя; а сего послѣдняго непремѣнно надо лишить жизни. Англофобія Румянцова помѣшаетъ заключить миръ со Швеціей, такъ какъ нельзя ей, утративъ Финляндію, лишить себя и сочувствія Англіи. По арестѣ Государя, надо будетъ тотчасъ же назначить уполномоченнаго для возобновленія переговоровъ съ Швеціею, дабы этотъ миръ былъ первымъ дѣломъ новаго правительства и привлекъ къ оному публику, особливо въ Москвѣ [2]).

По слухамъ, секретарь великаго князя Константина, редактировавшій часть Русскаго листка *Сѣверная Звѣзда*, арестованъ за то, что напечаталъ сборникъ изъ всѣхъ журнальныхъ статей касательно Польскихъ дѣлъ. Государь, какъ слышно, явно выразилъ великому князю свое неудовольствіе.

Лица, сопровождавшія Государя въ Эрфуртъ, что̀ называется, его друзья, говорили ему, какъ увѣряютъ, о броженіи, вызываемомъ слухами о Польшѣ, представляя ему, что оно чрезмѣрно, что всякая снисходительность въ этомъ случаѣ будетъ покушеніемъ на національную

---

[1]) Кн. Александръ Александровичъ Прозоровскій (род. 1732, ум. 1809) дѣйствовалъ противъ Турокъ нерѣшительно и вяло.

[2]) Подъ Парижемъ на Монмартрѣ, когда М. Ѳ. Орловъ явился съ ключами Парижа, Государь, оборотясь къ стоявшему по близости А. П. Ермолову сказалъ: „Ну что теперь про меня скажетъ Москва?“ (Слышано отъ самого Алексѣя Петровича). Ключи отъ воротъ Парижа обыкновенно лежали въ Петропавловской крѣпости на гробѣ Александра Павловича. При его племянникѣ ключи эти сняты съ гроба и повѣшены на верху, надъ нимъ, къ стѣнѣ, такъ что ихъ и не замѣтно. Позднѣе было говорено объ этомъ графу И. И. Воронцову-Дашкову; онъ записалъ о томъ, но распорядился ли, не знаемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

славу и будетъ пятномъ на его царствованіи. Онъ началъ, увѣряютъ, косо смотрѣть на совѣтчиковъ; однако на слѣдующій день онъ говорилъ объ этомъ съ однимъ изъ нихъ, потомъ на слѣдующій день съ другимъ. Съ большинствомъ Государь говоритъ объ этихъ слухахъ какъ о безуміи. Увѣряютъ, что это Польскіе происки, чтобы ослабить союзъ, чтобы имѣть однимъ средствомъ больше для осужденія союза, къ которому Государь въ ихъ глазахъ сильно приверженъ. Онъ говоритъ имъ, что императоръ Наполеонъ приверженъ къ нему не менѣе, что слухи эти не имѣютъ основанія. Мнѣ называли только Чичагова и Сперанскаго. Утверждаютъ, что онъ сказалъ: „Это разрѣшится въ двухнедѣльный срокъ. Я отдаю свою армію въ распоряженіе императора Наполеона, если онъ прямодушенъ и представитъ мнѣ въ этомъ положительныя доказательства; если же нѣтъ, армія останется нетронутою, другіе дивизіоны не далеко: слѣдовательно я имѣю возможность быстро ее усилить въ ожиданіи, когда подойдутъ другіе. Итакъ будьте покойны, насъ не застигнутъ въ расплохъ. Я сдѣлаю все, чтобы избѣжать войны; но я буду защищать выгоды моего государства, и Польшу не тронутъ“. Меня увѣряли, передавая мнѣ слухи, что онъ въ тоже время говорилъ о своей привязанности, о своемъ восхищеніи вашимъ величествомъ [1]): говорилъ, что не можетъ вѣрить намѣренію, которое вамъ приписываютъ, что впрочемъ, если онъ ошибся, онъ съумѣетъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ или злодѣйски убитымъ; если ему такъ предопредѣлено, онъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы воспрепятствовать этому. Онъ даже пошутилъ на счетъ распускаемыхъ слуховъ и на счетъ смѣшныхъ сторонъ у предполагаемыхъ недовольныхъ или заговорщиковъ, на которыхъ ему указывали.

Государь добръ, но не уменъ, какъ говорятъ, а Румянцовъ тупоуменъ. Они никогда не умѣютъ на что нибудь рѣшиться. Начиная войну, надо было захватить Галицію; Поляки не стали бы ее у насъ оспаривать. Надо сдѣлать Государя монахомъ; онъ поддержитъ миръ въ монастырѣ, Нарышкину монахиней, она будетъ служить исповѣднику и садовнику, особенно если они Поляки (намекъ на Ожаровскаго, котораго называютъ ея тайнымъ любовникомъ). Что̀ касается Румянцова, его надо сдѣлать торговцемъ кваса (освѣжительный напитокъ страны) и т. д. [2])

---

[1]) Это, стало быть, занесено Коленкуромъ въ записную книжку изъ его донесенія Наполеону.

[2]) Будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Н. П. Румянцовъ вѣдалъ и торговыя дѣла.

Библиотека "Руниверс"

Въ городѣ любятъ м-ль Жоржъ, при дворѣ м-ль Бургонь; хотятъ, чтобы она имѣла немного болѣе успѣха, но что случай съ ногой *) прервалъ ихъ.

Называютъ великаго князя Константина и великую княгиню Екатерину какъ лицъ наиболѣе возвышающихъ голосъ и возбуждающихъ умы въ Польскихъ дѣлахъ.

Говорятъ о путешествіи Александра для свиданія съ Наполеономъ; другіе называютъ только Румянцова, котораго должны послать для соглашенія.

Обращеніе Австрійскаго посла содѣйствовало, говорятъ, обращенію стараго графа Строгонова. Это онъ, какъ старѣйшій, провозгласилъ, по приказу императора Александра, здоровье Наполеона на обѣдѣ Французскаго посла очень охотно и въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ.

Говорятъ о фарфоровомъ сервизѣ Даготи, который полученъ Французскимъ посломъ, съ видами Петербурга и Москвы. Сервизъ этотъ былъ поданъ въ день св. Наполеона. Тарелка графа Толстаго изображала Каменный островъ, Румянцова—площадь съ обелискомъ побѣдъ его отца, Московскаго губернатора—съ видомъ Кремля и т. д.

29-го Августа 1809 г. Императоръ Александръ сходитъ съ ума по Наполеонѣ, онъ имъ околдованъ, ибо поддерживаетъ одинъ противъ всѣхъ, что Франція не хочетъ ничего противнаго выгодамъ Россіи, что о Галиціи разсказываютъ сказки, что распускаютъ слухи, три четверти которыхъ лживы, для того, чтобы поссорить эти двѣ державы, что это происки Англіи и Австріи, что Австріяки получили то, чего они заслуживаютъ, что имъ не причинено столько бѣдъ, сколько кричатъ о томъ въ ихъ прокламаціяхъ, что люди, печалующіеся объ ихъ участи и въ тоже время выказывающіе такое рвеніе къ Россіи, болѣе или менѣе подкуплены Англіею, если не одурачены ею.

1-го Ноября 1809 г. Говорятъ о свиданіи императоровъ Наполеона и Александра, другіе о поѣздкѣ Александра въ Парижъ.

Одѣли и снарядили всѣхъ Шведскихъ плѣнныхъ для отправки ихъ домой; Государь дѣлалъ имъ смотръ 1-го Ноября.

27-го Ноября 1809 г. На праздникъ данный Румянцовымъ двору, никто изъ Нарышкиныхъ, мужчинъ и женщинъ, не былъ приглашенъ вслѣдствіе старинной ссоры между семьями.

Говорятъ, что строгость, примѣненная въ Москвѣ фельдмаршаломъ Гудовичемъ, очень измѣнила тонъ общества, что онъ такимъ положи-

*) Александръ Павловичъ повредилъ себѣ ногу и до конца по временамъ страдалъ отъ того.

Библиотека "Руниверс"

тельнымъ образомъ объявилъ намѣренія и мнѣнія Государя, что теперь тамъ стараются согласоваться съ ними болѣе, чѣмъ прежде противодѣйствовали.

27-го Ноября 1809 г. По слухамъ, императрица-мать проводитъ зиму въ Гатчинѣ не столько ради заботъ о воспитаніи юныхъ великихъ князей, какъ для того, чтобы скрыть досаду на то, что направленіе, которому слѣдуетъ Государь, опредѣляется.

11-го Декабря 1809 г. Какъ слышно, уѣзжающій въ Тверь Государь пробудетъ въ отсутствіи лишь 10 дней [1]). Вообще, не видятъ другого повода для этой поѣздки кромѣ свиданія съ сестрою и того, чтобы успокоить Московскую знать касательно введенія новыхъ налоговъ.

По слухамъ, сошелъ съ ума братъ графа Румянцова, который былъ обершенкомъ [2]).

1810-й годъ.

5-го Января 1810 г. Императора Александра упрекаютъ за то, что онъ повезъ съ собою въ Москву свою сестру, Екатерину. По слухамъ, онъ представилъ ее населенію этого города, какъ внуку императрицы Екатерины.

Разговоры не изсякаютъ по поводу восторга, который вызванъ былъ въ Москвѣ пріѣздомъ Государя: говорятъ, что на улицахъ останавливались и обнимались какъ въ дни Пасхи, когда узнали, что онъ долженъ пріѣхать. (На Пасхѣ крестьянинъ цѣлуетъ господина, цѣлуетъ даже Государя: каждый поздравляетъ съ Воскресеніемъ Христовымъ).

Говорятъ, что обѣ императрицы очень недовольны поѣздкою великой княгини.

Говорятъ, что дворянство Москвы тотчасъ же предложило пятьдесятъ милліоновъ рублей, а купцы десять.

Государь, говорятъ, въѣхалъ въ Москву верхомъ съ губернскими властями и только съ двумя адъютантами. Цѣловали его колѣна, ноги и даже лошадь; давка вокругъ него была такова, что онъ принужденъ былъ каждый шагъ останавливаться. Народъ преклонялся передъ нимъ и не хотѣлъ подниматься. „Встаньте“, говорилъ онъ.—„Поѣзжайте черезъ насъ“ отвѣчали ему, „вы святой, вы не можете насъ изувѣ-

---

[1]) Въ этотъ разъ Карамзинъ, гостившій въ Твери у Екатерины Павловны, впервые могъ бесѣдовать съ Александромъ Павловичемъ.

[2]) Графъ Михаилъ Петровичъ.

Библиотека "Руниверс"

чить; мы понесемъ васъ, какъ отца". Увѣряютъ, что нельзя себѣ составить понятіе о всѣхъ происходившихъ трогательныхъ сценахъ, которыя, говорятъ, нѣсколько разъ вызывали слезы у Государя.

Говорятъ, что Государь прогуливался каждый день со своей сестрой великой княгинею, что онъ даетъ обѣды первымъ двумъ классамъ, нѣсколькимъ генераламъ и дамамъ, что вечеромъ онъ посѣщалъ балы дворянства или купечества или маскарады, которые онъ самъ давалъ во дворцѣ.

Говорятъ, что великая княгиня держалась въ тѣни, что впрочемъ всѣ симпатіи были на сторонѣ Государя, который видалъ всѣхъ и ко всѣмъ хорошо относился, нѣсколько разъ и подолгу разговаривалъ съ митрополитомъ Платономъ, бывшимъ канцлеромъ Остерманомъ, Ростопчинымъ, Морковымъ и другими. Негодовали, говорятъ, на Петербургское министерство, но хвалили Государя.

Увѣряютъ, что Московскіе вельможи, даже Морковъ, сдѣлались наполеонистами въ угоду Александра и все что̀ говорилось было въ духѣ системы. Приписываютъ эту перемѣну уму фельдмаршала Гудовича, который заставляетъ подымать выше головы, даже болѣе, чѣмъ отъ удовольствія видѣть Государя *).

Говорятъ, что Ростопчинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ при Павлѣ, и Мордвиновъ, морской министръ при Екатеринѣ, проведутъ три мѣсяца въ Петербургѣ съ другими опальными Москвы. Этому придаютъ значеніе, ибо первый былъ явнымъ врагомъ императора Александра, когда онъ былъ великимъ княземъ и подстрекателемъ на суровыя мѣры императора Павла къ дѣтямъ. Оба слывутъ выдающимися главами противниковъ Франціи: но они пріѣзжаютъ сюда не какъ обращенные, но даже какъ самые горячіе приверженцы Французской системы: такъ говорятъ въ обществѣ.

Говорятъ также объ учрежденіи государственнаго совѣта, членами котораго будутъ эти оба лица. Много шутятъ на счетъ фразъ, визитовъ и происковъ князя Куракина у королей, которые были въ Парижѣ. Къ королевѣ Голландской онъ, говорятъ, ѣздитъ всегда на шести лошадяхъ. То, что̀ онъ называетъ фракомъ, есть гладкое платье съ брильянтовымъ наплечникомъ, со звѣздою и орденами изъ мелкаго

*) Объ этомъ пребываніи Александра Павловича въ Москвѣ напечатана была тогда же особая книжечка, нынѣ очень рѣдкая (имѣется въ Чертковской библіотекѣ). Поѣздка въ Тверь и Москву имѣла важное политическое значеніе: ею уклонялся Государь и отъ рѣшительнаго отвѣта на предложеніе Наполеона вступить въ бракъ съ великой княжною Анною Павловной.

Библиотека "Руниверс"

жемчуга. Онъ разоряется на одеждѣ, не даетъ обѣдовъ и танцовальныхъ вечеровъ: онъ не съумѣлъ дать праздника въ честь двора[1]).

Очень потѣшаются пьесой, которую давали въ Гатчинѣ и въ которой игралъ единственно дворъ императрицы-матери, равно какъ ихъ высочества, два юныхъ великихъ князя и великая княжна Анна. Авторъ—принцъ Виртембергскій, бывшій минувшею зимою въ Парижѣ. Пьеса называется „Гатчинскій Цырюльникъ“: это вѣстовщикъ, который, выбиваясь изъ силъ, разноситъ новости касательно всего, что побудило императрицу остаться въ Гатчинѣ на зиму.

21-го Января 1810 г. Какъ слышно, большая партія, съ Нарышкиной, всей Англійской кликой и банкирами во главѣ, хотѣла сохранить на мѣстѣ прежняго казначея Голубцова[2]), который былъ также министромъ финансовъ: Аракчеевъ, военный министръ и другъ его, уволенъ въ отставку и удаленъ отъ предсѣдательства въ Совѣтѣ за то, что слишкомъ уже сильно высказался за него.

По слухамъ, миръ съ Нарышкиной заключенъ только потому, что она дала письменное обѣщаніе не вмѣшиваться впредь ни въ политическія, ни во внутреннія дѣла и не раскрывать рта о нихъ. Это вѣрно, что ея домъ, закрытый съ прошлаго Іюня мѣсяца, даже для наиболѣе близкихъ лицъ, открытъ только 4-го Января. Она сама заявила Французскому послу на послѣднемъ балу, что разсталась со своимъ уединеніемъ, чтобы думать только о забавахъ и нисколько не заниматься дѣлами.

5-го Февраля 1810 г. Восклицанія по поводу великодушія Государя, который пожаловалъ во фрейлины дѣвицу Головину[3]): ея отецъ съ матерью много вредили Государю въ царствованіе его отца и даже выдали его къ концу.

Указываютъ на Ростопчина, что онъ сказалъ императрицѣ-матери, когда явился благодарить ее за пожалованную ему императоромъ Павломъ ленту св. Андрея (императрица не любила его и приняла холодно): „Кажется, ваше величество не одобряете милости, которую явилъ мнѣ императоръ“. Она отвѣчала: „вы давно уже знаете мое мнѣніе о васъ!“—„Я знаю“, подхватилъ онъ, „что, царствуйте вы, я былъ-бы на висѣлицѣ, а воцарись великій князь Александръ, я очутился-бы въ вѣчной ссылкѣ“.

---

[1]) По поводу брака Наполеона съ Маріею Луизою.

[2]) О. А. Голубцовъ (1758—1829 г.), памятенъ тѣмъ, что усиленно выпускалъ бумажныя деньги.

[3]) Графиню Головину (позднѣе графиню Фредро)?

Библиотека "Руниверс"

23-го Февраля 1810 г. Все общество, вся частная переписка служатъ отголоскомъ шума, произведеннаго возможностью свадьбы Наполеона съ великой княжною Анною. На этотъ счетъ существуетъ только одно желаніе, повторяютъ тоже, что по увѣренію частной переписки говорятъ въ Парижѣ.

Говорятъ, что Сербы не довольны Русскими, что Родофиникинъ былъ почти принужденъ выѣхать изъ Бѣлграда.

14-го Марта 1810 г. Всѣ возбуждены противъ императрицы-матери, которая, говорятъ, устроила бракъ своей дочери съ принцемъ Ольденбургскимъ, чтобы избѣжать союза съ Франціей. Наиболѣе рьяные англоманы, озлобленные больше изъ оппозиціи (если можно назвать такъ нѣкоторыхъ выжившихъ изъ ума старухъ и древнихъ смѣшныхъ вельможъ) не щадятъ императрицы-матери. О ней говорятъ безъ стѣсненій въ гостиныхъ. По слухамъ, Государь этого брака сестры своей съ Наполеономъ хотѣлъ, какъ и сестра его. Желательно было и для младшей, еслибы ей было сдѣлано предложеніе.

Императоръ Наполеонъ думаетъ породниться съ Австріей. Союзъ съ Россіей, говорятъ, станетъ по этой причинѣ ненужнымъ.

Говорятъ, что царствующая императрица и сестра ея принцесса Амалія очень довольны замужествомъ герцогини, потому что онѣ страшились болѣе всего вліянія, которое пріобрѣла бы вдовствующая императрица, если бы она посадила на тронъ Франціи одну изъ своихъ дочерей.

Говорятъ, что князь Четвертинскій, братъ г-жи Нарышкиной, попрося позволенія перейти изъ гвардіи въ армію чиномъ выше (какъ это дѣлается) получилъ разрѣшеніе только когда заговорилъ о своей отставкѣ, и получилъ оную прежде чѣмъ подалъ о ней просьбу въ двадцать четыре часа и безъ чина, который всегда даютъ отставнымъ изъ гвардіи и который на одинъ чинъ выше армейскаго. Сестра, прибавляютъ, дѣлала тщетныя возраженія и уѣзжаетъ въ этомъ мѣсяцѣ на воды въ Швейцарію, если мужу ея удастся собрать необходимыя деньги, ибо ихъ не даютъ и про нихъ не спрашиваютъ.

Говорятъ, что Государь со злобою первый возвѣстилъ своей матери о бракосочетаніи императора Наполеона съ Австрійской эрцгерцогинею. Она, по слухамъ, не могла скрыть своей печали и особенно досады, что для ея дочери угасла надежда вступить на этотъ тронъ. Объ этомъ говорится во всеуслышаніе.

Отмѣчаютъ, какъ доказательство охлажденія къ императрицѣ-матери, пожалованіе оберъ-камергеромъ Ростопчина (Это двойныя и даже трой-

Библиотека "Руниверс"

ныя обязанности, это почетно: одинъ только несетъ службу и участвуетъ въ дѣлахъ департамента Нарышкинъ). Считаютъ это за оскорбленіе, нанесенное императрицѣ-матери, которой Ростопчинъ всегда былъ заклятымъ врагомъ. Другіе же приписываютъ это великодушію Государя, пожелавшаго возвеличить человѣка, который принесъ ему много зла въ царствованіе его отца. Всѣ ненавидятъ Ростопчина, который возвращается въ Москву и останется тамъ 8 мѣсяцевъ.

18-го Марта 1810 г. Говорятъ, что императрица-мать ѣдетъ на двѣ недѣли въ Тверь съ дочерью и съ великими князьями; что она хотѣла ненадолго съѣздить въ Москву, но на это не согласился Государь. По слухамъ, поѣздка эта должна помирить Государя съ императрицей-матерью, посредствомъ столь любимой Императоромъ великой княгини Екатерины. О нихъ обѣихъ говорятъ очень дурно вслѣдствіе споровъ о предполагавшемся бракѣ великой княжны Анны съ императоромъ Наполеономъ. Говорятъ, что по этой причинѣ не было ни празднествъ, ни пріемовъ въ теченіе масленицы.

Недовольство по случаю пожалованія Ростопчина оберъ-камергеромъ, хотя онъ и не долженъ нести обязанностей. Никто его не любитъ; на него смотрятъ какъ на смутьяна и страшатся его еще по воспоминанію объ императорѣ Павлѣ. Этотъ самый Ростопчинъ былъ на ножахъ съ Англійскимъ посланникомъ Витвортомъ и способствовалъ сближенію съ Франціей.

Говорятъ, что Государь отослалъ съ адъютантомъ графу Румянцову все, что ему пришло изъ Англіи, а министръ отослалъ это въ архивъ; по слухамъ, исходящимъ отъ архивныхъ служащихъ, эти дѣла болѣе, чѣмъ когда-либо разстроиваютъ агентовъ Англіи.

Говорятъ, что все готово къ отъѣзду Нарышкиной, отправляющейся на воды. Опалу ея приписываютъ Французскому послу, по слухамъ, сблизившему Государя съ г-жой Алопеусъ, въ обществѣ которой онъ обыкновенно бываетъ.

Императрица-мать, говорятъ, все портитъ; ея германизмъ повсюду служитъ помѣхой и отнимаетъ у Государя возможность творить добро. Никогда еще не были возбуждены противъ нея до такой степени. Всѣ мнѣнія, во всѣхъ классахъ, которыя были за нее, теперь противъ нея.

18-го Марта 1810 г. Говорятъ, что царствующая императрица была на костюмированномъ балѣ съ двумя своими фрейлинами, съ фельдмаршаломъ и двумя камергерами двора, что при выходѣ полиція вступила въ споръ съ лакеемъ ее сопровождавшимъ и не желав-

Библиотека "Руниверс"

шимъ ее назвать (ее задержали на полчаса) и что графъ Толстой, котораго тоже не узнали, едва не подвергся насилію со стороны полиціи [1]).

Говорятъ, что Императоръ очень расположенъ къ Жеребцовой и пошлетъ, чтобы доставить ей удовольствіе, ея отца, князя Лопухина, въ Парижъ привѣтствовать Наполеона по случаю его женитьбы.

26-го Марта 1810 г. По слухамъ, императрица-мать очень настаивала предъ Государемъ, чтобы онъ позволилъ ей съѣздить изъ Твери въ Москву, но ей въ этомъ было отказано.

Говорятъ, что графу Ростопчину намекнули, чтобы онъ возвратился въ Москву или въ деревню за то, что онъ неумѣстно выразился о министрѣ, а именно, о канцлерѣ.

Говорятъ, что императоръ Наполеонъ думалъ было жениться на Саксонской принцессѣ и что г-жа Зенфтъ оставалась ради этого въ Парижѣ до тѣхъ поръ, пока все не устроилось съ Австріей.

По слухамъ, Государь уже нѣсколько дней очень занятъ дѣвицей Bourgoin, которая больше не поѣдетъ въ Москву, а останется въ Петербургѣ до тѣхъ поръ пока не выдетъ срокъ отпуска и ей не понадобится быть въ Парижѣ. По словамъ-же другихъ, взоры Государя устремлены на жену банкира Северина. Неизвѣстно еще, чему слѣдуетъ вѣрить.

21-го Апрѣля 1810 г. Смѣются надъ тѣмъ, что князь Куракинъ [2]) выбралъ себѣ [3]) въ зятья Зотова, внука шута Петра I. Кажется, онъ сдѣлалъ этотъ выборъ для того, чтобы склонить своего брата посла къ знакомству съ зятемъ, чего тотъ ни за что не хотѣлъ.

Утверждаютъ, что императрица-мать не побываетъ уже болѣе въ Твери, такъ какъ на поклонъ къ ней туда не явился никто изъ Москвичей. Нужды нѣтъ, что, подражая Государю и особенно его значенію, она написала тамошнему губернатору фельдмаршалу Гудовичу, что сожалѣетъ о невозможности побывать безъ Государя въ Москвѣ, хотя и находится по близости отъ нея. Доподлинно извѣстно, что она осталась весьма недовольна. Это приписываютъ благоразумію фельдмаршала Гудовича, а также недовольству старыхъ вельможъ, которые явно и безъ всякой пощады не одобряютъ брака великой княгини Екатерины; кажется, забыли отпраздновать его, но за то помнятъ, что императоръ Наполеонъ женится на эрцгерцогинѣ Луизѣ.

---

[1]) Любопытно замѣтить, что въ тогдашнемъ камерфурьерскомъ журналѣ Елисавета Алексѣевна очень часто именуется не императрицею, а только супругою Императора.

[2]) Князь Алексѣй Борисовичъ, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ.

[3]) Для поѣздки въ Парижъ съ поздравленіемъ къ Наполеону?

Библиотека "Руниверс"

Графъ Петръ Разумовскій*) поселяется въ Парижѣ, чтобы остаться во Франціи.

Въ обществѣ потѣшаются надъ этикетомъ Тверскаго двора: лица, отъѣзжающія въ Москву или пріѣзжающія оттуда, и даже только приглашаемыя къ обѣду или ужину, должны испросить и получить по формѣ двѣ аудіенціи, одну для представленія, а другую, чтобы откланяться.

Нарышкинъ уѣхалъ въ тотъ же день, какъ узналъ о назначеніи князя Куракина. Онъ поѣхалъ въ Москву, какъ говорятъ, съ горя, что не получилъ этого назначенія, котораго желалъ; его братъ оберъ-егермейстеръ имѣлъ также виды.

Въ Петербургѣ говорятъ о войнѣ, о движеніи Французскихъ войскъ; говорятъ, что два отряда готовы двинуться къ Одеру и ко вступленію въ великое герцогство Варшавское. Россія, говорятъ, стягиваетъ свои силы между Припетью и Днѣстромъ.

Графъ Алексѣй Разумовскій, братъ бывшаго посла въ Вѣнѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы взять въ управленіе Министерство Народнаго Просвѣщенія. Это одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ вельможъ Россіи, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей. Онъ постоянно занимался ботаникой и земледѣліемъ; у него въ этомъ отношеніи самыя лучшія земли Имперіи и самые лучшіе сады Европы. Онъ братъ графа Петра Разумовскаго, который уѣхалъ въ Парижъ, чтобы поселиться во Франціи.

1-го Іюня 1810 г. Прохаживаются на счетъ оберъ-гофмаршала графа Толстого, который выписалъ на 4000 рублей устрицъ, изъ Ревеля на Датскомъ кораблѣ, но устрицы были настолько испорчены, что дворъ не могъ употребить ни одной, благодаря, говорятъ, мѣрамъ графа Румянцова: онъ даже устрицъ заставляетъ ждать возвращенія ихъ паспорта.

Говорятъ, что Государь уѣзжаетъ 8-го Іюня въ Тверь и пробудетъ въ отсутствіи нѣсколько дней.

Думали, что постановленія приговоровъ новаго Государственнаго Совѣта, которымъ Государь не противорѣчилъ, имѣли силу закона, и какъ удивились, увидя, что на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Государь въ частномъ дѣлѣ молодыхъ братьевъ Булгаковыхъ (за нихъ было 24

*) Женатый на вдовѣ Чарторижской, рожденной Ушаковой, которая была матерью Семена Великаго. Ихъ посѣщалъ нѣкогда въ Парижѣ графъ А. Г. Бобринскій (которому Великій приходился племянникомъ).

Библиотека "Руниверс"

изъ 27) Государь принялъ сторону канцлера, который, какъ и министръ юстиціи, былъ противъ почти единодушнаго рѣшенія, и такимъ образомъ оно было уничтожено. Это явилось неожиданнымъ для всѣхъ. Одни отсюда вывели заключеніе о неограниченномъ довѣріи къ канцлеру, а другіе—желаніе показать, что дѣло Совѣта высказывать свое мнѣніе, но не править. Пренія по этому дѣлу были очень оживленныя; эти молодые люди поддерживались всѣми вліятельными членами и настойчиво рекомендованы и покровительствуемы Нарышкиной, которая, говорятъ, таковымъ исходомъ дѣла получила предостереженіе ни во что не вмѣшиваться.

Эти Булгаковы два побочныхъ сына Булгакова, долго состоявшаго на службѣ и пользовавшагося уваженіемъ со стороны императрицы Екатерины. Своимъ указомъ она дала ему право усыновить сыновей, дать имъ свое имя и завѣщать въ пользу ихъ все имъ благопріобрѣтенное. Онъ умеръ, оставивъ только своеручный проектъ завѣщанія, но безъ подписи и безъ указанія именъ. Двѣ сестры покойнаго, находящіяся въ живыхъ, не потребовали благопріобрѣтеннаго, зная его намѣреніе касательно этихъ молодыхъ людей; но племянница, дочь умершей сестры [1]), просила судъ высказаться насчетъ законности этого мнимаго дара. Сенатъ посмотрѣлъ на это дѣло, какъ на такое, о которомъ должно судить скорѣе по совѣсти, чѣмъ по законамъ, и препроводилъ его въ Совѣтъ. Большинство хотѣло, чтобы воля покойнаго была фактически признана, а племянницѣ въ ея просьбѣ отказать. Графъ Румянцовъ возсталъ противъ такого мнѣнія Совѣта, который, будучи созданъ вслѣдствіе либеральныхъ идей Государя ради того, чтобы исполнять свой долгъ въ отношеніи дѣлъ, заставилъ-бы чрезъ это замолчать законъ и проявилъ бы, въ юридическомъ отношеніи, свой авторитетъ гораздо болѣе деспотически, чѣмъ тотъ, который могъ-бы проявить царь безъ Совѣта, еслибы онъ пожелалъ использовать свое неограниченное значеніе. Такіе доводы не могли одержать верха въ Совѣтѣ и увлекли Государя и министра юстиціи. Волею Государя дѣло возвращено суду, какъ входящее въ его вѣдѣніе.

По слухамъ, уже произошло столкновеніе Турокъ съ Французами; эти послѣдніе думали врасплохъ напасть на Турецкій городъ и завладѣть имъ, но Французскій отрядъ изъ 350 человѣкъ былъ истребленъ.

7-го Мая 1810 г. Очень одобряютъ князя Куракина [2]), который, говорятъ, удалился съ парада, не будучи въ состояніи ходить вслѣдствіе подагры.

---

[1]) Не сестры, а брата, Петра Ивановича Булгакова.

[2]) Кн. Александра Борисовича Куракина, въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

1-го Іюня 1810 г. Говорятъ, что Государь не сказалъ ни слова барону Строгонову[1]), когда тотъ представлялся ему по возвращеніи своемъ изъ Парижа, обошелъ его даже наградою и явно высказалъ свое неудовольствіе, отчего онъ не захотѣлъ возвратиться въ Испанію. По слухамъ, баронъ не поѣхалъ изъ страха, ибо помнитъ еще событіе 21-го Марта[2]). Онъ приписываетъ всѣ происшествія въ этой странѣ королю Неаполитанскому[3]), говоря, что его дѣйствія направлены были въ дурную сторону. Онъ даетъ много подробностей, касающихся до королевской семьи въ томъ смыслѣ, какъ описывалъ Чевалло.

Разговоры о законѣ противъ роскоши, именно объ отмѣнѣ стариннаго обычая разъѣзжать по городу на шестеркѣ или четверкѣ лошадей.

Нарышкина рѣшительно уѣзжаетъ въ Швейцарію. 27-го она получила отпускъ отъ царской семьи. Замѣчено, что царствующая государыня разговаривала съ нею ласковѣе, чѣмъ съ другими. На прощанье она ей сказала: „желаю вамъ пріятнаго пути“. При этихъ словахъ Нарышкина залилась слезами и зарыдала. Она ѣдетъ въ Вѣну, Карлсбадъ и, можетъ-быть, въ Швейцарію, если позволятъ средства: ибо Государь ничего не даетъ, она же не желаетъ ничего принимать. Ея дѣти будутъ устроены въ Царскомъ Селѣ, гдѣ, по приказанію Государя, для нихъ приготовлено небольшое помѣщеніе въ павильонѣ, отдѣльно отъ дворца.

11-го Іюня 1810 г. Много разговоровъ по поводу нѣсколькихъ безпощадныхъ поступковъ графа Каменскаго въ Валахіи и Молдавіи: по слухамъ, два боярина и нѣсколько Валаховъ повѣшены, а семеро Русскихъ разстрѣляны за лихоимство; говорятъ, будто-бы въ Гирсовѣ разстрѣлянъ одинъ поручикъ за то, что оставилъ свой кавалерійскій отрядъ въ караулѣ передъ лагеремъ. По слухамъ, изданъ имъ приказъ армейскому начальству и мѣстнымъ властямъ, и вслѣдствіе его суровости всѣ находятся подъ тяжелымъ страхомъ. Говорятъ, что войска передвигаются за Дунаемъ. Говорятъ объ удачѣ подъ Силистріей; по слухамъ, громада идетъ на Шумлу, гдѣ еще находится великій визирь.

По слухамъ, Нарышкина за нѣсколько дней до своего отъѣзда помирилась съ Государемъ. Ея дѣти помѣщены въ Царскосельскомъ павильонѣ, нарочно приведенномъ въ порядокъ; ихъ поручили Швейцаркѣ, такъ какъ Государь не пожелалъ оставить ихъ съ Англичанкою.

---

[1]) Баронъ, позднѣе графъ Григорій Александровичъ Строгоновъ.

[2]) Революція: Испанцы изгнали изъ Мадрита ненавистнаго короля Іосифа, брата Наполеонова.

[3]) Мюрату.

Библиотека "Руниверс"

11-го Іюня 1810 г. Говорятъ, что императоръ Александръ уѣхалъ въ Одессу, чтобы самому наблюдать за дѣйствіями своей арміи на Дунаѣ. Тверь только предлогъ.

Говорятъ, что Императоръ поѣхалъ въ Тверь, чтобы развлечься послѣ отъѣзда Нарышкиной, который его дѣйствительно огорчилъ.

1-го Іюля 1810 г. Говорятъ, что императрица Елисавета отправляется 10-го Іюля въ Ревель брать морскія ванны.

Все время отсутствія Императора распространяли и вѣрили слуху о поѣздкѣ его на Дунай.

По слухамъ, Государь ѣздилъ въ Тверь для того, чтобы дать въ его отсутствіе обсудить новую организацію министерствъ, которой, какъ говорятъ, прекословитъ канцлеръ [1]), потому что она возлагаетъ на него торговлю въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Говорятъ, что въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, когда Государь отсутствовалъ, канцлеръ, между прочимъ, высказывался за отмѣну этого проекта.

Говорятъ, что, возвратясь, Государь очень журилъ великаго князя [2]) за то, что онъ поколотилъ гвардейскую охотничью команду, провинившуюся на ученіи.

Говорятъ, что Государь много разсуждалъ объ императорѣ Наполеонѣ, о Франціи, о цѣнности союза съ ними, когда путешествовалъ въ Тверь, даже о благоволеніи его къ Французскому послу, изъ чего заключили, что союзъ такъ задушевенъ, какъ никогда. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе фельдмаршала Гудовича, которое онъ передалъ изъ Твери въ Москву; утверждаютъ, что фельдмаршалъ заявилъ вслухъ, будто-бы Государь болѣе рѣзко, чѣмъ когда-либо, отозвался объ Англіи.

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ толкуютъ о перемѣщеніи Ланского, Московскаго гражданскаго губернатора, на туже должность въ Кіевъ: это тріумфъ фельдмаршала [3]) и такъ наз. Французской партіи.

Говорятъ, что Государь пребывалъ въ Царскомъ Селѣ ради заботъ о послѣдней маленькой дочери его отъ Нарышкиной, 29-го Іюня умершей; Государь, по слухамъ, очень опечаленъ. Общество подчеркиваетъ его привязанность, о которой и не думали. Въ мать бросаютъ камнемъ за то, что уѣхала отъ больной. Говорятъ, что Государь заботился объ этомъ ребенкѣ денно и нощно (ему не было трехъ лѣтъ).

---

[1]) Графъ Ник. Петр. Румянцовъ.

[2]) Константина Павловича.

[3]) Гудовича.

Библиотека "Руниверс"

Домогаются узнать подноготную о сближеніи императора Александра съ государыней. Посвященные въ тайны двора это отрицаютъ, но говорятъ, что все возвѣщаетъ подтвержденіе и что утѣшаютъ обстоятельства, которыя необходимо приведутъ къ сближенію.

Кочубея и Балашова намѣчаютъ въ министры полиціи, каковое министерство, по слухамъ, образуется. Говорятъ, будетъ главноуправляющій таможнями, подчиненный министру финансовъ; намѣчаютъ графа Северина Потоцкаго.

Графъ Кочубей объявилъ, что онъ проведетъ два года у себя въ имѣніяхъ, чтобы поправить дѣла. Говорятъ, что настоящая причина этого намѣренія есть недовольство, которое онъ испытываетъ, не получивъ министерства, но что Императоръ очень высказывается за то, чтобы держать его въ отдаленіи еще нѣкоторое время.

Нѣкоторыя лица свиты императрицы-матери говорятъ о принцѣ Ольденбургскомъ, какъ о кандидатѣ на Шведскій престолъ; но большинство людей служащихъ думаютъ, что это будетъ Датскій король или одинъ изъ князей Мекленбургскихъ. Въ обществѣ громко говорятъ, что Государь не хочетъ вмѣшиваться въ дѣла Шведскія.

Армфельдъ добивается имѣть аудіенцію у Государя, подъ предлогомъ, говорятъ, чтобы передать ему записку о нѣкоторыхъ недостаткахъ управленія въ Финляндіи. Румянцовъ, къ которому онъ обратился, отвѣчалъ ему, что онъ можетъ передать ее ему или Сперанскому; говорятъ, что онъ даже спросилъ его въ концѣ разговора, намѣренъ ли онъ скоро вернуться въ Финляндію или въ Стокгольмъ. Армфельдъ твердо стоитъ за то, чтобъ имѣть аудіенцію. Онъ продолжаетъ получать пенсію въ 5000 рублей, которая была ему назначена во время Екатерины, когда его голова цѣнилась почти на вѣсъ золота герцогомъ Зюдерманландскимъ, и онъ проживалъ въ Калугѣ подъ чужимъ именемъ, пока замышлялось возстаніе.

22-го Іюля 1810. Замѣтили, что великій князь Константинъ присутствовалъ на похоронахъ маленькой Нарышкиной и даже несъ концы покрова; говорятъ, это сдѣлалъ онъ въ качествѣ пріятеля Нарышкиныхъ; по словамъ другихъ, какъ первый куртизанъ въ Имперіи. Въ итогѣ его осуждаютъ.

Смѣются надъ Нарышкинымъ, который въ теченіе всей болѣзни находился въ Царскомъ Селѣ, провелъ тамъ и ночь, когда умерло дитя, и горько плакалъ на похоронахъ.

Библиотека "Руниверс"

По слухамъ Стокгольмская партія [1]) готова предложить Шведскій тронъ принцу Ольденбургскому, супругу великой княгини, при условіи, что Россія возвратитъ Швеціи Финляндію.

Армфельдтъ [2]) представлялся 9-го императрицѣ-матери въ Павловскѣ. Она вела съ нимъ разговоры о разныхъ Стокгольмскихъ событіяхъ. Она сильно упирала на то, что движеніе было демократическое и революціонное. „Вы, должно быть, якобиницы! Еслибы кто-нибудь, интересущій меня, былъ призванъ вами управлять, я бы отговорила его отъ этого“ (будто-бы присовокупила она), „ибо оставаться у васъ не безопасно“.

Говорятъ, что великій князь Константинъ не любитъ графа Каменскаго и выказываетъ дурное расположеніе духа при всякой удачѣ, выпадающей тому.

По слухамъ, нѣкій дворянинъ, старый воинъ, прибывшій по дѣламъ въ столицу, поѣхалъ посмотрѣть Петергофъ и тамъ сѣлъ на садовую скамейку, въ то время какъ великій князь прогуливался съ офицерами; в. князь приказалъ спросить: кто онъ? Не зная его, этотъ человѣкъ довольно грубо отвѣтилъ вопрошавшему его офицеру, почему подступилъ самъ великій князь, разнесъ старика и велѣлъ посадить его на три дня на гауптвахту. По освобожденіи, старикъ взялъ паспортъ и уѣхалъ, проклиная дворъ и великаго князя. Говорятъ, что Государь очень ропталъ.

Говорятъ о беременности императрицы Маріи-Луизы, о многочисленныхъ знакахъ вниманія и заботахъ о ней императора, а также о той любезности, которую его величество, проводивъ императрицу, проявилъ князю Шварценбергу, чтобы утѣшить этого посла, удрученнаго ужаснымъ пожаромъ. Говорятъ, что императоръ оставался тамъ до 5 часовъ утра и посылалъ узнать о здоровьи князя Куракина, которое въ опасности, о чемъ весьма сожалѣютъ. Много разговоровъ объ этомъ прискорбномъ событіи; подробности еще только-что доставлены съ эстафетой графу Румянцову.

По слухамъ, императоръ Александръ нынѣ занятъ госпожею Бахарахтъ, женою купца, которая еще прежде привлекала его вниманіе. Она пріѣхала послѣ двухлѣтняго отсутствія. Она находилась въ Эрфуртѣ, во время встрѣчи, но Государь тамъ не видѣлъ ея.

---

[1]) Дворянство? 1810 г. На эту партію пало подозрѣніе въ убійствѣ избраннаго сеймомъ въ наслѣдники престола принца Христіана Августа Аугустенбургскаго.

[2]) Густавъ Морицъ Армфельдтъ съ 1805 г. ген.-губернаторъ въ Финляндіи. Съ 1811 былъ на Русской службѣ.

Библиотека "Руниверс"

Говорятъ, что два неизвѣстныхъ Француза, рискуя погибнуть сами, спасли изъ пламени князя Куракина. Чернышовъ помогъ принцессѣ Полинѣ и герцогинѣ Фріульской выйти изъ зала уже въ огнѣ, а королева Вестфальская, чтобы спастись, перескочила черезъ загородку съ лѣстницей.

По слухамъ, генералъ Меллеръ-Закомельскій, бывшій въ числѣ плѣнныхъ, а затѣмъ комисаръ по обмѣну ихъ во Франціи, назначается генералъ-адъютантомъ Императора.

4-го Августа 1810. Говорятъ, что Русская армія хорошо снабжена всѣмъ; внутри страны здоровѣе, чѣмъ по берегамъ Дуная, и больныхъ очень мало.

По слухамъ, Рига встрѣтила государыню съ необычайнымъ восторгомъ; народъ выпрягъ лошадей изъ ея кареты и повезъ ее.

Рига устраиваетъ блестящее празднество столѣтней связи ея съ Россіей *). Вотъ девизъ выбитой медали, которая находится подъ бюстами Петра I и Александра:

Ему мы открыли свои двери,
Вамъ открываемъ свои сердца.

Уже нѣсколько дней видятъ Государя постоянно на проѣзжихъ дорогахъ то въ Петергофъ, то въ Павловскъ къ матери, у которой онъ проводилъ сряду 8—10 дней и гдѣ бываетъ отъ двухъ до трехъ разъ въ недѣлю съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселилась великая княгиня: роды ея мѣшаютъ Петергофскому празднику.

По слухамъ Прусская королева въ Стрѣлицѣ и опасно больна.

Графъ Кочубей ѣдетъ на два мѣсяца въ свои помѣстья; онъ беретъ съ собою жену и дѣтей. Нѣкоторые говорятъ, что это видъ немилости.

Старые генералы, прежніе министры, всего-на-всего тѣ, что находились подъ былымъ Англійскимъ вліяніемъ, рѣзко высказываются противъ графа Каменскаго и достаточно явно выказываютъ свою досаду, при извѣстіи объ успѣхѣ. Военный министръ—задушевный другъ графа Каменскаго. Говорятъ, что этотъ послѣдній болѣе чѣмъ лакониченъ въ своихъ донесеніяхъ, такъ что (какъ увѣряютъ) и Государь на это сѣтуетъ. Замѣчательно, что онъ весьма мало испрашиваетъ наградъ для своихъ офицеровъ.

По слухамъ, Государь казался нѣсколько смущеннымъ 18-го Іюля, благодаря курьеру, который, доложивъ объ отбитыхъ двухъ Турецкихъ

*) Рига была взята (1710) Шереметевымъ и по Ништатскому миру утверждена за Россіей.

Библиотека "Руниверс"

вылазкахъ, сообщилъ, что главнокомандующій двинулся 16-го съ дивизіями Эссена и Уварова на Рущукъ, осада котораго ранѣе ввѣрена была генералу Зассу; другой Каменскій [1]) оставленъ съ тремя другими дивизіями подъ Шумлою сдерживать визиря. Говорятъ, что Государь недоволенъ этимъ движеніемъ, задуманнымъ въ цѣляхъ штурма Рущука и разгрома Турецкаго корпуса, который по слухамъ стягивается.

Ропщутъ, особенно великій князь, на графа Каменскаго, отрѣшившаго отъ должности ген.-лейт. Олсуфьева, который на него жаловался. Государь утвердилъ отрѣшеніе. Братъ этого генерала адъютантъ великаго князя.

Говорятъ, что Родофиникинъ [2]) всецѣло принялъ сторону графа Каменскаго, который ни подъ чьимъ вліяніемъ не находится и, вопреки Русскимъ обычаямъ, совѣтуется только съ собою, генераловъ принимаетъ лишь по дѣламъ службы и никогда у нихъ не бываетъ. Говорятъ, онъ очень хладнокровнаго характера, сухой и серьезный, въ особенности малообщителенъ.

Распространяютъ много слуховъ о положеніи князя Куракина: говорятъ, что дошло до необходимости отрѣзать ему руку, но онъ-де отказался отъ операціи. По слухамъ, онъ уже 4-го Іюля объявилъ о передачѣ имъ дѣлъ Нессельроду, такъ какъ состояніе его здоровья не позволяетъ ему заниматься ими.

Армфельдъ отбылъ, не добившись особаго пріема касательно отпуска: онъ представлялся въ Воскресенье въ толпѣ, Государь едва-ли обращался къ нему со словомъ. Онъ велѣлъ графу Толстому исполнить неотложныя просьбы, и тотъ написалъ ему, что Государь не имѣетъ ничего ему сказать, что онъ желаетъ ему добраго пути и что онъ долженъ полагаться на свой интересъ. Армфельдъ добился возстановленія своей пенсіи въ 5000 р., дарованной Екатериною, и трехлѣтней отсрочки для продажи своихъ имѣній въ Финляндіи.

Говорятъ, что Нарышкина, красавица, возвращается въ концѣ Августа.

По слухамъ, адмиралъ Чичаговъ, находясь въ Парижѣ, помѣшался, хлопоталъ о паспортѣ для поѣздки въ Англію, уѣхалъ изъ Парижа, оставивъ тамъ въ безпокойствѣ жену и дѣтей и, остановившись въ безуміи въ Мюнхенѣ, сталъ въ такомъ видѣ разъѣзжать по большимъ дорогамъ.

---

[1]) Графъ Сергѣй Михайл., братъ главнокомандующаго.

[2]) Директоръ Азіатскаго Департамента при Николаѣ Павловичѣ.

Библиотека "Руниверс"

17-го Августа 1810 г. По слухамъ, князь Куракинъ откажется отъ своего министерства, потому что новыя образованія, отдавая ему внутреннюю „коммерцію“, отнимаютъ у него соль и столько другихъ вѣтвей завѣдыванія, что министръ внутреннихъ дѣлъ сводится ни къ чему.

Говорятъ, что только Государь знаетъ заслуги Балашова, новаго министра полиціи, котораго всѣ находятъ звѣремъ. Увѣряютъ, что нѣкто сказалъ Государю, говоря о Балашовѣ: „За нимъ нѣтъ другой заслуги, кромѣ того, что онъ—честный человѣкъ“. Государь отвѣтилъ: „Въ этомъ все, такъ какъ это встрѣчается все рѣже“.

Пріѣхалъ князь Багратіонъ *). Государь не пожелалъ его видѣть.

24-го Сентября 1810 г. Говорятъ, что ген.-ад. Государя князь Трубецкой, находившійся въ Молдавской арміи, отосланъ главнокомандующимъ въ Бухарестъ за то, что позволилъ себѣ нѣсколько неумѣстныхъ выраженій. Добавляютъ, что онъ писалъ къ Балашову добиться у Государя его отозванія, но его величество отвѣтилъ, что ему надлежало за этимъ обратиться къ главнокомандующему, который хорошо-де поступалъ, приказывая разстрѣлять перваго, кто провинится предъ нимъ. Дивятся этому отвѣту.

По слухамъ, царствующая императрица замедлитъ еще тремя днями свое возвращеніе, чтобы избѣжать первую недѣлю послѣ родовъ великой княгини Екатерины, которой она не любитъ, и поѣздокъ въ Павловскъ. Повидимому, она не ожидаетъ также и слишкомъ нѣжнаго пріема со стороны Государя, по слухамъ, очень увлеченнаго дѣвицей Муравьевой, отецъ которой былъ полномочнымъ министромъ въ Испаніи, которая во время войны съ Россіей жила въ Парижѣ и которая воспитывалась подъ руководствомъ матери, также какъ и младшая сестра, выходящая за-мужъ за камеръ-юнкера Ожаровскаго, тоже жившаго въ Парижѣ. Эта дѣвица Муравьева въ настоящее время компаньонка великой княгини Екатерины, разжигающей огонь. Этому обстоятельству приписываютъ частыя поѣздки Государя въ Павловскъ, съ тѣхъ поръ какъ тамъ находится его сестра.

Говорятъ, что великая княгиня такъ свѣдуща какъ никто и что ей болѣе, чѣмъ кому-либо, прискучили требовательность и страсти ея матери. Въ концѣ третьей недѣли послѣ родовъ она переѣдетъ въ городъ и поселится въ Зимнемъ дворцѣ, такъ какъ приготовляемый ей по волѣ Государя домъ не законченъ. Говорятъ, что, спустя пол-

*) Знаменитый князь Петръ Ивановичъ (1765—1812).

Библиотека "Руниверс"

тора мѣсяца, она вернется въ Тверь, предпочитая пребываніе тамъ, гдѣ занимаетъ первенствующее мѣсто.

По слухамъ, въ Турецкую армію проникъ большой раздоръ, графъ Каменскій проявилъ много жестокости, но дѣла отъ этого лучше не идутъ. Говорятъ, что генер.-лейт. Раевскій [1]), не исполнившій приказа, отосланъ въ Яссы.

По слухамъ, князь Куракинъ получилъ ожоги, когда въ качествѣ воспитаннаго человѣка спасалъ дамъ; его-же, съ опасностью для себя, спасли танцоръ оперы и механикъ. Говорятъ, онъ потерялъ тогда алмазовъ на 40000 франковъ.

Обратили вниманіе на то, что впервыя милости, производства и ленты совпали съ днемъ св. Александра Невскаго; прежде, бывало, это относилось ко дню ангела императрицы-матери.

1-го Октября 1810 г. Говорятъ, что избраніе принца Понте-Корво [2]) произвело большое впечатлѣніе въ Москвѣ, но твердость и благоразуміе фельдмаршала Гудовича придали умамъ направленіе угодное правительству.

Фельдмаршалъ Гудовичъ, по слухамъ, не принимаетъ у себя Моркова и Ростопчина.

16-го Ноября 1810 г. На парадѣ 28-го Государь остался не доволенъ выправкою кавалергардскаго полка и отдалъ его подъ надзоръ великаго князя; поэтому, извѣстное число офицеровъ и солдатъ отправлены въ Стрѣльну, на дачу великаго князя, чтобы быть обученными подобно гвардейскому полку, которымъ онъ командуетъ. Между этими двумя полками большое соперничество. Во главѣ кавалергардовъ, гдѣ офицерство принадлежитъ къ первымъ и богатѣйшимъ фамиліямъ въ Имперіи, Уваровъ. Онъ старается быть менѣе придирчивымъ въ мелочахъ, чѣмъ великій князь. Итакъ, слѣдствіемъ этого распоряженія то, что общество принимаетъ живѣйшее участіе въ непріятности кавалергардовъ, которые останутся подъ присмотромъ великаго князя до возвращенія генерала Уварова.

По слухамъ, великій князь отхлесталъ, какъ школьника, молодого прапорщика Перейру, обрусѣвшаго Датчанина, который въ теченіе мѣсяца безъ позволенія отсутствовалъ изъ своего отряда и уже былъ разжалованъ по суду въ солдаты. Онъ помиловалъ его. Въ обществѣ

---

[1]) Николай Николаевичъ (1771—1829), герой Отечественной войны.

[2]) Понте-Корво (Французскій маршалъ Бернадотъ) былъ избранъ наслѣдникомъ Шведскаго престола (1810). На тронѣ это Карлъ XIV Іоаннъ.

Библиотека "Руниверс"

возбужденіе вслѣдствіе такого проявленія суровости, чему дворянство придаетъ особое значеніе, считая, что не можетъ быть самоличныхъ наказаній.

Нарышкину ждутъ къ 15 Ноября. Говорятъ, что она ѣдетъ черезъ Москву, дабы повидаться тамъ съ княземъ Гагаринымъ [1]), своимъ новымъ возлюбленнымъ. Утверждаютъ, что Государь привязанъ къ ней болѣе, чѣмъ когда-нибудь; одинъ онъ не желаетъ видѣть происходящаго и желаетъ ничего не видѣть. Такъ было даже во время любовной связи съ ген.-ад. Ожаровскимъ; говорятъ, что Государь имѣлъ доказательства ея: однажды онъ засталъ Ожаровскаго у нея. Онъ ни слова своему адъютанту, дама-же окончательно убѣдила его, что ничего не было.

Про устраняющія сближеніе съ государыней обстоятельства говорятъ больше, чѣмъ когда-либо; но отношенія все тѣже.

Поѣздка Москвичей въ Тверь много измѣнила точку зрѣнія на великую княгиню Екатерину. Въ характерѣ ея и пріемахъ находятъ слишкомъ много сходства съ великимъ княземъ Константиномъ, чтобы любить ее. На это вообще сѣтованія, и общество недовольное правительствомъ уже нѣсколько времени также противъ нея, какъ было прежде за нее.

Письма изъ Вѣны изображаютъ Шувалова скучающимъ педантомъ, который всѣмъ въ тягость, нисколько не вредитъ, будучи человѣкомъ честнымъ, но не умѣя что-либо устроить. Сенъ-Жюльенъ, по слухамъ, отозвался на его счетъ въ подобныхъ же выраженіяхъ.

По слухамъ, Италинскій [2]) уѣхалъ, такъ какъ онъ увѣренъ въ мирѣ и хочетъ быть на границѣ, чтобы немедленно поѣхать въ Константинополь. По словамъ другихъ, онъ завязываетъ переговоры, такъ какъ у Каменскаго повсюду неудачи,

Ужасный западный вѣтеръ 26-го Октября [3]) подулъ съ такою силою противъ теченія, что Нева вздулась, суда съ фонарями приведены были въ безпорядокъ и бо́льшая часть огней пришла въ негодность. Общество, по обыкновенію, ухватилось за этотъ случай и говоритъ, что императрица-мать принесла несчастье даже фейерверку. Съ нѣкоторыхъ поръ на нее злятся, число приверженцевъ ея убываетъ.

Князь Алексѣй Куракинъ опять не принялся за свою министерскую работу подъ предлогомъ, что его здоровье нуждается въ отдыхѣ:

---

[1]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, впослѣдствіи посланникъ въ Римѣ, Мюнхенѣ, Миланѣ, человѣкъ высоко образованный.

[2]) Андрей Ивановичъ Италинскій.

[3]) По новому стилю день рожденія императрицы-матери.

Библиотека "Руниверс"

работаетъ его товарищъ, какъ и въ отсутствіе его. Говорятъ, будто-бы онъ недоволенъ распредѣленіемъ, сдѣланнымъ въ то время, когда онъ находился въ Парижѣ, и тѣмъ, что утратилъ нѣсколько вѣдомствъ, отошедшихъ къ министерству полиціи. Увѣряютъ, что истинное его горе заключается въ потерѣ прекрасной дачи на такъ называемомъ Аптекарскомъ острову, находящейся въ Ботаническомъ саду, равно какъ госпиталя, отошедшаго къ министру полиціи.

Государь возилъ великую княгиню Екатерину осматривать дворецъ, который онъ приказалъ для нея приготовить и меблировать. Онъ выразилъ желаніе, чтобы она, до отъѣзда въ Тверь, дала тамъ обѣдъ 4-го Ноября.

Красивое зданіе биржи закончено. Государь осматривалъ его съ графомъ Румянцовымъ, къ которому, какъ министру коммерціи, оно перешло въ завѣдываніе. До весны оно не будетъ открыто. Это красивѣйшее изъ Петербургскихъ зданій. Его всѣ хвалятъ. Оно принадлежитъ Французскому архитектору Томону[1]), ученику Персье[2]).

Немало критикуютъ Казанскій соборъ, который также оконченъ и будетъ освященъ тоже весною. Это созданіе одного Русскаго[3]).

Было небольшое броженіе въ одной изъ ротъ 3-го батальона Кексгольмскаго полка, стоящаго въ Петербургѣ. Командиръ этого батальона позволялъ бить своихъ солдатъ чрезмѣрно. Государь узналъ объ этомъ и запретилъ ему. Командиръ продолжалъ; великій князь приказалъ огласить это въ дневномъ приказѣ. Ободренные этимъ солдаты той роты однажды попросили его простить заслуженнаго унтеръ-офицера, котораго этотъ командиръ велѣлъ наказать за отказъ продать старый мундиръ, принадлежавшій унтеръ-офицеру и уже отслужившій свое время; командиръ хотѣлъ, продавъ его въ батальонѣ, купить людямъ пустыхъ прикрасъ, чтобы предстать нарядѣе во время парада. Командиръ настаивалъ; рота взбунтовалась подъ предлогомъ, что нельзя-де бить унтеръ-офицера. Тутъ вмѣшалось начальство; бунтовщиковъ провели сквозь батальонный строй, а командиръ по рѣшенію военнаго совѣта былъ уволенъ отъ службы. Всю вину въ этомъ дѣлѣ возлагаютъ на великаго князя, который могъ, говорятъ, наказать

---

[1]) Состоя на Русской службѣ, Тома де Томонъ (1760—1813) построилъ еще памятникъ Полтавскаго боя и передѣлалъ въ Петербургѣ Большой театръ.

[2]) Карлъ Персье (1764—1838) памятенъ, между прочимъ, какъ основатель стиля ампиръ.

[3]) Знаменитый Андрей Никифор. Воронихинъ (1759—1814), крѣпостной Строгановыхъ. Ему покровительствовалъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, истинный другъ искусствъ.

Библиотека "Руниверс"

командира вмѣсто того, чтобы выставлять его въ приказѣ виновнымъ въ томъ, въ чемъ и самъ бываетъ ежедневно виновенъ. Великій князь вступилъ въ городъ съ непосредственно подчиненными ему конно-гвардейскими полками, гвардейскими драгунами и уланами.

Пріѣздъ Бутягина очень-таки успокоилъ умы. Онъ восхваляетъ Парижъ, манеру, которой тамъ держались Русскіе, въ особенности милости императора къ Чернышову. По слухамъ, онъ намѣренъ жениться въ Парижѣ и остаться тамъ, хотя-бы въ качествѣ причисленнаго къ Россійскому посольству.

Бывшій въ Голландіи князь Долгорукій пріѣхалъ и снова отправляется въ Неаполь, гдѣ, по слухамъ, замѣститъ Алопеуса. Онъ отзывается съ большой похвалой объ императорѣ и о Франціи, о внутреннемъ благосостояніи департаментовъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, о тамошнихъ земледѣліи и промышленности.

Разсказываютъ, что Государь, бывающій иногда у нѣкоторыхъ купеческихъ женъ, сказалъ одной изъ нихъ, Сиверсъ, когда сообщалъ объ избраніи ея мужа однимъ изъ трехъ членовъ въ коммиссію по сбыту грузовъ съ конфискованныхъ судовъ: „Передайте своему мужу, чтобы по совѣсти дѣлали дѣло; ибо, если я окажусь обманутымъ и узнаю объ этомъ, то строго съ него взыщу“. Этой Сиверсъ 40 лѣтъ; она невзрачна, но съ большимъ умомъ и любезная хозяйка.

Въ Петербургѣ находится генералъ Милорадовичъ *), который пріѣхалъ взять отпускъ; говорятъ, онъ явился оправдаться въ хищеніяхъ, въ чемъ его обвиняютъ въ Валахіи.

Чернышовъ мѣтко и правдиво отзывается о людяхъ и вещахъ. Его разспрашиваютъ о томъ, какъ обходились съ нимъ въ Парижѣ. Онъ отвѣчаетъ: императоръ съ чрезмѣрной добротой и даже предпочтеніемъ, всѣ—доброжелательно. По его словамъ, Русскіе могутъ только хвастать, какъ ихъ хорошо приняли. Такъ онъ говоритъ даже въ кругу своихъ. Онъ не вывезъ не единаго пустяка насчетъ Парижа, который-бы далъ возможность думать о немъ, какъ о разсказчикѣ анекдотовъ.

15-го Декабря 1810 г. Говорятъ, что получившій отпускъ генералъ Милорадовичъ оправдался предъ Государемъ въ лихоимствѣ, въ чемъ его обвиняли въ Молдавіи, и просился уйти со службы, отговариваясь разстройствомъ своихъ дѣлъ, принудившихъ его къ отпуску; не будучи въ состояніи добиться этого, несмотря на шесть непрерыв-

*) Графъ Мих. Андр. Милорадовичъ (род. 1771, убитъ 14 Декабря 1825 г. на Сенатской площади).

Библиотека "Руниверс"

ныхъ лѣтъ дѣйствительной службы, онъ-де предпочелъ удалиться со службы, чѣмъ потерять то немногое, что у него оставалось. Онъ вновь принятъ на службу съ трехмѣсячнымъ отпускомъ. Говорятъ, будто-бы онъ замѣнитъ въ Грузіи Тормасова[1]): этотъ послѣдній проситъ объ отозваніи его вслѣдствіе плохого состоянія здоровья.

Демидова вернулась изъ Парижа. По слухамъ, супругъ отправилъ ее за то, что она ухлопала тамъ уйму денегъ и черезчуръ увлекалась драгунами.

Графъ Строгановъ высланъ графомъ Каменскимъ изъ арміи. По слухамъ, онъ велъ журналъ обо всемъ происходившемъ и посылалъ его сюда женѣ. Узнавъ объ этомъ, графъ Каменскій приказалъ перехватить первый нумеръ и отправилъ его Государю. Въ тоже самое время, онъ отдалъ дневной приказъ съ угрозой тѣмъ офицерамъ, которые, вмѣсто подчиненія начальству, станутъ судить его дѣйствія. Смекнувъ, что это по его адресу, графъ Строгановъ сказался больнымъ и удалился въ Бухарестъ, надѣясь, что неудачный штурмъ Рущука и множество жалобъ, въ связи съ происками князя Трубецкаго, заставятъ отозвать графа Каменскаго. Замѣчая о себѣ, что онъ ничего не сдѣлалъ, онъ рѣшилъ присоединиться къ арміи и поѣхалъ въ Разградъ въ авангардъ, но нашелъ тамъ приказъ явиться въ Петербургъ; это удвоило жалобы на главнокомандующаго, но, кажется, онѣ не дѣйствуютъ на Государя.

1811-й годъ.

17-го Января 1811 г. Между гвардейскими офицерами крайнее недовольство великимъ княземъ. Его выказываютъ довольно открыто, но знаютъ государеву слабость къ брату, и это внушаетъ страхъ.

Разсказываютъ достовѣрный случай. У Лессепса[2]) Итальянецъ поваръ, женатый на Француженкѣ. Ихъ полутора-годовалый ребенокъ былъ отданъ на воспитаніе въ небольшую колонію въ Стрѣльнѣ, принадлежащей велнкому князю Константину, который, производя ученье своихъ полковъ, видитъ однажды отца, пришедшаго поглядѣть на сына и глазѣвшаго на военныя упражненія. Наскучивъ присутствіемъ иностранца, великій князь отдаетъ вечеромъ приказъ, что онъ не желаетъ

---

[1]) Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ (1752—1819), боевой генералъ. Съ 1808 главнокомандующій въ Грузіи. Участникъ 1812 года и замѣститель Кутузова въ Декабрѣ этого года, съ 1815 г. ген.-губернаторъ Московскій.

[2]) Баронъ Жанъ Баптистъ де-Лессепсъ, спутникъ кругосвѣтной экспедиціи Лаперуза.

Библиотека "Руниверс"

имѣть дѣтей иностранцевъ въ своемъ селеніи; такимъ образомъ, дитя было передано родителямъ жены, Царскосельскимъ крестьянамъ. Говорятъ, узналъ про это Государь, а, по словамъ другихъ, великому князю сообщили, что это ребенокъ служащаго у Лессепса, и адъютанту отдается приказъ возвратить дитя въ Стрѣльну, гдѣ оно снова и помѣщается. Это маленькое событіе производитъ впечатлѣніе на всѣхъ, кто прозналъ о немъ: говорятъ, будто Государь заставилъ удостовѣриться, возвращено-ли дитя, и великій князь, уходя послѣ того, сказалъ сопровождавшему его коменданту, что Французы не иностранцы въ Россіи.

Въ обществѣ крайнее недовольство Государемъ и канцлеромъ. Говорятъ, что Французскій посолъ-де морочитъ ихъ, усыпилъ ихъ и пріуготовляетъ способы къ наивыгоднѣйшему нападенію на Россію.

Ропщутъ на Государя, который, говорятъ, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ защитѣ, ограничиваясь незначительнымъ рекрутскимъ наборомъ, между тѣмъ какъ Франція набираетъ солдатъ въ великомъ числѣ.

4-го Марта 1811. Князь Куракинъ оставилъ министерство и испросилъ отпускъ съ досады, что нѣкоторыя его вѣдомства отошли къ министерству полиціи. У него уже два мѣсяца подагра, съ возвращенія изъ Парижа. Такъ какъ преобразованіе министерствъ совершилось въ его отсутствіе, то онъ отказался отъ портфеля. Онъ уѣзжаетъ въ свои помѣстья.

Потѣшаются надъ братомъ его, посломъ въ Парижѣ, затворившимся у себя вслѣдствіе того, что банкротство дома Шмидта вызвало протестъ его векселя. Недавно о немъ былъ разговоръ за столомъ у Государя, который смѣялся и шутилъ по поводу того, какъ князь разбиралъ ссоры между Бургуань и Вольней *) изъ-за ролей одинаковаго амплуа, которыя онѣ оспаривали одна у другой, и разбиралъ въ особенности потому, что считалъ своею обязанностью покровительствовать первой, которая говорила, что благодаря ея путешествію въ Россію, ее притѣсняютъ.

Указываютъ, что митрополитъ Амвросій и сенаторъ Ворцель, Полякъ, стараются подѣйствовать на императора Александра въ томъ смыслѣ, чтобы, въ случаѣ войны, онъ провозгласилъ себя королемъ Польскимъ или Литовскимъ. Говорятъ, это и произойдетъ передъ отъѣздомъ въ Вильну.

---

*) Парижскія актрисы, первая изъ которыхъ обратила на себя вниманіе Александра I.

Библиотека "Руниверс"

У царствующей государыни нѣсколько дней болятъ глаза, и она не появлялась ни при дворѣ, ни въ Эрмитажѣ на масленицѣ. По слухамъ, она беременна. Приближенные говорятъ, что нѣтъ и что Нарышкина больше, чѣмъ когда-либо, на умѣ: Государь проводитъ у нея по крайней мѣрѣ по часу каждый вечеръ. Словомъ, ея положеніе лучше прежняго. Возвращеніе изъ Москвы князя Гагарина, на котораго въ обществѣ указываютъ какъ на любовника ея, ничего не измѣнило: обстоятельства, напротивъ того, кажется, еще больше привязали къ ней Государя. Впрочемъ, она все такъ-же ничего не значитъ въ дѣлахъ.

Въ числѣ дѣвицъ, окончившихъ этого года Екатерининскій институтъ, была княжна Гагарина, сестра*) князя Гагарина, о которомъ говорятъ какъ о любовникѣ Нарышкиной, одна изъ самыхъ богатыхъ наслѣдницъ въ Россіи, сирота съ дѣтства; графъ Румянцовъ ея опекунъ. Безъ чьихъ-либо просьбъ Государь пожаловалъ ее во фрейлины въ день ея выхода изъ института и послалъ соотвѣтственную грамоту канцлеру. Эта милость обратила на себя особое вниманіе.

Полиція произвела ночные обыски и захватила бумаги нѣсколькихъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ де-Торси, Француза, состоящаго на Русской службѣ библіотекаремъ. Обыски приписываются молвѣ о томъ, что эти лица состоятъ шпіонами Французскаго посольства. Ни въ бумагахъ ихъ, ни у нихъ ничего не найдено. Послѣ десятидневнаго просмотра бумаги вернули де-Торси съ извиненіями.

21-го Марта 1811. Дмитрій Нарышкинъ возвратился изъ Москвы, гдѣ онъ продалъ плодородную землю, дабы привезти женѣ шалей и жемчугу. Общество отмѣчаетъ эти непрерывныя проявленія вниманія, не смотря на то, что связь съ Государемъ не прекращается.

28-го Марта 1811. Байковъ, проживши нѣсколько времени въ Москвѣ послѣ своего возвращенія изъ Молдавіи, пріѣхалъ въ Петербургъ. Это всегдашній двойникъ Моркова. Онъ больше не у дѣлъ и больше всѣхъ озлобленъ противъ правительства.

Каменскому снова хуже, и онъ такъ слабъ, что уже не вѣрятъ въ возможность его выздоровленія, какъ-бы врачи ни старались.

Кутузовъ уѣхалъ. Говорятъ, онъ почти слѣпой, но рѣшено вести только оборонительную кампанію, вслѣдствіе чего двѣ дивизіи опять переправились черезъ Днѣстръ.

Оказалось достовѣрнымъ, что открытыхъ переговоровъ съ Турками нѣтъ.

---

*) Не родная, а двоюродная. Это позднѣе супруга князя Василія Васильевича Долгорукаго, Варвара Сергѣевна (1793—1833).

Библиотека "Руниверс"

Частное письмо изъ Могилева на Днѣстрѣ сообщаетъ, что три пѣхотныхъ полка, на обратномъ пути въ Подолію, прошли или должны были пройти чрезъ названный городъ.

По слухамъ, Турецкая армія попытается внезапно напасть на Шумлу, для чего все готово съ давнихъ поръ, и ждутъ только прибытія Кутузова, который, безъ сомнѣнія, будетъ слѣдовать планамъ Каменскаго, наиболѣе содѣйствовавшаго ему въ полученіи главнаго командованія.

Потихоньку говорятъ объ отъѣздѣ принца Ольденбургскаго изъ его владѣній; сожалѣютъ по этому поводу; говорятъ, наконецъ, о разныхъ обстоятельствахъ, чтобы доказать, что къ нему не было никакого уваженія и что онъ вынужденъ былъ уѣхать. Говорятъ даже, что другія его владѣнія въ Голштиніи конфискованы. Это крайне оскорбляетъ Русскихъ: чего, говорятъ, ждетъ Государь, чтобы видѣть, что̀ готовятъ и ему? Правительство старается скрывать, извинять дѣло. Состоящіе на службѣ молчатъ и въ обществѣ сторонятся того, кто даетъ понять, что это было предрѣшено. Дѣло уладится, императоръ Наполеонъ удовлетворитъ императора Александра другимъ способомъ, отвѣчаютъ.

Извѣстно, что князю Куракину выраженъ протестъ. Гостиныя не щадятъ его. По слухамъ, Чернышовъ везетъ ему извѣщеніе объ этомъ, по другимъ-же источникамъ, письмо къ императору о дружескомъ удовлетвореніи съ его стороны. Никакимъ видомъ согласія не освятятъ этого расхищенія, какъ его называютъ, но (добавляютъ) не станутъ изъ-за этого и ссориться [1]). Государь и Румянцовъ слишкомъ упорствуютъ въ своей противу-англійской системѣ. Враждебные дома, отъявленные сторонники Англіи, не сомнѣваются на этотъ счетъ. Русская знать и иноземцы, даже купцы, будучи немного въ курсѣ дѣлъ, не сомнѣваются и въявь говорятъ, что, дескать, *надобно, чтобы Французское ядро упало въ Неву, тогда упрямству Государя и глупости канцлера станетъ видно, что спасеніе только въ Англіи.*

Народъ и дѣловые люди, по слухамъ, однажды заявили, что гавани открыты для всѣхъ кораблей безъ исключенія, что изъ Англіи пришло 50 милліоновъ, что существуетъ соглашеніе съ нею и что Турки готовы подписаться подъ ея посредничествомъ о мирѣ и заключить наступательно оборонительный союзъ. На слѣдующій день, Кремеръ [2]), посредникъ съ Англіей, проигралъ свое дѣло въ Государственномъ Со-

[1]) Рѣчь идетъ о захватѣ Наполеономъ Ольденбурга.

[2]) Прежде одинъ изъ богатѣйшихъ Петербургскихъ банкировъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ проигралъ 2-хмилліонную тяжбу съ правительствомъ.

Библиотека "Руниверс"

вѣтѣ; у него конфисковали послѣдній его корабль. Вчера онъ былъ агентомъ, сегодня разоренъ и въ числѣ недовольныхъ. У него нѣтъ больше милліоновъ, онъ проигралъ дѣло и лишился корабля, такъ какъ Государь не простилъ ему его предложеній въ пользу Англіи.

Вотъ еще о чемъ твердятъ въ высшемъ обществѣ. Вчера Государь мирился съ Англіей, большая часть Турецкой арміи возвращалась, такъ какъ война закончилась, въ ходу части Союза [1]), и Французскій корпусъ вступилъ въ Варшавское герцогство; Французскія войска выведены изъ Испаніи, отступивъ частью за Эбро, а частью двинувшись на возстановленіе Польши. Сегодня—все наоборотъ. Все улаживается, говорятъ; князь Репнинъ, другъ военнаго министра, громко сказалъ кому-то, бесѣдовавшему съ нимъ о движеніи Дунайскихъ дивизій: „Это ложь, онѣ всѣ тамъ. Я выѣзжаю завтра, и мы начнемъ дѣйствія противъ Турокъ тотчасъ, какъ пріѣдетъ Кутузовъ“. Совѣтъ [2]) высказался въ послѣднемъ засѣданіи за конфискацію судовъ подъ секвестръ. Государь отказался принять за принципъ своеволіе: это было-бы, сказалъ онъ, *плащемъ для Англичанъ*. Итакъ, еще идутъ по системѣ Франціи. Таковъ дневной итогъ.

Говорятъ, что Французскій посолъ воспрепятствовалъ правительству принять принципъ своеволія Русскихъ. Такъ какъ Англичане не согласны съ онымъ въ отношеніи Балтійскаго моря, и такъ какъ ни одно нейтральное судно не придетъ безъ залога своей безопасности, то въ этомъ году не быть торговлѣ. Принудятъ Государя измѣнить положеніе вещей, иначе его свергнутъ съ престола.

Говорятъ, что императрица-мать и даже канцлеръ, не знавшій объ этомъ до послѣдней минуты, безплодно уговаривали Государя не ѣздить понапрасну въ Тверь въ такое время, когда могутъ прибыть, можетъ быть, важныя бумаги, требующія немедленнаго разсмотрѣнія; что онъ совершилъ эту поѣздку съ цѣлью отвлечься отъ послѣднихъ Ольденбургскихъ извѣстій, крайне огорчившихъ его, и еще затѣмъ, чтобы избѣжать вопросовъ со стороны окружающихъ, такъ какъ, де, онъ можетъ свободнѣе рѣшить ихъ совмѣстно съ заинтересованными сестрою и зятемъ, чѣмъ съ тѣми изъ Русскихъ, на взглядъ которыхъ оскорблена національная честь. Говорятъ также, будто-бы онъ хотѣлъ избѣжать встрѣчи съ матерью, пріѣхавшей сюда на панихиду наканунѣ кончины императора Павла и съ которою у него было нѣсколь-

[1]) Германскій Союзъ. Это была мечта Пруссіи. Созданіе Наполеономъ Рейнскаго союза (1806) было началомъ Прусскаго разгрома, увѣнчаннаго Тильзитскимъ миромъ.

[2]) Государственный.

Библиотека "Руниверс"

ко рѣзкихъ объясненій по дѣламъ Ольденбурга. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣчаютъ, она совсѣмъ не говоритъ о нихъ, даже среди близкихъ.

По слухамъ, много было происковъ и попытокъ убѣдить Государя устранить князя Куракина. Вотъ его отвѣтъ одному замѣчательному человѣку, какъ этотъ передалъ его лицу, отъ котораго дозналъ и я и которому тотъ преданъ вполнѣ и слѣпо называетъ его своимъ повелителемъ: „Куракинъ глупый старикъ, но императору Наполеону извѣстно, что онъ сторонникъ союза. Всякаго другого на его мѣстѣ онъ будетъ считать явившимся пронырствовать. Какъ мои намѣренія правы, то я предпочитаю глупца, не возбуждающаго сомнѣнія на счетъ ихъ, умному человѣку, который вызывалъ-бы подозрѣнія“. Къ этому мнѣ присовокупили еще будто-бы высказанную мысль: „Если императоръ хочетъ войны, ничто ему въ этомъ не помѣшаетъ; если онъ хочетъ мира, Куракинъ не нарушитъ мира“.

Оскорблены, недовольны положеніемъ Ольденбургскихъ дѣлъ, но скорѣе формою, чѣмъ сущностью; ибо Русскихъ мало безпокоитъ принцъ-отецъ [1]), не болѣе того они любятъ сына [2]) и такъ-же мало его супругу, которая оттолкнула отъ себя умы спѣсью и притязаніями. Умники, старые колпаки, несмотря на раздраженіе вслѣдствіе того, что оскорблено національное самолюбіе, одобряютъ Государя и не то изъ страха, не то разсудочно стоятъ за сохраненіе союза.

По слухамъ, много было предложеній людьми и деньгами, но Государь отвѣчалъ, что не таковы еще обстоятельства, чтобы нужно было употреблять всѣ средства.

Увѣряютъ, что даже своимъ закадычнымъ друзьямъ онъ не выражаетъ ничуть безпокойства по поводу настоящаго кризиса и, кажется, думаетъ, что они сговорятся. По словамъ другихъ, онъ принялъ иное рѣшеніе и, сознавая, что имъ сдѣлано все во избѣжаніе войны, черпаетъ въ этомъ убѣжденіи опредѣленіе, которое даетъ ему силу и надежды на успѣхъ. Говорятъ также, что онъ считаетъ возможнымъ для себя бороться.

Всѣ замѣчаютъ, что въ ходѣ общественныхъ дѣлъ не произошло никакихъ измѣненій, что люди все тѣже, что довѣріе Государя въ этихъ обстоятельствахъ не измѣнилось, вновь никакое вліяніе не возрастаетъ

---

[1]) Петръ Фридрихъ Людвигъ.

[2]) Георгъ Петръ. Онъ впослѣдствіи заслужилъ любовь Россіи: ему обязанъ возникновеніемъ Институтъ инженеровъ путей сообщенія; въ 1812 г. онъ собралъ до 35000 ополченцевъ, что свидѣтельствуетъ о его работоспособности. При немъ улучшены водные пути. Принцъ заболѣлъ и скончался среди трудовъ (1812).

Библиотека "Руниверс"

и что, въ особенности, Государь уже не щадитъ мнѣнія противниковъ системы и столкнулъ даже нѣкоторыхъ изъ ихъ числа, какъ онъ дѣлалъ и прежде.

8-го Апрѣля 1811. Говорятъ, что Государь очень милостиво принялъ въ Твери фельдмаршала Гудовича, Московскаго г. губернатора, и не согласился даже на частную аудіенцію графу Ростопчину, который находился тамъ-же, часто въ Твери бываетъ и въ большомъ почетѣ у великой княгини.

По слухамъ, насколько объ этомъ можно судить изъ его разговора съ графомъ Толстымъ, по возвращеніи изъ Твери, эта поѣздка не произвела на Государя никакого впечатлѣнія; онъ попрежнему сдержанно говоритъ касательно Ольденбургскихъ дѣлъ. Увѣряютъ даже, будто-бы онъ выразился, что многіе подымали о нихъ столько шума въ надеждѣ, что это бросило-бы Россію въ объятія Англіи, но ошиблись.

5-го пріѣхала императрица-мать, чтобы провести по обыкновенію Пасху въ столицѣ. Сюда же ожидается на 4—5 дней великая княгиня Екатерина.

Императору Наполеону, говорятъ, все удается: кто только не сомнѣвался, что императрица родитъ принца? Вотъ хорошій примѣръ для императора Александра: отчего-бы не послѣдовать ему, вмѣсто того, чтобы дурачила его Полька, такъ говорятъ повсюду вслухъ.

Нарышкина довѣрила оставшемуся здѣсь еще на день послѣ отъѣзда Государя Чернышову письмо князю Шварценбергу; сестра ея также поручила ему отвѣтъ этому послу, завязавшему оживленную переписку съ обѣими дамами: не то Чернышовъ направилъ письмо Нарышкиной къ Государю, не то его прочиталъ канцлеръ (это невѣроятно, ибо онъ, хотя и не въ ладахъ со всею этой семьей, все-же чтитъ маленькую повелительницу), не то, наконецъ, Бутягинъ, бывшій у него съ другимъ пріятелемъ Чернышова, распорядился перепиской, когда обращался къ канцлеру за приказаніями; не то (говорю я) Бутягинъ или кто-то другой выкралъ это письмо: но Чернышову пришлось письменно извиняться передъ Нарышкиной, и она мечетъ на него громъ и молнію; нѣтъ гнусности, которую бы она не обозначила во всей наготѣ. Письмо ея сестры онъ послалъ по назначенію.

8-го Мая 1811. По слухамъ, императоръ Александръ объѣдетъ въ Маѣ мѣсяцѣ мѣстности по Западной Двинѣ и Днѣпру. Нарышкина думаетъ поѣхать къ тому времени на морскія ванны въ Одессу или на Кавказскія воды.

Библиотека "Руниверс"

Поѣздка великой княгини Екатерины на Страстной на встрѣчу свекру крайне оскорбила благочестивыхъ людей. Государь съ императрицей-матерью напрасно убѣждали ее, что поѣздка въ такіе дни противна всѣмъ обычаямъ. Она тѣмъ не менѣе поѣхала.

Замѣтили, что 14-го на парадѣ принцъ Ольденбургскій пошелъ навстрѣчу Французскому послу и, какъ прежде, бесѣдовалъ съ нимъ.

Замѣчаютъ, что герцогъ Ольденбургскій *) весьма сдержанъ и остороженъ въ выраженіяхъ по поводу того, что̀ приключилось съ нимъ. Государю, какъ говорятъ, это очень по душѣ. Ему приписываются слова, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россія и не должна бы придавать значенія Ольденбургскимъ дѣламъ и что ей нельзя было приносить въ жертву малому крупныхъ интересовъ. Говорятъ, онъ заявилъ, что не намѣренъ долго оставаться ни здѣсь, ни въ Твери, а желаетъ ѣхать на Югъ Россіи.

*) Герцогъ Петръ Фридрихъ Людвигъ во время Наполеоновскихъ войнъ бѣжалъ изъ Ольденбурга, который и былъ занятъ Французами и Голландцами. Отказъ герцога на уступку Ольденбурга взамѣнъ Эрфурта повлекъ за собою отнятіе герцогства Наполеономъ. Съ 1823 г. онъ опять владѣтельный герцогъ. Ум. въ 1829 г. Былъ женатъ на сестрѣ имп. Маріи Ѳеодоровны, Виртембергской принцессѣ Фредерикѣ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА.

Французское нашествіе на Россію [1]).

Императоръ Александръ былъ застигнутъ въ Вильнѣ среди приготовленій къ оборонѣ, отступилъ съ своей разбросанной арміей и только въ ста миляхъ оттуда могъ собрать ее между Витебскомъ и Смоленскомъ. Увлеченный стремительнымъ отступленіемъ Барклая, Государь укрылся при Дриссѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ, стоившемъ значительныхъ издержекъ, и неудачно выбранномъ; это мѣсто, какъ единственное на всемъ пространствѣ растянутой пограничной линіи, могло только указывать непріятелю цѣль его передвиженій. Александръ же, успокоенный видомъ этого лагеря и Двины, вздохнулъ свободно, перейдя ее, и только тутъ рѣшился принять въ первый разъ Англійскаго посланца [2]): такое придавалъ онъ значеніе оставаться до послѣдней минуты вѣрнымъ своимъ обязательствамъ къ Франціи. Неизвѣстно, было-ли это показное или дѣйствительное доказательство вѣрности; знáемъ только, что въ Парижѣ, послѣ своихъ успѣховъ, Александръ честью завѣрялъ графа Дарю, „что, не смотря на обвиненія Наполеона, это было съ его стороны первымъ нарушеніемъ Тильзитскаго трактата“. Одновременно съ этимъ, онъ не препятствовалъ Барклаю развращать Французскихъ солдатъ и нашихъ союзниковъ предложеніями подкупа, что̀ такъ сильно встревожило Наполеона въ Глубокомъ; попытки эти Французы отвергли съ презрѣніемъ, а Нѣмцы находили несвоевременными.

Наполеонъ не находилъ въ Александрѣ искуснаго полководца, осуждалъ въ немъ пренебреженіе Березиной, этой единственной естественной защитою Литвы, его непонятное отступленіе къ Сѣверу въ то время, какъ остальная его армія бѣжала на Югъ и, наконецъ, его указъ изъ

---

[1]) См. въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года, стр. 476.

[2]) Вильсона? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Дриссы о рекрутскомъ наборѣ, съ назначеніемъ мѣста для сбора новобранцамъ въ нѣсколькихъ городахъ, которые тотчасъ-же были занимаемы Французами. Обратили вниманіе и на то, что онъ уѣхалъ изъ арміи, какъ только она вступала въ бой. Касательно же его мѣропріятій по внутреннему распорядку въ государствѣ, какъ въ старыхъ, такъ и въ недавно присоединенныхъ областяхъ, и его прокламацій къ арміи въ Полоцкѣ и къ своему великому народу въ Москвѣ, всѣ находили ихъ удивительно приноровленными къ мѣсту и къ людямъ. Кажется, дѣйствительно, что въ предпринятыхъ имъ политическихъ мѣрахъ сила духа въ немъ замѣтно возрастала.

Въ той части Литвы, которая была недавно пріобрѣтена Россіею, умышленно или вслѣдствіе быстроты отступленія, пощажено было все, и поля, и дома, и жители; поборовъ никакихъ не сдѣлали; увлекли только за войскомъ самыхъ вліятельныхъ помѣщиковъ, измѣна которыхъ была-бы слишкомъ опаснымъ примѣромъ и только затруднила бы имъ возвращеніе домой. Впрочемъ, ихъ взяли какъ заложниковъ.

Въ Литвѣ-же, болѣе давняго присоединенія, гдѣ мягкое управленіе, искусно раздаваемыя милости и продолжительность привычки заставили забыть о независимости, тамъ увлекли все населеніе со всѣмъ, что̀ оно могло захватить съ собой. Однако не сочли возможнымъ потребовать отъ народа чужой религіи и съ только что нарождающейся любовью къ отечеству сожженія помѣстій. Предписанъ былъ только рекрутскій наборъ по пяти человѣкъ съ пятисотъ душъ.

Но въ коренной Россіи, гдѣ все споспѣшествовало правительству (религія, суевѣріе, невѣжество, любовь къ родинѣ) не только заставляли всѣхъ отступать за войскомъ, но и уничтожали рѣшительно все, что̀ не могло быть захвачено съ собою. Не попавшіе въ рекруты поступали въ ополченіе или въ казаки.

Съ приближеніемъ опасности внутрь Россіи, Москвѣ надлежало явить собою примѣръ. Столица эта, справедливо называемая ея поэтами *Москвой златоглавой*, была обширнымъ и причудливымъ соединеніемъ 295-ти церквей и 1500 господскихъ палатъ, съ ихъ садами и службами. Каменные дома ея и сады, перемѣшанные съ красивыми деревянными и даже съ простыми избами, были разбросаны на нѣсколькихъ квадратныхъ миляхъ холмистой мѣстности и окружали высокій треугольникъ ея крѣпости. Двойная, обширная, въ полмили окружности, ограда этой крѣпости вмѣщала, за одной изъ своихъ стѣнъ, нѣсколько дворцовъ, церквей и неудобныхъ пустырей, а за другой огромный базаръ, городъ купцовъ, складъ сокровищъ, собранныхъ съ четырехъ частей свѣта.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти зданія, палаты и даже лавки были крыты глянцевымъ, выкрашеннымъ въ красное желѣзомъ. Исторію Москвы наглядно изображали ея церкви, каждая съ многоярусной (съ площадками) колокольней, на верху которой золотой шаръ подпираетъ полумѣсяцъ, съ вѣнчающимъ его крестомъ: это, сперва побѣдоносная, потомъ побѣжденная Азія и, наконецъ, полумѣсяцъ Магомета, покоренный крестомъ Іисуса.

Пышный городъ этотъ блестѣлъ въ лучахъ солнца тысячью разнообразныхъ красокъ. При видѣ его, очарованный пришелецъ останавливался какъ бы ослѣпленный; передъ нимъ выступали волшебныя картины Востока, сказками котораго услаждалось его дѣтство. Восторгъ усиливался, когда, вступивъ въ его ограду, получалась возможность знакомиться съ Москвою короче. Въ вельможахъ этого города пришлецъ узналъ нравы, обычаи, разнородную рѣчь современной Европы, тонкое изящество ея нарядовъ; въ купцахъ его поражала Азіатская роскошь одежды, а въ простолюдинахъ—восточный покрой платья и долгія бороды. Таже пестрота изумляла и въ зданіяхъ, съ особымъ на всемъ мѣстнымъ отпечаткомъ, подчасъ и грубымъ, какъ и подобало Московіи.

Когда же пришлецъ присматривался къ роскоши и величію стольких дворцовъ, къ богатству ихъ убранствъ, къ пышности экипажей, къ толпѣ холоповъ и подобострастныхъ слугъ, къ блеску великолѣпныхъ зрѣлищъ, къ несмолкавшему шуму пировъ, празднествъ и блестящихъ увеселеній, ему начинало казаться, что онъ перенесенъ въ городъ царей, въ мѣсто свиданія всѣхъ владыкъ, собравшихся здѣсь со всѣхъ частей свѣта, съ своими нравами, обычаями и окруженіемъ.

А между тѣмъ тутъ были только подданные, но подданные богатые, могущественные, вельможи гордые своею родовитостію, сильные своею численностью, единодушіемъ и узами родства, упроченнаго семью вѣками существованія этой столицы. Гордились они и обширностію своихъ имѣній, среди которыхъ пребывали: почти вся Московская губернія принадлежала имъ, со властью въ ней надъ милліономъ покорныхъ рабовъ. Вельможи эти ко всему этому видѣли *въ Москвѣ* опору своему благочестію и своей любви къ отечеству, называя ее колыбелью и могилой отцовъ своихъ.

Именно въ Москвѣ, казалось, надлежало родиться и воспитываться сынамъ самыхъ родовитыхъ семей; изъ нея же слѣдовало имъ выступать на широкое поприще почестей и славы, и въ нее возвращаться, какъ удовлетвореннымъ, такъ и обойденнымъ или постигшимъ суету всего, чтобъ въ ней высказывать свои обиды и сѣтованія. Сюда же несли они пріобрѣтенное уваженіе къ своему имени, чтобъ, пользуясь имъ, дѣйствовать на молодежь и поднять, вдали отъ власти, уже ни-

Библиотека "Руниверс"

чего имъ не сулящей, такъ долго приниженную у трона гордость свою. Здѣсь же, среди своихъ и какъ бы внѣ досягаемости двора, держались и рѣчи болѣе вольныя, что̀ сдѣлалось какъ-бы правомъ Москвичей, которые весьма имъ дорожили. Время освятило его, и цари считались съ нимъ. Москвичи были болѣе гражданами, чѣмъ царедворцами. Поэтому цари ихъ неохотно возвращаются въ это громадное средоточіе торговли и славы, въ городъ вельможъ опальныхъ или пресыщенныхъ, которые ускользаютъ изъ подъ ихъ власти, а ладить съ которыми они вынуждены, во вниманіе къ ихъ возрасту и общественному положенію.

Александра привела въ Москву необходимость. Онъ прибылъ въ нее изъ Полоцка, предшествуемый своими воззваніями и ожидаемый дворянствомъ и купечествомъ. Прежде всего онъ появился къ собравшемуся дворянству. Все было здѣсь величественно: и обстоятельства, и собраніе, и самъ онъ, и вызванныя имъ постановленія. Говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ; не успѣлъ умолкнуть, какъ у всѣхъ одновременно вырвался крикъ: „Государь, требуй всего! Мы все отдаемъ тебѣ! Бери все!“ Тутъ-же однимъ изъ дворянъ было предложено составить ополченіе, давая на это по одному человѣку съ 25-ти. Но сотни голосовъ прервали его, говоря, что отечеству этого мало, что слѣдуетъ дать по одному человѣку съ 10-ти и въ полномъ вооруженіи, обмундированнаго и снабженнаго продовольствіемъ на три мѣсяца. Даръ этотъ доставилъ съ одной Московской губерніи 80 тысячъ человѣкъ и большое количество припасовъ всякаго рода.

Предложеніе это было тутъ же принято, безъ обсужденій и съ восторгомъ, по словамъ нѣкоторыхъ; съ одинаковымъ же восторгомъ оно и выполнялось, пока опасность была на лицо. Другіе же видѣли въ согласіи на такую чрезмѣрную жертву только одну покорность, чувство, заглушающее всѣ прочія, при неограниченной власти.

Говорятъ еще, что при выходѣ изъ этого собранія слышенъ былъ ропотъ среди самыхъ видныхъ дворянъ на такое постановленіе собранія: „Развѣ опасность такъ близка? Развѣ четырехъ-сотъ-тысячная армія, о которой имъ все говорили, не существуетъ болѣе? Зачѣмъ-же брать у нихъ столько крестьянъ? Служба этихъ ополченцевъ, говорятъ имъ, будетъ временная; но можно-ли надѣяться на ихъ возвращеніе, да и не слѣдуетъ-ли скорѣе опасаться онаго? Послѣ неурядицъ военнаго времени останется-ли въ нихъ прежняя покорность? Конечно, нѣтъ! Вернутся они полные новыхъ впечатлѣній и новыхъ мыслей, которыми и заразятъ деревню, распространяя въ ней духъ неповиновенія, что̀ затруднитъ управленіе ими и подорветъ крѣпостное право.“

Библиотека "Руниверс"

Но, какъ-бы то ни было, постановленіе этого собранія было щедрое и вполнѣ достойное такой великой націи. Не въ подробностяхъ дѣло. Давно извѣстно, что онѣ всюду однѣ и тѣже и что все на свѣтѣ теряетъ отъ кропотливаго разбора: о народахъ судятъ по ихъ цѣлому и по тому, что̀ они сдѣлали.

Александръ обратился затѣмъ къ купечеству, но болѣе кратко: имъ прочли воззваніе, въ которомъ Наполеонъ изображался „вѣроломнымъ Молохомъ, съ измѣной въ сердцѣ, а съ вѣрностію на устахъ, шедшій стереть Россію съ лица земли“. Говорятъ, что при этихъ словахъ, ярость воспылала на мужественныхъ лицахъ присутствовавшихъ; долгія бороды придавали имъ одновременно внушительный видъ мужей древности и дикарей. Глаза у нихъ сверкали, судорожное бѣшенство охватило ихъ; кулаки сжимались на вытянутыхъ впередъ рукахъ; они сдерживали свои крики и скрежетали зубами, и все это выражало свирѣпое негодованіе, обуявшее ихъ. Настроенію соотвѣтствовало и дѣло. Голова ихъ, выбираемый ими самими, оказался на высотѣ своего положенія: онъ первымъ подписалъ 50 тысячъ, что̀ составляло $^2/_3$ всего его состоянія, и доставилъ ихъ на другой-же день.

Купцы эти дѣлятся на три гильдіи. Было предложено опредѣлить размѣръ взноса каждой изъ нихъ; но, тутъ, одинъ изъ купцовъ третьей гильдіи заявилъ, что его любовь къ родинѣ не подчиняется никакимъ ограниченіямъ и тотчасъ-же обложилъ себя на много больше, чѣмъ причиталось съ него. Остальные, болѣе или менѣе, послѣдовали его примѣру. Пока они всѣ были въ сборѣ, возбужденные другъ другомъ и словами своего Государя, приняты мѣры, чтобы воспользоваться ихъ первымъ порывомъ, которымъ они и связали себя безповоротно *). Ихъ даръ отечеству достигъ, говорятъ, 2-хъ милліоновъ рублей. Остальныя губерніи откликнулись на народный призывъ Москвы. Государь принялъ все жертвуемое, но не все могло быть тотчасъ-же собрано; и, когда для завершенія дѣла, онъ потребовалъ недоданное изъ обѣщанной помощи, пришлось прибѣгнуть къ принужденію, такъ какъ опасность, подчинившая однихъ и возбудившая другихъ, была уже далека.

Тѣмъ временемъ Смоленскъ былъ взятъ. Наполеонъ находился близъ Вязьмы, а Москва очутилась въ смятеніи. Большое сраженіе еще не было проиграно, а многіе начинали уже покидать столицу.

---

*) По преданію, сообщенному мнѣ С. А. Соболевскимъ, графъ Ростопчинъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ купцовъ и, указывая имъ на запряженныя у него на дворѣ тройки, объяснилъ, что если они подпишутъ мало, ждетъ ихъ немедленное отправленіе въ Сибирь. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ-губернаторъ, графъ Ростопчинъ, говорилъ въ своихъ воззваніяхъ, что женщинъ онъ не удерживаетъ, что чѣмъ меньше будетъ страха, тѣмъ меньше будетъ и опасности: но что ихъ братья и мужья должны остаться, иначе покроютъ себя позоромъ. Затѣмъ онъ давалъ успокоивающія подробности, относительно непріятельскихъ силъ: „всего-то ихъ полтораста тысячъ, вынужденныхъ питаться лошадинымъ мясомъ!“ Далѣе Ростопчинъ объявлялъ, что „императоръ Александръ вскорѣ вернется въ свою вѣрную столицу, что 83 тысячи рекрутовъ и ополченцовъ съ 80-ью пушками шли къ Бородину, на присоединеніе къ Кутузову“. Заключилъ онъ воззваніе словами: „а если этихъ силъ будетъ мало, тогда ужъ я скажу: ну, друзья мои, Москвичи, пойдемъ и мы! И выведемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ икону Пресвятой Дѣвы, да полтораста пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ“.

Замѣчено было, что, по совершенно мѣстной особенности, большая часть этихъ воззваній была написана библейскимъ слогомъ и риѳмованной прозой.

Въ это-же время, по приказанію Александра, близъ самого города, Нѣмецъ—мастеръ наблюдалъ за сооруженіемъ чудовищнаго шара. Его предназначали, первымъ дѣломъ, для поднятія надъ Французской арміей, гдѣ, намѣтивши ея главу, онъ долженъ былъ уничтожить его цѣлымъ дождемъ огня и желѣза. Всѣ сдѣланныя пробы не удались, такъ какъ пружины крыльевъ у аеростата не переставали ломаться. Но Ростопчинъ, подъ видомъ продолженія опытовъ съ этимъ шаромъ, велѣлъ, говорятъ, изготовить множество ракетъ и зажигательныхъ снарядовъ. Главной же адской машиной должна была сдѣлаться сама Москва, ночной и внезапный взрывъ которой уничтожилъ бы и Наполеона, и всю его армію. Если ему и удалось бы избѣгнуть этой опасности, то все-же непріятелю не найти нигдѣ ни крова, ни средствъ. Ужасъ отъ такого бѣдствія, которое съумѣли бы приписать врагу, по примѣру Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и Гжатска, поднялъ бы противъ него всю Россію.

Таковъ былъ страшный планъ этого достойнаго потомка одного изъ величайшихъ завоевателей Азіи. Зародился онъ въ немъ легко, и бережно вызрѣвшій, выполненъ безъ колебаній. Мы видѣли впослѣдствіи этого вельможу въ Парижѣ. Это былъ человѣкъ степенный, добрый мужъ и отличный отецъ, ума возвышеннаго и всесторонне развитаго, пріятный въ бесѣдѣ; какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, онъ совмѣщалъ Европейское образованіе нашихъ дней съ доблестью древнихъ временъ. Отнынѣ имя его сдѣлалось достояніемъ исторіи. Впрочемъ, ему принадлежитъ только наибольшая часть славы въ этой

Библиотека "Руниверс"

жертвѣ, принесенной уже въ Смоленскѣ, а имъ завершенной въ Москвѣ. Рѣшимость эта, какъ все великое и цѣльное, достойна удивленія; причина вызвавшая ее достаточно уважительна, и успѣхъ оправдалъ ее. Передъ такимъ неслыханнымъ и изумительнымъ самопожертвованіемъ историкъ вынужденъ остановиться, чтобъ его изслѣдовать во всей его глубинѣ, понять его и изумляться ему.

Какъ извѣстно, гр. Ростопчинъ писалъ, что онъ не причастенъ къ этому великому событію, но мы придерживаемся мнѣнія Русскихъ и Французовъ, свидѣтелей и дѣйствовавшихъ лицъ этой драмы. Всѣ они, безъ исключенія, упорно приписываютъ ему одному и всецѣло честь этой удивительной рѣшимости. Многіе склонны даже думать, что гр. Ростопчинъ, движимый тою-же благородною преданностью, которая отнынѣ безсмертитъ его имя, отказывается теперь отъ увѣковѣченія за нимъ славы такого доблестнаго поступка, чтобы отнести ее во всей полнотѣ народу, среди котораго онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей. Во всей великой Имперіи, на половину почти ниспровергнутой, однимъ только человѣкомъ твердо сознана ея опасность. Онъ ее взвѣсилъ, оцѣнилъ и дерзнулъ, не имѣя, можетъ быть, полномочія, распредѣлить доли тѣхъ крупныхъ жертвъ, которыя общества и частныя лица должны принесть ради этой опасности. Будучи самъ подданнымъ, онъ рѣшаетъ судьбу государства безъ вѣдома своего Государя; онъ, вельможа, не спросясь прочихъ вельможъ, постановляетъ разрушеніе всѣхъ палатъ ихъ. По занимаемому имъ мѣсту, онъ покровитель многочисленнаго населенія, великаго числа богатыхъ торговцевъ и одной изъ первѣйшихъ столицъ Европы, жертвуетъ и этими богатствами, и учрежденіями цѣлаго города. Онъ лично предаетъ огню самый чудный и богатый изъ своихъ дворцовъ и, гордый, удовлетворенный, спокойно остается среди людей, возмущенныхъ и обиженныхъ попраніемъ ихъ правъ.

Что же это была за такая важная и справедливая причина, вселившая въ немъ столь изумительную рѣшимость? Въ обреченіи Москвы на сожженіе главною его цѣлію не было истощить непріятеля голодомъ (не всѣ жизненные припасы были имъ изъ нея вывезены); не думалъ онъ также лишить его этимъ крова, такъ какъ нельзя же было допустить, что изъ 8-ми тысячъ домовъ и церквей, разбросанныхъ на такомъ огромномъ пространствѣ, не уцѣлѣетъ достаточное число для размѣщенія полутораста тысячъ человѣкъ. Онъ сознавалъ хорошо, что сожженіемъ Москвы онъ нарушаетъ, въ самомъ главномъ, предполагаемое у Александра намѣреніе завлечь и удержать Наполеона до зимы, застигнутый которою онъ, беззащитный, очутился-бы во власти всего

Библиотека "Руниверс"

поднявшагося народа. Вѣдь, пожаръ этотъ, конечно, открылъ бы Наполеону глаза и отвратилъ бы его отъ цѣли, заставивъ отказаться отъ нея, пока еще было время, и вернуться на зимнія квартиры въ Литву, каковое рѣшеніе угрожало бы Россіи новымъ, еще болѣе грознымъ, походомъ. Но въ это критическое время Ростопчинъ болѣе всего предвидѣлъ двѣ опасности: первая угрожала народной гордости постыднымъ миромъ, заключеннымъ въ Москвѣ и исторгнутымъ у Государя; вторая была грознѣе войны, такъ какъ тутъ онъ больше опасался обольщеній врага, чѣмъ его оружія и революціи больше, чѣмъ побѣды. Ростопчинъ, не желая никакихъ условій, опасался, чтобы Наполеонъ не прибѣгъ въ этой многолюдной столицѣ (самими Русскими признаваемой оракуломъ и примѣромъ всей страны) къ революціи, какъ къ единственному оставшемуся ему, для завершенія дѣла, средству. Въ виду этого, онъ и рѣшился воздвигнуть огненную преграду между великимъ полководцемъ и слабостью (откуда бы она ни шла, отъ царя-ли, равно какъ отъ своихъ дворянъ или сенаторовъ) и особенно между закрѣпощенными рабами и солдатами свободнаго и имѣющаго право собственности народа; главнымъ же образомъ между этими послѣдними и массою ремесленниковъ и мѣщанъ, этого ядра нарождающагося въ Москвѣ промежуточнаго сословія, для котораго собственно и произошла Французская революція.

Всѣ приготовленія сдѣланы втайнѣ отъ народа, собственниковъ всякаго рода, а можетъ, и безъ вѣдома Государя. Народъ не зналъ, что принесетъ въ жертву самаго себя. Это настолько вѣрно, что когда наступила минута выполненія, мы слышали, какъ проклинали это разрушеніе укрывшіеся въ церквахъ люди. Видѣвшіе его въ отдаленіи, самые богатые господа, одинаково обманутые какъ мужики, обвиняли насъ въ немъ; а устроители этого разоренія приписали его намъ, съ цѣлію сдѣлать насъ ненавистными для Русскихъ и мало безпокоясь о несчастныхъ, лишь бы ихъ проклятія сыпались на насъ.

Молчаніе Александра оставляетъ подъ сомнѣніемъ, одобрилъ-ли онъ или осудилъ эту великую жертву. Участіе его въ ней пока остается еще тайною для Русскихъ: они или не знаютъ этого или замалчиваютъ: таковы послѣдствія деспотизма, требующаго молчанія или невѣдѣнія.

Нѣкоторые полагаютъ, что кромѣ самого Государя никто въ государствѣ не дерзнулъ-бы взять на себя такую страшную отвѣтственность. Впослѣдствіи Александръ, отрицая свое участіе, не порицалъ, однако, эту жертву. Многіе объясняютъ его тогдашній отъѣздъ изъ

Библиотека "Руниверс"

арміи нежеланіемъ оставаться свидѣтелемъ того, что онъ не хотѣлъ ни дозволить, ни запретить.

Что же касается до общаго оставленія жилищъ, начиная съ Смоленска, оно было вынужденное, такъ какъ Русскіе солдаты, отстаивая ихъ, заставляли насъ брать ихъ съ боя и выставляли насъ извергами, разрушителями. Для живущихъ при большихъ дорогахъ это выселеніе не было тяжелымъ. Они уходили, проселками, въ другія деревни своихъ помѣщиковъ, гдѣ имъ и давали пріютъ. Избы же ихъ были срублены изъ бревенъ, съ помощью одного топора; кромѣ стола, скамьи и иконы въ нихъ не было ничего другого, такъ что имъ не трудно было покидать ихъ; тѣмъ болѣе, что они не имѣли права ни владѣть какой либо собственностью, ни распоряжаться собой. Вѣдь помѣщики ихъ позаботятся же о нихъ, какъ о своихъ крѣпостныхъ и главной статьѣ дохода.

Впрочемъ, крестьяне увозили за собой все, въ телѣгахъ своихъ, захватывая орудія и скотину, такъ какъ, безъ посторонней помощи, могли соорудить себѣ жилище, сдѣлать одежду и все остальное. Народъ этотъ не тронутъ еще гражданственностью и не знакомъ съ раздѣленіемъ труда, которымъ усиливаются и совершенствуются торговля и общество.

Но каково было жителямъ городовъ, а въ особенности Москвичамъ покидать свои очаги, со столькими удобствами и дорогими для нихъ привычками, разставаться съ столькими учрежденіями и богатствами всякаго рода! А тѣмъ не менѣе, всеобщее оставленіе Москвы достигнуто было также легко, какъ и ничтожнѣйшей деревушки. Здѣсь, не такъ какъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Мадридѣ, знатнѣйшіе жители не задумались, при нашемъ приближеніи, тотчасъ же удалиться. Оставаться казалось имъ равносильно измѣнѣ. Купцы, ремесленники и простолюдины послѣдовали ихъ примѣру. Понуждать не было надобности: народу достаточно было примѣра дворянства. Самъ по себѣ, онъ не былъ въ состояніи ни размыслить, ни обсудить. Жившіе въ Москвѣ иностранцы могли бы имъ разъяснить многое, но нѣкоторыхъ изъ нихъ выслали, остальные отъ страха хоронились.

Народъ столь обособленный и жителей города, много разъ истребленнаго огнемъ и мечемъ Татаръ, легко было заставить опасаться осквернений, грабежа и разгрома. Отнынѣ, не иначе ожидали врага, нечестиваго и лютаго, какъ чтобы сразиться съ нимъ; тотъ же, кто не въ силахъ былъ сразиться, долженъ былъ избѣгать врага для своего спасенія, какъ въ этомъ, такъ и въ будущемъ мірѣ: честь, покорность, вѣра, страхъ, все побуждало бѣжать и съ собою забирать что

Библиотека "Руниверс"

можно было захватить. За двѣ недѣли до нашествія, вывозъ архивовъ, казначейства и общественной казны, такъ же какъ и выѣздъ дворянъ и именитыхъ купцовъ, съ ихъ сокровищами, все это указало остальнымъ жителямъ, что̀ имъ надлежало дѣлать. Губернаторъ же, въ нетерпѣніи увидѣть городъ очищеннымъ, велѣлъ ежедневно наблюдать за выселяющимися.

3-го Сентября одна Француженка, подвергая себя избіенію разсвирѣпѣвшихъ мужиковъ, отважилась выйти изъ своего убѣжища. Долго бродила она среди широкихъ улицъ, удивляемая ихъ пустотой, какъ вдругъ отдаленный зловѣщій гулъ охватилъ ее ужасомъ. Это было точно погребальное пѣніе надъ городомъ. Остолбенѣлая видитъ она приближеніе громадной толпы полныхъ отчаянія мужчинъ и женщинъ; они уносили свое добро, иконы и тащили за собою дѣтей своихъ. Впереди шли духовныя лица, нагруженныя церковными святынями; скорбнымъ пѣніемъ взывали они къ Богу, а прочіе, рыдая, вторили имъ. Толпа этихъ несчастныхъ, дойдя до заставы города, съ трудомъ рѣшалась идти далѣе: поворачиваясь къ Москвѣ, они точно слали взорами послѣднее прости своему святому городу! Но, мало по малу, грустное пѣніе и рыданія глохли въ загородномъ просторѣ.

Такъ бѣжало, въ одиночку или толпами, населеніе Москвы. На протяженіи 40 миль, всѣ дороги на Казань, Владиміръ и Ярославль были покрыты пѣшими бѣглецами и нѣсколькими сплошными рядами повозокъ всякаго рода. Но еще многіе, до послѣдней минуты, не оставляли города, успокоенные мѣрами Ростопчина, для поддержанія бодрости и порядка.

Этому способствовали еще и назначеніе Кутузова, поднявшее во всѣхъ надежду, ложное извѣстіе о побѣдѣ подъ Бородинымъ и понятное нежеланіе у людей средняго достатка разставаться съ послѣднимъ своимъ достояніемъ, а также и недостаточность средствъ къ передвиженію, не смотря на обиліе ихъ въ Россіи, причиной чему могъ одинаково быть усиленный спросъ ихъ для арміи или дѣйствительный въ нихъ недостатокъ, такъ какъ требовались только легкіе экипажи для песчанаго грунта дорогъ, болѣе намѣченныхъ, чѣмъ проложенныхъ.

Тогда именно Кутузовъ объявляетъ всюду, что онъ одержалъ побѣду подъ Бородинымъ. Онъ обманываетъ этимъ Петербургъ, Москву и даже командующихъ остальными Русскими войсками. Александръ сообщилъ объ этомъ успѣхѣ своимъ союзникамъ. Въ первыхъ восторгахъ своей радости онъ спѣшитъ въ храмъ, осыпаетъ почестями и деньгами какъ армію, такъ и семейство Кутузова, устраиваетъ празд-

Библиотека "Руниверс"

нества и, наконецъ, возблагодаривъ Господа, дѣлаетъ его фельдмаршаломъ за это пораженіе.

Большинство Русскихъ утверждаетъ, что ихъ Государь былъ грубо введенъ въ обманъ ложнымъ донесеніемъ. До сихъ поръ доискиваются причины такой дерзости, за которую сперва Кутузова осыпали безмѣрными милостями, имъ и сохраненными, а въ послѣдствіи угрозами, оставшимися безъ выполненія.

Если вѣрить многимъ изъ его соотечественниковъ, его враговъ, быть можетъ, у Кутузова было двѣ причины на это: 1) не расшатать стойкости Александра прискорбнымъ извѣстіемъ о пораженіи, такъ какъ всѣ въ Россіи, но ошибочно, считали Государя слабохарактернымъ, а 2) желаніе, чтобы его эстафета о побѣдѣ попала въ Петербургъ ко дню имянинъ Александра, для полученія себѣ большихъ милостей, раздаваемыхъ обыкновенно въ этотъ день. Но Москва не долго оставалась обманутой. До нея немедленно дошелъ слухъ о гибели половины ея арміи, по этому удивительному свойству страшныхъ ударовъ судьбы одновременно отдаваться на огромное пространство. Тѣмъ не менѣе начальники, которые одни и могли бы говорить, оставались съ прежними угрозами и высокомѣріемъ. Многіе изъ жителей, довѣряя имъ, не покидали города; но съ каждымъ днемъ жестокая тревога все болѣе и болѣе овладѣвала ими. Поперемѣнно предавались они то бѣшенству, то надеждѣ, то удручающему страху.

Въ одинъ изъ этихъ дней, когда имъ оставалась одна надежда на Бога, и они молились въ церквахъ или у себя передъ иконами, вдругъ раздались радостные крики. Всѣ бросились тотчасъ на площади и улицы узнать въ чемъ дѣло. Вездѣ народъ опьяненный радостію взиралъ на крестъ главнаго своего собора. Въ цѣпяхъ, придерживающихъ крестъ, запутался ястребъ и повисъ на нихъ. Обычное суевѣріе этихъ людей, усиленное напряженными ожиданіями, сочло это за вѣрное предзнаменованіе того, что и Наполеона, подобно ястребу, Господь схватитъ и предастъ имъ.

Ростопчинъ пользовался всѣми подобными настроеніями, возбуждая или сдерживая ихъ, по мѣрѣ ихъ пользы или вреда. Онъ показывалъ народу нарочно самыхъ тщедушныхъ плѣнниковъ, чтобы ихъ жалкимъ видомъ придавать храбрости народу. А тѣмъ временемъ онъ вывозилъ изъ Москвы запасы всякаго рода, чтобъ пропитать ими побѣжденныхъ, а побѣдителей изморить голодомъ. Ему и не трудно было это сдѣлать, такъ какъ запасами городъ былъ богатъ только весной и осенью, благодаря воднымъ путямъ, да зимой, санному пути. Не теряя окончательно надежды, онъ поддерживалъ еще порядокъ, столь необходимый при

Библиотека "Руниверс"

такомъ бѣгствѣ, какъ вдругъ показались остатки Бородинскаго разгрома! Видъ длинно растянувшагося обоза съ ранеными, ихъ стоны, ихъ покрытое кровью бѣлье и платье и тутъ же, среди нихъ, одинаково сваленные раненые господа, все это было необычайнымъ страшнымъ зрѣлищемъ для города, давно не знавшаго бѣдствій войны. Полиція удвоила дѣятельность, но страхъ наводимый ею не могъ уже далѣе устоять передъ сильнѣйшимъ страхомъ.

Ростопчинъ снова обращается къ жителямъ, объявляя: „что Москву, до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть на улицахъ драться, что нечего смотрѣть на то, что суды закрыты. Мы и своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся“. Потомъ онъ добавляетъ, что черезъ два дня подастъ сигналъ, совѣтуетъ: „запастись топорами, а всего лучше вилами тройчатками, Французы-де не тяжеле снопа ржанаго. Объ раненыхъ же онъ велитъ служить молебны и святить воду для ихъ скорѣйшаго выздоровленія“. На другой день, онъ объявляетъ: „что идетъ на соединеніе съ Кутузовымъ, чтобъ окончательно уничтожить врага“, послѣ чего: „мы отправимъ къ чорту этихъ гостей, убьемъ ихъ и приложимъ руки, чтобъ обратить этихъ вѣроломныхъ въ прахъ“.

И, дѣйствительно, Кутузовъ не отчаявался въ спасеніи отечества. Использовавъ сперва ополченіе для подвоза снарядовъ и удаленія раненыхъ во время Бородинской битвы, онъ сформировалъ теперь изъ него третью линію своей арміи. Своею стойкостью въ Можайскѣ онъ выигралъ время, чтобъ отступить въ порядкѣ, распредѣливъ раненыхъ, покинувъ безнадежныхъ изъ нихъ, и могъ еще тревожить непріятеля. Затѣмъ, уронъ, нанесенный Мюрату въ Шелковѣ, задержалъ его пылъ и, наконецъ, 13-го Сентября Москва увидѣла бивачные огни своего войска.

Тутъ народная гордость, удачная позиція, прибавленныя укрѣпленія, все давало право думать, что Кутузовъ рѣшилъ спасти столицу или погибнуть съ ней. Однако онъ еще колебался, и, изъ осторожности или по политическому расчету, кончилъ тѣмъ, что предоставилъ Ростопчину дѣйствовать подъ его полной отвѣтственностію. Русская армія, въ настоящемъ своемъ положеніи, въ Филяхъ, передъ Москвою, состояла изъ 91 тыс. человѣкъ; изъ нихъ 6 тыс. казаковъ, 65 тыс. оставшихся отъ 121 тыс. послѣ Бородина и 20 тыс. рекрутовъ, вооруженныхъ на половину ружьями, на половину пиками. Французская армія потеряла 40 тыс. человѣкъ въ Бородинской битвѣ, въ которую она вступила съ 130 тыс. Къ оставшимся 90 тыс. должны были присоединиться сводные полки и дивизіи Лаборда и Пино, такъ что,

Библиотека "Руниверс"

подступая къ Москвѣ, силы ея всетаки состояли изъ 130 тыс. солдатъ. Движеніе ея затруднялось 607 пушками, двумя съ половиною тысячами артиллерійскихъ повозокъ и 5 тыс. обозныхъ; боевыхъ запасовъ у нея было только на одно сраженіе. Кутузовъ, быть можетъ, усчиталъ несоотвѣтствіе своихъ наличныхъ силъ съ нашими. Впрочемъ, здѣсь только мѣсто предположеніямъ, такъ какъ Кутузовъ объяснилъ свое отступленіе чисто-стратегическими причинами. Достовѣрно то, что Кутузовъ обманывалъ Ростопчина до послѣдней минуты; онъ только что клялся ему „своими сѣдинами, что дастъ себя убить съ нимъ, защищая Москву“, и вдругъ Ростопчинъ узнаётъ, что, ночью, въ лагерѣ, въ военномъ совѣтѣ, рѣшено покинуть Москву безъ боя.

При этомъ извѣстіи Ростопчинъ пришелъ въ бѣшенство, но не поколебался пожертвовать собой. Время было дорого: нужно было спѣшить. Остававшіеся еще въ городѣ жители не стоили того, чтобъ скрывать отъ нихъ участь, на которую они обречены, да и нужно было ускорить ихъ бѣгство, чтобъ спасти ихъ. Ночью послали во всѣ дома предупредить о готовящемся пожарѣ. Куда только было можно, подложили ракеты, особенно же подъ желѣзныя крыши торговыхъ рядовъ. Вывозили всѣ пожарныя трубы. Всеобщее отчаяніе дошло до крайнихъ предѣловъ; каждый, согласно своему характеру, или терялся или дѣйствовалъ; больше всего толпились на площадяхъ, разспрашивая другъ друга, ища совѣта. Многіе бродили безъ цѣли, обезумѣвши отъ страха, а другіе отъ состоянія ужаснаго возбужденія. И въ довершеніе всего, армія, послѣдній оплотъ народа, покидаетъ городъ и, проходя черезъ него, увлекаетъ въ своемъ отступленіи еще многочисленный остатокъ его жителей.

Армія вышла Коломенской заставой, сопровождаемая толпой женщинъ, дѣтей и стариковъ. Всѣ поля покрылись ими; бѣжали они во всѣ стороны, по всѣмъ тропамъ, черезъ нивы, со всѣмъ тѣмъ, что̀ имъ попалось подъ руку въ часы бѣгства, не успѣвъ запастись хлѣбомъ. Многіе, за неимѣніемъ лошадей, впрягались сами въ телѣги и тащили въ нихъ маленькихъ дѣтей своихъ, больныхъ женъ и хилыхъ стариковъ, словомъ, все, что̀ у нихъ оставалось самого дорогого. Питались они подаяніями, а лѣса служили имъ убѣжищемъ.

Печальный день этотъ завершился страшнымъ зрѣлищемъ. Ростопчинъ, съ наступленіемъ утра, собралъ всѣхъ, кого онъ успѣлъ задержать и вооружить. Изъ отпертыхъ тюремъ шумно несется грязная отвратительная толпа, съ дикой радостію разсыпаясь по улицамъ. Изъ орды этихъ несчастныхъ выхватываютъ одного Русскаго и одного Француза и тащатъ ихъ къ Ростопчину, который упрекаетъ перваго

Библиотека "Руниверс"

въ предательствѣ. Заподозрили одно время, что не проникъ-ли въ Россію духъ равенства, однако онъ отрицалъ наличность сообщниковъ. Въ послѣднюю минуту, къ нему прибѣжалъ только отецъ его. Ожидали, что онъ будетъ просить помиловать сына, а тотъ требуетъ его смерти. Ростопчинъ разрѣшаетъ отцу благословить сына. „Чтобъ я благословилъ измѣнника!“ восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ, и тутъ же разражается надъ нимъ страшными проклятіями.

За этими словами послѣдовала казнь несчастнаго. Онъ упалъ сраженный первымъ дурно направленнымъ ударомъ сабли, но былъ только раненъ и, кто знаетъ, приходъ Французовъ, можетъ, и спасъ бы его, не замѣть толпа, что онъ еще живъ. Поваливъ рогатки, толпа растерзала его на клочки. Французъ же, обвиненный въ неосторожныхъ поступкахъ, стоялъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха. Ростопчинъ, повернувшись къ нему, сказалъ: „Тебѣ, какъ Французу, и подобало желать ихъ прихода. Ты свободенъ! Иди и скажи своимъ, что у Русскихъ былъ только одинъ предатель и тотъ казненъ!“ Потомъ, обратившись къ остальнымъ острожникамъ, онъ называетъ ихъ дѣтьми Россіи и приказываетъ имъ искупить свои грѣхи, служа отечеству. И тутъ, онъ послѣднимъ оставляетъ несчастный городъ и присоединяется къ арміи.

Съ той поры громадный городъ этотъ не принадлежалъ ни Русскимъ, ни Французамъ, а этой презрѣнной толпѣ, ярость которой направляли нѣсколько полицейскихъ солдатъ и офицеровъ. Каждому опредѣлили его мѣсто, и толпа эта разсыпалась по всѣмъ частямъ Москвы, дабы грабежи, опустошенія и пожаръ вспыхнули вездѣ одновременно.

Въ этотъ самый день, 14-го Сентября, Наполеонъ, убѣдившись, наконецъ, что Кутузовъ не бросится на его правый флангъ, соединился съ своимъ авангардомъ. Онъ сѣлъ на коня въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Москвы. Подвигался онъ медленно, съ предосторожностями, приказывая осматривать встрѣчавшіеся по пути лѣса, овраги, и подниматься на вершины холмовъ, чтобъ узнавать, гдѣ непріятельская армія. Всѣ ожидали здѣсь сраженія: мѣстность къ тому была удобная, и видны были слѣды начатыхъ работъ. Но все было брошено, и мы нигдѣ не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія.

Намъ оставалось пройти послѣднюю передъ Москвою возвышенность „*Поклонную гору*“. Она названа такъ потому, что жители, завидя съ нея свой святой городъ, крестятся на него и поклоняются. Наши развѣдчики не замедлили занять ее. Было два часа дня. Громадный городъ этотъ блестѣлъ на солнцѣ тысячами красокъ; при этомъ див-

Библиотека "Руниверс"

номъ зрѣлищѣ развѣдчики, пораженные удивленіемъ, останавливаются и восклицаютъ: „Москва! Москва!“ Всѣ спѣшатъ къ нимъ, безъ всякаго соблюденія строя, и вся армія съ восторгомъ повторяетъ: „Москва! Москва!“ какъ послѣ долгаго и труднаго плаванія моряки кричатъ: „земля! земля!“

При видѣ этого блестящаго города, этого яркаго соединенія Европы съ Азіей, этого чуднаго мѣста, гдѣ совмѣщались пышность, обычаи и искусства двухъ самыхъ прекрасныхъ частей свѣта, мы остановились, охваченные гордымъ созерцаніемъ. Наступилъ день славы, и какой еще! Онъ сдѣлается самымъ великимъ, самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ всей нашей жизни. Мы чувствовали, что въ этотъ день всѣ наши дѣйствія должны привлекать къ себѣ взоры удивленной вселенной и что каждое изъ нашихъ движеній, до самого малѣйшаго, станетъ историческимъ. Опасности, страданія, все было забыто въ эту минуту. И можно-ли было считать высокою какую-бы то ни было цѣну за счастье имѣть право всю жизнь говорить: „Я былъ съ арміей въ Москвѣ!“ Даже и теперь, товарищи, въ нашемъ приниженіи, начавшемся въ этомъ именно городѣ, развѣ эта мысль благородной гордости недостаточно сильна, чтобъ утѣшить насъ и поднять наши поникшія въ несчастіи головы?

Тутъ быстро подъѣхалъ самъ Наполеонъ. Онъ остановился восхищенный. Радостное восклицаніе вырвалось у него изъ груди. Роптавшіе на него, съ Бородинскаго сраженія, маршалы до сихъ поръ держались отъ него въ сторонѣ, но, при видѣ плѣненной Москвы, при извѣстіи о прибытіи парламентёра, пораженные такимъ успѣхомъ, опьяненные восторгомъ славы, они забыли всѣ свои неудовольствія и у всѣхъ на глазахъ, тутъ же окружали его, поздравляя съ такой удачей и готовые уже истолковать его геніальнымъ проникновеніемъ ту безпечность, которая 7-го числа помѣшала ему довершить свою побѣду.

Но у Наполеона первыя движенія души были кратки. Слишкомъ много тѣснилось въ его головѣ думъ, чтобъ отдаваться долго своимъ чувствамъ. Первымъ его восклицаніемъ было: „Такъ вотъ, наконецъ, эта знаменитая Москва!“ а вторымъ: „Давно пора!“

Глаза его, устремленные на эту столицу, уже выражали только нетерпѣніе: ему вѣдь мнилось, что вся Россія въ ней! Всѣ его надежды на миръ, на заплату военныхъ издержекъ, на безсмертную славу были за стѣнами этого города, и потому-то онъ жадно глядѣлъ, гдѣ его входы и заставы. Когда-же, наконецъ, откроются всѣ ворота? Когда-же увидитъ онъ выходящую оттуда депутацію, покорно отдающую ему во власть свои богатства, свое населеніе. свой сенатъ и

Библиотека "Руниверс"

самыхъ знатныхъ дворянъ своихъ? Тогда эта война, такъ смѣло предпринятая, но оконченная счастливо благодаря именно этой отвагѣ, будетъ почитаться плодомъ высокихъ его соображеній, и его отвага станетъ его величіемъ. Тогда его побѣда подъ Бородинымъ, побѣда далеко неполная, будетъ его самымъ славнымъ воинскимъ подвигомъ, и все, такимъ образомъ, что могло послужить къ его погибели, обратится къ его славѣ. День этотъ долженствовалъ рѣшить, былъ-ли онъ самымъ великимъ человѣкомъ въ мірѣ или только самымъ безумно-смѣлымъ; воздвигъ-ли онъ себѣ алтарь или же вырылъ могилу.

Безпокойство стало однако овладѣвать имъ. Онъ видѣлъ, какъ съ двухъ сторонъ отъ него, принцъ Евгеній и Понятовскій плотно обступали городъ, Мюратъ, впереди его, подходилъ уже съ своими развѣдчиками къ предмѣстью, а депутаціи, между тѣмъ, не было видно; только одинъ изъ офицеровъ Милорадовича пришелъ объявить, что если не дадутъ его арьергарду свободно выйти изъ Москвы, то Милорадовичъ спалитъ ее.

Наполеонъ разрѣшилъ ему свободный выводъ его войска и, на нѣсколько минутъ, передовыя части двухъ армій перемѣшались. Казаки узнали Мюрата. Не вѣдающіе стѣсненій, какъ дѣти степей, они свободно обступили его и, съ пылкостію южанъ, жестами и восклицаніями выражали ему восхищеніе его храбростью и тѣмъ приводили его въ восторгъ. Король беретъ часы у своихъ офицеровъ и раздаетъ ихъ этимъ воинамъ, на половину еще варварамъ. Одинъ изъ казаковъ назвалъ Мюрата своимъ *гетманомъ*. Мюратъ уже готовъ былъ думать, что онъ найдетъ среди нихъ новаго Мазепу, или что онъ самъ имъ сдѣлается: такъ ему показалось, что они передались ему. Эта минута перемирія, при настоящихъ обстоятельствахъ, поддержала надежду Наполеона: настолько ему было нужно обманывать себя чѣмъ либо. Часа два онъ и потѣшился этимъ самообольщеніемъ.

День, между тѣмъ, клонится къ вечеру, а Москва остается мрачной и какъ бы мертвой въ своемъ безмолвіи. Тревога императора усиливается: нетерпѣніе солдатъ становится все труднѣе сдерживать. „Москва пуста!“ слышно отъ нѣсколькихъ проникшихъ въ нее офицеровъ. При этомъ извѣстіи, которое Наполеонъ отвергаетъ съ досадой, онъ спускается съ Поклонной горы, направляется къ Москвѣ рѣкѣ и къ Дорогомиловской заставѣ. Тутъ онъ выжидаетъ снова, но все напрасно. Мюратъ торопитъ его. „Ну чтожъ!“ отвѣчаетъ онъ ему, „вступайте въ городъ, если они этого желаютъ!“ И, все еще надѣясь, онъ приказываетъ соблюдать порядокъ. „Вѣдь, можетъ быть, жители просто

Библиотека "Руниверс"

не знаютъ даже, какъ сдаться; такъ здѣсь все диковинно, мы для нихъ, а они для насъ".

Но тутъ слѣдуетъ одно донесеніе за другимъ, и всѣ тождественны. Роковое извѣстіе подтверждаютъ и нѣкоторые изъ оставшихся въ Москвѣ Французовъ, рѣшившіеся, наконецъ, выйти изъ своихъ убѣжищъ, гдѣ они нѣсколько дней скрывались отъ народной ярости. Императоръ призываетъ Дарю и восклицаетъ: „Слышите-ли, какое невѣроятное извѣстіе? Москва пуста! Проникните въ нее и приведите ко мнѣ бояръ!" Онъ думаетъ, что они не рѣшаются выйти къ нему или по своей непреклонной гордости или отъ охватившаго ихъ ужаса. И вотъ, Наполеонъ, вездѣ доселѣ покорно встрѣчаемый побѣжденными, здѣсь самъ вызываетъ ихъ довѣриться ему и опереждаетъ ихъ мольбы о томъ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, повѣрить, чтобъ столько богатыхъ жилищъ, позолоченыхъ храмовъ, цѣнныхъ всякаго рода складовъ были также легко брошены, какъ тѣ жалкія деревушки, черезъ которыя онъ передъ тѣмъ только что прослѣдовалъ? Дарю, тѣмъ временемъ, возвращается, потерпѣвъ неудачу: ни единый человѣкъ не показывался, ни изъ единой трубы не шло дыму, и въ этомъ громадномъ, съ 300 тысячами жителей, городѣ не слышно даже ни малѣйшаго шума; точно какое-то волшебство сковало ихъ уста и движенія. То было безмолвіе пустыни!

Но такова была увѣренность Наполеона, что онъ продолжалъ и послѣ этого выжидать. Наконецъ, какой-то офицеръ, желая угодить императору или увѣренный, что все, чего онъ желаетъ, должно исполняться, вошелъ въ городъ, захватилъ тамъ пять-шесть праздношатавшихся и, толкая ихъ передъ своею лошадью, привелъ ихъ къ нему, воображая, что доставилъ депутацію. Съ первыхъ же отвѣтовъ этихъ несчастныхъ Наполеонъ понялъ, что захваченные офицеромъ были простые рабочіе поденщики.

Тогда только онъ пересталъ сомнѣваться въ полномъ оставленіи Москвы и потерялъ всѣ надежды, которыя возлагалъ на нее. Онъ пожалъ плечами и, съ видомъ презрѣнія, которымъ онъ подавлялъ все, что̀ шло на перекоръ его желаніямъ, воскликнулъ: „А! Русскіе не знаютъ еще, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе взятіе ихъ первопрестольной столицы".

Уже болѣе часа конница Мюрата, длинной, сжатой колонной, занимала Москву, проникнувъ въ ея еще неповрежденное, но уже мертвое тѣло. Пораженные удивленіемъ при видѣ этой пустынной громады, всадники отвѣчали на величественное безмолвіе этихъ новыхъ

Библиотека "Руниверс"

Өивъ такимъ же торжественнымъ молчаніемъ. Съ тайнымъ трепетомъ они прислушивались къ звуку копытъ своихъ лошадей; другого не слышалось среди безлюдныхъ улицъ города, и это ихъ удивляло. Объ остановкѣ или грабежѣ никто не думалъ, изъ осторожности или же по присущему великимъ націямъ чувству самоуваженія, при вступленіи въ непріятельскія столицы, въ это средоточіе образованности. Они молча присматривались къ этому могущественному городу, которому могли бы удивляться, найдя его и въ странѣ богатой, населенной, а среди этой пустыни еще болѣе достойному ихъ удивленія. Онъ имъ казался богатымъ, яркимъ оазисомъ. Ихъ поразило сначала такое множество богатыхъ дворцовъ; но они замѣтили, что бокъ о бокъ съ ними попадались и простыя избы, что̀ указывало на отсутствіе ступеней между классами народонаселенія и на то, что здѣсь роскошь не была, какъ въ прочихъ мѣстахъ, послѣдствіемъ промышленности, но опередила ее; въ естественномъ же порядкѣ вещей она зарождается ею.

Здѣсь всюду царствовало неравенство, это несчастіе всякаго человѣческаго общества, которое дѣлаетъ однихъ надменными, другихъ приниженными, а всѣхъ вмѣстѣ развращенными. Однако такое великодушное оставленіе города и всего въ немъ показывало, что чрезмѣрная роскошь, пока вся позаимствованная, не развратила мѣстнаго дворянства.

Такъ-то подвигались солдаты Мюрата, волнуемые и удивленіемъ, и жалостію, больше же всего благороднымъ восхищеніемъ. Многіе приводили себѣ на память громкія побѣды, славу о которыхъ сохранила исторія; но дѣлали это не для самонаставленія, а изъ гордыни, считая себя выше всякаго сравненія и затмившими собою всѣхъ великихъ побѣдителей древности. Слава, выше которой одна добродѣтель, приводила ихъ въ восторженное состояніе. Но чувство это смѣнялось подавленностію. Ее порождало или изнуреніе, вслѣдствіе столькихъ пережитыхъ впечатлѣній, или сознаніе нашего одиночества отъ чрезмѣрной высоты, на которую мы поднялись, блуждая по ней въ неизвѣстности и гдѣ, передъ необъятностію и безконечностію, которыя открывались намъ, исчезала наша слабость; извѣстно, что чѣмъ выше подниматься, тѣмъ обширнѣе горизонтъ и тѣмъ виднѣе наше ничтожество.

Вдругъ ружейные выстрѣлы прервали эти размышленія, къ которымъ располагала медленность нашего движенія. Колонна остановилась. Ея послѣдніе ряды были еще за городомъ, центръ тянулся по одной изъ длиннѣйшихъ улицъ, а голова достигала Кремля. Ворота этой крѣпости оказались запертыми. Изъ за стѣнъ ея слышится какой-то дикій ревъ, и нѣсколько вооруженныхъ мужчинъ и женщинъ ужаснаго,

Библиотека "Руниверс"

отвратительнаго вида, показываются на стѣнахъ. Они совершенно пьяны и осыпаютъ насъ страшными проклятіями. Мюратъ предлагаетъ имъ сдаться, но слова его не дѣйствуютъ. Пришлось вышибить ворота пушечными выстрѣлами. Частью силой, частью свободно добрались до этихъ несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ бросился на самого короля и пытался убить одного изъ его офицеровъ; его обезоружили, но онъ снова бросился на свою жертву, каталъ офицера по землѣ, стараясь задушить, а когда его схватили за руки, онъ хотѣлъ загрызть его. Вотъ кто были единственные Москвичи, ожидавшіе насъ. Казалось, намъ оставили ихъ, какъ варварскій и дикій залогъ народной ненависти.

Единодушія однако не было въ этомъ бѣшенствѣ: 500 рекрутовъ, забытыхъ на Кремлевской площади, смотрѣли на эту сцену вполнѣ безстрастно: по первому требованію они разошлись, охрана же настигнутаго нами обоза съ припасами тотчасъ побросала свои ружья. Нѣсколько тысячъ непріятельскихъ дезертировъ и отсталыхъ добровольно сдались нашему авангарду, который предоставилъ слѣдующему за нимъ отряду озаботиться ихъ подобраніемъ и сборомъ; тотъ сдавалъ ихъ въ свою очередь шедшему позади его и такъ далѣе, такъ что они оставались свободны между нами, пока пожаръ и грабежъ не призвали ихъ къ долгу и, соединивъ въ общемъ чувствѣ ненависти, не заставили присоединиться къ Кутузову.

Мюратъ останавливается въ Кремлѣ, только чтобъ разсѣять эту презрѣнную толпу. Пылкій и неутомимый, какимъ былъ въ Италіи и Египтѣ, онъ, который сдѣлалъ 900 миль и далъ 60 сраженій, чтобъ достигнуть Москвы, онъ, не останавливаясь, проходитъ черезъ этотъ чудный городъ и, въ своемъ ожесточенномъ преслѣдованіи Русскаго аріергарда, храбро и безъ колебаній выступаетъ по дорогѣ во Владиміръ и Азію.

Нѣсколько тысячъ казаковъ съ 4 пушками уходили по этому направленію. Тутъ кончалось перемиріе. Мюратъ, уже утомленный этимъ полдневнымъ миромъ, приказываетъ прервать его стрѣльбою изъ карабиновъ. Но солдаты его считали, что война кончена, полагая ея предѣломъ Москву, и аванпосты обѣихъ враждующихъ имперій противились возобновленію враждебныхъ дѣйствій. Мюратъ повторяетъ приказъ. Ему въ отвѣтъ тоже колебаніе. Тогда взбѣшенный Мюратъ беретъ самъ команду, и огонь, который, казалось, угрожалъ Азіи, но которому предстояло потухнуть только на берегахъ Сены, разгарается снова.

Наполеонъ только ночью вступилъ въ Москву. Онъ остановился въ одномъ изъ первыхъ домовъ Дорогомиловскаго предмѣстья. Здѣсь онъ и назначилъ Мортье губернаторомъ города. „Прежде всего, сказалъ

Библиотека "Руниверс"

онъ ему, не допускайте грабежа. Вы отвѣтите мнѣ за это головою. Защищайте Москву противъ всѣхъ".

Печальна была эта ночь: зловѣщія донесенія приходили одно за другимъ. Являлись предупредить о готовящемся пожарѣ, и Французы, жившіе здѣсь, и даже одинъ Русскій полицейскій офицеръ. Послѣдній далъ и всѣ подробности приготовленій къ пожару. Разстроенный Наполеонъ тщетно искалъ хоть краткаго отдыха. Онъ то и дѣло призывалъ къ себѣ, чтобы выслушать повтореніе рокового извѣстія, но продолжалъ еще сомнѣваться въ его вѣроятіи, какъ вдругъ въ 2 часа ночи, онъ узнаётъ, что пожаръ вспыхнулъ.

Горѣла Дума, въ центральной, самой богатой части города. Наполеонъ, немедля, отдаетъ одинъ приказъ за другимъ, и какъ только разсвѣло, летитъ самъ туда, грозя Мортье и молодой гвардіи. Но маршалъ на это указываетъ ему на крытые желѣзомъ дома, плотно заколоченные, безъ всякихъ слѣдовъ взлома или поврежденія, изъ которыхъ тѣмъ не менѣе уже показывается черный дымъ. Весь погруженный въ думы вступаетъ Наполеонъ въ Кремль *). Прежняя надежда воскресаетъ въ немъ при видѣ дворца Рюриковичей и Романовыхъ, выстроеннаго частью въ готическомъ, частью въ новомъ стилѣ, при видѣ креста на колокольнѣ Ивана Великаго и лучшей части города, разстилающейся передъ Кремлемъ и которую, казалось, пощадитъ огонь, пылавшій, пока, въ Китай-городѣ. Эта побѣда льститъ его самолюбію, и слышно, какъ онъ восклицаетъ: „Вотъ я наконецъ и въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ!" И полный гордости онъ съ любопытствомъ осматриваетъ его во всѣхъ подробностяхъ. Однако же онъ требуетъ свѣдѣній на счетъ средствъ имѣющихся въ городѣ, и въ эти краткія минуты, весь охваченный возродившейся надеждой, пишетъ Александру, предлагая миръ и шлетъ къ нему съ своимъ письмомъ Русскаго оберъ-офицера, котораго только что нашли въ главномъ госпиталѣ. Зловѣщее пламя свѣтитъ ему, когда онъ кончалъ письмо и уходилъ отъ него офицеръ, который долженъ былъ донести Александру объ этомъ бѣдствіи. Отвѣтомъ служилъ этотъ самый пожаръ.

Съ наступившимъ утромъ герцогу Тревизскому удалось потушить пожаръ. Поджигатели попрятались; стали даже сомнѣваться въ ихъ существованіи, и когда строгими приказами былъ возстановленъ порядокъ и успокоена тревога, каждый поспѣшилъ занять удобный домъ или дворецъ, думая найти наконецъ покой, заслуженный тяжкими и продолжительными лишеніями.

*) Звонили къ вечернямъ. До того, Наполеонъ останавливался еще на Арбатской площади, куда изъ сосѣдней аптеки вышло привѣтствовать его нѣсколько человѣкъ иностранцевъ. Въ Кремлѣ онъ взбирался на Ивана Великаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Два офицера расположились въ одномъ изъ Кремлевскихъ зданій, откуда имъ открывался видъ на сѣверную и западную части города. Около полуночи ихъ разбудилъ необычайный свѣтъ. Они видятъ, какъ озаренные пламенемъ дворцы пожираются имъ во всей ихъ стройности и изяществѣ и какъ сѣверный вѣтеръ несетъ огонь прямо въ Кремль. Ими овладѣваетъ опасеніе за покоящуюся въ его стѣнахъ лучшую часть арміи и за ея славу. Боятся они и за прилегающіе дома, гдѣ солдаты, люди наши и лошади послѣ насыщенія погрузились, вѣроятно, въ глубокій сонъ. Уже искры и горящія головни достигаютъ Кремлевскихъ крышъ, какъ вдругъ перемѣнившійся вѣтеръ направилъ ихъ на Западъ.

Успокоенный тогда за свой отрядъ войска, одинъ изъ этихъ офицеровъ легъ снова, говоря: „теперь это уже не наше дѣло, пусть дѣйствуютъ другіе!“ Вотъ какая безпечность явилась послѣдствіемъ столькихъ разнородныхъ событій и несчастій и каковъ былъ эгоизмъ, вызванный крайнимъ переутомленіемъ и страданіями, что у каждаго оставалось силъ и чувствъ только для своей собственной службы и для своего самосохраненія.

Однако ихъ вскорѣ разбудилъ яркій огонь съ западной стороны и, увидя, что пожаръ угрожаетъ и отсюда Кремлю, они клянутъ неосторожность и распущенность Французовъ, думая, что они сами его вызвали. Но вѣтеръ три раза переходитъ съ сѣвернаго на западный, и каждый разъ огонь мѣнялъ за нимъ свое направленіе, точно упорствуя въ своемъ мстительномъ, свирѣпомъ желаніи истребить мѣстопребываніе Императора.

Офицерами овладѣваетъ сильное подозрѣніе. Ужъ не понадѣялись-ли Москвичи, зная нашу отчаянную безпечность, сжечь, за одно съ Москвой и нашихъ солдатъ, погруженныхъ виномъ и усталостію въ крѣпкій сонъ? Или, что̀ еще дерзновеннѣе, не думали-ли они погубить и самого Наполеона въ этомъ огнѣ? За погибель его не жалко и столицы! Само небо, можетъ, требовало такой жертвы для ниспосланія побѣды и, наконецъ, такому колоссу и нуженъ такой громадный костеръ.

Было-ли подлинно таково ихъ намѣреніе, неизвѣстно; но только счастливая звѣзда Наполеона помѣшала приведенію его въ исполненіе. Въ Кремлѣ, какъ оказалось, былъ пороховой погребъ, чего мы и не подозрѣвали; а кромѣ того, въ эту самую ночь заснувшій и плохо разставленный караулъ допустилъ цѣлый артилерійскій паркъ расположиться подъ самыми окнами Наполеона.

Это была минута, когда бушующее пламя съ особенной силой неслось на Кремль со всѣхъ сторонъ, отъ крѣпчавшаго вѣтра. Лучшая часть арміи и Императоръ неминуемо погибли бы, попади хоть одна

Библиотека "Руниверс"

изъ летавшихъ надъ нашими головами искръ на какую нибудь изъ фуръ обоза. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ участь всей арміи была такимъ образомъ въ зависимости отъ каждой искры носившейся въ воздухѣ!

Наконецъ разсвѣло; но пасмурное утро, отнявши яркость у страшнаго зрѣлища, только усилило ужасъ. Многіе офицеры укрылись въ залахъ дворца. Туда же пришли и многіе изъ начальниковъ и самъ Мортьѐ, совершенно изнемогшіе отъ полуторасуточной упорной борьбы съ пожаромъ.

Они безмолвствовали, а мы сознавали себя виновными. Большинству казалось, что распущенность и пьянство нашихъ солдатъ вызвали пожаръ, довершаемый бурею. Мы съ какимъ-то отвращеніемъ смотрѣли другъ на друга. Насъ страшилъ крикъ негодованія, который раздается въ Европѣ. Подходили другъ къ другу съ опущенными глазами, смущенные неожиданнымъ бѣдствіемъ, которое омрачало нашу славу, мѣшало намъ воспользоваться нашей побѣдой и угрожало нашему настоящему существованію, какъ и будущему: развѣ мы не подлежали суду Божескому и всего цивилизованнаго міра, обративши нашу армію въ толпу преступниковъ?

Только горячее желаніе узнать какія нибудь новыя подробности и отвлекало отъ тяжести подобныхъ мыслей и отъ озлобленія противъ поджигателей. По послѣднимъ извѣстіямъ въ этомъ бѣдственномъ пожарѣ начинали уже обвинять однихъ только Русскихъ.

И дѣйствительно, всѣ съѣзжавшіеся съ разныхъ сторонъ офицеры согласно говорили, что въ первую же ночь, съ 14 на 15, огненный шаръ опустился на дворецъ кн. Трубецкого и уничтожилъ его. Это и было сигналомъ. Тотчасъ же была подожжена биржа Русскими полицейскими солдатами съ помощію осмоленныхъ пикъ. То здѣсь, то тамъ взрывались бомбы, предательски положенныя въ печи многихъ домовъ, и многіе военные, стоявшіе около, были ранены ими. Это заставило ихъ искать себѣ убѣжища въ другихъ еще уцѣлѣвшихъ частяхъ города. Но, не доходя еще до необитаемыхъ, плотно заколоченныхъ домовъ, они услышали слабый взрывъ сопровождавшійся небольшимъ дымомъ, за которымъ повалилъ густой, черный, потомъ красноватый, перешедшій окончательно въ огненный, пожиравшій тутъ же своимъ пламенемъ все зданіе.

Офицеры эти видѣли бродившихъ около горѣвшихъ домовъ мужчинъ и женщинъ въ однихъ лохмотьяхъ, съ страшными, свирѣпыми лицами, дополнявшихъ собою эту ужасную картину ада. Опьяненные виномъ и успѣхомъ своихъ преступныхъ поджоговъ, презрѣнные люди

Библиотека "Руниверс"

эти не хотѣли уже болѣе прятаться, а съ торжествомъ ходили по подожженнымъ ими улицамъ. Ихъ хватали на мѣстѣ преступленія, и приходилось отрубать имъ руки, чтобъ отнять факелы, которыми они въ ожесточеніи распространяли пожаръ. Говорили, что эти поджигатели были выпущенные начальствомъ изъ тюремъ преступники, и что съ нихъ сняли оковы, чтобы они сожгли Москву. Такое чрезвычайное и страшное рѣшеніе только и могло, дѣйствительно, быть принято изъ любви къ отчизнѣ и выполнено однимъ преступленіемъ.

Немедленно послѣдовалъ приказъ судить и разстрѣливать на мѣстѣ всѣхъ поджигателей. Армія была поставлена на ноги. Старая гвардія, занимавшая часть Кремля, взялась за оружіе; всѣ дворы были наполнены обозомъ и навьюченными лошадьми. Пораженные усталостію и отчаяніемъ, мы мрачно смотрѣли на гибель такого богатаго мѣста для стоянки нашихъ войскъ. И намъ, хозяевамъ Москвы, приходилось идти ночевать у ея воротъ подъ открытымъ небомъ и безъ жизненныхъ припасовъ!

Въ то время какъ наши солдаты боролись еще съ пожаромъ и армія оспаривала у огня ея жертву, Наполеонъ, сонъ котораго не посмѣли тревожить ночью, проснулся при двойномъ свѣтѣ дня и пламени.

Въ первую минуту гнѣва онъ хотѣлъ повелѣвать стихіей, но, видя невозможность этого, скоро покорился. Нанеся ударъ въ сердце Имперіи и пораженный тѣмъ, что встрѣтилъ въ ней, вмѣсто страха и покорности, совсѣмъ другое чувство, онъ сознаётъ себя побѣжденнымъ и превзойденнымъ въ рѣшимости.

Эта побѣда, для которой онъ пожертвовалъ всѣмъ, обращалась въ какой-то призракъ, за которымъ онъ гнался и, казалось, уже достигалъ, какъ вдругъ онъ видитъ его исчезающимъ въ вихрѣ дыма и огня! Страшное волненіе охватило его тутъ, какъ будто онъ самъ былъ пожираемъ окружавшимъ его пламенемъ. Онъ то и дѣло вскакивалъ, быстро пробѣгалъ по комнатамъ и снова садился, и все обнаруживало въ немъ страшную тревогу. Онъ бросалъ спѣшныя бумаги, за которыя только что было взялся, чтобы подбѣгать къ окнамъ и наблюдать за распространеніемъ пожара. Короткія отрывистыя восклицанія, вырывались изъ его стѣсненной груди: „Какое ужасное зрѣлище! Это они сами поджигаютъ! Столько чертоговъ! Какая удивительная рѣшимость! Что за люди! Это Скиѳы!“

Между Наполеономъ и мѣстомъ, гдѣ горѣло, было пустое мѣсто, за тѣмъ Москва-рѣка и обѣ ея набережныя, но окна, къ которымъ онъ подходилъ, были горячія, и поставленные на крышахъ люди не успѣвали сбрасывать множество падавшихъ на нихъ искръ.

Библиотека "Руниверс"

Въ эту минуту распространился слухъ, что Кремль минированъ. Слышали это отъ Русскихъ, были тому и письменныя подтвержденія. Люди потеряли голову отъ ужаса, а военные безстрастно выжидали приказа императора. Онъ же только улыбкою недовѣрчивости отвѣчаетъ на общую тревогу, продолжаетъ порывисто подходить къ каждому окну и смотритъ, какъ жестокая стихія жадно поглощаетъ его блестящую побѣду, какъ она овладѣваетъ всѣми мостами, проходами, надвигается на крѣпость, охватываетъ все болѣе и болѣе окружающіе ее дома, тѣсня его въ стѣнахъ Кремля.

Мы уже дышали лишь дымомъ и пепломъ. Наступившая ночь только усиливала нашу опасность: благопріятный для Русскихъ вѣтеръ дулъ съ удвоенной силой. Тутъ прибѣжали король Неаполитанскій и принцъ Евгеній и, присоединившись къ принцу Невшательскому, проникли къ императору, стараясь вырвать его изъ этого мѣста отчаянія, моля его на колѣняхъ не медлить ни минуты. Но все было напрасно.

Наполеонъ ставъ, наконецъ, хозяиномъ дворца царей, упорствовалъ уступить эту побѣду даже огню. Вдругъ раздался крикъ, переходившій изъ устъ въ уста: „огонь въ Кремлѣ!“ Крикъ этотъ вырвалъ насъ изъ оцѣпенѣнія, сковавшаго насъ при созерцаніи напиравшаго пожара. Загорѣвшееся зданіе дважды тушили, но башня въ Арсеналѣ еще горѣла. Въ ней схватили и привели къ Наполеону полицейскаго солдата-поджигателя. Наполеонъ приказалъ сейчасъ-же при немъ допросить его. Этотъ Русскій не отвергалъ, что онъ поджегъ по сигналу, данному ему его начальствомъ, выполняя полученный приказъ. Все, значитъ, было обречено на погибель, даже священный, древній Кремль!

Императоръ сдѣлалъ жестъ презрѣнія и досады; несчастнаго вывели на первый дворъ, гдѣ свирѣпые гренадеры закололи его штыками.

Этотъ случай заставилъ Наполеона рѣшиться. Онъ сбѣжалъ по сѣверной лѣстницѣ, извѣстной избіеніемъ стрѣльцовъ, и приказалъ проводить себя за городъ, на Петербургскую дорогу, въ Петровскій императорскій дворецъ.

Но мы были осаждены цѣлымъ моремъ огня, обложившимъ всѣ ворота Кремля и преградившимъ выходъ изъ него тѣмъ, кто пытался пройти черезъ нихъ. Послѣ немалыхъ поисковъ удалось открыть дверцу подземнаго хода, выходившаго на Москву-рѣку. По этому-то узкому проходу Наполеонъ съ своей свитой и гвардія спаслись изъ Кремля. Но что они выиграли въ этомъ? Они только приблизились къ пожару и не могли ни двигаться впередъ, ни стоять на этомъ мѣстѣ. Да и какъ идти черезъ волны этого моря пламени? Улицы исчезали въ обла-

Библиотека "Руниверс"

кахъ дыма и подъ обломками всего горѣвшаго, такъ что даже и тѣ, которые уже знали городъ, не могли узнать, гдѣ они находятся. Между тѣмъ нельзя было медлить. Ярость окружавшаго насъ пламени все возрастала. Только одна узкая, извилистая и вся уже въ огнѣ улица представлялась намъ скорѣе входомъ, чѣмъ выходомъ изъ этого ада.

Императоръ бросился, не колеблясь, въ этотъ опасный проходъ. Онъ шелъ, а кругомъ него раздавался трескъ горѣвшаго дерева, грохотъ рушившихся сводовъ, пылавшихъ балокъ и раскаленныхъ желѣзныхъ крышъ. Путь его затруднялся всевозможными обломками. Пламя, перескакивая черезъ пожираемыя имъ зданія, порывами вѣтра носилось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Жаръ жегъ намъ глаза, а нельзя было не открывать ихъ: опасность была постоянная. Убійственный воздухъ, сверкавшій пепелъ, носившееся пламя захватывали намъ духъ: мы почти задыхались. Намъ жгло руки, которыми мы защищали лицо отъ невыносимаго пепла и стряхивали искры, осыпавшія насъ и тлѣвшія у насъ на платьѣ.

Среди этихъ невыразимыхъ мукъ, когда въ быстротѣ нашего бѣгства было единственное наше спасеніе, проводникъ, ведшій насъ, вдругъ остановился, смущенный и въ недоумѣніи. Тутъ и могла-бы кончиться наша полная злоключеній жизнь, еслибъ императора не узнали нѣсколько солдатъ перваго корпуса, занятые грабежомъ. Они быстро подбѣжали къ нему и вывели его на дымящееся пепелище квартала, еще утромъ выгорѣвшаго.

Здѣсь мы встрѣтили принца Экмюльскаго, раненаго въ битвѣ подъ Москвой. Онъ велѣлъ нести себя снова въ огонь, чтобы вырвать изъ него Наполеона или погибнуть въ немъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ съ восторгомъ бросился въ его объятія. Императоръ обошелся съ нимъ милостиво, но съ спокойствіемъ, никогда не покидавшимъ его въ минуты опасности.

Намъ пришлось, еще прежде чѣмъ выйти изъ этого злосчастнаго мѣста великихъ бѣдствій, обогнать цѣлый обозъ вывозимаго пороха, и это среди такого сильнаго огня. Но эта была наша послѣдняя опасность, и къ ночи мы прибыли въ Петровскій дворецъ.

На другой день, 17 Сентября, Наполеонъ прежде всего обратилъ свои взоры на Москву, надѣясь, что пожаръ уже кончился; но онъ былъ въ полномъ новомъ разгарѣ. Весь городъ казался ему какимъ-то громаднымъ огненнымъ смерчемъ, который, извиваясь, высоко поднимался къ небу и заливалъ его краснымъ заревомъ. Поглощенный этимъ

Библиотека "Руниверс"

мрачнымъ зрѣлищемъ, Наполеонъ долго и угрюмо молчалъ, потомъ произнесъ: „это предзнаменованіе великихъ для насъ несчастій!“

Усилія, сдѣланныя имъ для достиженія Москвы, истощили всѣ его боевыя средства. Москва была предѣломъ его плановъ, цѣлью всѣхъ его надеждъ, и Москва исчезла. На что ему рѣшиться? Вотъ тутъ-то и пришлось ему особенно смутиться, ему столь всегда смѣлому въ своихъ рѣшеніяхъ. Не онъ-ли въ 1805 г. разомъ и окончательно отмѣнилъ высадку, приготовленія къ которой обошлись такъ дорого; а изъ Булонь-сюръ-мера рѣшилъ внезапное нападеніе на Австрійскую армію и ея уничтоженіе, какъ и всѣ переходы Ульмской кампаніи до Мюнхена, совершенно такъ, какъ эти переходы и были выполнены; не онъ-ли тотъ самый, который, въ слѣдующемъ году, диктовалъ, изъ Парижа, съ той же непогрѣшимостію, всѣ движенія своей арміи до Берлина, даже съ назначеніемъ дня своего въѣзда и наименованія губернатора, приготовленнаго уже имъ для этого города? И вотъ онъ, теперь въ свою очередь озадаченный, не знаетъ, что̀ ему предпринять. Онъ, который никогда не сообщалъ самымъ даже приближеннымъ изъ своихъ министровъ о смѣлыхъ своихъ предпріятіяхъ, иначе какъ приказомъ о приведеніи ихъ въ исполненіе, онъ вынужденъ искать ихъ совѣта, испытывать ихъ душевныя и физическія силы.

Но дѣлаетъ онъ это по прежнему, объявляя, что рѣшился идти на Петербургъ. И побѣда эта намѣчена уже на его картахъ, которыя до сихъ поръ всегда оправдывались. Отданъ даже приказъ различнымъ корпусамъ быть на готовѣ. Но рѣшимость эта не настоящая, а только для виду, чтобъ не выдать своего затрудненія или чтобъ отвлечься отъ горя въ потерѣ Москвы. Поэтому Бертье и особенно Бессіеру легко было убѣдить его въ невозможности выполнить такую громадную кампанію по недостатку времени, припасовъ, а также и дорогъ. Въ самое это время онъ узнаётъ, что Кутузовъ, отступившій было на Востокъ, повернулъ внезапно на Югъ и бросился между Москвой и Калугой. Не было-ли это еще лишней побудительной причиной къ оставленію похода на Петербургъ и сугубой, чтобъ направиться на эту разстроенную армію Кутузова, покончить съ ней, и тѣмъ обезпечить нашъ правый флангъ и операціонную линію, овладѣть Калугой и Тулой, житницей и арсеналомъ Россіи и, наконецъ, чтобъ открыть себѣ безопасный, короткій и нетронутый путь къ отступленію на Смоленскъ и Литву?

Кто-то предложилъ возвращаться на Витгенштейна, къ Витебску. Наполеонъ не могъ рѣшить, какое изъ этихъ предложеній лучшее. Ему улыбается одно: овладѣніе Петербургомъ. Всѣ прочіе пути кажутся

Библиотека "Руниверс"

ему ведущими къ отступленію, къ сознанію ошибокъ; гордость и политическія соображенія заставляютъ его отвергнуть все предложенное.

Да и гдѣ бы могъ онъ остановиться, отступая? Онъ такъ разсчитывалъ на миръ въ Москвѣ, что у него не было заготовлено зимнихъ квартиръ въ Литвѣ. Калуга не прельщала его. Зачѣмъ опустошать еще новыя провинціи? Не лучше-ли заставить Русскихъ, въ виду ихъ сохраненія, согласиться заключить миръ? Могъ-ли онъ идти на новыя битвы, на новыя завоеванія, не открывъ операціонную линію, покрытую ранеными, отсталыми, больными и обозами всякаго рода? Москва назначалась мѣстомъ общаго соединенія, и какъ его измѣнить? И какое другое имя можетъ такъ привлечь къ себѣ? И какъ, наконецъ, отказаться отъ надежды, которой онъ принесъ столько жертвъ, когда онъ знаетъ, что его письмо къ Александру перешло Русскіе аванпосты, и достаточно недѣли для полученія столь желаннаго отвѣта и для того, чтобъ этимъ временемъ соединить свою армію, дать ей отдохнуть, подобрать что̀ осталось въ Москвѣ и оторвать солдатъ отъ богатой добычи, которую пожаръ города какъ бы укрѣплялъ за ними.

А между тѣмъ, отъ этой арміи и отъ этой столицы едва-ли уцѣлѣла третья часть. Но онъ и Кремль еще существуютъ; слава его еще не померкла, и онъ увѣренъ, что достаточно соединенія этихъ двухъ великихъ именъ—Наполеонъ и Москва,—чтобы завершить дѣло! И онъ рѣшается вернуться въ Кремль, который, на несчастіе наше, отстоялъ баталіонъ гвардіи.

Лагерь, черезъ который онъ проѣзжалъ, возвращаясь въ Москву, представлялъ самый необычайный видъ. Среди поля горѣли огромные костры съ пылавшими въ нихъ, вмѣсто дровъ, золочеными дверями, окнами и разной мебелью краснаго дерева, и все это въ густой холодной грязи. Вокругъ костровъ, на подстилкѣ изъ мокрой соломы, плохо защищенные нѣсколькими досками, видны были солдаты и офицеры, всѣ забрызганные грязью и черные отъ дыма, кто на креслѣ, кто на шелковой кушеткѣ. Цѣлыя кучи кашемировыхъ шалей, самыхъ дорогихъ мѣховъ и Персидской парчи лежали у нихъ въ ногахъ, а на серебряныхъ блюдахъ имъ приходилось ѣсть только какое-то черное тѣсто испеченное въ золѣ и куски лошадинаго мяса полуизжареннаго и кровянаго. Странное соединеніе изобилія и голода, богатства и грязи, роскоши и нищеты.

Между лагеремъ и городомъ попадалось много солдатъ, тащившихъ свою добычу или гнавшихъ передъ собой, какъ вьючныхъ животныхъ, мужиковъ, согнувшихся подъ тяжестью награбленнаго въ ихъ же столицѣ. Пожаръ открылъ около 20 тысячъ жителей, не замѣ-

Библиотека "Руниверс"

ченныхъ до той поры въ этомъ громадномъ городѣ. Нѣкоторые изъ нихъ купцы, напримѣръ, были хорошо одѣты и ютились около нашихъ костровъ съ остатками своего имущества, бокъ о бокъ съ нашими солдатами. Нѣкоторые изъ нашихъ покровительствовали имъ, другіе только терпѣли ихъ, большинство же и не замѣчало ихъ.

Тоже самое было и относительно непріятельскихъ солдатъ, числомъ приблизительно около 10 тысячъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней они свободно бродили среди насъ, нѣкоторые даже съ оружіемъ. Наши солдаты смотрѣли безъ злобы на этихъ побѣжденныхъ, не думая лишать ихъ свободы, потому-ли, что считали войну оконченной, или же по безпечности и жалости, такъ какъ Французъ видитъ врага только въ битвѣ, на полѣ сраженія. Они не только позволяли имъ грѣться у ихъ костровъ, но не мѣшали имъ ходить съ ними на грабежъ. Когда порядокъ началъ водворяться, или вѣрнѣе когда мародерство обратили въ организованную фуражировку, тогда только обратили вниманіе на этихъ бродягъ. Велѣно было ихъ забрать, но 7 или 8 тысячъ изъ нихъ успѣли скрыться, и намъ скоро пришлось сразиться съ ними.

При въѣздѣ въ Москву, Наполеонъ былъ пораженъ еще болѣе страннымъ зрѣлищемъ. Отъ всего громаднаго города уцѣлѣло лишь нѣсколько домовъ стоявшихъ одиноко среди развалинъ. Запахъ отъ этого разрушеннаго, сожженнаго и обуглившагося колосса былъ убійственный. Кучи золы, части полуразрушенныхъ стѣнъ и столбовъ однѣ только показывали слѣды улицъ. Предмѣстья кишѣли мужчинами и женщинами въ полуобгорѣлыхъ одеждахъ. Они, какъ привидѣнія, блуждали среди этихъ развалинъ, скрывались въ садахъ, выкапывали изъ земли всякія коренья, отнимали у воронъ куски падали, брошенной арміей. Были и такіе между ними, которые входили въ воду, чтобъ извлечь оттуда зерновой хлѣбъ, брошенный въ Москву-рѣку, по приказу Ростопчина. Они тутъ же и пожирали его сырьемъ, почти сгнившимъ и прогоркшимъ. Видъ добычи привелъ въ возбужденіе солдатъ тѣхъ частей войска, гдѣ нужда скрывалась еще сильно, но гдѣ болѣе строгіе офицеры еще держали ихъ въ повиновеніи. Они стали роптать за неразрѣшеніе грабить, за обреченіе ихъ голоду и нуждѣ, когда вокругъ всего было такое обиліе! „Неужели оставлять непріятельскому огню то, что еще можно было спасти? И по чему такъ церемониться съ нимъ? Вѣдь если жители Москвы мало того что покинули ее, но еще захотѣли уничтожить въ ней все, не становилось-ли ихъ законною собственностію то, что имъ удавалось спасти? Какъ оружіе, по праву, становится собственностію побѣдителей, такъ и Москва принадлежала

Библиотека "Руниверс"

имъ, разъ что изъ нея сдѣлали громадное разрушительное орудіе, чтобъ уничтожить насъ!“

Такъ говорили самые честные и выдержанные, и что̀ можно было возразить на ихъ слова? Преувеличенная добросовѣстность мѣшала сперва дать приказъ на грабежъ; теперь-же онъ былъ дозволенъ, но не упорядоченъ. Побуждаемые крайней нуждой всѣ бросились грабить и лучшіе солдаты, и даже офицеры. Начальство вынуждено было смотрѣть на это сквозь пальцы. Осталась только необходимая охрана для знаменъ и ружей.

Императоръ видитъ свою армію разсѣянную по всему городу. Его путь затрудненъ длинной вереницей то идущихъ на грабежъ, то возвращающихся съ добычей, или шумными сборищами солдатъ стоящихъ около входовъ въ подвалы, у дверей палатъ и церквей и силящихся проникнуть туда, пока приближающееся пламя еще не уничтожило ихъ.

Всѣ улицы завалены выброшенной во время пожара мебелью, а также кучами награбленнаго, оставленнаго, вѣроятно, въ виду болѣе богатой добычи. Солдату ни по чемъ начинать снова грабить: онъ безъ разбора хватаетъ все, не соображая, что ему не унести всего, что все равно, выбившись изъ силъ, ему придется разстаться съ большею частію награбленнаго. Наполеонъ съ трудомъ двигается по загроможденнымъ улицамъ. Всѣ площади обратились въ базары, куда каждый несетъ обмѣнить лишнее на необходимое, гдѣ вещи самыя рѣдкія можно было купить за безцѣнокъ, по незнанію въ нихъ толка владѣющими ими, а другія, по блестящему ихъ виду, удавалось продать въ три дорога̀. Золото, какъ болѣе удобоносимое, покупаютъ за серебро съ большею потерею, потому что оно не вмѣстилось бы въ ранцы. Солдаты сидѣли на тюкахъ съ различными товарами, на кучахъ кофе и сахара, около винъ и дорогихъ ликеровъ, которые они охотно промѣняли-бы на хлѣбъ. Многіе изъ нихъ перепились на тощіе желудки и падали близъ огней, тутъ же находя и смерть.

Большая часть домовъ и дворцовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, были заняты начальствующими лицами, и изъ нихъ ничего не тронуто. Всѣ съ горечью смотрѣли на это страшное разрушеніе и на грабежъ, который оно вызвало. Иныхъ изъ достойнѣйшихъ среди насъ обвиняли въ томъ, что они занялись собираніемъ того, что̀ имъ удавалось отнять у пламени. Но число подобныхъ такъ не велико, что ихъ можно перечислить по именамъ. Война была страстью этихъ пылкихъ людей, страстью нераздѣльною съ другими страстями. Брали они не изъ алчности накоплять, а чтобъ сейчасъ же и пользоваться взятымъ и раз-

Библиотека "Руниверс"

давать другимъ, расточая все и полагая, что ими за все заплачено опасностію, которой они подвергались.

Впрочемъ, при настоящихъ обстоятельствахъ трудно было и установить какое нибудь различіе, развѣ только въ побудительныхъ причинахъ: иные брали съ сожалѣніемъ, другіе съ радостію, но всѣ по необходимости. Среди богатствъ, никому уже не принадлежащихъ и все равно уже обреченныхъ на сожженіе и засыпанныхъ пепломъ, мы оказались въ положеніи совсѣмъ новомъ, гдѣ уже не различали добра отъ зла и гдѣ не было никакихъ установленныхъ правилъ. Самые порядочные, по присущему имъ чувству, или потому, что были самыми богатыми, покупали у солдатъ все, что имъ было нужно изъ пищи и одежды; другіе посылали солдатъ на грабежъ для себя; самые же бѣдные шли собственными руками добывать себѣ необходимое.

Что касается солдатъ, то многіе изъ нихъ такъ обременились добычею, что сдѣлались менѣе проворными и беззаботными и, желая сохранить свою добычу, изобрѣтали такія средства, которыми пренебрегли бы для собственнаго спасенія.

Наполеону пришлось возвращаться въ Москву среди подобнаго разгрома. Онъ предоставилъ ее грабежу, въ надеждѣ, что его армія, разсыпавшись по этимъ пепелищамъ, поживится въ нихъ. Но когда онъ увидѣлъ, что безпорядокъ увеличился, что и старая гвардія увлечена въ него, что у крестьянъ, которыхъ удалось, наконецъ, привлечь въ городъ съ провизіей, наши голодные солдаты отнимали все, ими приносимое на продажу, вмѣсто того чтобъ щедро за все платить, какъ то было приказано, въ виду привлеченія и другихъ крестьянъ; когда онъ узналъ, что, подъ давленіемъ нужды, различные корпуса готовы были силой оспаривать другъ у друга остатки Москвы, что черезъ этотъ произвольный грабежъ пропадали существовавшія еще средства, тогда онъ отдалъ строжайшій приказъ и запретилъ своей гвардіи оставлять казармы. Всѣ церкви, въ которыхъ расположилась наша конница, были возвращены ихъ духовенству. Мародерство было предоставлено поочередно каждому корпусу и какъ всякая другая служба, и наконецъ занялись собираніемъ Русскихъ бродягъ-солдатъ.

Но время уже ушло. Солдаты всѣ разбѣжались; напуганные крестьяне не приходили больше; великое множество жизненныхъ припасовъ было расхищено безъ толку. Съ Французской арміей случались подобныя ошибки, но тутъ пожаръ извинялъ ихъ: бросались на все, чтобы не дать огню уничтожить. Удивительно еще, что по первому же приказу все тотчасъ пришло въ порядокъ.

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторые писатели, даже Французскіе, старались открыть слѣды злоупотребленій, которыя могли твориться въ это время и нашли ихъ очень мало. Большинство нашихъ выказало себя великодушнымъ къ немногочисленнымъ жителямъ и къ множеству встрѣчаемыхъ враговъ. Ничего не было удивительнаго впрочемъ, если армія, ожесточенная страшной нуждой, бѣдствующая и составленная изъ смѣшенія столькихъ народностей, предалась въ первыя минуты разнузданному грабежу.

По обыкновенію, послѣ того, что воины эти были изничтожены, на нихъ посыпались упреки. А кто же не знаетъ, что подобные безпорядки всегда составляютъ дурную сторону большихъ войнъ, позорную часть славы, и что и у великихъ завоевателей, какъ у всего на свѣтѣ, есть тѣневая сторона? Какъ ни велико солнце, оно не можетъ одновременно освѣтить въ цѣломъ даже самый маленькій предметъ; и это, слѣдовательно, законъ природы, что у большого тѣла и тѣнь соразмѣрная ему.

Впрочемъ, какъ хорошему, такъ и дурному въ этой великой арміи удивлялись слишкомъ много. Ея пороки, ея добродѣтели были присущими той эпохѣ и, такъ сказать, вызываемы примѣромъ и обстоятельствами, отъ чего и становятся: первые—менѣе достойными осужденія. вторые—похвалы. Такъ-то все относительно, но это не исключаетъ стойкости началъ и влеченія къ цѣли достиженіемъ улучшенія или безусловнаго добра. Въ настоящемъ случаѣ, дѣло въ оцѣнкѣ великой арміи и ея главы, которую можно правильно сдѣлать, только поставивши себя на ихъ мѣсто: положеніе же это было такъ высоко, такъ необычайно, такъ сложно, что немногіе могутъ постигнуть его, обнять его во всей полнотѣ и оцѣнить всѣ неизбѣжныя послѣдствія.

Библиотека "Руниверс"

АНТОНІЙ РАДОНЕЖСКІЙ.

Въ Декабрьской книжкѣ за 1907-й годъ „Душеполезнаго Чтенія“ Г. А. Зеландъ помѣстилъ часть біографическихъ свѣдѣній о покойномъ Оренбургскомъ епископѣ Антоніѣ Радонежскомъ по поводу тридцатипятилѣтія со дня его кончины († 23-го Декабря 1872 г.). Кромѣ послужного списка преосвященнаго Антонія, А. Зеландъ остальную часть біографіи основалъ на воспоминаніяхъ близкихъ къ преосвященному лицъ и частію на выдержкахъ изъ превосходнаго труда Оренбургскаго епархіальнаго историка г. Чернавскаго.

Еще въ 1904 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ я коснулся отчасти біографіи преосвященнаго Антонія при разборѣ VII и X кн. „Трудовъ Оренбургской Архивной Коммиссіи“, гдѣ была помѣщена статья г. Чернавскаго „Оренбургскіе Архіереи“; а теперь въ дополненіе къ статьѣ г. Зеланда, я привожу только тѣ свѣдѣнія, которыя почерпнулъ изъ оффиціальныхъ, большею частію напечатанныхъ, документовъ, и при томъ преимущественно вышедшихъ изъ-подъ пера приснопамятнаго Московскаго владыки митрополита Филарета, противъ достовѣрности которыхъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія.

Еще въ 1842 г., бывши баккалавромъ по каѳедрѣ Св. Писанія, Антоній, по словамъ извѣстнаго историка Казанской Духовной Академіи П. Знаменскаго (т. 2-й стр. 178), лекціи свои большею частію писалъ и отдѣлывалъ тщательно, даже щеголевато, въ нѣсколько сантиментальномъ и благочестиво-мистическомъ духѣ, но особенной талантливостью не отличался, хотя академическое начальство цѣнило его высоко. Между студентами онъ не пользовался особымъ уваженіемъ. Онъ держался съ ними деликатно и ласково, но не нравился тѣмъ, что безъ надобности вмѣшивался въ ихъ дѣла, подглядывалъ за ними и возбуждалъ недовѣріе къ себѣ. Когда онъ исправлялъ должность инспектора (въ Январѣ 1850 г.), одинъ студентъ, попадавшійся въ ненормальномъ состояніи всѣмъ начальствовавшимъ тогда лицамъ, нанесъ ему даже очень крупное оскорбленіе, за что, конечно, былъ немедленно уволенъ. Студенты прозвали его почему-то „Филиписсеемъ“. Онъ былъ очень благочестивый; но ему сильно вредила не только въ Академіи,

Библиотека "Руниверс"

но и послѣ, наклонность къ мистицизму, увлекавшая его до близкихъ, хотя, вѣроятно, и несознательныхъ связей съ людьми, которые имѣли отношеніе къ довольно развитому тогда въ Казани[1]) мистическому сектантству „Людей Божіихъ“.

Академическая молодежь подсмѣивалась надъ его благоговѣніемъ передъ нѣкоей параличной старицей Агриппиной, извѣстной больше подъ именемъ Грунюшки, которая проживала въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ и пользовалась въ нѣкоторыхъ благочестивыхъ кружкахъ обожаніемъ, въ родѣ обожанія воздаваемаго Хлыстовскимъ „богородицамъ“. Этой Агриппинѣ Антоній посвятилъ свое твореніе „Семь словъ на крестѣ“ и въ 1848 г. напечаталъ съ посвященіемъ[2]).

Эту Грунюшку по его настоянію зачѣмъ-то приносили въ новыя зданія Казанской Академіи, пронесли на носилкахъ по корридорамъ, такъ какъ она не могла двигаться сама, и между прочимъ заносили и въ академическую церковь, что произвело тогда весьма тяжелое и соблазнительное впечатлѣніе на студентовъ. Казанскій преосвященный Григорій, узнавъ о томъ, задалъ сильнѣйшій нагоняй академическимъ монахамъ и распорядился выслать Агриппину изъ монастыря. Вскорѣ она куда-то скрылась изъ Казани, уѣхавъ вслѣдъ за Антоніемъ. По отъѣздѣ Антонія изъ Академіи (въ 1851 г.), портретъ этой живой муміи въ лежачемъ положеніи еще долго оставался въ Академіи, пока тоже куда-то не исчезъ.

Посвященный въ Іюнѣ 1858 г. въ санъ епископа Оренбургскаго и Уральскаго, Антоній явился въ Уфу вмѣстѣ съ Агриппиною, которую и поселилъ въ Уфимскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Здѣсь она, пользуясь особливымъ расположеніемъ владыки, стала вмѣшиваться въ монастырскія дѣла, открывъ въ нихъ разныя нестроенія, въ родѣ того, яко бы игумена Филарета изъ монастыря выдала замужъ свою племянницу; при этомъ женихъ свободно ходилъ къ невѣстѣ въ монастырь, гдѣ далеко за полночь происходили по случаю свадьбы пиршества съ музыкою, а иногда даже женихъ оставался ночевать въ монастырѣ; далѣе—что братъ игумена жилъ близъ монастыря и пользовался многимъ. Преосвященный Антоній отстранилъ отъ должности игумена Филарету и казначею, донеся объ этомъ въ Св. Синодъ. Тогда 50 монахинь, недовольныя тѣмъ, что преосвященный Антоній

[1]) Въ Казани былъ въ то время цѣлый Хлыстовскій корабль, съ членами котораго были въ близкихъ отношеніяхъ и нѣкоторыя духовныя лица, даже весьма образованныя; одинъ священникъ, извѣстный въ городѣ благочестіемъ, былъ даже сознательнымъ Хлыстомъ и состоялъ въ перепискѣ съ „Христомъ“ Радаевымъ.

[2]) Въ послѣдующихъ изданіяхъ посвященіе было выкинуто.

Библиотека "Руниверс"

посылалъ къ нимъ священника допросить ихъ подъ присягой (тогда какъ онѣ должны были давать показанія по монашеской совѣсти) и вынуждалъ къ обвиненію игуменьи, подали на владыку жалобу въ Синодъ, а игуменья въ свою очередь жаловалась Московскому митрополиту Филарету[1]). Всю эту исторію Филаретъ излагалъ въ письмахъ своихъ къ о. намѣстнику Антонію.

„А Уфимское дѣло, пишетъ онъ 2-го Ноября 1858 г., непонятно. Видно, я не писалъ вамъ, что до меня доходило. Получилъ я письмо отъ игуменіи, что прибыла Агриппина, что преосвященный хочетъ помѣстить ее въ монастырь, а игуменія сего не желаетъ, что преосвященный ѣздитъ къ Агриппинѣ, и она ѣздитъ въ его каретѣ; что преосвященный прислалъ въ монастырь священника и велѣлъ всѣхъ сестеръ допрашивать подъ присягой; что сестры сего не хотѣли; что потомъ присланъ былъ другой священникъ, который требовалъ отъ сестръ показаній противъ игуменіи, угрожая иначе проклятіемъ; ибо онѣ на духу признавались ему въ томъ, чего теперь не хотятъ сказать; что потомъ преосвященный велѣлъ сестрамъ выбирать новую игуменію и, когда онѣ отзывались довольными нынѣшнею, отрѣшилъ казначею и опять требовалъ выбора; что, наконецъ, нѣкоторыя сестры выбрали игуменію и у нынѣшней отобрали ключи, безъ сдачи монастыря; что за симъ около 50 сестръ послали въ Св. Синодъ жалобу на преосвященнаго, съ которой при письмѣ приложена копія. Въ жалобѣ тоже, что̀ и въ письмѣ. Игуменія въ письмѣ прибавляетъ, что предъ тѣмъ было сѣверное сіяніе, въ которомъ виденъ былъ крестъ, пламенный орелъ и горящая лампада. Видите, что игуменія описала неправильныя дѣйствія преосвященнаго; а въ чемъ ее обвиняютъ, и по чему она права, о томъ ни слова. Съ тѣхъ поръ, какъ игуменія ѣздитъ въ Петербургъ, въ ней видно постороннее примѣшеніе къ монастырскому направленію. И еще при преосвященномъ Іоанникіѣ[2]) была у нея распря съ казначеею, ея родною сестрою: игуменіи угрожало отрѣшеніе, и она вышла изъ сего, съѣздивъ куда-то по болѣзни на нѣсколько мѣсяцевъ.

Чрезъ два или три дня послѣ письма игуменіи получилъ я письмо преосвященнаго Антонія. Онъ говоритъ, что его предшественникъ началъ дѣло о томъ, что игуменія держитъ до 50 человѣкъ безпаспортныхъ, что она изъ монастыря выдала племянницу замужъ; что женихъ ходилъ къ невѣстѣ въ монастырь, и пиршества съ музыкою продолжа-

[1]) Н. Чернавскій. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ.

[2]) Іоанникій Оренбургскій и Уфимскій съ 16-го Ноября 1835 г. по 20-ое Ноября 1849 г.

Библиотека "Руниверс"

лись за полночь, женихъ ночевалъ въ монастырѣ; что приданое сдѣлано на счетъ монастыря; что братъ игумени живетъ близъ монастыря и пользуется многимъ изъ монастыря. Преосвященный прибавляетъ, что онъ велѣлъ спросить сестръ подъ присягою; что обвиненія подтвердились; онъ умалчиваетъ объ обвиненіяхъ еще худшихъ; что игуменія вышла изъ послушанія, и что онъ донесъ о семъ дѣлѣ Св. Синоду и копію съ донесенія при письмѣ приложилъ. О Агриппинѣ онъ не говоритъ ни слова.

Дѣло не имѣетъ яснаго и добраго вида ни съ той, ни съ другой стороны. Обѣ стороны дѣла уже предъ глазами Св. Синода. Что же тутъ нужно и возможно?

Я писалъ преосвященному, что дѣла его епархіи до меня не касаются; но что, какъ онъ поступилъ со мною откровенно, то и я братски откровенно сказалъ ему, чтобы онъ обратилъ вниманіе, въ точномъ-ли законномъ порядкѣ его распоряженіе, и чтобы окомъ осторожности воззрѣлъ на свои отношенія къ Агриппинѣ. Много о сей писать я не могъ; потому что онъ не писалъ ко мнѣ прежде, а въ сіе время написалъ, кажется, не по довѣренности, а по опасенію".

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 17-го Ноября митрополитъ писалъ: „Отъ Уфимской игумени я имѣлъ еще письмо на 12 страницахъ, полныхъ краснорѣчіемъ необъясняющимъ дѣла. Подъ конецъ сбережено сказаніе, которымъ она, видно, надѣялась поставить меня противъ преосвященнаго. Она обѣдала у Агриппины. Во время обѣда Агриппина получила отъ преосвященнаго письмо съ извѣстіемъ о моей смерти. Игуменія пошла къ себѣ и со всею братіею пѣла панихиду. Чрезъ нѣсколько дней преосвященный получилъ извѣстіе, что я живъ, и сказалъ: „рано началъ дѣло (а оно начато послѣ моей смерти), однако кончу." Туда посланы отъ Св. Синода архимандритъ и чиновникъ. Секретно писано преосвященному, чтобы удалилъ Агриппину. Дѣло, кажется, таково, что игуменія виновата, а преосвященный круто поступилъ и возбудилъ клевету на себя. Къ сожалѣнію, частныя погрѣшности обращаются въ общій соблазнъ и въ нареканіе на званіе. Спаси насъ, Господи, и да не оскудѣетъ преподобный!"

Въ письмѣ отъ 6-го Февраля 1859 г. митрополитъ сообщаетъ: „Вчера получилъ я изъ Уфы письмо отъ незнакомаго мнѣ священника, бывшаго при женскомъ монастырѣ. Преосвященный предлагалъ ему, чтобы онъ свой домъ продалъ болящей Агриппинѣ. Священникъ не согласился. Преосвященный перевелъ его въ отдаленный приходъ, и при томъ такой, котораго другой священникъ поставленъ противъ игумени и противъ него. Пишетъ онъ очень скромно. Не мѣшаясь

Библиотека "Руниверс"

въ дѣло, я почелъ однако не лишнимъ послать письмо къ графу А. П. [1]), на случай, если преосвященный представитъ что-нибудь на сего священника въ Св. Синодъ".

Св. Синодъ для разслѣдованія этого дѣла назначилъ ревизію изъ ректора Тульской семинаріи архим. Никандра Покровскаго (впослѣдствіи архіепископа Тульскаго) и старшаго помощника секретаря Св. Синода А. Д. Кавелина.

Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой, получивъ отъ Кавелина свѣдѣнія о ревизіи, переслалъ ихъ въ копіи къ митр. Филарету, который такъ отвѣчалъ графу 16-го Февраля 1859 г.[2]).

„Угодно вамъ было сообщить мнѣ списокъ съ письма г. Кавелина. Думаю, что по сему не будетъ вамъ неугодно, если я изложу нѣкоторыя мысли о содержаніи онаго. Еще прежде печальнымъ образомъ удивило меня то, что преосвященный Оренбургскій въ важное церковное дѣло вмѣшалъ свою личность, жалуясь, что *коммиссія отнимаетъ у него благоуханіе и сопжесть его святительства* (рапортъ 9-го Января), случай же къ сей жалобѣ взявъ отъ встрѣчи коммиссіи съ эсауломъ въ гостинной. Но какая нужда было призвать коммиссію въ гостинную вмѣстѣ съ эсауломъ? И архимандритъ и г. Кавелинъ, вѣрно, не говорили въ гостинной, что они—коммиссія. Продолженіе такихъ же странностей открывается изъ письма г. Кавелина. Если не ошибаюсь, преосвященному Оренбургскому данъ изъ Петербурга важный совѣтъ. Когда есть отъ высшаго начальства коммиссія, разсматривающая дѣла монастыря, тогда благоразуміе, справедливость и приличіе требовали того, чтобы преосвященный ожидалъ, что̀ сдѣлаетъ коммиссія, а не того, чтобы онъ вновь началъ тринадцать дѣлъ. Въ монастырѣ, имѣющемъ 150 сестеръ, какъ не нашелъ преосвященный монахини для должности начальницы, а назначилъ рясофорную послушницу? Если она и подлинно способна, болѣе въ порядкѣ было бы назначить монахиню, временно управляющую, а ту представить Святѣйшему Синоду къ постриженію, и такимъ образомъ приготовить къ начальствованію.

Святѣйшій Синодъ довольно смотрѣлъ на дѣйствія преосвященнаго Оренбургскаго свѣтлымъ взоромъ благоволенія; не время ли посмотрѣть свѣтлымъ о́комъ осторожности? Говорю сіе не противъ преосвященнаго, но противъ соблазна и вреда. Сколько виновна игуменія, то можетъ знать коммиссія. При проѣздахъ ея чрезъ Москну, можно было примѣчать, что ея странствованія въ Петербургъ, полезныя для монастыря, были не безъ ущерба для ея монастырской простоты и смиренія, что̀

[1]) Графу А. П. Толстому.

[2]) „Мнѣнія и отзывы". Томъ дополнительный, стр. 474.

Библиотека "Руниверс"

и въ началѣ происходящаго о ней дѣла оказалось. Конечно, было бы менѣе соблазна и трудностей для нея самой, если бы она терпѣливо подчинилась рѣшенію преосвященнаго объ удаленіи ея отъ настоятельства и къ тому же побудила приверженныхъ къ ней сестръ, и не допустила протеста, имѣющаго видъ непослушности. Но благовременно ли было удалить ее, когда о ней продолжаются дѣла, и слѣдственно могутъ быть нужны ея отвѣты? Слѣдовало бы пожалѣть о испытаніи преосвященнаго коммиссіею; но какое превращеніе положеній, когда надобно пожалѣть о невинной коммиссіи, переносящей, вѣроятно, отъ преосвященнаго „испытаніе, съ болѣзнію сердца?“ Все здѣсь сказанное написалъ я неохотно; но думаю, что небезполезно, чтобы сіе воззрѣніе представилось вашему разсмотрѣнію.“

Но кромѣ дѣла о болящей Агриппинѣ, у преосвященнаго Антонія были немалыя столкновенія и съ администраціей, о чемъ отчасти упоминаетъ и А. Зеландъ, и по поводу нѣкоторыхъ раскольничьихъ дѣлъ (стр. 500). Въ письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода отъ 26-го Февраля 1859 г.[1]) Филаретъ говоритъ, что преосвященный Антоній Оренбургскій пишетъ о дошедшемъ до него свѣдѣніи, что въ домѣ урядника Макарова икона святителя Николая начала источать муро изъ очей[2]) и оговаривается, что не доноситъ о семъ Святѣйшему Синоду, опасаясь быть легкомысленнымъ и легковѣрнымъ. Оговорка напрасная, потому что о происшествіи необычайномъ и гласномъ прилично было донести Святѣйшему Синоду не только по дознаніи, но и прежде дознанія, съ свѣдѣніемъ, какое онъ сдѣлалъ распоряженіе и въ надеждѣ нужнаго наставленія отъ Святѣйшаго Синода для необыкновеннаго дѣла. Преосвященный послалъ ключаря для дознанія „глубоко секретнаго“, и въ тоже время просилъ г. наказнаго атамана, „чтобы дѣло было разъяснено, составленъ былъ законный актъ, за подписомъ очевидцевъ“ и представленъ былъ ему, преосвященному. Между сими двумя распоряженіями нѣтъ единства и частію есть противорѣчіе, а не достаетъ необходимо требуемаго закономъ, чтобы при дознаніи или слѣдствіи по дѣлу, котораго предметъ церковный, былъ депутатъ съ духовной стороны, котораго и должно было преосвященному назначить

[1]) Чтенія Общества Любит. Дух. Просв. Сентябрь 1881 г.

[2]) „Не донесъ я Св. Синоду объ одномъ событіи, сообщенномъ мнѣ отъ г. наказнаго атамана и протоіерея Уфимскаго Назарова“, писалъ преосв. Антоній гр. А. П. Толстому: „11-го Января, въ то время, какъ раскольники начали подписывать приговоръ на присоединеніе къ св. церкви Христовой, Уральскіе въ Уральскѣ, а Илецкіе въ Илецкомъ городкѣ, на значительномъ разстояніи, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, и однакожъ и тамъ и здѣсь, въ одинъ день, икона святителя и чудотворца Николая, принадлежащая уряднику Макарову, начала источать муро изъ очей“.

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ требованіемъ дознанія. Что сдѣлано будетъ однимъ свѣтскимъ начальствомъ, то неудовлетворительно будетъ для духовнаго; ибо не свѣтскому, а духовному начальству принадлежитъ разсмотрѣть, чудесно происшествіе или нѣтъ. Кромѣ сего, прилично было требовать, чтобы икона поставлена была въ церкви, подъ надзоромъ болѣе бдительнымъ, нежели какой возможенъ въ домѣ. Неосторожно поступилъ преосвященный, что преждевременно просилъ наказнаго атамана, въ случаѣ оправданія событія, купить домъ и обратить сперва въ молитвенный домъ, а потомъ въ церковь. Свѣтское начальство можетъ погрѣшить въ опредѣленіи чуда и сдѣлать о домѣ такое распоряженіе, котораго послѣ Святѣйшему Синоду не можно будетъ утвердить. Даже, въ случаѣ удостовѣренія о чудѣ, домъ по своимъ обстоятельствамъ или смежностямъ можетъ оказаться неспособнымъ къ обращенію въ церковь, и гораздо удобнѣе поставить икону въ одной изъ существующихъ церквей. До сихъ поръ не видно, чтобы отъ иконы святителя Николая въ домѣ Макарова оказалось надъ кѣмъ-либо какое-либо благотворное дѣйствіе, что было бы признакомъ присутствующей благодати Божіей. Слѣдственно до сихъ поръ въ виду только необъясненное явленіе".

Затѣмъ Оренбургскій губернаторъ Безакъ 1 Мая 1862 г., какъ видно изъ дѣлъ Синода, между прочимъ писалъ: „Нельзя ли скорѣе удалить этого епископа изъ Оренбурга?"

Все это вмѣстѣ взятое привело къ тому, что Антоній указомъ Синода 19-го Мая 1862 г. [1]) былъ уволенъ отъ управленія епархіей съ назначеніемъ членомъ Московской Синодальной Конторы и управляющимъ Новоіерусалимскимъ Воскресенскимъ монастыремъ съ пенсіей въ 800 р., конечно кромѣ архимандричьихъ доходовъ Воскресенской обители.

Это назначеніе Антонія безъ вѣдома Филарета, очевидно, огорчило послѣдняго. Въ письмѣ къ оберъ-прокурору гр. Толстому отъ 2 Марта 1862 г. [2]) митрополитъ упоминаетъ, что онъ нимало не думаетъ просить объ измѣненіи назначенія Антонія въ Воскресенскій монастырь. Назначить его въ Златоустовъ было бы гораздо хуже и затруднительнѣе для епархіальнаго начальства. „Я имѣлъ такой непріятный опытъ, когда покойный митрополитъ Варлаамъ управлялъ Даниловымъ монастыремъ. Онъ не исправлялъ неисправныхъ монаховъ; я не долженъ былъ вмѣшиваться въ его управленіе, и они производили безпорядки и соблазнъ въ епархіи". Затѣмъ въ другомъ письмѣ уже къ об.-прокурору А. П. Ахматову отъ 21 Мая 1862 г. [3]) Филаретъ писалъ: „Третьяго дня посѣтилъ

[1]) А не въ 1864 г., какъ пишетъ г. Зеландъ.

[2]) Мнѣн. и отзывы. т. V, стр. 231.

[3]) Письма къ высочайшимъ особамъ. II, стр. 126.

Библиотека "Руниверс"

меня пріѣхавшій преосвященный Антоній съ выраженіемъ скорби и слезами о томъ, что онъ уволенъ отъ епархіи, хотя онъ уволенъ такъ же почетно, какъ и многозаслуженный архіепископъ Евгеній, бывшій Ярославскій".

Антоній неоднократно домогался заполучить мѣсто второго викарія въ Москвѣ. „Преосвященный Антоній, писалъ 3 Августа 1862 г. Филаретъ къ своему лаврскому намѣстнику, говоритъ (не мнѣ), для чего я не возьму его въ другого викарія? Онъ за десятерыхъ можетъ работать; а между тѣмъ, посидѣвъ въ Конторѣ, уѣзжаетъ въ свой монастырь и не помогаетъ мнѣ въ служеніи" [1]).

Но и въ Воскресенской обители Антоній, повидимому, мало заслужилъ названіе „крестоноснаго владыки".

На второй же годъ по своемъ вступленіи въ управленіе монастыремъ Антоній потребовалъ, чтобы смотритель мѣстной почтовой конторы всю корреспонденцію братіи какъ присылаемую на почту для отправленія, такъ и выдаваемую для полученія, производилъ не иначе какъ черезъ настоятельскаго письмоводителя, дабы преосвященный могъ знать, кто изъ монашествующихъ кому пишетъ. Получивъ такое требованіе, почтовый департаментъ снесся съ об.-прокуроромъ Св. Синода, а изъ Синода сообщено оное митроп. Филарету.

Въ своемъ отзывѣ, довольно пространномъ, Филаретъ между прочимъ писалъ: „Почтовое мѣсто видитъ только принесшаго письмо и не можетъ достовѣрно узнать, отъ себя ли онъ посылаетъ письмо или отъ другого; посему и требованіе преосвященнаго Антонія не можетъ достигнуть цѣли, а только подастъ нѣкоторымъ изъ братіи поводъ къ хитрости посылать письма чрезъ другія руки. Вопросъ, долженъ ли настоятель имѣть правиломъ, чтобы вся переписка братіи шла черезъ его руки есть внутренній монастырскій вопросъ. Онъ долженъ быть рѣшенъ не принудительными и стѣснительными мѣрами, а правилами благоразумія и предусмотрительности со стороны настоятеля и правилами послушанія со стороны братіи [2]).

Въ письмѣ къ об.-пр. А. П. Ахматову отъ 11 Февраля 1864 г. [3]) Филаретъ говоритъ: „Теперь же отвѣтствую вамъ о почтовомъ вопросѣ по Воскресенскому монастырю. Видите, какъ настоятель загораживаетъ дорогу жалобамъ на себя. Къ чему же это ведетъ? Іеродіаконъ проскользнулъ мимо привратника и бѣжалъ въ Москву съ жалобой на настоятеля"...

---

[1]) Письма къ архим. Антонію. IV. стр. 335.

[2]) Мнѣнія и отзывы, т. V, стр. 521.

[3]) Письма къ высочайшимъ особамъ. II, стр. 229.

Библиотека "Руниверс"

Въ другомъ письмѣ къ Ахматову Филаретъ говоритъ уже сильнѣе [1]). „Недавно Синодальная Контора представила Св. Синоду нѣсколько доносовъ на преосвященнаго Антонія, управляющаго Воскресенскимъ монастыремъ. Нѣкоторымъ Контора не давала движенія, когда сіе могло быть безъ нарушенія закона и безпристрастно, нѣкоторыя обращала къ преосвященному на его разсмотрѣніе. Но съ нѣкоторыми нельзя было такъ поступить, и самое множество доносовъ требовало дѣйствованія. Доносъ, что преосвященный бросилъ въ іеродіакона кипящій самоваръ, не самый худшій изъ полученныхъ доносовъ. Но какъ отвѣтчикъ епископъ и членъ Синодальной Конторы, то Контора и нашла себя обязанною просить разрѣшенія Св. Синода. Теперь продолжаютъ поступать въ Контору донесенія преосв. Антонія на монаховъ, при которыхъ прилагаются донесенія отъ старшей братіи, написанныя безъ законнаго требованія, какъ бы скопомъ, частію бездоказательныя, частію требующія изслѣдованія и такъ перепутанныя, что трудно обратить ихъ въ правильное дѣлопроизводство. Чтобы сія грязь не накоплялась въ Конторѣ, благоволите напомнить Св. Синоду, чтобы онъ далъ намъ просимое наставленіе, хотя впрочемъ онъ обѣщаетъ не самую сильную помощь. Наплывъ жалобъ, доносовъ, порицаній, оскорбительныхъ для званія, молвы, можетъ быть остановленъ скорѣе тѣмъ, чтобы монастырь получилъ новаго настоятеля“.

Синодальную Контору преосвященный Антоній посѣщалъ рѣдко и въ послѣдній разъ былъ въ Ноябрѣ. Далѣе митрополитъ сообщаетъ, что Антоній не совершаетъ литургіи въ царскіе дни и заключаетъ свое письмо такъ: „Простите, что открываю непріятные виды. Нельзя было долѣе сохранять молчаніе“.

Кромѣ этихъ дѣлъ за преосв. Антоніемъ было немало и другихъ. Въ синодскомъ производствѣ объ увольненіи его отъ управленія Новоіерусалимскимъ монастыремъ имѣется между прочимъ доносъ двухъ іеромонаховъ этого монастыря, въ которомъ они обвиняютъ епископа Антонія въ подмѣнѣ драгоцѣнныхъ камней на панагіяхъ и крестахъ изъ монастырской ризницы. Этотъ доносъ, вѣроятно, и былъ каплей переполнившей чашу снисхожденія. Государю былъ представленъ докладъ, въ которомъ сказано, что, принимая во вниманіе болѣзненное состояніе епископа Антонія, Св. Синодъ полагаетъ уволить его отъ занимаемыхъ должностей на покой и помѣстить въ Трегуляевъ монастырь Тамбовской епархіи [2]) съ сохраненіемъ содержанія по 800 р. въ годъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 222.

[2]) Въ 8 верстахъ отъ Тамбова.

Библиотека "Руниверс"

Подверженный той несчастной слабости, о которой упоминаетъ и г. Зеландъ, приводя по этому поводу письмо преосв. Григорія Калужскаго относительно „куражныхъ явленій“, Антоній былъ нежелательнымъ гостемъ и въ Трегуляевской обители. Тамошній архимандритъ Викторъ, на котораго жаловался Антоній, былъ далеко недурной человѣкъ. Ставленникъ одного изъ высокочтимыхъ іерарховъ Русской церкви, Тамбовскаго епископа Ѳеофана Говорова (затворника), пользовавшійся его расположеніемъ, онъ не могъ ужъ особенно притѣснять Антонія, а тѣмъ болѣе относиться къ нему съ издѣвательствомъ. Тоже можно сказать и о замѣстителѣ Виктора, архим. Никандрѣ. Трудно допустить, чтобы этотъ архимандритъ приказалъ выпустить рыбу изъ садка, устроеннаго Антоніемъ. Если это и было, то при своемъ „куражномъ“ поведеніи Антоній могъ возбудить къ себѣ нерасположеніе послушниковъ и другихъ „непріукаженныхъ“ пѣвчихъ, которые могли позволять себѣ разнаго рода озорства. Извѣстно, что чѣмъ болѣе сердится жертва, тѣмъ болѣе эти люди дѣлаются изобрѣтательными на досадливыя выдумки. Вѣдь самъ же г. Зеландъ говоритъ, что Антоній имѣлъ живой и вспыльчивый характеръ и въ минуты гнѣва положительно не владѣлъ собой...

Проживая въ Трегуляевомъ монастырѣ съ 1862 г. по Апрѣль 1868 г. Антоній заводилъ ссоры и не съ одними монахами. Изъ дѣлъ Св. Синода видно, что въ Апрѣлѣ 1868 г. об.-прокуроромъ гр. Д. А. Толстымъ уже отъ одного изъ Тамбовскаго духовенства было получено письмо, въ которомъ подробно разсказывается о веселомъ препровожденіи времени епископомъ Антоніемъ. Тутъ есть все: и нетрезвость, и выходы изъ монастыря послѣ 10 часовъ вечера, и посѣщеніе преосвященнаго Антонія старухой монахиней Вознесенскаго монастыря Маріей Аносовой съ двумя молодыми племянницами-послушницами, которыя нерѣдко приходили къ Антонію и однѣ. Этотъ доносъ былъ препровожденъ для разслѣдованія къ Тамбовскому преосвященному Ѳеодосію (Шаповаленко), который не отрицая, что епископъ Антоній ведетъ себя нетрезво, старался смягчить его вину, говоря, что „происходитъ это въ кельяхъ и не нарушаетъ благопристойія“. О посѣщеніяхъ же молодыхъ послушницъ преосв. Ѳеодосій пишетъ: „Высказываемое въ доносѣ подозрѣніе о преступной связи епископа Антонія съ одной изъ послушницъ ничѣмъ не можетъ быть подтверждено, такъ какъ грѣхи этого рода доподлинно вѣдомы одному Богу да самимъ грѣшникамъ“. Тѣмъ не менѣе Ѳеодосій въ заключеніе пишетъ: „Я считалъ бы полезнымъ перевести епископа Антонія въ другой монастырь, болѣе удаленный отъ города и свободный отъ посторонннихъ посѣтителей и

Библиотека "Руниверс"

съ болѣе достаточными средствами, чѣмъ Трегуляевскій, какового однакоже въ Тамбовской епархіи не имѣется".

По докладѣ этого письма Св. Синодъ постановилъ перевести Антонія въ Темниковскую Санаксарскую пустынь*).

Узнавъ объ этомъ постановленіи, Антоній ходатайствовалъ объ оставленіи его въ Трегуляевомъ монастырѣ. Просьба его Св. Синодомъ не была удовлетворена, почему онъ и принужденъ былъ отправиться въ пустынь. Отведенное тамъ ему помѣщеніе, какъ справедливо пишетъ г. Зеландъ, было невозможно, и потому Антоній скоро возвратился въ Тамбовъ и, поселясь у знакомаго Тамбовскаго купца, просилъ у гр. Д. А. Толстаго разрѣшить ему вернуться въ Трегуляевъ монастырь или проживать въ домѣ викарія (незадолго передъ этимъ скончавшагося), или на дачѣ преосвященнаго Тамбовскаго, а въ случаѣ отказа исходатайствовать высочайшее повелѣніе объ отпускѣ на Востокъ. Пока шла эта переписка, въ Синодѣ было получено заявленіе отъ Смоленскаго преосвященнаго Серафима о желаніи принять епископа Антонія въ свою епархію, почему Св. Синодъ постановилъ уволить Антонія въ Смоленскъ. Опредѣленіе это состоялось 2-го Апрѣля 1870 г.

Во время ректорства преосвященнаго Антонія въ Ярославской семинаріи инспекторомъ былъ архим. Андрей Поспѣловъ, доставлявшій немало заботъ относительно „куражныхъ" явленій Ярославскому преосвященному Нилу, тѣмъ болѣе, что ректоръ и инспекторъ находились между собою въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ матеріалахъ для исторіи Ярославской семинаріи, собранныхъ покойнымъ преподавателемъ семинаріи Н. И. Корсунскимъ, находятся воспоминанія о начальствованіи этихъ педагоговъ. Узнаемъ, напримѣръ, что среди бывшихъ воспитанниковъ этихъ архимандритовъ до сихъ поръ сохраняется память о томъ, какъ о. ректоръ предложилъ философскому классу въ качествѣ темы для сочиненія слѣдующее: „Каковъ поступокъ того воспитанника, который, увидѣвъ своего начальника, бѣжитъ стремглавъ и укрывается?" При этомъ одинъ изъ воспитанниковъ въ своемъ сочиненіи, поданномъ Антонію, будто бы далъ такой отвѣтъ: „Поневолѣ убѣжишь стремглавъ, когда начальникъ имѣетъ привычку избивать встрѣчнаго воспитанника палкою".

Преосвященный Антоній скончался въ Смоленскѣ 23-го Апрѣля 1872 г. и погребенъ своимъ другомъ преосв. Серафимомъ въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ передъ входомъ въ палатку, гдѣ покоится прахъ знаменитаго витіи преосвященнаго Іоанна Соколова.

Ростовъ-Великій. 1908. Февраля 10. **Андрей Титовъ.**

*) Въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго города Темникова.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВСКАГО-МАЛЕВИЧА.

Александръ Ивановичъ Розовъ.

(Московскій старожилъ).

Старый бабушкинъ домъ въ Москвѣ я помню до мельчайшихъ подробностей. По разсказамъ, онъ былъ построенъ вскорѣ послѣ „Француза“ и купленъ дѣдомъ моимъ Александромъ Ивановичемъ Розовымъ за 14875 р. на имя жены его Юліи Ѳедоровны, въ 1836 году, отъ наслѣдниковъ генерала Кожевникова, съ дворовымъ мѣстомъ „на бѣлой землѣ“. Деревянный, обитый тесомъ, окрашенный желтоватой краской, давно потемнѣвшей и облупившейся, съ мезониномъ и зелеными ставнями, бабушкинъ домъ выходилъ на Скатертный переулокъ и одной стороной примыкалъ къ тѣнистому саду, а другой—къ двустворнымъ деревяннымъ воротамъ съ калиткой, надъ которой висѣла желѣзная доска съ надписью „Свободенъ отъ постоя“. Пять лицевыхъ оконъ бабушкина дома такъ низко спускались къ кирпичному тротуару переулка, что домъ казался вросшимъ въ землю, какъ-бы придавленнымъ тяжестью широкаго мезонина съ Итальянскимъ окномъ подъ желѣзной крышей красно-бураго цвѣта.

Изъ калитки узкіе досчатые мостки вели во дворъ, къ парадному крыльцу, о трехъ ступеняхъ, съ навѣсомъ, зеленой дверью и звонкомъ. Но въ эту дверь входили только „почетные гости“; обычные посѣтители и друзья шли „запросто“, черезъ черный ходъ, мимо чулановъ и полутемныхъ сѣней.

Снаружи невзрачный, бабушкинъ домъ былъ очень помѣстителенъ и удобенъ. Глядя на него съ улицы, никто не могъ-бы подумать, что этотъ скромный особнякъ стародавней постройки такъ приспособленъ къ семейной жизни, такъ уютно и красиво обставленъ внутри.

Но войдемъ въ него съ почетными гостями, черезъ парадное крыльцо и посмотримъ поближе, какъ въ немъ живется. Изъ холодныхъ сѣней вступаемъ сперва въ лакейскую, съ длиннымъ ларемъ по

Библиотека "Руниверс"

стѣнѣ, Голландской печью въ углу и подъемной западней посреди пола. Западня эта открывалась въ темный подвалъ, гдѣ лѣтомъ лежали медвѣжьи полости и кучерскіе кафтаны, а зимой хранились запасы наливокъ, вареній и соленій.

Въ лакейской я смутно помню угрюмаго Капитона. Мужская прислуга при комнатахъ была упразднена по отмѣнѣ крѣпостнаго права, и въ чуланчикѣ подъ лѣстницей, предназначенномъ для лакейскаго спанья, помѣстилась бабушкина горничная Софья Михайловна прожившая въ домѣ болѣе тридцати лѣтъ.

Высокая, бѣлая, двустворная дверь вела изъ лакейской въ залу, выходившую тремя окнами на улицу и двумя во дворъ. Мы, дѣти, очень любили эту просторную, свѣтлую комнату, съ гладко натертымъ паркетомъ, съ бѣлыми обоями и множествомъ картинъ въ золоченыхъ рамахъ по стѣнамъ, до самаго потолка. Весь внѣшній уголъ дома былъ заставленъ растеніями въ горшкахъ и кадкахъ и обвитъ плющемъ; многолѣтніе арумы, юкки и фикусы поднимали къ потолку свои прямые стволы и рѣдкіе зеленые листья; между ними на полу и на окнахъ пестрѣли драцены, крины, фуксіи и бегоніи. По внутренней стѣнѣ стояла длинная рояль фабрики „Тишнера“ на четырехъ ножкахъ, краснаго дерева съ бронзой; между оконъ прямые стулья съ плетеными сидѣніями чередовались съ тяжелыми, Пиковской работы, складными столами. Въ одномъ углу высилось „трепье“—олеиновая лампа на витой тройной ножкѣ темнаго орѣха; въ другомъ углу стояла „козетка“—двойное кресло съ промежуточнымъ столикомъ.

Вторая комната внизу,—гостинная, была меньше залы и двумя окнами выходила въ Скатертный переулокъ. Убранство ея составляли: большой диванъ съ высокой спинкой у стѣны, подъ зеркаломъ въ деревянной рамѣ; по бокамъ дивана двѣ бѣлыхъ тумбы „подъ мраморъ“, на которыхъ стояли фарфоровыя вазы съ букетами восковыхъ цвѣтовъ, подъ стекломъ; нѣсколько мягкихъ стульевъ, обитыхъ, какъ и диванъ, малиновымъ шелковымъ „штофомъ“ съ бѣлыми узорами; между оконъ простѣночное зеркало; на подзеркальникѣ часы темной бронзы и золоченые канделябры; на стѣнѣ у зеркала, два бронзовыхъ бра; на полу Персидскій коверъ. Часы изображали дѣву въ локонахъ, сидящую съ книгой на скалѣ.

Въ каждой комнатѣ у насъ, дѣтей, были свои любимыя картины. Въ залѣ намъ особенно нравился большой лѣтній пейзажъ масляными красками Голландскаго художника Вайнантса: по гладкому, точно застывшему озеру въ лѣсистыхъ, зеленыхъ берегахъ, плыветъ лодка, нагруженная сѣномъ; заходящее солнце обливаетъ лучами верхушки деревьевъ

Библиотека "Руниверс"

и легкія, кучевыя облака. Отъ этой картины вѣяло привольной деревенской жизнью. Два веселыхъ морскихъ вида Французскаго художника „De Lacroix“ висѣли на противоположной стѣнѣ; на нихъ рыбаки у стараго маяка убирали съ лодокъ снасти. Въ гостинной я подолгу останавливался передъ головкой златокудраго мальчика съ поднятымъ кверху румянымъ, пухлымъ личикомъ; на темномъ фонѣ этой картины, писанной на доскѣ, стояла крупная монограмма: С. Н. 1627 *). Повыше висѣлъ сельскій пейзажъ фантастической композиціи: средь поля, уходящаго вдаль, высится холмъ съ разбитымъ старымъ дубомъ на вершинѣ; на холмѣ по крутой и изрытой дорогѣ взбирается всадникъ на бѣлой лошади, на встрѣчу ему спускается возъ, запряженный цугомъ; у подножія холма, около воды сидятъ женщины и играютъ дѣти. Къ этой картинѣ была у дѣдушки гравюра съ надписью внизу „Zanetti Brand pinxit“ и со стихами, которые начинались такъ: „Per aspri monti e valli al caldo, al gielo“. Въ этой же гостинной висѣлъ туманный видъ Амстердама работы знаменитаго Голландца Ванъ-Гойена, писанный точно одной краской: и вода въ каналѣ, и небо, и дома на берегу казались коричневаго цвѣта.

Слѣдующая комната называлась диванной. Въ ней двѣ внутреннихъ стѣны были уставлены подъ угломъ сплошными Турецкими диванами со спинными подушками, обитыми шерстяной зеленой матеріей. Оба окна диванной выходили въ садъ. Стѣны были также увѣшаны картинами, изъ которыхъ мнѣ наиболѣе памятны: прачки, моющія бѣлье подъ мельницей въ лѣсу, Французскаго живописца Робера.

Въ этой комнатѣ у одного изъ оконъ, въ широкомъ креслѣ, часто сиживала „старая бабушка“ Дарья Карловна, мать хозяйки дома „молодой бабушки“ Юліи Ѳедоровны. Здѣсь старушка пила свой кофе изъ бѣлой кружки, здѣсь она читала ветхую Библію въ черномъ кожанномъ переплетѣ, здѣсь-же вязала стальными спицами шерстяные чулки или задумчиво глядѣла передъ собой, сложивъ на колѣняхъ добрыя, морщинистыя руки.

Рядомъ была столовая, также выходившая двумя окнами въ садъ, однако, насколько я помню, обѣдали мы всегда въ диванной. Сюда въ три часа собиралась вся семья: дѣдушка Александръ Ивановичъ обыкновенно въ сѣромъ суконномъ халатѣ, съ обшлагами изъ пестрой Шотландской матеріи, въ черной шелковой касынкѣ нѣсколько разъ обернутой вокругъ шеи. Онъ садился слѣва отъ своей жены Юліи Ѳедоровны, которая сама разливала горячее и раскладывала всѣмъ

*) Корнелій Гарлемскій, Голландскій художникъ XVII вѣка.

Библиотека "Руниверс"

кушанья по тарелкамъ. Рядомъ съ бабушкой справа, сидѣла тетушка Надежда Александровна, уже немолодая дѣвушка, дочь Александра Ивановича отъ перваго его брака; далѣе сидѣли мы, т. е. сестра и я, а возлѣ насъ теща Александра Ивановича „старая бабушка“ Дарья Карловна, въ неизмѣнномъ темномъ шерстяномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ кружевами. По лѣвую руку отъ дѣдушки, съ другой стороны круглаго стола, садились гости, ежедневно два-три человѣка, большею частью мужчины. Обѣдъ былъ простой, изъ трехъ блюдъ, но обильный и сытный. Дѣдушка любилъ Русскую кухню, а потому часто подавались щи съ кашей, разсольникъ, солонина съ хрѣномъ, бараній бокъ, буженина съ горохомъ и т. п. На сладкое—оладьи, левашники, или „Наполеоновы шляпы“, пироги съ вареньемъ. Въ торжественные дни именинъ, рожденій и праздниковъ готовился паштетъ изъ разныхъ мелкихъ птицъ, галантиръ; жарили гуся съ красной капустой, подавали на сладкое яичницу съ ванилью въ чашечкахъ или миндальное „бланманже“. Въ обычные дни вино на столъ не ставилось, пили домашній квасъ и воду, настоянную на сушеныхъ коркахъ чернаго хлѣба. Только въ тѣ дни, когда нужно было за обѣдомъ кого нибудь изъ домашнихъ поздравить „съ Ангеломъ“ или днемъ рожденія, появлялóсь „Лиссабонское“ и яблочная домашняго приготовленія водица, которая пѣнилась не хуже шампанскаго.

Какъ я уже сказалъ, въ столовой не обѣдали, и комната эта была предназначена для гостей; въ ней подолгу живали пріѣзжавшіе изъ Петербурга и провинціи родственники и близкіе знакомые. Комната эта была украшена превосходнымъ портретомъ молодой дамы въ сиреневомъ платьѣ, съ собачкой на колѣняхъ, кисти Тропинина, и большой картиной неизвѣстнаго художника, изображавшей Тайную Вечерю.

Внутренняя жизнь семьи была на верху, въ мезонинѣ, куда вела довольно крутая лѣстница, выходившая въ корридоръ. Лѣстницу эту я помню съ ранняго дѣтства: сверху до низу пересчиталъ я однажды своими боками ея истертыя, деревянныя ступени, погнавшись за мячикомъ. Обѣ бабушки, тетка и нянька бросились поднимать меня, раздѣли, уложили въ постель, послали за врачемъ; я неистово кричалъ отъ испуга, но оказался цѣлъ и невредимъ.

Налѣво отъ лѣстницы по корридору первая дверь вела въ „дѣвичью“, а вторая—въ спальню „старой бабушки“ Дарьи Карловны.

Въ этой комнатѣ все казалось мнѣ близкимъ и роднымъ: на стѣнахъ старыя гравюры, подъ стекломъ, въ узкихъ рамкахъ краснаго дерева, изображавшія Фридриха II на конѣ и улицы Берлина въ XVIII вѣкѣ; круглое зеркало между колонками Корельской березы на широкомъ

Библиотека "Руниверс"

комодѣ; мѣдный рукомойникъ съ подъемнымъ краномъ надъ мѣднымъ овальнымъ тазомъ; на комодѣ, рядомъ съ глиняными Любекскими кофейниками, покрытая зеленымъ чахломъ машина для выдѣлки подпилковъ. Машина эта, по разсказамъ бабушки, была придумана и собственноручно собрана ея покойнымъ мужемъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, умершимъ въ Апрѣлѣ 1840 года. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кунишъ былъ родомъ изъ Любека и пріѣхалъ въ Россію вскорѣ послѣ Наполеоновскихъ погромовъ вмѣстѣ съ своей женой Дарьей Карловной и единственной дочерью Юліей. Будучи по ремеслу механикомъ, онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ завѣдывалъ мастерскими Выксинскихъ заводовъ Баташева.

На Выксѣ жилось весело. Баташевы часто устраивали банкеты и балы, на которыхъ бабушка Дарья Карловна играла, повидимому, не послѣднюю роль. Она часто вспоминала, въ веселыя минуты, какъ танцовала на этихъ балахъ „матлотъ“ или ходила въ полонезѣ подъ руку съ генераломъ Леонтьевымъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ переселился въ Москву. При проѣздѣ черезъ Муромскіе лѣса, онъ попалъ въ разбойничій притонъ, гдѣ чуть не погибъ вмѣстѣ съ маленькой дочерью Юліей. Къ счастью, дѣвочка уже немного понимала по-русски. Зайдя въ избу, средь лѣса, куда ихъ завезъ ямщикъ, она услыхала разговоръ мужиковъ. „Кирюха, говорилъ одинъ изъ нихъ другому, наточи-ка топоръ, Нѣмецъ крѣпонекъ, придется съ нимъ повозиться“. Юленька незамѣтно выскользнула изъ избы и побѣжала къ отцу, который остался въ кибиткѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ высокъ ростомъ и, дѣйствительно, отличался большой физической силой и смѣлостью. Онъ вылѣзъ изъ кибитки и позвалъ ямщика, а какъ только тотъ вышелъ изъ избы, захлопнулъ за нимъ дверь и задвинулъ засовъ. Потомъ схватилъ ямщика за воротъ и заставилъ его силой сѣсть на козлы и взять возжи, пригрозивъ его задушить, если онъ крикнетъ. Пока разбойники ломились въ дверь, кибитка благополучно выбралась на дорогу, при чемъ дѣдушка все время держалъ ямщика за кушакъ и самъ погонялъ тройку.

Въ Москвѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ завелъ суконную фабрику въ товариществѣ съ Англичаниномъ Моргеномъ и какимъ-то Русскимъ торговцемъ. Послѣдній однако скоро оказался неблагонадежнымъ: сталъ выдавать, безъ вѣдома своихъ компаніоновъ, дутые векселя, и фабрику въ Кожевникахъ пришлось продать съ молотка. Дѣдушка, тогда уже шестидесятилѣтній старикъ, былъ разоренъ до тла. Началось хожденіе по судамъ, хлопоты въ конкурсахъ и т. д. Въ это время Ѳедоръ Ѳедоровичъ и познакомился съ дѣдомъ моимъ съ материнской стороны

Библиотека "Руниверс"

Александромъ Ивановичемъ, служившимъ тогда въ Московскомъ Надворномъ Судѣ. Александръ Ивановичъ недавно передъ тѣмъ овдовѣлъ и остался послѣ жены съ двумя малютками дочерьми—моей матерью, Екатериной, и теткой, Надеждой. Онъ увидѣлъ въ домѣ Ѳедора Ѳедоровича пятнадцатилѣтнюю красавицу, бойкую, умненькую Юлію, плѣнился ею и, не смотря на значительную разницу лѣтъ (ему было за тридцать) женился. Молодые супруги зажили счастливо и переѣхали, нѣсколько лѣтъ спустя, въ собственный домъ, гдѣ мирно прожили въ полномъ согласіи болѣе сорока лѣтъ. Къ нимъ переселились и родители Юліи Ѳедоровны: Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Дарья Карловна.

Портретъ старика висѣлъ въ комнатѣ бабушки, надъ ея кроватью. Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ изображенъ въ синемъ фракѣ съ высокимъ жабо и въ бѣломъ галстухѣ. Я часто взглядывалъ на его круглое, бритое лицо съ умными голубыми глазами и зачесанными на вискахъ прядями сѣдыхъ волосъ. По разсказамъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ до послѣднихъ дней своей жизни былъ бодръ и веселъ. Онъ скончался восьмидесяти лѣтъ, а за три дня до кончины танцовалъ еще вальсъ съ моей матерью, которой было тогда лѣтъ 15. Поселившись у зятя, Ѳедоръ Ѳедоровичъ тяготился бездѣльемъ. Потеря состоянія его не огорчала, но онъ скорбѣлъ о своихъ годахъ. „Будь я на десять лѣтъ моложе, говорилъ онъ, я опять принялся-бы за работу“.

Рядомъ висѣлъ портретъ самой бабушки. Но кто могъ-бы признать въ этой суровой красавицѣ, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ черными буклями, въ кружевномъ токѣ и съ фермуаромъ на открытой шеѣ, нашу милую, добрую бабушку? Когда насъ привезли въ Скатертный переулокъ, ей было уже за 80, но она, не смотря на полноту и больныя ноги, была еще очень бодра и дѣятельна. На ней лежали хозяйственныя заботы по дому, и она съ любовью разливала чай, выдавала провизію, считала столовое серебро, наблюдала за чистотой и за прислугой.

Рядомъ съ комнатой старой бабушки была дѣвичья, гдѣ въ вечерніе часы собиралась женская прислуга. Часто, засыпая, я слышалъ за стѣной невнятную болтовню горничныхъ и ихъ негромкое пѣніе. Въ то время завершалось славное покореніе Кавказа, и пѣсни о геройской войнѣ были въ большомъ ходу. Въ особенности славился романсъ: „Куда ты, ангелъ мой, стремишься на тотъ погибельный Кавказъ“ и т. д.

Направо отъ лѣстницы въ мезонинѣ, по корридору, дверь вела въ кабинетъ дѣдушки Александра Ивановича. Мы, дѣти, вступали въ него не безъ робости, какъ въ святилище, полное чудесъ. У входной двери

Библиотека "Руниверс"

кабинета стоялъ стеклянный шкапъ со множествомъ разноцвѣтныхъ баночекъ и пузырьковъ; къ наружной стѣнѣ придвинута была большая электрическая машина съ колесомъ и мѣдными столбиками; около нея, подъ камеръ-обскурой, размѣстились Лейденскія банки и какія-то стеклянные сосуды, оплетенные проволокой; на столахъ лежали кучами книги, тетради и невѣдомые инструменты; между окнами высилось старинное бюро краснаго дерева Пиковской работы, со множествомъ ящиковъ и отдѣленій; на окнахъ разставлены были тарелки и чашки съ красками, порошками и растворами всѣхъ цвѣтовъ. Среди этого хлама дѣдушка, въ сѣромъ халатѣ и ярко вычищенныхъ сапогахъ, что-то перетираетъ въ глиняной ступкѣ, или взбалтываетъ въ плотно закупоренной стклянкѣ, разбавляетъ и внимательно разглядываетъ на свѣтъ. Дѣдушка вычиталъ, а можетъ-быть и самъ открылъ, способъ добыванія изъ камня домашнимъ способомъ цѣнной ультрамариновой краски. Въ стеклянномъ шкапу, у двери, хранились въ низенькихъ свѣтлыхъ баночкахъ результаты его трудовъ, въ видѣ тончайшаго порошка всѣхъ оттѣнковъ голубого цвѣта отъ свѣтло-пепельнаго до темно-бирюзоваго. Но чтобы привести краску въ такое состояніе нужно было часами перетирать ее съ какимъ-то жирнымъ веществомъ, промывать въ нѣсколькихъ водахъ, процѣживать, выпаривать и просушивать,—словомъ, нуженъ былъ продолжительный и тщательный уходъ. Дѣдушка занимался этимъ съ большой любовью, но исключительно ради искусства; полученную краску онъ хранилъ, какъ сокровище, подъ замкомъ, и только изрѣдка дарилъ ее маленькими пробами кому нибудь изъ знакомыхъ художниковъ*).

Мы стоимъ, затаивъ дыханіе, и смотримъ широко открытыми глазами на дѣдушкину работу; а онъ, замѣтивъ насъ, подзоветъ къ себѣ, дастъ понюхать какую нибудь баночку, посмѣется надъ нашими гримасами, погладитъ каждаго по головѣ и ласково скажетъ: „ну, ступайте себѣ“. А иногда оставитъ свои краски и забавляется съ нами: станетъ вертѣть колесо электрической машины, показываетъ намъ висящія на стѣнѣ оптическія зеркала,—увеличительное и уменьшительное,—или гравюры, которыя хранились за печкой въ большой папкѣ; попотчуетъ насъ лакрицей или сладкими бѣлыми крупинками изъ гомеопатической аптечки. Въ кабинетѣ пахнетъ нюхательнымъ табакомъ, старыми книгами и сухимъ деревомъ. На бюро стучитъ маятникъ

*) Въ то время въ продажѣ не было тертыхъ масляныхъ красокъ въ трубочкахъ для живописи, и художники сами растирали сухія краски съ варенымъ коноплянымъ масломъ на стеклянныхъ круглыхъ пластинахъ мраморными или стеклянными курантами.

Библиотека "Руниверс"

Лондонскихъ часовъ, а дѣдушка сидитъ, немного сгорбившись на плетеномъ стулѣ, и слегка поскрипываетъ сапогами.

Какъ теперь вижу высокую, худощавую фигуру дѣда, его открытый, блѣдный лобъ, не сѣдѣющіе, сухіе волосы, зачесанные на вискахъ, бритое продолговатое лицо, маленькіе зоркіе глаза и насмѣшливую улыбку на тонкихъ губахъ. Судя по домашнему портрету, дѣдушка смолоду не былъ красивъ, но лицо его дышало умомъ и привѣтливостью. Въ обращеніи онъ былъ простъ и общителенъ, любилъ принимать гостей и слылъ большимъ говоруномъ и острословомъ. Вообще Александръ Ивановичъ былъ очень многостороненъ; хотя онъ учился, какъ почти всѣ въ тѣ времена, на гроши, но пріобрѣлъ немало знаній своей пытливостью и любознательностью. Онъ особенно интересовался всякими новыми изобрѣтеніями и открытіями и часто за обѣдомъ, въ кругу своихъ, съ увлеченіемъ разсказывалъ о чудесахъ техники, о смѣлыхъ опытахъ прикладныхъ знаній, объ успѣхахъ и блестящемъ будущемъ положительной науки. Говорилъ онъ горячо и образно, но безъ тѣни рисовки, съ юморомъ и увлекательностью, которая невольно очаровывала. Имѣлъ весьма тогда распространенную привычку пересыпать рѣчь поговорками и пословицами и охотно шутилъ. Незлобиво посмѣяться надъ кѣмъ либо изъ обычныхъ гостей или домочадцевъ было для него первой забавой. Больше всѣхъ отъ этой слабости терпѣли бывавшіе у него запросто, два-три раза въ недѣлю, его старинные пріятели: маленькій, бѣленькій старичекъ Телепневъ въ голубомъ длинноломъ сюртукѣ съ улеемъ сѣдыхъ волосъ на головѣ; Англичанинъ Моргенъ, высокій, толстый старикъ съ красными щеками, подпертыми стоячимъ воротничкомъ; молчаливый взъерошенный художникъ Хлобыстаевъ, нашъ первый учитель рисованія; реставраторъ Успенскаго собора Подклюшниковъ, сотоварищъ дѣдушки по собиранію художественныхъ рѣдкостей.

Еще совсѣмъ молодымъ, дѣдушка началъ тратить свои небольшія сбереженія на покупку картинъ. Любимымъ его развлеченіемъ сдѣлалось посѣщеніе воскреснаго торга на Сухаревкѣ, антикварной лавки Родіонова на Покровкѣ, и всякихъ мебельныхъ складовъ, гдѣ прежде попадались удивительныя вещи за баснословно дешевыя цѣны. Домъ въ Скатертномъ переулкѣ черезъ нѣсколько лѣтъ наполнился большой коллекціей картинъ, преимущественно старыхъ Голландскихъ мастеровъ. Число пріобрѣтенныхъ имъ къ концу жизни картинъ доходило до трехъ сотъ и между ними были настоящіе перлы, достойные лучшихъ музеевъ. Любители Московскіе и пріѣзжіе нерѣдко навѣщали дѣдушку, наслышавшись о его собраніи; многіе уговаривали его продать ту или дру-

Библиотека "Руниверс"

гую картину, но онъ и слышать о томъ не хотѣлъ. „Когда меня вынесутъ, тогда пусть и картины выносятъ“, говаривалъ онъ. Особой любовью его пользовалась картина, изображавшая поясную фигуру курильщика въ натуральную величину; одни, въ томъ числѣ и дѣдушка, приписывали ее Давиду Теньеру, другіе—Францу Гальсу. „Курильщикъ“ висѣлъ въ кабинетѣ, надъ диваномъ, гдѣ дѣдушка отдыхалъ послѣ обѣда. Тутъ-же висѣли: пейзажъ Дрохслота, впослѣдствіи пріобрѣтенный Эрмитажемъ, и поясная фигура Діогена въ натуральную величину, съ фонаремъ въ рукѣ, кисти Испанскаго художника Рибейра.

Александръ Ивановичъ всю жизнь провелъ безвыѣздно въ Москвѣ и ея окрестностяхъ и уѣздахъ Московской губерніи. Одно время онъ служилъ въ Волоколамскѣ, потомъ много лѣтъ въ Московскомъ Надворномъ Судѣ, наконецъ депутатомъ Московскаго дворянства въ опекѣ. Не смотря на блестящія дарованія и несомнѣнную дѣловитость, Александръ Ивановичъ до высокихъ чиновъ не дослужился. Онъ умеръ 11-го Марта 1863 года семидесяти двухъ лѣтъ, коллежскимъ совѣтникомъ. Его служебнымъ успѣхамъ мѣшала, повидимому, самостоятельность его характера. Къ тому-же онъ былъ очень остеръ на языкъ, а этой черты въ Москвѣ всегда побаивались. Про рѣдкую въ то время служебную честность его ходили разсказы. Однажды, напримѣръ, когда онъ былъ еще судьей, родственница тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора, весьма уважаемая старуха, графиня П-на вздумала поблагодарить его за какое-то дѣло, рѣшенное Надворнымъ Судомъ. Она пригласила Александра Ивановича къ себѣ на чашку чая и, прощаясь, сунула ему въ руку черепаховую табакерку, наполненную червонцами. Дѣдушка такъ смутился, что выронилъ табакерку на полъ; она съ шумомъ разбилась на мелкіе куски, золотые покатились во всѣ стороны. Графиня вскрикнула, а переконфуженный Александръ Ивановичъ бросился бѣжать изъ комнаты. Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ, встрѣтивъ дѣда на вечерѣ въ Дворянскомъ собраніи, упрекалъ его, что онъ обидѣлъ старуху. „Что-же, вамъ мало показалось?“ ехидно спросилъ онъ дѣдушку.

Женатъ былъ дѣдушка два раза. Первая его жена, а моя бабушка съ материнской стороны, Варвара Дмитріевна, была дочерью князя Дмитрія Сергѣевича Трубецкаго*) и тайно съ нимъ повѣнчанной въ

*) Князь Дмитрій Сергѣевичъ Трубецкой, флота капитанъ-командиръ, былъ сыномъ генералъ-поручика князя Сергѣя Никитича Трубецкаго (род. въ 1743 г. † въ 1812 г.), женатаго на Аннѣ Ивановнѣ Лодыженской, и приходился внукомъ фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго (женатаго на княжнѣ Друцкой, по первому браку Херасковой).

Библиотека "Руниверс"

Англіи дочери Англиканскаго пастора. Князь Дмитрій Сергѣевичъ рано потерялъ жену и, вернувшись въ Россію съ маленькой дочерью Варварой, задумалъ устроить въ Петербургѣ канатную фабрику для потребностей военнаго флота. Но дѣла его не пошли, онъ потерялъ довольно крупное состояніе въ этомъ предпріятіи и внезапно скончался въ 1800 г., оставивъ единственную дочь на попеченіи старшей сестры своей, княжны Екатерины Сергѣевны Трубецкой *). Уже не молодая дѣвица, княжна Екатерина Сергѣевна замѣнила маленькой Варенькѣ отца и мать. Она жила зимой въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Садовой, а лѣтомъ на дачѣ, подъ Москвой, въ селѣ Всесвятскомъ. Она очень заботилась о Варенькѣ и дала ей тщательное воспитаніе. Дѣвочка обучалась Англійскому, Французскому и Нѣмецкому языку, музыкѣ и рисованію. Съ дѣтства у нея появилась склонность къ поэзіи. По тогдашней модѣ, она записывала любимые стихи въ альбомъ и вносила туда собственныя произведенія. Нѣсколько такихъ альбомовъ подъ названіемъ „Recueil de vers“, помѣченныхъ 1816 и 1818 годами, сохранились въ нашихъ семейныхъ бумагахъ. Въ одной изъ такихъ тетрадокъ переписана вся „Свѣтлана“ Жуковскаго. Въ другой я нашелъ слѣдующіе стихи, сочиненія Варвары Дмитріевны, съ собственноручными ея поправками и помарками:

Когда бѣдамъ конца не видишь,
Коль грусть одна,
То скоро жизнь возненавидишь.
На что она?
На что? Коль каждый день встрѣчая,
Должна вздохнуть,
И въ скукѣ оный провождая,
Съ слезой заснуть.
И тутъ ужасны сновидѣнья
Тревожатъ сонъ,
Найти въ немъ хочешь облегченье,
Бѣжитъ и онъ.
Ища спокойство, льщусь мечтою,
Стѣснепна грудь.....
Лишь съ скорбью знается одною
Сей жизни путь.

Усыпанъ терньемъ, не цвѣтами,
И мрачно въ даль.....
Живу я, знаяся съ слезами,
Вездѣ печаль.
Иной въ прошедшемъ облегченье
Себѣ найдетъ;
Оно на память лишь мученье
Мнѣ приведетъ.
Что вспомнить мнѣ?
Я сиротою родилась въ свѣтъ.
И безъ родства одна съ собою
Я съ юныхъ лѣтъ.
И ласкъ отцовскихъ я не знала,
И даже мать
Объятіевъ не отверзала
Меня принять.

Эта элегія, писанная, повидимому, въ 1818 г. содержитъ намеки на личную жизнь юной Вареньки, которой тогда было 19 лѣтъ. Приблизительно около этого времени началось знакомство ея съ Александромъ Ивановичемъ Розовымъ, перешедшее затѣмъ въ сватовство.

*) Скончалась въ 1826 г.

Библиотека "Руниверс"

Княжна Екатерина Сергѣевна сочувствовала и содѣйствовала ихъ браку. Въ бумагахъ нашихъ сохранились письма Варвары Дмитріевны къ Александру Ивановичу съ приписками княжны.

Свадьба Варвары Дмитріевны и Александра Ивановича состоялась въ 1820 году, и они уѣхали въ Волоколамскъ. На прощанье княжна Екатерина Сергѣевна благословила племянницу семейной иконой Трубецкихъ „Ахтырской“ Божіей Матери. Святыня эта и нынѣ хранится въ нашей семьѣ.

Молодые супруги страстно любили другъ друга. Вотъ какъ изображаетъ Варвара Дмитріевна чувства къ ней Александра Ивановича.

„Что чувствую въ душѣ при видѣ я твоемъ,
Какихъ виною ты различныхъ чувствъ движеній?
Стыжуся и страшусь, не зрю отрады въ томъ,
Хочу я говорить, но нѣтъ и выраженій.
Сижу ли я съ тобой—не чувствую себя;
Взоръ ищетъ твоего, но встрѣтивъ избѣгаетъ;
Случайно ли когда дотронусь до тебя,
Забьется сердце въ мигъ, и вся душа пылаетъ.
То въ страхѣ мучусь я, то вдругъ надеждой льщусь,
То я люблю тебя, то страсть ту ненавижу,
Бѣгу я отъ тебя, но все къ тебѣ стремлюсь,
И слезы лить готовъ, когда тебя увижу.
Въ разлукѣ ли съ тобой-все въ мыслях ты моихъ,
Я имя лишь твое всечасно повторяю,
Его при свѣтѣ дня и въ мрачности ночей
Давно вездѣ, во всемъ я вижу и читаю.
Когда-жъ не будешь мнѣ надеждой, другъ души,
Въ безвременности кончу жизнь унылу;
Хотя послѣдней ты отрады не лиши
И окропи слезой нещастнаго могилу“.

Стихотвореніе это написано рукой Варвары Дмитріевны на четвертушкѣ бумаги, на обратной сторонѣ которой нарисованъ карандашемъ портретъ дѣдушки Александра Ивановича, очень схожій.

Молодая чета жила въ Волоколамскѣ недолго. Въ 1823 году Александръ Ивановичъ съ женой переселился въ Москву, и около этого времени у нихъ родилась дочь Екатерина, моя мать, а еще черезъ годъ вторая дочь, Надежда. Но счастье молодыхъ супруговъ длилось непродолжительное время.

Послѣ второго ребенка здоровье Варвары Дмитріевны возстановлялось медленно. Къ великому горю Александра Ивановича у ней открылись признаки грудной болѣзни, отъ которой бабушка и скончалась въ 1826 году.

Библиотека "Руниверс"

Обѣ дѣвочки, Катенька и Наденька, остались на попеченіи довѣренной няни Зотовны изъ крѣпостныхъ семейства Трубецкихъ. Зотовна главную заботу о дѣтяхъ полагала въ наблюденіи за исправностью ихъ желудка и въ уходѣ за ихъ волосами. Она держала дѣтей на строжайшей діэтѣ и кормила ихъ исключительно куринымъ бульономъ и куриными котлетами. Въ видѣ лакомства дѣти получали по Воскресеньямъ маленькій кусочекъ чернаго хлѣба и полъ-стакана подогрѣтаго квасу. Каждую Субботу имъ давали рвотное по рецепту доктора Дрекслера, а по большимъ праздникамъ вплетали новыя ленточки въ косы. Къ счастію для дѣтей, Александръ Ивановичъ, года черезъ три послѣ смерти жены, рѣшился вступить во второй бракъ и остановилъ свой выборъ на Юліи Ѳедоровнѣ Кунишъ. Молодая мачиха сдѣлалась истинной матерью осиротѣвшимъ малюткамъ.

Когда дѣвочкамъ пришло время учиться, бабушка Юлія Ѳедоровна помѣстила ихъ въ одинъ изъ модныхъ Московскихъ пансіоновъ, къ m-me Севенаръ, куда онѣ переселились на житье. Въ пансіонѣ главнымъ предметомъ преподаванія былъ Французскій языкъ; обѣ сестры отличались старательностью и трудолюбіемъ. Онѣ унаслѣдовали отъ Варвары Дмитріевны легкость въ усвоеніи языковъ и не иначе переходили изъ класса въ классъ, какъ съ похвальными листами и наградными книгами. По праздникамъ и на лѣтнія вакаціи дѣвочки возвращались домой и радовали отца и мачиху своими успѣхами, благонравіемъ и прилежаніемъ. Пріѣзды дѣтей на побывку сопровождались различными домашними увеселеніями: на святкахъ для нихъ устраивали танцовальные вечера, при чемъ Катенька и Наденька наряжались въ фантастическіе костюмы и танцовали „Pas de châle“ или „Русскую“, а то, собравшись въ кружокъ съ подругами, гадали на воскъ и пепелъ, пѣли подблюдныя пѣсни и играли въ „фанты“ и „веревочку“. На масляницѣ бабушка Дарья Карловна возила дѣтей въ своей желтой коляскѣ на гулянье „подъ Новинское“, гдѣ они любовались пестрыми балаганами, нарядной толпой и безконечной вереницей экипажей. Лѣто проводили они въ городѣ, а чаще гдѣ нибудь на дачѣ, подъ Москвой. Тетка Надежда Александровна съ особымъ удовольствіемъ вспоминала тѣ годы, когда семейство Розовыхъ оставалось лѣтомъ въ городѣ; она вообще не любила деревенской жизни и находила, что садъ при домѣ въ Скатертномъ переулкѣ вполнѣ замѣняетъ дачу. Въ саду было много зелени и тѣни, куртины душистыхъ цвѣтовъ, чисто выметенныя дорожки и прохладныя бесѣдки, гдѣ можно было въ жаркій день спокойно сидѣть съ книгой и собачкой. А вечеромъ въ хорошую погоду, кучеръ Осипъ Филипповъ запрягалъ коляску парой смирныхъ коней, и Александръ Ивановичъ, съ женой и дѣтьми, ѣхалъ кататься въ паркъ или Сокольники. Иногда лѣтомъ предпринима-

Библиотека "Руниверс"

лись болѣе далекія поѣздки, напр. къ Троицѣ-Сергію. Такія экскурсіи дѣлались обыкновенно по обѣщанію. Выбирался ясный, нежаркій день; ѣхали въ собственной колескѣ; брали съ собой съѣстныхъ запасовъ и сластей; останавливались въ дорогѣ кормить лошадей, а черезъ два дня возвращались, не спѣша, домой съ десяткомъ вынутыхъ душистыхъ просвиръ для родныхъ, знакомыхъ и собственнаго употребленія. Такія богомолья не утомляли ни молельщиковъ, ни добрыхъ коней, ввѣренныхъ искусному „правленію“ кучера Филипыча.

Когда ученье Катеньки и Наденьки въ пансіонѣ окончилось, дѣвочкамъ взята была гувернантка, старушка Француженка m-elle Valence, для практики Французскаго языка и сопровожденія дѣвицъ на прогулку. Эта почтенная особа до самой смерти своей оставалась въ нашемъ домѣ и похоронена на Лютеранскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, на Введенскихъ горахъ, рядомъ съ дѣдушкой Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Кунишъ. M-lle Valence пріучала дѣвицъ къ хозяйству, много читала имъ вслухъ и разучивала съ ними „Сида“ и „Athalie et Joas“. Онѣ, въ свою очередь, охотно обучали азбукѣ и письму маленькаго брата Костеньку, которому было около восьми лѣтъ, когда онѣ вышли изъ пансіона. Лѣтомъ обѣ барышни Розовы нерѣдко гащивали или въ подмосковскомъ имѣніи ихъ дяди Степана Ивановича Розова, либо въ Каширскомъ уѣздѣ, въ семьѣ профессора Михаила Григорьевича Павлова. Съ семьей Павловыхъ Розовы были очень дружны еще при жизни первой супруги Александра Ивановича, которая близко сошлась съ супругой Михаила Григорьевича—Марьей Петровной и ея сестрой Евгеніей Петровной Рѣшетниковой. М. Г. Павловъ читалъ физику въ Московскомъ Университетѣ и былъ собственникомъ такъ называемаго „благороднаго пансіона для мальчиковъ“, въ Москвѣ. Сынъ его Николай Михайловичъ, скончавшійся въ Москвѣ въ 1906 г., извѣстенъ какъ Славянофилъ, сотрудникъ Ивана Сергѣевича Аксакова, и какъ авторъ „Русской Исторіи съ древнѣйшихъ временъ“.

Благодаря общительности дѣдушкинаго характера, посѣтители у него не переводились. Вышеназванные Телепневъ и Хлобыстаевъ приходили часто съ утра и проводили въ дѣдушкиномъ кабинетѣ цѣлые дни. Къ обѣду являлся кто нибудь изъ молодыхъ: Николай Николаевичъ Новиковъ, служившій въ семидесятыхъ годахъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ; Николай Евграфовичъ Мамоновъ, Московская врачебная извѣстность; Константинъ Михаиловичъ Балашевъ, прозекторъ анатоміи при Московскомъ университетѣ; Иванъ Михаиловичъ Сѣченовъ, впослѣдствіи знаменитый физіологъ, а тогда еще студентъ-медикъ. Вечерами бывала другая смѣна гостей: Иванъ Андреевичъ Рославлевъ, богатый

Библиотека "Руниверс"

помѣщикъ Коломенскаго уѣзда, Николай Сергѣевичъ Тургеневъ, старшій братъ писателя; Василій Алексѣевичъ Шибаевъ—сосѣдъ домовладѣлецъ, высланный когда-то графомъ Закревскимъ за славянофильство въ Тотьму; Петръ Ивановичъ Евреиновъ, основавшій въ Россіи множество предпріятій, которыя обогатили другихъ, а его разорили; Константинъ Анастасьевичъ Попандопуло, военный врачъ изъ Грековъ. Собравшіеся гости иногда садились за бостонъ, но чаще завязывали споры по общественнымъ и литературнымъ вопросамъ, продолжавшіеся далеко заполночь. Бывали и чтенія; собирались въ диванной, кругомъ стола, и слушали какую нибудь новинку; такъ прочли напр. „Князя Серебрянаго“. Шибаевъ и Новиковъ были отличными чтецами; послѣдній кромѣ того обладалъ прекраснымъ теноромъ. Бабушка охотно ему акомпанировала, и онъ цѣлыми часами распѣвалъ въ залѣ Русскіе романсы. Мы подсаживались на скамеечкѣ около бабушкиныхъ ногъ, въ уголку, у рояля, и слушали наши любимыя пѣсни: „Я пойду, пойду косить“, „Кубокъ янтарный“, „Вотъ мчится тройка удалая“. „Ахъ морозъ, морозецъ“ и т. д.

Дѣдушкиныхъ друзей Рославлева и Сосновскаго я зналъ только по разсказамъ домашнихъ. Рославлевъ былъ стариннаго покроя богатый помѣщикъ, жившій недалеко отъ насъ, на углу Мераляковскаго переулка, въ собственномъ барскомъ особнякѣ со львами на подъѣздѣ. Онъ отличался непомѣрной толщиной и крайнимъ благодушіемъ. Оставшись всю жизнь холостякомъ, онъ находился всецѣло въ рукахъ своихъ крѣпостныхъ слугъ—лакея Ваньки и кучера Трошки. Онъ подчинялся имъ во всемъ, какъ дитя, хотя иногда грозилъ отдать ихъ „подъ красную шапку“. Трошка часто возилъ его по Московскимъ закоулкамъ въ поискахъ за невѣстами. Эти поѣздки стоили довѣрчивому старику немало денегъ на подарки мнимымъ невѣстамъ, свахамъ и т. д. Конечно Ванька и Трошка подстраивали такія смотрины по взаимному уговору, чтобы выманить деньги у барина. Свободное отъ романтическихъ поѣздокъ время Рославлевъ проводилъ у окна своего дома, наблюдая за движеніемъ облаковъ. Онъ былъ увѣренъ, что вѣтеръ неизмѣнно гонитъ дождевыя тучи на его вотчины. „Всѣ на мои имѣнія провалили“, утѣшалъ онъ себя.

Дѣдушку Рославлевъ очень любилъ, называлъ „судьей“ и чуть не каждый вечеръ пріѣзжалъ поиграть съ нимъ въ карты. И тутъ не обходилось безъ курьезовъ: однажды говоритъ онъ дѣду: „слушай, судья, коли у меня будетъ хорошая масть, я скажу *тарабара*, а коли плохая—*тирибери*, а ты примѣчай“. „Такъ нельзя, Иванъ Андреевичъ, возражалъ дѣдъ; вѣдь мы съ тобой не одни играемъ, противъ насъ двое

Библиотека "Руниверс"

партнеровъ—это для нихъ будетъ обидно". „Что же тутъ обиднаго? удивлялся Рославлевъ, вѣдь я мастей не открою, а только скажу тарабара; чтобы ты зналъ, что я при картахъ". Такъ и не могли разубѣдить старика. Другой разъ, опять за игрой, дѣдушка говоритъ ему: „Что̀ это ты записалъ, Иванъ Андреевичъ?" „Что̀ слѣдуетъ, отвѣчаетъ Рославлевъ—тридцать одинъ". „Нѣтъ, возражаетъ дѣдушка, ты какой-то вензель написалъ, а не тридцать одинъ". Подозвали воспитанницу Рославлева, молоденькую Елисавету Ивановну. „Посмотри Лизанька, приказываетъ ей старикъ, что тутъ написано мѣломъ?" „Екатерина Первая (*Е. I.*)" отвѣчаетъ недавно выпущенная изъ пансіона Лизанька. Вообще про Рославлева ходило у насъ въ домѣ множество анекдотовъ. Особенно забавенъ былъ разсказъ о томъ, какъ онъ разъ поднялся во второй этажъ, въ дѣдушкинъ кабинетъ, посмотрѣть картины, а когда настало время уходить домой, то рѣшительно отказался спускаться внизъ по лѣстницѣ. Никто не могъ убѣдить его, что въ этомъ нѣтъ никакой опасности; бились съ нимъ цѣлый часъ, наконецъ, дѣдушка придумалъ выходъ—послалъ за Ванькой и Трошкой, призвали нашего лакея и кучера Филиппыча и свели старика задомъ, на четверенькахъ, переставляя ему ноги и руки со ступени на ступень. Весь домъ собрался смотрѣть на это невиданное зрѣлище.

Сосновскій былъ замѣчателенъ въ другомъ отношеніи. Онъ познакомился съ дѣдушкой будучи столѣтнимъ старикомъ и до послѣдняго дня своей жизни, а умеръ онъ на 122-мъ году, сохранилъ веселость духа, слухъ, зрѣніе и хорошій аппетитъ. Онъ ежедневно гулялъ по Тверскому бульвару, читалъ газеты безъ очковъ и дѣлалъ визиты дамамъ. Альбомы моей матери и тетки были полны его акварельныхъ рисунковъ, очень тонкихъ. Во всю свою долгую жизнь Сосновскій былъ боленъ только одинъ разъ: на полковомъ праздникѣ, въ присутствіи императрицы Екатерины, его уговорили послѣ обѣда выпить чашку кофе. Съ послѣднимъ глоткомъ, Сосновскій упалъ безъ чувствъ и потомъ прохворалъ нѣсколько дней: такъ сильно подѣйствовалъ на него непривычный ему кофе. Впрочемъ, онъ никакого особаго режима не держался: имѣя независимыя средства, жилъ въ свое удовольствіе, любилъ покушать и охотно пилъ хорошее красное вино. Скончался онъ совершенно безболѣзненно и въ день своей смерти еще гулялъ и навѣщалъ знакомыхъ. Некрологъ его былъ напечатанъ въ Московскихъ газетахъ.

Изъ другихъ пріятелей Александра Ивановича мнѣ особенно памятенъ К. А. Попандопуло, можетъ быть, потому, что онъ отличался своимъ темнымъ, изрытымъ глубокими морщинами лицомъ, крупнымъ восточнымъ носомъ, щетинистыми сѣдыми волосами и сухой сгорблен-

Библиотека "Руниверс"

ной фигурой. Константинъ Анастасьевичъ Попандопуло страстно любилъ играть въ пикетъ и приходилъ къ намъ почти каждый вечеръ. Но такъ какъ онъ игралъ прижимисто и по очень маленькой, то съ нимъ неохотно садились за карты. „Богомъ тебя прошу, приставалъ онъ къ дѣдушкѣ, сыграемъ хоть одну пульку“. Въ боковомъ карманѣ форменнаго сюртука онъ носилъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами; ими онъ расплачивался за карты и хвастался тѣмъ, что никогда не отказываетъ нищимъ; для нихъ у него былъ запасъ теперь уже рѣдко попадающихся въ обращеніи „полушекъ“. Однажды мы посѣтили его съ дѣдушкой, и я хорошо запомнилъ его большой кабинетъ, увѣшанный по стѣнамъ кривыми восточными саблями и длинными чубуками. Надъ диваномъ, гдѣ онъ сидѣлъ, висѣла большая картина, изображавшая трехмачтовый корабль съ распущенными парусами, а подъ ней шитый шерстями коверъ съ Турецкимъ пашей въ огромномъ бѣломъ тюрбанѣ. Попандопуло иногда сажалъ меня къ себѣ на колѣни и заставлялъ скакать, припѣвая старческимъ, носовымъ голосомъ: „Куюли, пуюли“...

Изрѣдка навѣщалъ дѣда его старшій братъ Сергѣй Ивановичъ Розовъ, партизанъ 12-го года, крѣпкій, сутуловатый старикъ съ шапкой сѣдыхъ волосъ на головѣ, ласковый и застѣнчивый. Онъ всегда ходилъ до верху застегнутый, въ черномъ двубортномъ сюртукѣ съ орденомъ Владимира въ петлицѣ. Говорилъ онъ мало, нюхалъ табакъ и постоянно улыбался. Единственный сынъ его Дмитрій Сергѣевичъ служилъ въ Петербургѣ по вѣдомству Иностранныхъ Дѣлъ. Это былъ утонченно образованный, красивый и блестящій молодой „дэнди“, избалованный свѣтскими успѣхами. Сохранившаяся миніатюра дастъ ясное о немъ представленіе: продолговатое, блѣдное лицо, тонкій носъ, густые темные волосы, рѣзкія брови и крѣпко сжатыя губы очень напоминаютъ черты Грибоѣдова. Умеръ онъ въ молодыхъ лѣтахъ. Вскорѣ вслѣдъ за нимъ скончалась и супруга Сергѣя Ивановича, строгая и чопорная барыня Нимфодора Дмитріевна. О ней и о ея безвременно умершемъ сынѣ часто вспоминала бабушка Юлія Ѳедоровна, для которой Нимфодора Дмитріевна осталась навсегда законодательницей модъ, а Дмитрій Сергѣевичъ образцомъ свѣтскости.

При Нимфодорѣ Дмитріевнѣ Сергѣй Ивановичъ жилъ по старинѣ, на широкую ногу, съ многочисленной дворней, приживалками и шутами. Про одного изъ послѣднихъ, Ваньку, я слышалъ отъ домашнихъ забавные разсказы. Ванька былъ здоровый парень лѣтъ 22-хъ, веселый и прожорливый. Онъ всѣмъ говорилъ „ты“, барина своего называлъ „овечкой“ и любилъ ходить по гостямъ, выпрашивая чаю съ „комками“ (сахаромъ). По воскресеньямъ и праздникамъ онъ усердно посѣщалъ

Библиотека "Руниверс"

приходскую церковь. Придетъ рано, приложится къ мѣстнымъ иконамъ и станетъ прямо передъ царскими вратами, ожидая выхода священника или діакона. Какъ только кто нибудь изъ нихъ покажется изъ алтаря, онъ громко привѣтствуетъ вышедшаго: „здравствуй, батюшка“ или „здравствуй, отецъ діаконъ“. Какъ ни старались вразумить его, что не принято такъ обращаться къ духовнымъ особамъ во время церковной службы, онъ каждое воскресенье и каждый праздникъ повторялъ свою продѣлку. Пробовали выводить его изъ церкви, но безуспѣшно: Ванька, обладавшій колоссальной силой, упирался, начиналъ шумѣть и драться. Наконецъ, полиція просила Сергѣя Ивановича запретить Ванькѣ посѣщать церковь.

У насъ, въ противность тогдашнему обычаю, ни приживалокъ, ни шутовъ никогда не держали: бабушка Юлія Ѳедоровна этотъ людъ не жаловала. Неохотно принимала она всевозможныхъ странницъ, богомолокъ и юродивыхъ, которыми Москва въ то время изобиловала. Исключеніе дѣлалось для одной „Лизаветы Ивановны въ черномъ платьѣ“ или „рабы Божіей Северицыной“, какъ она сама себя называла. Лизавета Ивановна бывала у насъ по нѣскольку разъ въ годъ за подаяніемъ. Всю жизнь бѣгала она по монастырямъ и подворьямъ, влюблялась въ монаховъ и всѣмъ надоѣдала своими разсказами о благосклонности къ ней разныхъ „владыкъ“.

Въ домѣ не водилось также многочисленной дворни: вся прислуга состояла, насколько я помню, изъ вольнонаемныхъ: кучера Осипа Филиппыча, прожившаго въ домѣ болѣе сорока лѣтъ; кухарки Арины Анисимовны, занимавшей эту должность у насъ около полувѣка, до самой смерти; горничной Софьи Михаиловны, прослужившей лѣтъ тридцать при бабушкѣ Юліи Ѳедоровнѣ, и няни нашей Ольги Матвѣевны, которая скончалась въ одной изъ Московскихъ богадѣленъ, куда мы ее помѣстили, когда я былъ уже на службѣ, а сестра моя замужемъ.

Чтобы довершить описаніе стараго дома, я долженъ упомянуть еще о трехъ комнатахъ: бабушкиной спальнѣ, ея туалетной и комнатѣ тетки Надежды Александровны. Бабушкина спальня выходила на улицу Итальянскимъ окномъ и замѣчательна была обширной кроватью ясеневаго дерева со множествомъ подушекъ и высокимъ кіотомъ въ углу, наполненнымъ образами въ дорогихъ окладахъ. Хотя Юлія Ѳедоровна осталась по рожденію лютеранкой, однако, подъ вліяніемъ мужа, она очень пристрастилась къ обрядамъ нашей церкви. Передъ кіотомъ въ ея спальнѣ всегда теплилась лампадка, и она не пропускала ни одного дня, чтобы не стать передъ семейными иконами на молитву, при чемъ

Библиотека "Руниверс"

по Русскому обычаю часто крестилась и усердно клала земные поклоны. Молитвы говорила порусски, кромѣ „Отче нашъ“.

Въ противоположномъ концѣ корридора, противъ дѣдушкина кабинета, были „туалетная“ бабушки Юліи Ѳедоровны и далѣе теткина спальня. Обѣ эти комнаты выходили окнами въ садъ.

Въ то время Скатертный переулокъ, теперь застроенный каменными громадами, сплошь состоялъ изъ деревянныхъ особняковъ съ садами. Длинные, некрашенные заборы тянулись по обѣимъ сторонамъ его, и на узкіе тротуары свѣшивались разросшіеся кусты бузины, жимолости и сирени. Нашъ садъ былъ разбитъ на два квадрата, окаймленныхъ дорожками. По серединѣ возвышались два серебристыхъ тополя, почти въ обхватъ толщиной, а вдоль дорожекъ посажены были кусты шиповника, жасмина и акацій и тянулись рабатки съ кустами піоновъ, георгинъ, барской спѣси, душистаго горошка, бархатцевъ и ноготковъ. По забору густо росла высокая сирень, изъ-за нея выглядывали вершинки молодыхъ березъ, осинъ, кленовъ и рябины. Свободное незаросшее пространство между рабатками было покрыто сѣяннымъ газономъ. Передъ домомъ росли двѣ большія развѣсистыя яблони. Лѣтомъ садъ содержался очень исправно: всякую сушь немедленно удаляли, крѣпко убитыя дорожки выметались каждое утро и посыпались пескомъ, траву выкашивали подъ щетку: въ бесѣдкахъ мели полъ вѣниками и удаляли паутину. Не смотря на свои скромные размѣры, садъ былъ украшенъ тремя бесѣдками, изъ нихъ двѣ были открытыя и одна закрытая, въ видѣ павильона, въ готическомъ вкусѣ. Въ теплые, лѣтніе вечера въ одной изъ открытыхъ бесѣдокъ пили послѣобѣденный чай. Закрытая бесѣдка была прилично меблирована мягкой мебелью, обитой свѣтлымъ ситцемъ. Въ Маѣ зацвѣтали яблони, акаціи покрывались желтыми цвѣточками, и пышно распустившаяся лиловая и бѣлая сирень наполняла садъ весеннимъ благоуханіемъ.

Въ старомъ домѣ прежде жилось широко и привольно. По разсказамъ, когда моя мать еще не была замужемъ, дѣдушка Александръ Ивановичъ и бабушка Юлія Ѳедоровна любили повеселить дѣтей и сами повеселиться. Нерѣдко, въ зимнюю пору, устраивали они танцовальные вечера и домашніе маскарады, бывшіе въ большой модѣ въ Николаевское время. На эти вечера съѣзжались многочисленные знакомые семьи Розовыхъ, подруги Катеньки и Наденьки по пансіону Севенаръ, товарищи сына Костеньки по полку. Старъ и младъ танцовали до упаду экосезъ и лансье, ходили „гросфатеромъ“ по всѣмъ комнатамъ перваго этажа, потомъ ужинали и принимались плясать до

Библиотека "Руниверс"

утра мазурку или котиліонъ. Веселье и оживленье царило въ Скатертномъ переулкѣ.

Мы, дѣти, уже не застали этого періода. Матери моей не было въ живыхъ съ 1856 года, а дядя Костенька пропадалъ по цѣлымъ годамъ безъ вѣсти. Веселыхъ сборищъ мы уже не застали; кругъ знакомства сократился, и дѣдушку посѣщали только его близкіе друзья. Но и такихъ было немного. Кончились пріемы и выѣзды, но тѣмъ теплѣе и уютнѣе сталъ старый домъ, тѣмъ дружнѣе и любовнѣе зажили его мирные обитатели. Не пышно, не напоказъ, а скромно и хозяйственно устроилось ихъ существованіе: дѣдушка ушелъ всей душой въ свои картины, коллекціи, краски и опыты; старая бабушка отдала себя домашнимъ заботамъ; молодая бабушка занималась музыкой, вела денежные счеты по дому, полновластно держала въ своихъ рукахъ весь внутренній и внѣшній укладъ семьи; тетка смотрѣла за своими цвѣтами и собачками, Трильби и Жужкой, отъ скуки лѣчилась разными травами и сиропами.

Такъ спокойно протекала жизнь стараго дома, день за день.....

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ Н. П. БАРСУКОВА КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Эти письма Н. П. Барсукова въ цѣломъ представляютъ какъ бы живую лѣтопись его ученой жизни за 1870—1873 годы. Онъ извѣщаетъ Максимовича, въ то время жившаго въ своемъ имѣніи въ Полтавской губ., о вновь выходящихъ книгахъ и другихъ новостяхъ ученаго міра, вспоминаетъ старыхъ ученыхъ и литературныхъ доброжелателей Максимовича. Переписка велась помимо личнаго знакомства Барсукова и Максимовича, которое состоялось только въ срединѣ 1872 года.

Барсуковъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ старому Русскому ученому, личному свидѣтелю расцвѣта Русской литературы при Пушкинѣ и Гоголѣ. Максимовичъ отвѣчалъ на это полнымъ вниманіемъ и привязанностью. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ протоіерею Кіево-Софійскаго собора Петру Гавриловичу Лебединцеву, занимавшемуся Русскою исторіею, преимущественно съ ея церковной стороны, Максимовичъ называетъ Барсукова „заочно возлюбленнымъ“.[1])

Особенно дѣятельно велась переписка между Барсуковымъ и Максимовичемъ въ 1870—1871 гг. Барсуковъ вызвался издать „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“ Максимовича и, какъ свидѣтельствуетъ Лебединцевъ, положилъ на это свои средства. „Человѣкъ онъ, писалъ Лебединцевъ про Барсукова, весьма усердный ко всякому доброму дѣлу и вамъ весьма благожелательный и радѣтельный. Жаль только, при ограниченныхъ своихъ средствахъ, поусердствовавши издать ваши письма, онъ едва выручилъ 60 рублей, тогда какъ изданіе ему стоило 300 рублей—ему, а не Савваитову, который участвовалъ только совѣтомъ, а не карманомъ“[2]). „Объ иждивеніи не безпокойтесь“, пишетъ Барсуковъ 8-го Августа 1870 г. „Отложите о нихъ (о „Письмахъ“) всякое матеріальное попеченіе“ (28-го Августа). 23-го Февраля 1871 г. Барсуковъ, очевидно, съ благою цѣлью отстранить денежные разговоры, пишетъ: „Письма о Кіевѣ покроютъ издержки по изданію ихъ“. А 3-го Декабря того же года онъ снова настойчиво заявляетъ: „О письмахъ изъ Кіева скажу снова: отложите о нихъ всякое матеріальное попеченіе“.

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1904 г., Декабрь, стр. 476.

[2]) „Кіевская Старина“, 1904 г., Декабрь, стр. 473.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ того, Барсуковъ также тратился на оповѣщенія въ газетахъ объ изданіи „Писемъ о Кіевѣ“. На обратной страницѣ счета изъ типографіи онъ пишетъ: „Возглашу къ вамъ: „Повели звонить въ превеликую“, т. е., буду просить вашего разрѣшенія на публикацію (въ Петербургскихъ и Московскихъ газетахъ) о выходѣ въ свѣтъ книги.“

Все это показываетъ, какимъ уваженіемъ былъ преисполненъ Барсуковъ къ Русской исторіи и тѣмъ Русскимъ дѣятелямъ, которымъ были посвящены „Письма о Кіевѣ“.

Самъ Максимовичъ всегда нуждался въ средствахъ для жизни. Вслѣдствіе этого онъ даже былъ вынужденъ проживать въ деревнѣ, хотя его очень тянуло въ Москву, особенно ему дорогую. И вотъ, когда „Письма о Кіевѣ“ были изданы, онъ просто не имѣлъ денегъ, чтобы заплатить за это изданіе, и принужденъ былъ воспользоваться безкорыстіемъ преданнаго наукѣ ученаго.

Барсуковъ принялъ живое участіе во возбужденіи вопроса о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Максимовича. Онъ первый указалъ на предстоявшій юбилейный срокъ и сообщилъ объ этомъ самому Максимовичу. Юбилей нѣсколько поправилъ денежныя обстоятельства Максимовича и принесъ ему позднее вѣнчаніе за научную работу всей жизни: онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, до того не обращавшей на него вниманія. Выше этого Академія Наукъ не нашла возможнымъ оцѣнить труды человѣка, имя котораго не изгладится въ исторіи Русской науки и образованности.

Изъ писемъ Барсукова къ Максимовичу мы извлекаемъ главнымъ образомъ мѣста, характеризующія ихъ автора и тотъ кругъ лицъ, въ которомъ онъ жилъ. Всего сохранилось 32 письма отъ 15-го Апрѣля 1870 г. до 10-го Марта 1873 г. Ровно черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ послѣдняго письма Барсукова, 10-го Ноября, Максимовичъ скончался.

В. В. Даниловъ.

1.

15-го Апрѣля 1870 г.

На страстной я имѣлъ счастье получить отъ васъ драгоцѣнный подарокъ, бывшій для меня сущимъ краснымъ яичкомъ къ Великому дню, и нынѣ, когда „вся исполнишася свѣта, небо же и земля“, приношу вамъ съ цѣлованіемъ о Христѣ мою сердечную благодарность.... Подарокъ сей былъ для меня какъ бы награда за мое чистосердечное желаніе вамъ всякаго добра*)....

Вы, въ тишинѣ своего сельскаго уединенія, подъ благословеннымъ полуденнымъ небомъ, въ сосѣдствѣ священнаго Кіева, своимъ неослаб-

*) Вѣроятно, подарокъ былъ книжный, какое либо сочиненіе Максимовича. Братъ благодаритъ Максимовича за присланную имъ переписку съ Погодинымъ, съ „собственноручнымъ надписаніемъ“.

Примѣчаніе Александра Платоновича Барсукова.

Библиотека "Руниверс"

нымъ, вдохновеннымъ, безкорыстнымъ служеніемъ „Россійскимъ Музамъ“, которому по наведеннымъ мною справкамъ, въ 1871 г. исполнится пятидесятилѣтіе[1]), преподаете намъ, молодымъ людямъ, прекрасный, высокій примѣръ и поученіе.... А какъ мало мы имѣемъ теперь такихъ наставниковъ!...

Въ вѣкъ корысти нѣтъ любви,
И высокихъ пѣсенъ нѣтъ!

И я почитаю себя счастливымъ и благодарю Бога за то, что не утратилъ еще способности сочувствовать такимъ людямъ, какъ вы.... Вашъ портретъ съ надписью изъ вашего посланія къ Погодину, помѣщенный рядомъ съ портретами приснопамятнаго Иннокентія, Погодина и Шевырева, украшаетъ мою труженическую келлію, а имя ваше я зналъ еще въ дѣтствѣ отъ своего отца, который былъ вашимъ ученикомъ въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ.

Познакомившись зимою, на вечерѣ у Вл. Пв. Титова съ Д. П. Ознобишинымъ[2]), я заслушался его разсказовъ о васъ, о Погодинѣ, Веневитиновѣ, Шевыревѣ, Одоевскомъ, Хомяковѣ, Кирѣевскихъ и вообще о всемъ вашемъ избранномъ Московскомъ обществѣ, давшемъ столько прекрасныхъ даровапій Русской литературѣ; а въ прошлое Воскресеніе нашъ достойной предсѣдатель, а вашъ старинный пріятель Павелъ Александровичъ Мухановъ цѣлый вечеръ вспоминалъ о васъ съ любовію....

2.

...Я недавно прочелъ Записки о жизни Н. А. Полевого, написанныя К. А. Полевымъ и изданныя въ Петербургѣ въ 1860 г. Въ этихъ Запискахъ много говорится о васъ и между прочимъ: „М. А. Максимовичъ долго былъ въ самыхъ близкихъ пріязненныхъ сношеніяхъ съ моимъ братомъ, а потомъ сдѣлался непріятелемъ его, увидимъ далѣе, какимъ образомъ“ (с. 162, 163); но далѣе мы ничего не видимъ[3])!

Мой дядя, хорошо вамъ извѣстный по Москвѣ П. И. Бартеневъ, мнѣ недавно писалъ: „Удивляюсь, отчего М. А. Максимовичъ не участвуетъ въ „Русскомъ Архивѣ?“ Д. П. Ознобишинъ мнѣ говорилъ, что

[1]) На листѣ внизу рукою Максимовича сдѣлано вычисленіе 1823+50=1873. Въ 1821 г. М-емъ былъ напечатанъ переводъ изъ Мирбеля: „Къ чему служатъ листья на растеніяхъ“ („Новый Магазинъ ест. исторіи“), а въ 1823 г. тамъ же „О системѣ растительнаго царства“. Какъ видимъ, М-чъ не признавалъ перевода за начало своей дѣятельности.

[2]) Писатель-поэтъ изъ ближайшихъ по времени преемниковъ Пушкинской школы.

[3]) См. приложенія.

Библиотека "Руниверс"

вы храните въ своей памяти много драгоцѣнныхъ литературныхъ воспоминаній; да и сами вы въ своемъ посланіи къ Погодину сказали:

Воспоминаніемъ богатый,
О мірѣ я забылъ....[1])

Числовая помѣтка „2-го Мая“ на вашемъ письмѣ, столь благожелательномъ, для меня примѣчательна; ибо въ этотъ самый день (въ Субботу), въ навечеріе памяти преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, собраніе археографовъ, имѣя во главѣ маститаго предсѣдателя своего Павла Александровича Муханова, возвело меня на превысокую для меня степень члена Археографической Коммиссіи. Избраніемъ симъ, совершившимся совершенно для меня неожиданно, главнымъ образомъ я обязанъ добродѣющему мнѣ Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову.... И вы можете себѣ представить, съ какимъ неописаннымъ умиленіемъ на другой день у обѣдни, которую совершалъ пребывавшій въ Петербургѣ нашъ Московскій митрополитъ Иннокентій въ своемъ Троицкомъ подворьѣ, я внималъ пѣнію 1-го антифона: „....вѣнчающаго тя милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе твое....“

Вамъ, старинному служителю прекрасной богини Флоры, теперь „Земля Кіево-Переяславская“

...со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ[2]):

а у насъ, въ царствующемъ градѣ, осенняя слякоть, мало согрѣшу противъ правды, если скажу съ Пушкинымъ:

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ;

хотя по календарю значится: 17-го Мая 1870 г.

3.

Награжденъ вами паче мѣры. Въ Субботу я получилъ двѣ кипы вашихъ сочиненій. Не умѣю выразить вамъ мою благодарность; но что значитъ моя приватная благодарность? Вамъ подобаетъ благодарность общественная, ибо, говоря словами Хомякова, къ вамъ же обращенными: „слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ“.

---

[1]) Очень жаль, что М. А. Максимовичъ не оставилъ своихъ воспоминаній. Начиная отъ ложно-классика В. Л. Пушкина и кончая послѣднимъ изъ поэтическихъ потомковъ А. С. Пушкина—Я. П. Полонскимъ, сколько лицъ зналъ Максимовичъ на этомъ литературномъ пути.

[2]) Стихи Хомякова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Вы, кажется, довольно утерли поту на семъ поприщѣ; а чѣмъ вознаграждены?

Нашъ любезный поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ удалился въ пустыню, т. е., попросту сказать, переѣхалъ на дачу и, къ сожалѣнію, на одну изъ тѣхъ Петербургскихъ дачъ *), которыя такъ мѣтко описалъ Погодинъ въ своемъ „Русскомъ“ (№ 2, 2-го Іюля 1868 г.). Въ это время чернильница его обыкновенно зарастаетъ плѣсенью, а потому онъ шлетъ вамъ вмѣсто отвѣта и привѣта свое: „О святыхъ Московскихъ митрополитахъ“. 28-го Мая 1870 г.

Слѣдующее письмо, отъ 5-го Іюня, содержитъ въ рядѣ выписокъ изъ старопечатныхъ книгъ отвѣтъ на вопросъ Максимовича: „На какой Кіевской нервопечатной книгѣ впервыя изображена Печерская церковь съ пристройками сѣверною и южною?“ На письмѣ наклеено три рисунка перомъ (изображенія Кіево-Печерской церкви).

4.

Любезное имя ваше, Михаилъ Александровичъ, вдохновляетъ меня и еще крѣпче призываетъ къ тѣмъ трудамъ, которымъ я посвятилъ свою жизнь... Читаешь ваши драгоцѣнныя письма и не вѣришь глазамъ своимъ: какимъ образомъ я, человѣкъ совершенно неизвѣстный, что̀ называется мелкотравчатый, могъ удостоиться такой высокой чести, что самъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, связанный узами тѣснѣйшей дружбы съ Иннокентіемъ, Гоголемъ, Погодинымъ, Шевыревымъ, Надеждинымъ, Хомяковымъ, Кирѣевскими, Аксаковыми и пр., пишетъ мнѣ письма, „дружески меня обнимаетъ“, требуетъ моего портрета!... Позвольте же, въ ознаменованіе безпредѣльной моей къ вамъ благодарности, представить вамъ нѣкія крупицы того друга вашего, воспоминанія о которомъ вы писали со слезами....

Листы сіи вмѣстѣ съ записочками Н. И. Надеждина, относящимися къ послѣднему періоду его жизни, подарены мнѣ Иваномъ Петровичемъ Липранди, съ которымъ я познакомился чрезъ „Русскій Архивъ“.

На здѣшней мануфактурной выставкѣ красуется шкапъ, сдѣланный изъ Малороссійскаго дуба. Вотъ какія диковинки разсказывалъ мнѣ о немъ мой братъ, посѣтившій эту выставку. Наверху его вытесана статуя Шевченки, а отъ нея вьются двѣ ленты, также изъ дерева, изъ которыхъ на одной написано: Гоголь, Костомаровъ, Кулишъ, Сковорода!... Воля ваша, грустно видѣть Гоголя въ этой компаніи!... На другой же лентѣ: Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ и еще кто-то.... Помню, въ

*) Туда, гдѣ Майковъ вѣчно удитъ
И гдѣ мѣнять бѣлье ничто его не будитъ.
(Изъ стиховъ М. П. Лонгинова). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

60, 61, 62 годахъ почти на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ Петербургскихъ были выставлены портреты Костомарова, Шевченки и Кулиша. Спрашиваешь, бывало: нѣтъ ли портрета Максимовича? а тутъ суютъ или Костомарова, или Шевченку, или Кулиша....

Въ настоящее время, мы съ братомъ „тружаемся“ надъ указателемъ къ близкой вашему сердцу Древней Исторіи Погодина и „горимъ въ день зноемъ, а въ ночь печалуемся, абы коньцяти и видѣти“ указатель „съвершену и украшену“. 23-го Іюня 1870 г.

(Письмо содержитъ рисунокъ, изображеніе Кіево-Печерской церкви 1661 г. и разныя книжныя извѣстія).

5.

Благодарю за присланное изображеніе Печерской Лавры; но былъ бы восхищенъ, если бы получилъ таковое же изображеніе вашей знаменитой Михайловой Горы, которая сдѣлалась неразлучною съ вашимъ любезнымъ именемъ. Какъ мы убійственно невнимательны къ своимъ собственнымъ подвижникамъ, но за то какъ нѣжны, какъ сердобольны къ чужимъ! Россіи видно на роду написано крыть чужую крышу и раскрывать свою. 30 Іюня.

6.

Лишь только я сегодня отправилъ къ вамъ, многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, свое письмо, какъ получилъ ваше, отъ 23-го Іюня, съ приложеніемъ вашего прекраснаго письма къ нашему любезному и, благодаря Бога, теперь здравствующему, князю П. А. Вяземскому. Горячее желаніе мое видѣть *Письма**) ваши прекрасно изданными побуждаетъ меня просить васъ написать Савваитову, да приметъ онъ редакторскую часть на себя.... Лучшихъ редакторовъ я не знаю, какъ А. Ѳ. Бычковъ и П. И. Савваитовъ. Имъ обоимъ каждая опечатка причиняетъ боль сердечную. И если вы любуетесь изданіемъ Указателя, то любуетесь, къ моему сердечному удовольствію, благочестивыми трудами добросовѣстнѣйшаго, благороднѣйшаго, ученѣйшаго Аѳанасія Ѳедоровича.... Итакъ главнымъ редакторомъ вашихъ Писемъ пусть будетъ Павелъ Ивановичъ Савваитовъ, моя же обязанность будетъ: а) блюсти ваши интересы и б) наблюдать, чтобы дѣло не отлагалось „въ долгій ящикъ“. 30-го Іюня 1870 г.

7.

Письмо ваше, добрѣйшій, многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, отъ 21-го Іюля, получилъ я въ Козловѣ 6-го Августа и прочелъ

*) „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“. Изданы въ 1871 г.

Библиотека "Руниверс"

его въ тарантасѣ, ѣдучи съ своими братьями въ родительскую деревню... Отъ Москвы до Козлова съ нами ѣхалъ П. И. Бартеневъ, который шлетъ вамъ свой поклонъ и привѣтъ. Въ Козловѣ мы съ нимъ разстались. Онъ поѣхалъ далѣе по желѣзной дорогѣ до Грязей (его и нашей прародины), а мы пересѣли въ тарантасъ и поѣхали любезными проселками, которые, увы!, съ каждымъ днемъ исчезаютъ, а съ ними вмѣстѣ и добрые сельскіе нравы....

Въ Москвѣ я вспоминалъ васъ: и въ Ботаническомъ саду, подъ вашимъ попечительствомъ нѣкогда процвѣтавшемъ, и когда случалось проѣзжать мимо стараго зданія Университета, въ коемъ вы жили, учились и столько лѣтъ учили другихъ, и въ то утро, на Дѣвичьемъ полѣ, которое я имѣлъ счастье провести въ бесѣдѣ съ Погодинымъ... Могу васъ утѣшить, что болѣзнь не оставила никакихъ слѣдовъ на Погодинѣ, и его лицо мнѣ показалось здоровѣе и свѣжѣе, чѣмъ до болѣзни....

Инокиня Александра (Кирѣевская) нерѣдко катается въ Петербургѣ, но мнѣ ни разу не случалось ее видѣть, и я только заочно передалъ ей тотъ № блаженной памяти „Русскаго“, въ которомъ помѣщено мое мозаическое письмо объ ея приснопамятномъ родителѣ Иванѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ, вызванное неожиданною находкою на толкучемъ рынкѣ его „Европейца“. 8-го Августа 1870 г.

8.

Возвратившись третьяго дня изъ своего путешествія по Липецкому и Усманскому уѣздамъ, я, къ величайшему своему удовольствію нашелъ дома письмо ваше, отъ 4-го Августа, и прочелъ его почти одновременно съ телеграммою короля Вильгельма о сдачѣ, или что̀ тоже, погибели Наполеона.... Боже мой! въ какомъ ужасномъ количествѣ пожирается теперь *пушечное мясо*.... И невольно воскликнешь съ поэтомъ:

Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?
Небо ясно, подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ.... Зачѣмъ?

Но, отвернувшись отъ этихъ ужасовъ, съ какимъ наслажденіемъ созерцаешь наши неизмѣримыя и, въ настоящую минуту, меня окружающія поля, благовѣствующія миръ и честный трудъ, съ какимъ наслажденіемъ читаешь ваши письма, исполненныя мира и любви; ибо не во имя ли любви къ наукѣ, любви къ литературѣ, любви къ православной, царелюбивой Россіи сократились между вами и мною всяческія разстоянія?... Дай же Богъ вамъ добраго здоровья на многая лѣта!....

Библиотека "Руниверс"

Дай Богъ, чтобы и сынъ вашъ возбуждалъ въ свое время въ ближнихъ такія же добрыя, благодатныя чувства, какія вы возбуждали и возбуждаете....

Въ Липецкомъ уѣздѣ я сдѣлалъ для себя открытіе,—это повѣсти вашей землячки Кохановской. Чуть ли она не единственная изъ новѣйшихъ писательницъ (и писателей), которая заглянула въ душу нашего стараго, во всѣхъ либеральныхъ приходахъ проклятаго и съ каждымъ днемъ разрушающагося помѣщичьяго быта....

Не оставляйте насъ маловѣрныхъ, погрязшихъ въ матеріализмѣ, стремящихся только къ комфорту, забывающихъ, что только *единое есть на потребу*, не оставляйте же насъ своимъ живительнымъ словомъ, ибо надъ вами болѣе, чѣмъ надъ кѣмъ-либо, исполняется вѣчный глаголъ: *не единымъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ*.... 28-го Августа 1870 г.

9.

Въ навечеріе Покрова Пречистыя обращаюсь къ вамъ съ благодарственнымъ словомъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Предо мною вашъ портретъ (1869 г.) и *библіографическая рѣдкость* (1793 г.), свидѣтельствующая о іерархическихъ чувствахъ, возвышающихся до оды, нашихъ предковъ, и это чувство мы, гордые (Богъ знаетъ чѣмъ?) ихъ потомки, обозвали *раболѣпіемъ*; а это-то раболѣпіе глубокомысленный Англійскій мыслитель Карлейль, въ письмѣ своемъ къ вашему знаменитому Московскому слушателю, назвалъ *талантомъ повиновенія*, и за отсутствіе котораго, по его словамъ, *будетъ, рано или поздно, вымещено до послѣдней коп̀йки*.... Совершающееся нынѣ во Франціи оправдало слово мыслителя....

Профессора... нынѣ, какъ вы сами знаете, куда какъ измельчали, и отъ Университета теперь не бьется, къ сожалѣнію, юношеское сердце... Съ грустью проѣзжалъ я мимо Московскаго Университета, вспоминая его славное былое; а вѣдь въ ваше время не было *ни самоуправленія, ни роскошнаго профессорскаго жалованья*. 30-го Сентября 1870 г.

10.

...Изъ подаренныхъ мнѣ вашихъ сочиненій я составилъ изрядный томикъ и озаглавилъ его такъ: *Кіевъ и Полуденная Россія*. Этотъ томикъ составляетъ въ Петербургѣ библіографическую рѣдкость....

Какія драгоцѣнныя письма Гоголя выманилъ у васъ господинъ Кулишъ, такъ что я равнодушно не могу видѣть его *Записокъ о Гоголѣ*...

Библиотека "Руниверс"

Заваленъ по горло указателями, и всѣ торопятъ. Независимо отъ неизмѣннаго и постояннаго (указателя) къ лѣтописямъ указатель къ *Древней Русской Исторіи* и отъ творца ея М. П. Погодина сегодня получилъ записочку, которая начинается: „Спѣшить, спѣшить!“, указатель къ „*Русскому Архиву*“ (1870 г.), который также торопитъ: „Крайне меня обяжешь скорѣйшимъ доставленіемъ указателя...“ и наконецъ— Указатель къ сборнику Бычкова, который также торопитъ и словесно, и письменно. А между тѣмъ цѣлое *до-обѣда* провожу въ Синодѣ.... 21-го Октября 1870 г.

11.

Послѣднія два письма ваши, доставили мнѣ утѣшеніе какъ наканунѣ, такъ и на самый праздникъ Рождества Христова. По правдѣ скажу, что заочная бесѣда съ вами меня положительно подкрѣпляетъ и ободряетъ. И я не знаю, какъ благодарить васъ за ваше теплое и участливое ко мнѣ отношеніе. Дай Богъ, чтобы наступившій и грядущіе года были бы для васъ счастливы и благополучны.

Вы не можете себѣ представить, какую горечь пришлось мнѣ выпить на послѣднемъ засѣданіи Археографической Коммиссіи.... Если есть у меня какая-либо и къ чему-либо привязанность, то это къ Указателю лѣтописному. Этимъ трудомъ опредѣлялось теченіе моей повседневной жизни, въ немъ я находилъ тихое убѣжище отъ всѣхъ житейскихъ печалей и напастей и, наконецъ, только имъ однимъ опредѣлялся весь смыслъ моей, во всѣхъ другихъ сферахъ и отношеніяхъ, ничтожной, безцвѣтной жизни.... И что же? Въ послѣднемъ засѣданіи г. предсѣдатель опредѣлилъ *пріостановить* (что̀ тоже *прекратить*) это драгоцѣнное для меня изданіе! А вы такъ еще недавно совѣтовали мнѣ только на немъ одномъ *и сосредоточиться для успѣшнаго и побѣднаго шествія* и что̀ было моею любимою мечтою.... Но Богъ съ ними со всѣми!... 3-го Января 1871 г.

12.

На князевъ не сподѣвайтесь,
Ни на всѣхъ сыновъ людьскихъ;
Въ ихъ спасенія не мае,
И спасеніе не въ ихъ....
Той блаженъ, кому помочникъ
Богъ Іякова святый....

Вотъ эти псаломскіе стихи ваши твержу я въ нынѣшнемъ грустномъ моемъ настроеніи, разлученный съ предметомъ любимыхъ моихъ занятій—лѣтописями чрезъ посредство указателя къ нимъ....

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣднихъ вашихъ двухъ письмахъ я съ величайшимъ любопытствомъ прочелъ ваши комментаріи, которые собираю въ отдѣльную тетрадку, озаглавивъ ее: *Историко-филологическія замѣтки М. А. Максимовича* съ тѣмъ, чтобы, съ вашего позволенія, напечатать ихъ въ изданіяхъ Археографической Коммисіи. 20-го Января 1871 г.

13.

....Отъ души благодарю васъ за слово утѣшенія: но все-таки грущу о любезномъ Указателѣ, хотя Погодинъ мнѣ и пишетъ: „Объ Указателѣ къ лѣтописямъ не тужите: онъ занялъ бы всю жизнь. Это было предпріятіе отважное, юношеское“. Оттого-то и тужу, что лишился сопутника жизни, котораго вашъ незабвенный другъ Гоголь называетъ *избавителемъ*. 23-го Февраля 1871 г.

14.

М. П. Погодинъ успѣлъ во время поста *схватить* два воспаленія, но отъ обоихъ, слава Богу, исцѣлился, и теперь на него напала „ярость работать“. Дай Богъ, чтобы исполнилось желаніе Гоголя и чтобы это душевное состояніе его продлилось до 90 лѣтняго возраста, чего отъ всей души желаю и вамъ. Вы оба поете, „дондеже есте“.

Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ мнѣ недавно предложеніе быть его секретаремъ съ жалованьемъ 600 р., на всемъ готовомъ; но я, къ сожалѣнію, не могъ принять это лестное для меня предложеніе. Потерпѣвъ крушеніе въ Археографической Коммиссіи, держусь крѣпко за Св. Синодъ, какъ за свое единственное пристанище и упованіе. Одобряете ли мой отказъ? 10-го Апрѣля 1871 г.

15.

Привѣтствую васъ въ вашемъ нагорномъ уединеніи и пишу къ вамъ эти строки подъ обаяніемъ недавно прочитанныхъ мною вашихъ университетскихъ рѣчей. Рву на себѣ волосы отъ досады, что не догадался попросить вашего позволенія перепечатать рѣчь о Кіевѣ въ Письмахъ о Кіевѣ.

Чудный автографъ Языкова съ вашею надписью заключенъ уже подъ стекло и составляетъ драгоцѣнное украшеніе моихъ смиренныхъ келлій. 12-го Іюня 1871 г.

16.

„Незнаемый есмь лицезрительствомъ, обаче любве твоея сподобляеши мя и одолжаеши благодѣяніемъ твоимъ, за что благодарствуя, смиренно челомъ бью“. Сими словами Димитрія Ростовскаго обращаюсь къ вамъ,

Библиотека "Руниверс"

получивъ отъ васъ съ Михайловой Горы благословеніе образомъ моего Ангела-Хранителя. Сія святыня водружена рядомъ съ Печерскимъ образомъ Успенія.... Передъ праздниками у насъ происходилъ второй съѣздъ археологовъ, который заключился отличнымъ обѣдомъ; за онымъ былъ и вашъ покорнѣйшій слуга. Душою съѣзда былъ достойнѣйшій графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, недаромъ носящій славное имя отца своего. Были и ваши Кіяне. Толковали объ образованіи въ Кіевѣ археологическаго общества; но толку никакого изъ ихъ толковъ не вышло, ибо одинъ хотѣлъ арбуза, а другой соленыхъ огурцовъ; а между тѣмъ къ этому желанному обществу долженъ будетъ примкнуть третій съѣздъ, имѣющій быть на священной почвѣ „свято-прекраснаго“ Кіева....

Недавно я былъ у К. А. Коссовича.... Добрѣйшій Каэтанъ Андресвичъ вызывается учить меня по-гречески. Не чувствуя земли отъ радости, кинулся я отъ него прямо въ лавку покупать Новый Завѣтъ съ Греческимъ текстомъ и Греческую грамматику. Это вѣдь, такъ сказать, осуществленіе завѣтной мечты! Другая завѣтная мечта—это путешествіе въ Кіевъ и къ вамъ, на Михайлову Гору.... 3-го Января 1872 г.

17.

Въ Субботу, 22-го Января 1872 г., въ половинѣ 3-го часа пополудни, наши келліи озарились посѣщеніемъ М. П. Погодина.... Подняться на сто слишкомъ ступеней и не почувствовать даже усталости! Вотъ самое радостное для почитателей Михаила Петровича свидѣтельство о его крѣпости тѣлесной.

„Николай Платоновичъ дома?“—Нѣтъ, онъ въ Синодѣ!„ Здравствуйте, здравствуйте!... Я только сегодня пріѣхалъ.... Ну, вотъ наконецъ я въ вашей келльѣ.... Хорошо, хорошо. Это чья же, ваша комната? Ну, а гдѣ же помѣщается Николай Платоновичъ“?—А вотъ пожалуйте.

Ставъ на порогѣ первой комнаты, увѣшанной портретами Русскихъ писателей и ученыхъ, осмотрѣлся кругомъ и выразилъ свое удовольствіе. Я хотѣлъ было послать за братомъ, въ Синодъ, но М. П. остановилъ меня: „Не посылайте! Не стоитъ. Меньше чѣмъ въ пять минутъ прислуга ваша не соберется. Посылать на извощикѣ не для чего. Теперь, если посланный усерденъ и добѣжитъ до Синода, то все-таки пройдетъ 10 минутъ, и того четверть часа, да назадъ столько же; вотъ вамъ и всѣ полчаса; а я больше этого времени ужъ никакъ не могу пробыть у васъ. А вы лучше передайте Николаю Платоновичу,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ онъ пожаловалъ ко мнѣ. Я присталъ у Клея, въ 28 №. Да попросите его увѣдомить меня о Прохоровѣ*). Вы знаете Прохорова? Онъ какъ-то очень неаккуратенъ. Совсѣмъ замучилъ меня рисунками". — Кончили вы вашу Исторію?—„Кончилъ, кончилъ. Привезъ съ собою. Уже совсѣмъ собрался, глядь, на послѣдней страницѣ въ словѣ *труды* наборщикъ какъ-то уронилъ слогъ *тру* и, поднявъ, приставилъ къ концу.... Надо было перепечатывать. У васъ здѣсь, въ Петербургѣ, дѣло типографское идетъ гораздо лучше".

—А мы васъ ожидали еще во Вторникъ.—„Былъ задержанъ похоронами Веневитинова. Все старые друзья! Въ Твери пробылъ сутки. Глинкѣ 85 лѣтъ, но онъ еще бодръ". —Покойная жизнь, замѣтилъ я. „Какая покойная жизнь? Ноньче у кого покойная жизнь?... Въ Твери я увидѣлъ *Гражданина*!... и своего Скопина.... Ахъ, вотъ я хотѣлъ, сказать Николаю Павловичу.... Но, смотрите, по секрету! Обѣдаемъ мы вдвоемъ съ Глинкою; я замѣтилъ, что странное направленіе у насъ обнаруживается—искать дурного въ нашихъ историческихъ дѣятеляхъ. Ѳ. Н., вмѣсто отвѣта, запѣлъ:

А мы овесъ сѣ-яли, сѣ-яли, сѣ-яли,
А мы просо вы-топчемъ, вы-топчемъ, вы-топчемъ.

Это сравненіе очень вѣрно. Смотрите же, ни гугу никому! Я употребилъ эти стихи эпиграфомъ. Изъ-за нихъ однихъ я доволенъ, что побывалъ въ Твери."

Потомъ М. П. обратился къ портретамъ и дѣлалъ слѣдующія замѣчанія: „Гнѣдичъ совсѣмъ непохожъ. Веневитиновъ никогда не снимался. Кто-то нарисовалъ его отъ руки, на память, впрочемъ, довольно удачно. Жуковскій вездѣ похожъ. Константинъ Аксаковъ.... Его лицо, но не его выраженіе. Что-то не такъ".

О своемъ портретѣ Погодинъ замѣтилъ, что онъ снятъ былъ въ Прагѣ, въ 40-хъ годахъ. „Полевой—ну, уже это въ старости. Надеждинъ очень похожъ".

Посмотрѣвши на висящій подъ стекломъ автографъ Языкова (*Мытищи*), подаренный Н. П. Барсукову М. А. Максимовичемъ, продекламировалъ въ полголоса стихи, а за тѣмъ объяснилъ, что и онъ „ходилъ тогда вмѣстѣ съ Языковымъ, Елагиными, Кирѣевскими къ Троицѣ. Языковъ на каждой станціи говорилъ стихи".

Дошла очередь до портрета Костомарова. М. П. взглянулъ на него и, отойдя на средину комнаты, съ большимъ негодованіемъ началъ

*) Издателѣ „Русскихъ Древностей".

Библиотека "Руниверс"

говорить о стремленіи нѣкоторыхъ нашихъ писателей уничижать то, что̀ возвышается, и кидать грязью въ чистое.

„Знаете, особенно больно, что вѣдь это какъ будто система“.—Вы одни защищаете насъ. „Да, дѣйствительно. И что же, въ самомъ дѣлѣ, эти с. . . . дѣти молчатъ! Погодите, я еще выведу на чистую воду, какія интриги были пущены, чтобы пасквильная статья о Донскомъ непремѣнно была напечатана въ академическомъ календарѣ“.

Никогда не забуду я этихъ драгоцѣнныхъ полчаса, которые я имѣлъ счастье провести съ нашимъ знаменитымъ историкомъ. (Подпись) Александръ Барсуковъ, 24-го Января 1872 г. с.-Петербургъ.

....Пятнадцатидневное пребываніе ваше въ Петербургѣ никогда не изгладится изъ моей памяти. Вы повѣяли на меня благорастворенным воздухомъ вашихъ степей, которымъ вы много и много обязаны. Повѣрьте, тотъ „драгоцѣнный камушекъ“, который у васъ замѣтилъ И. В. Кирѣевскій, вывѣтрился бы, если бы вы жили осень, зиму и весну въ Петербургѣ, а лѣто на дачѣ подъ Петербургомъ. Со стороны виднѣе. И такъ, бодрствуйте и процвѣтайте, достойнѣйшій Михаилъ Александровичъ, на утѣшеніе и на подкрѣпленіе насъ.

Вчера я вернулся изъ Китая *), куда призывалъ меня нашъ добрый князь П. А. Вяземскій. Долго гулялъ съ нимъ по историческимъ Царскосельскимъ аллеямъ, и вспоминали объ васъ. Я ему привезъ отыскавшійся наконецъ въ его бумагахъ вашъ Плачъ Ярославны съ превосходнымъ посвященіемъ. Позвольте то и другое напечатать и перепечатать. Князь согласенъ и находитъ посвященіе „прекраснымъ“. Разрѣшите послѣ такого приговора судіи законнаго.

....Княгиня Вѣра Ѳеодоровна Вяземская сказала, при прощаніи, весьма лестный для меня комплиментъ, что вы, П. И. Бартеневъ и я, недостойный рабъ Божій, мній всѣхъ, производимъ на князя Петра Андреевича такое впечатлѣніе, какъ никто изъ его знакомыхъ, и съ нами онъ такъ разговорчивъ, какъ ни съ кѣмъ. Вотъ, подумалъ я, слушая княгиню, хорошо бы было намъ троимъ поселиться на недѣльку въ ихъ просторномъ Китаѣ. Я только бы и дѣлалъ, что записывалъ бы; но къ сожалѣнію, они, кажется, очень скоро уѣзжаютъ въ чужіе края. 12-го Іюня 1872 г.

---

*) Т. е., изъ Китайскаго дома въ Царскомъ Селѣ, гдѣ проводилъ это лѣто князь Вяземскій. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

18.

....Изъ газетъ я узналъ, что М. П. Погодинъ уже вернулся въ Москву; но къ нему явиться *робью*, ибо слышу, что онъ на меня негодуетъ. Какъ жаль, что я не догадался просить васъ, когда вы были въ Москвѣ, прочесть ему копію съ того моего письма, которое я написалъ къ нему тотчасъ по полученіи его *непріятнаго письма*, но не кончилъ и не послалъ. Вся эта непріятная исторія вышла безъ всякой моей вины. Тѣмъ не менѣе, я не перестаю его чтить, какъ человѣка, который всю свою жизнь посвятилъ на служеніе Русской наукѣ и относится къ Россіи не свысока, какъ, напримѣръ, Катковъ и К°, а съ благоговѣніемъ.

19.

Ради великихъ и святыхъ дней Поста, простите мнѣ, внимавшему въ Исаакіевскомъ соборѣ, отъ Понедѣльника до Четверга, покаянному канону Андрея Критскаго, всѣ мои противъ васъ вольныя и невольныя прегрѣшенія, и снисходительно выслушайте оправданіе. Безмолвіе мое происходило частію и отъ нерасположенія духа для задушевной страницы, а частію и отъ многосложности занятій.... Получивъ отъ васъ послѣднее письмо, я тотчасъ же написалъ къ князю Петру Андреевичу и выпискою нѣсколькихъ строчекъ изъ послѣдняго письма досточтимаго князя спѣшу исполнить ваше желаніе: „Передайте мой дружескій поклонъ отшельнику и мудрецу Михайловой Горы и благодареніе за память его обо мнѣ“. 24-го Февраля 1873 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1.

Во второмъ письмѣ къ Максимовичу Н. П. Барсуковъ упоминаетъ о непріязненныхъ отношеніяхъ между Максимовичемъ и Н. А. Полевымъ. Начало ихъ относится къ 1831 г., когда во второй книжкѣ альманаха Максимовича: „Денница“ было помѣщено „Обозрѣніе Русской словесности“, принадлежавшее самому издателю. Статья послужила поводомъ къ нападкамъ на нее Н. Полевого въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Максимовичъ отвѣчалъ въ „Молвѣ“ статьею: „Отвѣтъ Полевому“. Эта полемика и была поводомъ къ разрыву отношеній между Максимовичемъ и Полевыми. Но причины разрыва лежали глубже: въ различіи литературныхъ и общественныхъ взглядовъ тѣхъ двухъ кружковъ, къ которымъ принадлежали Полевой и Максимовичъ.

Вѣроятно, къ этому времени относится слѣдующая записка Н. А. Полевого къ Максимовичу:

Библиотека "Руниверс"

„И не подумалъ бы я безпокоить васъ, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, требованіемъ окончанія нашего разсчета, но самъ теперь крайне нуждаюсь въ деньгахъ. Посему прошу сдѣлать мнѣ одолженіе заплатить хоть сотни двѣ въ счетъ состоящихъ за вами. А если можно, то и совсѣмъ кончить. Такъ и сякъ вы много обяжете усерднаго вамъ Полевого."

„Я просилъ бы васъ еще, если вы станете писать какія-нибудь статьи въ журналахъ, сдѣлать милость не упоминать ни о „Телеграфѣ", ни обо мнѣ. Признаюсь, мнѣ прискорбны были слова ваши въ статьѣ о полезныхъ книгахъ. Неужели старую дружбу непремѣнно надобно искупить новою и явною непріязнью? И гдѣ? У Недоумка[1]) въ „Телескопѣ". Не будемъ врагами, если друзьями быть не можемъ. Зная меня, какъ человѣка, вы поймете мои слова[2])".

II.

Въ письмѣ, къ Максимовичу отъ 11-го Мая 1871 года, Н. П. Барсуковъ сообщилъ копію съ письма санскритолога Каэтана Андреевича Коссовича къ М. Н. Каткову, о юбилеѣ Максимовича. Приводимъ здѣсь это письмо.

„10-го Мая 1871 г. С. П. Б. Милый мой, досточтимый и незабвенный товарищъ, Михаилъ Никифоровичъ. Знаю, какъ дорого вамъ время, когда одною рукою приходится воздѣлывать землю и насаждать на ней, а другой постоянно отгонять всякихъ гадинъ, которыя ежеминутно готовы съѣсть насаждаемое въ зародышахъ, даже съ самой почвой, лишь бы съѣсть добрыя сѣмена. Но то, о чемъ я пишу и намѣренъ просить васъ, касается, въ существенной своей долѣ, нашей общей чести, чести Москвы и Россіи, и потому я нисколько не останавливаюсь передъ моей просьбой. Вы знаете Михаила Александровича Максимовича. Есть возможность усладить его многотрудную, горькую жизнь и, поощряя его, хотя на старости лѣтъ почтить въ немъ доблестнаго Россіянина, который съ давняго времени борется съ нуждою только потому, что всегда былъ скромнымъ и честнымъ. Вотъ какимъ образомъ открылась для насъ эта драгоцѣнная возможность. Михаилу Александровичу исполняется 3-го Сентября нынѣшняго года.... 50 лѣтъ его литературной дѣятельности, что̀ подало многимъ профессорамъ Кіевскаго Университета счастливую мысль праздновать въ этотъ день его юбилей, какъ перваго своего ректора. Изъ этого обстоятельства вытекаетъ:

1) Надо, чтобы и Московскій Университетъ не позабылъ о Максимовичѣ, такъ какъ лучшіе годы его жизни были посвящены Московскому Университету, которому онъ прослужилъ 15 лѣтъ, и потомъ, всю свою жизнь, отстаивалъ

---

[1]) Т. е. у Надеждина. П. Б.

[2]) М. А. Максимовичъ передавалъ намъ, что сторониться отъ братьевъ Полевыхъ началъ онъ по такому случаю. Однажды онъ у нихъ ночевалъ, улегшись спать раньше ихъ, въ ихъ рабочей комнатѣ. Оба брата занимались. Проснувшійся на минуту, но не вставшій Максимовичъ увидалъ, что одинъ изъ нихъ подошелъ къ его сюртюку, вынулъ бывшія въ немъ письма, прочелъ и положилъ назадъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

единство Москвы съ Кіевомъ. Я увѣренъ, что вы не потяготитесь постараться подвинуть членовъ Московскаго Университета къ справедливому участію въ подобномъ юбилеѣ.

2) О намѣреніи профессоровъ Университета Св. Владимира праздновать юбилей 50 лѣтней ученой и литературной дѣятельности М. А. Максимовича необходимо заранѣе написать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Какъ бы я былъ радъ, если бы статья о заслугахъ Максимовича могла появиться въ Вѣдомостяхъ какъ можно скорѣе.

Независимо отъ того, что теплое сочувствіе, выраженное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ высшей степени порадовало бы нашего достойнаго подвижника, я увѣренъ, что, съ другой стороны, оно придало бы силъ Русскимъ профессорамъ Кіевскаго Университета (о Нѣмцахъ нечего говорить) къ приведенію въ дѣло ихъ вполнѣ прекрасной и справедливой мысли.

3) Осуществленіе юбилея Максимовича должно вызвать и матеріальное его обезпеченіе, въ чемъ, въ свое время, также вы не откажетесь, надѣюсь, принять зависящее отъ васъ участіе.

Не правда ли, сердечный Михайло Никифоровичъ, что отрадно будетъ намъ быть свидѣтелями тому, что не одни проходимцы, свои и чужіе, но и люди, дѣйствительно послужившіе отечеству, если судьба подчасъ и обижаетъ послѣднихъ, все таки могутъ доживать у насъ до такого къ нимъ вниманія, которое разомъ заставитъ ихъ забыть всѣ перенесенныя ими тягости? Душевно и неизмѣнно вашъ К. Коссовичъ*).

*) Въ этомъ письмѣ проявилась свѣтлая душа незабвеннаго К. А. Коссовича. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА НИКАНОРА.

Мой отъѣздъ изъ Новочеркасска въ Уфу.

1877 годъ.

Въ прошломъ 1876 году, не такъ давно, въ какую-то Субботу прихожу по обычаю въ соборъ, на всенощную. Ключарь, отецъ Александръ Багрянскій (который поутру уже былъ у меня и которому передалъ распоряженіе на завтра служить въ Крестовой, не помню, по какому-то случаю) приходитъ ко мнѣ въ соборѣ, въ боковомъ алтарѣ, за всенощной, и говоритъ: „Забылъ сказать вашему преосвященству. Владыка приказалъ передать вамъ, что скончался преосвященный Томскій Платонъ“[1]). На завтра, по совершеніи литургіи въ Крестовой, захожу, по обычаю и распоряженію на всегда, къ старцу-владыкѣ [2]). Случилось, что кромѣ меня на этотъ разъ никого у него не было, что̀ рѣдко бываетъ.—„А, слышали, говоритъ старецъ, Платонъ-то Томскій? Смерть добирается до Платоновъ. Начинаетъ только не съ того конца, не со старшихъ, а съ младшихъ“. Я говорю: „слышалъ“. Старецъ: „Я и подумалъ: вотъ вамъ бы хорошо въ Томскъ. Въ Сибири вѣдь хорошо. Тамъ, въ Томскѣ будетъ университетъ. Вы бы поѣхали?“ Я говорю: „пошлютъ, поѣду“. „Я знаю, что всѣ архіереи, жившіе въ Сибири, Сибирью не нахвалятся. Я сегодня же напишу въ Петербургъ (заключаетъ старецъ), надо вотъ только съѣздить къ

---

[1]) Платонъ (въ мірѣ Павелъ Троепольскій) былъ уроженецъ г. Москвы, сынъ причетника, по окончаніи курса въ 1844 г. въ Московской Духовной Академіи одно время состоялъ на духовно-учебной службѣ, въ должности учителя, а затѣмъ ректора Владимирской и Петербургской семинарій. Постриженъ въ монахи въ 1851 г. Въ Томскъ назначенъ въ 1868 г. † 8 Октября 1876 г. А. С.

[2]) Платонъ (Николай Городецкій) архіепископъ Донской. † въ санѣ Кіевскаго митрополита 1-го Октября 1891 г.

Библиотека "Руниверс"

атаману". Дѣйствительно, къ атаману онъ ѣздилъ въ тотъ же день. А на недѣлѣ, когда я пріѣхалъ къ старцу вечеромъ, по дѣламъ, онъ сказалъ мнѣ, что и въ Петербургъ онъ написалъ. Съ тѣхъ поръ у него не разъ срывались выраженія увѣренности, что меня скоро назначатъ на самостоятельную каѳедру. На чемъ старецъ покончилъ съ атаманомъ относительно меня, мнѣ не было сказано; владыка смолчалъ.

Но на этотъ счетъ извѣстно кое-что изъ другихъ источниковъ. Соломонъ Степановичъ Робушъ говоритъ атаману: „До какихъ это поръ будутъ льва держать въ клѣткѣ?" Атаманъ Николай Александровичъ Краснокутскій на это отвѣтилъ: „Что же дѣлать. Просилъ трехъ министровъ и ничего не добился".

Помнится, 15-го Декабря, въ 12 часовъ, по обычаю, является съ бумагами мой письмоводитель, отецъ Гавріилъ Дометьевъ и между прочими текущими бумагами подаетъ заказное письмо, на адресѣ котораго узнаю руку Иларіона Алексѣевича Чистовича, теперь вице-директора канцеляріи Синодальнаго оберъ-прокурора, стараго моего товарища, друга и благодѣтеля, благотворительная рука котораго сказывалась во всѣхъ капитальнѣйшихъ благопріятныхъ событіяхъ моей жизни. Письмо было слѣдующаго содержанія.

„Ваше преосвященство, многоуважаемый отецъ Никаноръ. Поздравляю васъ съ назначеніемъ на Уфимскую каѳедру и очень радъ, что вы выйдете, наконецъ, на путь болѣе широкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣю порученіе отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода передать вамъ нѣкоторыя его мысли и желанія".

„Вчера графъ [1]) призываетъ меня къ себѣ и говоритъ: „Вашего товарища и пріятеля, Никанора, назначили вчера (8-го Декабря) въ Уфу". Послѣ хотѣлось мнѣ узнать, кто въ Синодѣ сообщилъ графу о нашихъ отношеніяхъ. Я думалъ, не сказалъ ли Иванъ Васильевичъ [2]) во время разговора въ Синодѣ. Оказалось между тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ, какъ и обѣщалъ, предложилъ васъ первый, но моего имени не упоминалъ. Митрополитъ здѣшній говорилъ противъ и вспомнилъ о сообщеніи изъ III Отдѣленія. Вощининъ (единственно знавшій о нашей близости) отвѣтилъ, что было давно. Графъ: „Однако, уже во время архіерейства". Вощининъ: „Но по дѣламъ-то прежнимъ". Въ этомъ тонѣ шелъ еще нѣсколько обмѣнъ мыслей и когда, наконецъ, дѣло рѣшено было въ вашу пользу, графъ сказалъ Вощинину, чтобы напомнилъ ему переговорить со мною по этому поводу. Разговоръ нашъ и начался съ

---

[1]) Графъ Д. А. Толстой.

[2]) Рождественскій.

Библиотека "Руниверс"

прилагаемой памятной записочки и продолжался далѣе такъ. „Онъ тамъ что-то очень филозофствуетъ“. Я сказалъ: „отъ нечего дѣлать“.— „Да, а помните изъ III Отдѣленія было. Напишите ему по моему порученію, отъ моего имени, что я выбралъ его потому, что Уфимская епархія новая и тамъ нуженъ человѣкъ свѣжій. Тамъ до 80 тысячъ язычниковъ, не то, что̀ идолопоклонники, а какая-то смѣсь язычества съ христіанствомъ; но народъ очень воспріимчивый и мягкій. Когда я былъ тамъ, дѣти язычниковъ, вмѣстѣ съ православными мальчиками, пѣли церковныя пѣсни и охотно учатся нашимъ молитвамъ. Я думаю учредить тамъ учительскую семинарію для дѣтей, пополамъ христіанъ и язычниковъ. Буду испрашивать высочайшее повелѣніе. Почва тамъ свѣжая и молодая. Я думаю, что онъ пойметъ свою задачу. А всетаки передайте ему это отъ меня. А вы по-товарищески напишите ему, чтобы былъ осторожнѣе, что быть первымъ не то, что̀ быть вторымъ и что если ужъ на архіерея напишутъ изъ III Отдѣленія, это будетъ совсѣмъ не хорошо“.

„Я нарочно стенографирую рѣчь графа, чтобы передать ее въ живыхъ оттѣнкахъ; только товарищески рѣшился я передать ее въ этой формѣ, чтобы вы знали о ней все и ее во всей ея цѣльности. Въ лицо самыя жесткія вещи говорятъ мягко, а вещи самыя мягкія— жестко. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другого, и ничего кромѣ довѣрія и надежды, съ участливымъ предостереженіемъ относительно будущаго образа дѣйствія“.

„И если позволите мнѣ сказать вамъ кое-что по этому поводу изъ моихъ наблюденій, то я не счелъ бы лишнимъ рекомендовать въ самое близкое ваше вниманіе дѣла миссіи и училищъ духовныхъ и народныхъ въ епархіи. Объ идолопоклонникахъ Уфимской и частью Оренбургской епархій дѣло продолжается ужъ около 20 лѣтъ, если не болѣе. На оффиціальномъ пути оно встрѣтило разныя помѣхи. Вы узнаете объ этомъ изъ дѣлъ консисторіи, и ближайшее ознакомленіе съ нимъ укажетъ вамъ лучшіе способы, между которыми всетаки, кажется, самый главный—миссіонерскій, дѣйствованіе чрезъ священниковъ-миссіонеровъ, приходскихъ или окружныхъ, и чрезъ училища. Вы сойдетесь во что бы ни стало съ попечителемъ Оренбургскаго округа Лавровскимъ, человѣкомъ энергическимъ, до крайности горячимъ къ дѣлу и кровнымъ Русскимъ. Онъ—передовой піонеръ христіанской цивилизаціи въ тамошнемъ краю. Я увѣренъ, вы пойдете объ руку съ нимъ“.

„Въ Уфѣ есть семинарія; къ ней тянутъ Оренбургскія училища: Оренбургское, Челябинское и полуумокъ какой-то Уральское. Они внѣ вашего непосредственнаго управленія, но по зависимости отъ семинаріи

Библиотека "Руниверс"

будутъ частью зависимы отъ васъ. Семинарія и училища—жизненный нервъ управленія. Но отношеніе къ Оренбургскимъ училищамъ потребуетъ крайней деликатности въ отношеніи къ тамошнему преосвященному".

„Не знаю, что̀ еще сказать бы вамъ. Въ дѣлахъ сомнительныхъ или затруднительныхъ не почуждайтесь предварительнаго совѣта, откуда по роду и положенію дѣлъ можно его получить. Я постоянно вижу на практикѣ, что бумагами дѣла̀ только оканчиваются, когда все уже бываетъ подготовлено къ таковому или другому ихъ рѣшенію".

„Извините за дружескую откровенность. Поздравляя васъ еще разъ, отъ всей души желаю вамъ выйти на высокій новый подвигъ съ надеждами, увѣренностью и силами такими, съ какими вы вступали на первый путь вашего служенія. Душевно преданный И. Чистовичъ. 10-го Декабря".

Въ подтвержденіе своихъ словъ Иларіонъ Алексѣевичъ вложилъ въ свое письмо и записочку съ слѣдующими строками: „Ваше сіятельство желали переговорить сегодня съ И. А. Чистовичемъ объ епископѣ Аксайскомъ Никанорѣ. Вощининъ. 9-го Декабря 1876 г.".

Въ тотъ же день вечеромъ я пошелъ къ старцу и, кланяясь ему, говорю: „Вѣроятный Уфимскій и Мензелинскій".—„О-о-о!" воскликнулъ старецъ. Потолковали. Назавтра (помнится, 17-го Декабря) въ пакетѣ съ надписью: „Преосвященному Никанору, епископу" и проч. отъ архіепископа Донскаго", онъ присылаетъ ко мнѣ адресованную ему телеграмму о. Іосифа [1]), цензора, слѣдующаго содержанія: „Преосвященный Никаноръ въ Уфу. Архангельскій, Орловскій переводятся одинъ на мѣсто другого [2]). Леонидъ Ярославскій скончался". Въ тотъ-же день, въ Пятницу вечеромъ, я опять отправился къ старцу. Тутъ старецъ объяснилъ мнѣ, что уже отправилъ телеграмму къ митрополиту Исидору, съ указаніемъ желательныхъ кандидатовъ въ викаріи на Донъ. „Прошу архимандрита Владимира [3]), настоятеля Алтайской миссіи, или Іосифа-цензора, если нѣтъ въ виду достойнѣйшихъ кандидатовъ.

---

[1]) Іосифъ (Іоаннъ Баженовъ), сынъ діакона Воронежской губ., окончилъ въ 1853 г. Петербургскую Духовную Академію; постриженъ въ монахи въ 1855 г., съ 1873 г. по 1881 г. состоялъ членомъ Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета. † 23 Января 1886 г. въ санѣ епископа Балтскаго, викарія Подольской епархіи. А. С.

[2]) Въ Архангельскѣ былъ Ювеналій (Григорій Карюковъ), а въ Орлѣ Макарій (Николай Миролюбовъ). Переводъ одного на мѣсто другого состоялся 25-го Декабря 1876 г. А. С.

[3]) Владиміръ (Іоаннъ Петровъ), скончавшійся въ санѣ архіепископа Казанскаго; въ 1879 г. назначенъ былъ епископомъ Бійскимъ, викаріемъ Томской епархіи. А. С.

Библиотека "Руниверс"

Владимиръ писалъ мнѣ, что желалъ бы оставить Сибирь и возвратиться въ миссію“..... „Я вижу въ этомъ указаніе Промысла. Въ смерти же Леонида Ярославскаго вижу рѣшительно нѣчто провиденціальное, отвѣтъ на внутренній вопросъ: кто-то отойдетъ.... Въ Воскресенье хочу служить панихиду. Далъ уже знать атаману“... Я возразилъ, что не слѣдовало бы поспѣшать съ панихидою: быть можетъ, вѣсть еще ошибочна; а лучше бы отслужить на второй день Рождества, въ который владыка всегда служитъ панихиду по митрополитѣ Іосифѣ“. На этотъ разъ старецъ внялъ моимъ представленіямъ.

Тутъ же скоро отецъ архимандритъ Іосифъ-цензоръ прислалъ и мнѣ письмо съ привѣтствіемъ и извѣщеніемъ, что назначеніе меня на самостоятельную Уфимскую каѳедру состоялось въ Святѣйшемъ Синодѣ 15-го числа и скоро представится на утвержденіе Его Величества, прибавляя между прочимъ, что „крупныхъ новостей нужно ждать со смертію Ярославскаго архіепископа Леонида, скончавшагося 15 числа сего Декабря“.

Уже въ Субботу по утру, 18-го Декабря, о. ключарь Багрянскій поздравилъ меня съ новымъ назначеніемъ, прибавивъ: „мы же надѣяхомся, что вамъ судитъ Богъ быть гдѣ либо поближе, напр. въ Таганрогѣ“. А въ полдень тоже самое процѣдилъ и мой письмоводитель, о. діаконъ Гавріилъ Дометьевъ. Новость просѣялась сквозь канцелярію его высокопреосвященства, чрезъ которую прошла вышеозначенная телеграмма владыки къ митрополиту Исидору.

Такъ какъ дѣло обозначилось въ поздравленіяхъ, принесенныхъ мнѣ о. Багрянскимъ и моимъ письмоводителемъ, да и экономомъ архіерейскаго дома Петромъ Васильевичемъ Гамрихомъ, то я уже и не нашелъ нужнымъ держать свой секретъ въ секретѣ и разсказалъ Александру Лукичу Крылову, наставнику семинаріи (почти единственному моему въ Новочеркасскѣ, во всѣ 5½ лѣтъ моего пребыванія здѣсь, собесѣднйку). Крыловъ разсказалъ Соломону Степановичу Робушу, директору гимназіи и близкому и благорасположенному ко мнѣ человѣку... Тотъ пожаловалъ ко мнѣ того же 18-го Декабря, въ Субботу, послѣ всенощной, съ поздравленіемъ. Вѣроятно, онъ же передалъ атаману, или атаманъ узналъ обо всемъ изъ письма къ нему старца-владыки. Во всякомъ случаѣ атаманъ, Николай Александровичъ Краснокутскій, въ Воскресенье послѣ обѣдни, пожаловалъ ко мнѣ самъ и съ тѣмъ-же, т. е. съ поздравленіемъ. Напрасны было мои уклончиво-мягкія возраженія, что предположеніе еще не утверждено и, быть можетъ, даже не будетъ утверждено. „Нѣтъ, нѣтъ, поздравляемъ; душевно рады“... Къ тому же времени подоспѣлъ и Николай Василь-

Библиотека "Руниверс"

евичъ Чачковъ, предсѣдатель Контрольной Палаты, тоже весьма благорасположенный къ намъ человѣкъ. Когда я сказалъ, что имѣю свѣдѣнія только изъ частнаго, хотя и совершенно вѣрнаго письма, разговоръ сейчасъ же привелъ къ выраженію желанія узнать содержаніе этого письма. Выслушавъ чтеніе, Николай Александровичъ развязалъ свой собственный, касавшійся меня секретъ.—„Я сильно ходатайствовалъ предъ властями. Говорю графу Толстому: помилуйте, умный человѣкъ... У насъ бѣда быть умнымъ“. Толстой говоритъ: „Я не виноватъ“. Ѣду къ министру юстиціи. Тотъ говоритъ тоже: „не виноватъ... III Отдѣленіе“.—Ѣду къ Потапову. Тотъ ни то, ни се. Тогда я опять къ Толстому. Итакъ, всѣ ни съ мѣста. Душевно радъ, душевно радъ, повторяю“, говоритъ уже при выходѣ“, бѣда у насъ быть умнымъ человѣкомъ“. Я повторяю ему, что̀ сказалъ въ самомъ началѣ: „Бладарю ваше высокопревосходительство вдвойнѣ и втройнѣ и за сочувствіе, и за поздравленіе, и за то, что вы за меня ходатайствовали. Не знаю, какой будетъ плодъ отъ моей дѣятельности на новомъ мѣстѣ. Но политическимъ преступникомъ ужъ никакъ не буду, какъ и не былъ никогда“.

Старецъ разсчитывалъ какъ-то по пальцамъ, на основаніи хорошо извѣстной ему синодской процедуры, какъ ведутся эти дѣла, что указъ о моемъ перемѣщеніи долженъ послѣдовать скоро, на дняхъ, чуть ли не до праздника Рождества. До праздника указа однакоже не дождались; а совпадшая съ моимъ переводомъ смерть Леонида дала мыслямъ старца иное направленіе. Вотъ, въ день Рождества, въ гостиной у старца, всѣ меня поздравляютъ и съ праздникомъ, и съ новымъ назначеніемъ. Я толкую всякому, что особыхъ отъ праздничныхъ поздравленій не принимаю: Государь не утвердилъ, можетъ быть, даже и не утвердитъ, потому что знаетъ меня и къ сожалѣнію знаетъ чрезъ III Отдѣленіе. Но мнѣ возражаютъ: „Нѣтъ, нѣтъ; не можетъ быть... Какъ же атаманъ сказалъ?...“ Вообще я чувствовалъ себя крайне неловко̀. А тутъ старецъ возвышаетъ свой голосъ: „Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Вѣроятно, дѣло приняло иной оборотъ. Я разсуждаю такъ. Опредѣленіе о немъ состоялось въ Синодѣ именно 15-го Декабря. 15-го же скончался Леонидъ Ярославскій. Объ этой кончинѣ въ Петербургѣ было извѣстно того-же 15-го вечеромъ и никакъ не позже 16-го. Вотъ, вѣроятно, у нихъ и составилось иное предположеніе“... И говоритъ это какъ-то горячо, нарочито настойчиво; между тѣмъ, при уходѣ визитаторовъ, меня не отпускаетъ, держитъ цѣлые часы послѣ отслуженной въ холодномъ нашемъ соборѣ обѣдни и толкуетъ безъ конца объ одномъ и томъ же. Не безъ моральнаго усилія ушелъ я, наконецъ, изъ гости-

Библиотека "Руниверс"

ной и ушелъ въ растроенномъ расположеніи духа. Нельзя же сказать старцу: „да перестаньте толковать обо мнѣ, въ моемъ присутствіи“. А старецъ со многими и пожалуй со мною, даже особенно со мною, никогда не былъ особенно конфузливъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о высочайшемъ утвержденіи сталъ вопросомъ для меня уже нѣсколько щекотливымъ. Отецъ архимандритъ Іосифъ въ сказанномъ письмѣ обѣщалъ дать знать объ утвержденіи по телеграфу. Эта телеграмма поджидалась. И вотъ на второй день Рождества, подъ вечеръ, бесѣдуемъ съ братомъ Ильею. Въ это время Артемій подаетъ телеграмму. „Вотъ, она-извѣстительная объ утвержденіи“... Вскрываемъ и читаемъ: „Искренно радуюсь новому назначенію. Глубоко сожалѣемъ о разлукѣ съ вами. Душевно желаемъ вамъ полнѣйшаго благополучія. Хотѣлось бы застать васъ 10-го въ Новочеркасскѣ. Николай, Юлія Маслаковцы“.—Н-нѣтъ, не то. Это не объ утвержденіи. Телеграмма неопредѣленна, могла быть обоснована на слухахъ, даже дошедшихъ отсюда, изъ Новочеркасска... На третій или четвертый день праздника получаю поздравительное отъ старца, профессора Ивана Григорьевича Сліборскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Сугубымъ, священнымъ и пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принести вамъ поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Рождества Спасителя и съ приближающимся новымъ годомъ. Да укрѣпитъ Господь силы ваши для служенія съ честью и славой святой Его церкви на новомъ поприщѣ! Мнѣ старику прискорбно, что Провидѣніе избираетъ дальній Сѣверо-востокъ для самостоятельной архипастырской вашей дѣятельности; это эгоизмъ, но радуюсь, что Святѣйшій Синодъ единодушно призналъ васъ вполнѣ достойнымъ занять архіерейскую каѳедру въ Уфѣ, и 15-го Декабря членами Синода подписанъ всеподданнѣйшій докладъ. Нѣтъ причинъ сомнѣваться въ высочайшемъ соизволеніи. Итакъ, привѣтствую васъ, архипастырь Уфимскій и Мензелинскій, только совѣтую больше обращать вниманіе на свое здоровье, чѣмъ обращалъ предмѣстникъ вашъ, нашъ землякъ, преосвященный Филаретъ[1]). Сегодня высокопреосвященнѣйшій Василій[2]) чуть-ли не со слезами

---

[1]) Филаретъ (Ѳома Малишевскій), сынъ священника Могилевской губ., уніатъ, обучался въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ; будучи священникомъ слушалъ словесныя науки въ С.-Петербургскомъ университетѣ (1831—1833 гг.); въ 1839 г. принятъ въ общеніе Православной Церкви; постриженъ въ монахи въ 1840 г. † въ санѣ епископа Нижегородскаго 7-го Февраля 1873 г. Онъ не былъ предмѣстникомъ преосвященнаго Никанора: между ними въ Уфѣ былъ Петръ (Ѳеодоръ Екатериновскій), назначенный туда въ 1869 г. и въ 1876 г. переведенный въ Томскъ. † на покоѣ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ 27-го Мая 1889 г. А. С.

[2]) Василій (Стефанъ Лужинскій), уніатъ, по окончаніи курса Полоцкой академіи

Библиотека "Руниверс"

радости встрѣтилъ меня, говоря: „Спѣшу подѣлиться моею радостью: преосвященный Никаноръ признанъ вполнѣ достойнымъ занять самостоятельную каѳедру и по предложенію митропол. Исидора назначается епископомъ Уфимскимъ. Это шагъ впередъ. Хотѣлось мнѣ самому поздравить его, но пока считаю это несвоевременнымъ“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ владыка заявилъ, что съ радостью далъ бы вамъ помѣщеніе, если бы вы рѣшились сдѣлать кругъ и заѣхали въ Петербургъ. Онъ же благодаритъ васъ за книгу, но, кажется, самъ скоро будетъ писать вамъ. Простите, владыка, мое невѣжество, я не поблагодарилъ васъ за ваше сочиненіе; но, надѣюсь, знаете, какъ высоко цѣню васъ и съ какимъ живымъ чувствомъ признательности принялъ вашъ даръ. Въ заключеніе сообщаю еще одну изъ областей іерархіи новость; не знаю, интересна-ли: преосвященные Орловскій и Архангельскій переводятся одинъ на мѣсто другого. Затѣмъ, испрашивая архипастырскаго благословенія вашего преосвященства, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и сердечною преданностью“.

Выраженія письма очень рѣшительны и относительно назначенія моего въ Уфу, и относительно чувствъ писавшаго. То и другое въ этомъ человѣкѣ натурально. Это вообще благороднѣйшая изъ душъ, какихъ на своемъ вѣку я встрѣчалъ; служили мы вмѣстѣ съ нимъ въ Витебскѣ: я ректоромъ, онъ профессоромъ семинаріи. Въ свою очередь и я питаю къ нему глубочайшее почитаніе. Если между свѣтскими людьми бываютъ мягкіе, гуманные, многоопытные, мудрые, религіозные безъ фарисейства и ригоризма, однимъ словомъ святые люди, то это, конечно, Иванъ Григорьевичъ Сліборскій. А насчетъ назначенія моего въ Уфу выраженія его рѣшительны потому, что скопированы со словъ старца архіепископа Василія, члена Святѣйшаго Синода. Между тѣмъ тотъ-же о. архимандритъ Іосифъ послѣ телеграммы прислалъ къ нашему старцу-владыкѣ и письмо, подробное письмо, съ подтвержденіемъ прежнихъ своихъ сообщеній, но и съ прибавкою оттѣнка, что-де большая часть членовъ Синода желала назначить въ Уфу не Никанора Аксайскаго, а Палладія, епископа Сарапульскаго, Вятскаго викарія, но кто-то пересилилъ въ пользу преосвященнаго Никанора. Подтвержденіе этому я прочиталъ и въ письмѣ ко мнѣ изъ Вятки отъ Михаила Васильевича Окнова (бывшаго секретаря Саратовской консисторіи), которому епископъ Сарапульскій Палладій[1]) лично сказалъ, что преосвященный митро-

---

іезуитовъ, былъ священникомъ, а затѣмъ Оршинскимъ епископомъ. Въ 1836 г. принятъ въ общеніе съ Православною Церковью и былъ до 1866 г. архіепископомъ Полоцкимъ. † 26-го Января 1879 г. на покоѣ, въ званіи члена Св. Синода. А. С.

[1]) Палладій (Павелъ Ьяиковъ), сынъ протоіерея Пермской губ., † 8 Января 1882 г. въ санѣ епископа Олонецкаго. А. С.

Библиотека "Руниверс"

политъ Исидоръ обѣщалъ ему, что при первой возможности ему будетъ предоставлена самостоятельная каѳедра. Новое сообщеніе отъ о. Іосифа дало старцу новую пищу для толковъ на ту же тему, на мой счетъ.

Наканунѣ новаго года, въ присутствіи моемъ и другихъ лицъ, довольно нетерпѣливо онъ толковалъ то же самое, что въ смерти Леонида онъ видитъ нѣчто провиденціальное, что касательно моей личности не всѣ въ Синодѣ были согласны, желали послать въ Уфу кого-то другого.—„Кого это?“ обращается старецъ ко мнѣ съ вопросомъ.—„Палладія Сарапульскаго, Вятскаго викарія“, отвѣчаю я смиренно.—„Да, вѣдь оно и ближе изъ Вятки до Уфы, чѣмъ отсюда“.—„И ближе“, отвѣчаю я.—„Такъ, вотъ, продолжаетъ старецъ, вѣроятно, по случаю смерти Леонида и составились у нихъ другія комбинаціи... А что вы думаете? Вотъ меня пошлютъ въ Ярославль; а преосвященный Никаноръ тутъ останется, у васъ, конечно, самостоятельнымъ“... Сказать, чтобъ онъ хотѣлъ быть Ярославскимъ, казалось-бы, нельзя: онъ не разъ толковалъ, что писалъ кому-то (Гречулевичу?), въ Петербургъ, что не желаетъ отсюда, что это захолустье для него удобнѣе другого захолустья, да и кости уже втянулись въ здѣшній климатъ, вѣдь уже десять лѣтъ живетъ на Дону. Но съ другой стороны, онъ по его частнымъ выраженіямъ не желаетъ ни въ Петербургъ, ни въ Москву, ни даже въ Москву. Не желаетъ. Да, а если бы власти воздали должное и двинули свѣтильникъ старца въ Москву, или въ Петербургъ, или хотя бы и въ тотъ же Ярославль, то навѣрно порадовали бы старца на старости лѣтъ. „Конечно, любитъ повторять онъ, Ярославская каѳедра почетная, четвертая по старому счету изъ архіепископскихъ, старая, богатая, монастырей много; но я не желаю“...

Тутъ кстати будетъ попробовать сдѣлать гармонистику сказаній трехъ благовѣстниковъ о моемъ назначеніи въ Уфу. „Вотъ, говорилъ я въ своемъ кругу, три свидѣтеля почти непосредственные о фактѣ вчерашнемъ, или даже сегодняшнемъ. Вотъ, по словамъ И. А. Чистовича, Иванъ Васильевичъ Рождественскій, по ходатайству его, И. А. Чистовича, предложилъ меня первый; митрополитъ Петербургскій говорилъ противъ; поддержалъ меня К. А. Вощининъ; графъ высказался въ Синодѣ неопредѣленно, но на дому сказалъ Иларіону Алексѣевичу: „я выбралъ его“. Хорошо. По архимандриту Іосифу, подкрѣпляемому случайнымъ сообщеніемъ М. В. Окнова, большая часть членовъ Святѣйшаго Синода желала назначить въ Уфу Палладія Сарапульскаго, но кто-то склонилъ вѣсы въ пользу Никанора Аксайскаго. „Большая часть членовъ Синода“. Кто-же бы это?.. И. В. Рождественскій? Но тотъ, подъ вліяніемъ И. А. Чистовича, предложилъ меня первый. Василій Борисовичъ Бажановъ? Но тотъ тесть Иларіона Алексѣевича

Библиотека "Руниверс"

и всегда былъ за меня... Преосвященный архіепископъ Василій? Тотъ всегда и энергически ратовалъ за меня. Архіепископъ Литовскій Макарій [1])? Дипломатъ, правда; но невѣроятно, чтобъ онъ поднялъ руку на свое дѣтище, въ защиту человѣка чужого и даже ему неизвѣстнаго (Палладія Сарапульскаго). Остаются Серафимъ [2]) архіепископъ Воронежскій, митрополитъ Московскій Иннокентій и Санктпетербургскій Исидоръ. Послѣдній говорилъ, а двое другихъ поддакивали; это можетъ быть. Посмотримъ, какъ ставится тотъ же фактъ у И. Г. Сліборскаго, со словъ члена Синода, архіепископа Василія. А! „Преосвященный Никаноръ признанъ въ Синодѣ единодушно вполнѣ достойнымъ и назначается Уфимскимъ именно по предложенію митрополита Исидора“. Согласите, кто можетъ и хочетъ, этихъ трехъ почти непосредственныхъ свидѣтелей о фактѣ вчерашнемъ, и всѣ три достопочтенные свидѣтели!“

Такимъ образомъ, для здѣшняго легковѣрія становилось почти достовѣрностью, что дѣло мое потекло не въ Уфу, а другимъ какимъ-то и, быть можетъ, даже никакимъ, т. е. старымъ русломъ. Особенно содѣйствовало этому то, что старецъ (какъ доходили до меня слухи), дѣлая Рождественскіе визиты (а въ эти праздники онъ сдѣлалъ ихъ необычно для него много, разъѣзжалъ отъ Рождества до Новаго года, включительно каждый день), постоянно толковалъ о провиденціальности смерти Ярославскаго, о возможности особыхъ комбинацій, въ которыхъ судьба епископа Аксайскаго получитъ-де, вѣроятно, иное направленіе. Конецъ разрощенію этихъ толковъ положило время, а отчасти и нижеслѣдующее письмо ко мнѣ того-же отца архимандрита Іосифа. „Не могу выразить на словахъ моей благодарности, которую питаю въ душѣ за ваше искреннее выясненіе вопроса о моей личности... Пока этотъ вопросъ рѣшается „волею Божіею“..., какъ выразился владыка-старецъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 24-го Декабря, или зависитъ „отъ милосердія Божія“, какъ сказано вами.. За наставшими праздниками синодалы еще не обсуждали ни сего, ни другихъ вопросовъ, возникшихъ со смертію Ярославскаго архіерея, умершаго отъ аневризма. Слышно, что митрополитъ нашъ Исидоръ послалъ письмо къ Евсевію [3]) Могилевскому; вѣроятно, ему предлагаютъ Ярославскую

---

[1]) Макарій (Михаилъ Булгаковъ) впослѣдствіи митрополитъ Московскій, † 9 Іюня 1882 г. А. С.

[2]) Серафимъ (Александръ Аретинскій), сынъ священника Орловской губ., † 22-го Апрѣля 1886 г. въ санѣ архіепископа Воронежскаго. А. С.

[3]) Евсевій (Евѳимій Орлинскій), сынъ діакона Тульской губ., былъ въ Могилевѣ съ 1860 г. по 1882 г. и † 21 Февраля 1883 г. на покоѣ, въ званіи члена Св. Синода. А. С.

Библиотека "Руниверс"

каѳедру". „Сегодня я узналъ отъ вѣрныхъ лицъ, что утвержденіе ваше въ званіи Уфимскаго епископа состоялось подъ праздникъ Рождества Христова; скоро пошлется къ вамъ указъ, если только уже не посланъ. Всѣ знающіе васъ, напр. отецъ Іоаннъ А. Вознесенскій и другіе мои товарищи, Ив. Карашевичъ, искренно радуются вашему назначенію. Дай Богъ, чтобы этотъ шагъ поскорѣе выдвинулъ васъ на болѣе высокую каѳедру".....

А тутъ стали и въ газетахъ появляться болѣе или менѣе рѣшительныя извѣстія о моемъ назначеніи именно въ Уфу, равно какъ и слухи о томъ, что Ярославскую каѳедру займетъ именно Евсевій, архіепископъ Могилевскій.

Достойно примѣчанія, что въ числѣ поздравительныхъ писаній я получилъ письмо съ надписью: „Никанору, епископу Оренбургскому и Уральскому". Письмо это было отъ профессора Петербургскаго Университета, доктора правъ священника Михаила Горчакова; письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Съ радостью приношу мои поздравленія вашему преосвященству съ назначеніемъ васъ на епархію и съ новымъ годомъ. Судьба вашей жизни, какъ вамъ хорошо извѣстно, страдала отъ инсинуацій людей лживыхъ, презирающихъ науку, трудъ и любовь къ правдивости. Осмѣливаюсь просить покорнѣйше, не располагайте судьбою людей по инсинуаціямъ людей лживыхъ и льстивыхъ, которыми, по несчастью, такъ любятъ окружать себя наши архипастыри. Съ благоговѣніемъ испрашиваю вашихъ молитвъ и архипастырскаго благословенія для себя, моей жены и моихъ дѣтей. Имѣю честь быть" и проч. P. S. „Письмо ваше ко мнѣ будетъ храниться въ моихъ бумагахъ".

Тутъ слово о моихъ отношеніяхъ къ профессору Горчакову. Лично мы встрѣтились только разъ въ жизни, когда онъ былъ еще свѣтскимъ и холостымъ человѣкомъ; когда онъ, по прибытіи изъ-за границы, гдѣ служилъ, кажется, псаломщикомъ при какой-то изъ нашихъ заграничныхъ миссій, готовился въ Петербургѣ быть священникомъ и жениться. Встрѣтились мы случайно у знаменитаго дѣятеля-священника, отца архимандрита Гумилевскаго. Женился онъ на младшей изъ Недѣшевыхъ, Екатеринѣ, изъ семейства близкаго моему брату Ильѣ и потому издавна сочувственнаго и мнѣ. Подъ вліяніемъ этого семейства также сочувственно сталъ относиться ко мнѣ и отецъ Горчаковъ и внушалъ доброе разумѣніе обо мнѣ новому директору Синодальной канцеляріи К. А. Вощинину, которому и представилъ мою книгу о позитивной философіи. Вощининъ благодарилъ меня за книгу письмомъ; а я по этому поводу писалъ къ отцу Горчакову, выражая ему мою призна-

Библиотека "Руниверс"

тельность. Объ этомъ-то письмѣ отецъ Горчаковъ и упоминаетъ въ своемъ посланіи.

Всѣ эти, какъ письменныя, такъ и печатныя данныя вывели вопросъ о переводѣ моемъ въ Уфу въ ясность изъ мглы, навѣянной на него соображеніями, основанными на кончинѣ Леонида Ярославскаго. Такимъ образомъ, переѣздъ мой въ Уфу сдѣлался вѣроятнымъ. Между тѣмъ въ Новочеркасскѣ не оказывается ни одной души, знающей Уфу лично. Изъ Новгорода новый Новгородскій викарій, епископъ Варсонофій *) прислалъ мнѣ поздравленіе и выразился объ Уфѣ, что „Уфа—городишко дрянной; городской архіерейскій домъ сносенъ, но загородный въ жалкомъ видѣ". Изъ Витебска также, гдѣ знаютъ объ Уфѣ близкіе къ покойному преосвященному Филарету (скончавшемуся Нижегородскимъ) люди выразили мнѣ сожалѣніе, что меня посылаютъ на трудъ въ жалкую епархію. Но я ждалъ подробнаго описанія Уфы отъ Михаила Андреевича Юркевича, который въ старые годы, будучи мальчикомъ, жилъ въ Уфѣ при своемъ дядѣ, Уфимскомъ епископѣ Филаретѣ. Къ нему я писалъ, задавъ объ Уфѣ нѣсколько вопросовъ, ждалъ и дождался и глубоко обрадовался содержанію этого замѣчательнаго письма. Вотъ оно все цѣликомъ.

„Примите благосклонно искреннѣйшее мое привѣтствіе съ назначеніемъ на самостоятельную каѳедру. Господь Богъ, направляющій васъ въ отдаленную Уфу, будетъ споспѣшествовать всѣмъ вашимъ благоначинаніямъ и направитъ всегда усердную дѣятельность вашу на благо Россіи и Русской церкви, къ личному вашему благополучію и счастью. Было у меня предчувствіе, что вамъ предстоитъ путь въ мѣста почти родныя мнѣ, дорогія по воспоминаніямъ отрочества, и это предчувствіе не обмануло меня. Тѣмъ сильнѣе хотѣлось мнѣ пріѣхать къ вамъ на святки, и тѣмъ болѣе жаль, что не удалась эта поѣздка. Можно было бы усты ко устомъ глаголати, а приходится примириться съ письмомъ, которое не можетъ замѣнить личную бесѣду, особенно благодаря нахлынувшей толпѣ воспоминаній, путающихъ мысли, быстро смѣняющихся, отвлекающихъ въ собственный субъективный міръ. Въ первый день праздника преосвященный Павелъ сообщилъ мнѣ о вашемъ назначеніи; но еще задолго до этого, при первомъ газетномъ извѣстіи о переводѣ Петра въ Томскъ, у меня явилась увѣренность, что быть вамъ въ Уфѣ. Сообщилъ я объ этомъ тогда одному своему пріятелю; онъ посмѣялся надо мной, говоря: „ты вѣчно съ своими мечтами,

*) Варсонофій (Іаковъ Охотинъ), сынъ діакона Тамбовской губ., съ 19-го Ноября 1876 г. по 1882 г. епископъ Старорусскій, викарій Новгородской епархіи.

Библиотека "Руниверс"

чувствами и предчувствіями; не всѣмъ же твоимъ родственникамъ архіерействовать въ Уфѣ. Впрочемъ, можетъ быть дѣйствительно, чуткое твое сердце на этотъ разъ говоритъ правду. Посмотримъ". Теперь мнѣ кажется, что управленіе Уфимской епархіей будетъ способствовать оживленію и просвѣтлѣнію вашего душевнаго настроенія, такъ какъ край этотъ благодатный во многихъ отношеніяхъ, а мѣстность, гдѣ стоитъ городъ, одна изъ живописнѣйшихъ во всей Россіи, такъ что даже Ободовскій въ своемъ учебникѣ географіи сказалъ: „Уфа замѣчательна своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ". Но чтобы не путаться и не впадать въ субъективизмъ, буду писать въ порядкѣ тѣхъ вопросовъ, которые вы мнѣ предложили. Уфу я покинулъ 10 лѣтъ почти назадъ, поэтому само собой понятно, воспоминанія мои не всегда могутъ соотвѣтствовать современной дѣйствительности, впрочемъ, живутъ тамъ тихо: большихъ перемѣнъ трудно ожидать. О вашемъ предшественникѣ знаю лишь то, что онъ не пользовался любовью и уваженіемъ духовенства, которое вообще довольно развито и чутко къ нравственнымъ и умственнымъ достоинствамъ человѣка. Соборъ стоитъ на очень близкомъ разстояніи отъ архіерейскаго дома (шаговъ 100—200 отъ святыхъ воротъ); архитектура собора точь въ точь такая же, какъ и Кишиневскаго, который Илья Ивановичъ, вѣроятно, описывалъ вамъ. Это Исакіевскій соборъ въ миніатюрѣ, безъ четырехъ, стоящихъ по сторонамъ, фонариковъ. Разница между Кишиневскимъ и Уфимскимъ соборами та, что послѣдній несравненно богаче перваго по внутренней отдѣлкѣ, обилію серебряныхъ ризъ на иконахъ, съ громаднымъ иконостасомъ, сіяющимъ, или правильнѣе сказать, сіявшимъ слишкомъ обильной позолотой, но не грубой и не лишенной изящества. Стѣны собора покрыты живописью въ Русскомъ стилѣ, которой я не видалъ, равно какъ и поновленнаго иконостаса: при мнѣ передѣлки только начинались. Писали мнѣ, что внутри соборъ очень хорошъ, по крайней мѣрѣ настолько удовлетворяетъ мѣстнымъ вкусамъ, что снимки съ него были помѣщены во Всемірной Иллюстраціи года два-три тому назадъ. Колокольня совершенно напоминаетъ здѣшнюю и также не отличается изяществомъ; но она соединена съ соборомъ пристройкой, которая образуетъ очень обширный притворъ, такъ что зданіе въ общемъ очень значительной вмѣстимости. Помнится весьма хорошій, пріятный колоколъ, звуки котораго я за нѣсколько верстъ отъ Уфы слышалъ, когда на второй день Святокъ подъѣзжалъ къ городу. Соборъ отапливается хорошо, и я никогда не мерзъ, стоя въ стихарѣ, какъ посошникъ, а потомъ чиновщикомъ при архіерейской службѣ. Староста соборный и ключарь жаловались, бывало, что доходовъ въ соборѣ маловато; но вѣдь они, обыкновенно, любятъ преувеличивать скудость

Библиотека "Руниверс"

средствъ. Ризница не отличалась ни обиліемъ, ни красотой. Помнятся дорогія старинныя ризы. Серебра на иконахъ, престолахъ и жертвенникахъ много. Соборъ трехпрестольный. Что соборъ не можетъ жаловаться на скудость, по моему мнѣнію, доказательствомъ этому могутъ служить два каменныхъ дома, принадлежащихъ ему, въ два этажа каждый, гдѣ помѣщается весь соборный причтъ отъ каѳедральнаго протоіерея до псаломщика. Дома эти, одинъ вновь выстроили, а другой купили при мнѣ, при мнѣ же начали обновленіе собора. Стало быть, денегъ было довольно. Каѳедральный протоіерей Владиславлевъ уже старикъ, магистръ, законоучитель гимназіи, членъ консисторіи, умный, но послѣ смерти жены нѣсколько опустившійся. Протоіерей Даниловъ, кандидатъ, бывшій преподаватель семинаріи и очень плохой философъ, мало занимавшійся своимъ дѣломъ и по учительству, и по консисторіи, гдѣ членствуетъ; изящная фигура, человѣкъ остроумный, но полѣнивающійся. Ключарь Всесвятскій не задолго до моего отъѣзда назначенъ на эту должность, представительный батюшка, изъ семинаристовъ; его хвалили и ожидали, что онъ приведетъ въ порядокъ соборъ, пострадавшій отъ слабаго смотрѣнія его предшественника Бугульминскаго, кандидата-Казанца, любившаго выпить лишнее, который протоіерействовалъ въ городѣ Вирскѣ, а теперь, кажется, въ селѣ, или умеръ. Священникъ Покровскій, котораго я засталъ семинаристомъ и архіерейскимъ пѣвчимъ, на первыхъ порахъ понравился прихожанамъ-горожанамъ красивой манерой священнослуженія и хорошимъ произношеніемъ проповѣдей. Протодіаконъ Виноградовъ, студентъ Нижегородской семинаріи, пѣвецъ, музыкантъ, отчасти живописецъ; голосъ не очень обширный, служитъ хорошо, видный блондинъ, лишняго никогда не выпиваетъ. Прочій причтъ былъ голосистъ. Соборъ находится на большой площади, которая превращена въ садъ, какъ писалъ мнѣ недавно пріятель, выдержку изъ письма котораго приведу ниже. Вокругъ этого парка расположены архіерейскій домъ съ флигелями и консисторіей (одна сторона), семинарія—огромное зданіе въ три съ половиной этажа, недавно отдѣланное по случаю введенія новаго устава (другая)—присутственныя мѣста и гимназія (третья), губернаторскій домъ и нѣсколько частныхъ (четвертая). Планъ архіерейскаго дома съ его службами и садами, какъ съумѣлъ, начертилъ; прошу извинить: живописи не обучался“.

„Двухъэтажный, большой архіерейскій домъ одно изъ лучшихъ зданій города; но находилось оно въ значительномъ запущеніи особенно въ послѣдніе два года, во время болѣзни дяди. Я думаю, что предшественникъ вашъ отдѣлалъ архіерейскій домъ, иначе онъ

Библиотека "Руниверс"

находится теперь въ очень дурномъ состояніи. Зданіе теплое; правда, и дровъ не жалѣли. Мебель была старая; не думаю, чтобы ея до сихъ поръ не перемѣнили, не обивали. Комнаты и архіерейскія и многія другія были оклеены обоями, тоже требовавшими перемѣны. Помѣщеніе архіерейскаго дома занимаетъ мѣсто съ прекраснѣйшимъ видомъ изъ оконъ на рѣку Бѣлую и луга съ зарослями чернолѣсья, простирающіеся на нѣсколько верстъ. При домѣ три двора большихъ: чистый, дровяной и черный и два малыхъ при кухнѣ и баняхъ. Есть два весьма порядочныхъ сада и дубовая роща, спускающаяся по крутой горѣ къ Бѣлой. Въ одномъ саду насажены только яблони и вишни; яблокъ много, и хороши; другой, назначаемый собственно для гулянья, изобилуетъ ягодами, черной, красной и бѣлой смородиной, малиной, клубникой; есть въ немъ цвѣтники съ прекрасными розами, громадный фонтанъ рвется къ небу, плакучія березы, на вѣтвяхъ которыхъ я 14—15 лѣтъ просиживалъ, бывало, по нѣскольку часовъ, съ книгой въ рукахъ, смиренно опускаютъ свои тонкія вѣточки къ землѣ. Гулянье по крутымъ тропинкамъ рощи даетъ отличнѣйшій моціонъ. Жили въ архіерейскомъ домѣ три іеромонаха, одинъ, иногда два іеродіакона, нѣсколько послушниковъ, я съ братомъ, письмоводитель съ братомъ тоже, но помѣщенія такъ много, что хватило бы еще на нѣсколько человѣкъ. Пѣвчіе не жили въ архіерейскомъ домѣ, а получали жалованье и являлись на спѣвку въ пѣвческую комнату. Братія, за малыми исключеніями, была піющая, пѣвчіе плохо поющіе. Крестовая маленькая; помѣщается она въ самомъ зданіи, сильно напоминаетъ старую церковь Черкасскаго архіерейскаго дома. Тоже нуждалась въ обновленіи: была запущена. Престолъ—Святому Духу. Посѣщается народомъ крестовая довольно охотно, особенно за всенощными. Горожане любятъ, чтобы въ церкви и богослуженіи все было благообразно и по чину, много знатоковъ всяческой церковности, способныхъ услѣдить малѣйшій промахъ. Есть много раскольниковъ-поморцевъ, а также пріемлющихъ Австрійское священство. Той благолѣпной постановкой и обстановкой службы Божіей, которая всегда присуща вашимъ священнослуженіямъ, вы несомнѣнно пріобрѣтете себѣ уваженіе и любовь Уфимцевъ, которые отличаются вообще чисто-Русскимъ обрядовымъ благочестіемъ, стремленіемъ въ большинствѣ исполнять всѣ предписанія церкви, не мудрствуя лукаво. Торжественные крестные ходы на весенняго Николая и Казанскую (въ Іюлѣ), съ чудотворными иконами привлекаютъ весь городъ и громадныя толпы сельскихъ жителей, даже изъ далекихъ мѣстъ. Тоже и храмовой праздникъ въ мужскомъ монастырѣ (15-го Августа), расположенномъ въ 3 верстахъ отъ города, не подалеку отъ рѣки Уфы. Прежде монастыремъ этимъ управлялъ ректоръ, теперь не

Библиотека "Руниверс"

знаю кто. Есть на окраинѣ города женскій Благовѣщенскій монастырь, гдѣ игуменьей была умная пожилая женщина, изъ рода мѣстныхъ богатыхъ купцовъ Блохиныхъ, съ которыми преосвященный Филаретъ былъ въ довольно близкихъ, хорошихъ отношеніяхъ. Рукодѣлья въ этомъ монастырѣ производились отличныя, а хлѣбъ бѣлый пекли такой превосходный, что ни одинъ булочникъ не могъ перещеголять монахинь. Относительно денежныхъ средствъ архіерейскаго дома не могу сообщить ничего опредѣленнаго; знаю, что кромѣ казеннаго содержанія есть неокладная сумма, получаемая за принадлежавшихъ дому крестьянъ. Помнится, есть мельница, или нѣсколько, и рыбныя ловли, которыя отдаются въ аренду; за Бѣлой тянутся луга, которые даютъ возможность содержать цѣлое стадо коровъ и рабочихъ лошадей, а на конюшнѣ четыре выѣздныхъ. Каменный, двухъэтажный флигель, хотя и былъ отданъ въ аренду, но приносилъ мало дохода, потому что былъ запущенъ и помѣщался въ немъ губернскій архивъ. Думаю, что преосвященный Петръ обновилъ все. Москвичи на это тароваты. Вообще, содержаніе архіерея не богатое, но все было дешево; и если экономъ не прежній плутоватый Филаретъ изъ мѣщанъ-мясниковъ, практикъ великій, въ четыре года получившій игуменство и наперсный крестъ, то жить можно хорошо. Филаретъ этотъ держалъ всю экономію архіерейскаго дома въ своихъ рукахъ, и едва ли самъ дядя зналъ вѣрно положеніе денежныхъ дѣлъ, а мы и подавно. Загородный домъ, принадлежащій архіерею, поставленъ плохо, на солнцепёкѣ, въ полѣ; нѣтъ при немъ ни сада, ни лѣса, только орѣшникъ и маленькій парѣсникъ. Рѣка за нѣсколько верстъ, къ ней нужно ѣхать чрезъ городъ; есть хорошій ключъ. Домъ большой, деревянный, съ мезониномъ, въ которомъ помѣщается маленькая изящная церковь, съ простымъ орѣховымъ иконостасомъ безъ золотыхъ украшеній“.

„Изъ духовенства, кромѣ указанныхъ выше, помнятся мнѣ: съ академическимъ образованіемъ въ Уфѣ протоіерей Феликсовъ, бывшій смотритель училища, человѣкъ очень слабохарактерный; въ Мензелинскѣ—протоіерей Желателевъ, умный, твердый и энергичный; съ семинарскимъ—Темперовъ въ Уфѣ, бойкій, иногда злой на языкъ, ораторъ съѣздовъ, читающій много, иногда любившій полиберальничать съ голоса газетъ и журналовъ; въ городѣ и епархіи пользовался онъ извѣстностью; въ Златоустѣ—Яхонтовъ, любимый многими; въ Белебеѣ—Сперанскій, казавшійся мнѣ съ лисьимъ хвостомъ и рыльцемъ. Самою свѣтлою личностью въ моихъ Уфимскихъ воспоминаніяхъ является Добряковъ, бывшій профессоръ словесности, а теперь ректоръ. Семинаристовъ онъ училъ и читать и писать. Я навсегда останусь ему благо-

Библиотека "Руниверс"

даренъ за его благодѣтельное на меня вліяніе. Замѣчательно выработанный характеръ и рѣдкое трудолюбіе. Находили его схоластичнымъ, но теперь многіе говорятъ, что нужно многое взять у этой школы, и начинаютъ браться за старое. Въ числѣ преподавателей есть ваши воспитанники, только къ сожалѣнію не изъ лучшихъ, Херувимовъ, Вишневецкій, женившійся на дочери каѳедральнаго протоіерея, и Дьяковъ, лучшій между ними—добрая душа. Дѣла въ семинаріи идутъ скверно, какъ вы увидите это изъ слѣдующихъ словъ моего товарища Боголюбова, который былъ въ Уфѣ во время каникулъ: „Сообщу тебѣ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя случились съ знакомыми лицами и вещами, и во первыхъ, Уфа стала чище и богаче садами; садъ на соборной площади, начало которому положено еще, кажется, при тебѣ, теперь хорошо выросъ и сдѣлался очень хорошимъ; театръ, сгорѣвшій послѣ твоего отъѣзда, выстроенъ заново. Мало того, построено что-то въ родѣ театра лѣтняго сада Блохина (злоба дня сказывается). Семинарія тоже передѣлана и приняла благоприличный видъ, а въ Сентябрѣ настоящаго года даже сподобилась посѣщенія е. с. Д. А. Толстаго. Впрочемъ, приличіе соблюдается только во внѣшней жизни, но не во внутренней: внутри, среди семинарской корпораціи, идутъ распри и крупныхъ размѣровъ. Извѣстный тебѣ, И. В. Любимовъ-циклопъ, нынѣ секретарь правленія семинарскаго, особенно оскандализировался. Говорятъ даже, что онъ уличенъ въ подлогѣ и обвиненъ передъ судомъ во взведеніи ложнаго уголовнаго обвиненія. Вообще мнѣ разсказывали изъ жизни тамошней семинарской корпораціи много скандальныхъ исторій. Здѣсь кстати будетъ сообщить тебѣ курьезъ о Львѣ Степановичѣ Суходольскомъ. Ты, вѣроятно, знаешь, что онъ состоитъ холостякомъ; такимъ онъ былъ до послѣдняго времени. Даже, когда я уѣзжалъ изъ Уфы въ Кіевъ, онъ былъ еще холостымъ, хотя и увѣрялъ меня, что скоро женится. Дѣйствительно, въ половинѣ Октября Левъ женился на вдовѣ Петровой, бывшей женѣ протоіерея города Мензелинска, барынѣ лѣтъ 35, но не дурной изъ себя и не глупой.... Теперь говорятъ, онъ сильно присмирѣлъ.... Только Добряковъ остается неизмѣннымъ; все одинаковъ; время для него какъ будто ничего“.. Главный благодѣтель епархіи, семинаріи, женскаго духовнаго училища Иванъ Ѳедоровичъ Базилевскій, живущій въ Петербургѣ, извѣстный милліонеръ-золотопромышленникъ, сынъ священника Уфимской губерніи. Старики Шахурины были близки къ дядѣ, только едва ли они живы; люди богатые, пользовавшіеся общимъ уваженіемъ. Особенно родовитыхъ дворянскихъ фамилій не помню. Изъ купцовъ дядя бывалъ у Блохиныхъ, Нефедова, Сапожникова, Попова, Полежаева, Бѣлякова, соборнаго старосты. Постановка епископа въ Уфѣ хорошая. Его вниманіемъ и визитами дорожатъ и

Библиотека "Руниверс"

чиновники, и особенно купцы. Онъ первое лицо въ епархіи и въ губерніи. Преосвященнаго Филарета любили главнымъ образомъ за обходительность, доброту, умѣніе обращаться съ людьми—свѣтскіе; за устройство женскаго училища, общедоступность, пока онъ былъ здоровъ, и внимательность—духовенство. Работы по управленію епархіей было мало, можно было сосредоточиваться на дѣлахъ. Консисторія была не безупречна и обирала иногда; но жалованье тамъ получалось ничтожное, до послѣдняго времени. Секретарь—мало образованный, изъ мелкихъ синодальныхъ чиновниковъ, практически изучившій дѣла. Жаловались на консисторію съ ея грубоватостью и другими недостатками мало, потому что помнились еще такіе архіереи, которые сами ругались, подъ-часъ дрались, да и деньгу сильно любили. Западно-Русское воспитаніе и обращеніе епископа было въ Уфѣ новостью, такъ что сначала косились на архіерея изъ уніатовъ, „Поляка“, какъ нѣкоторые раскольники говорили; но потомъ отдали должную дань справедливости. Преосвященный Филаретъ кромѣ того, какъ человѣкъ больной, страдающій, но не оставляющій дѣлъ, естественно возбуждалъ къ себѣ состраданіе. Женское епархіальное училище было отлично поставлено. Училось въ немъ немало и свѣтскихъ. Дядя самъ вникалъ въ бытъ этого заведенія и много употреблялъ заботъ на его улучшеніе. Довольно было и передрягъ, непріятностей: при мнѣ, въ четыре года смѣнилось три начальницы. Край плодородный, особенно Челябинскій уѣздъ и нѣкоторыя другія мѣстности. Много заводовъ, изъ которыхъ славится Златоустовскій. Народъ живетъ, кромѣ кочевниковъ, трудами рукъ своихъ, преимущественно хлѣбопашествомъ, а потому знаетъ и чтитъ Бога-подателя благъ. Климатъ континентальный: лѣто жаркое, зима обильная снѣгомъ; (дядя, подъѣзжая къ Уфѣ, въ виду города просидѣлъ съ каретой въ снѣгу нѣсколько часовъ) суровая, часто бываютъ бураны; весна славная, дружная. Бѣлая со своими притоками, Уфой и Дёмой, разливается, какъ море. Уфимцы любятъ выпить и поѣсть, благо дешевизна на все мѣстное даетъ къ тому полную возможность, а чего нѣтъ въ Уфѣ, доставляютъ пароходы, дѣлающіе весь лѣтній сезонъ срочные курсы до Казани и Нижняго. Мясо, птица, дичь, рыба, яица, масло, были очень дешевы; овесъ и сѣно тоже, и въ Уфѣ всякій мало-мальски зажиточный чиновникъ и мѣщанинъ даже держитъ лошадь“.

„Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя могъ я выдѣлить изъ своихъ воспоминаній настоящихъ часовъ о давнихъ временахъ. Если потребуются еще какія либо, спросите: я не замедлю отвѣтомъ. Я здоровъ и благодушенъ. Есть желаніе работать. Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“ уже вторымъ письмомъ настоятельно проситъ моего сотрудничества;

Библиотека "Руниверс"

дайте намъ своихъ проповѣдей и бесѣдъ, говорятъ мнѣ, какъ будто ихъ можно строчить по заказу, не боясь, что выйдетъ нѣчто безцвѣтное. Если можно и удобно будетъ, поговорите въ Казани о моемъ кандидатствѣ. Нужно будетъ скоро уйти съ настоящей должности, которая поставлена очень глупо новыми штатами. Пожелавъ вамъ счастливаго пути къ мѣсту вашей архипастырской службы, испросивъ вашего благословенія и молитвъ Божіей Матери и Николая чудотворца въ Уфѣ, остаюсь вашего преосвященства преданнѣйшимъ слугой М. Юркевичъ“.....

Изъ Новочеркасска выѣхалъ я въ Среду, 26-го Февраля. Моимъ спутникомъ, провожавшимъ меня изъ Новочеркасска, оказалась одна Анна Николаевна Орлова. Она тронула меня: накупила грушъ огромнаго размѣра и хорошихъ яблокъ, все это она настойчиво вручила мнѣ; привезла еще и настояла, чтобы я взялъ хорошій термометръ, въ видѣ хрустальной пирамиды. Потомъ также настойчиво вручила мнѣ портмонэ, отлично сшитый матерью ея, или ею самою для матери, не помню. Однимъ словомъ, я остался ей вседушевно признателенъ. Я навѣшусь выразить ей какимъ либо вещественнымъ знакомъ мои невещественныя чувства самой серьезной къ ней благодарности. Это останется для меня памятнымъ навсегда. Яблоки и груши ея служили отличнымъ подспорьемъ для утоленія жажды, которая давала себя знать въ дорогѣ какъ-то больше, чѣмъ голодъ. При многодневной безсонницѣ чувствовался жаръ. До надаванныхъ братомъ Ильей снадобьевъ я добрался не скоро. Не скоро даже выразумѣлъ, что̀ тамъ такое есть. Въ Воронежѣ я обѣдалъ у отца намѣстника. Въ Ряжскѣ на станціи чинился ѣсть что либо свое. Ужъ только въ Сызрани, сидя особо, уединенно въ вокзальной канцеляріи, ночью мы съ Артеміемъ разобрали, что лежало въ кулькѣ столько благъ, что ими можно было бы напитать роту солдатъ. Сначала нащупали пирожки. Должно быть, черезъ день сообразили, что кромѣ пирожковъ тамъ есть еще кое-какіе звѣри; возиться съ ними было невозможно. Такъ двуногаго звѣря я и не понюхалъ. Но подъ нимъ оказалось именно то, что̀ я желалъ имѣть. И эту-то преполезную штуку я грызъ по ночамъ вмѣсто хлѣба. Только этой штукѣ отчасти и досталось такъ, что отъ нея немного осталось, но все прочее привезено въ Уфу, и тутъ я пошепталъ Артемію, что бы онъ съ этими остатками распорядился, какъ знаетъ. Но пошептать-то ему пришлось въ утро Понедѣльника первой недѣли поста, такъ что нашъ Артемій, не смотря на свой либерализмъ, возразилъ, что „теперь постъ“. А я ему возразилъ: „какъ знаешь, твое дѣло“. И что̀ онъ сдѣлалъ со всѣмъ этимъ добромъ, до сихъ поръ я не спрашивалъ.

Библиотека "Руниверс"

Во всякомъ случаѣ брату спасибо, спасибо Богушевичу, спасибо сестрѣ. Вотъ пріѣдутъ ко мнѣ, отплачу имъ тѣмъ же.

Теперь о дорогѣ. До Воронежа мы стояли всего только два раза: разъ паровозъ отказался везти, потомъ надумался и пошелъ. Это было среди степи; другой разъ на станціи стояли часа полтора: впереди чинили лопнувшій рельсъ. Въ Воронежъ прибыли въ полдень, вмѣсто восьми часовъ утра. Встрѣтилъ на станціи двоюродный братъ Василья Алексѣевича Орлова, которому признателенъ и кланяюсь. Отслушалъ молебенъ у раки святителя; осмотрѣлъ истинно великолѣпный и художественный по простотѣ отдѣлки соборъ. Отобѣдалъ у отца-намѣстника. Съѣздилъ въ каѳедральный соборъ, пренелѣпо и неблагочинно застроенный; потомъ въ семинарію, преогромное и хорошее зданіе, къ преосвященному викарію[1]), къ брату Василья Алексѣевича, затѣмъ часовъ около 8 вечера зашелъ къ старцу-архіепископу Іосифу[2]) и въ 10 часовъ вечера отбылъ на вокзалъ. Тутъ сидѣли до часа ночи; досаждалъ пьяный человѣкъ изъ учителей духовнаго училища, провѣдавшій какъ-то, кто я такой. Въ часъ ночи началась бѣсовская скачка на курьерскомъ поѣздѣ. Въ Козловѣ чуть не остались на станціи, пока покупали дополнительные билеты. Въ Ряжскъ прискакали въ Пятницу, въ 8 часовъ утра, а поѣздъ на Моршанскъ ходитъ и ушелъ въ 5 час. утра. Пришлось ждать почти цѣлые сутки. Благо, станція лучшая на пути, съ Европейскими удобствами. Въ Субботу, по утру потянулись въ 5 час. утра къ Моршанску. Везли тихо, вагоны хорошіе. Поражало огромное именно товарное движеніе. Тутъ скоро увидѣли огромные склады дровъ; движутъ по желѣзной дорогѣ дрова, а не уголь. Моршанска хорошо даже не помню, хотя и пересаживались въ новые вагоны, еще съ бо̀льшими удобствами. Почти для всякаго пассажира отдѣльное купэ, задернутое занавѣсками. Но тутъ-то и случился пунктъ преткновенія. Путь не обошелся безъ исторіи. Въ вагонѣ, да, теперь припоминаю. Моршанскъ-станція скверная, вонючая, идти до вагоновъ далеко, въ вагонѣ 1-го класса ѣхала до ночи старая барыня въ отдѣльномъ купэ, барыня, которая сошла ночью; ѣхалъ, должно быть, судейскій, сошелъ также. Однимъ словомъ, въ огромномъ, таинственно раздѣленномъ вагонѣ ѣхалъ постоянно только я одинъ. Повторялъ

[1]) Веніаминъ (Владиміръ Быковскій), сынъ священника Полтавской губ., съ 1871 г. по 1879 г. епископъ Острогожскій, викарій Воронежскій; † 1 Февраля 1893 г. епископомъ Черниговскимъ. А. С.

[2]) Іосифъ (Иванъ Богословскій), сынъ причетника Рязанской губ., съ 1853 г. по 1864 г. былъ епископомъ, а потомъ архіепископомъ Воронежскимъ; въ это время жилъ на покоѣ въ Митрофаніевомъ монастырѣ. † 19 Февраля 1892 г. А. С.

Библиотека "Руниверс"

Артемію: „заходи, пожалуйста, на станціяхъ“.. „Навѣдывайся о нашемъ благосостояніи“.. Должно быть, онъ заснулъ и всю ночь не приходилъ. Всю ночь я не спалъ, а къ утру забылся сномъ. Слышу какой-то шумъ, ругань; думаю: „до насъ не касается“. Но вбѣгаетъ Артемій. Утро. Свѣтло.—„Ваше прео-ство. Вы спите, а меня арестуютъ“.—„Боже мой! Что ты тамъ такое сдѣлалъ? Кто арестуетъ? За что?“ Отвѣтъ: „я вошелъ къ вамъ сейчасъ, посмотрѣлъ, что вы спите и, не желая васъ тревожить, выходилъ. А тутъ какъ разъ контролеръ: „ты мошенникъ; лазишь по вагонамъ“. Я говорю: „я ходилъ къ своему барину“.—„А, ты ночевалъ здѣсь? Жандармовъ! Кондукторовъ! Арестовать его!“—„Да я ѣду съ архіереемъ. Спросите моего господина“.—„Я знать никого не хочу. Арестовать! Штрафъ!“ и проч. Я говорю: „Это недоразумѣніе. Это не можетъ быть“.—Выхожу на площадку. Вдали станціи слышу крикъ. Кто кричитъ? Контролеръ на начальника станціи и на оберъ-кондуктора.—„Да, скажите, что это недоразумѣніе, говорю я кондуктору.—„Мы люди подначальные. Попросите сами... Попросить надо“...—„А, просить!.. нѣтъ!.. просить я не стану, а заплачу штрафъ. Сколько требуютъ?“—„5 руб. 90 коп.“ Я выдалъ деньги Артемію. Тотъ побѣжалъ расплачиваться, чтобы поѣздъ не ушелъ. Въ суматохѣ потерялъ, было, зимнюю калошу. Двинулись дальше. Проходитъ оберъ-кондукторъ.—„Штрафъ взяли. Раскричался такъ: вы-де потакаете. И насъ безъ вины сдѣлаетъ виновными. Онъ у насъ бѣшеный“.—„Кто старше: онъ, или начальникъ станціи?“—„Ему всѣ дорожные чины подчинены“.—„А, ну я обжалую“.—„На станціи потребуйте у жандарма книгу!“ Пріѣхали на слѣдующую станцію. Раннее утро.—„Какая такая станція“?—Кузнецкъ“. Странность, приключеніе именно въ Саратовской губерніи. Мы съ Артеміемъ стали героями дня. Вышелъ я. Рекомендуюсь, снявъ шапку, начальнику станціи. Тотъ не пошевелилъ своего картуза. Требую книгу. Не охотно, но дали; не выразумѣли, что̀ такое Уфимскій архіерей. Лица тогда пораздвинулись. Публика за Артемія. Начальникъ станціи сталъ иронизировать надъ Брандтомъ, контролеромъ: „еще сюда телеграфировалъ: мало, вишь, съ васъ взяли“.—„Можетъ входить ко мнѣ въ вагонъ мой слуга?“ спрашиваю старшаго жандарма.—„Можетъ, на станціяхъ“. „Можетъ входить ко мнѣ мой слуга, въ вагонъ?“ спрашиваю начальника станціи. Отвѣтъ тотъ-же. Съ отвращеніемъ, но я вписалъ свою жалобу вкратцѣ.

Около полудня, въ Воскресенье, придвинулись къ Сызрани. Горе. Новость. Тутъ ждутъ поѣзда въ Самару, уже два поѣзда, прибывшіе прежде насъ. Мы—третій поѣздъ. Когда поѣздъ уйдетъ, неизвѣстно. Впереди буранъ. Нечего дѣлать: расположились на чемоданахъ. Часа

Библиотека "Руниверс"

чрезъ 3—4 желѣзно-дорожное начальство вдумалось въ то, что я граничу съ тузомъ. Просятъ въ особую комнату, въ канцелярію. Помощникъ начальника станціи оказался Докучаевъ, столбовой дворянинъ, проживший состояніе свое и жены, бывшій уланъ, говорунъ, видавшій виды. Разговорились о Брандтѣ, бѣшеномъ контролерѣ. „О-о-о! Этого сумазброда описывали уже въ разныхъ газетахъ, какъ башибузука Сызранско-Моршанской желѣзной дороги. Не постигаемъ, кѣмъ онъ держится. И вообразите: нашему брату приходится зависѣть въ своей судьбѣ отъ такого господина“. Однимъ словомъ, я замѣчалъ общее желаніе, чтобъ я не упустилъ своего случая дать этому господину пинка. Артемій тоже: „Его и кондукторы и жандармы ненавидятъ. Онъ всѣмъ надоѣлъ, какъ горькая рѣдька. Тутъ и тѣ жандармы, которые ѣхали со мною всю ночь“. Я потребовалъ жалобную книгу, и, имѣя въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени, изложилъ свою жалобу уже преподробно и преобстоятельно. Назавтра, поутру пріѣзжала Сызранская игуменья, молодая и свѣжая, звать въ монастырь. Но изъ Самары дали знать, что поѣздъ идетъ, и отсюда сейчасъ будетъ пущенъ поѣздъ въ Самару. Поѣхали. Пріѣхали къ Волгѣ. Не буду описывать глубокаго безпорядка, который охватилъ насъ водоворотомъ, при переправѣ чрезъ Волгу. Всѣ брали мѣста въ саняхъ нахрапомъ. Совсѣмъ скверно. Я раздраженъ былъ до крайности. Радъ былъ, что усѣлся задомъ къ облучку, едва всунувъ свои ноги между ногами другихъ. И всѣ знали, что я—архіерей. Ѣхали знакомцы Ивана Михайловича Плѣшанова, того самаго, который въ Новочеркасскѣ заплатилъ тысячъ 17 на добровольцевъ. При посадкѣ въ вагоны, на другомъ берегу тоже безпорядокъ. Однимъ словомъ, еще неустроенная Азія. Оберъ-кондукторъ—наглецъ. Царствуютъ Жиды, твари Варшавскаго. Тутъ пресмѣшно и предосадно было видѣть молодаго Зидка, который командовалъ преважно: „поѣззай, поѣззай“, надѣвъ Русскую поддёвку, такъ что я не удержался крикнуть ему: „молчать!“ Тронулись, поползли. Тутъ оберъ-кондукторъ оскорбилъ меня, а потомъ, когда ему растолковали и пригрозили, безпокоилъ, ползая чуть не въ ногахъ, вымаливая прощеніе... И все это на людяхъ, на публикѣ; скверно! Однимъ словомъ, священника всюду готовы оскорбить, пока не разберутъ, что тузомъ пахнетъ. Подъѣзжаемъ къ Самарѣ. Пассажиры сказываютъ, что изъ Самары освѣдомляются: ѣдутъ ли Уфимскій архіерей и Самарскій губернаторъ? Прибыли. Я навѣсился ѣхать далѣе, не останавливаясь въ Самарѣ, благо везутъ. Но, увы! Входитъ самъ начальникъ станціи въ вагонъ и объявляетъ, что поѣздъ далѣе не идетъ.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ явились посланные отъ преосвящ. епископа Герасима*) и увезли меня къ нему. Прибыли въ архіерейскій домъ, часамъ къ 10 вечера, въ Понедѣльникъ. Это была первая ночь, которую я провелъ хотя сколько нибудь спокойно. На завтра, во Вторникъ, съѣздилъ въ Самарскую семинарію, хорошее зданіе. Оттуда къ Ив. Мих. Плѣшанову, котораго не засталъ дома. Онъ скоро прискакалъ въ архіерейскій домъ, тѣмъ болѣе, что, какъ староста, долженъ былъ просить назавтра преосв. Герасима служить у нихъ въ храмовомъ Срѣтенскомъ придѣлѣ. Ему очень хотѣлось, чтобы служилъ и я. И я подавался. Но какъ быть? Совѣтуютъ ѣхать на вольныхъ изъ Самары прямо на Уфу. Къ счастью, другіе отговорили. Дѣло не выгорѣло. Послали однакоже на вокзалъ снять мои вещи. Говорятъ: нельзя; вещи уѣхали; поѣздъ ушелъ-де ночью, въ 11 часовъ. Послѣ оказалось, что солгали желѣзнодорожные. Когда же опять идетъ поѣздъ? Поѣхали справляться опять. „Пожалуйте, поѣздъ идетъ въ Бузулукъ въ 6 час.“ Ушелъ однакоже въ 11 час. ночи.

До Бузулука ползли, останавливались, застрявая въ снѣгу, пока люди откопаютъ. Тѣмъ не менѣе къ ночи, въ Среду приползли въ Бузулукъ. Сижу въ вагонѣ, ожидая, что повезутъ дальше.—„Пожалуйте выходить. Поѣздъ дальше не пойдетъ“. Вышли; пристроились въ маленькой прихожей, на полу, у самой двери. Тутъ я и присѣлъ на чемоданчикъ. А пять поѣздовъ моихъ спутниковъ сочинили цѣлый гвалтъ, буквально гвалтъ. Недалеко было отъ того, чтобы подраться. Шумѣли, шумѣли, нашумѣлись. Затѣмъ вдумались въ то, что я сижу въ уголку, въ прихожей, на чемоданчикѣ. А между тѣмъ я успѣлъ превратиться въ знаменитость помимо сана, по поводу прочитанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ замѣтки о „Позитивной философіи“ (я такъ и до сихъ поръ не прочиталъ ея).—„Какъ, закричали опять, православный архіерей сидитъ въ прихожей, на полу? Да это оскорбленіе всѣмъ намъ!“—„Пожалуйте, пожалуйте!“ Я говорю: „даю вамъ примѣръ благодушія въ дорожныхъ невзгодахъ!“ Впрочемъ, пересѣлъ на очищенный диванъ. Подходитъ ко мнѣ, прибывшій на гвалтъ, Бузулукскій исправникъ. Отрекомендовался. Такой ласковый. Даетъ добрый совѣтъ уѣхать изъ Бузулука на почтовыхъ. Легко сказать: уѣхать! Но какъ мудрено въ дорогѣ одуматься, перерѣшить разъ принятое намѣреніе. Я сказалъ исправнику, что завтра увижу и рѣшу. Скоро попросили меня въ особую комнату, опять таки въ канцелярію. Тутъ я и провелъ ночь кое-какъ. На завтра, сидя въ уголку, я былъ сви-

*) Герасимъ (Георгій Добросердовъ), сынъ дьячка Иркутской губ. † 24 Іюня епископомъ Астрахани, куда былъ переведенъ изъ Самары въ Декабрѣ 1877 г. А. С.

Библиотека "Руниверс"

дѣтелемъ разговора между кондукторами поѣзда, прибывшаго съ какой-то станціи, отъ Оренбурга и здѣшними Бузулукскими. „Ни, Боже мой! На Сыртѣ, предъ Оренбургомъ раскопки хватитъ на недѣлю; тамъ заносы по нѣскольку сажень въ толщину“.—Ба, рѣшилъ я, значитъ, ждать нечего“. Сейчасъ же Артемія за бока: сѣли въ убогія саночки и покатили въ Бузулукъ. При ясномъ небѣ, но заметь была превеликая. Едва отыскали квартиру протоіерея. Безъ церемоніи я отрекомендовался. Оттуда поѣхалъ къ исправнику. Оттуда въ гостинницу. Дѣло закипѣло. Протоіерей доставилъ совершенно новый, крытый, въ родѣ кареты, возокъ и совершенно даромъ.—„Доставьте изъ Уфы съ неперекладною почтою“. Я затруднился.—„Это-де затруднитъ меня“. „Но, ваше преос-тво, говорятъ мнѣ, вамъ не изъ чего выбирать. Крытаго возка вы ни за какія деньги здѣсь не дождетесь“. Сани для клади купили. Исправникъ снарядилъ чиновника полиціи сопровождать, далъ мнѣ же въ руки отношенія къ исправникамъ Бугурусланскому и Бугульминскому. Къ вечеру, въ Четвергъ мы поползли на почтовыхъ. Ѣхали не безъ приключеній. Дорога была совершенно заметена. Однако, Богъ хранилъ отъ бѣдъ. Предъ Бугульмою поднялся было такой буранъ, что Бугульминскій исправникъ далъ совѣтъ не ѣхать дальше. Но прошелъ часъ-другой, и туча сдвинулась, солнце засіяло, и мы покатили уже на Татарахъ. Такъ и катили до самой Уфы. Въ Уфимскую губернію въѣхали засвѣтло въ Субботу, на масляной. На одной станціи, прощаясь, я поднялъ, было, руку благословить станціоннаго смотрителя, въ коронномъ мундирѣ. Тотъ весьма почтительно, но отрицательно поклонился. „Ба, вы—Магометанинъ!“—„Точно такъ.—„Ну, будьте здоровы. Прощайте! Спасибо! Я не фанатикъ“. Татары запрягали подъ меня пять лошадей, гуськомъ. На второй съ конца лошади ѣхалъ форейторъ. Татары отличены отъ Русскихъ лицъ развѣ только шапочками. Особенно мальчишки совершенно Русскіе съ виду мальчуганы. На послѣднюю станцію прикатили часа въ три по-полудни, въ Прощеное Воскресенье.

Тутъ встрѣтилъ градской благочинный, ростъ большой, борода лопатой. Я послалъ его впередъ, давъ нужныя распоряженія, а самъ часа-два переждалъ. И тутъ, подъ самою Уфою селеніе было совсѣмъ Татарское. Везли Татары же. Дорога была крѣпко разбита. Возокъ нашъ совсѣмъ закрытый. Мы могли чувствовать окружающее только боками своими. Но вотъ почувствовали, что поднимаемся на крутую гору. Ямщикъ, по предварительному приказу, повѣщаетъ, что въѣзжаемъ въ городъ. Въ тусклое окошечко возка стали мелькать огоньки. Чувствуемъ, какъ будто около насъ скачутъ. Это оказались жандармы, ска-

Библиотека "Руниверс"

кавшіе по приказу губернатора. Чувствуемъ, что возокъ сдѣлалъ крутой поворотъ. Сани заскрипѣли, останавливаясь. „Пожалуйте, пріѣхали!“

По обѣту, выраженному въ застольной Новочеркасской рѣчи, вылѣзши изъ возка, я распорядился, чтобъ отодвинули лошадей. Не вдругъ поняли мою мысль. Тогда я, обратившись лицомъ къ собору, сдѣлалъ три земные поклона, прямо въ снѣгъ, чтобъ Господь тутъ уже успокоилъ меня совсѣмъ, чтобъ дальше уже не бродить по Св. Руси, а тутъ и кости сложить. Народу никого. Тотъ же о. благочинный хватаетъ подъ руки. „Позвольте, позвольте, не люблю, хожу собственными ногами, пока ноги носятъ“.. Входимъ въ сѣни. Похоже на Саратовскій домъ, но очень приземисто. Лѣстница выслана чугуномъ, непріятно звенитъ. Корридоръ въ церковь совсѣмъ узкій. Входимъ въ крестовую. Кромѣ крестовой братіи почти никого. Церковка иконостасомъ произвела благопріятное впечатлѣніе, протодіаконъ—голосъ сильный. Пѣли голоса хорошіе, но не стройно. Оказалось, что пѣвчіе не собрались, что̀ намъ не показалось. Изъ Бузулука я телеграфировалъ. Явились отецъ ректоръ, секретарь консисторіи. Соборные ключарь и староста поднесли икону и хлѣбъ-соль. Ректоръ весьма смиренно поклонился въ ноги, хотя чрезъ благочиннаго я и предварилъ, что земныхъ поклоновъ архіерею, повелѣваемыхъ иногда и уставомъ церковнымъ, не отмѣняю, но не желаю, а съ другой стороны не выношу и либеральнаго маханья головой. Кельи приземисты. Входъ и выходъ въ квартиру одинъ только—парадный. Левъ Степановичъ ждалъ, но не дождался; скоро впрочемъ прискакалъ; дородный такой и многоглаголивъ, не всегда кстати. Хотѣлъ я и самъ заговѣться и ихъ, о. ректора со Львомъ Степановичемъ покормить; но экономъ, пресловутый отецъ игуменъ Филаретъ, обманулъ: сказалъ, что ужинъ готовъ, а прождали часа два; оказалось, что теперь только стали готовить. Я взбѣленился и сказалъ отцу Филарету слишкомъ категорически: „если вы позволите себѣ обмануть меня еще когда либо, то я, удалю васъ съ глазъ долой“. Съ о. ректоромъ и Львомъ Степановичемъ мы простились, а я такъ и легъ не поужинавши, и вообще за этотъ день ничего не ѣвши. А назавтра былъ Понедѣльникъ первой недѣли великаго поста.

Назавтра, при дневномъ свѣтѣ сталъ осматриваться. Видъ изъ оконъ кабинета выше ожиданій. Видъ на парадный дворъ выше ожиданій; дворъ большой и на немъ два сада. Внѣшній видъ каѳедральнаго собора рѣшительно выше ожиданій. Все это мѣсто—сады и парки. Зданіе семинаріи смотритъ дворцомъ. Разстоянія большія и пахнутъ пустыремъ. Зала, гостинная даже меблированы порядочно. Но двѣ комнатки кабинета весьма скудно. Скудость, простота здѣсь чуть не му-

Библиотека "Руниверс"

жицкая. Въ домѣ ни щетки, ни ваксы, ни подушки, ни простыни, ни одѣяла, ни постели, ни чернильницы, ни полотенца....; ничего, почти никакой домашней рухляди. Со временемъ разыскалъ одиннадцать разнокалиберныхъ чашекъ, нѣсколько стакановъ. Къ удивленію, множество и хорошихъ бокаловъ не употреблялись и уцѣлѣли... Книжнаго шкафа ни одного. Плáтельные—копѣечные. Кое что я повышвырялъ и сталъ устраиваться по своему вкусу. Благо, предмѣстникъ скопилъ 3000 руб. запасныхъ. Въ гостинной висѣлъ только портретъ Николая 1-го, плохой. Но открылъ я въ трущобѣ 17 портретовъ высокой работы, всѣ царствующіе съ Петра 1-го. Боялись испортить этою художественностью пошлые обои. Прелесть—поглядѣть. Я велѣлъ ихъ обмыть, обмазать и развѣсилъ. Портретъ царствующаго Государя заказалъ. Дверь изъ кабинета въ келейную пробилъ. Люкъ изъ лакейской внизъ продѣлалъ, хотя еще не совсѣмъ. Помѣщеніе для матушки готово. Церковь удлинню и переустрою. Народу ходитъ мало. Доходу 300-400 руб. свѣчного сбора. Кружечныхъ столько-же. Богослуженіе шло поспѣшно и не благообразно. Къ удивленію, радостному удивленію, хоръ оказался выше ожиданія. Во первыхъ, ихъ подъ 40 человѣкъ, а во вторыхъ, кое что выполнили съ самаго начала безподобно: мѣстное „Тон деспотин“, „Свѣте тихій“, „Душе моя“—тріо. Регентъ—учитель, теноръ—учитель и теноръ секундо—семинаристъ всѣ четыре раза пропѣли такъ, что выше пропѣть невозможно. Это и театрально, и церковно-прекрасно. „Да исправится“ Турчаниновское исполнили также болѣе, чѣмъ удовлетворительно.

Всю первую недѣлю я служилъ въ крестовой и никого не принималъ; принялъ только губернатора во Вторникъ, и то съ особаго моего вѣдома.

Въѣздъ въ соборъ къ служенію и пріемъ назначенъ былъ въ Субботу. Возокъ—карета совсѣмъ хорошая, немного пообтерхана. Лошади, кучеръ совсѣмъ удовлетворительные. Есть и другой малый возокъ-каретка. Колоколъ въ соборѣ 500-пудовой. Входимъ: даль собора замѣчательная. Иконостасъ, боковые алтари такіе открытые. Куполъ такой широкій и кажется будто бы низкимъ, въ родѣ Саратовскаго, что̀ имѣетъ свою оригинальную прелесть. Люстра завидная по громадности, 120 пуд., въ видѣ виноградной кисти. Десятки, быть можетъ, сотни свѣчей мелькали на ней, въ ясно освѣщенномъ солнцемъ воздухѣ, въ видѣ звѣздочекъ на небѣ. Когда отворили царскія врата, и я вглядѣлся въ эту свѣтлую запрестольную даль,—у меня брызнули слезы отъ восторга, отъ прелести этого рѣдкаго зрѣлища.... послѣ Новочеркасскаго каѳедральнаго собора. Въ соборѣ нашъ хоръ кажется въ высшей

Библиотека "Руниверс"

степени стройнымъ и слабоватымъ, по громадности храма. Куполъ поглощаетъ звуки. Одно только тяжелое, болѣзненное чувство я испыталъ: когда сталъ говорить рѣчь, то оказалось, что соборъ тяжелъ для проповѣданія, какъ развѣ только лаврскій Александро-Невскій. Говорить приходится какъ разъ подъ куполомъ, звуки улетаютъ вверхъ и оттуда отражаются такъ, какъ будто 20 человѣкъ кричатъ надъ ушами. Я испыталъ мучительно-томительное ощущеніе, и казалось мнѣ, что проповѣдь пропала. Но оказалось, что я ошибся. Говорить въ соборѣ тяжело, но для слушанія онъ не безнадеженъ. Послѣ я тщательно ослушалъ его въ акустическомъ смыслѣ и нашелъ, что говорить въ немъ проповѣди возможно. А служба въ немъ слышна отчетливо.

Прибылъ послѣ службы домой. Думалъ, что найду большое стеченіе публики и всецѣло ошибся. Кромѣ духовенства, семинарскихъ и вообще своихъ почти ни души. Изъ сторонникъ явились только городской голова Волковъ, изъ воспитанниковъ Московской академіи, и Г. С. Рыбаковъ, инспекторъ здѣсь народныхъ училищъ. Я навѣсился, было, дать думѣ икону и высказаться въ трогательныхъ выраженіяхъ, что желаю-де съ ними жить и у нихъ умереть. Но дума отсутствовала, и я высказался: „но.... дума отсутствуетъ“.... Голова: „Извините, ваше преосв—во, васъ узнаютъ, и вы увидите, что къ вамъ отнесутся иначе“.... А я говорю: „Вы говорите мнѣ о личной симпатіи, а я говорю объ обрядѣ. Грустно, что старинный Русскій обрядъ рухнулъ. Вѣдь, мы же архипастыри паствы. А на дѣлѣ выходитъ, что мы никому не нужны“. Назавтра, въ недѣлю Православія народу въ соборѣ набралось множество; служба сошла превосходно, какъ нигдѣ, никогда, это уже мы настроили. Послѣ обѣдни бары поѣхали ко мнѣ въ домъ, ждали два часа, сидѣли у экономa. Но я уѣхалъ съ визитами къ своимъ духовнымъ,—конечно, нарочно. Въ Субботу, въ день Восшествія, служба прошла превосходно, какъ нигдѣ, никогда.... И тутъ губернаторъ уже попросилъ позволенія быть у насъ. Тутъ уже и явились всѣ, губернаторша во главѣ. Тутъ и дума всесословная догадалась уже поднести хлѣбъ-соль. Но я обошелся уже вкороткѣ и иконы не далъ, хотя она и стояла, какъ и стоитъ, въ залѣ. на столѣ. Отсюда родилось предчувствіе, что мнѣ не умереть въ Уфѣ.

Визиты я дѣлаю, не торопясь, хотя и знаю, что это вопросъ Уфимскаго дня. Такъ говорятъ барыни. Изъ барынь болѣе усердны вице-губернаторша Бестужева, типъ прекрасной Русской барыни, мать 11 или 13 дѣтей настоящихъ и вѣроятная столькихъ же будущихъ, умница, живая, аристократка, праздникъ носитъ на лицѣ генеральша Штанге и пр. и пр. Относительно барынь Уфа, кажется, не скудна.

Библиотека "Руниверс"

Теперь о дѣлахъ, или еще вообще о чувствахъ. Вообще я всесовершенно доволенъ. Оказалось, что у насъ не поваръ, а повариха. Впрочемъ, пособляетъ и мужъ, который служитъ у барина. Сначала, узнавъ объ этомъ, я велѣлъ ее прогнать для декорума и пригласить мужа. Но мужъ не пошелъ. Оказалось, что здѣсь готовятъ такъ, какъ Новочеркасскому архіерейскому повару и во снѣ не снилось. Сидимъ на грибкахъ и не чувствуемъ никакой тяготы. Вчера, за первымъ обѣдцемъ, который я давалъ для И. К. Зинченки (ревизора), конечно, изъ грибковъ, я говорилъ: „если бъ мнѣ въ Новочеркасскѣ сказали, что мой желудокъ способенъ переварить ложку сырой капусты, я бы не повѣрилъ. А теперь, видите, ѣмъ преспокойно. Нѣтъ и климатъ здѣсь цѣлебный“.... Кстати, послѣ этого обѣдца, на которомъ со мною было всего шесть человѣкъ (ревизоръ, Гурвичъ, здѣшняя интеллигенція, ректоръ, инспекторъ семинаріи и инспекторъ женскаго епархіальнаго училища) протоіерей отецъ ректоръ въ присутствіи ревизора, поблагодарилъ меня въ трогательныхъ выраженіяхъ, что де въ 26 лѣтъ его службы онъ въ первый разъ удостоился этой чести. Ревизоръ: „Что такое?“ Я расхохотался. „Жалуется, (говорю) что въ 26 лѣтъ его ни разу здѣсь не покормили“. Вышло нѣчто въ родѣ, впрочемъ совершенно благочиннаго, смѣха.

Библиотека "Руниверс"

НЕИЗВѢСТНАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ И. А. КРЫЛОВА [1]).

Напечатана въ „Зрителѣ“ 1792 (ч. II, стр. 64—84), безъ подписи. Приписывается Крылову нами на основаніи очень близкаго сходства съ его сочиненіями, направленными противъ Я. Б. Княжнина. Отношенія къ „милостивцамъ“ очень напоминаютъ комедію „Сочинитель въ прихожей“. „Крадунъ“ то же что и „Риѳмокрадъ“ въ пьесѣ „Проказники“ Княжнина. Противъ него тѣже обвиненія, что и въ „Почтѣ Духовъ“ и другихъ сатирическихъ произведеніяхъ Крылова. Пріемы сатиры и стиль безусловно Крыловскіе. По всей вѣроятности, статья эта была написана въ 1788 или 1789 г. въ самый разгаръ борьбы съ Княжнинымъ Крыловъ не удержался напечатать ее въ 1792 г., по смерти своего противника, какъ онъ сдѣлалъ съ ком. „Проказники“ и со стихотвореніями противъ Княжнина. Обвиненія противъ Княжнина „Почты Духовъ“ были повторены „Перепискою Моды“ (М. 1791, стр. 78—80).

Въ 1788 и 1789 годахъ Крыловъ ведетъ ожесточенную борьбу съ извѣстнымъ трагикомъ Я. Б. Княжнинымъ и П. А. Соймоновымъ, который завѣдывалъ императорскими театрами и передъ тѣмъ былъ его начальникомъ, по горной экспедиціи, гдѣ служилъ Крыловъ въ 1787—8 г. г.

Въ „Почтѣ Духовъ“ 1789 г. Крыловъ высмѣиваетъ трагедію Княжнина „Риѳмокрада“ „Владимиръ и Ярополкъ“; говоритъ о распутствѣ его жены „Тараторы“ и т. д.[2]).

Комедія „Проказники“ (1787—1788) была злостнымъ пасквилемъ не только на литературную дѣятельность Княжнина, но и на его семейную жизнь[3]). Когда Соймоновъ воспрепятствовалъ постановкѣ этой піесы на сцену, Крыловъ тотчасъ написалъ ему и Княжнину крайне оскорбительныя письма[4]). Даже смерть Княжнина (1791 г.) не прекратила этихъ счетовъ и не помѣшала Крылову въ 1793 г. напечатать „Проказниковъ“. Направленное противъ Княжнина стихотвореніе „Не вовремя гости“ (1788 г.) вторично перепечатывается имъ въ 1792 г., съ нѣкоторыми перемѣнами[5]).

---

[1]) Статья эта прибавляетъ неблаговидную черту къ біографіи Крылова, объясняемую неравенствомъ въ тогдашнемъ общественномъ положеніи его и славнаго трагика, который конечно не былъ только „Крадуномъ“. П. Б.

[2]) См. мое изданіе соч. Крылова, т. III, стр. 38—42.

[3]) т. I, стр. 257—395.

[4]) т. III, стр. 396—411.

[5]) т. IV, 6—7, 336.

Библиотека "Руниверс"

Причины такой ненависти и мстительности не совсѣмъ понятны. Ранній біографъ Крылова, Лобановъ[1]) говорилъ о немъ: „онъ былъ вспыльчивъ иногда до крайности; любилъ отомстить своимъ врагамъ, особливо за оскорбленное самолюбіе. Вся комедія „Проказники“ есть не что иное, какъ мщеніе, въ которомъ онъ и самъ впослѣдствіи признавался и раскаивался“. С. Н. Глинка пишетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 87), что Крыловъ въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ жилъ у Княжниныхъ, затѣмъ разссорился съ ними и отплатилъ имъ за гостепріимство пасквилемъ. Но Крыловъ въ первое время (1782—1788 г. г.) жилъ со своей семьей до смерти матери, а столкновенія съ Княжнинымъ возникли въ 1787 г. Кромѣ того, самъ Крыловъ въ своемъ письмѣ Княжнину говоритъ, что „не имѣлъ чести быть ему знакомымъ“.

Болѣе похожъ на правду разсказъ Греча („Сѣверная Пчела“, 1857, № 147): „Крыловъ былъ вхожъ въ домъ[2]) одного драматическаго писателя[3]), человѣка съ умомъ и дарованіемъ, но подвергавшагося упрекамъ въ заимствованіи многаго изъ піесъ Французскаго театра. Жена его, женщина умная, бойкая, дочь другого знаменитаго трагика[4]), не взлюбила за что-то Крылова, юношу тихаго и, какъ сказывали сверстники его, худощаваго и застѣнчиваго. Для усовершенствованія своего во Французскомъ языкѣ и для изученія Итальянскаго онъ переводилъ оперы[5]). „Что вы получили“, спросила однажды эта барыня у Крылова, „за ваши переводы?“—„Мнѣ дали свободный входъ въ партеръ“[6]).—„А сколько разъ вы пользовались этимъ правомъ?“—„Да разъ пять“.—„Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей.“ Крыловъ оскорбился этимъ отзывомъ, не отвѣчалъ, но рѣшился отомстить и написалъ комедію „Проказники“, въ которой выставилъ мужа ея, назвавъ его Риѳмокрадомъ, а ее вывелъ подъ именемъ Тараторы. Разумѣется на ихъ счетъ наплетено было много вздору“.

Ко всему этому примѣшались театральныя каверзы противъ Крылова, которыя онъ приписывалъ вліянію Княжнина. Молодой авторъ имѣлъ кромѣ того какія-то основанія упрекать Княжнина въ похищеніи у него какого-то сюжета для піесы, о которомъ Княжнинъ могъ узнать изъ вторыхъ рукъ.

Задѣтый Княжниной (вѣроятно, у кого-нибудь изъ общихъ знакомыхъ напр., у актера Дмитревскаго) и взбѣшенный похищеніемъ сюжета, Крыловъ рѣшилъ мстить, ни передъ чѣмъ не останавливаясь.

Мы думаемъ, что „Покаяніе сочинителя Крадуна“, безъ имени автора помѣщенное въ „Зрителѣ“ 1792 г., вызвано также борьбою съ Княжниными и написано Крыловымъ. Оно повторяетъ его обычныя нападки противъ „переимчиваго“ трагика. „Крадунъ“=„Риѳмокрадъ“; даже при бѣгломъ

---

[1]) Жизнь и соч. Крылова, стр. 17, 67.

[2]) Это опровергается письмомъ Крылова къ Княжнину.

[3]) Княжнина.

[4]) Сумарокова. П. Б.

[5]) [6]) Эти подробности въ разсказѣ Греча подтверждаются письмами Крылова и другими имѣющимися у насъ данными.

Библиотека "Руниверс"

сличеніи пріемовъ и стиля этой сатирической статьи съ однородными произведеніями Крылова того же времени легко можно найти много сходныхъ чертъ.

„Покаяніе“ это съ полнымъ правомъ можетъ занять мѣсто въ собраніи сочиненій величайшаго нашего сатирика и баснописца.

В. Каллашъ.

Покаяніе сочинителя Крадуна.

Долгое время живучи въ свѣтѣ и угождая своему непреодолимому желанію писать, выдалъ я множество долгихъ книгъ моей работы. Укоряли меня многіе, и, какъ я воображалъ, что это было изъ зависти, что во всѣхъ подъ моимъ именемъ изданіяхъ нѣтъ ни здраваго смыслу, ни связи; но я презиралъ таковую молву и смѣялся моимъ завистникамъ. Имъ ли находить смыслъ тамъ, гдѣ я самъ его не отыскивалъ? Голова моя была набита тѣмъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, что чѣмъ непонятнѣе сочиненіе, тѣмъ болѣе должно имѣть къ нему уваженія. По злости ли моего сердца или по другому чему, я внутреннее находилъ удовольствіе мучить читателя за его ко мнѣ снисхожденіе, что онъ принимался за мои сочиненія и за его дурачество, что онъ за нихъ платилъ деньги. Нѣкогда вооружился я противу всѣхъ читателей намѣреніемъ издать безчисленное число томовъ всѣхъ изданныхъ моихъ сочиненій, умножа, поправя и вновь просмотря, да прибавя къ нимъ еще въ десятеро новыхъ произведеній моея неутомимости. Уже я восхищался мысленно, что типографщики, книгопродавцы и всѣ читатели изрекутъ на меня бездну проклятій. Отъ сего сладкаго воображенія объялъ меня сонъ, который удержалъ меня отъ знаменитаго моего намѣренія; онъ распространилъ ужасъ въ душѣ моей, и я уже навѣки отрицаюсь отъ ремесла писать и въ послѣдній разъ рѣшился помучить читателя начертаніемъ сна, какъ причины къ моему покаянію, и самымъ покаяніемъ.

Приснилось мнѣ, будто я лежу возлѣ горы Парнасской въ болотѣ. Вокругъ меня накладены превеликія горы печатной бумаги моего произведенія. Я было восхитился отъ сего видѣнія; но увы!—я увидѣлъ, что на всѣхъ бумагахъ ничего нѣтъ кромѣ моего имени, точекъ, запятыхъ, вопросительныхъ знаковъ и тому подобныхъ. „Гдѣ-жъ дѣвалися слова?“ вопросилъ я самъ себя... Вдругъ всякій листъ застеналъ и произвелъ страшный на меня вопль. „Мучитель!“ закричали они болѣзненнымъ голосомъ, „и ты еще осмѣливаешься о томъ спрашивать? Несчастная та бумага, которую ты два раза мучилъ смертельно ненасытимою твоею яростію обкрадывать всѣхъ сочинителей на свѣтѣ. Сперва

Библиотека "Руниверс"

стенала я въ тискахъ тебѣ подобнаго въ злости типографщика, и сколь ни тяжко было мнѣ отъ его давительной руки, но я бы довольна была, если бы онъ давилъ меня не произведеніями твоего пера: нѣтъ заключенія ужаснѣе, когда оное сверхъ страданія обременяетъ еще и справедливымъ стыдомъ терпящаго, а твое проклятое перо произвело сіе со мною! Я думала послѣ всѣхъ страшныхъ мученій успокоиться забытою отъ всего свѣта въ книжныхъ лавкахъ или въ библіотекахъ тѣхъ смертныхъ, которые тщеславятся великимъ количествомъ своихъ книгъ, а читать ихъ ставятъ себѣ въ порокъ; но, къ усугубленію моей напасти, лавочники продавали меня однимъ табачникамъ, и я лишена была и того горестнаго удовольствія по причинѣ твоихъ сочиненій, чтобъ хотя въ меня конфекты завертывали.

Признаться, это нѣсколько утѣшало меня, что табакъ завертываемый во мнѣ имѣлъ нѣкоторое сходство съ твоими сочиненіями; ибо я была у табачниковъ самой низкой статьи, которые для крѣпости и лучшаго запаху мѣшали въ него золу, известь и вѣничный листъ. Наконецъ достигла было я до совершеннаго спокойствія, ибо никто не сталъ покупать и табаку завернутаго въ твоихъ сочиненіяхъ... какъ вдругъ велѣніемъ всесильнаго Аполлона собрана я сюда для большаго и жесточайшаго еще мученія.

Обезображенные въ покражѣ твоей сочинители, потерявъ долготерпѣніе, убѣдили сего бога учености, чтобъ позволилъ онъ всякому свое изъ меня вырвать... Съ чѣмъ можетъ сравниться мое мученіе, когда на каждую страницу напало по десяти авторовъ!

Представь ты себѣ того смертнаго, который мучится ежеминутно угрызеніемъ совѣсти, по причинѣ нажитаго имъ имѣнія безаконно: онъ имъ не пользуется, сердце его безпрестанно трепещетъ, представляя ему тѣхъ несчастныхъ, у коихъ хищеніемъ умножилъ онъ свои прибытки, и каждая нажитая неправильно имъ копѣйка грозитъ ему неумолкно наказаніемъ; чтожъ бы онъ тогда почувствовалъ, если бы всѣ стали у него отбирать свое? Я точно была въ такомъ же положеніи. Безжалостные сочинители, вмѣсто того, чтобы имъ отступиться отъ своей собственности при безобразномъ ея видѣ, вышедшемъ изъ твоихъ рукъ—нѣтъ, они хотя и ужаснулись при первомъ взглядѣ, но тотчасъ, вошедъ въ себя, вырвали изъ меня все до послѣдней буквы, и я осталась въ семъ, едва тѣнь существа моего представляющемъ видѣ... осталась проклинать тебя до тѣхъ поръ, пока тлѣнъ и черви не прекратятъ горестнаго моего на свѣтѣ пребыванія“.

Никто представить себѣ не можетъ, съ какимъ неудовольствіемъ я все сіе слушалъ.. „Какъ!“ закричалъ я: „да гдѣ же заглавія?... по

Библиотека "Руниверс"

крайней мѣрѣ въ нихъ никто укорить меня не можетъ; они мои!“ Бумага никакого отвѣту мнѣ не дала, за что пуще я взбѣсился и намѣренъ былъ всю ее изодрать въ мелкіе лоскуточки; но вдругъ полился на меня дождь свинцовыхъ буквъ, коими были набираны краденыя мною сочиненія, къ которому присовокупились укоряющіе меня крики обокраденныхъ мною сочинителей.

Сіи крики показались мнѣ ужаснѣе самаго грому, а буквенный дождь избилъ меня такъ, что я проснулся отъ нестерпимой боли.... Я чувствовалъ боль во всѣхъ моихъ членахъ, а поражающій голосъ бумаги и сочинителей остался во мнѣ впечатлѣннымъ. Долгое время не рѣшался, что мнѣ дѣлать; но совѣсть моя принудила меня покаяніемъ загладить воровство мое, съ твердымъ намѣреніемъ впредъ никогда не красть. Едва я вознамѣрился къ сему, то почувствовалъ нѣкоторое внутреннее успокоеніе.

Должно мнѣ напередъ сказать, что̀ вселило въ меня охоту писать. Нельзя пристраститься къ писанію не учась, слѣдовательно и я учился. Грамматика мнѣ была понятна, но риторика и стихотворство были, какъ для меня, такъ и для учителя моего, камнемъ претыканія. Не должно забыть здѣсь, что учитель мой былъ Французъ, который старался болѣе всего научить меня произношенію Французскому, а о краснорѣчіи всегда мнѣ говаривалъ, что въ здѣшнемъ холодномъ климатѣ его краснорѣчіе замерзло, которое онъ намѣренъ разогрѣть, возвратясь во Францію, Россійскими деньгами. Онъ читалъ мнѣ наизустъ множество Французскихъ стиховъ и заставлялъ, не зная почему, восхищаться ихъ красотами; онъ увѣрилъ меня, что для сочинителя подражаніе необходимо; онъ увѣрилъ меня печатными Французскими книгами, что и самые славные Французскіе авторы обкрадывали Грецію, Латынь, Ишпанію и Англію, отъ чего родилась во мнѣ смертная охота обкрадывать всѣхъ, кто мнѣ на глаза попадется. Все, что̀ я ни читалъ, ничто не ушло отъ моего пера. Во первыхъ, началъ я обкрадывать Французовъ; но какъ сильное знаніе мое во Французскомъ языкѣ или весьма мало или совсѣмъ ничего не понимало, то я думалъ, что кража моя больше будетъ походить на мою выдумку, въ чемъ я весьма обманулся, потому что читатели столько же меня не понимали, сколько я не понималъ тѣхъ, откуда что я бралъ. За то я имѣлъ удовольствіе писать весьма пространно, и всякое мое сочиненіе, какого бы оно роду ни было, являлось свѣту во многихъ томахъ. Вздумалось мнѣ однажды написать комедію въ пяти томахъ и ужасно хотѣлось, чтобы ее представили на театрѣ. Не могу и теперь удержаться отъ бѣшенства, которое произвелъ во мнѣ актеръ, которому я намѣренъ былъ прочитать

Библиотека "Руниверс"

ее. На сей конецъ было съ нимъ и познакомился и въ назначенный день привезъ къ нему мою комедію на дровняхъ (двое слугъ внесли ее къ нему на рычагѣ, просунувъ его сквозь веревку, коей была она связана) и едва на нее взглянулъ актеръ, то затрясся отъ ужаса... „Неужели это одна только комедія ваша?“ „Да“, отвѣчалъ я гордо: „признайся, что ни въ какомъ театрѣ въ свѣтѣ подобной не бывало“.... Актеръ засмѣялся и не хотѣлъ ея читать, за что я, отвезши мою комедію домой на тѣхъ же дровняхъ, писалъ множество на него эпиграммъ и раскидывалъ ихъ по партеру и всегда, когда онъ игралъ на театрѣ, собиралъ я немалое количество шикаловъ, дабы уронить его, и всегда старался помѣшать, когда ему рукоплескали. Въ сей комедіи я помѣстилъ все что̀ я ни читалъ театральнаго; я не спустилъ ни Трояну и Лидѣ, ни Сакмиру; я читалъ много содержаній балетовъ и описаній декорацій и то все помѣстилъ въ мою комедію, и сколь она ни длинная, но я всегда прочитывалъ ее однимъ присѣстомъ и съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Этого не довольно. Я былъ однажды у одного автора, который сбирался писать комедію, и какъ авторы всѣ имѣютъ страсть читать свои сочиненія всякому, кого только имъ поймать удастся, а сей, и ничего еще не написавъ, разсказалъ мнѣ все содержаніе и лучшія мѣста въ будущей своей комедіи, я, пришедъ домой и безъ угрызенія совѣсти не замедлилъ помѣстить все слышанное въ свою готовую комедію. Одно было мнѣ досадно, что я принужденъ былъ ее снова переписывать... Переписывать это было мнѣ гораздо труднѣе, нежели сочинять. Но какъ сей комедіи не было ни въ представленіи, ни въ печати, то я и написалъ объ ней для того, чтобы очистить писательную мою душу предъ тѣми, которыхъ я имѣлъ удовольствіе мучить чтеніемъ оной.

Развзбѣшенъ бу̀дучи неуспѣхомъ моей комедіи, рѣшился я написать трагедію подъ названіемъ „Чтецъ“. Намѣреніе мое было морить моихъ героевъ не ядомъ и не кинжаломъ, но всѣхъ ихъ зачитать до смерти. Я было обрадовался, что мысль сія новая, однакожъ я увидѣлъ въ одной Французской комедіи, что старикъ, сошедъ съ ума на сочиненіи, едва не уморилъ чтеніемъ шестиактной своей трагедіи молодого человѣка. Это мѣсто такъ мнѣ понравилось, что я хотѣлъ затмить покражу расположеніемъ моей трагедіи на двѣнадцать дѣйствій, но и тутъ вышесказанный актеръ въ представленіи оной мнѣ помѣшалъ, а я было подрадѣлъ ему въ ней первую роль. Успѣхъ былъ бы несомнѣнный, ибо я самъ, окончивъ ее и прочитавъ до половины, упалъ въ обморокъ, отъ котораго служанка моя крѣпкими спиртами едва привела меня въ память.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы славно я отмстилъ моему недоброхоту актеру, если бы моя трагедія была удостоена къ представленію! Не могу по сію пору надивиться, что̀ за люди актеры: имъ показалось трудно учить роли, а я увѣренъ въ душѣ моей, что въ моей трагедіи не было ни одного стиха, котораго бы они разъ по сту не читали на театрѣ въ разныхъ трагедіяхъ.

Таковыя неудачи отвратили меня совершенно отъ писанія для театра, и я принялся за оды. Первая ода была мною выкрадена изъ Ломоносова; я не устыдился брать цѣлыми строфами, переставляя передніе стихи назадъ, а задніе напередъ, отъ чего смыслъ выходилъ совсѣмъ новый. Я тоже самое дѣлалъ и со строфами. Я сію оду поднесъ одному барину, на пожалованіе его въ чинъ. Баринъ, не читавъ ея, подарилъ мнѣ сто рублей, что̀ весьма меня ободрило, и вотъ первое мое твореніе, которое я предалъ печати. Четвертую часть подарка содралъ съ меня варварски типографщикъ за печать, а остальными деньгами я нѣсколько поправился, ибо въ то время такъ я издержался на бумагу, что я стоялъ одной ногой при дверяхъ нищеты. Теперь пришло мнѣ на мысль, какій бы это смѣшный былъ нищій, которой бы сталъ просить: подайте милостыню промотавшемуся на бумагу сочинителю! Обрадованная Муза моя внушила мнѣ стихотворную свою политику, которая состояла въ томъ, чтобъ я отыскивалъ поминутно богатыхъ имянинниковъ, и я не пропускалъ не одного безъ оды и всѣ оныя печаталъ и преимущественно тѣ, за которыя давали мнѣ деньги. Года съ полтора я торговалъ одами весьма удачно, какъ вдругъ одно несчастіе истребило во мнѣ охоту къ одамъ.

Въ одинъ день многіе достойные люди получили награды за свои услуги къ отечеству. Я, нимало не выправляясь, кто за какія услуги награжденъ, рѣшился въ одинъ вечеръ всѣмъ имъ написать по одѣ. Жаркое мое воображеніе обѣщевало мнѣ, что я сберу весьма хорошую съ нихъ подать. Принялся я марать бумагу; но увы! въ истощенномъ моемъ мозгѣ я ничего не нашелъ: всѣ сочинители мною уже были обокрадены. Что̀ дѣлать? Иной бы на моемъ мѣстѣ сталъ втупикъ; но храброписательное мое сердце тотчасъ нашло мнѣ пособіе въ семъ трудномъ для меня обстоятельствѣ. Я схватилъ всѣ мои прежнія оды и выписалъ изъ каждой по строфѣ, отчего составилась преогромнѣйшая ода, съ которой я велѣлъ списать рукъ въ десять списки и понесъ каждому новопожалованному по списку... Сперва мнѣ давали деньги, и я, обходя дома четыре, спѣшилъ въ радостномъ восхищеніи къ пятому, гдѣ,—о ужасъ! я нашелъ того, у котораго уже я былъ съ одою, и, къ несчастію моему, хозяинъ сталъ читать мою оду, а гость пріѣхалъ къ

Библиотека "Руниверс"

нему, прочитавъ уже оную. Пусть всякій представитъ себѣ то что я тогда чувствовалъ, когда оба сіи господа смѣялись надо мною изо всей мочи. Наконецъ дѣло рѣшилось тѣмъ, что мнѣ тутъ ничего не дали, а хозяинъ спросилъ у гостя, что̀ онъ мнѣ далъ? И услыша о суммѣ, обѣщалъ ему заплатить половину, сказавъ смѣючись: „несправедливо тебѣ одному платить за оду, которая написана для насъ обоихъ“. Я отъ стыда не зналъ куда дѣваться, поклонился и вышелъ вонъ; а всѣ тутъ бывшіе проводили меня громкимъ смѣхомъ.

Опомнясь на улицѣ, первое мое дѣло было проклинать этотъ неудачный случай, и я уже поопасся идти въ другіе домы, чтобъ не случилось подобной встрѣчи. Въ самое то время пришло мнѣ въ голову, что одинъ богатый откупщикъ именинникъ, который по глупости своей никогда не разумѣлъ моихъ одъ, хотя и читалъ ихъ пьяный, но по тщеславію своему всегда мнѣ платилъ за нихъ щедро. Осталось еще у меня довольно списковъ съ несчастной моей оды, и я, выбравъ на улицѣ, который изъ нихъ покрасивѣе списанъ, пошелъ къ откупщику. Едва я подошелъ къ его воротамъ, какъ винный запахъ возвѣстилъ мнѣ, что во всемъ его домѣ пахнетъ именинами. Я взлетѣлъ къ нему на крыльцо и увидѣлъ его въ сѣняхъ въ халатѣ и уже въ полпьяна; множество разныхъ людей суетилось по его приказаніямъ, и все доказывало, что сегодня въ его домѣ будетъ пиръ горой.. Я поднесъ ему мою оду. Онъ принялъ ее съ лицомъ веселымъ, повелъ меня въ горницу и спросилъ по стакану пуншику покрѣпче. Съ двадцать человѣкъ бросилось исполнять его приказаніе, но пуншу болѣе часа не подавали; между тѣмъ откупщикъ заставилъ меня читать мою оду и сколь ни глупъ онъ былъ, а сказалъ мнѣ по прочтеніи, что онъ не помнитъ, гдѣ-то читалъ похожее; я ему отвѣчалъ, что ода новая и нарочно писана для его именинъ. Не знаю, что̀ сдѣлалось съ откупщикомъ, что онъ сталъ скупъ и началъ со мною торговаться. Вотъ точныя слова его: „благодаренъ, государь мой! вы уже нѣсколько лѣтъ не пропускаете моихъ именинъ, и я прежде платилъ вамъ безъ торгу, а это въ купеческомъ быту не водится; такъ не угодно ли вамъ взять за эту двадцать пять рубликовъ и то ассигнаціею; нѣтъ, ей-ей, на серебро промѣнъ дорогъ“... Удивленъ сими словами, я сказалъ ему, что я не для денегъ это дѣлаю, а единственно изъ моего къ нему усердія... „Добро, государь мой, за усердіе, быть такъ, за усердіе ваше прибавлю еще пять рубликовъ, больше копѣйки не дамъ, ей-ей, дорого... Подождите меня здѣсь; я вамъ вынесу эти деньги. Нынче у меня гостей будетъ много, хозяйка нечетъ пироги, такъ эта бумага пригодится ей подъ пироги, и я за столомъ нынче могу похвастать, что пироги у меня

Библиотека "Руниверс"

печены на тридцати рублевой бумагѣ!“ Онъ всталъ и ушелъ отъ меня, а я остался въ неизреченной досадѣ, и едва могъ утѣшиться ожиданіемъ тридцати рублей. Но чтожъ вышло? Когда судьба на кого возстанетъ и рокъ ожесточится! Нечаянный случай лишилъ меня и этихъ тридцати рублей. Исполнители правосудія входятъ къ откупщику и берутъ его подъ стражу за какое-то его плутовство и за воровской провозъ безпошлинныхъ товаровъ. Жена и дѣти его заплакали, и у самаго откупщика полилось вино изъ глазъ. Я, негодуя на сихъ жестокихъ людей, сказалъ самъ себѣ: „чтобъ имъ погодить часа два, я бы успѣлъ взять у откупщика деньги, а потомъ пускай бы они дѣлали съ откупщикомъ, что̀ хотѣли“. Досадуя на свою участь я далъ себѣ клятву дома, чтобы впредъ и не думать объ одахъ; радъ-радъ, что хотя въ первыхъ четырехъ домахъ удалось мнѣ получить рублей до двухсотъ.

Итакъ, взялъ я свою комедію, трагедію и всѣ оды и, перемѣшавъ ихъ вмѣстѣ, составилъ изъ нихъ преогромный романъ, который я продалъ книгопродавцу на вѣсъ, и еще не успѣли отпечатать перваго листа, какъ я тотъ же романъ продалъ другому книгопродавцу въ Москвѣ, и я думаю, что оба они получили великій барышъ. Знаю только то, что я едва не попался въ словесный судъ, когда сіи книгопродавцы между собою поссорились, публиковавъ въ одно время въ вѣдомостяхъ о продажѣ моего романа. Я въ удовольствіе ихъ написалъ ихъ ссору стихами и всяческими старался сдѣлать ее смѣшнѣе; доказательствомъ тому, что я выбралъ ее всю изъ „Раздраженнаго Вакха или Елеськи“*) и признаться надобно, что изъ всѣхъ моихъ сочиненій я никогда такъ не смѣялся, какъ читая эти стихи. Вздумалось мнѣ писать эпиграммы. Пипліерова грамматика попалася мнѣ тогда въ руки, и я всю ее переложилъ въ стихи, не выключая склоненій и спряженій; риѳмы же я выбралъ изъ Сумароковыхъ трагедій и, ей-ей, сіе сочиненіе было у меня изъ лучшихъ. И одинъ довольно зажиточный критикъ не устыдился мнѣ въ глаза сказать сатиру, которую я, пока живъ, не забуду. Я приходилъ иногда къ нему совѣтоваться о сочиненіяхъ и думалъ, что онъ всегда подавалъ мнѣ чистосердечные совѣты, но послѣдній увѣрилъ меня, что онъ только что надо мною смѣялся. Я ему сказалъ: „Государь мой! дайте мнѣ совѣтъ. Я все переложилъ въ стихи, что̀ мнѣ ни встрѣтилось, теперь уже не знаю, что перекладывать“... Онъ указалъ мнѣ у себя на дворѣ полѣницу дровъ: „вотъ какое множество осталось еще, что̀ вамъ перекладывать!“ Я взбѣсился, а онъ смѣялся надо мною.

*) Комическая поэма Майкова: „Елисѣй или Раздраженный Вакхъ“.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ того я рѣшился ни съ кѣмъ не совѣтоваться, принялся за всѣхъ сочинителей на свѣтѣ, ломалъ и коверкалъ ихъ по своей волѣ и написалъ столько, что самъ себѣ по сію пору надивиться не могу, какъ меня стало на эдакую пропасть. Я писалъ поэмы, сатиры, рѣчи, стансы, эпиталамы *), мадригалы, диѳирамбы; но признаюсь по чистой совѣсти, что и по сію пору не знаю, какое содержаніе оныя заглавія вмѣщать въ себя должны, и мнѣ кажется, что эпиталамы должно писать на погребеніе, эпитафіи на свадьбы, мадригалы на разлученіе любовниковъ, стансы на осмѣяніе троновъ, а сатиры на похвалу добродѣтели.

Множество я написалъ критическихъ, сатирическихъ, политическихъ, ямбическихъ и всякихъ *ическихъ* разсужденій, но никогда я не касался ни до учености, ни до правописанія; ибо Французъ мой учитель, не зная никакого на свѣтѣ языка, училъ меня Россійской грамматикѣ и могу сказать смѣло къ чести моей, что я, обкрадывая разныхъ сочинителей, умѣлъ обмануть и самаго Аполлона. Если онъ, приказывая сдирать съ бумаги чужія слова, велѣлъ оставить точки и запятыя, почтя ихъ произведеніемъ моимъ, то весьма ошибся въ своемъ мнѣніи, ибо я кралъ и съ точками и запятыми. Правда, слова я переворачивалъ, а точки и запятыя всегда оставлялъ на ихъ мѣстахъ, точно таковыми, каковы онѣ были.

Вотъ истинное и чистосердечное мое покаяніе, а чтобы очистить мою совѣсть отъ всѣхъ писательныхъ грѣховъ, то я долженъ сказать, хотя противъ моей воли, что и въ семъ покаяніи нѣтъ ни одного моего слова, а все выкраденное.

Написавъ сіе и утвердивъ клятвою во вѣки не марать бумагу, я положилъ тетрадь мою подъ подушку и уснулъ спокойно. Опять увидѣлъ я во снѣ, что я лежу въ томъ же болотѣ; но бумага моя уже молчала и начинала сотлѣвать, и рѣшеніемъ Аполлона опредѣлена она въ пищу насѣкомымъ. Я обрадовался сему явленію, оборотился на другую сторону и увидѣлъ вдали мучимаго музыканта, который подобно мнѣ обкрадывалъ всѣхъ капельмейстеровъ съ тою только разностію, что онъ былъ во сто разъ меня богатѣе и лежалъ хотя въ томъ же болотѣ, но въ штофномъ халатѣ и на премягкомъ пуховикѣ; вокругъ его находилось множество ушей, его укоряющихъ, которыя онъ тиранилъ своею музыкою и за сіе бралъ съ нихъ огромныя суммы денегъ.

И ему велѣно написать покаяніе, подобное моему, на нотахъ. Жаль только, что я его не услышу, а то всякая напасть бываетъ гораздо сноснѣе, когда человѣкъ находитъ въ злополучіи своемъ товарищей.

*) Свадебныя стихотворенія.

Библиотека "Руниверс"

СОЧИНЕНІЯ И. Ѳ. ГОРБУНОВА.

Таковъ законъ: все лучшее въ туманѣ,
А ясное иль больно, иль смѣшно...

Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, изданныя особою комиссіею подъ предсѣдательствомъ графа П. С. Шереметева при комитетѣ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. С.-Петербургъ. 1094—1907. 500 номерованныхъ экз. Т. 1-й. Разсказы изъ Московскаго захолустья, купеческаго быта и народнаго, стр. 384. Т. 2-й. Произведенія, имѣющія историческій характеръ, въ томъ числѣ подражанія старинной письменности, генералъ Дитятинъ и другія, стр. 268. II. Т. III-й. Матеріалы для біографіи, письма, воспоминанія, стр. 589. Со многими рисунками и портретами. Цѣна 20 р. съ окончаніемъ изданія 30 рублей. Чистый доходъ идетъ въ пользу семьи И. Ѳ. Горбунова.

За послѣднее время въ нашемъ обществѣ появился усиленный спросъ на такъ называемыя роскошныя изданія, и вотъ, отвѣчая этому требованію, предприниматели, частью промышленники, частью сами любители, не жалѣя крупныхъ затратъ, сплошь да рядомъ въ убытокъ себѣ, наводнили рынокъ богато изданными книгами. Къ сожалѣнію, большая часть подобныхъ изданій въ художественномъ отношеніи далеко не удовлетворительна и вовсе не способствуетъ образованію изящнаго вкуса. Аляповатая, крикливая, бьющая по нервамъ роскошь не только никому не нужна, но и вредна, и видъ какого нибудь „Золотаго Руна“, стоящаго безумныхъ денегъ, порождаетъ во всякомъ случаѣ не свѣтлыя и радостныя чувства, которыя слѣдовало бы испытывать передъ произведеніями искусства, а скорѣе досаду на то, что издатель „при своихъ капиталахъ“ ничего путнаго не съумѣлъ сдѣлать. Такая роскошь неопровержимо и ярко свидѣтельствуетъ о внутренней духовной скудости.

Изданіе лежащее передо мною въ полномъ смыслѣ этого слова—любительское. Все въ немъ скромно, ничто не бросается въ глаза и не кричитъ о „многихъ тысячахъ“; оно, пожалуй, и не должно называться роскошнымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ излишествъ, и все внѣшнее вызвано внутреннею необходимостью. Оно подкупаетъ васъ своею изящною простотою... Конечно, кто знакомъ нѣсколько съ типографскимъ дѣломъ, тотъ понимаетъ, чего стоитъ напр. печатаніе фототипій въ текстѣ. Все свидѣтельствуетъ о большомъ умѣньи и тонко-развитомъ художественномъ чутьѣ издателей: и наилучшая бумага, подобранная соотвѣтственно формату и объему книги, и самый шрифтъ, и типографская краска, и прекрасно, съ большимъ проникновеніемъ въ суть разсказовъ, составленныя иллюстраціи.

Библиотека "Руниверс"

Но соотвѣтствуютъ ли внѣшнему виду внутреннія достоинства напечатаннаго? Мы лишены возможности подробно изложить взглядъ нашъ на то значеніе, которое имѣютъ разсказы Горбунова въ Русской литературѣ и остановимся лишь на третьемъ томѣ. Необходимо было обладать любовью къ дѣлу, чтобы собрать все, относящееся къ личности почившаго художника. Въ этомъ отношеніи третій томъ представляетъ собою поучительный примѣръ того, какъ надо собирать матеріалы для біографій.

Подобный примѣръ очень нуженъ для нашего общества, падкаго на всякаго рода поклоненія, но быстро свои кумиры забывающаго. Благодаря нашей позорной небрежности и непростительной забывчивости утрачены невозвратно черты жизни многихъ выдающихся дѣятелей и въ области науки, и на поприщѣ искусства. А между тѣмъ по условіямъ нашей общественности Русскіе люди бываютъ всегда неизмѣримо содержательнѣе своихъ произведеній. Лишь благодаря увлеченію князя Н. В. Шаховскаго собраны немногія свѣдѣнія о такомъ высоко-замѣчательномъ и разностороннемъ умѣ, какъ Н. П. Гиляровъ. А Павелъ Димитріевичъ Голохвастовъ обреченъ на полное забвеніе, хотя всѣ его знавшіе не могутъ вспоминать безъ чувства глубокаго умиленія объ этомъ всегда скромномъ человѣкѣ, перерождавшемся во вдохновеннаго пророка и проникновеннаго толкователя, когда заходила рѣчь о Русской исторіи и о проявленіяхъ нашего народнаго духа.

Изданіе сочиненій Горбунова, разсматриваемое нами, есть дѣло благодарной „памяти сердца“ и въ этомъ смыслѣ представляетъ собою отраднѣйшее общественное явленіе. Знакомые и почитатели Горбунова бережно сохранили отъ забвенія то, чему, по свойству его таланта и особенностямъ характера, такъ легко было утратиться: лучшіе Горбуновскіе разсказы оставались у него незаписанными, и то, что̀ вышло въ свѣтъ при его жизни далеко не вполнѣ обрисовываетъ высоко-даровитаго разсказчика и тонкаго наблюдателя разнообразныхъ проявленій Русской жизни.

Главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ руководившему изданіемъ графу П. С. Шереметеву. Въ его очеркѣ, „Отзвуки разсказовъ Горбунова“, мы имѣемъ цѣлый рядъ характерныхъ необнародованныхъ сценъ. Близкое знакомство съ покойнымъ и завѣдомое умѣнье обращаться съ матеріаломъ даютъ этой записи значеніе подлинника, провѣреннаго авторомъ.

Но мы уже слышимъ дружный хоръ возражателей: „Позволительно ли въ то время, когда у насъ нѣтъ удовлетворительнаго текста Пушкина, тратить время и большія деньги на изданіе произведеній анекдотическихъ, на увѣковѣченіе личности самой заурядной?“ Презрительное отношеніе къ таланту Горбунова широко распространено и получило наиболѣе яркое выраженіе у Скабичевскаго, который даетъ о немъ отзывъ столь неосновательный, что даже возникаетъ сомнѣніе, читалъ ли когда „ученый“ критикъ то, о чемъ рѣшается толковать съ развязностью. Въ своей исторіи Новой Русской Литературы (изд. 2-е, стр. 193), онъ утверждаетъ, что произведенія Горбунова представляютъ собою „послѣднюю отрыжку вѣками укоренившагося въ помѣщичьемъ быту высокомѣрно-презрительнаго взгляда на народъ, аналогичнаго взгляду на крестьянъ Польскихъ пановъ, какъ на псовое быдло“.

Библиотека "Руниверс"

Кто былъ на самомъ дѣлѣ И. Ѳ. Горбуновъ и какимъ необыкновеннымъ талантомъ онъ обладалъ, выяснено съ достаточною полнотою на страницахъ третьяго тома, въ воспоминаніяхъ и замѣткахъ такихъ тонкихъ цѣнителей и художниковъ слова, какъ напр. А. Ѳ. Кони. Усердно отсылаемъ любителей къ этому занимательному и поучительному чтенію. Прибавить что нибудь новое къ высказанному съ такою полнотою и вдумчивостью довольно мудрено, тѣмъ болѣе, что мое личное знакомство съ покойнымъ было мимолетное: совмѣстная трапеза у хлѣбосольнаго Бориса Сергѣевича Шереметева (такъ памятнаго всѣмъ Москвичамъ его удивительною привѣтливостью) да непродолжительная бесѣда у И. П. Барсукова; но я считаю своимъ долгомъ подчеркнуть одну особенность его таланта, мало до сихъ поръ отмѣченную, хотя въ немъ то, по нашему разумѣнію, и кроется тайна того обаянія, какимъ пользовался неподражаемый разсказчикъ-художникъ.

Прежде всего смѣхъ Горбунова никогда не переходитъ въ насмѣшку, и никогда его юмористика не имѣетъ характера глумленія. Съ необыкновенной силой дѣйствительно первокласснаго художника онъ даже въ самыхъ маленькихъ сценкахъ даетъ п о л н а г о человѣка. Вы чувствуете, какъ передъ вами проходитъ л и ч н о с т ь, попавшая въ комическое положеніе, но существовавшая до того и имѣющая право на существованіе. Мало того: вы начинаете приглядываться и замѣчаете, что передъ вами свой, р о д н о й человѣкъ, у котораго подъ налетомъ пьянаго разгула и грубаго безчинства теплится огонекъ души живой. И вотъ вамъ становится ясно, что сегодняшній безобразникъ, завсегдатай-подсудимый мироваго судьи („хоть квартиру рядомъ съ камерою нанимай“) способенъ на добрыя дѣла и чувства, что вчерашній жестоковыецъ, мажущій, ничтоже сумняся („такъ какъ деньги плочены“) горчицею („вѣдь не скипидаромъ“), лицо половому въ ресторанѣ „Ягодка“, можетъ преобразиться и окончить жизнь въ подвигѣ. Разсказы Горбунова умягчаютъ сердце, заставляютъ не презирать темный людъ, а вдумчивѣе относиться къ неприглядной повседневности, и научаютъ подъ конецъ любить окружающихъ васъ людей, хотя они очень и очень „черненькіе“.

Положительное отношеніе къ Русской дѣйствительности—вотъ что звучитъ басовою струною и проходитъ красною нитью черезъ всѣ разсказы Горбунова.

Онъ проявлялъ эту живую любовь не только къ мимотекущей современности, но и къ прошлому Русской жизни. Въ своихъ описаніяхъ старой Москвы Горбуновъ совершенно неподражаемъ. Онъ показалъ здѣсь много теплой наблюдательности и оказалъ большую услугу исторіи Русскаго быта, запечатлѣвъ въ художественныхъ образахъ вымершіе типы. Особенно замѣчателенъ разсказъ „Забытый домъ“, къ слову сказать, даже не попавшій, по странной забывчивости, въ изданіе Маркса, хотя его редактировалъ такой знатокъ Горбунова, какъ А. Ѳ. Кони. А между тѣмъ по тонкости исполненія и по богатству содержанія это лучшее произведеніе Горбунова. Въ немъ съ несказанною правдивостью и силою изображены картины стариннаго богатаго барскаго дома. На темномъ фонѣ распущенности и крѣпостнаго произвола

Библиотека "Руниверс"

свѣтлыми явленіями проходятъ такіе люди, какъ учитель Иванъ Алексѣевичъ Поповъ, типъ не выдуманный, но забытый нашимъ мудренымъ поколѣніемъ. Думаю, что многіе скажутъ мнѣ спасибо, когда прочтутъ описаніе его уроковъ (см. т. II-й, стр. 58—62). Или іеромонахъ о. Иларій (см. тамъ же стр. 55—58). Особенно сильное впечатлѣніе производитъ описаніе ихъ потому, что они изображены правдиво со своими маленькими слабостями. Да и самъ герой разсказа, молодой князекъ, такъ дурно кончившій благодаря своему безволію (см. т. II-й, стр. 73—85), возбуждаетъ чувство глубокаго сожалѣнія. Намъ кажется, что за такое тяготѣніе къ прошлому и якобы его восхваленіе, а также за почтительное отношеніе къ церковному обряду Горбуновъ возбуждалъ главнымъ образомъ противъ себя нападки такъ называемыхъ либераловъ.

Но если бы наше прошлое было такъ безпросвѣтно темно, если бы среди дѣятелей минувшаго не находилось людей, горѣвшихъ чистымъ огнемъ служенія высокимъ началамъ, откуда бы явились въ настоящее время безкорыстные труженики на поприщѣ родного просвѣщенія? Или самоотверженная общественная дѣятельность на Руси есть бродяга не помнящій родства и не имѣетъ никакихъ корней въ исторіи? Но тогда она быстро завянетъ при маломальски сильномъ солнцепекѣ или будетъ погублена первою приключившеюся непогодою... Нѣтъ, мы смотримъ на будущее съ упованіемъ, такъ какъ убѣждены въ томъ, что добрыя начала нашей общественности глубоко укоренились въ Русской дѣйствительности, что существуетъ преемственность въ работѣ и у насъ есть „старшіе для примѣра“. Кромѣ того мы знаемъ, что истинное просвѣщеніе всегда связано съ почитаніемъ прошлаго, а пляска на костяхъ предшественниковъ подобаетъ развѣ однимъ каннибаламъ.

Итакъ широкая, живая любовь къ Русской жизни безъ закрытія глазъ на ея недостатки: вотъ что является самою характерною чертою въ талантѣ Горбунова. И за это онъ былъ любимъ всѣми, кто его зналъ. А послѣ его смерти его друзья, знакомые и почитатели, отъ дворцовъ до хижинъ, въ складчину воздвигли ему памятникъ любви—разсматриваемое нами изданіе.

Появленіе его до сихъ поръ не вызвало никакихъ сужденій въ печати по причинамъ, увы! слишкомъ понятнымъ.

Пожелаемъ же съ своей стороны, чтобы это образцовое изданіе произвело оздоровляющее воздѣйствіе и на книжную биржу, и на болѣе широкую область библіографіи и общественности, дабы имя Горбунова было связано со внесеніемъ новой животворной струи въ нашу жизнь.

Юрій Бартеневъ.

Москва. Вербное Воскресенье.
1908.

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТНЫЕ ЛИСТКИ.

У И. С. Тургенева.

Это было въ началѣ 90-хъ годовъ. Я ѣхалъ изъ Орла въ Петербургъ. Противъ меня помѣстился въ вагонѣ пожилой господинъ съ бакенбардами въ Англійскомъ вкусѣ, и одѣтъ онъ былъ какъ-то по-англійски. Въ Орелъ онъ пріѣзжалъ предложить городскому управленію электрическій трамвай отъ имени какой-то иностранной компаніи капиталистовъ. Помню, совсѣмъ не тепло отзывался онъ о косноватыхъ „отцахъ города Орла“ [1]).

Какъ водится, мы разговорились, и очень скоро бесѣда наша перешла отъ Орла къ замѣчательнымъ уроженцамъ Орловской губерніи. Когда паровозъ дотащилъ поѣздъ до Мценска [2]), разговоръ перекинулся на Ив. Серг. Тургенева, и собесѣдникъ мой вспомнилъ, какъ онъ посѣтилъ въ 1883 году умиравшаго романиста.

—„Я пріѣхалъ въ Буживаль [3]) нарочно, чтобы повидаться съ Иваномъ Сергѣевичемъ, о которомъ уже говорили, какъ о приговоренномъ къ смерти. И дѣйствительно, онъ угасалъ... Съ тяжелымъ чувствомъ подхожу къ виллѣ Ле-Френъ, хочу узнать, можно-ли видѣть Ивана Сергѣевича, звоню, стучусь, минуты уходятъ, но ко мнѣ никто не выходитъ: ни привратникъ, ни женская прислуга. Рѣшаюсь войти, дѣлаю нѣсколько шаговъ по заросшему травою двору и нахожу Тургенева заброшеннымъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Онъ лежалъ въ постели, не спалъ и тѣмъ болѣе обрадовался моему приходу, что давно мучился отъ жажды, а графина съ водою не могъ взять, прислуга же забыла о „живомъ покойникѣ“. Про Віардо и ея семейство и говорить нечего: они не хотѣли знать о своемъ благодѣтелѣ. При такой дѣйствительности, разговаривать было трудно и мучительно. Я просидѣлъ у Ивана Сергѣевича довольно долго и оставлялъ его въ полномъ одиночествѣ. Подавая мнѣ руку на прощанье, онъ сказалъ буквально слѣдующее: „Околѣваю... видите какъ... Это возмездіе“.

---

[1]) Немного позже Орелъ все-таки обзавелся электрическимъ трамваемъ.

[2]) Въ Мценскомъ уѣздѣ находится Спасское-Лутовиново, имѣніе принадлежавшее Тургеневу, а теперь Орловскому вице-губернатору Галахову.

[3]) Дача г-жи Віардо, неподалеку отъ Вербуа, дачи ваятеля Петра Николаевича Тургенева.

Библиотека "Руниверс"

—Возмездіе за что? перервалъ я.

Тургеневъ имѣлъ въ виду покинутую имъ въ молодости простую дѣвушку, у которой отъ него родилась дочь.

Къ сожалѣнію, спутникъ остался для меня „незнакомцемъ“. Правда, онъ сообщилъ мнѣ даже свой Петербургскій адресъ; но въ Петербургѣ дворники на мою справку отвѣчали, что такого именно барина нѣтъ у нихъ въ домѣ (по Вознесенскому проспекту, гдѣ помѣщалась редакція Нѣмецкой газеты, кажется, „Herold“).

Въ 1896 году устроена была въ Нижнемъ-Новгородѣ Всероссійская выставка. Я прожилъ тогда въ „городѣ Кузьмы Минина“ почти мѣсяцъ, печаталъ статьи о выставкѣ въ газетѣ „Орловскій Вѣстникъ“ и подолгу просиживалъ въ бюро IX-го, художественно-промышленнаго,—отдѣла, которымъ завѣдывалъ покойный знаменитый писатель Д. В. Григоровичъ. Однажды я разсказалъ ему вышеприведенное объ И. С. Тургеневѣ. Димитрій Васильевичъ выслушалъ, покивалъ сѣдою головой, многозначительно произнесъ; „да!“ и вздохнулъ.

Мое знакомство съ Г. И. Успенскимъ и Н. Н. Страховымъ.

Покойная матушка моя до самой смерти, въ теченіе долгихъ лѣтъ, арендовала въ Орлѣ на Болховской улицѣ „Центральныя“ меблированныя комнаты, въ которыхъ перебывало на моихъ глазахъ много знаменитостей всякаго рода. Фамилія каждаго пріѣзжаго или всякой пріѣзжей особы становилась извѣстною мнѣ, если не тотчасъ, то впродолженіе сутокъ.

Помню лѣтній вечеръ. Швейцаръ входитъ ко мнѣ въ комнатку и проситъ отмѣтить № 2-ой занятымъ.

—Кто пріѣхалъ?

—А вотъ посмотрите. Баринъ не дали паспорта (говорятъ, что они только до завтра остаются, имъ надо на почтѣ побывать), а вмѣсто того написали на репортичкѣ...

На обычномъ листкѣ, въ графѣ: родъ занятій, я прочиталъ: „народный учитель“, а сбоку: „Глѣбъ Ивановичъ Успенскій“. Успенскаго я зналъ. Въ собственной библіотечкѣ у меня, гимназиста, среди почти всѣхъ Русскихъ и нѣкоторыхъ занадно-европейскихъ классиковъ, находились и сочиненія Глѣба Ивановича. Теперь, когда мы были съ нимъ подъ одной кровлею, мнѣ очень хотѣлось увидать автора „Нравовъ Растеряевой улицы“; но онъ принялся за чаепитіе и истребленіе сливокъ, а я напрасно вертѣлся въ корридорѣ въ ожиданіи, что писатель вотъ-вотъ выйдетъ изъ-за стола и появится въ корридорѣ. Онъ не выходилъ и не выходилъ; наконецъ, мнѣ надоѣло ждать, и я воротился къ себѣ, утѣшаясь мыслью: авось завтра увижу божка.

Прошло нѣсколько времени. Слышу—стукъ въ дверь. Прошу войти. Корридорный, пріотворивъ дверь, говоритъ, что вотъ баринъ изъ второго нумера желаютъ взять книжку на ночь. Я обрадовался, „Успенскій!“ И онъ вошелъ

Библиотека "Руниверс"

ко мнѣ, угрюмый съ виду, съ улыбающимися глазами. Мы взаимно поклонились; на предложенномъ стулѣ онъ сѣлъ противъ шкапа съ журналами, забѣгалъ глазами по полкамъ съ книгами и хвалилъ подборъ книгъ.

—И мои сочиненія имѣются у васъ?

Я отвѣчалъ утвердительно и представилъ ему его сочиненія.

—По окончаніи гимназіи пойдете въ университетъ? спросилъ, онъ уходя и унося новую книжку „Русской Мысли".

—Надѣюсь...

—Конечно!

Начавъ съ 1893 года бывать у незабвеннаго Александра Константиновича Шеллера (А. Михайлова), я разъ кстати сообщилъ ему про свое минутное знакомство съ Г. И. Успенскимъ, который уже былъ душевно-больнымъ. Александръ Константиновичъ на мои слова отозвался воспоминаніемъ о томъ, какъ онъ, въ 1863 году, совѣтовалъ Глѣбу Ивановичу не бросать университета до окончанія курса, чтобы впослѣдствіи не жалѣть объ этомъ.—У меня талантъ! отвѣтилъ Успенскій: онъ замѣнитъ собою дипломъ.

„Знакомство" мое съ Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ произошло почти при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и съ Успенскимъ; только Страховъ жилъ у насъ не во 2-мъ, а въ 6-мъ нумерѣ (гдѣ, по преданію, останавливался у насъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій) и не сутки, а нѣсколько дней. И Страховъ также возымѣлъ нужду въ моей маленькой библіотечкѣ, такъ какъ едва-ли возможно пробыть день-другой въ провинціальной палестинѣ и не почувствовать скуки.

Отъ знакомства съ этимъ своеобразнымъ, выдающимся мыслителемъ въ моей записной книжкѣ сохранились его слова: „не гоняйтесь, молодой человѣкъ, за множествомъ книгъ, но пріобрѣтайте дѣйствительно полезныя. Также смотрите и на дружбу".

КЪ СТАТЬѢ А. А. ГОЛОМБІЕВСКАГО: «ЛЕГЕНДА И ИСТОРІЯ».

Въ защиту себя. 1908 г.

Въ 3-ей книгѣ „Русскаго Архива" сего года А. А. Голомбіевскій наноситъ ударъ легендѣ о таинственномъ Сибирскомъ старцѣ Ѳедорѣ Козьмичѣ и между прочимъ пишетъ: „Съ возбужденіемъ вопроса о личности Ѳедора Козьмича особенно повезло Д. К. Тарасову. О немъ вспомнили и теперь стараются выставить его, какъ одного изъ активныхъ участниковъ подлога въ Таганрогѣ и, слѣдовательно, хранителей тайны. Началось это съ легкой руки П. А. Россіева, напечатавшаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1907 г. свои замѣтки и соображенія, явившіяся результатомъ свиданія его съ племянникомъ покойнаго лейбъ-медика, профессоромъ Московскаго университета И. Т. Тарасовымъ. Должно, однако, оговориться, что лично намъ, уже послѣ Россіева, въ Сентябрѣ 1907 г., уважаемый Иванъ Трофимовичъ, прежде всего, прямо заявилъ, что П. А. Россіевъ все имъ сказанное „черезчуръ подчеркнулъ"... и т. д. (стр. 456).

Библиотека "Руниверс"

Съ своей стороны, я такъ-же прямо заявляю, что я ничего не подчеркивалъ изъ сказаннаго уважаемымъ Иваномъ Трофимовичемъ. Написавъ замѣтку, я не послалъ ее въ редакцію „Историческаго Вѣстника", а далъ на просмотръ ему же, И. Т. Тарасову, который возвратилъ мнѣ ее съ своеручными поправками на двухъ осьмушкахъ, доселѣ у меня хранящимися. Я передѣлалъ замѣтку, и она появилась въ печати такъ, какъ ее „благословилъ" Иванъ Трофимовичъ. Если же замѣтка (см. „Историч. Вѣстн.", Августъ, 1907., стр. 687) кажется подчеркнутою, то, можетъ-быть, оттого, что въ печати выходитъ большею частью выпуклѣе, чѣмъ въ рукописи. Повторяю: поправки И. Т. Тарасова у меня подъ рукою и если сличить ихъ съ тѣмъ, что напечатано, то „обвиненіе" меня въ какомъ-либо подчеркиваніи тотчасъ отпадетъ. Виновато... изобрѣтеніе Гутенберга, да я за него не отвѣтчикъ. Въ заключеніе долженъ сказать, что для меня легенда цѣнна величавостью своего содержанія, но по совѣсти я не могу настаивать на томъ, что Ѳедоромъ Козьмичемъ подлинно былъ „Сфинксъ неразгаданный до гроба", несмотря на весь соблазнъ, который наплывалъ на меня отъ Томска и до Новгородскаго Сыркова монастыря.

КЪ СТАТЬѢ Н. А. САНИНА

„Пермское село Ныробъ, его древности и святыни" *).

Позвольте внести маленькія поправки: вслѣдъ за Вас. Ник. Берхомъ и Карамзинымъ авторъ повторяетъ, что село Ныробъ расположено „въ 8 верстахъ къ Сѣверу отъ уѣзднаго города Чердыни, Пермской губ.", между тѣмъ какъ ихъ отдѣляютъ 25 верстъ прямого пути, что правильно указано еще Н. Вагнеромъ, въ „Пермскомъ Сборникѣ", 1860-го года, кн. 2.

Статья Н. А. Санина оканчивается указаніемъ на колоколъ съ Шведской надписью, причемъ г. Санинъ замѣчаетъ: „сколько извѣстно, надпись эта сообщается нами впервыя"... Нѣтъ, она приводилась уже въ брошюрахъ, продаваемыхъ на мѣстѣ, и нижеподписавшійся читалъ ее тамъ въ 1905 году, когда былъ въ Ныробѣ. (См. „Русскій Паломникъ" 1905). Кстати: въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ, близъ Звенигорода, Московской губ., есть колоколъ тоже Wegewert' a, но не Henrich'a, а Kylianus'a (1636 г.).

Павелъ Россіевъ.

*) „Русскій Архивъ", 1908 кн. 3, с. г., стр. 378.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ГРАФУ П. А. КЛЕЙНМИХЕЛЮ.

Милостивый государь графъ Петръ Андреевичъ!

Дорожа благосклонностью вашего сіятельства и не желая быть виною малѣйшаго неудовольствія для тѣхъ, кои имѣютъ честь служить подъ вашимъ начальствомъ, но обязанъ будучи также защищать и моихъ подчиненныхъ, когда обходятся съ ними не такъ, какъ должно, я рѣшаюсь обратиться, хотя и партикулярно, прямо къ вашему сіятельству. Изъ прилагаемаго при семъ показанія, всѣми свидѣтелями подписаннаго, вы изволите усмотрѣть, какія неприличныя выходки позволялъ себѣ здѣсь, въ экспедиціи отправленія писемъ, одинъ изъ вашихъ адъютантовъ, который себя не называлъ, но мы узнали послѣ, что это былъ кн. Долгоруковъ. Я былъ по несчастью, въ подмосковной дочери моей, а то могъ бы, можетъ быть, все это дѣло самъ уладить. Когда Макаровъ, отличающійся столь же усердною своею службою, сколько тихимъ нравомъ, принесъ мнѣ жалобу, то я потребовалъ таковую письменно отъ него, для препровожденія высшему начальству; но онъ на другой день объявилъ мнѣ, что огласки не желаетъ, что онъ дерзкія слова адъютанта вашего не полагаетъ для себя обидными, не заслуживъ оныхъ нимало; что кн. Долгоруковъ былъ всѣми тутъ присутствующими обвиненъ и охуждаемъ; что онъ, вѣроятно, отъ запальчивости своей наговорилъ, можетъ быть, болѣе, нежели хотѣлъ; что обида сдѣланная ему, Макарову, не такъ велика, какъ неуваженіе, оказанное къ такому присутственному мѣсту, гдѣ всѣ занимаются службою Государю; что по всѣмъ этимъ причинамъ онъ, Макаровъ, претензію свою оставляетъ безъ всякаго взысканія, увѣренъ будучи, что ежели поступокъ кн. Долгорукова дойдетъ до свѣдѣнія вашего сіятельства, то вы не оставите строгой ему за это сдѣлать выговоръ, тѣмъ болѣе, что онъ приписываетъ вамъ правила, совсѣмъ противныя извѣстной вашей справедливости и отличной вѣжливости. Это можетъ послужить кн. Долгорукову урокомъ для переду, и онъ удостовѣрится, въ случаѣ замѣчанія отъ васъ, что, хотя Московскій почтамтъ вашему сіятельству не жаловался на него, но вы знаете все, что̀ дѣлаютъ ваши подчиненные даже когда не въ одномъ съ вами городѣ находятся.

Представляя все мною вышеписанное благоусмотрѣнію вашего сіятельства и въ ожиданіи отъ васъ отзыва, какимъ бы хотя нѣсколько вознаградились кротость и снисходительность г. Макарова, имѣю честь быть и пр..... Александръ Булгаковъ“ (письмо собственноручное).

14-го Іюня 1845 г.

Библиотека "Руниверс"

Протоколъ.

Сего Іюня 9 числа въ 45 минутъ 2-го часа пополудни, въ присутствіи экспедитора коллежскаго совѣтника Макарова, пріемщика коллежскаго асессора Петра Брызгалова, ревизора титулярнаго совѣтника Н. Маргаритова, исправляющаго должность пріемщика писемъ губернскаго совѣтника Такацкаго, чиновника пріема эстафетъ губернскаго совѣтника Соснина и занимающагося пріемкою казенныхъ пакетовъ канцеляриста Цвѣткова, вошелъ въ комнату пріема писемъ офицеръ въ военной шинели и подошелъ къ самой стойкѣ, не снимая каски. Экспедиторъ вѣжливо попросилъ его снять оную, замѣчая ему, что онъ не на улицѣ; но офицеръ началъ кричать, какъ смѣли ему сказать это; что онъ адъютантъ графа Клейнмихеля; что будетъ жаловаться и, съ симъ словомъ, бросилъ на полъ за письмо серебряную монету въ 15 к. с. стараго чекана весьма потертую, ушелъ, повторяя угрозы, что будетъ жаловаться. Черезъ нѣсколько секундъ онъ воротился, требуя съ крикомъ сдачи съ брошеннаго на полъ пятиалтыннаго. Ему отдали сдачу, и онъ тутъ же потребовалъ экспедитора къ почтдиректору, но Макаровъ замѣтилъ ему, что онъ можетъ идти жаловаться одинъ; что онъ, Макаровъ, слишкомъ занятъ должностью своею, тѣмъ болѣе, что пріемъ писемъ приходилъ къ концу и отъ произведеннаго въ экспедиціи шума сдѣлалось столкновеніе публики и теченіе службы было прервано. Затѣмъ, г. офицеръ, раскинувъ свою шинель и показывая эксельбантъ, говорилъ экспедитору: „Знаете ли кто я! Адъютантъ графа Клейнмихеля. Я васъ за-воротъ или на арканѣ потащу. Вы знаете ли, чтобы я ни сдѣлалъ, я буду всегда правъ; я адъютантъ гр. Клейнмихеля“. А когда экспедиторъ попросилъ его умѣрить дерзкія свои выраженія и сказалъ ему, что онъ самъ коллежскій совѣтникъ, то г. офицеръ отвѣчалъ: „Вотъ, важность! Въ канцеляріи гр. Клейнмихеля такіе то чиновники чистятъ....“ Тутъ онъ употребилъ выраженіе, которое здѣсь не пристойно было бы повторить и, записавъ фамилію экспедитора, съ угрозами ушелъ. Сергѣй Макаровъ, Петръ Брызгаловъ и пр.

9-го Іюня 1845 г.

ИЗЪ ОТВѢТА П. А. КЛЕЙНМИХЕЛЯ А. Я. БУЛГАКОВУ.

„Письмо вашего превосходительства отъ 14-го Іюня о поступкѣ адъютанта моего, кн. Долгорукова, я имѣлъ честь получить и искренно благодарю васъ за увѣдомленіе. Кн. Долгоруковъ теперь въ отпуску; коль скороже онъ явится, я не премину съ него взыскать и сдѣлаю ему должное внушеніе“.

18-го Іюня 1845 г.

Помѣта Я. И. Иванова: „его сіятельство изволилъ лично объявить о семъ кн. Долгорукову въ Москвѣ, 6-го Ноября 1845 г.

Въ чемъ выразилось „взысканіе“—неизвѣстно.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО А. П. ЕРМОЛОВА КЪ МИНИСТРУ ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА СВѢТЛѢЙШЕМУ КНЯЗЮ ПЕТРУ МИХАЙЛОВИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Милостивый государь князь Петръ Михайловичъ.

Всегда воспрещаю я себѣ, сколько возможно, просить кого либо; къ вашей свѣтлости осмѣливаюсь обратиться со всепокорнѣйшею моею просьбою въ полной надеждѣ на постоянную благосклонность къ старому сослуживцу.

По распоряженію вашей свѣтлости, какъ слышно, управляющій Московскою Удѣльною Конторою получаетъ другое назначеніе. На свободное послѣ него мѣсто удостойте опредѣлить полковника Ермолова, служащаго въ Москвѣ полицеймейстеромъ. Какъ братъ двоюродный его, я коротко знаю хорошія способности его къ службѣ и смѣю ручаться за строгую честность и безкорыстіе. Онъ испытанъ былъ генералъ-губернаторомъ Вельяминовымъ какъ чиновникъ, надъ коимъ блескъ золота богатой Сибири не производилъ очарованія; въ послѣдствіи былъ адъютантомъ ген.-лейтенанта Вельяминова на Кавказской Линіи, гдѣ, какъ храбрый офицеръ, получилъ тяжелую рану. Должность полицеймейстера принялъ по желанію князя Дмитрія Владимировича Голицына и не смѣя отказаться, какъ близкій ему по женѣ своей родственникъ и прежде извѣстный ему съ наилучшей стороны. Желалъ бы я не испытать отказа вашей свѣтлости, ибо сдѣлать его всего легче, и это умѣли сдѣлать со мною многіе знатные.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь и пр. Алексѣй Ермоловъ. 10 Генваря 1844. Москва.

На письмѣ этомъ кн. П. М. Волконскимъ написано:

„Отвѣчать письмомъ отъ меня. Крайне сожалѣю, что не могу исполнить его желанія, потому что при увольненіи управляющаго Московской Удѣльной Конторою въ тоже время опредѣленъ другой изъ управляющихъ уже Удѣльной Конторою, на основаніи состоящаго на то положенія. 14 Генв. 1844“.

(Архивное дѣло Главнаго Управленія Удѣловъ № 2358, св. 86, стр. 191).

Рѣчь идетъ о двоюродномъ братѣ Ермолова Дмитріѣ Николаевичѣ Ермоловѣ, женатомъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Васильчиковой, родственницѣ свѣтлѣйшей княгини Татьяны Васильевны Голицыной.

(Сообщилъ **А. А. Сиверсъ**).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА“.

Покойная Софья Александровна Эбернъ передала намъ связку писемъ къ отцу ея графу Александру Львовичу Санти отъ Якова Даниловича Мерлина. Письма эти относятся до опеки надъ имуществомъ и наслѣдствомъ послѣдняго изъ князей Дашковыхъ, Павла Михайловича, который умеръ въ 1807 г. въ Москвѣ губернскимъ предводителемъ дворянства (жилъ онъ въ своемъ домѣ на Тверской, нынѣ А. А. Титова, на углу Газетнаго переулка), не имѣя законныхъ дѣтей. Наслѣдницею была единственная сестра его Настасья Михаиловна Щербинина (которая и дала имя сыну своего брата Михаилу Павловичу, впослѣдствіи извѣстному сенатору). Вотъ что пишетъ Мерлинъ про эту дочь знаменитой княгини Е. Р. Дашковой: „Н. М. характеру превыспренне-самолюбиваго, коварнаго, ложнаго и сложнаго столь много, что ни алгеброю сложности ея разыскать невозможно. Къ тому пышна, надута, faisant parade de sa gorge applanie, украшая ее разновидными кружевами драгоцѣнными, которыя береть на кредитъ безъ заплаты. Уста ея медоточивыя явствъ иныхъ вкушать не могутъ, какъ изготовленныхъ иностранцами, дорогою платою оплаченныхъ. Обоняніе ея столь нѣжно, что Русскаго духу терпѣть не можетъ; осязаніе ея весьма тонко и сильно влекомо къ ассигнаціямъ. Сіи послѣднія нужны опять только на то, чтобы удовлетворить сильному стремленію страсти, похоти и пышности. Занятія ея важныя политическія, сочиняемыя ею самою дѣла. Связь ея съ людьми, по ней какъ по книгѣ говорящими и одинаково съ ней мыслящими и чувствующими, а не то со двора долой“.

Въ одномъ изъ писемъ Мерлина читается:

„Я сегодня былъ у кн. К. Р.*). Между прочимъ она сказывала мнѣ, что проситъ дать Воронцову фамилію князя Дашкова. Я не вытерпѣлъ, сказалъ ей, что это крайне меня удивляетъ, что это faveur для своего самолюбія, въ противность коренныхъ законовъ и что Государь можетъ наградить всѣмъ кромѣ нарушенія законовъ“.

Такъ думалъ и братъ княгини графъ Семенъ Романовичъ и не согласился, чтобы сыну его (будущему фельдмаршалу) присвоено было имя Дашкова. Тогда княгиня передала это имя еще несовершеннолѣтнему въ то время графу Ивану Иларіоновичу Воронцову, сыну своего двоюроднаго брата, графа Иларіона Ивановича; но Александръ Павловичъ повелѣлъ называться ему не княземъ Дашковымъ, а графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ.

---

*) Т. е. у Екатерины Романовны Дашковой.

Библиотека "Руниверс"

*

Въ запискахъ Ю. Ѳ. Самарина („Татевскій Сборникъ", стр. 133) читаемъ: „Разъ я жилъ у него [2]) въ Ивановскомъ [3]). Къ нему съѣхалось нѣсколько человѣкъ гостей, такъ что всѣ комнаты были заняты, и онъ перенесъ мою постель къ себѣ. Послѣ ужина, послѣ долгихъ разговоровъ, оживленныхъ его неистощимою веселостью, мы улеглись, потушили свѣчи, и я заснулъ. Далеко за полночь я проснулся отъ какого-то говора въ комнатѣ. Утренняя заря едва-едва освѣщала ее. Не шевелясь и не подавая голоса, я началъ всматриваться и вслушиваться. Онъ стоялъ на колѣняхъ предъ своею походною иконою, руки были сложены крестомъ на подушкѣ стула, голова покоилась на рукахъ. До слуха моего доходили сдержанныя рыданія. Это продолжалось до утра. Разумѣется, я притворился спящимъ. На другой день онъ вышелъ къ намъ веселый, бодрый, съ обычнымъ добродушнымъ смѣхомъ. Отъ человѣка, всюду его сопровождавшаго, я слышалъ, что это повторялось почти каждую ночь"...

Тутъ же разсказъ Ю. Ѳ. Самарина о его бесѣдѣ съ Хомяковымъ по кончинѣ его жены Екатерины Михайловны. Вспоминаю, какъ Хомяковъ говорилъ мнѣ, что во время послѣдней предсмертной ея беременности, однажды, придя къ ней въ спальню, гдѣ она уже почивала, онъ вдругъ услышалъ слова: „А вѣдь она умретъ!" Такъ мнѣ послышалось, подумалъ онъ и не придалъ словамъ этимъ значенія. Но слова повторились, и потомъ онъ услышалъ ихъ въ третій разъ. Екатерина Михайловна въ родахъ скончалась. Вѣроятно силы не выдержали: за 16 лѣтъ брака это была 13-я беременность.

Къ вышеупомянутому разсказу Ю. Ѳ. Самарина прибавимъ слѣдующее. Въ генералъ-губернаторство графа Закревскаго велѣно было дворникамъ поочередно ходить въ пересыльное помѣщеніе преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, въ подмогу сторожившимъ ихъ. Дворникъ Хомякова, возвратившись домой, разсказывалъ, что двое ссыльныхъ вспоминали при немъ о своихъ подвигахъ и говорили, что они были задержаны подъ Тулою, намѣреваясь ограбить господскую усадьбу. Съ наступленіемъ ночи они засѣли въ кустахъ и дожидались, чтобъ въ барскомъ домѣ потухли огни. Долго ждали они, но въ одной комнатѣ все горѣла свѣча; они подошли ближе и въ окно увидѣли, что кто-то на колѣняхъ молится, и молился онъ до разсвѣта, пока ихъ захватили проснувшіеся люди. Дворникъ спросилъ, въ какой усадьбѣ они попались и узналъ, что это было въ Богучаровѣ, у А. С. Хомякова. Баринъ нашъ спасся молитвою отъ ограбленія, говорила Хомяковская дворня.

---

[1]) У А. С. Хомякова.

[2]) Ивановское, Данковское помѣстье А. С. Хомякова, гдѣ онъ выстроилъ прекрасную церковь и гдѣ кончилъ жизнь 23 Сент. 1860 г.

Библиотека "Руниверс"

*

Многовѣковыя заслуги Русскаго духовенства неисчислимы. Благодаря его дѣятельности

Всю тебя, страна родная
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Словомъ Божіимъ и богослуженіемъ на языкѣ, который еще и теперь понятнѣе большинству народонаселенія, нежели языкъ свѣтской книжной печати, Русь воспиталась нравственно. Языкомъ церковнымъ, который имѣетъ всѣ свойства языковъ Греческаго и Римскаго, облагородилась разговорная рѣчь нашихъ простолюдиновъ, удивляющая иностранцевъ-наблюдателей своимъ изяществомъ. Но въ послѣднія десятилѣтія мы перестаемъ дорожить этимъ сокровищемъ. Насильственно вводя въ учебное преподаваніе языки Греческій и Римскій, у насъ позабыли о третьемъ классическомъ языкѣ, который и въ богослуженіи начинаетъ заглушаться музыкальнымъ пѣніемъ. Многіе наши храмы обратились въ концертныя залы, и точно такъ же, какъ въ театрѣ, когда идетъ опера, словъ не разберешь, а все вниманіе невольно обращается на пѣніе. Между тѣмъ, по замѣчанію митрополита Филарета, звукомъ должно раскрываться, а не заглушаться слово. У покойнаго Государя Александра Александровича въ Аничковомъ дворцѣ (благодаря заботѣ М. А. Балакирева) было пѣніе наилучшее, и каждое слово долетало ясно до слуха молящихся. Изобрѣтенные императоромъ Павломъ (вѣроятно въ несчастные дни его умоповрежденности) нарядные кафтаны пѣвчихъ, въ родѣ Польскихъ кунтушей съ вылетами, усиливаютъ впечатлѣніе театральности. Гонясь за внѣшнимъ благоприличіемъ, мы оскудѣвали въ искренности и простотѣ. Такъ Московскій митрополитъ Сергій запретилъ было причащать младенцевъ за поздними обѣднями, дабы не оскорблялся криками слухъ нервныхъ барынь. А одинъ изъ его предшественниковъ митрополитъ Иннокентій, когда подали бумагу, которою испрашивался у него отвѣтъ, въ какомъ одѣяніи должны быть пѣвчіе на предстоявшемъ празднествѣ, надписалъ: „А по мнѣ хоть въ рогожѣ, лишь бы внятно пѣли“. На эту отмѣтку любилъ указывать покойный И. С. Аксаковъ.

ПОПРАВКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр. 127. Отецъ автора статей „Прожитое и пережитое“, Семенъ Петровичъ Алексѣевъ (1821—1885) былъ женатъ одинъ разъ. Тамъ же въ выноскѣ: дочь Дмитрія Петровича Алексѣева за Александромъ Алексѣевичемъ Манухинымъ (а не Мухинымъ). Ихъ домъ на Новинскомъ бульварѣ.

Стр. 366. Княжна Аграѳена Борисовна Черкаская была сестрой не Нейгарда, а его супруги Анны Борисовны.

Въ Росписи № 4960 вм. life, надо lief.—№ 5076 вм. Pope надо: Pape.

Въ I-й книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 594 вм. „тосковали“ о предстоящемъ дѣлѣ надо „толковали“.

Стр. 611 вм. вмѣсто „разсмотрѣніе“ военнаго арсенала надо: „размѣщеніе“.

1) На 621-ой, во 2-ой строкѣ напечатано: Dites à pauvre veuve la part, а должно быть: Dites à sa pauvre veuve toute la part.

2) Въ 4-ой строкѣ напечатано: „привезъ семьѣ умершаго только полученное“; должно быть: „привезъ семьѣ умершаго только что полученное“.

Библиотека "Руниверс"

5338. Изъ архива гр. Паниныхъ **1888.** III, (9). 177—182. Письмо А. В. Паниной къ ея супругу. Письма В. Е. Ададурова къ Н. И. Панину.

5339. Бумаги, касающіяся перваго раздѣла Польши. (Изъ архива гр. В. Н. Панина). **1871.** (11), 1761—1856. 1872 (1) 1—37.

5340. Пензенская архивная старина. Сообщ. А. П. Барсуковъ. **1896.** I, (4), 491—496. Гр. К. Л. Разумовскій. Къ путешествію по Россіи вел. кн. Михаила Павловича. Къ путешествію Николая Павловича по Пензенской губ. Къ путешествію по Россіи Александра Николаевича. О перевезеніи тѣла Лермонтова въ село Тарханы.

5341. Изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. Извлечено Е. В. Чешихинымъ. I, 367—422. III, 187—271. Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краѣ.—Къ исторіи первыхъ дней царствованія Екатерины II.—О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ.—О Невзоровѣ и Колокольниковѣ.—О Кременчугскомъ купцѣ Тимофеѣ Курдиловѣ.—О баронѣ фонъ-Герштorфѣ. Указы Екатерины Броуну о баронѣ Гастѣ и купцѣ Цукербекерѣ. О былыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ. О Степанѣ Маломъ. О казакахъ Маркинѣ и Поцалуевѣ. О Пугачевѣ. Письмо Г. Н. Теплова къ Броуну о магистрѣ Масковѣ. Рескрипты и указы императрицы Екатерины II-й, данные Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну по поводу 1-й Турецкой войны. О подаркѣ отъ Лифляндіи, поднесенномъ по случаю бракосочетанія вел. кн. Павла Петровича и вел. княгини Наталіи Алексѣевны. О Курляндцѣ Фонъ-Ховенѣ.

5342. Изъ рукописей Рѣшетиловскаго архива. (Сообщ. А. И. Ставровскимъ). **1865.** (5—6), 518—566. О Крымскихъ татарахъ. Сношенія съ папою Піемъ VI. Письма Коссаковскаго къ В. Каховскому. Письмо В. Каховскаго къ В. С. Попову. Письма къ кн. В. М. Долгорукову Крымскому. Я. Ельчанинова, гр. Брюса, кн. Г. А. Потемкина, гр. З. Г. Чернышева. Путешествіе Лаксмана въ Японію.

5343. Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго П. И. Савваитову. Письма: Екатерины II-й къ гр. И. Г. Чернышеву, Павла Петровича, къ гр. И. Г. Чернышеву, и А. А. Беклешову, Маріи Ѳеодоровны къ гр. И. Г. Чернышеву, кн. Потемкина-Таврическаго къ В. В. Нащокину. **1870.** (2) 284—288.

5344. Изъ архива Харьковскаго намѣстничества. Съ предисл. Д. В. Цвѣтаева. **1887.** II, (6), 135—157. Рескриптъ Екатерины къ Ѳ. И. Лишинскому. Письма къ немуже: С. И. Шишковскаго, гр. А. Н. Самойлова, кн. А. Б. Куракина къ А. Г. Теплову, П. Ѳ. Сабурова. Кн. Лопухина, А. Беклешова.

5345. Изъ архива Саратовскаго губернскаго правленія. Сообщ, Мих. Ник. Галкинымъ-Враскимъ. **1973.** I, (4), 0451—0460. Манифестъ Пугачева. Цыплетевъ. Письма Кречетникова. Рапорты Харитонова, Михельсона. Ордера Суворова. Паспортъ И. Савельева.

5346. Изъ домашняго архива гр. П. Б. Шереметева. **1906.** II. (5), 175—176. Письма слугъ его Ивана Аргунова, Василія Замятина, Андрея Зиновьева.

5347. Изъ семейнаго архива гр. С. Д. Шереметева. **1905.** II, (6), 243—250. Рядная запись В. Б. Лопухиной. Приданое гр. В. П. Разумовской.

5348. Изъ собранія автографовъ гр. С. Д. Шереметева. **1875.** II, (8), 490—492, Петра Великаго, вел. кн. Петра Ѳеодоровича, Екатерины II-й. Надгробная шуточная надпись, писанная Екатериною II-ю, Александра Павловича.

5349. Музей П. И. Щукина. П. И. Бартенева. **1895.** I, (4), 536, **1901**, обложка 4 вып.

Библиотека "Руниверс"

5350. Изъ сборниковъ П. И. Щукина. **1900.** II, (6), 176—207. Елисавета въ Оружейной палатѣ. Прошеніе историка Миллера, капитана Спечевскаго. Завѣщаніе И. П. Елагина. Указы Екатерины Коновницину, гр. Самойлову. Приказъ кн. А. М. Голицына. Два письма Александра Павловича Витовтову. Кн. Лопухинъ Новосельскому. Гр. Ланджеронъ кн. А. Н. Голицину. Гр. А. А. Закревскій. Сабанеевъ. А. И. Казначеевъ, М. П. Розбергъ Н. И. Розанову. Изъ письма гр. П. А. Клейнмихелю, А. И. Тургеневъ, кн. С. М. Голицину. Александръ Николаевичъ въ Инженерномъ замкѣ.

5351. Ванчасы и голубейскія мачты. **1900.** II, (7), 405. Къ приказамъ кн. А. М. Голицына.

5352. Московская старина. **1877.** III, (10), 180—190. Изъ воспоминаній М. М. Евреинова. Письмо Анны Іоанновны С. А. Салтыкову. Черты Московскаго быта. А. А. Мартыновъ къ воспоминаніямъ М. М. Евреинова. Л. Даль. (11), 337—338 и (12), 433.

5353. О Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ. Г. Н. Александрова. **1875.** III, (12), 482—483.

5354. Подмосковная старина. Петровское-Разумовское. (Съ рисунками). В. К. Попандопуло. **1900.** II. (6). 159—165.

5355. Русское письмо (epistola) XVII в. Ил. В. Бѣляева. **1864.** (7—8), 717—719.

5356. Село Большое Мурашкино. Кн. А. Н. Волконскаго. **1875.** I, (1), 116—120.

5357. Изъ Польской старины. Г. А. Воробьева. **1894.** I, (3), 463. О Лазенковскомъ дворцѣ.

5358. О древнихъ вещахъ изъ Чертковскаго собранія. А. А. Гатцука. **1864.** (0). 1001—1004; (111—12), 1255—1258.

5359. Эпитафія на Коломенскомъ кладбищѣ. Н. Н. Губерти. **1898.** I, (4), 621.

5360. Домъ Румянцовскаго Музея. И. Е. Забѣлина. **1904.** III, (6), 169—173.

5361. Синодикъ 1670 г. Богословскаго монастыря, что̀ на Вагѣ. Кн. М. А. Оболенскаго. **1869.** (6), 1076—1080. Родословная князей Коркодиновыхъ.

5362. Древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ. С. С. Слуцкаго. **1901.** I, (4), 631—637.

5363. Археологія и исторія въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей А. Н. Труворова. **1890.** II, (4), 526—535,

5364. Описаніе трехъ панагій (XV и XVI в.) изъ Чертковскаго собранія. Гр. А. С. Уварова. **1864.** (5—6), 676—679.

5365. Треневъ, Д. К. Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. **1902.** I, (1), обл.

5366. Сказанія и повѣсти о святыхъ чудотворныхъ иконахъ. Съ предисл. А. Л—а (архим. Леонида). **1881.** II, (3), 5—16.

5367. Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати исцѣленія отъ Бога даны, и когда памяти ихъ. (Сообщ. б. Д. О. Шепингомъ). **1863.** 943—946,

5368. Замѣчательная надпись на иконѣ XVIII-го вѣка. В. А. Рамиха. **1895.** II, (6), 241—242.

5369. Вѣтеръ (Изъ Русской Символики). Гр. А. С. Уварова. **1864.** (7—8), 681—706.

5370. Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями. Гр. А. С. Уварова. **1864.** (1), 13—25.

5371. Замѣчательное Евангеліе. П. Л. Юдина. **1898.** I, (4), 622—624.

5372. Аника-воинъ. (Посв. Д. А. Хомякову). Ильи В. Бѣляева. **1864.** (1), 90—93.

5373. Еще объ Аникѣ-воинѣ. Ѳ. Н. Фортунова. **1864.** (2), 228—230.

5374. (О „Словѣ Кирила Философа како увѣри Блъгары“). К. И. Ж(инзифова). **1863.** (10—11), 880.

5375. Восьмисотлѣтіе Рязани. Д. И.

Библиотека "Руниверс"

Иловайскаго. **1895.** III, (11), 406—410.

5376. Вопросъ о ханской басмѣ. Д. И. Иловайскаго. **1897.** I, (3). 482—488.

5377. Плачъ церквей Московскихъ. (Е. А. Кожевникова). Съ послѣсл. свящ. Н. Скворцова. **1893.** II, (6), 288—299.

5378. Стѣны Кремля. В. А. Кожевникова. **1893.** III, (11), 365—377.

5379. Андреевскій монастырь въ Москвѣ. И. Козловскаго. **1906.** III. (9), 155—160.

5380. А. А. Мартынова: Плата за обученіе грамотѣ.—Поѣздъ царевны. **1895.** I, (2), 277—278.

5381. Лефортовскій дворецъ. А. Н. Корсакова, **1882.** I, (2), 355—357.

5382. Опись столбцовъ Макарьева монастыря. Ѳ. Кудринскаго. **1902.** II, (8), 579—584.

5383. О Петербургскихъ дворцахъ. М. Н. Лонгинова. **1873.** I, (1). XLI—LVI.

5384. Соборная церковь въ Ряжскѣ въ XVII в. Г. Г. Лукьянова. **1898.** II, (7), 357—364.

5385. А. А. Мартынова. Домъ Московскаго Почтамта. **1895.** III, (10), 219—220.

5386. Изъ памятныхъ замѣтокъ А. А. Мартынова. **1894.** III, (11), 459, (12), 579—580. Дополненіе А. Н. Труворова. **1895.** I, (2), 288.

5387. Археологическая прогулка по Московскимъ улицамъ. А. А. Мартынова, **1878.** I, (2), 154—172. (3), 275—291. (4), 469—486. **1879.** II (6), 210—223. (Поправки. **1878.** (3), 380; (4), 496).

5388. Московскіе колокола. А. А. Мартынова **1896.** I, (1), 100—108. (2), 274—278. (3), 393—400. (4). 555—561.

5389. Надгробная лѣтопись Москвы. А. А. Мартынова. **1895.** I, (2), 279—284. (3), 409—413. (4), 548—554. II, (5), 97—107. (6), 219—240. (7), 383—395. (8), 521—528. III, (11), 324—329.

5390. О Запасномъ дворцѣ въ Москвѣ. А. А. Мартынова. **1897.** I, (2), 328—329.

5391. Пруды Неглиненскіе. А. А. Мартынова. **1895.** III, (12) 506.

5392. Село Степановское. А. А. Мартынова. **1895.** I, (4), 534—535.

5393. Успенскій соборъ Сергіевой Лавры. А. Н. О—ва (Овсянникова). **1896.** III, (10), 296—297. Поправка К. Быковскаго. **1897.** I, (1), 180.

5394. Новыя сооруженія въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. А. Н. О(всянникова). **1897.** II, (8), 610—614. Замѣтка арх. Никона. **1897.** III, (9), 152.

5395. Евангеліе на Малорусскомъ языкѣ. И. Павловскаго. **1878.** II, (5), 125—126.

5396. Патріаршая библіотека въ 1718 г. М. П. Полуденскаго. 8^0. 48 ст. **1864.** (10—12), приложеніе.

5397. О работахъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. В. К. Попандопуло. **1895.** III, (12), 505 и **1897.** I, (3), 492.

5398. О Грузинскихъ церквахъ въ Москвѣ. В. К. Попандопуло. **1899.** II, (7), 456—458.

5399. Разрушеніе памятника XVII в. В. К. Попандопуло. **1894.** II, (5), 159—160.

5400. О древностяхъ г. Селенгинска и Посольскаго монастыря на Байкалѣ. В. Птицына. **1893.** I, (1), 33—34.

5401. Древности въ селѣ Дросковѣ. В. Птицына. **1906.** I, (1), 172—173.

5402. Коротоякъ. Л. М. Савелова. **1895.** II, (6), 129—131.

5403. Спасо-Нередицкая церковь. Скалдина (Ѳ. П. Еленева). **1871.** (7—8), 1273—1280.

5404. Московскій Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья. Н. Скворцова. **1893.** II, (8), 433—448. III, (9), 5—35.

5405. Два упраздненныхъ монастыря надъ Переяславскимъ озеромъ. А. А. Титова. **1902.** I, (2), 338—348.

Библиотека "Руниверс"

5406. Предстоящее искаженіе памятника XVII в. въ Ростовѣ. А. А. Титова. **1894.** II, 300—302.

5407. Село Кацево-Богородское. (Родовая вотчина гр. Воронцовыхъ-Дашковыхъ). А. А. Титова. **1895,** I, (4). 474—479; и **1895,** II, (6), 241.

5408. Упраздненная церковь Воскресенія, что̀ на Рву въ Ростовѣ Великомъ. А. А. Титова. **1895.** I, (4), 546—548.

5409. О Меншиковой башнѣ. Д. Д. Филимонова. **1877.** II, (8), 478—479.

5410. Русскія надгробія въ Греческой церкви города Ливорно на новомъ Греческомъ кладбищѣ близь Porta San-Marco (1847—1862). Сообщено протоіереемъ Левицкимъ. **1892.** I, (2), 271—272.

5411. Помѣстье Салтычихи. Д. О. Ш(епинга). **1871.** (7—8), 1281—1286.

5412. Синицынъ П. В. Преображенское. Рисунки художника М. В. Нестерова, грав. А. С. Яновъ **1896.** I, (3), 479—480.

5413. Зенино. И. И. Шаховскаго. **1897.** III, (11), 368—371.

5414. Русская духовная миссія въ Пекинѣ. И. Коростовца. **1893.** III, (9), 57—86.—Архимандритъ Софроній.—Іакинѳъ Бичуринъ.—Петръ Каменскій.—Албазинцы.—Палладій.—Гурій.—Н. П. Игнатьевъ.—Іеромонахъ. Исаія.—Архимандритъ Палладій.

5415. Общее обозрѣніе торговли съ Азіею. Записка гр. В. А. Зубова. Сообщ. Н. Ѳ. Самаринымъ. **1873.** I, (5), 879—894.

5416. Къ исторіи Русской промышленности. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Выписки изъ памятной книги А. Ф. Полушина (съ дополнительными примѣчаніями сына его и внука, 1751—1850). Сообщ. Н. А. Полушинъ. **1898.** II, (6), 177—205.

5417. Путешествіе Русскихъ купцовъ въ Ташкентъ. Н. Оглоблина. **1888.** II, (8), 391—416.

5418. Замѣтка о самозванцахъ въ Россіи. С. Соловьевъ. **1868.** (2), 265—281.

5419. Каргала или Саитовскій посадъ. (Изъ дѣлъ Оренбургскаго центральнаго архива). Сообщ. Корнетъ Степановъ. **1897.** II, (8), 602—609.

5420. Древне-Русскія братства. С. И. Кедрова. **1901.** II, (7), 305—336.

5421. Для исторіи и статистики Ельца. Ридингера. **1866.** (3), 346—377.

5422. Составъ черниламъ, како составляти добрая чернила. (Изъ рукописи Синод. библіотеки XVII в.). **1863.** 495.

5423. Старинный наборъ Ероѳеича. А. А. Титова. **1902.** I, (2), 531—532.

5424. Сборъ лѣкарственныхъ травъ въ до-Петровской Руси. М. Лахтина. **1902.** III, (11), 395—400.

БИБЛІОГРАФІЯ.

5425. Копія съ росписи книгамъ, которыя обрѣтаются въ Патріаршей ризницѣ. **1864.** Въ особомъ приложеніи.

5426. Библіографическая замѣтка (о „Матеріалахъ для библіографіи Я. Ф. Березина-Ширяева"). Э. С. (С. А. Соболевскаго). **1870.** (11), 2070—2071.

5427. Отвѣтъ на вопросъ Г. Н. Геннади. (О собраніи Русскихъ журналовъ). П. Библіографа. (П. П. Васильева). **1873.** II, (8), 1584.

5428. Эпизодъ изъ исторіи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Воспоминаніе К. С. Веселовскаго. **1893.** II, (7), 391—398. А. О. Очкинъ.—Гр. Д. Н. Блудовъ.—М. Н. Катковъ.—А. В. Головнинъ.

5429. Юрналы и камеръ-фурьерскіе

Библиотека "Руниверс"

журналы 1695—1774 г. (Описаніе С. А. Соболевскаго). **1867.** (11).

5430. Заявленіе издателей Полярной Звѣзды. А. Бестужева и К. Рылѣева. **1871.** (4—5), 0946.

5431. Замѣтка объ изданіи Полярной Звѣзды и Сѣверныхъ Цвѣтовъ. **1873.** I, (1) XCVIII.

5432. О вліяніи Смоленскаго бульвара въ Москвѣ на Португальскій парламентъ въ Лиссабонѣ. Э С. (С. А. Соболевскаго). **1868.** (2), 330—334. О словарѣ писателей на Португальскомъ языкѣ, издаваемомъ Да Силва въ Лиссабонѣ.

5433. Указатель къ Полному Собранію Законовъ Россійской Имперіи за царствованіе императора Павла Перваго. Составилъ Н. И. Г(ригоровичъ). **1873.** (6).

5434. „Сѣверная Пчела". 1825—1859. Петра Каратыгина. **1862.** II, (4), 241—303. Гречъ и Булгаринъ — Книга Госнера.—Искрицкій.—Извѣты Воейкова.—О. М. Сомовъ.—Плюшаръ.—Побоище у Ольхина.—Сынъ Греча.

5435. Библіографическій курьезъ (о древнихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ). П. А. Безсонова. **1864.** (11—12).

5436. Письмо къ С. А. Соболевскому. П. М. Строева. **1865.** (4), 513—516.

5437. Псевдо-переводы съ Русскаго. По матеріаламъ Императорской Публичной Библіотеки. (Бар. М. А. Корфа). **1866.** (2), 204—216.—Замѣтка П. А. Ефремова. **1866.** (3), 512.

5438. Новыя явленія въ Русской библіографіи. С. А. Соболевскаго. **1869.** (5), 921—935.

5439. Книжныя рѣдкости. И. М. Остроглазова. Съ 2-мя портретами и геліогравюрами. **1891.** II, (8), 441—463. III, (9), 83—104. (10), 275—306. (12), 521—563. **1892.** I, (2), 233—258. (3), 391—416. II, (6), 202—221. III, (11). 305—349. (12), 393—433.

5440. Библіографическія замѣтки. И. М. Остроглазова. **1890.** (4), 571—574. II, (7), 331—344. III, (11), 328—348. Судъ Шемякинъ. „Родословный Словарь" Матвѣя Спиридонова. „Тайна противонелѣпаго общества" Екатерины II-й.—Энциклопедическій Словарь С. А. Селивановскаго.

5441. Указатель историческихъ статей въ изданіяхъ не историческихъ. **1894.** (2—10); **1895.** (1—11).

5442. Содержаніе Русскаго Архива за первыя пять лѣтъ его изданія. **1868.** (1).

5443. Общая роспись содержанію Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ изданія. **1872.** (12).

5444. Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя пятнадцать лѣтъ его изданія. **1877.** (12).

5445. Роспись Русскаго Архива за первыя двадцать лѣтъ изданія. **1884.**

5446. Роспись содержанію „Русскаго Архива" за первыя тридцать лѣтъ. **1894.**

5447. „Русскій Архивъ" въ 1894 году. **1893.** III, (11), 400. **1894.** I, (1).

5448. Указатель къ Записками Храповицкаго (изд. Г. Н. Геннади). **1864.** (10).

5449. Азбучный указатель къ „Библіографическимъ Запискамъ" 1858—1861 гг. **1864.** (11—12).

5450. Указатель къ повременнымъ изданіямъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1815—1865. **1866.** (11—12).

5451. Азбучный указатель къ „Русской Бесѣдѣ", къ „Московскимъ сборникамъ" и газетѣ „Парусъ". **1863.** (10—11).

5452. Указатель замѣчательнѣйшихъ статей по Русской исторіи, этнографіи, исторіи Русской словесности, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", за 1856—1862 г. **1863.** (8—9).

5453. Предметная роспись шести книгъ „Архива Князя Воронцова". **1875.** III, (9), 110—120).

Библиотека "Руниверс"

5454. А. Д. Чертковъ и его Библіотека. **1863.** 1—18.

5455. О каталогѣ Чертковской библіотеки. **1863.** 18—19.

5456. Нѣсколько словъ о Чертковской библіотекѣ. **1864.** (1), 1—12,

5457. О Чертковской библіотекѣ въ 1864 г. **1865.** (1). I—II.

5458. О Чертковской библіотекѣ въ 1865 г. **1866.** (1), 4.

5459. О Чертковской библіотекѣ въ 1866 г. (2), 314—320.

5460. О нѣкоторыхъ пріобрѣтеніяхъ Чертковской библіотеки въ 1868 году. **1869.** (2), 039—044.

5461. О приношеніяхъ, поступившихъ въ Чертковскую библіотеку въ 1869 г. **1870.** (2), 522—526.

5462. Каталогъ Чертковской библіотеки. **1863—1864.** Приложеніе.

5463. Замѣтка В. И. Собольщикову (на его статью о Чертковской и Императорской публичной библіотекахъ). **1864.** 680.

5464. Изъ курьезовъ моей библіотеки. Theatrum oder Schauplatz des Erdbodens worin die Landttafell der gantzen Weldt mit sambt eine derselben kurtze Erklärung zu sehen ist durch Abrahamum Ortelium (Brussel, 1572). Бар. Д. О. Шёппинга. **1885.** II, (6), 333—334.

СТАРООБРЯДСТВО.

5465. Три старообрядческія стихотворенія. **1864.** (11—12), 1182—1186. О принятіи Иргизскимъ игуменомъ Сергіемъ единовѣрія. Объ обращеніи къ единовѣрію игумена Тарасія и всего Керженскаго скита. О Верхне-иргизскомъ монастырѣ, о пріѣздѣ въ него ген. Рунича, пожалованіи Павла 1-го.

5466. О старообрядческомъ богадѣльномъ домѣ въ Судиславлѣ. **1884.** II. (3), 37—54.

5467. Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. И. С. Аксакова. **1866.** (4), 627—644.

5468. Изъ бумагъ митроп. Иннокентія. По раскольническому вопросу. И. П. Барсукова. **1889.** II, (5), 146—153.

5469. Изъ исторіи Рогожскаго и другихъ старообрядческихъ кладбищъ. Д. И. Иловайскаго. **1864.** (3), 233—262.

5470. Изъ исторіи раскола. (Д. И. Иловайскаго). **1864.** (7—8) 720—737. Бумаги кн. А. А. Прозоровскаго, И. П. Архарова и гр. И. П. Салтыкова.

5471. Черты изъ исторіи старообрядчества. А. Можаровскаго. **1905.** III, (12), 592—599,

5472. Отвѣтъ Мартынова ко архимандритамъ и протопопамъ. Сообщ. А. Можаровскимъ. **1905.** III, (12), 599—606.

5473. Черты изъ исторіи безпоповщины. А. Можаровскаго. **1906.** I, (3), 492—496.

5474. Странники. Л. Н. Трефолевъ, съ примѣч. И. С. А(ксакова). **1866.** (4), 602—627.

ГЕНЕАЛОГІЯ.

5475. Русское Генеалогическое Общество. Л. М. Савелова. **1898.** II, (8), 591—594.

5476. Приглашеніе по поводу родословныхъ свѣдѣній, собираемыхъ А. Е. Стремоуховымъ. **1871.** (9), 1535—1536.

5477. Великорусскія фамиліи и происхожденіе ихъ. А. В. Балова. **1906.** II, (8), 605—614.

5478. Очерки Малороссійскихъ фамилій. А. М. Лазаревскаго. **1875.** I, (1), 91—97. (3), 311—325. (4), 439—452. II, (7), 248—264. (8), 402—409. III, (11), 297—308. **1876.** III, (12), 437—455.

Библиотека "Руниверс"

Апостолы.—Базилевскіе.—Безбородки.—Бороховичи.—Галаганы.—Гамалѣи.—Герцики.—Гоголи-Яновскіе.—Горленки.—Грабянки.—Дмитрашки.—Раичи.—Жучелки-Жуковскіе.—Иваненки.—Искры.—Капнисты.—Кочубеи.—Мазепа и Матрёна Кочубей.—Ѳедоръ Кочубей.

5479. О происхожденіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дворянъ. **1886.** III, (10), 270—271.

5480. Судьба князей Багратіонъ-Имеретинскихъ въ Россіи. П. Л. Юдина. **1897.** III, (10), 299—311.

5481. Бенкендорфы, графы и дворяне К. Г. **1895.** I, (4), 497—501.

5482. Къ родословію Бенкендорфовъ. Я. Лудмера. **1897.** II, (5), 176.

5483. О дворянахъ и графахъ Бутурлиныхъ. А. А. Васильчикова. **1887.** II, (9), 495—497. Поправка. **1887.** III, (11), 454.

5484. Къ родословной Воронцовыхъ. Н. П. Чулкова, **1898.** I, (2), 291.

5485. О родѣ Герциковъ. В. Герцика. **1875.** II, (7), 366.

5486. О семействѣ пастора Глюка. А. П. Барсукова. **1888.** II, (5), 64.

5487. Родословная Демидовыхъ. П. А. Демидова. **1873.** II, (11), 2212—2229. Поправка. II, (12).

5488. О родословіи князей Долгорукихъ. Н. А. Фадѣевой. **1866.** (8—9), 1340—1348.

5489. Бароны Зедделеры. Бар. Л. Зеделера. **1884.** II, (3), 218.

5490. О родѣ Змѣевыхъ. Л. Ѳ. Змѣева. **1888.** II, (6), 0228—0231.

5491. Замѣтка о Кайсаровыхъ. В. С. Иконникова. **1902.** I, 366—367.

5492. Происхожденіе дворянъ Медоксовъ. Н. Медокса. **1886.** III, (10), 262—265.

5493. О родѣ дворянъ и графа Милорадовичъ. **1871.** Приложеніе (12). Гр. Г. А. Милорадовича.

5494. О бумагахъ гр. Милорадовича. Гр. Г. А. Милорадовича. **1875.** I, (4), 494.

5495. Родословная Мухановыхъ. **1878.** I, (3), 326—329. Дополненіе, (3), 380.

5496. Родъ Нарышкиныхъ. А. А. Васильчикова. **1871.** (9), 1487—1519 и (11), 1960.

5497. Генеалогическія замѣтки. Д. К(обеко). **1884.** II. (3), 209—217. (Дѣти князя Г. Г. Орлова). Двѣ записки Екатерины II-й.

5498. Родословная Отрепьевыхъ. Архим. Леонида. **1878.** I, (4), 487—489.

5499. Къ родословію гр. Паниныхъ. (Письмо Христофора Панина къ И. В. Панину). **1876.** I, (3), 376.

5500. Генеалогическое недоумѣніе. Н. Невѣдомцева. **1872.** (10), 2044. О родословной Потаповыхъ и Грохольскихъ.

5501. Къ исторіи рода кн. Прозоровскихъ. М. М. **1899.** III, (9), 176.

5502. Къ родословной кн. Прозоровскихъ. Н. П. Чулкова. **1900.** I, (2), 320.

5503. О женитьбѣ кн. В. Н. Репнина на дочери пастора. Княжны В. Н. Репниной. **1877.** II, (7), 368.

5504. О родѣ Репниныхъ, Волконскихъ и капитана Гойера. Княжны В. Н. Репниной. **1887.** III, (9), 143.

5505. О фамиліи Текелли въ Россіи. Н. А. Попова. **1880.** II, 233.

5506. Родъ Ярославскихъ князей Троекуровыхъ. А. А. Титова. **1895.** II, (7), 377—382.

5507. Поправка о Тургеневыхъ. А. Наумова. **1903.** III, (11), 512.

5508. Гербъ фамиліи Хоростовецкихъ-Остоя, нынѣ Коростовцовыхъ. В. Л. Коростовцова. **1873.** I, (6), 1049—1052.

5509. Еналогія си есть начало родословія фамиліи Черевиныхъ. Сообщ. П. А. Черевинымъ. **1896.** I, (4), 641—642.

5510. О родѣ Шепелевыхъ. (Возраженіе на ст. Гельбига), Дмоховскаго. **1867.** (3), 475—480.

5511. Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества. Выпускъ I-й. **1901.** I, (2).

5512. „Родословная книга Черниго-

Библиотека "Руниверс"

скаго дворянства". Н. Ч. **1902.** I, (4), 703.

5513. Дѣятельность Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ. Матеріалы изданные С. И. Шидловскимъ. Л. М. Савелова. **1896.** II, (8), 608—609.

5514. Родъ Поливановыхъ. Л. М. Савелова. **1895.** I, (4), 532—533.

5515. Матеріалы для исторіи рода кн. Прозоровскихъ. Приложеніе къ „Русскому Архиву" 1889 г. къ 7-му в.

5516. Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ. Изданіе кн. Е. Э. Трубецкой. **1892.** I, (1), 144.

5517. Вниманію господъ Юдиныхъ. Г. В. Юдинъ. **1898.** Сорочка (2), Просьба о присылкѣ матеріаловъ, относящихся до рода Костромичей Юдиныхъ.

5518. Къ Московской геральдикѣ. N. **1895.** II, (5), 92—96.

5519. Царскій титулъ и коронованіе. Ю. П. Б(артенева). **1895.** II, (5), 125—126.

5520. Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула. **1895.** II, (7). 396—398.

СМѢСЬ.

5521. Врачъ В. Г. Георгіевскій. Сообщ. А. Ярцевъ. **1890.** III. (11), 380.

5522. Г. В. Грудевъ, И. А. Митропольскаго. **1898.** I, (4). 638—640.

5523. Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Некрологъ. **1884.** I, (1), 246—249.

5524. Некрологъ Болгарина Саввы Влковича Филаретова. **1864.** (1), 118—119.

5525. О притчахъ св. Кирилла. Осипа Коларя. **1864.** (4), 434—446.

5526. Семейныя пѣсни Олонецкой губ. Е. Дмитріевской. **1901.** I, (2), 244—259.

5527. Женщины-слагательницы церковныхъ пѣснопѣній. Г. Воробьева. **1893.** I, (2), 115—117.

5528. Понедѣльникъ, понедѣльничанье. А. В. Балова. **1904.** III, (5), 27—35.

5529. Борисовка. Гр. С. Д. Шереметева. **1892.** III, (10), 199—203.

5530. Поправка къ письмамъ Иннокентія къ А. Г. Тройницкому. Г. А. Тройницкаго. **1897.** I, (1), 180.

5531. Ланская, Н. Лавры и Тернія. Романъ изъ временъ Русско-Турецкой войны. И. П. Х(рущова). **1884.** III, (5), 184—187.

5532. Изъ воспоминаній Е. И. Раевской. **1896.** I, (2), 220—240. Баронъ Менгденъ. Князь Черкаскій передъ дуэлью.—Его крестьяне.

5533. О пасторѣ Лонгѣ. **1863.** (7), 576.

5534. Вукъ Стефановичъ Караджичъ. К. И. Жинзифова. **1864.** (3), 329—334.

5535. Противуисторичное направленіе славистики. А. А. Погодинъ: „Изъ исторіи Славянскихъ передвиженій". Д. И. Иловайскаго. **1902.** I, (4), 563—567.

5536. Романова. Очерки обрядовъ и обычаевъ Грекороссійской церкви. **1869.** (2), 029—031.

5537. Субботинъ. Н. И. О дѣлѣ патріарха Никона. **1863.** 171—172.

5538. Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи. П. П. Пекарскаго. **1863.** I, 75.

5539. Полѣновъ, Д. В. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммисссіи. Ѳ. В. Чижова. **1869.** (12). 2045—2066.

5540. Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, А. Н. Радищева, XVIII-й Вѣкъ II, 296—361.

5541. Смитъ, Сэръ Томасъ. пребываніе въ Россіи. Переводъ И. М. Болдакова. **1894.** I, (3), 457—458.

5542. О Запискахъ гр. Сегюра. М. Ѳ. Шугурова. **1866** (11—12), 1519—1615.

Библиотека "Руниверс"

было—приписано сверху; 16 веденіи—вм. сведеніи; стр. 23 подобныя—приписано сверху; 24 послѣ *какія* зачеркнуто *у;* 26 мѣрить вм. мѣрять; 27 серьезно вм. сурьезно; 30 въ гнѣвѣ—приписано сверху; передъ что—(зачемъ) же; стр. 77 стр. 4 св. послѣ *начнемъ* нѣтъ *же;* 7 *въ* приписано сверху; стр. 10 *главномъ* приписано сверху. Подпись не въ концѣ письма, а послѣ слова „прощай".

Мы не имѣли возможности и времени свѣрять другія письма, но думаемъ, что приведенные нами два случая не могутъ быть печальнымъ исключеніемъ. Вѣроятно, и остальныя письма напечатаны съ ошибками, уничтоженіемъ особенностей Гоголевскаго языка и характерныхъ отличій Гоголевской переписки. Говоримъ это не въ осужденіе почтенному біографу Гоголя: онъ слишкомъ много сдѣлалъ для разработки жизни и творчества великаго писателя, чтобы не простились ему и бо́льшіе даже грѣхи; оригиналовъ писемъ къ Погодину онъ, повидимому, не имѣлъ подъ рукой. Въ такомъ сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ изданіе переписки Гоголя, возможны всегда пробѣлы и недочеты, въ особенности при одиночномъ трудѣ. Указали мы на нихъ съ другою цѣлью: нужно новое, болѣе полное и научное изданіе переписки Гоголя, и взять его на себя должно 2-ое Отдѣленіе Академіи Наукъ, которое только одно и можетъ объединить для этой работы нашихъ спеціалистовъ по Гоголю и дать имъ для этого необходимыя средства. Такое изданіе будетъ лучшимъ проявленіемъ благодарности къ памяти великаго писателя, по поводу столѣтія его рожденія...

В. Каллашъ.

ЗВАДЪ. Оттискъ изъ перваго выпуска „Цвѣтника." Графъ Павелъ Шереметевъ. Москва (1908). Малая 8-ка. 52 стр.

Тутъ описана вторая *) охотничье-археологическая поѣздка въ довольно глухой Новогородскій край, гдѣ приходилось путешественникамъ и „переволачиваться". Слово „Звадъ" звучитъ странно для современности. Это старинное рыболовное село на рѣкѣ Ловати, нѣкогда имѣвшее большое значеніе, поминаемое въ лѣтописяхъ и весьма цѣнимое: изъ за него бывали даже крупныя пререканія. Охотникъ-путешественникъ посвящаетъ нѣсколько страницъ Званкѣ, славной именемъ Державина. Тяжеловатые стихи Державина рѣзко оттѣняются въ небольшой этой книжкѣ простотою и прелестью приводимыхъ народныхъ пѣсень. Не намѣренное, можетъ быть, сопоставленіе искусственной Русской словесности (правда, въ неудачномъ образцѣ) со свѣжестью рѣчи народной, которая звучитъ въ теченіи вѣковъ и до сихъ поръ производитъ чарующее дѣйствіе даже на обучившихся Русскому языку иностранцевъ: это черта вполнѣ историческая. Надъ нею невольно задумаешься. Можетъ быть, автору, чуткому къ красотамъ природы и усердному въ разысканіяхъ глубокой старины, неизвѣстно, что Званка завѣщана супругою Державина для устройства пріюта дѣвицамъ духовнаго званія. Это завѣщаніе было многіе годы замолчено, пока исполнителемъ его сталъ благотворительный митрополитъ Исидоръ. Пожелаемъ успѣха новому художественно-археологическому изданію „Цвѣтникъ". **П. В.**

*) О первой (въ Бѣлоозерскій край) см. нашъ отзывъ на обложкѣ 8-го выпуска „Русскаго Архива" 1902 года.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ АРХИ́ВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались **въ Конторѣ** „Русскаго Архива“.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

6.

Стр.

169. Новонайденный трудъ **Екатерины Великой**. Замѣтки на сочиненіе Блакстона объ Англійской конституціи и предначертаніе о нынѣшнихъ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

178. **Екатерина Великая** о масонахъ (1790).
Екатерина Великая о Нѣмецкихъ школахъ (1791).

179. Изъ Варшавскаго Архива **И. Н. Новосильцова**. Обращикъ Русскаго великодушія (башмачникъ Килинскій). О дѣлахъ Греко-Россійской церкви въ Царствѣ Польскомъ. (Сообщилъ **И. Г. Попруженко**).

195. Фамильныя прозвища Великорусскаго духовенства въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. **В. В. Шереметевскаго**.

219. Изъ Записокъ архіепископа **Саввы**. Статья **А. А. Титова**.

270. Отечественная война: письма **графа Ѳ. В. Ростопчина** къ **графамъ** Воронцовымъ.—Партизанъ Фигнеръ (Сообщено **Н. Ѳ. Окуличемъ**.)

288. **Графъ** П. А. Шуваловъ (†)

289. **Село Ухолово**. Свящ. В. Окаёмова.

01. Изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи: Балансовая вѣдомость о суммахъ Кабинета Его Императорскаго Величества за 1801-й годъ.
Записка **графа** А. Р. Воронцова для сочиненія манифеста о коронованіи императора Александра Павловича.—Отвѣтъ **графа** Завадовскаго на запросъ императора Александра Павловича о причинѣ медленности въ составленіи законовъ.
Внутри сорочки: Донесенія князя Лобковича о Россіи 1772—1776 годовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива *прежнихъ* (до 1905) годовъ можно получать по **50** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ «Предметная Роспись» даетъ возможность находить, въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Библиотека "Руниверс"

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 125. С. П. Б. 1906. Большая 8-ка, LIX, 579 и 41 стр.

Основанное въ Маѣ 1866 года, по мысли князя П. А. Вяземскаго, Общество это непрерывно продолжаетъ, благодаря предсѣдателю своему А. А. Половцову, высокую дѣятельность въ области государственнаго народнаго самопознанія. Нельзя также безъ признательности вспомнить много въ теченіи сорока лѣтъ потрудившагося для Общества покойнаго Георгія Оедоровича Штендмана. Общество издало большое количество драгоцѣнныхъ историческихъ бумагъ, по преимуществу XVIII-го столѣтія и временъ Екатерины Великой. Нѣсколько томовъ его заняты донесеніями о Россіи иностранныхъ пословъ, для чего сообщены ему эти донесенія въ спискахъ почти изо всѣхъ Европейскихъ государствъ. Покойная королева Нидерландская Анна Павловна ознаменовала свою связь съ Россіею, доставивъ большое количество бумагъ о сношеніяхъ нашихъ съ Голландіею. Надѣемся, что и эти бумаги будутъ изданы.

Отечество наше и до сихъ поръ остается для Западной Европы какимъ то Сфинксомъ, и правъ былъ покойный Государь, объявивъ во всеуслышаніе, что у него одинъ союзникъ—православный князь Черногорскій. Западный человѣкъ лишенъ способности вѣрно понимать чуждые ему народы, да кромѣ того одержимъ, по замѣчанію Екатерины Великой, Каинскимъ, безсознательнымъ братоненавидѣніемъ ко всему Славянству (естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ обидъ, которыя народы Славянскіе въ теченіи вѣковъ потерпѣли отъ народовъ Германскаго и Романскаго происхожденія). Поэтому нечего искать вполнѣ правдивыхъ показаній въ томъ, что писали о насъ къ себѣ на родину иностранцы. Въ царствованіе Екатерины Великой правительственная тайна не продавалась, и соглядатайство было для иностранцевъ гораздо труднѣе, нежели въ царствованія предыдущія и послѣдующія: лишь при Павлѣ и при Александрѣ II-мъ опять пошли въ ходъ Англійскія гинеи. Однако, не все же только ложь и пристрастіе, а событія говорятъ сами за себя, и о нихъ можно встрѣтить немало полезныхъ указаній, и при томъ, глядя со стороны, можно видѣть лучше то что дѣлается въ странѣ наблюдаемой, нежели будучи туземцемъ. Точно также и наши показанія могутъ освѣтить исторію Западной Европы, какъ напримѣръ, врядъ ли гдѣ описана такъ вѣрно Венеція, какъ въ Путевыхъ Запискахъ графа П. А. Толстаго (родоначальника графовъ Толстыхъ).

Въ 125 томѣ Сборника помѣщены донесенія князя Лобковича и Зедделера Австрійскому государственному канцлеру князю Кауницу, съ Января 1772 по Декабрь 1776 года: время перваго раздѣла Польши, появленія князя Потемкина у кормила правленія, почти годичнаго пребыванія Екатерины Великой въ Москвѣ, Кучукъ-Кайнаджійскаго мира и пр. Донесенія напечатаны вполнѣ (съ прочтеніемъ тайнописи) въ Нѣмецкомъ подлинникѣ, безъ перевода (который былъ бы очень затруднителенъ), но за то съ подробнымъ изложеніемъ того, что содержится въ донесеніи, и съ помощью приложеннаго азбучнаго указателя, читатель легко можетъ освоиться съ изданными историческими показаніями. Этотъ пріемъ достоинъ подражанія: съ языковъ

Библиотека "Руниверс"

НОВОНАЙДЕННЫЙ ТРУДЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Въ архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества сохранился драгоцѣнный и доселѣ неизвѣстный въ печати трудъ Екатерины Великой подъ заглавіемъ „Выписки изъ шести томовъ Блакстона, толкователя Аглицкихъ законовъ“. Эта большая тетрадь въ листъ, на 385 страницахъ сѣрой, плотной, золотообрѣзной бумаги, отъ начала до конца написана Государынею собственноручно съ немногими помарками, четкимъ и противъ ея обычая довольно мелкимъ почеркомъ, на Французскомъ языкѣ, но изрѣдка порусски. Очевидно, что Государыня переписала свою работу на бѣло, слѣдовательно дорожила ею и вѣроятно имѣла намѣреніе издать ее въ свѣтъ, подобно „Антидоту“ и другимъ произведеніямъ неутомимаго пера своего. (Въ одномъ письмѣ къ Гримму она говоритъ, что ей непонятно, какъ можно провести день, не написавъ чего-либо).

Блакстонъ (1723—1780) профессоръ законовѣдѣнія въ Оксфордѣ, записавшій свои лекціи по желанію Георга II для обученія по нимъ наслѣдника Англійскаго престола (Георга III). Книга его „Комментаріи на законы Англіи“ въ 6 томахъ выдержала много изданій. Въ большомъ словарѣ Ларуса сказано, что Французскій ея переводъ появился только въ 1823 г.; но Екатерина могла пользоваться имъ рукописнымъ, заказавъ для себя переводъ этого сочиненія, которое тогда прославилось (сама же она по англійски не знала).

Вскорѣ послѣ изданія „Учрежденія о губерніяхъ“ (которымъ Екатерина занималась въ Коломенскомъ подъ Москвою, и подлинная рукопись котораго долго хранилась въ алтарѣ Успенскаго собора), 4-го Августа 1776 г. она писала Гримму, что уже два года не разлучается съ Комментаріями Блакстона: je ne fais rien de ce qu' il y a dans son livre; mais c' est mon fil que je dévide à ma façon (я ничего не дѣлаю изъ того, что̀ у него въ книгѣ, но это для меня пряжа, которую я разматываю по своему). Россія въ это время успокоилась послѣ ужасовъ Пугачевщины и продолжительной войны съ Турками, окончившейся славнымъ миромъ, и Государыня вновь занялась внутренними дѣлами. Профессоръ Московскаго университета С. Десницкій въ 1780—1782 го-

Библиотека "Руниверс"

дахъ напечаталъ въ 3 частяхъ „Истолкованіе Англійскихъ законовъ, соч. Блакстона, переводъ съ Англійскаго".

Этотъ трудъ Екатерины Великой конечно войдетъ въ собраніе сочиненій ея, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ. За тѣмъ онъ подлежитъ разслѣдованію нашихъ законовѣдовъ. Здѣсь предлагаются немногія выдержки изъ него, за которыя мы благодарны С. Н. Кологривову. П. Б.

*

Порядокъ изложенія, смыслъ замѣчаній и отмѣтокъ приводятъ къ предположенію, что Императрица, переписывая сочиненіе Блакстона, иногда буквально, иногда сокращенно, изучала Англійскіе законы для будущихъ законодательныхъ мѣръ, которыя могла имѣть въ виду по своей законодательной дѣятельности. Начиная съ общаго государственнаго строя и до мелкихъ подробностей, какъ по администраціи, такъ и по судопроизводству и государственной экономіи, она безпрестанно сравниваетъ Англійскіе законы съ Русскими или дѣлаетъ приспособленіе Англійскихъ законовъ къ Русскому быту.

Замѣчательно, что Англійскія учрежденія Екатерина считала получившими свое начало отъ Славянъ*).

„Начало слова баронъ мнится взято отъ слова бары или бояры. Англія населена и завоевана была Саксонцами, кои отрасли Славянъ, и Нурманами, пришедшими изъ Сѣвера, а они Славянское начало имѣли, или съ иными смѣшаны были, и такъ слово баронъ не безъ вѣроятія начало свое имѣть можетъ, какъ выше сказано, отъ бары или бояры".

Далѣе на листѣ 53-мъ, выписывая о судоустройствѣ въ Англіи:

„Elle est semblable à celle qui avait lieu dans la Mexique et dans le Perou, avant que les Espagnols en fissent la découverte, et à celle que fit Moïse pour la république de Juifs. Великое множество Славянскихъ словъ находится въ названіи городовъ и урочищъ, какъ то напримѣръ: городъ Куско, городъ Гатимала и пр., и быть можетъ, что Англія и сама Америка Славянъ имѣла законодавцами, отчего и сходство въ учрежденіяхъ".

Стр. 59. „Les loix des Saxons sont remplis de l'esprit de liberté". „Таковы вездѣ были Славяне; рабство же—подарокъ и умокъ Татарской". „Les loix écclesiastiques adoptèrent le droit ou les droits canons des Romains". „NB. Кормчая книга вся наполнена Юстиніановскими законами и Римскими правами".

---

*) Такъ точно и въ наши дни А. С. Хомяковъ, въ своей „Семирамидѣ" и въ статьяхъ указывалъ на присутствіе въ Англіи Славянскихъ началъ.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 66. Выписывая о приложеніи въ законахъ Англійскихъ законовъ Родоскихъ и короля Олерона: „NB. Сіе послѣднее есть право Нурманское и пахнетъ таки, такъ какъ и Славянское, Сѣверомъ“.

Стр. 106. О введеніи суда присяжныхъ въ Англіи. „NB NB NB. Il est certain qu' ils étaient connus du temps des premières colonies Saxonnes; l'évêque Nicolson en attribue l'institution à Woden (Одинъ) même, leur grand législateur et chef“. NB NB NB. Воденъ, Водинъ или Одинъ, который по Шведской Исторіи, пришедъ съ рѣки Дона, населилъ Швецію и далъ законы народамъ пришедшимъ съ нимъ и завоеваннымъ имъ. Приходя съ Дона рѣки (Танаиса) въ Швецію, нельзя ему было не переходить Россіи. Сей походъ Одина, кажется, непремѣнно опредѣляетъ время прихода Славянъ въ Россію, и вѣроятно, что сіе переселеніе учинилось во второмъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ“.

Цѣль выписокъ изъ Блакстона несомнѣнна: на каждой страницѣ встрѣчаются NB, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ объ императорской власти, о государственныхъ высшихъ учрежденіяхъ и чинахъ, Екатерина дѣлаетъ довольно подробныя предначертанія сообразно Русскому монархическо-самодержавному строю, охуждая или одобряя; въ иныхъ случаяхъ она припоминаетъ существующіе Русскіе законы и термины Французскіе переводитъ Русскими соотвѣтствующими названіями.

Отмѣтки Екатерины свидѣтельствуютъ обширную ея память и разнообразность свѣдѣній. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Стр. 23. *О пріобрѣтеніи собственности.* Выправиться въ главѣ о дворянствѣ, что̀ сказано о первомъ пріобрѣтшемъ.

Стр. 29. *О третейскомъ судѣ.* Пересмотрѣть главу о совѣстномъ судѣ и по ней распоряженіе выпнять̀ совѣстнаго суда назначить.

59. *О судѣ духовными лицами церковныхъ дѣлъ.* Выправиться, въ Греціи по нынѣ въ духовной дикастеріи присутствуютъ ли свѣтскія особы. Помнится, что присутствуютъ. 74. *О займахъ.* У Славянъ въ обычаѣ было употребленіе изрѣченія во всѣхъ займахъ: да будетъ мнѣ стыдно. *О прошеніяхъ.* Слово челобитье прилично, кажется, перемѣнить, назвавъ жалоба или прошенье. Челобитье, чаю, словечко Татарское: Славяне били, но не били челомъ. *О старинныхъ судебныхъ поединкахъ.* Въ Уложеніи царя Ивана Васильевича прочесть, въ какихъ случаяхъ были установлены и чѣмъ оныхъ замѣнили. *О преступленіяхъ противъ церкви.* Смотри указъ царя Алексѣя Михайловича, который повелѣваетъ по тѣмъ дѣламъ прощать покающимся. *О монополіи.* Въ Успенскомъ соборѣ на Москвѣ на престолѣ лежитъ проклятіе, данное въ царствованіе Алексѣя Михайловича противу откупщиковъ и пере-

Библиотека "Руниверс"

купщиковъ*). 175. *По уголовнымъ законамъ.* При сочиненіи уголовнаго порядка просмотрѣть Лифляндскія и Малороссійскія права и законы о сей матеріи. 177. *Объ обязанностяхъ хлѣбопашцевъ къ своимъ помѣщикамъ.* Въ 1478 г. великій князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ спросить у Новгородцевъ, что̀ ихъ сохи, и они сказали: три обжи соха́, а обжа одинъ человѣкъ на одной лошади орётъ; а кто самъ третій орётъ на трехъ лошадяхъ, то соха. И князь великій захотѣлъ взять съ обжи по полугривны, а Новгородцы просили, чтобъ взялъ три деньги съ трехъ обжъ.

23. Послѣ законовъ о наслѣдствѣ вообще, Екатерина дѣлаетъ отмѣтку: La couronne, qui est le plus haut héritage de l'Empire, peut descendre au demi-sang du dernier souverain, comme s'il était du premier monarque; car elle est descendue de Pierre II à l'Impératrice Anne et de celle-ci à l'Impératrice Elisabeth, qui était respectivement de demi-sang l'un de l'autre.

73. *О захватѣ недвижимой собственности.* „Вышнія мѣста въ Англіи о помѣстьи судятъ, NB а у насъ въ Россіи въ 1714 и 1730 г. помѣстья и вотчины повелѣно почесть за одно, слѣдовательно и глава Уложенія о помѣстьѣ отставлена или въ недѣйствіи".

Другія отмѣтки и замѣчанія еще любопытнѣе, потому что онѣ выражаютъ убѣжденія, мысли и предположенія Императрицы и могутъ служить ключемъ и путеводителемъ къ тѣмъ предначертаніямъ государственныхъ учрежденій, которыя сохранились въ ея бумагахъ: объ учрежденіи Сената, о Расправной Палатѣ, объ уголовныхъ законахъ и пр. Выпишемъ нѣкоторыя.

На что законъ есть, не для чего новый составить. Буде законъ вреденъ, тогда законъ поправить и перемѣнить не запрещается.

La loi était l'organe et la voix de la Majesté Impériale, elle est toujours censée être présente dans tous les tribunaux et y répéter sans cesse au juges: justice pleine et entière, prompte et sans délai et mains nettes. La Majesté Impériale est une personne seule dont la volonté est uniforme et ferme et dont la personne n'a point d'égale dans l'empire de Russie. Elle est supérieure en dignité et en pouvoir à tout autre et jouit d'une existence séparée, toujours capable d'agir dans tous les tems et en tout lieu.

Сенатъ составленъ изъ служителей Императорскаго Величества, а Главная Расправная Палата изъ депутатовъ всѣхъ губерній. Каждый

*) Мы доселѣ не могли доискаться, сохранилось ли это проклятіе, о которомъ Екатерина говорила и Дидероту, и Державину. Въ 1880 году, передъ вторымъ бракомъ императора Александра Николаевича, изъ Успенскаго собора увезены были въ Петербургъ историческія государственныя бумаги. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Сенатскій департаментъ составленъ изъ одного тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и четырехъ тайныхъ совѣтниковъ.

Въ Главной Расправной Палатѣ въ первый департаментъ канцлеръ и 12 засѣдателей, у коихъ требовать во всякомъ сумнительномъ случаѣ по законамъ мнѣнія (л. 22).

Второй департаментъ Главной Расправной Палаты есть верхній Уголовный Судъ, который можетъ принимать жалобы, изыскать и приговоръ учинить по законамъ надъ всѣми тѣми, кои нигдѣ однѣ судимы быть не могутъ. Для засѣданій въ Главной Расправной Палатѣ прислать изъ каждой губерніи по три депутата, одинъ отъ дворянъ, другой отъ города, третій отъ поселянъ; итого 42 губерніи, по три отъ губерніи составитъ 126 человѣкъ и умѣстить попеременно въ каждый департаментъ Главной Расправной Палаты по 10 человѣкъ дворянъ по дворянскимъ дѣламъ, по 10 человѣкъ мѣщанъ по мѣщанскимъ дѣламъ, да по 10 человѣкъ поселянъ, 30 же человѣкъ остаточныхъ составляютъ департаментъ Главной Расправной Палаты, гдѣ составляютъ законы, какъ ниже сказано. Aucune nouvelle loi ne peut être faite sans qu'elle n'aye été écrite, révue ou corrigée et sans la connaissance de Главной Расправной Палаты перваго департамента.

Aucun membre ne pourra siéger, ni donner sa voix dans aucun des départements avant 25 ans.

Sur une plainte, portée contre un membre, il pourra être jugé par la Главная Расправная Палата Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ et être déclaré indigne d'y siéger. Въ Главной Расправной Палатѣ четыре университетскіе члены на жалованьѣ. Главной Расправной Палаты предсѣдатель перваго департамента опредѣляется Императорскимъ Величествомъ.

Законодательство принадлежитъ самодержавству изстари 1) непремѣнно, 2) неотъемлемо. Сущія правила непоколебимы для безопасности на всѣ времена.

Императорское Величество самодержавное, высшее достоинство наслѣдственно было, есть да и будетъ образомъ оному случаю свойственнымъ, ибо право наслѣдствовать перемѣниться или прекратиться не можетъ.

Престолъ не раздѣленъ, а двухъ особъ на ономъ сидѣть не удобно, не можно и не должно.

Имперія не раздѣлена и не раздѣляема должна пребывать подъ самодержавною властію Императорскаго Величества. Всѣ дѣла касательно оскорбленія величества подлежатъ Главной Расправной Палаты 2-му департаменту; въ верхнемъ Уголовный Судъ. Тайные, дѣйствительные и тайные совѣтники три первые класса, по существу своему, слу-

Библиотека "Руниверс"

жатъ совѣтами своими и самымъ дѣломъ Императорскому Величеству къ пользѣ и къ оборонѣ Россіи, и для того да пользуются особы ихъ всякою безопасностію въ отправленіи ихъ должности, наипаче же непремѣнно засѣдающіе въ Сенатѣ нашемъ по нашему соизволенію. Всякой изъ нихъ имѣетъ право просить быть допущенъ къ Императорскому Величеству и представить письменно и словесно съ покорностію и почтеніемъ о томъ, что̀ для службы, пользы и нужды Имперіи прилично быть можетъ. Генералъ-маіоръ и бригадиръ, статскіе дѣйствительные совѣтники и статскіе совѣтники, т. е. 4 и 5 классы наполняютъ и засѣдательныя мѣста въ вышнихъ и предсѣдательныя среднихъ и учрежденныхъ правительствомъ судныхъ, казенныхъ и воинскихъ мѣстахъ. Изъ первыхъ трехъ классовъ Сенатъ нашъ и учрежденной при дворѣ нашемъ Совѣтъ; такожде предсѣдаютъ они въ трехъ, четырехъ государственныхъ коллегіяхъ, иностранной и двухъ военныхъ, сухопутной и Морской и Главной Расправной Палатѣ по волѣ и выбору нашему. Должность Совѣта нашей особы есть: 1) Дать намъ совѣты лучшіе по способности и мысли каждаго. 2) Въ томъ быть руководимы пользою общею чести Императорскаго Величества и Имперіи, безпристрастіе, сумнѣніе или опасеніе. 3) Хранить тайны Императорскаго Величества и о дѣлѣ никакомъ не говорить ни съ кѣмъ до кого не подлежитъ, наипаче же воздержаться отъ сообщенія съ иностранными державами и иноплеменниками. 4) Воздерживаться отъ всѣхъ законопротивныхъ поступковъ. 5) Способствовать и подкрѣпить всѣми мѣрами исполненіе взятыхъ опредѣленныхъ мѣръ. 6) Противиться тому противному. 7) И однимъ словомъ, выполнять все то, что̀ отъ добраго, усерднаго и вѣрнаго совѣтодателя долженствуетъ ожидать Императорское Величество. Сенатъ: Тайная экспедиція имѣетъ свѣдѣніе о всѣхъ преступленіяхъ противу правленія и велитъ преступниковъ имать подъ стражу и соберетъ всѣ обстоятельства, но дѣло да верховный Уголовный судъ рѣшитъ.

Мы себѣ честь и славу нашего царствованія ставили въ томъ, чтобъ законамъ давать теченіе и силу и за равный долгъ почли правосудіе, милосердіе и исполненіе законовъ и сохраненіе Греко-россійской вѣры въ цѣлости, покровительствуя всѣхъ подданныхъ Россійскаго скипетра.

Преимущества Императорскаго Величества суть законодательны, принадлежатъ самодержавному законодателю и окромѣ Императорскаго Величества никому, и вслѣдствіе того Императорское Величество посылаетъ пословъ, жалуетъ чины и достоинства, чинитъ миръ и войны и не подверженъ отчету въ дѣлахъ и употребленіи доходовъ окромѣ Единому Богу. Особа Императорскаго Величества есть освященная, понеже и муромъ помазаная.

Библиотека "Руниверс"

Установленіе Сената признаетъ за нужное и надобно для пользы Имперіи и охраненія законовъ вообще въ полной и принадлежащей имъ силѣ и дабы подданные могли подъ сѣнью узаконеній пользоваться выгодами законовъ, ими доставленными.

Сенатъ охраняетъ право и правосудіе и тѣмъ отвращаетъ отъ подданныхъ вредъ и неправду.

Мудрость запрещаетъ и не допуститъ самодержавному законодавцу причинить несправедливости или отказать кому правый судъ и въ собственномъ дѣлѣ или договорѣ.

Отъ самодержавной власти истекаютъ: чести, должности, достоинства, выгоды, украшенія и награжденія по заслугамъ и качествамъ.

Императорское Величество предсѣдаетъ въ Синодѣ и можетъ созвать соборъ, когда за нужное разсудится.

Верховныя, верхнія, среднія и подчиненныя мѣста. Сенатъ управительный или Правительствующій:

Иностранная
Военная сухопутная
Военная Морская
Главная Расправочная Палата.
} Государственныя Палаты или Коллегіи

Губернскія Правленія:

Палаты Уголовныя
Палаты Гражданскія
Палаты Казенныя.
} Губернскія верхнія.

Верхніе земскіе суды
Губернскіе магистраты
Верхнія расправы.
} Губернскія среднія.

Уѣздные или Окружные Суды:

о пени
Городовые Магистраты
Сиротскіе суды
Нижнія расправы
Нижній Земскій Судъ.
} Подчиненныя мѣста.

Sheriff—капитанъ-исправникъ; ему въ помощь даны двое и трое засѣдателей нижняго Земскаго Суда.

Всякій уѣздъ раздѣленъ на станы, въ каждомъ станѣ становой приставъ. Станы раздѣлены на пятисотни, у пятисотни пятисотскій. Согопег—становой приставъ. Главный расправникъ есть хранитель и оберегатель тишины и спокойствія въ Имперіи.

Всѣ судіи и судебныя мѣста предохраняютъ тишину и спокойствіе въ подчиненныхъ имъ мѣстахъ.

Библиотека "Руниверс"

Городничій, капитанъ-исправникъ, становые пристава, частные пристава власть имѣютъ имать подъ стражу нарушителя тишины и покоя и держать дондеже представятъ поруки о добромъ поведеніи и что предстанутъ предъ судомъ, когда судъ потребуетъ. Всѣ судіи вообще обязаны имѣть бдѣніе о сохраненіи тишины и спокойствія въ подчиненныхъ имъ мѣстахъ.

Росписать епархіи по губерніямъ.

У каждой пятисотни опредѣлить священника на жалованьѣ, что̀ учинитъ примѣрно на каждую губернію 22000 р. на содержаніе ученыхъ поповъ.

Сельскіе старшины обще съ священникомъ о добромъ состояніи церковнаго строенія и починкой оной имѣютъ попеченіе.

Помѣщикъ совершеннолѣтній Греко-россійскаго закона представить можетъ въ священники кого изъ причетниковъ, и консисторія епископа да не отвержетъ представленіе вотчинника, развѣ доказано будетъ, что болѣе 30 дней находится въ жизни распутной либо представленнаго найдетъ неспособнымъ по правиламъ святыхъ отецъ къ отправленію священнической должности, какъ-то слѣпого, несмышленнаго, ненужнаго.—Въ случаѣ неправильнаго епископа просить Синодъ.

Un ecclésiastique, comme ecclésiastique не подверженъ тѣлесному наказанію, но за преступленіе да будетъ разстриженъ.

Въ епископы да избереть Синодъ и да представитъ намъ двухъ достойныхъ лицъ, и который отъ Императорскаго Величества назначится, тотъ нареченъ и освященъ да будетъ двумя или тремя епископами. Приходской священникъ да не будетъ монахъ.

Chaque chevalier de l'ordre de St. André a le privilège de délivrer un prisonnier, но не по уголовнымъ личнымъ или государственнымъ преступленіямъ. Toutes les terres de l'Empire appartiennent médiatement ou immédiatement à la Majesté Impériale, для того, что государь владѣетъ всею Имперіею отъ восточныхъ до западныхъ и отъ полуденныхъ до полунощныхъ границъ оной.

О законахъ относящихся до вѣры Православной. Касательно Православныя вѣры обряды и установленія да пребудутъ какъ и нынѣ ненарушимы во вѣки по преданіямъ Апостольскимъ, опредѣленіямъ Вселенскихъ соборовъ, правиламъ св. отецъ и указаніямъ православныхъ царей и императоровъ, наипаче же блаженныя и вѣчно достойныя памяти предмѣстниковъ нашихъ Всероссійскимъ вѣнцомъ увѣнчанныхъ монарховъ отъ рукъ православныхъ.

Прочія же разновѣрія исповѣдующіе подданные Россійскаго скипетра да наслаждаются тишиною и спокойствіемъ подъ сѣнію Православія и на всякомъ языцѣ да славятъ Бога, даровавшаго Россіи святое просвѣщеніе.

Библиотека "Руниверс"

Свободовѣріе неугнетающее: всякій присягаетъ по обряду своего закона.

Мы выписали только главнѣйшія замѣтки Императрицы, но уже изъ нихъ можно съ достовѣрностью сказать, что они были дѣлаемы съ предвзятымъ намѣреніемъ составить полное Уложеніе всего государственнаго строя, слѣдуя постепенному порядку изложенія Англійскихъ законовъ. Но Екатерина не принимала основанія этихъ законовъ, а всякое постановленіе, правило или обычай разбирала критически и относилась къ нимъ съ осторожностію, руководясь въ своихъ предначертаніяхъ точными свѣдѣніями исторической жизни и состоянія Россіи и ея народа, съ полнымъ сознаніемъ справедливости своихъ убѣжденій. Набрасывая свои мысли объ учрежденіи департаментовъ Главной Расправной Палаты по примѣру Chambre des Pairs et Chambre des Communes, она осталась на почвѣ Русской, не увлеклась, не отдѣлила ихъ отъ самодержавной власти, при которой единственно и могутъ существовать слава и честь Россіи, а дала имъ ту дѣятельность, послѣднее слово которой „воля самодержавная, воля священная, отдающая отчетъ Единому Богу“. Особенное вниманіе къ мелочамъ, въ этомъ замѣчательномъ трудѣ, доказываетъ, какъ она хорошо знала свою Россію. И въ этомъ отношеніи ея убѣжденія были такъ сильны, что, не смотря на свою либеральность, она написала (л. 103): „Я по сю пору держусь мнѣнію такому, что толкованіе законовъ и всякій надъ закономъ комментарій не дозволять никому окромѣ законодательной власти“.

Въ заключеніе выпишемъ замѣчаніе Императрицы, обнаруживающее ея взглядъ сравнительный на Россію и Англію (л. 102).

Блакстонъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ объ Англіи: Un pays aussi considérable et aussi peuplé que l'Angleterre. Екатерина написала: № 3. „Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Если Англія pays considérable et bien peuplé, что же будетъ пространная Россія, въ которой въ 20 лѣтъ къ девяти милліонамъ людей прибыло до тринадцати милліоновъ, итого четыре милліона?“

Наконецъ, читая выписку объ огромномъ числѣ и объемѣ Римскихъ законовъ, Императрица замѣтила: въ 1766 г., когда начали собирать законы Россійскіе для чтенія новыхъ въ Коммиссіи Уложенія, тогда нашли оныхъ написанныхъ на 82000 страницахъ.

Выписки свои Императрица кончаетъ словами: *Тебя Бога хвалимъ!*

С. Кологривовъ.

Библиотека "Руниверс"

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ О МАСОНАХЪ.

1790 [1]).

Пришло мнѣ на умъ, чтобы при случаѣ, кстати и у мѣста, въ какомъ ни есть публичномъ манифестѣ, напримѣръ публичнаго объявленія мира или чего подобнаго, желавъ народу въ благополучномъ состояніи воспользоваться дарованною отъ Бога новою благодатью, чтобъ молвлено было отъ меня, что за долгъ почитаю вѣрно-любезный народъ остерегать отъ прельщенія, выдуманнаго внѣ нашихъ предѣловъ, подъ названіемъ разнаго рода масонскихъ ложъ и съ ними соединенныхъ мартинистскихъ иллюминатовъ и другихъ мистическихъ ересей, точно клонящихся къ разрушенію христіанскаго православія и всякаго благостройнаго правленія, а на мѣсто онаго вводящихъ неустройство подъ видомъ несбыточнаго и въ естествѣ не существующаго мнимаго равенства, и съ онымъ вмѣстѣ всѣ придумать возможныя по всѣмъ божескимъ и свѣтскимъ законамъ всего извѣстнаго свѣта преступленія, обновляя поганые обряды куреніемъ привлекать, видѣніе духовъ, исканіе злата либо всеобщаго лекарства, и сказать, что между ними находятся обманщики и обольщенные.

(Изъ письма къ графу Безбородкѣ, въ „Сборникѣ Имп. Русск. Историч. Общества.“ XLII, 133, 134).

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ О НѢМЕЦКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Письмо къ А. А. Безбородкѣ.

(Апрѣль 1791 г.).

Князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ (сынъ генерала-адмирала, женатый на баронессѣ Строгоновой) думалъ послать въ чужіе края для обученія двухъ сыновей своихъ, князей Сергѣя (столь извѣстнаго Москвѣ) и Александра. Четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ Екатерина прожила нѣсколько мѣсяцевъ въ Московскомъ домѣ этого князя у Пречистенскихъ воротъ. Для сообщенія ему она написала слѣдующее графу Безбородкѣ.

По совѣсти не могу инако ему совѣтовать, какъ то, чтобъ дѣтей своихъ не посылалъ въ Нѣмецкія училища [2]), понеже тутъ во многихъ теперь ученые тѣ раздѣлились на два класса, равно вредные обществу: ибо одни безбожники явные; другіе, лицемѣрствуя, стараются отклонить умы отъ участвованія въ дѣлахъ сего свѣта (на которомъ однако по волѣ Божіей живемъ), а упражняютъ ихъ сновидѣніями и иными нелѣпостями мартинизма.

---

[1]) За два года до ссылки Новикова. П. Б.

[2]) Эти два слова въ подлинникѣ написаны по зачеркнутымъ словамъ: въ Лейпцигъ (гдѣ учился Бобринскій). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

I.

Образчикъ Русскаго великодушія.

Дѣло № 164 (по описи № 421) Съ 28-го Сентября 1816 г. На 3 листахъ.

Записка по всеподданнѣйшему прошенію бывшихъ Польскихъ войскъ полковника Килинскаго о пожалованіи ему пенсіона.

Бывшихъ Польскихъ войскъ полковникъ Килинскій, представившій доказательства, что, во время конфедераціи генерала Костюшко, выставилъ онъ собственнымъ иждивеніемъ полкъ и командовалъ онымъ съ отличною храбростію, подъ начальствомъ генераловъ: Заіончка, Вавженецкаго и Костюшки, съ коимъ онъ взятъ былъ въ плѣнъ и находился въ Россіи, всеподданнѣйше проситъ изъ уваженія къ пожертвованіямъ его для своего отечества и недостаточнаго состоянія, пожаловать ему емеритальный пенсіонъ.

На этой запискѣ имѣется такая помѣтка: Докладывано 28-го Сент. высочайше повелѣно 10-го Окт. 1816 г.: переговорить съ намѣстникомъ.

Рапортъ Н. Н. Новосильцова Государю Императору отъ $^{14}/_{26}$ Генваря 1817 года за № 4.

(Черновикъ).

Бывшій въ городѣ Варшавѣ башмашникъ, а потомъ въ Польскихъ войскахъ полковникъ, Килинскій утруждалъ Ваше Императорское Величество во время послѣдняго высочайшаго пребыванія въ Варшавѣ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о назначеніи ему пожизненнаго пенсіона, представивъ при томъ данныя ему самыя лестныя свидѣтельства отъ генераловъ Заенчика, Домбровскаго и Ваврженкаго. Прошеніе

Библиотека "Руниверс"

препроводилъ я на разсмотрѣніе въ Администраціонный Совѣтъ, который единогласно опредѣлилъ всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о назначеніи ему Килинскому трехъ тысячъ Польскихъ злотыхъ[1]) пансіонъ по смерть, и г. намѣстникъ въ сегодняшномъ еженедѣльномъ своемъ рапортѣ представляетъ о семъ Вашему Императорскому Величеству. Администраціонный Совѣтъ таковое свое опредѣленіе основалъ на томъ, что помянутый Килинскій въ самыя страшныя здѣсь времена, пользуясь совершенною довѣрчивостью простаго народа, умѣлъ удержать оный въ предѣлахъ умѣренности, и изъ усердія къ своему отечеству сформировалъ полкъ на своемъ иждивеніи. По поводу сего, я съ моей стороны не только не противлюсь таковому постановленію Совѣта, но и содѣйствовалъ оному, тѣмъ болѣе, что означенный Килинскій во время революціи дѣйствительно спасъ многихъ Россійскихъ. . . . . .[2]) отъ буйства освирѣпѣвшей черни; то и нынѣ, пользуясь довѣренностію простаго народа, съ успѣхомъ оную употребитъ для прославленія имени Вашего Императорскаго Величества и Е. И. В. Цесаревича, и что таковая высокомонаршая къ нему милость произведетъ въ сердцахъ сего класса людей самое полезное впечатлѣніе. Почему и счелъ я долгомъ моимъ донести о семъ Вашему Императорскому Величеству.

Примѣчаніе.

Янъ Килинскій (1760—1819 г.), башмачникъ по ремеслу, былъ главнымъ устроителемъ заговора въ Варшавѣ въ 1794 году (5/17 и 6/18 Апрѣля) противъ Русскихъ войскъ. Революціонное правительство произвело его въ полковники, за освобожденіе столицы. Вступивъ затѣмъ подъ знамена Костюшки, онъ одновременно съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ два года въ заключеніи. По возвращеніи въ Варшаву снова принялся за сапожное ремесло. Килинскій оставилъ послѣ себя Записки, которыя въ 1830 г. вышли въ Варшавѣ изъ одной тайной типографіи, подъ такимъ заглавіемъ: „Pomietniki Iana Kilinkiego, szewca, a razem pulkownika 20 regimentu. W oswobodzoney Warszawie 1830 г.“. На заглавномъ листѣ красовался эпиграфъ: „Czytajcie dzieje wlasne, uczcie sie, milować ojczyzne“. (Изучайте собственныя дѣянія, учитесь любить отчизну[3]).

[1])—450 рублямъ.

[2]) Одно слово неразобрано; повидимому; „военныхъ“.

[3]) По словамъ Alexandr'a Kraushar'a (Towarzystwo Warszawskie Przyjaciol Nauk (1800—1832 г.), ksiega III. Krakow Warszava, 1905 г.) эта книжка, едва вышла изъ типографіи, какъ моментально была расхвачена Польскою публикою, преимущественно молодежью. Русскій переводъ „Записокъ Килинскаго“, сдѣланный г. Воробьевымъ, хотя и неполный, помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ за 1895 годъ (Февраль и Мартъ).

Библиотека "Руниверс"

Костомаровъ („Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой"), говоря о томъ, что Килинскій былъ главнымъ виновникомъ возстанія 1794 года, передаетъ потрясающія сцены избіенія Русскихъ солдатъ и офицеровъ, захваченныхъ во время сна. Тѣхъ изъ нихъ, кто успѣлъ выскочить изъ квартиръ, убивали на улицахъ выстрѣлами изъ домовъ. Килинскій, предводительствуя ремесленниками и мѣщанами, кричалъ: „Товарищи, слѣдуйте моему примѣру, бейте Русскихъ!."

„Сердце разрывалось, говоритъ Прусскій посланникъ Бухгольцъ, смотря на то, какъ бѣдныхъ Русскихъ солдатъ убивали словно скотъ на бойнѣ. Но большая часть ихъ перебита, защищаясь"...

Изъ 7948 человѣкъ Русскаго гарнизона было убито 2265 *), ранено 121, взято въ плѣнъ 1764, изъ коихъ офицеровъ 161.

Въ день Пасхи Русскихъ плѣнныхъ водили по улицамъ и страшно издѣвались надъ ними. Ихъ почему-то оставили въ живыхъ,—и вотъ это-то обстоятельство черезъ двадцать лѣтъ, очевидно, и было поставлено въ заслугу Килинскому.

Бергъ, въ своихъ „Запискахъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862 гг.", основываясь на Польскихъ источникахъ (Pamietniki z osmnastego wieku. Poznań, 1860 г.), говоритъ, что Килинскій при жизни получалъ пенсіонъ, по чину полковника, перешедшій и на вдову его, которая получала этотъ пенсіонъ до конца 1831 года.

II.

Таинственное письмо съ Санъ-Доминго.

Секретное дѣло № 22 (по описи № 134) о письмѣ, писанномъ находящимся на островѣ Санъ-Доминго отставнымъ Польскихъ войскъ капитаномъ Игнатіемъ Якубовскимъ къ Польскихъ войскъ 4-го Егерскаго полка подполковнику Ласкому. Августа 15-го дня 1824 года, На одномъ листѣ.

Письмо Д. Д. Куруты къ Н. Н. Новосильцеву.

Секретно.

Милостивый государь Николай Николаевичъ!

Находящійся на островѣ Санъ-Доминго отставной изъ Польскихъ войскъ капитанъ Игнатій Якубовскій писалъ оттоль письмо Польскихъ же войскъ 4-го Егерскаго полка къ подполковнику Лоскому, который,

*) Въ ихъ числѣ князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Гагаринъ. Его супруга Прасковья Юрьевна (рожд. княжна Трубецкая, во второмъ бракѣ Кологривова) спасалась въ подвалѣ съ двумя сыновьями и четырьми дочерьми, изъ коихъ княжна Вѣра Ѳеодоровна была позднѣе за княземъ П. А. Вяземскимъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

получивъ оное представилъ по командѣ ко мнѣ. Я представлялъ переводъ съ его письма его императорскому высочеству Цесаревичу и получилъ нынѣ обратно оной при запискѣ, заключающей мнѣніе его императорскаго высочества нацотъ содержанія того письма.

Таковую записку обще съ переводомъ письма капитана Якубовскаго и другимъ приложеніемъ, я нужнымъ почелъ представить при семъ къ вашему высокопревосходительству для вашего въ потребномъ случаѣ соображенія, всепокорнѣйше прося о возвращеніи вышеозначенныхъ бумагъ по прочтеніи. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и пр.

№ 54.

13-го Августа 1825 г.

Варшава.

На письмѣ имѣется такая помѣтка 15-го Августа 1825 г.: Его высоко-прство изволилъ принять къ свѣдѣнію и по прочтеніи бумагъ велѣлъ оныя, запечатавъ, возвратить, что̀ и исполнено.

III.

Положеніе о дѣлахъ Греко-Россійской церкви въ Царствѣ Польскомъ.

Секретное дѣло № 48 (по описи № 238) о составленномъ въ Варшавѣ, подъ руководствомъ д. т. с. сенатора Новосильцова, проектѣ, удостоившемся высочайшаго утвержденія, о положеніи Греко-Россійскія церкви дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Начато 29-го Февраля 1829 г., кончено 27-го Августа 1830 г. на 70 листахъ.

Всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода, № 1, Генваря 25-го дня 1829 года (печатанный экземпляръ, представленный великому князю, Цесаревичу Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, кн. П. С. Мещерскимъ, отъ 14-го Марта 1829 г. за № 861 *).

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано тако: Быть по сему. Николай.

С.-Петербургъ, 25-го Генваря 1829 года.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу Всероссійскому. Всеподданнѣйшій докладъ

Синода.

Имяннымъ вашего императорскаго величества высочайшимъ указомъ, даннымъ Синоду въ 3-й день Ноября прошедшаго 1827 года, о

*) На представленіи кн. Мещерскаго великому князю стоитъ штемпель: Получено 2-го Апрѣля 1829 года.

Библиотека "Руниверс"

подчиненіи духовенства Греко-Россійскаго исповѣданія въ Царствѣ Польскомъ главному управленію Синода и о прочемъ повелѣно:

Святѣйшему Синоду избрать и снабдить надлежащимъ наставленіемъ духовную особу, которая, по прибытіи въ Варшаву, совокупно съ тамошнимъ правительствомъ, при посредствѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова, имѣетъ опредѣлить, какія дѣла должны подлежать епископскому суду и какія, по законамъ Царства Польскаго, должны относиться къ тамошнему министерству духовныхъ дѣлъ, купно съ тѣмъ постановить правила и образъ взаимнаго сношенія, и таковое предположеніе о распредѣленіи дѣлъ и порядкѣ сношенія по онымъ представить вашему императорскому величеству на утвержденіе чрезъ Святѣйшій Синодъ.

Во исполненіе сего высочайшаго вашего величества повелѣнія, Синодъ немедленно избравъ Московской онаго конторы члена, большаго Успенскаго собора протопресвитера Якова Дмитріева, отправилъ его въ Варшаву, съ обстоятельнымъ наставленіемъ для исполненія возложеннаго на него порученія.

Означенный протопресвитеръ, отправясь изъ Москвы 1827 года Декабря 14-го, прибылъ въ Варшаву 26-го, и при посредствѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова, Генваря 3-го дня 1828 г., имѣлъ первую конференцію съ тамошнимъ министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; потомъ, слѣдуя полученному наставленію, протопресвитеръ обозрѣлъ монастыри и церкви Греко-Россійскаго исповѣданія находящіяся въ Царствѣ Польскомъ, и собранныя объ нихъ свѣдѣнія представилъ Синоду Марта 23-го дня.

За тѣмъ, при дальнѣйшемъ по открывавшимся обстоятельствамъ руководствѣ Синода, продолжая сношенія свои съ правительствомъ Царства Польскаго, наконецъ 31-го Декабря прошедшаго 1828 года протопресвитеръ доставилъ Синоду обоюднымъ соглашеніемъ принятое положеніе о дѣлахъ Греко-Россійскія церкви въ Царствѣ Польскомъ, какія изъ оныхъ подлежатъ епископскому суду и какія относятся къ вѣдомству министерства духовныхъ дѣлъ, и о правилахъ и образѣ взаимнаго по онымъ сношенія.

Всемилостивѣйшій Государь! Синодъ выше означенное положеніе о вѣдомствѣ духовныхъ дѣлъ и о порядкѣ сношеній по онымъ въ Царствѣ Польскомъ, всеподданнѣйше представляя вашему императорскому величеству на благоразсмотрѣніе, испрашиваетъ высочайшаго вашего

Библиотека "Руниверс"

величества указа [1]). Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшіе.

Подлинный за подписаніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

№ 1
Генваря 25-го дня
1829 года.

Положеніе о дѣлахъ Греко-Россійскія церкви въ Царствѣ Польскомъ, какія изъ оныхъ подлежатъ епископскому суду, и какія относятся къ вѣдомству министерства духовныхъ дѣлъ, и купно съ тѣмъ поставляется правила и образъ взаимнаго по онымъ отношенія [2]).

Отдѣленіе I.

Епископскому суду подлежатъ слѣдующія дѣла:

1) Всѣ предметы вѣроисповѣданія, богослуженія, таинствъ и обрядовъ церковныхъ, и вообще всѣ тѣ дѣла, коихъ разрѣшеніе, по Божественному и церковному установленію, принадлежитъ священству и высшей власти іерархической (а).

2) Построеніе и освященіе церквей и всякое оныхъ возобновленіе. Избраніе же мѣста для сихъ построекъ, смотря по жительству прихо-

---

[1]) Въ препровожденномъ, вмѣстѣ съ экземпляромъ означеннаго всеподданнѣйшаго доклада, указѣ изъ Святѣйшаго Синода, послѣдовавшемъ въ Мартѣ (даты нѣтъ) 1829 года, изложено слѣдующее: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали, во первыхъ: Высочайше конфирмованный Его Императорскимъ Величествомъ минувшаго Генваря 25 дня докладъ Синода, о подчиненіи Греко-Россійскаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ главному управленію Синода и о прочемъ; во вторыхъ имянное Его Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе, объявленное Синоду сего Февраля 19 дня тайнымъ совѣтникомъ Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и кавалеромъ, что Государь Императоръ повелѣть изволилъ высочайше утвержденное въ 25 день Генваря сего года положеніе о дѣлахъ Греко-Россійской церкви въ Царствѣ Польскомъ обоюдными соглашеніями со стороны Святѣйшаго Синода и правительства Польскаго принятое, напечатать на Польскомъ и Русскомъ языкахъ (какъ оно составлено) и установленнымъ порядкомъ обнародовать, такъ какъ для дѣлъ въ ономъ упоминаемыхъ оное должно быть закономъ, приказали: съ означенныхъ, высочайше комфирмованнаго Его Императорскимъ Величествомъ доклада Синода и высочайше утвержденнаго положенія о дѣлахъ Греко-Россійской Церкви въ Царствѣ Польскомъ напечатавъ потребное количество экземпляровъ, разослать для свѣдѣнія и должнаго до кого касаться будетъ исполненія, при указахъ: въ Московскую и Грузино-Имеретинскую Святѣйшаго Синода конторы и проч.

[2]) Рукопись, съ параллельнымъ изложеніемъ, на Русскомъ и Польскомъ языкахъ. Примѣчанія къ ней (только къ Русскому тексту) принадлежатъ составителямъ Положенія.

а) Духовный регламентъ, часть II о общихъ дѣлахъ, пункты: ā до ī.

Библиотека "Руниверс"

жанъ, также хозяйственныя распоряженія по производству церковныхъ зданій, съ пособіемъ или и совершенно отъ казны, а равно наблюденіе за производствомъ строеній, по утвержденному плану, предоставляется министерству духовныхъ дѣлъ (b).

3) Учрежденіе новыхъ приходскихъ церквей гдѣ ихъ не было, и открытіе новыхъ приходовъ, какъ по представленіямъ министерства духовныхъ дѣлъ, основаннымъ на надобности и удобности въ томъ и съ показаніемъ предполагаемыхъ къ тому способовъ, такъ и по просьбамъ о томъ самихъ Греко-Россійскихъ прихожанъ. Сіи же просьбы, буде поступятъ въ министерство, сообщаются для разсмотрѣнія епархіальному начальству (c).

4) Опредѣленіе и производство священно и церковно-служителей, изъ коихъ ежели кого недостаетъ при которой церкви, то епископъ, по просьбѣ ли самихъ прихожанъ, или по донесенію министерства, имѣетъ избрать и опредѣлить на вакантное мѣсто достойнаго изъ духовенства; есть ли же надобность будетъ въ священникѣ, то таковаго избрать изъ окончившихъ курсъ богословскаго ученія, а при томъ знающаго Греческій языкъ, такъ какъ во всѣхъ почти приходахъ прихожане суть Греки, и особливо чтобы поведенія былъ отличнаго (d).

5) Неисправности или злоупотребленія священно и церковно-служителей по должности, нравственное ихъ поведеніе (e) и неудовольствія на нихъ прихожанъ въ сихъ отношеніяхъ; равно жалобы и неудовольствія священно и церковно-служителей на прихожанъ по связямъ ихъ духовнымъ, какъ-то: есть ли они прихожане уклоняются отъ молитвъ церковныхъ и святыхъ таинствъ, заражаются какимъ-либо расколомъ или суевѣріемъ, или же не повинуются церковнымъ правиламъ или постановленіямъ епархіальнаго начальства (f); такъ же дѣла священно и церковно-служителей между ими самими, касательно личныхъ ихъ духовныхъ должностей и обращенія между собою. Что же касается до жалобъ священно и церковно-служителей на прихожанъ своихъ, или на лица другого вѣроисповѣданія, по соотношеніямъ ихъ между собою гражданскимъ, какъ то споры по имуществу, долгамъ и обидамъ всякаго рода; равно неудовольствія и жалобы прихожанъ или лицъ другого

---

b) Указъ 19-го Октября 1828 г. и Образованіе министерства духовныхъ дѣлъ 1817 года.

c) Законы подъ предыдущимъ 2-мъ пунктомъ.

d) Духовный Регламентъ, часть II, о дѣлахъ епископскихъ и мірскихъ особахъ.

e) Первый пунктъ Финляндскаго манифеста.

f) Духовный Регламентъ, часть II, о дѣлахъ епископскихъ. При томъ докладныхъ пунктовъ пунктъ г и проч.

Библиотека "Руниверс"

исповѣданія на священно и церковно-служителей, по гражданскимъ же ихъ отношеніямъ, то всѣ таковыя дѣла предоставляется разсматривать, по принадлежности, мѣстнымъ судебнымъ или администраціоннымъ властямъ, а назначеніе изслѣдованія производить при депутатѣ съ духовной стороны (g). По произведеніи, такимъ образомъ, дѣла, рѣшеніе по оному, оправдывающее священно и церковно-служителей или подвергающее ихъ малозначущимъ денежнымъ взысканіямъ, соотвѣтствующимъ состоянію ихъ, приводится установленнымъ порядкомъ въ исполненіе. Но есть ли бы таковымъ рѣшеніемъ опредѣляемое денежное взысканіе превосходило состояніе священно и церковно-служителя, или подвергался онъ личному какому либо наказанію, то въ такихъ случаяхъ сіе рѣшеніе, прежде исполненія, сообщаемо будетъ, посредствомъ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, епархіальной власти, а сія, буде найдетъ оное противнымъ церковнымъ правиламъ или высочайшимъ узаконеніямъ, служащимъ Греко-Россійскому духовенству, обязана опредѣлить сообразныя съ тѣми же правилами и узаконеніями другіе роды или способы взысканія и наказанія: такіе, однакожъ, кои бы по возможности соотвѣтствовали заключающимся въ приговорѣ, и тогда уже по сему послѣднему, согласно съ мнѣніемъ епархіальной власти, чинится исполненіе. Такимъ же образомъ поступать по дѣламъ женъ священно и церковно-служителей, а равно и дѣтей ихъ, не вступившихъ въ иное званіе, въ гражданскомъ ихъ отношеніи (h). Есть ли по дѣламъ, подлежащимъ епископскому суду, потребуется свидѣтельство находящихся въ Царствѣ Польскомъ лицъ, то таковыя будутъ выслушиваемы въ свѣтскомъ судѣ, гдѣ имѣютъ жительство, и подлинный о семъ протоколъ сообщается, посредствомъ министерства духовныхъ дѣлъ, епархіальному начальству (i).

6) Снятіе духовнаго сана съ священно или церковно-служителей, или исключеніе ихъ изъ духовнаго званія, какъ по дѣламъ, предоставленнымъ епископскому суду, такъ и по уголовнымъ преступленіямъ, подлежащимъ свѣтскимъ судамъ (k). Въ первомъ случаѣ о лишенномъ духовнаго сана или исключенномъ изъ духовнаго званія епархіальное начальство сообщаетъ министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ послѣднемъ осужденный свѣтскимъ судомъ препровождается, посредствомъ тогожъ министерства, вмѣстѣ съ изложеніемъ преступленія его и опредѣленнаго

---

g) Духовные депутаты по всѣмъ слѣдственнымъ дѣламъ. Указы 1810 и 1823 г. и Финляндскій манифестъ.

h) Сообразно съ 1-мъ пунктомъ Финляндскаго манифеста.

i) Пунктъ 3-й Финляндскаго манифеста.

k) Пунктъ 7-ой того же манифеста.

Библиотека "Руниверс"

ему наказанія, къ епархіальному начальству, которое, по правиламъ Греко-Россійской церкви, совершивъ требуемое лишеніе духовнаго сана, или учиня исключеніе изъ духовнаго званія, отсылаетъ виновнаго обратно, для дальнѣйшаго поступленія съ нимъ по законамъ. Есть ли по какому либо дѣлу о священно или церковно-служителяхъ или о женахъ и не вступившихъ въ иное званіе дѣтяхъ ихъ, откроются преступленія ихъ разнаго рода, изъ коихъ одно принадлежать будетъ вѣдомству духовнаго, а другое свѣтскаго суда, въ таковомъ случаѣ производится прежде судъ духовный, а по окончаніи онаго виновный отсылается въ подлежащій свѣтскій судъ (l).

7) Назначеніе духовныхъ депутатовъ *по всѣмъ слѣдственнымъ дѣламъ*, касающимся до духовныхъ лицъ (j). Епархіальное начальство опредѣляетъ сихъ депутатовъ по мѣстамъ, гдѣ кому изъ нихъ отправлять депутатскую должность и о томъ сообщаетъ министерству духовныхъ дѣлъ для зависящаго со стороны его по части сей распоряженія.

Духовный депутатъ во время слѣдственнаго производства, присутствуя въ судѣ ли то, или во всякомъ другомъ мѣстѣ, наблюдать имѣетъ за всѣмъ неупустительно, по наставленіямъ, какія получитъ отъ епархіальнаго начальства къ надлежащему должности своей во всѣхъ случаяхъ исполненію.

8) Дѣла, касающіяся до наблюденія по всему вообще благочинія церковнаго, требуемаго правилами церковными и постановленіями правительства духовнаго (m). Къ сему принадлежитъ назначеніе благочиннаго для ближайшаго надзора за надлежащимъ порядкомъ въ церквахъ и въ духовенствѣ Греко-Россійскаго исповѣданія. по инструкціи, какая ему имѣетъ быть дана отъ епархіальнаго начальства. Благочинный имѣетъ пребывать въ Варшавѣ при Свято-Троицкой церкви. Объ опредѣляемыхъ же въ сію должность епархіальное начальство всякой разъ сообщать будетъ министерству духовныхъ дѣлъ.

9) Дѣла всякаго рода, касающіяся до приходо-расходныхъ, исповѣдныхъ и метрическихъ книгъ, содержимыхъ по установленному въ церковномъ Россійскомъ правительствѣ порядку (n).

10) Разсмотрѣніе по правиламъ церковнымъ препятствій къ браку, какъ то родства, свойства и другихъ законныхъ къ тому принадлежностей (o).

и 11) Дѣла, касающіяся до монастырей, до церковнаго и братскаго устройства оныхъ (p).

---

l) При составленіи сей послѣдней статьи былъ въ виду 4-ый пунктъ Финляндскаго манифеста.

j) Выше сказано подъ пунктомъ 5-мъ.

m) Духовный Регламентъ, о дѣлахъ епископскихъ.

n) o) p) Духовный Регламентъ, о дѣлахъ епископскихъ.

Библиотека "Руниверс"

Отдѣленіе II.

Къ вѣдомству министерства духовныхъ дѣлъ относятся слѣдующія дѣла.

12) Исполненіе постановленій правительства, касающихся до духовенства, соотвѣтственно тому, какъ нынѣ опредѣлено.

13) Попеченіе и наблюденіе за духовными фундушами и за цѣлостію церквей, монастырей и принадлежащихъ къ тому зданій.

14) Учрежденіе новыхъ приходскихъ церквей, опредѣленіе пространства приходовъ, соединеніе сихъ послѣднихъ и другія по онымъ перемѣны, по предварительному сношенію съ епархіальнымъ начальствомъ, и на томъ основаніи, какъ поставлено въ статьѣ 3-й, о дѣлахъ, подлежащихъ епископскому суду.

15) Принятіе богоугодныхъ записей и производство по онымъ взысканій.

16) Соткновенія съ другими вѣроисповѣданіями, по предварительному такъ же сношенію съ епархіальнымъ начальствомъ.

17) Опредѣленіе содержанія священно и церковно-служителямъ, такимъ же порядкомъ какъ въ предыдущемъ пунктѣ постановлено.

18) Защита священно и церковно-служителей, а равно женъ и не вступившихъ въ иное званіе дѣтей ихъ по всѣмъ предметамъ, на томъ основаніи, какъ законами Царства Польскаго о духовенствѣ Римско-католическомъ и другихъ вѣроисповѣданій предписано оному министерству.

19) Исполненіе постановленій о актахъ гражданскаго состоянія, то есть: о содержаніи метрическихъ книгъ по формамъ въ Царствѣ Польскомъ существующимъ.

Отдѣленіе III.

Правила и образъ взаимнаго сношенія.

20) По всѣмъ вышеписаннымъ дѣламъ, министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и епархіальное начальство сносятся между собою сообщеніями по формамъ, предписаннымъ въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ.

21) Въ случаяхъ, требующихъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго относится къ министру статсъ-секретарю, а сей при отношеніяхъ своихъ сообщаетъ таковыя дѣла синодальному оберъ-прокурору, для предложенія Святѣйшему Синоду. Тѣмъ же самымъ порядкомъ и отъ

Библиотека "Руниверс"

Святѣйшаго Синода копіи съ опредѣленій онаго синодальный оберъ-прокуроръ, при отношеніяхъ своихъ, сообщитъ министру статсъ-секретарю, который доставляетъ уже опредѣленія Святѣйшаго Синода министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго.

и 22) Благочинный священникъ, по предметамъ возложенной на него должности и соображаясь съ данною ему отъ епархіальнаго начальства инструкціею, входитъ въ правительственную коммиссію министерства духовныхъ дѣлъ съ донесеніями или представленіями, и получаетъ отъ оной коммиссіи предложенія, о коихъ въ тоже время доводитъ до свѣдѣнія епархіальной власти.

Вѣрно: Новосильцовъ.

Рапортъ д. т. с. Новосильцова е. и. в. государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу.

Изъ прилагаемаго при семъ всеподданнѣйшаго рапорта моего[1]) ваше императорское высочество усмотрѣть соизволите: что во исполненіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, отъ 3-го Ноября 1827 года состоявшагося, продолжались въ здѣшней коммиссіи духовныхъ дѣлъ, въ теченіи нѣсколько мѣсяцовъ, засѣданія, слѣдствіемъ коихъ составлено делегованнымъ отъ Святѣйшаго Синода и членами сказанной коммиссіи Положеніе о дѣлахъ Греко-Россійскія церкви въ Царствѣ Польскомъ, и таковое, бывъ засвидѣтельствовано министромъ духовныхъ дѣлъ и мною, какъ посредникомъ высочайше назначеннымъ, принято наконецъ и Святѣйшимъ Синодомъ.

Такимъ образомъ высочайшее повелѣніе было исполнено, и думать должно, что Святѣйшій Синодъ, по возложенной на него обязанности, не преминулъ уже войти о семъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, ибо протопресвитеру повелѣно возвратиться къ своей должности, какъ то ваше императорское высочество усмотрѣть соизволите изъ прилагаемой при семъ копіи съ даннаго ему указа[2]).

Но между тѣмъ, по поводу представленія отъ министра духовныхъ дѣлъ одного экземпляра упомянутаго Положенія въ администраціонный совѣтъ, поступили въ оный: напередъ, 28 Генваря, замѣчанія министра юстиціи на два, а 24 прошлаго Февраля министра финансовъ на всѣ пункты этого Положенія, а потомъ въ слѣдующее за тѣмъ засѣ-

[1]) Въ дѣлѣ не оставлено ни черновика, ни копіи этого рапорта.

[2]) Синодскій указъ, отъ 31 Генваря 1829 года. Изъ него видно, что Государь Императоръ въ 26 день того же Января соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода о возвращеніи протопресвитера Дмитріева изъ Варшавы въ Москву.

Библиотека "Руниверс"

даніе объясненія министра духовныхъ дѣлъ, графа Грабовскаго, съ опроверженіемъ тѣхъ замѣчаній и съ оправданіемъ всѣхъ дѣйствій по сему предмету коммиссіи духовныхъ дѣлъ.

Основательность и справедливость всѣхъ объясненій графа Грабовскаго такъ очевидна, что не требуетъ никакихъ поясненій. Послѣ чего не оставалось ничего другого предпринимать, какъ токмо вмѣстѣ съ замѣчаніями другихъ двухъ министровъ представить все производство дѣла на высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, тѣмъ болѣе, что на сказанное Положеніе уже изъявлено согласіе Святѣйшимъ Синодомъ; но вмѣсто того административный совѣтъ по объявленію министра финансовъ, что читанныя объясненія министра духовныхъ дѣлъ не убѣждаютъ его, не входя ни въ какое разбирательство настоящаго предмета, постановилъ: *вновь* разсмотрѣть то Положеніе членамъ избраннымъ отъ коммиссіи духовныхъ дѣлъ и юстиціи, подъ руководствомъ министра финансовъ, какъ то доказываетъ прилагаемая при семъ въ Россійскомъ переводѣ копія того постановленія [1]).

Удостоенный повелѣнія вашего императорскаго высочества отъ 18 Ноября 1827 года № 649, съ препровожденіемъ ко мнѣ къ исполненію высочайшаго указа въ 3-й день тогожъ Ноября по дѣламъ Грекороссійскихъ церквей въ Царствѣ Польскомъ состоявшагося, поставляю себѣ долгомъ все вышеизъясненное представить на благоуваженіе вашего высочества, присовокупляя къ тому: что упомянутымъ постановленіемъ административный совѣтъ устраняетъ самовольно какъ меня отъ посредничества по сему дѣлу, въ противность высочайшей волѣ, изъявленной въ указѣ отъ 3-го Ноября 1827 года, Святѣйшему Синоду объявленномъ, такъ и министра духовныхъ дѣлъ отъ той обязанности, которая возложена на него конституціею и въ особенности высочайшимъ декретомъ отъ 8-го Марта 1825 года. Притомъ не могу умолчать: что естьли дѣйствительно въ сказанномъ Положеніи, какъ то прописано въ рапортѣ административнаго совѣта вашему высочеству [2]), замѣчаются токмо въ редакціи (Польской) нѣкоторыя неясности, то въ такомъ случаѣ надлежало исправить оныя, а не вопреки высочайшаго указа 1827 года Ноября 3-го назначать новое разсмотрѣніе и

---

[1]) Этого постановленія тоже нѣтъ въ дѣлѣ.

[2]) Рѣчь идетъ о представленіи (на Франц. яз.) предсѣдательствующаго въ административномъ совѣтѣ, графа Соболевскаго, отъ 4 Марта (21 Февраля ст. ст.) 1829 года за № 10200. Содержаніе этого представленія изложено ниже, въ рапортѣ Цесаревича на имя Государя.

Библиотека "Руниверс"

новыя конференціи делегованнаго отъ Святѣйшаго Синода съ такими членами, о коихъ въ томъ же указѣ вовсе не упоминается.

Новосильцовъ.

№ 386.
6 Марта 1829 года.
Варшава.

Рапортъ великаго князя цесаревича Государю Императору, отъ 9 Марта 1829 года за № 121. (Черновикъ).

Предсѣдательствующій въ администраціонномъ совѣтѣ Царства Польскаго, графъ Соболевскій *) отнесся ко мнѣ отъ 21 Февраля/4 Марта, что означенный совѣтъ разсматривалъ проектъ Положенія о дѣлахъ Грекороссійскія Церкви въ Царствѣ Польскомъ, составленный на основаніи императорско-царскаго постановленія 24 Февраля/8 Марта 1825 г. и высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія отъ 3-го Ноября 1827 года, делегованнымъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, протопресвитеромъ Дмитріевымъ, совмѣстно съ назначеннымъ со стороны коммиссіи духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго чрезвычайнымъ статсъ совѣтникомъ Залѣсскимъ, подъ руководствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Новосильцова и министра духовныхъ дѣлъ, графа Грабовскаго; но, найдя въ немъ нѣкоторыя статьи несогласными съ существующими въ Царствѣ Польскомъ законами и полагая, что неудобство сіе можетъ быть отклонено посредствомъ новаго разсмотрѣнія упоминаемаго акта, призналъ нужнымъ поручить коммиссіямъ юстиціи и духовныхъ дѣлъ назначить по одному члену для учиненія новыхъ по сему предмету сношеній съ делегатомъ Святѣйшаго Синода, а затѣмъ графъ Соболевскій испрашиваетъ распоряженія моего, дабы означенный делегатъ вошелъ съ сими чиновниками въ сношеніе, присовокупляя, что въ случаѣ разногласныхъ мнѣній могущихъ останавливать дальнѣйшія дѣйствія, совѣтъ предполагаетъ обращаться прямо ко мнѣ о разрѣшеніи оныхъ или отвращеніи всякихъ могущихъ встрѣтиться затрудненій.

По сему случаю требовалъ я отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора Новосильцова надлежащихъ свѣдѣній о положеніи сего дѣла, и въ слѣдствіе того, а равно по возложенной на него высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ 3-го Ноября 1827 года

*) Графъ Игнатій Соболевскій [1770—1846] въ 1811 году былъ министромъ полиціи въ герцогствѣ Варшавскомъ; въ 1813 году состоялъ при арміи Наполеона и подъ Лейпцигомъ взятъ въ плѣнъ; въ 1815 году императоръ Александръ назначилъ его статсъ-секретаремъ Царства Польскаго.

Библиотека "Руниверс"

обязанности, представилъ онъ мнѣ при отношеніи отъ 6-го сего Марта всеподданнѣйшій рапортъ къ Вашему Императорскому Величеству, заключающій въ себѣ подробное изложеніе сопровождавшихъ сіе дѣло обстоятельствъ. Изъ таковыхъ бумагъ явствуетъ, что составленное помянутыми чиновниками и засвидѣтельствованное имъ, сенаторомъ Новосильцовымъ и министромъ духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго Положеніе принято Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, и такимъ образомъ высочайшее повелѣніе приведено въ надлежащее исполненіе. Но по случаю представленія отъ министра духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго одного екземпляра того Положенія въ администраціонный совѣтъ, поступили въ оный замѣчанія сперва отъ министра юстиціи на двѣ статьи, а потомъ отъ министра финансовъ на всѣ пункты онаго, что противу таковыхъ замѣчаній хотя министръ духовныхъ дѣлъ, графъ Грабовскій представилъ совѣту свои возраженія, убѣждающія въ истинной пользѣ того Положенія, которое, заключая въ себѣ самыя токмо основанія или, такъ сказать, кардинальные пункты, предложенные Святѣйшимъ Синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, требуетъ особенныхъ инструкцій съ означеніемъ руководства въ исполненіи. За всѣмъ тѣмъ администраціонный совѣтъ, вмѣсто должнаго представленія всего производства дѣла, съ замѣчаніями двухъ министровъ, на высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоуваженіе, учинилъ постановленіе вновь разсмотрѣть то Положеніе членамъ, избраннымъ отъ коммиссіи духовныхъ дѣлъ и юстиціи, подъ руководствомъ министра финансовъ, что симъ образомъ администраціонный совѣтъ устраняетъ самовольно какъ его сенатора Новосильцова отъ посредничества по сему дѣлу, въ противность высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа отъ 3-го Ноября 1827 года, такъ и министра духовныхъ дѣлъ отъ той обязанности, которая возложена на него высочайшимъ постановленіемъ 8-го Марта 1825 года, что, наконецъ, естьли дѣйствительно въ сказанномъ Положеніи замѣчаются токмо въ редакціи Польской нѣкоторыя неясности, то въ таковомъ случаѣ надлежало токмо исправить оныя, а не вопреки высочайшаго указа 3-го Ноября 1827 года назначать новое разсмотрѣніе и новыя конференціи делегованнаго отъ Святѣйшаго Синода съ такими чинами, о коихъ въ томъ же указѣ вовсе не упоминается.

Разсмотрѣвъ въ подробности сіе дѣло и видя уклоненіе администраціоннаго совѣта отъ принятія составленнаго Положенія, которое Святѣйшимъ Синодомъ принято для руководства Грекороссійской церкви въ Царствѣ Польскомъ, я остановился съ дачею отвѣта на вышеупомянутый отзывъ ко мнѣ предсѣдательствующаго въ совѣтѣ, а затѣмъ, представляя на высочайшее Вашего Императорскаго Величества благо-

Библиотека "Руниверс"

уваженіе всеподданнѣйшій рапортъ сенатора Новосильцова, съ слѣдующими къ нему приложеніями, долгомъ поставляю присовокупить съ моей стороны, что предсѣдательствующій въ администраціонномъ совѣтѣ графъ Соболевскій въ первоначальномъ отношеніи ко мнѣ, въ копіи у сего прилагаемомъ, извѣщалъ о постановленіи Совѣта, касательно порученія чиновникамъ министерства юстиціи и духовныхъ дѣлъ новаго разсмотрѣнія помянутаго акта, о томъ, что таковое разсмотрѣніе имѣетъ быть производимо подъ руководствомъ министра финансовъ, князя Любецкаго. При личномъ же со мною объясненіи князя Любецкаго, стараясь онъ, коварнымъ[1]) образомъ опровергать существующее постановленіе о подчиненности здѣшняго Грекороссійскаго духовенства Волынскому епископу, усиливался убѣдить въ необходимости учредить особеннаго въ Царствѣ Польскомъ архіерея; а сіе самое доказываетъ намѣреніе его все здѣшнее отдѣлять отъ Россіи.

Рескриптъ е. и. в. Цесаревича синодальному члену, преосвященному Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому (черновикъ)[2]).

Ваше высокопреосвященство!

Московскаго Большаго Успенскаго собора протопресвитеръ Дмитріевъ, бывъ командированъ по высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію въ Царство Польское, по дѣламъ Греко-Россійскаго духовенства въ семъ царствѣ, возложенное на него порученіе исполнилъ съ столь отличнымъ усердіемъ, которое обратило на него высочайшее Государя Императора вниманіе, ознаменованно знаками всемилостивѣйшей награды.

Личныя достоинства протопресвитера Дмитріева и то уваженіе, которое онъ по своему духовному сану пріобрѣлъ и во все время пребыванія его здѣсь пользовался онымъ отъ всѣхъ, возлагаетъ на меня пріятнѣйшій долгъ отдать ему полную справедливость.

При обратномъ нынѣ возвращеніи отсюда протопресвитера Дмитріева къ своимъ должностямъ, считая особеннымъ удовольствіемъ засвидѣтельствовать о всемъ томъ предъ вашимъ высокопреосвященствомъ, а затѣмъ, поручая себя теплымъ молитвамъ вашимъ, прошу принять увѣреніе мое въ искреннѣйшемъ къ вамъ уваженіи и преданности.

*

Высочайшая награда, полученная протопресвитеромъ Дмитріевымъ побудила министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, графа

[1]) Слово „коварнымъ“ написано вмѣсто зачеркнутаго „ухищреннымъ“.

[2]) На черновикѣ имѣется помѣтка: писано 2-го Апрѣля 1829 г.

Библиотека "Руниверс"

Грабовскаго обратиться къ Н. Н. Новосильцову, сначала 5 Февраля 1830 года, а затѣмъ 21 Іюня того же года, съ просьбою объ исходатайствованіи высочайшихъ наградъ для чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ работахъ по составленію проекта Положенія о дѣлахъ Греко-Россійской церкви въ Царствѣ Польскомъ.

Этихъ чиновниковъ было четверо: статскій совѣтникъ Залѣсскій, управляющій тогда департаментомъ духовныхъ дѣлъ, начальникъ отдѣленія въ этомъ департаментѣ Дзвонковскій и первый секретарь Жебровскій, а также состоявшій при канцеляріи сенатора Новосильцова, статскій совѣтникъ Осипъ Якимовичъ Гореглядъ. Этому послѣднему испрашивался орденъ Станислава 2-ой степени, а остальнымъ денежныя награды: Залѣсскому 30 т. злотыхъ, въ возвратъ невыданнаго ему когда-то жалованья за три года, проведенные имъ заграницею по случаю болѣзни, а Дзвонковскому и Жебровскому—годовой окладъ жалованья, первому въ размѣрѣ 6 т. злотыхъ, а второму 4 т. злотыхъ.

Весьма любопытенъ высказанный графомъ Грабовскимъ, въ отношеніи отъ 5 Февраля 1830 года взглядъ на выработанное Положеніе о дѣлахъ Грекороссійской церкви въ Царствѣ Польскомъ. По его словамъ, это—„одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ, касающихся религіи, нравственности и той благоразумной политики, которая ведетъ къ утвержденію согласія между обитателями двухъ столь близкихъ государствъ, связанныхъ между собою конституціонною хартіею, великодушно дарованною Царству Польскому“ (un des actes les plus importants sous le rapport de la religion, de la morale, ainsi que de cette politique sage et bienfaisante qui tend à cimenter l'harmonie entre les habitants de deux états aussi intimement liés par la Charte généreusement octroyée au Royaume de Pologne).

Великій князь Константинъ Павловичъ, благосклонно отнесшійся къ ходатайству графа Грабовскаго, поддержанному сенаторомъ Новосильцовымъ, представилъ его на высочайшее благоусмотрѣніе (рапортъ отъ 24 Іюля 1830 г. за № 2280); но въ отвѣтъ на это представленіе великимъ княземъ было получено отъ статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго Туркула увѣдомленіе (отъ $^{6}/_{18}$ Августа за № 5283), что Государь Императоръ изволилъ признать необходимымъ повременить съ этими наградами, впредь до окончательнаго утвержденія не вполнѣ урегулированныхъ правилъ Положенія о дѣлахъ Греко-россійской церкви въ Царствѣ Польскомъ (que comme les affaires en question ne se trouvent point encore entièrement reglées, attendu que le projet de décret qui vient d'être préparé à cet égard n'a point été jusqu'ici définitivement appouvé)...

Сообщилъ И. Попруженко.

Библиотека "Руниверс"

ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВИЩА ВЕЛИКОРУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТІЯХЪ [1]).

Нѣкоторыя фамиліи указываютъ вообще на принадлежность учениковъ къ клиру, какъ Клировъ (М. А., 536), Клириковъ, Клериковъ (Костр. 90, 266), Левитовъ (Ряз. 5, 318); очень употребительныя, встрѣчающіяся еще въ первой половинѣ XVIII в. (Оп. Син. Арх., XII, CXLVI) фамиліи Левитскій и Левицкій (иногда Малороссійскаго происхожденія) и, повидимому, очень вычурная фамилія Свѣтлосановъ (Вол. 5, 167). Другія фамиліи съ точностью указываютъ на происхожденіе ученика отъ того или другого члена клира. Фамиліи Поповъ, Протопоповъ, Дьяконовъ и Діаконовъ (2, 142) необыкновенно многочисленны и рано появились среди духовенства: между учениками Московской Академіи въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка насчитывается нѣсколько десятковъ человѣкъ съ этими фамиліями. Съ древнихъ временъ слова „попъ“ и „протопопъ“ представляли оффиціальный терминъ, никого не оскорблявшій [2]); въ XVIII вѣкѣ нѣкоторые Московскіе настоятели начали писаться священниками и іереями (Забѣлинъ, 437, 444 и др.), но все же было очень мало людей, которые, подобно извѣстному протоіерею Петру Алексѣеву, находили, что „попъ есть реченіе варварское, ничего приличнаго къ христіанскому пресвитерству въ себѣ не заключающее“, и приравнивали „гнусное прозваніе протопопъ“ по нелѣпости къ названію „архипопъ“ для архіерея [3]). Поэтому фамиліи

---

[1]) См. тетрадь 2-ю „Русск. Архива“ 1908 г., стр. 251.

[2]) Слѣдующій примѣръ показываетъ, какъ прочно утвердился въ оффиціальномъ языкѣ терминъ „попъ“: въ 1681 г. думный дворянинъ Никита Ив. Акинфовъ билъ челомъ объ отдачѣ ему сестры его холопа, жившей „за четыредесятый сорокоустъ“ въ Карачевскомъ уѣздѣ въ с. Тербунахъ „у священника Кипріана“; въ грамотѣ къ воеводѣ, повторяющей дословно содержаніе челобитной Акинфова, необычно деликатное выраженіе было замѣнено обычнымъ „у попа Кипріана“ (М. А. М. Ю., Приказнаго стола столбецъ 806, л. 142—144).

[3]) Рус. Арх. 1880 г., II, 186.

Библиотека "Руниверс"

Поповъ и Протопоповъ употреблялись повсемѣстно[1]), господствуя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напр. въ Вологодской, и не имѣли параллельныхъ фамилій въ родѣ Священниковъ или Протоіереевъ; встрѣчаются только Латинскій и Греческій переводы фамиліи Поповъ—Сацердотовъ, Сацердотскій и Пресвитеровъ (Вл., 211). Туже фамилію Поповъ замѣняетъ, повидимому, и нѣсколько странная фамилія Пасторовъ (Арх. 5, 282). Наравнѣ съ фамиліей Поповъ употребляются фамиліи Поповскій (Сзд., 200), Поповицкій и Поповцевъ (97,172)[2]). Встрѣчаются фамиліи Распоповъ (6, 246), Распопинъ (Вол. 69, 27) и Разстригинскій (Вл., 11), хотя послѣдняя происхожденія топографическаго[3]); встрѣчается и фамилія Попадьинъ (Уф. 5, 703). Дѣти низшихъ клириковъ отмѣчались фамиліей Церковницкій (1, 153); весьма употребительна фамилія Пономаревъ; менѣе употребительны фамиліи Дьячковъ, Чтецовъ (Д., II, 200), Лат. Лекторскій, Трапезниковъ (90, 130), Звонаревъ, Псаломщиковъ (96, 182), Псальмовъ (В., 215). Иногда сыновья духовныхъ лицъ получали фамиліи, указывающія на званіе ихъ отцовъ символически: Храмовъ (Сам. 2, 121), Алтаревъ (99, 156), Завѣтовъ (Д., III, 153), Молебновъ (Ряз. 5, 191). Иногда сыновья священнослужителей получали фамиліи, заимствованныя отъ названій ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ эмблемъ, церковныхъ облаченій и утварей: Скрижалинъ (Тамб. 95, 392), Ковчеговъ (94, 184), Кивотовъ (Ряз. 5, 184), Циборовскій, (О. Р., II, 63), Стамнинъ (Ряз. 5, 316), Пасхинъ (Адр. кал. Москвы 903 г., 706), Крестовъ. Крестовскій, Ставровъ (Пенз. 97, 151) и Ставровскій отъ σταυρός (крестъ), Крыжевъ, (Сяд., 181). Иконицкій (О, 303) Азимовъ (СПБ., 641) отъ ἄζυμον (опрѣснокъ)[4]), Фелонинъ (4, 219), Жезловъ (Мож., 122), Палицевъ (Адр. Кал. Ряз. губ. 84 г., 109), Убрусовъ (О. Р., II, 345) и Лентіоновъ (1, 27)[5]). Сыновья дьячковъ и пономарей получали фамиліи, указывающія на аттрибуты должностей ихъ отцевъ, произведенныя отъ названій церковныхъ книгъ и пѣсней, какъ Псалтиревъ (94, 292), Псалмопѣвцевъ (Каз. Оп., 410), Октаевъ (89,

---

[1]) Архіеп. Тобольскій Аѳанасій Протопоповъ былъ сынъ соборнаго протоіерея г. Любима (Ген. I, 53).

[2]) Эти фамиліи могутъ быть и топографическаго происхожденія: напр. въ Ярославской губ. есть села съ названіемъ Поповичи, Поповцево, Попово и Поповское.

[3]) Разстригино—село Гороховец. у.

[4]) Въ Казанской губ. есть 3 селенія (безъ церквей) съ именемъ Азимово.

[5]) Фамилія Сулоцкій происходитъ не отъ названія украшенія архіерейскаго посоха-сулокъ, но отъ названія с. Сулость Ростовск. у. (Род., 484). Фамиліи Клобуковъ (98, 198) и Рясинъ (Д., II, 41) происхожденія топографическаго: въ Ярославской губ. 3 селенія съ именемъ Клобуково, въ Тверской Клобуковъ монастырь, въ Рязанской с. Рясы Верхнія Спасск. у. (ряса—тонкое мѣсто). Фамиліи Соровъ (Вл., 268) есть, можетъ быть, переводъ фамиліи Гробовъ отъ σορός—гробъ.

Библиотека "Руниверс"

226), Тріодинъ (7, 355), Минеевъ (Каз. 5, 700) и Минеинъ (7, 54), Часовниковъ (6, 251), Молитвослововъ (6, 227), Тропаревъ (Сер. 3, 330), Кондаковъ и Кондаковскій (Оп. Син. Арх. XVI, 846)[1]), Прокимновъ (Ряз. 5, 129), Икосовъ (Ген., II, 53), Кандиловъ (99, 169), Благовѣстовъ (2, 151), Благовѣстниковъ (Тамб. 5, 412), Кимваловъ (92, 212), Тимпановъ (90, 61), Колоколовъ, Трапезинъ (Ряз. 5, 315). Встрѣчается и какъ бы нѣсколько уничижительная, указывающая на „кутейника", фамилія Кутьинъ (Вор. 903, 84). Такъ какъ къ ученію привлекались и „сторожевы и просвирницыны дѣти" (Полн. Собр. Зак., IV, 2308), то должны были явиться фамиліи Просвирнинъ (Оп. Син. Арх. XVI, 848) и Просвировъ (О. Р., II, 19), Сторожевъ, въ Славянской формѣ Стражевъ (1, 149), въ Латинской Кустодовъ (Вл., 138), Кустодіевъ (М. А., 569) и Кустодинъ (Ряз. 5, 195), въ Нѣмецкой Вахтеровъ (Нж. 68, 245). Иногда упомянутыя выше фамиліи присвоивались ученикамъ, которыхъ архіереи номинально назначали на то или другое церковное мѣсто „для лучшаго содержанія и для ободренія въ ученіи"[2]). Такихъ „доходниковъ", получавшихъ доходы съ должности, которую исправлялъ за нихъ нанятый замѣститель, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ въ XVIII вѣкѣ бывало по 100 и по 200[3]), а въ Рязанской семинаріи при архіепископѣ Симонѣ ихъ число составляло половину числа всѣхъ учениковъ[4]). На это явленіе, можетъ быть, указываютъ фамиліи Приходинъ (Сп. 1898 г., 47), т. е. имѣющій приходъ, и, можетъ быть, Атоповъ (Сар. 2, 401), т. е. не имѣющій мѣста. Иногда фамилія ученика соотвѣтствовала въ дѣйствительности его сану, такъ протодіаконъ Павелъ Протодіаконовъ въ 1796 г. поступилъ въ богословскій классъ семинаріи и въ 1797 г. вышелъ изъ него на прежнее мѣсто (Вл., 214). Нѣкоторыя фамиліи указываютъ на особыя служебныя обязанности родителей или родственниковъ учениковъ, какъ Ключаревъ, Духовниковъ (Сам. 2, 35), Строителевъ (Каз. кн. 31), Намѣстниковъ (Вол. 5, 167), Головщиковъ (М. А., 552), или на ихъ ученыя степени и знаки отличія, какъ Кандидатовъ (99, 204), Кавалеровъ (Д., I, 159). Дѣти или родственники учителей или сами ученики, которые, будучи

---

[1]) Октай-Октоихъ. Фамилія Тропаревскій отъ с. Тропарева, встрѣчающагося въ Москов. и Мож. уу.; въ Углицк. у. есть с. Кондаково.

[2]) Агнцевъ, 74.

[3]) И. Благовѣщенскій, Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I., 98; Благовѣщенскій, Исторія Казанской семинаріи, 131; Никольскій, Исторія Воронеж. дух. семинаріи, I, 231.

[4]) Агнцевъ, 72. Обычай этотъ держался очень долго: въ 1835—40 гг. священническое мѣсто въ с. Секинесахъ Мамадыш. у. числилось за ученикомъ семинаріи Михаиломъ Зороастровымъ (Оп. Каз. еп., VI, 279).

Библиотека "Руниверс"

въ старшихъ классахъ, исполняли учительскія обязанности въ младшихъ классахъ, могли получать фамиліи Педевтовъ (Нж. 4, 274) отъ παιδευτής (воспитатель), Раввиновъ и Раввинскій (Нж. 4, 274). Фамиліи Лекаревъ (88, 141), Докторовъ (99, 174), Фармаковскій (99, 174) и Анатомовъ (Симб. 80, 458), вѣроятно, указываютъ или усердіе ихъ носителей къ занятіямъ медициной, которая и до Пратасовскихъ нововведеній преподавалась въ семинаріяхъ въ 1802–1808 г. или на исполненіе какихъ-либо медицинскихъ обязанностей при школьной больницѣ. Нѣкоторыя фамиліи указываютъ на происхожденія отъ канцеляристовъ, какъ Подьячевъ (97, 250), Писаревъ, Писаревскій (Род. 357) и Пищиковъ (97, 250); встрѣчается и фамилія Капраловъ (7, неоф. 1560). Еще большее число фамилій указываетъ на происхожденіе отъ мастеровыхъ людей; особенно много такихъ фамилій въ спискѣ учениковъ Московской Академіи 1738 г. (Оп. Син. Арх., XVI, 846–854), какъ напр. Малеровъ, Чеботаревъ, Пекаревъ, Тередорщиковъ, Зеркальщиковъ, Шапошниковъ, Шляпниковъ, т. п.[1]). Встрѣчаются фамиліи, произведенныя отъ названій ремеслъ грубыхъ и неприличныхъ духовному чину, какъ Винокуровъ (98, 49), Пивоваровъ (97, 252), Коноваловъ (Пенз. О, 567), Псаревъ (5, 184)[2]). Нѣкоторыя изъ фамилій этого рода были переведены на древніе языки, какъ Тектоновъ (Пенз. 68, 277) вмѣсто Плотниковъ. При назначеніи фамилій принимались въ разсчетъ возрастъ и нѣкоторыя обстоятельства жизни родителей ученика, отсюда фамиліи Старцевъ (1, 376), Старицынъ, Старухинъ (5, 441), Вдовинъ (Каз. Ки., 489), Дородницынъ (88, 131), Латинскія Сениловъ (Тери., 502) и Сенектутовъ (Астр. 5, 479) отъ senilis (старческій) и senectus (старость). Въ Казанской Академіи (старой) фамилія Вдовцевъ была дана сыну вдоваго дьячка, дьячку, фамилія Сибирскій—сыну сосланнаго въ Сибирь (Бл., 147).

Поводъ къ изобрѣтенію фамиліи подавали возрастъ самого ученика и его физическія качества. Малолѣтніе воспитанники назывались Младовыми (96, 339), Дѣтскими (91, 133) и т. п.[3]), по латыни Инфантовыми или Инфантьевыми (Мож., 129) отъ infans, по гречески Мираксовыми (Симб. 80, 461) отъ μεῖραξ (мальчикъ), очень маленькіе—Сосуновыми (93, 175), Птенцовыми, по латыни Пуллицкими (Вл., 11) отъ

[1]) Архимандритъ Троицкой Сергіевой пустыни Макарій Сусальниковъ († 1787 г.) получилъ фамилію по ремеслу отца своего, лаврскаго служки-серебряника (Ист. Тр. Л. сем., 528). Въ общемъ поступленіе въ клиръ иносословныхъ было въ XVIII вѣкѣ рѣдко. Фамилія Ковалевскій въ Великороссіи можетъ быть происхожденія топографическаго, напр. отъ с. Ковали, Цивил. у.

[2]) Фамилія Златоревъ (Пенз. 2, 555) произведена отъ с. Златоревки Пенз. у.

[3]) Фамилія Молоденскій (81, 114) происходитъ отъ с. Молоденьки Епифан. у.

Библиотека "Руниверс"

pullus (птенецъ), болѣе взрослые Отроковыми (Вол. 69, 343), Юницкими, Юновидными (89, 294), по латыни Ювенскими (6, 226) и Ювеницкими (Тв. 4; 351), по гречески Ефебовскими (Вл., 189); зрѣлые получали фамиліи Зрѣловъ (Д., II, 322), Зрѣляковъ (5, 170); Переспѣловъ и Скороспѣловъ (89, 292) и весьма употребительную Поспѣловъ; можно предполагать, что на полную возмужалость указываютъ фамиліи Анировъ и Анировскій (Вл., 27) отъ ἀνήρ (мужъ), Невѣстинъ (Пенз. 68, 34)[1]).

Малорослые воспитанники получали фамиліи Маловъ, Маловскій (Пенз. 71, 483), Каратыгинъ (96, 191), Кратковъ (Д., III, 308), Малоростовъ (Сзд., 187), Недоростовъ (Вл., 178), Недорослевъ (Новг. 4, 981), Крошечкинъ (Вл., 134), Куцевъ (7, 289), Латинскія Парвовъ, Парвицкій (92, 200) и Парвулюсовъ (Пенз. 0, 562) отъ parvus (малый) и уменьшительнаго прилагательнаго parvulus, Гумилинъ (Тв. 4, 453) и Гумилевскій отъ humilis (низкій), Греческія Олиговъ (Д, I, 104) и Элахистовъ (Вл., 327) отъ положительной и превосходной степени прилагательнаго ὀλίγος и аллегорическую Пигмеевъ (Сзд., 197); болѣе высокіе ученики получали фамиліи Мизоновъ (Ниж. 4, 460) отъ Греческой сравнительной степени μείζων или Грессеровъ (Ряз. 5, 529) отъ Нѣмецкой сравнительной степени grösser. „Урослость“ была весьма обычнымъ явленіемъ въ духовныхъ школахъ; поэтому весьма обычны фамиліи Высоковъ (6, 250), Росляковъ, Долговъ[2]), Ростовъ (97, 182)[3]), Крупновъ (Вол. 19, 33), Верзиловъ (Смол., X), Великановъ (Пенз. 90, № 13, 42), Колоссовскій (Род. 208), Исполиновъ (84, 42), Греческія Мегалинскій (4, 209) и Макросовъ (Оренб. 5, 117) отъ μέγας и μακρός и произведенныя отъ различныхъ Латинскихъ синонимовъ Магнусовъ (Полт. 0, 579) и Магницкій отъ magnus, Альтовъ (95, 192) и Альтовскій (Костр. 90, 176) отъ altus, Грандовъ (90, 147), Грандицкій (Вл., 85) и Грандилевскій (77, 121), отъ grandis, Цельсовъ (2, 147) и Эксцельзовъ (94, 235) отъ celsus и excelsus и Процеровъ (90, 135) отъ procerus. Толстые получали фамиліи Мясищевъ (97, 171), Тяжеловъ (78, 60), Грузовъ, Обловъ (Тамб. 5, 703)[4]), латинскія Солидовъ (77, 133), Пингвицкій (Вл., 8) отъ pinguis (жирный), Крассовъ (0, 163)

---

[1]) Фамилія Дряхловъ (Каз. 5, 695) указываетъ скорѣе на возрастъ родителя; фамилія Старолѣтовъ (Ряз., XLIII) отъ с. Старолѣтова Зар. у., фамилія Сороколѣтовъ (Тул. 5, 288): отъ с. Сороколѣтова Бѣлев. у.

[2]) Фамилію Долговскій (Род., 141) дало с. Долговское Боровск. у.

[3]) Ср. с. Ростовка Н. Ломов. у.

[4]) Облый въ средней полосѣ значитъ круглый, тучный. Фамилія Телепневъ (82, 35) въ Московской епархіи происходитъ отъ с. Телепнева Звенигор. у.

Библиотека "Руниверс"

и, можетъ быть, Гальбанскій (Каз. 67, 35) отъ galba (толстопузый[1]); худые—фамиліи Тощевъ (Сар. 2, 558), Сухопаровъ (90, 121), по латыни Мацеровскій (СПБ., 652), стройные—фамиліи Грацилевскій (2, 154): ученики крѣпкаго сложенія—фамиліи Здоровцевъ (99, 205)[2], латинскія Салюбрицкій (7, 25) отъ saluber, Сальвинскій (О. Р., I, 963) отъ salvus и Фортификантовъ (Новг. 4, 981) отъ fortificare (укрѣпить). ученики слабые—фамиліи Латинскія Егротовъ (81, 129), отъ aegrotus (больной), Тенеровскій (Вл., 283) отъ tener (нѣжный). Фатигаровъ (Пенз. 71, 254) отъ fatigare (утомлять). Греческую Амалицкій (О. Р., I, 532) отъ ἁμαλος (нѣжный) и Французскую Тандровъ (Пенз. 0, 83) отъ tendre (нѣжный). Различную степень силы обозначали фамиліи Латинскія Робустовъ (96, 178), Робустовскій (Оп. Син. Арх., XVI, 606), Роборовскій (Вл. 223) отъ robustus и robur, Солидовъ (6, 249) отъ solidus, Валидовъ (Нж. 68, 265) отъ validus, Вегементовъ (Вл., 8) отъ vehemens, Віолентовъ (98, 195) отъ violentus. Виртуозовъ (96, 192)[3], Богатыревъ (4, 201), Атлетовъ (Ряз. 5, 322) и даже Титановъ (Тв. 4, 346). На быстроту и живость указываютъ многочисленныя фамиліи Быстровъ, Быстрицкій, Прытковъ (2, 151), Скоровъ (Вл. 246), Скороходовъ (Кут., 234), Доброходовъ (Пенз. 90, 582), Проворовъ, Стремляковъ, Поспѣховъ, Летуновъ (4, 199), Быстролетовъ (2, 131), Верхолетовъ (Пенз. 0, 583), Залетаевъ (99, 157), Крылатовъ (Вл., 163), Бойковъ (0, 189), Суетинъ (6, 246), Рѣзвинъ (91, 144), Недремскій (6, 251), Греческая Тахистовъ (Кут. 51), Латинская Алякровъ и Алякринскій отъ alacer (бодрый), Промптовъ (6, 233) отъ promptus (готовый, скорый), Агентовъ (2, 352) отъ agens (дѣятельный), Операторъ (78, 146), отъ operatus (дѣятельный), Рапидовъ (0, 238) отъ rapidus (быстрый), Целерицкій (Зн. III, 341) отъ celer (быстрый), Фестинатовъ (Вл., 303) отъ festinare (спѣшить), Вигилевъ и Вигилянскій (Ряз. 5, 185) отъ vigil (бдительный). На противоположныя качества указываютъ фамиліи Тардовъ (Д., II, 40) отъ tardus (медленный), Лентовскій (М. А., 555) отъ lentus, Реморовъ отъ remorare (медлить), Дремяцкій (0; 177) и Сегницкій (Вл., 11) отъ segnis (вялый). Неудивительно, если существовала и сложная фамилія Велоципедовъ, принадлежавшая, по словамъ Карновича (стр. 135), какому-то быстроногому (velox—быстрый и pes—нога) діакону задолго до изобрѣтенія велосипеда. Духовная школа была щедра на лестные отзывы о наружности

[1] Galbanus—желтозеленый, метаф. изнѣженный.

[2] Въ Ярославской епархіи (79, 122) фамилія Здоровцевъ происходитъ отъ с. Здоровцева Ром. Борис. у. Ср. с. Здоровецъ Ливен. у.

[3] Отъ позднѣйшаго происхожденія прилагательнаго virtuosus—qui viribus pollet (Ducange, s. v.).

Библиотека "Руниверс"

своихъ воспитанниковъ, раздавая фамиліи Красовъ (О. Р., I, 196), Красовскій, Красотинъ (99, 177), Красотскій (Нж. 4, 364), Красовитовъ (95, 176), Красавцевъ (99, 171), Красивцевъ (96, 141), Красивскій[1]), Красновъ, Красновскій, Лѣповъ (Астр. 5, 483), Херувимовъ (97, 153), сложныя Великолѣповъ и Благолѣповъ (Вл., 39), Благообразовъ (Нж. 68, 264), Доброзраковъ (Нж. 4, 402), Добровидовъ (3, 173), Миловидовъ, Свѣтовидовъ, Красновидовъ (89, 151)[2]) и даже Небовидовъ (въ Ставропольской епархіи)[3]), латинскія Пульхеровъ (Пск. 2, 178) и Пульхритудовъ (Пенз. 0, 558) отъ pulcher и pulchritudo, Беллюсовъ (0, 172) и Беллицкій (искаженная Бѣллицкій, Каз. 86, 435) отъ bellus, Венустовъ (1, 139) отъ venustus и Формозовъ (4, 10) отъ formosus, греческую Каллистовъ. Довольно часто встрѣчается фамилія противоположнаго значенія Некрасовъ и очень рѣдко фамиліи Лиховидовъ (Пенз. 0, 5 оф.) и Зловидовъ (Оп. Син. Арх., VII, CXLVIII); фамилія Тихобразовъ (98, 204) указываетъ, вѣроятно, на выражающую смиреніе наружность ея носителя.

Нѣкоторыя фамиліи образованы отъ названій частей тѣла, вѣроятно, почему-либо обращавшихъ на себя вниманіе у того или другого воспитанника: нерѣдко встрѣчаются фамиліи въ родѣ Долонинъ (Каз. кн., 47), Капутовскій (Смол. X) отъ caput (голова) и Фронтинскій (Вят. 96, 388) отъ frons (лобъ), Глазовъ (Тамб. 4, 542), Бровицкій (89, 161). Чернобровцевъ (98, 175), Чернобровинъ (Астр. 5, 485), Ланитинъ (Ряз. 5, 533), Носовъ и лат. Назанскій (Ч., 442), Зубатовъ (Адр. Кал. Москвы 903 г., 684) и лат. Дентовскій (96, 197) и Унгвицкій (96, 201) отъ unguis (ноготь)[4]). Особенно многочисленны фамиліи, характеризующія выраженіе или цвѣтъ глазъ воспитанника, какъ Свѣтловзоровъ (Уф. 5, 1222), Быстровзоровъ (6, 227), Островзоровъ (88, 118), Миловзоровъ (Вл., 159), Веселовзоровъ (Ч., 455), не совсѣмъ понятная Бѣловзоровъ (97, 198), Остроглазовъ[5]), Милоглазовъ (1, 158), Бѣлоглазовъ (Пенз. 2, 131 оф.), Быстровидовъ (4, 212), Островидовъ (4, 212), Тиховидовъ (Каз. 86, 54), Скороглядовъ (Тамб. 5, 406), Милоглядовъ (Вл., 161) и греч. Калліоповъ (Терн., 583), т. е. имѣющій прекрасные глаза. Отъ цвѣта лица получились весьма употребительная

---

[1]) Красивскій можетъ происходить отъ с. Красиваго.

[2]) Можетъ быть и Баскаревъ (Вол. 95, 97) отъ баскій (красивый).

[3]) Депутатъ 2-й Гос. Думы В. В. Н., сынъ священника этой епархіи.

[4]) Нѣкоторыя изъ этихъ фамилій могутъ быть и топографическаго происхожденія по селамъ Лобаново, Губаново и т. п.

[5]) Митрополитъ Платонъ переименовалъ ученика Московской академіи Розова въ Остроглазова „за усердіе къ наукамъ“ (Рус. Арх. 1892, III, 435).

Библиотека "Руниверс"

фамилія Румянцевъ[1]), болѣе рѣдкія Бѣлоликовъ и Краснощековъ (2, 151) и, можетъ быть, Колеровъ (М., 143). По цвѣту волосъ, а также иногда и по цвѣту лица получили фамиліи Бѣляевъ, Бѣляевскій (Сзд., 161), Бѣлявскій (Пск. 4, 204)[2]), Бѣляковъ, Бѣликовъ и т. п., Бѣловидовъ (0, 160), Бѣлокуровъ и Бѣлокурскій (Оп. Син. Арх., XVI, 850), Бѣлокосовъ (89, 165), Бѣлоруссовъ (Сзд., 160), Русовъ (96, 268), Русановъ, Бѣлорусановъ (Бл., 147), Свѣтлорусовъ (Ряз., XLI), Темнорусовъ (95, 164), Черновъ, и т. п., Красновъ, Краснухинъ (2, 141), Червлянскій (Терн. 475), Черменскій (Гамб. 95, 173)[3]), Златорунскій (87, 58) и Златогривовъ (4, 222), Булановъ (2, 116), Каурцевъ (92, 197)[4]), Сивовъ (Пенз. 2, 556). При переводѣ этихъ фамилій на иностранные языки бѣлокурые и бѣлолицые оказывались Альбовыми, Альбицкими, Альбинскими (Вор. 3, 98) и Кандидовыми (Ч., 449) отъ лат. albus и candidus, Левковыми (5, 150) и Левковскими (Уф. 5, 1218), отъ греч. λευκός (бѣлый)[5]), Бланковыми (5, 167) и Бланшевыми (Сзд., 158) отъ франц. blanc, ж. р. blanche, наконецъ Вейсовыми (Терн., 513) отъ нѣм. weiss; черноволосые и смуглые получали фамиліи латинскія Нигровъ (95, 161), Нигровскій и Нигрицкій отъ niger—греческія Мавровскій (О. Р., II, 161) и Маврицкій (О. Р., II, 123) отъ μαυρός (темный) и Мелановскій (Каз. 65, 233) отъ μέλας (черный), французскую Ноаровъ (1, 134) отъ noir; рыжеватые и рыжіе получали фамиліи латинскія Флавенскій (Сзд., 214) отъ flavus (желтый), Руфовъ (0, 202), Руфинъ (Вор. 3, 13), Руфановъ (Вл. 4, 190), Руфицкій, Руфинскій (Сзд., 203) отъ rufus (рыжій), Рутилевскій (Костр. 90, 201) отъ ruteus (рыжій) и Руберовскій (Вл. 4, 301) отъ ruber (красный), греч. Ксанѳовъ (Бл., 189). Ученики длинноволосые назывались Авессаломовыми (О. Р., I, 334), можетъ быть, по латыни Комовыми (Тен. II, 155) отъ coma волосъ[6]), кудрявые—Кудрявиными (Арх. 5, 277), Кудрявцевыми, Кудриными и по латыни Крисповыми (Сзд., 181), лохматые—Космачевыми (99, 186), Чупровыми (0, 170), Хохловыми (2, 137)[7]), Хохлачевыми (87, 53), Вихровыми (Сзд., 164), по латыни Гирсуцкими (Сзд., 167) отъ hirsu-

---

[1]) Извѣстная часть Румянцевыхъ окрещена такъ въ честь знаменитаго Румянцева-Задунайскаго.

[2]) Бѣлявка мелкая рыба.

[3]) Черменское—село Медын. у., Червленое—село Тамб. у.

[4]) Можетъ быть, отъ с. Большого Каурца Наровчат. у.

[5]) Встрѣчаются и села съ названіемъ Левково (Легково).

[6]) Фамилія Косицынъ (Касицынъ) въ Московской епархіи, вѣроятно, происходитъ отъ названія с. Косицы Верейск. у.

[7]) Ср. с. Хохлово Мещов. у., с. Хохолъ Н. Дѣвиц. у.

Библиотека "Руниверс"

tus (взъерошенный). Если фамилія Кольвицкій (Терн., 584) должна писаться Кальвицкій, то, какъ произведенная отъ прилаг. calvus (плѣшивый), она указываетъ на плѣшивость ея носителя. Фамилія Барбицкій (95, 172) отъ barba (борода), указываетъ на учениковъ, обладавшихъ бородой. При назначеніи фамиліи принимались въ расчетъ и матеріальныя средства учениковъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, большинство фамилій указываютъ на бѣдность учениковъ, какъ Бѣдновъ (З. 357), Бѣдняковъ (96, 315), Головъ (Пенз. 71, 273), можетъ быть, Гимновъ (4, 19) отъ γυμνός (голый), Бобылевъ (Си. 80 г., 417), Погорѣловъ (94, 199), латинскія Мизеровъ и Мизеровскій (6, 238), Мизерецкій (75, № 26, 1) и Мизеринъ (78, 137) отъ miser и miseria, Павперовъ (92, 156) и Павпертовъ (6, 245) отъ pauper и paupertus, Дезертинскій (Каз. Оп. 197) отъ desertus (покинутый), Инопинъ (94, 210) отъ inops (скудный), греческая Птоховъ (Вол. 97, 241) отъ πτωχός (нищій); рѣдко встрѣчаются фамиліи въ родѣ Богатиковъ (5, 102) и также, вѣроятно, указывающая на состоятельность ученика фамилія Финансовъ (Сар. 3, 352). На довольно рѣдкую въ старыхъ духовныхъ школахъ любовь къ чистотѣ и порядку указываютъ фамиліи Чистяковъ, Чистотинъ (Вол. 69, 375), Чистолюбовъ (СПБ., 647), Брезгуновъ (Пенз. 0, 557), Бѣлоруковъ (5, 267), Бѣловидовъ (1, 148), латинскія Пурганскій (Вл., 215) отъ purgare (чистить) и Ординатовъ (1, 140) отъ ordinare (приводить въ порядокъ) и греческая Каѳаровъ (Ч., 383) отъ καθαρός (чистый); на противоположныя свойства указываютъ фамиліи Замараевъ (97, 170), Чернилкинъ (3, 206)[1]) и Копронимовъ (88, 131)[2]). На склонность къ ѣдѣ и на зависящую отъ матеріальныхъ средствъ возможность ея удовлетворенія указываютъ фамиліи: Густовъ (Костр. 90, 178) отъ gustus (вкусъ), Питаевъ, Питаевскій (94, 215), Алентовъ (3, 160) и Алитовскій (99, 272) отъ alo (кормлю), Фербовскій (93, 179) отъ φέρβω (ѣмъ), Цибовскій (О. Р., II, 229) cibus (пища), Сатуровъ (5, 3) отъ satur (сытый) и Алимовъ (Пенз. 97, 481) отъ ἄλιμος (неголодный)[3]), Недоѣдовъ (Сзд., 192), Постовъ (83, 59), Постниковъ и Еюнацкій (Сзд., 172) отъ jejunare (поститься), которая вслѣдствіе ея неудобопроизносимости въ той же Владимірской епархіи обратилась въ фамилію Юнацкій (Вл. 4, 307)[4]). На ряду съ фамиліями, указывающими на убожество и дурной покрой одежды, какъ Сермягинъ (99, 203) и Долгополовъ (Сп.

[1]) Можетъ быть, иносословная.

[2]) Конронимъ (гноеименитый) значитъ: получившій имя отъ κόπρος (калъ).

[3]) Встрѣчаются селенія съ названіемъ Алимово, напр. 2 деревни въ Мещевск. у.

[4]) Фамилія Ѣдскій (5, 170) въ Вологодской епархіи происходитъ, вѣроятно, отъ р. Еды.

Библиотека "Руниверс"

архіер., 70)[1]), встрѣчаются фамиліи Щеголевъ (0, 177), Щегольковъ (Вл., 325) и Франтовъ (99, 174)[2]). Особенно странно встрѣчать среди бурсаковъ, ходившихъ большею частью въ домашнихъ „полосушкахъ“ съ „растрепанными полами“ или даже въ „татарскихъ халатахъ“[3]), Тогатовыхъ (0, 3), Вархатовыхъ (92, 50), Бархатцевыхъ (Вол. 69, 295), Багрецовыхъ (М., 46), Багрянскихъ (Сам. 2, 117), Пурпуровыхъ и Пурпуровскихъ (Мож., 59) и Виссоновыхъ (88, 118). Такъ какъ, по отзыву одного ревизора, воспитанники духовныхъ школъ ходили въ одеждахъ „всѣхъ возможныхъ, но грубыхъ и полинялыхъ затасканныхъ красокъ[4]), то не удивительно встрѣтить среди этихъ воспитанниковъ Кармазинскихъ (95, 175), Аловыхъ (Пенз. 97. 234). Каришневыхъ (Пенз. 99, № II, 6), Синевыхъ (4, 225), Лазориныхъ (Тамб. 95, 31), Лазурскихъ (1, 120), Лазурьевскихъ (Смол., X), Голубовыхъ, Лиловыхъ (Зн. III, 387) и Фіолетовыхъ (Сар. 2, 367)[5]). Довольно многочисленныя фамиліи указываютъ на тѣлесные недостатки и болѣзни: Путрицкій (Вл., 7) отъ puter (гнилой), Пандовскій (Вл., 2) отъ pandus (искривленный), Волдыревъ (Мож., 129), Шишкаревъ (См. Ист. М. Ак., 238), въ латинскомъ переводѣ Туберозовъ и Туберовскій (4, 442) отъ tuber (шишка) и tuberosus (покрытый шишками), Паршинъ и Паршинскій (Вол. 69, 435)[6]), Золотухинъ (84, 58), Безруковъ (Сар. 2, 514), Трясорукинъ (6, 235), Перхуновъ (Сар. 3, 368), Сапуновъ (Нж. 68, 272), Рябовъ, Рябцевъ (3, 157), Колтуновъ (96, 169), Полоротовъ (6, 80), Слюнинъ (4, 189), Остроуховъ (6, 158) и Корноуховъ (91, 297); на недостатки зрѣнія указываютъ фамиліи Прищуринъ (Д., III, 104), Страбицкій (Вл., 275) отъ strabus (косой), Однооковъ (Каз., 67), Слѣповъ (Сар. 2, 422), въ греческомъ переводѣ Тифловъ (98, 156) отъ τυφλός (слѣпой); на недостатокъ рѣчи указываетъ фамилія Травлинскій (СПБ., 646) отъ τραυλός (косноязычный). На склонность учениковъ къ нѣкоторымъ спеціальнымъ занятіямъ указываютъ, повидимому фамиліи Охотинъ, Рыбаковъ, Рыбаревъ (Д., II, 293), Ловцовъ (М. А., 555) и существующія въ Олонецкой епархіи фамиліи Звѣроловлевъ и Рыболовлевъ (6, 244), хотя однѣ изъ

---

[1]) Фамилія Курточкинъ (Тамб. 5, 406), вѣроятно, иносословная.

[2]) Можетъ быть, на щегольство указываютъ фамиліи Куклинъ (98, 135) и Милордовъ (Бл., 147); послѣдняя можетъ вести начало отъ бывшей любимымъ чтеніемъ бурсаковъ сказки о Гуакѣ, Англійскомъ Милордѣ (Дубасовъ, III, 164).

[3]) Костр. епарх. вѣд., 1890 г., неоф. 279.

[4]) Тамъ же.

[5]) Нѣкоторыя фамиліи топографическія; напр. с. Голубое Звениг. у., с. Синьково Дмитр. у. Моск. губ., откуда фамилія Синьковскій, с. Алово, Алатыр. у.

[6]) Паршино—2 деревни Кадник. у. Парша—с. Юрьев. у. Влад. губ.

Библиотека "Руниверс"

этихъ фамилій могутъ быть происхожденія топографическаго, какъ фамилія Ловцовъ въ Рязанской епархіи отъ с. Ловцы Зарайск. у., другія символически указывать на ученика, какъ на будущаго „ловца человѣковъ", простирающаго „мрежу вѣры", которую знаменуютъ и фамиліи Мрежинъ (Ряз. 5, 339) и Златомрежевъ (98, 162). На склонность къ земледѣлію указываютъ фамиліи Земледѣлевъ (Сяд., 174), Агриколянскій и Агрономовъ (О. Р., I, 954).

Всѣ эти фамиліи подсказывались самой природой и жизнью; любителямъ велелѣпія оставалось только, сколь возможно, преукрасить ихъ, придать имъ, такъ сказать, научный характеръ. Болѣе простора для фантазіи представляло изобрѣтеніе фамилій, указывающихъ на умственныя или нравственныя качества учениковъ. Духовная школа любила передъ внѣшними оттѣнить „великія и изящныя добродѣтели" своихъ воспитанниковъ и чаще употребляла nomina laudis, чѣмъ nomina vituperii. Изобрѣтатели фамилій, искусившіеся въ риторикѣ, имѣли подъ руками ассортиментъ словъ благозвучныхъ и возвышенныхъ, delectus verborum sonantium et illustrium, какъ напр. Богъ, святость, чистота, добро, правда, свѣтъ, слава, хвала, миръ, любовь, и составляли изъ нихъ самыя разнообразныя и замысловатыя сочетанія. Въ этомъ отношеніи они иногда оставляли позади себя современныхъ драматурговъ и сатириковъ съ ихъ героями, носившими вычурныя сложныя имена, начиная съ Добросердова, Правдолюбова, Мягкосердова, Честона, Любочеста и кончая Стародуровыми, Вздоролюбовыми, Легкомысловыми и Сердцекрадовыми [1]). Нѣкоторыя фамиліи указываютъ въ общихъ выраженіяхъ на пареніе горѣ, приличествующее духовнымъ воспитанникамъ, какъ Боголюбовъ, греч. Θеофиловъ, Христолюбовъ (94, 204), Неболюбовъ (5, 146), Вѣролюбовъ (Вл., 78), Богоспасеновъ (Тамб. 95, 470), Православлевъ (95, 161), Богомудровъ (Пенз. 0, 562), Вѣрномудровъ (2, 138), Боголѣповъ, Богомоловъ и Богомольскій (5, 189), Киріевъ (91, 194) и Киріацкій (О. Р., II, 43), т. е. принадлежащій Господу, Десницкій, т. е. стоящій одесную, Благодатовъ (1, 179), греч. Θеохаровъ (97, 189) [2]), лат. Граціановъ и Граціанскій (Кут., 294) отъ gratia (благодать), Адоратскій (Сп. архіер., 79) отъ adorare (поклоняться), Адвокатовъ (99, 181), т. е. призванный, разумѣется, Богомъ, Ренатовъ (99, 150), т. е. возрожденный, Животоносовъ (Симб. 80, 382). Нѣкоторыя фамиліи указываютъ лишь на то, что ихъ носи-

[1]) См. напр., Аѳанасьевъ, Русскіе Сатир. Журналы, 174; сочиненія и переводы Лукина и Ельчанинова, изд. 1868 г., стр. 17, 84, 192.

[2]) Искаженная Θеофаровъ. Θеохаровъ значитъ Богоблагодатскій отъ Θεός (Богъ и χάρις (благодать).

Библиотека "Руниверс"

тели склонны къ добру, хороши, но неизвѣстно, въ какомъ отношеніи: таковы фамиліи Добровъ, Добрицкій (М. Ниж., I, 382), лат. Боницкій (Нж. 4, 289) отъ прил. bonus, Меліоровъ (Пск. 2, 262) и Меліоранскій отъ сравн. степ. melior, греч. Агатовъ (99, 173) и Агатицкій (Каз. 5, 761) отъ полож. степ. прилаг. ἀγαθός, Аминицкій (Тамб. 63, 133) или Аменицкій отъ сравн. степени того же прилагательнаго ἀμείνων, Аристовъ, Аристовскій (Зн., III, 144)[1]), Велтистовъ (Яр. 5, 311) и Кратистовъ (О. Р., II, 197) отъ превосходной степени того же прилагательнаго въ трехъ формахъ ἄριστος, βέλτιστος и κράτιστος, Добролюбовъ, Добролюбскій, Доброжелановъ (79, 132), Благосклоновъ (93, 98), Благосклонскій (86, 84), Добросклонскій (3, 186), Благоволинъ и лат. Беневольскій и Беневоленскій, Гораздинъ (Ряз. 5, 687), Годневъ (Костр. 90, 214), Пробатовъ (93, 174), т. е. заслужившій одобреніе, отъ probare (ободрять). Ученики, еще подлежащіе испытанію, назывались Эксперіандовыми (90, 145), правильнѣе Эксперіендовыми, и Экспериментовыми (Вл., 327), посредственные—Медіокрицкими (Сзд. 188) отъ mediocris, дурные—Плоховыми (Сар. 2, 611), Правитскими (Новг. 4, 904) отъ pravus (дурной) и, можетъ быть, Малицкими (Нж. 4, 241) отъ malus (дурной)[2]). Нѣкоторыя фамиліи хвалили и прославляли своихъ носителей, какъ Славинъ (85, 41) и т. п. Благославовъ (2, 147), Велеславовъ (6, 515), Доброславинъ (Нж. 4, 432) и Доброславскій, Милославовъ (4, 27), Милославинъ и Милославскій (Тв. 4, 432)[3]), латинскія Фаминъ (91, 263) и Фаминскій отъ fama, Кляритскій (95, 150) и Кляровскій (Пск. 2, 305) отъ clarus[4]), Иллюстровъ (2, 147) отъ illustris, Целебровскій и Целебрицкій (Пенз. 97, 235) отъ celeber, Глоріозовъ (Вл., 82) отъ gloriosus, французская Глоарскій (Сзд., 167) отъ gloire, Хваленскій (Вл. 5, 309), Хвалебновъ (87, 48), Доброхваловъ (Ч., 448), латинскія Лавдовскій (Вол. 69, 172), Лаудан-скій (О. Р., I, 338), Лявданскій (88, 74) отъ laudare (хвалить)[5]),

---

[1]) Ср. с. Аристовка Городищен. у. и т. п.

[2]) Или отъ прил. малый или отъ лат. malus (яблоня). Сравн. Николаевскій Малицкій монастырь Тверской епархіи.

[3]) Любовь къ фамиліямъ, въ которыхъ входитъ слово „слава", привело къ употребленію фамилій, произведенныхъ отъ именъ польскихъ и старорусскихъ, малоупотребительныхъ и некалендарныхъ, какъ Святославскій, Ростиславовъ, Ростиславинъ (81, 113) и Ростиславскій (2, 132; с. Ростиславово Зар. у.), Вышеславовъ (1, 410), Мирославлевъ (89, 115), весьма употребительная Владиславлевъ и Владиславскій (94, 173), Болеславскій (5, 267), Станиславовъ и Станиславскій (93, 165; с. Станиславль Подол. у. Моск. губ.).

[4]) Сравн. названіе села Кляри—Архангельское Тетюшск. у.

[5]) Лавда на Сѣверо-Востокѣ значитъ трясина.

Библиотека "Руниверс"

греческая Эпенетовскій (78, 124) отъ ἐπαινέω хвалю)[1]). О свѣтѣ знанія и блескѣ дарованій говорятъ фамиліи: Свѣтловъ, Свѣтловскій (2, 163), Свѣтаевъ (Вл., 238), Свѣтлаевъ, Свѣтлаковъ, Свѣтлановъ, Свѣтиковъ (Сзд., 205), Свѣтилинъ (Д., II, 175), Свѣтоносовъ (78, 139), Сіяновъ (Сар. 2, 363), Ясницкій (Бл., 79)[2]), Немерцаевъ, сложныя Благосвѣтовъ (91, 185), Благосвѣтловъ (Сар. 2, 588) и Любосвѣтовъ (2, 338), латинскія Люцинскій (78, 176) отъ lux (свѣтъ), Люстровъ (Пенз. 68, 257) и Люстрицкій (6, 245) отъ lustrare (освѣщать), Люминарскій (М., 103) отъ lumen (свѣточъ), Иллюминарскій (Сар. кн. 80 г., 139) и Иллюминатовъ (3, 181) отъ illuminare (освѣщать), Люцидарскій (О. Р., II, 217) отъ lucidus (свѣтлый), Люцернинъ (Пенз. 97, № 7, 16) отъ lucerna (свѣтильникъ), Канделябровъ (Нов. 4, 904) отъ candelabrum (свѣтильникъ) и Сплендоровъ (3, 146) отъ splendor (блескъ), греческія Ламповъ (Сам. 2, 95) и Лампадинъ (Ряз. 5, 182) отъ λαμπάς (свѣтильникъ), Фострицкій (въ искаженіи Фавстрицкій и Фастрицкій, Сам. 2, 116) отъ φωστήρ (свѣточъ), Евфановъ (4, 204) отъ εὐφανής (блистающій), Астраптовъ (88, 118) отъ ἀστράπτω (блистаю), Эглицкій (Сзд., 218), если эта фамилія произведена отъ слова αἴγλη (свѣтъ) и нѣмецкая Шейновъ (7, 182) отъ Schein (свѣтъ). На особыя дарованія указываютъ фамиліи Богдаровъ (92, 263), Благодаровъ (3, 182), Лѣподаровъ (Сар. 2, 607), Щедродаровъ (97, 92), греческая Агаѳодоровъ (92, 170) и Полидоровъ и Полидорскій (Нж. 4, 283), т. е. одаренный благими или многими дарами; фамиліи Орнатовъ (88, 115) и довольно употребительная Орнатскій отъ ornare (украшать) также указываютъ на людей, украшенныхъ особыми способностями и дарованіями[3]). Особыя дарованія учениковъ давали поводъ называть ихъ счастливыми и блаженными. „Многія отъ руки Вышняго пріялъ дары, говорится въ аттестатѣ одного ученика Казанской семинаріи XVIII вѣка, ихже ради блажится зѣло“ (Оп. Син. Арх. XVI, 61). Такихъ учениковъ felici natura (Теод., 249), indolis, felicis (Теод., 232), favente Minerva natos (Теод., 229) называли Счастливцевыми (89, 127), Счастневыми (3, 145), Блаженскими (Орл. 5, 451), по латыни Фортуниными (91, 263), Фортунатовыми и Фортунатскими (Костр. 85, 372) отъ fortuna и fortunatus, Феликсовыми и Фелицыными отъ felix[4]),

[1]) Или отъ имени Епенетъ.

[2]) Ср. Ясенки—села въ Щигр., Н. Дѣвиц. и др. уѣздахъ.

[3]) Авторъ „Исторіи Россійской Іерархіи“ еп. Пензен. Амвросій († 1827 г.), родомъ изъ погоста Чуди Череповец. у., въ училищѣ назывался Чудскимъ, а въ С.-Петербургской Главной семинаріи былъ названъ Орнатскимъ (Пенз. Еи. Вѣд. 1890 г. № 13, неоф. 1—2).

[4]) Фамилія Филиксовъ (Пенз. 2, 67 оф.) произведена отъ имени Феликсъ, которое по гречески пишется черезъ υ—Филиксъ.

Библиотека "Руниверс"

Фавстовыми (Яр. 5, 330) отъ faustus, Просперовъ (Д., II, 262) отъ prosper, Бенедиктовъ и Бенедиковскій (Ор. 5, 451) отъ benedicere (благословлять) по гречески Евлогіевъ (Мож., 105) отъ εὐλογέω (благословляю)[1]), и Макаревскій (Тамб. 63, 65) отъ μάκαρ (блаженный). Довольно, впрочемъ, многочисленны и фамиліи противоположнаго значенія: русскія Бѣдинъ (77, 131), Горемыкинъ (Орл. 5, 41), Терпигоревъ (М., 59), Неудачинъ (О. Р., II, 8), латинскія Мизеровъ и указанныя выше однокоренныя, Мизерандовъ (Сам. 2, отчетъ эмер. кассы. 14) отъ miser и miserandus (достойный сожалѣнія), Инфелицынъ (Д., II, 105) отъ infelix, Эрумнозовъ (Вл., 327) отъ aerumnosus (несчастный), Деплоранскій (Ч., 456) отъ deplorare (оплакивать), греческія Аморскій (Пенз. 95, 95) отъ ἄμορος (несчастный, собственно безчастный)[2]), Талепоровскій (90, 345) отъ ταλαίπωρος (несчастный), Елегонскій (Вол. 69, 343) отъ ἔλεγος (плачъ). Отличные ученики, естественно, были милы и пріятны начальникамъ, возбуждали въ нихъ радость и восторгъ; отсюда фамиліи Любимовъ, Любимцевъ (Нж. 58, 151), Любскій (Нж. 68, 241)[3]), Миловъ (Пенз. 37, 516), Миловскій, Мильскій (85, 36), Радинъ (95, 157), Пріятинскій (89, 127), Утѣхинъ (1, 269)[4]), Восторговъ (92, 161), сложныя Милорадовскій (Общ. шт. 44, 128), Милотворскій (Нж. 4, 335) и, вѣроятно, Милоновъ (2, 145), которая и въ свѣтской литературѣ (Недоросль) употреблялась для обозначенія человѣка милаго и пріятнаго[5]); существуютъ многочисленные переводы фамиліи Любимовъ, латинскіе Аматовъ (Вл. 25) и Амантовъ (О. Р., I, 357)[6]), греческіе Филемовъ (96, 197) и Филевскій (3, 164) отъ φιλέω, Эрастовъ (Зн., III, 385) отъ ἐραστός и Агапитовъ (СПБ., 649) отъ ἀγαπάω[7]), французскіе Фаворитовъ (Яр. 5, 373) и Фаворитскій (Олон. 3, 446); греческія фамиліи Еварестовъ (Тамб. 5, 581) отъ εὐάρεστος (благоугодный)[8]) и Паригоринъ (87, 56) отъ παρηγορία (утѣшеніе), и латинскія Граціанскій (Иск. 2, 201) или Грацинскій отъ gratia и gratus (пріятный), Свавицкій (Вл. 234) suavis (пріятный), Дульцин-

[1]) Или отъ имени Евлогій.

[2]) Если эта фамилія не произведена отъ лат. amor (любовь).

[3]) Фамилія Судьбининъ (85, 49) имѣетъ неопредѣленное значеніе.

[4]) Фамиліи Отрадинскій и Утѣшинскій большею частію топографическаго происхожденія. Фамилію Любедскій дало с. Любедъ Ковров. у.

[5]) Если только она не дана какому-либо семинарскому атлету въ честь Милона Кротонскаго или семинарскому поэту въ честь М. В. Милонова († 1821 г.).

[6]) Одно и тоже значеніе могутъ имѣть фамиліи, произведенныя отъ дѣйствительныхъ и страдательныхъ формъ; при этомъ Амантовъ можетъ быть искаженной формой фамиліи Амандовъ отъ стр. прич. amandus.

[7]) Или отъ именъ Эрастъ и Агапитъ.

[8]) Или отъ имени Еварестъ.

Библиотека "Руниверс"

скій (Каз. 67, 237) отъ dulcis (сладкій, пріятный)[1]), Дезидеріевъ (Каз. 5, 701), Делицынъ (М., 92), Делицынъ (Тамб. 5, 575) и Делиціевъ (Тамб. 95, 592)[2]) отъ desiderium и delicia (радость) также обозначаютъ пріятныхъ и доставляющихъ радость учениковъ.

Ученики, подававшіе хорошія надежды, bonae spei adolescentes (Теод., 242), получали фамиліи Надеждинъ и Надежинъ (СПБ., ук., 13), Надежницкій (Сзд., 190), Добронадеждинъ (Ч., 448), Благонадеждинъ (5, 199), Благонадежновъ (77, 122), весьма часто латинскую Сперанскій, рѣже Сперантовъ (5, 198), Сперансовъ (О. Р., I, 113), искаженную Сперанцевъ (2, 117)[3]) Сперовъ, Сперовскій (79, 135) отъ spero (надѣюсь) и, можетъ быть, Юратовъ (Пенз. 71, 233) отъ iuratus (приносящій присягу, надежный); въ греческомъ переводѣ Надеждины назывались Эльпидовыми (Пенз. 3, 55 оф.), Ельпидинскими (6, 244) отъ ἐλπίς (надежда) и Ельпидифоровыми (93, 237). Ученики, превосходившіе своихъ товарищей, получали фамиліи Прелатовъ (Пенз. 37, 516) отъ лат. praelatus (превознесенный, предпочтенный), Преферансовъ (М., 122) и Преферанскій (тв. 4, 343) отъ франц. préférence (предпочтеніе), Суперанскій (37, 165) отъ superare (превосходить), Делекторскій (Спр. 2, 371), т. е. избранный (delectus), Рарскій (Общ. шт. 44, 121), т. е. рѣдкій (rarus), Асценсовъ (М., 85), т. е. высокостоящій (ascendo-восхожу), Эминентовъ (Каз. 67, 158), т. е. выдающійся (eminere). Фамиліи Недешевъ (2, 132), Талантовъ (Каз. 86, 424), Примѣровъ (М. А., 537) и Образцевъ[4]), лат. Экземпляровъ (Ряз. 5, 107) и Экземплярскій обозначаютъ также образцовыхъ учениковъ, при чемъ на весьма высокую степень совершенства указываютъ фамиліи Тезавринъ (Вл., 282), Тезавровъ (Нж. 68, 266) и Тезавровскій (88, 133) отъ θησαυρός (сокровище) и Θеопемптовъ (6, 250), т. е. посланный Богомъ[5]). На образцоваго ученика указываетъ, повидимому и весьма употребительная фамилія Зерцаловъ, какъ это видно изъ слѣдующаго аттестата одного изъ учениковъ Казанской семинаріи: „кромѣ ума остраго и чуднаго въ ученіи понятія прочіими знаменитыми добродѣтельми украшенъ, въ нихже упражняяся прочіимъ сверстникамъ, аки

---

[1]) Русская фамилія Сладчанскій (83, 61) происходитъ отъ с. Сладчанскаго Шадрин. у.

[2]) Извѣстный проф. прот. И. С. Делицынъ ранѣе назывался Заринъ (Ген. I, 287).

[3]) Или итальянскую (speranza).

[4]) Названіе Образцово довольно часто встрѣчается въ топографической номенклатурѣ разныхъ епархій.

[5]) Или отъ имени Θеопемптъ.

Библиотека "Руниверс"

зерцало, себе показуетъ“ (Оп. Син. Арх., XVI, 610[1]). Особенно отличившихся учениковъ называли Вѣнцовыми (Тамб. 5, 405), Вѣнковыми (Пенз. 3, 41), Вѣнчаевыми (3, 158), Вѣнецкими (Вол. 37, 211), Вѣнценосцевыми (О. Р., I, 502), Лавровыми и Лавровскими отъ лавровъ, какъ наградъ за побѣду, по латыни Коронатовыми (Пенз. 97, 480) и Лавриферовыми (Пенз. 68, 153) т. е. носящими лавры; „est, enim, quasi corona totius scholae“, говорятъ школьные списки (Теод., 237) о такихъ ученикахъ, которые, увѣнчанные школьными лаврами, сами вѣнчаютъ собою всю школу, составляя ея украшеніе. На превосходство передъ сверстниками указываютъ также фамиліи Наградовъ (6, 238), Побѣдовъ, Побѣдинъ (О. Р., I, 462), Побѣдинскій, Побѣдоносовъ (Бл. 147), Побѣдоносцевъ, лат. Викторовъ, Викторинъ (Астр. 5, 435), Викторскій и Викторіанскій (М., 95), Евнитскій (75, № 21, 5)[2]) Трофеевъ (90, 294) и Тріумфовъ (5, 197). Духовная школа признавала нѣкоторыхъ своихъ питомцевъ не только достойными удивленія, Чудовыми (Пенз. 97, 514), Дивовыми (89, 170), по латыни Мировыми (93, 303), Премировыми (Симб. 80, 86) и Мирандовыми (Астр. 5, 834) отъ mirus, praemirus и mirandus (удивительный и достойный удивленія), но иногда прямо необыкновенными существами, Феноменовыми (4, 215), и даже прямо Геніевыми (Сам. 2, 89). Старая Духовная школа на ряду съ прилежаніемъ (diligentia), успѣхами (profectus) и поведеніемъ (mores) оцѣнивала также и способности (indoles)[3]). Весьма многочисленны фамиліи, произведенныя отъ разнообразныхъ синонимовъ, существующихъ въ русскомъ и иностранныхъ языкахъ для обозначенія умственныхъ способностей какъ Умовъ, Умновъ, Мудровъ, Мудрецовъ (Тамб. 5, 480), Разумовъ, Разумихинъ (тв. 4, 434), Разумовскій, Разсудовъ (Пенз. 68, 279), Разсудовскій (О, 185), Понятовъ (Каз. 67, 379), Понятскій (Фил. II, 150) и Понятовскій (Орл. 5, 256), Смышляевъ, Скородумовъ, (7, 141), Догадовъ (7, 127), Способинъ, Нетупицынъ (88, 18); сложныя Мудролюбовъ, Остроумовъ, Доброумовъ (Вол. 97, 32), Быстроумовъ (91, 265), Красноумовъ (5, 267), Скородумовъ, Мысловскій (Гел. II, 362), Благомысловъ и Благосмысловъ (3, 178), Добромысловъ (М. Нелеп., I, 383) и Добросмысловъ (Каз., 142), Здравомысловъ и Здравосмысловъ, Остромысленскій и Благоразумовъ; эти фамиліи чередуются съ латинскими Индолевъ (6, 258) отъ indoles, Ингеницкій (3, 161)

[1]) Зерцало (speculum)—одно изъ любимѣйшихъ старинныхъ заглавій сочиненій всевозможнаго содержанія, начиная съ сборниковъ законовъ, напр. Саксонскаго Зерцала (Speculum Saxonicum) и кончая богословскими сочиненіями въ родѣ Зерцала Богословіи Кир. Транквилліона и Юности Честнаго Зерцала.

[2]) Фамилія Стратонитскій происходитъ отъ имени Стратоникъ.

[3]) Теодоровичъ, 218.

Библиотека "Руниверс"

отъ ingenium, Сенсовъ (О. Р., I, 666) отъ sensus, Прудентовъ и Пруденскій (СПБ., 646) отъ prudens, Капацинскій (Вл., 122) отъ сарах [1]), Сапоровскій (98; 136) отъ sapor, Соллертинскій и Соллертовскій (Вл. 4, 199) отъ sollers, Сагакскій (Пенз. 68, 271), Сагацкій (Мож., 93) и Сагацинскій (Вл., 231) отъ sagax, Фацетовъ (82, 36) отъ facetus, Доцилевскій (Вл., 102) отъ docilis, Когновицкій (О. Р., II, 433) отъ cognoscere, Кордатовъ (Нж. 4, 241), Кордовскій (Тв. 4, 432) и Кордицкій (Вл., 8) отъ cor (сердце) [2]); сложная фамилія Альтаментовъ (Сар. 2, 386) отъ altus (высокій) и mens (мысль) также указываетъ на высокія умственныя качества; отъ греческихъ прилагательныхъ σοφός (мудрый), σόφρων (благоразумный) и существительнаго φρήν (умъ) произведены фамиліи Софинскій (6, 253), Философовъ, Софотеровъ (95, 192), Софронскій (О. Р., I, 927) Софроницкій (2, 227), Фриновскій [3]) и Мегафриновъ (Сар. кн., 396); есть и Французская фамилія Резоновъ (Тамб. 95, 508) отъ raison (умъ). На остроту умственныхъ способностей, переходящую иногда въ хитрость указываютъ фамиліи Островъ (91, 51), Остряковъ (98, 155), Хитровъ, Хитровскій (Зн., III, 411) и латинскія Ацеровъ (95, 177) отъ acer, Ацетовъ (Зн., III, 385) отъ acetum [4]) и Астутинъ (М., 79) отъ astutus (хитрый). На умудренность опытомъ могутъ указывать фамиліи Совѣтовъ и Перитскій (95, 329) отъ peritus (опытный), на состояніе памяти—фамиліи Рекордатовъ (Тул. 5, 259) отъ recordari (помнить), Меморскій (М., 70) отъ memor (помнящій) и Безпамятинъ (Сар. 2, 425). На отрицательныя свойства ума указываютъ фамиліи Простовъ (90, 110), Простаковъ (Сзд., 201), Недумовъ, Недогадовъ (Пенз. 90, № 8, 10) и латинскія Трунцевскій (Вл., 295) отъ truncus (пень, болванъ) и Мальдонатовъ (Пенз. 68, 64) отъ male (дурно) и donatus (одаренный).

На успѣхи въ наукахъ указываютъ фамиліи Успѣховъ (88, 132) и Прогрессовъ (Нж. 4, 243); фамилія Элеганскій (Вл., 327) также обозначаетъ ученика, который оказалъ выдающіеся успѣхи, profecit elegantissime (Теод., 239); фамилія Промовендовъ (37, 168) указываетъ на ученика, по успѣхамъ достойнаго промоціи, т. е. перевода въ высшее отдѣленіе [5]). Напротивъ фамилія Знатоковъ, латинскія Доктовъ (Вл., 102) и Доктусовъ (Астр. 5, 791) отъ doctus и Эрудитовъ (Вл.,

[1]) Во Владимірской семинаріи было 34 Капацинскихъ.

[2]) Cor, cordis, какъ вмѣстилище ума, употребляется для обозначенія ума.

[3]) Эта послѣдняя фамилія, если первоначально она писалась Ѳриновскій, можетъ происходить и отъ θρῆνος (плачъ).

[4]) Acetum собственно значитъ уксусъ, затѣмъ остроуміе.

[5]) На переводныхъ (промоціонныхъ) спискахъ начальство клало резолюцію: promovendi promoveantur (Пенз. 68, 58 неоф.).

Библиотека "Руниверс"

327) отъ eruditus и греческая Полигнотовъ (О, 184) указываютъ на достиженіе ихъ носителями большого совершенства въ наукахъ; такое же значеніе можетъ имѣть и фамилія Сорбонскій (Пенз. 90, № 14, 23), произведенная отъ названія знаменитаго ученостью французскаго университета; на эрудицію, вѣроятно, указываетъ и фамилія Книжниковъ (4, 196), въ латинскомъ переводѣ Либровскій (Вол. 5, 174). Фамиліи Консидентовъ (М., 80) отъ considere (опускаться) и Ретровскій (Вол. 5, 176) отъ retro (назадъ) указываютъ, вѣроятно, на пониженіе по списку ихъ носителей. Отсутствіе знаній обозначаютъ фамиліи Незнаевъ (5, 168), Недовѣдовъ (Пенз. 3, 172) и латинскія Игнораговъ (О, 169) и Игнорацкій (Сзд., 175) отъ ignorare (не знать).

На „благородное честолюбіе", считавшееся приличнымъ для питомца духовной школы, указываютъ фамиліи Любочестновъ (78, 103), Любославовъ, Любославскій и Славолюбовъ (90, 27, 89, 355), латинскія Гонориновъ (93, 233) и Гонорскій (2, 177) отъ honor, на соревнованіе—Контендантовъ (М., 60), вѣрнѣе Контендентовъ отъ contendere[1]) и Зилотинъ (Каз. кн. 57) отъ ζηλόω (соревную); переходъ этихъ хорошихъ качествъ въ дурныя, гордость и хвастовство, отмѣчаютъ фамиліи Спесивцевъ, Самохваловъ (5, 27) и Глоріантовъ (Ч., 451) отъ лат. gloriari (хвастать). Для обозначенія учениковъ прилежныхъ и заботливыхъ существовали многочисленныя фамиліи: русскія Прилежаевъ (Вол. 69, 340), Прилежинъ (95, 153) и т. п. Ретивцевъ (Сп. архіер., 63), Трудолюбинъ (Вл., 295) и Трудниковъ (Сзд., 212)[2]) и нѣсколько пренебрежительная Зубрилинъ (Каз. 86, 366), латинскія Дилигентовъ и Дилигенскій (Пенз. 97, 483) отъ diligens, Лаборинскій и Ляборинскій (91, 336) отъ labor (трудъ), Студентовъ (Вол. 97, 213) и Студенскій (О. Р., II, 200) отъ studere, Индустріевъ (97, 167) отъ industria (трудолюбіе), Куратовъ (89, 145) отъ curare (заботиться) и Аккуратовъ (Олон. 3, 144) отъ accuratus (рачительный)[3]), греческія Манѳановскій (Тв. 4, 432) отъ μανθάνω (учусь) и Матицкій (Каз. 67, 381) отъ основы того же глагола μαθ, Филоматовъ (Вл., 304) и Филомаѳитскій (94, 223) отъ той же основы μαθ и φιλέω (люблю) и, можетъ быть, Калиндовскій (Вл., 5) отъ καλίνδειν или κυλίνδειν (вращаться,

[1]) Какъ извѣстно, въ духовныхъ школахъ всякій ученикъ могъ явиться конкурентомъ на занимаемое другимъ мѣсто, написавъ на конкурсной письменной работѣ: contendo de loco cum discipulo. N. N.

[2]) Ученикъ Суздальской семинаріи Трудниковъ былъ, впрочемъ, уволенъ „за нерадѣніе". Трудникомъ называется, какъ извѣстно, монастырскій работникъ по обѣту.

[3]) Фамилія Куратовъ можетъ быть переводомъ фамиліи Поповъ, такъ какъ curatus значитъ приходскій священникъ (ср. curé). Аккуратовъ можетъ быть фамиліей позднѣйшей, иносословной.

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ либо постоянно заниматься, быть усидчивымъ, прилежнымъ). Особенно пламенное усердіе отмѣчаютъ фамиліи Огневъ, Огнинъ (Д., II, 231), лат. Ардентовъ (Пенз. 3, 87) отъ ardere, греч. Флегинскій, (87, 38) и Флегматовъ (96, 197) отъ φλέγω (горю) и φλέγμα (жаръ) и Пировскій (М., 98) отъ πῦρ (огонь). Сравнительно малочисленны фамиліи, указывающія на лѣность учениковъ, какъ лат. Пигровъ (О, 187) отъ piger (лѣнивый) и греческія Амелинъ (Яр. 5, 366) отъ ἀμέλεια (беззаботность) и Азелицкій (Пск. 2, 204) отъ ἄζηλος (лишенный соревнованія).

Нѣкоторыя фамиліи произведены отъ названій отдѣленій старой духовной школы: фамилія Декалоговъ (Тул. 5, 218) дана была, можетъ быть, ученику низшаго отдѣленія изъ числа тѣхъ, которые „произошли законное десятословіе“ [1]) (Оп. Син. Арх. VII, CIII), Инфимовскій (3, 227), Философовъ [2]), Богослововъ (Пенз. 97, 519), Теологовъ (Д., II, 189) и Ѳеологовъ (Тул. 5, 259); фамиліи Старостинъ (Вол. 69, 378), лат. Пріоровъ (Костр. 90, 11) и греч. Архонтовъ (97, 183) на учениковъ, бывшихъ старшими—сеніорами. На мѣсто, которое занималъ тотъ или другой ученикъ по списку, вѣроятно, указываютъ произведенныя отъ числительныхъ порядковыхъ фамилій, какъ Первой (О. Р., I, 202) и т. п., въ латинскомъ переводѣ Приматовъ (99, 54), въ греческомъ Протанскій (Бл., 2), Второвскій (99, 141), лат. Секундовъ (5, 39), нѣм. Цвейтовъ (3, 162), Третинскій (Новг. 4, 904), лат. Терціевъ (97, 182), греч. Эктовъ (Вор. 78, 130) отъ ἕκτος (шестой), греч. Декатовъ (2, 225) отъ δέκατος (десятый), Постремовъ (Сар. кн. 80, 202) отъ postremus (послѣдній). Не совсѣмъ понятны фамиліи Центовскій (Мож., 105) отъ centum (сто) и греч. Екатовъ (О. Р., II, 20) отъ ἑκατος (сотый).

Многія фамиліи были изобрѣтены „въ похвалу добродѣтелей душевныхъ“, какъ Добровъ и другія указанныя выше, обозначающія, какъ хорошія качества носителей вообще, такъ особенно доброту душевную, Сердцевъ, лат. Кордовскій (Тв. 4, 432) и Кордицкій (Вл.. 8) отъ cor, cordis (сердце), Благосердовъ (Р. Ст., XXXIII, 662), Добросердовъ, Милосердовъ (Тамб. 5, 577), Незлобинъ (Ряз. 5, 275), Доброхотовъ, Добродушинъ (Вл., 94), Сердоболинъ (Ряз. 5, 195) и Сердобольскій (Каз. 86, 532), Добротворскій, Добротворцевъ (Тамб. 95, 409), Добродѣевъ (6, 227), Благодѣтелевъ (Тамб. 95, 408), Доброрадовъ (Вол. 69, 558), Добрадинъ (Сп. архіер., '69), лат. Бенефактовъ (Ряз., 289) отъ benefactum (доброе дѣло), лат. Клеменсовъ (Костр. 90,

[1]) Т. е. выучившихъ 10 заповѣдей.

[2]) Ср. с. Философово Орлов. у.

Библиотека "Руниверс"

201) отъ clemens (милостивый), Фовицкій (Род., 510) отъ fovere (ласкать), греческія Филантроповъ (Сп. архіер. 906 г., 40) и Филандровъ (90, 17) отъ φιλάνθρωπος и φίλανδρος (любящій людей), Эвергетовъ (Нж. 4, 364) и Евергетидовъ (М., 89) отъ εὐεργέτης и εὐεργέτις (благодѣтель, благодѣтельница), Діатроповъ или Діатроптовъ (Пенз. 97, отъ διατροπή (состраданіе)[1]). На щедрость указываютъ фамиліи Щедровъ, Щедринъ (75, № 26, 5), Щедринскій (Вл., 325), Щедролюбовъ (Д., III, 152) и Щедродаровъ (97, 92), на братолюбіе—фамиліи Братолюбовъ, Адельфинъ и Адельфинскій (2, 56), Филадельфовъ, Филадельфинъ и Филадельфійскій (1, 177) отъ ἀδελφός (братъ), на любовь къ товарищамъ и друзьямъ—фамилія Друговъ (6, 255), Содальскій (Каз., 962) отъ sodalis (товарищъ) и Фиделинъ (Тамб. 95, 379) отъ fidelis (вѣрный), на любовь къ гостепріимству—фамиліи Радушновъ (Тамб. 5, 400), Гостепріимновъ (Сам. 2, 23), греч. Филоксеновъ (Д., III, 96). Миролюбіе обозначали фамиліи: одна изъ самыхъ употребительныхъ Тихомировъ (въ искаженіи Тихоміровъ), Мировъ, Мирновъ (Ген. II, 325), Миролюбовъ, Любомировъ (6, 224), Любомирскій (93, 155)[2]), Миротворцевъ, Мирославовъ (4, 410), Мирославскій (Д., III, 221), Драгомировъ (Сам. 2, 189), Радимировъ (Ряз. 5, 488) и латинская Конкординъ (98, 155) отъ concordia (согласіе). Ученики съ противоположными качествами получали фамиліи Немировъ (7, 154), Прибытковъ (5, 424), Прибылевъ (4, 230), Корыстинъ (98, 145), Добычинъ (О, 195), латинскія Парковъ (Вл. 4, 184) отъ parcus (бережливый), Скарданицкій (5, 173), повидимому, отъ неклассическаго scardus (скупой), Юргановъ (Сар. 3, 368) отъ iurgari (ссориться)[3]).

Во времена, когда большинство дѣтей духовныхъ лицъ вмѣсто ученья желали „въ глупствѣ остаться“, а отцы предпочитали дѣтей „своими руками въ землю закопати, нежели въ семинарію на муку отдати,“[4]) естественно было появленіе такихъ фамилій, какъ Неволинъ, Нехотѣновъ (Вл., 8) и Актовъ (1, 300) отъ ago, т. е. приведенный, и противоположныхъ имъ, какъ Добровольскій, Хотѣловъ (Сзд. 214), Желателевъ (93, 156)[5]) и латинскія Куперовскій (Вол. 69, 343) отъ cupere (желать) и Спонтанскій (Сзд., 210) отъ spontaneus (добровольный).

Существуютъ весьма многочисленныя фамиліи, показывающія, что ихъ носители „за смиреніе и кротость паче, нежели за остроту ума, по-

[1]) Passov, Handwörterbuch, s. v.--Rührung, Mitleid.

[2]) Повидимому, не имѣющая общаго съ польской княжеской фамиліей.

[3]) Фамилія Акциденскій можетъ происходить отъ акциденція въ смыслѣ взятки.

[4]) Сперанскій И., 83; Агнцевъ, 22.

[5]) Фамилія Хотинскій (86, 72) Казанской епархіи отъ с. Хотни Каз. у., фамилія Желанскій (79, 139) с. Тамбовской епархіи отъ с. Желаннаго Шацк. у.

Библиотека "Руниверс"

хвалялись“ (Оп. Син. Арх., XVI, 607). Духовная школа съ замѣчательной изобрѣтательностью изощрялась въ комбинированіи русскихъ и иноязычныхъ синонимовъ, обозначающихъ эти драгоцѣнныя для нея качества. Одной изъ самыхъ любимыхъ фамилій была Смирновъ; употреблялись и однокоренныя Смирницкій, Смиренскій (3, 171), Смирягинъ, Смиренинъ, Смиренномудровъ и Смиренномудренскій (97, 189); то же значеніе имѣютъ фамиліи Кротковъ, Тиховъ (4, 222), Тиховидовъ, Тихобразовъ (Бл., 147), Тихонравовъ (Пенз. 68, 279), Покоевъ (Род., 360), Молчановъ, Нешумовъ (91, 14), Немолвинъ (Ряз. 5, 197), Неговоровъ (85, 175), Безъязычновъ (Астр. 5, 402), Скромновъ (98, 160), Чинновъ (95, 196), Немѣшаевъ (4, 488), Покорскій (Фил., II, 151), Почитаевъ (Сар. 3, 126), Ублажаевъ (Ряз. 5, 499), Страховъ и и Трепетовъ (Тамб. 95, 294). Отъ перевода вышеупомянутыхъ фамилій на древніе языки получились многочисленныя фамиліи: указывающія на скромность и кротость Модестовъ отъ modestus, Мансветовъ[1]) отъ mansuetus, Ленскій (О. Р., I, 974) отъ lenis, Аркановъ (Каз., 292) отъ arcanus (тайный, тихій), Плацидевскій (Вл., 197) отъ placidus, на кротость съ оттѣнкомъ услужливости—Моригеровскій (М., 93) отъ morigerus, Коммодовъ (Пенз. О, 571) commodus (полезный, услужливый) и Харизоменовъ (90, 124) отъ χαρίζομαι (угождаю); о послушаніи говорятъ фамиліи Обтемперанскій отъ obtemperare и Обедіенскій (Вл., 159) отъ obediens (послушный), о почтительности Верекундовъ (88, 113) отъ прил. verecundus и Реверскій (Орл. 5, 34) отъ гл. revereri, о спасительномъ страхѣ—Тимидовскій (Вл., 9) отъ timidus, о терпѣніи—Толеровъ (5, 151 отъ tolerare, о спокойствіи—Квіетинскій (М. А., 564) отъ quietus, Транквиллицкій (2, 143), Транквилевскій (Вл., 291) и Транквиллитатинъ (95, 150) отъ прил. tranquillus и сущ. tranquillitas, Пакатовъ (Вл., 192) и Пакатскій (Фил., II, 222) отъ pacatus, Суспенскій (75, № 21, 7) отъ suspensus (нерѣшительный), о молчаливости –Силецкій (Вл., 8) отъ silere, Тацентовъ (2, 117) отъ tacere, Тацитурновъ (Сар. 2, 617) отъ taciturnus, Флегматовъ (96, 197) отъ φλέγμα, объ умѣренности вообще—Модератовъ (94, 291) отъ moderatus и Темперовъ (О. Р., II, 462), Темперанскій (Вл., 283) и Темпераментовъ (89, 154) отъ гл. temperare и сущ. temperamentum; тѣ же качества, доходящія до крайностей, дали фамиліи Сервицкій (92, 185) и Сервилинъ (Ряз. 5, 324) отъ servire (быть рабомъ) и servilis (рабскій), Вилинскій (90, 133) отъ vilis (низкій)[2]), Лестевъ (Ч., 441), въ латин-

[1]) Иногда со страннымъ начертаніемъ черезъ ѣ—Мансвѣтовъ (91, 206).

[2]) Можетъ быть и топографическаго происхожденія отъ с. Вили Ардат. у. Нижегор. губ.

Библиотека "Руниверс"

скомъ переводѣ Бляндицкій (Вл., 10) отъ blandus; на крайнюю степень смиренія указываютъ фамиліи Метаніевъ (6, 254) отъ μετάνοια (покаяніе), Киликеевъ (Каз. 5, 700) отъ χιλίχιον (власяница), Мытаревъ (Вл. 4, 303), Праховъ (Вол. 5, 172) и Пепловъ (Ряз. 5, 197); безопасное положеніе, достигнутое, вѣроятно, вышеупомянутыми качествами, повидимому, указываетъ фамилія Тутовъ (4, 232) отъ tutus (безопасный). Немногія фамиліи указываютъ на своеволіе, какъ Самоволовъ (Вл., 232), Лицентовъ (6, 258) отъ licentia (своеволіе), Дрольскій (Сзд., 171) отъ drôle (проказливый)[1]) и на словоохотливость, какъ Говоровъ, Говоринъ, (81, 105), Словохотовъ, Словецкій (2, 189), Острословскій (4, 77), Шумовъ[2]). О честности, справедливости и уваженіи къ закону говорятъ фамиліи Правдинъ (5, 149), Правдолюбовъ (98, 197), Неплутаевъ (Сзд., 192), Неклепаевъ (99, 156), Вѣроятовъ (Арх. 5, 330), Честоновъ (Тамб. 63, 179), напоминающая о графѣ Честонѣ изъ Недоросля, латинскія Генерозовъ (Вл. 4, 198) отъ generosus (благородный), Юстовъ (4, 223) и Юстицкій (5, 453) отъ прил. iustus и сущ. iustitia, Законовъ (1, 140), и соотвѣтствующая ей греческая Номофиловъ (Пенз. 3, 87), т. е. любящій законъ (νόμος, φίλος). Ученики, отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ получали фамиліи Добронравовъ, Добронравинъ, Милонравовъ (Нж. 4, 907), Благонравовъ въ латинскомъ переводѣ Бономорскій (Уф. 5, 884), т. е. обладающій хорошимъ поведеніемъ—moribus bonis (Теод., 220), и Коммендандовъ, въ искаженіи Комендантовъ (Сам. 2, 16), т. е. обладающій одобрительнымъ поведеніемъ—moribus commendandis (Теод., 312). О чистотѣ сердца, доходящей иногда до праведности, говорятъ фамиліи Чистосердовъ, лат. Пурикордовъ (89, 300), Простосердовъ (91, 336), Нескверновъ[3]), лат. Синцеровъ (4, 224) отъ sincerus (чистый, чистосердечный), греч. Аретовъ, Аретинскій, Филаретовъ и Панаретовъ (Костр. 90, 119) отъ ἀρετή (добродѣтель), Агніевъ (1, 158) отъ ἁγνεία (чистота), лат. Кандорскій (М., 7) отъ candor (чистота, бѣлизна) и Кандидовъ (Ч., 443) отъ candidus (бѣлый) для обозначенія учениковъ, которые mores candidos praestiterunt (Теод., 236), Ликвентовъ (Костр. 90, 181) отъ liquens (прозрачный), Рейновъ (Ряз. 5, 278),[4]) можетъ быть, отъ нѣмецкаго прилагательный rein (чистый) Агнцевъ (2, 123), аллегорически указывающая на душевную чистоту; тоже значеніе имѣютъ греческія фамиліи Аміантовъ (Д., II, 185), т. е. неосквернный отъ

[1]) Ученикъ Суздальской семинаріи Дрольскій былъ уличенъ „въ неоднократныхъ побѣгахъ“.

[2]) Шумъ въ Тверскомъ краѣ значитъ соръ.

[3]) Если она духовнаго происхожденія.

[4]) Въ Рязанской же епархіи есть и фамилія Райновъ (7, 168).

Библиотека "Руниверс"

μιαίνω (оскверняю) и Амеландовъ (Сар. 2, 511)[1]) т. е. неочерненный отъ μελαίνω (черню) и, вѣроятно, Русская Ненароковъ и Ненарокомовъ (Тамб. 95, 146)[2]) и Латинская Иллютовъ (Сам. 2, 18) отъ illutus (неомоченный); фамиліи Ангеловъ (Т. 95, 387), Ангельскій (7, 180) и Агіевскій (Каз., 133) отъ ἅγιος (святой) уже прямо говорятъ о святости ихъ носителей[3]).

Противоположное значеніе имѣютъ не часто встрѣчающіяся фамиліи Каверзневъ (98, 163)[4]), Грѣшновъ (1, 130) и т. п., латинскія Фаллеровъ (Сар. 2, 403) отъ fallere (обманывать) и Дамнатовъ (Каз. 67, 377) отъ damnatus (осужденный), греческія Пластовъ (Каз., 75) отъ πλαστός (ложный) и Килимовъ (3, 168) отъ κήλημα (обманъ)[5]). О весьма важномъ для духовнаго лица достоинствѣ свидѣтельствуютъ фамилія Трезвинскій, въ латинскомъ переводѣ Собріевскій (М. А., 563) отъ sobrius; на противоположное свойство какъ будто указываютъ фамиліи Хмѣльковъ (95, 211), Брагинъ (2, 142) и довольно употребительная въ Пермской епархіи фамилія Пьянковъ, не помѣшавшая одному изъ ея носителей достигнуть архіерейскаго сана[6]). Фамиліи Кратировъ (Сп. архіер., 83) и Каликсовъ (92, 200) отъ греч. κρατήρ и лат. calix (чаша), также отнюдь не указываютъ учениковъ, которые „bacchanalia saepe exercent“ (Теод., 294). Однѣ изъ нихъ происхожденія иносословнаго, другія топографическаго[7]). Кромѣ того въ церковномъ языкѣ чашей или кратиромъ именуется вообще вмѣстилище благодатныхъ дарованій и совершенствъ: напримѣръ, церковная пѣснь прославляетъ евангелиста Луку, какъ „кратиръ духовнаго пива, чашу мудрости божественнѣйшую, вино намъ источающую, сердца веселящее“ [8]). Хотя мужество (fortitudo) и считается въ числѣ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей (virtutes cardinales), тѣмъ не менѣе въ духовной школѣ выше всего на практикѣ

---

[1]) При произношеніи по Рейклину въ ἀμίαντος—νт какъ нд. Аміантъ также значитъ горный ленъ, асбестъ.

[2]) Отъ нарокъ—проклятіе, нареканіе, порча.

[3]) Объ одномъ ученикѣ Казанской семинаріи XVIII вѣка была дана аттестація: „Памяти и разсужденія ангельскаго“ (Оп. Син. Арх., XVI, 606). Фамилію Ангеловъ могъ получить также ученикъ съ именемъ Алексѣй (или Исаакъ) въ честь соименнаго Византійскаго царя династіи Ангеловъ.

[4]) Въ Смоленской губ. есть селенія съ именемъ Каверзнево. Фамилія Татевскій (88, 118) отъ с. Татевскіе Выселки Тул. у.

[5]) Если послѣдняя фамилія не произведена отъ слова килимъ (особаго рода коверъ).

[6]) Палладій Пьянковъ, еп. Олонецкій († 1882 г.).

[7]) Въ Пермской губ. есть нѣсколько селеній съ названіемъ Пьянково; въ Вологодской, гдѣ встрѣчаются Кратировы, есть два селенія съ названіемъ Чашково.

[8]) Минея Мѣсячная, Октября 18, стихира на „Господи воззвахъ“.

Библиотека "Руниверс"

цѣнилось смиреніе и послушаніе, и сравнительно не часто встрѣчаются фамиліи, указывающія на противоположныя качества, какъ Смѣловъ и т. п. Неробѣевъ (Ряз. XXXVI), Удальцевъ, лат. Авдаковъ (Тамб. 5, 441), Авдентовъ (3, 172) и Авдецкій (Сар. 3, 329) отъ прил. audax и гл. audere, Храбровъ, лат. Фортинскій отъ fortis, греч. Талавриновъ (Каз. 86, 422) отъ ταλαύρινος, Твердовъ и т. п. лат. Константовъ (99, 169), Констансовъ (Нж. 4, 288) и Констанскій (Вят. 69, 207); на гражданскія доблести повидимому, указываютъ фамиліи Гражданскій (Орл. 5, 257) и Свободинъ (91, 92), въ латинскомъ переводѣ Либеровъ (97, 182) отъ liber, въ греческомъ Элевтеровъ (О. Р., I, 607) и Елевтерскій (Нж. 4, 187) отъ ἐλεύθερος. На невинную веселость указываютъ фамиліи Веселовъ, Веселовскій[1]) Веселицкій, Веселовзоровъ, Потѣхинъ, Смѣховъ (Вл. 4, 304), Забавинъ (91, 202), Забавниковъ (Тамб. 5, 404), Неуныловъ (97, 87), Праздниковъ (Дубасовъ, III, 176)[2]) и латинскія, произведенныя отъ синонимическихъ выраженій, означающихъ веселиться, ликовать, праздновать. какъ Гиляровъ, Гиляровскій отъ hilaris[3]), Фруентовъ (97, 190) отъ frui (наслаждаться), Летицкій (Нж. 68, 257) и Леторовъ (Астр. 5, 482)[4]) отъ прил. laetus и гл. laetor, Фестинскій, Соленницкій и Юбилянскій (Вл., 6) отъ прил. festus и solennis и гл. iubilari; на противоположныя свойства указываютъ фамиліи Угрюмовъ, Несмѣяновъ (99, 141), Плаксинъ (97, 190), Хандриковъ (О. Р., II, 102), Меланхолинъ (Сар. 2, 364), Билевъ (Вол. 97, 209) отъ bilis (желчь, меланхолія)[5]) Долеринскій (Вор. 93, 20) отъ dolere (скорбѣть), Липеровскій (О. Р., I, 202) отъ λυπηρός (печальный) и Одинаровъ (Род., 322), если эта фамилія есть искаженіе фамиліи Одинеровъ отъ ὀδυνηρός (скорбный). Наравнѣ съ изысканными иностранными фамиліями среди духовенства встрѣчаются фамиліи, произведенныя отъ русскихъ областныхъ словъ.

---

[1]) Ср. с. Веселое, Рыльск. у.

[2]) Фамилія Вѣтринскій (Род., 91) не указываетъ на вѣтренность ея носителя, но произведена отъ названія с. Вѣтрина Молож. у.

[3]) Иногда даже Гиляровъ (Каз. 67, 570).

[4]) Если не опечатка вмѣсто Лекторовъ.

[5]) Если не отъ слова билъ—моховое болото (Арх.).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА САВВЫ.

Въ 1884 г. Савва, будучи уже архіепископомъ Тверскимъ и находясь въ С.-Петербургѣ, продолжалъ вести хронику своей жизни. Если его Записки уже не блещутъ прежней полнотой и яркостью красокъ и часто, затѣняя событія синодской жизни, оставляютъ большой пробѣлъ, то тутъ не его вина. Близость къ нашему времени описываемыхъ событій, изображаемыхъ довольно откровенно, не позволяетъ запискамъ появляться въ печати въ полномъ видѣ и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, на которые мы указывали при обозрѣніи VI тома его труда[1]).

1884-й годъ былъ особенно замѣчателенъ въ жизни Саввы. „У меня, писалъ онъ, на рукахъ имѣется дѣло великой важности: мнѣ поручено пересмотрѣть и приготовить къ изданію хранящіяся въ архивѣ Синода бумаги, оставшіяся и взятыя сюда по смерти Московскаго владыки Филарета. Бумаги эти, въ большинствѣ своемъ, чрезвычайно интереснаго содержанія. Я перечиталъ уже болѣе тысячи переписанныхъ набѣло листовъ и, можетъ быть, въ скоромъ времени приступлено будетъ къ напечатанію этихъ бумагъ“ [2]). Надо отдать полную справедливость Саввѣ: онъ отлично исполнилъ это синодское порученіе, о чемъ свидѣтельствуютъ пять томовъ съ дополненіями и множество изданныхъ имъ писемъ Московскаго святителя. Намъ думается, что только одинъ Савва, искренно любившій Филарета и хорошо его знавшій, могъ исполнить эту работу. Филаретовскихъ писемъ и бумагъ, однако, существуетъ еще много, напечатанныхъ въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ, составляющихъ иногда большую библіографическую рѣдкость.

---

[1]) Русскій Архивъ 1906 г. Январь, стр. 395.

[2]) Въ этихъ бумагахъ, много лѣтъ спустя, отыскивалось то письмо императора Александра Николаевича къ Филарету, въ которомъ онъ сообщалъ, что одна изъ сестеръ его уже не въ лонѣ Православной церкви. Отвѣтъ м. Филарета на это письмо напечатанъ Саввою, но письмо до сихъ поръ не найдено. Вѣроятно, было оно уничтожено самимъ Филаретомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы желательно переизданіе ихъ всѣхъ въ томъ видѣ, какъ это сдѣлалъ Савва.

4-го Февраля у Саввы былъ Витебскій протоіерей о. Волковъ. Въ разговорѣ онъ упомянулъ, что когда являлся онъ къ оберъ-прокурору К. П. Побѣдоносцеву, тотъ поручилъ ему писать о всемъ, что̀ дѣлается въ Полоцкой епархіи и притомъ помимо архіерея, противъ котораго оберъ-прокуроръ имѣетъ предубѣжденіе. Архіереемъ въ это время въ Полоцкѣ былъ Маркеллъ Попель, человѣкъ въ высшей степени оглядливый и образованный.

Митроп. Исидоръ, котораго Савва посѣтилъ 24-го Февраля, въ дружеской бесѣдѣ повѣдалъ ему много любопытнаго. Рѣчь шла: 1) о бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Филарета, о которыхъ владыка Исидоръ ничего не зналъ. 2) О лекціяхъ бывшаго инспектора и профессора Спб. духовной академіи Иннокентія (Борисова), заподозрѣнныхъ въ неправославномъ направленіи, что̀ доведено было до свѣдѣнія митроп. Серафима тогдашнимъ викаріемъ (1831—1833 г.) еп. Смарагдомъ Крыжановскимъ, а Серафимъ, по обычаю, разсмотрѣніе этихъ лекцій поручилъ Филарету, который и нашелъ въ нихъ нѣчто неправославное. Филаретъ по этому, а равно и по другимъ подобнаго рода порученіямъ, называлъ себя въ шутку *кочергою* въ рукахъ Серафима, который загребалъ ею жаръ, и самъ оставался въ сторонѣ; между тѣмъ, вина и негодованіе отъ постороннихъ относились къ нему, Филарету. 3) О недостаткѣ искренняго расположенія къ Филарету со стороны императора Александра Николаевича, который, по словамъ протопресвитера Бажанова, уважалъ его за умъ, но не любилъ его. 4) О награжденіи духовныхъ лицъ *орденскими знаками*, противъ чего Побѣдоносцевъ сильно возставалъ, такъ что, въ годъ вступленія на престолъ (1881) Александра III, онъ не хотѣлъ представлять къ наградамъ ни одного архіерея; но Исидоръ убѣдилъ его не нарушать прежнихъ порядковъ.

Забираются по смерти великаго святителя важныя въ церковномъ и государственномъ отношеніи бумаги, опечатываются, хранятся въ Синодскомъ архивѣ, потомъ раскрываются, приводятся въ порядокъ и приготовляются къ изданію, а первенствующій членъ Св. Синода объ этомъ и понятія никакого не имѣетъ. Развѣ это въ порядкѣ вещей? Старѣйшій іерархъ повелѣваетъ, младшій исполняетъ повелѣнное и остается въ глазахъ постороннихъ виноватымъ и ненавистнымъ. Мужъ высокаго ума и безукоризненной жизни даетъ царю мудрые совѣты и дѣлаетъ полезныя предостереженія, и чрезъ это лишается царской любви и благоволенія. Наконецъ жалуетъ подданныхъ царь, но не жалуетъ

Библиотека "Руниверс"

псарь. Разсказъ о такомъ отношеніи къ Филарету черезъ нѣсколько дней подтвердилъ и старый знакомый Саввы Н. В. Исаковъ. Саввѣ пришлось выслушать изъ устъ его о митроп. Филаретѣ очень неутѣшительную вѣсть, а именно: „покойный Государь будто бы былъ невполнѣ доволенъ Филаретомъ по причинѣ безпорядковъ въ Московской епархіи“... „Однажды вечеромъ“, говоритъ Савва, „посѣтилъ меня генералъ Эгерштромъ, и у насъ зашла рѣчь о всеобщей воинской повинности. Я утверждалъ, что изъ этого закона слѣдуетъ сдѣлать исключеніе въ пользу оканчивающихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, кандидатовъ священства. Принятіе въ военную службу такихъ лицъ, по моему мнѣнію или безцѣльно, или вредно въ виду ихъ будущаго назначенія. Безцѣльно, потому что воспитанникъ семинаріи, пробывши въ военной службѣ два, три года и научившись военнымъ пріемамъ, возвращается потомъ въ епархіальное вѣдомство, съ правомъ на полученіе священническаго мѣста. Спрашивается, можетъ ли служить изученіе воинскихъ пріемовъ нужною или полезною подготовкою къ священному служенію? Не думаю. Но если воспитанникъ семинаріи, кандидатъ священства, вступивши въ военную службу, будетъ отправленъ на войну и тамъ или самъ будетъ изувѣченъ, или прольетъ человѣческую кровь, въ томъ и другомъ случаѣ онъ потерянъ для церковной службы: ни изувѣченный, ни проливающій чью бы то ни было кровь не можетъ быть допущенъ, по церковнымъ правиламъ, до принятія священства. Г. Эгерштромъ совершенно согласился съ моимъ взглядомъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ огласилъ мой взглядъ въ одной изъ Петербургскихъ газетъ“.

Желаніе Саввы, подтвержденное въ газетахъ Эгерштромомъ, почти осуществилось. Явились церковныя школы. Семинарскіе и академическіе молодцы, и даже малограмотные, сдавшіе по протекціи, кое-какъ, экзамены на „званіе“, стали числиться въ нихъ извѣстное количество лѣтъ учителями, конечно, болѣе для избѣжанія воинской повинности. Даже для этой цѣли чадолюбивые батюшки, богатые купцы и фабриканты начали открывать въ селахъ, усадьбахъ и при фабрикахъ такія школы, за которыя, не смотря на всю ихъ непригодность, кромѣ спасенія своихъ чадъ отъ солдатчины, еще получали награды и архіерейское благоволеніе. Qui uti scit, ei bona...

Отмѣчая свою встрѣчу съ Исаковымъ, Савва припоминаетъ слышанный имъ разсказъ. „Извѣстно, что Н. В. Исаковъ имѣлъ, вслѣдствіе своего особеннаго происхожденія, необыкновенное сходство съ покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, былъ какъ бы его двойникомъ, такъ что иные, при встрѣчахъ, не могли отличить одного отъ другого. И вотъ что случилось. Государь былъ довольно

Библиотека "Руниверс"

долгое время въ Москвѣ (именно въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1862 г.) и имѣлъ обыкновеніе каждое утро прогуливаться по Московскимъ бульварамъ. Однажды онъ шелъ по Пречистенскому или Тверскому бульвару; на встрѣчу ему идетъ какой-то чиновникъ или военный, близко знакомый съ Исаковымъ. Встрѣчаясь съ Государемъ и принявъ его за Исакова, онъ громко кричитъ ему, протягивая руку: „здравствуй, Николай Васильевичъ.“ Когда Государь, не отвѣчая, грозно взглянулъ на него, тотъ, всмотрѣвшись въ лицо и узнавъ въ немъ Государя, обезумѣлъ отъ ужаса и, прибѣжавши къ Каткову, издателю Московскихъ Вѣдомостей, не зналъ, что̀ ему дѣлать. Катковъ успокоилъ его“.

П. Н. Батюшковъ, вмѣстѣ съ И. П. Корниловымъ, письменно просилъ помощи для одной церкви (Сувалкской губерніи), которая „нуждается во многихъ богослужебныхъ предметахъ; ихъ желательно было бы выслать ей въ даръ, не употребляя на покупку денегъ изъ суммы, пожалованной попечительству Государемъ Императоромъ. Не можете ли владыка, помочь этому горю? Быть можетъ, въ вашей ризницѣ Тверскихъ соборовъ и церквей найдутся излишніе предметы, которые были бы такъ полезны для нищенскаго, молитвеннаго пріюта, построеннаго въ сплошной иновѣрной и иноплеменной странѣ“. Преосвященный лаконически замѣчаетъ: „удовлетворить этой просьбѣ, пребывая внѣ своей епархіи, я не имѣлъ возможности“. Савва поступилъ въ этомъ случаѣ вполнѣ основательно. Со времени усмиренія Польскаго мятежа, яко бы для торжества Православія начались усиленныя воззванія къ пожертвованію въ пользу возстановляемыхъ и бѣдныхъ приходовъ въ Западномъ краѣ. Изъ Русскихъ монастырей и церквей стали посылаться старыя облаченія и при томъ такія, которыя въ XVII и XVIII вв. жертвовались князьями и другими богатыми магнатами. Ризы эти были порваны, загрязнены, но онѣ представляли собою большую цѣнность, какъ образцы фабричныхъ парчевыхъ и золотокружевныхъ произведеній XVI—XVIII вв. Западные приходы, получавшіе этотъ ненужный для жертвователей хламъ, стѣсняясь совершать богослуженіе въ такихъ облаченіяхъ, продавали знающимъ цѣну скупщикамъ-Евреямъ. Пишу это неголословно. Желающій провѣрить мои слова пусть хоть посѣтитъ Музей Чарторыйскаго въ Краковѣ: тамъ онъ найдетъ прекрасныя коллекціи образцовъ парчи и обьяри, выкроенныхъ изъ ризъ, доставленныхъ въ музей предпріимчивыми скупщиками. Такая продажа существуетъ и по сіе время въ центральныхъ губерніяхъ. Одинъ настоятель древней обители, пользовавшейся вниманіемъ Екатерины и ея блестящихъ царедворцевъ, продалъ немало такого злата, небольшая частица котораго, и то уже изъ вторыхъ рукъ,

Библиотека "Руниверс"

пріобрѣтена Ростовскимъ музеемъ. Во время бытности моей въ Смоленскѣ лѣтомъ 1907 г. пришлось убѣдиться, что, кромѣ расхищенія цѣлаго церковнаго музея, преосвященнымъ Петромъ продана въ Парижскій музей княгинѣ Тенишевой принадлежащая Смоленскому собору большая серебряная вызолоченая стопа или кружка XVII вѣка съ Латинскими надписями; продана за 400 р., не смотря на то, что она, какъ предметъ археологическій и цѣнный, была кромѣ описи помѣщена на 30 стр. и въ описаніи Смоленскаго Успенскаго каѳедральнаго собора (Смоленскъ 1894). Теперь ни музея, ни стопы XVII в., ни многихъ другихъ цѣнныхъ старыхъ вещей въ архіерейской ризницѣ въ Смоленскѣ уже нѣтъ.

Но возвратимся къ Запискамъ преосвященнаго Саввы.

Наконецъ, и акаѳистныхъ дѣлъ мастеръ безпрестанными сообщеніями о новыхъ своихъ твореніяхъ „по прославленію“ сталъ надоѣдать Саввѣ. Онъ замѣчаетъ: „Неутомимый А. Ѳ. Ковалевскій болѣе и болѣе упражняется въ составленіи акаѳистныхъ пѣснопѣній въ честь разныхъ святыхъ. Въ первыхъ числахъ Января онъ прислалъ мнѣ составленный имъ, по собственному произволенію, акаѳистъ мѣстно чтимой въ г. Торжкѣ благовѣрной княгинѣ Іуліаніи. Поводомъ къ сему послужило напечатанное въ Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ сказаніе объ этой княгинѣ. Поистинѣ, неистощимый пѣснописецъ!“...

Характерно письмо, полученное Саввой отъ Іерусалимскаго патріарха Никодима. Патріархъ, узнавъ, что Савва присутствуетъ въ Синодѣ, обратился къ нему съ просьбою замолвить словечко насчетъ денегъ. По словамъ Никодима, онъ нашелъ дѣла святѣйшей матери церквей въ большомъ замѣшательствѣ и безпорядкѣ, по причинѣ тягостнаго и опаснаго смятенія, постигшаго ее съ нѣкоторыхъ лѣтъ. „Со всѣмъ рвеніемъ приготовились мы къ борьбѣ, заботясь, чтобы и порядокъ во всемъ возстановить и, божественною силою и благодатію, освободить эту достойную почтенія первородную церковь отъ столькихъ и такихъ скорбей и бѣдъ. И многое уже улучшено, но остается еще довершеніе труднаго дѣла, уплаты, разумѣется, чрезмѣрныхъ долговъ, отъ которой зависитъ, по большей части, ожидаемое спокойствіе этой достойной почтенія матери церквей. Такъ какъ въ настоящее время доходовъ недостаточно для уплаты процентовъ, то и охраненіе святѣйшаго апостольскаго и патріаршаго престола становится труднымъ, и дѣятельность наша (направленная) къ утвержденію во святыхъ мѣстахъ этихъ, по которымъ ходилъ Богъ, Православія и къ борьбѣ со столькими врагами его, имѣющими много центровъ, не имѣетъ почти никакого значенія. Наперед зная это и выше всего другого считая

Библиотека "Руниверс"

необходимымъ освободить Всесвятой Гробъ отъ удручающихъ его долговъ, во время пребыванія нашего въ Петербургѣ, мы просили, чтобы Св. Прав. Синодомъ дана была намъ ссуда около трехсотъ тысячъ рублей, и немало тогда утѣшились, узнавши, что просьба наша благосклонно принята". Въ пространномъ отвѣтѣ, въ которомъ „и мелкаго сахара было насыпано довольно", Савва отвѣчалъ, что дѣло въ Синодѣ еще не докладывалось; когда же будетъ докладъ, то онъ подастъ голосъ въ пользу патріарха. Этотъ Никодимъ, посвященный въ патріарха въ 1882 г., раньше былъ профессоромъ богословскаго училища въ Іерусалимѣ и долгое время состоялъ на службѣ у Іерусалимскаго патріарха Аѳанасія.

Драгоцѣнный матеріалъ по поводу святогробскихъ долговъ оставилъ намъ митроп. Филаретъ въ письмахъ къ А. Н. Муравьеву и въ своемъ отвѣтѣ на посланіе патріарха къ Государю и Синоду по поводу финансоваго затрудненія Святогробскаго престола[1]).

О сребролюбіи и подвигахъ Греческихъ патріарховъ и епископовъ намъ немало оставилъ сказаній преосвященный Порфирій, запечатлѣвшій ихъ дѣянія въ „Книгѣ бытія моего". Онъ писалъ: „Іерусалимскій патріархъ Аѳанасій человѣкъ весьма слабый, и у него крадутъ деньги изъ-подъ подушки; розыску не бываетъ ради страха Іудейска. Состоящій при немъ секретарь обогатился насчетъ казны Гроба Господня. Хотя святогробцы и жалуются на долги, но они еще въ 1844 г. всѣ уплачены"[2]). Съ ужасомъ вспоминаетъ Порфирій о корыстолюбіи и наглости Греческихъ архіереевъ, сожалѣя объ убогихъ и страждущихъ христіанахъ, сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, которыхъ Греческіе архіереи презираютъ и не думаютъ о нихъ. „Но воздастъ имъ Господь по дѣломъ ихъ! Рано или поздно грянетъ громъ гнѣва Божія надъ ихъ головами, и молнія сожжетъ ихъ, съ ними всѣ мерзости блудодѣянія, лицемѣрія, гордости, немиролюбія, человѣкоубійства. Оле пастыри Израилевы!"[3]).

Свое сребролюбіе Греческіе владыки оправдываютъ ничтожностью прямыхъ епархіальныхъ доходовъ. „6000 піастровъ, получаемыхъ отъ поклонниковъ и отъ гроба Господня, едва достаточно на герондису, мальчика, дьякона и прочія домашнія мелочи"[4]). При посѣщеніи Ильинскаго монастыря Порфирій случайно зашелъ въ игуменскую келью и нашелъ тамъ спящую на диванѣ игуменскую герондису. Хотѣлъ за-

[1]) Душеполезное Чтеніе, 1883 г., XI, и 1890 г., IV.
[2]) Книга бытія моего, т. I, стр. 679.
[3]) Тамъ же т. II, стр. 204.
[4]) Тамъ же т. I, стр. 464.

Библиотека "Руниверс"

глянуть и въ другую игуменскую келью бывшій съ нимъ Греческій митрополитъ, но игуменъ не нашелъ ключей. Ключъ не нашелся потому, что въ этой комнатѣ были заперты четыре или пять спящихъ дѣвъ, родныхъ дочерей игуменской геронтисы, да еще новорожденный ребенокъ. „Впрочемъ, добавляетъ Порфирій, игуменъ главнымъ образомъ боялся, какъ бы я не вошелъ въ эту комнату вслѣдъ за митрополитомъ и не увидалъ бы чудо чудное, диво дивное—голубокъ игуменскихъ, наперсницъ здѣшнихъ архіереевъ; вотъ почему ключъ не нашелся въ карманѣ игуменскомъ“ [1]).

Затѣмъ Порфирій даетъ и біографію этого игумена Іоакима. Онъ родился въ Болгарской деревнѣ Нихорѣ. Такъ какъ родной братъ его шилъ хорошія шубы для патріарха Аѳанасія и для всѣхъ его челядинцевъ, то онъ и помѣстилъ своего брата въ патріархіи. Затѣмъ, когда камилавка покрыла его голову, патріархъ, снисходя къ просьбѣ великаго шубника, сдѣлалъ его игуменомъ Ильинскаго монастыря. Новый игуменъ, по священному обычаю восточныхъ отцовъ, привезъ съ собою изъ Нихоръ въ обитель хорошую кокону съ дочерьми, впрочемъ, и съ мужемъ ея. Но недолго этотъ мужъ видѣлъ свою жену. Подъ предлогомъ сумашествія св. отцы и епископы удалили его въ Саввинскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ отъ горя, бѣдности, наготы и голода. Въ этомъ мужеубійствѣ принималъ дѣятельное участіе и намѣстникъ патріарха, архіепископъ Лидійскій Кириллъ, потому что онъ прельстился одною изъ дочерей Нихоритянки. Эта дѣвушка живетъ теперь въ патріархіи въ объятіяхъ Лидійскаго епископа, а посредникомъ между нимъ, дѣвушкой, ея матерью и игуменомъ Іоакимомъ былъ преосвященный Неаполійскій. Недавно присланъ въ монастырь новорожденный ребенокъ, законный плодъ архіепископскаго вожделѣнія. „Сколько учинено преступленій, вопіющихъ на небо!“ заключаетъ Порфирій. Архіереи прикрываютъ грѣхи игумена, вмѣстѣ съ нимъ убиваютъ злополучнаго мужа, сводничаютъ, непотребствуютъ, надѣляютъ поселянъ своими наложницами; ихъ коконы командуютъ іеродіаконами, бьютъ ихъ по щекамъ своими башмаками, заставляютъ ихъ выносить горшки изъ спальни и проч., и только тѣ іеродіаконы или послушники имѣютъ ходъ въ іерархію, которые терпѣливо переносятъ женскія прихоти.... Вотъ бытъ Іерусалимской патріархіи. Это не патріархія, а гаремъ, лупанарій, скопище убійцъ. Отвратительно, ужасно! А Русское правительство такъ ласкаетъ этихъ злодѣевъ[2])... Но довольно; возвратимся къ воспоминаніямъ Саввы.

---

[1]) Тамъ же т. I, стр. 434.

[2]) Тамъ же стр. 435.

Библиотека "Руниверс"

15-го Марта Харьковскій протоіерей Иларіоновъ писалъ Саввѣ: „Владыку нашего (Амвросія Ключарева) нѣкоторые изъ досужныхъ болтуновъ осуждали за то, что, съ поступленіемъ его на паству, послѣдовала перемѣна лицъ въ разныхъ заведеніяхъ, а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что этого давно слѣдовало желать и домогаться. Въ епархіальномъ училищѣ женскомъ начальница и новый составъ членовъ совѣта нашли бѣлье и платья изорванными, зданія неремонтированы, больница стоитъ не достроена за недостаткомъ средствъ; въ настоящее время приведено многое въ порядокъ, улучшена пища, и послѣ торговъ, сдѣланныхъ на поставку всѣхъ продуктовъ и матеріаловъ, оказывается сбереженій до десяти тысячъ. Въ прошломъ году къ свѣтлому празднику не достало средствъ на содержаніе училища и взято изъ епархіальнаго свѣчного завода 6000 р. Нельзя думать, чтобы пользовались завѣдующіе дѣломъ начальница и предсѣдатель; но несомнѣнно, что непониманіемъ дѣла и крайнею небрежностію данъ былъ полнѣйшій просторъ расхищать собираемое духовенствомъ съ большимъ трудомъ и лишеніями". Да и въ одной ли Харьковской епархіи творились такія дѣла? Вѣдь, чуть ли не за 20 лѣтъ о томъ же писалъ извѣстный Ростиславовъ [1]).

8-го Апрѣля Савва получилъ отъ ректора Московской Академіи радостное извѣстіе, что газета „Востокъ" вторично пострадала. Дерзость ея, по словамъ о. Смирнова, дѣйствительно перешла всякіе предѣлы. По поводу ея статей много скорбѣлъ митроп. Макарій, и Московскому владыкѣ Іоанникію она нанесла много непріятностей. Газета „Востокъ" была скоро закрыта; но начальство, завѣсивъ плотной драпировкой все, что могло бы служить къ обличенію безобразій, сыграло плохую музыку: не прошло и двухъ десятилѣтій, какъ укрывшіеся за этой завѣсой показали себя далеко лѣвѣе Дурново и Поповицкихъ. Укрываемые отъ обличеній, въ родѣ ректоровъ и преподавателей духовныхъ академій, стали не только служить, при хоровомъ пѣніи своихъ воспитанниковъ, панихиды по бунтарѣ Шмидѣ, но даже писать порнографическіе и т. п. освободительные фельетоны. Примѣры такихъ искушеній на лицо: такъ СПБ. Духовной Академіи архим. Михаилъ, приглашаемый благопопечительнымъ начальствомъ на Валаамскую квартиру и удалившійся къ старообрядцамъ, достаточно проявилъ свое свободомысліе, даже въ стилѣ острословца XIV вѣка Боккаччіо [2]). Надо думать, что этотъ инокъ надѣлаетъ въ будущемъ немало хлопотъ, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ ученѣе протопопа Аввакума и его

[1]) О православномъ духовенствѣ, т. II, стр. 400.

[2]) „Столичное Утро".

Библиотека "Руниверс"

присныхъ. Въ этомъ же письмѣ о. ректоръ сообщаетъ, что у нихъ „появился новый монахъ, нареченный Петромъ[1]) (а не Августиномъ): это магистрантъ Московскаго университета, Другoвъ, сынъ моего товарища по семинаріи, вышедшаго въ свѣтскую службу, правнукъ извѣстнаго протоіерея Н. П. Другова[2]), юноша очень даровитый и образованный и монахъ по призванію. Онъ будетъ держать у насъ экзаменъ на кандидата и потомъ на магистра". Къ сожалѣнію, этотъ даровитый юноша не оправдалъ надежды добраго наставника. Онъ вскорѣ жестоко провалился, сказавши проповѣдь, сочиненія извѣстнаго архм. Капустина... И образованіе Троицкаго магистра оказалось потомъ весьма сомнительнымъ. Кромѣ варварскаго разоренія Смоленскаго музея, онъ былъ уличенъ въ продажѣ старинныхъ соборныхъ кружекъ и другихъ предметовъ древности; эти дѣянія вызвали, наконецъ, болѣе строгую ревизію со стороны Св. Синода[3]).

Отъ своего стараго знакомца, товарища предсѣдателя Московскаго Окружнаго суда Ринка, Савва получилъ письмо, въ которомъ тотъ, кромѣ разныхъ новостей, упоминаетъ, что „Москва погребала, а Петербургъ провожалъ къ мѣсту вѣчнаго покоя М. И. Богословскаго. Былъ и я при этомъ печальномъ торжествѣ и видѣлъ служеніе преосвященнаго Алеутскаго Іоанна въ сослуженіи съ благочестивымъ преосв. Алексіемъ и Мисаиломъ, изъ коихъ послѣдній говорилъ надгробное слово, по счастью не попавшее въ печать. Къ заслугамъ Михаила Измаиловича проповѣдникъ относилъ воспоминаніе сына на *„подобіе красной дѣвушки"*, увѣряя присутствующихъ, что почившій *„страдалъ за правду"*, которая „сильнымъ міра сего глаза колетъ". Позвольте, нисколько не злобствуя, назвать это слово, сказанное въ присутствіи сильнаго лица Московскаго міра, князя В. А. Долгорукаго, словомъ „съ прибавкою", ибо когда А. М. Богословскій (сынъ почившаго и товарищъ проповѣдника по академіи) привезъ проповѣднику благодарность, то послѣдній прямо попросилъ „прибавки", и прибавка, по указанію просящаго, была дана въ видѣ посоха почившаго съ бирюзовымъ наконечникомъ". „На меня, продолжаетъ Ринкъ далѣе, навьючили извѣстное вамъ дѣло Булахъ, которое пойдетъ 18-го Мая. Есть въ этомъ дѣлѣ и ваши совершенно излишнія показанія; требовались показанія и митроп. Филоѳея, оставшагося, однакоже, неспрошеннымъ, но только по болѣзни, о чемъ и составленъ протоколъ. Просматривая

[1]) Бывшій еп. Смоленскій, нынѣ на покоѣ въ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ.

[2]) † 27-го Апрѣля 1858 г.

[3]) Смоленск. Вѣст. 1907 г. № 193, Новое Время № 11261, Русское Знамя № 438 и Москов. Листокъ № 171.

Библиотека "Руниверс"

этотъ отдѣлъ слѣдствія, я воображалъ, что предметомъ дѣла долженъ быть какой либо богословскій споръ, и жестоко ошибся, такъ какъ оказалось, что отъ архіепископа и митрополита было желательно получить разсказы о житейскихъ дрязгахъ, до коихъ святителямъ, ясно, нѣтъ дѣла. Катковъ бранитъ судъ и судей. Не лучше ли построже взглянуть на предшествующее суду слѣдствіе и на изслѣдователей, смѣшивающихъ сорную траву съ пшеницею и сливающихъ въ одну кучу словеса людей безъ всякаго различія въ людяхъ и безъ всякой оцѣнки степени прикосновенности людей къ тому или другому явленію жизни? Такой образъ дѣйствій остается непримѣченнымъ, и въ немъ-то именно, думается мнѣ, и кроется корень зла!"

По поводу этого дѣла Савва отмѣчаетъ: „18-го Мая въ Московскомъ Окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, началось слушаніе пріобрѣтшаго громкую извѣстность дѣла по обвиненію вдовы надворн. совѣт. Нат. Ант. Булахъ въ нравственномъ угнетеніи дѣвицы Мазуриной съ цѣлью лишить ее свободы воли и воспользоваться ея состояніемъ". Подробное изложеніе этого дѣла напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1884 г. №№: 137—142. Изъ этого дѣла я помѣщу здѣсь только нѣсколько словъ изъ показанія свидѣтеля по дѣлу, тайн. сов. Т. И. Филиппова, касающихся бывшаго архіеп. Тверскаго (позднѣе митроп. Кіевскаго) Филоѳея. „Въ своемъ показаніи свидѣтель (пишутъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ № 141) упомянулъ, что архіеп. Тверской Филоѳей, который не рѣшался благословить Мазурину на миссіонерство на Алтай, но потомъ, когда Булахъ пріѣзжала къ нему съ просьбой о томъ и *передала ему*, между прочимъ, 30,000 р. на благотворительныя цѣли, разрѣшилъ Мазуриной отправиться на миссіонерское дѣло. Будучи уже Кіевскимъ митрополитомъ, высокопреосв. Филоѳей (умершій въ 1882 г. 30-го Января), одновременно съ возбужденіемъ слѣдствія по дѣлу Булахъ, заболѣлъ психически: его мучила мысль „о тысячахъ" денегъ, у него находившихся. По смерти владыки, дѣйствительно, у кивота, въ ящикѣ, вмѣстѣ со схимою были найдены слишкомъ 30,000 р." *)... Противъ такого неосновательнаго и неблагонамѣреннаго показанія г. Филиппова съ сильнымъ негодованіемъ возстали всѣ благомыслящія и близко знавшія нравственный характеръ преосвященнаго Филоѳея лица. Въ защиту покойнаго митроп. Филоѳея и въ опроверженіе лживаго показанія тайн. сов. Филиппова напечатана Тверскимъ протоіереемъ Вас. Ѳед. Владиславлевымъ горячая статья въ Тверскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1884 г. №№ 13 и 14. По разсмотрѣніи дѣла, Окружный Судъ постановилъ: „подсудимую

*) Было найдено болѣе 90,000 р. скопленныхъ сребролюбивымъ владыкою. А. Т.

Библиотека "Руниверс"

Булахъ, 60 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ Сибирь, въ мѣста не столь отдаленныя".

Вотъ что по поводу суда и осужденія Булахъ напечатано было въ газетѣ „Новое Время" (№ 2959, 25-го Мая 1884 г.):

„Напряженно слѣдившіе за развитіемъ ужасной дѣятельности Булахъ относительно ея бывшей воспитанницы, съ начала и до конца видѣли предъ собой воплощеніе какого-то адскаго безсердечія, соперничавшаго развѣ съ строгою обдуманностію и послѣдовательностью каждаго шага г-жи Булахъ. Это злой геній въ юбкѣ, и только его видѣла передъ собой публика во все время судебнаго разбирательства, во всѣхъ показаніяхъ свидѣтелей и экспертовъ, во всѣхъ свѣдѣніяхъ о жертвѣ злобной корысти, и человѣческое чувство не шевельнулось у публики.... Своими аплодисментами публика показала, что каждый присутствовавшій въ залѣ суда, не колеблясь, подписалъ бы тотъ же суровый приговоръ „безъ снисхожденія". „Госпожа Булахъ осуждена вдвойнѣ, и она заслужила это осужденіе. Невѣроятныя подробности о томъ, какъ довела она свою воспитанницу до идіотизма, чтобы обобрать ее безъ риска, могли бы служить образцомъ дьявольскихъ козней, на которыя изощряетъ человѣка жадная корысть, не сдерживаемая никакими нравственными побужденіями"....

Въ Іюлѣ Савва получилъ изъ Твери отъ археолога Жизневскаго письмо, въ которомъ между прочимъ сообщалось, что, бывши въ Саввинѣ монастырѣ, онъ узналъ отъ архим. Галактіона, что храму Василія Блаженнаго въ Москвѣ угрожаетъ разрушеніе и требуется болѣе 100 т. р. для исправленія. Савва отвѣтилъ, что извѣстіе объ опасномъ состояніи церкви Василія Блаженнаго очень печально. „Сохрани Богъ, если предержащія власти не примутъ заблаговременно должныхъ мѣръ къ охраненію отъ разрушенія этого древняго священно-архитектурнаго памятника".

Тяжело становится при чтеніи этихъ строкъ о близкомъ разрушеніи знаменитаго памятника, построеннаго Грознымъ въ память покоренія Казани и окончательнаго уничтоженія Татарскаго ига. Разрушило этотъ архитектурный памятникъ не время (онъ построенъ прочно), а тѣ невѣжественные благоукрасители и начальство, которому ввѣрено его храненіе. Такъ еще въ половинѣ прошлаго вѣка церковный староста (кажется, купецъ Мошковъ) вмѣстѣ съ о. о. священнослужителями уничтожили одну изъ колоннъ, поддерживающихъ своды, и устроили на этомъ пространствѣ ризницу. О внутренности храма нечего и говорить: тамъ не только отъ XVI-го, но и отъ XVII-го вѣка ничего не осталось, а крыши и главы храма всѣ издырявлены во время устройства торжественныхъ иллюминацій. Неужели же въ самомъ дѣлѣ этотъ

Библиотека "Руниверс"

народный памятникъ, обратившій на себя вниманіе ученыхъ иностранцевъ (въ томъ числѣ Віолле-де-Дюка) долженъ погибнуть? Неужели въ Перервинѣ или другихъ обителяхъ, гдѣ деньги сохраняются въ кадушкахъ, не найдется малой части такой казны для реставраціи? Будемъ надѣяться, что Иверская Пресвятая Богородица пробудитъ ожесточенныя сердца нашихъ подвижниковъ и учителей къ сохраненію церкви Василія Блаженнаго.

Довольно подробно описываетъ архим. Прокопій въ своемъ извѣщеніи кончину Воронежскаго архіеп. Парѳенія, у котораго онъ служилъ. Несмотря на то, что это событіе случилось болѣе 30 лѣтъ назадъ, Альбицкій шагъ за шагомъ прослѣдилъ послѣдніе годы жизни Воронежскаго владыки († 1853 г.), бывшаго все время на Воронежской епархіи больнымъ. Ранѣе, въ теченіе 29 лѣтъ, Парѳеній былъ архіереемъ во Владимирѣ и по словамъ автора „Церковно-историческихъ Владимирскихъ достопамятностей“, магистра іеромонаха Іоасафа, во все долговременное свое управленіе Владимирскою епархіею выказывалъ особенное усердіе къ пріумноженію капиталовъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Далѣе въ этомъ же письмѣ архим. Прокопій описываетъ свое поступленіе архимандритомъ въ Задонскій Богородицкій монастырь. Несмотря на то, что въ этой обители покоятся мощи народнаго святаго епископа Тихона, и множество богомольцевъ посѣщаетъ монастырь, онъ, по словамъ о. архимандрита, находится въ крайне запущенномъ состояніи, и вдобавокъ прежній архимандритъ сдалъ его еще съ долгами. „Теперь, по возможности все возобновилъ, и стало довольно чистенько, и братію подтянулъ, и пѣніе очень прилично по мѣсту: по буднямъ одни монашествующіе поютъ, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ хоромъ съ маленькими мальчиками, которыхъ 20 человѣкъ содержится на всемъ монастырскомъ. Кто бывалъ года два назадъ въ Задонскѣ, теперь совершенно не узнаетъ монастырь: перемѣнился къ лучшему, преобразился. Несмотря на это, кто-то помѣстилъ статью въ Церковномъ Вѣстникѣ за № 26, съ самой мрачной стороны описавъ грязь и нечистоту и дурное пѣніе въ Задонскомъ монастырѣ; или онъ видалъ монастырь за два года назадъ, каковымъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, или изрыгнулъ клевету на настоящее положеніе монастыря самую непростительную“. Упрекая автора обличительной статьи въ Церковномъ Вѣстникѣ за такое описаніе, о. архимандритъ вѣдь и самъ писалъ о непорядкахъ своего предшественника. Надо только удивляться равнодушію, если не сказать болѣе, тогдашняго Воронежскаго преосвященнаго Серафима (Аретинскаго), 20 лѣтъ управлявшаго епархіей и поступившаго туда въ 1865 г., черезъ четыре года послѣ открытія мощей св. Тихона, т. е. въ то

Библиотека "Руниверс"

время, когда отъ богомольцевъ не было отбоя, а пожертвованія текли рѣкой. Такова, впрочемъ, участь нашихъ обителей. И Черниговскій соборъ уже не можетъ похвалиться своими богатствами.

Въ письмѣ отъ 24-го Сентября ректоръ Московской Академіи, о. Смирновъ, увѣдомляя Савву о посѣщеніи академіи К. П. Побѣдоносцевымъ, передаетъ, что Побѣдоносцевъ кушалъ у него въ квартирѣ чай, гдѣ были собраны, по его желанію, академическіе наставники, съ которыми онъ бесѣдовалъ болѣе часа. Бесѣда была направлена противъ А. П. Лебедева и Е. Е. Голубинскаго, которыхъ, особенно послѣдняго, такъ все время гналъ г. оберъ-прокуроръ Св. Синода. Надо при этомъ добавить, что незадолго передъ этимъ разговоромъ К. П. и наложилъ veto на второй томъ его Исторіи Русской церкви. Читая эти строки, невольно вспоминаются слова Евгенія Евсигнеевича въ предисловіи къ этому тому, напечатанному въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей въ 1900 г.: „Первый томъ я напечаталъ, говоритъ онъ, въ 1880—1881 г., а первую половину 2-го тома выдаю въ 1900 г., слѣдовательно черезъ 19 лѣтъ. Промежутокъ годовъ такой, что, бывъ во время печатанія перваго тома человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, печатаю второй томъ сѣдымъ старикомъ. Относительно этого чрезвычайнаго, не по моей доброй волѣ случившагося, замедленія могу только сказать, что оно крайне для меня прискорбно“....

Любопытную исторію разсказываетъ Савва о случаѣ, возбудившемъ цѣлую бурю въ Римско-католической іерархіи и подавшемъ поводъ къ журнальнымъ и газетнымъ статьямъ.

„Платонъ, митроп. Кіевскій, обозрѣвая свою епархію, прибылъ въ мѣстечко Коростышево, гдѣ, кромѣ православной церкви, существуетъ Римско-католическій костелъ. Совершивши 14-го Іюня литургію въ православной церкви, владыка на другой день, по приглашенію ксендза Моравича, посѣтилъ костелъ, гдѣ Моравичъ въ церковномъ облаченіи, съ крестомъ и св. водою, встрѣтилъ православнаго митрополита и затѣмъ, при игрѣ костельнаго органа, совершилъ молебствіе. Митрополитъ, выслушавъ молебствіе и приложившись къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, обратился къ находившемуся тутъ народу съ рѣчью, которую произнесъ, безъ всякаго приготовленія, по какому-то, какъ пишетъ самъ ораторъ, *вдохновенію* и *забывъ*, что онъ находится въ костелѣ. Присутствовавшіе въ костелѣ прихожане, между которыми немало было православныхъ, съ умиленіемъ выслушали назидательную рѣчь краснорѣчиваго оратора и одобрили поступокъ ксендза, оказавшаго такую почесть маститому іерарху, хотя и другаго вѣроисповѣданія. Но не такъ взглянулъ на дѣло епархіальный начальникъ Моравича, Луцко-

Библиотека "Руниверс"

Житомірскій епископъ Козловскій. Онъ, усмотрѣвъ въ поступкѣ Моравича явное нарушеніе каноническаго права Римской церкви, подвергъ его строгому взысканію (двухнедѣльному запрещенію), а консисторія присудила послать Моравича въ монастырь на покаяніе. Мало того, епископъ Козловскій задумалъ будто бы подвергнуть отвѣтственности самого митропол. Платона и принесъ жалобу нашему правительству. И можно ли совершенно оправдать митрополита за его поступокъ въ костелѣ, когда православному епископу 20-е правило VI Вселенскаго собора воспрещаетъ „*всенародно учить* въ иномъ градѣ, ему не принадлежащемъ, тѣмъ болѣе въ храмѣ иного вѣроисповѣданія“?

Какъ все это расходится съ заповѣдью Спасителя о любви къ ближнему! И эта ненависть къ ближнему вскорѣ вылилась въ письмѣ къ Саввѣ, изъ Владимира, отъ Муромскаго епископа Іакова. „Слышу, пишетъ онъ, что Новгородскій владыка собирается свой Ноябрьскій юбилей праздновать среди собора іерарховъ и ознаменовать этотъ день особымъ совѣщаніемъ по дѣламъ церкви. Помоги Богъ совершиться его благимъ предположеніямъ. Давно пора войти нашимъ владыкамъ въ ближайшія сношенія между собою. Это личное общеніе обновитъ, оживитъ, укрѣпитъ и утвердитъ нашу церковь. Надо сломить рога папѣ съ его К°; надо прибрать къ рукамъ нашихъ раскольниковъ и принять мѣры противъ вольномыслія и нечестія“.... Въ этомъ воплѣ Владимирскаго викарія такъ и слышится желаніе возстановить святую великую инквизицію со всѣми ея ужасами и человѣконенавистничествомъ.

„17-го Ноября, пишетъ Савва, состоялось въ палатахъ первенствующаго члена Св. Синода собраніе іерарховъ, числомъ болѣе 20-ти. Настоящій помѣстный соборъ!... Что же происходило на этомъ соборѣ? Большая часть архіереевъ предавалась глубокому молчанію. Больше и громче всѣхъ ораторствовалъ Московскій митрополитъ. Позволилъ себѣ и я сказать нѣсколько словъ по предмету матеріальнаго обезпеченія причтовъ. Такъ какъ я, бывши Московскимъ викаріемъ, разсматривалъ въ 1863—1864 г., по порученію покойнаго митроп. Филарета, отзывы всѣхъ причтовъ Московской епархіи о томъ, какія каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду ближайшія средства къ своему обезпеченію: то я, при разсмотрѣніи этихъ отзывовъ, пришелъ къ такому убѣжденію, что въ каждой епархіи всѣ приходы могутъ быть раздѣлены на три разряда: одни приходы доставляютъ достаточныя средства къ содержанію причтовъ; другіе—посредственно, но нескудно обезпечиваютъ причты; третьи, наконецъ, приходы весьма бѣдные и не обезпечивающіе причты въ ихъ содержаніи. Вотъ на эти-то послѣдніе причты, по моему мнѣнію, и надлежитъ обратить прежде всего заботливое вниманіе. Въ нѣко-

Библиотека "Руниверс"

торыхъ епархіяхъ духовенство получаетъ отъ казны жалованье, но очень незначительное и притомъ неравномѣрное, а въ иныхъ епархіяхъ, какъ напр., въ Тверской, неизвѣстно почему, жалованье получается только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, а не во всѣхъ. И по первоначальному распоряженію высшаго начальства, казенное жалованіе распредѣлялось такъ, что чѣмъ больше по количеству душъ приходъ, тѣмъ больше было причту и жалованье, въ томъ, безъ сомнѣнія, разсчетѣ, что необходимыя требы будутъ исполняемы безмездно. Но на опытѣ далеко было не такъ. Поэтому я полагалъ, что всѣ суммы, получаемыя изъ казначейства, должны быть сосредоточены въ рукахъ епархіальнаго начальства и распредѣляемы имъ, съ утвержденія Св. Синода, по усмотрѣнію, въ пособіе бѣднѣйшимъ причтамъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ присутствовавшіе; по крайней мѣрѣ, никто не возразилъ. Только владыка Исидоръ сказалъ при этомъ: „а вотъ покойный Филаретъ Московскій отклонялъ отъ своей епархіи назначеніе жалованья“. При этомъ митроп. Іоанникій съ азартомъ закричалъ на всю гостинную: „Отнять бы у него самого жалованье“.... Такая безтактность молодого митрополита произвела на всѣхъ самое непріятное впечатлѣніе. Я осмѣлился предложить на общее разсужденіе еще одинъ предметъ. Такъ какъ епархіальный архіерей не имѣетъ возможности съ достовѣрностію знать, что̀ у него дѣлается въ епархіи; такъ какъ благочинные, обязанные доводить до свѣдѣнія епархіальнаго начальства о всемъ, что̀ происходитъ между подвѣдомыми имъ причтами, частію сами не знаютъ объ этомъ, а частію скрываютъ изъ опасенія повредить своей братіи: то естественно желать, чтобы у каждаго архіерея были въ распоряженіи особо довѣренныя лица, коихъ бы онъ, во всякое время, могъ посылать въ то или другое мѣсто для точнаго и безпристрастнаго дознанія о какомъ-либо событіи. Всѣ молчатъ; только предсѣдатель собора возгласилъ: „Да, 50 епархій—50 нужно тысячъ; гдѣ ихъ взять?“... Въ отвѣтъ на это я сказалъ: тысячъ намъ не давайте, а дайте только право имѣть намъ особо довѣренныхъ лицъ. Содержаніе ихъ можно принять на счетъ епархіальныхъ средствъ. Въ Тверской, напр., епархіи изысканы же средства на содержаніе викарія и епархіальнаго миссіонера. Тѣмъ, кажется, и закончена была наша соборная бесѣда“.

„6-го Декабря, пишетъ Савва, скончался на покоѣ въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ пресвв. Іеремія, бывшій Нижегородскій. При своемъ строго-аскетическомъ настроеніи, покойный отличался нѣкоторыми странностями“. Мнѣ, пишущему эти строки, какъ одному изъ біографовъ покойнаго святителя (о чемъ упоминаетъ и Савва),

Библиотека "Руниверс"

пришлось при своей работѣ имѣть такіе документы, которые въ то время я не считалъ удобнымъ помѣстить въ своей книгѣ.

Изъ числа этихъ любопытныхъ чертъ приведу пока одну, характеризующую аскетическое настроеніе покойнаго схимника-іерарха. Въ Нижегородскомъ каѳедральномъ Спасопреображенскомъ соборѣ, построенномъ по повелѣнію Николая I-го въ 1834 г. на мѣстѣ стараго, въ нижнемъ этажѣ находились обширные подвалы, часть которыхъ сдавалась откупщику для помѣщенія бочекъ съ виномъ и спиртомъ. Винный запахъ разносился въ самомъ соборѣ, особенно лѣтомъ, во время богослуженія. Преосв. Іеремія по прибытіи на Нижегородскую каѳедру послѣ перваго посѣщенія собора поднялъ вопросъ объ уничтоженіи подваловъ подъ соборнымъ храмомъ. Это требованіе было нежелательно не только всесильному тогда откупщику, но и губернатору. Надо при этомъ сказать, что постройка собора была произведена на казенныя деньги. Соборъ былъ воздвигнутъ на прежнемъ мѣстѣ, но въ болѣе обширномъ видѣ. Рядомъ со старымъ соборомъ находились винные подвалы; при постройкѣ новаго собора ихъ пришлось уничтожить, а для бочекъ съ виномъ было приспособлено помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ собора. Предшественникъ Іереміи, Іаковъ, тоже возбуждалъ подобнаго рода ходатайство, но не достигъ цѣли. Іеремія, видя, что и онъ не успѣваетъ въ своихъ ходатайствахъ, воспользовался тѣмъ, что въ этомъ подвальномъ этажѣ, кромѣ гробовъ прежнихъ епископовъ, находится еще усыпальница Минина. Онъ убѣдилъ гражданъ посодѣйствовать ему въ устройствѣ тутъ церкви, что̀ ему и удалось.

Но, какъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Іеремія, ему кромѣ властей пришлось еще вести борьбу и „*съ духомъ злобы*“. Послѣ окончательной отдѣлки церкви, былъ назначенъ день освященія 28-го Августа 1851 г. Отслуживъ наканунѣ продолжительную всенощную, владыка отправился на покой. Послѣ краткаго сна онъ сталъ читать правило и вскорѣ почувствовалъ нестерпимый голодъ и жажду. Онъ сразу понялъ, что это искушаетъ его дьяволъ; въ это же время онъ услышалъ за дверью неистовую возню и какое-то царапанье. Владыка отъ страданій едва держался на ногахъ, изнемогая и отъ жажды. „Отойди отъ меня, нечистый!“ возопилъ онъ. „Я напьюсь, наѣмся, возьму этотъ грѣхъ на свою архіерейскую совѣсть, но все-таки обѣдню отслужу и церковь освящу“. Тотчасъ же все стихло. Когда владыка вышелъ изъ комнаты, то коверъ, лежавшій передъ дверью, былъ весь сбитъ и во многихъ мѣстахъ порванъ, а дверь исцарапана. Коверъ этотъ долго сохранялся у преосвященнаго. Епископъ Іеремія былъ человѣкъ съ сильнымъ и энергичнымъ характеромъ. Его борьба съ Нижегородскимъ губернато-

Библиотека "Руниверс"

ромъ Урусовымъ продолжалась долго и обострялась съ обѣихъ сторонъ разными выходками. Разстались они врагами. Но незадолго передъ смертію, когда Іеремія, уже схимникомъ Іоанномъ, проживалъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, Урусовъ, неожиданно пріѣхавъ въ Нижній, посѣтилъ своего бывшаго недруга. Свиданіе было съ глазу на глазъ и очень продолжительное. Вскорѣ оба они умерли: Урусовъ въ Декабрѣ 1883 г., а Іеремія, какъ видно и изъ Записокъ Саввы, въ 1884 г.

Тверской археологъ А. К. Жизневскій, между прочимъ, увѣдомлялъ Савву о своемъ свиданіи съ гр. Уваровымъ, который принялъ его уже очень больнымъ. „По отзыву лицъ, близкихъ къ графу, главная причина его болѣзни заключается въ жестоко оскорбленномъ его самолюбіи въ дѣлѣ устройства Историческаго Музея, тогда какъ графъ всѣмъ своимъ прошедшимъ заслуживалъ вниманіе со стороны министровъ. Друзья и враги его раздѣляютъ такое мнѣніе. Быть можетъ, вниманіе, оказанное свыше къ дѣятельности графа Уварова, могло бы спасти его жизнь, столь полезную для Русской науки. Поэтому осмѣливаюсь думать, высокопреосвященнѣйшій владыко, что участіе ваше, какъ одного изъ главныхъ дѣятелей Русской археологіи и ваши отношенія къ министру народнаго просвѣщенія могли бы принести громадную пользу въ настоящемъ случаѣ“.

Пожеланія Жизневскаго относительно теплаго участія со стороны министра народнаго просвѣщенія, конечно, были бы напрасны. Пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ начала тѣхъ неудовольствій, которыя получилъ графъ Уваровъ отъ графа Д. А. Толстого. Въ Маѣ 1893 г. Толстой прежде освященія Музея захотѣлъ его осмотрѣть и условился о времени прибытія въ Музей съ графомъ Уваровымъ. Въ назначенный часъ Толстой прибылъ въ Музей, но Уварова не было. Прождавъ около получаса, графъ Толстой вынулъ часы и, посмотрѣвъ, сказалъ: „Положимъ, мы люди маленькіе; но вѣдь у каждаго есть свое дѣло“. Вскорѣ пріѣхалъ и графъ Уваровъ. Бывшіе друзья встрѣтились очень холодно и разстались врагами. Пусть тотъ, кто хочетъ наглядно уяснить себѣ эту исторію, зайдетъ въ Историческій Музей и прочитаетъ неполную надпись на доскѣ, вдѣланной при входѣ на лѣстницу, которая ведетъ въ залы Музея, и тогда для него все будетъ вполнѣ ясно.

„Я окончилъ дневникъ А. В. Горскаго, пишетъ Саввѣ ректоръ Московской Академіи, и пришлю вамъ отдѣльный оттискъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ дневника, который печатается въ 1-й книжкѣ, описываются ваши академическія времена. Изъ дневника 1867 и 1869 годовъ немало пришлось выпустить, частію по указаніямъ сверху, частію по признаннымъ мною самимъ неудобствамъ предавать гласности свѣдѣнія о людяхъ

Библиотека "Руниверс"

еще живущихъ, или недавно отшедшихъ, каковы, напр.: митр. Иннокентій[1]) Арсеній[2]) и В. Б. Бажановъ[3])". Въ слѣдующемъ письмѣ ректоръ, представляя Саввѣ дневникъ Горскаго, вновь упоминаетъ, что многое онъ долженъ былъ выпустить. Любопытны бесѣды съ нимъ въ 1869 г. митр. Иннокентія о ходѣ дѣлъ въ Св. Синодѣ, но ихъ напечатать было нельзя. Затѣмъ о. Смирновъ на запросъ Саввы вновь писалъ: „Препровождаю въ вашу собственность гранки изъ дневника Горскаго, которыя я посылалъ къ К. П. Побѣдоносцеву; а относительно мѣстъ изъ дневника 1869 г., которыя я не пустилъ въ ходъ, долженъ сказать вамъ, что они мало могутъ быть интересны для васъ, такъ какъ относятся ко временамъ митроп. Иннокентія". Итакъ все неудобно и неудобно, да и Записки Саввы, къ сожалѣнію, теперь подвергаются той же участи. Все блѣднѣе и блѣднѣе дѣлаются страницы его воспоминаній....

А вотъ еще болѣе характерное письмо А. П. Ушаковой, бывшей начальницы Витебской женской гимназіи. „Я все время, стояла у самаго дна мутнаго потока человѣческихъ страстей. Умерла знакомая вамъ кн. Волконская*). У нея была титулованная любимица, которая, несмотря на желѣзный характеръ и силу ума и воли почившей, лѣпила изъ нея, какъ изъ воска и глины. Положено было за непреложное сдѣлать ее своей преемницей, и такъ какъ въ это дѣло были вмѣшаны высокія лица двора, высшей церковной іерархіи, аристократы Петербурга и Москвы, дамы фешенебельнаго круга и неизбѣжныя нигдѣ личности темной плутократіи, то дѣло, въ сущности простое, представляло большой интересъ, кто будетъ побѣдителемъ въ этомъ турнирѣ? Господь упростилъ всѣ эти хитрыя основы, и побѣду одержала несостязавшаяся, т. е. игуменья Ивановскаго монастыря, на которую менѣе всѣхъ думали. Для многихъ лицъ общества Москвы это было „ballon d'essai" характера митрополита, о которомъ до сихъ поръ не имѣется точнаго опредѣленія. Все время это для моей души было очень жутко: всѣ эти перипетіи разыгрались между лицами, мнѣ знакомыми: но истинно, владыка, несмотря на письменные факты, не вѣрится, и не могу переварить, какъ человѣкъ въ иноческомъ платьѣ, умный, боящійся и любящій Господа, на смертномъ одрѣ, въ полной памяти, видя, что ничто не беретъ, и не хотятъ любимицу дѣлать начальницей,

---

[1]) Вениаминовъ, митр. Моск., † въ 1879 г. 31-го Марта.

[2]) Москвинъ II-й, митр. Кіевскій, † 28-го Апрѣля 1876 г.

[3]) Духовникъ Государя Императора, † 31-го Іюля 1883 г.

*) Игуменія Вознесенскаго монастыря Сергія, урожденная кн. Урусова, по замужеству княгиня Волконская.

Библиотека "Руниверс"

пишетъ митрополиту про свою духовную дочь, казначею монахиню Зосиму, которая 14 лѣтъ управляла и о которой матушка за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, при всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, княж. Горчаковыхъ и прочихъ, выразилась такъ: „у меня казначея—выродокъ по своей баснословной честности и правдивости; другой такой Зосимы нѣтъ“. И это правда! Надо сказать, что монахиня Зосима при смерти было заболѣла, и ждали доктора. Такъ игуменія при всѣхъ говорила ему: спасите мнѣ монахиню Зосиму, я ничего для того не пожалѣю; какъ я буду жить безъ Зосимы?.. И точно, между нами говоря, монахиня Зосима заработала игуменіи полтораста тысячъ... И вдругъ послѣ всего игуменія пишетъ митрополиту: „прошу отстранить казначею, а назначить послѣ моей смерти Зиновію, такъ какъ казначея ни къ чему не способна“. Съ горя монахиня Зосима чуть не умерла, что ее такъ аттестовали митрополиту, разсчитывая, что онъ еще вновь и мало кого знаетъ. Какъ хотите, владыка, вѣдь какъ и не огорчиться и не возмутиться такими дѣлами отъ высокихъ иночествующихъ, отъ тѣхъ людей, отъ которыхъ ждешь поучиться всему великому и высокому?“

Наступилъ 1885-й годъ. Савва все еще былъ въ С.-Петербургѣ. Въ числѣ другихъ писемъ онъ получилъ и отъ акаѳнстныхъ дѣлъ мастера Ковалевскаго, изъ Харькова, который, сообщая, что Господь утѣшилъ его напечатаніемъ давняго труда, акаѳиста Пресвятой Богородицѣ Троеручицѣ, далѣе уже кидаетъ камни въ огородъ своего архипастыря, по достоинству оцѣнившаго этого святошу. „Святогорскій о. архим. Германъ, пишетъ Ковалевскій, съ Іюня 1884 г. сильно болитъ ногами, которыя у него опухли, такъ что не могъ и служить, но нынѣ ему нѣсколько лучше, такъ что опять можетъ служить. Подвизается попрежнему, хлопочетъ, трудится, и Господь благословляетъ его труды: на мѣсто погорѣвшихъ зданій строитъ новыя каменныя, кои вчернѣ уже поставлены. Владыка нашъ, Амвросій Ключаревъ, его уважаетъ и часто вызываетъ его къ себѣ по дѣламъ не только обители его, но и другихъ обителей епархіи. Такъ недавно посылалъ его на слѣдствіе въ Хрущовъ монастырь, гдѣ оказался долгъ въ 60 тысячъ рубл. и многія неурядицы. Говорятъ, что владыка хочетъ монастырь этотъ взять подъ свою руку, числиться его настоятелемъ, о чемъ будто бы и просилъ оберъ-прокурора Св. Синода. Доходъ ему будетъ хорошій, но монастырь отъ сей перемѣны врядъ ли процвѣтетъ. Владыка ѣздилъ въ Москву по своимъ личнымъ дѣламъ: на свадьбу своей племянницы и вставить себѣ зубы; въ Питеръ же на юбилей, говорятъ, и не собирался. Онъ, слышно, утомленъ дѣлами и думаетъ скоро на покой проситься; да и немудрено: въ его лѣта, при епархіальныхъ дѣлахъ, да еще журналъ издавать и самому въ немъ трудиться“.

Библиотека "Руниверс"

Другой Харьковскій корреспондентъ, о. Иларіоновъ, сообщаетъ, что въ газетахъ была замѣтка, вызвавшая шумный разговоръ о столкновеніи въ Одессѣ (между епископомъ Никаноромъ и ген.-губернаторомъ Роопомъ) „представителей власти свѣтской и духовной. Случилось это столкновеніе, потому что въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней архіерейское служеніе началось прежде, чѣмъ представитель свѣтской власти прибылъ въ церковь. Оскорбленный такимъ невниманіемъ свѣтскій принципалъ громко сталъ разговаривать съ своими подчиненными во время литургіи, а владыка мѣстный, дождавшись времени для проповѣди, вышелъ и сказалъ о святости храма и указалъ на безчинство и соблазнъ, какой позволилъ себѣ представитель власти. Какъ-то посмотрятъ въ Петербургѣ на это событіе, а въ нашемъ обществѣ вѣсть эта произвела прискорбное впечатлѣніе: измѣнять время богослуженія ради привычки властелина вставать поздно не слѣдуетъ. Вообще разладъ между правительственными лицами, по духу времени, не долженъ бы имѣть мѣсто“.

Далѣе о. Иларіоновъ сообщаетъ: „Школы церковно-приходскія у насъ растутъ, но начала проявляться и борьба за существованіе со стороны земства. Въ одной волости составили приговоръ крестьяне, чтобы земскую школу переименовать въ церковно-приходскую, въ которой преподавалось бы пѣніе церковное и чтеніе по церковной печати, съ цѣлію дать дѣтямъ болѣе религіозно-нравственное направленіе; школу просятъ наименовать Александровскою въ память 1-го Марта, когда они поставили ежегодно служить панихиду; назначили жалованье отъ себя учителю, помощнику учителя и законоучителю. Приговоръ тотъ представленъ былъ губернатору; губернаторъ отослалъ министру, а сей послѣдній передалъ оберъ-прокурору Св. Синода. Затребованы были свѣдѣнія о школѣ, и пока эта переписка длилась, лица, коихъ интересы были связаны съ земскою школою, спохватились, произвели давленіе на общество и составили новый приговоръ въ томъ, что они, т. е. тѣже самые крестьяне, желаютъ, чтобы школа попрежнему называлась земскою, такъ какъ имъ будетъ дешевле содержать земскую школу. По справкѣ оказалось, что содержаніе церковно-приходской на половину будетъ дешевле, а причины измышлены для того, чтобы противодѣйствовать открытію церковно-приходскихъ школъ. Переписка эта на дняхъ представлена будетъ оберъ-прокурору и министру. Утвержденіе перваго приговора благопріятно повліяетъ на открытіе церковно-приходскихъ школъ; въ противномъ же случаѣ, училищные совѣты и земства будутъ служить камнемъ претыканія для церковно-приходскихъ школъ“.

Библиотека "Руниверс"

Вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ, особенно въ первое время, очень обострялся; причиной этого было непомѣрное властолюбіе нѣкоторыхъ владыкъ, особенно викаріевъ, которые, имѣя мало дѣлъ, устремляютъ всѣ свои силы для проявленія своей власти, нарушая при этомъ законы и высочайше утвержденное положеніе о церковно-приходскихъ школахъ. Въ числѣ такихъ имѣющихся у насъ бумагъ находится любопытное дѣло, которое со временемъ мы постараемся издать.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что одинъ викарій, за отбытіемъ архіепископа на чреду, устроилъ при епархіальномъ училищномъ совѣтѣ своеобразную школьную коммиссію, гдѣ самъ и предсѣдательствовалъ, а затѣмъ всѣ постановленія этой школьной коммиссіи самъ же и утверждалъ. Когда въ одномъ изъ уѣздныхъ отдѣленій члены совѣта позволили себѣ опротестовать правильность и законность постановленій названной коммиссіи, то владыка соизволилъ положить буквально такое рѣшеніе: „Я сдаю свои резолюціи и предложенія къ исполненію, а не для легкомысленной критики“. Однако, когда дѣло съ новой критикой дошло до Св. Синода, то владычней власти были указаны законныя границы, ясно опредѣлявшія несовмѣстимость должностей и невозможность самому утверждать свои же постановленія. Но вѣдь это случилось только потому, что два члена, протестанты, были совершенно независимы отъ усмотрѣнія и вѣдѣнія владыки. Можно надѣяться, что онъ не станетъ уже болѣе своей властью нарушать высочайшее положеніе: мѣнять попечителей, единолично назначать нравящихся ему учителей, отмѣнять экзамены, отстранять учительницъ, облагать данями отдѣленія училищныхъ совѣтовъ въ пользу своихъ любимцевъ и т. д., по опыту зная, что иногда критика, представляющаяся „легкомысленной“, можетъ дать тяжелые и горькіе уроки...

25-го Февраля Савва былъ въ засѣданіи Синода, гдѣ оберъ-прокуроръ объявилъ высочайшее повелѣніе: „Государь Императоръ, имѣя въ виду, что существующій обычай носить жалуемые духовнымъ лицамъ ордена, медали и прочіе знаки отличія при отправленіи богослуженія и надѣвать оные поверхъ священныхъ облаченій, не находя основанія въ уставахъ орденовъ, не представляется соотвѣтствующимъ священнодѣйствію въ лицѣ совершающихъ оное, въ 23-й день сего Февраля высочайше повелѣть изволилъ: *отмѣнить ношеніе свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи богослуженія въ священномъ облаченіи*.

Таковое совершенно неожиданное повелѣніе, наканунѣ высокоторжественнаго дня рожденія Государя Императора, одними принято равнодушно, другими съ удивленіемъ, а иными съ „огорченіемъ“. Особенно

Библиотека "Руниверс"

горестно это повелѣніе было принято въ провинціи. На обѣдѣ у Ярославскаго городского головы одному архимандриту сказали, что-де молъ ужъ нельзя нацѣплять на ризы ордена. Онъ, указывая на одного генерала, на которомъ была лента Св. Анны 1-й степени съ сбившимся назадъ орденомъ, сказалъ: „у насъ съ груди сняли, а вотъ куда повѣсили“.

„Есть и свѣтскіе люди, особенно военные, писалъ профессоръ Ростиславовъ, которые любятъ выставлять на своей шеѣ и груди всѣ полученные ими знаки отличія; не даромъ же существуетъ выраженія: онъ весь увѣшанъ орденами или звѣздами. Зато слишкомъ много найдется людей, которые ходятъ запросто безъ всякихъ орденовъ, или большей частью надѣваютъ только, такъ сказать, старшій орденъ; даже изъ звѣздъ, кромѣ параднѣйшихъ случаевъ, привѣшивается только одна; но рѣшительно не было даже, кажется, примѣра, чтобы кто-либо изъ мірянъ надѣвалъ вдругъ двѣ или три ленты чрезъ плечо.. Духовныя особы и въ этомъ отношеніи любятъ отличиться отъ свѣтскихъ кавалеровъ. Слишкомъ мало между ними встрѣтите людей, которыя бы не надѣвали на себя всѣхъ безъ исключенія пожалованныхъ имъ знаковъ отличія, даже по пяти и болѣе; наприм., нынѣ на иномъ архимандритѣ вы увидите кресты: магистерскій, архимандричій, за Крымскую войну, Анны и Владимира; на владыкахъ—панагію, крестъ за Крымскую войну, докторскій, если есть, Аннинскій, Владимирскій, Александровскій и Андреевскій; и притомъ не только звѣзды послѣднихъ четырехъ, но даже кресты и всѣ широкія ленты, которыя у свѣтскихъ носятся чрезъ плечо; такимъ образомъ съ звѣздами чуть ли не насчитаешь на иной груди до десятка знаковъ отличій. Притомъ всѣ они расположены въ живописномъ порядкѣ, одинъ другого не закрываютъ и, такъ сказать, *развѣшаны;* очевидно, для этого нужна подготовка. Въ одно собраніе долго ждали мѣстнаго архіерея. Что это такъ долго онъ не ѣдетъ? спрашивали другъ друга. „Да развѣ вы забыли, сказалъ одинъ проказникъ, вѣдь онъ получилъ новый орденъ; такъ теперь долго надобно предъ зеркаломъ развѣшивать и укладывать на груди знаки отличія, чтобы ихъ всѣхъ было видно“. Когда владыка пріѣхалъ, то всѣ замѣтили, что кресты дѣйствительно расположены у него на груди не въ прежнемъ, а въ другомъ порядкѣ. Безъ знаковъ отличія, даже безъ всѣхъ, выходить изъ своей квартиры, или встрѣтить посѣтителя, гостя, подчиненнаго, для важныхъ духовныхъ особъ почти немыслимо, кромѣ, впрочемъ, немногихъ исключеній. Владыкамъ подражаютъ архимандриты; одинъ изъ нихъ, въ монастырѣ котораго есть хорошіе пожарные инструменты, любитъ лично дирижировать ими во время пожаровъ, которые случаются въ городкѣ, гдѣ стоитъ монастырь.

Библиотека "Руниверс"

Но и въ этомъ случаѣ не иначе отправляется изъ своей кельи, какъ во всѣхъ орденахъ и притомъ въ каретѣ, иногда даже въ четыре лошади цугомъ".

Тверской викарій, преосв. Антонинъ, сообщая о смерти священника села Спасскаго, писалъ Саввѣ, что у этого старца остались сынъ и семь неустроенныхъ дочерей; если на мѣсто покойнаго поступитъ посторонній человѣкъ, то дѣти должны остаться безъ куска хлѣба, почему и просилъ, чтобы имъ дозволили пріискать и принять въ домъ человѣка, который бы согласился взять за себя одну изъ сестеръ и доставлять по крайней мѣрѣ насущное пропитаніе остальнымъ сестрамъ.

Извѣстно, что нѣкогда міряне-прихожане имѣли большое участіе при выборѣ кандидатовъ на священно и церковнослужительскія мѣста, даже на основаніи законовъ, такъ, напр., по указу 15-го Марта 1737 г. (П. Собр. Зак. т. X стр. 84 № 7204) „повелѣно... на убылыя мѣста во священника и діакона выбирать... прихожанамъ всѣмъ необходно и подавать о нихъ выборы за своими руками и пр." Этотъ порядокъ остается и доселѣ извѣстнымъ подъ названіемъ *заручныхъ одобреній*. Такія одобренія нынѣ не имѣютъ никакой силы и развѣ принимаются во вниманіе въ томъ случаѣ, когда епархіальному начальнику нужно бываетъ предоставить за кѣмъ-нибудь мѣсто по побужденіямъ, которыхъ гласными сдѣлать невозможно. Нынѣ сила мірянъ при опредѣленіи духовнаго лица на мѣсто зависитъ собственно отъ того гражданскаго, политическаго или финансоваго положенія, которое они занимаютъ въ обществѣ; а принадлежатъ ли они къ приходу, куда нужно назначить новаго священника, діакона и пр. или никогда и въ немъ, и даже въ епархіи, въ которой онъ находится, не бывали и не будутъ, это сторонній вопросъ. Какой-либо графъ, князь, министръ, генералъ, ихъ супруги, также богатый купецъ могутъ сдѣлать больше, нежели подпись всѣхъ настоящихъ, но не вліятельныхъ прихожанъ. Къ вліятельнымъ-то мірянамъ обращаются духовныя лица, которымъ хочется пристроить своихъ дѣтей, особенно дочерей въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Вслѣдствіе этого ходатаи-міряне или лично являются къ архіереямъ, или посылаютъ письма на всевозможные тоны. Но главная мысль въ нихъ выражается та, что ваше преосвященство крайне *насъ* обяжете, если пристроите такую-то дѣвицу, на такое-то мѣсто, а иногда даже прибавляютъ на имѣющую гдѣ-либо открыться вакансію; разумѣется, тутъ же говорятъ, что мы принимаемъ въ невѣстѣ, или отцѣ и матери ея живое участіе. Тонъ прошеній и писемъ бываетъ, конечно, больше почтительнаго характера, но иногда напоминаютъ объ услугахъ, кото-

Библиотека "Руниверс"

рыя или были, или могутъ быть оказаны самому владыкѣ: *мы-де и сами когда-либо пригодимся вамъ*. Другіе же ссылаются на свои услуги церкви, напр., въ приходѣ одного помѣщика былъ дьячокъ, настоящій, но ловкій пройдоха и негодяй, котораго *врасплохъ* трудно было застать. Ему захотѣлось быть діакономъ; онъ покланялся помѣщику; этотъ поѣхалъ къ владыкѣ и сказалъ, что онъ построилъ въ селѣ на свой счетъ (по завѣщанію матери) церковь и потому проситъ дьячка возвести во дьякона; дѣло, къ удивленію, окончилось въ пользу пройдохи.

Мірянамъ подражаютъ и духовныя особы. Извѣстно, что во всякой епархіи, кромѣ развѣ Камчатской, есть множество духовныхъ лицъ, которыхъ родственники состоятъ гдѣ-либо въ званіи архіереевъ, ректоровъ и инспекторовъ семинарій и академій, архимандритовъ знаменитыхъ монастырей и пр. Хотя они ссылаются на свое отреченіе отъ родства своего, когда, напр., просятъ у нихъ денежнаго пособія, но не отказываются письменно ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ за своихъ братьевъ, племянниковъ и пр. (расходы на бумагу и почтовыя марки не очень обременительны). Архіереямъ не уважать подобныхъ людей нельзя, по крайней мѣрѣ всегда; они вѣдь тоже *наши*, а потомъ и сами когда-либо пригодятся. Кто ихъ знаетъ? иной, пожалуй, попадетъ и въ Синодъ, пока мы еще живы.

И въ каждой епархіи есть порядочное количество духовныхъ особъ, на нужды и покорнѣйшія прошенія которыхъ нельзя епархіальному архіерею не обращать вниманія. Сюда относятся каѳедральные протоіереи, члены консисторіи, протоіереи уѣздныхъ городовъ, благочинные, настоятели монастырей; у однихъ есть дочери, внучки, у другихъ сестры, племянницы и пр. (о мужскомъ полѣ я уже и не говорю). Конечно, для всѣхъ ихъ находить мѣста и женіховъ трудновато, но и отказывать всѣмъ невозможно. Особенно несчастна та епархія, которой начальникъ родился въ ней же. Тутъ появляется такое множество родственниковъ и родственницъ, что отъ нихъ, какъ выражаются, *проходу не бываетъ*. Но кромѣ плотскаго есть духовное родство, крестники и крестницы. Одинъ владыка имѣлъ въ своей епархіи множество такихъ родныхъ и велъ имъ списокъ. Выростутъ крестникъ или крестница, отецъ или мать идутъ къ своему сановному куму и просятъ пристроить *единаго изъ его духовныхъ чадъ*. Владыка справляется со спискомъ, и если справка подтверждаетъ слова просителя, то просьба удовлетворяется. Но иногда въ спискѣ нѣтъ имени крестника или крестницы; владыка съ негодованіемъ говоритъ: „съ чего ты взялъ, что онъ, или ты (иногда являются и сами крестники), мой крестникъ?“ Тогда проситель принимается доказывать, что владыка, вѣроятно, забылъ о томъ,

Библиотека "Руниверс"

когда были крестины, и доказательства, большею частію, удаются; крестникъ и крестница, иногда дѣйствительно мнимые, получаютъ мѣста. Я и забылъ сказать, что владыка соглашается быть кумомъ только почти однихъ родныхъ своихъ по плоти.

Епархіальные архіереи такъ высоко стоятъ надъ своими подчиненными, что послѣдніе рѣшаются ходатайствовать о своихъ родственникахъ, опираясь только на важность своихъ заслугъ. Умные и догадливые люди являются къ довѣренной особѣ преосвященнаго, напр.: къ письмоводителю, эконому и пр., предпосылаютъ иногда свою благодарность за будущія милости и излагаютъ затрудненіе относительно выдачи своей дочери въ замужество. Милостивецъ, особенно смягченный предпосланною благодарностію, благосклонно выслушиваетъ іереміаду, а поющій ее проситъ совѣта, какъ бы помочь горю. Снисходительный совѣтникъ иногда послѣ нѣкоторыхъ колебаній, а иногда и прямо, предлагаетъ самовѣрнѣйшее средство. Ступайте къ его преосвященству и сдѣлайте какое-либо пожертвованіе на какой-либо благотворительный предметъ. Владыка, вѣроятно, разспроситъ васъ о вашихъ нуждахъ. Жертвователь является, отдаетъ нѣсколько сотъ рублей и даже, можетъ быть, побольше, получаетъ похвалу за благочестивое усердіе, и потомъ его разспрашиваютъ о семейныхъ его обстоятельствахъ. Описаніе ихъ въ принявшемъ пожертвованіе пробуждаетъ сердечное участіе. „Да что же до сихъ поръ не говорилъ мнѣ о своихъ нуждахъ? Ты человѣкъ хорошій; грѣхъ тебѣ не помочь; ступай, потерпи: дочь твоя будетъ пристроена“. Иногда за хлопотами главнаго начальника подобнаго рода просьбы и пожертвованія принимаются его наперсникомъ. Способъ этотъ употребляется преимущественно богатыми людьми. Одинъ уѣздный протоіерей выдалъ такимъ образомъ первую свою дочь за академиста, который, получивши мѣсто въ богатомъ селѣ, *долженъ былъ* взять себѣ жену по указанію владыки у о. протоіерея. Другая дочь отдана была по той же методѣ за кончившаго курсъ семинариста, наслѣдовавшаго отцовское мѣсто. Для третьей дочери открытъ былъ чадолюбивымъ папашею новый штатъ въ городѣ, но тутъ было явились препятствія: епархіальное начальство сверхъ ожиданія отказало дочери. Но о. протоіерей бросился въ Питеръ, и оттуда пришло велѣніе пристроить его дочку къ мѣсту. Надобно сказать, что папаша трехъ дочекъ очень богатый человѣкъ, могъ бы выдать ихъ съ большимъ приданымъ, но зятья его этимъ не хвалятся. Способъ этотъ имѣетъ разнообразные оттѣнки. Злые языки поговариваютъ, что будто бы пожертвованія не всѣ доходятъ до своего назначенія, что будто бы изъ нихъ составляются тѣ огромныя наслѣдства, которыя получаются пле-

Библиотека "Руниверс"

мянниками нашихъ владыкъ. Въ книгѣ о сельскомъ духовенствѣ пишется прямо: „И посредственное мѣсто студентъ можетъ получить подъ однимъ условіемъ, заплативши за него. Прежде лѣтъ за 20, зло это еще не слишкомъ было сильно, но въ послѣднее время оно развилось до невѣроятной степени... Продаютъ или письмоводитель архіерейскій, или келейникъ, а иногда и оба вмѣстѣ. Чѣмъ лучше мѣсто, тѣмъ выше цѣна, возрастающая иногда до 200 рублей“. Но мало ли что говорятъ? Я скажу только, что дѣйствительно дочери пристраиваются чрезъ болѣе или менѣе краткій промежутокъ.

Нѣкоторые преосвященные въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ очень самостоятельно. „Узнавъ о томъ, что есть какое-либо вакантное мѣсто, они призываютъ къ себѣ достойнаго, по ихъ мнѣнію, кандидата и говорятъ ему: не хочешь ли поступить на такое-то мѣсто? И когда получаютъ положительный отвѣтъ, то прибавляютъ: *такъ возьми себѣ такую-то невѣсту, иначе ничего не получишь*. Чтобы такъ дѣйствовать, нужно, очевидно, имѣть списокъ жениховъ и невѣстъ; первый получается изъ правленія семинаріи, а второй ведется секретно, домашнимъ образомъ, только такіе секреты иногда выходятъ наружу. Недавно одинъ начальникъ Т-ой епархіи былъ переведенъ въ другую губернію. Преемникъ его, перебирая оставшіяся бумаги послѣ предшественника, нашелъ, между прочимъ, списокъ тѣхъ невѣстъ, которымъ предназначались мѣста. Это, впрочемъ, былъ не простой перечень именъ и фамилій; тутъ были описаны наружность, лѣта и другія качества невѣстъ, даже противъ нѣкоторыхъ были выставлены числа, когда ихъ видѣли при обозрѣніи епархіи. Другой епархіальный начальникъ поступилъ еще оригинальнѣе. Епархія его была велика; разъѣзжать семинаристамъ по ней для осмотра привилегированныхъ невѣстъ убыточно. Для избѣжанія такихъ затрудненій, онъ въ одинъ годъ въ зимнее время приказалъ отцамъ привезти въ резиденцію тѣхъ невѣстъ, которыхъ онъ находилъ достойными для священническихъ мѣстъ. Этотъ первый вызовъ оказался неудачнымъ. На слѣдующій годъ были выписаны новые, такъ сказать, экземпляры невѣстъ. Въ обоихъ случаяхъ семинаристы могли уже не *объѣзжать*, а *обходить* невѣстъ“.

„Изъ моего описанія способовъ замѣщать священно и церковно-служительскія мѣста слишкомъ очевидно, что они достаются не только по наслѣдству, родству, передаются, но и предоставляются главнымъ образомъ дѣвицамъ или, какъ говорятъ, получаются *за женами и изъ-за женъ*. Въ самомъ дѣлѣ, потрудитесь пересчитать всѣхъ дочерей, внукъ, племянницъ и другихъ родственницъ даже *седьмого киселя на водѣ*, всѣхъ тѣхъ, за которыхъ ходатайствуетъ множество болѣе или

Библиотека "Руниверс"

менѣе вліятельныхъ лицъ, всѣхъ тѣхъ, которымъ отцы покупаютъ мѣста (или прямыми сдѣлками съ стариками, или пожертвованіями на такъ называемыя богоугодныя и благотворительныя заведенія), всѣхъ воспитанницъ училищъ, дѣвицъ духовныхъ заведеній, всѣхъ крестниковъ и крестницъ владыки,—тогда поймете, что почти нѣтъ возможности самому лучшему семинаристу или академисту получить мѣсто не чрезъ невѣсту. А если вы, господинъ читатель, Петербургскій житель, то соберите къ себѣ человѣкъ пятокъ тамошнихъ священниковъ и протоіереевъ, и попросите ихъ по совѣсти сказать, сколько изъ ихъ собратій епархіальнаго вѣдомства получили сами собою священническія мѣста. Если они дѣйствительно будутъ совѣстливы и откровенны, то услышите, что развѣ десятая часть Петербургскихъ епархіальныхъ священниковъ получила мѣста только по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, а прочимъ всѣмъ, такъ или иначе, оффиціально или секретно, помогъ *Гименей*. Это правда, самая вѣрная правда! Можетъ быть только дробь $^1/_{10}$ надобно перемѣнить на $^1/_{12}$ или $^1/_{15}$.

„Провинціи тоже не отстаютъ въ этомъ случаѣ отъ столицы. Можетъ быть, не въ каждой епархіи раздаются мѣста на основаніи всѣхъ выше изложенныхъ способовъ: но рѣшительно можно сказать, что нѣтъ ни одной епархіи, гдѣ бы не господствовала большая часть этихъ способовъ; равнымъ образомъ нѣтъ ни одного способа, который бы въ большей части епархій не имѣлъ приложенія. Вездѣ мѣста даются или по наслѣдственному праву, по родству даже *кисельному седьмой воды*, или по протекціи; тамъ продаются и покупаются, тутъ получаются чрезъ пожертвованія; вездѣ почти есть обязательства, вездѣ, гдѣ находятся духовныя женскія училища, воспитанницы ихъ—привилегированныя невѣсты священниковъ. А есть и такія епархіи, гдѣ всѣ выше изложенные способы не только господствуютъ, но даже *свирѣпствуютъ*. Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ лицъ бѣлаго духовенства, поступившихъ на должности въ послѣднія 25 лѣтъ, едва ли найдется хоть $^1/_{20}$ часть, которая получила мѣста совершенно свободныя, т. е. гдѣ бы новое духовное лицо не было обязано или платить извѣстную сумму семейству своего предшественника, или вступать въ замужество съ тою дѣвицею, которой предоставлялось мѣсто. Къ несчастію описываемая система стала проникать даже и туда, гдѣ она прежде не существовала. Прежде отъ нея свободны были мѣста законоучителей при учебныхъ заведеніяхъ, священниковъ при посольствахъ, соборныхъ протоіереевъ и пр.; но теперь много можно указать примѣровъ, когда и законоучители, и заграничные наши священники получали должности при помощи *Гименея*. Мѣста каѳедральныхъ протоіереевъ нельзя давать ихъ

Библиотека "Руниверс"

семействамъ или родственницамъ, но тутъ употребляется косвенный способъ. Каѳедральнымъ протоіереемъ дѣлаютъ какого-либо заслуженнаго человѣка, а его мѣсто достается уже семейству предшественника. Тотъ же способъ прилагается и къ протоіереямъ уѣздныхъ городовъ, но тутъ давно уже во многихъ епархіяхъ опредѣляютъ наставниковъ семинарій съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы они взяли за себя дочь, племянницу или другую какую-либо родственницу умершаго, выходящаго въ отставку протоіерея".

16-го Марта Савва получилъ изъ Одессы отъ игумени Валеріи просьбу объ оказаніи ей милости: сказать о ней доброе слово митроп. Исидору и К. П. Побѣдоносцеву. „Я, писала игуменья, нахожусь въ совершенной неизвѣстности о своей судьбѣ, совсѣмъ истомилась въ ожиданіи, и не знаю, есть ли надежда на полученіе просимаго мною мѣста. До меня дошли слухи, что въ Петербургѣ меня безпощадно бранятъ. Владыка святый, у ногъ вашихъ прошу васъ Самимъ Богомъ, защитите меня отъ злыхъ преслѣдованій и интригъ, поддержите меня во мнѣніи высшаго духовнаго начальства, и помогите мнѣ вашимъ ходатайствомъ устроиться гдѣ-нибудь на должность, за что Самъ Господь вознаградитъ васъ Своими щедротами. Будьте милостивы, утѣшьте меня доброй вѣсточкой къ свѣтлому празднику и не дайте встрѣтить его въ скорби и слезахъ".

Это была та самая Валерія, которая, по словамъ адвоката Плевако, вмѣстѣ съ Митрофаніей, Фридриксанами, Трахтенбергами, Тицнерами и Мейерами обирала Медынцевыхъ съ Солодовниковымъ. Она была изъ числа тѣхъ инокинь векселедержательницъ и бланкоподписательницъ и услужливыхъ свидѣтельницъ. И какая еще свидѣтельница! Она жила въ монастырѣ, гдѣ утренній звонъ поднималъ настоятельницу и ея слугъ не на молитву, а на темныя дѣла...

Изъ Москвы секретарь Синодальной Конторы Славолюбовъ писалъ: „Въ Конторѣ у насъ преосвященный Порфирій воинствуетъ. Заявляетъ, что митрополитъ и преосвященный Мисаилъ засѣдаютъ въ Конторѣ неправильно, прокуроръ и секретарь присутствуютъ при слушаніи дѣлъ тоже неправильно, указы подписываются секретаремъ опять неправильно. Находящійся теперь въ Петербургѣ управляющій Московскою Синодальной типографіей г. Шишковъ, вѣроятно, разработываетъ вопросъ о передачѣ значительной части дѣлъ изъ Конторы въ Типографію, и повидимому, для Конторы конецъ приближается. Только поскорѣе бы рѣшалось это дѣло: очень неудобно жить при постоянномъ нѣкоторомъ смущеніи".

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого письма уже видно, что г. Шишковъ сосредоточивалъ всѣ синодскія дѣла въ своихъ цѣпкихъ рукахъ. Почтенный старецъ, пользуясь милостями своего высокаго патрона, былъ несокрушимъ и, какъ опытный чиновникъ, дальновиденъ; твердо зная свое дѣло, онъ въ концѣ концовъ достигъ цѣли. Недаромъ же преосв. Порфирій на одной изъ страницъ въ „Книгѣ Бытія“ своего замѣтилъ: „не люблю крапивы, люблю цвѣты“ [1]).

28-го Мая при свиданіи съ К. П. Побѣдоносцевымъ Савва, возвратившійся изъ недолгой отлучки въ Тверь, пожаловался на крайнее утомленіе, сказавъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ отдыхать. „Вотъ если бы отпустили меня въ Тверь мѣсяца на два, на три, тогда я могъ бы отдохнуть и освѣжиться чистымъ воздухомъ“. Это, вѣроятно, было передано митроп. Исидору, и онъ, понявши по своему, воспользовался потомъ этими словами къ удаленію Саввы изъ Петербурга.

Изъ Житоміра преосвящ. Палладій писалъ, что встрѣченный жителями и войсками чрезвычайно радушно, онъ посѣтилъ соборъ, который произвелъ на него хорошее впечатлѣніе. „Я радовался встрѣчѣ и привѣту, но, вступивъ въ домъ архіерейскій, чуть не заплакалъ: такъ поразила меня нищенская обстановка дома, немалаго по объему, но состоящаго изъ многихъ маленькихъ комнатъ проходныхъ, грязныхъ, душныхъ. Сразу видно, что это домъ для торговли, а не для архіерея. Онъ въ тѣсной Жидовской улицѣ, и прямо противъ него Жидовскій кабакъ, гдѣ днемъ и ночью раздается Жидовскій гвалтъ, шумъ, брань, руготня, скандалы. Оконъ отворять на улицу нельзя изъ-за уличной пыли, бьющей столбомъ въ окно, и еще болѣе изъ-за скандаловъ въ кабакѣ и на улицѣ. На дворѣ оконъ тоже нельзя отворять, потому что подъ самыми окнами кухня, конюшня и прочія потребности дома. Въ домѣ ничего нѣтъ порядочнаго и сколько-нибудь приличнаго. Все поломано, оборвано, задымлено. Поневолѣ подумаешь, что тутъ жилъ не архіерей, а какой-нибудь... Ремонтировать этотъ домъ и слишкомъ дорого будетъ, безполезно: онъ никуда не годится, кромѣ торговли. Заплачено за него 50000, но всѣ говорятъ, что его можно было купить за 18 или 20000, такъ какъ сосѣдній съ нимъ домъ, болѣе обширный и болѣе приличный по внѣшнему виду и притомъ выходящій одною стороною въ садъ, отдавали преосв. Димитрію за 20000; но консисторія имѣла свои расчеты въ покупкѣ дома купца Ляшкова и превозмогла при содѣйствіи близкаго къ Димитрію архим. Евгенія [2]), нарочно для сего выписаннаго изъ Крыма. Евгеній получилъ

[1]) Т. VIII, стр. 538.

[2]) По рожденію Еврея.

Библиотека "Руниверс"

за хлопоты 3 тысячи р. Завтра я отправляюсь въ Почаевъ и пробуду тамъ мѣсяца три. Въ эти три мѣсяца, надѣюсь, приготовятъ для меня старый архіерейскій домъ, заселенный теперь Жидами и Поляками. Чтобы избавиться отъ этихъ квартирантовъ, я далъ имъ отступнаго изъ собственныхъ моихъ денегъ 250 р., и они обѣщали очистить домъ. По выходѣ ихъ немедленно будетъ приступлено къ ремонту и приспособленію дома подъ мое помѣщеніе. На этотъ предметъ съ устройствомъ и церкви потребуется не менѣе 8000 рублей. Я далъ уже консисторіи двѣ тысячи рублей изъ собственныхъ денегъ; дамъ и еще, когда буду имѣть. Помогите, владыко, въ Синодѣ; иначе я сдѣлаюсь неоплатнымъ должникомъ, и Жиды зарѣжутъ меня. Помогите и спасите. Честь архіереевъ требуетъ приличной обстановки и приличнаго помѣщенія. И по натурѣ моей не могу жить въ грязи и нищенствѣ. Городъ Житоміръ хорошъ, весь въ садахъ и цвѣтникахъ; только у архіерея пусто, грязно, душно. А по старому дому видно, что и архіереи жили здѣсь когда-то хорошо. Съ покупкою новаго дома все измѣнилось.... Покойный преосв. Тихонъ оставилъ по себѣ нехорошіе слѣды. Откуда онъ набралъ себѣ племянниковъ и племянницъ? Они разорили архіерейскій домъ и довели его до нищенства. Денегъ у него осталось до 40000, и теперь племянницы дерутся и судятся. Нехорошо и больно".

Въ этомъ письмѣ преосвященный Палладій упоминаетъ о любимцѣ своего предшественника, какъ оказывается, большомъ лихоимцѣ. У Ростиславова о томъ цѣлая глава. „Фавориты, наперсники и т. п. бываютъ не только у важныхъ сановныхъ и вельможныхъ особъ, но и у начальниковъ не высокаго ранга. Въ этомъ случаѣ архіереи отличаются отъ другихъ людей тѣмъ, что въ нихъ по отношенію къ любимцамъ замѣчается какая-то неодолимая привязанность, безпредѣльное довѣріе, полное пристрастіе, настоящее ослѣпленіе. Архіерейскіе фавориты почти никогда не отличаются ни умственными, ни особенно нравственными качествами. Этого мало: часто недостатки въ нихъ бросаются въ глаза даже не очень умному человѣку; о похожденіяхъ, притѣсненіяхъ, взяточничествѣ и пр. знаетъ цѣлый городъ, цѣлая епархія; извѣстіе о томъ доходитъ даже до Петербурга, только патронъ какъ будто ничего не слышитъ. Случается, что, поддерживая своего любимца, не разставаясь съ нимъ, онъ подвергаетъ нареканію свою собственную честь, заставляетъ сомнѣваться въ собственныхъ нравственныхъ, общечеловѣческихъ и монашескихъ качествахъ и все-таки не удаляетъ его отъ себя. Открывать патрону глаза въ такихъ случаяхъ большею частію безполезно, а для подчиненнаго даже опасно: не повѣрятъ, сочтутъ человѣкомъ неблагонамѣреннымъ, лишатъ своего благоволенія, даже чего

Библиотека "Руниверс"

добраго станутъ преслѣдовать, а любимцу за мнимую клевету, которой подвергался, окажутъ какъ бы въ вознагражденіе еще большее довѣріе. Если даже получаются внушенія и предостереженія свыше, то рѣшаются иногда сами лучше подвергаться всѣмъ непріятнымъ послѣдствіямъ, нежели лишиться своего наперсника. Иногда обвиненія въ недобросовѣстности бываютъ такъ ясны и положительны, что сомнѣваться въ злоупотребленіи довѣренности невозможно; но и тутъ рѣдко лишаютъ милости недостойнаго ея человѣка. Можетъ быть, келейно его пожурятъ, но оставятъ при своей особѣ на прежнихъ правахъ. Пожалуй, подъ гнетомъ внѣшнихъ и особенно высшихъ вліяній перестанутъ совѣтоваться касательно епархіальныхъ дѣлъ, но будутъ продолжать интимныя дружескія связи въ частной жизни".

„Послѣ хиротоніи каждый изъ епархіальныхъ архіереевъ, прибывши на епархію, долженъ разрѣшать съ перваго раза запутанные и сложные юридическіе вопросы, разбирать ссоры и жалобы, въ которыхъ истина искажена всевозможными кляузническими пріемами, и неправда прикрыта и разукрашена подъяческимъ краснорѣчіемъ, долженъ прочитать и окончательно порѣшить дѣла, состоящія изъ сотенъ листовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, человѣкъ, даже юридически и практически подготовленный, затруднится и задумается. А ректоры семинарій, единственные почти претенденты на епископскія каѳедры, хотя и числятся членами консисторій, но въ ней почти не засѣдаютъ и только подписываютъ протоколы ея. Надѣлать съ перваго раза множество промаховъ не захочется даже человѣку съ скромнымъ самолюбіемъ, ну, а у отцовъ-ректоровъ оно большею частію бываетъ громадно. Притомъ если бы мы еще были похожи по своему положенію на прежнихъ нашихъ патріарховъ, или на нынѣшнихъ католическихъ епископовъ, которые за медленное и несправедливое рѣшеніе дѣлъ отвѣчаютъ только предъ своею совѣстію и предъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго у насъ нѣтъ, или которымъ у насъ не дорожатъ; то еще можно бы рискнуть и не обращать вниманія на жалобы обиженныхъ подчиненныхъ. Но къ несчастію нашихъ епархіальныхъ начальниковъ на ихъ рѣшенія можно жаловаться и въ Синодъ, и оберъ-прокурору и даже въ Коммиссію Прошеній. На такія жалобы приходится писать непріятныя объясненія, отвѣчать чуть не на запросные пункты, а главное получать выговоры, замѣчанія и пр. Кому же опять захочется на первомъ шагу заявить такъ ясно свою неспособность, неопытность предъ Синодомъ? И вотъ является необходимость найти лицо, которому можно бы ввѣриться. Счастливъ архіерей, который или по своей проницательности, или по совѣту и рекомендаціи другихъ найдетъ опытнаго и честнаго человѣка;

Библиотека "Руниверс"

но большею частію выбираютъ его почти наугадъ, по первому впечатлѣнію. Тутъ, на основаніи превратнаго пониманія теоріи монашескаго послушанія и смиренія, берутся во вниманіе раболѣпная услужливость, умѣнье хорошо поклониться, сказать льстивое словцо, пощекотать самолюбіе. Сначала новый наперсникъ, подобно всѣмъ временщикамъ, умѣетъ отличаться своею неутомимою дѣятельностію, неподкупнымъ правдолюбіемъ и особенно безпредѣльною преданностію. Какъ не полюбить подобнаго человѣка и не довѣриться ему? Если даже временщикъ очень скоро станетъ злоупотреблять оказанною ему довѣренностію, то его патронъ не вдругъ о томъ узнаетъ, даже и вовсе не узнаетъ. Наше духовенство такъ привыкло къ злоупотребленіямъ, что и при новомъ владыкѣ не думаетъ о борьбѣ съ ними и только спрашиваетъ: „кто у новаго владыки *ворочаетъ дѣлами*, или кто у него въ милости?“ идетъ къ нему, кланяется, приноситъ и пр.; только крайняя несправедливость, или кляузническое настроеніе, или надежда найти защиту у владыки, или въ Синодѣ заставляютъ рѣшиться на борьбу. Здѣсь лучше всего должно бы облегчить епархію то обстоятельство, что владыка, даже на первыхъ порахъ неопытный, черезъ годъ или особенно черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ самъ ознакомиться съ механизмомъ консисторскихъ дѣлъ, съ духовными законами и самъ всѣмъ управлять. Но мы успѣли уже ознакомиться съ свѣтскимъ обществомъ и богатымъ купечествомъ. Вотъ приглашаетъ насъ къ себѣ ея превосходительство, его сіятельство и даже иногда какая-либо свѣтлость, или какой-нибудь полновѣсный купецъ и коммерціи совѣтникъ; вотъ кого-нибудь и сами мы пригласили къ себѣ. Время при такихъ визитахъ и контръ-визитахъ, приправленныхъ свѣтскимъ кипучимъ разговоромъ и гастрономическими наслажденіями, проходитъ такъ быстро и пріятно, а консисторскія дѣла такъ скучны и утомительны, такъ антигастрономичны, что поневолѣ предоставишь послѣднія своему прежнему временщику. А вотъ богатый помѣщикъ, купецъ, или приходъ зоветъ верстъ за 200 и болѣе освятить новый или обновленный храмъ; вотъ, на основаніи существующихъ постановленій, надобно ѣхать ревизовать епархію. Торжественныя повсюду встрѣчи, неумолкаемый почти колокольный звонъ, цѣлыя селенія *отъ мала до велика* сбѣгающіяся къ нашей персонѣ, пребываніе *наше* въ городахъ, обращающееся почти въ постоянный праздникъ и для насъ, и для жителей, цѣлыя сотни и даже тысячи, чуть не на колѣняхъ, желающія принять *наше* благословеніе,—видя все это, не сочтешь ли нужнымъ, по возвращеніи въ свою резиденцію, помечтать и даже не одинъ разъ разсказать своимъ знакомымъ и о томъ, какъ еще простой, неиспорченный современною цивилизаціею, незнакомый съ прогрессомъ, народъ благоговѣетъ предъ своими архипастырями. По

Библиотека "Руниверс"

крайней мѣрѣ такія мечты и разсказы несравненно пріятнѣе консисторскихъ протоколовъ, которыхъ въ *наше* отсутствіе накопились цѣлыя груды. А услужливый временщикъ тутъ какъ тутъ съ своею готовностію опять помогать и быть преданнымъ нашей особѣ. Ко всему этому присоединяется еще новое обстоятельство. Наши прогрессисты не всѣ любятъ отличаться неутомимою дѣятельностію и дѣловитостію даже въ званіи ректоровъ. Но тутъ предаваться полной безпечности, совершенному покою опасно. Надобно еще отыскивать *Петровы ключи*, по крайней мѣрѣ показывать, что мы ихъ ищемъ; иначе подумаютъ, что намъ нравится безмятежный покой и помѣстятъ насъ на всю жизнь въ какой-либо монастырь. Получивши же въ руки *Петровы ключи*, дѣлаемся, если бы дѣло шло о мірянахъ, то я бы сказалъ: лѣнивыми, но говоря объ іерархахъ, надобно употребить другія слова: теряемъ энергію, которой, можетъ быть, и прежде немного было, впадаемъ въ апатію, къ которой и прежде имѣли расположеніе. И это случается съ такими натурами, которыхъ дѣятельность, повидимому, не могла истощиться въ теченіе цѣлой жизни. Напр. былъ ректоромъ П-ой семинаріи человѣкъ, которой казался вполнѣ неутомимымъ, вставалъ часа въ три утра, занимался въ кабинетѣ своемъ, пока всѣ еще спали, затѣмъ осматривалъ комнаты, классы, кухню, слѣдилъ за всею экономіею, слушалъ уроки мальчиковъ, въ правленіи былъ не только секретаремъ, а иногда даже письмоводителемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же человѣкъ въ совершенствѣ зналъ богословскія науки, слѣдилъ за ихъ развитіемъ, выписывалъ и читалъ множество иностранныхъ книгъ, не съ меньшимъ усердіемъ занимался и свѣтскими науками; у него было составлено нѣсколько десятковъ вопросовъ по астрономіи, которые въ немъ показывали почти спеціалиста и по этой наукѣ; притомъ былъ онъ воодушевленъ пламеннымъ желаніемъ помогать ближнимъ. Когда уже былъ епископомъ, онъ во время одного пожара въ городѣ, забывши мнимую важность своего сана, явился на самое пожарище, ободрялъ народъ не одними словами, но и примѣромъ; становился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, брался и за багоръ, и за трубу; массы народа воодушевились, *лизли*, по Русской пословицѣ, за своимъ архипастыремъ *въ огонь и воду*; городъ былъ спасенъ. И что же послѣ вышло изъ этого человѣка? Секретарь его разсказываетъ, что дѣятельнѣйшій нѣкогда человѣкъ съ трудомъ и отвращеніемъ подписывалъ даже срочныя бумаги; однажды какой-то отчетъ цѣлый годъ оставался не отосланнымъ, единственно потому что не доставало охоты подписать его, не болѣе, какъ подписать. И между тѣмъ этотъ же самый человѣкъ, въ Петербургѣ на чредѣ, проводилъ цѣлыя ночи въ разговорѣ съ свѣтскими людьми, которые часто пріѣзжали побесѣдовать съ нимъ".

Библиотека "Руниверс"

„Что за причина такой странной апатіи? Кажется, тутъ главную роль играетъ настроеніе, получаемое въ духовныхъ училищахъ. Вѣдь многіе семинаристы, особенно академисты, смолоду бываютъ очень дѣятельны, но сдѣлавшись священниками, *почиваютъ*, по обыкновенному выраженію, *на лаврахъ*. Въ монахахъ прогрессистахъ этой страсти къ *опочиванію* мѣшаетъ сначала нужда найти Петровы ключи. Послѣ обрѣтенія ихъ надобно же отдохнуть и предаться той благочестивой лѣнѣ, которая такъ пріятна. Разумѣется, сюда надобно присовокупить неприкосновенность архіерейскаго сана, благоговѣніе массъ къ владыкѣ, окружающее его раболѣпство, лѣта и пр. При такомъ стремленіи къ этому райскому, даже Буддійскому покою, захочется ли разстаться съ своимъ прежнимъ временщикомъ и наперсникомъ? Положимъ, что мы даже узнали о многихъ его злоупотребленіяхъ, даже нужно бы и по нашему мнѣнію замѣнить его кѣмъ-нибудь. Но новый alter ego будетъ ли лучше, еще темно и неизвѣстно; притомъ для отысканія его нужно думать, хлопотать; а главное, старый временщикъ уже знаетъ, какъ къ намъ прислуживаться. Онъ уже подмѣтилъ любимыя наши идеи, предубѣжденія, слабости и пр.; противъ нихъ никогда не борется, а уступаетъ и льститъ имъ съ тѣмъ, конечно, чтобы во всемъ прочемъ диктаторствовать. Теперь попробуй удалить прежняго наперсника. Вѣдь новаго надобно долго еще пріучать къ себѣ; даже почти говорить: „вотъ, это хоть и несправедливо, но я такъ люблю, смотри, помни это“. Не лучше ли остаться со старымъ, испытаннымъ и вполнѣ понятливымъ и понимающимъ насъ намѣстникомъ?“

„Остается сказать о послѣднемъ разрядѣ причинъ особенной привязанности нашихъ архипастырей къ своимъ любимцамъ. Причины эти хочу назвать *общечеловѣческими*, потому что онѣ основываются на свойствахъ, которыя общи всѣмъ людямъ вообще, но какъ-то иначе обнаруживаются и развиваются въ архипастыряхъ отъ исключительнаго ихъ положенія. Хвалите монашескую и уединенную жизнь, какъ угодно, называйте монашество ангельскимъ чиномъ, доказывайте, что жизнь семейная препятствуетъ намъ думать о спасеніи своей души, о вѣчномъ блаженствѣ, пишите, что угодно обо всѣхъ этихъ предметахъ; можетъ быть, получите за это степень доктора богословія, сдѣлаетесь ректоромъ академіи, обогатитесь продажею нѣсколькихъ тысячъ своихъ сочиненій, но никогда вы не опровергнете той истины, что каждый человѣкъ, кромѣ самыхъ ничтожныхъ исключеній, рожденъ жить въ обществѣ, а не въ уединеніи; ему нужны не только дружба, но и любовь, сочувствіе особы другого пола. Не даромъ же натурфилософы доказывали, что мужчина есть положительный, а женщина отрицатель-

Библиотека "Руниверс"

ный полюсы, и что для жизни нужно соединеніе обоихъ полюсовъ. Если не хотите знать натурфилософовъ, то припомните, что Творецъ еще объ Адамѣ сказалъ: *не добро бити единому человѣку, сотворимъ ему помощницу*. Великая это истина, основа обществъ человѣческихъ, пробивается наружу и въ ученомъ монашествѣ. Не безъ причины же каждый инспекторъ и ректоръ монахъ помѣщаетъ близъ себя какого-либо родственника, или келейника-семинариста; не безъ причины же въ этомъ случаѣ выборъ падаетъ на красивыхъ мальчиковъ. Дурного тутъ не предполагаю; это есть только инстинктивное желаніе удовлетворить врожденному стремленію къ жизни семейной, или, за неимѣніемъ ея, къ чему-либо хоть сколько похожему на нее. Время проходитъ, лѣта прибавляются; страсти умолкаютъ, или подчиняются другимъ страстямъ, разсудокъ одерживаетъ побѣду при помощи нравственнаго и религіознаго чувства; но одиночество по прежнему остается страшнымъ; друзьями, живущими въ другихъ домахъ, довольствоваться нельзя; нужно близъ себя имѣть людей или дѣйствительно вполнѣ преданныхъ, или такихъ, которыхъ пріятно считать преданными, нужно не только искать въ этихъ людяхъ одну услужливость, но и дѣлать ихъ участниками своихъ радостей и горя. Потомъ никакой санъ, даже ангельскій чинъ, никого не застраховываетъ отъ болѣзней. Здоровому можно еще заняться епархіальными дѣлами, а больному что дѣлать? Конечно, доктора явятся, поразспросятъ, посидятъ, пропишутъ рецептъ и уѣдутъ; фельдшеръ придетъ и припуститъ піявокъ; сестеръ милосердія у насъ, кромѣ Петербурга, нигдѣ, кажется, нѣтъ; да ихъ, въ избѣжаніе нареканія, нельзя принять къ себѣ. А больному одиночество не только ужасно, но и опасно; сразу впадешь въ меланхолію, пропустишь время принять лѣкарство, не найдешь или не достанешь питья, когда мучитъ жажда, пролежишь, когда нужно бы или хочется встать, не будешь въ состояніи повернуться на другой бокъ. Для всего этого прислуга не способна; тутъ нуженъ человѣкъ, который бы по расположенію своему, по любви угадывалъ желанія, предупреждалъ нужды, или по крайней мѣрѣ не по найму удовлетворялъ имъ. А такимъ человѣкомъ надобно запастись, когда мы еще здоровы; надобно напередъ привязать и расположить его къ себѣ. Нужда въ такомъ человѣкѣ становится еще яснѣе съ преклонными лѣтами. Тутъ начинаетъ приходить на умъ, что съ нами будетъ въ послѣдніе дни и часы нашей жизни, когда и руки, и ноги, и языкъ откажутся намъ служить, но когда мы еще понимаемъ безпомощность и тягость своего положенія. На наемную прислугу въ это грозное время разсчитывать нельзя; она станетъ только глазами выбирать, а иногда руками прибирать то, что ей нравится. Даже позвольте сказать, что только женщина умѣетъ

Библиотека "Руниверс"

ухаживать за больнымъ, понимать и предупреждать его желанія; *мужчины*, кажется, *болѣе способны на то, чтобы вынести изъ дома и донести до кладбища гробъ покойника*".

„11-го Сентября, пишетъ Савва. происходило въ Синодѣ наречені настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, архим. Смарагда во епископа Ковенскаго. перваго викарія Литовской епархіи. Въ произнесенной при этомъ рѣчи своей вотъ что, между прочимъ, говорилъ о. Смарагдъ: „И дивны пути Промысла Божія! Мнѣ назначено идти на служеніе св. церкви въ епископскомъ санѣ въ тотъ край Россіи. гдѣ (именно въ Вильнѣ) нѣкогда состоялъ я на духовно-училищной службѣ и откуда вскорѣ потомъ былъ отозванъ вслѣдствіе одного страннаго недоразумѣнія. Разъ съ проповѣднической каѳедры я сказалъ нѣсколько словъ въ защиту Русскихъ православныхъ дѣятелей въ томъ краѣ, которые (въ то время) немало терпѣли притѣсненій отъ враговъ Россіи и Православія. Справедливыя, но ни для кого лично необидныя слова мои были ложно истолкованы и показаны, какъ несогласныя съ образомъ дѣйствій мѣстной тогдашней гражданской власти... и дальнѣйшее пребываніе мое въ Вильнѣ признано неудобнымъ"....

Архим. Смарагдъ (Троицкій) родомъ изъ Рязанской епархіи. По окончаніи въ 1865 г. курса въ С.-Петербургской Духовной Академіи со степенью кандидата, поступилъ на службу въ Литовскую епархію и былъ въ Виленскомъ духовномъ училищѣ сначала инспекторомъ, а потомъ смотрителемъ. 1868 г. 14-го Апрѣля, въ день св. Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, о. Смарагдъ говорилъ въ Свято-Духовскомъ монастырѣ проповѣдь, при многочисленномъ стеченіи народа, властей военныхъ и гражданскихъ; но генерала А. Л. Потапова тутъ не было (онъ находился въ это время въ Петербургѣ). Проповѣдь произвела сильное впечатлѣніе на православныхъ слушателей, но не понравилась лицамъ, стоявшимъ тогда во главѣ управленія краемъ, подозрительно относившимся къ ревнителямъ Православія. О непріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ проповѣдію на этихъ лицъ, доведено было до свѣдѣнія Потапова, и онъ приказалъ арестовать проповѣдника и прислать съ проповѣдію въ Петербургъ. Что было съ несчастнымъ іеромонахомъ-проповѣдникомъ, и что онъ пережилъ тамъ въ Петербургѣ, это онъ самъ описалъ въ письмѣ къ своему архипастырю, Литовскому митроп. Іосифу (Сѣмашкѣ).

„По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 7½ час. вечера, писалъ о. Смарагдъ, я прямо поѣхалъ въ канцелярію оберъ-прокурора Св. Синода. Въ 10 уже часовъ позвалъ меня Юр. Вас. Толстой (товарищъ оберъ-прокурора). Какъ вамъ не стыдно, сказалъ г. Толстой. говорить такія

Библиотека "Руниверс"

проповѣди? Вы оскорбляете г.-губернатора Потапова. Вы сейчасъ должны ѣхать въ III Отдѣленіе. Было 11 часовъ вечера, когда я на курьерскихъ, съ дежурнымъ чиновникомъ, поѣхалъ въ III Отдѣленіе, и меня, при бумагѣ г. Толстого, передали въ руки дежурнаго чиновника. На другой день, въ 12 часовъ, приходитъ ко мнѣ генералъ Мезенцевъ и, обратившись ко мнѣ, говоритъ: „Не знаю, зачѣмъ васъ, о. Смарагдъ, прислали къ намъ. Это дѣло Юрія Васильевича. Я сію минуту поѣду къ нему, а вы все-таки подождите“.—И вотъ уже въ 4 часа пополудни меня позвали къ начальнику. Что же?—Начальникъ Мезенцовъ, взявъ меня за руку, сказалъ только: „Не тревожьтесь много. Вышли нѣкоторыя недоразумѣнія. Васъ, вѣроятно, переведутъ въ другую епархію. Поѣзжайте къ Юрію Васильевичу“... ...Въ 5 часовъ я былъ въ канцеляріи оберъ-прокурора. Такимъ образомъ въ III Отдѣленіи я пробылъ 17 часовъ. И не было никакого допроса. Въ канцеляріи оберъ-прокурора я ночевалъ. Утромъ въ 9 часовъ (27-го Апрѣля) я явился къ высокопреосвященному митроп. Исидору, который выслушалъ милостиво короткій разсказъ и взялъ къ себѣ мою проповѣдь... Проповѣдь моя, 1-го Мая, была читана въ Св. Синодѣ. Высокопреосвященный Исидоръ говорилъ, что онъ въ проповѣди не находитъ ничего такого... Другіе члены тоже съ выраженіемъ негодованія на арестованіе меня“...

Итакъ, во второй половинѣ XIX столѣтія, въ мирное и благополучное царствованіе кроткаго и любвеобильнаго императора Александра II, въ Россіи какъ будто бы возвратились Бироновскія времена!... Іеромонахъ Смарагдъ оправданъ, но не возвращенъ въ Вильну. Ему указанъ былъ путь въ Константинополь на должность помощника настоятеля въ тамошней посольской-церкви. Въ 1871 г. онъ назначенъ настоятелемъ и возведенъ въ санъ архимандрита. Послѣ семилѣтняго пребыванія Смарагда въ Константинополѣ, его вызываютъ въ Россію и назначаютъ епископомъ въ предѣлы той же роковой для него Вильны, откуда онъ былъ изгнанъ; не дивны ли, поистинѣ, пути Промысла Божія въ жизни смиреннаго изгнанника, какъ это исповѣдалъ и самъ о. Смарагдъ въ рѣчи своей предъ лицомъ священноначалія?“...

Но недолго Виленскій изгнанникъ оставался на Ковенской каѳедрѣ: онъ скончался 3-го Октября 1886 г. отъ воспаленія легкихъ. Въ его некрологѣ, напечатанномъ въ „Новомъ Времени“, между прочимъ, сказано: „На епископа Смарагда, еще молодого человѣка въ духовномъ мірѣ, возлагались большія надежды... Да и знавшіе его видѣли въ немъ человѣка съ яснымъ умомъ и твердымъ характеромъ, человѣка честнѣйшей и добрѣйшей души, полной сочувствія и любви къ ближ-

Библиотека "Руниверс"

нимъ: гуманность и мягкость—выдающіяся качества его живой, нелицемной поэтичности, души"...

Ярославскій преосвященный горько жаловался Саввѣ на утѣсненія. „Нашъ Ярославскій губернаторъ Левшинъ, котораго я по временамъ величалъ своимъ викаріемъ, поступилъ со мной весьма нечестно. Во всеподданѣйшемъ своемъ отчетѣ за 1884 г. къ Государю Императору онъ сдѣлалъ очень непохвальный отзывъ о моихъ предшественникахъ преосвященныхъ и обо мнѣ. Вотъ подлинныя слова его: „Возобновленіе Бѣлой Палаты, а равно и другихъ зданій Ростовскаго Кремля, *по усердію частныхъ лицъ* начатое и успѣшно продолжавшееся, и въ отчетномъ году удостоилось всемилостивѣйшаго одобренія Вашего Императорскаго Величества. Но оно не только можетъ прекратиться, а возобновленныя зданія придти могутъ въ прежнее состояніе разрушенія, если не обезпечить сохранность всего возобновленнаго... Между тѣмъ въ теченіе 32-хъ лѣтъ (т. е. со времени Евгенія *) архіеп. Ростовскаго) зданія не возобновлялись, а поступавшіе расходы распредѣлялись, какъ и до настоящаго времени, между учрежденіями духовнаго вѣдомства. Поэтому необходимо сосредоточить завѣдываніе Ростовскимъ Кремлемъ со всѣми его сооруженіями, учредивъ для Кремля особое ближайшее административное хозяйственное управленіе изъ лицъ: духовнаго, гражданскаго и городского вѣдомствъ съ назначеніемъ въ оное члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества". Противъ сихъ словъ Государю Императору благоугодно было написать: „весьма желательно". По сему дѣлу Константинъ Петровичъ требовалъ моего отзыва, каковой и отправленъ былъ мною еще въ Августѣ мѣсяцѣ. По сему же дѣлу я 17-го сего Августа препроводилъ объяснительную записку митроп. Исидору, въ коей уяснилъ, что отзывъ губернатора о недѣятельности Ростово-Ярославскихъ архипастырей не вѣренъ, и опасенія губернатора за Ростовскій Кремль преждевременны. Я и не воображалъ, чтобы мой *викарій* поступилъ такъ со мною безсовѣстно и рѣшился запятнать честь уважаемыхъ архипастырей Ярославскихъ, а особенно преосвященнаго Нила. Для уясненія сего дѣла я прилагаю на ваше архипастырское благоусмотрѣніе „Краткую историческую замѣтку" протоіерея Ѳивейскаго о Ростовскомъ Кремлѣ. Она написана правдиво, на основаніи подлинныхъ документовъ. Я, съ упованіемъ на Господа, возлагаю мои надежды и на вашу благоразумную заботливость о семъ дѣлѣ".

Въ другомъ письмѣ преосв. Іонаѳанъ писалъ: „Мой викарій наконецъ, сего 15-го Октября, представилъ мнѣ свои соображенія объ

*) Казанцева † 27-го Іюля 1871 г.

Библиотека "Руниверс"

устройствѣ въ Ростовскомъ Кремлѣ административнаго хозяйственнаго управленія и обставилъ это управленіе такими лицами, что епархіальному архіерею и дѣлать нечего въ Кремлѣ. Онъ не устыдился даже св. храмы Божіи подчинить вѣдѣнію коммиссій и комитета. Разсмотрѣвъ сіи соображенія, я сего 23-го Октября, препроводилъ къ г. оберъ-прокурору Св. Синода по симъ соображеніямъ свой отзывъ, который, по всей вѣроятности, скоро будетъ доложенъ Святѣйшему Синоду. Усерднѣйше прошу ваше высокопреосвященство защитить и оградить права св. церкви и ея служителей".

Вмѣсто защиты Савва ограничился только такимъ отвѣтомъ: „Прискорбно слышать, что мнимый вашъ викарій, сподвижникъ вашъ оказался вашимъ предателемъ; впрочемъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, при современномъ направленіи умовъ, можно ожидать отъ людей всякаго рода сюрпризовъ".

Однако, какъ ни защищалъ Ярославскій преосвященный своихъ предшественниковъ, они были далеко не только не охранителями, но и разрушителями Кремлевскихъ церквей и древнихъ памятниковъ. Одинъ изъ послѣднихъ Ростовскихъ архіереевъ Самуилъ Миславскій (впослѣдствіи митроп. Кіевскій) въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Куракину высказалъ свой взглядъ на этотъ Кремль. „Не думаю, писалъ онъ, чтобы въ Россіи подобный другой домъ архіерейскій могъ сыскаться. Можно сказать, что въ Россіи три мѣста уваженія достойны: Троицкая Лавра, Воскресенскій монастырь Новоіерусалимскій и Ростовскій архіерейскій домъ".

Къ сожалѣнію, не всѣми раздѣлялся этотъ взглядъ просвѣщеннаго іерарха. Прошло не болѣе полувѣка со дня перевода архіерейской каѳедры изъ Ростова въ Ярославль, какъ величественный архіерейскій домъ представлялъ уже печальную картину полнѣйшаго разрушенія. Опустѣлыя зданія, лишенныя надзора и поддержки, пришли въ упадокъ; церкви оказались „излишними" и оставались безъ богослуженія: въ обширныхъ и многочисленныхъ подвалахъ древнихъ палатъ нашли себѣ постоянное мѣсто склады спирта и вина, курени и ледники для трактирщиковъ... Красная Палата, построенная Іовой Сысоевичемъ „для пришествія государева", была сломана... Это было въ 1840-хъ годахъ. Обозрѣвая Ростовскій Кремль того времени, графъ М. В. Толстой „грустилъ душею, видя разрушеніе древняго архіерейскаго дома, видя храмы Божіи, въ которыхъ не совершалось божественнаго служенія, видя въ Бѣлой Палатѣ и вездѣ груды мусора и *мерзость запустѣнія*". Но хотя и въ развалинахъ, Кремль существовалъ, а между тѣмъ еще за 20 лѣтъ до того ему грозила опасность быть оконча-

Библиотека "Руниверс"

тельно снесеннымъ съ лица земли. Какъ нелицемѣрный свидѣтель, уцѣлѣлъ указъ Ярославской консисторіи 1820 г. о продажѣ всего Кремля городскому обществу „*для мѣста гостинно-ярмарочнаго двора*“ съ оставленіемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ церквей, назначенныхъ сначала къ сломкѣ и разборкѣ; и только несогласіе Ростовскихъ гражданъ на поставленныя условія отвратило отъ святыни „чашу сію“.

Кремль находился тогда еще въ вѣдомствѣ духовномъ, но приведенный указъ, а также интересное синодское дѣло 1819 года*) заставляютъ думать, что о древнихъ памятникахъ духовенство не прилагало никакихъ заботъ и попеченій. Наоборотъ, еще въ 1807 г. „по прошенію Ростовскаго собора протоіерея съ братіею, сдѣлано было указное распоряженіе о сломкѣ двухъ каменныхъ церквей, Григорьевской и Богословской, съ тѣмъ, чтобы изъ матеріала выстроить при холодномъ соборѣ теплый“. Въ дѣло, однако, вмѣшалось городское общество, которое подало прошеніе о сохраненіи всѣхъ пяти каменныхъ церквей бывшаго архіерейскаго дома, „съ изъясненіемъ желанія о возобновленіи оныхъ иждивеніемъ усердствующихъ гражданъ“. Благодаря заявленію Ростовцевъ, распоряженіе о сломкѣ церквей тормозилось и оставалось не исполненнымъ до 1819 г., а затѣмъ, къ счастію, и совсѣмъ было забыто.

Какъ можно судить, главнымъ руководителемъ въ вопросѣ о поддержаніи въ то время разрушившагося Кремля былъ Ярославскій губернаторъ А. М. Безобразовъ. Въ Декабрѣ 1824 г. онъ предложилъ городскому обществу: „не пожелаетъ ли оное, отдѣляя ежегодно по пяти тысячъ рублей на постепенную поправку Кремля изъ городскихъ доходовъ, привесть оный въ прежній и прочный видъ, что̀ послужитъ новымъ благолѣпіемъ нынѣшнему состоянію города“. Общество согласилось и ассигновало деньги, но первая попытка не была удачной: она ограничилась устройствомъ на двухъ башняхъ близъ Іоанно-Богословской церкви деревянныхъ крышъ и окраской самаго храма масляною краскою. Послѣ этой частичной и незначительной починки, Ростовскій Кремль снова остается безъ должнаго призора свыше 35 лѣтъ, и только въ началѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, съ почина нѣсколькихъ благотворителей изъ мѣстныхъ гражданъ, Ростовскимъ купцомъ, П. И. Храниловымъ предпринято было болѣе значительное возобновленіе Кремля. Къ сожалѣнію, П. И. Храниловъ умеръ, не доведя до конца своего прекраснаго намѣренія; но и то, что̀ сдѣлано вызываетъ къ нему глубокую признательность, такъ какъ часть Крем-

*) Дѣло 1819 г. № 1035.

Библиотека "Руниверс"

левскихъ зданій была сохранена отъ окончательнаго разрушенія и уцѣлѣла до 80-хъ годовъ XIX столѣтія. Въ это время ярко вспыхнувшая и горячо поддержанная ревность къ сохраненію древнихъ памятниковъ и святынь, дала, наконецъ, и средства и возможность произвести тщательную, научно обоснованную и глубоко продуманную реставрацію Ростовскаго Кремля, каковой онъ вполнѣ заслужилъ своимъ историческимъ прошлымъ.

Съ искреннимъ чувствомъ припоминаемъ, что въ то время мы находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ знакомства съ гр. А. С. Уваровымъ, когда его горячія, убѣдительныя рѣчи о священной обязанности каждаго охранять всѣми мѣрами древніе памятники родной старины открыли намъ цѣлый міръ новыхъ понятій, открыли ясно и опредѣленно, какое драгоцѣнное наслѣдіе предковъ гибнетъ въ Ростовѣ, въ его историческомъ Кремлѣ. Эти бесѣды съ покойнымъ предсѣдателемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества останутся навсегда въ нашей памяти; его уроки глубоко запали въ сердце наше, и наши мысли въ то время полны были одной мечтой: видѣть Ростовскій Кремль возстановленнымъ во всей красотѣ его прежняго величія, какимъ онъ былъ въ концѣ XVII вѣка. Твердая увѣренность въ помощи и указаніяхъ со стороны такого цѣнителя древности, какимъ былъ почившій нашъ дорогой учитель, давала намъ смѣлость безусловно надѣяться, что и средства для основательной реставраціи найдутся, что окажутся просвѣщенные жертвователи, которыхъ не остановятъ никакіе размѣры затратъ, лишь бы пожертвованія были употреблены съ должной осмотрительностью и полной цѣлесообразностью.

Надежды наши оправдались въ полной мѣрѣ. Въ лицѣ братьевъ Евграфа и Всеволода Ивановичей Королевыхъ мы увидали первыхъ щедрыхъ жертвователей, а въ начальникѣ Ярославской губерніи В. Д. Левшинѣ энергичнаго предсѣдателя особой коммиссіи, образовавшейся въ 1880 году по назначенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества для постояннаго наблюденія за работами по возстановленію Ростовскаго Кремля.

Реставрація Бѣлой Палаты въ 1883 году была первымъ и въ высшей степени успѣшнымъ и счастливымъ опытомъ: успѣшнымъ потому, что этотъ древній архитектурный памятникъ удалось сохранить во всей прелести первоначальнаго вида, какимъ создалъ его неутомимый владыка-труженикъ митроп. Іона Сысоевичъ; счастливымъ въ томъ отношеніи, что вслѣдъ за возстановленіемъ Бѣлой Палаты, по щедрому почину братьевъ Евграфа и Всеволода Ивановичей Коро-

Библиотека "Руниверс"

левыхъ, пожертвованія на дальнѣйшія работы потекли обильно и безостановочно. Было много и другихъ жертвователей, благодаря которымъ „въ теченіе слѣдующаго же 1884 г. были реставрированы переходная галлерея отъ Бѣлой Палаты къ Княжіимъ теремамъ, самые терема и церковь Григорія Богослова. Затѣмъ съ 1885 г. и до сего времени пли: нѣсколько стѣнъ, переходовъ и башенъ Кремля, церкви Іоанна Богослова, Одигитріевская, Воскресенія Христова, Спаса на Сѣняхъ и, наконецъ, часть Іерарших Палатъ, бывшее жилище родоначальника царствующаго дома Романовыхъ, приснопамятнаго Ростовскаго митроп. Филарета Никитича. Реставрированный Ростовскій Кремль пріобрѣлъ въ настоящее время большую извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и за границей: число путешественниковъ, Русскихъ и иностранцевъ, съ научной цѣлью посѣщающихъ Ростовъ Великій и его знаменитый Кремль, годъ отъ года увеличивается. Великолѣпныя зданія, стоящія теперь во всемъ блескѣ своей древней красоты, составляютъ предметъ изслѣдованій многихъ ученыхъ посѣтителей: священные памятники Кремля изображаются знаменитыми художниками и зарисовываются извѣстными архитекторами. Возстановленныя зданія Ростовскаго Кремля будутъ вѣчнымъ памятникомъ жертвователямъ, любителямъ родной старины. Не умрутъ имена ихъ въ лѣтописяхъ Русской археологіи и сохранятся навсегда на страницахъ мѣстной исторіи. Во всякомъ случаѣ, несмотря на сѣтованія владыки на своего *викарія*, теперь во всѣхъ когда-то запустѣлыхъ церквахъ совершается божественная служба, Бѣлая Палата и Княжьи терема не только покрыты, но и наполнены древними и художественными вещами; на бывшемъ владычномъ дворѣ, представлявшемъ мерзость запустѣнія, разведенъ прекрасный садъ, которымъ пользуются ученики духовнаго училища. Было бы хорошо, если бы и другіе церковные памятники и епархіальные музеи имѣли такихъ *викаріевъ*: древніе предметы и музеи не стали бы грабиться и сожигаться, какъ это было въ Смоленскѣ въ 1907 г.

Много было разговоровъ по поводу пасквиля, написаннаго на Харьковскаго владыку Амвросія. Савва, при посѣщеніи Московскаго митроп. Іоанникія, былъ удивленъ, когда онъ „вынесъ изъ своего кабинета небольшую тетрадь и съ нѣкоторымъ злорадствомъ прочиталъ мнѣ написанное въ ней. Это былъ акаѳистъ (или, вѣрнѣе, только начало акаѳиста—одинъ кондакъ и икосъ), составленный въ язвительныхъ выраженіяхъ и направленный противъ Амвросія, епископа Харьковскаго. Составленіе и распространеніе въ спискахъ по всей почти Россіи этого злостнаго памфлета приписываютъ Харьковскому протоіерею В., который незадолго предъ симъ удаленъ былъ безъ прошенія

Библиотека "Руниверс"

отъ должности члена консисторіи, вслѣдствіе представленія Св. Синоду отъ преосв. Амвросія. В. по этому случаю былъ въ Петербургѣ и обращался къ членамъ Синода, въ томъ числѣ и ко мнѣ, съ просьбою, чтобы его считать удаленнымъ отъ службы *по прошенію*. Такое снисхожденіе ему было оказано".

По поводу этой исторіи Савва и самъ получилъ изъ Харькова нѣсколько писемъ. Благочестивый А. Ѳ. Ковалѣвскій, возмущенный такимъ поруганіемъ преосвященнаго*), писалъ: „Бѣдствіе у насъ и духовное; паства возстала на архипастыря, преслѣдуетъ его пасквилями и доносами; недавно очень скандальный акаѳистъ на него написали и распространили вездѣ въ высшихъ и низшихъ слояхъ народа; говорятъ, и въ Синодъ и оберъ-прокурору послали, о чемъ скорбимъ зѣло, ибо какъ бы архипастырь ни былъ достоинъ порицанія, но не дѣло пасомыхъ такъ его порицать; да опять же, и Богъ вѣсть еще, правда ли все это, въ чемъ порицаютъ. Жаль и совѣстно даже за свою паству, что до этого себя довела, и Богъ вѣсть, чѣмъ кончатся всѣ эти неурядицы. Во всякомъ случаѣ очень онѣ нежелательны и прискорбны для всѣхъ благомыслящихъ безпристрастныхъ людей".

Рѣшительнѣе объ этомъ писалъ консисторскій секретарь Славолюбовъ, желая, чтобы Господь сохранилъ преосв. Савву навсегда и „мирна". „Увы! князь міра сего посредствомъ сыновъ противленія успѣваетъ нарушать сей вожделѣнный миръ и въ душахъ лицъ высокопоставленныхъ. Вы, конечно, догадываетесь, что я разумѣю тутъ нарушеніе душевнаго мира нашего архипастыря извѣстнымъ вамъ (прежде чѣмъ намъ) пасквилемъ, кощунственно озаглавленнымъ „акаѳистомъ". Позоръ неизгладимый, проклятіе всегдашнее да падетъ на главы тѣхъ, которые измыслили такой адскій способъ на опозореніе досточтимаго іерарха нашего ни въ чемъ, взнесеннымъ на него, неповиннаго, ни единымъ шагомъ, ни дѣйствіемъ служенія своего не подававшаго повода къ тому. Только демонъ въ глубинѣ ада могъ измыслить такую клевету на святителя, котораго апостольская ревность къ дѣлу служенія своего, видно, нестерпима стала для врага церкви Христовой. Эта адская штука возбудила много говора по городу, а въ духовенствѣ — сильное желаніе доискаться пасквилянтовъ. Говорю „доискаться", а не узнать. Знать-то мы ихъ знаемъ, да уличить ихъ нечѣмъ: точь-въ-точь какъ всѣ знаютъ, что есть извѣстный отецъ лжи, видимъ дѣла его, а его самого не поймаешь. Содержаніе пасквиля головой выдаетъ соста-

*) Ковалевскій былъ возмущенъ еще болѣе тѣмъ, что это была поддѣлка подъ одно изъ многочисленныхъ его твореній.

Библиотека "Руниверс"

вителя его—пресловутаго В. . . . . о въ К° съ единомышленникомъ его С. . . . . ъ и tuttis quantis, но вѣдь на этомъ, хотя поистинѣ непогрѣшимомъ, убѣжденіи обвиненіе построить трудно, если и невозможно".

Амвросія въ Харьковѣ не очень любили. Бывшіе вскорѣ у Саввы въ гостяхъ преосвященный Михаилъ Сербскій и В. К. Саблеръ передавали, что „Амвросій на этихъ дняхъ пріѣзжалъ въ Москву для освященія храма въ честь Казанской иконы Божіей Матери, при его участіи сооруженнаго, когда онъ былъ при этомъ приходѣ настоятелемъ; что онъ не пользуется-де расположеніемъ Харьковскаго духовенства; что вопреки желанія духовенства взялъ заимообразно у Синода 30,000 р. на постройку зданія въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ, и это зданіе разрушилось и пр."

10-го Октября Савва получилъ „конфиденціальный указъ Св. Синода отъ 9-го числа за № 10, въ которомъ изъяснено, что вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада статсъ-секретаря Дурново о предполагаемомъ общественномъ празднованіи 25-лѣтняго юбилея со времени изданія „положенія о крестьянахъ", высочайше *воспрещено празднованіе всякихъ юбилеевъ 25-лѣтняго срока*, особеннымъ образомъ производимое".

8-го Октября Савву посѣтилъ Іоаннъ архіеп. Полтавскій. Въ братской бесѣдѣ у нихъ зашла рѣчь о Полтавскомъ священникѣ Львѣ Рейхенбергѣ (изъ Жидовъ), пользовавшемся отъ Саввы нѣсколько лѣтъ значительными пособіями. Іоаннъ передавалъ, что и онъ много помогалъ Рейхенбергу во время нахожденія его въ Кіевской Духовной Академіи, и что Рейхенбергъ получалъ отъ Кіевскаго братства 30 р. ежемѣсячно, а не 10 р., какъ писалъ онъ Саввѣ. Такова, заключаетъ Савва, „Жидовская натура и подъ покровомъ христіанства".

Любопытны страницы въ Запискахъ преосвященнаго Саввы объ этомъ попѣ изъ Еврейскаго племени. „22-го Сентября, пишетъ Савва, былъ у меня принявшій крещеніе изъ Евреевъ, Левъ Кирилловичъ Рейхенбергъ *). Родомъ онъ изъ Молдавіи и получилъ высшее образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ. Но пріѣздѣ въ Россію и до принятія крещенія, онъ занимался адвокатурой. По принятіи крещенія, онъ возымѣлъ мысль принять священство съ миссіонерскою цѣлію проповѣдывать христіанство между своими единоплеменниками. Изъ бесѣды съ нимъ я увѣрился въ его основательномъ знаніи Библіи не только Ветхаго, но и Новаго Завѣта, тѣмъ не менѣе далъ ему совѣтъ не спѣшить

*) Ему принадлежитъ книга: Свѣтъ Израилю. Часть 1-я. Статья обличительнаго богословія для Еврея Талмудиста или Раввиниста. Кіевъ, 1879.

Библиотека "Руниверс"

приведеніемъ въ исполненіе своего добраго намѣренія, но приготовляться тщательнымъ изученіемъ всего, относящагося къ Православію. Для сего подалъ ему мысль поступить для изученія богословскихъ предметовъ въ какое-либо высшее духовно-учебное заведеніе, и онъ, какъ увидимъ далѣе, послѣдовалъ моему совѣту".

1-го Февраля 1877 года профессоръ Кіевской Духовной Академіи Воскресенскій сообщаетъ свѣдѣнія о слушателѣ академическихъ лекцій Львѣ Рейхенбергѣ, бывшемъ жителѣ Харькова. „Рейхенбергъ бываетъ у меня довольно часто; то за книгами, то за совѣтами и т. п., и я довольно знакомъ съ его жизнію и положеніемъ. Академическія лекціи посѣщаетъ онъ весьма усердно; съ такимъ же усердіемъ изучаетъ и избранные имъ спеціальные предметы. Жизнь ведетъ самую скромную, труженическую. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе его, сколько я вижу, очень тяжело, и съ этой стороны онъ вполнѣ заслуживаетъ поддержки. Совѣтъ Братства Св. Владимира, въ виду пособія Рейхенбергу, поручилъ ему приготовлять, въ братскомъ пріютѣ ко Св. Крещенію прозелитовъ изъ Евреевъ и Евреекъ, и за это выдастъ по 10 рублей въ мѣсяцъ; но что̀ значатъ эти десять рублей при наймѣ квартиры, содержаніи семейства, дороговизнѣ на все въ Кіевѣ и частомъ хожденіи съ Подола къ Софійскому собору? Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ сообщаю вашему преосвященству эти свѣдѣнія, что цѣль и конецъ ихъ—христіанское святое дѣло".

„Филаретъ, ректоръ академіи, относится къ Рейхенбергу очень внимательно, также относятся къ нему и наставники, съ которыми ему приходится имѣть дѣло по своимъ занятіямъ. Ему особенно желательно скорѣе принять священный санъ: но скоро ли онъ можетъ достигнуть этого, ничего не могу сказать. Думаю, что ему хоть одинъ экзаменъ нужно сдать для засвидѣтельствованія о своихъ занятіяхъ и серьезномъ ознакомленіи съ догматами св. вѣры. Его сочиненіе „Свѣтъ Израилю", которое онъ представилъ его высокопреосвященству съ прошеніемъ напечатать на лаврскій счетъ, поручено консисторіею разсмотрѣть мнѣ. Я положилъ исправить его, гдѣ нужно и одобрить къ напечатанію". 27-го Іюня писалъ мнѣ изъ Кіева Л. К. Рейхенбергъ: „Я пріѣхалъ въ Кіевъ безъ всякихъ средствъ. Рѣшившись посвятить себя Христу-Богу въ дѣлѣ миссіонерства, я не могъ остановиться изъ-за того, что 3000 рублей, мои единственныя и послѣднія средства, на которыя я вполнѣ разсчитывалъ, пропали у недобросовѣстныхъ должниковъ. Продавъ свои пожитки, я обезпечилъ на первое время жену, сочувствующую мнѣ и, ради моей высокой задачи, переносящую безропотно разлуку и недостатокъ, и съ крестомъ въ сердцѣ и вѣрою въ душѣ отправился въ

Библиотека "Руниверс"

Кіевъ. Первое время посвятилъ я поклоненію здѣшней святынѣ. Изучивъ предварительно житія почивающихъ тамъ угодниковъ, я пошелъ прикладываться, и моя благоговѣющая душа исполнилась высшаго восторга. Вы здѣсь чувствуете себя въ торжественномъ собраніи великихъ царей, владыкъ! Страхъ и радость обнимаютъ душу, ни тѣни уныпія, ни малѣйшаго слѣда тяжелаго впечатлѣнія смерти...., напротивъ, вы чувствуете отчетливо, ясно, что находитесь въ царствѣ жизни, а не смерти. Св. монци представляютъ вообще дивное сочетаніе неземнаго величія и самоуничиженія, всеобъемлющей славы и крайняго смиренія, безсмертія, нетлѣнности, и смерти и гроба... Я молилъ ихъ о ходатайствѣ, чтобы Духъ Святый помогъ мнѣ сдѣлаться хоть отчасти похожимъ на нихъ. Лобызая чудотворную икону Успенія, я былъ весь благоговѣніе. Съ какимъ блаженствомъ лобызалъ я этотъ чудотворный образъ! А что я чувствовалъ, прикладываясь къ крови Господа и Спаса моего, честнѣйшей крови Новаго Завѣта, пролитой за грѣхи міра, въ томъ числѣ и за меня недостойнаго.—этого никакое слово неспособно передать! Я пересталъ существовать для всего остальнаго, и для меня, кромѣ Спаса, ничего не существовало. Я остался безъ жизни, безъ движенія, я былъ весь въ душѣ, а душа у Христа, Царя и Бога. Я ни о чемъ не просилъ, я ни въ чемъ не нуждался, ничего не жалѣлъ: я созерцалъ Бога-Слово и былъ невыразимо счастливъ. Обильныя слезы умиленія, слѣдствіе избытка счастія, доказывали настроеніе души моей. Къ сожалѣнію я не могу описать чувствъ, волновавшихъ душу мою при этихъ великихъ моментахъ. Эти ощущенія—достоянія чувства, а не слова. Факты однакоже вывели меня изъ духовнаго міра къ дѣйствительной жизни, и я хоть поустроилъ свою будущность въ отношеніи науки, но мое матеріальное положеніе оказалось такъ безвыходнымъ, что я едва не палъ духомъ; семейство тамъ, я здѣсь въ самой послѣдней крайности; занятій въ городѣ нѣтъ, а на выѣздъ хоть и есть, но я не могу выѣхать изъ Кіева, гдѣ, подъ руководствомъ профессора Воскресенскаго, долженъ готовиться къ вступительному экзамену. И въ то время, когда я возвелъ очи мои въ горы, отнюду же пріидетъ помощь моя, Господь милосердый „посла ми помощь отъ святаго“. Нѣтъ словъ выразить мою признательность за вниманіе и покровительство, которыми вамъ угодно было удостоить меня. Ваша двойная помощь душѣ и тѣлу поспѣла именно въ моментъ упадка физическихъ и нравственныхъ силъ“.

„7 го Іюля 1878 года послѣ ранней литургіи, былъ у меня, отмѣчаетъ Савва, вольный слушатель академическихъ лекцій, принявшій христіанство въ Харьковѣ, образованный Еврей, Левъ Кирилловичъ

Библиотека "Руниверс"

Рейхенбергъ. Онъ просилъ моего ходатайства предъ митрополитомъ о возведеніи его въ санъ священника и о причисленіи его къ какой-либо приходской церкви, не безъ корыстныхъ, разумѣется, расчетовъ. Я отклонилъ отъ себя эту просьбу".

28-го Октября: „Былъ я у Московскаго митрополита Іоанникія, для поздравленія его съ пріѣздомъ, и онъ, въ откровенной со мною бесѣдѣ, повѣдалъ мнѣ о нѣкоторыхъ изъ своей братіи слѣдующее. О Казанскомъ архіепископѣ Палладіѣ: онъ былъ въ 1882 г. предназначенъ экзархомъ въ Грузію, но это не состоялось вслѣдствіе личнаго высочайшаго назначенія на этотъ постъ Кишиневскаго архіепископа Павла. О экзархѣ Грузіи, архіеп. Павлѣ: онъ дѣйствуетъ неразсудительно и безтактно; обѣщалъ Грузинскому духовенству большое жалованье (1000 рублей священнику), но этого обѣщанія не могъ исполнить; написалъ окружное посланіе къ духовенству, въ которомъ изобличалъ оное въ пьянствѣ, и за это ему угрожали смертію. Экзархъ желалъ бы перейти въ Вильну. О Варшавскомъ архіеп. Леонтіѣ: митроп. Исидоръ, посылая его въ Москву на погребеніе митроп. Макарія († 9-го Іюня 1882 года), предъ Синодомъ обѣщалъ ему Московскую каѳедру, и въ день назначенія на эту каѳедру другого лица (т. е. самого Іоанникія) собственноручною запискою извѣщалъ его о сновидѣніи, бывшемъ эконому его, архим-ту Исаіи, въ которомъ извѣстная Матрона Александровна Егорова*) объявила ему, Исаіи, о назначеніи Леонтія митроп. Московскимъ, а этотъ послѣдній имѣлъ неосторожность показать эту записку нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ. И каково же было его изумленіе, когда онъ въ тотъ же день узналъ, что Московская каѳедра досталась не ему, а другому, младшему его по службѣ! Наконецъ, о епископѣ Харьковскомъ Амвросіѣ: въ Харьковѣ продолжаютъ писать на него пасквили въ стихахъ. Онъ (митрополитъ) совѣтовалъ оберъ-прокурору перевести Амвросія на другую каѳедру".

Дѣйствительно, о Харьковскомъ владыкѣ составилась цѣлая литература своеобразнаго характера, да и вообще, за рѣдкими исключеніями, общественная и интимная жизнь епархіальныхъ владыкъ съ самаго начала XVIII вѣка служила предметомъ самыхъ разнообразныхъ легендъ и анекдотовъ. Это явленіе вполнѣ объясняется положеніемъ Русской печати. Если бы можно было соединить воедино и напечатать эти апокрифическія сказанія, сатиры, оды, легенды, акаѳисты и т. п.,

*) О Егоровой см. Дневникъ Порфирія Успенскаго. Труженица.

Ну, что, Егоровна, нашла себѣ мѣстечко?

—Еще какое! со столомъ... и т. д.

(„Русскій Архивъ" 1905. III. 505).

Библиотека "Руниверс"

какой получился бы блестящій „лавсаикъ“ для характеристики современныхъ авторамъ владыкъ. Отраженіемъ такого рода литературы являются популярныя свѣдѣнія о Казанскомъ владыкѣ Павлѣ Зерновѣ († 1815), вся жизнь котораго послужила ареной для борьбы Бахуса съ Минервой [1]). Такихъ апокрифовъ „о разгуляй-архіереяхъ“ сохранились цѣлые томы, съ подробнымъ описаніемъ оргій въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ „вино пили, вино лили, какъ на широкой Маланьиной свадьбѣ“ [2]).

Весьма характернымъ является письмо, которое получилъ Савва отъ своей знакомой: „Вчера я была у Е. В. П. и спрашивала ее, не знаетъ ли она, какая причина внезапной перемѣны въ Синодѣ? Она сказала мнѣ, что послѣ возвращенія „Володи“ изъ-за границы она мало его видѣла и не пришлось слышать про дѣла. Вы знаете, что она родная тетка В. К. Саблера. Но вотъ что еще она сказала мнѣ. Въ его отсутствіе пришло письмо изъ Казани отъ начальницы института кн. Урусовой къ m-me Саблеръ-матери, слѣдовательно къ сестрѣ Протопоповой. Кн. Урусова пишетъ, что преосв. Палладій получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ ему дали понять, что онъ будетъ вызванъ въ Синодъ. На это письмо онъ послалъ въ Петербургъ телеграмму и двѣ недѣли отвѣта не получаетъ, недоумѣвая, что это значитъ. Такъ какъ Вл. Карл. не было, то мать его не могла ничего отвѣтить княгинѣ“. „Письмо это—пишетъ Савва—требуетъ нѣкотораго поясненія. Вотъ въ чемъ дѣло. Преосв. Палладію, архіеп. Казанскому, пользующемуся особеннымъ расположеніемъ первенствующаго члена Синода, очень захотѣлось еще разъ пожить въ веселой сѣверной столицѣ, гдѣ у него такъ много друзей и *другинь*. И вотъ представился къ этому благопріятный случай. Ему, какъ предсѣдателю съѣзда епископовъ, бывшаго въ Іюлѣ въ г. Казани, казалось нужнымъ лично представить Синоду отчетъ о происходившихъ въ собраніи разсужденіяхъ; и вотъ онъ проситъ своего высокаго патрона вызвать его въ Петербургъ. Патронъ не захотѣлъ огорчить своего кліента отказомъ: обращается къ оберъ-прокурору съ просьбою доложить Государю о вызовѣ архіепископа Казанскаго въ Синодъ и объ увольненіи Тверскаго (т. е. меня) въ свою епархію. Но оберъ-прокуроръ, видно, не почиталъ особенно нужнымъ вызывать Палладія въ Синодъ, гдѣ онъ два года тому назадъ уже присутствовалъ, а между тѣмъ признавалъ необходимымъ удержать меня въ Петербургѣ до окончанія возложеннаго на меня порученія по дѣлу о военномъ духовенствѣ и его отношеніяхъ къ епархіальнымъ

[1]) „Русскій Архивъ“ 1886. II. 348.

[2]) Тамъ же, стр. 349.

Библиотека "Руниверс"

архіереямъ, и потому медлилъ докладомъ Государю. Митрополитъ же, имѣя въ виду приближеніе прекращенія по Волгѣ пароходнаго сообщенія Казани съ Нижнимъ Новгородомъ, настаивалъ на немедленномъ докладѣ его величеству, и объ этомъ онъ имѣлъ секретный разговоръ, въ моемъ виду, предъ засѣданіемъ въ Синодѣ съ оберъ-прокуроромъ, 16-го Октября. Послѣдній, при окончаніи разговора съ митрополитомъ, довольно громко и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ спрашивалъ его: „да готова ли квартира?“ Тотъ отвѣчаетъ: „готова, готова“. Когда Константинъ Петровичъ отошелъ отъ митрополита, я спросилъ его изъ любопытства: „для кого въ лаврѣ готовится квартира?“—„Для Казанскаго преосвященнаго“, отвѣчалъ онъ.—„На чье-же мѣсто?“—„На ваше“, былъ отвѣтъ.—„Очень радъ, говорю я, возвратиться къ своей паствѣ, и нельзя ли поскорѣе отпустить меня?“—„Нѣтъ, вы уже, пожалуйста, окончите начатое дѣло о военномъ духовенствѣ и потомъ не откажитесь и въ Твери продолжать трудъ изданія „Мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета“.—„Послѣднимъ дѣломъ я охотно буду заниматься и по возвращеніи въ Тверь“, отвѣтилъ я. Между тѣмъ, досточтимый архипастырь Казанскій не замедлилъ явиться въ Петербургъ. Въ послѣднихъ числахъ Октября онъ былъ уже здѣсь и, въ ожиданіи моего выѣзда изъ Петербурга, водворился въ назначенномъ ему въ лаврѣ помѣщеніи. Вслѣдъ за нимъ явилась и его немалочисленная свита и самовольно ворвалась въ занимаемое мною подворье, къ стѣсненію моей свиты и къ моему крайнему неудовольствію, такъ какъ она сначала заняла комнаты надъ моею квартирою и своимъ топотомъ ни днемъ, ни ночью не давала мнѣ покоя. Впрочемъ, это продолжалось недолго: я позвалъ смотрителя дома и велѣлъ немедленно прогнать сверху безпокойныхъ гостей.... Молва о моемъ изгнаніи изъ Петербурга тотчасъ разнеслась по городу и, достигши до Твери, произвела немалое смущеніе въ моей паствѣ“.

Раскрывая синодскія закулисныя тайны (печатаемыя впрочемъ, насколько возможно) Савва не щадитъ и своихъ собратьевъ. Такъ 7-го Ноября онъ заноситъ, что „по вліянію и настоянію извѣстной богачки Базилевской, у которой непремѣнно разъ въ недѣлю обѣдаетъ митроп. Исидоръ, переведены епископы: Никаноръ (Бровковичъ) изъ Уфы въ Одессу. Мартиніанъ (Муратовскій) изъ Камчатки—въ Симферополь. Епископъ Вятскій Макарій (Миролюбовъ) обращался съ письмомъ къ племянницѣ Базилевской А. П. Вальрондъ о томъ, чтобы она попросила свою тетку о перемѣщеніи его куда-либо на Югъ (какая неприличная для епископа низость!). И Макарій не тотчасъ, а въ 1887 г. перемѣщенъ въ Новочеркасскъ, при томъ съ саномъ *архіепископа* Дон-

Библиотека "Руниверс"

ского! Итакъ, вотъ отъ кого зависитъ рѣшеніе судьбы того или другого изъ Россійскихъ іерарховъ!...."

„18-го Ноября вечеромъ было подъ моимъ предсѣдательствомъ послѣднее засѣданіе по дѣлу о военныхъ церквахъ и духовенствѣ. Засѣданія комиссіи съ Марта по Ноябрь были прекращены по винѣ оберъ-прокурора Св. Синода: онъ взялъ въ свои руки приготовленный комиссіею проектъ „Положеній" въ Апрѣлѣ, и ничего не сдѣлавши, возвратилъ оный въ концѣ Октября".

Послѣдній день своего пребыванія въ столицѣ Савва описываетъ такъ: „Давно не бывавши у митроп. Исидора, я отправился къ нему проститься. Когда доложили о мнѣ владыкѣ, онъ немедленно вышелъ въ гостинную и прежде всего, стоя, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Что вы тамъ затѣваете дѣлать?" —Спрашиваю: гдѣ?—Въ Твери-то.—Ничего не затѣваю.—Какъ же оберъ-прокуроръ сказалъ, что вы просите себѣ продолжительный отпускъ?—Никогда я не просилъ.—Послѣ сего митрополитъ сѣлъ и меня посадилъ. Затѣмъ повелъ рѣчь о вызываемыхъ въ Синодъ епархіальныхъ архіереяхъ. „Вонъ какіе пріѣзжаютъ сюда архіереи, напримѣръ Самарскій (Серафимъ): совсѣмъ больной и не можетъ служить"—Зачѣмъ-же, говорю я, такихъ вызывать въ Синодъ?—Могъ-бы отказаться отъ вызова.—Какъ, развѣ можно отказываться отъ такой чести?—„Можно"... Я принялъ это къ свѣдѣнію.

Распростившись и, вѣроятно, навсегда съ первенствующимъ членомъ Синода, я поспѣшилъ отъ него къ оберъ-прокурору и, когда Константинъ Петровичъ вышелъ ко мнѣ, я обратился къ нему съ нѣкотораго рода упрекомъ. „Вы, говорю, виновникъ моего преждевременнаго выѣзда изъ Петербурга?"—„Какъ такъ?" съ удивленіемъ говоритъ онъ.—Мнѣ владыка митрополитъ сказалъ, что вы говорили ему, будто я прошу продолжительнаго отпуска въ епархію.—„Никогда я не говорилъ ему объ этомъ. Это значитъ съ больной головы на здоровую... Онъ, напротивъ, цѣлое лѣто мнѣ все твердилъ о вызовѣ въ Синодъ Казанскаго Палладія; писалъ мнѣ даже за границу, чтобы я оттуда послалъ докладъ Государю; развѣ я могъ писать Государю изъ-за границы?"... Такія-то у насъ, въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Всероссійскомъ Синодѣ совершаются дѣянія нашими старѣйшинами".

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Тверь Савва получилъ изъ Петербурга письмо, отъ придворнаго протоіерея Т—ва, который извѣщалъ, что и „оставшіеся на чредѣ архіереи тоже едва ли долго пробудутъ у насъ, за исключеніемъ Палладія. Объ одномъ изъ нихъ (Серафимѣ) прокуроръ выражается, что онъ до сихъ поръ еще не можетъ понять, „чѣмъ пахнетъ отъ этого архіерея": а о другомъ—

Библиотека "Руниверс"

Германъ (Осѣцкомъ, епископѣ Кавказскомъ) говоритъ, что онъ много болтаетъ. Отсюда изволите усмотрѣть, что здѣсь не цѣнится ни умное слово, ни умное молчаніе: а вашъ примѣръ показалъ, что не цѣнится и не уважается и умное дѣло". На эту тему я много могъ бы сказать, но Богъ съ *ними!* Изъ пятнадцатилѣтней службы при Св. Синодѣ я вынесъ столько безотрадныхъ впечатлѣній насчетъ высшаго церковнаго управленія, отъ котораго и донынѣ лучшіе и преданнѣйшіе сыны церкви и отечества только разводятъ руками и покиваютъ главами"....

Да и самъ Савва тоже вскорѣ писалъ въ Ярославль преосвященному Іонаѳану: „Скажу вамъ откровенно, что я безъ сожалѣнія оставилъ Сѣверную Пальмиру. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что такъ безцеремонно поступаютъ предержащія власти съ нашею братіею, провинціальными архіереями. Свѣдущіе и благонамѣренные люди строго осуждаютъ ихъ за это".

На это письмо преосвященный Іонаѳанъ отвѣтилъ: „Кажется, мы оба можемъ назваться изгнанниками. Меня вытѣснилъ Леонтій Варшавскій, а васъ—Палладій Казанскій. Я уже писалъ вамъ, что тотъ и другой при открытіи дверей митрополіи могутъ столкнуться другъ съ другомъ лбами и не ухватить искомаго сокровища. У того и другого, кажется, мало вѣры въ Промыслъ Божій и увѣренности въ домостроительствѣ Божіемъ. Оттого-то они и пресмыкаются съ униженіемъ своего сана у предержащихъ властей. Ну да Богъ съ ними. Что̀ сказано мною, сказано не въ осужденіе, а отъ горечи сердечной".

Этотъ седьмой томъ „Хроники своей жизни" Савва заключаетъ такъ: „Въ № 276-мъ газеты „Свѣтъ" объявлено, что въ Спб. губ. земствѣ поставленъ на обсужденіе вопросъ о передачѣ капиталовъ и доходовъ церквей земству, ему-де принадлежитъ и выборъ священниковъ для приходскихъ церквей. Въ прошломъ году о томъ же разсуждали въ Московскомъ земствѣ. Изъ столицъ требованіе перейдетъ въ губернскія земства и сдѣлается общимъ. О всѣхъ вредныхъ явленіяхъ для церкви надо писать и писать. Если нелѣпыя затѣи не будутъ опровергнуты сильными доводами, то могутъ возобновляться и на будущее время. Конечно, теперь Константинъ Петровичъ введенія ихъ не допуститъ; но вѣдь онъ смертный, какъ и всѣ люди. Послѣ него кто защититъ силою многою церковь, не вѣмъ".

Андрей Титовъ.

Ростовъ-Великій.
22-го Января 1908 г.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ГРАФУ М. С. ВОРОНЦОВУ И КЪ ЕГО ОТЦУ [1]).

1.

Милостивый государь мой графъ Михаилъ Семеновичъ.

Увидя изъ письма вашего къ А. Я. Булгакову, что посѣщеніе мое пріятно будетъ вамъ, жду теперь съ нетерпѣніемъ той минуты, въ которую оставлю здѣшній городъ и отправлюсь въ Москву чрезъ Андреевское [2]). Двѣ причины родили во мнѣ желаніе васъ видѣть: личное къ вашему сіятельству уваженіе, сопряженное съ 23-хъ лѣтнею приверженностью къ батюшкѣ вашему и притомъ объясненіе на счетъ Москвы, гдѣ я совсѣмъ былъ не то, что̀ угодно было выпустить князю Кутузову, который, вмѣсто того чтобы обмануть меня, обманулъ оте-

[1]) Изъ VIII-й книги „Архива Князя Воронцова".

[2]) Село Андреевское, Покровскаго уѣзда Владимирской губерніи, нынѣ принадлежащее графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой. Тамъ выздоравливалъ отъ Бородинской раны (въ ногу) графъ Михаилъ Семеновичъ, помѣстившій въ обширномъ своемъ деревенскомъ домѣ и раненыхъ товарищей своихъ, офицеровъ и солдатъ. Графъ командовалъ сводными гренадерскими баталіонами, которые вступили въ бой съ ранняго утра, а къ полудню изъ 20 тысячъ осталось въ рядахъ нѣсколько сотенъ. Перевезенный въ Москву, въ Нѣмецкую Слободу, въ домъ отца своего (впослѣдствіи принадлежавшій Гольцгауеру), графъ нашелъ тамъ 80 слишкомъ подводъ, прибывшихъ изъ Андреевскаго для забора и увоза вещей и пожитковъ. Онъ приказалъ немедленно вносить вещи назадъ, а на подводахъ отвезти въ Андреевское прибывшихъ раненыхъ. Оттуда онъ разсылалъ сосѣднимъ помѣщикамъ рукописныя извѣстія о ходѣ военныхъ дѣлъ, а въ Ноябрѣ, когда рана его закрылась, уѣхалъ къ войскамъ. Домъ въ Нѣмецкой Слободѣ съ сокровищами двухъ канцлеровъ сгорѣлъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

чество и Государя, предавъ злодѣю столицу. Все сіе мною доведено будетъ до свѣдѣнія каждаго; но я за удовольствіе сочту вамъ начально все пересказать.

Я въ превеликомъ страхѣ на счетъ хода непріятельскаго и дрожу, чтобы онъ, обманувъ полумертваго фельдмаршала нашего, не очутился въ Калугѣ, откуда ему удобно будетъ неразоренными мѣстами дойти до Волыни, избѣжавъ встрѣчи съ Чичаговымъ. А намъ гнаться нельзя, потому что мы забыли и скоро ходить, и нападать на непріятеля. Три новости насъ обезсилили: *позиція, превосходныя силы* и *обходъ фланговъ*. Подъ Смоленскъ Бонапартъ пришелъ съ 150 т., въ Москву со 100 т., гдѣ потерялъ въ шесть недѣль плѣнными 20 т. и по крайней мѣрѣ 10 т. убитыми. Теперь опять очутился въ 120 т.; а у Кутузова 109 т. въ ружьѣ, кромѣ 25 т. ополченія Московскаго и Смоленскаго. Но бѣда, что армія, гдѣ долженъ быть одинъ духъ и одна душа, обратилась въ дворцовую переднюю, гдѣ всѣ копаются, мараются и выхваляютъ себя. Еслибы всякій думалъ объ отечествѣ, то бы злодѣй рода человѣческаго давно былъ бы истребленъ единою Россіею.

Надѣюсь увидѣть васъ безъ костылей, въ видѣ воина, готоваго идти еще на смерть, коею вы презираете, какъ я Наполеономъ.

Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностью имѣю честь пребыть вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга,

графъ Ф. Ростопчинъ.

18-го Октября 1812. Владимиръ.

2.

26-го Генваря. 1813 г. Москва.

Отъѣздъ Закревскаго *) предоставляетъ мнѣ вѣрный случай побесѣдовать съ вами, дорогой графъ. Вы не сомнѣваетесь, что ложный слухъ о вашемъ повышеніи доставилъ мнѣ большое удовольствіе; но я утѣшился, узнавъ вашъ образъ мыслей. Онъ ставитъ васъ выше почестей и выше милліона людей, къ которымъ принадлежимъ и мы. Къ несчастію мы живемъ въ такое время, когда отличія возбуждаютъ болѣе отвращенія, нежели привлекательности. Мы воюемъ, и пока длится

*) Арсеній Андреевичъ Закревскій въ то время—адъютантъ Барклая, которому оставался онъ вѣренъ, когда въ Россіи проклинали его за отступленіе во внутрь Россіи передъ Французскимъ нашествіемъ. Онъ уже пользовался уваженіемъ лучшихъ людей за вѣрность графу Н. М. Каменскому, который и умеръ на его рукахъ. Адъютантомъ при Барклаѣ былъ и старшій сынъ графа Ростопчина, Сергій. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

война, графъ Воронцовъ будетъ служить своей родинѣ, имѣя точное понятіе и объ арміи, и объ умахъ, которые заставляютъ двигаться эту машину. Я боюсь, и очень, какъ бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Австрійцы не заняли Волынь, а Французы Вильну. Все зависитъ теперь отъ Вѣнскаго кабинета: онъ слишкомъ остороженъ и слишкомъ освѣдомленъ о нашемъ положеніи, чтобы рѣшиться открыто выступить противъ Бонапарта. Этотъ человѣкъ-дьяволъ (если какой нибудь сумасшедшій не отправитъ его на тотъ свѣтъ) возбудитъ умы и, съ одной стороны страхомъ революціи, а съ другой мщеніемъ, найдетъ способы вооружить все, что̀ можетъ двигаться и держаться на ногахъ. Наши раненые (levées) не будутъ готовы, и едва ли треть поступитъ въ армію; остальные будутъ въ госпиталяхъ и на кладбищахъ. Пока мы идемъ на Одеръ, покидая Варшаву и Данцигъ. Главное зло въ томъ, что Русскій народъ былъ слишкомъ раздраженъ и слишкомъ négligé, чтобы быть способнымъ на высокіе поступки. Все только слова безъ дѣйствія. Что̀ народу памятникъ изъ пушекъ и храмъ Христа Спасителя? До сего времени у меня нѣтъ ни копѣйки для бѣдныхъ, и если бы не остатки чрезвычайныхъ суммъ и мои собственныя деньги, вѣрныхъ пять тысячъ человѣкъ умерло бы отъ голода и нищеты. Кутузовъ сказалъ великую и скромную истину: „Государь, Богъ великъ“; но никто не знаетъ, входитъ ли въ Его намѣренія спасеніе Россіи во второй разъ. Pas un chat dans l'intérieur. Des cabales, апостолы повсюду, тупая гордость во всѣхъ сословіяхъ и въ каждомъ сознаніе, что безъ него государство бы погибло. Будемъ ждать и сдѣлаемъ крестное знаменіе.

Закревскій сообщитъ вамъ обо мнѣ. Я разсчитываю оставить почетное мѣсто, которое занимаю, ибо я усталъ отъ равнодушія правительства къ городу, который былъ убѣжищемъ для его государей et le grand ressort ихъ могущества надъ подданными. Здоровье мое получило ударъ, отъ котораго только отдыхъ можетъ вылѣчить. Мой сынъ хочетъ снова стать адъютантомъ при генералѣ Барклаѣ, если онъ будетъ чѣмъ нибудь командовать; но если его употребятъ на что нибудь другое, я прошу васъ взять сына къ себѣ въ адъютанты. Довѣріе къ вашей дружбѣ даетъ мнѣ увѣренность, что вы съ удовольствіемъ сдѣлаете мнѣ одолженіе. Итакъ, пожелавъ вамъ здоровья и случаевъ, гдѣ вы можете показать, что имѣете всѣ права не на чины, а на званіе превосходнаго человѣка, обнимаю васъ и остаюсь до гроба преданный вамъ графъ Ѳ. Ростопчинъ.

P. S. Будьте добры предать пламени это письмо.

Библиотека "Руниверс"

3.

28 Апрѣля 1813. Москва *).

Ваше письмо, графъ, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я думалъ, что я забытъ, и послѣ десяти лѣтъ молчанія, я снова беру перо прежде всего, чтобы поблагодарить васъ за всѣ знаки вниманія, которое вы мнѣ оказываете, и побесѣдовать съ человѣкомъ, котораго я уважаю втеченіи 25 лѣтъ и которому я старался давать доказательства моей привязанности.

Я очень хорошо понимаю, какая тревога объяла васъ, когда вы услыхали объ успѣхахъ непріятеля и о взятіи столицы. Кажется, будто Провидѣніе именно въ этой столицѣ намѣтило могилу ужасающаго могущества этого человѣка-дьявола, который грозилъ завладѣть всѣмъ континентомъ. Вы знаете военныя дѣйствія этой памятной кампаніи, обезсмертившейся событіями, ошибками и невѣроятными успѣхами. Бонапартъ, слывшій за перваго полководца этого вѣка, потерялъ голову: влекомый къ Москвѣ, думалъ онъ или продиктовать изъ нея постыдный миръ для нашего отечества, или привести его къ полной гибели. Небо повелѣло иначе. Его армія, силою въ 300 т., должна была помѣшать соединенію нашихъ двухъ армій и прійти двумя днями раньше ихъ подъ стѣны Смоленска. Даву принимаетъ отрядъ Раевскаго за всю армію, останавливается, колеблется, проситъ помощи и даетъ Багратіону время выиграть два перехода. Бонапартъ, казалось, остановилъ движеніе и пробылъ десять дней въ бездѣйствіи, послѣ чего появился съ 210 т. подъ Смоленскомъ и штурмовалъ его 5 и 6 Августа. Бар-

*) Это письмо и слѣдующее за нимъ переведены съ Французскаго. Въ VIII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“ напечатано много писемъ графа Ростопчина въ Лондонъ къ графу Семену Романовичу Воронцову, про которыя князь П. А. Вяземскій отзывался, что читая ихъ точно ходишь по горячему полу: до такой степени горячи они въ своей искренности и въ живомъ отраженіи минувшаго. Въ царствованіе Александра Павловича, разница въ пониманіи отношеній Россіи къ Англіи охладила и потушила эту дружбу. Когда Воронцовъ-сынъ служилъ на Кавказѣ, графъ Ростопчинъ писалъ другу своему князю Циціанову: „Что дѣлалъ молодой Воронцовъ, напиши мнѣ пожалуйста. Я все не могу отвыкнуть любить отца его, хотя онъ съ пріѣзда его въ его отечество и наше, точно какъ на масленицѣ, въ моемъ умѣ скатился съ горы“. Или: „У тебя много, мнѣ кажется, волонтеровъ, и между прочими сынъ моего стараго идола Семена Романовича; но видя, какъ онъ себя велъ въ Петербургѣ и узнавъ много внутреннихъ объ немъ анекдотовъ, я его обратилъ нынѣ изъ боговъ въ идолопоклонники. („Девятнадцатый Вѣкъ“, кн. 2-я, стр. 36 и 67). Но графъ Ростопчинъ ошибался (какъ ему нерѣдко случалось и по отношенію къ другимъ): графъ Семенъ Романовичъ, пріѣхавъ на родину, не только не льстилъ Государю, но старался отвлечь его отъ Пруссіи и вообще отъ Нѣмцевъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

клай благоразумно отдаетъ ему городъ и становится на большой дорогѣ къ Москвѣ. Бонапартъ слѣдуетъ за нимъ и сильно тѣснитъ его до 23-го, когда наша армія заняла Бородино. 26 произошла эта кровавая битва, которая выбила изъ строя въ обѣихъ арміяхъ болѣе 90 т. человѣкъ. Кутузовъ отступилъ къ Москвѣ, прошелъ черезъ нее 2-го и впустилъ въ нее непріятеля. Если бы Бонапартъ, разъ хозяинъ Смоленска, остался тамъ и отправилъ бы 20—30 т. для подкрѣпленія арміи Сенъ-Сира, съ которымъ боролся съ усиліемъ Витгенштейнъ, Петербургъ палъ бы во власть Французовъ, и Бонапартъ, хозяинъ страны между Смоленскомъ и Вислой, могъ бы остаться тамъ на зимнихъ квартирахъ и приготовиться къ рѣшающему походу. Если бы Бонапартъ, явившись передъ Смоленскомъ, послалъ половину своей арміи на Ельню, онъ сталъ бы хозяиномъ дороги на Москву и на Калугу. Если бы, вмѣсто того, чтобы давать рѣшительное сраженіе, онъ перевернулъ позицію Бородина, то отбросилъ бы нашу армію вправо и завладѣлъ бы Москвою безъ всякихъ потерь. Послѣ Бородина, если бы онъ, вмѣсто большой дороги, пошелъ на Верею и Боровскъ, онъ подвергъ бы голодовкѣ нашу армію, отрѣзавъ всѣ подвозы, которые были направлены на Калугу и приходили оттуда; тогда онъ вступилъ бы въ Москву нѣсколькими днями позднѣе. Если бы, вмѣсто того, чтобы оставаться въ Москвѣ, онъ тотчасъ бы напалъ на Кутузова, онъ разсѣялъ бы всю нашу армію и могъ бы спокойно отдыхать. Если онъ могъ въ пять дней разграбить и сжечь этотъ несчастный городъ, онъ могъ бы раньше насъ стать на Калужскую дорогу и продолжать спокойно свой походъ, направляясь на Брянскъ, Кіевъ, чтобы войти въ Подолію и Волынь.

Онъ ничего этого не сдѣлалъ, обманутый въ своихъ великихъ надеждахъ и намѣреніями Государя, и намѣреніями Русскаго народа. Онъ предалъ городъ пламени, чтобы имѣть предлогъ подвергнуть его и грабежу. Пятинедѣльное пребываніе въ Москвѣ положило высшій предѣлъ безпорядку въ его арміи: въ ней исчезли уваженіе и дисциплина. Со 2-го Сентября по 10 Октября Бонапартъ потерялъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ отъ 50 до 60 т. человѣкъ. Партизаны, казаки, крестьяне уничтожали всѣхъ, кого находили, иногда хитростью, иногда коварствомъ. Я ничего не скажу вамъ о настроеніи, которымъ проникнуто было все населеніе въ это время бѣдствій. Былъ только одинъ обѣтъ, одно желаніе, одно намѣреніе: истребить эту орду мерзавцевъ. Не поддадимся—былъ крикъ народа. Богъ увѣнчалъ наши усилія, и Русская храбрость была вознаграждена славою уничтоженія арміи, самой громадной, какая когда либо появлялась въ Европѣ съ сотворенія

Библиотека "Руниверс"

міра. Я велѣлъ сжечь впродолженіи зимы на поляхъ Бородина 58.630 человѣческихъ и 31.765 лошадиныхъ труповъ. Здѣсь въ Москвѣ было сожжено болѣе 23 т. труповъ людей умершихъ въ госпиталяхъ и убитыхъ жителями.

Вы знаете, что, послѣ смерти императора Павла, я жилъ уединенно въ своемъ помѣстьѣ Вороново, среди своей семьи, мира и счастья. Я не сохранялъ никакихъ связей со дворомъ. Въ 1809 г. когда Государь пріѣхалъ въ Москву, онъ обошелся со мною очень милостиво, пожелалъ, чтобы я пріѣхалъ въ Петербургъ и оказалъ мнѣ милость, назначивъ моего сына пажемъ. Годъ тому назадъ я поѣхалъ въ Петербургъ съ просьбою опредѣлить моего сына въ армію. Его сдѣлали гусарскимъ поручикомъ и адъютантомъ покойнаго принца Ольденбургскаго *).

За нѣсколько дней до моего отъѣзда Государь предложилъ мнѣ управленіе Москвою, которая становилась очень важнымъ пунктомъ при наступленіи войны не на жизнь, а на смерть съ Бонапартомъ. Я взялъ на себя обязанность занять это мѣсто, на которомъ, какъ я видѣлъ, прійдется много работать. Я замѣстилъ фельдмаршала Гудовича, слишкомъ стараго, чтобы быть дѣятельнымъ и съ сотрудниками слишкомъ дурными, чтобы приносить пользу. Я забилъ тревогу и когда увидалъ, что непріятельскія арміи уже далеко углубились въ Россію, и Москву нельзя спасти иначе, какъ выигрышемъ рѣшительнаго сраженія, я составилъ себѣ планъ. Мнѣ не нужно было проповѣдовать о долгѣ дворянству, которое всегда было предано Государю сердцемъ, душою и умомъ; но я старался предохранить народъ отъ гнусныхъ внушеній и пріучить его презирать Французовъ, обѣщая имъ легкую побѣду постоянствомъ и храбростью. Вы не повѣрите, графъ, что, не смотря на ненависть, которою проникнуты были Русскіе, ни одинъ иностранецъ не былъ убитъ. Только двухъ поколотили, а въ Москвѣ было по крайней мѣрѣ 500 человѣкъ этой Французской сволочи, которая пріѣзжаетъ въ Россію, чтобы обкрадывать насъ, насмѣхаться надъ нами и предавать насъ. Я не буду входить въ подробности средствъ, которыя я употреблялъ: но могу васъ увѣрить, что Магометъ былъ менѣе любимъ и уважаемъ, нежели я въ теченіи Августа мѣсяца, и все достигалось словами, отчасти шарлатанствомъ, при отсутствіи строгости. Я отправилъ 42 живущихъ здѣсь негодяевъ на баржѣ въ Казань, двухъ въ Сибирь, вотъ и все. Но мнѣ пришлось очень повозиться съ философами, филантропами и Мартинистами. Что за

*) Тверскаго и Ярославскаго генералъ-губернатора, жившаго въ Твери. Вотъ причина поѣздокъ графа Ростопчина въ Тверь ко двору великой княгини Екатерины Павловны, которая, конечно черезъ него, приглашала къ себѣ и Карамзина. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

чума для правительствъ эти выродки! Въ три недѣли образовалъ я въ Москвѣ 31 тысячную милицію, изъ которой 27 т. были подъ Бородинымъ и исполнили свой долгъ со славою. Государь поручилъ мнѣ шесть сосѣднихъ губерній: каждая изъ нихъ доставила по 15 т. человѣкъ, и все это было готово къ 25 Августа, хотя приказъ о наборѣ былъ данъ только 15 Іюля. Будь онъ данъ двумя мѣсяцами раньше, у меня была бы 120-тысячная милиція съ 8000 прекрасной кавалеріи *).

Когда я увидалъ непріятеля въ Вязьмѣ, за 230 верстъ отсюда, я вывезъ все что было самаго драгоцѣннаго, принадлежавшаго казнѣ, и 63 т. лошадей и повозокъ поставлены въ 15 дней изъ восьми уѣздовъ, ибо пять были уже во власти непріятеля. Я боялся бунта дворовыхъ, а такъ какъ моя забота была направлена къ спокойствію города, то я его освобождалъ, позволяя уѣзжать всякому, и когда Бонапартъ вошелъ въ него, 3-го Сентября, въ городѣ оставалось не болѣе 10.000 жителей, изъ которыхъ добрую половину составляли негодяи, имѣвшіе ввиду грабежъ. Мнѣ удалось внушить крестьянамъ презрѣніе къ Французскому солдату.

Я покинулъ Москву съ арьеръ-гардомъ нашей арміи, оставивъ разбойникамъ свои вещи, которыя ни за что не хотѣлъ увозить. Я оставался до 26 Сентября при главной квартирѣ, разъѣзжая туда и сюда, чтобы ободрять крестьянъ и своимъ присутствіемъ, и своими воззваніями. Вы хвалите мою любовь къ родинѣ, но сколько людей превзошли меня! Крестьяне, сжигающіе свои собственные дома; отецъ, приведшій ко мнѣ своихъ двухъ сыновей, чтобы сражаться съ непріятелемъ; старуха, приведшая двухъ сыновей и внука и сказавшая имъ: да будете вы прокляты, если не истребите злодѣевъ: дворовый, выстрѣлившій въ Мюрата, думая, что это Бонапартъ и убившій полковника; женщина-крестьянка, поджегшая домъ, предполагая, что въ немъ спитъ это чудовище. Оба эти послѣдніе заплатили жизнью за свою преданность родинѣ. Вотъ это герои. Позавидуемъ имъ и похвалимся, что мы ихъ соотечественники. Я награжденъ достаточно тѣмъ, что имѣлъ счастіе исполнить свой долгъ. Бонапартъ ненавидитъ меня, и его ярость сдѣлала мое имя безсмертнымъ, какъ имя сира Сиднея Смита.

Поздравьте себя, графъ, съ такимъ сыномъ, какъ вашъ. Вы ему передали свои доблести. Его уважаютъ всѣ люди чести. Дай Богъ,

*) Графъ Ростопчинъ служилъ въ войскахъ во вторую Турецкую войну при Екатеринѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

чтобы онъ дожилъ до фельдмаршала, какими были Румянцовъ и Суворовъ и чтобы славу заслужилъ онъ своими собственными достоинствами, а не ослѣпленіемъ непріятеля, его холодомъ и голодомъ.

Мой сынъ, 18-ти только лѣтъ, служилъ со рвеніемъ и имѣлъ удачу быть замѣченнымъ. Онъ былъ адъютантомъ у генерала Барклая. Подъ нимъ ранены три лошади, а у Бородина пуля оторвала рукавъ его ментика и контузила руку; но онъ остался на лошади и на своемъ посту. Хотя онъ единственный сынъ, но его первая обязанность служить своей родинѣ, и я принесъ эту жертву по доброй волѣ.

Я очень польщенъ мнѣніемъ о себѣ Англійскаго народа, и признаюсь вамъ, что засвидѣтельствованіе Лондона было бы мнѣ цѣнно: сабля, ваза, званіе гражданина,—все было бы почетно отъ націи, которая умѣетъ цѣнить добрые поступки, а мои права—ненависть къ Корсиканцу и зло, которое я ему причинилъ.

Преданный вамъ графъ Ростопчинъ.

4.

28 Апрѣля 1814. Москва.

Я почти увѣренъ, что мои два письма къ вамъ пропали. Одно было отправлено черезъ Петербургъ, другое*)—въ главную квартиру, адресовано лорду Каткарту. Если это такъ, то мнѣ было бы очень непріятно, потому что вы могли заподозрить меня или въ лѣности, или въ мизантропіи. Чтобъ успокоить себя, я рѣшилъ отправить настоящее письмо съ нѣкіимъ господиномъ Леви, Англійскимъ негоціантомъ, основавшимся въ Москвѣ и ѣдущимъ въ Лондонъ, гдѣ я и рекомендую его вашей милости.

Боже, сколько необычайнаго произошло въ теченіе 20 мѣсяцевъ! Одно событіе за другимъ, и какъ все происшедшее, за время этого общаго сотрясенія, не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ исторіи всего міра!

Вотъ, уничтоженъ, наконецъ, колоссъ, давившій всю Европу, и родъ человѣческій можетъ вздохнуть. Этотъ подлый Бонапартъ, злодѣй, созданный для того, чтобъ быть бичемъ человѣчества и деспотомъ безумной и развращенной націи, доказалъ, что онъ былъ только низкій плутъ, презрѣнный болѣе, чѣмъ Неронъ: по крайней мѣрѣ, тотъ попросилъ раба убить его, а Бонапартъ кончилъ какъ слуга, котораго прогнали изъ дому за воровство. Обратите вниманіе, пожалуста, что его вѣдь можно предать суду и, по законамъ, приговорить къ смерти,

*) Этого письма не отыскалось. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

какъ убійцу, какъ разрушителя Парижа и дѣлателя фальшивыхъ денегъ, такъ какъ за привезенные имъ съ собой фальшивые банковые билеты онъ достоинъ висѣлицы. Можетъ быть, я не правъ, желая его смерти: вѣдь меня обезсмертила его ненависть, и жить для него было бы настоящимъ адомъ; но я не огорчусь, узнавъ, что этотъ извергъ рода человѣческаго пересталъ дышать.

Какую роль предоставило Провидѣніе императору Александру! Сколько благодарностей онъ заслужилъ, не отъ однихъ частныхъ лицъ, но и отъ цѣлыхъ государствъ! Владыки могутъ считать днемъ ихъ восшествія на престолъ 19 Марта 1814 г. Сколько чести считаться Русскимъ или Англичаниномъ! Какое для васъ счастье, почтеннѣйшій графъ, имѣть такого сына, какъ вашъ! Онъ пошелъ по вашимъ слѣдамъ, но ему выпало счастіе, котораго не имѣли вы, счастіе сразиться и пролить кровь за спасеніе родины своей. Онъ Русскій и вашъ сынъ, слѣдовательно долженъ быть геройской отваги. Но какая въ немъ дивная душа! Его скромность равна его добродѣтели и вѣрности, и одинаково лестно быть его соотечественникомъ, какъ и товарищемъ по оружію, и имѣть за что ему быть благодарнымъ. Я принимаю въ немъ такое же участіе, какъ въ моемъ родномъ сынѣ, и нелѣпый слухъ о томъ, что онъ опасно раненъ въ Лаонской битвѣ, повергъ меня въ большую тревогу. По счастію, подробности о вступленіи нашемъ въ Парижъ доказали мнѣ, что онъ здоровъ, и можетъ быть, въ то время, какъ я вамъ пишу, онъ уже въ объятіяхъ вашихъ.

Мой сынъ, которому 19 л., предложенный въ службу еще въ 1812 г., когда каждому Русскому надлежало погибнуть или восторжествовать, избѣгъ этого. Подъ Бородинымъ рикошетомъ ядра разорвало у него рукавъ его шинели и помяло руку; подъ Смоленскомъ ранена его лошадь, а подъ Кульмомъ оторвало ногу его лошади. Онъ штабъ-ротмистръ въ кавалергардахъ, адъютантомъ при Барклаѣ и заслужилъ нѣсколько орденовъ.

Теперь скажу вамъ, что, по дружбѣ вашей ко мнѣ, можетъ васъ огорчить. Вотъ въ чемъ дѣло. Съ самаго Сентября здоровье мое разстроилось. Всѣ несчастія 1812 г. и чрезмѣрныя занятія, со времени моего возвращенія въ Москву, разшатали совершенно мои нервы. Вотъ уже 7 мѣсяцевъ, какъ я чувствую себя почти постоянно нехорошо, хотя ни единаго дня не лежалъ. Надѣюсь, что хорошая погода поможетъ мнѣ и разсчитываю поѣхать на два мѣсяца на воды, въ Липецкъ *), а какъ только Императоръ вернется въ Петербургъ, думаю съѣздить и

*) Намѣреніе не исполнившееся. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

туда, чтобъ разстаться съ Москвой. Въ продолженіи двухъ лѣтъ я былъ въ ней какъ въ аду и, еслибъ не событія, насъ ожидавшія, никогда въ жизни не принялъ бы я этого мѣста, которое было лишь почетною должностью для старика. Мнѣ посчастливилось, что ни единый Русскій, и даже ни одинъ плутъ Французъ, не былъ ни убитъ, ни обиженъ, а этого ожидали въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, до занятія Москвы Французами. По моемъ возвращеніи, я спасъ всѣхъ отъ голода, холода и нищеты: ни одинъ человѣкъ не погибъ, и не было наказаннаго за неповиновеніе или за бунтъ. Что̀ ужасно—это поле Бородинское, гдѣ, на пространствѣ 15 верстъ въ ширину и 10 въ длину, зарыли и сожгли 67000 человѣческихъ труповъ и 36000 лошадиныхъ. Вы можете вполнѣ вѣрить этому: у меня журналъ, составленный лицами, которымъ я поручилъ распорядиться этимъ, закончивъ все къ Марту мѣсяцу.

Мнѣ отплачиваютъ неблагодарностью, такъ какъ Кутузовъ хитро даетъ понять, послѣ своего ночнаго оставленія Москвы, что виновникомъ этого я, и что я обѣщалъ ему 300000 ратниковъ, тогда какъ онъ не захотѣлъ употребить въ дѣло тѣхъ 119000 ополченцевъ, которыхъ я сформировалъ въ окрестностяхъ Москвы и которые могли присоединиться къ арміи, даже до Бородинской битвы. Бонапартъ, чтобъ свалить на другого свою гнусность, наградилъ меня титуломъ поджигателя, и многіе вѣрятъ ему, тогда какъ я, во всей этой исторіи, понесъ убытку безъ малаго на милліонъ: вѣдь, Вороново и всѣ заведенія сожжены, мой дачный домъ, стоившій мнѣ 150 т. р., сожженъ, по высочайшему приказанію Бонапарта; библіотека моя, картины мои, эстампы, физическіе инструменты, все разграблено, изничтожено. Дѣлюсь этимъ съ вами, какъ съ другомъ, но ни съ кѣмъ не говорю объ этомъ и даже и не думаю. Жена моя, этотъ Ангелъ съ неба, и мои добрыя дѣти здоровы. Обстоятельства поправятся, и такъ какъ я полагаюсь на Провидѣніе, то о будущемъ и не забочусь, увѣренный, что, еслибъ, стеченіемъ обстоятельствъ, дѣти мои были доведены до крайности, то имъ стоило бы поѣхать въ Лондонъ и сказать въ С. Джемскомъ паркѣ: „мы умираемъ съ голода, а отецъ нашъ былъ генералъ-губернаторомъ Москвы въ 1812 г.,“ чтобъ быть и накормленными, и напоенными, и избавленными отъ нужды *).

Вы говорили мнѣ, что Англичане чрезвычайно довольны мною, что они выражали желаніе имѣть мой портретъ и что они вѣрно оцѣниваютъ (можетъ быть, больше, чѣмъ я того заслуживаю, мою любовь къ родинѣ, это чувство, которое присуще всякому честному человѣку.

*) Второй сынъ графа Ростопчина, графъ Андрей Ѳедоровичъ, провелъ многіе годы своей старости въ нуждѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Такъ вотъ, графъ, окажите-ка мнѣ услугу; по значенію вашему въ этой странѣ мыслящихъ существъ, устройте мнѣ получить что-нибудь въ знакъ ихъ уваженія ко мнѣ, шпагу-ли, чашу съ надписью, или почетное гражданство. Я бы гордился этимъ и былъ бы признателенъ. Буду съ нетерпѣніемъ поджидать вашего отвѣта.

Москва возстановляется на удивленіе. Если въ настоящее время дворянъ меньше, чѣмъ было прежде, то это по недостатку квартиръ. Насчитываютъ до 200000 жителей. Во время празднествъ, по случаю занятія Парижа, на парадномъ балѣ въ Дворянскомъ Собраніи, было до 600 человѣкъ, на костюмированномъ балѣ купечества—2090; а на праздникѣ нѣкоего господина Позднякова—1062. Тамъ видѣли на милліоны жемчуговъ и брилліантовъ. Еще бы одинъ хорошій урожай, и мы поправимся; но не воскресить 200000 людей, мужчинъ и женщинъ, погибшихъ въ войнѣ и отъ болѣзней, и отъ рекрутскихъ наборовъ!

Не откажитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе графинѣ Пемброкъ*). Быть можетъ, въ будущемъ году мнѣ посчастливится повидать васъ въ Англіи, выразить вамъ лично мою признательность и увѣрить васъ, что я на всю жизнь вашъ преданный графъ Ѳ. Ростопчинъ.

*) Дочь графа Воронцова, графиня Екатерина Семеновна. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПАРТИЗАНЪ А. С. ФИГНЕРЪ.

Въ послѣднее время, въ виду приближающагося столѣтія Отечественной войны, замѣчается нѣкоторое пробужденіе историографическаго вниманія къ этой великой эпохѣ, къ этому „вѣку богатырей", по выраженію Дениса Давыдова. Поэтому считаю своевременнымъ предложить читателямъ „Русскаго Архива" двѣ рукописи, хранящіяся въ библіотекѣ Псковскаго Археологическаго Общества и имѣющія прямое отношеніе къ одному изъ героевъ Отечественной войны, знаменитому Александру Самойловичу Фигнеру. Предварительно нужно сказать, что вдова его, Ольга Михайловна, прожила свою жизнь во Псковѣ. Время ея кончины установить я не могъ, также какъ не удалось мнѣ розыскать людей, которые лично знали ее и могли бы сообщить о ней свѣдѣнія. Кажется, память о ней осталась только въ стихотвореніи Псковскаго поэта А. Н. Яхонтова „Псковъ въ 1853 году". Перечисляя Псковскія достопамятности, поэтъ мимоходомъ бросаетъ нѣсколько небрежныхъ и слегка насмѣшливыхъ словъ по адресу почтенной старушки.

Монастырь, что на Мирожѣ,
Обмелѣвшая Псковà,
Ольгинъ ключъ и (древность тоже)
Ольга—Фигнера вдова.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, членъ-сотрудникъ Псковскаго Археологическаго Общества Г. Іос. Сондоевскій добылъ двѣ рукописи, оставшіяся послѣ смерти Псковской помѣщицы княгини Шаховской, и принесъ ихъ въ даръ Обществу. Первая рукопись заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ біографическихъ подробностей объ А. С. Фигнерѣ, не столько служебнаго, сколько семейнаго характера. Заключительныя ея слова ясно указываютъ на ея происхожденіе: несомнѣнно, что она писана со словъ самой вдовы Фигнера, если не прямо подъ ея диктовку. Вторая рукопись озаглавлена „Смерть Фигнера" и подписана „Ѳ. Глинка". Это стихи, въ которыхъ описывается гибель знаменитаго партизана. Стихи эти не обозначены ни у Сопикова, ни у Смирдина, ни у Геннади; поэтому надо думать, что они ни разу не были изданы въ свѣтъ. Утверждать, что они принадлежатъ перу именно Ѳедора Глинки, я не берусь; но нельзя отрицать, что общій тонъ стихотворенія искусственный,

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько напыщенный, напоминаетъ языкъ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ начала прошлаго вѣка вообще и Ѳ. Н. Глинки въ особенности. Мѣста, гдѣ прямо упоминается о Фигнерѣ, подчеркнуты.

1.

Лейбъ-гвардіи артиллеріи полковникъ Александръ Самуйловичъ Фигнеръ происходитъ отъ благородной фамиліи Германскихъ бароновъ, и дѣдъ его, выѣхавшій при императорѣ Петрѣ I-мъ изъ Германіи, имѣлъ титулъ барона Фигнера-фонъ Рутмерсбахъ, но въ которомъ точно году, въ какой находился службѣ и какъ утратился оный титулъ барона, за долгопрошедшимъ временемъ вовсе неизвѣстно. Потомъ сынъ его Самуилъ Самуйловичъ Фигнеръ, служа въ Россійской службѣ отъ самыхъ нижнихъ чиновъ, опредѣленъ былъ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ уже директоромъ на казенномъ хрустальномъ заводѣ, что близъ С.-Петербурга, гдѣ находясь и женился, и съ чиномъ статскаго совѣтника, имѣя ордена св. Анны 3 степ., св. Владимира 4 степ. и св. Іоанна Іерусалимскаго командорственный, бывъ въ отставкѣ, опредѣленъ на открывшуюся въ Псковской губерніи вакансію вице-губернатора 1809 года*); прибылъ на службу во Псковъ, продолжалъ оную съ похвалою и усердіемъ, былъ всѣми окружающими и знакомыми отлично любимъ и уважаемъ.

На второмъ году пребыванія его во Псковѣ пріѣхалъ къ нему второй его сынъ, упоминаемый герой нашъ Александръ Самуйловичъ, который отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, поступя въ Артиллерійскій Корпусъ, съ успѣхомъ и отличностію проходилъ въ ономъ науки, на 14-мъ году отъ рожденія выпущенъ былъ офицеромъ и отправленъ при назначаемомъ тогда военнымъ губернаторомъ на островъ Корфу генералъ-лейтенантѣ Бороздинѣ; но какимъ образомъ и когда перешелъ онъ оттуда въ Молдавскую армію, неизвѣстно. Тамъ по службѣ оказалъ храбрые и неустрашимые подвиги, какъ то видно изъ копіи рескрипта при взятіи крѣпости Рущука. Имѣя 19 лѣтъ отъ роду, заслужилъ орденъ св. Георгія 4 степени, который командовавшій тогда генералъ Каменскій, снявъ съ убитаго генерала Сиверса, на него возложилъ.

Пріѣздъ сего любимаго сына черезъ 9 лѣтъ разлуки, съ такими лестными въ юныхъ лѣтахъ его отличіями, въ чинѣ подпоручика артиллеріи, въ такое привелъ сего обожаемаго имъ родителя восхищеніе, что не болѣе, какъ недѣли черезъ четыре послѣ свиданія съ нимъ, въ которое не переставалъ онъ въ радости со всѣми его знакомить и имъ утѣшаться, прекратилъ онъ дни свои отъ послѣдовавшаго апонлексическаго удара Іюля мѣсяца 8-го числа 1811 года.

Отъ сего времени начался совсѣмъ новый періодъ жизни сего отличнаго молодого человѣка, оставшагося при овдовѣвшей родительницѣ своей въ г. Псковѣ, успѣвшаго своимъ благонравіемъ и скромностію привлечь на себя отъ

*) Былъ Псковскимъ вице-губернаторомъ съ 1807 по 1809 годъ. См. Памятная Книжка Псковской губерніи на 1907 г.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ знакомыхъ покойнаго отца своего особенное уваженіе, вниманіе и любовь, и вскорѣ лавры воина принесены были въ жертву Гименею, и того жъ 1811 года, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, женился онъ на дочери бывшаго незадолго прежде отца его во Псковѣ вице-губернаторомъ, статскаго совѣтника Михаила Ивановича Бибикова[1]). Съ такою перемѣною состоянія своего нашелъ онъ себя въ необходимости отправиться въ Крымъ, для сдачи тамъ бывшей у него команды, и перешелъ въ службу по артиллеріи же въ расположенныя роты близъ С.-Петербурга. Возвратясь изъ Крыма въ домъ родителей жены его, онъ располагалъ разстроенное здоровье свое исправить покоемъ, но вскорѣ возгорѣвшаяся война противъ Наполеона заставила его поспѣшить на поле брани, искать чести и славы, съ каковою онъ и продолжалъ все время своей службы, какъ то безъ сомнѣнія лучше извѣстно всѣмъ знавшимъ его и товарищамъ по службѣ. Въ 1812 г. былъ отправленъ отъ командовавшаго арміею фельдмаршала князя Кутузова Смоленскаго изъ подъ Малаго-Ярославца къ Государю Императору[2]) о побѣдахъ, одержимыхъ (sic) надъ непріятелемъ, какъ то видно изъ копіи донесенія. Проѣзжая Псковъ, самое короткое время пробылъ въ домѣ родителей его жены и имѣлъ удовольствіе увидѣть двухълѣтняго[3]) своего сына, рожденнаго во время его пребыванія въ арміи; представъ же предъ Монарха съ такою отличною отъ фельдмаршала рекомендаціею, ощастливленъ (sic) былъ особеннымъ благоволеніемъ и, вмѣсто всѣхъ наградъ за ревность, отличное усердіе его къ отечеству и неограниченную преданность къ Государю, какихъ онъ могъ ожидать себѣ, по любви его къ женѣ и по нѣжной привязанности ко всему ея семейству, просилъ о помилованіи бывшаго тогда въ несчастіи тестя своего[4]), какъ то видно изъ копіи указа, и получилъ тогда же чинъ гвардіи полковника; на возвратномъ пути, его изъ столицы, проѣзжая Псковъ, опять заѣхалъ въ домъ родителей жены своей и, не замедля, опять отправился прямо въ главную квартиру, бывшую уже въ Вильнѣ; оттуда самимъ Императоромъ посыланъ былъ по особеннымъ порученіямъ въ крѣпость Данцигъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1812 года, гдѣ, окончивъ препорученіе, возвратился къ арміи; на концѣ же Бауцинскаго сраженія, вскорѣ послѣ отъѣзда его, умеръ и сынъ его[5]) не старѣе 7 мѣсяцевъ, и огорченная сею потерею супруга его утѣшала себя единственною надеждою увидаться съ супругомъ своимъ, но напротивъ, по судьбѣ, опредѣлившей ея жребій страдать въ горести, въ не продолжительномъ времени получила извѣстіе, что и обожаемый ею супругъ ея погибъ на полѣ брани подъ Верлицемъ со всѣмъ его отрядомъ, имъ самимъ вторично сформированнымъ и состоявшимъ изъ полка Донскихъ казаковъ, командуемымъ полковникомъ Левенштерномъ, изъ вновь формированнаго безсмертнаго казачьяго

[1]) Въ спискѣ Псковскихъ вице-губернаторовъ Бибикова нѣтъ. Быть можетъ, онъ временно исправлялъ эту должность. Н. О.-К.

[2]) Вѣроятно, пропущено „съ донесеніемъ“. Н. О.-К.

[3]) Послѣднее слово зачеркнуто, а сверху приписано почеркомъ 2-й рукописи: „мѣсячнаго“. Н. О.-К.

[4]) Въ чемъ состояло это несчастіе, мнѣ узнать не удалось. Н. О.-К.

[5]) Темное мѣсто. Н. О.-К.

Библиотека "Руниверс"

полка, изъ эскадрона Александрійскихъ гусаръ, изъ 4-хъ орудій конной артиллеріи, роты капитана Никитина, и изъ охотниковъ разныхъ полковъ. Сіи подробности извѣстны отъ находившагося при немъ брата жены его служившаго въ ротѣ полковника Тимоѳеева, подпоручика Бибикова. По окончаніи же войны, отъ щедротъ Монарха, по просьбѣ супруги покойнаго Фигнера, получила она, въ награду за службу мужа ея, полное его жалованье въ пенсію по замужество, каковое получая, и теперь находится въ горестной жизни своей вдовою въ домѣ родителей своихъ. Не имѣя же послѣ покойнаго мужа ни формуляра, ниже свѣдѣнія какого о подробностяхъ службы его, ничего болѣе сказать не можетъ.

2

Смерть Фигнера.

(Опытъ народной поэзіи).

Ужъ солнце скрылось за лѣса;
Пойдемъ и сядемъ здѣсь, любезный . . . . . свичъ! *)
Ты закрути свои два длинные уса!
И ты, какъ сказочный Иванъ-Царевичъ,
Слыхалъ, видалъ большія чудеса!...
Но я одинъ, и вижу какъ въ картинѣ
Живой, картинный твой разсказъ,
Какъ бились вы на смерть подъ Эльбой, на плотинѣ,
Гдѣ *Фигнеръ партизанъ*, какъ молнія угасъ...
—О, *Фигнеръ* былъ великій воинъ,
И непростой... *Онъ* былъ колдунъ!...
При немъ Французъ былъ вѣчно безпокоенъ...
Какъ невидимка, какъ летунъ,
Вездѣ неузнанный лазутчикъ,
То вдругъ Французамъ *онъ* попутчикъ,
То гость у нихъ какъ Нѣмецъ, какъ Полякъ
Онъ ѣдетъ вечеромъ къ Французамъ на бивакъ
И въ карты козыряетъ съ ними,
Поетъ и пьетъ... и распростился *онъ*
Какъ будто съ братьями родными...
Но усталыхъ въ пиру еще объемлетъ сонъ,
А *онъ*, тишкомъ, съ своей косматой Зоркой,
Прокравшись изъ лѣса подъ горкой,
Какъ тутъ!... Пардонъ! Имъ нѣтъ пардона!
И, не истративъ ни патрона,
Беретъ двѣ трети эскадрона!

*) Точки въ рукописи. Н. О.-К.

Библиотека "Руниверс"

И вотъ опять на мѣстѣ сталъ,
Какъ будто и не *онъ*
. . . . . .[1])
Онъ широко шагалъ!
И часто, послѣ шибкой драки
Его летучіе биваки
Сіяли гдѣ нибудь въ глуши,
Въ болотѣ тонкомъ, въ чащѣ лѣса,
На гребнѣ дикаго утеса.....
И вотъ, Орловскій[2]) самъ картину съ нихъ пиши!
Хранятъ у коновязи кони,
Звенятъ подъ кормомъ удила...
„Никто не смѣй снимать сѣдла!
Кругомъ Французъ!... Мы тутъ какъ рыба въ тонѣ!
Дремли безъ сна и будь готовъ!“
Такъ онъ приказывалъ .. И, лежа вкругъ котловъ,
Курятъ табакъ усатые гусары,
И зорко вдаль глядитъ казакъ...
И *онъ* своимъ разсказываетъ такъ:
„Я бился съ Туркомъ, мнѣ знакомы Янычары...
Тогда служилъ я съ пушкою пѣшкомъ...
Готовы лѣстницы! сказалъ Каменскій
(А было то подъ грознымъ Рущукомъ)—
Но ровъ не вымѣренъ... Тутъ съ хитростію женской
Потребно мужество... И кто изъ удальцовъ
Украдкой подползетъ и вымѣряетъ ровъ?
Онъ все сказалъ. И *я* пустился.....
Темнѣло въ полѣ и въ садахъ...
Муллы сзывали на молитву,
И Турки, говоря про битву,—
Табакъ курили на валахъ...
Фитиль надъ пушкою дымился,
Дремалъ усталый часовой...
Я подошелъ, перекрестился—
Плотъ на снурѣ вѣстовой
Тихонько съ берега скатился...
Я вымѣрялъ и возвратился,
И храбрый Русскій генералъ
Спасибо Русское за подвигъ мнѣ сказалъ.
И *я* въ душѣ ношу спасибо это.....
Хозяинъ мудрый правитъ свѣтомъ...

---

[1]) Точки въ подлинникѣ. Н. О.-К.

[2]) Славный рисовальщикъ.

Библиотека "Руниверс"

Товарищи! Нашъ Богъ великъ!
Онъ отъ погибели спасаетъ неминучей!“
Такъ *онъ* разсказывалъ, и красный лучъ зари
Уже проглядывалъ вдали за синей тучей...
Тогда въ Саксоніи вели войну цари,
И противъ нихъ Наполеонъ могучій,
Какъ темная гроза, надъ Эльбою стоялъ
И въ перемиріи онъ битвы замышлялъ *)....
Чу! Кто тамъ проскакалъ
Близъ городка красиваго Дессау?
Конечно, къ Верлицу? Да, Верлицъ—садъ на славу!
Я самъ въ немъ былъ, и онъ меня плѣнялъ...
„Смотрите: и не пьянъ, а по колѣна море!
Вотъ партизанъ прямой! Въ груди заслышавъ горе,
Въ веселый садъ *онъ* мчится погулять!
А можетъ и не въ садъ... Какъ знать?
Ужъ перемирію конецъ... Опять тревоги...
Французской конницей заставлены дороги;
Въ Саксонскихъ городахъ вездѣ Французъ.
Нашъ *партизанъ* лихой ужъ подлинно не трусъ...
И *онъ* безъ устали... Всю ночь считаетъ звѣзды!
Самъ повѣряетъ цѣпь и ставитъ самъ разъѣзды...
При немъ никто не смѣй зѣвать!“
Но кто взмутилъ песокъ зыбучій?
Что тамъ синѣется? Какъ издали узнать?
Быть можетъ лѣсъ, быть можетъ тучи...
Ахъ, нѣтъ, то къ Верлицу валитъ Французовъ рать!
„Бей сборъ! Труби! Вся партія къ походу!
Французъ объѣхалъ насъ дугой
И жметъ къ рѣкѣ! Друзья, назадъ намъ прямо въ воду!
Впередъ! На штыкъ, на смертный бой!
Но я, друзья, за васъ въ надеждѣ,
Что слово смерть не испугаетъ васъ.
Не все ль равно, что годомъ прежде,
Что позже десятью возьметъ могила насъ?
Слушáй! Стоять! Не суетиться!
Патронъ и мужество беречь!
Стрѣлкамъ по соснамъ размѣститься!
Ни слова! Ни дохнуть! Въ тиши стеречь!
Драгуны могутъ спѣшить, лечь,
А вы, мои залетные гусары,
Бодри копей и сноровляй удары!

*) Точки въ подлинникѣ. Н. О.-К.

Библиотека "Руниверс"

Ни вы меня, ни я друзей не выдавалъ!
Дай саблѣ поцѣлуй, и бьемся на повалъ!“...
Шумитъ. Вдали песокъ дымится:
Французъ сквозь частый боръ проникъ.
Палятъ. Вотъ конница и пѣшихъ крикъ!
Уланы Польскіе..... и все на насъ валится,
Какъ лѣсъ!... „Молись, и на коня!
Сюда, на узкую плотину!
Одна смѣняй другую половину,
И всѣ смотрите на *меня!*
Ужъ я съ женой въ душѣ простился,
Сказалъ послѣдній мой завѣтъ.
Я зналъ, когда на свѣтъ родился,
Что вѣдь должно же оставить свѣтъ“...
Сказавъ, пошелъ... и закипѣло!...
Ну, ... евичъ*). Это дѣло
Изъ самыхъ славныхъ Русскихъ дѣлъ!
Ужъ бой давно, давно горѣлъ:
Дрались въ лѣсу и на порѣчьи,
Постлался трупомъ узкій путь,
И Русская трещала грудь.
Никто не думалъ объ увѣчьи:
Прочь руку—сабля ужь въ другой!...
Ни фершалбвъ, ни перевязки!...
Признаться, развѣ только сказки
Разскажутъ о борьбѣ такой.....
Но гдѣ жь союзники? Ко времени бъ и мѣсту
Теперь имъ быть!... На нихъ надежда ужъ плоха!
Дерись!... Година намъ лиха!
Такъ два отчаянныхъ, влюбленныхъ жениха
До смерти рѣжутся за милую невѣсту.....
Что̀ зашумѣлъ громчѣе лѣсъ?
Еще звончѣй и ближе шопотъ!
Берутъ Французы перевѣсъ!
У нашихъ слышенъ тайный ропотъ...
То не боязнь, но злѣй... то шопотъ:
„Что̀ не видать *его* въ огнѣ?
Доселѣ, въ буркѣ, на конѣ,
Онъ все былъ тутъ, въ глазахъ маячилъ...
Онъ самъ, онъ первый рубку началъ“...
Взошла, какъ и всегда, луна
И въ ясной Эльбѣ потонула..
Какая мертвая, глухая тишина!

*) Точки въ подлинникѣ. Н. О.-К.

Библиотека "Руниверс"

Но развѣ днемъ не эта сторона
Кипѣла адомъ? Да! И вотъ, уснула...
И врагъ, и другъ въ непробудимый сонъ*)!
О, берегъ, берегъ Эльбы дальной!
Что мнѣ сказать женѣ печальной!
Гдѣ онъ, герой? Куда жь дѣвался *онъ?*
Никто не знаетъ, неизвѣстно...
Его искали повсемѣстно
На полѣ битвы, по лѣсамъ,
Но *онъ* остался въ ненайденныхъ
Ни между тѣлъ, ни между плѣнныхъ.
Его безвѣстенъ жребій намъ!...
Лишь ты, любезный . . . . . евичъ,
Порою вспомянувъ *о немъ*
Мнѣ говоришь: *„онъ былъ* прямымъ богатыремъ
И чудомъ... Какъ Бова Додонскій королевичъ!
Ты помнишь, какъ тебѣ твердилъ я: „говори!
(Какъ вмѣстѣ мы запрошлымъ жили лѣтомъ)
Разсказывай мнѣ, другъ, о человѣкѣ этомъ,
Я радъ прослушать до зари!
И проводили мы въ разсказахъ дни и ночи...
Тогда какимъ огнемъ пылали очи!
Летѣли мимо насъ вечерніе часы,
Слеза въ очахъ твоихъ свѣтилась
И тихо изъ очей катилась
На длинные усы!...

Ѳ. Глинка. Сообщилъ *Н. Окуличъ-Казаринъ.*

*) Стихъ безсмысленный; такъ въ рукописи. Н. О.-К.

„Русскій Архивъ“ утратилъ еще одного изъ постоянныхъ своихъ читателей: 6-го Апрѣля нынѣшняго года, въ Ялтѣ, скончался 77 лѣтъ отъ роду графъ **Павелъ Андреевичъ Шуваловъ**, по матери (вдовѣ князя Зубова) Литвинъ, по отцу правнукъ извѣстнаго Елисаветинскаго дѣятеля. Въ ранней молодости это Севастополецъ, въ зрѣломъ возрастѣ отлично-храбрый конникъ и полководецъ, опытный въ искусствѣ руководить международными сношеніями, тонкій въ связяхъ общественныхъ, но прежде всего человѣкъ, для котораго сдѣлать добро, привѣтить, обласкать было душевною потребностью. Предпослѣдніе свои годы провелъ онъ въ Москвѣ, патріархомъ, имѣя уже нѣсколько правнучатъ и находясь часто въ состояніи болѣзненномъ, что̀ не мѣшало ему, однако, вести дѣятельную переписку и предаваться чтенію богословскому, историческому, новостей въ печати. Мнѣ посчастливилось пользоваться его неизмѣннымъ благорасположеніемъ; онъ готовилъ для „Русскаго Архива“ Записки, и одну главу (о томъ, какъ изъ воиновъ сталъ онъ дипломатомъ) прочиталъ. Послѣ злосчастной кончины сына своего не могъ онъ дольше оставаться въ Москвѣ. Признательная ему память! П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СЕЛО УХОЛОВО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Село Ухолово недревняго происхожденія. Въ первой половинѣ XVII в. на мѣстѣ его была пустошь, входившая въ составъ тѣхъ „дикихъ поль", „которыя раздавались отъ государства служилымъ людямъ въ награду за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы. Такъ, напримѣръ, здѣсь въ 1671 году дано было Рязанцу Елизару Ивану Горлову въ помѣстье „25 чети въ полѣ, а въ въ дву потомужъ" *).

Ранѣе Горлова въ здѣшнихъ мѣстахъ получили дачи Рязанцы Трофимъ Трубниковъ, Иванъ Еропкинъ, Гаврила Микифоровъ, Кононъ Галицынъ, Дементій Селивановъ и Иванъ Реткинъ. Все это были владѣльцы мелкіе, изъ коихъ самое высшее количество четей было у Ивана Еропкина, доходившее до 45 въ полѣ, а у нѣкоторыхъ оно спускалось до 5 четей. Но вотъ на мѣстѣ этой мелкоты появляется крупная величина, Павелъ и Тимоѳей Савеловы, родные братья святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго.

Появленіе владѣній Савеловыхъ народное преданіе окружило сказаніемъ. Ѣхалъ патріархъ изъ Тамбова и сдѣлалъ стоянку на берегу рѣки Аксени, около водяной мельницы, гдѣ тогда стояло нѣсколько дворовъ крестьянскихъ. Жители встрѣтили патріарха съ честію и вынесли овса для его лошадей. „Чьи вы?" спросилъ онъ. „Живемъ тутъ, а сами не знаемъ, чьи мы", отвѣчали жители. Патріархъ обласкалъ ихъ, а вскорѣ послѣ того они записаны были за братомъ патріарха, и выстроена была у нихъ церковь.

Архивные документы не противорѣчатъ этому сказанію. Въ первые годы патріаршества Іоакима его братьями подана была царю челобитная такого содержанія:

„Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьютъ челомъ холопи твои Пашка да Тимошка Петровы дѣти Савеловы. По твоей, великій государь, милости, велѣно нашей братьи и намъ, холопемъ твоимъ, твоего, великій государь, жалованья изъ дикихъ поль дать указное число по триста по пятидесяти четвертей человѣку въ помѣстье. И мы, холопи твои, надѣясь на твою государскую милость, купили въ нынѣшнемъ въ 1675 году Генваря въ 8 день у вдовы Марьи

---

*) Четь—старинная мѣра земли, имѣвшая 40 сажень длины и 30 сажень ширины; когда говорится „25 чети въ полѣ, да въ дву потомужъ", это значитъ, что въ одномъ полѣ 25 четей да въ двухъ другихъ поляхъ по столько же; слѣдовательно всего 75 четей, или, по современному, $37^1/_2$ десятинъ.

Библиотека "Руниверс"

у Алексѣевской жены Луговского вотчинныхъ ея крестьянишекъ, которые у ней переведены изъ разныхъ ея вотчинъ и жили на наемной землѣ разныхъ помѣщиковъ въ Ряскомъ уѣздѣ въ Пехлецкомъ стану. И нынѣ, государь, тѣ наши купленные крестьянишки живутъ на наемной землѣ въ томъ же въ Ряскомъ уѣздѣ въ Пехлецкомъ стану на пустошѣ дикаго поля, что̀ *нынѣ поселено вновь село Ухолово* съ урочищи. А въ томъ же, государь, селѣ Ухоловѣ съ урочищи сверхъ дачъ разныхъ помѣщиковъ Резанца Трофима Трубникова съ товарищи есть лишняя земля, дикое поле, лежитъ порозже и никому не отдано. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй насъ, холопей своихъ, вели, государь, намъ въ тѣхъ урочищахъ дикаго поля, что̀ будетъ сверхъ дачъ Резанца Трофима Трубникова съ товарищи дать въ указное число; а тѣ, государь, дачи новыя, а не старыя; и купленныхъ нашихъ крестьянишекъ въ Помѣстномъ Приказѣ за нами по купчей записать. Царь государь, смилуйся![1])

Въ челобитной довольно непонятнымъ представляется то обстоятельство, что вдова Марья Алексѣевская жена Луговскаго переводитъ изъ разныхъ своихъ вотчинъ крестьянъ и поселяетъ ихъ на наемной землѣ. Это, вѣроятно, не что иное, какъ обходъ закона, запрещавшаго въ то время продавать крестьянъ безъ земли; съ другой стороны, если среди крестьянъ, жившихъ на пустоши дикаго поля, были старожилы, никому не принадлежавшіе, то относительно ихъ Марья Луговская могла быть подставнымъ лицомъ, чтобы закрѣпостить крестьянъ, никому не принадлежавшихъ.

Въ древней Руси различались два вида землевладѣнія: помѣстье и вотчина. Помѣстье было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ владѣніемъ, а вотчина наслѣдственною собственностію владѣльца. Въ челобитной Савеловы на Ухоловѣ ржавцѣ искали себѣ помѣстья, но черезъ годъ вновь населенное село Ухолово стало уже ихъ вотчиной. „Лѣта 1676 г. Ноября въ 1 день по государеву указу... по грамотѣ изъ Помѣстнаго Приказу... по приказу воеводы... подъячій Аггей Филипповъ сынъ Ждановъ, пріѣхавъ въ Ряжскій уѣздъ въ Пехлецкій станъ, въ село Ухолово, что̀ была пустошь дикое поле подъ Лешнимъ Липегомъ на Ухоловѣ ржавцѣ, на рѣчкѣ на Толстомъ Ольху, межъ ржавца Ухолова и дубровы Небутовы къ Дегтярной ямѣ по конецъ Бобковскихъ[2]) и Бѣляевскихъ поль, что̀ поселены на наемной землѣ вотчинные крестьяне вдовы Марьи Алексѣевской жены Луговскаго, а нынѣ ту землю Иванъ Еропкинъ промѣнилъ въ вотчину Павлу Петрову сыну Савелову, да въ тѣхъ же урочищахъ промѣнили ему жъ Павлу въ вотчину Трофимъ Трубниковъ, да Гаврила Микифоровъ... да ту вымѣнную вотчинную землю, а въ ней пашни на 75 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ отказалъ[3]) Павлу да Тимоѳею Петровымъ дѣтямъ Савелова въ вотчину со всѣми угодьи“[4]).

---

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи. Москва № $\frac{335050}{244}$ дѣло № 22.

[2]) Село Ясенокъ въ то время называлось Бобково Селище.

[3]) „Отказалъ“: закрѣпилъ, отдалъ.

[4]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи Ряжск. отк. кн. № $\frac{13929}{13}$ дѣло 137.

Библиотека "Руниверс"

Судя по границамъ, которыми въ крѣпостномъ актѣ опредѣлена была вотчина Савеловыхъ, она имѣла видъ клина: начинаясь очень узкой полосой съ рѣчки Аксени (отъ „Крутой“ лощины до церковной земли), она шла къ Западу, постепенно расширяясь, и достигала до полей Бѣляевскихъ и Ясеновскихъ.

Въ то время, когда Ухолово основывалось, упоминается, какъ отдѣльно существовавшая, деревня Погорѣлка. Судя по названію, сія послѣдняя находилась на берегу рѣчки Погорѣловки. Это или нынѣшняя Ганиловка, или та часть нынѣшняго Ухолова, которая соприкасается съ Ганиловкой. Окладныя книги за 1676 годъ свидѣтельствуютъ, что въ приходѣ, состоявшемъ изъ села Ухолова и деревни Погорѣлки, всего было 75 дворовъ*), а между тѣмъ рядомъ лежащее нынѣ незначительное село Погорѣловка тогда имѣла уже 86 дворовъ приходскихъ, въ приходѣ села Мостья было 143 двора, а въ приходѣ села Покровскаго ихъ насчитывалось до 254. Такимъ образомъ въ то время Ухолово было самымъ малымъ и незначительнымъ селомъ въ своемъ околодкѣ. Но вскорѣ послѣ своего основанія оно начало быстро расти и возвышаться, а лѣтъ черезъ сто переросло всѣ села своего уѣзда, возвысилось чуть не до степени города, и его имя стало извѣстно за предѣлами губерніи. Какія же были тому причины?

Первая причина та, что владѣльцы Ухолова помѣщики Савеловы, были люди именитые, сильные и богатые; а вторая, еще болѣе важная, та, что село сдѣлалось средоточіемъ торговли, по преимуществу хлѣбной.

Основавшись на Ухоловѣ ржавцѣ, Савеловы начали посредствомъ покупки, а иногда и чрезъ промѣнъ, округлять и расширять свои владѣнія.

„Въ нынѣшнемъ 1681 году (какъ заявлялъ въ своей челобитной великому государю Рязанецъ Елизаръ Иванъ сынъ Горловъ) взялъ я на Москвѣ у Павла Петрова сына Савелова на лошади и на платья и на всякую служилую рухледь двадцать пять рублевъ денегъ; а за тѣ заемныя деньги поступился я, Елизаръ, ему, Павлу Савелову, помѣстья своего въ Ряжскомъ уѣздѣ въ Нехлецкомъ стану подъ Лешнимъ Лепегомъ на Ухоловѣ ржавцѣ съ урочищи семь чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, съ пашнею и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи. Вслѣдствіе этой челобитной помѣстье Горлова закрѣплено было за Павломъ Савеловымъ законнымъ порядкомъ.

„Да за нимъ же, Павломъ Савеловымъ, помѣстья по дачѣ 1681 года, что онъ вымѣнилъ на Можайское свое помѣстье пустоши Осташковой на 9 чети съ осьминою у Конона Галицина да у Ивана Реткина въ Ряжскомъ уѣздѣ, въ Нехлецкомъ стану, на Ухоловѣ ржавцѣ 9 чети безъ полуосьмины.

Кромѣ Ухолова у братьевъ Савеловыхъ было много другихъ земельныхъ владѣній, разбросанныхъ по губерніямъ Московской, Владимирской, Тульской и Калужской. Когда они произвели раздѣлъ между собою, то Ухолово досталось Тимоѳею Петровичу, въ родѣ котораго и стало потомъ переходить отъ

*) Историко-статист. описаніе церквей, Добролюбова, II т. стр. 345.

Библиотека "Руниверс"

отца къ сыну. Каждый послѣдующій владѣлецъ старался увеличить полученное имъ наслѣдство собственнымъ пріобрѣтеніемъ. Аѳанасій Тимоѳеевичъ, расширяя свои владѣнія, перекинулъ ихъ уже на другой берегъ рѣки Аксени, пріобрѣтя въ дачахъ села Мостья 66 четвертей. Кромѣ того онъ прикупилъ въ пустоши Колеминкѣ 6 четвертей и въ деревнѣ Щуровѣ 4 четверти[1]). Автономъ Аѳанасьевичъ купилъ „въ деревнѣ Ухоловѣ 2 четверти 4 четверика, въ селѣ Есенкѣ и Маломъ Ухоловѣ 4 четверти[2])". Въ это же приблизительно время была куплена у князя В. М. Хилкова земля, куда и было переселено около третьей части крестьянъ Ухоловскихъ, которые въ количествѣ 103 душъ образовали новую деревню Хилки, вошедшую въ приходъ села Сербина[3]).

Въ 1756 г. Ухолово вмѣстѣ съ другими вотчинами, находившимися въ Ряжскомъ, Епифанскомъ, Коломенскомъ и Московскомъ уѣздахъ, перешло по наслѣдству къ Александру Автономовичу Савелову. Этотъ Савеловъ не пошелъ по стопамъ своихъ предковъ: тѣ всю жизнь отдавали на службу государству и, неся высшія государственныя должности, рѣдко заглядывали въ свои вотчины; а онъ бросилъ службу въ чинѣ каптенармуса и жилъ въ имѣніяхъ своихъ, преимущественно же въ Ухоловѣ; тѣ расширяли свои владѣнія, а онъ расточалъ то, что получилъ по наслѣдству. Вѣроятно, самъ сознавая свои слабости, Александръ Автономовичъ, будучи еще только 39 лѣтъ отъ роду, произвелъ раздѣлъ всѣхъ своихъ имѣній между дѣтьми своими отъ перваго брака, назначивъ сыну Ивану село Ухолово, въ 466 душъ, и село Подгорное, Козловскаго уѣзда, въ 41 душу, второму сыну Александру, с. Черемушки, Епифанскаго уѣзда, въ 263 души и деревню Хилки въ 100 душъ; кромѣ того имъ же сыновьямъ обоимъ вмѣстѣ въ Московскомъ уѣздѣ село Вешки, въ 47 душъ; дочери Екатеринѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ село Андреевское, въ 153 души, и деревню Бакулино, въ 42 души. Что же касается второй его жены, то ей въ раздѣльномъ актѣ не назначено было ничего. Не смотря на то, что актъ о раздѣлѣ имѣнія совершенъ былъ твердо, проведенъ чрезъ Помѣстный Приказъ, Александръ Автономовичъ въ послѣдующія шесть лѣтъ своей жизни, распоряжаясь самъ своими имѣніями, крайне запуталъ свои дѣла. Имѣнія, назначенныя дочери, онъ всѣ спустилъ за 10 тысячъ рублей. Московское имѣніе уплыло изъ его рукъ по вексельному иску. Онъ возбудилъ дѣло объ отобраніи отъ сыновей уцѣлѣвшихъ имѣній; но, когда Ряжская воеводская канцелярія вызывала его по этому дѣлу къ допросу, онъ не явился, и къ присланному ему допросу на домъ, „незнаемо для чего, руки прикладывать не сталъ". Наконецъ, за три дня до смерти, Александръ Автономовичъ по купчей крѣпости продалъ Мостьинское имѣніе и еще на выводъ изъ Ухолова 27 душъ мужскаго пола съ семьями за 500 рублей Сипягиной, сестрѣ Вердеревскихъ, въ домѣ которыхъ и умеръ, не доѣзжая домой въ село Ухолово. Со смертію его между наслѣдниками поднялась великая тяжба. Вдова Параскева Михайлова

[1]) Москов. Архивъ Министрерства Юстиціи, Помѣстн. Приказъ № 108, дѣло 1.
[2]) Тамъ же столб. № 515, дѣло № 3.
[3]) Отказныя книги Помѣстнаго Приказа 1710 г. и 1711 г.

Библиотека "Руниверс"

Савелова искала себѣ седьмую часть изъ всѣхъ имѣній. Вердеревскіе предъявляли свои права на Мостье и на 27 душъ Ухоловскихъ крестьянъ на выводъ по своему выбору[1]). Старшій сынъ, Иванъ Александровичъ, утверждалъ, что Ухолово его безраздѣльная собственность, правъ мачихи на наслѣдство признавать не хотѣлъ, а купчую Вердеревскихъ (они уже заложили ее за 8 т. р.) опровергалъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они „совсѣмъ больного и жизни отчаяннаго отца ихъ обманнымъ образомъ увезли, подъ предлогомъ богомолья, въ Шацкъ и тамъ отъ его имени купчую на имя своей сестры, по мужу Сипягиной, написали, и отецъ ихъ, будучи увезенъ весьма боленъ и безнамятенъ, домой не доѣхавъ, умеръ въ домѣ Вердеревскихъ". Только младшій сынъ, Александръ Александровичъ, будучи 10 лѣтъ отъ роду, пока не предъявлялъ никакихъ требованій.

На первый разъ спорное дѣло продолжалось недолго. Въ 1775 г., черезъ годъ послѣ смерти Александра Автономовича, его дочь Екатерина Александровна вышла замужъ за одного изъ упомянутыхъ братьевъ Вердеревскихъ, Петра Васильевича, и послѣ того Савеловы перестали опорочивать купчую крѣпость, совершенную отцомъ ихъ въ Шацкѣ на имя Сипягиной, сестры Вердеревскихъ. Между мачихой Параскевой Михайловной и ея пасынкомъ Иваномъ Александровичемъ Савеловымъ состоялась полюбовная сдѣлка, въ силу которой пасынокъ выдѣлилъ мачихѣ изъ уцѣлѣвшихъ имѣній соотвѣтствующее на 7-ю часть количество крестьянъ и земли, а мачиха все, поступившее ей въ наслѣдство въ качествѣ седьмой части, продала обратно пасынку за 1500 р. Иванъ Александровичъ Савеловъ, получивъ въ свою исключительную собственность, въ качествѣ купленной у мачихи 7-й части, 51 душу крестьянъ въ Ухоловѣ и причитающееся количество земли, все остальное имѣніе раздѣлилъ съ своимъ несовершеннолѣтнимъ братомъ Александромъ Александровичемъ пополамъ.

Оставляя на время документы[2]), дальнѣйшее повѣствованіе поведемъ по народному воспоминанію, которое передавалъ намъ одинъ старикъ, слышавшій его отъ своего дѣдушки. Досталась наша вотчина двумъ братьямъ, и раздѣлили они ее между собою пополамъ. Одинъ былъ баринъ добрый, барыня его еще добрѣе, и брали они съ крестьянъ своихъ оброкъ самый посильный; потому крестьяне ихъ сильно богатѣли. У другого же брата жена, злая Ляпуниха, такъ щипала своихъ крестьянъ, что всѣ они скоро стали нищими. Тогда Ляпуниха взяла да снова передѣлила нашу вотчину, и такъ сумѣла подѣлить, что на ея части оказались богачи, а у брата съ женою (доброй барыней) одна бѣднота; при этомъ богачи, доставшіеся Ляпунихѣ, плакали, а бѣднота, отходившая на часть добраго барина, радовалась.

Загоревали обиженный братъ и жена его. Ужъ они стали опасаться, что со временемъ Ляпуниха все у нихъ отыметъ. Выручилъ ихъ дѣдъ разсказчика,

---

[1]) Въ крѣпостномъ актѣ сказано: „27 душъ на выборъ по желанію Сипягиной, исключая крестьянина Гаврилу Иванова Наумова съ женою его и дѣтьми".

[2]) Выпись изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи, 1871 г. Ноября 8-го дня № 346, данная князю Трубецкому.

Библиотека "Руниверс"

Филатка, служившій при господахъ въ качествѣ домашняго человѣка. Онъ по наущенію обиженнаго барина унесъ у Ляпунихи сундучекъ съ бумагами, а обиженный братъ, забравъ бумаги, поѣхалъ съ ними въ Тулу и заложилъ обѣ части, свою и братову, за большія тысячи. Изъ залога наша вотчина выкуплена была Верещагинымъ, и стали мы не Савеловскими крестьянами, а Верещагинскими. Ляпуниха долго не выѣзжала изъ Ухолова, надѣясь при посредствѣ своего сильнаго родства повернуть дѣло въ свою пользу; наконецъ, полиція выселила ее изъ Ухолова, и она должна была удалиться въ деревню Хилки.

Основная мысль народнаго воспоминанія вѣрна, хотя въ подробностяхъ не согласуется съ документами. Дѣйствительно, младшій Савеловъ, Александръ Александровичъ, черезъ 10 лѣтъ послѣ перваго раздѣла, уже женатый на Екатеринѣ Петровнѣ Ляпуновой, возбудилъ судебное дѣло противъ старшаго своего брата Ивана Александровича, обвиняя его въ неправильномъ раздѣлѣ имѣнія. Дѣло тянулось года три, восходило въ Сенатъ и окончилось такъ невыгодно для старшаго брата, что ему, дѣйствительно, было надъ чѣмъ загоревать. Судъ раздѣла Ивана Александровича съ мачихой не утвердилъ и постановилъ 7-ю часть отъ него отобрать и передать младшему брату Александру Александровичу; ему же „вмѣсто денегъ, данныхъ Иваномъ Александровичемъ мачихѣ, торговую площадь съ состоящимъ на ней всякимъ для торгу строеніемъ: лавки, шалаши, амбары и прилавки“; ему же младшему брату Александру Александровичу водяную мельницу въ Ухоловѣ; наконецъ, въ его же пользу взыскать съ старшаго брата за владѣніе имѣніемъ во время малолѣтства брата, сколько окажется по справкамъ черезъ старостъ и управляющихъ и уже по выключеніи всего вышеуказаннаго изъ Ухоловской вотчины, дѣлить ее между братьями пополамъ.

Но Иванъ Александровичъ не далъ своему младшему брату возможности использовать рѣшенія суда: седьмую часть онъ до рѣшенія суда успѣлъ заложить Поскочинымъ, у которыхъ она была куплена княгиней Анной Герасимовной Гагариной. Потомъ такимъ же образомъ онъ поступилъ и со всею Ухоловскою вотчиной, воспользовавшись своими на нее правами, вытекавшими изъ раздѣльнаго акта, совершеннаго его отцомъ. Тяжба тянулась еще нѣсколько лѣтъ и закончилась тѣмъ, что Савеловы навсегда выбыли изъ Ухолова: Иванъ Александровичъ въ село Подгорное*), Козловскаго уѣзда, Александръ Александровичъ въ деревню Хилки, а крестьяне, принадлежавшіе имъ съ 1792 г., по церковнымъ документамъ, стали писаться за господами Верещагиными.

Во владѣніи Верещагиныхъ, Петра Алексѣевича и жены его Александры Ивановны (купчая совершена была на имя жены) Ухолово состояло до 1826 г., когда оно по наслѣдству перешло къ внуку Верещагиныхъ Алексѣю Александровичу Лопухину, въ то время малолѣтнему, при которомъ впослѣдствіи, въ 1861 г., Ухоловскіе крестьяне отходили на волю. Для объединенія всего села во владѣніи Верещагиныхъ, а послѣ нихъ Лопухиныхъ, не доставало только

*) Имѣніе его матери.

Библиотека "Руниверс"

седьмой части, въ то время занимавшей почти всю правую сторону оврага „Ржавца Ухолова“ и концами усадебъ доставшей Троицкаго переулка.

Седьмая часть жила привольно. Владѣлецъ ея, князь Николай Петровичъ Гагаринъ, не отягощалъ своихъ крестьянъ большимъ оброкомъ; а когда онъ умеръ, при его вдовѣ княгинѣ семичастнымъ стало еще лучше, и наконецъ, они отпущены были на волю. „1827 г. Іюня 4-го дня Рязанской губерніи, Ряжскаго уѣзда села Большаго Ухолова вдова подпоручика княгиня Анна Герасимовна Гагарина, въ память великихъ щедротъ и милосердія къ подданнымъ своимъ крестьянамъ, по нынѣшней 7-ой ревизіи 81 душа, коимъ даровала вѣчную свободу съ принадлежащей онымъ крестьянамъ землею, на которой жительство имѣютъ, и въ поляхъ ими обработываемой. Чувства означенныхъ крестьянъ за дарованныя толикія щедрыя милости благодѣтельницы своей поставили между собой въ роды родовъ ежегодно творить въ память день ангела ея сіятельства торжество 9-го Декабря, Зачатіе св. Анны, со служеніемъ молебновъ“. Такая надпись вычеканена на одной иконѣ, находящейся въ мѣстномъ храмѣ. По надписи можно предполагать, что счастливцами почитали себя жители 7-ой части, и навѣрно, завидовали имъ крестьяне, оставшіеся въ крѣпостной зависимости; но послѣдующія событія не оправдали радостныхъ ожиданій вольноотпущенныхъ и довели ихъ до того, что они разочаровались въ самой своей „волѣ“. Внучка и наслѣдница княгини Гагариной подполковница Анна Дмитріевна Попова начала опровергать, какъ духовное завѣщаніе, такъ и отпускныя, данныя ея бабкою своимъ крестьянамъ. Началась попытка возвратить въ крѣпостную зависимость вольноотпущенныхъ. Пущены были въ ходъ сначала ласка и уговоры, а за ними не замедлили угрозы и репрессіи. Седьмая часть твердо отстаивала свои права, но сила была противъ нея, и перевѣсъ клонился на сторону Поповой. Потянулись суды, слѣдствія, допросы и тѣлесныя наказанія. Мрачная повѣсть! Одного изъ вольноотпущенныхъ въ острогѣ сгноили, другого на поселенье услали, а тамъ кого-то до смерти засѣкли... Дѣло доходило до вызова воинскихъ командъ, которыя наводили на 7-ю часть такой ужасъ, что нѣкоторые за десять верстъ убѣгали въ лѣсъ и тамъ скрывались по нѣскольку дней безъ пищи. „Моя бабка, разсказывалъ одинъ, бѣжавши отъ солдатъ, въ страхѣ попала въ рѣчную прорубь“. Судебное разбирательство этого дѣла тянулось лѣтъ 15. На первый разъ оно закончилось тѣмъ, что отпущеннымъ на волю княгинею Гагариною крестьянамъ и дворовымъ людямъ рѣшено было предоставить свободу личную, завѣщаніе же княгини Гагариной о предоставленіи въ собственность крестьянъ всей земли, ими обработываемой, не было утверждено.

Но этого для подполковницы Поповой оказалось мало: она возбудила новое дѣло объ отобраніи въ ея пользу отъ вольноотпущенныхъ не только земли съ посѣяннымъ хлѣбомъ, но даже и усадебъ съ находящимся на нихъ строеніемъ, а также о взысканіи съ вольноотпущенныхъ за прежнее владѣніе Гагаринскою землею и за истребленный ими лѣсъ. И на этотъ разъ судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Поповой, а отпущеннымъ княгинею Гагариною людямъ

Библиотека "Руниверс"

даже въ ихъ собственныхъ строеніяхъ отказалъ*), взыскавъ съ нихъ за 40 листовъ бумаги гербоваго сбора.

Сколько нашихъ слезъ пролила барыня Попова! Плакались потомъ на нее семичастные; въ какую нужду она насъ ввергла! Къ концу суда въ нѣкоторыхъ домахъ въ буквальномъ смыслѣ нечего было ѣсть. А какъ мы ублажали ее, когда она наѣзжала къ намъ изъ села Гаевъ, гдѣ у нея было имѣніе: на рукахъ носили, пуховыми подушками обкладывали. Какъ умоляли ее не продавать нашихъ усадебъ въ чужія руки, а лучше съ насъ взять сколько слѣдуетъ. Ничто не помогло. Въ 1837 г. свои права на седьмую часть подполковница Попова продала Ухоловскому помѣщику Лопухину, а онъ съ своей стороны возбудилъ новое, по счету уже третье, дѣло противъ вольноотпущенныхъ, требуя, чтобы они очисти. и усадебныя мѣста и дали возможность „не упустить удобнаго времени для посѣва на нихъ овощей“. Конецъ всего этого дѣла былъ таковъ. Явилась въ послѣдній разъ воинская команда и разнесла въ седьмой части всѣ дома, печи и постройки. Спугнутые съ своихъ старинныхъ, дѣдами и отцами насиженныхъ, мѣстъ, очутившись между небомъ и землею, семичастные принуждены были искать себѣ новыя усадьбы. Помѣщикъ Лопухинъ, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ седьмую часть, и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы пускать вольныхъ людей въ черту своихъ крестьянъ. Но, къ счастію вольноотпущенныхъ, въ селѣ оказался небольшой клочекъ земли внѣ владѣній Лопухина: это прежняя усадьба княгини Гагариной, гдѣ были ея господскій домъ, дворъ и небольшой садикъ. Этотъ клочекъ земли Попова успѣла продать прежде, минуя Лопухина; и вотъ здѣсь-то вольноотпущенные, перекупая уже изъ вторыхъ рукъ себѣ мѣста, начали ставить свои избушки и образовали нынѣшнюю такъ называемую Семичастную слободу.

Дальнѣйшія обстоятельства показали, что и на собственныхъ усадьбахъ, въ природномъ своемъ селѣ, жители Семичастной слободы стали чужими. Какъ вольноотпущенные, изъ общества крестьянъ они были исключены, и должны были приписаться къ какому нибудь городскому обществу: бывшіе крестьяне стали мѣщанами, одни Ряжскими, другіе Сапожковскими, третьи Рязанскими. Подати они платятъ по мѣсту своей приписки, но, живя вдали отъ обществъ, къ которымъ приписались, никакими выгодами, въ замѣнъ своихъ податей, пользоваться не могутъ. На мѣстѣ же своего постояннаго жительства, какъ чужіе, они нерѣдко встрѣчаютъ затрудненія и денежныя обложенія: заведетъ житель Семичастной слободы скотину, плати за право хожденія ея по крестьянскимъ полямъ; захочетъ помѣстить сына или дочь въ училище, плати за право обученія. Вслѣдствіе такого стѣсненнаго своего положенія седьмая часть сильно порѣдѣла, большинство жителей выѣхало изъ нея и разсѣялось по разнымъ городамъ и селамъ, а оставшіеся въ Ухоловѣ благосостояніемъ не пользуются; сами о себѣ они иногда говорятъ: „мы семичастные—несчастные!“

При освобожденіи Ухоловскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда по заявленію помѣщика Лопухина, онъ далъ имъ въ надѣлъ 1610 деся-

*) На основаніи закона: „крестьянинъ собственности не имѣетъ“.(Дѣло Поповой.)

Библиотека "Руниверс"

тинъ земли, оставивъ за собою 384 десятины *), крестьяне возбудили судебное дѣло о земляхъ, купленныхъ ими въ разное время на свои собственныя средства, но на имя помѣщика, и просили освободить эти земли, уже окупленныя крестьянскими деньгами, отъ выкупныхъ платежей. Такой земли крестьяне указывали 474½ десятины; въ томъ числѣ 69½ дес. пріобрѣтены ими отъ подполковницы Поповой, въ качествѣ 7-ой части, и состояли во владѣніи всего общества, а остальныя 405 десятинъ составлялись изъ небольшихъ участковъ, купленныхъ разными крестьянами въ разное время у разныхъ лицъ. Дѣло это тянулось съ 1862 года по 1879 г. и рѣшалось три раза. Сначала, въ 1868 г., изъ искомой земли на основаніи представленныхъ документовъ за крестьянами судомъ утверждены были только 34 десятины, а вся остальная оспариваемая земля признана была собственностію помѣщика Лопухина. Крестьяне продолжали свои домогательства. На судѣ было доказано, что 2-го Сентября 1837 г. бурмистръ Артамонъ Телелюевъ купилъ у подполковницы Поповой за 26 тысячъ р. ассигнаціями перешедшую къ ней по суду 7-ю часть, въ количествѣ 69½ десят. усадебной земли, на деньги, собранныя съ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ села Ухолова, а купчую совершилъ на имя помѣщика Лопухина. Лопухинъ признавалъ, что дѣйствительно упомянутая земля „куплена на деньги крестьянъ села Ухолова“, но присовокуплялъ, что „крестьяне принесли ему деньги въ даръ“. „Странно, возражали крестьяне: подарить помѣщику 26 тысячъ р., и вслѣдъ за этимъ возвысить оброкъ за этотъ подарокъ“. По справкамъ оказалось, что оброкъ съ крестьянъ села Ухолова въ 1835 г. съ 20 тысячъ рублей возвышенъ на 25 тысячъ р., а въ 1841 г. съ 25 тысячъ руб. возвышенъ на 30 тысячъ р.. Судъ затребовалъ отъ Лопухина именной списокъ лицъ, сдѣлавшихъ ему подарокъ для покупки 7-ой части. На это повѣренный Лопухина князь Трубецкой отвѣчалъ нижеслѣдующее.

Когда Лопухинъ услыхалъ, что крестьяне, давшіе бурмистру деньги на покупку 7-ой части, положили пожертвовать эти деньги ему, Лопухину, то пошелъ на сходъ, чтобы поблагодарить крестьянъ за такое рѣшеніе и притомъ, чтобы узнать, единогласно ли оно принято; но тогда его просили немного обождать, дабы успѣть уговорить одного изъ участвовавшихъ въ сборѣ денегъ, но упорствующаго въ пожертвованіи данной имъ суммы. Лопухинъ, боясь какого-либо принужденія, поспѣшилъ выйти къ сходу и обратясь къ тому крестьянину, котораго прочіе уговаривали, сказалъ, что онъ отъ него не желаетъ и не приметъ никакого пожертвованія; но одинъ изъ жертвователей, а именно, крестьянинъ Семенъ Веденѣевъ Демидовъ, обратясь къ упорствовавшему, сказалъ: „ты мнѣ состоишь должнымъ сумму свыше той, которую ты далъ бурмистру на покупку земли; я прощаю ее тебѣ ири всѣхъ, только не разстраивай такого дѣла“. Тогда тотъ крестьянинъ сталъ на колѣняхъ противъ Лопухина просить его не отказывать и ему въ пожертвованіи данной имъ суммы; но Лопухинъ не хотѣлъ на это согласиться. Тогда весь сходъ сталъ на колѣни и сталъ упрашивать Лопухина простить этого крестьянина. Лопухинъ въ

*) Журналъ Рязанскаго Губернскаго Присутствія, 1879 г. Января 23-го.

Библиотека "Руниверс"

виду всеобщаго желанія жертвователей, выраженнаго ими столь единодушно и всѣми безъ исключенія, поблагодарилъ ихъ всѣхъ, сказавъ имъ, что онъ не хотѣлъ только терпѣть въ этомъ дѣлѣ никакого и ни для кого принужденія, а что онъ никакой вины за тѣмъ крестьяниномъ и не признавалъ, въ доказательство чего онъ и не хочетъ знать, сколько и кто жертвовалъ, а имя того крестьянина, котораго они считаютъ виновнымъ въ нарушеніи ихъ общаго согласія, онъ далъ имъ слово никогда не упоминать. Теперь понятно, почему Лопухинъ не можетъ представить полнаго списка лицъ, дававшихъ деньги на покупку земли у г. Поповой, хотя и можетъ назвать нѣсколько лицъ, но Лопухину положительно извѣстно, что количество крестьянъ, пожертвовавшихъ эти 26000 р., было не велико и что давали они деньги не ровно, а по достатку, такъ напримѣръ впослѣдствіи онъ узналъ, что Иванъ Хмылевъ и Артамонъ Телелюевъ дали каждый по 5000 рублей *).

Можно догадываться, что въ данномъ случаѣ между крестьянами рѣшался вопросъ о томъ, кому владѣть купленною 7-ою частью: тѣмъ ли только лицамъ, которыя давали деньги на покупку ея, или всему обществу; верхъ одержало послѣднее мнѣніе, по этому фактическимъ владѣльцемъ 7-ой части всегда было все общество.

Въ 1871 г. Рязанскимъ Губернскимъ Присутствіемъ опредѣлено было 7-ю часть, въ количествѣ 69½ десятинъ, признать собственностью всего Ухоловскаго общества, не подлежащею выкупу отъ помѣщика.

Тяжба объ остальной землѣ, купленной крестьянами въ разное время у разныхъ лицъ на имя помѣщика, продолжалась и представлена была на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ; она закончилась въ 1879 г. послѣ того, какъ дѣти и наслѣдники Лопухина: Борисъ Алексѣевичъ и Сергѣй Алексѣевичъ сдѣлали заявленіе въ Главный Комитетъ по устройству крестьянъ, что они „уступаютъ всю оспариваемую землю крестьянамъ въ количествѣ ими отыскиваемомъ". Тогда состоялось третье и окончательное судебное рѣшеніе, въ силу котораго отъ выкупныхъ платежей освобождены были всѣ купленныя крестьянами земли въ количествѣ 474½ десятинъ, и сверхъ того 60 десятинъ такъ называемой пастбищной земли, 40 десятинъ, отошедшихъ изъ крестьянскаго надѣла при полюбовномъ размежеваніи Лопухина съ владѣльцами сельца Малаго Ухолова (1874 г.) и 5 десятинъ, отшедшихъ подъ станцію желѣзной дороги (въ томъ же году); а всего исключено изъ надѣла, подлежавшаго выкупу 579½ десятинъ; сообразно съ этимъ и сумма выкупленныхъ платежей уменьшена была на 694 р.

Какія обстоятельства способствовали селу Ухолову сдѣлаться средоточіемъ мѣстной торговли, преимущественно хлѣбной?

Можетъ быть, географическое положеніе села. Оно расположено на старинномъ „Рясскомъ волокѣ", т. е. на томъ пространствѣ, по которому волокли или перевозили сухимъ путемъ товары съ водной системы Дона на систему Оки и наоборотъ. Впрочемъ, главная и болѣе древняя линія „Рясскаго волока"

*) Журн. Ряз. Губ. Присут. 29-го Ноября 1868 г.

Библиотека "Руниверс"

шла черезъ село Якимецъ между рѣками Рановой и Рясой, а здѣсь, между рѣками Мостьей и Лѣснымъ Воронежемъ, пролегала боковая вѣтвь позднѣйшаго происхожденія.

По мѣстному преданію, возвышеніе Ухолова въ торговомъ отношеніи объясняется вліяніемъ патріарха Іоакима. Передаютъ, что патріархъ самолично посѣщалъ Ухоловскую вотчину своихъ братьевъ и совершалъ въ мѣстномъ храмѣ богослуженіе. Пріѣзды такой высокой особы дали извѣстность небольшому селенію. Ко времени пріѣзда патріарха, а онъ пріурочивалъ свои пріѣзды преимущественно къ престольному празднику, Ильину дню; въ Ухолово стекались несмѣтныя толпы богомольцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съѣзжались и торговцы. Такимъ образомъ положено было начало установившейся съ того времени и существующей донынѣ ежегодной Ильинской ярмарки. Кромѣ того, патріархъ исходатайствовалъ для вотчины своихъ братьевъ еженедѣльный торгъ, или базаръ, со многими льготами. Трудно повѣрить, чтобы дѣйствительно самъ патріархъ Іоакимъ пріѣзжалъ къ Ухоловскому празднику; но можно допустить, что подобныя поѣздки предпринималъ мѣстный архіерей. Какъ бы тамъ ни было, а лѣтъ черезъ сто послѣ своего основанія, Ухолово уже цвѣло кипучей торговой дѣятельностью. Въ 1787 г., при раздѣлѣ братьевъ Савеловыхъ между собою, „торговая площадь съ состоящимъ на ней всякимъ для торгу строеніемъ, лавки, шалаши, амбары и прилавки представляли изъ себя крупную цѣнность, такъ что каждому брату хотѣлось удержать ее въ своемъ владѣніи. XIX столѣтіе застаетъ въ Ухоловѣ большія хлѣбныя операціи. Окрестность, особенно съ Юга, даже изъ-за Козлова, подавала сюда излишки своего хлѣба для продажи, а торговыя фирмы Москвы, Коломны, Нижняго и другихъ городовъ, чрезъ посредство мѣстныхъ жителей, скупали здѣсь хлѣбъ, отправляя его по назначенію сначала гужевымъ способомъ до пристани Перевлѣса, а потомъ водою. Изъ своего мѣстнаго производства славилась крупа. До 200 крупорушекъ насчитывалось тогда въ Ухоловѣ, и всѣ они работали безостановочно. По временамъ мѣстные воскресные базары почти не прекращались, вподрядъ затягиваясь на нѣсколько недѣль. Подвозъ хлѣба иногда бывалъ такъ великъ, что вся базарная площадь, пространствомъ въ 7 десятинъ, бывала заставлена возами, и, чтобы перебраться съ одной ея стороны на другую, приходилось путешествовать по возамъ.

Такъ дѣло шло до 1868 г., когда проведена была Моршанская линія желѣзной дороги, миновавшая село въ 7 верстахъ. Съ этого времени начался неблагопріятный для села поворотъ въ его жизни: оно утратило свое прежнее значеніе въ хлѣбной торговлѣ и замѣтно склонилось къ упадку.

Уплывшее изъ села торговое дѣло не возвратилось и тогда, когда проведена была Ухоловская желѣзно-дорожная вѣтвь въ 1875 г.. Съ появленіемъ множества желѣзно-дорожныхъ станцій, не стало никакой необходимости привозить хлѣбъ въ одно мѣсто, а потому, какъ продавцы, такъ и покупщики хлѣба, вмѣсто того, чтобы стремиться къ одному центру, какъ прежде было, стали разбиваться по множеству желѣзно-дорожныхъ станцій. И стало село Ухолово рѣдѣть, торговцы изъ него разъѣзжаться, дома пустѣть.

Библиотека "Руниверс"

Въ настоящее время село Ухолово имѣетъ волостное правленіе, контору пристава 1-го стана, почтово-телеграфную контору съ 1885 г., пассажирскій жел. дор. вокзалъ съ 1900 г., земскую больницу съ 1905 г., вольную пожарную дружину съ 1897 г. и три учебныхъ заведенія: мужское 2-хъклассное министерское училище съ 1868 г., женское таковое же съ 1894 г., одноклассную церковно-приходскую школу съ 1886 г.; кромѣ того есть еще церков.-приход. школа въ деревнѣ Глинкахъ съ 1888 г..

Торгово-промышленный оборотъ Ухолова достигаетъ 781.500 р. въ годъ при 74 предпріятіяхъ; изъ этой суммы на долю торговли приходится 773.500 руб. при 70 предпріятіяхъ. Въ торговлѣ Ухолова хлѣбная группа представлена 453.100 руб. при 14 предпріятіяхъ. Промышленность представлена мукомольнымъ дѣломъ и отчасти кожевенными заводами. Кромѣ еженедѣльныхъ базаровъ, въ году бываетъ 4 ярмарки; есть магазины и масса лавокъ; съ 1893 г. существуетъ элеваторъ вмѣстимостью до 60 тысячъ пудовъ. На ж. дор. станціи грузится въ годъ до 1 милліона пудовъ, преимущественно хлѣба *)".

Въ послѣднее время количество груза, отправляемаго со станціи Ухолова, сильно возросло: въ 1906 г. было отправлено 2,705.937 пудовъ.

Приводимъ таблицу постепеннаго роста количества дворовъ и душъ въ приходѣ села Ухолова по сохранившимся документамъ.

Годы.	Двор.	Муж. пол.	Жен. пол.
1676.	75.	—	—
1734.	74.	—	—
1787.	170.	725.	736.
1815.	275.	1069.	1220.
1832.	285.	1616.	1594.
1842.	338.	1882.	2047.
1852.	330.	2153.	2357.
1861.	544.	2344.	2480.
1870.	655.	2546.	2514.
1881.	687.	2523.	2573.
1890.	724.	2586.	2587.
1900.	687.	2336.	2387.
1905.	694.	2231.	2275.
1906.	695.	2236.	2266.

Изъ таблицы видно, что естественный приростъ населенія прихода села Ухолова нарушенъ былъ трижды: въ 1734 г. сказалась большая убыль, зависѣвшая оттого, что къ этому времени относится переселеніе изъ Ухолова 100 душъ крестьянъ, которые образовали новую деревню Хилки, и около того же времени возникъ самостоятельный приходъ въ Маломъ Ухоловѣ; въ началѣ XIX столѣтія оказался сильный приростъ: въ 1811 г. Малое Ухолово, за упраздненіемъ мѣстнаго храма, вошло въ составъ прихода села Ухолова; и наконецъ съ 1870 г. сначала остановился приростъ, а потомъ пошла постепенная убыль населенія. Причины такового обстоятельства нами показаны выше. Что же касается идущаго вразрѣзъ съ уменьшеніемъ количества душъ увеличенія домовъ, то оно объясняется усилившимся въ послѣднее время стремленіемъ къ семейнымъ раздѣламъ. Священникъ **Василій Онаѣмовъ.**

*) Изъ книги „Россія. Семенова, т. II, стр. 488.

Библиотека "Руниверс"

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫХЪ ИЗЪ АРХИВА

СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ.

МОСКВА.
1908.

Библиотека "Руниверс"

БАЛАНСОВАЯ

о суммахъ Кабинета Вашего Имперa

ПРИХОДЪ.

	Червонныхъ.	Сумма.	
Изъ Государственныхъ Казначействъ.	—	3.644.000	—
Изъ Монетнаго Департамента за Колыванское золото и серебро привоза 1800 года	—	1.075.423	75¾
На нихъ лажныхъ	—	430.121	25
Ясашнаго дохода изъ разныхъ губерній высылаемаго . .	—	163.169	59¾
Отъ разныхъ частныхъ людей въ число суммъ заимообразно имъ пожалованныхъ и изъ Казенныхъ Палатъ оставшихся за смертію пенсіонеровъ.	—	13.047	75¼
Оброчныхъ съ мызы Гроссъ Роопъ 3000 талеровъ, на. .	—	6.750	—
Наличныхъ оставшихся отъ 1800 года:			
въ Кабинетѣ.	956.	6.333	36
„ Лифляндской Казенной Палатѣ 1298 талеровъ 15 грош. на. .		2.920	87½
Въ теченіи 1801 года въ доходъ Кабинета поступило:			
Изъ Монетнаго Департамента на счетъ Колыванскаго серебра имѣющаго поступить въ Кабинетъ въ 1802 году		143.646	07½
Не окладныхъ: Изъ Государственныхъ Казначействъ: .			
По указу Марта 22	—	200.000	—
„ „ Іюня 11 дня заимообразно	—	600.000	—
Изъ суммы хранящейся на собственную В. В. диспозицію золотомъ.	—	100.000	—
Лажныхъ за промѣнъ золота и серебра 251.520.96, а за исключеніемъ изъ того за купленные 33.182 на сумму . . . . . 144.045.80.	—	107.475	16
Купленныхъ червонныхъ.	33.182.	—	—
За сдѣланную монету изъ латъ, за проданныя съ аукціона вещи, высланныхъ изъ Казенныхъ Палатъ и оставшихся за смертію пенсіонеровъ получено.	—	176.546	32
Изъ Ассигнаціоннаго банка на платежъ долговъ по Михайловскому замку	—	1.000.000	—
Балансъ	34.138.	7.669.434	15¼

Мягкой рухляди въ приходѣ на 243.598 р. 48 к.
въ расходѣ на 70.685 р. —
Бриліантовъ и пр. въ приходѣ на 1.687.472 р. 79¼ к.
въ расходѣ на 530.473 р. 37 к.

Библиотека "Руниверс"

ВѢДОМОСТЬ

торскаго Величества за 1801 годъ.

РАСХОДЪ.

	Червонныхъ.	Сумма.	
Жалованья.	200	338.321	26¼
Пенсіоновъ	2.201	633.483	29½
На содержаніе.	190	1.048.657	13½
На строеніе Михайловскаго замка за 1800 годъ, остальныхъ	—	206.033	67½
Долговъ: На разныя строенія и работы, за бриліантовыя вещи, Стеклянному заводу, Воспитательному дому, Удѣльному Департаменту и частнымъ людямъ.	200	1.248.270	28¾
По указамъ въ теченіи 1801 года даннымъ:			
Разныхъ выдачъ какъ-то на строенія и починки, за вещи бриліантовыя и другія, на шитье ризницъ, награжденія, на прогоны, проѣзды, на напечатаніе книгъ и на другіе расходы	22.354	3.104.771	09
Бѣднымъ просителямъ на счетъ пятитысячной суммы . .	—	49.261	50
Итого	31.145	6.628.798	24½
Затѣмъ къ 1802 году въ Кабинетѣ въ наличіи:			
Червонныхъ	2.993	—	—
Золотомъ	—	15.825	—
Серебромъ	—	9.575	90½
Ассигнаціями	—	14.619.	24
Да на платежъ долговъ по Михайлов. замку. .	—	1.000.000	—
Въ Лифляндской Палатѣ 306 талеровъ 33 гроша на	—	612	76¼
Балансъ.	34.138	7.669.434	15¼

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКА ГРАФА А. Р. ВОРОНЦОВА О МИЛОСТИВОМЪ МАНИФЕСТѢ НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО, СЪ МАТЕРІАЛАМИ ДЛЯ СЕГО МАНИФЕСТА.

1801 годъ.

(Изъ кабинета императора Александра I-го поступила въ архивъ 1827 г. д. № 261. кн. X. По общей описи № 415).

Всеподданнѣйшая записка графа Воронцова.

Исполняя волю Вашего Императорскаго Величества и соображаяся правиламъ вашимъ на благо общее, осмѣливаемся поднести на высочайшее усмотрѣніе проектъ грамоты, изъявляющей милости къ вѣрноподданнымъ Вашимъ.

Сіе положеніе, есть ли удостоится высочайшей апробаціи, послужитъ, такъ сказать, ступенію ко всему тому, что̀ Вы, всемилостивѣйшій Государь, предполагать изволите къ усчастливленію и окорененію различныхъ состояній, составляющихъ массу народа, скипетру Вашему ввѣренiаго.

При семъ случаѣ мы считали главнымъ предмѣтомъ, дабы все то Вами дѣлаемое, твердое основаніе принять могло.

1-е. Чтобъ укоренено было навсегда и непремѣнно наслѣдіе Россійскаго престола. Тщетно-бъ было созидать какое либо зданіе, когда и оберегателю онаго точнаго постановленія учинено не будетъ. Излишне-бъ было распространяться, сколь укорененіе наслѣдія въ престолѣ и непоколебимость священнаго сана монарха упреждаютъ неустройства, разореніе и даже паденіе всего зданія *).

*) Въ манифестѣ о вступленіи на престолъ Александра Павловича повелѣвалось принести присягу ему и наслѣднику его, кого онъ укажетъ, тогда какъ по уставу объ императорской фамиліи наслѣдникъ былъ на лицо—цесаревичъ Константинъ Павловичъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

2-е. Неменѣе нужнымъ полагали тутъ же включить и о утвержденіи Правительствующаго Сената на томъ самомъ основаніи, какъ Ваше Императорское Величество за благоразсудить изволите сіе главное правительство установить, для управленія внутреннихъ дѣлъ и, такъ сказать, въ помощь самому монарху для исполненія намѣреній и воли его.

3-е. О предположеніи Вашего Императорскаго Величества снабдить Россію достаточными и ясными законами, для огражденія состоянія каждаго изъ подданныхъ Вашихъ, мы считали такъ же у мѣста, чтобъ тутъ сказано было.

Въ проектѣ-жъ, составленномъ и подносимомъ здѣсь Вашему Императорскому Величеству, мы, держась вообще человѣколюбивыхъ Вашихъ намѣреній, старались такъ же заимствовать изъ разныхъ узаконеній существующихъ въ Европѣ, поколику они могли согласоваться съ настоящимъ состояніемъ Россіи, пространностію и многочисленностію народовъ въ ней обитающихъ. Счастливыми себя сочтемъ, есть ли хотя частію могли выполнить предъ Вами возложенное на насъ, подвергая все оное высочайшей Вашей волѣ и благоусмотрѣнію.

Г. Александръ Воронцовъ*).
Графъ В. Кочубей.
Николай Новосильцовъ.

12 Августа 1801 года.

По общей описи № 416.

По случаю доклада, здѣсь Вашему Императорскому Величеству подносимаго, побуждаемъ будучи рѣвностію и усердіемъ къ освященной Вашей особѣ съ откровенностію осмѣливаюсь Вамъ представить слѣдующія мои замѣчанія.

Сходно конечно съ сердцемъ и съ любовію Вашею къ многочисленному народу ввѣренному Промысломъ Божіимъ въ Вашего Величества управленіе, по случаю всерадостнаго для всѣхъ подданныхъ торже-

*) Графъ Александръ Романовичъ (старшій братъ посла нашего въ Лондонѣ) при Екатеринѣ вышелъ въ отставку, проживалъ въ Москвѣ и въ селѣ Андреевскомъ, зимою 1801 года, по поводу сборовъ императора Павла и всего двора въ Москву, предоставилъ въ распоряженіе его свой большой домъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Въ день кончины Павла, Нельсонъ съ Англійскимъ флотомъ стоялъ уже подъ Ревелемъ, и въ Петербургѣ было не безопасно, въ виду того, что въ Кронштадтѣ не успѣли еще произвести починки въ укрѣпленіяхъ. Сдѣланы были приготовленія къ переѣзду императора Павла въ Москву. Весною 1801 года графъ Александръ Воронцовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, куда вскорѣ прибылъ изъ Англіи его братъ графъ Семенъ Романовичъ съ юношей сыномъ своимъ (будущимъ фельдмаршаломъ). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ства коронованія Вашего, чтобъ сія епоха ознаменована была милостями къ народу служащими къ пользѣ и облегченію онаго. По сей-то причинѣ я и товарищи мои [1]) упражняющися земледѣліемъ, кои на дѣлѣ прямую силу государства составляютъ и трудами которыхъ всѣ надобности государственныя удовлетворяются, есть-ли-бъ на сей текущей годъ освобождены они были отъ рекрутскаго набора, и чтобъ о сей милости Вашего Императорскаго Величества къ народу своему объявлено было указомъ при коронованіи Вашемъ.

Никакая милость не можетъ столь ощутительною быть для народу и съ такою радостію отъ него принятою, какъ освобожденіе на годъ отъ рекрутства. По тѣмъ свѣдѣніямъ, кои я имѣть могъ о настоящемъ состояніи арміи, кажется некомплектъ въ оной не такъ великъ, чтобъ отстрочка рекрутскаго набора на годъ войска Вашего Императорскаго Величества ослабила; да и не предвидится по миролюбивой склонности Вашей, чтобы въ прибавкѣ войскъ скоро нужда и настоять могла.

Прямое благополучіе Россіи состоитъ не въ количествѣ войскъ, не въ распространеніи границъ и не въ мнимой славѣ инфлюенціи въ Европейскихъ дѣлахъ, часто толь дорого пріобрѣтаемой, изъ которой ничего существеннаго для пользы Россіи, долженствующей быть первымъ предмѣтомъ всякаго Россійскаго Государя, не произтекаетъ, а питаетъ только, есть-ли смѣю сказать, самолюбіе государей и министровъ, управляющихъ внѣшними дѣлами. Я о семъ свободно предъ Августѣйшею особою Вашею изъясняюся, будучи внутренно удостовѣренъ, что Ваше Императорское Величество такими предметами заниматься не станете, кои, хотя нѣсколько блеску для государей и имѣютъ, но они не инако доставляются, какъ многими тягостями народными.

Все то, что̀ существенно для пользы, величія и безопасности Россіи нужно было пріобрѣсти, оное сдѣлано двумя Вашими предмѣстниками. Петромъ Первымъ и Екатериною Второю. Остается только послѣднія пріобрѣтенія связать и укоренить ихъ, поставя себя на твердой ногѣ. Никто изъ сосѣдей и не осмѣлится до того коснуться. Россія не можетъ ни отъ кого опасенія имѣть, есть-ли сама никого не тронетъ. Можно сказать (но здѣсь не мѣсто далѣе о томъ разпространяться), что всѣ почти войны, кои хотя и счастливо кончаны, но не менѣе государство изнуряли, навлечены больше самими нами. Изключаю я войну Шведскую, Петромъ Великимъ начатую и толь счастливо для Россіи кончанную [2]).

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

[2]) Екатерина Великая напротивъ утверждала, что Россія вовлекаема была въ войну всякій разъ завистливою Европою. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Государство, ввѣренное Вамъ Промысломъ Божіимъ, толь пространно, что нѣтъ конечно нужды какихъ либо вновь завоеваній къ разширенію онаго желать. Прямое пріобрѣтеніе или, лутче сказать, одно только и есть вниманія Россійскаго Монарха заслуживающее, заключается въ нѣдрахъ самой Россіи: оно есть попеченіе о лутчемъ внутреннемъ устройствѣ и хозяйствѣ. Все что̀ по сей части остается дѣлать, занять можетъ надолго, и я увѣренъ, что оно будетъ и есть первымъ предмѣтомъ Вашего Величества попеченія. Естьли прямо воззрѣть на состояніе Россіи, не признать нельзя, что много есть чѣмъ заняться. Ничто отъ сихъ предмѣтовъ такъ удалить не можетъ, какъ обремянить себя внѣшними дѣлами, какъ по несчастію и первымъ почти предмѣтомъ было по кончинѣ Петра Великаго. Многолюдное и обширное государство, когда внутри устроено, торговля, ремеслы и прочія части онаго въ цвѣтущее состояніе приведены, и естьли морскія и сухопутныя силы хорошо организированныя и соразмѣрныя числу жителей, а не въ тягость имъ имѣетъ, то государь, управляющій онымъ не можетъ не пользоваться тою инфлюенціею и по политическимъ дѣламъ, и тѣмъ уваженіемъ, которое для славы его и безопасности государства нужнымъ почтется.

Всѣ сіи примѣчанія осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству представить, побуждаемъ будучи усердіемъ къ отечеству и лично къ Вамъ яко Государю, отъ котораго Россія своего благополучія ожидаетъ.

Г. Александръ Воронцовъ.

14 Августа 1801 году.

Articles ou materiaux qui peuvent servir à la confection d'un édit ou manifeste de privilèges, franchises etc.

1.

Confirmation des privilèges existants de la noblesse.

Confirmer et renouveller les privilèges et franchises accordées à la noblesse par les souverains prédécesseurs, et nommément l'édit de Pierre 3, à ce sujet, et le reglèment de Catherine 2-de, Дворянская Грамота.

2.

Liberté de sortir du pays pour la noblesse.

Accorder à la noblesse la liberté de domicilier à son choix dans tout l'empire, de changer de domicile à volonté, de sortir de l'état, d'y rentrer librement sans courir les moindres risques pour les biens ou af-

Библиотека "Руниверс"

taires qui resteraient dans le pays; en un mot, qu'elle puisse dorénavant jouir librement de cette faculté sans être tenue d'en demander pour chaque fois la permission, sauf des cas particuliers qui seront spécifiés et dont elle sera avertie à tems, comme en cas de rupture avec une puissance, ou autres pareils etc.

3.

Liberté de prendre service pour la noblesse.

Qu'il soit libre à la noblesse de prendre service, ou n'en prendre pas, bien entendu que ceux qui ne serviront pas, ne pourront jouir des avantages et prérogatives qui ne s' acquièrent que par le service.

4.

Héritages invariablement fixés par la loi.

Que l'ordre de succession pour les particuliers, ou la manière d'être appellé aux héritages, soit irrévocablement restreinte aux loix du pays sur cette manière, et qu'il n'y puisse jamais intervenir de mutation ou d'exemption particulière, sous prétexte de confirmation de testament, requête présentée et acceptée, ou outre contrevention de cette nature.

La règle générale et invariable sur cette matière se bornant aux deux points suivants:

1. Que tout possesseur ou tenancier dispose du bien patrimonial, selon la loi, et des acquits selon sa volonté.

2. Que tout bien acquit, dont le testateur n'aura pas expressement disposé, sera par la loi considéré comme patrimonial. et suivra pour les héritiers les mêmes règles.

5.

Protection accordée au commerce, à l'industrie, aux découvertes utiles.

Qu'il soit accordé la plus grande protection au commerce, à l'industrie de toute espèce, à la multiplication des produits du pays, ainsi qu'à la découverte de nouveaux objets d'utilité, comme mines, sels et autres productions naturelles.

Que tout propriétaire, qui, dans l'étendue de ses possessions, découvrira de pareils objets d'industrie et d'utilité publique (soit qu'ils naissent à la surface, ou dans les profondeur de la terre, dans les forêts ou dans les eaux) puisse les exploiter et mettre à profit pour lui-même sauf les redevances de la couronne d'usage en pareils cas.

Библиотека "Руниверс"

Que tout usage, réglement ancien ou institution quelconque, qui apporterait quelque gêne ou entrave à la libre circulation des produits indigènes du pays, soit réformé ou aboli; et que dorénavant il ne soit imposé ou établi aucune mesure qui produirait quelque difficulté nouvelle à ce but si désiré de l'utilité publique.

6.

Propriétés garanties.

Que toute espèce de propriété, soit personnelle, mobiliaire ou foncière, tant patrimoniale que d'acquît soit assurée et garantie à chacun, par la loi.

7.

Présciption fixée à 10 ans.

Confirmer et donner une sanction nouvelle à l'édit de 1787, qui établit et fixe à dix ans le terme de présciption pour tout délit tant au civil, qu'au criminel, de sorte que tout délit dont il n'aura pas été fait mention pendant dix ans dorénavant ne soit plus susceptible d'enquête ou information quelconque, mais que la loi le considère comme non-advenu.

Pareillement s'applique cette règle à la jouissance des propriétés, en sorte que tout propriétaire qui aura joui tranquilement et paisiblement d'un bien pendant dix ans, et que durant ce laps du tems, il n'aura été fait aucune demande ou opposition, sera le dit propriétaire réputé légitime possesseur du dit bien, et ne pourra plus à l'avenir être reçue aucune plainte ou demande à cet effet ni de la part de particuliers, ni de la part de la couronne.

Cette paisible occupation durant le terme de dix ans confirme la jouissanse et devient pour le tenancier un titre de possession légitime qui sert de document légal et suffisant au défaut de tout autre.

8.

Liberté de voyager pour la bourgeoisie.

Qu'il soit libre au bourgeois ou marchand de séjourner et passer librement d'une ville dans une autre de l'état, même de sortir du pays, en y laissant caution légale et suffisante pour ses engagements, s'il en a, et sans caution quelconque, s'il est franc de tout engagement.

Cette franchise d'engagement devra être déterminée par le magistrat ou autre tribunal compétant du lieu, où le demandeur aura été domicilié.

Библиотека "Руниверс"

9.

Propriété mobiliaire du cultivateur garantie et non saisissable.

En cas de saisie ou confiscation pour dettes ou autrement sur le cultivateur, les instruments, et tout l'attirail aratoire qui sert à l'exercice de sa profession au labourage, comme charrues, herse, semoir, chevaux, boeufs, tout cela ne pourra jamais et dans aucun cas, ni sous aucun prétexte, lui être enlevé.

Cette propriété mobiliaire lui doit être d'autant plus solidement garantie et assurée, que c'est la seule et unique dont cette classe de la société puisse jouir chez nous, la personnelle et la foncière n'étant pas à sa disposition; il importe donc que la seule qu'il a et qu'il puisse avoir, lui soit comme inhérente, et qu'il n'en puisse jamais être dépossédé ni par l'état pour redevances d'impots, ni par son seigneur.

10.

Présomption favorable à tout accusé jusqu'à la sentence.

Tout accusé ou délinquant, quelle que puisse être la nature de son délit, ne sera présumé coupable et ne perdra rien dans l'opinion publique ni dans l'exercice de ses droits et prérogatives particulières, s'il en a que du moment où son délit sera constaté et rendu public par sentence.

11.

Offre d'un défenseur à tout accusé.

A tout accusé et dans tous les cas possibles, il sera non seulement accordé, mais même offert un deffenseur, et cette offre sera de nécessité une formalité juridique indispensable dans toute procédure, tant civil que criminelle.

12.

Récusation de juger.

Tout accusé ou délinquant aura droit de récuser les juges, en motivant les raisons de sa récusation.

13.

Réclamation de liberté pour détenu en trois jours.

Tout détenu qui dans le terme de trois jours à compter du moment de sa détention ne sera pas informé de la cause qui le fait détenir, et n'aura pas été présenté à ses juges compétents, pour être par eux

Библиотека "Руниверс"

interrogé, pourra au bout de ce terme réclamer sa liberté, et la devra obtenir, par défaut de connaissance du délit. Il sera donc sans délai libéré par un hors de cour.

14.

Rélaxation d'un détenu sous cautionnement juridique.

Tout détenu, qui dans le terme de trois jours aura été interrogé et sera informé de la cause qui le fait détenir, pourra réclamer sa liberté sous cautionnement juridique (s'il en trouve) d'être représenté toutes et quante fois il en sera recquis et pourra obtenir la rélaxation de sa personne, à moins qu'il ne s'agisse d'un crime de lèse-majesté en premier chef, ou bien d'un meurtre constaté. Dans ces deux cas seulement la rélaxation sous cautionnement juridique ne sera pas admissible.

15.

Hors de cour non susceptible d'appel en retour.

Tout détenu, accusé ou toute partie litigante qui aura déja une fois été mise hors de cour, soit par un jugement formel, soit par défaut de connaissanse du délit, ne pourra plus à l'avenir être actionné ou inquiété pour la même affaire, et sera la dite affaire réputée terminée finalement et sans retour ni appel quelconque.

16.

Domaine ou fisc de la couronne considéré comme partie litigante ordinaire.

En cas de contestation ou litige entre le domaine ou fisc de la couronne et un particulier le domaine ou fisc ne sera considéré que comme une partie litigante ordinaire, et n'aura aucun avantage sur la partie adverse. L'homme qui occupera pour le domaine ou fisc et chargé de deffendre ses intérêts suivra les mêmes voies et sera soumis aux mêmes formalités juridiques que s'il occupoit pour un simple particulier, comme la partie adverse.

La qualité ou le rang d'une partie litigante, ne devant aux yeux de la loi nullement influer ni sur le fonds de l'affaire, ni sur la forme des enquêtes, procédures et jugements.

17.

Droit de constater les impositions appartient exclusivement au Sénat dirigeant.

Ne pourra dorénavant, et sous aucun prétexte, être faite aucune imposition pécuniaire ni réquisition en fourniture quelconque, sans la

Библиотека "Руниверс"

volonté expresse du Souverain énoncée irrévocablement et rendue publique par un oukase du Sénat dirigeant qui fixera d'une manière claire et invariable la nature et la quantité de ce qui est à fournir.

Cette mesure de sûreté contre les impositions arbitraires et les réquisitions accidentelles anéantit, une fois pour toutes, toute demande partielle qui pourrait émaner de tout autre tribunal ou autorité subalterne, comme villes, communautés, cors de maîtrises ou profession etc. et donne au Sénat dirigeant exclusivement le droit et le pouvoir de constater les impositions.

18.

Quittances pour impôts claires et précises.

Les quittances pour impositions et fournitures seront dorénavant délivrées sans délai et devront énoncer clairement ce qui a été fourni soit en tout, soit en partie, et spécifier nommément le quantum reçu et le quantum restant à recevoir.

19.

Confiscation de biens au profit de l'état abolie à jamais.

L'état ne voulant pas profiter aux dépens d'une partie de ses sujets, des fautes et des erreurs de l'autre, attendu qu'il les considére également comme ses enfans, et la peine fixée par la loi ne devant porter que sur le délinquant exclusivement, toute confiscation de biens au profit de l'état, n'aura dorénavant plus lieu, et s'abolit irrévocablement.

Si donc, par suite de son délit, un délinquant devra perdre la jouissance et la possession de ses biens, la loi le considérera comme déchu d'action civile quant à la propriété, et ses biens retomberont alors à ses héritiers naturels, pour lesquels ce cas devient une sorte de mort civile, dans laquelle le mode d'hérédité suit les mêmes errémens que dans le cas de mort naturelle et ordinaire.

Mais avant que les héritiers naturels entrent en propriété et jouissance du dit bien, il en sera préalablement prélevé ce qui sera nécessaire pour la réparation du tort ou dommage occasionné par le dit délit, que la perte et les fraix seront indemnisées, et que la loi sera satisfaite.

20.

Distinction essentielle de la chose d'avec la personne et responsabilité de la première ou premier chef.

En toute contestation juridique il sera fait une distinction essentielle entre les choses d'avec les personnes, entre la propriété d'avec le

Библиотека "Руниверс"

propriétaire ou l'individu; et ce dernier ne pourra être actionné ou tenu à répondre personellement et individuellement que lorsque le premier objet, c'est à dire la chose ou la propriété, ne sera plus suffisante pour faire face aux charges dont elle veut être grêvée.

En conséquence de ce principe, la loi aura toujours pour premier but de sa présomption juridique et de son recours la chose et non la personne. De sorte que tout acte obligatoire et portant stipulation quelconque, comme vente, prêt à terme, location, emprunt, crédit, transaction, en un mot tout engagement ou obligation quelconque, soit de particulier à particulier, soit de particulier avec la couronne, sera dorénavant réputé avoir été fait et contracté non pour la personne, mais bien pour la chose, non avec l'individu ou le propriétaire, mais bien avec la propriété, et ce sera cette dernière qui répondra en premier chef de la validité et de l'exécution de l'engagement contracté.

On ne pourra donc recourir à la personne ou à l'individu, que quand le premier objet, la chose ou la propriété, sera reconnue n'être plus suffisants pour satisfaire à la charge.

По общей описи № 418.

Observations et remarques sur les articles, qui doivent servir à la confection d'un édit ou manifeste de privilèges, franchises etc. etc.

Art. 1. Confirmation des privilèges de la noblesse.
Art. 2. Liberté de sortir du pays pour la noblesse.
Art. 3. Liberté de prendre service pour la noblesse.

Observation.

L'objet de ces trois articles est de rélever la noblesse et de la tirer de cet état abject dans le quel la violence et l'abus de l'autorité l'avait jetté sous différents règnes. Cet objet est sans contredit aussi juste et sage, qu'il est conforme à la vraie politique du pays; mais le sens de mots suivants: „Bien entendu que ceux qui ne serviront pas, ne pourront jouir des avantages et prérogatives qui ne s'acquierent que par le service“ de ces mots, dis-je, qui font suite du 3-eme des susdits articles et qui sont en rapport direct avec le principe établi dans l'édit de feue Sa Majesté l'Impératrice sur les privilèges de la noblesse que notre très-gracieux Souverain vient de renouveller, ces mots, ainsi que les principes, me parroissent mériter quelques réflexions avant de pouvoir être admis; car ils ne sont non seulement pas d'accord (comme on le verra plus bas, lorsqu'il en sera question) avec l'objet principal que ces privelèges avoient en vue, mais il paraît même qu'ils le détruisent entièrement.

Библиотека "Руниверс"

Ne pouvant rien dire de mieux que ce qu'un homme, aussi respectable par son zèle pour le bien de sa patrie, que par la noblesse de ses sentiments et l'étendue de ses lumières, m'écrivit à ce sujet, je me bornerai à transcrire ici l'article de sa lettre où ses réflexions se trouvent. Il parle de l'édit de la feue Impératrice sur les privilèges de la noblesse renouvellé par notre bienfaisant Souverain: „L'article, dit-il, dont il est question porte: que dans les assemblées des gentilshommes pour les affaires be leurs provinces et pour l'élection des juges ceux qui n'ont pas rang d'officiers ne peuvent ni intervenir, ni donner leur voix. Ainsi les descendants de Пожарскій, Ромодановскій et Шереметевъ, qui ont sauvé l'état, délivré la Russie du joug dePolonais etc, ussent-ils la moitié des biens de la province où la noblesse s'assemble, ils sont exclus, parce qu'ils n'ont pas rang d'officiers, qu'il peut arriver qu'étant nés valitudinaires ou ayant des difformités naturelles, ils n'ont pas pu entrer dans le service, quoiqu'ils ayent une tête bien organisée et qu'ils auraient pu être très utiles dans les déliberations sur les affaires de la province et l'élection des juges; tandis que de mauvais sujets parmi leurs domestiques, donnés en recrues et parvenus au rang d'officier, ou bien quelques *подячей*, parvénu au rang d'assesseur et ayant acheté à force de coquineries quelques arpens de terre dans la même province, siegèront dans l'assemblée et donneront leur voix pour l'élection des juges. Il est incontestable que plus un homme a de propriété dans un pays, plus il est intéréssé à son bonheur et au bon ordre qui doit y règner et qu'un homme riche et de naissance doit par l'éducation qu'il a reçue avoir plus d'élévation d'âme et plus de lumière, qu'un parvenu ignorant, sans moeurs et sujet à corruption. J'en conclu donc que cet édit, au lieu d'étendre les privilèges de la noblesse, tend à anéantir son existence comme ordre de l'état, de sorte qu'aulieu de nobles et de plébéyens il n'y aura que plebéyens et officiers".

Si ces réflexions sont justes et qu'on juge à propos de rémédier aux inconvénients que le sujet, qui y a donné lieu, porte avec soi, il nous paroît qu'à l'occasion dont il est question, c. a. d. au couronnement, cela pourroit se faire très aisement sous la forme d'addition à ces mêmes privilèges. Mais il faudroit faire attention que quelqu' indifférent qu'il soit pour les qualités requises d'un gentilhomme qui doit sièger dans les assemblées de la noblesse et déliberer sur les intérêts de sa province, d'être officier ou non, il n'en est pas ainsi pour les facultés de l'esprit et les qualités du coeur et de même que par l'article 65 des susdits privilèges on pourra à ce que les foux, un coquin déclaré ou un scelérat ne puissent point y voter, en donnant aux assemblées de la noblesse le

Библиотека "Руниверс"

droit de rendre de pareils sujets incapables de siéger parmi elles; et par les articles 62 et 63 on en a exclu ceux qui ne sont point encore d'un âge mur, et on les prive de la faculté d'être élus de même, dis-je, on pourroit prendre des mesures pour que l'ignorance la plus honteuse, celle qui met la personne au niveau de la classe la plus basse, celle qui consiste à ne savoir ni lire ni écrire et à n'avoir aucune idée ni de ses droits les plus essentiels, ne puisse être admise dans une assemblée qui doit réunir le plus de lumière et se distinguer par des sentiments plus élévés que ceux du commun.

Mais comme l'article 64*) de ces privilèges qui fait l'objet de nos réflexions n'a été fait que pour servir d'amorce à la noblesse qui pourroit peut être préférer la vie oisive et indolente qu'elle traîneroint dans ses campagnes à celle qu'exigeroit le service, si cette amorce a été de quelque effet, n'auroit-on pas le droit d'espérer que celle qui auroit pour objet leur instruction serait pour le moins aussi efficace? Et si nous ajoutons à cela qu'il est extrêmement aisé de prouver que tout en obvient à l'inconvénient que cet article (64) porte et à l'inconséquence qui en résulte, l'on peut trouver une infinité d'autres moyens qui tenderont même plus efficacement au même but que lui, nous ne voyons pas pourquoi l'on n'adopteroit point une mesure aussi importante que celle d'obliger la noblesse de sortir de cette crasse ignorance dans laquelle la majeure partie des individus qui la composent croupissent; et c'est à conséquence de ce raisonnement que nous n'hésitons pas de proposer pour le présent le moyen suivant. C'est de substituer dans l'acticle (3) des matériaux qui doivent servir à la confection du manifeste de privilèges, franchises etc. et qui commence par les mots suivants: „qu'il soit libre à la noblesse de prendre service ou n'en prendre pas", au lieu de ce qui suit bien entendu etc. d'y substituer, dis-je, en forme d'addition: et tout individu qui en fait partie, eût-il été au service ou non, jouira également de tous les avantages et prérogatives qui sont attaché à sa qualité de gentil-homme; si toute fois les assemblées respectives de la noblesse des provinces ne s'opposent pas à l'insérer dans la liste de la noblesse déliberante, ni par l'autorité que leur donne les articles (62) (63) (65) etc. de leurs privilèges, ni en vertu du droit que nous leur conferons, de n'admettre dans leurs assemblées personne qu' une ignorance aussi honteuse que celle de ne savoir ni lire ni ecrire et de ses devoirs doit nécessairement en exclure.

*) „Неслужащіе и недослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина въ собраніи дворянства ни сидѣть, ни голоса имѣть, ни выбраны быть не могутъ".

Библиотека "Руниверс"

L'on pourroit peut-être y ajouter qu'une tyrannie bien constatée envers les gens qui dépendent de lui seroit également un titre d'exclusion.

Art. 4. Héritages invariablement fixés par la loi.

Art. 5. Protection accordée à l'industrie, au commerce et aux decouvertes utiles.

Art. 6. Propriétés garanties.

Observations.

Ces trois articles qui assurent la propriété, protègent l'industrie et ouvrent de nouvelles carrières pour employer ses facultés librement et suivant les diverses vues de ses propres intérêts, nous paroissent être non seulement utiles, mais d'une nécessité absolue: car quelqu'objection qu'on puisse faire en disant que ces principes n'ont rien de nouveau pour nous qu'on les trouve dans le Наказъ ou dans tel autre édit émané de la Grande Catherine, il n'en est pas moins vrai que ces principes présentes comme ils l'étoient, c. a. d. isolés et manquant d'appui, n'avoient et ne pouvoient avoir d'autres effets, que ceux que produisent les belles sentences de Socrate, Marc-Aurele, Cicéron et tant d'autres, que nous lisons dans leurs écrits; au lieu qu'à présent réunis et formés en corps de privilèges, franchises etc. que le souverain accorde à sa nation d'une manière aussi solemnele qu'efficace, leurs effets ne sauroient avoir rien d'illusoires, chaque personne ayant le droit de se couvrir de cet égide et de protester hautement contre toute mesure de la part du gouvernement qui viendroit les heurter.

Art. 7. Prescription fixée à dix ans.

Observation.

Il y a deux édits de la Grande Catherine qui fixe le terme de la prescription tant au civil qu'au criminel à dix ans. Mais il seroit à désirer de savoir si c'est à la suite de réflexions bien mûres qu'on a fixé la prescription pour des délits d'une nature aussi différentes au même terme, ou bien si cela n'a été fait que pour mettre de l'uniformité. Dans ce dernier cas l'avantage qu'on retire de cette uniformité n'est certainement pas assez grand pour empêcher d'en faire une distinction et de prolonger la prescription pour les délits au criminel de cinq ans de plus.

Art. 8. Liberté qe vogager pour la bourgoisie. NB. cet article est fort bien.

Art. 9. Propriété mobiliaire du cultivateur garantie et non saisissable.

Observation.

Cet article porte sur des objets qu'aucun propriétaire, on peut le dire hardiment, ne trouvera jamais de l'intérêt à servir. Quant à

Библиотека "Руниверс"

l'état, la manière dont on s'y prend pour obliger de payer les redevances d'impôts est beaucoup plus simple et plus prompte que la vente des instrumens aratoires, comme charues, herses etc. l'on se saisit de la personne elle-même et on la met au prison, ce qui ne manque jamais de produire l'effet désiré: car l'homme se croit encore fort heureux s'il peut se délivrer au prix de sa propriété mobiliaire qu'il n'hésite pas de vendre lui-même à l'instant que le danger s'approche. Mais ne pourroit-on pas éviter la mauvaise grâce qu'il y auroit d'offrir des dons qui n'ont aucune valeur en substituant quelque chose de plus réel? Ne pourrait-on pas accorder tant aux paysans de la couronne qu'à ceux des propriétaires le droit d'acheter des terres sans habitations comme champs, prairies, bois, en un mot tout ce que nous entendons sous la dénomination de имѣнiя, leur permettre pour cela de passer des actes par devant le tribunaux en leur propre nom sans qu'ils ayent besoin d'avoir recours à un prête-nom, comme ils le font toujours; et enfin de leur garantir cette propriété qui en seroit une foncière comme celle de tous les autres membres de la société?

Cette mesure qui ne paroît pas impracticable, produiroit dans un pays tel que le nôtre un bien infini: car, outre l'encouragement, l'intérêt et le zèle que cela inspireroit à défricher la quantité de terres incultes que nous avons et à tirer le meilleur parti possible de celles qui leur appartiendroient en propre; outre que cela augmenteroit beaucoup la masse de nos productions annuelles, cela offriroit l'avantage de faire connoître mieux que tous les préceptes possibles ce qui constitue la nature d'une propriété, chose dont la plupart des paysans n'ont encore aucune idée. Il est cependant aisé de voir combien il est essentiel qu'ils sachent distinguer le propriétaire du tenancier ou fermier, et qu'ils commencent à sentir un intérêt à respecter la propriété; car c'est en cela seule que consiste tout le danger de les rendre libre ou de se précipiter de faire beaucoup en leur faveur.

Art. 10. 11, et 12. sont fort bien.

Art. 13. Réclamation de la liberté pour un détenu au bout de trois jours.

Art. 14. Réclamation d'un détenu sous cautionnement juridique.

Art. 15. Hors de cour non susceptible d'appel ou de retour.

Observation.

Ces trois articles, joints au jugemens par des juris, sont le vrai palladium de la sûreté individuelle; mais s'il ne nous est point encore

Библиотека "Руниверс"

permis de songer aux jurys, nous ne devons pas nous dissimuler non plus qu'avant d'accorder ces articles mêmes, il est de toute nécessité de bien examiner si l'on ne pourroit pas se trouver dans le cas de se retracter; car alors il vaudroit infiniment mieux les omettre entierèment.

Le reste des articles est fort bien, il n'y a que le dernier qui demanderoit à être exprimé plus clairement.

Записка графа П. В. Завадовскаго.

На вопросъ отъ Государя Императора о причинѣ нескораго сочиненія законовъ Коммиссіею отъ графа Петра Васильевича Завадовскаго отвѣтствовано.

Не входя въ древность, мракомъ покрытую и вразумляясь изъ остатковъ временъ ближайшихъ, можно говорить утвердительно, что Россія отъ начала своего имѣла законы странные, грубые и отъ естественнаго разсудка удаленные. Права носящихъ таковые законы безъ сомнѣнія не колебали соразмѣрности въ томъ правилѣ, что законоположеніе для народа всегда должно сообразоваться нравственности его. Потому законы Ярослава, подъ названіемъ *Правда Русская,* въ отношеніи къ нашему вѣку, содержатъ соблазны, а не правоту; ибо по онымъ всякое преступленіе, сколько бы велико оно ни было, очищалось единою денежною пенею; слѣдовательно всякъ, нося съ собою деньги, могъ терзать и убивать своихъ согражданъ, платя по оцѣнкѣ за свое преступленіе. Отмщевать убійство убійствомъ въ сихъ постановленіяхъ дозволяется семейству. Судебникъ царя Ивана Васильевича опредѣляетъ судъ нелѣпымъ образомъ. Въ тяжебныхъ дѣлахъ изводились тяжущіеся на единоборство или поединокъ въ присутствіи суда; убившій или превозмогшій своего соперника въ ополченіи пріобрѣталъ себѣ тѣмъ оправданіе, и удовлетвореніе взыскивалось съ побѣжденнаго. При таковомъ средствѣ тѣлесныя силы, вспомоществуемыя искусствомъ, дѣлали виноватаго правымъ, а праваго виноватымъ. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича взяты многія статьи изъ Судебника Іоанна, и книга сія хотя полнѣе прочихъ предыдущихъ, но и въ оной писаны законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ. Кнутъ избранъ орудіемъ во исправленіе и судей, и тяжущихся, и ко извлеченію по дѣламъ истины былъ дѣятельнѣйшею принадлежностью суда.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Петръ Великій познавалъ недостатки Уложенія и, по проницанію въ будущее, въ царствованіе его уже были въ отмѣну и дополненіе издаваемы указы, служащіе въ законъ, велѣлъ пріобщать къ Уложенію изданные имъ уставы, воинской и морской, указалъ употреблять и въ дѣлахъ гражданскихъ. Одно сіе свидѣтельствуетъ скудость, которую онъ находилъ въ гражданскомъ законѣ: инако какъ бы можно подвергать регуламъ воинскимъ людей, не принадлежащихъ къ тому состоянію? Но и до днесь въ судахъ гражданскихъ тому слѣдуютъ.

Сей наипопечительнѣйшій государь, одушевлявшій все своимъ превосходнѣйшимъ разумомъ, рѣшался было отечественное законоположеніе привести въ лучшій видъ и приличный оному порядокъ; для сего выписывалъ отъ сосѣднихъ державъ законы, почитаемые тогда лучшими. Полезное сіе предпріятіе было уже въ своемъ теченіи; но смерть, пресѣкшая жизнь, пресѣкла и сіе купно съ прочими предположеніями его, и мы остались до днесь при томъ же Уложеніи, въ которомъ открыты и давно уже недостатки, коего многія части и даже предметы не существуютъ, о коихъ содержатъ законы.

Императрица Екатерина II послѣ Петра Великаго съ большими средствами подвизалась уложить законы Россіи собственнымъ своимъ перомъ и излила намъ новый свѣтъ на часть, изъ мрака выводимую; но сколь ни изобилуетъ *Наказъ* благостію, просвѣщенными мыслями ея, не содержитъ однакожъ положительной системы для предполагаемаго зданія. Вожделѣнное благо по сердцу и по реченіямъ ея полагалось въ кроткихъ законахъ, уповая, что при установленіи оныхъ ни одинъ народъ не превзойдетъ своимъ блаженствомъ Россіянъ.

Но отчего же при столь ревнительной волѣ самихъ государей, толико разъ предпринимаемое дѣло въ теченіи почти цѣлаго вѣка оставляемо было безъ успѣха? Замѣчаютъ искуснозаконники по Исторіи, что едва издаются два или три хорошіе закона въ теченіе многихъ вѣковъ; ученыхъ законовѣдовъ своихъ мы не имѣли и не имѣемъ, каковыхъ классъ людей, посвятившихъ себя наукѣ законовѣдѣнія, находится въ просвѣщенныхъ государствахъ, составляетъ, такъ сказать, разсадникъ для судейства. Не вся матерія законовъ у насъ въ кодексѣ, а разсѣяна по указамъ свыше десяти тысячъ, которые и наищастливѣйшая память человѣка обнять не можетъ. А въ дѣлѣ составленія закона не столько нужна дѣятельность, какъ неутомимое размышленіе.

Отъ государей царствующихъ имѣемъ многія полезныя учрежденія, которыя отъ закона положеннаго тѣмъ различествуютъ, что сіи могутъ перемѣняемы быть, а законъ неподвиженъ. Два только закона

Библиотека "Руниверс"

прославляютъ Россію: первый императрицы Елисаветы объ уничтоженіи казни смертной, второй Екатерины II объ отверженіи пытки. Во всей вселенной не простирались человѣколюбіе и кротость государей до такой степени, и сей опытный законъ у насъ первый обращалъ на себя вниманіе Европы, а теперь и подражаніе.

Законы не суть дѣйствіе единой только власти, но дѣйствіе благоразумія, справедливости и порядка; хорошіе законы гражданскіе есть то наивеличайшее благо, что̀ можетъ дать государь своему народу; въ нихъ источникъ добрыхъ нравовъ, защита собственности, утвержденіе общаго и частнаго спокойствія, объемлютъ они каждаго гражданина и прикасаются хранительно, въ быту цѣлой жизни его служатъ утѣшеніемъ ему. Тогда за таковое покровительство лица и имѣніе его должно удовлетворять нуждамъ общимъ.

Въ соображеніе сего можно ли почерпнуть системы для законоположенія изъ старыхъ нашихъ законовъ, дѣланныхъ для иныхъ нравовъ и для иного времени? Россія увеличилась посредственно чрезъ завоеванія и чрезъ присоединеніе разныхъ народовъ.

Отечество всѣмъ общее; права и сомнѣнія частныя и различныя, единообразіе есть родъ совершенства въ правленіи. Приведутъ къ оному добрые законы, которые изъ собственной воли всѣ возлюбятъ. Къ составленію систематическаго плану при расположеніи оныхъ также и нынѣ, какъ было при Петрѣ Великомъ, принуждаетъ необходимость прибѣгнуть къ лучшимъ кодексамъ Европейскимъ. Изъ Пруссіи выписанъ полный новѣйшій и переводится, другой имѣю отъ Вашего Императорскаго Величества; на томъ и другомъ расположены матеріи наиудобнѣйшія.

Составя и утвердя систематическій планъ, уложится рядъ законовъ, каждый въ своемъ мѣстѣ. Наши законоданія старыхъ временъ уподобительны обветшалой храминѣ, изъ которой однѣ только удобныя вещи выбираются для новаго зданія; но гдѣ суть недостатки, тамо лучшее, приличное и свойственное очищеннымъ нравамъ отъ грубости чрезъ просвѣщеніе приложено, поколику удобно, заимствуя отъ другихъ законодательствъ. Исторія законовъ то показываетъ. Отъ Грековъ Римляне, отъ Римлянъ вся Европа составила свои законы, поелику тогда были лучшіе.

Коммиссія занимается выписками, сличеніемъ пространныхъ матеріаловъ къ тому нужныхъ. Нимало не удивительно, что огромная машина по натурѣ своей идетъ тихо и медленно.

1802 года, въ Апрѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

Нѣмецкаго и Англійскаго переводы могутъ быть вполнѣ точны; но что прикажете дѣлать, переводя съ языка Французскаго, до того обильнаго условностями и двусмысліями, что можно сдѣлать два перевода одного и того же, буквально точные, но съ разнымъ смысломъ?

Для образца приводимъ нѣсколько показаній изъ 125 тома „Сборника".

Въ Январѣ 1772 г. князь Лобковичъ пишетъ, что въ Петербургѣ страшная дороговизна вслѣдствіе сократившагося подвоза припасовъ, что отъ чумы въ Москвѣ померло 183 тысячи народу, что многіе уѣзжаютъ изъ нея, что эта *настоящая* столица Русскаго государства должна погибнуть; что ходитъ слухъ, будто вдовствующая Шведская королева (сестра Фридриха Великаго) пріѣдетъ въ Петербургъ съ дочерью въ невѣсты нашему Павлу Петровичу (въ то время осмнадцатилѣтнему); что въ Москвѣ сгорѣлъ деревянный дворецъ (вѣроятно тотъ, который на спѣхъ построенъ былъ при Елисаветѣ Петровнѣ, на мѣстѣ погибшаго въ большой пожаръ, о которомъ подробности въ Запискахъ Екатерины). Знаменательно, что подписаніе бумаги, касавшейся раздѣла Польши, замедлялось вслѣдствіе нарыва на пальцѣ у Екатерины, такъ что она не могла брать перо въ руки.

Можетъ быть, это служило ей только предлогомъ: извѣстно, что на раздѣлъ Польши она согласилась подъ давленіемъ со стороны Пруссіи и Австріи, которыя грозили соединиться и помѣшать нашимъ дѣйствіямъ противъ Турокъ. Побѣды графа Румянцева не давали покоя Фридриху II-му, и отслуженный въ Лейпцигѣ, въ Греческой церкви, благодарственный молебенъ показался ему страшнымъ знаменіемъ. На стран. 53-й помѣщено извѣстіе объ отъѣздѣ князя Г. Г. Орлова на Фокшанскій конгрессъ, 6 Мая 1772 года. Это цѣлое событіе въ жизни Государыни: въ „Чистосердечной исповѣди" своей Потемкину она говоритъ, что въ самый день этого отъѣзда изъ Царскаго Села она убѣдилась въ невѣрности Орлова („сей бы вѣкъ остался, если бы самъ не скучалъ"); что она послѣ него пролила много слезъ; но любопытно, что за нѣсколько дней до того, въ Апрѣлѣ 1772 года, уже намѣченъ 22-хъ лѣтній добродушный конногвардеецъ Александръ Семеновичъ Васильчиковъ.

3-го Іюля 1772 года князь Лобковичъ доноситъ, что, по доносу какого-то камергера, одинъ гвардейскій унтерофицеръ битъ кнутомъ и съ своими сообщниками-солдатами сосланъ въ Сибирь за попытку увезти Павла Петровича изъ Царскаго Села и возвести его на престолъ.

Читатель найдетъ въ 125-мъ томѣ Сборника цѣлый рядъ подобныхъ извѣстій, а безпристрастный историкъ провѣритъ ихъ.

Со временемъ будетъ вѣроятно приступлено къ изданію донесеній въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ отъ нашихъ заграничныхъ представителей: это *статейные списки* XVIII вѣка, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и столь непохожіе на до-Петровскіе. Нѣкоторые изъ нихъ появились въ свѣтъ, благодаря князю Ѳ. А. Куракину, въ драгоцѣнныхъ книгахъ его „Архива", продолженія которыхъ ожидаетъ Русская историческая наука.

П. Б.

На стр. 179-й, на 6-й строкѣ снизу вмѣсто четыре милліона слѣдуетъ двадцать четыре милліона. На сорочкѣ 5 книжки, на ребрѣ, поставлена цифра 2 вмѣсто 5.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

7.

Стр.

301. Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Составленъ внукомъ его **графомъ В. П. Орловымъ-Давыдовымъ** I—V. (Предки.—Братья.—Лейпцигъ.—Плаваніе по Волгѣ.—Въ Астрахани и Саратовскихъ колоніяхъ.—Усолье.—Директорство въ Академіи Наукъ)

396. Митрополитъ **Гавріилъ Петровъ** и его письма. Статья **А. А. Титова.**

403. **С. А. Масловъ**: Путешествіе въ Москву во время пребыванія въ оной Французовъ.

416. **О. М. Бодянскій**: его стихи о Крымской войнѣ и о **М. П. Погодинѣ.**

419. В. Л. Кигнъ (Дѣдловъ). Поминки **П. А. Россіева.**

425. Изъ записной книжки «Русскаго Архива» (Память о Полтавскомъ сраженіи.—Шведскій король въ Москвѣ.—Братъ Пушкина).

426. Новыя подробности о поединкѣ и кончинѣ Пушкина.

Изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи:

020. Письма къ П. Г. Дивову: князя **Адама Черторыйскаго** (о цензурѣ при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ) и барона **А. Я. Будберга** (объ основаніи газеты Journal du Nord).

Апологія «Сіонскаго Вѣстника» **А. А. Лабзина.**—Письмо **императора Александра Павловича** въ Москву. 1806.—О мнимомъ бракѣ помѣщика съ его крѣпостною женщиной.

Внутри сорочки: О новомъ изданіи Н. Д. Чечулина Записокъ княгини Дашковой въ Русскомъ переводѣ.—О трудѣ В. И. Сантова по изданію переписки князя Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ. Переводъ съ Французскаго, по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи. Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ, разныхъ документовъ и писемъ и указателя. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина. С. П. б. Изданіе А. С. Суворина. 8-ка, VIII и 366 стр.

Въ первый разъ появляются въ Русскомъ переводѣ настоящія Записки знаменитой княгини, подлинникъ которыхъ напечатанъ въ XXI-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“ со снимкомъ ея почерка. До сихъ поръ распространены были въ переводахъ на разные языки эти Записки, на языкѣ Англійскомъ, изданныя съ значительными измѣненіями г-жею Бредфордъ, для которой княгиня была благодѣтельницею и которая оправдала пословицу: какъ волка ни корми, все въ лѣсъ смотритъ.

Фридрихъ Великій легкомысленно прозвалъ княгиню Дашкову „мухою на козлахъ“ (mouche à la coche), проглядѣвъ къ ней полное отсутствіе дворскаго угодничества, хотя несомнѣнно, что она преувеличивала значеніе, которое, въ очень ранней молодости, принимала въ великомъ событіи Русской исторіи 1762 года. Къ ней скорѣе можно отнести сказанное тѣмъ же Фридрихомъ про мать нашей великой княгини Натальи Алексѣевны: femina sexu, anima vir (женщина по своему полу, мужчина по душѣ). Намъ кажется, что она въ дѣда своего „конюшаго Патріаршаго Приказа“ Сурмина, оставившаго большія деньги своей дочери, которая вторымъ бракомъ была за Р. Л. Воронцовымъ и помогала Елисаветѣ Петровнѣ, когда та была цесаревною, располагать въ свою пользу гвардію.

Въ приложеніяхъ собрано нѣсколько писемъ княгини, извлеченныхъ изъ IX-го тома Щукинскаго Сборника и изъ XXI-й книги „Архива Князя Воронцова“, но выборъ неудаченъ. Жаль, что не помѣщенъ снимокъ съ портрета княгини 1796 года, въ избѣ, писаннаго Тончіемъ, гравированнаго Алексѣемъ Осиповымъ и посвященнаго племяннику княгини будущему фельдмаршалу князю Воронцову (въ то время еще отроку). Княгиня по истинѣ величава въ своей ссылкѣ; но ни разу, ни въ Запискахъ, ни въ откровенныхъ письмахъ къ брату не обмолвилась она о настоящей причинѣ этой ссылки, а причина конечно была понятна ей и обоимъ ея братьямъ. **П. Б.**

Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. III. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1824—1836. (Примѣчанія). Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. С. П. б. Большая 8-ка, 367—830 стр. *)

Привѣтствую тебя, въ минувшемъ молодѣя,
Протекшихъ лѣтъ пріютъ, души моей Помпея,

писалъ князь П. А. Вяземскій про свое Остафьево. Но эта подмосковная (близъ города Подольска) есть Помпея не только его, но и многихъ свѣтлыхъ сторонъ стародавняго дворянскаго быта. Въ теченіе слишкомъ полутора столѣтія въ Остафьевѣ провело жизнь цѣлое поколѣніе достопамятныхъ князей Вяземскихъ: князья Иванъ Андреевичъ, Андрей Ивановичъ, Петръ Андреевичъ, князь Павелъ Петровичъ, который напечаталъ цѣлую книгу о своихъ предкахъ и на дочери котораго женатъ нынѣшній владѣлецъ Остафьева, графъ С. Д. Шереметевъ, не жалѣющій трудовъ и расходовъ для успѣховъ здраваго Русскаго просвѣщенія. Ему обя-

*) Счетъ страницъ веденъ, начиная съ примѣчаній къ 1 и 2 томамъ „Остафьевскаго Архива“, такъ что, по довершеніи этого монументальнаго труда, составятся особыя четыре книги, безъ которыхъ не обойтись историку Русскаго просвѣщенія за первую половину XIX вѣка.

Библиотека "Руниверс"

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ГРАФА В. Г. ОРЛОВА.

Составленъ внукомъ его графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ*).

Въ нашемъ обществѣ, за послѣднее время, съ особенною силою проявилось расположеніе знакомиться съ мельчайшими подробностями, касающимися частной жизни людей, имена коихъ связаны съ исторіею осьмнадцатаго вѣка. Этихъ людей мы долго знали не иначе, какъ по оффиціальнымъ даннымъ служебной ихъ дѣятельности на государственномъ поприщѣ, по высочайшимъ рескриптамъ или по собственной ихъ перепискѣ, носящей на себѣ болѣе или менѣе академическій оттѣнокъ и какъ бы предназначенной для печати. Очевидно, такое внѣшнее знакомство съ историческими лицами не могло удовлетворять любознательности ихъ соотечественниковъ.

Собиратели историческихъ матеріаловъ не разъ просили меня сообщить имъ письма и документы, хранящіеся въ моемъ семейномъ Отрадинскомъ архивѣ и могущіе содержать въ себѣ интересныя данныя касательно фамиліи графовъ Орловыхъ. По двумъ причинамъ я не считалъ удобнымъ удовлетворить эти просьбы.

Первая—та, что бумаги, оставшіяся послѣ графа Владимира Григорьевича, только косвенно касаются современныхъ политическихъ событій; а вторая,—что я самъ намѣревался собрать и составить изъ нѣкоторыхъ писемъ и дневниковъ нѣчто цѣлое, представляющее болѣе интереса, чѣмъ разбросанные отрывки, появляющіеся въ періодическихъ изданіяхъ. Въ настоящее время я привелъ въ исполненіе свое намѣреніе.

Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ, былъ членомъ семьи, занимавшей одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи царствованія императрицы Екатерины Великой. Графъ Владиміръ Григорьевичъ замѣчателенъ особенностями, которыя отличаютъ людей самостоятельныхъ, твердыхъ и не гоняющихся за извѣстностью. Онъ жилъ въ обществѣ, преисполненномъ не только самыхъ разнообразныхъ, но и самыхъ противуположныхъ мнѣній и правилъ. Принадлежа, по своему рожденію и воспитанію, къ высшему общественному и придворному кругу, онъ имѣлъ, однако, болѣе влеченія къ жизни деревенской и къ сельской средѣ; западная цивилизація сливалась въ немъ съ величіемъ національныхъ чувствъ.

---

*) Двѣ книги напечатаны въ С.-Пбургѣ въ 1878 г. для родныхъ и близкихъ знакомыхъ графомъ Владиміромъ Петровичемъ Орловымъ-Давыдовымъ. Сынъ его, покойный графъ Анатолій Владимировичъ, дозволилъ намъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ трудомъ отца его, а внуку, графу Александру Анатоліевичу, приносимъ благодарность за подтвержденіе этого дозволенія и за сообщеніе гравированной доски съ портретомъ его прапрадѣда. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Радостныя и горестныя событія его жизни какъ бы отражаются на спокойной поверхности чистой совѣсти. Мы видимъ его поочередно на берегахъ Эльстера, Невы, Волги, Темзы, пока наконецъ его дѣятельность не сосредоточивается въ Москвѣ и въ подмосковномъ его имѣніи—Отрадѣ.

Между графомъ Владимиромъ и его четырьмя старшими братьями было много единства, хотя въ тоже время и большая противуположность въ нравахъ.

Письма графа Владимира Григорьевича бросаютъ яркій свѣтъ на домашнюю жизнь и характеръ каждаго изъ членовъ семейства. По нимъ любопытно прослѣдить отношенія графа къ ученымъ, къ братьямъ и къ своимъ дѣтямъ. Во взглядѣ на жизнь и въ своихъ дѣйствіяхъ онъ былъ ближе многихъ своихъ современниковъ къ нашему времени.

Меня будутъ упрекать, можетъ быть, въ томъ, что я привелъ слишкомъ много писемъ, носящихъ отпечатокъ чисто семейнаго интереса; но я хотѣлъ этимъ дать читателю возможность составить себѣ самостоятельное мнѣніе о характерѣ человѣка, проявлявшаго себя преимущественно въ частной жизни.

Хотя дѣятельность графа Орлова, какъ директора Академіи Наукъ, была весьма замѣчательна по той энергіи, съ какою онъ отдавался дѣлу науки, по важности экспедицій, предпринятыхъ съ его почина и подъ его руководствомъ, по значительному числу иностранныхъ ученыхъ, привлеченныхъ имъ въ Россію, но онъ обращаетъ на себя вниманіе особенно какъ типъ Русскаго богатаго и знатнаго домовода XVIII и XIX столѣтій.

Часть представляемыхъ здѣсь писемъ была сообщена мнѣ по обязательному распоряженію г. президента Академіи Наукъ, графа Ѳ. П. Литке; нѣкоторыя письма сообщены мнѣ правнукою графа Владимира Григорьевича, княгинею Маріею Александровною Мещерской, рожденной графиней Панпной; но большая часть переписки взята мною изъ Отрадинскаго фамильнаго архива.

Читатели справедливо замѣтятъ, что было бы болѣе связи въ моемъ разсказѣ, если бы онъ не прерывался пространными письмами самого графа Владимира Григорьевича и его корреспондентовъ; но я рѣшился внести ихъ именно въ текстъ книги, потому что собственныя слова человѣка имѣютъ для читателя гораздо болѣе значенія, чѣмъ всякая изъ нихъ выписка. Цѣль моя въ настоящемъ сочиненіи была—наполнить моими личными воспоминаніями сохранившіяся о графѣ Владимирѣ Григорьевичѣ письменныя свѣдѣнія, и я въ этомъ дѣлѣ много обязанъ содѣйствію моей сестры княгини Елисаветы Петровны Долгорукой, которая одна со мною изъ всѣхъ внуковъ и внучекъ графа Орлова осталась еще въ живыхъ.

Было бы лишнимъ, даже неумѣстнымъ представлять въ предисловіи характеристику моего дѣда. Самъ читатель, ознакомясь съ сгруппированными здѣсь матеріалами, сдѣлаетъ заключеніе о характерѣ и всей жизни графа Владимира Григорьевича Орлова.

Въ приложеніяхъ я помѣстилъ нѣкоторыя подробности, служащія пополненіемъ тексту, но не относящіяся прямо къ личности графа Владимира Григорьевича.

Библиотека "Руниверс"

I.

Родословная фамиліи Орловыхъ.—Свѣдѣнія о дѣдѣ и отцѣ графа Владимира Григорьевича.—Свѣдѣнія о братьяхъ графахъ Орловыхъ: о графѣ Иванѣ, князѣ Григорьѣ, графѣ Алексѣѣ Чесменскомъ и графѣ Оедорѣ.

Фамилія Орловыхъ принадлежитъ къ числу старинныхъ дворянскихъ фамилій. Возведенные императрицею Екатериною II въ графское достоинство, пять братьевъ Орловыхъ составляли четырнадцатое колѣно потомства нѣкоего *Льва*, „мужа честна“, пришедшаго въ Россію изъ Прусской земли, при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ (сынѣ Дмитрія Донскаго), въ XIV столѣтіи, какъ видно изъ рукописи, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи[1]). Происхожденіе Льва отъ иностранной фамиліи не подтверждается никакимъ старинымъ актомъ. Оно могло быть вымышлено составителемъ родословной росписи, желавшимъ, какъ часто случалось, подольститься сильнымъ людямъ, производя ихъ отъ знаменитыхъ иностранцевъ, тогда какъ большая часть этихъ дворянскихъ родовъ была чисто-Русскаго происхожденія. Послѣдовательное преемство отъ родоначальника Льва до графовъ Орловыхъ доказывается родословною и писцовыми книгами по имѣнію Бѣжецкаго уѣзда, сельцу Люткину, которое названо въ писцовой книгѣ 7120 (1612) г. *старымъ* помѣстьемъ Орловыхъ и не выходило изъ владѣнія ихъ фамиліи до смерти графа Владимира Григорьевича[2]).

Въ погостѣ Бѣжецахъ, близъ самаго Люткина, въ особой каменной усыпальницѣ возлѣ церкви, сохранились надгробные памятники дѣда, бабки и прабабки графовъ Орловыхъ. На нѣсколько поврежденныхъ надгробныхъ камняхъ легко можно еще разобрать древнія надписи вязью: 1) „Лѣта 7201 (1693) г. Іюня въ 10 преставися рабъ Божіи Стряпчей Іоа^{н} Іоа^{н}но^{в} сы Орловъ. 2) „. . . . раба Божія Марія Ма^{к}симо^{в}на жена Ивана Ивановича О^{р}лова житія ея 61 го^{д}“. 3) „Лѣта 7206 (1698) го^{ду} Марта въ 20^{е} престави^{сѧ} раба Божія Наталія Никити^{ш}на Иванова жена. . . .“

При разборѣ Орловскихъ семейныхъ бумагъ обращаетъ на себя вниманіе, такъ сказать, родовая черта цѣлыхъ поколѣній—домовитость и умѣнье распорядиться своимъ достояніемъ. До возвышенія своего при

[1]) См. Приложеніе.

[2]) Это имѣніе поступило, по завѣщанію, второй дочери графа Владимира Григорьевича, графинѣ Софьѣ Владимировнѣ Паниной и въ настоящее время принадлежитъ его правнукѣ, княгинѣ Маріи Александровнѣ Мещерской, рожденной графинѣ Паниной.

Библиотека "Руниверс"

Екатеринѣ, Орловы безпрестанно прикупаютъ къ большимъ уже своимъ вотчинамъ другія у Щербатовыхъ, Хованскихъ, Долгорукихъ, Юсуповыхъ и проч. Въ 1768 г. какъ видно изъ указа императрицы, приняты отъ Орловыхъ и приписаны къ казеннымъ вѣдомствамъ недвижимыя имѣнія съ 7036 душами, въ обмѣнъ на другія, высочайше имъ пожалованныя имѣнія.

Нельзя также не упомянуть о наслѣдственной чертѣ—согласіи и дружбѣ, всегда присущихъ роду Орловыхъ. Въ продолженіе ста лѣтъ, отъ конца XVII до конца XVIII столѣтія, встрѣчаются всего два полюбовныхъ раздѣла. Иванъ Ивановичъ Орловъ скончался въ 1693 г., оставивъ семь человѣкъ дѣтей, которыя послѣ отца не раздѣлили имѣнія, а оставили его въ одномъ владѣніи до 1746 г., т. е. въ теченіе 53 лѣтъ, когда уже всѣ сыновья, кромѣ Григорія Ивановича, умерли. Послѣдній скончался 1-го Апрѣля 1746 г., оставивъ пять сыновей, а первый раздѣлъ между ними совершился только въ 1794 г., по смерти (въ 1791 г.) старшаго брата, графа Ивана Григорьевича. Въ дружбѣ и согласіи Орловы владѣли, какъ значительнымъ своимъ родовымъ имѣніемъ, такъ и богатствами, дарованными имъ Екатериною.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣдѣ и отцѣ графа Владимира Григорьевича находятся въ дипломѣ на графскій титулъ, пожалованномъ императрицею Екатериною. Въ немъ сказано, что Орловы произошли отъ древней благородной Германской фамиліи, изъ Польской Пруссіи, „а изъ предковъ его дѣдъ его родной Иванъ Ивановичъ, а наипаче отецъ его Григорій Ивановичъ, за оказанныя ими ревностныя услуги на высочайшія военныхъ чиновъ степени возведены были“; что Григорій Ивановичъ служилъ генералъ-маіоромъ и потомъ Новгородскимъ губернаторомъ, находился въ Шведскую и Турецкую войны „на всѣхъ баталіяхъ и за отличную храбрость и претерпѣнныя раны отъ императора Петра Великаго золотою цѣпью и портретомъ Его Величества почтенъ былъ, такожъ и дядя его родной Никита Ивановичъ Орловъ, и другіе его родственники многими своими заслугами знатными себя учинили“.

О Григоріѣ Ивановичѣ Орловѣ упоминается въ разсказѣ объ отмѣнѣ пытки въ Россіи, въ сочиненіи Блюма о графѣ Сиверсѣ. Предмѣстникомъ Сиверса по должности Новгородскаго губернатора былъ, при Елисаветѣ, отецъ графовъ Орловыхъ, Григорій Ивановичъ Орловъ. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ того времени возникло сомнѣніе, предавать ли пыткѣ преступника. Товарищи губернатора, съ прокуроромъ, высказались за пытку; но губернаторъ, которому принадлежалъ рѣшительный голосъ, отстранилъ пытку, какъ ненадежный способъ

Библиотека "Руниверс"

для открытія истины, и рѣшилъ дѣло безъ пытки. Сиверсъ вспомнилъ объ этомъ при случаѣ, когда пришлось разрѣшить подобное же сомнѣніе, и разсказалъ эту исторію Государынѣ.

Не сохранилось никакихъ свѣдѣній о домашней жизни Григорія Ивановича Орлова и его жены, Лукерьи Ивановны, урожденной Зиновьевой [1]). Извѣстно только, что меньшой сынъ ихъ, Владиміръ, хотя осиротѣлъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, но всегда хранилъ въ памяти нѣжность и благочестіе своей матери и бабушки [2]).

Григорій Ивановичъ имѣлъ, кромѣ умершихъ въ малолѣтствѣ, пятерыхъ сыновей: Ивана, Григорья, Алексѣя, Ѳедора и Владимира. Они были всѣ возведены въ графское достоинство императрицею Екатериною въ 1762 г., въ день ея коронованія. Послѣдній, графъ Владиміръ, былъ гораздо моложе своихъ братьевъ, и его жизнь будетъ предметомъ настоящаго повѣствованія.

По разсказамъ Владимира Григорьевича и сохранившимся письмамъ, братья Орловы были очень дружны между собою, и дружба эта никогда не прекращалась. Старшій, Иванъ, былъ флегматичнѣе другихъ братьевъ. Онъ жилъ вдали отъ Двора и шумнаго свѣта и вышелъ въ отставку съ скромнымъ чиномъ лейбъ-гвардіи капитана. Графъ Иванъ Григорьевичъ былъ женатъ на Елисаветѣ Ѳедоровнѣ Ртищевой [3]).

Три слѣдующіе за нимъ брата оставили имена свои въ исторіи [4]). Графъ Григорій Орловъ, одаренный привлекательною наружностью,

---

[1]) Оба они похоронены въ Москвѣ въ Георгіевской церкви, на Малой Никитской, у сѣвернаго клироса, что̀ и значится на большой овальной мѣдной доскѣ. Преданіе увѣряетъ, что Зиновьева, Лукерья Ивановна, страдала умоповрежденіемъ. Это, можетъ быть, отразилось на ея сынѣ, князѣ Г. Г. Орловѣ, на одномъ изъ ея внуковъ и на одной изъ ея праправнучатъ. П. Б.

[2]) Дома ихъ находились въ приходѣ церкви св. Георгія, что̀ на Вспольѣ, въ Москвѣ. Религіозное настроеніе окружало графа Владимира Григорьевича съ самаго его дѣтства. Въ Сентябрѣ 1750 г., по прошенію настоятеля Георгіевской церкви Алексѣя Семенова и прихожанъ, священникъ Алексѣй Мининъ былъ опредѣленъ вукаріемъ „ . . . . для отправленія вечерень, утрень и часовъ въ домахъ гг. Орловыхъ, внучатъ Зиновьевой, и др. на ихъ хлѣбномъ и денежномъ содержаніи“. (См. Лѣтопись Московской Георгіевской церкви, что̀ на Вспольѣ, Святославскаго).

[3]) Сестрѣ генерала, который правилъ Кавказомъ. Бракъ безплодный. П. Б.

[4]) Политическая корреспонденція князя Орлова и графа Орлова-Чесменскаго, находившаяся у покойной графини Орловой-Чесменской до ея смерти, не была отдана ея наслѣдникамъ по той причинѣ, что относилась къ государственнымъ дѣламъ и была удержана начальникомъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, графомъ, впослѣдствіи княземъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ. Эта переписка была впослѣдствіи напечатана въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“.

Библиотека "Руниверс"

отличался обхожденіемъ, исполненнымъ достоинства и самой добродушной вѣжливости. Онъ былъ три раза раненъ въ войнѣ противъ Пруссіи, еще до взысканія его милостью Императрицы. Правдивый, откровенный, имѣющій самое скромное понятіе о своихъ собственныхъ достоинствахъ, онъ былъ довѣрчивъ до неосторожности и щедръ до расточительности. Онъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство Римской имперіи. Замѣчательно, что дипломъ, данный ему императоромъ Францемъ I и хранящійся въ Отрадинскомъ семейномъ архивѣ, былъ подписанъ Францемъ 21-го Іюля 1763 г.; но позволеніе носить этотъ титулъ дано ему Императрицей только 4-го Октября 1772 г. Князю Григорію Орлову иногда отдавались почти царскія почести; такъ въ 1782 г., 5-го и 6-го Августа, при въѣздѣ и выѣздѣ его изъ Саратова, производилась пушечная пальба въ 101 выстрѣлъ [1]). О князѣ Григорьѣ явилась не очень давно въ печати занимательная біографическая записка А. П. Барсукова [2]). Онъ вѣрными чертами описалъ всю карьеру временщика, его горячую любовь къ родинѣ, его многочисленныя предпріятія для пользы общей, послѣдствіемъ которыхъ было разстройство собственныхъ его дѣлъ, наконецъ, его паденіе при Дворѣ и величавое спокойствіе при перемѣнѣ судьбы. Князь Григорій съ такою простотою и искренностью отзывался объ измѣнившихся обстоятельствахъ жизни, что удивлялъ своихъ собесѣдниковъ. Владимиръ Григорьевичъ говаривалъ, что у князя Григорія была львиная отвага при кротости овечьей [3]). Онъ страстно любилъ свою молодую и прелестную жену (рожденную Зиновьеву), лишился ея послѣ пяти лѣтъ брачной жизни и самъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея кончины, отъ изнурительной болѣзни и разстройства умственныхъ способностей [4]).

Третій изъ братьевъ Орловыхъ, Алексѣй, герой Чесменской битвы, былъ со многими другими прикосновененъ къ извѣстнымъ событіямъ воцаренія Екатерины II. Никогда еще никакой монархъ не властвовалъ въ такой степени, какъ Екатерина II, надъ сердцами своихъ приближенныхъ и даже всего народа. Обаяніе, окружавшее ее, выражалось въ восторженной любви и почтеніи, доходившихъ иногда до благоговѣнія. Она, иностранка родомъ, осыпанная лестными похвалами всѣхъ замѣчательныхъ людей западной Европы, была однако истинно Русская сердцемъ.

---

[1]) А когда онъ скончался, въ Москвѣ хоронили его чуть не по царски. П. Б.

[2]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года. П. Б.

[3]) Doux comme un mouton (кротокъ, какъ барашекъ), по словамъ Екатерины. П. Б.

[4]) Подробности въ неизданныхъ Запискахъ доктора Кельхена, которыя были у академика Куника. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить важность переворота 1762 г. и значеніе для Россіи воцаренія Екатерины II на мѣсто Петра III, надо вникнуть въ историческія обстоятельства той эпохи и стать на точку зрѣнія ея современниковъ. Для большей части изъ нихъ воцареніе Екатерины было дѣломъ спасенія Россіи. Этимъ и объясняется, почему обстоятельства, сопровождавшія сей переворотъ, не вызывали осужденія въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ; напротивъ того, не только дѣйствующія лица, но и все общество смотрѣло на это происшествіе, какъ на подвигъ самоотверженнаго патріотизма. Такую точку зрѣнія старалась утвердить и сама Екатерина, что̀ можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста даннаго ею князю Григорію Григорьевичу Орлову диплома: „наипаче имѣя во всемилостивѣйшемъ признаніи собственно нашей Императорской Высочайшей особѣ оказанныя его, Григорія, заслуги, которыя для всей нашей Россійской имперіи несравнительно и чрезвычайно велики и полезны быть долженствуютъ, и что онъ былъ первый изъ тѣхъ вѣрныхъ Россійскихъ сыновъ, которые сію имперію отъ страшнаго ига и православную Греческаго исповѣданія церковь отъ разоренія и приближавшагося ей всеконечнаго паденія, возведеніемъ насъ на Всероссійскій Императорскій престолъ, свободили, которое преславное дѣло и подлинно его прозорливостью, разумомъ, смѣлостью и мудростью къ пользѣ и благополучію отечества и къ радости и удовольствію натуральныхъ союзниковъ сея имперіи, къ безсмертной его славѣ дѣйствительно благополучно къ совершенству приведено....“ О переворотѣ, возведшемъ Екатерину на тронъ, говорили какъ о дѣлѣ, необходимомъ для блага и спасенія отчизны, и всѣхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ считали орудіями Провидѣнія. Нельзя удивляться, что такъ судила объ этомъ событіи Россія, только что пережившая опаснѣйшую для ея существованія эпоху царствованія Петра III.

Алексѣй Орловъ отличался исполинскимъ ростомъ, богатырскою силой, участіемъ во всѣхъ народныхъ забавахъ и большою популярностью. Онъ имѣлъ болѣе энергіи и предпріимчивости старшаго своего брата, котораго онъ часто укорялъ за слишкомъ спокойную жизнь и уговаривалъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ управленіи государственными дѣлами. Иностранные дипломаты, характеризуя въ своихъ депешахъ графа Алексѣя Григорьевича, признавали въ немъ всѣ главныя качества государственнаго человѣка: большое спокойствіе въ обсужденіи дѣла со всѣхъ сторонъ, ясность взгляда, рѣшительность и неуклонность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Англійскій посолъ, графъ Каткартъ, добавляетъ: „Его морской планъ (Чесменской битвы) и выполненіе этого плана подтверждаютъ подобное мнѣніе. Манеры его

Библиотека "Руниверс"

необыкновенно просты, хотя не лишены того достоинства, которое сопряжено съ такимъ успѣхомъ. Онъ любимъ всѣми сословіями и въ счастіи ведетъ себя такимъ образомъ, что не возбуждаетъ зависти. Онъ не говоритъ по-французски". Онъ не могъ укротить свое негодованіе на заключеніе перемирія 1772 г., помѣшавшее ему, какъ онъ говорилъ, проложить себѣ путь до Дарданельскаго пролива и разрушить Константинополь.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Лопухиной и нѣжно любилъ свою единственную дочь, которая отплатила ему за эту любовь цѣлою жизнью, посвященною молитвѣ о немъ. Любовь братьевъ къ Алексѣю Григорьевичу видна изъ множества писемъ, гдѣ они ему даютъ шутливое и родственное названіе: „Алеханъ" *).

Четвертый братъ, графъ Ѳедоръ, въ 1764 г., имѣя только 23 года отъ роду, назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ Сената; въ 1770 г. онъ отправился въ Морею, въ эскадру адмирала Спиридова, съ которою атаковалъ и взялъ крѣпости Корону и Наваринъ. Это было началомъ успѣховъ Русскаго флота. Графъ Ѳедоръ былъ человѣкъ веселаго нрава, покровительствовалъ художествамъ и вообще соединялъ въ себѣ слабости и добрыя качества Французской аристократіи до революціи 1789 г. Онъ одинъ изъ пяти братьевъ Орловыхъ не былъ женатъ, но имѣлъ воспитанниковъ: трехъ старшихъ—отъ г-жи Поповой, рожденной Гусятниковой, а младшихъ—отъ г-жи Ярославовой.

Такова была среда, въ которой протекла первая половина жизни младшаго изъ семейства Орловыхъ, графа Владимира Григорьевича.

II.

Дѣтство графа Владимира Григорьевича.—Студенческіе годы въ Лейпцигѣ.—Письмо князя Орлова къ Ж. Ж. Руссо.—Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

Гр. В. Г. родился 8-го Іюля 1743 г. Лишившись въ первой молодости родителей, онъ оставался на попеченіи своихъ братьевъ, заботившихся о немъ постоянно и горячо, о чемъ онъ любилъ вспоминать до старости, называя ихъ своими благодѣтелями. По слабости здоровья и по совѣту братьевъ, онъ жилъ нѣкоторое время, съ большою пользой для себя, въ деревнѣ, гдѣ простой и воздержный образъ жизни укрѣпилъ его силы. За нимъ ходила отличная няня, которая по-своему учила его Закону Божію, пріучала къ благочестію и строгому соблюденію всѣхъ уставовъ церковныхъ. Братья изрѣдка посѣщали его въ деревенскомъ уединеніи и, привыкшіе уже къ свѣт-

*) Подъ этимъ заглавіемъ издалъ любопытнѣйшую книгу графъ С. Д. Шереметевъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ской жизни, подшучивали надъ его строгимъ благочестіемъ. Когда Владиміръ сталъ приходить въ юношескія лѣта, его старшіе братья приняли важное рѣшеніе въ пользу его воспитанія. Они послали его окончить научное образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ онъ пробылъ три года, какъ видно изъ его письма къ внуку, автору настоящаго очерка*). Братья разсудили очень вѣрно, что Владиміръ Григорьевичъ, по слабому тѣлосложенію, не призванъ къ военной дѣятельности, и, желая его оградить сколько отъ волненій свѣтской жизни, столько и отъ бездѣйствія, озаботились доставить ему кругъ дѣятельности мирной, развивъ въ немъ вкусъ къ наукамъ и искусствамъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа будетъ видно, что эти предположенія осуществились весьма рано, такъ какъ Владиміръ Григорьевичъ, только что кончивъ курсъ университетскаго ученія, принималъ уже самое дѣятельное участіе въ трудахъ Петербургской Академіи Наукъ. Студенческіе годы въ Лейпцигѣ имѣли большое значеніе въ жизни Владимира Григорьевича: они развили въ немъ не столько литературное честолюбіе, сколько настоящую любовь въ наукѣ, преимущественно къ наукамъ естественнымъ и въ особенности къ астрономіи. Онъ имѣлъ отъ природы горячее сердце, расположенное къ жизни семейной и ея радостямъ. Внѣшняя обстановка жизни въ провинціальномъ Нѣмецкомъ городѣ была согласна съ его вкусами. Неизысканность въ выборѣ забавъ и увеселеній, отсутствіе всякаго блеска и всѣхъ великосвѣтскихъ искушеній, простота въ пищѣ и общеніе съ бѣдными и трудящимися товарищами: вотъ что ожидало молодого Русскаго студента на этомъ новомъ для него поприщѣ. Его должна была сильно поразить въ этихъ ученыхъ людяхъ скромность, доходившая въ иныхъ случаяхъ до крайности. Въ немъ развилась еще сильнѣе любовь къ умственнымъ упражненіямъ разнаго рода и установилось прочное основаніе привычкамъ къ порядку, скромному довольству и къ правильному распредѣленію времени, которыя составляли отличительныя черты его характера.

Начиналась вторая половина XVIII вѣка (1763). Лейпцигъ жилъ въ то время живыми воспоминаніями знаменитаго своего уроженца, философа Лейбница. Всѣ съ жаромъ изучали его творенія. Въ Лейпцигѣ не были безъизвѣстны и теорія Локка, и философія Юма, такъ же какъ и мысли Французскихъ писателей, слѣдовавшихъ по пути скептицизма за Англійскими философами. Въ Германіи приступали къ

*) Вступленіе графа Владимира Григорьевича Орлова въ Лейпцигскій университетъ помѣчено въ книгѣ университета 9-го Іюля 1763 года. Нѣмецкая буква *P* означаетъ національность студента, такъ какъ въ то время всѣ фамиліи Славянскаго происхожденія считались въ Лейпцигѣ Польскими.

Библиотека "Руниверс"

самымъ трудно-разрѣшаемымъ вопросамъ не съ такимъ шумомъ, какъ во Франціи, но съ такою же пытливостію и съ бо́льшею послѣдовательностью. Въ то самое время въ Петербургѣ Дворъ и высшіе слои общества проникались идеями Вольтера, и потому нѣкоторое философское броженіе, вѣроятно, было уже и въ молодомъ Орловѣ; но въ Лейпцигѣ развилась въ немъ еще сильнѣе та любовь къ вопросамъ метафизическимъ, которая до глубокой старости его не покидала.

Орловъ имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми знаменитыми личностями того времени, напр. съ почтеннымъ профессоромъ нравственной философіи Геллертомъ, съ филологомъ Готшедомъ, бывшимъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и другими учеными. Къ числу пріятныхъ занятій его въ это время, бывшихъ всегда впослѣдствіе любимымъ предметомъ его воспоминаній, принадлежали вечернія собранія нѣсколькихъ музыкантовъ-любителей, сходившихся у него по Субботамъ для выполненія разныхъ музыкальныхъ твореній.

О занятіяхъ Владимира Орлова въ Лейпцигскомъ университетѣ бывшій членъ Россійской Академіи Наукъ, Гейнсіусъ, писалъ къ исторіографу Миллеру отъ 6-го Августа 1763 года: „По возвращеніи моемъ съ водъ я къ величайшему моему удовольствію нашелъ здѣсь Русскаго знакомца графа Орлова, достойнѣйшаго кавалера, который своимъ благонравіемъ и великимъ прилежаніемъ дѣлаетъ большую честь нашему университету. Онъ уже хорошо говоритъ по нѣмецки, и я часто болтаю съ нимъ, примѣшивая Русскія слова“.

Пребываніе въ Лейпцигѣ должно было оставить навсегда въ умѣ молодого Русскаго студента большое уваженіе къ Германскимъ ученымъ. Дѣйствительно, послѣ него осталось много писемъ къ разнымъ Нѣмецкимъ ученымъ, и ни одного письма ни къ Д'Аламберу, ни къ Дидро, которыхъ онъ, однако, зналъ лично. Имъ онъ посылалъ только привѣтствія черезъ другихъ. Надо, притомъ, замѣтить, оканчивая разсказъ объ университетскихъ годахъ графа Владимира Орлова, что пребываніе въ Лейпцигѣ не развило въ немъ любви къ заграничной жизни и не привило къ нему привычки говорить на иностранныхъ языкахъ.

Въ числѣ многихъ писемъ къ графу Владиміру Григорьевичу изъ Лейпцига уцѣлѣло одно отъ нѣкоей госпожи d'Utterod, относящееся къ Русскому воспитаннику, о добромъ поведеніи котораго, равно какъ и объ его наставникѣ, эта дама увѣдомляетъ графа. Письмо это тѣмъ интересно, что въ немъ упоминается о Жанъ-Жакѣ Руссо и о собственноручномъ письмѣ Женевскаго философа, хранящемся въ Отрадинской библіотекѣ. Добрая госпожа d'Utterod испугалась дошедшаго до нея по

Библиотека "Руниверс"

газетамъ слуха о перепискѣ будто-бы графа Владимира Григорьевича съ Руссо, и спрашиваетъ, дѣйствительно ли онъ авторъ слѣдующаго письма, напечатаннаго въ „Journal Encyclopédique“ 1-го Іюля 1767 г., подъ заглавіемъ: „Lettre écrite de Saint-Pétersbourg par mr le comte d'O. à mr J. Jacques Rousseau“:

Vous ne serez point étonné que je vous écrive, car vous sçavez que les hommes sont enclins aux singularités; vous avez les vôtres, j'ai les miennes, cela est dans l'ordre. Le motif de cette lettre ne l'est pas moins. Je vous vois depuis longtemps passer d'un endroit à un autre, j'en sais les raisons par la voie publique, et peut être les sais-je mal, parcequ' elles peuvent être fausses. Je vous écris en Angleterre, chez m. le duc d' Enrichemont (Richmond), et je suppose que vous y êtes bien; cependant il m'a pris fantaisie de vous dire que j'ai une terre éloignée de 60 werstes de St. Pétersbourg, ce qui fait près de dix lieues d'Allemagne. L'air y est sain, l'eau admirable; les côteaux, qui entourent différents lacs, forment des promenades agréables, très propres à rêver; les habitans n'entendent ni l'anglais, ni le français, encore moins le grec et le latin; le curé ne sçait ni disputer, ni prêcher; ses ouailles, en faisant le signe de la croix, croyent bonnement que tout est dit. Eh bien, monsieur, si jamais ce lieu—là est de votre goût, vous pouvez y venir demeurer. Vous y aurez le nécessaire, si vous le voulez; si non, vous vivrez de la chasse et de la pêche. Si vous voulez avoir à qui parles pour vous dé-ennuyer, vous le pouvez; mais en tout et sur tout vous ne serez gêné en rien, ni n' aurez aucune obligation à personne. De plusr, toute publicité sur ce séjour, si vous le souhaitez, pourrait être encore évitée; et dans ce dernier cas, vous ferez bien, selon moi, si vous pouvez supporter la mer, de faire le trajet par eau; aussi les curieux vous importuneront-ils moins sur ce chemin, que sur la route de terre. Voilà, monsieur, ce que je me suis cru en droit de vous mander, d'après la reconnaissance que je vous ai des instructions que j'ai puisée dans vos livres, quoiqu'ils ne fussent pas écrits pour moi. Je suis etc. etc. *)

Переводъ. Вы не удивитесь, что я пишу къ вамъ, зная, что люди наклонны къ странностямъ. У васъ есть свои, у меня мои: это въ порядкѣ вещей; пусть одною изъ такихъ странностей будетъ и причина, побудившая меня писать къ вамъ. Я вижу васъ давно странствующимъ изъ одного мѣста въ другое. Черезъ газеты я знаю и о причинахъ этого, которыя могутъ быть не вѣрны. Я пишу вамъ въ Англію, гдѣ вы у герцога Ричмонда, и полагаю, что вамъ

*) Письмо это писано, конечно, Екатериною. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

хорошо тамъ. Однако мнѣ вздумалось сказать вамъ, что въ 60 верстахъ отъ Петербурга у меня есть помѣстье, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятные для прогулокъ и возбуждающіе къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни поанглійски, ни пофранцузски, еще менѣе погречески и латыни. Священникъ не знаетъ ни диспутировать, ни проповѣдовать; а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе. добродушно думаетъ, что сдѣлала все. И такъ, милостивый государь, если такой уголокъ вамъ по вкусу, отъ васъ зависитъ поселиться въ немъ. Все нужное будетъ къ вашимъ услугамъ, если вы пожелаете. Если нѣтъ, располагайте охотою и рыбною ловлею. Если вы захотите бесѣдою разогнать скуку, и оно будетъ. Но вообще и прежде всего, вы ни въ чемъ не будете имѣть ни малѣйшаго стѣсненія, не будете ничѣмъ никому обязаны. Сверхъ того по желанію вашему, не произойдетъ никакой огласки о вашемъ пребываніи. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не дурно было бы, по моему мнѣнію, совершить переѣздъ моремъ, если вы въ состояніи вынесть его; тѣмъ болѣе, что и отъ любопытныхъ вамъ будетъ больше покоя. Вотъ, милостивый государь, что я счелъ въ правѣ предложить вамъ *изъ признательности за почерпнутое мною въ вашихъ книгахъ*, хотя онѣ были писаны и не для меня. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и пр.

Это письмо не могло быть написано графомъ Владимиромъ Григорьевичемъ, какъ видно изъ его содержанія, такъ какъ въ немъ упоминается о домѣ близъ Петербурга, каковаго у графа Владимира Григорьевича никогда не было. Рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ безъ сомнѣнія о Гатчинѣ; авторъ письма можетъ быть никто другой, какъ князь Григорій Григорьевичъ, въ томъ году не носившій еще титула свѣтлѣйшаго Римской Имперіи князя, и Григорію Григорьевичу былъ адресованъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ Жанъ-Жака Руссо слѣдующій отвѣтъ, который также хранится въ подлинникѣ въ Отрадинской библіотекѣ: Vous vous donnez, monsieur le comte, pour avoir des singularités, et c'en est presque une- d'être obligeant sans intérêt, et c'en est une bien plus grande de l'être du plus loin, pour quelqu' un que l'on ne connoît point. Vos offres obligeantes, le ton dont vous me les faites et la description de l'habitation que vous me destinez, seroient assurément très-capables de m' y attirer, si j'étois moins infirme, plus allant, plus jeune et que vous fussiez plus près du soleil. Je craindrois d'ail. leurs qu' en voyant celui que vous honorez d'une invitation vous n'eussiez quelque regret. Vous attendriez un homme de lettres, un bon diseur, qui devroit payer d'esprit et de paroles votre généreuse hospitalité. et vous n' auriez qu'un bon homme. bien simple, que son goût et ses malheurs ont rendu fort solitaire, et qui, pour tout amusement, herborise toute la journée, trouve, à commercer avec les plantes. cette paix si douce à son coeur, que lui ont réfusée les humains. Je n'irai donc pas, monsieur, habiter votre maison, mais je me souviendrai toujours avec reconnaissance, que vous me l'avez offerte, et je regretterai quelquefois de n'y être pas, pour cultiver la bonté et l'amitié du maître. Agréez, monsieur

Библиотека "Руниверс"

le comte, je vous supplie. mes remercîmens très sincères et mes très humbles salutations.

Переводъ. Вы говорите о вашихъ странностяхъ, графъ. Оно пожалуй и дѣйствительно странность—благотворить такъ издалека и тому кого совершенно не знаешь. Ваше любезное приглашеніе. тонъ, коимъ вы его дѣласте. и описаніе убѣжища, которое вы мнѣ предназначаете, безъ сомнѣнія заставили бы меня принять его, если бы я не былъ такъ слабъ, былъ болѣе подвиженъ, помоложе, и если бы вы были поближе къ солнцу. Сверхъ того я боюсь, чтобы при личномъ свиданіи съ тѣмъ, кому вы оказываете честь своимъ приглашеніемъ, вы не раскаялись. Вы воображаете увидѣть литератора, мастера говорить, который бы блескомъ таланта и словъ заплатилъ вамъ за ваше великодушное гостепріимство, и увидали бы передъ собою человѣка очень простого, котораго личныя наклонности и страданія сдѣлали отшельникомъ, все удовольствіе котораго состоитъ въ сборѣ растеній съ утра до вечера и который въ этомъ сообществѣ съ растеніями находитъ столь сладкій сердцу его покой, въ немъ же отказали ему люди. Стало быть, милостивый государь, я не думаю поселиться въ вашемъ домѣ, но всегда съ признательностью буду вспоминать, что вы мнѣ предлагали его и иногда посѣтую, что я не въ немъ, чтобы заслужить расположеніе и дружбу хозяина. Примите, графъ, прошу васъ, мою самую искреннюю благодарность и мой нижайшій поклонъ.

III.

Придворная жизнь.—Путешествіе по Волгѣ въ свитѣ Императрицы.—Продолженіе путешествія, отдѣльно совершеннаго графомъ Владимиромъ до Астрахани и обратно до Москвы.—Переводъ Французскаго романа „Велизарій“ Императрицей и ея свитой.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, по окончаніи своего ученія въ Лейпцигѣ, графъ Владимиръ Орловъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, гдѣ блестящее положеніе князя Григорія и графа Алексѣя при Дворѣ не могло не отразиться и на немъ. Вновь пожалованный камеръ-юнкеромъ Императрицы, онъ въ дни своего дежурства при ней испыталъ то обаятельное вліяніе, которое она имѣла на всѣхъ, приближавшихся къ ея особѣ. Однажды она угостила его вишнями изъ своихъ рукъ и часто въ шутку называла философомъ.

Одинъ разъ Императрица разгнѣвалась на молодого философа за слишкомъ точное и настойчивое исполненіе даннаго ему приказанія. Когда Императрица привила себѣ оспу для того, чтобы убѣдить своихъ подданныхъ собственнымъ примѣромъ въ пользѣ оспопрививанія, докторъ Роджерсонъ настоятельно совѣтовалъ, чтобы Императрица принуждала себя прохаживаться, не смотря на нерасположеніе къ тому и наклонность ко сну въ приступахъ лихорадочнаго волненія. Объ исполненіи этого предписанія долженъ былъ напоминать ей дежурный камеръ-юнкеръ. Эта обязанность пришлась на долю бывшаго Лейпцигскаго студента, и излишняя его настойчивость, происходившая отъ усердія, возбудила неудовольствіе Императрицы. Можно себѣ вообразить, какое

Библиотека "Руниверс"

строгое нравоученіе получилъ въ этомъ случаѣ Владиміръ отъ старшихъ братьевъ, гораздо болѣе самой Императрицы разсердившихся на его неловкость.

Единственнымъ замѣчательнымъ эпизодомъ непродолжительной придворной службы Владиміра Григорьевича было его сопутствованіе Императрицѣ во время путешествія ея (1767 г.) по Волгѣ. Онъ оставилъ описаніе сего путешествія въ собственноручномъ дневникѣ, писанномъ (будь сказано мимоходомъ) на такой толстой бумагѣ, что теперь ее употребили бы только на обертку какихъ-нибудь крупныхъ посылокъ. Впрочемъ, тоже самое можно замѣтить относительно большей части тогдашнихъ писемъ и записокъ.

Молодой авторъ тогда уже отличался необыкновенною осторожностью. Онъ умалчиваетъ въ своемъ дневникѣ обо всемъ, что касалось лицъ, составлявшихъ блестящую свиту Императрицы. Никогда не встрѣтимъ у него ни одного ея слова ни къ нему, ни къ брату его, Григорію. Жаль, что недостаетъ многихъ подробностей о *домашней*, такъ сказать, жизни путешественниковъ. Не видно даже намека на колебанія царскаго расположенія то къ одному, то къ другому изъ царедворцевъ, не видно и ихъ соперничества другъ съ другомъ. Конечно, путешествіе Сѣверной Семирамиды не обошлось безъ множества придворныхъ исканій, досадъ и треволненій, которыми не преминулъ бы воспользоваться такой мѣткій знатокъ и цѣнитель придворныхъ интригъ, какъ St. Simon. Орловъ не упоминаетъ въ своемъ дневникѣ отдѣльно ни объ одномъ изъ представителей иностранныхъ дворовъ, участвовавшихъ въ путешествіи. Онъ занятъ единственно характеромъ самой страны, обитателями береговъ Волги и торжественными встрѣчами. Въ дневникѣ замѣтны большая торопливость и слѣды юности автора. Этотъ разсказъ, содержащій преимущественно статистическія свѣдѣнія, интересенъ теперь для сравненія съ настоящимъ положеніемъ Приволжскаго края.

Въ Маѣ мѣсяцѣ Ея Величество прибыла сухимъ путемъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты и дипломатическаго корпуса, въ Тверь, гдѣ приготовлена была для Волжскаго путешествія Государыни флотилія изъ шести галеръ и пяти транспортныхъ судовъ.

На первой галерѣ „Тверь“ находились сама Императрица съ фрейлинами Авдотьей Полянской и Елисаветой Штакельбергъ (впослѣдствіи супругою графа Владиміра Григорьевича) и Адмиралтействъ-Коллегіи членъ графъ Ив. Гр. Чернышевъ. Въ свитѣ Императрицы находились пять посланниковъ: Цесарскій, Датскій, Испанскій, Прусскій и Саксонскій. Графъ Владиміръ Григорьевичъ находился, вѣроятно, на суднѣ „Севостьяновѣ“ съ братомъ Григоріемъ.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ путешествія здѣсь приводится безъ всякаго измѣненія въ его текстѣ; но кое-гдѣ неясныя мѣста замѣнены точками или пополнены словами въ скобкахъ для поясненія приблизительнаго смысла.

Выѣхали изъ Москвы въ 5 часу по полудни 28-го Апрѣля; въ Клинъ пріѣхали того числа въ 4 часу по полуночи, тутъ ночевали, а на другой день пообѣдавъ, часу въ 1-мъ по полудни, поѣхали далѣе и пріѣхали часу въ 10-мъ въ началѣ въ Тверь, гдѣ была сдѣлана иллюминація, на улицахъ, по которымъ ѣхали, было много народа, и ближнихъ къ тѣмъ улицамъ церквей священники въ облаченіи встрѣчали; палили изъ пушекъ и въ колокола звонили; по прибытіи Государыни въ соборъ, встрѣтилъ ее Тверской архіерей и говорилъ короткую поздравительную рѣчь; вошедши въ церковь, изволила приложиться къ мощамъ, а оттуда пошла съ своею свитою въ архіерейскій домъ, гдѣ собрались генералы и дворяне для поздравленія Ея Величества. 30-го Апрѣля, по утру, допущены были къ рукѣ дворянки, дворяне, офицеры морскіе, сухопутные и купцы и говорены были привѣтствія отъ учащихся: два говорили на Русскомъ, два на Латынскомъ и одинъ на Греческомъ языкѣ, въ заключеніе которыхъ префектъ іеромонахъ Арсеній благодарилъ за высочайшее Ея Величества благоволеніе и покровительство наукъ. Время было сіи дни, 28, 29 и 30, очень хорошо.

1-го Мая было по утру на фабрикѣ канатной. Пенька, употребляемая на оной, растетъ въ здѣшнемъ уѣздѣ и покупается теперь трепаная по рублю, нетрепаная или сырецъ по 60 коп. пудъ; въ канатахъ же продается пудъ, какъ онъ сказывалъ, по 1 р. 20 к. Работа производится такимъ образомъ: сырецъ треплятъ, потомъ прядутъ въ нитки, нитки сквозь канатъ для очищенія кострики навертываютъ на вьюшки, послѣ, складывая нѣсколько нитокъ вмѣстѣ, свертываютъ, сушатъ, чтобъ удобнѣе въ нихъ смола вошла и наконецъ сквозь смолу протягиваютъ и, свертывая просмоленныя, дѣлаютъ канаты. Изъ канатной заходили въ кожевенную, гдѣ ивовая вмѣсто дубовой коры употребляется, а оттуда пошли на фабрику прозелени, куда землю привозятъ, какъ онъ сказывалъ, изъ Копорья 90 верстъ за Петербургомъ, платятъ за провозъ по 7 к. съ пуда; сперва толкутъ ее въ кадкахъ, потомъ настаиваютъ водою, краска ложится въ серединѣ, земля въ самомъ низу, а сверху вода; оную краску просушивъ, такъ оставляютъ, землю же оставшуюся еще толкутъ, наливаютъ водою и наконецъ сушатъ, что и въ третій разъ съ оставшеюся землею повторяютъ, послѣ сихъ трехъ разъ земля оставшаяся выбрасывается; при наливаніи употребляютъ настоянную воду. Первая краска, сказывалъ онъ, не такъ хороша, какъ другая, а другая не такъ хороша, какъ послѣдняя, для того, будто въ первой и во второй нѣсколько въ оную посторонней бѣловатой матеріи мѣшается. Продаетъ онъ пудъ по 1 р. 30 к. въ Москву, употребляется она на окраску домовъ, съ масломъ смѣшанная, каретъ и прочаго; онъ дѣлаетъ будто не болѣе 100 пуд. Отсюда заѣзжали въ Отрочъ монастырь и, переѣхавъ Волгу, пришли на фабрику скипидарную, гарпіусную, канифольную. Работа въ оной фабрикѣ производится такимъ образомъ. Около Твери много растетъ ело-

Библиотека "Руниверс"

ваго лѣса, въ весну обливается оный сѣрою сверхъ корки, которую, чтобъ лучше соскоблить, сучья отсѣкаютъ, сами сплавляютъ и продаютъ на фабрику по . .; тамъ ее кладутъ въ кубы, наливъ водою, подложа огонь, сперва оттуда скипидаръ получаютъ изъ хорошей сѣры съ пуда по $2^1/_2$ фунта, а изъ худой самой $1^1/_4$ ф.; продаютъ пудъ по 3 р. 70 к.. Признакъ, что болѣе скипидара не пойдетъ—трескъ въ кубѣ; тогда снимаютъ крышку съ куба, чтобъ нѣсколько простыла, потомъ другую трубу въ низу куба отпираютъ, подставя рѣшето изъ проволоки, сквозь которое потечетъ канифоль, а негодное въ немъ останется; пудъ продается по 25 к., выгорки отдаются мужикамъ, которые, помѣшавъ оные со смолою собранною сосновою, сплавливаютъ вмѣстѣ и продаютъ пять пудъ по 6 к. на фабрику; изъ 1 части этого и 5 частей канифоли, которыя вмѣстѣ въ большихъ котлахъ топятся, дѣлается смола, названная пикъ, когда канифоль теплая, въ водѣ обмоченная на пространномъ мѣстѣ растянута будетъ руками, то получается цвѣтъ бѣлый и называется гарпіусъ. продается пудъ 30 к.; когда скипидаръ идетъ, то подъ трубку всегда кладется для чрезвычайнаго жара ледъ, а иногда и на самый кубъ; канифоль и гарпіусъ идутъ въ Петербургъ, скипидаръ въ Москву, работа производится зимою только; такихъ фабрикъ только одна еще въ Вологдѣ; владѣтели оныхъ имѣютъ преимущество и замѣчательное. Послѣ обѣда были съ Ея Величествомъ у архіерея здѣшняго, гдѣ церковь, садъ и пруды видѣли; церковь хотя не велика, но хороша и по новому построена, также и садъ довольно великъ и недуренъ; Государыня изволила тутъ пробыть около 2 часовъ.

На другой день, 2-го Мая, по утру въ 10-мъ часу, изволила въ соборъ къ обѣдни пойти, послѣ обѣдни говорилъ архіерей очень хорошую проповѣдь, и какъ это число былъ день Преполовенія, то пошли съ крестами около версты пѣшкомъ до воды, а оттуда возвратясь съ крестами въ церковь и недолго тутъ пробывъ, изволила около 1-го часа придти въ архіерейскій домъ; немного погодя обѣдать сѣли, а часу во 2-мъ, пожаловавъ къ ручкѣ бывшихъ женщинъ тутъ и нѣкоторыхъ жителей и пріѣзжихъ туда на время, изволила на суда сѣсть. Въ это время по горѣ много было народа, и многія женщины, сѣвъ на лодки, подъѣзжали къ государыниной галерѣ, а иные на судахъ и пѣшкомъ нѣсколько верстъ провожали; часу въ 3-мъ тронулись съ мѣста, тогда народъ закричалъ ура! и повторялъ сіе минутъ съ 10. Съ утра самаго до полуночи шелъ дождь и то время непріятно было. Вечеромъ ѣхавъ всѣ на веслахъ, проѣхали около 9-го часа въ Городню и, кинувъ якорь, тутъ ночевали, а 3-го Мая къ 6-му часу тронулись съ мѣста, обѣдали въ Сухаринѣ, а ночевали въ Новосельѣ; хотя дождикъ не шелъ, только время было холодно, вѣтряно и непріятно. Того же числа вечеромъ роздана книга „Велизера“, по частямъ, для перевода.

4-го выѣхали въ 5-мъ часу по утру, обѣдали подлѣ деревни Устья, на рѣкѣ Дубнѣ. Послѣ обѣда проѣзжали Кимру, принадлежавшую прежде Михаилу Ларіоновичу Воронцову*), которая очень прекрасное положеніе мѣста имѣетъ,

*) Не за долго передъ тѣмъ скончавшемуся. Кимра принадлежала супругѣ его графинѣ Аннѣ Карловнѣ, рожд. гр. Скавронской. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

смотря съ рѣки; сошли на берегъ съ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, прошли сквозь село, смотря очень хорошую для деревни каменную церковь, начатый хорошій каменный гостиный дворъ и сдѣланную черезъ деревню хорошую новую дорогу; зачата также очень хорошая каменная стѣна около деревни. Поутру время было не очень хорошо, послѣ обѣда къ вечеру сдѣлалось пріятнымъ.

5-го числа въ 5-мъ часу пошли, остановились у Калязина монастыря. Государыня съ придворными изволила въ шлюпкѣ переѣхать и выйти на берегъ, тутъ было много женщинъ, дворянъ-мужчинъ. Государынѣ говорилъ рѣчь архіерей Тверской—этотъ монастырь его епархіи; потомъ изволила слушать обѣдню; послѣ обѣдни, которую тутошній попъ служилъ, Государыня, пришедъ въ кельи, жаловала къ ручкѣ дворянъ, дворянокъ, мѣщанъ; монастырь хотя не очень великъ, только изрядно отстроенъ: церковь, гдѣ служили, не велика, но хороша; сей монастырь въ Кашинскомъ уѣздѣ; въ ономъ уѣздѣ нѣсколько болѣе 60,000 душъ считаютъ; земля, какъ я слышалъ, въ этомъ уѣздѣ почти вся песчаная. Пожаловавъ къ рукѣ, Государыня изволила возвратиться на судно, гдѣ обѣдали Тверской архіерей и архимандритъ этого монастыря, и воевода Кашинскій приглашенъ былъ; послѣ обѣда простился архіерей совсѣмъ, тутъ его епархія кончилась, а мы потомъ поѣхали и ночевали подлѣ сельца Городища, 13 верстъ отъ Углича; изъ Калязина выѣзжали посадскіе на лодкахъ, пѣли пѣсни и провожали Государыню на лодкахъ нѣсколько верстъ.

На другой день, 6-го Мая, поѣхали часу въ 5-мъ и пріѣхали часу въ 8 въ Угличъ, гдѣ Государыня, обѣдню отслушавъ, изволила жаловать къ ручкѣ многихъ дворянъ, дворянокъ и посадскихъ мужиковъ, потомъ изволила возвратиться на суда; при выходѣ на пристань говорилъ игуменъ рѣчь поздравительную. Я былъ въ церкви Дмитрія Царевича и видѣлъ тутъ вышитый матеріею его образъ, на которомъ лежатъ укрѣпленные 4 орѣшка, которые онъ въ рукѣ имѣлъ, когда его погубили; сія церковь обновлена покойницей Елисаветой Петровной государыней и очень изрядная; также и соборъ очень не дуренъ, въ которомъ служили; церквей и съ слободою вмѣстѣ—26 и почти всѣ каменныя, впрочемъ строеніе городское никакъ почти отъ деревенскаго отличить нельзя; земля, какъ мнѣ сказано, по большей части песчаная и нѣсколько иловатая. Къ столу былъ приглашенъ генералъ-поручикъ отставной и здѣшній дворянинъ Григорьевъ. Послѣ обѣда шли при вспомогательномъ вѣтрѣ, то на парусахъ, то на греблѣ, и ночевали 44 версты отъ Углича въ деревнѣ Островкахъ; время сего числа очень было хорошо. Государыня съ неописанной радостью встрѣчена была, и изъ Рыбной Слободы бывшіе тутъ посадскіе, поднеся рыбу, просили къ себѣ на перепутье въ свою слободу; Государыню провожали отъ города нѣсколько лодокъ верстъ съ 5 и пѣли пѣсни.

На другой день, 7-го Мая, отшедъ версты съ 4 съ превеликимъ трудомъ и болѣе 2-хъ часовъ на оное употребя, принуждены за превеликимъ противнымъ вѣтромъ остановиться и весь день на якорѣ простоять, ибо оный во весь день продолжался.

Библиотека "Руниверс"

8-го Мая дошли посада Мологи, 28 верстъ отъ Рыбной Слободы, на самомъ устьѣ Мологи, гдѣ она въ Волгу впадаетъ, и въ этомъ мѣстѣ почти также широка, какъ Волга; тутъ отобѣдавъ привозили родню Ивана Яковлевича Пушкина; пожаловавъ ихъ къ ручкѣ, пошли въ походъ и плыли до самой Рыбной Слободы. Какъ скоро въ Волгу влилась (Молога), то гораздо ее шире противу прежняго сдѣлала; проѣхали подъ Рыбной Шексну, впавшую въ Волгу, которая въ устьѣ немного уже Мологи; по обѣ стороны устья сидятъ два села, а на самомъ устьѣ двѣ церкви каменныя, оныя другъ противъ друга; какъ мы верстъ около 8-ми отъ Рыбной были, выѣхали изъ оной лодокъ съ 5 на встрѣчу, пѣвъ пѣсни провожали до самой Рыбной.

9-го Мая Государыня часу въ 8-мъ изволила къ обѣднѣ пойти, церковь очень хорошо украшена и въ ней находится 4 каменныхъ церкви, 600 душъ посадскихъ, какъ я тутъ слышалъ самъ отъ тутошняго жителя, что земля по большей части песчаная, а въ низкихъ мѣстахъ иловатая; ежели очень хорошій урожай ржи, то рожь бываетъ самъ 4. Послѣ обѣдни жаловала къ ручкѣ Государыня туда пріѣхавшихъ дворянъ, дворянокъ, посадскихъ и женъ ихъ; сюда выѣхало нѣсколько купцовъ изъ Ярославля, Государынѣ подносили хлѣбъ съ солью, также и рыбу; жители сей слободы промыселъ имѣютъ хлѣбомъ и состоянія небѣднаго. Какъ скоро возвратились на судно, то пошли далѣе и отшедъ верстъ 15, остановились кушать у дворянина Тишинина въ селѣ Малшинѣ; пожаловавъ къ ручкѣ всю его собранную фамилію, двѣ молодыя дѣвушки говорили привѣтствія Государынѣ на Французскомъ языкѣ, потомъ изволила сѣсть кушать, столъ былъ очень изрядный, также и вина; село его сидитъ на превеликой горѣ, перпендикуляръ, какъ онъ сказывалъ, 26 сажень и зачалъ уже строиться; въ сей самый день Николая Чудотворца былъ онъ имянинникъ; послѣ обѣда тотчасъ изволила возвратиться на судно, пожаловавъ ихъ всѣхъ къ ручкѣ. Поѣхала съ благополучнымъ вѣтромъ далѣе, проѣхали городъ Романовъ, который не очень красивъ и, наконецъ, пріѣхали въ Ярославль. Послѣ обѣда уѣхали съ 70 верстъ. Верстъ за 10 отъ города была встрѣчена Государыня лодками изъ Ярославля, которыхъ болѣе 100 было, и такъ провожали они насъ до самаго Ярославля. По пріѣздѣ стрѣляли изъ пушекъ и народа много было на берегахъ; время же вѣтряно съ маленькимъ дождикомъ. Государыня изволила переѣхать въ шлюпкѣ на пристань, гдѣ былъ архіерей съ духовенствомъ, чужестранные посланники и дворянство тутошное съ народомъ; Государыня прошла въ соборную церковь, по малой службѣ, обыкновенной при такомъ случаѣ, и приложась къ мощамъ сей церкви, изволила пройти въ архіерейскій домъ; посланники, побывъ съ $^1/_4$ часа тутъ, пошли по домамъ.

10-го поутру Государыня не изволила выходить, а я ходилъ городъ смотрѣть; строеніе очень дурно, все почти крестьянскія избы, улицы тѣсныя, вымощенныя досками. Тоже утро жаловала Государыня дворянство и купечество къ рукѣ, были чужестранные министры, которые обѣдать оставлены и обѣ графини Чернышевы. Послѣ обѣда изволила поѣхать въ Спасскій монастырь, гдѣ приложилась къ мощамъ, вошла въ кельи къ архіерею; побывъ

Библиотека "Руниверс"

тутъ съ полчаса, поѣхала на Затрапезнова фабрику; посмотря ее, переѣхала черезъ Котросль къ Собакину на фабрику; обѣ сіи фабрики величины чрезвычайной, особенно Собакина, на которой много разныхъ товаровъ и въ большомъ количествѣ приготовляются. Котросль разливается въ это время такъ, что почти шириною съ Волгу; Волга же подъ городомъ шире версты, а когда вода съ Котросля сбываетъ, то только едва 20-ю часть сохраняетъ—около 30 сажень. Государыня возвратясь жаловала дворянокъ къ ручкѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень изрядныя; во время бытія Государыни у Собакина тутъ было много народа, кричали ура! и она изволила въ дома обоихъ сихъ фабрикантовъ заходить и у каждаго около получаса пробыть; у Собакина невѣстка недурна, а у Затрапезнова двѣ женщины изъ его родни также недурны; во всѣхъ этихъ мѣстахъ были посланники и оставлены съ графинями Чернышевыми ужинать.

11-го числа я ѣздилъ съ Волковымъ, регистраторомъ архіерейскимъ, осматривалъ церкви и видѣлъ съ 10, которыя всѣ строены почти лѣтъ съ 70, наружно хороши, а особливо внутренно убраны хорошо. Послѣ обѣда Государыня намѣрена была съѣздить на шелковыя фабрики, да за дурнымъ временемъ отложила; посланники ужинали, и сего числа поутру жаловала къ ручкѣ купецкихъ женъ, которыхъ болѣе 300 было; изъ нихъ мало я видѣлъ хорошихъ.

12-го Мая пошелъ я къ Затрапезному на фабрику, чтобъ обстоятельнѣе объ сей работѣ освѣдомиться; утро цѣлое пробывъ, видѣлъ всю работу. Затрапезный посулилъ мнѣ прислать по кусочку каждой работы отъ самаго начина до совершенства; вещей, которыя у Собакина находятся, такимъ же образомъ прислать съ короткимъ описаніемъ происходимой работы, и шелковыхъ товаровъ, сколько ихъ дѣлается, по кусочку, но безъ описанія. У него я слышалъ, что льну въ Ростовѣ и около Ярославля лежащихъ мѣстахъ, когда годъ хорошъ, родится для работъ, производимыхъ на его и Собакина фабрикахъ, довольно; въ Ростовскомъ уѣздѣ родится лучшій ленъ, лучше его приготовляютъ и лучшія нитки прядутъ; во всѣхъ оныхъ мѣстахъ зимою, и особливо въ Ростовѣ, прядутъ мущины. На фабрикахъ у Затрапезнова работаютъ, онъ мнѣ сказывалъ, зимою 3000 человѣкъ, а Собакина фабрика несравненно болѣе и, какъ я думаю, до 10,000 человѣкъ работаютъ зимою на обѣихъ фабрикахъ. Затрапезный сказывалъ, что онъ прошедшій годъ своихъ товаровъ, по большей части коломенку и ровендуку, отпустилъ около 80,000 арш. въ Англію; прошедшій годъ, онъ сказывалъ, закупилъ на 30,000 руб. одной пряжи, а у Собакина мы видѣли закунную пряжу, которой было болѣе 100,000. . . ., выработанные товары въ пятеро или болѣе еще продаются, какъ простой ленъ. Затрапезный признавался, что ленъ былъ одинъ годъ цѣною $^1/_3$ противъ прежняго дороже, онъ же свои товары по старой цѣнѣ отпускалъ, совсѣмъ тѣмъ имѣлъ барышъ. Сей день обѣдали чужестранные министры, а вечеромъ Государыня изволила быть въ домѣ воеводскомъ, у Собакина, Затрапезнаго и у нѣкоторыхъ купцовъ въ гостяхъ; ужинъ былъ очень изрядный, тутъ были всѣ чужестранные посланники и нѣсколько городскихъ женщинъ; послѣ ужина былъ изрядный фейерверкъ, сдѣланный на водѣ; сей день время было очень хорошо.

Библиотека "Руниверс"

13-го числа Государыня слушала обѣдню въ соборной церкви, гдѣ самъ архіерей служилъ и послѣ молебенъ за здравіе ея былъ пѣтъ; у стола были посланники всѣ. Послѣ обѣда тотчасъ Государыня ѣздила въ Тольской монастырь, который изрядно прибранъ, а оттуда возвратясь проѣхала черезъ городъ прямо къ судамъ и изволила сѣсть на суда. Тутъ я слышалъ, проходя сквозь народъ, отъ одной бабы: „ну уже я ее теперь матушку совсѣмъ высмотрѣла“; а отъ другой, которая говорила съ подружкой своей: „посмотри, старуха-то у нея насильно руку тащитъ, а она матушка смѣется“. Государыня куда ни выходила, народъ на нее не могъ насмотрѣться, и при всякомъ выходѣ было великое множество; здѣсь народъ собою добръ, ласковъ и учтивъ очень, одѣтъ чисто, нищихъ очень мало; женщины же, даже до крестьянокъ, бѣлятся и румянятся очень. Когда подъѣзжаешь къ городу съ верху Волги, то онъ гораздо не такъ красивъ, какъ проѣзжая его внизъ посмотришь назадъ; городъ лежитъ на крутой и высокой горѣ, и многія хорошія церкви, представляющіяся съ этой стороны, дѣлаютъ видъ хорошій. Архіерей посулилъ мнѣ, также и регистраторъ Волковъ, прислать, сколько онъ можетъ собрать, лѣтописцевъ въ своей епархіи; это стоитъ, чтобъ написать. Когда Государыня была у Собакина, то тутъ много народа собралось во время фейерверка, который въ-первыя въ семъ городѣ былъ; такъ жадно народъ на Государыню смотрѣлъ, что только тогда смотрѣлъ на фейерверкъ, когда тамъ что-нибудь громко стукнетъ; а ежели что-нибудь горитъ, то тотчасъ оборачивался лицомъ къ Государынѣ. Этого я самъ не примѣтилъ, а братъ Григорій мнѣ сказывалъ. Также сказывалъ Сергѣй Матвѣичъ Кузьминъ, что Романовскіе купцы, увидя Государыню, одинъ изъ нихъ говорилъ: „весь городъ сожалѣетъ Государыню, что не имѣлъ счастія видѣть у себя“. Государыня изволила сказать, что она, можетъ, въ другой разъ когда-нибудь ихъ удовольствуетъ, только сей разъ было никакъ нельзя къ нимъ заѣхать. Часа два пробывъ на судахъ, на Государынину галеру пріѣхали посланники. Пошли отъ Ярославля; тогда изъ города палили изъ пушекъ, и мы имъ 5-ю выстрѣлами отвѣтствовали. Три дня были въ Ярославлѣ, весело время проводили, но только одинъ день былъ хорошъ. Отъѣхавъ 9 верстъ на веслахъ, остановились и ужинали всѣ посланники на галерѣ у Государыни. Въ Ярославской провинціи много льна сѣютъ; земля не хороша, песчаная и иловатая, хлѣбъ сѣющійся въ Ярославлѣ не столь много родится, чтобъ всѣ живущіе въ оной провинціи этимъ хлѣбомъ прокормиться могли, и для того въ добавокъ привозится изъ нижнихъ плодородныхъ мѣстъ.

14-го Мая рано, часу въ 4-мъ, поѣхали далѣе и, отъѣхавъ верстъ съ 30, обѣдали. Министры часа 3 до обѣда пріѣхали на нашу галеру, и Государыня изволила къ нимъ выйти и разговаривать съ ними до самаго обѣда. Отобѣдавъ, поѣхали съ благополучнымъ вѣтромъ и часу въ 8 прибыли къ Костромѣ и, приближась къ Ипатскому монастырю, на рѣкѣ Костромкѣ, которая тогда почти съ Волгу шириною была, стали на якорѣ; между городомъ и Костромою, гдѣ галера Государыни стояла, тутъ глубина 5 сажень, а гдѣ другія стояли, то у нѣкоторыхъ 7 и 8 сажень глубины было. Государынію верстахъ въ 50 встрѣтило отъ города Костромское судно съ волторнами, подъ городомъ же выѣхало

Библиотека "Руниверс"

много лодокъ, очень изрядно убранныхъ, и число казалось болѣе Ярославскаго; пѣли пѣсни и кричали ура! Депутатъ сего города Александръ Ильичъ Бибиковъ, учредитель всего, что до пріема Государыни касалось, съ предводителемъ тогожъ города, позваны на галеру и оставлены къ ужину, будучи сперва оба къ ручкѣ допущены. Подъѣхавъ къ монастырю, около котораго на берегахъ множество народа стояло, который безпрерывно кричалъ ура, какъ и тотъ, который по другую сторону Костромы у города стоялъ, кинули якорь. Сей весь день Государыня проводила съ посланниками, они и ужинали съ нами; время было очень дурно, послѣ обѣда все дождикъ шелъ, и этотъ день Государыня не изволила выходить.

На другой день, 15-го, пріѣхавъ къ пристани, Государынѣ тутошній архіерей рѣчь говорилъ, которая ее, въ разсужденіи бывшаго дождя и дурного времени, нѣсколько обезпокоила; послѣ оной пошли въ монастырь. Строеніе его очень хорошо и похоже на Ярославскія церкви. Видъ съ рѣки не дуренъ и внутри мнѣ показался убраннымъ лучше всѣхъ видѣнныхъ мною на дорогѣ доселѣ; онъ особливо примѣчанія достоинъ, потому что царь Михаилъ Ѳедоровичъ, послѣ гоненій вынесенныхъ, объявленъ царемъ Россійскимъ. Позолота тутъ такъ кажется нова, какъ бы вчера сдѣлана, а она сдѣлана такъ давно, что и не помнятъ. Какъ давно сей монастырь построенъ, извѣстій нѣтъ. Послѣ обѣдни Государыня пошла въ архіерейскій домъ, который очень немалъ и недуренъ; тутъ допущены были къ рукѣ дворяне и дворянки, которыхъ болѣе Ярославскаго казалось, между дворянками изрядныя лица были, также и канцелярскіе служители; 4 ученика говорили привѣтствія Государынѣ, два на Русскомъ изрядно сложенныя, одинъ на Латынскомъ, одинъ и на Греческомъ. Послѣ сего говорилъ рѣчь Александръ Ильичъ Бибиковъ; она была коротка, только, казалось мнѣ, хотя я и не все слышалъ, сильна; сравненіе было въ ней нынѣшней Государыни съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. „Какую радость, говорилъ онъ, чувствовалъ городъ сей отъ присутствія сего государя, какую же нынѣ чувствовать долженъ, когда ты несравненно болѣе о нашемъ благополучіи печешься? и т. д.“... Рѣчь Государынѣ понравилась. Сіе утро Государыня нѣсколько устала. Обѣдъ былъ приготовленъ и съ виномъ дворянами; они во время онаго служили, кушанья носили и тутъ стояли, а Государынѣ служили двѣ дѣвушки за стуломъ и дѣлали то, что обыкновенно камеръ-пажи дѣлаютъ; тутъ же стояли и дворянки; столъ и вино были очень хороши; въ обѣдѣ пили за здоровье Государыни, а потомъ за дворянское. Нѣсколько время спустя поѣхали въ городъ рѣкою, и у пристани кареты изрядныя и довольно приготовлено было. Для въѣзда въ соборъ сдѣланы были очень изрядно торжественные ворота; народу по улицамъ очень много было, и безпрерывно кричали ура. Соборъ изрядно убранъ, и много надписей тутъ находятся. Архіерей съ духовенствомъ встрѣтилъ Государыню, онъ и въ монастырѣ самъ служилъ обѣдню. По маломъ пѣніи, возвращаясь Государыня изъ собора была на лѣстницѣ встрѣчена дворянскими молодыми, хорошо убранными, нѣсколькими дѣвушками, которыя ей цвѣты метали; она, остановясь, изволила ихъ всѣхъ поцѣловать. Пріѣхавъ въ воеводскій домъ, купцы съ своими женами

Библиотека "Руниверс"

допущены были къ ручкѣ; одну изъ нихъ только поцѣловала Государыня. Переѣхавъ черезъ рѣку, Государыня изволила опять пойти въ архіерейскій домъ. Я ходилъ къ архіерею самъ съ Козицкимъ, и онъ мнѣ посулилъ, сколько найдетъ, лѣтописцовъ прислать ко мнѣ. Онъ человѣкъ изрядный, только малосвѣдущъ, кажется. Отъ него пришедъ видѣлъ Татаръ съ ихъ женами, представленныхъ Государынѣ; здѣсь цѣлая слобода магометанскаго закона. Она изволила ихъ къ рукѣ пожаловать, женщинъ съ 6 поцаловала, а мужья ихъ говорили: они неучливы, они по просту. Государыня приказала отпустить дворянство все съ ихъ женами, оставя депутата съ предводителемъ у ужина. Ужинъ былъ также дворянскій и не хуже обѣда. Послѣ ужина, простясь со всѣми, возвратилась Государыня на свою галеру; противъ монастыря сдѣлана была иллюминація и монастырь весь иллюминованъ. Пріемъ Государыни въ Костромѣ былъ очень хорошъ, все было очень порядочно расположено и гораздо лучше Ярославскаго. Въ Ярославлѣ и во все прожитіе тамъ по дорогѣ до Костромы и въ Костромѣ всему были свидѣтели очевидные сами всѣ посланники, и они казались чрезвычайно довольными пріемомъ Государыни: они не могли надивиться радости народа, который ее видѣлъ; однимъ словомъ, вся дорога до Костромы, казалось, имъ очень пріятна была. Государыня одного дворянина въ пажи изволила взять, двухъ дворянскихъ дѣтей въ капралы въ гвардію пожаловать. Въ городѣ 4 фабрики полотняныхъ, гдѣ дѣлаютъ ровендукъ, коломенку и Фламское полотно; большая изъ нихъ 420 становъ, другая 350, а самая малая около 100. Отъ города въ 2-хъ верстахъ или немножко подальше еще въ 150 становъ полотняная фабрика, принадлежащая Роману Ларіонычу*), да еще одна 40 верстъ отъ Костромы въ пригородкѣ Нерехтѣ, становъ поболѣе 100; тутъ вышелъ лучшій кряжъ всего уѣзда земли на нѣсколько верстъ, гдѣ хлѣбъ родится въ хорошій годъ самъ 6; здѣсь земля по большей части иловатая, однако и песчаная есть. Сѣять много льна, хлѣбомъ своимъ однимъ не могутъ довольствоваться, а получаютъ изъ нижнихъ мѣстъ. Въ Костромѣ теперь прокуроромъ Вердеревскій. Волга противъ Костромы разливается, мнѣ сказывали, верстъ на 60 и потопляетъ лѣса, такъ что иныхъ деревъ не видно. Сего числа время было очень дурно.

16-го Мая, часу около 9-го, тронулись съ мѣста; тогда палили изъ пушекъ съ города, и мы имъ отвѣтствовали съ нашей галеры, много народа по берегамъ было, кричали ура! Верстъ поболѣе 30 отъѣхавъ, остановились подлѣ деревни Орлекъ; послѣ обѣда поѣхали далѣе и доѣхали до села Александра Ильича Бибикова, назыв. Петропавловское, верстъ 40 отъ Орлека и съ 25 отъ Кинешмы; вечеромъ пріѣхалъ онъ съ женою и съ отцемъ и тутъ оставленъ ужинать.

На другой день, 17-го Мая, Государыня изволила часу въ 10-мъ поѣхать къ обѣднѣ, послѣ обѣдни откушала у него, пожаловала его сына фуръ-еромъ и скоро потомъ возвратилась на галеры. Мѣстоположеніе села сего недурно и гораздо высокое. Скоро пріѣхавъ на галеры, пошли далѣе и при благополучномъ вѣтрѣ отошли 63 версты въ эти послѣ-обѣда и стали при церкви Иліи

*) Воронцову. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Пророка; время сей день было очень изрядно, около 5-ти часовъ шли. Въ Кинешмѣ фабрика полотняная, какъ я слышалъ, становъ на 200; городъ Кинешма невеликъ и гораздо нехорошъ, лежитъ на горѣ. До деревни Бибикова земля еще дурна и далѣе къ Кинешмѣ и за Кинешму, и плодъ приноситъ такъ, какъ въ Ярославскомъ уѣздѣ.

18-го Мая отошли по утру верстъ съ 80, и я съ братомъ Григоріемъ, проходя пѣшкомъ слободу Пучежъ, слышали тутъ, что земля уже лучше становиться зачала. Остановились въ слободѣ Котункѣ обѣдать, отъ Пучежа 20 верстъ; а послѣ обѣда, отъѣхавъ 24 версты на греблѣ, остановились подлѣ села Городецъ, 46 верстъ отъ Нижняго Новгорода; день былъ прекрасный и прямо лѣтній.

19-го Мая Государыня изволила быть въ монастырѣ нововыстроенномъ и недавно погорѣломъ въ Городцѣ для освященія сего монастыря. Въ семъ монастырѣ постригся и посхимился Александръ Невскій, который перенесенъ въ резиденцію его Владиміръ, а наконецъ въ Петербургъ. Когда Государыня изволила идти въ монастырь, то вездѣ женщины постилали платки и шолковыя и всякія до самаго монастыря; послѣ освященія Государыня возвратилась на галеру. Во время прохожденія ея иной называлъ ее ягодкой, иная баба—солнышкомъ, иная—кормилица наша; дьяконъ спрашивалъ брата Григорія, когда служба началась, какъ онъ мнѣ сказывалъ, не поставить ли свѣчъ передъ Государыней?....*) Въ здѣшнемъ уѣздѣ земля не дурна, по большей части сѣрая, однако навозить надобно; сѣютъ много льна, также овесъ, пшеницу и рожь; рожью своею никогда не пробавляются, а привозятъ въ добавокъ снизу; земля, какъ тутъ мнѣ сказывали, пошла все такая до самаго Нижняго Новгорода. Ленъ никуда не отпускаютъ, но весь здѣсь перепродаютъ и въ холсты передѣлываютъ; здѣсь и мужики прядутъ, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Волжскою работою не промышляютъ, и тутъ нѣсколько прядутъ. Главный промыселъ тѣхъ мужиковъ, которые Волгскою работою не промышляютъ, обработываніемъ холста; льна изъ всей здѣшней губерніи не отпускаютъ, но въ холстъ передѣлываютъ; холстъ я здѣсь купилъ аршинъ по 6 коп. Въ Городцѣ бываютъ ярмарки зимою всякую Субботу, куда до 2000 возовъ привозятъ верстъ 200 изъ нижнихъ мѣстъ, а отсюда уже и въ дальнія мѣста вверхъ провозятъ; здѣсь мнѣ сказывали, почти нѣтъ крестьянина, у котораго бы стана не было для тканья холста. Послѣ обѣда поѣхали далѣе, проѣхали городъ Балахну; сей городъ не великъ, лежитъ на плоскомъ берегу и дурно построенъ; тутъ купцовъ съ 10 есть богатыхъ, а особливо одинъ Осокинъ. 10 верстъ отъ Нижняго Новгорода стали на якорѣ; въ Балахнѣ нѣсколько рощъ изъ вяза и изъ дуба, и съ этихъ мѣстъ по берегамъ началъ дубнякъ появляться; время было сей день очень хорошо, и 51 стругъ намъ попалось.

20-го Мая тронулись съ мѣста часу въ 8-мъ и пріѣхали около 10-ти къ городу. Государыня, будучи встрѣчена губернаторомъ, дворянствомъ и нарю-

---

*) Къ гр. Н. И. Панину Екатерина писала, что въ одномъ мѣстѣ народъ палъ на колѣни, и зажглись свѣчи. „Кутухтой здѣсь легко прослыть“, прибавила она. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

домъ, сѣвъ въ коляски, поѣхали въ соборъ, изъ всѣхъ лучшій соборовъ, которые я видѣлъ до здѣшняго мѣста, т. е. только строеніемъ и расположеніемъ внутреннимъ, но не убранствомъ. Послѣ обѣдни сказывалъ протопопъ здѣшній проповѣдь; въ ней много дѣлъ произведенныхъ Государыней упомянуто было, нѣкоторыя изъ нихъ очень хорошо въ честь ея оборочены были. А оттуда изволила поѣхать въ архіерейскій домъ, который изрядно убранъ, довольно пространенъ и лучшій въ городѣ; тоже самое утро допущены были архимандриты съ архіереемъ, дворянство и дворянки къ рукѣ. Въ обѣдъ Государыня приказала архіерею собрать сколько можно извѣстія и лѣтописцовъ, которыхъ здѣсь найти можно и переслать въ Петербургъ. Послѣ обѣда ѣздилъ я смотрѣть городъ вдоль по Окѣ и въ длину: видѣлъ, что городъ сидитъ на пяти горахъ; строенія, выключая дома четыре, очень дурны, амбары всѣ почти деревянные. Потомъ ѣздили въ Печерскій монастырь. Онъ не очень хорошъ и лежитъ на половинѣ горы высокой, и достойнаго примѣчанія ничего въ немъ не нашли. День былъ очень хорошъ; земля въ здѣшнемъ уѣздѣ изрядная, однако унавоживаніе необходимо: здѣсь сѣютъ рожь и ленъ и переработываютъ его въ холстъ.

21-го числа по утру я никуда не выходилъ, а Государыня протопопа съ духовенствомъ изволила допустить къ рукѣ, а послѣ обѣда проѣхала по городу до пристани, и тутъ сѣвъ на шлюпку вверхъ по Окѣ до конца города и назадъ: день былъ очень хорошъ.

22-го Мая по утру съ братьями посѣщалъ архіерея; онъ человѣкомъ немудренымъ показался. По утру допущены были купеческія жены къ рукѣ, изъ нихъ болѣе казалось хорошихъ, нежели въ Ярославлѣ, а одна была очень хороша. Женщины здѣсь очень податливы; причина главная тому: гости проѣзжающіе и отсутствіе мужей.... Лоцману, который съ нами изъ Ярославля въ Нижній Новгородъ пріѣхалъ, за претерпѣнный имъ убытокъ чрезъ отсутствіе его, пожаловала 500 р. Послѣ обѣда часу въ 6 Государыня поѣхала на суда, народу по дорогѣ было очень много; прибывъ на суда, чрезъ часъ пошли, съ города стрѣляли, и мы имъ послѣ отстрѣляли, много было на лодкахъ провожающихъ. Видъ города, въ разсужденіи его положенія съ рѣки очень хорошъ, люди веселы, очень свѣжи и здоровы, а особливо женщины. Въ городѣ ничего почти примѣчанія достойнаго нѣтъ: купечество въ разсужденіи своего выгоднаго положенія для торга очень скудно; здѣсь прокуроромъ Алексѣй Ивановичъ Бахметевъ, который мнѣ разныя извѣстія объ этой губерніи сообщить обѣщался. Тотъ же день отъѣхали 26 верстъ и стали противъ деревни Большого Врага.

22-го Мая пріѣхали къ Макарью монастырю, отъѣхавъ отъ ночлега 54 версты. Государыня изволила быть въ монастырѣ и слушать молебенъ, я ходилъ смотрѣть гостиный, который хотя великъ, но не очень хорошъ и весь деревянный: церковь монастырская имѣетъ три купола: письмо образное на иконостасѣ хорошо гораздо, и церковь вся хороша. Въ Лысковѣ купилъ себѣ холста на 30 руб.: хлѣба въ Лысковѣ, какъ я слышалъ, пшеницы и ржи очень много грузятъ, гораздо болѣе нежели въ Работкахъ, а особливо ржи; холстъ возятъ на ярмарку не только изъ ближнихъ мѣстъ, но и изъ Костромы. Архимандритъ.

Библиотека "Руниверс"

который въ монастырѣ, обѣдалъ у Государыни на галерѣ, обѣщалъ мнѣ прислать все что̀ собрать можетъ; онъ называется Амвросій. Послѣ обѣда доѣхали до села Сомовки, отъ монастыря 45 верстъ; день былъ очень хорошъ и жарокъ. Отъ Нижняго самаго уже зачалъ боръ пропадать, а верстъ за 50 до Василя совсѣмъ или очень мало сосняку на нагорной сторонѣ видно было, и какъ лоцманъ сказывалъ, что на нагорной и въ сторону по большей части дубнякъ, да и хорошій между дурнымъ попадается, липнякъ, кленникъ, вязъ, осокорь и нѣкоторыя другія деревья; на луговой же сторонѣ хотя на берегу такой же лѣсъ, какъ и на нагорной, однако въ сторону, версты 3—4 или нѣсколько болѣе, много бора очень; по нагорной сторонѣ верстъ 30 отъ Василя, отъ берега верстъ 7, черная хорошая земля началась; на луговой же вся почти песчаная, что̀ и лѣсъ доказываетъ.

24-го Мая. тронувшись часу въ 4 съ мѣста, отплыли 57 верстъ и остановились 3 версты отъ Козьмодемьянска. Васильсурскъ, который мы проплыли. пренаисквернѣйшій городъ; Сура рѣка, впадающая при немъ въ Волгу, изобилуетъ лѣсомъ по обѣимъ сторонамъ разнымъ, между которымъ и дубъ хорошій встрѣчается. Отъ Василя уже самаго пошла земля по нагорной сторонѣ черная. Мы съ братомъ Григоріемъ ходили до обѣда на гору, которая по косогору 400 шаговъ вышины; отошедъ сажень 20 или менѣе, видѣли черную землю, однако мужики увѣряли, жители тутошніе, что безъ навоза эта земля не хорошо родитъ, а что отъ Камы уже пойдетъ земля, гдѣ навоза класть нельзя; по другую же сторону земля нехорошая, песчаная, по сказкамъ сихъ жителей и лоцмана, продолжается. Въ Василѣ встрѣтилъ насъ губернаторъ Казанскій. Козмодемьянскъ гораздо лучше Васильсурска. Послѣ обѣда уѣхавъ болѣе 30 верстъ, остановились за 25 верстъ отъ Чебоксаръ.

25-го Мая пріѣхали въ 8 часу въ Чебоксары; городъ сидитъ на нѣкоторой вышинѣ по Волгѣ, однако такъ, какъ въ буеракѣ между двухъ горъ. Государыня, отслушавъ молебенъ въ монастырѣ (тутъ архимандритъ служилъ), изволила ѣздить къ дубовой рощѣ версты 4 отъ города и ходить по ней; она окружностью на 30 верстъ самая большая изъ всѣхъ по этой провинціи; въ уѣздахъ городовъ, лежащихъ по Волгѣ этой провинціи, находится 36 рощъ и самая меньшая окружностью въ 2 версты. Здѣсь земля почти вся черная на нагорной сторонѣ, однако вездѣ почти по этому уѣзду навозятъ; на луговой же сторонѣ земля песчаная, и весь уѣздъ состоитъ почти въ Чувашахъ. Послѣ обѣда отъѣхали 44 версты и остановились ночевать верстъ за 80 отъ Казани: день былъ очень хорошъ и жарокъ.

26-го съ утра отошли 70 верстъ и остановились отъ Казани за 10 верстъ обѣдать, проѣхавъ Свіяжскъ, котораго видъ очень хорошъ; во время большой воды понимается оною со всѣхъ сторонъ. Послѣ обѣда часу въ 5 доѣхали до Казанки, она въ устьѣ своемъ не будетъ въ половину противъ Костромы, отъ города версты съ 4 впадаетъ въ Волгу. Видъ города очень хорошъ въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ версты 3, а въ другомъ съ 1, съ Казанки, т. е. много очень каменнаго представляется. Монастырь Силантьевъ по Казанкѣ лежитъ

Библиотека "Руниверс"

на нѣкоторой вышинѣ, и видъ онаго очень недуренъ. Часу въ 7-мъ пріѣхали въ городъ, будучи встрѣчены премножествомъ разнаго народа и дворянства, съѣхавшагося при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Государыня до города доѣхала въ шлюпкѣ; ѣхавъ по городу остановилась въ соборѣ. Архіерей здѣшній говорилъ рѣчь, я ее всей не слыхалъ; отслушавъ молебенъ, изволила до дому сквозь тріумфальные ворота . . . . . прибыть, которые очень хорошо сдѣланы; день былъ очень хорошъ.

27-го Государыня изволила быть въ соборѣ, а прежде представлены были Измайловскіе офицеры къ рукѣ. Насъ было: Всеволожскій меньшой, я, Хотяинцевъ и Александръ Ильичъ Бибиковъ. Сего числа былъ Троицынъ день; губернаторъ съ дворянствомъ у обѣда оставлены были, архимандриты трое съ архіереемъ и нѣсколько дворянства . . . . ; послѣ обѣда часу въ 8-мъ, послѣ представленія здѣшнихъ дворянокъ и допущенія къ рукѣ, между которыми довольно очень изрядныхъ было, Государыня изволила поѣхать на бываемое въ нынѣшнее время здѣсь гульбище. Проѣзжая сквозь городъ, видѣли народа чрезвычайное множество, который весь за нами ударился бѣжать и провожалъ насъ назадъ по всему полю до самаго города; особливаго на гульбищѣ ничего не было видно, а народъ для гульбища ли собрался или съ нами прибѣжалъ, узнать было нельзя; день былъ очень хорошъ, только гораздо жарокъ.

28-го Мая Государыня изволила быть въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ очень богато убранный образъ Казанской Богородицы находится, у обѣдни. До обѣда допущены были купцы здѣшняго города и иногородцы, между которыми были такіе, которые по 400 и по 700 верстъ отсюда живутъ. Государыня такимъ прямымъ усердіемъ очень довольна была; послѣ обѣда Государыня изволила быть на суконной фабрикѣ, которая довольно много товара приготовляетъ.

29-го былъ я по утру у архіерея съ братомъ Григоріемъ Григорьевичемъ, оттуда проѣхалъ въ Татарскую мечеть. Служба ихъ проста и кажется очень богопочтительна, смиренности и вниманія во время оной болѣе быть не можетъ; въ церкви никакихъ образовъ нѣтъ, и они мнѣ обѣщали съ молитвъ, которыя они при службѣ употребляютъ, переводъ прислать; служба, которую я видѣлъ, продолжалась немного болѣе получаса. Оттуда я заходилъ въ гости къ одному Татарину, а потомъ былъ у г. Тевлелева (Тевкелевъ?), у котораго былъ тутъ же Белевичъ, родня его, знакомый брата Алексѣя Григорьича. Проѣзжая домъ, Татары встрѣтили меня и просили къ себѣ на перепутьѣ, я до обѣда быть не могъ и обѣщалъ сіе послѣ обѣда исполнить, что и сдѣлалъ. Они мнѣ очень рады были, въ переулкѣ поставили по обѣимъ сторонамъ березки, а передъ мечетью, гдѣ они меня встрѣтили, устлали коврами; со мною былъ Григорій Козицкій. Оттуда проѣхалъ полкъ смотрѣть князя Юрья Долгорукова, который учился очень хорошо въ присутствіи Ея Величества; она послѣ ученія изволила къ ручкѣ пожаловать всѣхъ офицеровъ, при семъ же случаѣ имѣлъ эту честь старый солдатъ лѣтъ 70, который осмѣлился приблизиться къ Государынѣ.

30-го Мая, послѣ обѣда, ѣздила Государыня въ гости къ архіерею въ загородный его домъ, версты 3 отъ города; тутъ говорили всѣхъ здѣшнихъ

Библиотека "Руниверс"

народовъ ребятки крещеныя на всѣхъ ихъ языкахъ; погулявъ въ саду и посидя въ хоромахъ, изволила возвратиться, проѣхавъ по Татарской слободѣ.

31-го Мая былъ я въ гимназіи, которую въ очень дурномъ состояніи нашелъ, гдѣ 12 учителей, а учащихся всѣхъ съ 40; они говорили рѣчи на Нѣмецкомъ, Французскомъ, Русскомъ и Латынскомъ языкахъ; успѣхи учащихся очень не совершенны, какъ я самъ ихъ свидѣтельствовалъ. Послѣ обѣда жаловала къ рукѣ Свіяжскихъ дворянокъ, а потомъ Татарокъ; часу въ 6 изволила поѣхать въ загородный домъ; тутъ плясали Мордва, Чуваши, Черемисы, Вотяки и Татары, мужчины и женщины; послѣднихъ пляска лучше показалась мнѣ; у Черемисъ замужнія одну пляску, а дѣвки другую имѣютъ, и музыка разная; платье Вотячекъ дѣвокъ лучше всѣхъ другихъ мнѣ показалось, выключая Татарокъ, изъ которыхъ иныя очень богато одѣваются и хорошія матеріи на платье употребляютъ. Часу въ 9 начался маскарадъ, съѣхалось много дворянства, часу въ 11-мъ былъ фейерверкъ очень хорошъ, хотя не великъ. Государыня платья маскараднаго не надѣвала. Часу въ 12 откушать изволила, а часу въ 1-мъ изволила поѣхать во дворецъ; маскарадъ многолюденъ былъ и веселъ. Городъ съ Казанки-рѣки видъ очень хорошій имѣетъ, и я думаю, конечно, лучшимъ послѣ Москвы почесться долженъ; съ рѣки кажется онъ весь каменный. Здѣсь много кожевенныхъ заводовъ, лежащихъ по большой части по рѣчкѣ изъ озера текущей сквозь городъ; въ ней-то самая лучшая вода должна бы быть, но загажена, потому что почти всѣми жителями употребляется, то и жить въ Казани нездорово; впрочемъ положеніе мѣста не нездорово и недурно; дворянъ почти всегда много въ городѣ живетъ, и я много тутъ хорошихъ дѣвушекъ и барынь видѣлъ, много компаніи водится.

1-го Іюня часу въ 12 утра, поѣхали съ Государыней на галеры; народа множество по улицамъ стояло, и сѣвъ на шлюпки, поѣхали на галеры; кричали много ура, изъ пушекъ палили и въ колокола звонили; отъѣхавъ верстъ съ 10, остановились обѣдать, а послѣ обѣда, отъѣхавъ еще верстъ съ 20, ужинали.

2-го Іюня, пріѣхавъ къ Камѣ, Государыня изволила пересѣсть въ шлюпку и всплыть вверхъ по оной рѣкѣ версты съ 3, тутъ видѣли ладей съ 20 въ Устьсысольѣ, суда совсѣмъ на видъ неуклюжія, грузится на такое судно отъ 70.000 до 80.000 пудъ, вода мутнѣе какъ въ Волгѣ. Отошедъ верстъ съ 5, возвратясь на галеры, остановились обѣдать, а послѣ обѣда, часу въ 6-мъ, пришли къ пристани, нарочно сдѣланной для Государыни, тутъ остановились и вышли на оную. Прошедъ 4 версты пѣшкомъ съ Государынею, сѣли въ кареты и доѣхали до Болгаровъ, всего отъ пристани $9^1/_2$ верстъ, и до самаго города дорога все лѣсомъ, а Болгары лежатъ на полѣ, тутъ сидитъ деревня и носитъ тоже имя. Подлѣ монастыря, находящагося у самой деревни, сохранился очень хорошо родъ колокольни Татаръ; на полѣ видѣли сдѣланную изъ мечети церковь, которая и до сихъ поръ сохранилась; нѣсколько мечетей развалены почти совсѣмъ, да еще одну колокольню Татарскую, которой верхъ разваливаться началъ. Во всѣхъ почти сихъ мѣстахъ изволила быть сама Государыня и крѣпко приказала губернатору, видя, что нѣкоторыя каменья съ над-

Библиотека "Руниверс"

письмо ростасканы, чтобы онаго впредъ отнюдь не было. Здѣсь въ одной развалинѣ лежитъ одинъ Татарскій святой, къ которому молиться они верстъ за 200 и далѣе пріѣзжаютъ; я нашелъ тутъ двухъ Татаръ, которые за 200 верстъ пріѣхали молиться. Съ самаго того мѣста, гдѣ Кама въ Волгу впадаетъ, находится по обѣимъ сторонамъ очень хорошій черноземъ, да и по самой рѣкѣ Камѣ очень хорошій черноземъ вверхъ по обѣимъ сторонамъ идетъ. Болгары отъ Казани верстъ съ 100, а отъ Камы вверхъ поболѣе 30, отъ Тетюшъ же верстъ съ 5 выше. Возвратясь на галеры въ каретахъ, отошли еще верстъ съ 10.

3-го Іюня часу въ 10-мъ пріѣхали къ брату Ивану въ деревню, вышли на берегъ и ѣхали верстъ съ 12. Мнѣ показались до его деревни мѣста по дорогѣ лежащія очень хороши. Послѣ обѣда Государыня изволила переѣхать чрезъ рѣчку текущую подлѣ хоромъ, гуляла по дубовой рощѣ.

Императрица описала это мѣсто въ двухъ письмахъ къ графу Никитѣ Ивановичу Панину въ слѣдующихъ словахъ (3 Іюня):

„Вчерашній день мы ѣздили на берегъ смотрѣть развалины стариннаго, Тамерланомъ построеннаго города Болгары и нашли дѣйствительно остатки большихъ, но не весьма хорошихъ, строеній, два Турецкіе минарета весьма высокіе, и все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты очень хорошей; Татары же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Сему одинъ гонитель, Казанской архіерей, Лука, при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, позавидовалъ и много разломалъ, а изъ иныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобы не вредить и не ломать сію древность. Сей день здѣсь провожу, а завтра въ Симбирскъ поѣду, разстояніемъ отселѣ въ 50 верстахъ. NB. Что я на луговой сторонѣ, мы всѣ здоровы".

Отъ 4 Іюня:

„Сія деревня въ шести верстахъ отъ пригородка Маинскъ, которой отчасти брату вашему принадлежитъ, а онъ, я чаю, и отъ роду въ немъ не бывалъ; а мы вчерась его луга потоптали. Хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розаны дикіе, а лѣса иного нѣтъ, какъ дубъ и липа, земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видятъ; однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы. Я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, что себѣ представить можешь, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду; все есть, и все дешево. Въ прочемъ, желаю вамъ здравствовать". . . . . .

4-го отобѣдавъ изволила возвратиться на галеры, и тотъ день верстъ съ 40 отошли.

5-го прибыли въ Симбирскъ, лежащій на горѣ высокой и очень дурно построенный. Государыня изволила заѣхать въ соборъ, тутъ молебенъ пѣли и, пожаловавъ къ ручкѣ, прибыла въ домъ богатаго купца Мясникова, очень хорошій и пространенъ и убранъ изрядно, дворянство и дворянки допущены были послѣ обѣда къ рукѣ. Вечеромъ я со всѣми простился.

6-го часу въ 6-мъ выѣхали изъ города, мѣняли въ деревнѣ Ключищахъ лошадей, большая часть состоящей изъ пахатныхъ солдатъ и отстоящей въ 20 верстъ отъ Симбирска. Отъѣхавъ еще 20 верстъ, мѣняли лошадей и пріѣхавъ въ Тереньгу, князя Голицына деревню; тутъ, по словамъ стряпчаго, въ селѣ находится 1,300 крестьянъ; еще ничего примѣчанія заслуживающаго нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Отсюда поѣхали и пріѣхали часу въ 7-мъ въ Новодѣвичье. Братъ Григорій пріѣхалъ сюда на шлюпкѣ и ѣздилъ по полямъ осматривать мѣста, которыя ему очень понравились; душъ здѣсь 2000 или 3000.

7-го по утру, простясь съ братомъ Григоріемъ, поѣхалъ далѣе, а онъ возвратился назадъ. Пріѣхалъ въ Усолье, 30 верстъ отъ Новодѣвичья. Я ѣздилъ 8 верстъ до Усы, мѣста хороши и угодья; сказываютъ, много дворцовыхъ и монастырскихъ болѣе 4,000. Изъ Усолья перемѣнили лошадей, отъѣхавши 20 верстъ, въ Печерскомъ селѣ и поѣхали до Сызрана города.

8-го пріѣхали къ Сызрану, 40 верстъ отъ Печерскаго, гдѣ пахатные солдаты. Сызранъ строеніемъ плохъ и малъ. Часу въ 10-мъ пріѣхали къ Кашпирскимъ вершинамъ, 25 верстъ отъ Сызрана; пригородъ Кашпиръ лежитъ съ 10 верстъ отъ вершинъ, малый и дурной строеніемъ и населенъ только пахатными солдатами, а въ 3-мъ часу пріѣхали къ Спорной Лукѣ 25 верстъ отъ вершинъ и стали у рѣчки Терешки сажени 4 ширины и довольно глубокой; тутъ мы обѣдали и купались; вечеромъ часу въ 10-мъ пріѣхали въ Сосновскую Мазу, монастырскую деревню, 30 верстъ отъ Спорной Луки; тутъ уже ѣхали все степью и въ степи лошадей перемѣняли.

9-го пріѣхали въ село Самодуровку, 17 верстъ отъ Сосновской Мазы, а потомъ доѣхали до села Тугускина, 25 отъ Самодуровки, послѣдняя—Девьерова, а первая монастырская. 30 верстъ отсюда доѣхали до Малыковки, далѣе 30 верстъ до села Архангельскаго, разныхъ владѣльцевъ, отсюда ѣхали до деревни Студенца 25 верстъ.

10-го пріѣхали къ рѣкѣ Чердыну 25 верстъ, переѣхавъ чрезъ рѣчку Курдюмъ, обѣ изрядныя по камешку текущія рѣчки и поросшія малымъ лѣскомъ. Тутъ уже перемѣняли лошадей въ степи до самаго Саратова. Отсюда пріѣхали къ урочищу, назыв. Устье Елшанки, хотя тутъ и не устье, 25 верстъ, рѣчка маленькая степная, текущая омутами; отсюда ѣхавъ, выѣхалъ къ намъ навстрѣчу Никита Аѳанасьичъ Бекетовъ съ нѣкоторыми Саратовскими дворянами. Сѣвъ со мною въ карету, пріѣхали въ Саратовъ 25 верстъ отъ перемѣны. Я сталъ въ домѣ Соляной Конторы; часу въ 7-мъ по полудни были у меня съ поздравленіемъ здѣшніе дворяне и другіе при должности служащіе; тотъ же день и купцы были съ хлѣбомъ.

11-го ѣздили около города, видѣли заведенный тутовый садъ, состоящій сначала въ 250, а теперь чрезъ.. въ 700 деревъ и немалое число посѣянныхъ. Расположеніе на помянутомъ мѣстѣ совсѣмъ неудобно, а должно быть перенесено на то мѣсто, которое мы осматривали для того заведенія, по причинѣ протекающаго въ горѣ ключа. Оттуда проѣзжали въ садъ Саратовскаго жителя Рыбакина, гдѣ протекаютъ два очень хорошіе ключа выше Саратова; потомъ были на фабрикѣ колониста Вердье, гдѣ дѣлаются шелковые чулки, тафта и атласъ; тафта и чулки изрядной работы, а атласъ гораздо ниже, но все оное продается высокою цѣною, и находится для чулковъ только 3 стана.

12-го были за городомъ въ заготовленныхъ хлѣбомъ амбарахъ для поселянъ; хлѣбъ состоитъ въ гречи, ржи, пшеницѣ, ржаной и пшеничной мукѣ. Отъ Девьерова деревни до самой Малыковки ѣхали горами почти по всю до-

Библиотека "Руниверс"

рогу, и земля уже не черноземъ, а по большей части сѣрая и кое-гдѣ черная, и до Саратова тоже. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ не навозятъ и, сколько я слышалъ, то въ лучшій самый годъ едва приходитъ самъ-шестъ. Послѣ обѣда того же числа были на шляпной фабрикѣ, гдѣ шляпы отъ 1/2 до 5 р. дѣлаются, расходъ имъ здѣсь не очень великъ, и продаютъ дорого. Городъ лежитъ между горами, улицы проведены очень хорошо и строеніе получше обыкновенныхъ Россійскихъ городовъ, какъ напр. Симбирска. Обѣ помянутыя фабрики не важны, особенно чулошная, въ которой мало и работниковъ и товара дѣлается.

13-го, отправивъ свои коляски съ Н. А. Бекетовымъ, пошелъ обѣдать къ Ивану Рязанову; тутъ я крестилъ у него дочь, и послѣ обѣда часу около 4-го, сѣвъ въ шлюпку Соляной Конторы, поплыли въ низъ по Волгѣ, проѣхали гору Цвегъ, лежащую въ 7 верстахъ отъ города, и много рѣчекъ. Часу въ 7-мъ прибыли въ селеніе Сосновка, гдѣ находится 61 семья, а дворовъ 60; здѣсь есть жители около 3 лѣтъ[1]). По обѣ стороны селенія протекаютъ двѣ рѣчки, обѣ называемыя Сосновки; на нижней сдѣлана на одинъ камень очень хорошая мельница, гдѣ двѣ комнаты для самого мельника съ кухонькою; вдругъ мелется и сѣется, и отдѣлка работы очень хороша, наливное колесо, на которое немного воды изъ желоба течетъ; внутри на валѣ находится другое колесо, назыв. штаргротъ, которое, хватая своими зубцами въ трилингъ, оборачиваетъ валъ, на которомъ онъ находится, а колесо далѣе на ономъ также штаргротъ хватаетъ въ трилингъ или шестерню, которая ворочаетъ камень, производитъ молонье, подлѣ самаго штаргрота, находящагося на валѣ наливнаго колеса, ходитъ онъ въ лѣвую сторону сдѣлать съ нѣкоторою отмѣною такой же верхъ для молонія полбы или шпельценъ и проса или гирсенъ. Многіе или всѣ почти начали хлѣбъ пахать. Я былъ въ полѣ, и хлѣбъ яровой стоитъ очень изрядный; строенія и улицы для деревни очень хороши, положеніе мѣста очень не дурно; земля, сколько я видѣлъ, сѣрая, хорошая, и нѣкоторые въ паханной раза два новой землѣ класть навозъ за удобное почитаютъ. Часу около 9-го поѣхали далѣе и пріѣхали наконецъ въ Ахматъ, село Государево, часу въ 11-мъ, 15 верстъ отъ Сосновки; по обѣ стороны онаго текутъ двѣ Севастьяновки рѣчки; тутъ ночевали.

14-го поѣхали въ селеніе Севастьяновку, здѣсь находится 44 семьи и 40 домовъ, выстроенныхъ въ прежнее (время); поселяне исповѣданія Лютеранскаго, а здѣсь (нынѣ?) Кальвинскаго[2]) Здѣсь также на одной рѣчкѣ изъ помянутыхъ мельница, которая воды хотя гораздо болѣе имѣетъ, однако всѣмъ не такъ хороша, какъ первая; здѣсь уже мелетъ на одинъ камень, а можетъ и на два молоть, что онъ и сдѣлать хочетъ. Между домами выстраиваются три каменныхъ дома; всѣ жители зачали хлѣбъ пахать, и я, сколько видѣлъ яро-

---

[1]) Т. е. поселились около 3 лѣтъ? П. Б.

[2]) *Севастьяновка,* иначе *Антонъ*—Нѣмецкая колонія, Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, во 2-мъ станѣ, на рѣчкѣ Севастьяновкѣ, впадающей съ правой стороны въ Волгу, верстахъ въ 70 къ Югу отъ Саратова. Колонія имѣетъ нынѣ до 18000 жителей, 14 заводовъ, 8 мельницъ и Лютеранскую церковь.

Библиотека "Руниверс"

выхъ, то они очень хороши, и всѣ поля видѣнныя мною поросли яровымъ, и увѣряли меня, что и рожь у нихъ стоитъ очень хороша. По обѣимъ сторонамъ селенія текутъ двѣ Севастьяновки. Жители здѣшніе кажутся состоянія лучшаго передъ Сосновскими. Отсюда возвратились въ Ахматъ и завтракали у г. подполковника, находящагося здѣсь съ эскадрономъ для поселенія. Севастьяновка лежитъ 5 верстъ отъ Ахмата. Тутъ, простясь съ Мещериновымъ, который поѣхалъ въ Вознесенье назадъ, сѣли въ шлюпку въ 11-мъ часу подлѣ села Золотова, 30 верстъ отъ Ахмата. Начался вѣтеръ и проливалъ съ ¼ часа превеликій дождь. Верстъ съ 5 началась каменная подошва горы, которая довольно далеко простирается, имѣющая видъ хорошій; тутъ видѣли мы посреди горъ очень похожее на столбы, оставшіеся отъ стараго зданія и въ великомъ числѣ, только они должны быть тутъ природные. Часу около 2 были все почти дождь и вѣтеръ съ порывыми и 2 раза, шедъ на парусахъ, имѣли 2 толчка на шлюпкѣ, которые насъ довольно перетревожили; до самаго селенія Галка мѣстъ проѣхали очень много хорошихъ. Около 100 верстъ отъ Ахмата до Галки, куда мы пріѣхали часу около 11-го.

15-го вечеромъ тутъ мы ночевали; въ 8-мъ часу ходили по полямъ и видѣли довольно полей, засѣянныхъ разнымъ хлѣбомъ; здѣсь находится 44 семьи, только видно мужики состоянія не лучшаго, а особливо нѣсколько фамилій Шведскихъ, изъ которыхъ у двухъ или трехъ совсѣмъ поля въ пустѣ лежатъ. Видѣлъ я тутъ криворотаго простаго мужика, который очень въ земледѣліи трудолюбивъ. Подлѣ деревни течетъ рѣчка Галка, на которой мельницъ строить нельзя, потому что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ землею ходъ имѣетъ, какъ сказываютъ жители, а главная причина тому маловодіе, въ межень особливо. Часу около 11-го пріѣхали въ Добренькое селеніе. Тутъ ходилъ я на поля. Здѣсь всякаго хлѣба много засѣяно и, сколько я глазомъ видѣть могъ, то все было хлѣбомъ засѣяно, и хлѣбъ всякій стоитъ очень хорошо. Здѣсь находится 60 семей и 1 пасторъ и всѣ почти Лютеранской вѣры; пасторъ мнѣ изряднымъ показался, и поселяне нынѣшній годъ, кажется, довольно трудолюбивы были; нѣкоторые изъ нихъ завели въ садахъ виноградъ, который уже аршина въ 2 выбѣжалъ, и они намѣрены его со временемъ пересадить въ полуденную гору и размножить сколько могутъ, къ чему надежда, кажется, довольная есть. Въ одномъ огородѣ видѣлъ я здѣсь посѣянный табакъ, который также взошелъ хорошо. Между Лютеранскими семьями находится 3 или 4 Католическихъ и 1 или 2 Реформаторскихъ. Состоянія жители, кажется, изряднаго, положеніе мѣста очень изрядно, разстояніе отъ Галки 5 или 6 верстъ, сидитъ на Волгѣ, въ которую впадаетъ рѣчка Добренькая почти подлѣ самаго села, и на оной, сказываютъ жители, мельницъ за маловодіемъ строить нельзя. Верстахъ въ 5 отъ нихъ, въ сторону отъ Волги, находится еще селеніе, которое по прибытіи ихъ сюда переведено въ то мѣсто. Положеніе всѣхъ сихъ четырехъ селеній выгодно и хорошо, земля сѣрая, новь вспаханная не требуетъ навозу ни первый, ни второй годъ, но на третій годъ можно нѣсколько навозу класть, какъ они сами сказываютъ, а на четвертый еще болѣе; Русскіе же крестьяне, живущіе около сихъ мѣстъ въ хуторахъ и деревняхъ, находятъ оное

Библиотека "Руниверс"

вреднымъ; сказываютъ, что навозъ причиняетъ выгорку хлѣба, что̀ будто сіе и въ самомъ опытѣ найдено, чему однако трудно повѣрить.

Въ Добренькомъ, отобѣдавъ и простясь съ Василіемъ Григорьевичемъ Баскаковымъ и съ Иваномъ Гаврилычемъ Рязановымъ, поѣхалъ я прямо на каналъ, до котораго верстъ съ 40 будетъ; мѣста, которыя проѣзжали, очень изрядныя, все степь, выключая только малаго (кустарника) растущаго по малымъ рѣчкамъ, которыя мы проѣхали; вода лучшая изъ оныхъ рѣчекъ въ Дубовкѣ и по всему этому мѣсту проѣханному, только хутора иные, въ дворахъ 10 состоящіе, по рѣчкамъ находятся; они земли столько пашутъ, чтобъ только прокормиться, какъ я слышалъ. Часу около 5-го пріѣхали къ Кривому озеру, верстахъ въ 3-хъ отъ канала начатаго, оно почти соединилось съ Лавлею, и не болѣе 5 сажень, ежели еще не менѣе отъ оной находится по теченію ея; оно очень узко, только продолговато и, кажется, поболѣе версты и не очень глубоко. $1^1/_2$ аршина и мельче въ сажень; по другую сторону, верстахъ въ 2-хъ, кажется, находится Лебяжье озеро отъ Лавли, которое, какъ мнѣ сказывали, въ окружности около 5 верстъ будетъ, поперекъ болѣе версты и довольно глубоко, и рыбы въ немъ много находится разной; здѣсь прежде и лебедей по нѣскольку паръ водилось, а нынѣ черезъ выниманіе яицъ ихъ и дѣтей менѣе водится, пара или двѣ только. Пониже немного сихъ озеръ, недалеко отъ Лавли, находится еще одно назыв. Кривое озеро; я его не видалъ и величины не зналъ, только сказываютъ, что оно гораздо глубоко. Всѣ сіи озера, по жителевымъ рѣчамъ, наливныя. Лебяжье и Кривое, сперва упомянутое, лежатъ выше Лавли. Наконецъ, часу въ 6-мъ, пріѣхали къ каналу, тутъ насъ встрѣтилъ комендантъ Дмитріевскій. Мы, сѣвъ всѣ верхами, поѣхали къ Лавлѣ; тутъ видѣли очень не глубоко и не широко вырытый каналъ, который противъ теченія Лавли пришелъ и съ нею соединяется; мы, отъѣхавъ отъ Лавли по немъ поболѣе версты, наѣхали на каналъ, который съ нимъ (съ другимъ каналомъ) соединяется: этотъ ширины (комендантъ мнѣ сказывалъ) 8 сажень, а 2 глубины; я его весь проѣхалъ, и съ самаго начала до конца послѣдняго канала 4 версты; ничего не опалъ и ничѣмъ не поросъ отъ конца до Камышинки, развѣ немного болѣе версты будетъ; отсюда вправо прокопано также не очень глубоко и не широко къ другому большому каналу, который немного поближе къ Камышинкѣ лежитъ; сей глубиною (сказывалъ комендантъ) 7 сажень, а шириною около 10 будетъ, верстъ съ 2 слишкомъ, онъ ничего не опалъ и ничѣмъ не поросъ, версты $1^1/_2$ или 2 поросъ лѣсомъ индѣ не очень большимъ, а индѣ большими деревьями, и съ $1^1/_2$ версты взошла на него Лавли вода, которая никогда не пересыхаетъ, и рыба находится разная; въ ближнихъ 2-хъ верстахъ отъ Лавли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ нѣсколько опалъ, а съ той стороны, гдѣ мы ѣхали, находится три большія промоины. Версты $1^1/_2$ или но менѣе кончится сей большой каналъ отъ Лавли, гдѣ проведенъ маленькій, какъ прежде описанный, подходящій къ самой Лавлѣ, противъ теченія ея. Лавля ширины небольшой и совсѣмъ не вычищена, течетъ омутами, очень весною разливается и большею частью наполняетъ помянутыя озера*). Тутъ мы поужинавъ поѣхали далѣе.

*) *Гилка*, иначе и чаще назыв. *Усть-Кумлинка*, также Нѣмецкая колонія Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, во 2-мъ станѣ, верстъ 90 южнѣе Севастьяновки.

Библиотека "Руниверс"

пріѣхали ночью часу во 2-мъ въ городъ Антиповку*) въ сопровожденіи Волжскихъ казаковъ; тутъ насъ дожидался губернаторъ, мы ночевали тутъ.

16-го, часу въ 6-мъ, поѣхали далѣе и вечеромъ часу въ 8-мъ пріѣхали въ Дубовку, главный городъ казачій; здѣсь живетъ атаманъ Персидскій, у него нѣсколько дѣтей, ему около 100 лѣтъ будетъ, у него домъ выстроенъ изрядный, каменный, изъ дикаго камня весь почти и каменная церковь строится; человѣкъ простой, жаловался, что два года провіанта не получали. Тутъ я видѣлъ вышедшаго изъ Кубани казака Донскаго, который туда бѣжалъ лѣтъ съ 5 съ Дона съ 6 Донскими же казаками, ихъ двое изъ помянутыхъ выходили сюда для подговора казаковъ туда бѣжать, и что̀ этому было и удалось; однако онъ Дубовскими казаками съ подговоренными имъ однимъ казакомъ и старухою пойманы, верстъ съ 300 отъ Дубовки, и теперь содержится въ тюрьмѣ. Онъ хотѣлъ и жену свою, находящуюся съ дѣтьми, увезти, у которой онъ

не доѣзжая 37 верстъ до Камышина, на самой Волгѣ. (Оба селенія не на почтовомъ трактѣ отъ Саратова въ Камышинъ, а восточнѣе его къ Волгѣ). Колонія имѣетъ до 2000 жителей, 3 завода, 4 мельницы и Лютеранскую церковь. Озера *Кривое* и *Лебяжье* также находятся въ Камышинскомъ уѣздѣ, на правой сторонѣ Волги, прѣсноводны, незначительны и лежатъ въ поймахъ Волги.

Рѣка *Лавля* тоже что̀ *Иловля* Въ 1698 г. послѣ взятія Азова Петръ I поручилъ Нѣмецкому инженеру Брекелю прорыть каналъ отъ рѣчки Камышинки въ Иловлю (для соединенія Волги съ Дономъ), но Брекель уѣхалъ изъ Россіи, ничего не сдѣлавъ. Послѣ того работы по проведенію канала были производимы дѣйствительно, Англичаниномъ Перри, не смотря на затрудненія со стороны Астраханскаго воеводы князя Голицына, смотрѣвшаго на каналъ, какъ на дѣло богопротивное. При началѣ Шведской войны Перри былъ отозванъ въ 1701 г., и работы были поручены Русскому инженеру Корчмину, но впослѣдствіи оставлены не вполнѣ оконченными. Только при Екатеринѣ II снова обратились къ проекту, и былъ посланъ астрономъ Ловицъ для нивеллировки между Волгою и Дономъ. Сближеніе двухъ большихъ рѣкъ, Волги и Дона, впадающихъ въ различныя моря, наводило естественно на мысль соединенія ихъ каналомъ. По историческимъ свѣдѣніямъ, во время еще владычества Татаръ, было предположеніе о проведеніи открытаго канала отъ одной рѣки къ другой и даже приступлено было къ работамъ, но мысль эта явно несбыточная, въ виду большой разности горизонтовъ обѣихъ рѣкъ и огромной глубины, которую требовалось бы дать каналу. При Петрѣ Великомъ производились работы канала для соединенія Волги съ Дономъ не непосредственно, а помощью рѣкъ Камышинки и Иловли. О каналѣ семъ говорится въ путешествіи графа Орлова. Работы не могли привесть къ удовлетворительному результату, что̀ положительно доказано весьма основательными и подробными изысканіями, производившимися болѣе 3-хъ лѣтъ, съ 1824 по 1827 г., инженеромъ Крафтомъ. Изысканія эти привели къ заключенію, что въ раздѣльномъ пунктѣ нѣтъ возможности собрать достаточно водъ для питанія двухъ вѣтвей канала и рѣкъ Камышинки и Иловли, несудоходныхъ въ ихъ натуральномъ быту. Въ виду сего, генераломъ Мельниковымъ было сдѣлано изученіе вопроса о проложеніи между Волгою и Дономъ желѣзной дороги и, подъ его руководствомъ, дорога эта устроена компаніею, образовавшеюся въ 1860 г.

*) *Антиповка*—большое раскольничье село, Камышинскаго уѣзда, въ 30 верстахъ къ Югу отъ Камышина, на Волгѣ, имѣетъ до 3000 жителей. Славится своими арбузами и есть очень замѣчательная мѣстность въ геологическомъ отношеніи.

Библиотека "Руниверс"

мѣсяца съ 3 укрывался; а другой казакъ вышедшій съ нимъ ушелъ назадъ въ Кубань и увелъ съ собою жену, да еще одного какого-то человѣка; они приняли грамоту для подговора отъ попа своего.

Отъ самаго Саратова проскакиваетъ солончакъ мѣстами, и чѣмъ ближе къ Царицыну, тѣмъ болѣе становится его. Мы проѣхали отъ Лавли рѣчки: 1) Балыклеевку, 2) Березовку, впадающую въ первую; при послѣдней мы обѣдали, а въ первой вода очень хороша; 3) Бердею, 4) Проляму, 5) Писковатку, 6) Дубовку, на которой городокъ сидитъ, 7) и 8) Верхнюю и Нижнюю Ичугу, 9) и 10) Верхнюю и Нижнюю Мечетную, 11) Водяной. По всѣмъ симъ рѣкамъ называются и степи, которыя они раздѣляютъ; всѣ сіи рѣчки маленькія, но большей части по нимъ лѣсъ малый растетъ, а вся степь называется отъ Царицына до Камышина—Царицынскою. Отъ самаго Дмитріевска*) до Царицына иныхъ селеній нѣтъ, какъ хутора казачьи, и вся степь имъ принадлежитъ. Хутора нѣкоторые похожи на наши деревни для того, что они изъ нѣсколькихъ дворовъ состоятъ. Пашутъ тутъ очень мало и скота держатъ немного. Отъ Дона Волга 120 и менѣе верстъ; а ѣхали мы почти вездѣ неподалеку отъ Волги. Проѣзжали много горъ и видѣли много хорошихъ мѣстностей, но безлѣсныхъ, кое гдѣ паханыя земли; хуторовъ также мало видѣли; по низкимъ мѣстамъ растетъ трава густая и сорная, по высокимъ же все почти полынь, особливо верстъ за 100 отъ Царицына вверхъ. Отъ полыни, говорятъ, у овецъ растетъ курдюкъ; нѣкогда, сказываютъ, Калмыцкія овцы почти всѣ вымерли, и они накупили себѣ Русскихъ, у коихъ со временемъ отъ сей пастьы выросли курдюки.

Отъ Дмитріевска съ первой перемѣны провожалъ насъ есаулъ Савельевъ, сынъ писаря войска Волжскаго изъ Дубовки, до самаго сего города. Въ сторонѣ проѣхали два городка казачьи: одинъ станица Караваевская, другой станица Балаклеевская. Отъ Добренькой до самаго Царицына погода была не жарка и по большей части очень вѣтрена. Отъ Дмитріевска считаютъ до Дубовки (главной станицы казаковъ Волжскихъ) 120 верстъ, а отъ Дубовки до Царицына 60 верстъ. Въ Дубовкѣ деревянная крѣпостца, и другой домъ каменный сына атаманскаго строится, и лавки каменныя построены и деревянные домы есть хорошіе многіе. Писарь человѣкъ изрядный, кажется, и смысловатъ; сынъ его есаулъ поймалъ раскольническаго подговорщика, который изъ Кабарды вышелъ и бѣжалъ изъ дому и былъ у Гребенскихъ казаковъ.

17-го были у меня купцы здѣшніе и офицеры, между которыми были князь Дондуковъ, Унгарнъ, полковникъ драгунскій Воронинъ, подполковникъ инженерный Левинъ и комендантъ здѣшній Дебосбергъ. Они у меня обѣдали и ужинали. Послѣ обѣда ѣздилъ я на шелковые заводы, верстъ съ 35 по водѣ отъ города и версты съ 4 отъ городка Безроднаго. Расположеніе онаго кажется

*) *Дмитріевскъ*—есть прежнее названіе Камышина; въ то время городъ былъ не на нынѣшнемъ мѣстѣ, а на лѣвомъ берегу Камышинки, при ея устьи. Дмитріевскъ былъ основанъ въ 1770 г., а перенесенъ на нынѣшнее мѣсто, съ переименованіемъ въ Камышинъ, въ 1780 г.

Библиотека "Руниверс"

для начала очень изрядным; вблизи растетъ тутникъ въ довольномъ количествѣ и ежели шелку вдвое или болѣе дѣлать противъ теперешняго расположенія, то все его достанетъ и можно легко размножить. Вердье, колонистъ Саратовскій и сего дѣла мастеръ, кладетъ, что теперь съ 100 человѣкъ можно до 50 пуд. шелку сдѣлать. Отъ самаго Безроднаго городка до шелковаго завода, версты 3, видны по дорогѣ возвышенныя мѣста, гдѣ много кирпича очень хорошаго стараго находится и когда нѣкоторыя въ глубь рылись, какъ сказывалъ мнѣ одинъ умный мужикъ изъ Безроднаго, то находятъ своды; сіе не только по дорогѣ находится, но и въ стороны распространяется. Онъ же сказывалъ, что верстъ 10 отъ сего городка еще находятся стѣны, сажени въ 2 вышины, развалившагося стараго строенія, которое между двумя или тремя озерами стоитъ, да еще верстъ 30 отъ нихъ есть похожее на дворъ, выстланная большая площадь изъ дикаго камня очень крѣпко связаннаго между собою, камень плитнякъ, и тутъ есть признаки стараго развалившагося строенія. Сіе мѣсто называется Царевъ Ходъ. Во всей сей степи находится много такихъ остатковъ древнихъ развалинъ, и здѣсь много вырываютъ изъ могилъ вещей, положенныхъ съ умершими; могила дѣлалась изъ кирпича съ сводомъ сверху, гдѣ умершій кладенъ былъ съ конемъ, сбруей и вещами своими, которыхъ много и находятъ; много содержитъ и содержалъ атаманъ Персидскій въ Дубовкѣ на такое употребленіе и, сказываютъ, что много такихъ вырытыхъ вещей имѣетъ.

18-го, убравшись совсѣмъ и простясь съ преждеупомянутыми пришедшими къ намъ, я съ губернаторомъ, Козицкимъ и Нарышкинымъ, сѣли въ косную губернаторскую лодку, а кареты наши напередъ отправили. Часу въ 1-мъ пріѣхали къ Гернгутамъ. Тутъ обѣдали, послѣ обѣда видѣли ихъ всѣ мастерства, и у нихъ каждый какое нибудь ремесло имѣетъ, и они мастерскія работы, кромѣ плотничьей, на которую имъ людей недостаетъ, своими исправляютъ. Ихъ всѣхъ съ 60 мужчинъ и женщинъ; въ особливомъ домѣ живутъ холостые и дѣвки, и сколько я видѣлъ, то всѣ въ трудахъ обращались. И хлѣба они нынѣшній годъ довольно разнаго работниками посѣяли; плотина уже сдѣлана, и нынѣшній годъ пилить начнутъ; тутъ же они намѣрены сдѣлать и мельницу для молонья; всѣ кажутся довольными, домы выстроены хорошо, вода, чрезъ фонтанъ въ селеніе проведенная, очень хороша. Семьи 4 или 5; изо всѣхъ только пасторъ, форштееръ, докторъ да еще изъ простыхъ 1 или 2; прочіе же всѣ холосты, хотя иному болѣе 30 лѣтъ, 3 сперва упомянутые отлично ведутъ себя, да еще молодой человѣкъ, который учился нѣсколько времени. Нѣкоторые товары сдѣланныя у себя продаютъ, только въ небольшомъ количествѣ и, кажется, не дешево, какъ 1 фунтъ, состоящій изъ 4 сальныхъ свѣчъ, по 6 коп., табакъ нюхательный и прочее. Отъ пристава подполковника Кишенскаго слышалъ, что онъ всѣхъ до 60,000 кибитокъ считаетъ, а владѣльцевъ съ 200, между которыми есть не болѣе 2 или 3 кибитки имѣющіе. Часу въ 4-мъ поѣхали отъ Гернгутовъ и проѣхали почты Татьянинскую, Поповицкую, а изъ ватагъ Ершову и Бѣленинову вмѣстѣ, а 3 Сольникова подалѣе, 3 почту Каменскую, а за нею ватаги Тригонову, Севатьянову и Ситникову.

Библиотека "Руниверс"

19-го пріѣхали по утру въ Мазанскую почту и проѣхали при самомъ городѣ ватаги жителей Чернаго Яра, Лопатина, Кузьмина и Баранова; часу въ 1-мъ были въ Черномъ Яру, тутъ обѣдали у купца Сережкина, самаго богатаго здѣшняго мѣста; его сынъ выбранъ депутатомъ; онъ, кажется, человѣкъ изрядный, также и Барановъ-Калмыкъ бургомистръ; они, какъ я слышалъ, живутъ между собою почти всѣ и довольно богаты; торгъ ихъ большой въ скотѣ, который они у Калмыковъ закупаютъ и верховымъ купцамъ продаютъ; скотины здѣсь закупается ими и верховыми купцами, которые сюда для сего пріѣзжаютъ, до 30,000, болѣе быковъ, нежели коровъ, также и лошадей; быкъ отъ 8 до 9 р., а корова отъ 4 до 5, также много и лошадей покупается. Около города находится со 100 кибитокъ, которыя промыселъ имѣютъ подлѣ здѣшнихъ купцовъ, иные уже около 20 лѣтъ въ кибиткахъ и не отходя никуда; купцы здѣшніе промышляютъ рыбою, которую они отвозятъ на судахъ въ Саратовъ и продаютъ ее тамъ, да еще продаютъ хлѣбъ Калмыкамъ по возвратѣ ихъ съ верховыхъ мѣстъ. Отъ Царицына считаютъ 140 и нѣсколько верстъ до Чернаго Яра. Городокъ не великъ, только чистъ, изрядно выстроенъ и улицы чисты; около его ростетъ по большей части все полынь-трава. Волгою отъ Царицына до Чернаго Яра положеніе нагорной стороны, сколько я видѣлъ, не хорошо, и часто очень плоско было. Часу въ 7-мъ пріѣхали въ городокъ новонаселенный Грачевской; тутъ строенія будутъ мазанки и нѣкоторыя зачаты и почти докончены. Часу въ 10 пріѣхали во 2-й новый городокъ Ветлинской, а въ 1 часу въ 3-й новый городокъ Копановской; всѣ три казаками населены. Тутъ мы ночевали, ожидая колясокъ.

20-го часу въ 1-мъ пріѣхали въ Енотаевскую крѣпость, она имѣетъ названіе отъ протекающаго подъ нее ерика Енотаевки; въ ней находится домовъ съ 5, а прочіе домы въ предмѣстіи: 1) князя Дондукова, 2) комендантскій, 3) пристава Калмыцкаго и 4) офицерскій; крѣпость хороша. Тутъ мы отобѣдали въ домѣ пристава Калмыцкаго, но жены его дома не было, а въ предмѣстьи живутъ тѣ, которые при дѣлахъ Калмыцкихъ, другихъ жителей здѣсь нѣтъ. Тутъ я видѣлъ птицу назыв. Красный гусь, которая по моему мнѣнію болѣе на журавля своимъ сложеніемъ походитъ; она здѣсь рѣдка, и Калмыки, сказываютъ, себѣ за несчастіе почитаютъ, когда онъ къ нимъ въ улусы прилетаетъ; когда могутъ его поймать, то разорвутъ на мелкія части и сходятъ съ того мѣста на другое, гдѣ его видѣли; я слышалъ, что они водятся недалеко отъ Гурьева города, сидящаго при устьѣ Яика въ Хвалынское море.

Отсюда я пріѣхалъ въ городокъ Касимовскій, 20 верстъ отъ Енотаевской крѣпости, потомъ въ Сорогланки, 24 отъ Касимовскаго, и наконецъ, въ Замьянъ городокъ, 23 отъ послѣдняго; всѣ три населены вновь казаками и другими праздношатающимися; въ послѣднемъ заложенъ Замьяновъ домъ деревянный, гдѣ онъ намѣренъ жить; по всей дорогѣ отъ Царицына до Замьянова все почти растетъ полынь, сколько глазомъ видно, такъ какъ бы насѣяно было. Тутъ сѣли на лодку.

21-го, верстъ съ 40 отъѣхавъ отъ Астрахани, встрѣтили насъ на нѣсколькихъ лодкахъ купцы, какъ Индѣйцы и прочіе иностранные; тутъ меня раз-

Библиотека "Руниверс"

будили. Я одѣвшись пересѣлъ въ лодку морскую, верстъ за 20 отъ города и такъ мы часу въ 1-мъ пріѣхали въ городъ. Видъ съ рѣки Волги недуренъ, версты за 3 выходитъ изъ Волги названная рѣка Балда, которая уже собою впадаетъ въ море, около города течетъ съ..... стороны Волга, а съ..... Кутюмъ, вышедшая изъ Волги рѣка; въ городѣ прокопанъ каналъ сквозь тѣ мѣста, гдѣ соленыя озера были, отъ чего въ жаркое время воздухъ во всемъ городѣ тяжелъ становился, чрезъ который каналъ и большое облегченіе сдѣлалось; онъ проведенъ отъ Кутюма до Волги; теперь работаютъ, чтобъ его сдѣлать такъ выложа камнемъ, чтобъ суда въ него заходить могли, для безопасности и освобожденія отъ бурь, которыя очень велики на Волгѣ бываютъ. Когда я въ городъ вошелъ, то тутъ очень много всякаго народа меня встрѣтило: купечество Армянское, Татарское, Русское, служащіе здѣсь офицеры пришли меня съ пріѣздомъ поздравить. Обѣдалъ я этотъ день у оберъ-коменданта генералъ-маіора Розенберга; послѣ обѣда были у меня два Армянина Иванъ Буккотовъ и Ревисъ Залеевъ и два Русскихъ Петръ Волковойновъ и Степанъ Шарыгинъ, всѣ четверо купцы богатые, съ которыми за малымъ временемъ долго говорить не могъ о торговлѣ, и поѣхалъ городъ смотрѣть съ губернаторомъ. Строенія здѣсь очень хорошаго нѣтъ, есть каменные дома, вообще болѣе похожіе на городскіе, особливо Армянскіе; здѣсь слобода находится Армянская, Татарская, живутъ тутъ и Хивинцовъ нѣсколько, всѣ они въ подданствѣ. Вечеромъ я поѣхалъ на Индѣйскій дворъ, который обнесенъ каменною стѣною, живутъ они всѣ тутъ, ихъ болѣе 100 человѣкъ будетъ, только очень нечисто. Я видѣлъ ихъ службу, она безпорядочна и небогопочтительна показалась: они ее не публично отправляютъ. Когда я вошелъ въ ту комнату, то мѣсто, гдѣ попъ и идолы находились, занавѣшено было; минуты 3 или 4 какъ я слышалъ, полоскали, не знаю что, въ водѣ; потомъ снятъ былъ занавѣсъ, видно было тогда то мѣсто, въ которомъ стояли ихъ идолы, передъ ними горѣли свѣчи, и попъ предстоялъ держа въ рукахъ жаровню, не знаю съ какимъ благовоніемъ курящуюся; онъ былъ босикомъ, въ лѣвой рукѣ держалъ 2 маленькіе колокольчика, запѣлъ и зазвонилъ, съ нимъ вмѣстѣ запѣли всѣ другіе, а одинъ изъ нихъ въ тоже время звонилъ въ два тутъ же повѣшенные колокола; сіе продолжалось съ $^1/_2$ часа; послѣ сего то кушанье и вода, которая передъ идолами почитается святымъ, и водою прыскалъ попъ на нихъ, а кушанье, т. е. фрукты, по нѣскольку дѣлили между собою, и послѣ сего сѣли всѣ по татарски, и попъ уже болѣе не служилъ, зачиналъ кто хотѣлъ и пѣлъ кто хотѣлъ, однако большая часть пѣла. Пришелъ одинъ съ инструментомъ, похожимъ на балалайку, только по менѣе и о 5 струнахъ и звончѣе; онъ игралъ нарочито, пѣлъ, и всѣ къ нему приставали. Все сіе продолжалось съ часъ. Я ничего изъ обряда существеннаго примѣтить не могъ, также и говоря съ ними точнаго доспроситься не могъ. Послѣ службы подчивали они меня разными плодами; я, отвѣдавъ нѣсколько, поѣхалъ домой.

22-го по утру приходили ко мнѣ купцы съ хлѣбомъ и солью, а чужестранные съ плодами; ѣздилъ я потомъ смотрѣть еще городъ, котораго строеніе походитъ болѣе другихъ городовъ на гражданское, смотрѣлъ каналъ и за-

Библиотека "Руниверс"

ходилъ къ Муравьеву, который каналъ теперь дѣлаетъ способнымъ для впущенія судовъ, обѣдалъ дома. Часу около (?) пришли ко мнѣ Армяне двое и купцы 2, о которыхъ я прежде упомянулъ, приведя съ собою одного Татарина да Армянина, которые въ Бухару и Индію ходили. Разговаривая долго съ ними, свѣдалъ, что отъ первой Мангышлакской пристани до Хивы кладутъ они 43 дня ходьбы караваномъ, на день же по 25 верстъ, что̀ сдѣлаетъ съ 1100 верстъ до Мангышлака; коли вѣтеръ благополученъ, ходятъ на судахъ только $1^1/_2$ дня, отъ Хивы до Бухары 8 дней, а отъ Бухары до Индѣйскаго города Кабеля 24 дня, что̀ сдѣлаетъ 600, а вмѣстѣ отъ Мангышлака до Кабеля 1.900 верстъ. Бухара и Кабель города великіе, какъ они сказываютъ. Хива не великъ. Отъ Мангышлака до Хивы кочуютъ только Трухменцы, ихъ будетъ съ 15.000, изъ нихъ 3 пришли сюда, я съ ними говорилъ, и они желаютъ въ подданство вступить Государыни и просятъ о построеніи крѣпости въ Мангышлакѣ, чтобъ черезъ то привести въ страхъ Киргизъ-Кайсаковъ и удержать отъ нападенія на ходящіе караваны. Между ними была ссора недавно; Киргизъ-Кайсаки, какъ эти Трухменцы сказываютъ, напали на нихъ, были однако ими разбиты, 1000 на мѣстѣ легло, а 300 въ полонъ взяты; послѣ сего для замиренія присланъ былъ посолъ со стороны Киргизъ-Кайсаковъ для испрошенія плѣнныхъ; съ ихъ же стороны къ Киргизъ-Кайсакамъ посланъ былъ также посолъ; Трухменцы отдали имъ въ удовольствіе 150 человѣкъ, а другихъ 150 оставили у себя залогомъ, опасаясь имъ оныхъ послѣднихъ отдать для того, что ничто отъ войны болѣе удержать не можетъ. Киргизъ-Кайсаковъ на этой войнѣ было съ 4000, а Трухменцевъ съ 9000. Этотъ весь народъ кочуетъ, раздѣленъ на роды и управляется старшинами, одинъ изъ 3-хъ былъ самъ старшина, а 2 дѣти старшинъ; законъ ихъ Магометанскій, Турецкій, языкъ совсѣмъ Татарскій; отъ сихъ 15000 они присланы; они вьючатъ и провозятъ товары на своихъ верблюдахъ до Хивы; промыселъ ихъ состоитъ весь почти въ скотѣ и въ такомъ извозѣ, и иные немного приторговываютъ, какъ онъ сказывалъ; 2 изъ нихъ казались изрядными очень, а особливо старшина разговаривалъ неглупо; только во всѣхъ трехъ ничего дикаго не примѣтилъ. За Хиву до Бухары живутъ еще Трухменцы ихъ же закона и тотъ же языкъ, и Трухменцы живущіе къ Астрабаду также; они всѣ вмѣстѣ составляютъ народъ многочисленнѣе орды Киргизъ-Кайсацкой, нападающей на нихъ. Наши купцы, лучше сказать, Армяне и Индѣйцы, торгуютъ только до Бухары, чрезъ Хиву, и провозятъ товары Трухменскими верблюдами, за что они имъ платятъ деньгами; сей торгъ въ Бухарѣ лѣтъ съ 5 какъ началъ приходить въ состояніе, а нынѣшняя ссора Трухменцевъ съ Киргизъ-Кайсаками конечно нѣкоторымъ препятствіемъ по крайней мѣрѣ на нынѣшній годъ будетъ.

23-го были у меня тѣже купцы съ двумя Татарами, отъ которыхъ я слышалъ еще, что они прежде изъ Гилана, въ 80 дней или 3 мѣсяца до Берндеръ-Баса сухимъ путемъ ходили такъ безопасно, что одинъ человѣкъ ходить могъ. Это было въ Шахъ-Надирово время. Бендеръ-Басъ Персидскій городъ, а отсюда въ Сурачъ Индѣйскій городъ въ 20 дней, гдѣ очень хорошіе Индѣй-

Библиотека "Руниверс"

скіе товары и гдѣ много Англичане торгуютъ и контору имѣютъ. Другимъ путемъ изъ Гилани ходили въ Бассору, Турецкую пристань при томъ же Персидскомъ морѣ. Того же дня по утру былъ я въ Армянской церкви; ихъ служба болѣе похожа на нашу, нежели на Католическую. Архіерей служилъ, обѣдня продолжается не долѣе нашей; обѣдали съ архіереемъ у армянина Сергѣя Иванова, куда званы были архіереемъ Армянскимъ; изъ женщинъ тутъ никого не было по ихъ обыкновенію, особливо для присутствія тутъ архіерейскаго. Послѣ обѣда былъ я у полковницы Армянской Дарьи Матвѣевны на балѣ женскомъ. Кромѣ Русскихъ, Армянокъ тутъ было съ 8, которыя плясали по армянски, по грузински и по горски или по черкесски; послѣдняя пляска лучше всѣхъ мнѣ понравилась.

24-го были у обѣдни въ соборѣ, служилъ преосвященный, онъ насъ унялъ обѣдать, столъ былъ очень хорошъ. Послѣ обѣда были у меня Индѣйцы и приводили съ собою одного молодаго человѣка, который изъ ихъ земли недавно пріѣхалъ; онъ разсказывалъ путь отсюда до тѣхъ городовъ, гдѣ онъ товары покупалъ и продавалъ; отъ Гилани до Абушагора сухимъ путемъ два мѣсяца, 3 большіе города Сыросъ, Ездъ и еще нѣкоторые маленькіе, они всѣ Персидскіе; въ Абушагорѣ пристань, куда и Англичане пріѣзжаютъ, и ихъ тутъ компанія. Отъ Абушагора до Мошкотъ-пристани благополучнымъ вѣтромъ въ 10 дней ходятъ. Тутъ Англійскій повѣренный. Отъ Мошкотъ до Лари-пристани при благополучномъ вѣтрѣ 4 дня, и тутъ торгуютъ Англичане. Отъ Лари (Бандаръ-пристань) до Бендасурета благополучнымъ вѣтромъ три недѣли. Отъ Лари въ сторонѣ лежитъ большой Индѣйскій городъ Девли, два дня ходьбы сухимъ путемъ; здѣсь дѣлаются лучшія травы на кисеяхъ изъ другихъ мѣстъ туда привозимыхъ и находятся другіе хорошіе Индѣйскіе товары, тутъ также компанія Англичанъ. Мошкотъ городъ Арабскій, особливый народъ. Англичане начинаютъ изъ Бендасурета, который городъ, какъ слышно, ими завоеванъ и ими управляемъ, и идутъ оттуда съ своими товарами къ Лари-Бандару; тутъ и въ городѣ не далеко отсюда лежащемъ Девли складываютъ столько товаровъ, сколько, по объявленію имъ ихъ повѣренныхъ, продать можно, и закупаютъ здѣсь тутошніе товары. Такимъ образомъ продолжаютъ они путь свой до Мошкота и наконецъ до Абушагора; отсюда возвращаются назадъ въ Бендасуреть съ нагруженными объявленныхъ выше городовъ товарами.

Послѣ обѣда въ сей 24 день Іюня ѣздили смотрѣть Армянское крещеніе, которое почти вдвое противъ нашего продолжается. Вечеромъ ѣздили на балъ Армянскій къ вышеупомянутому Сергѣю Ивановичу; тутъ было Армянскихъ женщинъ съ двадцать, они плясали по армянски, по грузински и нѣкоторые по русски, вся пляска продолжалась часа съ три; потомъ сѣли всѣ Армянскіе и Русскіе тутъ бывшіе ужинать, въ 12 часу разъѣхались.

25-го ѣздили по фабрикамъ, на первой были у купца Лаврентія Иванова, у него становъ 36, сія фабрика изъ лучшихъ. На другой—у Армянина Ивана Буйнитова, тутъ становъ съ 10, и товаръ не очень хорошъ. На третьей у Ревасъ Залеева, 26 становъ. На четвертой у Персіянина Садика, тутъ 24 стана, товаръ хорошъ, особливо платки. На пятой у Павла Манеева Армянина, тутъ

Библиотека "Руниверс"

становъ съ 12, и товаръ не очень хорошъ. На шестой у Сергѣя Иванова, 25 становъ шелковыхъ и 27 бумажныхъ, которые особо на двухъ дворахъ помѣщены. На седьмой у Швенузона, тутъ становъ 10, товаръ кажется хорошъ. У Армянъ у всѣхъ Персидскіе станы, а у Лаврентія Иванова и у Швенузона почти всѣ Нѣмецкіе. Швенузонъ сказывалъ, что на Нѣмецкомъ у себя учрежденномъ стану онъ сдѣлаетъ 24 аршина такой матеріи, которой на Персидскихъ болѣе 12 сдѣлать нельзя въ недѣлю. Работникъ-мастеръ здѣсь на фабрикахъ можетъ въ день 20 коп. и нѣсколько болѣе выработать.

26-го, не могши выѣхать за противною погодою, обѣдали дома; послѣ обѣда былъ въ гостяхъ у купца Рентеля, а оттуда заѣхалъ къ Волковоинову, Русскому кунцу, гдѣ я разговаривалъ съ однимъ Московскаго купца коммиссіонеромъ, которому съ годъ или немного поболѣе назадъ, побивъ его палками, хотѣлъ Гиланскій ханъ голову отрубить и уже были обнаженные палаши взмахнуты, но удержанъ былъ отъ онаго своими вельможами. Причина сей ссоры былъ большой яхонтъ, купленный симъ купцомъ дешевою цѣною, котораго онъ хану въ домъ, по его требованію, отдать не хотѣлъ; при семъ случаѣ и Шубинъ переводчикъ, правившій тогда консульскую должность, такъ какъ человѣкъ имѣющій въ защищеніи помянутаго коммиссіонера, былъ также арестованъ на 9 дней.

27-го принесли купцы мнѣ на дорогу разныя овощи, Индѣйскіе, Армянскіе и купцы Русскіе, а я, отправя мои коляски наканунѣ въ путь и простясь со всѣми, поѣхалъ къ Сарафову на заводъ. Сего утра далъ я коммиссію Гавриилѣ Семеновичу Боголюбову, нашему консулу, купить мнѣ хорошую Персидскую лошадь, ежели попадется. Часу въ 4 пріѣхали на заводъ: тутъ отобѣдавъ ходили по саду, у него тутъ нѣсколько посажено деревъ и нѣсколько посѣяно и уже взросло изъ посѣянныхъ 2 и 3 лѣтъ; онъ старается завести и хлопчатую бумагу; у него сдѣланы 3 мельницы для поливанія сада; оттуда доѣхавъ до первой подставы, простясь съ Никитою Афонасьичемъ, поѣхалъ часу въ 11 далѣе.

28-го поутру, часу около 7-го, пріѣхалъ въ Замьянъ-городокъ; сіе разстояніе отъ самой Астрахани до помянутаго, какъ я слышалъ и самъ примѣтить могъ, ничего на немъ почти инаго не ростетъ, какъ полынь. Замьянка была верстахъ въ 2-хъ не доѣзжая до городка; она меня приняла съ большимъ удовольствіемъ, у нея плясали, боролись, драку между баранами и быками сводили, показала свое богослуженіе, поила своимъ и нашимъ чаемъ, своимъ кислымъ кобыльимъ молокомъ и кормила своимъ кушаньемъ; я отвѣдывалъ отъ одного блюда, на которомъ также хорошо, какъ у насъ, соски приготовлены были; у всѣхъ у насъ былъ одинъ ножикъ съ вилкою и одною ложкою, былъ баранъ сваренъ со всѣмъ съ головою, я его не отвѣдывалъ, только видъ не противенъ былъ. Она насъ подчивала пивомъ Аглицкимъ и сама выпила рюмку съ нами, также и водкою своею, которая мнѣ не очень противною показалась; тутъ еще было и Армянское кушанье изъ пшена сарачинскаго съ мясомъ сухимъ. Чай ихъ мнѣ очень противенъ, онъ состоитъ изъ теплой воды съ масломъ разведеннымъ въ ней, кладутъ нѣсколько соли, да еще не знаю

Библиотека "Руниверс"

что. Она мнѣ подарила лошадь. Замьяна самаго тутъ не было; онъ былъ у хана.

29-го, проѣхавъ Енотаевку, пріѣхали къ обѣду въ Черноярь; тутъ, поѣхавъ далѣе, проѣхали станцію за свѣтло; земля и тутъ также дурна, какъ и прежде; тутъ стоятъ Дубовскіе казаки, и никакого селенія до Царицына, кромѣ Сарпы*), нѣтъ. Верстъ за 40 до Сарны зачала земля лучшать, и полыни уже не столько растетъ, а на иныхъ мѣстахъ и хорошая трава растетъ; до Сарпы по всей степи никакой рѣчки нѣтъ; отъ Сарпы до Царицына текутъ 3 ручейка, выключая Царицы-рѣчки, которая очень мала, всѣ 3 Ельшанки маленькія рѣчки, тутъ мѣста передъ прежде сказанными получше, и здѣсь кое-гдѣ лѣсокъ есть, въ иныхъ мѣстахъ и трава очень не дурна.

30-го пріѣхали по утру въ Сарпу часу въ 8-мъ, тутъ для починки колясокъ остались обѣдать; я имъ обѣщалъ прислать 2 описанія рѣки Волги: у нихъ земля передъ прежнею гораздо лучше; здѣсь растутъ во множествѣ похожіе на персики плодъ, находятся тарантели. Отсюда поѣхали далѣе и прибыли часу въ 4-мъ въ Царицынъ. Здѣсь мы купались въ Волгѣ; у меня былъ Гунгаръ съ прежними офицерами, часу въ 7-мъ поѣхали далѣе; проѣхавъ степь верстъ съ 50, были встрѣчены многими выѣхавшими изъ Дубовки верстъ съ 10 отъ нея; верстъ съ 5 выѣхалъ самъ атаманъ съ прочими знатными своими; часу въ 3-мъ по утру пріѣхали въ Дубовку; степь не дурна, о рѣчкахъ я туда ѣхавъ упомянулъ; часу въ 6-мъ выѣхали отсюда въ провожаніи атамана верхомъ до самой Писковатки верстъ съ 12, а отсюда возвратился, оставя при мнѣ есаула прежняго съ командою; степь вся до самаго Дмитрова не дурна, а въ иныхъ мѣстахъ очень хороша, о рѣчкахъ я уже прежде упомянулъ. Отъ Дубовки до Дмитрова никакого селенія нѣтъ, и лошадей все въ степи перемѣняли. Часу въ 4-мъ пріѣхали въ Дмитровъ.

2-го ѣздили все осматривать я, Козицкій, Нарышкинъ, Бала и докторъ..... Камышинку, въ устьѣ рѣка не изрядная и версты 4 или 3 въ разлитіе можно судамъ идти; версты съ 2 отъ устья впала Ельшана въ Камышинку, въ устьѣ также широка, какъ Камышинка, гдѣ она въ нее впадаетъ. Въ городѣ къ Волгѣ изъ Камышинки прорыть недалеко каналъ и еще вырыть около версты ровъ къ Камышинкѣ съ лѣвой стороны, и теперь видны сваи битыя въ устьѣ Камышинки. Я выѣзжалъ версты 3 вверхъ до третьяго шлюза, гдѣ Камышинка перерыта на 150 сажень и сдѣлано ея теченіе прямѣе, а старое теченіе видно. Часу въ 11-мъ пріѣхали на вершины Добринской; здѣсь вода хороша гораздо и можно мельницу построить, хлѣба немного засѣяно, они извиняются, что недавно переведены сюда, дома почти все еще не выстроены; здѣсь было 23 фамиліи, а теперь еще 5 пріѣхало, впрочемъ кажутся люди изрядные. 32 версты отъ Дмитрова, отсюда доѣхали до селенія Кулалины; здѣсь течетъ рѣчка Галка, вода въ ней хороша и мельницу построить можно; здѣсь посѣяно много хлѣба; каждый по 5 десятинъ данныхъ ему обработалъ, посѣяно просо, ячмень, рожь;

*) Я свѣдалъ послѣ, что съ 40 верстъ отъ Чернаго Яря течетъ рѣчка Везовка, въ которой вода соленая и очень дурная; мы ее переѣзжали, только я не примѣтилъ; въ томъ мѣстѣ она пересыхаетъ.

Библиотека "Руниверс"

завтра ее жать хотятъ; ячмень, овесъ, гречиха, горохъ и арбузы и всѣ плоды очень хороши; люди молодые и состоянія кажутся изряднаго, виноградъ заводятъ, я видѣлъ, что изрядно уже выбѣжалъ, и имѣютъ человѣка, который все время въ Нѣмецкой землѣ въ ономъ упражнялся и намѣренъ все свое вниманіе на разведеніе винограда употребить, къ чему, кажется, надежда есть. Въ Сарпѣ уже дней съ 9-ть какъ зачали рожъ жать, завели нѣсколько винограда и имѣютъ намѣреніе тутовыя деревья завести. Въ Кулалинахъ 44 семьи, въ Щербаковкѣ 30 слишкомъ; здѣсь я купался. Всѣ они Лютеране. Часу въ 8-мъ пріѣхали въ Каминку, 25 верстъ отъ Щербаковки, здѣсь течетъ маленькая рѣчка Каменка и рѣка Иловля, которой вершины съ 15 отсюда; здѣсь одинъ Саксонскій мельникъ, который мельницу заводитъ, и хорошее начало есть; хлѣба очень довольно посѣяно; здѣсь 90 фамилій слишкомъ и патеръ. 3 версты отъѣхавъ по ту сторону Лавли, былъ въ селеніи, гдѣ 50 (семей) слишкомъ. Отсюда пріѣхалъ въ Гусарскую, 3 версты отъ этой, гдѣ съ 30 фамилій, обѣихъ послѣднихъ не видалъ порядочно за темнотою ночи. 5 верстъ отсюда пріѣхали во Французскую колонію, гдѣ съ 80 фамилій и всѣ по французски говорятъ, выключая одной фамиліи Нѣмецкой; здѣсь 2 или 3 фамиліи, которыя прямые мужики, а другіе нѣкоторые изъ Парижа, а иные изъ другихъ мѣстъ; я тутъ остался ночевать и ѣздилъ по утру смотрѣть, и здѣсь хлѣба довольно засѣяно, во всѣхъ сихъ колоніяхъ намѣрены виноградъ заводить. Патеръ нѣтокъ маленькихъ нѣсколько сотъ уже имѣетъ, и есть надежда; мѣста, которыя тутъ проѣхалъ, очень хороши; Лавла отъ своихъ во Французскомъ селеніи только версты съ $1^1/_2$.

3-го. Отсюда проѣхали въ. 10 верстахъ на рѣчкѣ Каменкѣ колонію въ 12 дворовъ, тутъ нѣтъ никакого дома, и за дальностію полей не свидѣтельствовалъ. Отсюда 10 верстъ былъ въ селеніи на рѣчкѣ Гнилушкѣ, здѣсь съ 30 фамилій, хлѣба засѣяно я видѣлъ довольно. Отсюда до деревни на Большомъ Карамышѣ 12 верстъ, здѣсь 44 фамиліи; здѣсь люди нѣкоторые состоянія хорошаго; по сію колонію, зачиная отъ той, гдѣ патеръ, все Католическаго закона, выключая Гусарской, гдѣ нѣсколько фамилій Реформатскаго и Греческаго закона; въ сей послѣдней немного и хлѣба вспахано. Отсюда 4 версты на той же рѣкѣ, 46 фамилій, гдѣ много художниковъ или всѣ почти и только семьи 4 мужиковъ; хлѣба однако для нихъ не очень мало запахано и хлѣбъ изрядный; отсюда 6 верстъ по той рѣкѣ пріѣхалъ въ селеніе, гдѣ 58 семей и всѣ почти мужики, хлѣба довольно засѣяно, они сказываютъ, а самъ времени видѣть не имѣлъ, отъ Французской и сіе селеніе, включая проѣхавшія все ..... де бофе, всѣ кажутся изрядныя, выключая одной. Отсюда пріѣхалъ въ селеніе на Лѣсномъ Карамышѣ, 5 верстъ, здѣсь 83 семьи и все почти мужики; хлѣба посѣяли довольно, только родился хуже всѣхъ почти; вода очень хороша изъ рѣчки Лѣсной Карамышъ. Тутъ мы обѣдали, и я купался въ помянутой рѣчкѣ; отъ той же деревни, гдѣ я сказалъ кончится Католическая, по сію Лютеране все живутъ. Оттуда пріѣхали въ колонію, переѣхавъ черезъ Большой Карамышъ выше устья Голова Карамыша; тутъ старыхъ съ 30 фамилій, да новыхъ 46 прибыло, всѣ Реформатскаго закона и состояній кажутся изряднаго и хлѣба

Библиотека "Руниверс"

я видѣлъ довольно засѣяно, 10 верстъ отъ послѣдняго разстоянія, оттуда въ селеніе приключая 7 верстъ отъ послѣдней, здѣсь не помню сколько фамилій, только Изенбурскихъ новыхъ поселянъ Реформатскаго закона, какъ и въ прежней, съ 40 прибыло и старыя того же закона; хлѣба у нихъ вспахано довольно и состоянія кажутся изряднаго; вода очень хороша. Потомъ пріѣхалъ въ селеніе на вершинахъ Голаго Карамыша, тутъ съ новыми поселянами Изенбурскими 91 семья, 6 верстъ отъ послѣдней; хлѣба здѣсь довольно запахано. Напослѣдокъ пріѣхалъ въ вершины Таловки, здѣсь Лютеранскаго закона, семей не помню сколько, и въ этой вода хороша; за темнотою, сколько хлѣба вспахано, не видалъ; всѣ поселенія, кромѣ Дебофе, коронныя; вода во всѣхъ почти очень хороша.

4-го по утру пріѣхалъ въ Саратовъ; побывъ у Ивана Рѣзанова и отъужинавъ у него, переѣхалъ вечеромъ черезъ Волгу.

5-го Іюля часу въ 5-мъ пріѣхали въ новостроющуюся колонію, 35 верстъ отъ Саратова, сидитъ на рѣчкѣ Подстепной ерикъ, о 60 связахъ, отсюда пріѣхали въ другое селеніе въ 72 семьи состоящее, 4 версты отъ перваго на помянутой же рѣкѣ, въ третье на Большомъ Карамышѣ 41 семья; 4-ре же версты въ 4. на той же рѣкѣ, въ 39 семей, всѣ помянутыя коронныя, а хлѣба передъ нагорными селеніями гораздо менѣе засѣяно; въ 5-е Баргардову, въ ней семей 60, лежитъ на Маломъ Карамышѣ; въ 6-е Катеринштатъ на Волгѣ, 120 семей; хлѣба пахать въ обѣихъ не зачато; Катеринштатъ отъ Баргардовой деревни съ 1 версту. Отсюда пріѣхали въ новостроющееся селеніе Баргардово, гдѣ 18 семей, а потомъ пріѣхали въ селеніе на Большомъ Караманѣ, 48 семей, съ 15 верстъ отъ Катеринштата; отсюда проѣхали еще селеніе въ 86 дворовъ, сіи оба послѣднія коронныя, и здѣсь, сколько я примѣтилъ, хлѣба мало вспахано. Наконецъ, проѣхавъ въ сторонѣ 2 селенія Леруа, пріѣхали въ третье и тутъ отъужинали; во всѣхъ пашни мало, сколько я видѣлъ, вода же во всѣхъ по большей части хорошая, хотя не такъ хороша, какъ нагорная; а въ лугахъ здѣшняя сторона болѣе нагорной изобилуетъ; вечеромъ поѣхали отсюда.

6-го пріѣхали назадъ въ Саратовъ; послѣ обѣда былъ у дворянина Шахматова въ гостяхъ и тутъ ужиналъ, у него отвѣдывалъ вино сдѣланное изъ Астраханскаго винограда, которое не дурно.

7-го поѣхалъ въ 8-мъ часу въ путь изъ Саратова; отъѣхавъ съ 60 верстъ обѣдали въ уметѣ Сокурѣ; мѣста проѣхали очень хороши: верстъ съ 40 отъѣхавъ начался черноземъ, а подлѣ помянутаго умета, принадлежащаго князю Димитрію Голицыну, положеніе очень хорошо въ горахъ; луга же проѣхали также очень хороши, а пашни во всѣ 60 верстъ почти, или лучше. сказать, совсѣмъ нѣтъ. Часу около 8-го пріѣхали въ Петровскъ, городъ очень не хорошъ и невеликъ; посреди его течетъ рѣка Медвѣдица, которую мы переѣхали, и до сего города пашни по дорогѣ ничего нѣтъ, а только за 4 версты отъ онаго хлѣба довольно вспахано; мѣста очень хороши проѣхалъ и кажется изобилующія дровянымъ лѣсомъ и лугами; только поселенія почти ничего нѣтъ, кромѣ уметовъ или хуторовъ для проѣзжающихъ, и тѣ очень далеко другъ отъ

Библиотека "Руниверс"

друга; рѣка Медвѣдица изрядная; тутъ остановился я только съ часъ; земля же отъ помянутаго мѣста за 40 верстъ отъ Саратова по самый Петровскъ все черноземъ.

8-го пріѣхалъ въ 12-мъ часу въ Пензу, проѣхавъ съ 120 верстъ, во всю дорогу видѣлъ черноземъ, который еще лучше, нежели до Петровска; здѣсь селенія кажется довольно, хлѣба вспахано много, яровыя стоятъ по большей части хороши и рожь въ иныхъ мѣстахъ изрядная, а по большей части дурна. Мѣста и тутъ очень хороши, мы переѣхали ручейка 2 или 3, выключая Пензы верстъ съ 10 отъ города, которая нарочито; городъ не малъ, только положеніе не хорошо, грязенъ и улицы плохи и строеніе дурно. Пенза рѣка и всѣ ручейки помянутые впадаютъ въ Суру, которая только съ версту отъ Пензы и отъ дороги, по которой ѣхали верстъ съ 20 недалѣе, въ иныхъ мѣстахъ 1/2 версты или еще менѣе; около здѣшнихъ мѣстъ часто разбои бываютъ, разбиваютъ села по 1.000 душъ партія въ 15 и 20 человѣкъ и случаются обыкновенно весною; они, какъ сказываютъ, съ низу приплываютъ. Отсюда поѣхавъ, переѣхали 2 рѣчки Пензатки недалеко отъ города и еще подалѣе нѣсколько ручейковъ и рѣку Шелдень въ 12 верстахъ отъ города, всѣ они впали въ Суру, которая большимъ лѣсомъ поросла.

9-го. Проѣхали 2 или 3 станціи и вездѣ долго принужденъ дожидаться, мужики и солдаты приставленные разбѣжались, а на послѣдней станціи лошади были исправны, послѣднія изъ Саранска были поставлены, а гдѣ уходили изъ Пензы, и тутъ проѣхали много ручейковъ. Отъ Саранска верстъ съ 5 или 6 проѣхали чрезъ Инзару изрядную рѣку; часу въ 1-мъ пріѣхали въ Саранскъ, приписной городокъ къ Пензѣ, онъ улицами и строеніями по лучше Пензы, посреди города течетъ ручеекъ Саранка; купечества здѣсь человѣкъ съ 800, а въ Пензѣ съ 700; промыслъ состоитъ въ кожахъ и мылѣ, которыя они здѣсь дѣлаютъ. Отъѣхавъ верстъ съ 40 и поболѣе до деревни Пузы, переѣхали нѣсколько ручейковъ да рѣку Рудню, впадающую въ Алатырь рѣку; обѣ очень нарочиты, а особливо Алатырь, который впалъ въ Суру; Алатырь поболѣе будетъ Москвы-рѣки, онъ течетъ подъ Пузою.

10-го, часу въ 1-мъ пріѣхали въ 4 верстахъ отъ . . . . въ село Ишатки г-жи Аргамаковой, 30 верстъ отъ Арзамаса и 130 отъ Саранска; версты за 4 отсюда я проснулся, и мы ѣхали лѣсомъ дубовымъ, вязникомъ, и другимъ, особливо дубы велики, прямы и довольной толщины, много толще тѣхъ, которые я въ Чебоксарской рощѣ видѣлъ; верстъ за 20 отъ здѣшней деревни зачалась песчаная земля, а покуда былъ все черноземъ; помянутый дубовый лѣсъ очень великъ, какъ я слышалъ, и простирается до самаго Муромскаго лѣса, двадцать же . . . . гдѣ песчаная земля началась, ѣхалъ я все большимъ боромъ по самыя Ишатки. Часу въ 8-мъ пріѣхали въ Арзамасъ, этотъ городъ лучше и Саратова для меня, строеній болѣе, я думаю, 10 церквей каменныхъ; здѣсь я съ 3 часа простоялъ; отъ Ишатокъ до Арзамаса опять земля лучше пошла, въ иныхъ мѣстахъ первой доброты черноземъ, а въ иныхъ самый лучшій.

Библиотека "Руниверс"

11-го пріѣхали въ село Савослейку, 23 версты отъ Мурома, деревня Петра Борисыча Шереметева, верстъ съ 50 отъ Арзамаса; сказывали мнѣ, шла земля черная; я въ это время спалъ и не видалъ, а верстъ съ 60 или 50 я видѣлъ, что всѣ былъ боръ и очень песчаная земля; всѣ три прежніе дни были вѣтрены, дождливы и холодны, изъ самаго Саратова, а нынѣшній потеплѣе; въ Арзамасѣ наѣхалъ Француза, который женился на Русской дворянкѣ и который прежде былъ у Аршеневскаго учителемъ. Около 8-го часа пріѣхали въ Муромъ, съ этой стороны, откуда я ѣхалъ, положеніе города недурно: Ока течетъ подъ самымъ имъ, а онъ сидитъ на довольно высокой горѣ; въ городѣ купечество очень бѣдно, общій и главный промыселъ онаго состоитъ въ огуречныхъ сѣмянахъ, которыя они въ разныя города отсылаютъ, пудъ покупается отъ 3 до 9 рублей; промышляли нѣкоторые изъ нихъ доселѣ и кожевенными заводами, что̀ однако теперь совсѣмъ переводится, потому что они въ оном̀ никакихъ почти выгодъ не находятъ; самый большой лѣсъ почитался отъ Мурома къ Арзамасу; отъ Мурома къ Владимиру не такъ великъ, этотъ лѣсъ называется, какъ извѣстно, Муромскимъ, однако онъ очень уже переведенъ: Ока тутъ мнѣ показалась съ Неву.

12-го, часу въ 5-мъ пріѣхали во Владиміръ, переѣхавъ Клязьму, которая гораздо болѣе Москвы-рѣки; здѣсь купечество бѣдно, строенія какъ и въ Муромѣ не очень хороши, только здѣсь похуже Муромскаго показалось; городъ съ той стороны, съ которой я пріѣхалъ, сидитъ на очень высокой горѣ и видъ его хорошъ, также и церквей нѣсколько каменныхъ, какъ и въ Муромѣ находится; главный промыселъ здѣшняго купечества въ вишняхъ и нѣсколько въ огуречныхъ сѣмянахъ; ихъ здѣсь по болѣе 1000 человѣкъ; пробывъ съ часъ, поѣхалъ отсюда.

13-го, часу въ 8-мъ пріѣхалъ въ Москву, проѣхавъ рѣки съ 3 или 4 съ Москву-рѣку и нѣсколько ручейковъ и рѣчекъ; да еще верстъ съ 60 отъ Москвы переѣхалъ еще Клязьму; селенія были часты; земля глинистая и песчаная: хлѣба въ иныхъ мѣстахъ засѣяно довольно, и индѣ родился изрядно.

Читатель замѣтитъ, что дневникъ путешествія графа Владимира Григорьевича 1767 года измѣняетъ свой характеръ съ 5-го Іюня. Графъ не упоминаетъ болѣе объ Императрицѣ, которая, доплывъ до Симбирска, возвратилась сухимъ путемъ въ Москву къ 30-му Іюня. Графъ плыветъ одинъ до Астрахани, предпринимаетъ частыя и утомительныя поѣздки то верхомъ, то на баркѣ, то въ разныхъ повозкахъ. Послѣ многолюдства, пушечной пальбы и фейерверковъ онъ путешествуетъ одинокій въ степи, среди совершенно новыхъ лицъ, изучаетъ теченіе рѣкъ, слѣдитъ за направленіемъ прорытыхъ каналовъ, подробно распрашиваетъ Русскихъ, Армянскихъ и Хивинскихъ купцовъ объ ихъ земляхъ и коммерческихъ потребностяхъ. Многимъ читателямъ покажутся скучными собранныя въ этомъ дневникѣ свѣдѣнія, но въ нихъ можно замѣтить

Библиотека "Руниверс"

удивительное совпаденіе съ интересами теперешней нашей политики въ Азіи.

Надо здѣсь упомянуть о двухъ происшествіяхъ, о которыхъ нѣтъ рѣчи въ дневникѣ. Изъ нихъ одно относится до царскаго слѣдованія, другое собственно до фамиліи Орловыхъ.

Конечно, среди торжественныхъ встрѣчъ и общественныхъ удовольствій, на судахъ, носившихъ многочисленную экспедицію, были долгіе промежутки досуга. Итакъ рѣшено было воспользоваться этими досужными часами для литературнаго труда, именно—перевести на Русскій языкъ романъ Мармонтеля „Велисарій“. Всѣ Русскіе изъ свиты Императрицы и сама Государыня участвовали въ переводѣ, раздѣливъ между собою книгу по главамъ. Въ 1768 году въ Петербургѣ вышелъ въ печати маленькій томъ in 8°, который сохранилъ для потомства память объ этомъ трудѣ. Его заглавіе: „Велизеръ, сочиненіе господина Мармонтеля, члена Французской Академіи Наукъ, переведенъ на Волгѣ“. Имя героя въ разныхъ главахъ переведеннаго романа пишется то Велизеръ, то Веліазаръ, то Велизаръ, то Велизарій. Переводчики не согласились предварительно въ важномъ пунктѣ—правописанія самаго имени героя.

Слѣдующая замѣтка была сдѣлана на одномъ изъ напечатанныхъ впослѣдствіи экземпляровъ перевода, по указанію Императрицы:

„Кто какую главу переводилъ въ путешествіе по Волгѣ Екатерины II, показано ниже:

Приношеніе сочинялъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.

Предисловіе и

1-ю главу Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.
2-ю „ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ.
3-ю „ Сергѣй Матвѣевичъ Кузьминъ.
4-ю „ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.
5-ю „ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.
6-ю „ Дмитрій Васильевичъ Волковъ.
7-ю, 8-ю „ Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ.
9-ю „ Екатерина II.
10-ю, 11-ю, 12-ю „ Дмитрій Васильевичъ Волковъ.
13-ю „ Александръ Ильичъ Бобиковъ.
14-ю „ Князь Семенъ Борисовичъ Мещерскій.
15-ю „ графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ.
16-ю „ Григорій Васильевичъ Козицкій.

Библиотека "Руниверс"

Подобную надпись скрѣпилъ своею рукою графъ В. Г. Орловъ въ экземплярѣ, отданномъ для библіотеки Академіи Наукъ.

Сіе сдѣлалъ онъ по приказанію Императрицы Екатерины II[1])".

IV.

Обмѣнъ верховыхъ вотчинъ графовъ Орловыхъ на приволжскія имѣнія, высочайше пожалованныя въ Симбирской и Самарской губерніяхъ, и описаніе этихъ имѣній.—Переходъ сихъ имѣній изъ рукъ въ руки съ 1632 года.—Указъ о пожалованіи Орловымъ Усольской волости.—Вновь пожалованное имѣніе дѣлается предметомъ особаго вниманія графа Владимира Григорьевича.

Вторымъ происшествіемъ, правда, несовременнымъ съ плаваніемъ Императрицы, но послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ того, былъ обмѣнъ верховыхъ вотчинъ графовъ Орловыхъ на имѣнія, высочайше пожалованныя имъ въ нынѣшнихъ Симбирской и Самарской губерніяхъ.

Хотя графъ Владимиръ Григорьевичъ простился съ Государыней и со всей ея свитой въ Симбирскѣ 5-го Іюня, но съ братомъ Григоріемъ онъ видѣлся опять 6-го числа въ селѣ Новодѣвичьѣ, пріѣхавъ туда въ шлюпкѣ осматривать мѣста, которыя „ему понравились". Въ слѣдующій же день братья разстались, и графъ Владимиръ отправился въ Усолье. Это село расположено на нагорномъ берегу Волги при крутомъ сгибѣ рѣки къ Востоку до Самары, откуда Волга поворачиваетъ такъ же круто на Западъ до Сызрани. Жегулевскія горы, самыя высокія изъ всѣхъ на прибрежьи Волги, прорѣзанныя глубокими (лощинами?) и покрытыя лѣсами, проходятъ по всей длинѣ полуострова, образованнаго здѣсь Волгою и получившаго названіе Самарской Луки.

Татары Ногайскіе кочевали въ этомъ краю, когда онъ еще не былъ подвластенъ Россіи, и многія урочища носятъ доселѣ названія Ногайскія. Остатки укрѣпленій и глубокихъ окоповъ въ три ряда видны понынѣ на самомъ узкомъ мѣстѣ между Волгой къ Самарѣ и Волгой отъ Самары. Ермакъ Тимофѣевъ[2]), по преданіямъ, имѣлъ здѣсь свои притоны; Стенька Разинъ присоединился къ жившей здѣсь вольницѣ, нападавшей на жилища и разграблявшей суда съ зловѣщимъ крикомъ „сарынь на кичку!" Приволжское удальство, воспѣваемое въ старыхъ пѣсняхъ, разыгралось въ Жегулевскихъ горахъ, и населеніе ихъ увеличивалось отъ приходившихъ изъ разныхъ мѣстъ бродягъ, укрывавшихся отъ платежа податей[3]). Въ нагорныхъ пещерахъ, недалеко

[1]) См. Приложеніе II.

[2]) По имени Ермака одно селеніе на Самарской Лукѣ носитъ доселѣ названіе Ермаково.

[3]) Въ 1739 году велѣно было выслать этихъ выходцевъ на старыя мѣста жительства, но и до времени Екатерины этотъ край былъ убѣжищемъ бѣглецовъ.

Библиотека "Руниверс"

отъ разбойничьихъ шаекъ, скрывались также отъ мірской власти отшельники, искавшіе спокойствія совѣсти и душевнаго спасенія. Здѣсь они каялись въ страхѣ дикихъ звѣрей, злыхъ духовъ и неистовыхъ людей, претерпѣвая отъ суровости зимъ мученія, невѣдомыя пустынножителямъ древней Ѳиваиды [1]).

Названное въ дневникѣ графа Владимира Григорьевича Усолье было обязано началомъ своего существованія и самымъ названіемъ соленымъ ключамъ при подошвѣ горъ. Соляные промышленники купцы Строгоновы воспользовались открытіемъ этихъ водъ и дали своему новому заведенію и устроенному при немъ укрѣпленію названіе Усолья, по имени Усолья Камскаго, прежняго своего жительства.

Усолье было пожаловано въ 1632 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, купцу Надѣю Свѣшникову и выкуплено казною отъ его вдовы. Въ 1660 году оно было подарено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Саввинскому Сторожевскому монастырю. Отнятое отъ монастырскаго владѣнія Петромъ I, который самъ посѣтилъ Жегулевскія горы [2]), оно было пожаловано имъ князю Александру Даниловичу Меншикову, въ 1710 году. Конфискованное со дня ссылки Меншикова въ Сибирь, оно оставалось полстолѣтія въ казенномъ владѣніи до самаго путешествія Екатерины II по Волгѣ.

Въ 1768 году 23-го Апрѣля Императрица подписала указъ въ Сенатъ о принятіи отъ пяти графовъ Орловыхъ и приписаніи къ разнымъ казеннымъ вѣдомствамъ недвижимыхъ имѣній въ (нынѣшнихъ) Московской, Тверской, Ярославской, Казанской и Симбирской губерніяхъ и всемилостивѣйшемъ пожалованіи имъ въ обмѣнъ всѣхъ лежащихъ на горной сторонѣ рѣки Волги, въ Самарской Лукѣ, земель и угодьевъ, кромѣ „помѣщетскихъ начиная отъ Рожественской волости, противъ города Самары, до писцовой межи Усольской волости, какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкѣ Волгѣ, съ рыбными ловлями, да сверхъ того, по луговой сторонѣ рѣки Волги, по способности изъ пустопорожей земли, по межевой инструкціи“. Слова: „какъ вверхъ, такъ и внизъ“ объясняются тѣмъ, что Усольская волость касается Волги и находится по теченію рѣки и выше и ниже города Самары.

---

[1]) Около 1816 года одинъ отшельникъ проживалъ въ пещерѣ Жегулевской скалы три года, и при отысканіи его найдено много продовольственныхъ запасовъ, подаваемыхъ ему съ проходящихъ судовъ.

[2]) На одной изъ сихъ горъ, называемой Лысою, показываютъ камень, на которомъ было, по преданіямъ, начертано самимъ Императоромъ его имя; но, по уцѣлѣвшимъ буквамъ, нельзя допустить этого происхожденія надписи, которая принадлежитъ вѣроятно Молдавскому господарю князю Дмитрію Кантемиру (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, часть 31, 1839 годъ).

Библиотека "Руниверс"

Обмѣнъ близкихъ къ двумъ столицамъ, населенныхъ и легко доступныхъ имѣній на пространства отдаленныя и населенныя безпокойными Русскими выходцами, Чувашами и Мордвою, обѣщалъ новымъ его владѣльцамъ только будущую отдаленную пользу; но польза эта, подъ условіемъ бдительнаго и твердаго управленія, была несомнѣнная. Симбирскій дворянинъ Аѳанасій Степановичъ Мещериновъ, пріятель и корреспондентъ графовъ Орловыхъ, первый обратилъ ихъ вниманіе на природныя, еще мало оцѣненныя богатства этого края.

Усолье, выселенное до Екатерины изъ подъ горъ на самый перешеекъ полуострова, оставалось съ прочими селеніями имѣнія много лѣтъ въ общемъ владѣніи братьевъ Орловыхъ и поступило только въ 1808 году (по раздѣлу Симбирскихъ имѣній между двумя братьями, о которомъ будетъ говорено ниже) въ собственность графа Владимира Григорьевича. Но съ самыхъ первыхъ годовъ вступленія Орловыхъ во владѣніе Симбирскими имѣніями Усолье сдѣлалось предметомъ особаго вниманія графа Владимира Григорьевича и множества рѣшеній отеческихъ и благотворныхъ для крестьянъ. Графъ Владимиръ Григорьевичъ не только заботился о хозяйственномъ устройствѣ Усольскаго имѣнія, онъ имъ наслаждался и гордился. Во второмъ путешествіи графъ Владимиръ Григорьевичъ любовался видомъ съ вершины Караульнаго Бугра, ближайшаго къ Усолью. Бугоръ сей былъ изстари названъ Караульнымъ, потому что онъ служилъ мѣстомъ наблюденія за набѣгами Татаръ въ то время, когда Усолье принадлежало Саввинскому монастырю, и когда церковь Усольская стояла у подножья горы, Бѣлаго Камня, ближе къ соленымъ ключамъ, описаннымъ Палласомъ. Графъ, будучи директоромъ Академіи, поручилъ ученымъ путешественникамъ изслѣдовать Усольскую мѣстность съ научной точки, а на Караульномъ Бугрѣ устроилъ бесѣдку*), гдѣ братья Орловы съѣзжались на охоту. Въ отсутствіе графовъ, ихъ общій пріятель Мещериновъ занимался псовою охотою, содержа въ Усольѣ псарный дворъ съ 150 собаками разныхъ породъ, и сажалъ пойманныхъ звѣрей въ звѣринецъ—рощу близъ Усолья,

*) На мѣстѣ бывшей деревянной бесѣдки была построена въ 1838 году каменная башня въ Татарскомъ вкусѣ, которая издали видна плывущимъ по Волгѣ и съ низу и съ верху въ Самару. Съ этой башни видна съ Сѣвера и съ Юга Волга, огибающая Жегулевскія горы, а за Волгой необозримыя степи. Англичанинъ, посѣтившій въ 1841 году Караульный Бугоръ, примѣнилъ къ нему удачно въ книгѣ посѣтителей стихи Гомера:

«Ἐκ τ' ἔφανον πᾶσαι σκοπιαί, καὶ πρώονες ἄκροι,
Καὶ νάπαι· ῥαγέδην δ' ἀρ', ὑπερράγη, ἄσπετος αἰθήρ
Πάντα δέ τ' εἴδεται ἄστρα· γέγηθε δέ τε φρένα ποιμήν».

(„И появились всѣ пещеры и острыя вершины и пропасти, и раскрылась необъятная твердь небесная, и духомъ возрадовался пастухъ“). Иліада.

Библиотека "Руниверс"

раздѣленную на три отдѣла, замѣтные и нынѣ, для отдѣленія звѣрей слабыхъ отъ болѣе сильныхъ. Благоденствіе Усольскаго населеленія было предметомъ постоянной заботливости графа Владимира Григорьевича; имя Усолья встрѣчается часто въ его дѣловой и семейной перепискѣ, и потому мы себѣ дозволили длинное отступленіе объ этомъ имѣніи.

V.

Назначеніе графа Владимира Григорьевича Директоромъ Академіи Наукъ.—Опредѣленіе его должности.—Первые акты новаго директора.— Рѣшеніе вести протоколы на Нѣмецкомъ, вмѣсто Латинскаго, языкѣ.—Именной указъ объ учрежденіи Академической Коммиссіи.—Эйлеръ.—Назначеніе ревизіи и учета иностранной книжной лавки.—Приготовленія къ ученымъ экспедиціямъ, для наблюденія за прохожденіемъ Венеры.—Отправка молодыхъ студентовъ въ заграничные университеты.—Наблюденіе за прохожденіемъ Венеры.—Переписка объ отправленіи молодыхъ людей за границу и о другихъ предметахъ.—Письмо Императрицы къ графу Владимиру Григорьевичу о порядкѣ наблюденія за прохожденіемъ Венеры въ 1769 году.—Переписка съ академиками.—Донесенія о прохожденіи Венеры.—Переписка съ Палласомъ и др. учеными о путешествіи по Россіи.—Замѣчательное письмо Эйлера.—Письмо Линнея.—Письмо архіепископа Казанскаго.—Письмо митрополита Платона.—Письмо графа Румянцева.

Для продолженія разсказа приходится возвратиться назадъ, ко времени пріѣзда изъ Лейпцига графа Владимира Григорьевича. Имѣя тогда 24 года отъ роду, онъ былъ уже назначенъ на должность директора Академіи Наукъ. Президентомъ Академіи былъ въ то время графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, но весь трудъ академическаго управленія лежалъ на молодомъ директорѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ и слѣдующій именной указъ отъ 6-го Октября 1766 года, объявленный графу Орлову въ Сенатѣ. „Ея Императорское Величество, видя съ крайнимъ сожалѣніемъ Академію Наукъ въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадкѣ, восхотѣли для скорѣйшаго поправленія ея и приведенія въ прежнее цвѣтущее состояніе, взять оную въ собственное свое вѣдомство для учиненія въ ней реформы, къ лутчему и полезнѣйшему ея поправленію. А какъ нынѣ исполненіе онаго дѣйствительно начаться имѣетъ, то за нужно почли опредѣлить такую повѣренную отъ Ея Императорскаго Величества персону, чрезъ которую бы Ея Величество даваемыя свои повелѣнія оной Академіи объявлять, такъ и нужды ея вѣдать могли, и для сего избрали впредь до указа Ея Императорскаго Величества камеръ-юнкера графа Владимира Орлова, коего довольное въ наукахъ свѣдѣніе и охота его и склонность къ онымъ Ея Величеству весьма извѣстны, повелѣвая при томъ ему: имѣть дирекцію канцеляріи и исполнять во всемъ по тѣмъ отъ Ея Императорскаго Величе-

Библиотека "Руниверс"

ства ему графу Орлову даваемымъ повелѣніямъ, которыя, яко словесныя, онъ въ Академіи записывать будетъ“ *).

Хотя языкъ Латинскій всегда былъ обычнымъ языкомъ академическихъ актовъ, и наша Академія не хотѣла отставать отъ другихъ и приняла употребленіе этого языка за нѣсколько времени до вступленія Орлова въ управленіе Академіею, однако съ 1735 года ея протоколы велись исключительно по-нѣмецки. Если, съ одной стороны, было сообразно съ традиціями Академіи и ея достоинствомъ выражаться на языкѣ классическомъ, то, съ другой, было признано весьма непрактичнымъ оставаться при употребленіи Латинскаго языка въ то самое время, когда академики, усиливая свою дѣятельность, чувствовали нужду облегчать свои труды и отстранять раздѣлявшія ученыхъ распри. Поэтому молодой Орловъ не замедлилъ откровенно выразить желаніе, чтобы протоколы академическихъ засѣданій велись не по-латинѣ, а на Русскомъ языкѣ, высказывая, что знаніемъ Латинскаго языка онъ обладалъ не въ такой степени, чтобы не утрачивалась для вниманія его никакая часть академическихъ рѣчей. Однако желаніе директора не осуществилось вполнѣ: рѣшено было, что протоколы будутъ ведены если не полатынѣ, то по-нѣмецки, въ виду какъ большаго числа Нѣмецкихъ ученыхъ, незнакомыхъ съ Русскимъ языкомъ, такъ и той легкости, съ которою Русскіе усвояютъ пониманіе и употребленіе Нѣмецкаго языка.

Дѣла Академіи были тогда въ большомъ безпорядкѣ, средства ея были очень ограничены и обременены старыми долгами, въ коллекціяхъ ея были слѣды многихъ растратъ, а въ управленіи большой произволъ со стороны нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ.

Въ первый же мѣсяцъ по вступленіи въ должность директора, графъ Орловъ получилъ слѣдующій именной указъ объ учрежденіи при Академіи, въ замѣнъ нелюбимой всѣми Академической Канцеляріи, Коммиссіи:

„Повелѣваемъ учредить при Академіи Наукъ Коммиссію, которой состоять изъ членовъ Академіи, статскаго совѣтника Штелина, профессора Эйлера съ сыномъ его профессоромъ Физики, профессоровъ: Лемана,

*) Императрица извѣстила Вольтера о назначеніи графа Владимира Григорьевича, называя его президентомъ, а не директоромъ Академіи, потому вѣроятно, что вся переписка и вся отвѣтственность по предсѣдательству Академіи перешли къ графу Владимиру Григорьевичу. Вотъ собственныя слова Императрицы въ письмѣ 29-го Октября (9-го Ноября) 1769 г.:

„Президентомъ въ Академіи графъ Орловъ, но не генералъ-фельдцейгмейстеръ, а братъ его меньшой, котораго главное упражненіе состоитъ въ наукахъ. Ихъ пять братьевъ, и какъ трудно сказать, кто изъ нихъ болѣе имѣетъ достоинствъ, столькожъ трудно найти подобное дружбою соединенное семейство“.

Библиотека "Руниверс"

Котельникова и Румовскаго. Должность всѣхъ ихъ, какъ уже сказано въ указѣ данномъ вамъ отъ насъ, разбирать всѣ департаменты, дабы привесть въ лучшее состояніе. Коммиссіи же сей быть въ дирекціи вашей; то имѣть вамъ надъ оною власть такую, какая президенту Академіи Наукъ въ Регламентѣ предписана; а для лучшаго успѣха повелѣваемъ вамъ со всѣми назначенными не только разсматривать всѣ дѣла, но и управлять оными, наблюдая при томъ, чтобы приходамъ и расходамъ веденъ былъ счетъ порядочный. Впрочемъ какимъ образомъ быть управленію, отдаемъ на ваше распоряженіе".

30-го Октября 1766 г. С.-Петербургъ.

Названный въ числѣ членовъ Эйлеръ былъ тотъ самый, котораго покойный профессоръ Остроградскій называлъ первымъ геометромъ, появившимся со времени Ньютона, извѣстный внѣ круга ученаго міра своими замѣчательными письмами о разныхъ научныхъ предметахъ подъ заглавіемъ: „Lettres à une princesse d'Allemagne"; то были письма Эйлера къ принцессѣ Ангальтъ-Дессау, племянницѣ Прусскаго короля. Графъ Орловъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей и самыхъ горячихъ цѣнителей Эйлера. Въ Коммиссіи засѣдали сынъ Эйлера и три профессора подъ предсѣдательствомъ директора, и, согласно тексту именнаго указа, положено ей въ обязанность „разбирать всѣ департаменты, дабы привесть въ лучшее состояніе", а директору „имѣть надъ оною власть такую, какая президенту Академіи Наукъ въ Регламентѣ предписана, не только разсматривать дѣла, но и управлять оными, наблюдая, чтобъ приходамъ и расходамъ веденъ былъ счетъ порядочный".

По бумагамъ Академіи Наукъ видно, что первымъ распоряженіемъ Орлова было назначеніе ревизіи и учета иностранной книжной лавки, которая была до того времени въ полномъ завѣдываніи Тауберта, оставшагося по смерти Ломоносова (4-го Апрѣля 1765 тода) „однимъ властителемъ Академіи". Нелюбимая Академическая Канцелярія рушилась, и учреждена особая Коммиссія, о которой выше упомянуто. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранены изъ Академіи заведенія по части художествъ и ремеслъ, и управленіе ученаго общества передано его членамъ.

Подробныя свѣдѣнія объ этихъ преобразованіяхъ и о приведеніи ихъ въ исполненіе появляются въ весьма многихъ изъ частныхъ писемъ Орлова къ разнымъ ученымъ того времени, при чемъ получается понятіе и о содержаніи его переписки съ учрежденною имъ Коммиссіею; часть этихъ дѣлъ истекала изъ предметовъ занятій Академіи и изъ оффиціальныхъ обязанностей ея директора, а часть изъ личнаго почина директора. Къ первымъ надобно отнести управленіе самою Академіею

Библиотека "Руниверс"

и приготовленіе къ ученымъ экспедиціямъ для наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры; ко вторымъ надлежитъ причислить отправку молодыхъ студентовъ въ заграничные университеты и устройство путешествій для внутренняго изслѣдованія Россіи.

Нѣкоторыя изъ писемъ Орлова къ ученымъ могутъ служить свидѣтельствомъ его отмѣнно учтиваго и полнаго уваженія отношенія къ служителямъ науки. Два, здѣсь приводимыя въ переводѣ съ Нѣмецкаго, письма были написаны Орловымъ къ профессору Мюллеру[1]), нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія его въ должность директора Академіи.

„Благородный, многоуважаемый, господинъ профессоръ. Ваша особенная склонность ко мнѣ и исключительная радость о препорученномъ мнѣ управленіи Академіею Наукъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что я слышу ихъ отъ человѣка вполнѣ преданнаго наукѣ и въ продолженіе долгаго времени столь отличавшагося многочисленными услугами моему отечеству, и даже теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, при слабомъ тѣлосложеніи, все еще неутомимо трудящагося. Приношу вамъ за это покорнѣйшую благодарность и могу увѣрить, что никогда не престану выражать глубокое уваженіе къ наукѣ, и въ особенности къ тѣмъ, которые усердно работаютъ на пользу прочнаго водворенія ея въ Россіи. Впрочемъ, поручая себя и впредь вашей благосклонности, остаюсь вашего благородія готовый къ услугамъ другъ Владиміръ графъ Орловъ.

С.-Петербургъ, 1766 г. 9-го Ноября.

Благородный, многоуважаемый, господинъ профессоръ. Я ожидаю съ такимъ же удовольствіемъ то время, когда буду имѣть честь съ вами лично поговорить и воспользоваться вашимъ знакомствомъ. За присланную вами книжечку покорнѣйше благодарю. Что же касается до перевода Бюшингова Землеописанія, то въ настоящее время Академія никакъ не можетъ этимъ заняться; но со-временемъ, я надѣюсь, что ваше желаніе исполнится, и тогда я васъ попрошу внести ваши поправки и дополненія въ это полезное сочиненіе. Поручая себя вашей благосклонности и впредь, остаюсь послушнѣйшій другъ В. графъ Орловъ“.

С.-Петербургъ, 1766 г. Декабря 12.

Въ 1767 году Государыня находилась, какъ извѣстно, въ Москвѣ для открытія Коммиссіи о составленіи Новаго Уложенія[2]); но это великое земское дѣло не отвлекло ея вниманія отъ ожидаемаго въ ученомъ мірѣ событія, именно—прохожденія планеты Венеры передъ солнцемъ (совершившагося въ Маѣ 1769 г.).

---

[1]) *Мюллеръ* (Müller), *Герардъ-Фридрихъ* (Русскіе его звали Ѳедоръ Ивановичъ), академикъ, исторіографъ и непремѣнный секретарь Академіи Наукъ до 25-го Апрѣля 1765 г.

[2]) Графъ Владиміръ Григорьевичъ былъ избранъ въ число повѣренныхъ отъ 1-й Адмиралтейской и Московской частей С.-Петербурга для выбора городскаго головы и депутата отъ этой столицы. Въ эти должности были избраны: головою—генералъ-маіоръ Николай Васильевичъ Зиновьевъ, а депутатомъ—графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Библиотека "Руниверс"

Явленіе прохожденія планеты Венеры чрезъ дискъ солнца будетъ всегда интересовать астрономовъ; оно дало возможность опредѣлить точно параллаксъ солнца или среднее разстояніе этого свѣтила отъ земли, помимо движенія луны и противустоянія Марса. Сущность самаго феномена состоитъ въ томъ, что планета появляется между землею и солнцемъ. На солнечномъ дискѣ она является въ видѣ чернаго, отлично очерченнаго кружка, около минуты въ діаметрѣ, причемъ положеніе планеты относительно краевъ солнца можетъ быть опредѣлено въ точности. Сіи явленія совершаются попарно, одно за другимъ, чрезъ 8 лѣтъ безъ 2, 4 дней. Они происходили: въ 1631 году Декабря 6-го, въ 1639 Декабря 4-го; послѣднее было въ 1761 Іюня 5-го *), а слѣдующее за нимъ должно было совершиться въ 1769 г. Іюня 3-го.

Датчане, Шведы, Англичане, Французы снарядили экспедиціи въ Гудзоновъ заливъ, Калифорнію, Пекинъ, на Отаити и въ Батавію. Всѣхъ наблюдательныхъ пунктовъ было 149; но наблюденія, къ сожалѣнію, оказались недостаточно точными, хотя вопросъ относительно параллакса солнца могъ быть нѣсколько подвинутъ.

Изъ Россіи были посланы: въ Колу академикъ и профессоръ астрономіи Степанъ Яковлевичъ Румовскій, а въ Гурьевъ—профессоръ астрономіи Георгъ-Морицъ Ловицъ, который былъ въ 1774 году умерщвленъ Пугачевскими казаками. Помощниками ихъ были: Охтенскій и Петръ Борисовичъ Иноходцовъ, въ то время адъюнктъ Академіи по астрономіи, впослѣдствіи же экстраординарный профессоръ. Адъюнктъ же Академіи Вольфангъ-Людвигъ Крафтъ, впослѣдствіи профессоръ экспериментальной физики, былъ посланъ въ Оренбургъ. Сынъ и ученикъ извѣстнаго Леонарда Эйлера, поручикъ Эйлеръ и капитанъ Исленьевъ съ помощникомъ г. Чорнымъ были посланы въ Якутскъ и снабжены отъ Академіи инструментами и приборами. Приглашенные изъ Женевы астрономы Малле и Пикте были отправлены: первый—въ Поной, а второй—въ Умбу, мѣста, лежащія за арктическимъ кругомъ, въ Архангельской губерніи. Въ Петербургѣ наблюдателемъ былъ Христіанъ Майеръ, изъ Мангейма, извѣстный своимъ въ то время столь еще смѣлымъ предположеніемъ, что всѣ двойныя звѣзды связаны между собою физически.

Ревность, съ которою Орловъ содѣйствовалъ изысканіямъ астрономовъ, проистекала не изъ одного лишь чувства національнаго самолюбія, но и вслѣдствіе положительной наклонности къ астрономіи, которою онъ интересовался до послѣднихъ дней своей жизни. Относи-

*) Оно было наблюдаемо у насъ въ Тобольскѣ аббатомъ Шаппомъ д'Отерошемъ, написавшимъ противъ Россіи злостную книгу, которую Екатерина опровергнула своимъ „Антидотомъ“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

тельно приготовленій къ наблюденіямъ за прохожденіемъ Венеры, графъ дѣлаетъ распоряженія въ цѣломъ рядѣ писемъ въ академическую Коммисію. Но въ нихъ упоминается и о другихъ предметахъ. Орловъ обращалъ въ тоже самое время большое вниманіе на усовершенствованіе Русскаго языка и распространеніе въ переводахъ классическихъ произведеній. Въ бумагахъ кабинетъ-секретаря императрицы Екатерины II-й Григорія Васильевича Козицкаго сохранились документы, показывающіе, что въ 1767 году собиралось нѣсколько лицъ для обсужденія „Положенія о Словарѣ Россійскомъ“. Здѣсь шли толки о Русскомъ правописаніи. о томъ, какія слова должны войти въ словарь и проч. Любопытно, что въ числѣ любителей, занимавшихся кропотливымъ словарнымъ трудомъ, были не только писатели, какъ Херасковъ, Новиковъ, но и лица изъ придворнаго общества, а именно: графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, самъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ. Алексѣй и Семенъ Васильевичи Нарышкины и графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.

Письма Орлова о прохожденіи Венеры и письма къ нему, писанныя по этому предмету, встрѣчаются поочередно съ другими, касавшимися предмета, особенно близкаго его сердцу, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многія черновыя записки, писанныя его рукою.

Въ это время отправлено было нѣсколько молодыхъ людей въ чужіе края для довершенія образованія, подобно тому, какъ и самъ Орловъ довершалъ свое образованіе въ Лейпцигѣ. Между прочими, въ Галлѣ были двое, посланные туда на счетъ Орлова; другіе находились въ Оксфордѣ, иные въ Лейпцигѣ. Профессоръ Шлёцеръ доводилъ до свѣдѣнія Орлова объ учившихся Богословію воспитанникахъ Св. Синода въ Геттингенскомъ университетѣ, подъ руководствомъ профессора Муррейя. Онъ жалуется, что на нихъ ассигнуется слишкомъ много и что средства эти тратятся крайне расточительно, непроизводительно и неправильно, намекая притомъ и на недобросовѣстность самаго руководителя воспитанниковъ. Онъ выставляетъ одного изъ послѣднихъ (Семенова) застарѣлымъ, закоснѣлымъ въ предразсудкахъ, самоувѣреннымъ, крайне неотесаннымъ человѣкомъ, позорящимъ свою націю и присвоивающимъ себѣ совершенно незаконную власть надъ своими сотоварищами. Нельзя было предполагать, чтобы въ Геттингенѣ могли сочувствовать воспитанникамъ, получившимъ свое первое образованіе въ духовныхъ училищахъ православной церкви, и неизвѣстно, кто подалъ первую мысль объ отправленіи ихъ въ Геттингенъ. Впрочемъ, можетъ быть, Шлёцеръ и былъ правъ, выражая сожалѣніе, что благотворные воспитательные проекты Императрицы исполнялись ошибочно и что самый способъ исполненія порождалъ непріятные толки.

Библиотека "Руниверс"

Мы не считали нужнымъ воспроизводить ту часть корреспонденціи графа, которая касается до Русскихъ воспитанниковъ въ Германіи. Она заключаетъ въ себѣ или похвалы воспитанниковъ наставникамъ, или жалобы на нихъ, распоряженія, замѣчанія о расходахъ, порицанія и увѣщанія молодымъ людямъ, посланнымъ изъ Петербурга и совѣты ихъ наставникамъ; словомъ, множество подробностей мелкихъ и незанимательныхъ, свидѣтельствующихъ, однако, о совершенно отеческомъ участіи, которое принималъ Орловъ въ судьбѣ этихъ молодыхъ людей. Отъ времени до времени онъ обращался къ лицамъ постороннимъ, къ Русскимъ дипломатамъ, съ просьбами о сообщеніи ему болѣе подробныхъ свѣдѣній о поведеніи преподавателей и воспитанниковъ; иногда просилъ о посредничествѣ, въ случаѣ ссоръ между ними; иногда писалъ къ самимъ воспитанникамъ для поощренія ихъ, или давая имъ совѣты. Письма эти были, конечно, драгоцѣнны для тѣхъ, кому они были адресованы, но для современнаго читателя не представляютъ особеннаго интереса.

Слѣдующія письма даютъ общее понятіе о многоразличныхъ предметахъ, занимавшихъ въ это время Академію и ея директора.

Москва, 5 Марта 1767 года.

Любезные товарищи, господа комисіонеры, всѣмъ вамъ желаю отъ искренняго сердца быть здоровымъ и веселымъ. Посылаю къ вамъ копію съ письма Государыни ко мнѣ. Вы изволите увидѣть, сколь желательна Ея Величество видѣть, чтобъ наблюденіе 1769 года съ нашей стороны со всѣмъ раченіемъ и осторожностью сдѣлано было. Государыня изволила словесно мнѣ приказывать сказать Ея Величеству, въ чемъ намъ только нужда будетъ, то она намъ охотно во всемъ поможетъ. И такъ я васъ прошу сообщить, гдѣ наблюденіямъ быть, планы строеніямъ, которыя для сего намѣренія въ оныхъ мѣстахъ сдѣлать надобно; сколько денегъ около. выписать инструменты изъ Англіи на сей случай и столько чтобъ каждый наблюдатель ни малѣйшаго недостатка въ оныхъ не имѣлъ. Надобно ли вамъ офицеровъ и сколько имянно, и какъ лучше, чтобъ Государыня изволила опредѣлить, навѣдаясь сама, о искуствѣ оныхъ, или вы сами можете способнѣйшихъ къ этому намѣренію найтить, то сообщите имя ихъ и гдѣ служатъ, да тутъ надобно смотрѣть, есть ли у нихъ охота къ этому дѣлу? Ежели этотъ офицеръ, который у васъ теперя учился, Степанъ Яковлевичъ, охоту и способность имѣетъ и надобенъ, я думаю его можно будетъ чрезъ все сіе время оставить, на такомъ основаніи, на какомъ онъ теперича. Я, можетъ быть, иное упустилъ въ разсужденіи того что мнѣ сообщить надобно, то прошу дополнить, чтобъ ничего не пропустить, то не поспѣшите отвѣтомъ ко мнѣ, однако и не продолжите оной отнюдь далѣе 10 Апрѣля.

Извольте прислать доношеніе о Семенѣ Кирилычѣ; я оное здѣсь подпишу и подамъ въ Сенатъ, что онъ по имянному указу опредѣленъ въ Академическую Коммиссію, и что за разными дѣлами, которыми онъ обязанъ по оной Коммиссіи, нынѣшній годъ исполнить не можетъ, къ чему Сенатъ его опредѣлить хочетъ, и такъ оное оставить до тѣхъ поръ когда Коммисскія дѣла дозволятъ ему отлучиться, и что Академія на его мѣста теперя никово представить не можетъ, которой бы также дѣлами не занятъ былъ, какъ и онъ. Яковъ Яковлевичъ, грамоту я получилъ, изволите отписать, что за нее взять денегъ надобно, Волкова контрактъ прикажите написать въ заглавіи, какъ пере-

Библиотека "Руниверс"

мѣнено, переписавъ прислать ко мнѣ одинъ, чтобы ему отдать, который я подпишу, а другой чтобъ онъ подписалъ и къ вамъ назадъ послю. Я пріѣхалъ сюда послѣднева Февраля, то есть въ Среду, въ 4 часа, а изъ Петербурга выѣхалъ въ 6 часовъ въ Воскресенье, пріѣхалъ и выѣхалъ по полудни; все слава Богу здоровъ, прошу отъ меня всѣмъ другимъ професорамъ поклониться. Вашъ покорный и вѣрный слуга В. Г. Орловъ.

Братъ Ѳедоръ Григоричъ всѣмъ вамъ нижайше кланяется.

Не можно ли какую книгу прислать для поправленія штиля Козицкому и Матонису[1]), или не можно ли имъ какой нибудь другой работы дать, коли первой нѣтъ, чтобъ они у насъ праздны не ходили".

Къ этому письму была приложена копія со слѣдующаго письма Императрицы.

Копія съ копіи.

„Monsieur le comte Orlow, ayant apris que pendant l'été de l'année 1769, l'étoile nommé Venus repassera devant le soleil, je vous écris cette lettre, pour que vous disiez à l'Académie des Sciences de ma part, que je souhaite: 1) que l'Académie fasse faire ses observations avec le plus grand soin et que je désire en conséquence de savoir, 2) quels sont les endroits de l'Empire les plus favorablement placés et quels sont ceux que l'Académie destine pour cette observation? Afin qu'au cas qu'il y fallût bâtir, envoyer des ouvriers et si on peut prendre les mesures convenables. 3) que s'il n, y a pas assez d'astronomes à l'Académie pour que l'observation soit complette, dans les endroits que l'Académie aura choisis, je propose et me charge de faire chercher parmi les marins des sujets qui, pendant le tems qui reste, jusqu'au passage de Venus pourroient se perfectioner sous les yeux des professeurs pour cette observation, afin d'être employés dans cette expédition avec utilité au gré de l'Académie.

Vous me ferez parvenir, monsieur le comte, la réponse de l'Académie et son avis bien complet sur tout ceci, afin que je puisse ordonner tout ce qu'il faut sans perte de temps.

à Moscou, ce 3 Mars 1767 [2]). „Catherine".

---

[1]) Оба они въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія слушали лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, по собственной охотѣ.

[2]) Господинъ графъ Орловъ. Узнавъ, что лѣтомъ 1769 года звѣзда подъ названіемъ Венера пройдетъ передъ солнцемъ, я пишу вамъ это письмо, дабы вы извѣстили Академію Наукъ, что съ моей стороны мнѣ желательно: 1) чтобы Академія приказала дѣлать наблюденія съ большою тщательностью и что я въ силу этого желаю знать, 2) какія мѣстности государства для этого наиболѣе удобны и какія намѣтила Академія для этого наблюденія, для того, чтобы послать рабочихъ и принять надлежащія мѣры; 3) если нѣтъ достаточно въ Академіи астрономовъ, для того, чтобы наблюденіе было полное въ мѣстахъ, которыя изберетъ Академія, я предлагаю и беру на себя поискать среди моряковъ людей, которыя бы могли, во время оставшееся до прохода Венеры, усовершенствоваться подъ наблюденіемъ профессоровъ для этого наблюденія, дабы быть

Библиотека "Руниверс"

„Любезные товарищи! Взаимно желая вамъ всякаго благополучія, за поздравленіе ваше и желанія благодарствую. Я весьма удивляюся и крайне сожалѣю, что господинъ статскій совѣтникъ Таубертъ напрасное Коммиссіи непристойными своими требованіями причинилъ безпокойство. Коммиссія справедливо поступила, когда въ силу опредѣленій, Февраля 14, 20 чиселъ данныхъ, заблагоразсудила вручить господину статскому совѣтнику только тѣ каталоги, которые были двойные, а описи драгоцѣннымъ вещамъ и медалямъ удержала съ тѣмъ, чтобъ, списавъ съ нихъ копіи, отослать къ нему обратно. И такъ, не списавъ копій, помянутыхъ описей ему не возвращать, и не взирать ни на какія его угроженія[1]). Присланныя ко мнѣ письма отъ гг. губернаторовъ, также и отвѣтныя мои къ нимъ, при семъ прилагаю, которыя съ прочими прошу хранить въ архивѣ. Сообщенное отъ его сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева письменное извѣстіе, когда за благо разсудите, въ вѣдомости внесите, а перваго его письма, о которомъ онъ здѣсь упоминаетъ, я еще и по сіе время не получилъ, когда же получу, то вамъ оное сообщить не премину. Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ всѣмъ вамъ кланяется и отъ г. профессора Румовскаго задачи ожидаетъ. Въ прочемъ есмь[2]).

Москва 8-го Марта 1767 г.

Письмо отъ Якова Яковлича[3]) и дипломъ получилъ къ кореспондентамъ нашимъ въ Пекинѣ. Я ихъ перешлю туда, какъ лучше могу; также и газеты получилъ, которыя какъ скоро прочту, то отошлю къ Миллеру.

Яковъ Яковлевичъ. Я не помню, чтобъ у меня рисунки остались, я ихъ искалъ и не нашелъ; такъ если у васъ ихъ не найдется, то не можете ли ихъ поскорея изготовить и переслать ко мнѣ, коли можете упомнить, какіе эти рисунки были.

Радуюсь, что у васъ въ Академіи все благополучно.

О нездоровіи господина профессора Эйлера сердечно сожалѣю и прошу ему отъ меня поклониться и сказать, что я желалъ, чтобъ онъ онаго наискорея освободился.

1767 г. 14 Марта.

употребленными съ пользою въ этой экспедиціи за счетъ Академіи. Вы, графъ, сообщите мнѣ отвѣтъ Академіи и ея подробное мнѣніе по поводу всего этого, дабы я могла всѣмъ распорядиться, не теряя времени. Екатерина. Москва, 3 Марта 1767.

[1]) Вѣроятно, по поводу этого самаго письма, Тауберть, въ письмѣ къ неизвѣстному лицу отъ 19-го Марта 1767 г., сѣтуя, что противъ него возстановляютъ *молодого графа* (Орлова), проситъ указать Панину, „какіе дурные люди гг. Эйлеръ и Штелинъ и какъ допускаетъ *молодой человѣкъ* управлять собою этимъ своекорыстнымъ и подлымъ льстецамъ“.

[2]) Обычныя окончанія писемъ дальше опускаются. П. Б.

[3]) *Штелинъ* (Jacob von Stählin), *Яковъ Яковлевичъ*, академикъ по каѳедрѣ поэзіи и краснорѣчія, непремѣнный секретарь Академіи съ 25 Апрѣля 1765 г. по 25 Февраля 1769 г. Ему порученъ былъ надзоръ за академическими граверами. Съ 1770 года Штелинъ 13 лѣтъ исполнялъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ обязанности секретаря по иностранной перепискѣ. Съ 1768 г., по его мысли, стали издавать при Академіи календари: историческій, географическій, экономическій и календарь съ наставленіями.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь есть піеса въ Экономическое Собраніе, которую я здѣсь распечатанное получилъ, и такъ за моею печатью посылаю.

Получено 23-го дня Марта (1767).

Государи мои. Радуюсь, что Кирилло Григорьевичь Разумовскій пріѣхалъ. Я надѣюсь, что всѣ г. профессоры не преминули у него быть и поздравить съ пріѣздомъ. Можетъ быть, я самъ скоро буду имѣть удовольствіе его здѣсь видѣть. Письмо отъ г. профессора Бернулли *) я получилъ и при семъ приложенной мой отвѣтъ на оное прошу къ нему отослать. Потому что еще по сихъ поръ никакова отвѣту отъ г. Цейгера нѣтъ, то бы не дурно было вторично къ нему отписать, и первое можетъ быть какъ нибудь потерялось. При семъ посылаю тысячу рублей иперіялами, и прошу васъ велѣть написать вексель на оную сумму на имя доктора и профессора Айрера въ Геттингѣ, о которомъ профессорѣ вы обстоятельнѣе у г. Моделя навѣдаться можете; а когда вексель напишется, то прошу оный отдать для пересылки въ Геттингъ г. Моделу.

Въ Москвѣ Марта 29-го дня 1767 г.

P. S. Я надѣюсь, Яковъ Яковлевичь, что календарь дорожный для Государыни не долго замѣшкается; прошу меня увѣдомить, какъ скоро вы думаете оный ко мнѣ переслать.

Прошу меня увѣдомить, готовъ ли мой дипломъ или когда готовъ будетъ; да еще имѣются ли кости той рыбы или звѣря морскаго, котораго у насъ при Академіи рогъ или рога находятся, и стоитъ ли труда, чтобъ оныя кости имѣть, ежели не всѣ, хотя нѣсколько.

(Приписка на особомъ листкѣ).

Проектъ Лейбницевъ о учрежденіи Академіи. Оныя письма Лейбницовы по письму ко мнѣ отъ г. Миллера пересланы къ нему тому уже болѣе трехъ недѣль.

---

*) *Бернулли* (Bernoulli) *Даніилъ*, академикъ сначала по каѳедрѣ физіологіи, а потомъ высшей математики. 24 Іюня 1733 г. онъ оставилъ Академію съ званіемъ почетнаго члена и возвратился въ Базель. Въ 1737 г., президентъ Академіи, баронъ Корфъ, постановилъ производить Д. Бернулли пенсію съ 1 Января 1735 года по 200 рублей. Съ отъѣздомъ за границу барона Корфа и по временномъ удаленіи Шумахера, заступившій его мѣсто Нартовъ, полагая поправить хозяйственную часть Академіи, находившуюся въ упадкѣ, придумалъ прекратить производство пенсіоновъ тѣмъ изъ заграничныхъ ученыхъ, которые за сообщеніе статей и поддержаніе спошеній съ Академіею получали отъ нея пенсіоны. Поэтому и Бернулли лишился назначенныхъ ему 200 руб. Тотчасъ же, по назначеніи графа Орлова директоромъ Академіи, было постановлено производить Даніилу Бернулли, съ 1 Января 1767 г., пенсіонъ въ 200 рублей. По этому поводу академикъ Штелинъ писалъ къ Бернулли: „Его сіятельство графъ Орловъ и члены Коммиссіи, не имѣя права входить въ подробности за прошедшее время, когда, Богъ знаетъ почему, нѣкоторымъ почетнымъ членамъ прекратили пожалованныя имъ пенсіи, назначили снова обыкновенный пенсіонъ въ 200 рублей нѣкоторымъ изъ нашихъ иностранныхъ членовъ.... Между такими членами вы, милостивый государь, считаетесь первымъ; почему, согласно опредѣленію нашей Академіи, имѣю честь увѣдомить васъ настоящимъ письмомъ, что съ 1 Января текущаго 1767 г. вы будете получать пенсіонъ въ 200 руб. ежегодно“... Упоминаемое въ письмѣ графа Орлова отъ 29 Марта 1767 г. письмо Бернулли содержитъ изъявленіе благодарности за продолженіе пенсіона и увѣдомленіе о томъ, какимъ образомъ могутъ быть пересылаемы ему деньги.

Библиотека "Руниверс"

Государи мои. Я изъ письма Якова Яковлевича заключилъ, что сверхъ присланныхъ ко мнѣ рисунковъ должно бы еще нѣсколько или у меня или у него найтися; а изъ письма отъ 22-го Марта я видѣлъ, что я въ моемъ заключеніи обманулся; и такъ ни у него, ни у меня рисунковъ болѣе быть не можетъ.

Отвѣтъ на письмо какъ Государыни, такъ и мое касающееся до наблюденія Венеры обо всемъ, о чемъ васъ спрашиваютъ, неумедля прошу прислать: на большую часть вопросовъ, ежели не на всѣ, могутъ отвѣтствовать найлучимъ образомъ, а особливо, что пріямо до наблюденія принадлежитъ, какъ я надѣюсь, г. старшій профессоръ Ейлеръ и Румовскій. Я васъ прошу оный отвѣтъ мнѣ переслать для того поскоряе, чтобъ я могъ имѣть еще удобный случай съ Государынею прежде отъѣзду ея отсюда обстоятельно обо всемъ ономъ переговорить. Я отнюдь не сумниваюсь, чтобъ какія нибудь несогласія между вами въ разсужденіи етого отвѣта могли произойти; а ежелибы паче чаянія; то прошу васъ дружески съ моей стороны, чтобъ оныя скоряе прекратить и чрезъ то пересылка того отвѣта не замедлилась.

Письмо Якова Яковлевича отъ 26-го Марта я получилъ, также и приложенія двадцать маленькихъ атлассовъ рѣки Волги. Сколько мнѣ надобно будетъ для себя оставить, за оныя я Волкову здѣсь деньги заплачу, а прочія отошлю для продажи по опредѣленной цѣнѣ отъ Коммиссіи. Мнѣ кажется, что двѣсти маленькихъ атлассовъ для продажи здѣсь мало, и что можетъ оныхъ до пятисотъ разоитися. Награжденіе за работу тѣмъ, которые при семъ атлассѣ были, и сочиненіе продолженія Волги до самаго моря чрезъ Шмида, какъ то, такъ и другое очень хорошо, и мы въ мѣстѣ ужъ объ ономъ говорили. Мнѣ кажется при томъ не дурно бы было, ежели бы Волгу не только отъ Твери, но отъ самой ея вершины зачать. Для Грекова и Виноградова хорошіе оригиналніе портреты Государыны и Великаго Князя я постараюсь найтти. Ежели къ вамъ пришлетъ Іванъ Ивановичъ Таубертъ проэктъ Лейбницовъ въ Коммиссію, то прошу оный ко мнѣ переслать. Вамъ самимъ, я чаю, не безизвѣстно, что етотъ проектъ о учрежденіи Академіи въ библіотекѣ находиться долженъ. Письмо къ вицеканцлеру Голицыну и Календарь печатанной въ Готѣ къ вамъ посылаю и что въ етомъ письмѣ совѣтуетъ посланникъ Голицынъ вице-канцлеру у насъ въ Россіи такой же родъ календарей завести, оное отдаю на ваше расмотрѣніе, полезно ли такой календарь сдѣлать и можетъ ли етотъ календарь хотя и нѣсколько примѣромъ служить. Письмо и календарь вы можете у себя оставить. Девяноста рублей отъ князя Александра Алексѣевича Вяземскаго за написаніе грамоты посылаю.

Что касается до всѣхъ расходовъ, которые по библіотекѣ и кунсткаморѣ быть могутъ, то ужъ объ ономъ положено, чтобъ безъ вѣдома Коммиссіи Іванъ Ивановичъ работъ одинъ самъ собою не подряжалъ, о чемъ я ему однако никакова повелѣнія не далъ. И такъ теперь оное исполняю, а васъ прошу, чтобъ ни за какія работы, ежели оныя безъ вѣдома Коммиссіи здѣланныя будутъ, не платить.

Опредѣленіе Петра Филиппова въ корректоры, а Башилова къ Шлецеру для извѣстнаго намѣренія и прочее что вы здѣлали, какъ я изъ послѣдного репорту виделъ, очень хорошо.

Копію съ письма отъ г. Папста*) посылаю, изъ которой вы увидѣть можете, коихъ онъ лутчими химиками почитаетъ. Какъ мнѣ кажется, что лутче

---

*) *Пабстъ* (Carl Pabst von Ohein) *въ Фрейбургѣ, горный совѣтникъ.* Упоминаемая копія съ письма его къ графу Владимиру Григорьевичу Орлову хранится въ архивѣ конференціи Академіи Наукъ (входящія письма 1767 г., № 28). Перечисляя извѣстныхъ

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ нашему намѣренію соотвѣтствовать можетъ, и который по письму Папста вѣроятнѣе всѣхъ другихъ по нынѣшнымъ обстоятельствамъ согласится въ Петербургъ выѣхать, его г. Крамеръ, котораго знаніе химіи, а особливо въ пробиръ-кунстѣ всеконечно всѣмъ вамъ извѣстно. И такъ прошу васъ адрессоваться къ оному Крамеру и вызывать его въ Россію именемъ моимъ такъ, какъ всѣхъ прочихъ призывали, не упуская времени; а какимъ образомъ вызовъ учредить, отъдаю на ваше расположеніе; только стараться какъ возможно его къ намъ притенуть. Вы сами знаете, сколько нужденъ намъ такой человѣкъ; а о прочихъ химиковъ, о которыхъ здѣсь Папстъ упоминаетъ и отъ которыхъ надѣятся можно, что согласятся въ Петербургъ выѣхать, то освѣдомиться, на какія кондиціи каждій выѣхать пожелаетъ. Только прежде нежели отъ Крамера отвѣтъ будетъ, отнюдь онимъ никакова обѣщанія дѣлать не надобно.

Письмо полученное отъ губернатора и отъ воеводы и копіи отвѣтовъ моихъ на оныя посылаю къ вамъ для храненія. Прошу мнѣ сообщить реэстръ всѣмъ тѣмъ, къ которымъ я писалъ о продажѣ книгъ, какъ губернаторамъ, такъ и воеводамъ, т. е. каждаго титулъ или адрессъ. Я думаю уже пора нашихъ книгопрадавцовъ спросить, сколько въ ту или другую губернію на будущей годъ какъ календарей, такъ и книгъ переслать надобно, и мнѣ хочется, чтобъ при книгахъ впередъ такихъ недостатковъ не случалось, какъ при посланныхъ въ Архангелы-городъ, что̀ вы изъ приложеннаго письма отъ Головцына видеть можете. Постарайтесь пожалуйте объ ономъ и напомните Зоромирскому. Я не знаю прямо, не хорошъ ли етотъ способъ вамъ покажется. Я хочу отписать всѣмъ губернаторамъ, чтобъ письма только тѣ отъ нашихъ книгопродавцовъ приняты и бесденежно пересланы были, которыя въ Академію адрессованы будутъ, потому что оные письма не партикулярныя, но до казенной пользы кассающіяся, а прочія чтобъ не принимали.

Въ Москвѣ, Апрѣля 5-го дня 1767 году.

Государи мои. Все что я изъ вашего репорту отъ 2-го Апрѣля виделъ, я онымъ доволенъ. О солдатскихъ дѣтяхъ Преображенскому полку буду отвѣтствовать какъ скоро могу. Отъ Якова Яковлевича посланія ко мнѣ атласы рѣки Волги*) я получилъ, такъ же и отвѣтъ на письмо Государыни о наблюденіи Венеры. Атлассъ Волги рѣки хотя и не совсемъ достаточенъ въ извѣстіяхъ, однако онъ многимъ понравился и много охотниковъ оной купить. По крайней мѣрѣ мнѣ кажется, вы можете сюда переслать сотъ до пяти етихъ атлассовъ, я думаю и едва ли ихъ станетъ. Отвѣтомъ вашимъ о наблюденіи Венеры Государыня была довольна. Я также доволенъ; только изволила приказать отписать къ вамъ, что она изволила слышеть, что въ Колѣ и въ Соловѣтскомъ монастырѣ часто туманы бываютъ, тоже и въ другихъ назначенныхъ отъ васъ мѣстахъ; для того думаетъ, не дурнобъ было для предосторожности взять для обученія хотя еще столькоже офицеровъ и выписать на столькоже

Европейскихъ ученыхъ по естествознанію, Папстъ говоритъ, что всѣ они едва ли согласятся перемѣнить свои выгодныя для научной дѣятельности мѣста, чтобы ѣхать въ Россію, и совѣтуетъ пригласить Крамера: „Soltten Eur. Excell. nicht dafür halten, dass der Braunschweigisch Cammerrath H. Cramer, der Verfasser der bekanten Probierkunst, sich am besten zu dieser Absicht schüks“ (?). Приглашеніе Крамера однако почему-то не состоялось.

*) Атласъ рѣки Волги, состоящій изъ 8 картъ, былъ награвированъ въ Академіи, безъ означенія года. Гравированныя доски этихъ картъ сохранились въ книжномъ складѣ Академіи; онѣ озаглавлены: „Трактъ по рѣкѣ Волгѣ“. Всѣ карты съ виньетками.

Библиотека "Руниверс"

инструментовъ какъ вы опредѣлили, чтобъ можно было какъ около Колы, такъ и около каждаго опредѣленнаго мѣста въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніе, какъ въ верстахъ 50 или 60 или ближе или вдали, что вы сами лутче опридѣлить можете, построить по двѣ обсерваторіи, дабы въ оныхъ можно было дѣлать наблюденіе когда въ означенныхъ отъ васъ мѣстахъ тумянь бы случился. Однимъ словомъ Государынино соизволеніе то, чтобъ Академія ни о иждивеніи, ни о числѣ людей не пеклась, хотябъ въ двое все или больше противъ положеннаго отъ васъ нынѣ потребовалось, только чтобъ со стороны Академіи въ разсужденіи сего наблюденія ничего пропущено не было. Я думаю ежели Академія людми и инструментами къ сему наблюденію за благовременно запасется и лесъ запасенъ будетъ для обсерваторій, то еще успѣетъ опредѣлить и тогда другія точныя мѣста, ежели надобны будутъ, опредѣлить, когда уже сами наблюдатели въ тѣхъ мѣстахъ находится будутъ, и тогда могутъ лутче и вѣрнѣе сами освѣдомится, которыя мѣста (ежели надобно будутъ для сего наблюденія), около лѣжащія отъ тумяновъ по большой части освобождены бываютъ. Вы видете изъ сего моего письма, сколь желательно Государынѣ видеть удачливымъ сіе наблюденіе и что она милостиво обѣщаетъ всемъ съ своей стороны Академіѣ въ семъ случаѣ споможествовать. Я и о томъ докладывалъ, что Академія думаетъ, хорошобъ было, когдабъ съ тѣми наблюдателями нѣсколько знающіе въ исторіи натуральной отправлены были, на что она охотно и милостиво согласиться изволила. Я надюсь, что вы отвѣтомъ на оное долго не замѣдлитесь.

Яковъ Яковлевичь. Отвѣтъ на экономическои вопросы мною полученъ, благодарствую за трудъ вашъ и прошу за оныя Экономическому Обществу поблагодарить; я ихъ всѣхъ въ цѣлости, какъ скоро мнѣ можно будетъ, назадъ возвращу. Инструксія о посевѣ льна уже давно у меня, уже и расдается и семя леное продается. Ваше письмо, чтобъ продавать семя лѣное, пришло, когда уже въ газеттахъ обявленіе здѣлано было по прежнему Экономическаго Общества опредѣленію продавать оное бесъденежно. Не только 4-го тому Экономическаго Общества, но и 3-го здѣсь нѣтъ. Не худо бы было, когда бы вы того и другово по нѣскольку сюда прислали. О гдѣ Гертнерѣ [1]), ежели вы имѣете довольно доказательствъ, что онъ искусной человѣкъ въ исторіи натуральной и что случай можетъ быть потерянъ его вызвать въ Россію, когда скоро оно не здѣлается, то вы можете ево вызвать. Однако все сіе отдаю на ваше общее разсужденіе, зная, что каждой изъ васъ столько остороженъ, что не допуститъ вызвать таково человѣка, который бы не довольно искусенъ былъ въ своей наукѣ. Я разумѣю о томъ, который объ ономъ или знаетъ или свѣдать можетъ. Когдаже положите мнѣніе ево вызвать, то вызывайте ево на такомъ же основаній какъ г. Палласса. Вы пишете о дурномъ поведеніи Субботина [2]) противъ Брейктопфа и спрашиваете меня что ему за выговоръ здѣлать: оное отдаю на ваше общее разсужденіе; какъ хотите, такъ его и накажите.

---

[1]) *Гертнеръ* (Gärtner), *Іосифъ*, былъ приглашенъ въ Академію въ 1768 г. на каѳедру естественной исторіи; выбылъ въ 1773 г. съ званіемъ почетнаго члена.

[2]) *Субботинъ*, словолитный академическій подмастерье, обучался на счетъ Академіи у словолитчика Брейткопфа въ Лейпцигѣ, и, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ мастеромъ въ Академической типографіи. 24-го Апрѣля 1767 г., въ журналѣ академической Коммиссіи о немъ записано: „По представленію Генсіуса и Брейткопфа о непорядочныхъ поступкахъ Субботина послать къ нему Субботину ордеръ съ крѣпкимъ репримантомъ, а о порученіи ево Субботина, въ полную власть оному Брейткопфу послать какъ къ нему, такъ и къ Генсіусу письма".

Библиотека "Руниверс"

Репортъ отъ г. Миллера о сочтеніи книжной лавки и опись книгамъ проданнымъ при семъ посылаю. Завтра я пошлу къ вамъ, когда успѣю, карту большую и нѣсколько маленкихъ карточекъ и рогъ рыбы, который я отъ Государыни получилъ, для храненія въ кунсткаморѣ и репортъ г. Чичерина къ Государынѣ объ ономъ рогѣ. Я думаю, что Государыня недѣли чресъ двѣ въ походъ отправится изволитъ. Я буду имѣть честь въ ея свитѣ быть. Какимъ образомъ ко мнѣ письма пересылать я на будущей почтѣ васъ увѣдомлю. Наказъ отъ Миллера я получилъ, который я на будущей почтѣ и мысли мои объ ономъ и коичто съ моей стороны въ разсужденіи Наказа какъ скоро мнѣ можно будетъ на разсужденіе ваше сообщу. Мнѣ кажется, что и вы съ своей стороны во время отсудствія моего думали объ Наказѣ.

Пожалуйте постарайтесь получить учрежденіи лутчихъ школъ и лутчихъ университетовъ и выписать оныя какъ скоро можно будетъ на мой щетъ. Я слава Богу здоровъ, чего и вамъ всѣмъ желаю и радуюсь услышать отъ Яковъ Яковлевича, что г. старшему профессору Ейлеру легчѐ передъ прежнемъ.

Въ Москвѣ, Апрѣля 16-го дня 1767 году.

П. С. Отъ чужестранного ученнаго письмо къ обществу и къ покойному профессору Леманну при семъ посылаю въ особлиномъ кувертѣ. Да еще ко мнѣ присланно маленкое сочиненіе, которое также до Экономическаго Общества принадлежитъ, только автора самъ не знаю. Тѣ письма, которыя изъ чужово государства пришли, были между Государыними письмами и съ прочими нарочно распечатаны были. При семъ же на разсужденіе Академіи сообщаю письмо полученное мною изъ Мангейма.

Любезные товарищи, всѣмъ вамъ отъ искренняго сердца здравія и благополучія желаю.

Я думаю, что Адмиралтейская коллегія уже именное Ея Императорскаго Величества повелѣніе объ отсылкѣ двенадцати морскихъ офицеровъ въ Коммиссію получила; ежели же еще не получила, то скоро получитъ. И такъ когда они пришлются, прошу ихъ принять, и ученіе ихъ съ господиномъ Румовскимъ*) распорядить, какъ вы за благоразсудите. О всемъ прочемъ, о чемъ вы ко мнѣ писали въ разсужденіи експедицій, я докладывалъ Государынѣ, и уже именное повеленіе воспослѣдовало во всѣ тѣ мѣста, куда надлежитъ. При семъ именное Ея Величества повеленіе вамъ сообщаю, чтобъ изъ васъ господа Котельнниковъ, Румовской и старшей Ейлеръ съ сыномъ своимъ разсмотрѣли приложенное при семъ дѣло, а особливо Государыня мнѣ изволила приказать оное препоручить въ разсмотреніе старшаго профессора Ейлера. Для объясненія какимъ образомъ сіе дѣло происходило, копію съ письма отъ господина губернатора Брауна, указъ къ нему, и въ Коллегію Адмиралтейства, отвѣтъ Адмиралтейскія коллегіи, мнѣніе оныя собственное при дѣлѣ подъ именемъ Kurzer Bericht, рилагаю. Государыни соизволеніе чтобъ вы мнѣніе Петра Азберга, разсужденіе Адмиралтейскія Коллегіи объ ономъ и ея собственное мнѣніе, которое на концѣ увидите, разсмотрели, и сказали точныя свои мысли каково Азберга мнѣніе, каково разсужденіе Адмиралтейскія Коллегіи объ ономъ, каково на конецъ и ея собственное мнѣніе, да и не знаете ли вы сами лучшаго способа представить къ достиженію сего намѣренія. Я надѣюсь, что вы какъ скоро можете, не смотря на все происхожденіе дѣла, безо всякаго пристрастія ко мнѣ свое мнѣніе пришлите, а Государынѣ угодно чемъ скорѣе, тѣмъ лучше, только ничего не пропустя о всемъ томъ о чемъ я васъ спрашивалъ. Писалъ я къ вамъ и обѣщалъ сообщить какимъ образомъ ко мнѣ письма пере-

*) *Румовскій Степанъ Яковлевичъ*, академикъ по астрономіи. Былъ вице-президентомъ Академіи съ 3-го Ноября 1800 г. по Іюнь 1803 г.

Библиотека "Руниверс"

сылать; вы извольте оныя сюда въ Москву по прежнему на мое имя надписывать, а отсюда конечно до меня, гдѣ бъ я ни былъ, дойдутъ. Государыня отсюда въ будущую Середу поѣхать изволитъ. Прощайте государи мои!

Изъ Москвы 1767 г. Апрѣля 19-го.

Господину Гмелину[1]) прошу отъ меня поклониться и поздравить его щастливымъ прибытіемъ; что жь до дома касается для него, гдѣ бъ ему жить, оное отдаю на ваше разсужденіе; не можно-ли уже Леманновой женѣ выѣхать или сыскать дешевою цѣною квартиру для Брауна; какъ вы знаете лучше, такъ и дѣлайте, я о семъ съ вами нѣсколько передъ отъѣздомъ, помнится, говорилъ; что же касается до Цейгера, то его требованія не такъ велики, чтобъ на оныя не согласиться; ежели вы со мною согласны, то прошу объ ономъ Цейгера увѣдомить, ежели же будете не согласны, то не писавъ къ нему ничего, меня увѣдомите“ [2]).

„Получено Апрѣля, 28-го дня (1767)“.

Слѣдующее письмо относится къ академическому регламенту, который предполагалось поднести для высочайшего утвержденія:

Посылаю къ вамъ сочиненіе господина совѣтника Миллера, писанное имъ въ наказъ для депутата[3]). Я оное читалъ прилежно, и по моему мнѣнію ничего въ немъ ненахожу, чтобы Академія, сочиняя свой наказъ, могла отътуду заимствовать. Въ началѣ пишетъ онъ о учрежденіи Академіи, гдѣ я много такого нашелъ, что вовсе основаніямъ сочиняемаго вами регламента противно; да сверхъ того, сочинивъ мы академическій регламентъ, должны поднести для

---

[1]) *Гмелинъ* (Gmelin) *Самуилъ-Готлибъ*, профессоръ ботаники, приглашенъ въ Академію въ 1767 г. Умеръ въ Дербентѣ 27 Іюня 1774 года въ плѣну у Усмей-Хана. Самуилъ Гмелинъ приходился племянникомъ академику Іоганну-Георгу Гмелину, написавшему извѣстное ботаническое сочиненіе, подъ названіемъ: „Flora Sibirica“.

[2]) (Изъ дѣлъ Коммиссіи Академіи Наукъ 1767 г.).

[3]) Въ Коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія былъ назначенъ депутатомъ отъ Академіи академикъ Герардъ Фридрихъ Мюллеръ. Онъ долженъ былъ руководствоваться инструкціею, подписанною всѣми академиками и переданною въ Коммиссію графомъ Владимиромъ Григорьевичемъ Орловымъ. По 1-му пункту этой инструкціи депутату вмѣняется въ обязанность прежде всего заботиться о нуждахъ науки и о всемъ томъ, что̀ можетъ содѣйствовать ея процвѣтанію; съ этой цѣлью въ § 2 предписывается ему домогаться утвержденія новаго регламента Академіи. Въ § 3 говорится о необходимости учрежденія высшихъ и низшихъ школъ и университетовъ. Въ § 4 объясняется вредъ, происходящій отъ наплыва учителей иностранцевъ, законъ объ испытаніи познаній которыхъ въ Академіи или въ Московскомъ Университетѣ давно уже утратилъ всякую силу. Въ § 15 Академія ходатайствуетъ о недозволеніи перепечатывать то, что̀ уже разъ напечатано или переведено въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ отъ этого терпятъ вредъ издатели, авторы и вообще книжная торговля. Въ § 6 предлагается учрежденіе цензуры для всѣхъ книгъ, выходящихъ изъ частныхъ типографій. Въ § 7 заявляется просьба Академіи объ освобожденіи домовъ, принадлежащихъ лицамъ, находящимся на службѣ въ Академіи, отъ постойной повинности и о замѣнѣ ея денежнымъ взносомъ. Наконецъ, въ § 8 выражается желаніе, чтобы ученымъ, учителямъ и учащимся предоставлены были хотя тѣ преимущества и льготы, какія существуютъ въ особыхъ законоположеніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

высочайшаго подтвержденія Ея Величеству, а не Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. По симъ причинамъ видите вы, что все сказанное имъ о учрежденіи Академіи въ наказъ депутату внесено быть не надлежитъ.

Потомъ разсуждаетъ господинъ Миллеръ о учрежденіи университетовъ и разныхъ училищъ; хотя и есть тутъ много, что мнѣ понравилось, однако сіе сочиненіе не такъ хорошо и во всемъ совершенно, чтобъ оное можно было подать Коммиссіи на разсмотреніе; вы сами знаете, что отъ хорошихъ учрежденій распространеніе наукъ въ государствѣ зависитъ, когда-жъ оныя въ чемъ нибудь будутъ несовершенны и недостаточны, то и большихъ успѣховъ не можно надѣятся. Съ такимъ сочиненіемъ съ нашей стороны спешить не надобно, но надлежитъ оное писать съ зрѣлымъ разсужденіемъ, потому что оное будетъ касатся до пользы всего общества. И такъ, кажется мнѣ, надобно къ оному приступить симъ образомъ: собрать сперва всѣ лучшія учрежденія въ Европѣ знатнѣйшихъ гимназій и университетовъ, читать оныя, сравнивать между собою, и смотрѣть что̀ вразсужденіи положенія и обыкновеній нашего государства полезно, или неполезно; однимъ словомъ надобно при сочиненіи сего быть чрезвычайно осторожнымъ, и по обширности сего дѣла сколько бы ни разсуждать и говорить, то все еще не довольно кажется къ изобрѣтенію способовъ, какъ бы наилучше у насъ въ Россіи университетамъ и школамъ здѣлать учрежденіе. Слѣдовательно и поданіемъ сего разсужденія Коммиссіи чрезъ депутата спѣшить причины неимѣемъ, тѣмъ болѣе, что, какъ надѣюсь, хотя бы мы и по прошествіи года подали все еще благовременно подадимъ Комиссіи. При семъ къ сочиненію наказа посылаю вамъ мои мысли и отдаю оныя на ваше разсмотрѣніе; когда что нибудь вамъ не понравится, то будьте увѣрены, что мнѣ весьма будетъ пріятно, естьли вы, прописавъ причину, меня о томъ увѣдомите. Когда наказъ для депутата сочинится, то прошу оный, оставя мѣсто для меня, купно съ полномочіемъ депутатскимъ подписаннымъ вами переслать. Я было сперва иное мнѣніе о судѣ и расправѣ вкратцѣ также думалъ положить между другими разсужденіями пристойными въ наказъ; но, увидя, что оное болѣе до учрежденій самыхъ нежели до наказа принадлежитъ, выпустилъ оное; однако для любопытства вашего сіе мое мнѣніе о судѣ къ вамъ посылаю на особливой бумажкѣ, и какъ оная матерія немаловажна, то прошу васъ, думая заблаговременно объ учрежденіи училищъ, и объ етой непозабыть. Ежели бы вы постарались поскорея выписать всѣхъ лучшихъ училищъ учрежденія печатныя и письменныя, хотябъ они и нѣсколько соть стоили, оныя прилежно прочитывали, и сравнивая между собою выбирали особливо то, что въ разсужденіи нашего государства полезно вамъ показалось, присовокупляя свои собственныя къ оному разсужденія: тобъ прежде моего пріѣзда къ вамъ могли бы вы нѣсколько матеріаловъ для учрежденія училищъ заготовить. Не сочтите, чтобъ я хотѣлъ, чтобъ вы все свое время на сіе употребляли, но напротивъ того желаю, чтобъ всѣ начатыя вами работы порядочно продолжались, а толкобъ оставшее время отъ оныхъ или оставя самыя неважныя работы, которыя безъ всякой потери для насъ и впередъ совершится могутъ, употреблено было. Отъ профессора Гмелина получилъ я писмо, онъ пишетъ нашъ

Библиотека "Руниверс"

малъ ботанической садъ и что очинь нужно прикупить продающіяся мѣста по сторонамъ онаго, да еще о поправкахъ, которыя тамъ здѣлать надлежитъ и о квартире; объ о всемъ ономъ вы можете снимъ самимъ обстоятельнѣе переговорить, и такъ ежели нужно мѣста прикупить, то я на оное согласенъ: въ етомъ потери большой не будетъ, хотя мы оное послѣ и продать принуждены будимъ. Однако всѣ сіе на ваше собственное разсмотрѣніе отдаю. Господамъ профессорамъ Ейлерамъ прошу объявить, что по желанію ихъ господинъ Ейлеръ, артиллерійскій офицеръ, можетъ въ одной изъ будущихъ експедицій употребленъ быть, на что Ея Величества соизволеніе имѣю честь вамъ сообщить и о чемъ отъ брата Г. Григорича въ артиллерію скоро сообщено будетъ. Я на прошедчей почте къ вамъ писалъ о нѣкоторомъ дѣлѣ которое при семъ прилагаю, прошу только непрогневатся, что позабылъ внадлѣжащее время переслать; вмѣсто 12 офицеровъ морскихъ, получите вы 24, на что соизволеніе Ея Величества было, и хотя они всѣ отъ Академіи употреблены небудутъ, однако черезъ снисканіе знанія въ Астрономіи способнѣе въ морской службѣ будутъ. Реестръ книгамъ посылаю и прошу отписать, всѣли они годятся для молодыхъ людей, въ артилерійскомъ Онженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ учащихся? Письмо ко мнѣ отъ его сіятельства князь Александра Алексеича Вяземскаго и екстрактъ учиненный изъ протокола въ Сенатъ присемъ посылаю и прошу оной въ Економическое Общество отъослать; сіе письмо я началъ писать третьяго дня и думалъ что могу помянутыя мысли для наказу сегодня переслать, только для нѣкоторыхъ причинъ принужденъ до будущей почты оставить.

23-го Апрѣля 1767 года.
„Получено 1-го Маія 1767“.

Государи мои. Что я на прошедшей почтѣ обѣщалъ, теперь исполняю, пересылая къ вамъ нѣкоторые пункты въ инструкцію депутата. Репортъ вашъ послѣдній отъ 16-го Апрѣля получилъ. Проэктъ Лейбницовъ*) уже у меня въ рукахъ и какъ мнѣ никакой нужды въ немъ не будетъ, то я обратно къ вамъ оный. перешлю. Я недавно къ вамъ писалъ, что Государыня намѣрена была въ прошедшую Середу, т. е. вчерасъ, отсюда въ походъ отправиться; но въ

*) „Проэктъ Лейбница о наукахъ въ Россійскомъ государствѣ. Переведено въ Гривсвальдѣ. Сентября 9 г. 1712“. Записка эта представлена была Петру Великому въ Грейфсвальдѣ барономъ Шлейницемъ; она находится въ настоящее время въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этой запискѣ Лейбницъ совѣтуетъ Царю поспѣшить устройствомъ учебнаго дѣла, такъ какъ время всего дороже, и поручить исполненіе его одному лицу, „ибо городъ, построенный съ одного раза, красивѣе того, который выстраивался понемногу въ разные пріемы“. Для этого, прибавляетъ Лейбницъ, необходимо составить хорошо обдуманный планъ и позаботиться о средствахъ къ его исполненію, т. е. о лицахъ, пособіяхъ, уставахъ и издержкахъ. Ограничившись краткими замѣчаніями относительно всѣхъ этихъ предметовъ, Лейбницъ указываетъ на Москву, Астрахань, Кіевъ и Петербургъ, какъ на тѣ города, въ которыхъ по преимуществу слѣдовало бы учредить университеты, академіи и школы (См. Герье, Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому, 1873 г.).

Библиотека "Руниверс"

разсужденіи дурново времени еще изволитъ, можетъ быть, пробыть до будущего вторника. Іванъ Ивановичъ Таубертъ просилъ мѣня о уволеніи его на нѣсколько недѣль для здоровія его въ деревню съ тѣмъ, чтобы по библіотекѣ и кунсткамерѣ никакой остановки теченія дѣлъ чресъ его отсутствіе не произошло, на что я и согласенъ.

Въ Москвѣ
Апрѣля 26-го дня
1767 году.

P. S. Братъ приказалъ кланятся Степану Яковлевичу, Семену Кириловичу и всѣмъ прочимъ господамъ членамъ Коммиссіи.

Указы полученніе отъ Александра Александровича для свѣдѣнія въ Коммиссію при семъ посылаю.

*

Письмо отъ Степана Яковлевича я получилъ, репортъ при немъ, да еще репортъ въ Москвѣ, за неимѣніемъ времени не могу теперя на оный отвѣтствовать порядочно во всѣмъ, карту хорошо здѣланную о проходѣ Венуса еще не имѣлъ случая показать Государынѣ. Крафта*) вы можитѣ принять въ Академію, на какомъ основаніи, отдаю на общѣе ваше разсмотреніе, Вы можитѣ содержаніе его лучше нежели я въ отсудствіи опредѣлить. Отъ господина Паласа полученное мною письмо, посылаю къ вамъ; ежели вы уже вызовъ здѣлали Гертнеру по письму моему, то невзирая на то принять Паласа, мы уже наидемъ всѣмъ имъ упражненія. Ежели Гертнера еще не вызывали, то спрашиваю васъ, ежели очинь искусной человѣкъ, то отпишите комнѣ, ежели же не очинь іскусной, то можно вызовъ его оставить, потому что Паласъ едитъ на тѣхъ же кондиціяхъ какъ мы его сперва вызывали; хотя сіе всѣ противъ регламента, въ етомъ прошу на меня положится, что мы чрезъ сіе не проступимся. Прощайте, государи мои, прошу отменя прочимъ академикамъ поклонится. Я къ вамъ на прошедшей почтѣ писалъ, чтобы письма ко мнѣ отъ васъ просто въ Москву пересланы были какъ и прежде, а они уже до меня дойдутъ. Мы нынче изъ Твери, вся ея свита съ Ея Величествомъ поедимъ по Волгѣ.

Тверь
1767 г. Маія 2-го дня.
„Получено Маія 11-го дня (1767)“.

Степанъ Яковличь, карту здѣланную я подносилъ Ея Величеству, и сколько умѣлъ изяснить, то здѣлалъ, она меня уже в Твери застала, и Государыня сею картою была довольна, и по возвращеніи въ Москву прикажитъ себѣ оную господину Епинусу подробнѣе изъяснить. О шести офицерахъ или штурманахъ сверхъ 12 повѣленіе уже дано, которое можетъ быть вамъ уже извѣстно, и я просилъ Івана Григор. Чернышева, чрезъ котораго сіе повѣленіе шло, чтобы онъ приказалъ постарается способнѣйшихъ къ сему намеренію выбрать. О молодомъ Крафтѣ и Паласѣ я къ вамъ передъ симъ писалъ, и я

*) *Крафтъ* (Wolffgang-Ludwig Krafft), *Іоганъ Юрьевичъ*, адъюнктъ, впослѣдствіи профессоръ экспериментальной физики. Вступилъ въ Академію въ 1767 году.

Библиотека "Руниверс"

радъ что Паласъ едитъ. Что касается до сада, то я прежде моего приезда назадъ в Москву ничего предпринять не могу, а тогда посмотрю не можно ли что нибудь вразсужденіи сего впользу нашу здѣлать. Господину Тауберту отпишу, что, когда господинъ Палласъ приедитъ, тогда по силѣ контракта отдать ему Кабинетъ Натуральной Исторіи въ ево смотрѣніе; всѣ прочее вами здѣланное, которое я изъ репорта вашего отъ 26 Апрѣля видѣлъ, я онымъ доволенъ. Степанъ Яковличь. Вы писали ко мнѣ только объ офицерахъ, развѣ інструментовъ и другихъ вещей никакихъ ненадобно? Хотя по желанію нашему еще 6 человѣкъ болѣе прежняго для наблюденія и прибавилось; ежели вы о Гертнерѣ свѣдаетѣ что онъ очень искусной человѣкъ въ Исторіи Натуральной, и что не скоро такого искуснаго человѣка достать можно, втакомъ случае, ежели вы знаете, что онъ согласится къ намъ выехать, прошу меня объ ономъ уведомить и притомъ свои мысли сказать. Прощайтѣ, любезные товарищи.

7-го Мая въ 50 верстъ
отъ Углича.

Мы плывемъ по Волгѣ уже пятой дѣнь, всѣ слава Богу здорово и весело, народъ Государыню съ неописанною радостію встречаетъ вездѣ, гдѣ не увидитъ, и Ея Величество слава Богу здорова и очинь весела*).

Маія 21-го д. 1767.

*

Вразсужденіи того что господину Крафту малое жалованье отъ насъ опредѣляется, то можно ему на дорогу денегъ дать, и сто другимъ закономъ служить не будетъ, потому что мы оное по нашей собственной воли и разсмотренію делаемъ. И такъ ізвольте переслать ему, сколько господину Палласу съ начала положено было на дорогу переслать, мнѣ кажется 200 руб. было определено; естьли же вы найдете что эти или много или мало то и оное на вашу волю оставляю; вы объ ономъ точнее моего судить можете.

Прочіе же письма ваши о мнѣніи господина Асберга какъ отъ васъ, такъ и отъ господина профессора Эйлера, и сына его получилъ, благодарствую всѣмъ вамъ за скорый отвѣтъ. О господинѣ Вольфѣ изъ Берлина я не имѣю никакого извѣстія. Степанъ Яковличь, вы пишите ко мнѣ о порутчикѣ Істленьевѣ; теперя мнѣ ничего объ ономъ вразсужденіи отдаленія предпринять нельзя, а уверьте его, чтобъ онъ не безпокоился и что я, какъ скоро въ Москву приеду, то конечно о жалованья, откуда ему получить его, не позабуду, а теперя онъ можетъ столько, сколько ему на треть слѣдуетъ, чтобъ не претерпеть недостатка, получить отъ Івана Автамоныча Фурсова, а я къ нему объ ономъ отпишу.

Еще одну мысль на разсмотреніе ваше посылаю, не годится ли она въ наказъ? Число ученыхъ, учащихъ и учащихся, наипаче по заведеніи вновь училищъ въ Россіи, будетъ нарочито велико, чего не соблаговолитъ ли Комисія уложенія упомянуть объ нихъ въ проектѣ уложенія особо, гдѣ бы о выгодахъ и преимуществахъ ихъ такимъ образомъ было сказано, чтобъ они во

*) Изъ дѣлъ Коммиссіи Академіи Наукъ 1767 г..

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ государствѣ всегда пользовались безъ наималейшего опасенія всѣмъ тѣмъ, что имъ императорскою милостію пожаловано какъ до сего времени, такъ и впредь еще чемъ монаршія щедрость оныхъ снабдить и наградить соблаговолитъ. Я надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ или по крайней мѣрѣ черезъ полтара конечно пришлете вы наказу для подписанія, дабы его во время еще подать можно было, и такъ пожалуйте не опозданте. Мы по милости Государынниной доѣхали до Казани, дорога была для всѣхъ очинь весела и для Ея Величества самой. Много видѣлъ хорошаго, а здѣся пробывъ, я надѣюсь, дни 3, поедимъ водою до Синбирска, 180 верстъ отъ сюда, а оттуда Государыня сухимъ путемъ изволитъ назадъ въ Москву шествовать, а я поеду съ братомъ Григорьемъ Григоричемъ до Царицына, и надѣемся возвратится въ Москву недѣли черезъ 4 или 5. Время стоитъ почти во всю дорогу очинь хорошо, а особливо теперя. Прощайте, товарищи.

29-го Маія 1767 года изъ Казани.
„Получено Іюня 10-го дня и читано (1767)“.

*

Якову Яковличу благодарствую за увѣдомленіе меня объ ученыхъ дѣлахъ и прошу оное отъ времени до времени и впередъ продолжать. Присланное о календаряхъ я разсматривалъ, и что мнѣ кажется на теперичныя времена вразсужденіи малаго числа охотниковъ рано выдавать, то я крестиками отмѣтилъ. Впрочемъ же я такимъ раздѣленіемъ доволенъ, однако и самое это отдаю на вашу волю, естьли вы за нужное найдете и изъ отмеченныхъ напечатать по нѣскольку. Объ молодомъ человѣкѣ прошу васъ освѣдомится, о томъ котораго господинъ Маргграфъ такъ одобреннымъ отъ своего пріятеля видитъ, хочитъ ли онъ въ Академію нашу ехать и на какихъ кондиціяхъ и естьли онъ таковъ, какъ намъ его описываютъ, то пріобретеніе такого достоинаго человѣка для Академіи очинь полезно бы было. Вразсужденіи Фогеля я ничего до моего приезда къ вамъ предпринять не могу, также и о ботаническомъ садѣ до возвращенія въ Москву не могу ничего начать; прочіе же учрежденіи всѣ мнѣ были милы слышать, да только сто извѣстіе непоправилось, что много травъ погибло. О інструментахъ вы пишете что денегъ опредѣленныхъ 5000 на оныя недовольно, то прошу меня увѣдомить сколько имянно прибавить еще, чтобъ всѣ назначенныя экспедиціи оными безъ недостатка пользоватся могли. Степанъ Яковличъ. Пишете вы ко мнѣ, что васъ просятъ обучить молодыхъ; естьли, какъ вы сами говорите въ вашемъ письмѣ, всѣ дѣла до Академіи касающіяся наложенныя на васъ безъ унущенія исправлять можете, то я на оное согласенъ, и вы можете начинать учить. Мы съ часъ какъ поѣхали изъ Казани до Синбирска водою; всѣ, слава Богу, здоровы, а отъ туда Ея Величество изволитъ возвратится сухимъ путемъ въ Москву. Коли погода будетъ благополучна, то дни въ три придемъ въ Синбирскъ. Прощайте, любезные товарищи.

Недалеко отъ устья Казанки 1767 года 1-го Іюня.

(„Въ учрежденную при Императорской Академіи Наукъ Комиссію.
„Получено 14-го Іюня 1767“ Въ С.-Петербургѣ“.)

Библиотека "Руниверс"

Въ учрежденную при Академіи Наукъ Коммисію.

Положили вы принять рисовальнаго мастера Бецольда. Очень хорошо. Я тоже думаю. Здѣлайте съ нимъ договоръ на годъ. Естьли же онъ требовать будетъ и на два года, то естьли для него по вашему усмотренію довольно будетъ работы, можете и на то склониться съ установленнымъ вами ему жалованьемъ. Я очень радъ, что господинъ профессоръ Вольфъ*) пріѣхалъ, и думаю, что онъ уже и въ должность свою вступилъ. Бывшій при академіи рисовальный мастеръ Люрсеніусъ, какъ я чрезъ господина профессора молодаго Ейлера увѣдомился, находится тамъ въ С.-Петербургѣ въ самомъ жалостномъ состояніи, и не имѣетъ чемъ въ Дерптъ съѣхать. Онъ, сказываютъ, говоритъ, что между прочими его прозьбами была и та, чтобъ ему дать въ награжденіе сто рублей, которую я исполнить обѣщалъ ему. Теперь я припомнить сего немогу. Однакожъ дайте ему сто рублей и до пріѣзда моего въ С.-Потербургъ назадъ съ него ихъ нетребуйте. Пріѣхавши, я съ вами разсмотрю, пожаловать ли ихъ ему вовсе, или взять обратно.

Симбирскъ.
1767 года Іюня 5 дня.

Естьли вы ко мнѣ о чемъ писать будете и не получите скораго на то отвѣта, то не погнѣвайтеся: я завтре отсюда ѣду въ Саратовъ, а оттуда пріѣхавши обратно въ Москву, тотъ часъ къ вамъ писать стану.

„Получено 18-го Іюня (1767 г.)“.

*

Изъ репорта Іюня 14-го дня виделъ, что вы штурманнамъ и подъштурманнамъ поблизости наняли квартиры, и что вы магистеру Крафту сто рублей на дорогу переслать положили. И то и другое хорошо, также и прочее, что вы о штурманнахъ и студентахъ Иноходцовѣ, Юдинѣ и переводчикѣ Поленовѣ въ томъ же репортѣ сообщили мнѣ непротивно.

По репорту 18-го Іюня я Ея Величеству докладывалъ и уже указъ о требуемыхъ денгахъ подъписанъ, который и пошлется скоро въ Солянную Кантору. Чтожъ касается до того, что вы меня просите напомянуть при докладѣ и о томъ чтобъ оные денги серебренною монетою отпущены были: то я сію малость почелъ лучше оставить для благопристойности, слѣдовательно и въ теперичномъ указѣ не изображенно, какими денгами Солянная Кантора отпустить должна; потому надобно принять будетъ, такъ какъ прежде, медными.

---

*) *Вольфъ, Каспаръ-Фридрихъ,* академикъ по части анатоміи и физіологіи, съ 1-го Іюня 1767 года. Род. въ Берлинѣ.

Библиотека "Руниверс"

Карта[1]), что̀ гдномъ статскимъ совѣтникомъ Штелиномъ предложена, представляющая соединеніе Америки съ Камчаткою, ежели вы находите за полезное оную такъ издать, какъ она есть, то я на оное согласенъ. Чтоже касается до изходательства оныя извѣстіи къ дополненію сей карты, находящихся у Ея Величества, то я онаго для нѣкоторыхъ причинъ теперь исполнить не могу, такъ какъ и того, чтобы дозволено было на напечатанныя при Академіи книги класть штемпелъ и чтобъ никто оныхъ безъ штемпеля подъ опасеніемъ штрафа не покупалъ, ни продавалъ. Обо всемъ ономъ обстоятельнѣе переговорю увидившись съ вами.

Въ Москвѣ
Іюля 19-го дня 1767 году.

П. С. Я пріѣхалъ сюда 13-го Іюля въ вечеру, все славу Богу здоровъ.

*

Яковъ Яковлевичъ. Пиши ко мнѣ о напечатаніи третіи части Флори Сибирской[2]) Хотя и мѣдленно пойдетъ съ етою частію, однако все скорѣе, нежели когда совсемъ не начинать; такъ ежели вы на оное согласны, то я тоже. Я писалъ къ вамъ и просилъ освѣдомится, сколько силенъ въ своей наукѣ Гертнеръ, котораго вы на мѣсто Палласса сперва вызвать намѣрены были. Есть ли онъ очень знающіи или ученъ: то спрашивалъ я васъ, не полезноли будетъ и его сюда вызвать, потому что такіе люди не всегда встречаются, а затрудненія которыя съ стороны регламента̀ произойти могли бы въ разсужденіи сего, стому помочь я бралъ на себя. Да писалъ я еще къ вамъ, чтобъ вы въ самое въ тоже время когда къ Крамеру письмо послали и къ тому Шведу отписали, которого знаніе въ химіи г. Маръграфъ очень похваляетъ, имѣетъ ли онъ охоту въ Россію ѣхать и на какомъ основаніи. На то и на другое я никакого отвѣту не получилъ.

---

[1]) Въ книжномъ складѣ Академіи сохранилась гравированная мѣдная доска, изображающая карту сѣверовосточной Сибири, безъ подписей и заглавія и безъ названій мѣстностей. Но объ этой ли картѣ идетъ рѣчь, рѣшить трудно. Академикъ Штелинъ, какъ сказано выше, завѣдывалъ академическими граверами.

[2]) „Flora Sibirica, sive historia plantarum Sibiriae. IV Tomi. 1747—1769 г. 4°". Знаменитый ботаническій трудъ академика Іоганна-Георга Гмелина, заключающій въ себѣ описаніе 1178 растеній съ приложеніемъ 700 гравированныхъ рисунковъ. Въ немъ въ первый разъ опредѣлено и изображено чрезвычайное для тогдашняго времени множество растеній. Линней говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1774 г.), что Гмелинъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ; но Линней еще далеко не видалъ всѣхъ растеній Гмелина. III-я часть Сибирской Флоры, равно какъ и IV-я, напечатаны уже по смерти автора, по рукописямъ, пріобрѣтеннымъ у вдовы его. III-я часть вышла въ свѣтъ въ 1768 году, и о кей-то упоминается въ письмѣ графа Владимира Григорьевича Орлова отъ 19-го Іюня 1767 г.

Библиотека "Руниверс"

Механикъ Штегманнъ, о которомъ ко мнѣ Яковъ Яковльевичъ пишетъ, будто его искуство и г. Ейлеру извѣстно, потому что намъ механикъ нуженъ, есть ли онъ таковъ, то я согласенъ его вызвать сюда. Мѣсто, о которомъ проситъ г. профессоръ Гмелинъ, чтобъ ево достать для увеличенія Ботаническаго саду, прошу мѣня увѣдомить, кому оно точно принадлѣжитъ, монастырское ли оно или архіерейское.

Ежели мѣсто, о которомъ пишетъ Яковъ Яковльевичъ и о которомъ его госпожа Малтиса просила, чтобы здѣлать его способнымъ для играніе и гулянія дѣтямъ, наше: то я на оное согласенъ, и пусть ево просто отъгородятъ къ етому употребленію. Естьли еще Лексиконъ-Енциклопедикъ цѣлыи въ продажѣ ни для кого не выписанъ, такой прошу за настоящую цѣну отъдать Івану Автамоновичу Фурзову.

Я слышелъ, что квадрантовъ къ будущему году не болѣе трехъ поспѣетъ, не то такъ позно, что опасаться можно, что оныя егдва могутъли прибыть тоюже осеню въ Петербургъ; прошу меня увѣдомить, какія мѣри принять въ етакомъ случаѣ.

Я на число календареи, которые будутъ напечататся, согласенъ, только прошу титули по приложенному здѣсь примѣру перемѣнить.

„Получено 25-го Іюня (1767 г.)“.

*

Въ одномъ репортѣ писано ко мнѣ было, чтобъ представленіе секретаря Гурьева о изобретеніи способовъ къ пресѣченію расхищенія книгъ найдено удобнымъ. Что принадлежитъ до решетокъ, которыя вамъ понравились, ежели они только въ самой работѣ чресъ убавленія свѣта мѣдленности не произведутъ, то пусть ихъ дѣлаютъ. Въ разсужденіи же караула, который, какъ я примѣтилъ, долженъ большую строгость употреблять: то оное прошу или совсемъ оставить или хотя и приставить караулъ, но только бы большой строгости не употреблять. Письмо отъ Івана Гавриловича Резанова посылаю къ вамъ и мой отвѣтъ къ нему на оное. Прежде я оное переслать позабылъ. Съ письма же приложеннаго здѣсь отъ книгопродавца Саратовскаго Шульца увидите, сколько календарей туда на нынѣшній годъ переслать надобно будетъ. Нѣкто Кохманнъ жалуется мнѣ на исключеніе сына его съ нашего училища; справедливо оно здѣлано или нѣтъ, я онаго здѣсь разобрать не могу и потому письмо его къ вамъ посылаю.

Въ Москвѣ Іюля 23-го дня 1767 году.

П. С. Секретарю Гурьеву прошу отъ меня поклонится и сказать что я его письмо Іюля отъ 2-го дня получилъ.

*

Сего часа получилъ я репортъ вашъ отъ 11-го Октября. Я съ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ поговорю о томъ, о чемъ вы ко

Библиотека "Руниверс"

мнѣ въ ономъ писали. Предъ симъ писалъ я къ вамъ о г-днѣ Малетѣ*), и спрашивалъ васъ о достоинствахъ его, котораго г. Бернулли столь много одобраетъ, что кажется хорошо бы было, ежели бы мы его къ себѣ вызвали. Тепериче же въ такихъ людяхъ намъ не безъ нужды, потому что едва на четыре експедиціи прямо искусныхъ людей избереться; такъ ежели вы не имѣете какой нибудь причины вызовъ помянутаго Малета удержать, а какъ онъ проситъ нѣкоторыя объясненіи, то можно бы оное такимъ образомъ здѣлать: сказать ему, что онъ въ одно изъ назначенныхъ уже мѣстъ пошлется, и дать ему понятіе объ оныхъ. Я разумѣю здѣсь о Колѣ и около лежащихъ мѣстъ, объ Астрахани и о тѣхъ мѣстахъ, которые вы съ начала всею Академіею положили; что ему Академія дастъ 800 руб. годоваго жалованія, что онъ не только посланъ будетъ для наблюденія Венеры, но и для другихъ географическихъ наблюденій. Изъ его письма видно, что онъ хочетъ сюда ѣхать только на время. Можетъ быть г. Эйлеръ объ такомъ наблюдателѣ г. Бернулья только и просилъ. Полюбимься мы ему, а онъ насъ, тогда можетъ быть и долѣе останется; и что онъ всѣ тѣ выгоды будетъ имѣть, какими посылающіеся профессора пользоваться будутъ. На проѣздъ его сколько опредѣлите, оставляю на вашу волю; и то такъ же, что намѣренъ ѣхать, естьли Академія согласиться, въ Гренвичь. Г. Лаландъ хотѣлъ намъ рекомендовать одного наблюдателя изъ Женевы, то не о етомъ ли же онъ думалъ? Естьли найдете въ разсужденіи сего какія нибудь затрудненія, то прошу, еще не вызывая его, объ оныхъ меня увѣдомить, а когда согласитеся вызвать, то прошу мнѣ на передъ вызывательное письмо сюда сообщить.

Въ протоколлѣ 3-го и 5-го Октября почитается очень полезнымъ послать одну експедицію въ Камчатку или по крайней мѣрѣ въ Анадырскъ, и при нихъ знающіе естественную исторію; по письму же которое я теперь получилъ отъ Степана Яковльевича сіе наблюденіе не столь важно, да и сверхъ того съ великими затрудненіями сопряжено. Я и самъ думалъ, что теперь по короткости времяни ѣзда въ Камчатку или съ превеликими трудами или почти совсемъ исполниться не можетъ. Чтожъ касается до естественной исторіи, то великіе успѣхи можно здѣлать и съ большею пользою для государства не забиваясь въ столь отдаленныя мѣста. У насъ много еще мѣстъ у насъ самихъ, требующіе пересмотренія. Степанъ Яковльевичъ пишетъ, что только назначенно шесть мѣстъ, а мнѣ помниться, что мы уже положили

*) *Малле* (Jacques André Mallet), Швейцарскій астрономъ, почетный членъ Академіи Наукъ, былъ вызванъ въ Россію для участія въ экспедиціи, отправленной для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца.

Библиотека "Руниверс"

о семъ, одно въ Колѣ а другое подле него, также и въ Соловецкомъ монастырѣ одно, а другое подлѣ него: подле Коли и Соловецкаго монастыря выборъ мѣстъ положенно препоручить гдамъ профессорамъ по пріѣзду ихъ туда, дабы чресъ ихъ стараніе наилучшія къ сему намѣренію выбраны были: еще въ Астрахани, въ Оренбургѣ помнится и въ Якуцкѣ. Естьли все сіе такъ, то остается только опредѣлить одно мѣсто для 8-й експедиціи, о которомъ опредѣленіи я васъ и предъ симъ просилъ и теперь прошу. Тотъ студентъ, на котораго мы надежду полагали, сказано мнѣ, отъказывается ѣхать; хотѣлъ бы, я знать, естьли можно, для чего. Степанъ Яковльевичъ, писали вы ко мнѣ объ одной одѣ, я прошу меня увѣдомить, въ которой годъ она здѣлана и кѣмъ. За письмо ваше благодарствую: братъ Федоръ Григорьевичъ приказалъ васъ также благодарить; также и Якова Яковльевича благодарю за письма. Я радъ очень, что Шортъ насъ изъ заботы вывѣлъ.

Препоручая себя въ всегдашную вашу любовь есмь съ почтеніемъ

Г. В. Орловъ.

Въ Москвѣ
Сентября 18-го дня
1767 году.

П. С. Прошу меня увѣдомить о полученіи доклада. Посылаюже планъ полученнаго мною отъ князя Александра Алексѣевича для библіотеки.

*

Посылаю къ вамъ большую тетрадь писанную собственною Ея Императорскаго Величества рукою. Прошу оную хранить до моего пріѣзду въ архивѣ, а мнѣ тогда объ оной вспомнить. Еще же посылаю мумію и два тела да одинъ рогъ изъ Сибири. Все сіе получено отъ Ея Величеству для храненія въ Кунстъкамерѣ.

Писцовъ находящихся у г. Миллера оставить, какъ уже мною опредѣлено. Я въ нихъ болѣе надѣжды, какъ во всѣхъ другихъ писцахъ, быть переводчиками, не нашелъ.

Исправленной Календарь*) отъ Матфея Федоровича, посылаю.

Писалъ я къ вамъ въ одномъ моемъ письмѣ, чтобъ выписать мнѣ лексиконъ состоящій въ двухъ частяхъ француски съ нѣмецкомъ и нѣмецки съ французскимъ, да книгу Нейкастеля о лошадяхъ. Ежели вы оное получили; то прошу мнѣ ихъ переслать съ приложеніемъ цѣны, а что они стоятъ, и денги за Правду Рускую, требовать отъ Івана Автаномовича Фурзова.

Въ Москвѣ.
Сентября 18-го дня
1767 году.

---

*) Можно предполагать, что слова „Исправленный Календарь“ относятся къ Адресъ-Календарю, который ежегодно издавался при Академіи.

Библиотека "Руниверс"

П. С. Прошу меня увѣдомить сколько екземпляровъ атласа рѣки Волги ко мнѣ пересланно.

*

Прошу по приложенной запискѣ и формуляру отъ вицеканцлера исполнить велѣть, а траву находящуюся въ обвертѣ а со всею осторожностію въ конференціи освидѣтельствовать, а потомъ въ дальное разсмотрѣніе или розъисканіе препоручить господину Гмелину, и объ всѣмъ меня поскорея (ежели можно) обстоятельно писменно увѣдомить; я ее получилъ отъ Ея Величества для разъисканія оной, а она привезена изъ Сибиріи. 1. не совсѣмъ ли она та трава, изъ которой сахаръ дѣлаютъ, или въ оной родъ только принадлежитъ, можноли изъ нее сахаръ получить и только въ разсужденіи той, изъ которой обыкновенно дѣлается; я думаю въ послѣднемъ обстоятельствѣ можетъ вамъ господинъ Модель помочь. Еще же я посылаю къ вамъ на Латынскомъ языкѣ то, что къ Кирилу Григоричу писано, но потому что оно въ Академіи принадлежитъ, какъ онъ мнѣ сказывалъ, то оное и отдалъ мнѣ для пересылки въ оною. Я извѣстился, что намѣреніе ваше было препоручить господину Брауну дѣланіе помнится термомѣтровъ и баромѣтровъ, я на оные очинь согласѣнъ, и кажется пора оной работѣ съ успѣхомъ итить, дабы пріуготовить надлежащее число оныхъ для посылающихся наблюдателей. Копія съ письма отъ васъ, Степанъ Яковличъ, я получилъ и щитая сіе письмо изъ Франціи, а не изъ Англіи, но копіи не стоитъ откуда и отъ кого, что̀ касается до астронома, которого въ письмѣ упомянтомъ одобряютъ, то намъ кажется теперя более такихъ людей не надобно и мы можемъ своими обоитится.

1767 года 25-го Сентября Москва.
„Получено и читано Октября 2-го дня (1767 г.)“.

Репортъ отъ 20-го Сентября я получилъ. Теперь прошу меня увѣдомить, какимъ образомъ завелась книжная лавка при Академіи, и не было ли на оное какое повелѣніе. Карточка отъ Якова Яковлевича переслана ко мнѣ, показываетъ, что рѣзба на доскѣ, съ которой она съпечатана хороша. Прошу мнѣ впредь ученные вѣдомости пересылать, какъ изъ Геттинга, такъ изъ Лейпцига. Болѣе мнѣ писать нѣчево. Есмь съ искреннимъ почтеніемъ.

Въ Москвѣ
Сентября 27-го дня
1767 году.
„Получено Октября 4-го дня (1767 г.)“.

Послѣдней репортъ вашъ вчерась получилъ и видѣлъ, что вы посланныя вещи также получили; я постарался достать описаніе онымъ. О двухъ тѣлахъ выключая рога думаю, что они конечно не изъ Сибиріи. Прошу мнѣ прислать коли въ библіотекѣ есть немѣдлѣнно книгу

Библиотека "Руниверс"

Neuverändertes Russland oder Leben Catharina der II.; а коли нѣтъ, то поскорея выписать. При семъ посылаю чертежъ обсерваторіи такимъ ли образомъ вы почитаете имъ быть или другимъ, а особливо нужно знать, какая крыша на нихъ быть должна, чтобъ потому и довольно лѣсу запасти; я думаю, уже вы опредѣлили и послѣднимъ двумъ мѣстамъ гдѣ быть для экспедиціи; мы объ ономъ говорили и клали одному быть въ Іркуцкѣ помнится, а другое не знали еще гдѣ положить. Для 6 экспедиціи мѣста уже опредѣлены, когда удвоимъ оныя въ Соловецкомъ монастырѣ и Колѣ, ежелиже вы неопредѣлили совсѣмъ гдѣ быть помянутымъ двумъ экспедиціямъ, то прошу оное здѣлать и меня объ ономъ увѣдомить, дабы и въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ лѣсъ заблаговременно заготовленъ былъ. Более нечего писать и остаюсь съ іскреннимъ почтеніемъ.

1767 года 2-го Октября.

Сейчасъ сыскалъ я описаніе посланнымъ вещамъ, которое я было потерялъ, оное при семъ прилагаю. Якову Яковличу благодарствую за письмо отъ 24-го Сентября.

„Получено Октября 9-го дня (1767 г.)“.

„Репортъ отъ 29-го Октября письмо Якова Яковльевичу отъ 30-го, и послѣдней отъ 1-го Ноября я получилъ. Нужно будетъ знать какихъ лѣтъ всѣ тѣ гимназіясты [1]), о которыхъ вы ко мнѣ писали, и когда

---

[1]) Къ дѣлу о гимназистахъ относятся слѣдующія статьи Журналовъ Академической Коммиссіи.

Статья 25-го Октября 1767 г. № 809. „По поданнымъ отъ ректора Кинпца и ексекутора Герасимова репортомъ о учинившемся въ Академическомъ Строгоновскомъ домѣ, гдѣ Гимназія сего 23-го числа, т. е. во вторникъ къ вечеру пожарѣ оказалось, что зажигали гимназисты Тихонъ Шишлевскій и Василій Замараевъ, разсуждено какъ оныхъ гимназистовъ, такъ же буде отнихъ показано будетъ на другихъ кого то, и оныхъ допросить въ присутствіи, а есть ли дойдетъ и до очныхъ ставокъ то, оные дать, и потомъ учиня истого екстрактъ снадлежащимъ обстоятельствомъ послать на разсмотрѣніе съ требованіемъ резолюціи къ его сіятельству графу Володимеру Григорьевичу Орлову при репортѣ, а между тѣмъ 1-е упомянутыхъ гимназистовъ Шишлевскаго и Замараева содержать подъ крѣпкимъ карауломъ при Коммиссіи, а прочихъ до кого касаться будетъ со двора спущать не велѣть, а 2-е, для предосторожности впредь какъ отъ подобнаго сему злодѣянія такъ и для другихъ обстоятельствъ поставить караулъ сверьхъ находящаго у воротъ того двора и всѣнихъ и о томъ эксекутору приказать“.

21-го Ноября 1767 г. № 910. „Къ его сіятельству графу Володимеру Григорьевичу Орлову на письмо сего Ноября „ “ числа о разныхъ дѣлахъ представить репортомъ: 1-е, Гимназисты виновные содержатся въ особливыхъ каморахъ отъ протчихъ подъ присмотромъ приставленныхъ нарочныхъ людей и никуда не выпускаются“..... и пр.

10-го Апрѣля 1768 г. № 212. Гимназистовъ Василья и Семена Замараевыхъ, также Ивана Медвѣдева, Николая Кондрашева и Тихона Шишлевскаго изъ академической службы выключить и при дачѣ имъ отпусковъ возвратить Шишлевскаго отцу данной отъ его Академіи о сынѣ своемъ реверсъ“.

Библиотека "Руниверс"

вы все то дѣло, о которомъ вы меня увѣдомляете подробно узнаете, тогда съ оныхъ имена и лѣтъ ихъ мнѣ сообщите. Естьлиже сіе не прежде какъ около Генваря мца исполниться можетъ; въ такомъ случаѣ извольте лучше оставить сіе дѣло до моего пріѣзду въ Петербургъ. На записку вашу, Степанъ Яковльевичь, теперь отвѣтствовать еще не могу.

Въ Москвѣ
Ноября 8-го дня
1767 году.

П. С. Прошу меня также и о поведеніи помянутыхъ гимназистовъ увѣдомить. При семъ посылаю письмо отъ князя Александра Алексѣевича, по которому извольте приказать исполнить. Мнѣ кажется, что не дурно будетъ когда мы выпишемъ учрежденіе со всѣми обстоятельствами Французской Академіи Наукъ, ежели Вы моего мнѣнія, то прошу объ ономъ стараться".

„Получено Ноября 15-го (1767 г.)"

Любезные товарищи, всѣмъ вамъ отъ искренняго сердца здравія и благополучія желаю.

Положено у васъ въ полномъ собраніи, чтобъ г. Ловицъ и магистеръ Крафтъ ѣхали для наблюденія на Востокъ. Вамъ извѣстно, что требовалъ Сенатъ отъ насъ искуснаго человѣка для свидѣтельствованія Тульскаго канала, который конечно немалой важности, да и каналъ находящійся около Дмитрьевска для соединенія Волги съ Дономъ, который по сихъ поръ еще не освидѣтельствованый, такъ же и немалой важности, къ которой работѣ я никого способнѣе не знаю, какъ гдна Ловица. и потому мнѣ хочеться его употребить для наблюденія въ Астрахани. а на мѣсто его можно послать или Юдина или Істленьева, какъ вы за благо разсудите. Правда что отъправленіемъ на Сѣверъ мешкать не надобно. Въ разсужденіи чего всѣ нужныя вещи, какъ коляски. такъ и прочее нужное для столь далѣкой дороги на академической коштъ прикажите заготовить. О двухъ студентахъ, которые должны служить толмачами. пишете вы ко мнѣ; только я не знаю, я ли ихъ долженъ вамъ здѣсь промыслеть, или вы ихъ уже себя имѣете, такъ же и объ механикѣ, котораго кажется лѣгче въ Петербургѣ сыскать. На прочее все, какъ жалованіе такъ и солдати время много не надобно, и я оное успѣю исполнить. Чтожъ касается до посылки знающаго естественную исторію въ Якуцкъ, къ нему г. Гмелина назначили, я оную для разныхъ причинъ за полезно почитаю оставить, о которыхъ я по пріѣзду моемъ въ Петербургъ подробно изъяснюсь съ вами. Для тѣхъ, которые отъправяться на Востокъ, пора мнѣ кажеться заготовить наставленіе, и оное по здѣланію прошу мнѣ сообщить. Яковъ Яковлье-

Библиотека "Руниверс"

вичъ увѣдомилъ меня, что Академія за полезно почитаетъ вызвать г. Маллета. Въ такомъ случаѣ просилъ я васъ, ежели вамъ понравятся договоры упомянутіе въ моемъ письмѣ, а ежели нѣтъ, то бы по вашему благорассужденію иныя положить; почему учредя вызывательное письмо оное ко мнѣ на передъ переслать, однако я оное не получилъ. Докладъ подписанъ Ея Величествомъ и пересланной нѣсколько недѣль назадъ отъ меня къ вамъ, я въ тетрати писанной Ея Величествомъ не давно обратно получилъ, конечно сіе ошибкою здѣлалось, при семъ я оной опять къ вамъ пересылаю для храненія въ Коммиссіи. Для будущихъ експедиціи принадлежащихъ къ исторіи натуральной не худо заказать здѣлать или выписать за благовременно нужные инструменты, какъ на примѣръ я думалъ надобенъ: бергъбореръ. Г. профессору Гмелину прошу сказать, что я его письмо получилъ, и сожеленіе мое, что я этотъ разъ по желанію его исполнить не могу. На все сіе ожидаю вашего отвѣта. Съ почтеніемъ пребуду.

Въ Москвѣ.

Ноября 13-го дня 1767 г.

П. С. Посылаю при семъ на Ямской почтѣ оригиналы отвѣтовъ на экономическія вопросы и прошу васъ, Яковъ Яковльевичь, поблагодарить за оныя Экономическому Обществу и отдать ихъ оному. Ещеже посылаю для Экономическаго Общества рѣшеніе присланное ко мнѣ на задачу выданную.

Бергъбореры о которыхъ я къ вамъ писалъ прошу освѣдомиться съперва, во сколько времяни каждый поспѣетъ и во сколько станетъ и потомъ меня увѣдомить не заказывая еще ихъ, увѣдомите меня одинъ ли бергъ-бореръ для каждей експедиціи надобенъ будетъ или болѣе.

При семъ же посылаю списокъ для адрессъ-календаря.

*

Дѣло о гимназистахъ отъ 7-го Ноября посланное при репортѣ вашемъ я получилъ. Оное дольженъ я представить въ Сенатъ, а что воспослѣдуетъ о томъ вамъ сообщу. А между тѣмъ, какъ начальниковъ такъ и сообщниковъ или тѣхъ, которые объ томъ умыслѣ знали, надобно содержать, такъ чтобъ они не ушли, и притомъ о семъ, что въ Сенатъ дѣло подано, не давать и вѣдать. Я думаю чтобъ при задержаніи ихъ безъ большой строгости можно обойтится. Все сіе, препоручаю на ваше благоразуміе.

Яковъ Яковльевичъ пишетъ ко мнѣ о докторѣ Скополи находящемся въ Кернтенѣ. Сперва нужно освѣдомится у самого г. Маргъграфа, довольноли онъ его искуснымъ почитаетъ быть при Академіи и нѣтъ ли сочиненіи или подобныхъ ясныхъ извѣстіи доказывающихъ оное, и естьли надежда къ выѣзды его въ Петербургъ. Іванъ Ивановичь Бецкой

Библиотека "Руниверс"

желаетъ, чтобы отданное намъ для печатанія [1]) не мѣдленно печатано было, и жалуется, что денги забраны напередъ и будто еще сочиненія, сколько велико быть должно вамъ не извѣстно. Я не знаю какимъ же образомъ вы денги напередъ за оное требовать могли. Все сіе для меня не вѣроятно; однако естьли оное не пространно, то прошу объясниться, а въ противномъ случаѣ оставить до моего пріѣзда.

Въ Москвѣ
Ноября дня
1767 году.

Посылаю при семъ письмо отъ князя Александра Алексѣевича, а теленокъ пошлется завтра на ямской почтѣ.

Ноября 26-го дня 1767 г.

*

Репорты отъ 19 и 23-го Ноября я получилъ. Затрудненіи въ рассужденіи ѣзды въ Якуцкъ, которыя вы себѣ представляете, объ оныхъ переговоря съ Сибирскимъ губернаторомъ, какъ скоро могу, увѣдомлю васъ. Портретъ здѣланный Радигомъ [2]), какъ при дворѣ такъ и многимъ другимъ, да и мнѣ понравился; прошу оное сказать ему. Письмо ваше, Яковъ Яковльевичь, отъ 22-го Ноября я получилъ. При семъ посылаю письмо отъ князя Александра Алексѣевича касающееся до Коммиссіи. Гдну профессору Ейлеру прошу сказать, что я послѣднее ево письмо получилъ; младшій гднъ Ейлеръ просилъ меня о домѣ, такъ ежели объ ономъ извѣстія еще не получилъ, то скоро получитъ. Доношеніе мое въ Синодъ и указъ на оное при семъ же посылаю.

Въ Москвѣ
Ноября 29-го дня
1767 года.
„Декабря 7 д. 1767 г.“.

[1]) Вѣроятно, говорится *о трудѣ Бецкаго „Учрежденіе Императорскаго Воспитательнаго для приносныхъ дѣтей дома и Госпиталя бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ“*, которое вторымъ изданіемъ печаталось въ типографіи Академіи Наукъ въ 1767 году. Прибавленіе къ тремъ частямъ этого сочиненія вышло въ 1768 году и въ томъ же году „Краткое Наставленіе выбранное изъ лучшихъ авторовъ, съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества“.

[2]) *Радигъ* (Ant. Radigues), гравер. Имъ награвированы три портрета императрицы Екатерины II: 1) Поясной „v. Eriksen. A Radigues sc. 1768“. 2) Поясной, въ коронѣ, „Peint par V. Erikson, gr. par A. Radigues 1771“; 3) въ медальонѣ, съ надписью, по гречески: ΆΙΚΑΤΕΡΙΝΑ Β. ΆΥΤΟΚΡ. ΠΑΣ. ΡΩΣΣΙΩΝ.., а внизу подписано: „Peint par V. Erikson. Gravé par A. Radigues, aggrégé de l'Acad. Imp. des Arts de St. Pétersdg 1775“. Кромѣ того, онъ гравировалъ портретъ Императора, въ то время Цесаревича, Павла въ 1769 г., Бецкаго, А. М. Голицина, А. Д. Голицина, М. М. Голицина, П. М. Голицина, А. Куракина, А. Б. Куракина, Б. А. Куракина, Е. С. Куракиной, А. В. Олсуфьева и графа Панина.

Библиотека "Руниверс"

Послѣдній вашъ репортъ, письмо отъ Якова Яковлевича и приложенное при ономъ получилъ. Посылаю 16 семинаристовъ, которыхъ прошу принять въ Академію, а что съ ними здѣлать положимъ по пріѣздѣ моемъ. Я каждому изъ нихъ далъ по 10 рубльевъ для исправленія нуждъ и на проѣздъ. Извощикамъ, которые ихъ въ Петербургъ отвезутъ, денги такъже я заплачу

Въ протчемъ есмь
„Г. В. Орловъ".

Въ Москвѣ
Декабря 26-го дня
1767 года."
(„Получено) Генваря 10 д. 1768 г.".

*

Г. прапорщикъ Фадей Охтинской.

Быть тебѣ совсѣмъ въ повелѣніяхъ у отправляющагося въ Колу г. профессора Степана Румовскаго, который по возвращеніи сюда и засвидѣтельствуетъ о поведеніи и прилѣжности твоей. Ежели ты соотвѣтствуя намереніе Академіи Наукъ окажешъ себя добропорядочнымъ и прилѣжнымъ, то такимъ тебя и въ твою команду представитъ Академія, отъ чего ты можешь своего щастія ожидать.

Будежъ себя вести станешъ инако, то онаго конечно ожидать тебя нельзя; ежели ввѣрятся тебѣ какія нибудь письма отъ г. профессора Румовскаго, то хранить тебѣ ихъ со всякимъ раченіемъ.

Г. В. Орловъ.

Ежели по пріѣздѣ въ Архангельской городъ г. профессоръ Румовской пошлетъ тебя для географическихъ експедиціи, то по данной имъ инструкціи и предписанному отъ него плану поступать тебѣ точно, и исполнять по оной такъ какъ бы самимъ мною была подписана.

Генваря 22-го дня
1769 года.

(*Переводъ*).

Выписка изъ письма его сіятельства графа Владимира Гргорьевича Орлова, директора Академіи Наукъ, г. профессору Гмелину, 10 Февраля 1769 г.

Академія и я желаемъ, чтобы вы, поселившись гдѣ нибудь для перезимованія, принялись бы въ продолженіе зимы за основательную обработку того, что̀ собирали лѣтомъ, и постарались доставить свою работу въ Петербургъ, для напечатанія, по крайней мѣрѣ къ концу зимы. Ваши дневники будутъ составлены на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ вашимъ именемъ и я позабочусь о томъ, чтобы они были переведены и на Русскій языкъ. Такимъ образомъ можно бы было поступать каждую зиму. Мнѣ кажется, что такъ во всякомъ отношеніи будетъ

Библиотека "Руниверс"

выгоднѣе до вашего пріѣзда. Публикѣ будетъ пріятнѣе, потому что свѣдѣнія, сообщаемыя въ такомъ видѣ, для нея интереснѣе, а Академіи тоже будетъ пріятно, что ея путешественники трудятся; мнѣ кажется, что и вамъ это не можетъ показаться иначе. Во всякомъ случаѣ прошу сообщить ваше мнѣніе.

*

Въ академическое собраніе.

Просилъ меня статскій совѣтникъ Штелинъ о уволеніи его отъ должности конференцъ-секретаря, которая ему была препоручена на время. Я его отъ оной уволяю и опредѣляю точно на томъ же основаніи, какъ и онъ былъ, академика Албрехта Ейлера. Вы можете видѣть должность свою въ 18-й и 23-й статьяхъ академическаго регламента, а отъ части будетъ она вамъ здѣсь предписана. Вы должны принять по описи съ рукъ на руки всѣ письма, которыя у гдна Штелина теперь въ смотреніи и въ какомъ состояніи оныя найдете, о томъ увѣдомить академическое собраніе письменно. По вступленіи въ вашу должность наблюдать вамъ въ небытность мою,

1) чтобъ на собраніяхъ не происходило никакихъ споровъ раздражающихъ другъ друга.

2) не было говорено постороннего и непринадлежащаго къ дѣламъ, въ которыхъ собранію упражняться надлежитъ.

3) чтобъ во время чтенія говорено не было. Ежели академикъ погрѣшитъ противъ котораго нибудь изъ сихъ предписанныхъ правилъ: то напомните ему объ ономъ пристойнымъ образомъ до двухъ и трехъ разъ. Ежели же ваши напоминанія будутъ тщетны: то записавъ въ дневную записку, объ ономъ немѣдленно меня увѣдомите.

Какъ все сіе препорученное вамъ дѣло требуетъ точности, порядка и прилежности: то я, ввѣряя вамъ оное, надѣюся, что вы съ своей стороны потщитеся соотвѣтствовать моему желанію и оправдать мой выборъ чрезъ все то время, пока сею должностію вы править будете. Сіе тѣмъ нужнѣе, что предъ симъ въ собраніяхъ мало порядка или почти никакова не наблюдалось, чему какъ вы, такъ и протчіе члены свидѣтели; хотя я съ моей стороны разными образами хотѣлъ оный возстановить но безплодно. Пока сею должностію будете править до опредѣленія настоящаго секретаря: получать вамъ тѣ триста рублей, которые положены были за отправленіе сей должности гдну статскому совѣтнику Штелину.

Февраля 23-го дня
1769 года.

*

Г. Кулмаметевъ!

По прибытіи къ городу Архангельскому всѣ имѣющіяся у г. обсерватора Пиктета инструменты прими отъ него по реестру, также

Библиотека "Руниверс"

возьми отъ него часоваго мастера Шитца и солдатъ, и поѣзжай въ городъ Дмитревскъ, гдѣ вамъ дождавшись г. адъюнкта Иноходцова, оныя инструменты отдай ему по томужъ реестру съ росписко̀ю; сколько же подъ оные инструменты и для васъ лошадей надобно, требуйте оныхъ отъ его превозходительства господина Архангелогородскаго губернатора, а отъ меня о томъ къ его превозходительству писано. Академія надѣется, что вы сію коммиссію исполните изправно; чтоже касается до возвращенія вашего, о томъ будетъ писано къ упомянутому г. Иноходцеву.

Мая 25-го дня
1769 года. *

„A Paris à M. N. de Lalande, le 14 Octobre 1768.

Monsieur.

„L'Académie Impériale des Sciences vient de prendre la résolution d'engager Votre élève, dont Vous avez fait la proposition autrefois. Pour son entretien l'Académie lui offre 400 roubles par an, un logis près de l'observatoire, et pour les fraix de voyage, qu'il sera obligé de faire par terre, également une somme de 400 roubles. Il sera chargé de faire l'observation de Venus, et d'autres correspondances à l'observatoire de l'Académie à celles que les autres astronomes feroient pour perfecitonner la carte de la Russie.

„Le reste des conditions sera tel, que Vous avez marqué dans une lettre à mr Roumovsky.

„Pour ne pas perdre du tems, l'Académie Vous expédie dans l'instant une lettre de change pour de 400 roubles, destinés pour le voyage c'y mentionné, et si les conditons lui sont convenables, je Vous prie, monsieur, de lui persuader, qu'il se dépêche de partir le plus vite qu'il sera possible. Il pourra aller par la poste ordinaire jusqu'à Danzig, et y s'adresser au résident de la Russie mr le colenel Rebinder, qu'il en sera averti. Nous n'avons aucune nouvelle précise sur le reste des instrumens, savoir les quarts de cercle, que Vous avez fait faire pour l'Académie; sont-ils tous prêts et quand l'Academie pourroit les recevoir. J'ai l'honneur d'attendre Votre réponse un peu détaillée sur tous les instrumens que nous attendons encore étant avec la plus parfaite considération,

„Monsieur, Votre très humble serviteur Wolodimer comte Orlow. J. Stehlin, secretaire de l'Acad.

„P. S. Mr le conseiller de Stehlin Vous a écrit une lettre, par raport à ces instrumens; ayez la bonté de nous avertir si Vous l'avez reçu et si c'est par terre ou par mer que nous les devons attendre?

Rumovsky *).

*) Исходящія письма Академіи Наукъ 1768 г. № 69.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдуютъ три выписки изъ журнала Коммисіи Академіи Наукъ.

„Августа 18 дня 1769 года.

№ 547. Съ подаренной Академіи отъ его сіятельства Академіи Наукъ г. директора графа Владимира Григорьевича Орлова книги содержащей въ себѣ переведенныя изъ Энциклопедіи статьи принадлежащія къ Турціи, напечатать въ 8-ю долю листа на Академическомъ иждивеніи тысячу сто девяносто четыре экземпляра на заморской комментарной, да шесть экземляровъ на Александрійской бумагѣ; и корректуры сей книги отсылать къ переводчику Башилову, а при окончаніи печатанія, во сколько оная книга обойдется, подать фактору Лыкову въ Коммисію счетъ.

Августа 21 дня 1769 года.

№ 561. Его сіятельство, Академіи Наукъ г. директоръ, графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ, слушавъ коллежскаго ассесора Михайла Гурьева репортъ о учиненной подъ смотрѣніемъ его канцеляристами Волковымъ и Кириловымъ описи всѣмъ произведеннымъ въ бывшей Академической Канцеляріи дѣламъ съ 1755 по Октябрь мѣсяцъ 1766 года, т. е. по учрежденіе при Академіи Наукъ Коммисіи, приказалъ: какъ оныя дѣла, такъ и протчія съ начала Академіи, т. е. съ 1724 по вышеписанной 1755 годъ происходившія, а притомъ немалое число и счетныхъ, всѣ для удобнѣйшаго ихъ содержанія въ надлежащемъ порядкѣ переплесть въ книги подъ смотрѣніемъ егоже ассесора Гурьева, и тотъ переплетъ оныхъ книгъ поручить переплетчику С. Миллеру, съ платою ему по договорной съ нимъ цѣнѣ, за каждую книгу въ листъ, тонка ли она будетъ или толста, по осмидесяти копѣекъ, переплетая оныя въ такъ называемой полуфранцуской кожаной обверть, съ приложеніемъ на корнѣ золотой надписи. И для того отдавать оному Миллеру книгъ по пятидесяти, съ такимъ приказаніемъ, чтобы изъ оныхъ ничего утрачено не было; а для надсматриванія дабы оныя дѣла переплетены были порядочно, такъ какъ оныя разположены и смѣшаны не были, посылать къ нему Миллеру канцеляриста Волкова.

Сентября 28 дня 1769 года.

№ 669. Его сіятельство графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ объявилъ, что изъ напечатанныхъ новыхъ картъ Ревельской губерніи*)

*) Сохранился оттискъ этой карты на двухъ большихъ листахъ (10⅝ и 13 вершковъ каждый); она озаглавлена такъ: „Ревельская губернія содержащая въ себѣ Естландію на четыре уѣзда раздѣленную съ принадлежащими къ ней островами Даго и Вормсомъ“. (Соч.) „Я. Ф. Шмитъ. 1770. Выр. К. Фроловъ“. Карта эта украшена двумя виньетками. Другіе оттиски той же карты съ Латинскими надписями и заглавіемъ: „Provincia Revaliensis sive Estlandia quatuor dioecesibus contenta cum finitimis insulis Dago, Worms etc. Auctore J. F. Schmidio, Acad. Petropol. adjuncto. Impressa Petropoli 1770“.

Библиотека "Руниверс"

двѣ поднесены имъ Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству, а одна осталась у его сіятельства; и приказалъ оныхъ картъ мѣдныя доски и всѣ напечатанные съ нихъ экземпляры, какъ чистые, такъ и пробные, сколько ихъ найдется, собрать секретарю Гурьеву, и запечатавъ хранить при Коммиссіи, и безъ приказанія его сіятельства оныхъ досокъ и напечатанныхъ съ нихъ экземпляровъ никому не выдавать".

Одновременно съ перепиской съ Коммисіею Академіи Наукъ Орловъ былъ занятъ заказомъ физическихъ инструментовъ для обсерваторовъ и перепискою съ иностранными резидентами о скорѣйшемъ и тщательномъ доставленіи этихъ инструментовъ въ Россію. Первое письмо написано Румовскому въ 1767 г. Въ 1768 г. написано также нѣсколько писемъ по этому предмету. 16-го Февраля 1769 г. Орловъ сообщаетъ Архангельскому губернатору Головцыну объ отъѣздѣ въ Архангельскъ экспедиціи, назначенной для наблюденій. Одинъ изъ ея членовъ, Малле, увѣдомлялъ графа 22-го Февраля, изъ Поноя, о совершенномъ экспедиціей путешествіи до Кеми, гдѣ пришлось перемѣнить повозки и продолжать путь на оленяхъ. Онъ нашелъ въ Поноѣ только начатую постройку дома для обсерваторіи и одобряетъ усердіе работниковъ, строившихъ домъ, несмотря на жестокій холодъ. Около того же времени получено отъ Оренбургскаго губернатора, Рейнсдорпа, извѣщеніе о пріѣздѣ въ Оренбургъ и объ отъѣздѣ въ Орскую крѣпость лейтенанта Эйлера и адъюнкта Крафта и о томъ, что къ пріѣзду профессора Ловица приготовляются въ Гурьевѣ потребные для обсерваторіи строительные матеріалы. Извѣщенный около того же времени о пріѣздѣ изъ-заграницы астронома Майера, Орловъ увѣдомляетъ о томъ г. Симолина, нашего резидента въ Митавѣ, и поручаетъ просить Майера, чтобы онъ оставилъ на границѣ имя и платье того ордена, къ которому принадлежитъ(?), и сказался бы только ученымъ.

Въ слѣдующемъ по порядку времени письмѣ изъ Колы отъ 16-го Марта, Румовскій описываетъ бѣдность края, упадокъ рыбнаго промысла и, благодаря графа за попеченіе объ обсерваторахъ, увѣдомляетъ, что они ни въ чемъ почти не нуждаются.

Г. Пикте пишетъ изъ Умбы, отъ 30-го Марта, что пока обсерваторія для него строится, онъ занимается наблюденіями, хотя не очень интересными, но по крайней мѣрѣ новыми; что онъ завелъ бѣгъ оленей и что олень пробѣгаетъ, съ сѣдакомъ порядочной толщины, версту въ 2 минуты и 9 секундъ; онъ также пріучаетъ матросовъ считать секунды и замѣчать минуту наблюденія, чтобъ быть готовыми къ первому соприкосновенію Венеры.

Библиотека "Руниверс"

Малле пишетъ изъ Омбы, отъ 7-го Апрѣля, что онъ началъ работать въ обсерваторіи, но что погода не благопріятствуетъ.

Рейнсдорпъ съ своей стороны сообщаетъ, отъ 30-го Апрѣля, изъ Оренбурга о проѣздѣ Ловица, и разсказываетъ, что онъ (der Philosophie zum Trotze) въ день рожденія Императрицы вечеромъ плясалъ Русскую.

Съ разныхъ сторонъ извѣщаютъ о приготовленіяхъ къ наблюденіямъ, но объ успѣхѣ самыхъ наблюденій Пикте, Малле и Крафта въ частной перепискѣ Орлова свѣдѣній не находится.

Изъ Колы же получено отъ Румовскаго, отъ 28-го Мая, письмо съ слѣдующими свѣдѣніями: „День, въ который Венера проходила по солнцу, былъ наилучшій изъ всѣхъ предъидущихъ. Ясное небо и тихая погода отъ самаго утра продолжались до половины девятаго часа послѣ полудня. Барометръ показывалъ $29^{8}/_{10}$ дюйма. Чѣмъ меньше оставалось времени до вступленія Венеры въ солнце, тѣмъ больше ласкалъ себя надеждою, что буду имѣть счастіе видѣть совершенно ея вступленіе. Но не больше какъ за полчаса до входу ея началъ дуть южно-западный вѣтеръ и, мало по малу между горами усиливаясь, къ самому тому времени, когда Венерѣ выходить надлежало, нагналъ на солнце продолговатое густое облако, которое покрывало ту самую половину солнца, въ которую Венера войти должна была. Ежелибъ она четвертью часа ранѣе вступила въ солнце, или ежелибъ густое облако минутою или двумя пронесло поранѣе, то-бъ вступленіе можно было примѣтить такъ точно, какъ желаютъ астрономы. Таково ихъ состояніе, что одна минута можетъ уничтожить наибольшую часть трудовъ ихъ. По совершенномъ вступленіи Венеры солнце поперемѣнно то въ облакахъ скрывалось, то изъ нихъ въ полномъ сіяніи выходило и сіе продожалось даже до перваго часа. Тогда барометръ уже показывалъ $29^{4}/_{10}$ дюйма, и небо отовсюду облаками покрылось, такъ что солнца до четвертаго часа утра совсѣмъ было не видно. Въ началѣ четвертаго часа солнце начало сквозь облака проглядывать, и при выходѣ Венеры хотя и было предъ солнцемъ облако, однако не такъ густо, чтобъ много могло препятствовать въ наблюденіи внутреннихъ краевъ прикосновенія. Но сіе наблюденіе, когда входъ ея невѣрно примѣченъ, не такъ важно, какъ наблюденіе входу, хотя бы выходъ былъ не примѣченъ. Я для пользы общества, для чести Академіи и прославленія имени вашего сіятельства отъ всего сердца желаю, чтобы пріятнѣйшія отъ другихъ обсерваторовъ получили извѣстія и покорно прошу приказать кому нибудь увѣдомить меня объ успѣхѣ наблюденій гг. Маллета и Пиктета. Я въ половинѣ Іюня ожидаю сюда судно, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ надѣюсь уже быть въ Архангельскомъ городѣ“.

Библиотека "Руниверс"

Ловицъ въ письмѣ изъ Астрахани, отъ 24-го Марта 1770 года, жалуется на неясность погоды и неспособность людей.

Изъ предъидущихъ писемъ видно, что наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры, сдѣланныя въ Россіи, не были увѣнчаны успѣхомъ. Но болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія доставлены изъ Оксфорда Никитинымъ 25-го Іюля, съ приложеніемъ слѣдующаго письма на Латинскомъ языкѣ, отъ профессора астрономіи и экспериментальной физики Горнсби:

Современный переводъ.

Почтеннѣйшій господинъ.

Я посылаю къ вамъ примѣчаніе прохожденія Венеры, недавно въ Оксфордѣ сдѣланное г. Никитинымъ, котораго неутомимое прилежаніе и глубочайшую любовь къ философіи и астрономіи не могу не похвалить довольно. Онъ намѣреваетъ всего себя посвятить практической астрономіи. А чтобъ сіе письмо не совсѣмъ праздное къ вамъ пришло, я отважился приложить нѣкоторыя примѣчанія чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Оксфордѣ мною дѣланныя, крайне желая имѣть письменную корреспонденцію съ вами и притомъ надѣясь, что я окажусь не недостойнымъ вашего пріятства. Есмь, почтеннѣйшій господинъ, вашего имени всегдашній почитатель

Фома Горнсби,

Астрономіи профессоръ Савильянскій и экспериментальной физики прелекторъ".

„Примѣчаніе прохожденія Венеры, сдѣланное въ Оксфордѣ В. Никитинымъ Іюня 3. 1769.

	д.	час.	мин.	сек.	истиннаго времени.
Іюн.	3	7	6	14	Контактъ Венеры внѣшній.
		7	24	15½	Контактъ внутренній".

Въ перепискѣ графа Орлова 1768 и 1769 годовъ замѣтно, что изъ числа всѣхъ, какъ иностранныхъ, такъ и Русскихъ ученыхъ, которыхъ графъ Орловъ приглашалъ къ содѣйствію изслѣдованіямъ Академіи Наукъ, самую постоянную переписку онъ велъ съ Палласомъ; эта переписка была ведена въ самомъ дружественномъ тонѣ. Палласъ, слѣдуя увѣщаніямъ графа Орлова и подъ его покровительствомъ, предпринялъ свое большое путешествіе по разнымъ частямъ Россіи въ Европѣ и въ Азіи, которое было издано сперва понѣмецки, а потомъ переведено на Русскій и Французскій языки. Описаніе этихъ продолжительныхъ и трудныхъ путешествій заключаетъ въ себѣ, по выраженію Соссюра: „все, что̀ можетъ интересовать естествоиспытателя и даже государственнаго человѣка, и въ этомъ родѣ это есть, можетъ быть, лучшее изъ существующихъ твореній".

Библиотека "Руниверс"

Въ письмѣ 2-го Мая 1767 г. графъ Орловъ писалъ въ Коммисію Академіи: „Отъ господина Палласа полученное мною письмо посылаю къ вамъ. Ежели вы уже сдѣлали вызовъ Гертнеру по письму моему, то невзирая на то, принять Палласа: мы уже найдемъ всѣмъ имъ упражненіе. Ежели Гертнера еще не вызывали, то спрашиваю васъ, ежели онъ очень искусный человѣкъ, то отпишите ко мнѣ; ежели не искусный, то можно вызовъ его оставить, потому что Палласъ ѣдетъ на тѣхъ же кондиціяхъ, какъ мы его сперва вызывали. Хотя сіе все противъ регламента, въ этомъ прошу на меня положиться, что мы чрезъ сіе не проступимся".

Изъ этого письма видно, какъ сильно директоръ Академіи желалъ пригласить Палласа, хотя уже вызванный въ Академію Гертнеръ оказался совершенно способнымъ и знающимъ свое дѣло человѣкомъ, и не смотря на то, что при таковомъ двойномъ назначеніи было отступленіе отъ регламента Академіи.

Палласъ, равно и другіе ученики, какъ-то: Лепехинъ, Гюльденштедтъ, Гмелинъ и Фалькъ, были снабжены подробными инструкціями по порученнымъ имъ изслѣдованіямъ. Они должны были производить изысканія о свойствѣ почвы и водъ, о средствахъ воздѣлыванія степей, о состояніи земледѣлія, о самыхъ обыкновенныхъ болѣзняхъ и эпизотіяхъ, о средствахъ ихъ цѣленія и предупрежденія, о пчеловодствѣ, шелководствѣ и скотоводствѣ, въ особенности овцеводствѣ, о минералахъ и минеральныхъ водахъ, объ искусствахъ и ремеслахъ каждой мѣстности, о горахъ и всѣхъ другихъ предметахъ физическаго отечествовѣдѣнія. Имъ предлежало опредѣлить положеніе главныхъ мѣстъ астрономическимъ наблюденіемъ и собрать свѣдѣнія о нравахъ, религіяхъ, языкахъ, традиціяхъ и памятникахъ.

Путешествіе Палласа продолжалось шесть лѣтъ, и когда онъ возвратился въ Петербургъ въ 1774 году, то не засталъ уже тутъ на мѣстѣ директора Академіи графа Владимира Григорьевича, перваго двигателя этого ученаго предпріятія. Впрочемъ, отчетъ о своемъ путешествіи Палласъ началъ издавать раньше своего возвращенія или потому, что графъ Орловъ предусматривалъ, что служба его будетъ непродолжительна, или потому, что, по выраженію Палласа въ предисловіи своемъ, нетерпѣніе публики не было бы удовлетворено, если-бъ ученые отлагали сообщеніе своихъ наблюденій до возвращенія своего.

„Графъ Орловъ увѣщеваетъ насъ", говоритъ Палласъ, „скорѣе обнародовать журналы нашихъ путешествій, чтобы удовлетворить нетерпѣливому любознанію Имперіи и ученыхъ Европы".

Библиотека "Руниверс"

Не лишено интереса первое письмо Палласа, написанное по отъѣздѣ его изъ Петербурга, въ тонѣ болѣе церемонномъ, нежели послѣдовавшія затѣмъ.

„Monseigneur.

„L'année où nous allons entrer me donne de nouveau l'occasion de témoigner à Votre Excellence mon attachement et les voeux ardens que je ne cesse de faire pour sa prospérité complète et celle de son illustre famille. Veuille le ciel seconder toutes les entreprises de Votre Excellence et couronner surtout celle que Votre Excelence entame pour le bien de la patrie, des sciences et de l'Académie d'un succès heureux.

„Je dois saisir la même occasion pour solliciter dérechef les grâces et l'indulgence que V. E. a daigné me temoigner jusqu'à présent. L'idée d'être protégé de V. E. et l'espérance de conserver cette haute protection sont les uniques ressorts qui me relèvent dans l'abattement où le défaut d'ami, l'éloignement de ma patrie et le silence de l'Académie me plongent, surtout dans une ville où l'on semble aimer la chicane et se faire un plaisir d'inquiéter les étrangers. Je ne sais au vrai par quelle faute j'ai mérité d'être comme oublié de l'Académie et de n'en recevoir aucune réponse sur plusieurs points de six rapports que je lui ai faits depuis le moi de Juillet, et dont quelques uns demandent nécessairement des réponses définitives. Comme j'imagine que ce silence a été occasionné par l'absence de Votre Excellence à l'Académie pendant que des soins plus importants l'attachaient à la Cour et à la Personne de Sa Majesté Impériale, je supplie V. E. de permettre de lui adresser mes rapports pour l'Académie et de vouloir donner ses ordres pour qu'on me réponde aux points qui demandent à être discutés et ne me laisse plus languir par un silence décourageant.

„J'ai été un peu heureux depuis que je suis à Simbirsk en faisant la découverte d'un lit considérable de charbon de terre schisteux, dont on ne peut explorer la profondeur à cause de la gelée et qui se trouve à 20 lieues au delà de la ville de Simbirsk sur les bords du Volga, dans une colline fort étendue sur laquelle est posé le village de Gorodischtscha. Des gros fragments de cette houille que le fleuve apporte jusqu'au pied de la montagne de Simbirsk m'ont guidé à cette découverte. dont j'ai informé l'Académie au commencement de ce mois et envoyé l'épreuve. Ce charbon n'est pas à la vérité de la bonté de celui d'Écosse ou d'Angleterre. mais il brûle à perfection. et la situation avantageuse pour le transport doit ne le point faire négliger. Je crois par quelques indices que ce lit s'étend à fort loin, mais avec quelques interruptions, le long du Volga, en remontant; et même je crois que l'on trouverait de la houille en fouillant au pied de la montagne de Simbirsk, vers le Nord

Библиотека "Руниверс"

de la ville. Je me suis beaucoup félicité sur cette découverte, vu que c'est la première que je fais, qui est d'une utilité immédiate et évidente et que je brûle d'envie de me rendre utile à la patrie. Mais il faut qu'un certain bonheur féconde les découvertes en histoire naturelle, et sans les faveurs du sort toute la diligence, toute l'assiduité n'est que peu de chose.

„Monsieur le gouverneur de Casan m'a fait la grâce de m'envoyer pour le cabinet de l'Académie un lièvre entièrement noir, animal d'une rareté extrême, qui a été pris vivant à cent lieues au Nord de Casan. Ce seroit un morceau digne de la ménagerie Impériale; mais les risques du voyage et surtout les violences que l'animal a souffertes à la capture, me font craindre de perdre cet ornement pour le Cabinet, en l'envoyant à St.-Pétersbourg.

„Je viens de recevoir par la bonté de n l'assesseur Meschtscherinoff une eau minerale salée et d'une odeur soufrée qui se trouve sur les terres de Votre Excellence près d'Ussollié et qui pourrait bien être d'une grande utilité dans plusieurs maladies. J'en pourrai dire davantage quand j'en aurai fait l'analyse sur les lieux.

„Le grand événement de l'inoculation de Sa Majésté et de Son Altesse Impériale doit intéresser et mériter à la Russie les félicitations de tout l'univers sensé à plus d'un égard. C'est une des illustres preuves de la grandeur d'âme et de l'amour du bien général de l'humanité et particulièrement de ses sujets que notre grande Souveraine pouvait donner et que j'ai longtemps souhaitée aves les voeux les plus ardens pour un succès heureux. J'ai l'honneur d'être avec un profond respect de votre excellence le plus humble et le plus devoué serviteur

P. V. Pallas".

De Simbirsk
le 28 Decembre
1768.

На это письмо послѣдовалъ длинный отзывъ графа на Нѣмецкомъ языкѣ. Онъ береть на себя всю вину медленности Академіи въ отвѣтѣ. объявивши ей, что онъ самъ обо всемъ позаботится, о чемъ Палласъ проситъ въ своемъ рапортѣ. Привитіе оспы Императрицѣ и приготовленія астрономическихъ экспедицій помѣшали ему отвѣчать Палласу раньше. „И такъ", графъ пишетъ, „утѣшьтесь" (trösten Sie sich also). и обѣщаетъ, что будетъ наблюдать, чтобъ Академія отвѣтствовала ему чаще. Онъ сообщаетъ дальше о разныхъ распоряженіяхъ касательно образцовъ минераловъ, благодаритъ за пробы каменнаго угля и проситъ анализировать Усольскія воды; черныхъ зайцевъ не желаетъ, такъ какъ есть прежніе; проситъ писать путевыя замѣтки въ видѣ журнала, дабы

Библиотека "Руниверс"

можно было отдать ихъ въ печать, и предоставляетъ на волю Палласа издать ихъ на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ.

За письмомъ Палласа послѣдовало, изъ Симбирска же, письмо отъ Лепехина, въ томъ же тонѣ жалобы и съ предложеніемъ плана путешествію, которое не захватывало бы мѣстъ, выбранныхъ себѣ Палласомъ. Графъ отвѣчаетъ Лепехину совѣтомъ окончить миролюбиво несогласіе, происшедшее между нимъ и Палласомъ по изысканіямъ угольной горы у Городища, и желаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ полезныхъ открытіяхъ.

Орловъ рекомендуетъ обоихъ ученыхъ доброму своему Симбирскому пріятелю Аѳанасью Степановичу Мещеринову.

Слѣдующее письмо, хотя не въ академическомъ слогѣ писанное, должно быть помѣщено какъ относящееся къ ученымъ путешественникамъ.

Ѳока здравствуй!

„Читавъ какъ ты разъѣзжалъ съ ученными, хотѣлося мнѣ съ вами тогда быть. Немогжи имѣть сего удовольствія, жду съ нетерпѣніемъ описаніе отъ г. Палласа и желаю, чтобъ г-да Фалкъ и Лепехинъ примѣчаніи свои ко мнѣ присылали. Я къ нимъ для того не пишу, что не думаю, чтобъ мое письмо ихъ у тебя застать могло; а ежели они еще у тебя, то поклонися имъ отъ меня и скажи имъ, что я ихъ всѣхъ въ особливыхъ письмахъ къ нимъ за труды и стараніе въ проѣздѣ чрезъ наши деревни благодарить буду. Ѳока плутъ прелестникъ, ты брата у меня Івана Григорьевича на нѣсколько дней своимъ письмомъ безпокойнымъ сдѣлалъ, прельстилъ тамошнею жизнью, и ему нѣсколько дней къ тебѣ очень хотѣлося уѣхать, да никакъ нельзя. Впередъ такихъ пакостей не каверзи и не смущай аки сатана и безъ того уже смущенный духъ. О всемъ хорошемъ что у тебя есть дозволяется тебѣ писать, только не звать къ себѣ въ гости. Пожалуй пиши къ намъ почаще и побольше о деревенскихъ твоихъ упражненіяхъ, ты не повѣришь съ какимъ удовольствіемъ мы твои письма прочитываемъ. Прощай, Ѳока, живи здорово и весело. Я для вѣрности въ моихъ письмахъ буду выставлять нумеръ, чтобы ты могъ знать ежели которое пропадетъ, и тебѣ тоже совѣтую. Елизавета Ивановна*) кланяется тебѣ. Она еще по сей день не родила, а жду съ часу на часъ“.

Ботаникъ Фалькъ извѣщаетъ о болѣзни, постигшей его во время путешествія изъ Сызрани вслѣдъ за Палласомъ и Лепехинымъ.

---

*) Супруга графа.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Орловъ въ шести письмахъ Фальку*) проситъ присылать извѣстіе въ Академію согласно инструкціи и ускорить выѣздомъ въ путь совокупно съ Палласомъ и Лепехинымъ. Онъ одобряетъ Фалька въ намѣреніи издавать ежегодно журналъ, ожидаетъ плана его путешествія, присовокупляя, что отъ другихъ таковые получены, и одобряетъ намѣреніе обсудить сообща планъ путешествій на слѣдующій годъ. Графъ проситъ Фалька отвѣчать Академіи на многочисленныя къ нему обращенія, прибавляя, что общество недоумѣваетъ касательно успѣховъ экспедиціи. Узнавъ о болѣзни Фалька, графъ успокоиваетъ его насчетъ мнѣнія о немъ Академіи и дружески совѣтуетъ не оставаться подолгу на одномъ мѣстѣ, а искать развлеченія и движенія, и затѣмъ проситъ прислать составленный съ Палласомъ путевой журналъ.

Гмелинъ младшій (Samuel Gottlieb), принимавшій вмѣстѣ съ Гюльденштедтомъ участіе въ экспедиціи Палласа, выражаетъ въ своемъ описаніи путешествія (Reise durch Russland 1774) горячую благодарность графу Орлову за постоянное содѣйствіе успѣху экспедиціи. Но письма графа къ обоимъ этимъ ученымъ, повторяя подробности и совѣты, подобные встрѣчающимся въ приведенныхъ выше выпискахъ, расширили-бъ объемъ настоящей книги безъ пользы для читателя. Можно однако при семъ случаѣ замѣтить, что Петербургскій Ботаническій садъ увеличенъ Орловымъ чрезъ покупку прилегающей мѣстности, вслѣдствіе ходатайства о томъ Гмелина.

Изъ числа академиковъ, жившихъ въ столицѣ, графъ Орловъ въ особенности приблизилъ къ себѣ Эйлера. По его письмамъ видно, что онъ очень безпокоился насчетъ зрѣнія математика и присылалъ ему лекарства для леченія глазъ. Разъ, захотѣвъ испытать шуткой зрѣніе профессора, онъ зашелъ къ нему, притворясь будто онъ бѣдный выходецъ изъ Швейцаріи, просящій покровительства. Разговоръ продолжался нѣсколько времени на эту тему, пока графъ не расхохотался, а за нимъ и Эйлеръ.

Очень любопытно одно письмо Эйлера, въ которомъ онъ съ восхищеніемъ увѣдомляетъ графа Орлова, что онъ попалъ на средство объяснить одну изъ важнѣйшихъ частей математики, представляющей затрудненія, которыя онъ до того времени считалъ неопреодолимыми.

---

*) *Фалькъ* (Johann Peter Falck), по приглашенію Академіи, участвовалъ вмѣстѣ съ Палласомъ, въ ученой экспедиціи. Собранные имъ во время путешествія въ Россіи матеріалы изданы Академіею подъ заглавіемъ: „Beirtäge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches. 3 Bände". 1785—1786. 4°.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ подлинныя его слова.

„Erlauchter Graf
„Gnädiger Herr,

Die gnädige Vorsorge, so Euer Hochgräfliche Erlaucht für die Wiederherstellung meines Gesichtes zu tragen geruhen, verbindet mich zu der vollkommensten und gehorsamsten Danksagung, wovon mein Herz auf das lebhafteste durchdrungen ist. Ich fange nun eben an mich wiederum von einem ziemlich schweren Zufall zu erhohlen, welcher mich einige Wochen lang in einer gänzichen Unthätigkeit gehalten, so, dass ich nicht einmal den Todesfall meiner Frauen-Schwester zu erfahren im Stande gewesen bin. Allen Ansehen nach habe ich mir diesen Zufall durch allzustrenges Nachsinnen zugezogen, wobei ich aber doch das Vergnügen habe, einen sehr wichtigen Theil der Mathematik in sein völliges Licht gesetzt zu haben, nachdem ich Mittel gefunden, alle Schwierigkeiten, so mir bisshero unüerwindlich geschienen, glücklich zu heben; und ich wünsche nun nichts mehr als im Stande zu sein diesen Theil der Mathematik völlig in Ordnung zu bringen und an das Licht zu stellen".

Къ знаменитостямъ этой эпохи принадлежитъ основатель новой системы ботаники, Линней. Одно письмо его, выражающее благодарность за усердіе въ распространеніи ботанической науки и называющее разныя растенія, которыя желательно ему получить изъ Россіи, любопытно въ своемъ родѣ, какъ образецъ пышнаго Латинскаго слога, употребленнаго знаменитымъ Шведскимъ ботаникомъ. Онъ называетъ ботаниковъ людьми, назначенными къ познанію Божества въ изящнѣйшемъ изъ его твореній.

Слѣдующее письмо церковнаго пастыря служитъ образцомъ слога, бывшаго въ свое время въ употребленіи.

„Высокосіятельнѣйшій графъ Владиміръ Григорьевичъ,
„Милостивый мой гдрь и величайшій патронъ.

Что я присылкой сочиненій на Чувашскомъ языкѣ умедлилъ, прошу милостиво сіе мнѣ уступить; причина тому лишеніе вѣрныя оказіи Чрезъ'вручителя сего гдна маэора Лукошкова оное вашему высоко-графскому сіятельству сообщаю. При чемъ и себя самого продолжаемой вашего высоко-графскаго сіятельства милости препоручивъ, при отданіи нижайшаго моего поклона здол'жнѣйшимъ почтеніемъ навсегда пребывать имѣю.

Вашего высокографскаго сіятельства милостиваго моего гдря и величайшаго патрона всѣхъ блгъ усердный желатель. Покорній слуга и богомолецъ смиренный Веніаминъ архіепископъ Казанскій.

Марта 14 ч.
1768 года
Казань".

Библиотека "Руниверс"

Интересно по своему содержанію и по исторической личности автора слѣдующее письмо Платона, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ:

Сіятельнѣйшій графъ! Милостивый государь!

По приказанію вашего сіятельства принесена ко мнѣ книга Академіи Наукъ переводчикомъ Паленовымъ: изъ оной книги показывано одно мѣсто, съ тѣмъ, не нахожу-ли я сомнѣнія, чтобъ ему такъ, какъ въ подлинникѣ есть, быть напечатану. На сіе вашему сіятельству изъясняюсь, что я по оной книгѣ тѣ особливо мѣста, кои касаются закона, или какимъ либо образомъ до оного относятся, читалъ и нѣкоторыя строки нашелъ (они отмѣчены линейками), которыя естлибъ въ печатаніи пропустить, казалось бы сходственнѣе съ тою осторожностію, каковую благоразуміе велитъ держать для предупрежденія всякихъ толковъ. Изъ отмѣченныхъ мною мѣстъ нѣкоторыя кажутся неосновательны, другія для людей не вдаль просвѣщенныхъ могутъ быть соблазнительны; иные выдуманы по извѣстной папистовъ къ Греческой церкви ненависти, и всегда худому Латиновъ къ Грекамъ расположенію. Суть же подлинно и такія мѣста, которые сходны съ истиною, но естли ихъ разглашать, могутъ огорчить или опечалить нѣкоторыхъ духи. А при томъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыя въ общество взошедшія злоупотребленія судить и исправлять предоставить вышнимъ правителямъ, не простирая сію власть до каждаго. Правительство лучше знаетъ союзъ общества, и оно же иногда основательно сноситъ таковыя злоупотребленія, коихъ истребленіе можетъ быть произвело бы больше худа нежели самыя злоупотребленія. Признаюсь вашему сіятельству, что несказанно понравилось мнѣ въ сей же книгѣ на стр. 284, изображенное разсужденіе въ слѣдующихъ словахъ: il y a dans chaque nation un esprit général sur lequel la puissance même est fondée; quand elle choque cet esprit, elle se choque elle-même, et elle s'arrête nécessairement. Разсужденіе достойное мудраго политика! Но авторъ его едвали во всемъ ему послѣдовалъ, или подлинно послѣдовалъ: ибо, будучи, какъ видно, папистъ, нигдѣ не упоминаетъ о власти безмѣрной папской, которую присвояетъ патріархамъ Константинопольскимъ, хотя кажется по справедливости можно было между непослѣдними паденія Рима и Римской Имперіи причинами положить чрезъмѣрную власть папскую. О семъ пространнѣе вашему сіятельству разсудилъ изъяснится, ибо не худобъ было и въ другихъ таковыхъ же матерій изданіяхъ иногда дерзкихъ, иногда же неосмотрительныхъ, больше употреблять осторожности. Однако я нехочу столь смѣлъ быть, чтобъ сіе мое разсужденіе почитать неоспоримымъ; я долженъ всегда желать пользоватся совѣтами просвѣщенныхъ, между коими особливо ваше сіятельство искренно почитаю; поелику же и особливою вашею къ себѣ любовію наслаждаюся, то оной благонадежно себя препоручая, пребываю со всегдашнимъ почтеніемъ вашего сіятельства милостиваго гдря доброжелательный и покорный слуга

А Платонъ.

Сент. 9 1769 года.

Письмо Платона относится къ сочиненію Монтескье, переведенному съ Французскаго Полѣновымъ и напечатанному при Академіи Наукъ въ 1769 году.

Библиотека "Руниверс"

подъ заглавіемъ: „Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и его упадка“.

Въ томъ же году написаны слѣдущія три письма фельмаршала графа Румянцова къ графу Орлову и два отъ графа Орлова къ графу Румянцову.

Милостивый государь мой графъ Владимеръ Григорьевичь!

Я всегда щотъ мой вѣду вѣрной, что мой милостивый государь! ни когда мнѣ не откажете въ моихъ прозбахъ; какъ и въ сей послѣдней: чтобъ одинъ здѣшней въ Академіи для словесныхъ наукъ находящейся Федоръ Поручка принятъ былъ въ особливое вашего сіятельства милостивое призреніе; и выдаванобъ ему было тамъ по сту двадцати рублевъ нагодъ; которыя я вашему сіятельству возвращать буду куда прикажете; а въ протчемъ стану доказывать о моемъ всегдашнемъ почитаніи, съ коимъ пребываю.

Милостивый государь мой
вашего сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Румянцевъ.

30-го Октября 1767 года
Глуховъ.

Милостивый государь мой графъ Владимеръ Григорьевичь.

Присутствіе любезнаго шурина вашего сіятельства, господина Штакелберга, и довѣренность съ которой препоручать мнѣ изволите его поведеніе, двократное приносятъ мнѣ удовольство. такъ потому, что я вижу отъ стороны вашей знакъ несомнительнаго признанія о моемъ отличномъ усердіи ко всей почтеннѣйшей фамиліи вашего сіятельства, какъ и для того, что преподаете тѣмъ случай къ оказательству моей чувствительности за вашу благостную пріязнь. Прошу быть увѣреннымъ, что я буду стараться открыть въ обстоятельствахъ нынѣшнихъ путь ему къ полезному знанію военнаго дѣла, и предостерегать всѣ поползновенія, свойственныя молодымъ людямъ.

Пребывать въ протчемъ имѣю честь съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою „Румянцевъ“.

Мая 15 ч. 1769 г.
изъ главной квартиры
въ Хрѣновомъ Шатрѣ.

Милостивый государь мой графъ Владимиръ Григорьевичъ.

Я вашему сіятельству и симъ повторить честь имѣю прежнее мое увѣреніе о любезномъ шуринѣ вашемъ господинѣ Штакельбергѣ, что я за особливое удовольство симъ поставляю исполнить все угодное вашему сіятельству по случаю его нынѣшней службы. Онъ у меня ордонансъ и ведетъ себя столько похвально, что сама справедливость даетъ поводъ увѣрить ваше сіятельство и впредъ о его непремѣнныхъ сему поступкахъ. Я навсегда не оставлю продолжаемаго уже объ немъ попеченія, чтобъ имѣвши свои выгоды, приобрѣсть онъ такъ же бы могъ и знаніе военное его состоянію нужное. какъ въ послѣднемъ

Библиотека "Руниверс"

его охота и исправность совершенно обнадеживаютъ. Въ протчемъ я пребуду всегда съ моимъ усерднѣйшимъ почтеніемъ

„Вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою „Румянцевъ".

Іюня 18-го д. 1769 г.
Изъ Сан Бурга.

Государь мой Петръ Александровичъ.

За нѣсколько недѣль писалъ я къ вамъ и просилъ о неоставленіи того письма вручителя, котораго я препоручилъ совсѣмъ въ милость вашу съ тѣмъ если онъ будетъ вести себя недобропорядочно, то вы его въ ономъ милостиво исправлять будете и поможете ему быть хорошимъ офицеромъ, лаская себѣ что вы ему сію милость неоткажите изъ любви ко мнѣ и хозяйкѣ моей также и изъ дружбы къ брату Ивану Григорьевичу. Съ удовольствіемъ увѣдомляя ваше сіятельство, что сколько мнѣ извѣстно, то какъ Государыня такъ другіе вашими распоряженіями довольны. Дай Богъ сего и впредь. Я сего желаю и не сумнѣваясь что вы всѣ благоразумныя старанія къ достиженію онаго употребите. Пребуду съ искреннимъ почтеніемъ и пр..

Милостивый государь мой Петръ Александровичъ!

Посылаю къ вашему сіятельству гостинецъ желая чтобъ оный вамъ былъ пріятенъ. Въ скоромъ времени перешлю другую карту Полшы и Молдавіи, которая на сихъ дняхъ издается отъ Академіи, препоручивъ милости вашего сіятельства трехъ братьевъ Штакелберговъ. Сколько мнѣ извѣстно, то поведеніе ихъ изрядно, и ежели они имѣютъ какіе способности, то надѣюсь отъ васъ, что подадите имъ случаи оные въ дѣйство произвести; не оставте ваше сіятельство вашимъ наставленіемъ, какъ въ томъ что до поведенія, такъ и въ томъ, что до ремесла ихъ касается. Въ надеждѣ дружбы къ моей семьѣ утруждая васъ сею прозбою, чемъ меня обяжите. Ежели большихъ двухъ братьевъ желаніе будетъ повидаться съ нами въ Петербургѣ: то не можноли ваше сіятельство случай къ тому имъ найтить, и сію милость имъ и мнѣ сдѣлать.

(Ноябрь или Декабрь 1769 г.)

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ГАВРІИЛА ПЕТРОВА.

(Изъ бумагъ О. М. Бодянскаго).

1.

Честный отецъ строитель іеромонахъ Пахомій!

Письмо ваше я получилъ; благодарю за усердіе и молитвы. Жалѣю, что вы не соглашаетесь доставить строителя въ Югскую пустыню; вы, уповаю, не позабыли сего Божія слова: „аще изведеши честное отъ недостойнаго, будеши яко уста Моя“. Я совѣтую и увѣщеваю, для нарицанія и удержанія развратъ раскольническаго, избрать мужа богодухновенной жизни, который бы, насадя въ оной обители добродѣтельные подвиги, послужилъ спасенію другихъ. Впрочемъ желая вамъ благословенія отъ Отца Свѣтовъ и прося вашихъ молитвъ, пребываю вседоброжелательный къ вамъ Гавріилъ митрополитъ Новгородскій. Августа 10-го дня 1786-го года.

2.

Преподобнѣйшій отецъ строитель Пахомій, возлюбленный о Христѣ братъ!

Я пришелъ въ ужасъ, протечши ваше письмо. Отецъ Іоакимъ, дойстойный христіанскія любви, поступилъ съ собою такъ, какъ вы пишете, чтобы спастися; но тотъ не спасаетъ себя, кто не хощетъ споспѣшествовать спасенію другихъ. Смиреніе, которое онъ хранитъ всегда въ своей душѣ, возвысится тогда, когда онъ, призываемъ будучи ко спасенію многихъ, будетъ яко рабъ и служай. Я прошу увѣщавать его именемъ вземлющаго грѣхи всего міра Іисуса Христа, дабы онъ послѣдовалъ стопамъ Его. Онъ пришелъ въ міръ, въ сонмище людей развращенныхъ, чтобы ихъ спасти. Развѣ онъ почитаетъ сей примѣръ недостойнымъ подражанія? Скажетъ ли онъ, что мы не

Библиотека "Руниверс"

сильны и слабы? Говорилъ сіе святый Павелъ, но потомъ исповѣдалъ: не азъ, но благодать Божія, яже со мною. Христосъ его призываетъ, благодать его ожидаетъ, дабы онъ ей отвѣтствовалъ. Да помыслитъ, коль велико преступленіе отвращать свой слухъ отъ гласа Іисуса Христа? Я самъ не хотѣлъ принять бремя епископства, но противъ моей силы, даже при старости моихъ лѣтъ и изнеможеніи, принуждаюсь оное нести. Объявите ему благословеніе Іисуса Христа, свидѣтельствуемое мною, и чтобъ онъ явился ко мнѣ. Я его не обременю; онъ во мнѣ увидитъ отца, а паче брата, состраждуща изнеможеніямъ его. Молю Іисуса Христа, да почіетъ на немъ духъ Его. Впрочемъ, прося вашихъ молитвъ, пребываю вашего преподобія усердный всѣхъ благъ желатель и богомолецъ, Гавріилъ митрополитъ Новгородскій.

1793-го года. Іюня дня.

3.

....И я грѣшный нововышедшую книжку читалъ. Она остра, но жалко, чтобъ, говоря о внѣшности, не поколебать и основанія. Нынѣшніе умы слабѣе и любятъ, что̀ льститъ имъ и не мѣшаетъ жить, какъ хотятъ. Внутренній человѣкъ, хотя и не виденъ, но надеженъ: а внѣшній требуетъ трудовъ и болѣзнованій. Отвесть отъ чего-либо немного нужно трудовъ; но удержать при какомъ-либо новомъ пунктѣ очень трудно. Мы должны славить Бога въ душахъ и тѣлесѣхъ нашихъ. Какое-либо сочиненіе новое положитъ начало, и Французскія нѣкоторыя книжонки, льстящія чувствамъ, кои нынѣ, къ несчастію, многіе читаютъ, довершатъ несчастіе. Благополученъ человѣкъ, что Вседержитель помнитъ его. И, можетъ быть, Индѣйца или Караида, не узнавшаго своего господина и поклонившагося камердинеру, и проститъ; но озаренные свѣтомъ Евангелія будутъ спрошены: Почто вы искали Меня съ новымъ испытаніемъ? Я всегда близъ васъ, какъ отецъ и милователь питалъ васъ. Или вы не видѣли Меня въ явныхъ милостяхъ къ себѣ? Питалъ васъ внутренними наградами. Есть ли же въ чемъ вы оскорбляемы были отъ другихъ подобныхъ себѣ, тому сами вы причиною: ибо ваши беззаконія сдѣлали, что изсякла любовь между вами, за что, можетъ быть, увидите впредь не столько проливаемыми милости Мои къ вамъ. Берегитесь новыхъ испытаній!

Батюшка, благодѣтель князь! Простите меня, что я глупо заговорился. Поберегите узнанное по милостямъ Господнимъ и не давайте воли нынѣшнимъ умницамъ, хотящимъ со злымъ намѣреніемъ колебать сокровище и даръ Божій—вѣру. Впрочемъ, дѣла Божіи свой ходъ имѣютъ.

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургскій митрополитъ Гавріилъ Петровъ пользовался долгое время расположеніемъ императрицы Екатерины, которая, назначивъ его на Новгородскую каѳедру по смерти Димитрія Сѣченова, ему посвятила даже извѣстный переводъ Мармонтелева Велисарія. Въ своемъ посвященіи она сказала: „Гавріилъ мыслями и добродѣтелью сходенъ". Въ болѣе подробной (хотя далеко не лучшей и крайне односторонней) біографіи Гавріила, составленной архимандритомъ Макаріемъ (СПБ. 1857 г.), между прочимъ упоминается, что Гавріилъ особенно заботился объ устройствѣ и процвѣтаніи иноческихъ обителей. „Въ концѣ XVIII вѣка, пишетъ Макарій, иночество у насъ процвѣтало, и митроп. Гавріилъ былъ душею онаго, наставляя, возбуждая и поощряя монашествующую братію къ духовнымъ подвигамъ. Не было ни одного подвижника, съ коимъ онъ не входилъ бы въ духовное общеніе. Для поддержанія въ инокахъ подвижнической жизни онъ старался ввести въ монастыряхъ общежитіе по уставу Аѳонской горы и выписывалъ для этого иноковъ изъ процвѣтавшихъ тогда пустынь Саровской, Софроніевской, Флорищевской и другихъ. По этому случаю онъ велъ переписку съ ихъ настоятелями, особенно съ строителемъ Саровскимъ Пахоміемъ."

Этотъ Пахомій былъ замѣчательная личность. Въ мірѣ Петръ Назаровичъ Леоновъ*), сынъ Курскаго купца, постриженный въ 1762 г. митроп. Димитріемъ Сѣченовымъ, онъ долгое время обращалъ на себя вниманіе народное: скончался въ глубокой старости 6-го Ноября 1794 г.

Въ помѣщаемомъ нами письмѣ къ Пахомію митроп. Гавріилъ говоритъ о нѣкоемъ отцѣ Іоакимѣ, подвизавшемся въ той же пустыни, которому краснорѣчивый авторъ „Путешествія по святымъ мѣстамъ Русскимъ", А. Н. Муравьевъ, удѣлилъ нѣсколько строкъ. Говоря объ избраніи Пахомія на мѣсто отказавшагося за старостью строителя Саровской пустыни Ефрема, Муравьевъ писалъ, что при Пахоміи явились такіе подвижники въ его обители, которымъ и другія пустыни обязаны своимъ благоустройствомъ и наипаче древній Валаамъ.

Старецъ Назарій, одинъ изъ великихъ свѣтильниковъ Сарова, вызванъ былъ митроп. Гавріиломъ для возстановленія сей упадшей обители. Настоятель и самъ мѣстный епископъ Ѳеофилъ старались удержать у себя знаменитаго отшельника и доносили о немъ владыкѣ, какъ о человѣкѣ малодушномъ, но опытномъ въ духовной жизни. Гавріилъ проникъ тайну смиренія Назаріева. „У меня много своихъ умниковъ; отвѣчалъ митрополитъ, пришлите мнѣ вашего глупца". И невольный пришлецъ возсоздалъ духовно сію забытую на Сѣверѣ пустынь; когда же онъ упрочилъ ея благосостояніе, то пожелалъ опять уединиться въ мѣсто прежняго своего жительства и скончался въ пустыни.

Не такъ удачно было вторичное требованіе того же владыки для назначенія начальника духовной миссіи въ Сѣверную Америку. Послушникъ его Ѳеофанъ, впослѣдствіи знаменитый настоятель Новоозерскій, бывши въ Саровѣ, указалъ Гавріилу еще на одного подвижника сей пустыни, Іоакима. Но подвижникъ,

*) Болѣе подробностей см. „Русской Біограф. Словарь" СПБ. 1902 г., стр. 414.

Библиотека "Руниверс"

испуганный архіерейскимъ зовомъ, нѣсколько лѣтъ юродствовалъ, чтобы избавиться отъ такой почести. Узнавъ отъ Пахомія, что Іоакимъ напустилъ на себя юродство, Гавріилъ ужаснулся и проситъ увѣщать Іоакима именемъ „Вземлющаго грѣхи міра", при чемъ упоминаетъ, что и онъ самъ „не хотѣлъ принять бремя епископства, но принужденъ все-таки его нести".

Добавимъ, что Гавріилъ, кромѣ нежеланія нести бремя епископства, не желалъ быть и монахомъ: онъ былъ принужденъ къ этому насильно[1]). Существуетъ разсказъ, что когда онъ въ 1758 году былъ переведенъ въ Троицко-Сергіевскую семинарію учителемъ риторики, то Лаврскій настоятель, извѣстный проповѣдникъ Гедеонъ Криновскій, захотѣлъ, во что бы то ни стало, заставить его принять монашество. Гавріилъ, не смотря на синодскій указъ, вздумалъ сопротивляться. Тогда Гедеонъ, будучи въ то время и членомъ Св. Синода, рѣшился достигнуть исполненія своего желанія болѣе энергичными способами: по его настоянію послѣдовалъ второй указъ о постриженіи учителя Петрова. Вмѣстѣ съ этимъ указомъ Гедеонъ объявилъ отъ себя, что „уже отговоркамъ внимать не будетъ"[2]). Затѣмъ Гедеонъ указалъ на бывшее прежде рѣшеніе Св. Синода по поводу отказа отъ принятія монашества учителя Григорія Кондакова, которому, послѣ того, какъ имъ не были приняты убѣжденія вступить въ монашество, послѣдовало на представленіе ректора такое синодское опредѣленіе: „Григорія Кондакова изъ учителей, понеже онъ монашескаго чина понынѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять". Правительство дорожило учеными иноками и старалось поддерживать принесенное изъ Кіева направленіе; оно признавало, что духъ иночества и нераздѣльный съ нимъ духъ благочестія должны имѣть благотворное вліяніе на воспитаніе всего ученаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ утѣшеніемъ видѣло, что изъ этого разсадника уже явились свѣтильники церкви, сіяющіе свѣтомъ жизни и ученія[3]). Петровъ увидѣлъ, наконецъ, необходимость покориться волѣ начальства.

Другое письмо митроп. Гавріила къ Пахомію писано нѣсколько раньше. Въ немъ Гавріилъ, упрекая Пахомія за нежеланіе дать изъ Саровской пустыни настоятеля въ Югскую Дороѳееву пустынь, вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваетъ, чтобы Пахомій избралъ достойнаго инока способнаго для борьбы съ расколомъ, который въ то время сильно распространенъ былъ въ Ярославской епархіи. И Пахомій отпустилъ тогда на строительство одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ іеромонаховъ,—Игнатія. Эта пустынь, теперь одинъ изъ богатѣйшихъ монастырей въ Ярославской епархіи, находится въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Знаменитый соборный храмъ и сооруженъ избранникомъ Пахомія Игнатіемъ по образцу Константинопольскаго Влахернскаго; Игнатіемъ же было введено и Саровское общежитіе. Но особаго процвѣтанія эта пустынь достигла въ 1864—1894 гг. при архим. Поликарпѣ, бывшемъ начальникѣ Пекинской миссіи.

---

[1]) Христіанское Чтеніе. 1901 г. Октябрь, стр. 484.

[2]) Архимандритъ Макарій, стр. 9.

[3]) Исторія Москв. Славяно-Греко-Латинской Академіи. С. Смирнова. Москва 1885 г. стр. 85.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1776 г. въ Ярославлѣ архіепископомъ былъ Арсеній Верещагинъ. Съ Арсеніемъ у Гавріила были самыя лучшія отношеніи, и уже не существовало тѣхъ непріятностей, которыя были при его предшественникѣ архіеп. Самуилѣ. Этотъ Ростовскій владыка, какъ видно изъ его писемъ къ князю Куракину [1]), относился къ Гавріилу крайне недружелюбно. Онъ писалъ, что „митрополитъ съ своимъ фаворитомъ (Московскимъ архіереемъ Платономъ Левшинымъ) гонитъ его ужаснымъ образомъ, желая выжить его изъ Синодальной Конторы, гдѣ онъ былъ членомъ и главнымъ дѣятелемъ". Самуилъ проситъ князя Куракина изъяснить въ благопристойное время великому князю Павлу Петровичу точію такъ, чтобы фаворитъ (Платонъ) митрополита Гавріила никакъ не могъ свѣдать. „Слышу, увѣдомляетъ въ другомъ письмѣ Самуилъ, что фаворитъ Гавріила писалъ къ здѣшнему своему пріятелю, изъясняя, что церковь клонится къ паденію, когда ея столпъ и подпора (Гавріилъ) поколебались". Называя въ нѣкоторыхъ письмахъ митроп. Гавріила „камбалой", Самуилъ неоднократно выражалъ свое негодованіе на него, особенно за расположеніе къ его недругу, Платону Левшину, котораго въ этихъ письмахъ обрисовывалъ не только бражникомъ, но и скоморохомъ, производившимъ великое шумство и чуть не драку съ Рязанскимъ архіереемъ даже въ Синодальной Конторѣ [2]).

Относительно второй части этого письма къ Пахомію, гдѣ Гавріилъ упоминаетъ о расколѣ, должно сказать, что обращеніе раскольниковъ было предметомъ его живѣйшихъ заботъ. Кромѣ бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода съ дѣлами о раскольникахъ въ Гавріиловское время, есть немало и статей по этому предмету. С. М. Соловьевъ, между прочимъ, писалъ [3]): „Въ кратковременное царствованіе Петра III былъ положенъ починъ многимъ либеральнымъ реформамъ, но столь поспѣшно, что слѣдующему царствованію задана была немалая забота и работа разсмотрѣть ближе, глубже вникнуть, переработать, прилично отмѣнить уже сдѣланное. Облегчительный указъ Петра III произвелъ громадное, радостное впечатлѣніе въ сердцахъ раскольниковъ. Въ основаніе его были положены мысли, на первый разъ совершенно непререкаемыя и вполнѣ вѣрныя: „Если не-христіанъ не преслѣдуютъ за ихъ вѣру, то за что же преслѣдовать раскольниковъ? Если не преслѣдуются идолопоклонники и Магометане, то за что же преслѣдовать христіанъ, отличающихся отъ православныхъ какими-нибудь обрядами только?" Возвращавшіеся изъ-за границы раскольники требовали, чтобы имъ предоставлена была свобода богослуженія. За разрѣшеніемъ этого вопроса Екатерина обратилась въ 1763 г. въ Синодъ. Мнѣнія, хотя не раздѣлились, вообще же были благопріятны для раскольниковъ".

---

[1]) „Архивъ Князя О. А. Куракина", кн. IX и Русскій Архивъ 1906 г. II.

[2]) Письмо архіепископа Самуила къ князю Куракину 23-го Сентября 1777 г. „Архивъ Князя О. А. Куракина" кн. IX, стр. 432.

[3]) Православное Обозрѣніе. 1875 г. Ноябрь.

Библиотека "Руниверс"

Почти черезъ тридцать лѣтъ митроп. Гавріилъ подалъ въ Ноябрѣ 1792 г. записку въ отвѣтъ на просьбу старообрядцевъ, пожелавшихъ быть въ числѣ сыновъ православной церкви и получать отъ православнаго митрополита священниковъ. Гавріилъ прозорливо отвѣчалъ: „Сія просьба довольно изъясняетъ намѣреніе ихъ; стараются начать свою церковь, отдѣлясь отъ господствующей въ Россіи, и имѣть своего архіепископа и консисторію. Начали строить церковь, превышающую пространствомъ и огромностью Успенскій соборъ, чтобы огромностію сего храма унижать первую въ Россіи церковь въ мысляхъ простого народа". Гавріилово заключеніе по этой просьбѣ было такое: „Начатую ими церковь обратить на другія предписанныя закономъ Монархини для призрѣнія бѣдныхъ или для пользы общественной установленія, дозволить имъ построить часовню, какая для погребенія усопшихъ на кладбищѣ потребна, безъ колокольни".

Сынъ своего времени, современникъ яраго искоренителя и бича раскольниковъ, Арсенія Маціевича, Гавріилъ былъ однихъ съ нимъ воззрѣній и не желалъ, какъ и онъ, чтобы „раскольники могли правовѣрныхъ отъ вѣры отвергать, грабить и сожигать, и совсѣмъ погублять, и иныя пакости и скаредства, во всемъ свѣтѣ неслыханныя, дѣлать". Обвиняя раскольниковъ (въ звѣрскомъ, брюхорадостномъ и плотоугодномъ состояніи пребывающихъ), Арсеній въ свое время говорилъ: „Не слѣдуетъ давать вамъ, раскольникамъ, въ нашемъ древнемъ благочестивомъ государствѣ волю и крайнюю ослабу, самимъ въ душегубномъ расколѣ пребывать и другихъ къ тому приводить. Устави, Господи, ярость гнѣва Своего! Кольми паче того бы милосердія отъ Бога надѣяться нашему государству православному за искорененіемъ и истребленіемъ безъ помилованія вашихъ скитовъ раскольническихъ, злодѣйственнѣйшихъ и беззаконнѣйшихъ паче всѣхъ идолослужителей и безбожниковъ. Удивительная вещь, чтобы слезы и разореніе своихъ жительствъ достойны помилованія и сожалѣнія были, судите и представляете; а объ убиваемыхъ вами младенцахъ, отъ грѣха вашего свальнаго рожденныхъ, или о сихъ душахъ, которыя сожительствомъ вашимъ въ вѣчный тартаръ и гіену посылаемыя чувствительно рыдаютъ и вопіютъ: охъ, охъ, погибли, не надо ли сожалѣть и болѣзновать?"

Въ дѣлахъ раскола Гавріилъ имѣлъ большое значеніе при Екатеринѣ. Извѣстны усиленныя ходатайства Румянцева и Потемкина за старообрядцевъ, желавшихъ имѣть своего епископа; но они не имѣли успѣха. Ловкій царедворецъ, митроп. Гавріилъ сумѣлъ затянуть это ходатайство, кончившееся ничѣмъ; при этомъ, благодаря представленію Гавріила, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, и взглядъ ея на раскольниковъ сильно измѣнился. Недаромъ при восшествіи на престолъ императора Павла раскольники „воспрянули жизнью", и разрѣшеніе имѣть имъ въ Нижегородской губерніи свои церкви окружило имя Павла свѣтлымъ ореоломъ. Гавріилъ, осыпаемый особыми милостями Екатерины, не пользовался благосклонностью Павла и поколебался въ своемъ значеніи *). Старецъ понялъ, что ему нужно удалиться и уступить мѣсто новому

*) Однако, вопреки его желанію, онъ 18-го Декабря 1796 г. долженъ былъ совершать погребеніе Екатерины въ Петропавловскомъ соборѣ, куда въ тоже время перенесенъ гробъ и ея супруга изъ Невскаго монастыря.

Библиотека "Руниверс"

избраннику. Онъ выпросилъ себѣ въ 1799 году увольненіе отъ управленія С.-Петербургскою епархіею и скоро скончался[1]). Погребеніе въ Предтеченскомъ придѣлѣ Новгородскаго Софійскаго собора было умилительное. Въ церкви былъ слышны плачъ и рыданія. Надгробное слово, пишетъ въ своихъ Запискахъ преосвященный Антоній Знаменскій, „хотѣлъ говорить я, но обстоятельствами былъ отклоненъ отъ сего и поручилъ ректору Антоніевскому архим. Флавіану; но и сего не было приведено въ исполненіе“ [2]). По словамъ очевидцевъ, слово сказывалъ неизвѣстный проповѣдникъ и едва ли не семинаристъ. Проповѣдь эта не сохранилась; вспоминаютъ лишь, что она начиналась словами: „Угасъ свѣтильникъ Русской церкви, потухла священная лампада!“... Къ гробницѣ митроп. Гавріила, писалъ архим. Макарій, нѣкоторые изъ страждущихъ зубной болью приходятъ служить панихиды съ надеждою на исцѣленіе[3]).

Гавріилъ не пользовался особой любовью современниковъ и многократно былъ предметомъ сатирическихъ повѣствованій. Въ одномъ изъ такихъ произведеній: „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ“, помѣщенномъ въ 3 кн. XII т. Извѣстій Академіи Наукъ, на вопросъ Екатерины, обрѣтающейся уже въ поляхъ Елисейскихъ, относительно неисполненія ея завѣщанія, Гавріилъ, робѣя и дрожащимъ голосомъ, отвѣчаетъ: „Всемилостивѣйшая Государыня! Время... обстоятельства... и я... я—хотя монахъ, но... человѣкъ“. Екатерина возразила: „Довольно сказано, я васъ разумѣю... Не кажитесь никогда въ мои чертоги, оставьте меня!“...

Послѣднее письмо митроп. Гавріила, къ сожалѣнію, не имѣетъ начала, и къ кому и по какому случаю написано, мнѣ неизвѣстно; но оно сохранилось въ бумагахъ Бодянскаго вмѣстѣ съ первымъ письмомъ къ Пахомію.

Во всякомъ случаѣ митроп. Гавріилъ былъ, по словамъ автора Обзора Русской духовной литературы, архіепископа Филарета, пастырь, отличавшійся апостольскимъ мужествомъ, любовью къ правдѣ и мудростію въ совѣтѣ. Его любовь одушевляла и поддерживала совѣтами и распоряженіями Русское монашество, потрясенное перемѣнами того времени. Онъ послалъ способныхъ миссіонеровъ для проповѣданія св. вѣры въ Америкѣ. Онъ на первыхъ же дняхъ по вступленіи на престолъ императора Павла испросилъ у него освобожденіе духовенству отъ тѣлеснаго наказанія. Нѣкоторые обвиняли его въ двоедушіи, но онъ былъ послѣдователенъ и всю свою жизнь не забывалъ древняго изреченія: „Melius est cavere semper, quam pati semel...“.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій.
5-го Февраля 1908 г.

---

[1]) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели народнаго просвѣщенія, стр. 2.

[2]) Архимандритъ Макарій, стр. 148.

[3]) Тамъ же стр. 118, прим. 2.

Библиотека "Руниверс"

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКВУ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ОНОЙ ФРАНЦУЗОВЪ.

Его высокородію милостивому государю Лукіяну Яковлевичу Яковлеву въ знакъ искренней благодарности и глубочайшаго почитанія посвящаетъ К—С. М-овъ.*)

Кто спасъ намъ жизнь, тотъ навсегда
Пребудетъ сердцу незабвеннымъ.

Издавая въ свѣтъ мое описаніе моего путешествія въ Москву, я ничего болѣе не желаю, какъ только сообщить соотечественникамъ и друзьямъ моимъ тѣ замѣчанія, которыя въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ мною среди развалинъ, еще дымящихся, столицы могъ я сдѣлать надъ всѣмъ, особенно заслуживавшимъ мое вниманіе.

Чтобы не подать кому-либо случая къ сомнѣнію въ справедливости разсказываемыхъ мною произшествій, я начну мое описаніе съ самаго предпріятія быть въ Москвѣ.

Находясь подъ покровительствомъ единственнаго изъ моихъ благодѣтелей, жилъ я вмѣстѣ съ нимъ и его семействомъ въ Ярославской губерніи, близъ г. Данилова, въ помѣстьѣ одного дворянина, гдѣ для доставленія сельской жизни бо́льшихъ пріятностей и для замѣны невозвратной потери, чувствительной для всякаго жителя Москвы, кажется, соединялись всѣ удовольствія. Они не состояли ни въ пышныхъ собраніяхъ, ни во всегдашней разсѣянности; но счастливыя минуты довѣренности, дружества, ласковые сосѣди, прекрасное мѣстоположеніе, прогулка, верховая ѣзда, охота, также и доброхотство помѣщика: вотъ что наиболѣе занимало меня и моего друга. Признаюсь, что во всякое время это удаленіе отъ городскаго шуму я почелъ бы самымъ лучшимъ употребленіемъ жизни; но когда сердце отягчено печалію, когда невольные вздохи наполняютъ грудь при одномъ воспоминаніи о прошедшемъ: то какую цѣну могутъ имѣть внѣшнія пріятности, есть ли онѣ не

---

*) Т. е. кандидатъ (Московскаго университета) Степанъ Масловъ, какъ самъ онъ сообщалъ намъ. Перепечатывается съ рѣдкой книжки подъ этимъ заглавіемъ, изданной въ Москвѣ въ типографіи С. Селивановскаго, въ 1813 году, въ малую осмушку на 39 стр. С. А. Масловъ (1793—1879), извѣстный непремѣнный секретарь Общества Сельскаго Хозяйства въ Москвѣ, былъ сыномъ причетника церкви Введенія на Лубянкѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

возвращаютъ душевнаго спокойствія, котораго мнѣ и не доставало? Оставя по несчастію въ Москвѣ моихъ родителей и все любезное сердцу, я не могъ провесть ни одного дня, не безпокоясь объ ихъ неизвѣстности. Воображеніе мое безпрестанно представляло тѣ ужасы, коимъ они подвержены; сыновняя горячность стремилась ихъ раздѣлить, и я рѣшился, во что бы то ни стало, побывать въ Москвѣ. Обдумываю мой планъ, совѣтуюсь съ другомъ и наконецъ объявляю твердое намѣреніе моему благодѣтелю. Онъ, послѣ долгихъ отсовѣтованій, отдалъ все на мой собственный выборъ. Я не колебался, изготовился къ отъѣзду, и при первомъ случаѣ отправился въ Ярославль. Ахъ! я живо помню, чего мнѣ стоила та минута, когда, не зная объ ожидающей меня участи, прощался я съ моимъ другомъ и тѣми, коихъ милостямъ навсегда обязанъ. Состояніе мое до того было разстроено, что, потерявъ присутствіе духа и отдавая моему другу бывшія со мною вещи, просилъ его беречь ихъ для памяти, естьли случится, что Французы меня убьютъ, уморятъ съ голоду или возьмутъ съ собою. Однакожъ, не смотря на это, нашлись люди, которые, какъ я послѣ узналъ, называли мой поступокъ вѣтренностью молодаго умка и особеннымъ желаніемъ быть Французскимъ солдатомъ. Такъ-то судятъ и о добрыхъ намѣреніяхъ тѣ обросшія деревенскою сытостью сердца, которыя, кромѣ разчетливой экономіи ничего не зная, хотятъ предлагать обо всемъ свои рѣшительныя умозаключенія! Но оставимъ это. Тройка готова; я сѣлъ въ тѣлегу, лошади помчали, и я пересталъ плакать.

Пріѣхавши въ Ярославль, на другой же день купилъ я себѣ самое бѣдное крестьянское платье, въ которое былъ намѣренъ переодѣться для избѣжанія какихъ нибудь особенныхъ непріятностей. А между тѣмъ многіе изъ посѣщавшихъ друга моего благодѣтеля, у котораго я остановился, услыхавъ о моемъ намѣреніи, съ начала не хотѣли тому вѣрить, потомъ самыми убѣдительными доказательствами старались отклонить меня отъ опаснаго предпріятія, и между прочимъ, въ примѣръ невозможности быть въ Москвѣ, приводили и то, что недавно оттуда возвратился одинъ купецъ, который доѣхалъ только до Троицкой Лавры, потому что далѣе было невозможно. Я самъ видѣлъ сего путешественника, говорилъ съ нимъ; но, желая поскорѣе избѣжать нерѣшимости, 3-го числа Октября, въ семь часовъ по полудни, отправился изъ Ярославля къ Москвѣ съ такъ называемою летучею почтою. Въ сутки мы проѣхали двѣсти верстъ, и четвертаго числа къ вечеру я уже былъ въ с. Пушкинѣ.

Простившись съ козакомъ, я остался тутъ ночевать у одного крестьянина, и на другой день поутру, переодѣвшись въ армякъ и національную плетеную обувь, пошелъ въ Москву съ двумя попутчи-

Библиотека "Руниверс"

ками. которые, конечно изъ любопытства. шли туда съ пустыми мѣшками. Пробираясь кой-какъ лѣсами и обманывая козачьи пикеты, не пропускавшіе въ Москву, часу въ третьемъ по полудни я уже подходилъ къ Клязьмѣ, лѣвѣе отъ Растокина, и только что хотѣлъ сойти съ берега къ рѣкѣ, которую должно было переходить въ бродъ, какъ вдругъ выходитъ изъ-за лѣса высокой, блѣдной и худощавой человѣкъ безъ шляпы, въ солдатскомъ плащѣ, и спрашиваетъ насъ, не въ Москву ли мы идемъ? Да, отвѣчали ему мои попутчики. Ахъ! Бога ради, сказалъ онъ съ ужасомъ, не ходите туда: Французы колютъ всѣхъ Русскихъ, и я самъ сейчасъ видѣлъ многихъ, едва убѣжавшихъ отъ смерти. Мы ничего не отвѣчали на извѣстіе сего подозрительнаго человѣка, котораго попутчики мои называли именемъ похожимъ на мошенника, и пошли своей дорогою, хотя такое увѣдомленіе было и не слишкомъ пріятно. Часу въ четвертомъ уже мы находились близко Москвы.

Подходя къ Троицкой заставѣ, увидѣлъ я на полѣ одного человѣка, повидимому не похожаго на Француза, подошелъ къ нему и спросилъ его по руски, кто онъ таковъ? Это былъ одинъ отставной Руской солдатъ, прислуживавшій въ Маріинской больницѣ. Каково поступаютъ въ Москвѣ Французы?—По своему, отвѣчалъ мнѣ старикъ, продолжая копать картофель; однакожъ днемъ теперь не грабятъ и не бьютъ, а вечеромъ не ходи поздно. А что̀ значатъ эти частые ружейные выстрѣлы, которые мы то почитали за перестрѣлку пикетовъ, то за исполненіе тѣхъ словъ, которыя намъ пророчилъ незнакомый.—Это ничего. Французы не дадутъ появиться ни голубю, ни галкѣ и безпрестанно ихъ стрѣляютъ. Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, за извѣстіе, сказалъ я старику и пошелъ далѣе. Воздухъ часъ отъ часу становился тяжелѣе, такъ что когда, перешедши валъ, приближился я къ обгорѣлымъ зданіямъ, то почти невозможно было дышать свободно. Иной подумаетъ, что, по состоянію тогдашняго времени и погоды, казалось бы, должно было свирѣпствовать въ Москвѣ заразительнымъ болѣзнямъ. Совсѣмъ напротивъ: страхъ заставлялъ все переносить съ терпѣніемъ, и въ то время въ Москвѣ почти совершенно больныхъ не было. Не успѣлъ я пройти нѣсколько саженей, какъ во многихъ мѣстахъ показались мнѣ прогуливающіеся Французскіе солдаты, коихъ разноцвѣтное платье очень походило на маскарадные наряды. При первомъ взглядѣ на враговъ своихъ, сердце мое стѣснилось, холодный потъ пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ, и я не знаю, какое чувство наполнило мою душу. Могу только припомнить, что я шелъ или очень торопливо, или слишкомъ медленно и робко, и поминутно озирался вокругъ себя. Добрые читатели простятъ мнѣ эту робость, которой въ моемъ состояніи не

Библиотека "Руниверс"

возможно было не чувствовать; ибо я почиталъ себя безпрестанно въ опасностяхъ, сопряженныхъ, можетъ быть, съ потерею самой жизни. Однакожъ, прошедши улицы двѣ, я сталъ нѣсколько посмѣлѣе, и Французы уже не были для меня страшны. Не доходя до Сухаревой башни, увидѣлъ я еще двоихъ Русскихъ, довольно порядочно одѣтыхъ, изъ коихъ у одного была на рукѣ алая повязка. Разпростившись съ моими попутчиками, которымъ обѣщался черезъ день выти изъ Москвы, подошелъ я къ незнакомымъ, и послѣ нѣкотораго привѣтствія, началъ ихъ распрашивать обо всемъ, что̀, на этотъ разъ, казалось мнѣ болѣе достойнымъ любопытства. Между тѣмъ какъ они разсказывали о положеніи Французовъ и Рускихъ, узналъ я, что алая повязка была отличительнымъ знакомъ муниципальныхъ чиновниковъ, что Французы перестали грабить (да и нечего, думалъ я про себя), что теперь можно быть безопаснымъ и проч. Не вѣря послѣднему, я попросилъ у нихъ напиться. Муниципальный чиновникъ приказалъ маленькому своему сынку проводить меня въ подвалъ, въ которомъ онъ жилъ, и на двери котораго было наклеено Наполеоново приглашеніе жителей въ Москву. Мы постучались, и намъ отперли дверь. Мальчикъ сказалъ, что его тятенька приказалъ мнѣ дать напиться, и женщина, подавая мнѣ воды, очень недовѣрчиво спрашивала у моего проводника: ужъ не Французъ ли это? Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ я; напившись поблагодарилъ за одолженіе и пошелъ далѣе. Подходя къ церкви Андреяна и Наталіи, обрадовался колокольному звону, думая, что конечно тутъ уже позволено и отправленіе Божественной службы. Но какую ненависть почувствовалъ я къ подлымъ злодѣямъ, когда увидѣлъ, что въ церкви, осквернённой поруганіемъ святыни, стояли лошади, а на колокольнѣ звонили два Француза для пріятной забавы. Перешедши черезъ монастырь*), я столько былъ пораженъ позорищемъ ужаснѣйшаго опустошенія, что, не находя даже признаковъ многихъ знакомыхъ домовъ, я почти не вѣрилъ глазамъ моимъ. Но мало по малу я дошелъ уже до Кузнецкаго моста и едва поднялся на лѣстницу, какъ вдругъ попадается мнѣ на встрѣчу одинъ молодой, родившійся въ Россіи, Французъ, котораго нѣкогда училъ я Руской грамматикѣ. Странной мой нарядъ удивилъ его, и онъ, остановившись со мною, спрашивалъ: какимъ образомъ очутился я въ Москвѣ? Какъ видишь, отвѣчалъ я ему; только не болѣе какъ на два дни. Онъ схватилъ меня крѣпко за руку и съ наполненными слезъ глазами торопился сказать мнѣ: бѣги, бѣги отсюда; ты увидишь одну мерзость и злодѣйства! Потомъ, не дожидаясь отвѣта, самъ

*) Въ Москвѣ и до сихъ поръ монастыремъ называется пространство вокругъ церкви. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

побѣжалъ въ сторону, а я пошелъ куда мнѣ надобно. Чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ я на Моховую въ домъ Нарышкина, гдѣ прежде жилъ мой благодѣтель и гдѣ были оставлены нѣкоторые изъ его людей. Нечаянный мой приходъ удивилъ ихъ какъ нельзя болѣе, и они почти плакали отъ радости. Я имъ отдалъ горсти съ три сухарей, которые на случай захватилъ съ собою и за которые они меня столько благодарили, что въ нынѣшнее время и за цѣлое годовое содержаніе такой благодарности не услышишь. Между прочимъ узналъ я здѣсь, что мои родители живы и находятся въ домѣ какого-то родственника. Не медля ни мало, я пошелъ туда, гдѣ надѣялся ихъ найти, и моя надежда исполнилась. Я не буду говорить о томъ, что происходило при столь неожиданномъ нашемъ свиданіи. Родители, имѣющіе дѣтей, и дѣти, любящіе своихъ родителей, лучше могутъ сами это чувствовать, нежели слѣдовать воображеніемъ за разсказами повѣствованія. Такимъ образомъ я остался въ Москвѣ.

Такъ какъ опустошеніе и бѣдность прежде всего представлялись глазамъ моимъ: то я и разспрашивалъ напередъ о томъ, какъ горѣла Москва и какъ поступали Французы. Они въѣзжали довольно смирно (такъ мнѣ разсказывали) и не подавали даже вида къ грабительству, чему доказательствомъ можетъ служить то, что многіе изъ конныхъ, проѣзжая мимо Тверскихъ воротъ, просили хлѣба, подавая деньги. Но, окончивши свой торжественный въѣздъ въ Кремль, они перестали казаться дружелюбными, бросились, ни мало не медля, по домамъ на добычу, и съ этой минуты начались грабежи, неистовства, убійства и, спустя нѣкоторое время, пожаръ. Всѣ сіи ужасныя дѣйствія, соединившись вмѣстѣ, превосходятъ всякое вѣроятіе. Представьте себѣ, что во время разлившагося повсюду, пламени, въ нѣсколько часовъ истребившаго великолѣпіе столицы, вы видите отчаяніе гражданъ, лишенныхъ всякой помощи, свирѣпость злодѣевъ, презиравшихъ все священное; слышите пронзительный вопль дѣтей, отторгнутыхъ отъ грудей матернихъ, матерей, рыдающихъ о потерѣ дѣтей своихъ; супруговъ, разлученныхъ насиліемъ неистовыхъ чудовищъ, не взирающихъ ни на возрастъ, ни на состояніе; чудовищъ, которые, лишая послѣдняго и драгоцѣннѣйшаго сокровища, вмѣстѣ даютъ знать, что и самая жизнь, которая для васъ тягостна, есть даръ ихъ великодушія. Прибавьте еще къ тому, что на каждомъ шагу встрѣчаютъ васъ тысячи различныхъ смертей, отъ которыхъ, если вамъ и удалось избѣгнуть, то при всемъ томъ вы не только не можете ручаться за жизнь вашу, но даже надѣяться пережить нѣсколько часовъ, угрожающихъ вамъ новыми бѣдствіями. Конечно ни современные народы, ни отдаленное потомство не повѣрило бы событію сихъ неимовѣрныхъ злодѣяній, если бы глу-

Библиотека "Руниверс"

бокіе слѣды оныхъ не были ясно напечатлены во всѣхъ мѣстахъ, посѣщенныхъ гражданами націи, по мнѣнію врага міра и человѣчества, великой.

Впрочемъ, чтобы яснѣе представить себѣ высочайшую степень страха, въ какомъ находились Московскіе жители, стоитъ только замѣтить, что даже самыя женщины, которыя прежде, можетъ быть, не могли равнодушно смотрѣть на печальные обряды погребенія, скрывались отъ поруганій и неистовства злодѣевъ между полуобнаженными трупами, валявшимися по открытымъ мѣстамъ, для того только, чтобы провесть нѣсколько часовъ, а иногда и ночей какъ бы въ безопасности. Между прочимъ мнѣ разсказывали о двухъ произшествіяхъ, достойныхъ вниманія, изъ которыхъ одно служитъ доказательствомъ хитрости оправдывающихся въ зажигательствѣ Французовъ, а другое, геройской неустрашимости, свойственной Рускимъ, презирающимъ смерть для добродѣтели. Послѣ того, какъ большая часть Москвы была уже истреблена, вздумало Французское начальство отыскивать виновныхъ въ зажигательствѣ, и вѣроятно, схвативши первыхъ, кто попался, осудило на смерть. Не могу опредѣлить числа, въ которое была исполнена жестокая казнь, но очевидцы разсказывали, что она произошла слѣдующимъ образомъ. Подъ карауломъ одной роты солдатъ, обвиненные, въ числѣ осьмнадцати человѣкъ, были приведены на дворъ г. Кожина, что̀ не далеко отъ дому главнокомандующаго *). Поставивши ихъ на ровное мѣсто, Французы отошли на нѣсколько шаговъ, зарядили ружья и ждали повелѣнія. Блѣдность обвиненныхъ показывала ихъ жалостное состояніе. Въ безмолвномъ отчаяніи они обращали взоры свои на ближайшую Козьмы и Деміана церковь и, молясь со слезами предъ образомъ Спасителя, рѣшительно дожидались послѣдней минуты. Наконецъ приговоръ свершенъ, и обвиненныхъ не стало: но когда еще многіе изъ нихъ боролись со смертію, привели на казнь одного молодаго человѣка, коего отчаяніе, вопль и слезы обращали на себя вниманіе даже самыхъ исполнителей оной. Заклиная всѣмъ, что̀ есть свято, свою невинность, онъ падалъ къ ногамъ офицера, умолялъ его пощадить жизнь хотя для нещастнаго семейства, хотѣлъ увѣрить, что онъ обвиненъ несправедливо. Но что̀ значатъ жалобы предъ людьми, жаждущими крови невинныхъ? Съ лютостью отвлекли его отъ колѣнъ офицера на мѣсто казни, и приговоръ исполненъ.—Другое произшествіе, еще болѣе трогательное своею рѣшимостью, заставило меня удивляться героической добродѣтели. Двѣ дочери одного почтеннаго гражданина,

*) Въ Столешниковомъ переулкѣ до недавняго времени одинъ большой домъ, почти рядомъ съ церковью св. Козьмы и Демьяна, принадлежалъ г-ну Кожину. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

будучи преслѣдуемы злодѣями, бѣжали отъ нихъ къ берегу Москвы-рѣки и, не видя себѣ ни откуда спасенія, бросились одна за другою въ глубину, и смертію своею сберегли честь и невинность. Вотъ примѣръ самоубійства, достойный подражанія!

На другой день, вставши по утру въ восемь часовъ, я пошелъ посмотрѣть на любимыя мѣста Москвы и, проходя по многимъ улицамъ, примѣтилъ необыкновенную пустоту и малолюдство, такъ что въ цѣлое утро не удалось мнѣ встрѣтиться ни съ однимъ изъ Русскихъ, и кромѣ оборванныхъ Поляковъ, украшенныхъ лошадиными хвостами гвардейцевъ или прохаживающихся на часахъ караульныхъ, я никого болѣе не видалъ. При такой пустотѣ, показывавшей чрезвычайную противоположность прежнему состоянію многолюдной и мирной Москвы, я чувствовалъ что-то необыкновенное и вмѣстѣ новое. Это менѣе нежели страхъ, и болѣе нежели состраданіе. Чтобы почувствовать это въ полной силѣ, то представьте себѣ, что вы находитесь въ лучшемъ городѣ вашего отечества, занятомъ врагами онаго, гдѣ пространныя улицы, вмѣщавшія въ себѣ нѣкогда множество народа, пусты и обезображены, гдѣ великолѣпныя зданія истреблены и разрушены, гдѣ мрачная унылость и нищета замѣнили мѣсто веселій и довольства, гдѣ на каждомъ шагу вы видите однихъ вооруженныхъ непріятелей, повсюду съ вами встрѣчающихся, между тѣмъ, какъ соотечественники ваши повержены въ самое презрѣнное состояніе рабства. Скажите, не почувствуетъ ли и ваше сердце нѣкоторой тяжкой горести, нераздучной съ невозвратимою потерею прошедшаго? Проведя такимъ образомъ цѣлое утро на Московскихъ улицахъ, я замѣтилъ между прочимъ, что Французы были въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. Конные укладывали свой багажъ и ограбленныя вещи; пѣшіе торопились продать все, что было потяжелѣе. Многіе говорили о сраженіи, другіе о скоромъ выходѣ, и однимъ словомъ все показывало смятеніе и безпорядокъ. Пришедши на свой ночлегъ, я засталъ у себя одного Поляка, продававшаго за рубль серебромъ порядочные Французскіе часы, которыхъ никто у него не покупалъ, не столько потому, чтобы нуждались въ деньгахъ, сколько изъ боязни заплатить оныя понапрасну; ибо честные эти продавцы, взявши за вещь что должно, рѣдко отдавали ее настоящему хозяину, или безъ всякаго стыда отнимали оную снова. Между прочимъ этотъ Полякъ говорилъ, что завтра имъ назначенъ походъ, и чтобы всѣ Рускіе послѣ ихъ выхода не оставались въ Москвѣ ни минуты: Кремль и все взлетитъ на воздухъ, что онъ изъяснялъ собственнымъ междометіемъ: фуу! При сихъ словахъ сердце у всѣхъ замерло, хотя слухъ о томъ, что въ Кремлѣ дѣлаются подкопы и что Москва будетъ совершенно истреблена, уже давно носился въ народѣ. Состояніе, въ какомъ нахо-

Библиотека "Руниверс"

дились Рускіе въ тогдашнее время, было достойно состраданія всякаго соотечественника. Оное почти невозможно вообразить, особливо тому, кто знаетъ о поступкахъ Французовъ по однимъ разсказамъ, не смотря на то, что теперь всякой почти объ ономъ разсуждаетъ по самымъ вѣрнымъ умозаключеніямъ. Вообще стоитъ замѣтить, что со времени занятія столицы непріятелемъ, жители всѣхъ состояній вообще, силою варварскихъ поступковъ, принуждены были отказаться отъ свободы дѣйствовать и повержены въ низкую неволю самаго постыднаго рабства. Первые дни, когда продолжалось грабительство, ясно доказали, чего должно всякому ожидать при малѣйшемъ сопротивленіи, не только приказамъ начальниковъ, но даже своевольству и насиліямъ каждаго солдата. Ограниченные такимъ повиновеніемъ, въ бездѣйствіи свободы, они не имѣли и не могли имѣть въ продолженіи цѣлаго мѣсяца никакихъ свѣдѣній объ успѣхахъ оружія и близкой перемѣны своей участи; между тѣмъ какъ бѣдность и голодъ, ежедневно увеличиваясь, приводили ихъ въ отчаяніе. Чтожъ касается до Французовъ, то, для поддержанія своего самолюбія, они безпрестанно разсѣявали слухи, что Владимиръ взятъ, что Петербургъ въ осадѣ, что имъ назначено зимовать въ Москвѣ, что ихъ войско получило подкрѣпленіе, что Русскіе просятъ мира и проч. При тогдашнихъ обстоятельствахъ немного находилось прозорливыхъ умовъ, которые бы видѣли въ сихъ разсказахъ одну ложь и безстыдство. Для бо̀льшаго же подтвержденія такихъ слуховъ, каждый день въѣзжали въ Москву какъ бы новые полки конницы, и подходила пѣхота съ тріумфальною пышностію побѣдителей, хотя послѣ я узналъ, что это былъ одинъ только обманъ для простаго народа, и что нѣсколько полковъ, выѣхавши смиренно въ одну заставу, объѣзжали полемъ къ другой и старались казаться прибывшими на помощь. Самые Французскіе чиновники, умѣвшіе говорить по руски, также разглашали о прибытіи на помощь свѣжаго войска, чему удалось мнѣ видѣть доказательство. Послѣ полудня пошелъ я на Рожественку къ одному изъ моихъ знакомыхъ, и вдругъ на дорогѣ встрѣчаюсь съ однимъ Фра̀нцузскимъ коммисаромъ, съ бѣлою на рукѣ повязкою, означавшею его должность. Онъ былъ прежде старшимъ надзирателемъ въ пенсіонѣ Год-Фруа, гдѣ я съ нимъ познакомился. Едва узнавши меня въ крестьянскомъ платьѣ, какъ сказалъ: это ты М? Какимъ образомъ? Я разсказалъ ему о своемъ намѣреніи и потомъ спросилъ: скажи пожалуй, отчего Французы такъ торопятся выходить?—Отъ того, что на мѣсто ихъ вступитъ сюда вспомогательный пятидесяти-тысячный корпусъ.—Откуда же это?—Изъ Владимира.—Я улыбнулся надъ хвастовствомъ и подумалъ: коли такъ, то это столько же вѣрно, какъ и присылка легіоновъ изъ Вологды. Сказавши еще слова два съ новопожало-

Библиотека "Руниверс"

ваннымъ чиновникомъ, я пошелъ далѣе, и дорогою, сколько можно было, думалъ объ жалкой участи тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые необходимо принуждены были принять на себя какія нибудь должности по приказанію Французскаго начальства. Большая часть таковыхъ были отцы семейства, не имѣвшіе средствъ или случая выѣхать изъ Москвы, или молодые люди оставшіеся при своихъ родителяхъ, которыхъ не могли вывезти. Тѣ и другіе по моему мнѣнію имѣли очень много причинъ не упускать перваго средства, могущаго доставить имъ и семействамъ личную безопасность. Сверхъ того, кромѣ принужденія, которому нельзя было противиться, продолжительный голодъ, каковой обѣщало зимованіе Французовъ въ Москвѣ и который уже начиналъ свирѣпствовать, неизвѣстность о собственной участи, опасность быть употреблену въ тяжкія работы и подъ ноши, или быть ограблену до послѣдней нитки, сохраненіе семейства: все сіе кого бы не принудило не только принять на себя какой-либо чинъ по непремѣнному приказанію, но даже искать онаго для спасенія жизни? Надобно еще припомнить, что всѣ, даже знатныя особы и чиновники, были всегда на ряду съ другими, мертвыми орудіями повелѣвающей власти, и претерпѣвали равную или жесточайшую участь съ своими рабами. Въ размышленіяхъ, прерываемыхъ каждымъ нечаяннымъ шумомъ, я пришелъ наконецъ въ домъ моего знакомаго и, увидившись съ его семействомъ, для котораго мой приходъ показался удивительнымъ, я разговаривалъ съ ними о ихъ состояніи и о томъ, что вмѣстѣ съ другими потерпѣли и они во время грабежа и пожаровъ. Справедливые разсказы снова представили гнусность поступковъ, которыми отличили себя Французы отъ всѣхъ менѣе просвѣщенныхъ народовъ. Впрочемъ всѣ люди, жившіе въ это время въ домѣ моего знакомаго, съ признательностью отзывались о скромности начальниковъ, остановившихся у него постоемъ; ибо они не только многихъ спасали отъ смерти, но даже безо всякой пощады приказывали разстрѣливать подлыхъ грабителей, и вообще старались, сколько возможно, облегчать участь претерпѣвавшихъ голодъ; также уменьшали ихъ страхъ ласковымъ обращеніемъ и доставляли возможную безопасность. Мнѣ разсказывали между прочимъ, что трое Французовъ пришли грабить въ сосѣдній домъ, принадлежащій одному доктору. Хозяинъ испугался, побѣжалъ извѣстить о семъ моего знакомаго; онъ сказалъ о насиліи капитану, и этотъ добрый (что можетъ почесться чудомъ) Французъ, схвативъ саблю, бросился на помощь, и хозяинъ дома въ этотъ разъ ничего не лишился. Поговоривши еще кой о чемъ, я пошелъ домой, обѣщаясь на другой день поутру притти снова.

На улицахъ очень мало видѣлъ я Французовъ. Ужасная тишина

Библиотека "Руниверс"

распростерлась повсюду. Подходя къ Тверской улицѣ, услышалъ я вдали огромный музыкальный маршъ и бой барабановъ; останавливаюсь— и вижу приближающійся, богато снаряженный, конный полкъ. Это былъ одинъ изъ пришедшихъ на помощь или, лучше сказать, искавшій помощи, потому что очень скоро проѣхалъ за Кремлевскія стѣны. Радостные звуки марша—и унылые города, бой литавръ, повторяемый эхомъ между стѣнами обгорѣвшихъ зданій—и повсюду царствующая тишина, придавали сему зрѣлищу разительную живость. Проходя по Леонтьевскому переулку, увидѣлъ я на столбѣ прибитый листокъ. Подхожу ближе, читаю, и что̀же бы вы думали это было? Афишка, чрезъ которую извѣщаются, что въ Москвѣ, въ бывшемъ домѣ Позднякова, даютъ такую-то оперу и такую-то комедію. Вотъ доказательство Французскаго тщеславія, думалъ я, и хотѣлъ было сорвать это объявленіе, но мнѣ помѣшали. Пришедши домой, хотѣлъ я отдохнуть отъ чрезмѣрной усталости; но только что засвѣтили огонь, какъ вдругъ во всемъ домѣ дѣлается необыкновенная тревога. Постояльцы бросились осѣдлывать лошадей и торопливо собирали все, что̀ можно было захватить съ собою. Я вышелъ изъ покоевъ и спросилъ одного Баварца, что̀ это значитъ?—Намъ походъ, отвѣчалъ онъ.—Когда же?—Можетъ быть въ сію полночь. Не желая разсердить его, я не спрашивалъ далѣе о причинѣ внезапнаго отъѣзда. Но когда чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ къ намъ одинъ Полякъ засвѣтить погашенную свѣчку, то я не утерпѣлъ не полюбопытствовать, и узналъ, что они (по его словамъ) были въ осадѣ; что имъ хуже, нежели Рускимъ, и что сейчасъ едва самаго его не застрѣлили. Какимъ это образомъ? Теперь отдано приказаніе, что ежели кто не отзовется на второй окликъ часоваго, то по тому стрѣлять. Но мнѣ некогда, сказалъ онъ, и ушелъ. Такимъ образомъ всю эту безпокойную ночь не удалось мнѣ уснуть ни получаса, потому что безпрестанный шумъ и неосторожное употребленіе огня ежеминутно заставляли бояться пожара: такъ до сна ли тутъ? На другой день, 7-го числа, какъ скоро разсвѣло, пошелъ я въ Увиверситетъ, и былъ здѣсь у одного чиновника, оставленнаго для присмотру; также видѣлъ еще двоихъ знакомыхъ, которые имѣли несчастіе терпѣть всеобщую участь. Зашедши на Моховую въ домъ Нарышкина, взялъ я изъ разломанной кладовой портретъ моего благодѣтеля, который и доставилъ ему въ увѣреніе, что былъ точно въ Москвѣ. Хотя усталость моя перемѣнилась почти въ болѣзнь, но чтобы сдержать свое слово, я пошелъ на Рожественку и, проходя мимо Моховой и Охотнаго ряду, видѣлъ множество обозовъ, выѣзжавшихъ на Калужскую дорогу, которые до того стѣснили другъ друга, что, начиная отъ Каменнаго*) до Кузнец-

*) Гдѣ именно былъ черезъ Неглинную Каменный мостъ, не знаемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

каго мосту, почти невозможно было перейти черезъ улицу. Не желая попасться въ руки Французовъ, употреблявшихъ Русскихъ вмѣсто проводниковъ, я старался идти пожарищами и глухими переулками. На дворѣ у моего знакомаго я увидѣлъ тоже дѣйствіе. Элиты Итальянскаго вице-короля не уступали другимъ въ поспѣшности, и когда трубачъ возвѣстилъ о походѣ, то всѣ почти, а особливо солдаты, не медля, оставили домъ, чему скоро послѣдовали и ихъ начальники. Впрочемъ я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ два капитана приходили проститься съ семействомъ моего знакомаго и благодарили съ чувствительностью за гостепріимство и ласки. Отсюда пошелъ я въ Банковую Контору*) и по дорогѣ заглянулъ въ церковь Архидіакона Евпла, въ которой тогда отправлялась служба. Стеченіе народа было невѣроятное, и кажется, что многіе давно такъ усердно не маливались, какъ въ тогдашнее время. Каждый день, какъ узналъ я послѣ, бывало множество причастниковъ, и всѣ Русскіе исповѣдывались, какъ бы ежеминутно ожидая смерти. Вотъ новое доказательство состоянія оставшихся въ Москвѣ гражданъ! Черезъ часъ я возвратился домой и сравнивалъ состояніе Москвы, всѣми оставляемой, съ тѣмъ, въ какомъ находилась она 2-го Сентября предъ занятіемъ Французами. Между тѣмъ и другимъ было очень много общаго, съ тою только разницею, что теперь жители томились гораздо большею неизвѣстностію своей участи: ужасное безмолвіе, предвѣщавшее новую гибель, распространилось повсюду; начальники выѣхали, и остались нѣкоторые только солдаты для уборки обозовъ, столь ненадежные, что безпрестанно можно было ожидать грабежей и убійства, что̀ послѣ и исполнилось. Я хотѣлъ было этотъ день переночевать въ Москвѣ, но вдругъ, въ два часа по полудни, раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Я выскочилъ на улицу, и густое облако, болѣе и болѣе увеличивающееся, показывало, что это былъ пороховой взрывъ какого-нибудь зданія. Любопытство заставило меня взойти на довольно высокую колокольню церкви Николы въ Гнѣздникахъ, и я увидѣлъ быстро распространяющійся пожаръ, не далеко отъ Краснаго Села. Это былъ взорванъ и зажженъ полевой дворъ. Не прошло четверти часа, какъ во многихъ мѣстахъ закричали: грабятъ, бьютъ, Gewalt, и я уже не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать. Остаться долѣе было бы тоже, что̀ искать своей смерти или желать вѣчной гибели, тѣмъ болѣе, что Французы, съ коими я говорилъ по нѣмецки или по французски, легко могли меня взять себѣ въ проводники или почесть за шпіона.

*) Рядомъ съ Почтамтомъ, гдѣ теперь стоитъ многоэтажный домъ, принадлежащій Строгоновскому Училищу рисованія. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

И такъ я рѣшился, ни мало не медля, уйти изъ Москвы. Простился съ родными, взялъ портретъ и пошелъ на Троицкую заставу. На дорогѣ попался мнѣ одинъ попутчикъ, съ коимъ мы дошли уже до конца Крестовской улицы и почитали себя въ безопасности. Не успѣли мы подойти къ валу, какъ двое Французовъ, выскочивъ изъ караульни, схватили меня и моего товарища и приказывали провожать ихъ на Калужскую дорогу. Мы отговариваемся, что сами не знаемъ, какъ туда пройти, но намъ не вѣрятъ. Наконецъ, къ счастію, дѣло кончилось тѣмъ, что, обобравши у моего попутчика серебреныя деньги и обшаривъ меня, они пошли на встрѣчу другимъ Рускимъ, которыхъ вѣрно хотѣли захватить на мѣсто насъ. Сколь усталость моя была ни велика, но, избавившись отъ столь близкой бѣды, я пошелъ такъ скоро, что товарищъ мой нѣсколько разъ просилъ меня остановиться и подождать его. Подъ вечеръ взошла луна, и мы шли уже шагъ за шагомъ. Пикетовъ на дорогѣ не было, и я ничего особеннаго не встрѣчалъ, кромѣ сгорѣвшихъ деревень и полей, совершенно опустошенныхъ. Часу въ восьмомъ мы подошли къ Малымъ Мытищамъ, какъ вдругъ видимъ, что къ намъ подъѣзжаетъ одинъ, двое и наконецъ, цѣлый отрядъ козаковъ, коихъ старшой, очень вѣжливо, спрашивалъ: давно ли мы изъ Москвы? есть ли на дорогѣ Французы? и что тамъ дѣлается? Мы отвѣчали, что изъ Москвы вышли недавно, что не только на дорогѣ, но даже и у заставы теперь уже нѣтъ Французовъ, потому что они всѣ опрометью выѣзжаютъ. Поблагодаря насъ за извѣстіе, козаки поѣхали къ Москвѣ, съ намѣреніемъ, если можно, ворваться въ оную.

Дошедши до слѣдующей деревеньки, я разстался съ моимъ попутчикомъ; ибо слабость моя принуждала меня искать ночлега. Увидавши въ двухъ избахъ огонь, я постучался у одной изъ нихъ, и крестьянинъ, высунувшись изъ окошка, говорилъ, что у него очень тѣсно. Не смотря на это, я вошелъ въ избу, и подлинно, почти негдѣ было ступить. Вдругъ слышу, что въ одномъ углу называютъ меня по имени. Это были прежніе мои попутчики, съ коими я пришелъ въ Москву. Избѣгая чрезмѣрной тѣсноты, я уговорилъ ихъ ночевать вмѣстѣ со мною гдѣ нибудь на дворѣ. Тогда было уже довольно холодно, и я до того передрогъ въ сараѣ, что, по неволѣ проснувшись, рѣшился лучше идти до Пушкина. Попутчики мои на это согласились, и подъ утро я пришелъ съ ними на прежній мой ночлегъ. Крестьянинъ, у котораго я оставилъ платье и деньги, услыхавши мое имя, тотчасъ отперъ вороты и опросталъ мнѣ лавку для отдыха, въ которомъ я имѣлъ великую нужду. Переночевавши такимъ образомъ, на другой

Библиотека "Руниверс"

день я пошелъ до первой козачьей станціи и здѣсь, уговоривши козака взять меня съ собою, часу въ одиннадцатомъ ночи отправился я въ Ярославль. Не смотря на дурную дорогу, мы туда пріѣхали черезъ сутки, и я засталъ здѣсь моего благодѣтеля и увидался съ другомъ. Скорое мое возвращеніе многихъ удивило, и если бы не привезенный мною портретъ говорилъ за меня, то едва ли бы повѣрили, что я точно былъ въ Москвѣ. Другъ отъ друга, наконецъ, многіе узнали о моемъ возвращеніи изъ опаснаго путешествія и такъ, что я удивился и не зналъ, что̀ подумать, когда прислала за мною ея сіятельство графиня Р.[1]), у которой я и былъ вмѣстѣ съ моимъ благодѣтелемъ[2]). Благосклонное сей особы вниманіе, также и довѣренность нѣкотораго препорученія, съ точностію мною исполненнаго, пребудутъ для меня навсегда незабвенны.

Спустя день, мы отправились въ деревню, гдѣ находилось семейство моего благодѣтеля. Здѣсь, также не безъ особенностей, многіе отъ чистаго сердца радовались моему возвращенію, другіе называли смѣльчакомъ; а тѣ, коимъ угодно было при отправленіи моемъ записать меня во Французскіе рекруты, досадовали на свою ошибку. Но мнѣ не было нужды ни до ихъ усердія, ни до ихъ недоброхотства. Пускай всякой судитъ о моемъ поступкѣ по своему желанію: я исполнилъ священный долгъ сыновней обязанности и съ удовольствіемъ взираю на прошедшее.

---

[1]) Графиня Екатерина Петровна Растопчина, супруга графа Ѳедора Васильевича, находившагося во Владимирѣ, откуда письма его къ ней напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1901, III, (8) 461—507. Туда же переѣхала изъ Твери великая княгиня Екатерина Павловна со своимъ супругомъ и дворомъ. П. Б.

[2]) С. А. Масловъ, посѣтившій Москву почти наканунѣ ея оставленія непріятелемъ, подобно графу Ростопчину, опасался бѣдствій грабежа. Свидѣтели могли сообщить ему, переданное имъ мнѣ, что чернь волочила Верещагина съ Лубянки, со двора Ростопчинскаго дома до Брюсовскаго переулка (близъ Тверской), гдѣ и добила его до смерти. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

О. М. БОДЯНСКІЙ-СТИХОТВОРЕЦЪ.

Можно ли было думать, что вѣрный слуга строгой Музы Кліо заигрывалъ и съ Полигимніей? Въ числѣ находящихся у меня бумагъ О. М. Бодянскаго оказалось нѣсколько черновыхъ его стихотвореній. Печатаемъ два изъ нихъ. Первое сочинено по поводу Восточной войны, а второе написано подъ впечатлѣніемъ случившейся съ нимъ прискорбной исторіи, по случаю напечатаннаго имъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и древностей“ сочиненія Флетчера „О государствѣ Русскомъ“ [1]). Въ числѣ враговъ своихъ, участвовавшихъ будто въ удаленіи его изъ профессоровъ Московскаго университета, Бодянскій заподозрилъ и М. П. Погодина [2]).

Андрей Титовъ.

I.

Погодину.

Историкъ сволочи Варяжской,
Всю жизнь спустившій для неё,
Фанатикъ доблести Славянской,
Ты видишь и въ чужомъ свое.
Археологъ Дѣвичья поля,
Купчина, книжникъ Моховой,
Не спятилъ ты съ ума отъ горя,
Во всемъ дѣтина разбитной.
Ты академъ безъ академьи,
И заслуженный безъ заслугъ,
Воскресъ въ Московской энидемьи [3]),
Министра-негодяя другъ.

---

[1]) О государствѣ Русскомъ. Соч. Флетчера изд. Суворина съ моимъ предисловіемъ: „Къ исторіи перваго перевода Флетчера“. А. Т.

[2]) Когда Погодинъ скончался (1875), Бодянскій произнесъ въ засѣданіи того же Общества и напечаталъ въ Чтеніяхъ цѣлую покаянную рѣчь въ память его. Точно также и С. М. Соловьевъ убѣдился въ томъ, что Погодинъ не былъ ему врагомъ, но Соловьевъ только говорилъ о томъ, а не заявлялъ гласно и въ печати. П. Б.

[3]) М. П. Погодинъ въ 1830 и 1831 годахъ завѣдывалъ правительственными листками, извѣщавшими о холерѣ въ Москвѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Кулакъ на поприщѣ житейскомъ,
Въ литературѣ тожъ кулакъ,
Булгаринъ въ мірѣ полицейскомъ,
А въ историческомъ пошлякъ.
Скажи, когда и кто разстался
Съ тобой безъ клятвы на тебя?
Кому въ глаза не насмѣялся,
Любя и холя лишь себя?
Сперва ты мелкимъ бѣсомъ вьешься
И весь отъ радости въ слезахъ,
Потомъ въ довѣріе вотрешься,
А подъ конецъ всѣ въ дуракахъ.

1849 г. Марта 31.

II.

На войну 1854 года.

Итакъ сомнѣніе прошло,
Сосѣдки наши объяснились.
Ихъ помѣшательство нашло
Исходъ, и сватьюшки явились
Безъ притираній и бѣлилъ,
Во всей красѣ своей природной,
Какъ ихъ Господь Богъ сотворилъ.
Въ сознаньи гордости народной
Отсель своимъ путемъ пойдутъ.

*

Ну что-жъ? Не вѣкъ же быть имъ съ няней?
Далеко ль на своихъ уйдутъ,
Иной вопросъ. Мы знаемъ: съ Ваней
Ѣзда—бѣда, а все везетъ,
А все плетется потихоньку;
Глядишь, подчасъ и довезетъ,
Хотя измучивши клячонку.
Такъ въ путь-дороженьку смѣлѣй!
Авось, не спитъ и ваша доля;
Никто себѣ не лиходѣй,
И намъ всего милѣе воля.

Библиотека "Руниверс"

Но, сватьюшки, чуръ промышлять
Своимъ умомъ во чистомъ полѣ
И силу вражью отбивать
Своею силушкой, и болѣ
Не вопіять: „Спаси, Русакъ!
Опять мы гибнемъ, мы пропали!“
Нѣтъ, кумушки, а быть ужъ такъ,
Какъ сами вы себѣ избрали!

*

Мы крѣпко испытали васъ,
Не разъ спасали вашу шкуру,
И полно вамъ дурачить насъ,
Пора и намъ проснуться сдуру.
Пора и о себѣ радѣть,
Долой опеку надъ чужими,
Пора, какъ вы, свое глядѣть,
Заняться братьями родными.

*

Безъ васъ вольнѣе будетъ намъ,
Живѣе шагъ, живѣе руки,
Летимъ къ своимъ мы племенамъ,
Спасемъ мы ихъ отъ вашей муки.
Тогда посмотримъ, гдѣ-то вы,
Гдѣ доблести, хвалѐна сила,
Что̀ такъ на крыліяхъ молвы
О васъ Европа разносила?

*

И устоитъ ли вашъ союзъ,
Какъ Чехи, Сербы и Хорваты
Заищутъ нашихъ братскихъ узъ,
И противъ васъ надѣнутъ латы?
Какъ, ставши на Карпатъ ногой,
Другой опремся на Балканы.
Ну, выходите же на бой,
Прусакъ, Французъ и Англичане.

8-го Марта 1854 г. Москва, Понедѣльникъ.

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТИ В. Л. КИГНА.

(В. Дѣдлова.)

4-го Іюня сего года, въ Рогачевѣ, „въ гражданскомъ клубѣ, акцизный контролеръ Клятецкій, защищаясь, убилъ изъ револьвера дворянина Владимира Кигна, писавшаго подъ псевдонимомъ Дѣдловъ“. Холодная, какъ мраморъ, телеграмма и прямо-таки недостойная Владимира Людвиговича смерть... Вѣдь онъ вовсе не былъ изъ числа тѣхъ Русскихъ людей, которыми, по Тургеневскому выраженію, вдругъ словно бѣсъ какой овладѣваетъ. Мнѣ казалось, что смерть скоситъ жизнь „Дѣдлова“ гдѣ-нибудь далеко отъ родины, на пароходѣ или въ вагонѣ, потому что въ жилахъ его текла кровь не Польско-нѣмецкаго дворянина, а номада, котораго влекли къ себѣ и Востокъ, и Западъ, и родные углы.

Я познакомился съ покойнымъ Владимиромъ Людвиговичемъ чрезъ П. Е. Накрохина, тоже покойнаго секретаря Гайдебуровской „Недѣли“, столько-же даровитаго, сколько и скромнаго писателя: онъ не развернулся во-всю, остался въ тѣни, и теперь забытъ*). Это было на закатѣ 90-хъ годовъ, когда Кигнъ-Дѣдловъ уже установился какъ писатель. Вслѣдствіе того, что онъ сотрудничалъ преимущественно въ „Недѣлѣ“, а она и въ особенности „Книжки“ ея считались въ провинціи лакомымъ (духовнымъ) блюдомъ,—„В. Дѣдловъ“ пріобрѣлъ достаточную извѣстность среди просвѣщенной публики. Впрочемъ, извѣстность Кигна-Дѣдлова никогда не захватывала такихъ широкихъ рамъ, какія мастерились капризною судьбою и пріятельскою критикою для писателей съ гораздо-меньшимъ умственнымъ и духовнымъ багажомъ.

Онъ выступилъ на литературномъ поприщѣ въ 1876 г., т. е., 20-ти лѣтъ отъ роду и, проработавъ четверть вѣка въ видныхъ журналахъ,

---

*) Чуть-ли не одинъ В. П. Буренинъ сказалъ вѣское слово о сборникѣ разсказовъ П. Е. Накрохина.

Библиотека "Руниверс"

оставался до конца жизни только „современнымъ писателемъ“. Этому новеллисту-психологу, носившему запасы подчасъ очень тонкаго юмора, блестки котораго разсыпаны въ сборникѣ „Мы“ (разсказы: „Петербургскій кузенъ“ и „Негодный мальчикъ“) какъ и во многихъ „путевыхъ впечатлѣніяхъ“; этому стилисту, умному художественному критику и цѣнителю искусства; этому вдумчивому, наконецъ, публицисту-фельетонисту такъ-таки и не нашлось мѣстечка ни въ новѣйшихъ исторіяхъ „новѣйшей Русской литературы“, ни въ критическихъ обозрѣніяхъ ежемѣсячниковъ.

Причинъ тому нѣсколько; но главная причина, разумѣется, не та, что Кигнъ-Дѣдловъ „пилъ изъ небольшого стакана“. Большихъ стакановъ вообще немного, потому что не Богъ вѣсть сколько и достойныхъ пить изъ нихъ; вся суть въ томъ, что Кигнъ былъ Русскимъ писателемъ, съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ и, такъ сказать, барской брезгливостью, которая не позволяла ему бросать таланта ни на рынокъ, приспособляясь къ вкусамъ толпы, ни на литературную биржу, гдѣ часто нечистоплотными руками взвѣшивается то или это дарованіе.

Французы говорятъ: tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier... Про покойнаго Владимира Людвиговича можно сказать, что по лѣни своей онъ не пробирался въ первые ряды и ничего не дѣлалъ для того, чтобы блистать среди божковъ второго разряда. Во Франціи онъ-бы былъ на виду и, можетъ-быть, даже въ семьѣ „безсмертныхъ“, у себя-же дома слылъ лишь за „современнаго писателя“. Но что-же было ему дѣлать, если, родившись въ Россіи, въ Польско-нѣмецкой семьѣ *), онъ до такой степени пропитанъ былъ нѣжнымъ чувствомъ къ родинѣ и ея устоямъ, что принялъ православіе и понималъ либерализмъ безъ фаршированной щуки и изюмнаго вина? Это былъ національ-прогресистъ: онъ пилъ квасъ, но не прочь былъ, подобно князю П. А. Вяземскому,—

и мощно, и легко
За пирогомъ задать сѣдому году перцу
И присѣсть ко вдовушкѣ Клико.

Онъ любилъ Могилевъ, Днѣпръ и всю Бѣлоруссію, любилъ, какъ Отелло Дездемону, ревниво и страстно, но любилъ и чужія палестины, особенно тѣ, что развертывали передъ его эстетическимъ взоромъ красивыя дали. Остроумный, живой, занимательный собесѣдникъ, наблюдательный и зоркій паломникъ къ священнымъ мѣстамъ красоты, онъ

*) Не настаиваю на „польщизнѣ“ Вл. Людвиговича, родившагося въ Бѣлоруссіи.

Библиотека "Руниверс"

былъ своеобразенъ и любопытенъ, какъ человѣкъ, какъ объектъ вашего наблюденія. Мнѣ Владиміръ Людвиговичъ былъ близокъ духомъ исканья, и непосѣдливостью, и взглядомъ на.... медъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ шелъ брать медъ жизни не туда, гдѣ на глазахъ и у заурядностей роятся пчелы, а подъ сѣнью липъ темнѣютъ ульи; нѣтъ, Кигнъ бралъ медъ всюду, гдѣ-бы ни находилъ его.

Когда онъ бывалъ въ духѣ, онъ увлекательно разсказывалъ о чемъ хотите: о проведенныхъ дняхъ на Парижской выставкѣ 1889 года, которую онъ и описывалъ, о многочисленныхъ своихъ встрѣчахъ съ извѣстными современниками до покойнаго Итальянскаго короля Гумберта включительно; наконецъ о „древлемъ фракѣ“ Адріана Викторовича Прахова.

Онъ еще студентомъ сроднился съ живописью; годы пребыванія на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета протекали въ атмосферѣ, насыщенной менѣе вопросами права, чѣмъ искусства. Въ лицѣ земляка, А. В. Прахова, Кигнъ встрѣтилъ наставника-друга, который запросто приходилъ къ нему, студенту. Къ этому же времени (1876 г.) относятся первыя пробы его пера. А. В. Праховъ ввелъ молодого человѣка въ редакцію Микѣшинской „Пчелы“, а въ 1886 г. они вмѣстѣ путешествовали по Италіи, Сиріи и Египту, и теперь Владиміръ Людвиговичъ свелъ знакомство въ Римѣ съ Павломъ и Александромъ Александровичами Свѣдомскими и В. А. Котарбинскимъ, а двумя годами раньше съ Викт. Мих. Васнецовымъ—въ Москвѣ.

Москву Кигнъ любилъ, въ чемъ признавался при всякомъ удобномъ случаѣ.—„Я люблю Москву. Городъ привольный, просторно раскинувшійся по холмамъ. Всюду развертываются веселые пестрые городскіе пейзажи... Разноцвѣтныя крыши, черныя деревья садовъ, въ бѣломъ инеѣ, причудливыя церкви; живописные мосты черезъ рѣчки въ глубокихъ берегахъ; красавецъ Кремль въ бѣлыхъ кружевахъ своихъ стѣнъ, съ золотыми украшеніями изъ куполовъ и крестовъ, съ остріями башенъ. Вокругъ чистѣйшая Русская рѣчь, типичныя Русскія лица. Съ этой рѣчью и съ этими лицами я сроднился еще въ дѣтствѣ, когда учился въ Москвѣ и часто ходилъ по городу, изъ одного конца въ другой... Я тогда привыкъ къ нему... Потомъ, когда я увидѣлъ другія небеса, вечера и зори, я понялъ, что въ Москвѣ я видѣлъ и полюбилъ Русское небо, Русскія зори“. Изъ ребенка выросталъ человѣкъ съ явно-русскою душою, которая проглядываетъ и сквозь любую страницу „Варвара, Еллина, Еврея“, и въ „Панорамѣ Сибири“, среди мастерскихъ описаній края.

Библиотека "Руниверс"

Знаменитую „Богоматерь“, красу и городость Кіевскаго Владимирскаго Собора, Кигну довелось видѣть еще въ Васнецовской мастерской, и онъ одинъ изъ первыхъ и такъ вразумительно и талантливо, какъ немногіе, выяснилъ, какимъ художественнымъ перломъ владѣетъ Кіевская святыня. Въ этомъ случаѣ чуткому къ красотѣ человѣку помогъ крупный литературный талантъ. Вообще, если возьмете на себя трудъ прочитать Дѣдовскій „Кіевскій Владимирскій соборъ и его художественные творцы“, вы согласитесь, что этотъ „диллетантъ“ сказалъ на 86 небольшихъ страницахъ болѣе, чѣмъ другіе говорили въ книгахъ съ сотнями страницъ.

Литература, произведенія искусства и скитанія по бѣлу-свѣту были три его страсти. Кигнъ опредѣляется на службу въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и „томится“ четыре года (1882—86); это была сѣренькая пора въ жизни талантливаго человѣка. Оторвавшись отъ Петербурга, онъ окунулся въ самую глубину Россіи, вдохнулъ въ себя ея воздухъ на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ и представилъ картину окраинной жизни великой имперіи. Галлерея любопытнѣйшихъ портретовъ и пейзажей съ искуснымъ подборомъ тоновъ и, можетъ-быть, нѣсколько-рѣзкими, зато характерными контурами. Это—„Вокругъ Россіи“. Въ книгѣ этой В А. Кигнъ вылился весь; онъ заявилъ въ предисловіи откровенно: „Книга посвящена главнымъ образомъ нашимъ окраинамъ, на которыя я смотрю, какъ на наши окраины. Возможна и другая точка зрѣнія,—считать Россію и х н е й окраиной; но стать на нее Русскому литератору мудрено. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что Русскій литераторъ долженъ Россіи льстить. Россіи лесть не нужна, и нужна ей не лесть“.

Когда подобную ересь высказываетъ видный писатель, то надъ нимъ у насъ „ставятъ крестъ“, и онъ уже замалчивается.

Дѣдловъ былъ равнодушенъ къ лагерной критикѣ; жизнерадостная натура его искала только интересныхъ спутниковъ, съ которыми-бы не скучно было расходовать жизнь и которые-бы не вліяли дурно на настроеніе, потому что Кигнъ любилъ смѣяться, любилъ солнечный свѣтъ. Почти всѣ его произведенія блещутъ какимъ-то юнымъ задоромъ и Французской живостью. Немного у насъ такихъ бойкихъ и остроумныхъ фельетонистовъ, какимъ были „А. Б.“, „В. Дѣдловъ“ и „Единица“, подъ которыми скрывался В. Л. Кигнъ, когда онъ сотрудничалъ въ „Вѣстникѣ Европы“, „Наблюдателѣ“, „Дѣлѣ“ и „Недѣлѣ“.

Въ 1892 г. имъ написано самое крупное по размѣру и вдумчивости произведеніе—повѣсть въ 3-хъ частяхъ „Сашенька“; вещь ориги-

Библиотека "Руниверс"

нально задумана и съ художественной тщательностью написана; два изданія повѣсти говорятъ за ея успѣхъ въ публикѣ, но критика отнеслась къ ней очень и очень сдержанно. Повѣсть „Сашенька“ и теперь не разобрана какъ слѣдуетъ, все равно какъ и Дѣдловъ во всей совокупности его творчества не удостоивается вниманія со стороны молодыхъ критиковъ, часто занимающихся разборомъ просто-литературныхъ пигмеевъ; между тѣмъ, въ этой повѣсти Кигнъ коснулся такого вопроса, какъ отношеніе „дѣтей“ къ „дѣдамъ“, молодежи конца вѣка (90-хъ годовъ) къ реформаторамъ-шестидесятникамъ. Онъ представилъ не идолопоклонниковъ, бухающихъ лбами о земь передъ кумирами, а отрицателей кумировъ, такихъ, что̀ ставятъ минусъ надъ цѣлою эпохою, и какою эпохою-то! Если-же принять во вниманіе, что за обрисовку характеровъ дѣйствующихъ лицъ взялся даровитый и наблюдательный писатель, то согласимся, что этакое отрицаніе посерьезнѣе отрицанія хотя-бы искусства въ Пушкинѣ Писаревымъ; ибо Кигнъ сохранилъ чувство мѣры и тактъ серьезнаго беллериста, тогда какъ Писаревъ „перелилъ черезъ край“, даже по выраженію Скабичевскаго. Уже самая оригинальность Кигновской повѣсти имѣетъ право на бо̀льшее вниманіе, нежели новѣйшія произведенія беллетристовъ-сенсуалистовъ, по той причинѣ, что развѣ они новы? Развѣ не возвратъ это къ тѣмъ-же Писаревско-шестидесятымъ годамъ, когда волна сенсуализма разливалась широко, питаясь отъ крѣпостнической почвы?

Проведеніе Великой Сибирской желѣзной дороги сильно встряхнуло наше крестьянство, именно тѣ,—какъ выразился Евгеній Марковъ,—деревенскіе клоповники, гдѣ человѣкъ сидитъ на человѣкѣ, а уже теленку негдѣ пыли съ носу стереть. На новыя мѣста за Уралъ потянулись переселенцы, какъ станицы журавлей осенью въ благословенные края. Встрепенулся и Кигнъ: наблюдательному писателю представлялись новыя панорамы и просились подъ перо. Кигнъ поступилъ въ переселенческое управленіе (въ 1897 г.); а три года спустя на книжномъ рынкѣ уже появляется его занимательная „Панорама Сибири“, которая вмѣстѣ съ книжкою „Переселенцы и новыя мѣста“ показала плюсы и минусы сложнаго мѣханизма, свѣтъ и тѣни этого колоссальнаго процесса колонизаціи.

Проработавъ 25 лѣтъ на литературной нивѣ, В. Л. Кингъ-Дѣдловъ въ 1901 г. подвелъ итоги. „Школьныя воспоминанія“, въ которыхъ онъ провелъ параллель между Нѣмецкой и Русской школами, разсказалъ, какъ они, Кигны, „созрѣвали“ и вообще нелицепріятно коснулся отечественнаго воспитанія, „Школьныя воспоминанія“ явились какъ-бы заключительнымъ аккордомъ его творчества.

Библиотека "Руниверс"

Количественно Кигномъ оставлено въ наслѣдство намъ немного: „Лирическіе разсказы“, „Просто разсказы“, „Варваръ-Эллинъ-Еврей“ *), „Сашенька“, „Вокругъ Россіи“, „По Италіи, Египту и Палестинѣ“, „Панорама Сибири“, „Переселенцы и новыя мѣста“, „Кіевскій Владимирскій Соборъ и его художественные творцы“, „Франко-Русскія впечатлѣнія“, „Школьныя воспоминанія“. Кажется все, но писателя цѣнятъ не по количеству произведеній, а за то, какъ онъ писалъ, къ какому маяку его влекло и что было ему путеводною звѣздою. Разъ полюбивъ ребенкомъ Московское небо, онъ остался вѣренъ своей любви до конца, хотя сколько разъ тамъ-и-сямъ видалъ чудныя лазурно-бирюзовыя небеса безъ облачковъ и градовыхъ тучъ. Скитаясь по Россіи, онъ заносилъ въ записную книжку все, что представляло интересъ для общества, причемъ вещи называлъ собственными именами. Что, Бессарабія? Молдо-Валахія? вовсе нѣтъ: Молдо-Жидовія...Чернымъ по бѣлому обрисованы имъ Польша и Финляндія, и Кигнъ экспрессивно замѣчаетъ: вѣдь, онѣ наши! Зная отечественную исторію, онъ не можетъ считать ихъ не нашими, но непосредственныя наблюденія какъ-будто шепчутъ ему слова недоумѣнія и сомнѣнія. Кигнъ беззавѣтно, безъ лести, любилъ народъ, творца великой державы, язвилъ бюрократію и открыто воевалъ съ врагами родины, разселившимися на окраинахъ. Умный и честный, никому онъ не подслуживался...

Я припоминаю: Владиміръ Людвиговичъ говорилъ, что гадалка, въ Турціи или Египтѣ, взглянувъ на его руку, пророчила ему смерть на водѣ (на пароходѣ, въ вагонѣ). Не сбылось. Эстетикъ погибъ въ отвратительной атмосферѣ клуба.

6-го Іюня 1908 г.

Павелъ Россіевъ.

*) Обложка В. М. Васнецова.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА".

Въ газетѣ „Южный Край" напечатано, что въ Полтаву и на мѣсто Полтавскаго боя пріѣзжали недавно Шведскіе офицеры, и одинъ изъ нихъ, капитанъ, который говорилъ рѣчь о томъ, что Шведскій народъ помнитъ Русскаго солдата какъ доблестнаго героя. Это напоминаетъ намъ о пріѣздѣ въ Россію покойнаго Шведскаго короля (нынѣ свекра нашей великой княгини Маріи Павловны). Онъ прибылъ въ Москву 27 Іюня и, выходя изъ вагона, сказалъ лицамъ, почтившимъ его встрѣчею: „сегодня день Полтавской битвы, и мой пріѣздъ да послужитъ свидѣтельствомъ, что Швеція позабыла про тогдашнее свое несчастіе". Онъ посѣтилъ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ былъ очень привѣтливъ, стройный, черноволосый. Происхожденіе отъ Марсельскаго торговца сказывалось на умномъ лицѣ короля-стихотворца. Увѣряли, будто тогдашній Московскій оберъ-полицмейстеръ, въ своей заботливости, приказалъ, чтобы на время пребыванія Шведскаго короля, въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ не печатали объявленій ни о лошадяхъ-Шведкахъ, ни о Шведскихъ перчаткахъ.

*

Петръ Великій, князь Куракинъ и Б. П. Шереметевъ дали обѣтъ передъ роковымъ Полтавскимъ боемъ сдѣлать какое нибудь доброе дѣло, если Богъ спасетъ ихъ отъ гибели. Шереметевъ основалъ большой женскій монастырь въ своей Курской вотчинѣ. Князь Куракинъ завѣщалъ устроить богадѣльню для солдатъ своего Семеновскаго полка, и донынѣ процвѣтающую подъ вѣдѣніемъ старшаго изъ его потомковъ князя Ѳедора Алексѣевича. Петръ Великій вознамѣрился основать мужской монастырь на самомъ полѣ битвы, и указъ о томъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но приводить его въ исполненіе началъ только Императоръ Александръ Александровичъ, по докладу покойнаго К. П. Побѣдоносцева.

*

Братъ Пушкина Левъ Сергѣевичъ, на старости лѣтъ жилъ въ Одессѣ въ одно время съ Петромъ Николаевичемъ Поливановымъ. Однажды приглашалъ онъ его къ себѣ четверостишіемъ:

Будь камеръ-юнкеръ иль гусаръ ты,
Но все сегодня вечеркомъ
Не худо бы сыграть намъ въ карты
Иль самъ третей, или вдвоемъ.

На склонѣ лѣтъ Левъ Сергѣевичъ женился на молоденькой Елисаветѣ Александровнѣ Загряжской (дочери извѣстнаго нѣкогда Симбирскаго губернатора). Когда она пріѣзжала въ Москву на открытіе памятника ея деверю, намъ хотѣлось узнать отъ нея что либо Пушкинское; но она не знала поэта и не могла сообщить и слышаннаго о немъ отъ своего супруга; сказала только, что, по словамъ ея мужа, у матери его Надежды Осиповны ладони были желтыя, хотя лицомъ она и не походила на своего прадѣда Ганнибала.

Библиотека "Руниверс"

НОВЫЯ ПОДРОБНОСТИ О ПОЕДИНКѢ И КОНЧИНѢ ПУШКИНА.

Въ Москвѣ у Власія, въ одномъ изъ переулковъ, долго проживала въ своемъ домѣ дѣвица Александра Ильинична Нефедьева, близкая родственница и другъ А. И. Тургенева, который у нея и скончался и по смерти котораго (1845) письма его были пересланы въ Парижъ къ его брату, извѣстному якобы Декабристу Николаю Ивановичу. Сынъ сего послѣдняго, ваятель, Петръ Николаевичъ бережно сохранилъ его бумаги и, приведя въ порядокъ съ помощью старичка Литвина Домейки, (жившаго въ пресловутомъ Польскомъ дворцѣ князей Чарторижскихъ) не отказывалъ въ сообщеніи ихъ нашимъ изыскателямъ исторіи и словесности. Такъ въ 1902 году, принявъ кратковременное участіе въ разборѣ этихъ драгоцѣнныхъ бумагъ, получилъ я отъ П. Н. Тургенева собраніе писемъ князя Вяземскаго и передалъ ихъ издателю его сочиненій графу С. Д. Шереметеву. Недавно, Императорская Академія Наукъ получила отъ П. Н. Тургенева большое собраніе историческихъ бумагъ, и между ними письма его дяди къ А. И. Нефедьевой съ новыми подробностями о послѣднихъ дняхъ жизни и о кончинѣ А. С. Пушкина. Драгоцѣнныя, почти поденныя письма эти нынѣ изданы въ VI-мъ выпускѣ академическаго изданія: „Пушкинъ и его современники“. Тутъ мы находимъ множество новыхъ подробностей и дополненій къ извѣстному разсказу объ этихъ злосчастныхъ для Россіи дняхъ, написанному В. А. Жуковскимъ. Надо, чтобы издано было и то, что̀ Жуковскій писалъ Пушкину передъ его роковымъ поединкомъ. Сынъ Жуковскаго передалъ эти письма покойному Л. Н. Майкову, и онѣ должны храниться у вдовы его, Александры Александровны. Тайна, подобавшая тому, что̀ писано совсѣмъ не для оглашенія, до такой степени нарушена, что напечатаніе этихъ писемъ уже не произведетъ соблазна, и эти письма (нами читанныя) дополнятъ новыми чертами страшную страницу въ біографіи поэта.

Удивительный былъ человѣкъ этотъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Подобно другому холостяку Крылову, онъ кушалъ непомѣрно, и Жуковскій сочинилъ, что въ его желудкѣ помѣщались „водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква“. Обыкновенно, послѣ ѣды, продолжая бесѣду съ пріятелями, онъ засыпалъ и быстро пробуждался.

Библиотека "Руниверс"

Грузное тѣло не мѣшало ему быть дѣятельнымъ и подвижнымъ въ удовлетвореніи своей просвѣщенной любознательности и во всякаго рода непоказной благотворительности не только друзьямъ своимъ, но преимущественно людямъ судьбою такъ или иначе обдѣленнымъ. Онъ постоянно велъ свои дневники и обширную переписку со многими лицами (напр. письмами его къ князю Вяземскому наполнены цѣлыхъ четыре тома). Это былъ человѣкъ благоволенія, всепрощенія, высокаго благородства. Не даромъ Филаретъ, отказывавшійся постоянно отъ похоронъ, вызвался лично отпѣть его къ похоронамъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Князь Вяземскій говорилъ, что Тургеневъ, живучи въ Москвѣ, находился „у ногъ Свербеевой или митрополита“. Екатерина Александровна Свербеева написала Жуковскому прекрасное задушевное письмо о послѣднихъ дняхъ жизни Тургенева.

26-го Января (т. е. наканунѣ поединка) Тургеневъ видѣлъ Пушкина на балѣ у гр. Разумовской, а за день передъ тѣмъ „провелъ съ нимъ часть утра; видѣлъ его веселаго, полнаго жизни, безъ малѣйшихъ признаковъ задумчивости: „мы долго разговаривали о многомъ, и онъ шутилъ и смѣялся“; а еще дня за два „провелъ съ нимъ большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовилъ онъ для 5-й книжки своего журнала. Каждый вечеръ видѣлъ я его на балахъ спокойнаго и веселаго“. Но не спокоенъ онъ былъ передъ тѣмъ на балу у графа Уварова. Покойная графиня Н. В. Строганова говорила впослѣдствіи, что не можетъ забыть звѣрскаго выраженія въ лицѣ его и что на мѣстѣ его жены ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы возвращаться домой въ одной съ нимъ каретѣ. Графъ В. А. Сологубъ писалъ, что Пушкинъ въ припадкахъ ревности бралъ жену къ себѣ на руки и съ кинжаломъ допрашивалъ, вѣрна ли она ему. Наканунѣ поединка Пушкинъ обѣдалъ у графини Е. П. Ростопчиной, супругъ которой мнѣ разсказывалъ, что до обѣда и послѣ него Пушкинъ убѣгалъ въ умывальную комнату и мочилъ себѣ голову холодной водою: до того мучилъ его жаръ въ головѣ. 26 числа вечеромъ сидѣли у княгини Вяземской В. А. Перовскій, графъ М. Ю. Вельгорскій и еще кто-то. Самого князя не было дома. Вбѣгаетъ Пушкинъ, вызываетъ княгиню въ другую комнату и передаетъ ей, что у него назначена дуэль съ Дантесомъ. Княгиня и ея собесѣдники не знали, какъ имъ быть и, не дождавшись почти до утра, чтобы возвратился князь Вяземскій, разошлись. Князь вѣроятно былъ у Карамзиныхъ, гдѣ обыкновенно засиживался послѣднимъ... Надо вспомнить, что князь и княгиня Вяземскіе, имѣвшіе тогда трехъ дочерей-невѣстъ, перестали принимать у себя Дантеса, въ виду его наглостей. Покойный графъ В. Ѳ. Адлербергъ сказывалъ мнѣ, что еще въ 1836 году на одномъ вечерѣ онъ видѣлъ, какъ Дантесъ, глазами помигивая кому-

Библиотека "Руниверс"

то на Пушкина, пальцами показывалъ рога. Это побудило графа (дружнаго съ Жуковскимъ) разсказать о томъ великому князю Михаилу Павловичу и предложить ему перевести наглаго кавалергарда на Кавказъ согласно выраженному имъ какъ-то желанію. Великій князь не рѣшился послѣдовать этому совѣту, такъ какъ этого нельзя было сдѣлать безъ соизволенія шефа Кавалергардскаго полка, т. е. самой императрицы Александры Ѳеодоровны, которая изъ собственныхъ денегъ пополняла жалованье Дантеса. Къ тому же въ обществѣ Дантесъ имѣлъ постоянный успѣхъ своимъ молодечествомъ и остроуміемъ. Собираясь издавать журналъ въ родѣ Англійскаго Четырехмѣсячнаго Обозрѣнія, Пушкинъ гдѣ-то сказалъ, что еще не выбралъ, какое дать названіе журналу. „Да вы назовите его „Квартальнымъ Надзирателемъ“, сказалъ Дантесъ. Пушкинъ самъ смѣялся этому.

Съ виду онъ могъ казаться бодръ и веселъ; но что происходило въ душѣ его? Прежде всего крайняя нужда въ деньгахъ. П. А. Плетневъ сказывалъ мнѣ, что, въ день смерти Пушкина, у него было всего 75 р. денегъ; а между тѣмъ квартира у него была на одномъ изъ лучшихъ мѣстъ въ Петербургѣ, по близости отъ Зимняго дворца. Это старинный домъ князей Волконскихъ. За помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ, которое занималъ Пушкинъ, платили въ 1870-хъ годахъ 3 т. р. въ годъ. Пушкину съ 4 дѣтьми просторъ былъ необходимъ, особенно когда у него поселились двѣ сестры его жены. Соболевскій уговаривалъ его не приглашать ихъ; но въ Яропольцѣ оставаться имъ было невозможно съ матерью, которую окружали богомолки и надъ которою властвовалъ ея кучеръ. Для выѣздовъ на вечера и балы необходима была карета. Пушкинъ негодовалъ на то, что мать его пользовалась каретою Е. А. Архаровой (какъ передавала мнѣ дочь сей послѣдней А. И. Васильчикова). А сколько нужно было тратиться на одежды красавицы-жены, что̀ обѣщалъ онъ еще наканунѣ своей свадьбы ея матери! Пушкинъ хотѣлъ пополнять расходы карточною игрою, какъ (по словамъ князя Вяземскаго) дѣлалъ это и Карамзинъ нѣкогда въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ; но Карамзинъ игралъ въ коммерческую, а Пушкинъ просиживалъ ночи передъ банкометомъ. Князь А. Ѳ. Голицинъ-Прозоровскій вспоминалъ, какъ Пушкинъ, заложивши руки въ карманы панталонъ, ходилъ у стола, гдѣ происходила игра и напѣвалъ начало солдатской пѣсни, примѣняя ее къ себѣ:

Пушкинъ бѣдный человѣкъ,
Ему негдѣ взять.
Изъ за эфтова бездѣлья
Не домой ему идти....

П. Б.

(до слѣдующей книжки).

Библиотека "Руниверс"

Быть по сему.
Сентября 4 дня 1805 года.

Секретно.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ А. ЧАРТОРЫЙСКАГО О ЦЕНЗУРѢ.

Поверхность, какую пріобрѣтаетъ Французское правительство надъ общенароднымъ мнѣніемъ, употребляя газеты и разныя періодическія сочиненія къ распространенію зловредныхъ правилъ своихъ, побуждаетъ меня представить Вашему Императорскому Величеству о необходимости учредить секретную цензуру, посредствомъ которой съ одной стороны таковыя сочиненія не моглибъ свободно проникать внутрь Россіи, а съ другой—здѣсь выходящія, и даже нѣкоторыя, издаваемыя въ чужихъ краяхъ, могли бъ способствовать, дабы представить въ настоящемъ видѣ и нынѣшнее положеніе Европы, и благотворныя намѣренія Вашего Величества ко благу общественному.

Цензура таковая по мнѣнію моему должна состоять подъ вѣдомствомъ министра, управляющаго Иностраннымъ Департаментомъ, и все что̀ по части журналовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, подлежитъ ей, имѣетъ быть возложено на чиновника, который и будетъ тѣмъ заниматься подъ руководствомъ самого министра.

Упражненія его состоять должны:

1-е. Въ надзираніи надъ журналами, печатаемыми въ Россіи и надъ офиціальными извѣстіями, которыя будутъ помѣщаться въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ.

2-е. Въ надзираніи надъ журналами и газетами, выписываемыми изъ чужихъ краевъ, и

3-е. Въ пріобрѣтеніи нужнаго вліянія, какъ надъ журналами и газетами, въ чужихъ краяхъ издаваемыми, такъ и вообще надъ мнѣніемъ общественнымъ, посредствомъ пропечатанія разныхъ статей соотвѣтствующихъ видамъ и намѣреніямъ Россіи, и изданія разныхъ политическихъ сочиненій, имѣющихъ въ виду благо общественное.

Библиотека "Руниверс"

Относительно перваго пункта:

Министръ подпишется на одинъ экземпляръ всѣхъ періодическихъ сочиненій по политическимъ предметамъ въ Россіи издаваемыхъ, и экземпляръ сей будетъ доставляемъ прямо къ чиновнику упражняющемуся по газетной части. Такъ какъ сочиненія сего рода, прежде нежели отдаются здѣсь въ печать, бываютъ просматриваемы университетскою цензурою, то хотя и съ вѣроятностью полагать можно, что ничего несовмѣстнаго достоинству Вашего Величества и ничего могущаго ввести въ заблужденіе мнѣніе народное помѣщено въ нихъ не будетъ; но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ чиновникъ занимающійся сею частію имѣлъ свѣдѣніе о содержаніи ихъ и чтобъ онъ могъ, буде сверхъ всякаго чаянія могло въ нихъ вкрасться что-либо противное видамъ и настоящей пользѣ Имперіи, сдѣлавъ изъ того выписку, представить министру, замѣтя приличнѣйшія средства, какъ исправить вредное впечатлѣніе, какое таковая статья произвести можетъ, и предупредить, чтобъ издатель не сдѣлалъ впередъ подобной погрѣшности. Самое-же сочиненіе должно быть сохранено у него съ отмѣткою въ ономъ какъ примѣчанія имъ сдѣланнаго, такъ и рѣшенія вслѣдствіе того даннаго министромъ.

Кромѣ того, что чиновникъ занимающійся по части газетной долженъ устремить все свое вниманіе на замѣчаніе статей, вредныя впечатлѣнія произвести могущихъ, онъ имѣетъ такъ-же выписывать со тщаніемъ помѣщенныя въ тѣхъ сочиненіяхъ историческія происшествія, служащія ко славѣ Россіи, или упоминающія о разныхъ учрежденіяхъ Вашимъ Величествомъ сдѣланныхъ, и которыя послужатъ къ утвержденію всеобщаго мнѣнія о человѣколюбіи Вашемъ и о попеченіи касательно пользы Вашихъ подданныхъ. Выписки таковыя имѣютъ быть переведены на разные языки и доставлены къ издателямъ періодическихъ сочиненій внѣ Россіи, для помѣщенія въ оныхъ.

Чиновникъ занимающійся по газетной части имѣетъ такъ же составлять разныя статьи относительно политическихъ предметовъ, какія министръ признаетъ за нужное помѣстить въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, и оныя будутъ припечатываемы подъ статьею: *Изъ С.-Петербурга.*

Въ тѣхъ-же вѣдомостяхъ можно помѣщать и другія извѣстія, но оныя не будутъ уже подъ статьею „Изъ С.-Петербурга“, и слѣдовательно не должны почитаться офиціальными.

Относительно втораго пункта:

Кромѣ журналовъ и газетъ, которыя министръ получать будетъ, для собственнаго своего употребленія, будетъ онъ выписывать также

Библиотека "Руниверс"

извѣстнѣйшія періодическія сочиненія въ Европѣ издаваемыя. Экземпляръ сихъ сочиненій, безъ всякой перемѣны въ оныхъ, присылаться будетъ съ почты, тотчасъ по полученіи, прямо къ чиновнику упражняющемуся по газетной части. Онъ имѣетъ заняться прочтеніемъ оныхъ и составленіемъ изъ нихъ двухъ выписокъ, изъ коихъ первая заключать должна извѣстія, заслуживающія вниманія и все, что особливо примѣчательнаго найдется въ нихъ въ пользу или противъ Россіи, а во второй входить имѣютъ статьи, которыя по содержанію ихъ должны быть уничтожены, или требующія возраженія, прямо ли именемъ Россіи или постороннимъ образомъ.

Чиновникъ занимающійся по части газетъ, получа приказаніе отъ министра касательно отвѣта на таковыя сочиненія, имѣетъ заняться составленіемъ онаго, дабы представить его съ выпискою изъ газетъ слѣдующей почты.

Если министръ признаетъ нужнымъ уничтоженіе какой-либо статьи изъ газетъ, онъ сообщитъ немедленно С.-Петербургскому почтъ-амту объ удержаніи той газеты.

Относительно третьей статьи:

Чиновникъ употребленный по газетной части имѣетъ попеченіе открывать находящихся въ Петербургѣ корреспондентовъ издателя Гамбургской Газеты и посредствомъ ихъ употреблять стараніе о помѣщеніи въ сію газету разныхъ статей могущихъ споспѣшествовать къ славѣ Россіи. Онъ имѣетъ пещись равнымъ образомъ о снисканіи здѣсь связей съ людьми упражняющимися въ словесности, дабы чрезъ посредство ихъ упражненій снабжать писателей въ Нѣмецкой землѣ политическими извѣстіями, могущими способствовать видамъ Россіи.

Онъ имѣетъ представлять также министру замѣчанія свои, какимъ образомъ министры наши въ чужихъ краяхъ могутъ содѣйствовать къ склоненію тамошнихъ писателей наполнять сочиненія ихъ правилами здѣшней системы.

Чиновникъ по сей части занимающійся долженъ вести точные журналы своихъ упражненій, какъ то: примѣчаній, къ которымъ разныя періодическія сочиненія служили поводомъ; рѣшеній по тому послѣдовавшихъ отъ министра, и съ какимъ успѣхомъ разныя сочиненія съ нашей стороны помѣщаемы были въ иностранныхъ вѣдомостяхъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, чтобъ размноженіемъ таковыхъ сочиненій, въ добромъ намѣреніи и въ хорошихъ правилахъ составленныхъ, не располагалось мнѣніе общественное.

Прилично, чтобъ сочинители иностранные были награждаемы по мѣрѣ услугъ ими оказанныхъ. Тѣмъ, которые могутъ быть награж-

Библиотека "Руниверс"

дены публично, можно пожаловать медали, съ изображеніемъ Вашего Величества, другихъ-же наградить втайнѣ.

Когда чиновникъ занимающійся по газетной части получитъ достаточныя удостовѣренія о приверженности нѣкоторыхъ писателей къ Россіи, онъ имѣетъ стараться привлечь также нѣкоторыхъ типографщиковъ, которымъ-бы, смотря по обстоятельствамъ, надежнымъ образомъ, можно было ввѣрить напечатаніе статей или цѣлыхъ сочиненій противу правительствъ, которыми-бы Россія имѣла причину быть недовольною.

Для облегченія чиновника упражняющагося по газетной части въ трудахъ его, даны ему будутъ помощники, которые имѣютъ быть выбраны изъ чиновниковъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, знающихъ какъ Россійскій, такъ Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки.

Представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству, пріемлю смѣлость испрашивать по оному предмету высочайшаго повелѣнія.
Августа дня 1805.

Письма князя А. Чарторыйскаго къ П. Г. Дивову.

1.

Милостивый государь мой Павелъ Гавриловичъ!

Препровождая при семъ къ вашему превосходительству записку, высочайше апробованную Государемъ Императоромъ, объ учрежденіи здѣсь секретной цензуры, честь имѣю сообщить вамъ, что приведеніе въ дѣйствіе разныхъ предположеній, въ оной предначертанныхъ, по волѣ Его Величества возлагается на попеченіе ваше до дальнѣйшаго впредь распоряженія.

И потому, рекомендуя вамъ приступить немедленно къ соображенію всѣхъ средствъ, какія могутъ споспѣшествовать къ исполненію сего полезнаго и важнаго учрежденія и дать оному первоначальное движеніе, увѣренъ я, что вы не упустите сего случая, дѣятельнымъ исполненіемъ возлагаемаго на васъ порученія, заслужить монаршее благоволеніе и содѣйствовать пользѣ общественной.

Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга К. Адамъ Чарторыйскій [1]).
Сентября 9 дня 1805 года [2]).

---

[1]) Князь Чарторыйскій управлялъ въ это время Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Успѣлъ ли узнать о нижепомѣщаемой запискѣ канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ, съ 1803 г. проживавшій по болѣзни въ Москвѣ и въ своемъ Андреевскомъ, куда ему присылались бумаги его вѣдомства и гдѣ онъ скончался 5 Декабря того же 1805 года? П. Б.

[2]) Въ дальнѣйшихъ письмахъ обычныя начала и окончанія тѣже и потому опускаются. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

2.

Въ дополненіе къ отношенію моему отъ вчерашняго числа, нахожу нужнымъ поручить вашему превосходительству, чтобы вы во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ относились къ графу Виктору Павловичу Кочубею для испрошенія разрѣшенія его, прежде нежели рѣшиться на удержаніе какихъ-либо газетъ, а кольми паче на остановку цѣлой почты, какъ то вы за благо разсудили при полученіи извѣстій о разбитіи Цесарцевъ въ Германіи.

Не скрою отъ васъ, милостивый государь мой, что Государь Императоръ, узнавъ о семъ обстоятельствѣ, соизволилъ обнаружить свое неудовольствіе о таковой принятой вами мѣрѣ.

Ольмюцъ, 14 Ноября 1805 г.

3.

Поручивъ вамъ дѣло относительно покупки типографіи въ Брауншвейгѣ отъ типографщика Александра Плюшара, равномѣрно и попеченіе о выписаніи самаго типографщика Плюшара съ шестью работниками, на который конецъ ваше превосходительство получили уже изъ государственнаго казначейства для остаточныхъ суммъ 4000 рублей ассигнаціями и 900 Голландскихъ червонныхъ, долженъ вамъ еще объявить, что на основаніи предложеній онаго типографщика Государю Императору всемилостивѣйше угодно, чтобы вы съ вашей стороны объявили, что сей типографщикъ Плюшаръ, со дня подписанія условій ѣхать сюда, имѣетъ получать по 2000 рублей годоваго жалованья, доколѣ учрежденіе онаго не будетъ достаточно для пристойнаго содержанія, а потомъ будетъ получать только по 1000 рублей и пользоваться всѣми выгодами заведенія сего вновь учреждаемаго.

С.-Петербургъ. Апрѣля 3 дня 1806.

Письмо князя А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцову.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ!

Профессоръ Фаберъ, выписанный изъ Кельна для употребленія здѣсь по газетной части, получаетъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества по 2000 рублей въ годъ, но, не имѣя по сіе время никакихъ упражненій, могъ-бы съ пользою причисленъ быть къ Академіи Наукъ, по части Нѣмецкихъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей и заниматься симъ предметомъ, почему поручаю онаго въ благорасположительность вашу.

Библиотека "Руниверс"

Милостивый государь мой, съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ есмь вашего превосходительства, милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга. К. Адамъ Чарторыйскій.

Мая 3 дня. 1806 г. Его пр-ву Ник. Ник. Новосильцову.

Письмо М. Юдина къ П. Г. Дивову*).

Милостивый государь Павелъ Гавриловичъ.

Его сіятельство князь Адамъ Адамовичъ, получивъ при письмѣ вашего превосходительства отъ 22-го сего мѣсяца разныя иностранныя вѣдомости, вмѣстѣ съ выпискою г-на Мальте, и не имѣя времени самъ отвѣчать вамъ на оное, поручилъ мнѣ просить васъ, милостивый государь, чтобъ вы не оставили сколько можно безъ потери времени заняться составленіемъ возраженій и опроверженій на разныя статьи касательно Россіи, во Французскихъ газетахъ помѣщаемыя, особенно же на тѣ, которыя, хотя и заключаютъ въ себѣ ложныя показанія, какъ-то въ разсужденіи видовъ нашихъ на Турцію, Персію и т. п., но по изъясненнымъ вами причинамъ въ публику выпускаются.

Его сіятельству угодно такъ же, чтобъ вы не замедлили поставить себя въ сношенія съ иностранными издателями газетъ и періодическихъ сочиненій и приступили къ сочиненію выписокъ, о которыхъ сказано въ сообщенной вамъ запискѣ высочайше апробованной.

Изъ экстракта, составленнаго г-номъ Мальте и доставленнаго при томъ-же письмѣ вашего превосходительства, его сіятельство, усмотрѣвъ, что въ сочиненіи подъ названіемъ Heeren's kleine historische Schriften содержатъ разсужденія, во первыхъ, о причинахъ побудившихъ Англію позволить первый раздѣлъ Польши въ 1772-мъ году, и во вторыхъ, о послѣдствіяхъ, какія произойти могутъ въ системѣ державъ Европейскихъ вообще и Россіи особенно отъ колонизаціи въ Египтѣ, поручаетъ вашему превосходительству приказать пріискать означенное сочиненіе, если-же онаго въ Петербургѣ еще не имѣется, то выписать изъ чужихъ краевъ и отдать г-ну Мальте для сочиненія по симъ предметамъ подробной выписки.

Покорнѣйшій слуга Михайла Юдинъ.

P. S. Письмо на имя князя Долгорукова я имѣлъ честь получить и доставить оное не преминую при первомъ въ Вѣну курьерскомъ отправленіи.

---

*) Мѣсяца и числа не означено. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Два письма барона Будберга къ П. Г. Дивову.

1.

Секретно.

Милостивый государь мой Павелъ Гавриловичъ!

Его Императорскому Величеству всемилостивѣйше угодно было указать учредить особую экспедицію для сочиненія и издаванія Французскаго журнала подъ названіемъ: Journal du Nord и поручить какъ оную, такъ и принадлежащую къ сему предмету типографію, въ надзоръ вашего превосходительства.

Приложенный при семъ штатъ экспедиціи сей служитъ вамъ будетъ руководствомъ для заплаты окладовъ всѣмъ и каждому, равномѣрно и для другихъ статей въ оном содержащихся. Но какъ разсуждено за благо, чтобъ сіе новое заведеніе не имѣло явнаго вида, якобы управляется правительствомъ, того ради именнымъ секретнымъ указомъ отъ 20 Сентября къ господину министру внутреннихъ дѣлъ высочайше повелѣно, чтобъ потребная сумма 13.000 рублей на содержаніе сего заведенія каждогодно отпускаема была изъ общихъ доходовъ по почтовому правленію по моимъ предложеніямъ.

На семъ основаніи обязаны вы, по востребованію надобностей, входить ко мнѣ съ представленіями для полученія надобныхъ суммъ и удовлетворять ежемѣсячно какъ г-дъ редакторовъ и чиновниковъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, такъ и типографщиковъ и другихъ служителей типографіи, сообразно суммамъ, означеннымъ въ штатѣ на сіи предметы. На который конецъ завести слѣдуетъ вамъ книги для росписокъ и общаго отчета вашего, а ко мнѣ представлять будете рапортами объ издержкахъ.

Относительно чиновниковъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомляю ваше превосходительство, что по настоящему назначенію слѣдуетъ вамъ выдавать по 300 рублей въ годъ г-мъ ассессорамъ Блудову и Ланскому, такъ же и переводчикамъ Коху и Страндману. Впредъ же, если бы который изъ вышепомянутыхъ чиновниковъ особымъ какимъ-либо порученіемъ или по другимъ причинамъ отдалился отъ упражненій по сей экспедиціи, въ такомъ случаѣ изъ прочихъ сотрудниковъ опредѣлены будутъ на ихъ мѣста по моему выбору.

Библиотека "Руниверс"

Для приведенія въ надлежащее устройство типографіи, сообразно съ общими учрежденіями цензуры и съ другими мѣрами осторожности, согласенъ я на то, чтобъ представленный вашимъ превосходительствомъ проэктъ инструкціи для типографщика Плюшара былъ произведенъ въ дѣйство и вами врученъ оному.

Съ истиннымъ почтеніемъ есмь вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Андрей Будбергъ*).

С.-Петербургъ. Сентября 25-го дня 1806 г.

2.

Monsieur.

Tous les projets de journal que vous m'avez envoyés jusqu' á présent ne contiennent presque absolument que des extraits des principaux faits rapportés dans les autres gazettes et dont l'exposé ne me met pas à même juger des talens de ceux, qui sont destinés à rédiger le journal dont il s'agit. Je me flatte cependant que ces messieurs ne tarderont pas à saisir le sens dans lequel je désire qu'ils travaillent et qu'après quelques essais vous parviendrez, monsieur, à nous fournir la feuille en question, telle qu' elle doit être pour rencontrer l'approbation de l' Empereur et pour répondre au but proposé. Il sera superflu de s'arrêter plus long temps à tout ce qui a été dit dans les différents feuilles francoises au sujet de la non-ratification de la paix du$^{8}_{20}$ Juillet, car j'ai sur cette matière, qui a déjà été tant discutée, un mémoire qui contient des observations et des remarques absolument telles qu' il nous en faut. En conséquence je vous engage, monsieur, à examiner attentivement les feuilles du „Moniteur“, du „Publiciste“ et des autres gazetts et journaux francois postérieurs à ceux qui continnent la diatibe en question et de charger m^{r} le marquis de. Memnon, ainsi que les deux autres rédacteurs, chacun séparement, à refuter les articles qui ont paru depuis, dans la vue de faire envisager les événemens sous un faux point de vue et de nuire à la bonne cause. En vous tenant à cet égard aux règles qui vous ont été tracées une fois pour tout, vous direz à m^{rs} les rédacteurs qu'ils ne doivent pas s'attacher simplement à ce que les feuilles en question contiendront d' offensant pour la Russie, mais à tout ce dont ils prévoient qu' il est contraire au systême de notre cour. L'article de la gazette de Bruxelles au sujet des soi-disant con-

*) Заступившій князя Чарторыйскаго въ управленіи вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

seilles qui prévalent dans le cabinet de Potsdam, ainsique d'autres en ce genre, sont du nombre de ceux qu'on ne doit pas passer sous silence.

J'aime à croire. monsieur, que les trois rédacteurs ne laisseront pas échapper cette occasion pour prouver que sous tous les rapports ils sont propres à la tâche qui leur est confiée et que, guidés par vous, ils s'en acquitteront d'une manière satisfaisante.

J'ai l'honneur d'être avec une parfaite considératon, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur André Budberg.

à St. Pétersbourg le 14 Octobre 1806.

à monsieur de Divoff.

Мнѣніе товарища министра юстиціи (Сперанскаго) по 3-й статьѣ VI пункта и по VII пункту журнала 8-го Сентября.

I-е. *По прошенію князя Волконскаго.*

Прошеніе сіе предано уваженію Комитета по высочайшему повелѣнію.

Комитетъ въ резолюціи своей полагаетъ, что оно не принадлежитъ къ его уваженію. Отвѣтъ сей, кажется, не согласенъ съ вопросомъ. Что князь Волконскій старѣе чиномъ членовъ Комитета, сіе и прежде было извѣстно; но сіе не мѣшаетъ сказать, достойна-ли просьба его вниманія или нѣтъ.

Что награда его зависитъ отъ высочайшей воли, сіе такъ же и безъ резолюціи извѣстно. Но когда высочайшая воля есть разсмотрѣть, тогда должно сказать рѣшительно: да или нѣтъ. Вообще, кажется, должно-бы было принять правиломъ, чтобъ въ Комитетѣ никогда ни въ какомъ дѣлѣ не отзываться отъ рѣшенія одною высочайшею волею, ибо сіе само собою всегда и вездѣ разумѣется, и если допустить сей отзывъ, то симъ однимъ словомъ можно всѣ вообще дѣла рѣшить по первому воззрѣнію.

II-е. *По докладу объ арендахъ.*

Сила высочайшаго повелѣнія состояла въ томъ, чтобъ пересмотрѣть статью сего доклада о залогахъ и облегчить ее для тѣхъ, коимъ жалуются аренды за службу.

Резолюція Комитета состоитъ въ томъ, что разсмотрѣніе сіе не нужно. Отвѣтъ такъ же, кажется, не согласенъ съ вопросомъ.

Библиотека "Руниверс"

Нужно разсмотрѣніе, какъ скоро таковымъ оно уже признано. И въ прочемъ разсмотреніе сіе нужно по всѣмъ уваженіямъ. Какой залогъ представитъ на аренду бѣдный офицеръ, или даже и бѣдный генералъ, коему на войнѣ оторвало руку или ногу и которому для пропитанія съ женою и дѣтьми дается аренда?

Средство, полагаемое Комитетомъ, чтобъ получать вмѣсто истиннаго экономическаго дохода съ жалуемой аренды одинъ доходъ по люстраціи, кажется, недостаточно и несправедливо.

Недостаточно потому, что и здѣсь, и въ совѣтѣ люстраціи давно уже признано неосновательнымъ и положено было его перемѣнить.

Несправедливо потому, что чиновникъ достаточный, получивъ аренду и бывъ въ состояніи дать залогъ, пользовался-бы доходомъ и по люстраціи, и по экономіи, а чиновникъ бѣдный получалъ-бы доходъ только по люстраціи, то есть бѣдный получалъ-бы вдвое меньше противъ богатаго именно потому, что онъ бѣденъ. Не думаю, чтобъ сіе было справедливо.

М. Сперанскій.

Библиотека "Руниверс"

СІОНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Письмо издателя „Сіонскаго Вѣстника“ А. Ѳ. Лабзина къ Н. Н. Новосильцову.

Ваше превосходительство объявить мнѣ изволили, что журналъ мой въ другой уже разъ наводитъ вамъ большія безпокойства. Дабы не случилось сего и въ третій разъ, я, какъ при первой тревогѣ, тотчасъ предложилъ мою готовность прекратить его, такъ и нынѣ тоже повторяю.

Всякая вещь къ сужденію о себѣ представляетъ двѣ стороны, и для справедливаго суда положительный законъ есть тотъ, чтобы выслушать обѣ; я же слышу судящихъ о томъ, что̀ въ моемъ журналѣ находится худого, но не слышу, чтобы кто дѣлалъ при томъ вопросъ: нѣтъ ли въ немъ чего и добраго? Почему почитаю себя обязаннымъ объяснить нѣсколько сіе дѣло, не съ тѣмъ, чтобы я домогался продолженія журнала, которое не принесетъ и мнѣ ничего, кромѣ тягости и новыхъ огорченій, но съ тѣмъ, чтобы успокоить нѣсколько сію тревогу, естьли оная есть.

Обвиненія противъ меня, какъ ваше превосходительство мнѣ объявили, состоятъ въ томъ:

1-е. Что въ моемъ журналѣ говорится о пророчествахъ, а чрезъ сіе я способствую разсѣванію пустыхъ толковъ.

2-е. Что отъ сего бородачи, которые такимъ толкамъ вѣрятъ, могутъ притти въ уныніе и бездѣйственность, и

3-е. Что упоминая о Бонапартѣ, тѣмъ самымъ я какъ бы склоняю людей на его сторону.

Я имѣю честь представить въ объясненіе.

На 1-е. Изъ первой строки первой моей о томъ пьесы, помѣщенной въ Іюнѣ мѣсяцѣ, видна причина, почему она была написана. Прежде еще, нежели существовалъ мой журналъ, о Бонапарте были уже разныя толкованія и у насъ, и въ другихъ земляхъ. Предъ тѣмъ ходили по городу, и не между бородачами одними, толки о сходствѣ имени Наполеона съ Апокалипсическимъ словомъ Аполліонъ. Сіе об-

Библиотека "Руниверс"

стоятельство захотѣлъ я обратить въ пользу, не къ устрашенію, а къ успокоенію, естьлибы кто сими толками и тревожился, ибо піеса моя заключена тѣмъ: „что и по самымъ симъ пророчествамъ могущество ни Наполеона, ни Апольліона не касается сѣверныхъ земель“. Я думаю, сего нельзя справедливо почесть за устрашеніе.

Написалъ я о семъ по симъ убѣжденіямъ: 1-е) Что журналу свойственно содержать въ себѣ матеріи, которыми на то время въ публикѣ занимаются; 2-е) Что̀ даже полезнѣе писать о томъ, о чемъ говорятъ, думаютъ и чѣмъ занимаются, нежели говорить о томъ, о чемъ слушать не хотятъ; и 3-е) Что самое правительство удобно можетъ употребить такіе журналы къ благотворнымъ своимъ видамъ, къ направленію или поправленію общаго мнѣнія, или заблужденія; особливо, естьлибъ нашелся такой писатель, который бы снискалъ довѣренность у публики и который бы тѣмъ лучше могъ употребленъ быть самымъ правительствомъ къ своимъ цѣлямъ.

Изъ сего извлекается и причина, почему сіи піесы такъ написаны, какъ онѣ написаны; ибо журналы пишутся не для правительствующихъ особъ, а для публики или народа: а потому, чтобъ быть имъ полезными, они должны и принаровлены быть къ понятіямъ и вкусу народа. Правительство и народъ въ понятіяхъ своихъ часто весьма разнятся: что̀ для перваго есть маловажно или сущій вздоръ, то для послѣдняго не кажется вздоромъ.

Предсказаніямъ хотя большая часть и въ народѣ не вѣритъ, но всегда были и есть люди, которые имъ отчасти довѣряютъ. Для первыхъ никакія пророчества не соблазнительны; для вторыхъ одно простоѐ увѣреніе, что они вздоръ, не убѣдительно, и они столько-же оному не повѣрятъ, сколько тѣ не повѣрятъ пророчествамъ. Согласясь же съ ними въ понятіяхъ, вывесть изъ тѣхъ же самыхъ началъ доброе заключеніе, я не думаю, чтобы сіе было вредно; полезно же быть можетъ потому, что симъ способомъ убѣдить можно, а противорѣчіемъ никакъ.

Отвергать вовсе пророчества я не могъ, потому что чрезъ сіе я подвергся бы и осужденіямъ народному, и осужденію законному: сіе было бы противно и мнѣнію народа и Св. Писанія, въ которомъ и Новый Завѣтъ весь наполненъ сказаніями о пророчествахъ. Въ такомъ случаѣ не только духовная власть, но и свѣтская, могла бы справедливо потребовать отъ меня отчета, почему я отвергаю то, что̀ утверждено Св. Писаніемъ.

Библиотека "Руниверс"

На 2-е. Въ каждомъ человѣкѣ всегда найдется болѣе склонности *не вѣрить*, нежели *вѣрить* неизвѣстному. и между читателями „Сіонскаго Вѣстника“ безъ всякаго сомнѣнія также гораздо большее число найдется первыхъ, нежели вторыхъ. Но издатель не разсѣвалъ никакихъ пророчествъ, а говорилъ только о тѣхъ, которыя уже были. Между пророкомъ и сказателемъ о пророчествѣ безъ сомнѣнія есть великая разность; такими сказателями бываетъ иногда цѣлый городъ, и естьли предполагается, что легковѣрные могутъ отъ того притти въ уныніе и бездѣйственность. то почему жъ равно не предполагать, что оно можетъ послужить и къ ободренію ихъ? Ибо сказать, „что и по самымъ пророчествамъ мы безопасны“, кажется, ведетъ не къ унынію, а къ бодрости.

Тѣ, которые говорятъ о семъ унынiи, безъ сомнѣнія сами не придутъ отъ сего въ уныніе; а тѣ, о которыхъ они такъ думаютъ, не найдутъ причины унывать, когда слышатъ, что не только они сами безопасны, но и другіе народы будутъ находить между нами убѣжище; что Россія одна остается вѣрнымъ пристанищемъ для всѣхъ притѣсняемыхъ и изгоняемыхъ властителемъ Франціи, и сіе тѣмъ паче утверждаетъ славу ея. Тотъ, кто ободрялся мужествомъ отъ одной мысли, что онъ, сражаясь за домъ Пресвятыя Богородицы, есть-ли падетъ на полѣ брани, наслѣдитъ себѣ Царствіе Небесное: тотъ, не съ бо́льшимъ ли еще мужествомъ подниметъ оружіе при сей мысли, что онъ идетъ точно противъ врага Христова, или Антихриста? Я думаю, полководцы иногда пользовались еще такими мнѣніями воиновъ; для тѣхъ же, которыхъ мужество одушевляется иными побужденіями, такія мысли и останутся только суевѣріемъ, для нихъ безвреднымъ.

Изъ сихъ двухъ мнѣній утверждаемое здѣсь, кажется мнѣ, гораздо вѣроятнѣе, нежели противное; по крайней мѣрѣ для сужденія о семъ должно оба принять въ разсужденіе, а не одно первое.

На 3-е. Отвѣтствовать мнѣ послѣ сего ничего не остается. О Бонапарте говорятъ по всему свѣту, и онъ сдѣлался всеобщею матеріею разговора. Написанное о немъ въ журналѣ не только не наклоняетъ никого на его сторону, но предупреждаетъ всякаго противъ него, естьли кто съ авторомъ будетъ согласенъ. Но какъ можетъ иногда и дозволенное законами быть непозволительно по обстоятельствамъ: то правительство можетъ всегда объявить о томъ свое запрещеніе, и я надѣюсь, что не поставлено будетъ въ вину честному человѣку, что ему не всѣ политическіе виды правительства извѣстны.

Впрочемъ въ собственномъ дѣлѣ никто не долженъ быть судьею, и мое намѣреніе есть только то, что какъ при обвиненіи человѣка

Библиотека "Руниверс"

тотчасъ являются усердные голоса (даже изъ тѣхъ, которые и дѣла его прямо не знаютъ и судить о немъ иногда не въ состояніи) къ осужденію, а не къ защищенію его, то, чтобы по крайней мѣрѣ представить и другую сторону для правильнаго сужденія. Въ заключеніе имѣю честь повторить, что нѣтъ моего намѣренія домогаться продолженія журнала; но почитаю долгомъ моимъ прибавить къ сему:

1-е. Что таковой журналъ, естьлибъ правительство избрало писателя, меньше для него сомнительнаго, можетъ послужить къ большой пользѣ, какъ-то въ другихъ земляхъ само правительство и употребляетъ сіе средство.

2-е. Что журналъ таковой, для успѣха и пріобрѣтенія довѣрія, долженъ непремѣнно писанъ быть въ духѣ народа и примѣняясь къ его понятіямъ, а не къ понятіямъ только философскимъ.

3-е. Что такому журналу нужно явное, хотя и малое, свидѣтельство благоволенія правительства, а ни съ которой стороны не можетъ быть выгодно показать, что частный писатель какъ будто въ спорѣ съ правительствомъ. Кажется, нигдѣ нельзя меньше бояться вреда отъ книгъ и журналовъ, какъ у насъ: ибо вопервыхъ у насъ и читателей и писателей мало; во вторыхъ, здѣсь писатель всегда въ рукахъ правительства и не можетъ никогда избѣгнуть отъ воли его, естьлибъ оному не благоугодно было что написанное имъ, и Русскую книгу, не такъ какъ Французскую или Нѣмецкую, нельзя напечатать въ другихъ земляхъ и нельзя найти ей читателей кромѣ Россіи.

4-е. Впрочемъ никакая книга, какого бы рода ни была, не можетъ избѣгнуть того, чтобы нельзя было найти въ ней чего либо противнаго тому или тому; и когда сама власть будетъ находить сіе противное, тогда и всѣ будутъ находить въ ней *только* противное. Естьли же таже власть тоже самое одобритъ, тогда и всѣ порицатели сами оправдывать книгу станутъ. Сей способъ правительство имѣетъ всегда въ своей власти и можетъ, по благоразумію своему, и подлинное зло обратить тѣмъ въ благо.

Наконецъ, я смѣю заключить, что кому извѣстна жизнь моя, я увѣренъ, что изъ таковыхъ и самый врагъ мой, естьли не будетъ имѣть особливой причины вредить мнѣ, засвидѣтельствуетъ обо мнѣ, что и онъ не почитаетъ даже меня способнымъ къ чему либо безчестному или бездѣльническому. Я увѣренъ также, что мудрое правительство щадитъ честь гражданина и доброе имя, котораго онъ никогда не терялъ; почему смѣю просить ваше превосходительство обратить

Библиотека "Руниверс"

вниманіе правительства на положеніе гражданина, который преданъ ему и по чувству, и по долгу, и по частнымъ своимъ правиламъ. Смѣю просить довесть сіе мое объясненіе до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Можетъ быть, милосердіе его не отвергнетъ вовсе причинъ, мною представляемыхъ, усмотря изъ сего, что естьли я и навлекъ на себя его монаршее неблаговоленіе, то по крайней мѣрѣ безъ намѣренія. Что касается до неблагорасположенія ко мнѣ нѣкоторыхъ особъ или нѣкоторой особы*), я не удивляюсь тому, ибо я писалъ не въ угодность чью либо, а по собственному убѣжденію въ истинѣ, и легко быть можетъ, что я не попалъ на ея мысли. Въ такомъ случаѣ мнѣ остается желать сей особѣ, чтобы и она вступила на правый путь; мой долгъ терпѣть, молчать и молиться за ненавидящихъ и обидящихъ меня и исполнить то, что̀ я несуетно написалъ, послѣ отраженія первыхъ нападеній на мой журналъ, на первой страницѣ мѣсяца Маія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Сентября дня 1806 г.

P. S. Къ объясненію сего дѣла нужно также разсказать обстоятельство, подавшее поводъ къ предпріятію сего журнала.

Молодой писатель, Пнинъ, написалъ стихи, въ которыхъ издѣвался надъ истинами вѣры, говоря на примѣръ *просвѣщенному* своему другу: „ты не мыслишь, какъ невѣжды, будто небо смеживается съ землею, какъ глазамъ простолюдина кажется; для тебя не нужно, чтобы кто сходилъ съ неба, дабы сдѣлать тебя добродѣтельнымъ и благополучнымъ, и пр. тому под.“. Старшій цензоръ Иванъ Осиповичъ Тимковскій, человѣкъ отлично добрыхъ свойствъ и почитатель религіи непритворный, остановилъ сіи стихи. Пнинъ взялъ сіе дѣло на аппеляцію въ Главное Училищъ Правленіе, которое стихи сіи разрѣшило, основавшись на § 22 Устава о Цензурѣ, ниже въ бумагахъ упоминаемомъ. Сей цензоръ, съ которымъ издатель „Сіонскаго Вѣстника“ съ малолѣтства знакомъ и друженъ, въ дружескихъ разговорахъ пересказалъ ему сіе произшествіе. Не знаю отъ чего, только сіе извѣстіе причинило издателю такую боль, какъ бы кто поранилъ его въ самое сердце. Грусть, скорбь и уныніе какое-то, такъ сказать, задушали его, что̀ онъ никогда еще не чувствовалъ ни при какихъ вольнодумческихъ разговорахъ и чтеніи прежде. Можетъ быть, сіе связывается съ обстоятель-

*) Кто это, не можемъ догадаться. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ствами частной жизни издателя; ибо надо сказать, что онъ, бывъ еще десяти лѣтъ и читавъ Четьи Минеи, ребяческимъ образомъ обрекъ себя на служеніе Богу; потомъ, вступя въ Университетъ въ ученье, заразился и Вольтеровскимъ просвѣщеніемъ. Но явился, какъ Ангелъ благовѣстникъ, покойный профессоръ Шварцъ, и какъ солнце, разточилъ туманъ вольнодумства и невѣрія и произвелъ то, что у многихъ сдѣлалось модою, сдѣлалось и въ классы ходить съ Библіею и въ свободныя минуты читать изъ нея что нибудь. При семъ возбужденіи прежнихъ чувствованій издатель тѣмъ паче прилѣпился къ чтенію Св. Писанія и духовныхъ книгъ, чѣмъ болѣе совѣстился, что онъ нѣкоторое время измѣнилъ, какъ выше сказано, взятому въ ребячествѣ на себя обѣту. Такимъ образомъ на 15 еще году онъ переложилъ плачъ Іереміевъ, который и напечатанъ. Въ день рожденія своего, вступая на 18-й годъ и бывъ предъ тѣмъ за пять дней принятъ въ общество, заклейменое проименованіемъ Мартинистовъ, которое произвело въ немъ какъ бы новую революцію, онъ снова далъ на себя обѣтъ Богу. Вскорѣ за симъ случилось еще обстоятельство, которымъ онъ пораженъ былъ несказанно. Промыслу Всевышняго угодно было избрать его орудіемъ къ обращенію одного невѣрующаго сластолюбца, съ перваго о томъ разговора, и съ такою силою, что связь беззаконная съ одною женщиною тотчасъ была разорвана, все земное ему стало не привлекательно, такъ что онъ хотѣлъ все имѣніе свое укрѣпить издателю „Сіонскаго Вѣстника“, а самъ пойти въ монастырь. Происшествіе сіе случилось совсѣмъ неожидаемо, когда ни обращенный, ни обращатель, ни малѣйшаго не имѣли о томъ намѣренія и когда они вмѣстѣ были въ банѣ. Онъ такъ поразительно было для самаго дѣйствовавшаго лица, что онъ снова подтвердилъ обѣтъ свой, и при семъ невольно какъ-то вырывались у него слова молитвы: *не вверри мя человѣческому предстательству*; и потому онъ тутъ же далъ обѣщаніе предаться такъ волѣ Вышняго, чтобы не только не искать ничего земнаго, но ниже искать чьего либо покровительства; и случай сей представился ему такою святынею, что онъ не только не усумнился отречься отъ предложенія своего пріятеля, но не захотѣлъ принять ни малѣйшаго отъ него за то воздаянія, ниже какой другой услуги.

Сіе случилось еще въ Москвѣ, когда онъ былъ 22 лѣтъ. За симъ онъ вскорѣ отправился въ Петербургъ, а тотъ пріятель его вскорѣ потомъ умеръ.

Подобнымъ образомъ онъ пораженъ былъ вѣстію о Пниновыхъ стихахъ. Тотчасъ явилась мысль: „когда позволяется писать противъ

Библиотека "Руниверс"

религіи, то тѣмъ больше нельзя запретить писать за религію"; къ сему прибавилось извѣстіе, что переводчику Райналя, извѣстнаго вольнодумца, позволено напечатать переводъ свой на казенный коштъ, и мгновенно составилась рѣшимость: писать въ защиту религіи и сдѣлать такое сочиненіе сколько можно гласнѣе, и для того начать издавать христіанскій журналъ, котораго ни на какомъ языкѣ еще тогда и не бывало. Онъ сообщилъ сію мысль другу своему цензору, и оба дали другъ другу руку: одинъ писать противъ невѣрія и разврата, другой помогать ему всѣми силами. Оба они угадывали, что предпріятіе, толь новое, не преминетъ навлечь имъ много хлопотъ, но рѣшились все перенесть.

Съ симъ однимъ наружнымъ ободреніемъ издатель началъ свое дѣло сверхъ всякой вѣроятности; ибо не только не имѣлъ и не искалъ никого помощникомъ себѣ въ потребныхъ для начатія такого дѣла издержкахъ, но не имѣлъ никакого помощника себѣ въ трудахъ, которые для человѣка несвободнаго, служащаго въ двухъ мѣстахъ и слѣдовательно имѣющаго сколько нибудь занятій по онымъ, не удобоисполнительны; ибо для сего журнала механической одной работы требовалось не по одному листу исписывать на день, безъ всякаго исключенія; а къ тому хлопотать самому же то съ типографіями, то съ цензурою, то съ книгопродавцами, то съ корреспондентами. Но онъ, предавъ дѣло свое Промыслу, принялся за оное безъ размышленія и, такъ сказать, безразсудно. Почему равно готовъ былъ оное и оставить, какъ скоро волѣ Вышняго будетъ то неугодно.

Надлежало болѣе всего опасаться нападеній на журналъ сей отъ духовныхъ особъ; напротивъ того, случилось тому противное. Нѣкоторыя духовныя особы, какъ-то изъ журнала видно, вошли съ издателемъ въ переписку, и нѣкоторые часто совѣтовались съ нимъ о нѣкоторыхъ матеріяхъ. Преосвященный Платонъ всячески домогался узнать имя писателя, и самъ цензуровалъ и другимъ поручалъ разсмотрѣть, не найдутъ ли они чего противнаго въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ", говоря, что оный пристыжаетъ ихъ всѣхъ тѣмъ, что свѣтской человѣкъ снялъ на себя ихъ должность. Да простится издателю сія нескромность, когда онъ скажетъ, что рѣдкій мужъ, достопочтенный нашъ отецъ Филаретъ, бывшій тогда еще въ Сергіевской Лаврѣ, переписывалъ для себя „Сіонскаго Вѣстника", не имѣвъ тогда возможности его купить.

Преосвященный митрополитъ Амвросій, до начатія гоненій на „Сіонскій Вѣстникъ", столь былъ расположенъ въ пользу сего журнала, что не только своимъ совѣтовалъ читать, но письменно отозвался къ

Библиотека "Руниверс"

одной значущей особѣ, ходатайствовавшей у него о пропускѣ одной духовной книжки, чтобъ она исправила свою книжку по примѣру Сіонскаго Вѣстника, или бы отослала къ издателю онаго, распространяясь въ похвалахъ и журналу, и издателю.

Преосвященный Ѳеофилактъ даже, тогда Калужской, съ которымъ издатель, еще когда онъ былъ архимандритомъ, имѣлъ диспутъ въ невыгоду его, не смотря на то, подписался на 30 экземпляровъ сего журнала.

Но въ Мартѣ еще мѣсяцѣ поднялась первая буря, и Апрѣль мѣсяцъ былъ задержанъ и потомъ разрѣшенъ, какъ то изъ бумагъ видно. Издатель оставался въ сіе время точно страдательнымъ, не сдѣлавъ никакого шагу въ пользу свою или журнала. По разрѣшеніи же Апрѣля, принялся за Май и, долженъ былъ наверстывать утраченное время провожденіемъ ночей безъ сна. Первыя слова мѣсяца Мая показываютъ точное состояніе издателя; они написаны въ ночь послѣ исповѣди предъ Св. Причащеніемъ и лились на бумагу нѣкакимъ протокомъ. Вмѣсто ослабленія отъ тревогъ, онъ чувствовалъ въ себѣ такую бодрость и крѣпость, какихъ дать себѣ не можетъ, и онъ, соблюдая пословицы: „куй желѣзо пока горячо, и не откладывай дѣла до другого дня,“ торопился издать сколько можно больше книгъ, предчувствуя, что наставшая гроза надъ головой его разразится; и сверхъ „Сіонскаго Вѣстника“ предпринялъ еще издавать ежемѣсячно „Угроза“. и въ томъ же году еще выданы имъ:

1. Просвѣщенный Пастухъ
2. Флейшера о самопознаніи
3. Пастырское посланіе
4. Начальныя основанія дѣятельнаго Христіанства.
5. Краткія правила на каждый день года.

Такъ что три типографіи работали на него въ одно время, и онъ не зналъ усталости. Естьлибы нынѣ дали 50 тысячъ жалованья за то чтобъ столько же дѣлалъ: то онъ никакъ сего не можетъ.

Къ случаямъ споспѣшествовавшимъ причесть можно и сей, что въ самое то время, какъ Апрѣль мѣсяцъ „Сіонскаго Вѣстника“ былъ остановленъ и отправленъ на разсмотрѣніе къ митрополиту, издатель получилъ вышеупомянутое письмо митрополита отъ той особы, къ которой оно было писано. просившей издателя о изданіи ея книжки и прилагавшей его письмо во свидѣтельство согласія его высокопреосвященства на напечатаніе оной подъ цензурою издателя „Сіонскаго Вѣстника“. Копія съ сего письма помѣшала митрополиту свой выгодный

Библиотека "Руниверс"

и лестный отзывъ о первыхъ трехъ мѣсяцахъ измѣнить какъ нибудь при четвертомъ.

Но въ Августѣ буря возобновилась съ силою непреодолимою; ибо изъ бумагъ явствуетъ, что и г. Новосильцовъ, и гр. Заводовскій отстаивали журналъ сей, сколько можетъ стоять человѣкъ за другого, который ему по всему чужой и въ которомъ онъ нимало не интересуется. Благодареніе Богу, что издатель все перенесъ, и еще живъ, и семья его, единственно отъ него зависящая, не поражена чѣмъ либо большимъ; впрочемъ онъ десять лѣтъ теперь находится подъ нареканіемъ у Государя, который прежде былъ хорошихъ о немъ мыслей, и оглашенъ предъ публикою человѣкомъ вреднымъ и даже злоумышленнымъ, и тѣмъ не только порывъ духа его остановленъ, но и отняты у него способы къ пропитанію съ своимъ семействомъ. Ибо онъ, не получа ничего въ наслѣдство, и самъ не пріобрѣтя никакого имѣнія, долженъ доставать самое пропитаніе себѣ трудами рукъ своихъ, и вся надежда его должна заключаться въ службѣ; но послѣ сего клейма, наложеннаго на издателя, онъ не можетъ и надѣяться получить какое либо мѣсто, которое давало-бы ему дорогу къ выслугѣ; а оба мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, не отвѣчаютъ свойствамъ его, ни ведутъ его ни къ чему. Остается ему одна надежда на частные свои труды, которыми надѣется онъ служить Отечеству не менѣе какъ естьлибы онъ писалъ и другого рода бумаги: во вопервыхъ труды его такого рода, который не награждается; вовторыхъ онъ долженъ и производить ихъ какъ-бы украдкою, дабы не подвергнуться подобной участи, какой онъ подверженъ за „Сіонскій Вѣстникъ“. Слѣдуетъ прочесть въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ самыя тѣ мѣста, за которыя обвиненъ издатель, показанныя въ послѣднемъ предложеніи г. Новосильцова Цензурному Комитету и списанныя съ экземпляра находившагося у Его Императорскаго Величества, и разсмотрѣть, сколь справедливъ сдѣланный надъ нимъ приговоръ. Ежели осужденіе правильно, тогда пусть онъ остается; естьли же нѣтъ, то справедливость требуетъ снять сіе клеймо, подъ коимъ издатель находится 10 лѣтъ и снять оное такимъ же гласнымъ образомъ, какъ оное было наложено. Святая религія, которой истинная цѣль не внѣшнія только дѣла богопочитанія, но возрожденіе въ человѣкѣ богоподобныхъ свойствъ, къ числу коихъ принадлежатъ и милость и справедливость, (какъ то видно напримѣръ изъ Исаіи гл. 1 ст. 11—17) еще паче того взыскуетъ. Издателю, для самаго дѣла его, нужно выти изъ такого положенія, чтобы снискивать къ себѣ уваженіе или снисхожденіе единственно своимъ лицемъ, которое толь маловажно, и чтобы ему не связывали рукъ добро дѣлать и служить по силамъ своимъ братьямъ

Библиотека "Руниверс"

своимъ сочеловѣкамъ и отечеству, къ чему одно снихожденіе не достаточно.

Естьли же нельзя уже возвратить ему потерянное: то пусть онъ останется живымъ свидѣтельствомъ, сколь легко нанесть другому долговременный вредъ, и сколь трудно оный вознаградить и при всемъ добромъ желаніи.

№ 1-й.

Записка, посланная въ Канцелярію Н. Н. Новосильцева для представленія куда слѣдуетъ, въ Мартѣ 1806 года.

Продолжающіеся невыгодные толки о „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ побуждаютъ издателя предложить свою готовность прекратить, буде угодно, журналъ сей. Начавъ сіе дѣло по побужденію чистѣйшему, безъ всякихъ собственныхъ выгодъ; ибо въ такомъ случаѣ онъ могъ-бы обратить перо свое и труды на другое что-либо, могущее доставить ему и чести и пользы болѣе, онъ готовъ безъ ропота оставить свое намѣреніе, естьли оное, вмѣсто чаемой имъ существенной пользы, приноситъ мнимый вредъ.

Приступая къ сему предпріятію, онъ зналъ, какимъ трудностямъ всегда подвержены бывали у насъ дѣла сего рода; но, видя благость нынѣшняго правительства и свободу, которую даруетъ онъ умамъ и сердцамъ, осмѣливался думать, что опасеніе, въ другое время основательное, нынѣ будетъ уже излишнее, что всякому дозволено приносить пользу своимъ соотчичамъ, чѣмъ кто можетъ; что въ христіанской націи христіанину о христіанствѣ разсуждать и говорить можно; и развѣ противъ онаго, а не въ пользу онаго, писать возбранено быть можетъ; что знать превосходство христіанства христіанину должно, и какую цѣну приписываетъ издатель святой религіи христіанской, то уже въ предварительномъ извѣстіи о семъ журналѣ (которое и здѣсь прилагается) онъ объявилъ.

По сему самому издатель и назвалъ журналъ свой прямо *христіанскимъ*, дабы самое слово сіе, вышедшее, такъ сказать, изъ употребленія, сдѣлать обыкновеннымъ, по крайней мѣрѣ на равнѣ съ другими философическими учеными и литературными терминами.

Имя свое сокрылъ онъ единственно для того, чтобы сужденіе о журналѣ его могло быть безпристрастнѣе; ибо когда мы знаемъ автора, то судимъ обыкновенно о сочиненіи его по нашему о немъ самомъ понятію, и одобряемъ или охуждаемъ оное по тому, какъ расположены къ сочинителю; въ дѣлѣ же семъ, по таковому побужденію предпри-

Библиотека "Руниверс"

нятомъ, издатель искалъ, сколько можно, остаться самому равнодушнымъ, что онъ и намѣренъ доказать симъ своимъ предложеніемъ.

Не желая ни кому наносить никакой непріятности, онъ повторяетъ, что готовъ оставить сіе дѣло, какъ скоро оно непріятно. Почитаетъ при томъ себя въ правѣ просить избавить равномѣрно и его отъ всякой непріятности. Начавъ сей журналъ единственно по охотѣ и доброй своей волѣ, онъ проситъ не стѣснять его въ произвольномъ его трудѣ, который и не можетъ ему быть тогда пріятнымъ, а тягостнымъ.

Апрѣль мѣсяцъ у него почти весь уже отпечатанъ, и онъ можетъ имъ заключить свой журналъ: но въ такомъ случаѣ проситъ дозволить ему: 1) Объявить скромнымъ образомъ публикѣ, что онъ не сдерживаетъ даннаго ей слова не по своей винѣ; 2) Чтобы подписавшіеся на „Сіонскій Вѣстникъ“ не были обмануты въ своей надеждѣ, издатель намѣренъ всѣмъ имъ выдать деньги обратно и убытки терпѣть одинъ; а потому дозволить ему публиковать въ вѣдомостяхъ, чтобы подписавшіеся особы благоволили принять деньги обратно.

Сію свою искреннюю готовность издатель предлагаетъ охотно и проситъ рѣшить участь его, дабы онъ былъ уже извѣстенъ, приступать ли сему къ мѣсяцу Маію, или нѣтъ? Изъ сихъ двухъ рѣшеній каждое онъ приметъ съ равною благодарностію.

Ѳеопемптъ Мисаиловъ.

NB. По сей остановкѣ журнала Цензурный Комитетъ вопрошалъ мнѣнія у митрополита, коего отвѣтъ слѣдуетъ подъ № 2-мъ.

Марта 22 дня 1806 года.

№ 2-й.

Въ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ.

На сообщеніе онаго Комитета, при которомъ доставленъ ко мнѣ Апрѣль мѣсяцъ „Сіонскаго Вѣстника“, отпечатанный, но не выпущенный еще въ свѣтъ, для разрѣшенія, не содержится ли въ ономъ сочиненіи каковыхъ либо артикуловъ не подлежащихъ разсмотрѣнію гражданской Цензуры, честь имѣю отвѣтствовать. По силѣ Устава о цензурѣ 1-го Отдѣленія 8-го пункта, книги сего рода прежде въ духовную цензуру для утвержденія присылаемы, а по 22-му пункту 1-го Отдѣленія скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, предоставлено разсмотрѣнію гражданской цензуры, да и въ указахъ, Святѣйшему Синоду данныхъ, какія подобныя симъ сочиненія слѣдуютъ или не слѣдуютъ къ разсмотрѣнію духовной цензуры, не объяснено. Почему и никакого постановленія по сему предмету въ разрѣше-

Библиотека "Руниверс"

ніе дать я не могу; а за тѣмъ, обращая при семъ тотъ журналъ, и не дѣлая съ моей стороны препятствія дать на выпускъ онаго билетъ, представляю разсмотрѣнію того Комитета.

Амвросій митрополитъ Новгородскій.

№ 57-й.

Марта 31 дня 1806 года.

№ 3-й.

Отвѣтъ г-ну министру просвѣщенія*) отъ попечителя С.-Петербургскаго Округа г-на Новосильцова съ изложеніемъ представленія Цензурнаго Комитета.

Милостивый государь графъ Петръ Васильевичъ!

Получивъ почтеннѣйшее отношеніе вашего сіятельства отъ 21-го сего мѣсяца, въ которомъ между прочимъ вы изволили отозваться, что издаваемое въ С.-Петербургѣ періодическое сочиненіе подъ названіемъ „Сіонскій Вѣстникъ“, какъ по своему титулу, такъ и по статьѣ содержащей разсужденія о религіи и доводы изъ Священнаго Писанія, на основаніи Устава о цензурѣ подлежатъ разсмотрѣнію духовной цензуры, далъ я сообразно оному предписаніе здѣшнему Цензурному Комитету, дабы онъ въ продолженіи сего сочиненія и въ подобныхъ ему, не принималъ на свое разсмотреніе артикуловъ относящихся къ вѣрѣ. Исполнивъ такимъ образомъ волю вашу, обязанностью моею почитаю представить на усмотрѣніе вашего сіятельства нѣкоторыя уваженія, по поводу сего открывающіяся: 1-е есть ли „Сіонскій Вѣстникъ“, по названію своему означая книгу, до религіи относящуюся, подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры; по сему нужно опредѣлить, всѣ ли книги, коихъ титулъ также заимствованъ изъ Священнаго Писанія и по сему сходенъ съ названіемъ „Сіонскаго Вѣстника“, должны быть разсматриваемы въ духовной цензурѣ, какъ на примѣръ: Мильтоновы поэмы: Потерянный рай и Возвращенный рай, поэма Іосифъ г-на Битобе. Расиновы трагедіи Есѳирь и Аталій, размышленія о величіи Божіемъ и проч.; но извѣстно, что въ Россіи, даже и въ прежніе времена, книги сіи всегда подлежали разсмотрѣнію гражданской цензуры. 2-е. Пріемля за основаніе, что книги содержащія разсужденія о религіи и доводы изъ Священнаго Писанія, слѣдуютъ въ духовную цензуру, должно допустить, что многія книги, не только до метафизики и нравственности относящіяся, но и самые повѣсти и романы должны зависѣть также отъ ея разсмотрѣнія. Изъ множества примѣровъ я привожу здѣсь только одинъ, а именно: *Матильду*, новый Французскій романъ въ 6 томахъ,

*) Графу П. В. Завадовскому. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

отмѣнно одобряемый со стороны нравственности и штиля, взятый изъ Крестовыхъ походовъ и содержащій въ себѣ разсужденія о религіи христіанской и весьма многіе доводы и цитаціи изъ Священнаго Писанія. Но прилично ли духовной цензурѣ разсматривать сіи и подобныя книги, которыхъ большею частію главный предметъ любовная интрига? 3-е. Въ § 8-мъ Устава о цензурѣ сказано: „книги и сочиненія церковныя, къ Священному Писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона Божія относящіеся, подлежатъ разсмотрѣнію цензуры духовной, находящейся подъ вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода и епархіальныхъ архіереевъ. Таковыя книги и сочиненія должны быть печатаемы въ синодской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдѣніемъ Синода состоящихъ. Подъ такими книгами разумѣлъ я только тѣ, кои непосредственно до вѣроиспов'ѣданія относятся, какъ то: книги въ Церквахъ употребляемыя, проповѣди, катехизисы и богословіе,—утверждаясь въ томъ на § 22-омъ, гдѣ въ наставленіи Цензурнымъ Комитетамъ сказано:“ „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины относящейся до вѣры, человѣчества и проч. не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія“. Сего только рода книги печатаются обыкновенно въ духовныхъ типографіяхъ; чтожъ касается до прочихъ, то самыя даже переложенія духовныхъ псалмовъ, жизнь Іисуса Христа, я не говорю уже о другихъ вышеупомянутыхъ книгахъ, всегда были печатаемы въ свѣтскихъ типографіяхъ.

Ожидая на все сіе разрѣшенія вашего сіятельства, которое тѣмъ нужнѣе, что цензуры, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ принадлежитъ къ цензорѣ духовной и что̀ слѣдуетъ къ ихъ разсмотрѣнію, невольнымъ образомъ могутъ учинить отступленіе отъ даннаго имъ предписанія и чрезъ то навлечь новыя непріятности.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Подлинное подписалъ: Николай Новосильцевъ.

№ 87-й.

Марта 31 дня 1806 года.

Его сіят-ву г. П. В. Завадовскому.

Библиотека "Руниверс"

№ 4. *Копія.*

Переписка по дѣлу о „Сіонскомъ Вѣстникѣ".

Получ. 12 Апрѣля 1806 г.

Отъ попечителя Санктпетербурскаго округа Санктпетербургскому Цензурному Комитету. Предложеніе.

По содержанію представленія Комитета отъ 2-го Апрѣля и препровожденнаго при оном̀ъ отношенія высокопреосвященнаго митрополита Амвросія, предлагаю Комитету выдать билетъ на выпускъ въ свѣтъ Апрѣля мѣсяца „Сіонскаго Вѣстника"; касательно же требуемаго Комитетомъ разрѣшенія о томъ, какимъ образомъ поступать въ подобныхъ случаяхъ съ сочиненіями сего рода, не оставилъ я сдѣлать надлежащаго представленія его сіятельству министру просвѣщенія. Апрѣля 12 дня 1806 года. Подлинное подписалъ: Н. Новосильцовъ.

*

№ 5. *Копія.*

Получено Апрѣля 24 дня 1806 года.

Отъ попечителя Санктпетербугскаго учебнаго округа С.-Петербургскому Цензурному Комитету. Предложеніе.

На отношеніе мое, коимъ испрашивалъ я разрѣшеніе, какимъ образомъ поступать Цензурному Комитету съ книгами о духовныхъ матеріяхъ, его сіятельство, министръ просвѣщенія сообщилъ мнѣ мысль свою, что цензура должна руководствоваться въ разсматриваніи оныхъ 22-мъ пунктомъ Устава о Цензурѣ, въ которомъ скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, предоставлено разсмотрѣнію гражданской цензуры; но сочиненія, въ коихъ имѣющіяся статьи касались бы догматовъ вѣры на основаніи 8-го пункта Устава, должны быть разсматриваны духовною цензурою. О чемъ симъ предлагаю Комитету для надлежащаго свѣдѣнія. Апрѣля 23 дня 1806 года.

Попечитель С.-Петербугскаго Учебнаго Округа (подп.) Н. Новосильцовъ.

*

№ 6-й. *Копія.*

Санктпетербургскому Цензурному Комитету. Предложеніе.

Дошло до высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что въ 6-й и 7-й книжкахъ „Сіонскаго Вѣстника", въ семъ году издаваемаго, разсмотрѣнныхъ С. П.-бургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ митетомъ, содержатся разныя предосудительныя мѣста, съ духомъ пра-

Библиотека "Руниверс"

вительства и съ правилами цензурнаго устава § 15-го не сообразныя. Примѣчательнѣйшія изъ онѣхъ суть слѣдующія. Въ Іюнѣ: *Пневматологической анекдотъ, толкованіе пророчествъ Даніиловыхъ, стр. 373. 376. примѣръ дѣйствія простоты сердца, стр. 394* (въ особенности) *извѣстіе объ Эккартсгаузенѣ*, стр. 387, гдѣ упоминается о его сочиненіи: les sciences primitives de l'homme rétrouvées и стр. 389 и 390, гдѣ описываются его таинственныя видѣнія и кончина. Въ Іюлѣ: Статья *о дарѣ прозорливости*, содержащая въ себѣ нелѣпыя пророчества, стр. 102. и различныя разсужденія, стр. 92, 98 и еще выше 87 и 88, о вѣроятіи и событіи таковыхъ предсказаній; нѣчто изъ пневматологіи, гдѣ встрѣчаются многія темныя и двусмысленныя выраженія, наприм. стр. 84 (о самодѣльныхъ образахъ), также стр. 73, 81 и проч. стр. 121 и 122, примѣръ добраго духовника, который сочинителемъ особенно похваляется за то, что былъ неученый священникъ и проч. и проч. Его Императорское Величество повелѣть мнѣ соизволилъ дать сіе на замѣчаніе Цензурному Комитету съ тѣмъ, чтобы впредъ въ разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ онъ былъ осторожнѣе, и не дозволялъ бы печатать ничего такого, что̀ съ одной стороны противно здравому разсудку, а съ другой можетъ произвести вредныя впечатлѣнія въ публикѣ. особенножъ въ простолюдинахъ, большею частію суевѣрныхъ и охотно читающихъ книги, содержащія въ себѣ подобныя нелѣпости. Предлагая о семъ для должнаго свѣдѣнія Цензурному Комитету, я надѣюсь, что онъ употребитъ все вниманіе свое при разсматриваніи подобныхъ сочиненій; въ противномъ же случаѣ подвергнетъ себя взысканію по законамъ. Августа 24 дня 1806 года.

Попечитель Санктпетербурскаго Учебнаго Округа Н. Новосильцовъ.

Библиотека "Руниверс"

Записка по дѣлу о мнимомъ бракѣ крестьянки Анисьи Бобошковой съ помѣщикомъ Кондратьевымъ.

Слободско-Украинскій помѣщикъ, гвардіи прапорщикъ Кондратьевъ бывъ безбрачнымъ, возымѣлъ наклонность къ дочери крестьянина своего села Будокъ, Анисьи Бобошковой, вышедшей въ замужество за его-же. Кондратьева, крестьянина Гордѣенко, но только другого села. Страсть сія столько въ немъ Кондратьевѣ дѣйствовала, что онъ, вскорѣ послѣ ихъ брака, отнялъ ее у Гордѣенка и взялъ къ себѣ въ домъ, а ему велѣлъ жениться на другой, а послѣ смерти сей и на третьей; между тѣмъ самъ, живя съ ней, Анисьею, прижилъ отъ нея дѣтей, которыя. однакожъ, не назывались его дѣтьми, такъ какъ и она его женою.

Въ 798-мъ году Кондратьевъ, желая обезпечить состояніе ея и дѣтей съ нею прижитыхъ, разными средствами досталъ изъ Бѣлопольскаго уѣзднаго суда свидѣтельство, якобы предки ея происходятъ изъ Малороссійскаго шляхетства по фамиліи Бобошкины-Вышневскіе, тогда какъ по ревизскимъ сказкамъ родъ ея издревле былъ крѣпостной Кондратьева, что̀ и сама мать ея подтвердила. И подъ сею фамиліею на имя ея, яко дворянки, а отнюдь не жены своей, купилъ около 300 душъ, которыми она и владѣла. Но впослѣдствіи крестьяне сіи, зная, что Анисья Бобошкова, почитаемая помѣщицею ихъ, отнюдь не дворянка и не жена Кондратьева, а жена крестьянина его Гордѣенка, а потому и не.въ правѣ владѣть ими, вошли о томъ, при жизни еще Кондратьева, просьбою въ гражданское правительство, которымъ въ 1803-мъ году и производимо было слѣдствіе, но безъ депутата со стороны духовной; и при томъ какъ слѣдствіе сіе заключалось въ крестьянахъ его-же, Кондратьева, то они, по боязни, и показали тогда только то, что̀ ему было угодно, то есть, будто Анисья Бобошкова съ Гордѣенкомъ вѣнчана не была.

Между тѣмъ помѣщикъ Кондратьевъ, видя, что дѣло сіе должно имѣть непріятныя послѣдствія, рѣшился прибѣгнуть къ другимъ непозволеннымъ средствамъ, и домогательствомъ его метрическія книги тѣхъ годовъ подчищены, переправлены, написаны другою рукою и одна на другой бумагѣ, даже дѣланной годомъ позже, и сею перемѣною и поддѣлкою предуспѣлъ онъ бракъ Гордѣенка съ Бобошковою исключить, а внесть мнимый свой въ книгѣ за 795-й годъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ явочномъ же прошеніи своемъ, поданномъ въ другой совѣмъ губерніи, показалъ самъ, что онъ вѣнчанъ 792-го года, тогда какъ по дворянскимъ спискамъ и исповѣднымъ книгамъ до 1804-го года показывался онъ всегда холостымъ.

Въ теченіи разбирательства всѣхъ сихъ обстоятельствъ, умерла у Гордѣенка и третья жена, а въ 1806-мъ году скончался и самъ помѣщикъ. Наслѣдники его приступили къ имѣнію, а Бобошкова съ дѣтьми открыла на оное свое притязаніе. Гордѣенко же, не имѣя уже способа быть женатымъ въ 4-й разъ, просилъ возвратить ему ту Бобошкову, яко одну законную его жену; отъ чего и началось дѣло у наслѣдниковъ по гражданскому, а у Гордѣенка по духовному правительствамъ, и на послѣдокъ бывъ обслѣдовано на мѣстѣ во всей подробности и при депутатѣ со свѣтской стороны, дошло до разсмотрѣнія С. Синода.

Показанія Бобошковой 1-е. Бобошкова показываетъ, что она ни Гордѣенка, ни родныхъ его никого не знаетъ и съ нимъ никогда вѣнчена не была,

По дѣлу и по слѣдствію значитъ. По дѣлу значитъ, что она первоначально сватана была за него, Гордѣенка, и открыты тѣ люди, которые при семъ случаѣ получили даже обыкновенные дары, а въ Ѳомину недѣлю они и обвѣнчаны, съ сохраненіемъ всѣхъ предписанныхъ на то правилъ и съ показаніемъ, кто какую исправлялъ при семъ должность: а по обвѣнчаніи отвезены они были въ домъ жениховъ, гдѣ и происходило обыкновенное угощеніе, о чемъ всѣ, бывшіе на. ономъ, разнаго званія люди и другіе, о дѣйствительности сего брака, достовѣрно свѣдущіе, всего около 100 человѣкъ, подъ присягою показали. Сама мать Бобошковой, и нынѣ еще въ живыхъ находящаяся, подъ присягою же удостовѣрила, что у дочери ея Анисьи съ Гордѣенкомъ была свадьба.

2-е. Во всеподданнѣйшемъ-же прошеніи своемъ сознается уже сама, что по исполненіи всѣхъ, по обыкновенію прежде свадьбы обрядовъ, введена она была въ воскресный день съ Гордѣенкомъ въ церковь, но вмѣсто вѣнчанія отпѣтъ одинъ молебенъ, и она потомъ отвезена была къ нему въ домъ.

Симъ сознаніемъ опровергаетъ уже сама прежнее свое показаніе, будто она Гордѣенка не знаетъ, а совершеніе дѣйствительнаго браковѣнчанія, а не отпѣніе одного молебна, доказывается свидѣтельствомъ бывшихъ при томъ людей, по имянно означенныхъ.

3-е. Что брака ея съ Гордѣенкомъ въ метрическихъ книгахъ 792-го года не записано.

Библиотека "Руниверс"

Метрическія книги сего года, хранящіяся въ консисторіи и въ духовномъ правленіи, въ коихъ бракъ сей непремѣнно былъ записанъ, переписаны вновь, а въ церковной тотъ листъ, на которомъ означены браки, перемѣненъ и написанъ другими совсѣмъ чернилами, въ чемъ и заключается явный подлогъ, учиненный послѣ къ исключенію того брака.

Подлогъ сей въ подчисткѣ и переправкѣ листовъ обнаруженъ слѣдствіемъ, которымъ открыто, что метрическія книги разновременно браты были изъ церкви къ помѣщику въ домъ во время пріѣзда къ нему присутствовавшаго въ духовномъ правленіи протопопа Залѣскаго, имѣвшаго съ нимъ связь, и приказный того правленія признался самъ, что онъ дѣлалъ таковую переправку по приказанію того протопопа, который одинъ завѣдывалъ метрическими книгами и оныя подписывалъ.

По исповѣднымъ-же книгамъ, гдѣ нѣтъ подчистокъ, она Анисья съ того 792-го по 795-й годъ показана женою его, Гордѣенка и книги тѣ какъ консисторскія, такъ и духовнаго правленія во всемъ сходны и подписаны священникомъ.

4-е. Что Гордѣенко женатъ былъ не на ней, но на другихъ двухъ женахъ, и браки тѣ записаны въ книгахъ.

Женатъ онъ былъ и на другихъ по приказанію помѣщика своего, отнявшаго у него законную его жену. Въ метрическихъ-же книгахъ обнаруженъ равный же подлогъ; ибо одна изъ таковыхъ книгъ за 795-й годъ, гдѣ, при вторичной его Гордѣенка женитьбѣ, бракъ показанъ первымъ, писана и на бумагѣ, дѣланной годомъ позже, то есть 796-го года.

5-е. Что бракъ ея, Вобошковой съ Кондратьевымъ записанъ въ метрическихъ книгахъ въ 795-году.

Внесенъ въ метрическія книги бракъ сей съ таковымъ-же подлогомъ, съ какимъ сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ переправки и подчистки, ибо метрическая консисторская села Будокъ книга переписана вновь на одинакой бумагѣ съ книгою того села за 792-й годъ, и хотя на первомъ листѣ и есть въ ней скрѣпа, но совсѣмъ другою рукою и отмѣнными чернилами, а книга духовнаго правленія во многихъ словахъ перечищена, и на подчищенной строкѣ написано было: онъ первымъ, а она полувторобрачная. Церковная также перечищена и притомъ писана вся на бумагѣ 1788-го, а тотъ одинъ листъ, на коемъ записанъ сей бракъ, 1794-го года, и оба они названы Черкасами. Самъ-же Кондратьевъ въ явочномъ прошеніи своемъ въ

Библиотека "Руниверс"

799-мъ году показалъ, что вѣнчанъ онъ въ 792-мъ, а священникъ, внеся сей бракъ въ книги за 795-й годъ, выдалъ ему послѣ свидѣтельство, что онъ будто вѣнчалъ ихъ въ 792-мъ году, въ которомъ брака сего нигдѣ не значится, и помѣщикъ Кондратьевъ, какъ по дворянскимъ спискамъ, такъ и по исповѣднымъ книгамъ по самый 1804-й годъ показанъ вездѣ холостымъ. Сама Бобошкова не называлась его женою, а писалась послѣ брака своего съ Гордѣенкомъ сряду три года при немъ, мужѣ своемъ, въ крестьянскомъ ея званіи, а послѣ при родныхъ братьяхъ своихъ въ прежнемъ селеніи, дѣти ея показывались по книгамъ, просто Анисьи Бобошковой. Начала-же она именовать себя женою Кондратьева уже съ 1803-го года, то есть когда вышло слѣдствіе по извѣту крестьянъ, и дѣти ея только съ 1804-го стали писаться подъ фамиліею Кондратьева; но во всѣхъ сихъ мѣстахъ книги переправлены и подчищены или перемѣнены въ нихъ листы, и даны такіе воспріемники, которые сами отъ того отреклись.

Самое имѣніе, купленное Кондратьевымъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мнимаго брака его съ Анисьею, было на имя ея Анисьи, яко дворянки Бобошкиной-Вышневской, а не на имя жены его, чего не было-бы никакой причины дѣлать, если бы бракъ тотъ дѣйствительно былъ въ 792 или 795 годахъ, какъ разнорѣчно о томъ показывается.

6-е. Что разнаго званія люди, посѣщавшіе домъ Кондратьева, знаютъ о бракѣ ея съ нимъ, и что они всегда признавали ее женою его.

Всѣ сіи люди, на которыхъ она ссылается, отозвались невѣдѣнімъ, а почитали ее въ видѣ жены Кондратьева потому только, что будто-бы слыхали отъ него, что онъ съ нею вѣнчанъ.

7-е. Въ заключеніе-же всего, во всеподданнѣйшемъ прошеніи сама уже опять сознается, что если бы она и вѣнчана была сперва съ крестьяниномъ, а потомъ съ помѣщикомъ, то не ея въ томъ вина, когда тотъ-же крестьянинъ былъ уже послѣ женатъ на двухъ женахъ, и что сему происшествію, если оно и было, минуло болѣе 10-ти лѣтъ, въ теченіи коихъ послѣдовалъ милостивый манифестъ.

Собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Проектъ письма къ Московскому главнокомандующему Т. И. Тутолмину по поводу мира съ Франціей.

(Письмо это не было послано по назначенію).

Приверженность ко мнѣ Московскихъ жителей, коей многократные опыты съ особеннымъ удовольствіемъ я видѣлъ, заставляетъ меня желать, чтобъ мнѣніе ихъ о предмѣтахъ къ благу отечества относящихся во всѣхъ случаяхъ основаны были на истинномъ положеніи обстоятельствъ и справедливостью своею соотвѣтствовали моему къ нимъ уваженію.

Извѣстіе о мирѣ съ Франціею постановленномъ и не совершившемся, безъ сомнѣнія представляетъ поводъ къ разнымъ разсужденіямъ.

Я счелъ нужнымъ доставить вамъ точныя понятія о существѣ сего дѣла въ связи началъ ему предшествовавшихъ и обстоятельствъ его сопровождавшихъ, чтобъ по симъ истиннымъ понятіямъ имѣли вы возможность поставить сужденія Московской публики о семъ происшествіи на прямую стезю.

Одно простое и краткое изложеніе главныхъ обстоятельствъ будетъ къ сему достаточно.

Война между Англіей и Франціею, послѣ кратковременнаго мира паки возникшая, не могла быть для Россіи равнодушна. Святость нашихъ союзовъ и желаніе содѣйствовать возстановленію общаго спокойствія заставили меня принять въ происшествіяхъ сихъ участіе. Мѣры сего участія по теченію обстоятельствъ были разнообразны; но начала ихъ были всегда одинаковы.

Сперва употреблены были мирныя внушенія, но среди оныхъ Французское правительство искало ложно расширенія. Война ожесточилась, положеніе союзниковъ нашихъ со дня на день болѣе было угрожаемо, опасности ихъ возрастали, и я призналъ нужнымъ, въ защиту ихъ, соединить съ ними военныя дѣйствія.

Извѣстны неудачи, потерпѣнныя союзнымъ оружіемъ. Хотя опыты храбрости Россійскаго воинства при семъ оказанные, поставили его мужество выше происшествій счастія или несчастія, тѣмъ не менѣе происшествія сіи пріостановили дѣйствіе принятыхъ нами мѣръ, но начала, на коихъ они утверждались, остались не пріемлемы.

Библиотека "Руниверс"

Я не преставалъ желать мира, съ пользами союзниковъ нашихъ и съ общимъ спокойствіемъ Европы сопряженнаго.

Въ семъ положеніи обстоятельствъ Французское правительство, чрезъ торговаго своего агента, здѣсь находящагося, въ началѣ настоящаго года изъявило наклонность къ мирнымъ сближеніямъ. Соотвѣтственно сему изъявленію даны были съ нашей стороны предписанія отправленному въ Парижъ для пособія нашимъ военно-плѣннымъ с. с. Убри вступить съ Французскимъ правительствомъ въ объясненіе о способахъ возстановить мирныя сношенія.

Основаніемъ сего порученія было достиженіе мира съ достоинствомъ Россіи, съ безопасностію Европы и съ пользами союзниковъ нашихъ соединеннаго.

Но мирное постановленіе с. с. Убри съ Французскимъ правительствомъ не соотвѣтствовало сей цѣли.

Одно воззрѣніе на статьи сего постановленія обнаруживаетъ всю его несовмѣстность.

Миръ, коимъ навсегда утверждается настоящее бѣдственное положеніе Европы, коимъ пресѣкаются всѣ способы къ возстановленію державъ порабощенныхъ, коимъ не ограждается безопасность нашихъ союзниковъ, коимъ Россія взамѣнъ неопредѣлительныхъ обѣщаній обязуется къ пожертвованіямъ существеннымъ и сама отрекается отъ собственныхъ ея способовъ сохранить равновѣсіе и независимость въ ея сосѣдствѣ, миръ, на сихъ началахъ положенный, не могъ быть свойственъ Россіи.

Но, не принявъ условій мира несовмѣстнаго, я не престаю желать мира прочнаго и на взаимныхъ пользахъ утвержденнаго. Въ сей непреклонности моихъ намѣреній, я поручилъ Министерству Иностранныхъ дѣлъ снова поставить въ виду Французскаго правительства способы и основаніе, на коихъ Россія можетъ паки приступить къ мирнымъ соглашеніямъ.

Основанія сіи столько съ одной стороны умѣренны, что отвергнуть ихъ безъ угроженія общей безопасности не возможно, а съ другой они столько съ пользами всѣхъ участвующихъ державъ сообразны, что съ принятіемъ ихъ общій миръ паки и прочнымъ образомъ въ Европѣ можетъ утвердиться. Такимъ образомъ миръ или продолженіе войны будетъ слѣдствіемъ сей мѣры.

Въ семъ состоятъ существенныя обстоятельства происшествія къ постановленію мира съ Франціею относящагося и настоящее положеніе сего дѣла.

Библиотека "Руниверс"

Доставляя вамъ сіи точныя о немъ понятія, я желаю, чтобъ они, бывъ приведены надлежащимъ образомъ въ извѣстность, послужили основаніемъ мнѣнію Московскихъ жителей о происшествіяхъ для блага отечества толико уважительныхъ. Я не сомнѣваюсь, что, зная истинное ихъ положеніе и руководимые просвѣщеннымъ образомъ мыслей и опытностью людей долговременными заслугами отличившихся, признаютъ они справедливость мѣръ, въ коихъ единственнымъ моимъ побужденіемъ было и будетъ утверждать внѣшнія наши отношенія на началахъ достоинству Россійской Имперіи свойственныхъ, соблюсти святость ея союзовъ и содѣйствовать возстановленію общаго въ Европѣ спокойствія, въ самыхъ основаніяхъ его потрясеннаго.

*

Письмо это сохранилось въ спискѣ. На немъ не означено время написанія. Оно писано въ 1806 году передъ второю нашею войною съ Франціей, окончившеюся заключеніемъ Тильзитскаго мира 27 Іюня 1807 года (день такъ называемый викторіальный, въ который и въ наши дни благодарственно вспоминается въ церквахъ Полтавская баталія и который конечно выбранъ былъ Наполеономъ для уязвленія нашей народной гордости, о чемъ, можетъ быть, и не догадались подписавшіе мирный договоръ князья Куракинъ и Лобановъ-Ростовскій). Послѣ Тильзитскаго мира въ народѣ сразу почуяли униженіе, и пѣснолюбіе милліоновъ Русскаго народа ослабѣло (какъ извѣстно по преданію).

Наполеонъ
Съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ и съ позоромъ
Предъ юношей-царемъ
Въ Тильзитѣ предстоялъ.

Вступивъ на престолъ 24 лѣтъ отъ роду, безъ всякой правительственной опытности, Александръ Павловичъ подчинился вліянію своей матери, для которой, по словамъ графа Ростопчина, выгода любаго Нѣмецкаго города была дороже Русскаго благополучія. Читатели „Русскаго Архива“ знаютъ по записной книжкѣ Коленкура, каково было мучительное положеніе нашего Государя. Вотъ почему, когда подъ Монмартомъ М. Ѳ. Орловъ привезъ ему ключи Парижа, онъ, обратясь къ стоявшему вблизи Ермолову, воскликнулъ: „Ну, что теперь про меня скажетъ Москва!“ (Слышано отъ А. П. Ермолова). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

зана Русская исторіографія (кромѣ многихъ другихъ книгъ) изданіемъ въ свѣтъ четырехъ большихъ томовъ переписки князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ съ 1812 по 1836 годъ. Оба они Москвичи и дѣти передовыхъ людей тогдашняго общества: отецъ Тургенева—директоръ Московскаго университета, воспитавшій въ домѣ своемъ (на Маросейкѣ, въ Петроверигскомъ переулкѣ, нынѣ Боткина-Гучкова) четырехъ сыновей, друзей Жуковскаго, одинъ другого достопамятнѣе; отецъ князя Вяземскаго—совоспитанникъ Павла (котораго обученіе было наилучшее), Нижегородскій намѣстникъ въ его царствованіе, другъ канцлера графа Воронцова, собиравшій въ Московскомъ домѣ своемъ (у Антипія, нынѣ князей Долгорукихъ) избранную бесѣду, отецъ Е. А. Карамзиной. Знакомые съ раннихъ поръ, князь Вяземскій и Тургеневъ по долгу жили врозь: князь Вяземскій въ Москвѣ, Варшавѣ и въ Петербургѣ; Тургеневъ, по выходѣ въ отставку изъ вліятельной своей должности при „другѣ царевомъ" князѣ Голицынѣ, проживалъ по нѣсколько мѣсяцевъ за границею. Разность возраста, характеровъ и самаго почерка (почеркъ князя корявый, но разборчивый, почеркъ Тургенева, торопливо-уплывчатый) не мѣшала искренности въ перепискѣ, а только разнообразила ее. Переписка рѣдко прерывалась, и въ ней обсуживалось все, что происходило тогда въ мірѣ политическомъ, умственномъ и словесномъ. Получилась живая и высоко занимательная хроника, которая, по множеству сообщаемыхъ въ ней показаній, не утратитъ долго цѣны своей. Четыре тома ея вышли еще въ 1899 году, и тогда же появились два тома историческихъ и литературныхъ примѣчаній къ первымъ двумъ томамъ. Примѣчанія остановились на долго, къ досадѣ читателей. Мы слышали даже клики негодованія на В. И. Саитова: говорили, что свои примѣчанія цѣнитъ онъ выше самой переписки. Черезъ девять лѣтъ оказалась неосновательность этихъ упрековъ: примѣчанія къ перепискѣ съ 1823 по 1837 годъ вышли образцовыя; на нихъ положено много усидчиваго, кропотливаго и въ тоже время умнаго и разнообразнаго труда. Подобно примѣчаніямъ въ Гротовскомъ изданіи Державина, можно не одобрить развѣ охоту скорѣе пересолить, нежели не досолить (выраженіе графа Д. Н. Блудова), но это относится скорѣе къ началу работы. Съ тѣхъ поръ прибыло умѣнья въ немногихъ строкахъ сказать многое и не обременять изыскателя излишествомъ ссылокъ. Сколько перечитано книгъ, сколько всяческихъ справокъ и цѣнныхъ указаній! Мы имѣемъ полную картину всей общественной и умственной обстановки, въ которой вращались князь Вяземскій въ Москвѣ, Варшавѣ и Петербургѣ, а Тургеневъ въ Петербургѣ, во Франціи, Германіи, Англіи и Италіи (онъ былъ вездѣ какъ свой, такъ что Соболевскій разъ надписалъ къ нему письмо *Тургеневу въ Европѣ*, и оно дошло). Въ книгѣ цѣлый рядъ біографій, либо вновь написанныхъ, либо пополненныхъ новыми свѣдѣніями напр. Оленина, Нечаева, Тимковскаго, б. Мейндорфа, Сербиновича, М. А. Салтыкова, Ханыкова, графа Потемкина, А. О. Смирновой, чужестранныхъ знаменитыхъ знакомцовъ Тургенева, о которыхъ онъ писалъ князю Вяземскому. Указатель къ книгѣ дѣлаетъ ее справочною. Но конечно, въ такомъ, можно назвать, небываломъ у насъ трудѣ, невозможно вполнѣ избѣжать ошибокъ. Такъ напр. означенъ невѣрно годъ кончины кн. А. И. Вяземскаго, спутано родство Киселевой, ошибки въ именахъ Столыпина и супруги князя Оболенскаго.

Пожелаемъ В. В. Саитову силъ и досуга для окончанія его достопочтенной работы, которая еще разъ служитъ подвержденіемъ того, что у насъ одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать больше, нежели многолюдныя общества и комиссіи. Единство работы даетъ ей силу.

П. В.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

8.

Стр.

429. Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Составленъ **графомъ В. П. Орловымъ-Давыдовымъ** VI—X. (Переписка съ братьями.—Поѣздки по Россіи.—Путешествіе за границей.—Отношеніе къ Академіи Наукъ).

507. Русскіе и Наполеонъ Бонапарте. Сочиненіе **А. Я. Булгакова.**

554. Кіевскій соборъ 1884 года. Записки **архіепископа Никанора.**

575. Изъ Варшавскаго архива **Н. Н. Новосильцева:** Наши фальшивыя ассигнаціи.—Старое обвиненіе Евреевъ.

586. Баронъ Р. Р. Унгернъ-Штернбергъ (†).

Изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

053. L' Allemagne en 1806. (Записка о злоупотребленіяхъ Пестеля, Фонъ-Брина и Трескина по управленію Сибирью).

Внутри сорочки: Объ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій» (второй выпускъ четвертаго тома).

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Библиотека "Руниверс"

ИЗДАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій (1908 г.)

Великолѣпное изданіе это близится къ окончанію: недавно появился второй выпускъ четвертаго тома съ 50-ю портретами и біографіями на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Любители художествъ не могутъ довольно налюбоваться образцами портретной живописи, прекрасно воспроизведенными въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; любители Русской исторіи XVIII и XIX столѣтій находятъ для себя такое чтеніе, что досадуешь на краткость изложенія (обусловленную размѣромъ одной только страницы): писавшій знаетъ много больше того, что̀ напечатано. Передъ нами во всей жизненности выступаетъ полсотня лицъ, большею частію высшаго Русскаго общества. Нѣкоторые въ первый разъ біографируются (напр. родъ Мятляевыхъ, Симолинъ, Леберехтъ), а біографіи другихъ появляются съ новыми, доселѣ неизвѣстными чертами: очевидно, что издатель пользовался свѣдѣніями, которыя до сихъ поръ были недовѣдомы людямъ, занимающимся Русскою исторіею. Такова, напримѣръ, біографія самозванки Таракановой, написанная по поводу помѣщеннаго въ числѣ портретовъ бюста ея, пріобрѣтеннаго у нѣкоего Н. Ѳ. Безобразова, который невѣрно показалъ, что онъ происходитъ отъ дочери графа Ѳ. Г. Орлова, Анны Ѳедоровны (она была супругою *Александра Михаиловича* Безобразова). Имѣемъ теперь новыя показанія объ этой проходимкѣ, издававшей манифесты противъ Екатерины Великой, въ тяжкое для Россіи время нашихъ неудачъ, въ первую Турецкую войну, въ дни чумы и Пугачевщины, когда надо было держать войска и на западной границѣ послѣ перваго вынужденнаго у Екатерины Фридрихомъ II-мъ раздѣла Польши. Чувство самосохраненія, общее всѣмъ людямъ, а для лицъ державныхъ обязательное, не допускало разборчивости въ средствахъ, и напрасно поступокъ графа Орлова названъ *подлымъ:* онъ дѣйствовалъ уже не для брата своего Григорія, который тогда сошелъ со сцены, но руководясь побужденіемъ государственнымъ. Узнаемъ, что у Таракановой былъ отъ Орлова сынъ, котораго крестили генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и жена коменданта Петропавловской крѣпости, гдѣ, по Запискамъ Винскаго, (Р. Арх. 1877) на оконныхъ стеклахъ ея комнаты видны были еще въ царствованіе Александра Павловича нацарапаныя ею какія-то буквы.

Тутъ же и рѣдкій портретъ самого графа Орлова въ молодыхъ годахъ, глядя на который вспоминаешь, что въ Италію онъ поѣхалъ лечиться отъ чахотки, еще въ 1767 г. изъ Москвы, гдѣ ему помогъ Сибирякъ Ерофеичъ. Орловы отличались хозяйственною вчинательностью. Торговыя сношенія съ Италіею благодаря имъ, приняли у насъ значительные размѣры: Калужскіе и Тульскіе купцы повели дѣла съ Ливурною, и тамошнее кладбище имѣетъ немало Русскихъ надгробій, которыя подлежатъ внесенію въ заграничный Русскій некрополь, и мы приглашаемъ къ собиранію и изданію таковаго (одинъ Парижъ дастъ немало именъ, подобающихъ сохраненію въ Русской памяти). Невѣрно сказано, что графъ Орловъ принялъ на себя чужой грѣхъ: въ письмѣ къ Екатеринѣ онъ винится только въ соучастіи и прямо называетъ князя Ѳ. С. Барятинскаго убійцею Петра

Библиотека "Руниверс"

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ГРАФА В. Г. ОРЛОВА.

Составленъ внукомъ его графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ *).

VI.

Вступленіе въ общее съ братьями владѣніе имѣніями.—Женитьба графа Владимира Григорьевича.—Рожденіе перваго сына.—Продолженіе переписки съ разными учеными и губернаторами.—Переписка графа Владимира Григорьевича съ братьями Алексѣемъ и Ѳедоромъ.

Въ перепискѣ графа Владимира Григорьевича 1768 года выказываются два значительныя происшествія, давшія особое направленіе его жизни: съ одной стороны то, что онъ вступилъ съ братьями во владѣніе большими имѣніями, съ другой, что онъ, еще будучи весьма молодымъ человѣкомъ, рѣшился жениться.

Предки Орловыхъ, какъ видно съ первыхъ страницъ настоящихъ записокъ, были Тверскіе помѣщики. Имѣнія ихъ какъ родовыя, оставшіяся за обмѣномъ на высочайше пожалованныя имъ земли, такъ и самыя эти земли, были нѣсколько лѣтъ въ общемъ владѣніи у пяти братьевъ. Графъ Владимиръ Григорьевичъ, какъ участвовавшій въ ономъ, былъ уже съ 1768 года однимъ изъ небольшаго числа крупныхъ Русскихъ собственниковъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался единственнымъ владѣльцемъ родоваго имѣнія, которымъ онъ повидимому особенно дорожилъ. Четыре старшіе брата продали его младшему брату графу Владимиру въ 1782 году.

Старшіе братья имѣли, кромѣ того, отдѣльныя собственности: Иванъ—въ Симбирской губерніи то именно имѣніе, о которомъ упоминается въ дневникѣ путешествія Императрицы и въ самыхъ ея письмахъ къ графу Панину. Графу Григорью была пожалована, въ самый годъ воцаренія Императрицы, великолѣпная Гатчинская мыза и мра-

*) См. выше, стр. 301.

Библиотека "Руниверс"

морный дворецъ въ Петербургѣ, достроенный уже по кончинѣ князя. На этомъ дворцѣ была надпись „Дань благодарности“. Оба эти пышные дара, содержаніе которыхъ превысило бы средства всякаго частнаго человѣка, были выкуплены Императрицей приблизительно за милліонъ рублей, который пошелъ на уплату долговъ, сдѣланныхъ княземъ Григорьемъ. Графу Алексѣю были пожалованы также, особо отъ общихъ владѣній въ Симбирской губерніи, большія имѣнія въ Московской, Воронежской и другихъ губерніяхъ. Графу Ѳедору поступили также отдѣльныя имѣнія въ Симбирской губерніи. Всѣ эти имѣнія были, за небольшимъ исключеніемъ, распроданы въ разныя руки самими владѣльцами или ихъ наслѣдниками.

Нельзя было здѣсь умолчать о большихъ имущественныхъ средствахъ братьевъ Орловыхъ и въ особенности о той части, которая досталась графу Владимиру Григорьевичу, потому что характеръ человѣка развивается инако при бѣдности, при довольствѣ и при богатствѣ. Счастье есть въ своемъ родѣ испытаніе*).

Хотя Владиміръ Орловъ пользовался самымъ пріятнымъ и лестнымъ положеніемъ при дворѣ Екатерины, но жизнь придворная никогда не была ему по вкусу. Сколь ни дорожилъ онъ милостивымъ къ нему расположеніемъ Екатерины, предметомъ желаній его была жизнь семейная, съ досугомъ для умственныхъ занятій и чистыхъ наслажденій сельскою жизнью и природою; поэтому онъ, скоро по возвращеніи своемъ изъ Лейпцига, началъ думать объ удаленіи отъ двора и о женитьбѣ. Его выборъ остановился на дѣвицѣ Елисаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, фрейлинѣ, жившей при Дворѣ Императрицы. Частые случаи, сближавшіе ихъ, дали графу возможность коротко узнать и оцѣнить рѣдкія душевныя качества ея; онъ чувствовалъ глубокую симпатію и уваженіе къ ней и помышлялъ о предложеніи ей руки своей, на что однако безъ согласія старшихъ братьевъ не рѣшался. Братья находили, что въ то время онъ былъ еще слишкомъ молодъ для женитьбы: долго ожидалъ онъ ихъ согласія, и въ продолженіе этого времени чувство его къ предъизбранной подругѣ жизни нетолько не измѣнилось, но созрѣло до самой крѣпкой привязанности, и никакія усилія съ разныхъ сторонъ склонить его жениться на одной изъ дѣвицъ, которая могла бы упрочить ему болѣе въ политическомъ отношеніи важное положеніе при Дворѣ, не могли поколебать его намѣренія. Когда исполнилось ему 25 лѣтъ, онъ объявилъ братьямъ своимъ, что

*) Слова Пушкина: говорятъ, несчастіе хорошая школа; но счастіе—лучшій университетъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

не хочетъ отлагать болѣе своего рѣшенія, и предложилъ свою руку Елисаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, которая взаимно любила его и уважала. Супружество ихъ было самое счастливое: они прожили 49 лѣтъ въ невозмутимомъ согласіи и нѣжнѣйшей любви, выражавшейся въ непрестанной заботѣ другъ о другѣ до глубокой старости.

Главныя радостныя и печальныя происшествія въ семейной жизни графа Владимира будутъ въ свое время представлены читателю.

Вельможа богатый и женатый продолжаетъ только что начатыя имъ дѣла администраціи и устроеніе Академіи и занимается съ необыкновенною любовью, какъ видно изъ корреспонденціи, научными предметами, интересуясь всѣми современными ему открытіями и ревнуя о распространеніи въ отечествѣ вкуса къ познаніямъ и свѣта наукъ.

28-го Іюля 1769 году родился первый ребенокъ у графа Владимира, сынъ Александръ. Графъ увѣдомляетъ объ этомъ происшествіи Мещеринова слѣдующими словами въ концѣ письма: „скажу Ѳокѣ пріятное извѣстіе; далъ мнѣ Богъ сына Александра. Хозяйка моя родила благополучно. Александру уже сегодня 9 недѣль. Государыня его изволила пожаловать прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, а Н. Н. Масловъ, по отмѣнной его величинѣ*) изъ дѣтей, записалъ въ гренадерскую роту; онъ родился безъ вершка аршинъ. Не худо будетъ, я думаю, нынѣшій годъ съ тобою повидаться. Прощай, Ѳока; дай Богъ тебѣ веселиться. Елисавета Ивановна кланяется Ѳокѣ".

(Октября 1769 года).

Великая была радость графа при рожденіи перваго сына Александра. Попеченіе о его здоровьѣ высказывается во множествѣ писемъ отца, увѣдомляющаго своихъ братьевъ и друзей о появленіи зубовъ у Александра, объ его ростѣ и развитіи тѣлесныхъ и умственныхъ силъ. Воспитаніе этого сына дѣлается средоточіемъ его заботливости.

1770-й годъ, прославленный въ лѣтописяхъ военной исторіи знаменитою морскою битвою, которой графъ Алексѣй Орловъ обязанъ своимъ титуломъ Чесменскаго, начался для младшаго его брата среди придворныхъ празднествъ въ Петербургѣ, среди академическихъ трудовъ его и семейныхъ радостей. Все это отражается въ перепискѣ его. Въ этомъ самомъ году графъ Владиміръ Григорьевичъ совершаетъ путешествіе (о которомъ будетъ сказано впослѣдствіи) въ Малороссію, а оттуда въ вотчины, недавно полученныя имъ отъ щедротъ монаршихъ. Семейство Орловыхъ въ это время еще находилось въ періодѣ возрастающаго

*) Рослость—принадлежность графовъ Орловыхъ. Она унаслѣдована многими даже дальними потомками ихъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

благополучія. Письма младшаго брата дышатъ удовольствіемъ и веселостью, не взирая на разстройство здоровья, побуждавшее его помышлять о предпринятіи вмѣстѣ съ семействомъ заграничнаго путешествія, по совѣту медиковъ, къ желѣзистымъ водамъ. Въ то время такое дальнее путешествіе было потруднѣе, чѣмъ теперь.

Графъ пишетъ Палласу, извѣщая его объ избраніи въ члены Экономическаго Общества, о соизволеніи Императрицы на посвященіе ей журнала его путешествія: благодаритъ за присланную минералогическую коллекцію и описаніе рыбъ, которое будетъ напечатано въ запискахъ Экономическаго Общества; одобряетъ предпринимаемое Палласомъ путешествіе съ ученою цѣлью въ Китай; затѣмъ поручаетъ ему заѣхать по дорогѣ, или послать другаго ученаго, въ Джелобію, гдѣ будто бы надъ одною изъ тамошнихъ церквей слышится постоянный колокольный звонъ, и произвести изслѣдованіе причинъ такого страннаго явленія, присовокупляя, что сама Государыня къ этому факту относится съ сомнѣніемъ.

Гмелину—объ исходатайствованіи у Императрицы найма на 6 мѣсяцевъ судна для его путешествія, во время котораго проситъ обратить преимущественно вниманіе на торговлю. Разрѣшаетъ ему остаться еще на годъ въ Персіи, заявляя, что Императрица очень довольна присланнымъ имъ сочиненіемъ и проситъ переслать при случаѣ собранныя имъ коллекціи.

Гюльденштедту выражаетъ сожалѣніе о постигшей его болѣзни, удержавшей отъ поѣздки въ Георгію (Грузію), каковое путешествіе впрочемъ Академія одобряетъ.

Лепехину подтверждаетъ о веденіи журнала его путешествію, а Ловицу дѣлаетъ строгое внушеніе по поводу его молчанія и уклоненій отъ доставленія астрономическаго журнала, который ожидается всѣми съ нетерпѣніемъ.

Командовавшимъ 1-ю и 2-ю арміями графамъ Румянцову и Панину и Кіевскому губернатору графъ пишетъ объ оказаніи всевозможнаго содѣйствія адъюнкту Крафту, командированному Академіей для географическихъ изслѣдованій въ Молдавію и Валахію, а Тобольскому губернатору—о скорѣйшей постройкѣ обсерваторіи для астрономическихъ наблюденій капитана Исленьева, которому предлагаетъ лично вступить въ Академію.

Мюллеру (въ Москвѣ) изъявляетъ благодарность за книги и труды по обработкѣ исторіи Сибири, которые послужатъ значительнымъ пособіемъ историку Сибири Фишеру.

Библиотека "Руниверс"

Пабсту, Гримму (горному совѣтнику въ Фрейбургѣ) поручаетъ пріискать практически свѣдущихъ ученыхъ по части минералогіи и двумъ остальнымъ царствамъ, для добыванія каменной соли и для устройства рудниковъ.

Эрнести, въ Лейпцигѣ, передаетъ порученіе Императрицы о пріисканіи свѣдущаго въ древностяхъ лица, для посылки его въ Архипелагъ, съ обязанностью составить описаніе встрѣченныхъ имъ тамъ достопримѣчательностей по части древностей, и затѣмъ издать это описаніе.

Клодіуса благодаритъ, отъ имени Императрицы, за присланныя стихотворенія.

Кромѣ того, въ 1770 году графъ приглашалъ въ Россію разныхъ иностранныхъ ученыхъ, особенно же желалъ онъ пріѣзда тайнаго совѣтника Бемера изъ Берлина, и предлагалъ ему сначала, чрезъ Формея, мѣсто ректора Московскаго университета; затѣмъ лично извѣстилъ Бемера, что Государыня соизволила на посвященіе ей его сочиненія, и весьма рада его пріѣзду въ Петербургъ, первоначально назначивъ ему окладъ въ 2000 рублей; что о немъ сообщено уже Русскому посланнику, и что, въ случаѣ выхода его, Бемера, изъ службы въ Берлинѣ, онъ охотно принимается на службу къ Русскому Двору. Въ заключеніе Орловъ изъявлялъ свою радость въ виду личнаго близкаго знакомства съ Бемеромъ.

Базедову, профессору въ Альтонѣ, графъ передаетъ приглашеніе Императрицы пріѣхать въ Петербургъ для совѣщанія по педагогическимъ вопросамъ, въ видахъ устройства училищъ въ Россіи; благодаритъ его, отъ имени Государыни, за присланныя книги съ приложенными къ нимъ эстампами, прося о доставленіи 400 оттисковъ послѣднихъ къ изготовляемому Русскому переводу этого сочиненія. Для успѣшнѣйшаго довершенія этого труда Государыня пожаловала Базедову 1000 руб.

Заботливость графа въ дѣлѣ *о воспитаніи молодыхъ людей, посланныхъ заграницу*, въ Педагогіумъ въ Галлѣ, выражается въ многочисленныхъ письмахъ его къ Лейпцигскимъ педагогамъ и ученымъ: Беме, Шраберу (инспектору въ Галлѣ), Шенфельду, Зейдлицу, Бокуму и др. Ко всѣмъ этимъ лицамъ графъ обращается за свѣдѣніями о Педагогіумѣ, какъ заведеніи хорошо имъ извѣстномъ, и, передавая ходячіе слухи, что въ воспитывающихся въ немъ дѣтяхъ внѣдряются чувства меланхоліи, боязливости и скрытности, выражаетъ опасеніе, несмотря на хорошую репутацію означеннаго заведенія, что врожденная живость дѣтскаго характера можетъ смѣниться мрачнымъ настроеніемъ и перейти

Библиотека "Руниверс"

въ піетизмъ. Въ это время въ Галльскомъ Педагогіумѣ находились слѣдующіе молодые Русскіе: братья Богусловскіе, Наумовъ, Зиновьевъ, Насакинъ, Островковъ, и посылались еще Бунинъ, дѣти Шкурина[1]) и Димона и Алексаша (послѣдній, вѣроятно, побочный сынъ графа Алексѣя Григорьевича). При посылкѣ Бунина[2]), остроумнаго и живаго юноши, графъ заботится о томъ, чтобъ онъ не былъ запуганъ, и вообще проситъ приставить къ дѣтямъ руководителей, которые сообразовались бы съ ихъ характерами и наклонностями. Но особенно ясно выразился личный взглядъ графа на направленіе воспитанія въ перепискѣ его съ Гейницемъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ къ нему графъ подробно объясняетъ, что желаніе родителей молодыхъ людей, находящихся въ Лейпцигѣ, заключалось въ томъ, чтобъ удалить дѣтей отъ сообщества прислуги и не обременять ихъ непосильнымъ ученьемъ. По слабости и нѣжности ихъ темпераментовъ, имъ необходимы частыя прогулки пѣшкомъ, по временамъ поѣздки и т. п. для укрѣпленія физическихъ силъ. Проситъ устранять этихъ молодыхъ людей отъ панибратства съ прислугой, отчего они уже пострадали прежде, заняться постепеннымъ исправленіемъ ихъ выговора и образа выраженій. По мнѣнію графа, занятія науками не должны быть для нихъ бременемъ; сообщеніе имъ различныхъ понятій, соотвѣтственныхъ ихъ способностямъ, можетъ быть достигнуто путемъ бесѣдъ; поощрять въ мальчикахъ охоту заниматься рисованіемъ, танцами, ариѳметикой и географіей; наблюдать, чтобъ они при кратковременныхъ отлучкахъ всегда были сопровождаемы надежнымъ человѣкомъ. Затѣмъ проситъ о доставленіи чрезъ каждые два мѣсяца вѣдомостей объ ученіи и поведеніи молодыхъ людей, плата за содержаніе которыхъ будетъ высылаема пополугодно, и обѣщаетъ за труды воспитанія дѣтей признательность ихъ родителей. Другимъ письмомъ гр. разрѣшаетъ Гейницу отправиться съ дѣтьми на воды и, назначая для одного изъ нихъ наружное употребленіе водъ, проситъ поступать съ осторожностью, пригласивъ къ совѣту мѣстнаго врача. Желаетъ знать, продолжается ли у одного изъ мальчиковъ Англійская болѣзнь.

Изъ корреспонденціи графа въ этомъ году съ нѣкоторыми губернаторами видно, что онъ имѣлъ порученія отъ Императрицы и *по дѣламъ внутренней политики*. Такъ, въ письмахъ (на Нѣмецкомъ языкѣ) Казанскому губернатору Брандту графъ замѣчаетъ, что во ввѣренной

---

[1]) Подъ именемъ одного изъ Шкуриныхъ посланъ былъ для ученія въ Лейпцигъ и графъ А. Г. Бобринскій. П. Б.

[2]) Кажется, что это Иванъ Аѳанасьевичъ Бунинъ, сынъ Бѣлевскаго воеводы и братъ В. А. Жуковскаго. Онъ занимался живописью и написалъ иконы въ церкви села Мишенскаго, подъ Бѣлевымъ. Умеръ онъ юношею. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ему губерніи дѣла находятся не въ порядкѣ: по слухамъ, многіе изъ служащихъ несвободны отъ „крючкотворства и взяточничества“ [1]) и другихъ слабостей, о которыхъ неудобно говорить въ письмѣ. Эти замѣчанія вызваны чувствомъ дружбы, какъ могущія оказаться небезполезными, въ особенности при производствѣ рекрутскаго набора, который, какъ слышно, не обошелся безъ притѣсненій; справедливая строгость въ управленіи губерніею, по его мнѣнію, можетъ принести немалую пользу. При этомъ даетъ предостереженіе въ отношеніи окружающихъ, указывая на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, по слухамъ, считаются лихоимцами. Въ другомъ письмѣ хвалитъ Брандта за его энергическій образъ дѣйствій, употребленный имъ противъ насилія (?), благодаритъ за сдѣланный выговоръ управляющему конскими заводами, какъ вполнѣ заслуженный, и совѣтуетъ на будущее время, въ случаѣ его неисправности, поступить съ нимъ по всей строгости законовъ.

Война съ Турціей была объявлена въ 1768 г., и высочайшій о томъ манифестъ состоялся 16-го Ноября того года. Григорій Орловъ задолго до этой войны помышлялъ и возбуждалъ въ Императрицѣ мысли объ освобожденіи христіанъ отъ Магометанскаго ига, о возстановленіи Греціи и отдѣленіи ея отъ Турецкой имперіи. Онъ внесъ въ засѣданіе Совѣта, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ Императрицы, свое предложеніе и, по его настоянію, флотъ былъ отправленъ въ Средиземное море и ввѣренъ главному начальству брата его Алексѣя.

Владимиръ Григорьевичъ пишетъ изъ Петербурга къ двумъ братьямъ Алексѣю и Ѳедору въ Италію [2]):

№ 34. Января 18.

„Письмо ваше, голубчики, отъ 25-го Декабря получилъ; Розенбергъ уже тогда уѣхалъ. Сожалѣемъ, что не было тебѣ извѣстія болѣе о Ѳедѣ и о флотѣ. У насъ здѣсь уже болѣе недѣли слышно, что въ Магонъ 4 или 5 кораблей пришло, нѣкоторые въ Гибралтарѣ, а нѣкоторые въ гаваняхъ въ Португаліи, и сіи послѣдніе, сказываютъ, скоро идутъ въ Магонъ, а остались только 1 или 2 корабля изъ всей Спиридовской эскадры въ Англіи. Есть извѣстіе, что Елфинстонъ съ нѣкоторыми кораблями дошелъ до Англіи, а сколь скоро оттуда пойдетъ, о томъ неизвѣстно. Прощайте, голубчики; у насъ здѣсь все благополучно, братья здоровы, и я съ моею собственною семьею. Лиза [3]) кланяется и цѣлуетъ ваши ручки. Алексаша мой рѣзовъ становится. Можетъ быть, мое письмо васъ обоихъ вмѣстѣ найдетъ.

---

[1]) Эти два слова написаны въ Нѣмецкомъ письмѣ порусски.

[2]) Графы Алексѣй и Ѳедоръ на время путешествія перемѣнили свои имена: первый назвался Островскимъ, а послѣдній Богородскимъ (Депеша Ширлея къ лорду Weymouth отъ 20 Іюля 1768 г.).

[3]) Супруга графа Владимира Григорьевича.

Библиотека "Руниверс"

№ 36. Января 27.

къ графу Ѳедору Григорьевичу.

„Уже давенько отъ васъ писемъ нѣтъ. Мы привыкли оныя часто получать, а теперь недѣли двѣ какъ не имѣемъ. Недавно здѣсь пришло извѣстіе, что въ Молдавіи наши Турокъ поколотили добрымъ порядкомъ. Число ихъ было болѣе 6000, нашихъ же едва двѣ. Ихъ намѣстѣ легло тысяча или болѣе человѣкъ. Такъ-то, братья! Гдѣ ни сойдемся съ Турками, тутъ побьемъ, не смотря на ихъ превосходство. Прилагаю при семъ прибавленіе объ ономъ преизшествіи. Здѣсь зима рѣлко такъ умѣренна бываетъ, какъ сего года: во все время большихъ морозовъ не было. Въ городѣ здѣсь не видать, чтобъ война настояла, объ ономъ немного безпокоятся; да и много веселья: маскарады, вольныя комедіи при Дворѣ, ассамблеи у большихъ господъ по очереди всякую недѣлю, куда болѣе ста человѣкъ съѣзжается. Еще новый родъ собранія, называется клобъ, похожъ на кафегаусъ, гдѣ уже болѣе 130 человѣкъ вписались, платитъ каждый по 30 рублей въ годъ; всякаго сорта люди есть въ немъ: большіе господа всѣ почти, средніе, ученые, художники и купцы. Можно въ оное ѣхать во всякое время, поутру и послѣ обѣда. Желающихъ въ оное вступить избираютъ баллотированіемъ. Я со всею семьею здоровъ, также братья, родня наша и милые ваши здоровы. Прощайте голубчики; дай Богъ вамъ всякаго благополучія. Лиза цѣлуетъ ваши ручки“.

№ 38. Февраля 3.

„Турковъ бьютъ такъ часто и съ такимъ малымъ числомъ, что трудно было бы и вѣрить, ежели бы сіе не въ наше время происходило. Прилагаю здѣсь подробное прибавленіе произшедшему дѣлу ири Фокшанахъ. Вчерашняго же числа пришло извѣстіе изъ арміи П. А. Румянцова, что Турки приходили къ Бухаресту многимъ числомъ, но малымъ числомъ нашихъ людей, съ урономъ нарочитымъ съ ихъ стороны, отбиты и прогнаны; однимъ словомъ, гдѣ ни встрѣтятся наши съ ними, тутъ ихъ и бьютъ. По симъ успѣхамъ, гораздо лучшему состоянію нашихъ обѣихъ армій передъ прежними годами и благоразумнымъ мѣрамъ предпринятымъ, надобно по всей вѣроятности заключить, что сія кампанія будетъ гораздо жарче для Турковъ и гораздо выгоднѣе для насъ. У меня третьяго дня была радость: у Алексаши зубъ прорѣзался, и онъ былъ въ это время такъ здоровъ, что онаго и ожидать было нельзя. Я со всею моею семьею, благодаря Бога, здоровъ, также и братья здоровы. Елисавета Ивановна цѣлуетъ ваши ручки и желаетъ вамъ всякаго благополучія“.

№ 41. Февраля 9.

„Письмо твое, Алеханъ*), послѣднее получили отъ 4-го Января. Слава Богу что ты здоровъ; но жаль очень, что по сю пору о Ѳедорѣ извѣстія нѣтъ, а возли бо (авось-либо?) скоро будетъ, чего отъ всего сердца всѣ желаемъ. Прошлый разъ писалъ я къ вамъ, что одинъ зубъ прорѣзался у Алексаши, а теперь и другой; дѣтина гораздо пошумливаетъ, однако не ворчитъ. Вчера получено извѣстіе отъ графа Румянцова, также рапортъ отъ Штофельна, кото-

*) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ.

Библиотека "Руниверс"

рый съ корпусомъ былъ посланъ къ Браилову. При самой крѣпости разбилъ онъ Турокъ, нѣкоторое чисѣло пѣхоты ушло въ крѣпость, конница въ стѣны, побито на мѣстѣ болѣе 1000 человѣкъ, да и въ погонѣ нашими легкими войсками порублено много и потонуло много въ рѣкѣ Серетѣ, чрезъ которую они принуждены были переправлятся. Съ нашей же стороны убито трое. Городъ, т. е. предмѣстье, Турками зазженъ, и знатная часть сгорѣла, а нашими при отходѣ совсѣмъ въ пепелъ обращенъ. Въ семъ предмѣстьи было 7000 домовъ, при томъ сгорѣлъ и магазинъ, въ которомъ было 60,000 четвертей провіанта. Штофельнъ принужденъ былъ отступить отъ крѣпости; крѣпость гораздо въ хорошемъ состояніи: провіанту и аммуниціи въ ней довольно; гарнизонъ многочисленный; у насъ осадной артиллеріи не было, да и сверхъ того время было холодно и неудобно. На походѣ разорилъ много деревень, дабы тѣмъ воспрепятствовать непріятелеву нападенію, которое онъ покушается дѣлать на Фокшаны и Бухарестъ. Можетъ быть, мое письмо васъ обоихъ вмѣстѣ застанетъ. Молю Бога о благополучіи вашемъ. У насъ все здѣсь въ хорошемъ состояніи. Прощайте, сударики, Алеханушка и Ѳедя. За письмо твое частое, Алеханъ, благодарствую очень, очень".

№ 43—67. Февраля 15.

„Здравствуйте, ребята! Мы, слава Богу, всѣ здоровы. Алексаша мой часъ отъ часу веселѣе становится. О твоемъ Алексашѣ, Алеханъ, могу сказать мнѣ и тебѣ въ удовольствіе, что онъ ведетъ себя очень хорошо. Мои старанія при воспитаніи ребятъ всѣ на тотъ предметъ клонятся, о которомъ ты въ одномъ изъ твоихъ послѣднихъ писемъ упоминаешь, т. е. доброе и честное сердце всему предпочитать. Вас. Гр. Шкуринъ упросилъ меня, также и Димонъ, чтобъ я его дѣтей взялъ къ себѣ и послалъ бы въ чужіе края нынѣшнимъ лѣтомъ, Я согласился на оное и двоихъ меньшихъ взялъ къ себѣ мѣсяцъ на другой, на третій, чтобъ они развыклись съ родителями и сноснѣе бы имъ была разлука, а лѣтомъ пошлю ихъ съ хорошимъ человѣкомъ всѣхъ троихъ въ чужіе края. Ребята кажутся очень изрядные. У насъ все по старому. Поздравлю тебя, Одинька, съ сегодняшними имянинами. Дай Богъ тебѣ будущіе твои дни такъ счастливо жить, какъ я тебѣ желаю. Рожденіе твое мы праздновали нѣсколько дней назадъ. Переслалъ бы я къ тебѣ гостинецъ, маленькую книжечку, которую я для тебя и для Алехана нарочно заставилъ перевесть и которая мнѣ чрезвычайно нравится. Лиза также поздравляетъ васъ обоихъ съ имянинникомъ и цѣлуетъ ваши ручки".

№ 44—68. Февраля 24.

„Вчера пришло радостное извѣстіе сюда: генералъ Штофельнъ при мѣстечкѣ Журжѣ встрѣтилъ около 15,000 Турокъ, въ скоромъ времени разбилъ ихъ и разсыпалъ; на мѣстѣ легло съ ихъ стороны съ 3000 человѣкъ; въ полонъ при отъѣздѣ курьера безпрестанно водили, и уже было 370. По разбитіи, мѣстечко взялъ; крѣпость же еще не была взята, въ которой засѣло съ 500 человѣкъ; однако надѣются, что-онъ ее конечно возметъ. Вотъ, какъ-то, братцы, покалачиваютъ! Нынѣшнюю зиму мы не дремали; дай Богъ, чтобъ наступаю-

Библиотека "Руниверс"

щая весна успѣхами похожа была. Теперь съ часу начась надобно ждать подобныхъ вѣстей. Дня съ три ѣздилъ съ братомъ Григорьемъ Гр-чемъ въ Гатчину и веселился тамъ съ нимъ два дня. У насъ все, слава Богу, въ хорошемъ состояніи. Я съ моею семьею здоровъ. Цѣлуемъ васъ всѣ заочно, и желаемъ очень имѣть о Ѳедорѣ извѣстіе".

№ 45—69. Марта 3.

„Послѣднее ваше получа письмо обрадовались, что вы оба въ добромъ здоровьи и что нашъ флотъ пойдетъ въ назначенное мѣсто. Но съ другой стороны, радость остановлена тѣмъ, что вы далеко отъ насъ будете и труднѣе отъ васъ вѣсточки получать. Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ наши письма васъ найдутъ. Мы всѣ здѣсь прилежно молимся Богу о счастливыхъ успѣхахъ.....

„Ежели по желанію нашему пойдетъ, и нынѣшняя кампанія будетъ соотвѣтствовать прежней, какъ сухопутная, такъ и водяная, то надѣяться можно, что съ окончаніемъ кампаніи кончится и война. Благодаря Бога, мы здѣсь въ Петербургѣ и въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, очень покойны въ разсужденіи военнаго времени. Все у насъ идетъ здѣсь по старому, даже и Коммисія о Уложеніи хотя и не съ такимъ подвигомъ, однако очень изрядно идетъ. Ѳединька, голубчикъ, виноватъ ты, что, писавъ къ Алексѣю два письма въ Ливорно, къ намъ ни одного не прислалъ; засуетился или залѣнился, да Богъ проститъ, хотябъ и послѣднее было. У тебя собаки малодыя нѣкоторыя гораздо хорошо скачутъ, я самъ тому свидѣтель, и немного выискиваются, которыя бы ихъ оскакивали. Товарищамъ вашимъ всѣмъ кланяюсь. Желаю вамъ всякаго благополучія. Я, слава Богу, со всею моею семьею здоровъ. Лиза цѣлуетъ ваши ручки".

№ 46—70. Марта 10.

„Здравствуйте, друзья сердечные! У насъ здѣсь стоитъ холодно и морозно. Новостей особливыхъ нѣтъ. Всѣ же прочія извѣстія хорошія, которыя какъ изъ вѣдомостей видимъ, также и другими каналами получаемыя. Дай Богъ вамъ въ вашей сторонѣ счастія. То дѣло скоро къ концу придетъ, о чемъ мы здѣсь очень Бога молимъ. Нѣтъ почти никакой надежды, чтоб мое теперечное письмо застало Алехана въ томъ же мѣстѣ. Жаль, что при этомъ несравненно далѣе письма ходить будутъ. Однако мы, такъ какъ и прежде, всякую недѣлю писать будемъ и васъ просимъ не оставлять письмами своими, а особливо Ѳедю лѣниваго. Прощайте, голубчики".

№ 50—71. Марта 24.

„Братцы, голубчики! У насъ вдругъ тепломъ ударило, и дня съ четыре какъ снѣгъ весь поводенѣлъ. Мы думали, что нынѣшней зимы конца не будетъ: до 6-й недѣли поста морозъ за морозъ былъ; однако, за всею теплотою Нева простоитъ, кажется, Страстную недѣлю. Съ низу пишутъ, что тамъ весна стала съ первой недѣли великаго поста и скотъ уже въ поле выгоняютъ, а здѣсь въ то время жестокая зима господствовала. У васъ, я чаю, снѣгу давно видомъ не видать, и слыхомъ не слыхать. Дворъ пойдетъ послѣ праздниковъ въ Цар-

Библиотека "Руниверс"

ское Село. Давно пора Государынѣ такою жизнью воспользоваться, а то нынѣшнею зимою по большой части на одномъ мѣстѣ, въ запертыхъ комнатахъ время препроводила, къ тому же или въ чтеніи, или въ письмѣ. Чаю, вы молодцы, заскакали за три девять земель. Молю Бога о здоровьи вашемъ и объ успѣхахъ. Прощайте, сударики! Я со всею семьею здоровъ. Лиза цѣлуетъ ваши ручки".

Къ этому же году относятся и письма въ Академію.

„Г. пасторъ Лаксманъ просилъ меня предоставить ему мѣсто академика, если Академія признаетъ его достойнымъ. Что касается до меня, я считаю его способнымъ человѣкомъ, въ особенности для исправленія хозяйственной должности, которая хотя въ настоящее время и не существуетъ, но въ будущемъ можетъ легко открыться. Пока ему можно бы было поручить химическія работы. Будьте такъ добры, представьте это Академіи, чтобы узнать мнѣніе послѣдней на этотъ счетъ.

„Письмо г. Шлецера я еще разъ попрошу. Слѣдуетъ, чтобы Географическій Департаментъ собралъ свѣдѣнія насчетъ подробностей, сообщаемыхъ г. Бюшингомъ, и чтобы не забыли отвѣтить на это.

„Протоколъ оставляю еще у себя. Въ случаѣ, если въ отношеніи г. Лаксмана произойдетъ разногласіе, то сообщайте въ чемъ расходятся мнѣнія гг. академиковъ. Четвергъ 25-го Февраля (1770 года).

„Посылаю вамъ конспектъ Кешлеровыхъ рукописей. Я его получилъ отъ Ея Императорскаго Величества для сохраненія его при Академіи. Какъ только книги будутъ доставлены, онѣ немедленно должны быть сданы въ Академію.

„Ея Императорское Величество дали мнѣ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ внутри Россіи, для поправленія моего здоровья. Въ мое отсутствіе вы будете собираться, какъ и прежде, по два раза въ недѣлю, и рѣшать всѣ дѣла большинствомъ голосовъ; секретарь же долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы всякій подавалъ свой голосъ. Журналъ обо всемъ, что произойдетъ въ мое отсутствіе, долженъ быть мнѣ доставленъ тотчасъ по моемъ возвращеніи. Впрочемъ я надѣюсь, что всякій изъ членовъ постарается избѣгать всего того, что можетъ помѣшать общему согласію, чрезъ что слѣдовательно дѣла могутъ идти по возможности скорѣе и исправнѣе. 20-го Марта 1770 г.

VII.

Дневникъ путешествія, въ 1770 г., въ Кіевъ и въ свои вотчины.

Переписка съ учеными и съ братьями прерывается въ Мартѣ мѣсяцѣ, и ее замѣняетъ краткій собственноручный дневникъ втораго путешествія по *Россіи* графа Владимира Орлова. Это путешествіе, исполненное лѣтомъ 1770 года, въ веселомъ, часто шутливомъ расположеніи духа, съ частымъ выраженіемъ восхищенія красотами природы, изобилуетъ подробностями, которыя собирались, повидимому, какъ матеріалы для какого нибудь полнаго сочиненія. Описаны и слой земли, и мѣстныя растенія съ названіемъ Латинскими и Русскими, и народонаселеніе, и теченіе рѣчекъ съ указаніемъ ихъ мѣста происхожденія и

Библиотека "Руниверс"

истока. Послѣднее обстоятельство имѣлось, вѣроятно, въ виду для составленія въ большомъ масштабѣ карты или атласа Россіи, о которомъ рѣчь часто идетъ въ перепискѣ Орлова. Мы быстро послѣдуемъ за путешественникомъ и не пройдемъ молчаніемъ всѣхъ названныхъ имъ мѣстъ и людей, хотя съ того времени первыя измѣнились, а послѣднія сошли съ лица земли. Случаются большія пространства безъ деревень и жилья, и путешественникъ останавливается для обѣда на поляхъ при рѣчкахъ.

Они поѣхали въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ Москвы на Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, Воронежъ, Саратовъ, Сызранъ, во вновь пожалованныя братьямъ Орловымъ имѣнія Усолье и Новодѣвичье, которыя путешественникъ осматриваетъ уже не съ научной только, но и съ хозяйственной, помѣщичьей точки зрѣнія. Въ послѣднихъ мѣстахъ онъ пробылъ, со включеніемъ разъѣздовъ, около трехъ недѣль и потомъ возвратился въ Петербургъ. Онъ путешествовалъ, какъ видно изъ записокъ, съ веселымъ собесѣдникомъ Мещериновымъ, уже знакомымъ читателю.

Дневникъ начинается съ Москвы. Мѣста между селами Пахрой и Лопасней, тѣ самыя, въ которыхъ пришлось Орлову впослѣдствіи поселиться и провести большую часть жизни, описаны имъ, какъ „хорошія съ многими рощами“. Хатунская волость, какъ видно, еще не была пожалована фамиліи Орловскомъ. Графъ обѣдаетъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Семеновыхъ, у Петра Ѳеодоровича Нащокина; ужинаетъ у Александра Ѳедоровича Брянчанинова. Ночлегъ былъ въ деревнѣ Льва Александровича Нарышкина. Деревья, травы и цвѣты описаны съ любовью. „Цвѣла ольха, а нѣкоторыя деревья уже отцвѣли, орѣшникъ, ива и нѣкоторые полевые цвѣточки“. Въ степяхъ вниманіе обращено на травы, особенно на ковыль, гдѣ степь пашется и сколько и какъ мало она населена. „Въ Тульскихъ ружейныхъ фабрикахъ дѣлаютъ (въ 1770 г.) до 1200 ружей въ недѣлю и до 1200 шпагъ: считаютъ пару пистолетовъ противъ одного ружья. Лѣса переводятся и пр.“ „Все сіе съѣдалъ я отъ Тульскихъ мѣщанъ“.

„18 Апрѣля поѣхали далѣе, нашли множество цвѣтовъ, все почти одинакихъ, разныхъ было 6 или 7, между которыми множество находились желтаго fumaria“..... Въ городѣ Черни всѣ дома крыты соломой, неисключая и самой Канцеляріи“. Здѣсь молодой путешественникъ вздумалъ повторить шутку, сыгранную съ профессоромъ Эйлеромъ, и она на этотъ разъ удалась, и инкогнито было выдержано до конца, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа. „Заѣхали къ Григорію Васильевичу Козицкому на однихъ роспускахъ и зашли къ воеводѣ подъ именемъ иностранныхъ, котораго въ ономъ и увѣрили; онъ какъ самъ

Библиотека "Руниверс"

бывалъ въ Петербургѣ, то много насъ распрашивалъ объ ономъ, принялъ насъ очень ласково и потчивалъ чаемъ; были у него канцелярист, приказчикъ Таракановъ и повѣренный кабачный, всѣхъ онъ ихъ посадилъ; видно было по его разговорамъ, что онъ о насъ совсѣмъ не сомнѣвался; канцелярист же и приказчикъ быстро глядѣли на насъ; полчаса побывъ, простились. Онъ насъ проводилъ на дворъ, и поѣхали въ большой Скуратовъ..... Ежели не знаетъ, кто про Чернь, то всякій назоветъ деревней, а не городомъ; въ городѣ 3 церкви маленькія деревянныя. Сей день наѣзжали очень хорошія мѣста, въ первый разъ слышали кукушку, а соловьи хотя нѣсколько дней, какъ тамъ сказывали и кричатъ, только мы не слыхали". „20 Апрѣля пріѣхали въ 10 часу утра въ Мценскъ"; „мѣщанство гораздо небогатое, къ тому же перессорилось между собою". „Орелъ городъ есть знатнѣйшій изъ Украйны со стороны торга хлѣбомъ, немалъ гораздо, мы проѣзжали по немъ около 3 верстъ".

22 Апрѣля,—село Чуватино Ивана Ив—ча Сенявина.

26 Апр. „Магдебургскаго права Нѣжинскій полкъ не имѣетъ".

27 Апр. „Батуринъ, графовъ Кирилла и Алексѣя Григорьевичей Разумовскихъ. Въ первый разъ увидѣлъ, что пашутъ двумя волами и двумя лошадьми плугомъ, прежде пахали все одною лошадью и легкою сохою; ежели не втрое, то конечно вдвое пашутъ плугомъ глубже".

1 Мая путешественникъ въ Кіевѣ. Онъ тамъ занятъ обходомъ пещеръ Антоніевской и Ѳеодосіевской, монастырей и церквей, посѣщаетъ Академію, гдѣ учатъ по-латыни, по-французски, по-нѣмецки, по-польски, по-гречески, по-еврейски и по-русски.

8 Мая.—Лубны. „Много по обѣимъ сторонамъ кургановъ разной величины. Жители сказываютъ, что были въ этихъ странахъ побоища между Батыемъ и Русскими".

„Во всякомъ полку, мнѣ сказывали, не навозятъ; жители лѣнивы; больше всѣхъ полковъ сѣятъ табакъ разныхъ сортовъ".

10 Мая, Полтава. „Ѣздили на мѣсто, гдѣ была баталія между Шведами и Русскими, на 7-й верстѣ отъ Полтавы. Мѣсто все ровное, посреди курганъ, гдѣ погребены Шведы и Русскіе, сіе мѣсто отстоитъ верстахъ въ 2-хъ отъ Ворсклы. Нѣсколько видно еще изъ Шведскихъ и изъ Русскихъ редутъ; больше никакихъ остатковъ нѣтъ". „Монастырь хорошъ, строенъ Кочубеемъ. Карлъ XII стоялъ въ ономъ передъ баталіею, и когда ѣздилъ рекогносцировать, то раненъ былъ въ ногу казакомъ".

21 Мая, село Чернешино. „Въ Малороссіи упряжка была очень дурная, и Маллороссіяне совсѣмъ ѣздить не умѣютъ. Народъ очень

Библиотека "Руниверс"

лѣнивъ и пьянъ, веселъ, ласковъ, чистосердеченъ, и очень простъ; вино зачинаютъ пить съ малолѣтства, и мальчики и дѣвушки, и бабы такъ же почти пьянствуютъ, какъ мужики. Переходъ съ земли на землю сталъ имъ нынѣ труднѣе, однако и теперь иногда утекаютъ".

18 Мая, слобода и городъ Ольшанъ и Острогожскъ. Городъ немалый, выстроенъ изрядно. Послѣ обѣда ѣздили въ селеніе, гдѣ съ 70 семей изъ разныхъ земель, изъ Виртемберга изъ Пфальца и изъ другихъ мѣстъ; большая часть изъ нихъ поведенія очень дурнаго и совсѣмъ нехозяева и не хлѣбопашцы. Селеніе выстроено изрядно; 7 верстъ отъ города находится хлѣбъ поселянскій съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они сюда пріѣхали, уже тому 6 лѣтъ, несравненно хуже хлѣба, который подлѣ ихъ Черкесы пашутъ"

20 Мая, Воронежъ: городъ строеніемъ всѣхъ украинскихъ виднѣе; немалое число каменныхъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые хорошо представляются; фабрики солдатскаго сукна.

21 Мая ѣздили въ Тавровъ, верстъ съ 10 отъ Воронежа; сдѣлана крѣпостца на версту кругомъ, строеніе каменное очень хорошее и теперь стоитъ только безъ кровли, много было матеріала запасено и зачаты уже были строиться большіе военные корабли на докахъ по 60 пушекъ; послѣ же смерти Петра I-го все оставлено; тутъ находится 9 доковъ, которые уже много завалились; течетъ одна только рѣчка Тавровка не въ дальнемъ разстояніи отъ Воронежа. Сказываютъ, что вода въ Тавровкѣ въ водополы бываетъ очень велика, также и въ Воронежѣ. Лѣтъ около 20 отъ пожара степи сжегся весь Тавровъ и съ матеріалами тамъ находящимися; одно только каменное строеніе осталось безъ крышки. Подлѣ крѣпости много вишни степной, терна, Божьяго дерева и розы дикой.

23 Мая ночевали въ селѣ Токсѣ(?). Въ сихъ мѣстахъ прежде бывали дикія лошади, тому лѣтъ съ 10 назадъ".

25 Мая пріѣхали въ Третьяково село, немалое однодворческое, 30 верстъ отъ Борисоглѣбска, въ немъ есть и помѣщичьи крестьяне; Преображенскій протопопъ имѣетъ тутъ нѣсколько крестьянъ; мылись въ банѣ 43° теплоты по реомюру.

26 Мая пріѣхали въ село Красовку Льва и Александра Александровичей Нарышкиныхъ. Рѣка Медвѣдица. По всей степи почти только одна трава ростетъ ковыль; пашни же совсѣмъ нѣтъ; сія трава совсѣмъ пропадаетъ; сурковъ великое множество, водятся по большой части по малымъ курганчикамъ, которые, я думаю, сдѣлались отъ ихъ норъ. Есть нѣсколько хуторовъ по упомянутымъ рѣчкамъ въ сторонахъ.

Библиотека "Руниверс"

27 Мая, „село Острова принадлежитъ Государю. Ночевали въ Баландѣ, село большое, принадлежитъ Шереметьеву.

28 Мая, Лысыя горы. Двоянки, деревня Кириллы Григорьевича Разумовскаго. Отъ самаго Воронежа по Саратовъ жилья очень мало, все степь и до Борисоглѣбска почти безлѣсная, а отъ Борисоглѣбска до Баланды совершенно безлѣсна.

5 Іюня ночевали въ селѣ Верхней Мазѣ, графа Петра Ивановича Панина.

7 Іюня пріѣхали въ Переволоку, первое село графовъ Орловыхъ. „Осматривали тотъ бугоръ, который Паллась выхваляетъ, съ котораго дѣйствительно видъ очень хорошъ. Есть въ близи удобное мѣсто къ постройкѣ дома“ [1]).

8 Іюня пріѣздъ въ Усолье.

17 Іюня ѣздили на караульный бугоръ всей компаніей и любовались болѣе часу хорошимъ видомъ.

18 Іюня „поѣхали по деревнямъ, мѣста гористыя и впадины большія. Вечеромъ пріѣхали въ Новодѣвичье, село уже почти все выстроено, хотя съ годъ тому какъ былъ большой пожаръ“.

21 Іюня Тайдаково. Послѣ обѣда Чуваши молились Богу въ Керметѣ. Во всѣхъ сихъ помянутыхъ деревняхъ строеніе очень изрядное, и крестьяне кажутся хорошаго состоянія и живутъ при самомъ нынѣшнемъ неурожаѣ хорошо. Казались вездѣ моему пріѣзду рады, также и тому, что они за насъ достались. Въ Переволокѣ, Усольѣ, Ахтушѣ, Козьмодемьянскѣ, Шиганахъ согласились имѣть училище на господскомъ содержаніи; въ Новодѣвичьемъ же не хотѣли; скоро послѣ того прислали депутатовъ съ тѣмъ, что не только согласились, но и выбрали мальчиковъ для ученья“ [2]).

22-го Іюня поѣхали послѣ обѣда изъ Усолья. Осмотрѣвъ Комаровку, гдѣ 135 душъ, поѣхали съ собаками и шли до самой Перево-

---

[1]) Видно и по этимъ словамъ, и изъ писемъ Палласа, выхвалающаго разныя мѣста, какъ особенно хорошія для постройки дворца графу Владимиру Григорьевичу, что онъ въ своей юности имѣлъ желаніе построить большой и красивый домъ, въ видѣ замка, въ этомъ краю, самомъ живописномъ изо всѣхъ береговъ Волги; но это намѣреніе не исполнилось, и графъ устроилъ свою лѣтнюю резиденцію, какъ уже выше было сказано, въ Серпуховскомъ уѣздѣ. Въ послѣдніе же годы его жизни большой каменный домъ съ флигелями и службами былъ выстроенъ въ Усольѣ, но графъ никогда не видѣлъ его. Домъ этотъ былъ впослѣдствіи увеличенъ, преимущественно по хозяйственнымъ постройкамъ, его наслѣдникомъ и внукомъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ.

[2]) Предположеніе объ устройствѣ училища въ Усольѣ осуществлено графомъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

локи; въ островахъ черезвычайно много было зайцевъ. Въ Переволокѣ ночевавъ и по утру осмотрѣвъ холмъ, выхваленный Палласомъ, поѣхали далѣе къ Рязани. Версты съ 3 мѣсто все возвышается отъ села, и сей холмъ показался намъ несравненно лучше, какъ Палласовъ: онъ выше онаго гораздо, видъ съ него пространнѣе, да и то что онъ 5 верстъ отъ Печерской границы; прочія же всѣ выгоды по крайней мѣрѣ равны тому холму, ежели еще не превзойдутъ; помянутый же холмъ въ 5 верстахъ только отъ Рязани, гдѣ мы обѣдали; тутъ 545 душъ и много охотниковъ выходитъ на Безенчукъ: мужики Аѳанасіемъ Степановичемъ Мещериновымъ очень похвалены со стороны хлѣбопашества.... Съ Севрюкаева переѣхали черезъ Волгу на Безенчукъ, ѣхавъ около 5 верстъ водою и только успѣли выйти изъ шлюпки, то сдѣлалась пресильная буря, могущая причинить намъ бѣду. Того же вечера ѣздили вверхъ Безенчука верхами, что̀ дѣлало около 13 верстъ. Степь отъ рѣки внутрь отъ 5 до 6 верстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Безенчукъ впадаетъ въ Волгу, а чѣмъ больше вверхъ подаешься, то уже становится такъ, что на 13 верстъ или немного поболѣе идетъ въ степь. На всемъ семъ пространствѣ раскидано множество островковъ, одинъ подлѣ другаго, нѣкоторые изрядной величины. Сію степь называютъ Яицкою и сколько глаза завидятъ, идетъ ровна. По другую сторону Безенчука подошли поемные большіе луга, намъ принадлежащіе. Земля на степи хорошая, черная и трава растетъ хорошая. Сія степь способна къ населенію со всѣхъ сторонъ“ *).

26-го Іюня обѣдали у бригадира Неѣлова, онъ живетъ верстъ съ 6 отъ Березовки. Послѣ обѣда были въ Аскулѣ, а оттуда проѣхали въ Сосновый Солонецъ, тутъ и ночевали, въ первой 332 души, а въ послѣдней 394.

28 и 29-го Іюня были въ Усольѣ. Послѣдняго числа пріѣхалъ Иванъ Андрѣевичъ Рейнсдорпъ съ сожительницею“.

30-го Іюня ѣздили на сѣнокосъ, гдѣ кромѣ Усольскихъ и Березовскихъ косцовъ были созваны съ 400 человѣкъ съ Новодѣвиченской.

---

*) Плаваніе и поѣздка на Безенчукъ, исполненныя, какъ видно, не безъ труда и опасностей графомъ Орловымъ, повели къ весьма полезному результату для населенія степей, преимущественно съ нагорной стороны Волги, гдѣ нивы между горами и лѣсами уже начинали испахиваться. Безенчукъ есть рѣчка, протекающая по самой плодородной почвѣ и впадающая въ Волгу. Вся луговая сторона Волги, противъ Самарской Луки, принадлежавшая братьямъ Орловымъ и поступившая въ 1842 году по большей части въ удѣльное вѣдомство, была оживлена поселеніемъ въ ней хуторовъ, которые сдѣлались въ непродолжительное время богатыми деревнями и носятъ до сихъ поръ крестныя имена разныхъ членовъ фамиліи Орловыхъ: Ивановка, Григорьевка, Алексѣевка, Ѳедоровка, Владимировка, Екатериновка, Александровка, Натальино.

Библиотека "Руниверс"

Усольской и Переволокской волостей. Время было дождливое, и косить было неудобно. Косцы, расхлѣбавъ кашу и роспивъ пиво, пѣли пѣсни, бились подъ кулачки и разнымъ образомъ веселились. Послѣ обѣда Ивана Андрѣевича отправили прямо въ путь, а мы, переночевавъ въ Усольѣ, на другой день 1-го Іюля отъѣхали 60 верстъ и имѣли ночлегъ въ Теренгѣ. Мѣста хорошія; много рѣчекъ, въ которыхъ вода чиста и хороша.

2-го Іюля пріѣхали вечеромъ въ Симбирскъ.... Неподалеку отъ города видна въ лѣвой рукѣ рѣка Свіяга, течетъ въ разсужденіи Волги на гораздо высокомъ мѣстѣ, въ плоскихъ берегахъ и совсѣмъ въ противную сторону*).

3-го Іюля переѣхали чрезъ Волгу и обѣдали въ селѣ Архангельскомъ у Мих. Ив. Наумова.

До 15 числа проѣхали Арзамасъ, Муромъ, Владиміръ и прибыли въ Островъ, имѣніе гр. Алексѣя, гр. Орлова, гдѣ остались 3 дня. Какъ скоро проѣдешь Алатырскій уѣздъ и въѣдешь въ Арзамасскій, то разбои кончатся и искони-бѣ тамъ объ нихъ не знаютъ, и сія тишина продолжается до самой Москвы, разумѣя разбой деревень, а не о шишиморахъ.

22-го Іюля ночевали въ Твери. Проѣхали Торжокъ, Ядрово и превеликое озеро Валдай, которое чрезвычайно глубоко и отмѣнно вода хороша въ немъ, въ иныхъ мѣстахъ рыбы очень много (снятки и сельди), пріѣхали 26 числа въ Новгородъ. Отъ Бронницъ идетъ дорога вся по

*) Молодой путешественникъ, обращавшій вниманіе на всѣ попадавшіяся на его пути рѣчки, не могъ не записать себѣ на память страннаго явленія побочной, но вовсе немалой рѣки, текущей въ Симбирскѣ, въ 2 верстахъ разстоянія отъ главной рѣки Волги, но идущей противъ ея теченія и впадающей въ нее нѣсколько сотъ верстъ выше, а именно при городѣ Свіяжскѣ. Нѣсколько лѣтъ послѣ графъ, разводя паркъ свой въ Сергуховскомъ имѣніи, устроилъ тамъ русло для теченія воды изъ двухъ ключей при такой тонко-исчисленной нивеллировкѣ, что одинъ ручей течетъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія въ противную сторону къ другому ручью, и одинъ ручеекъ проведенъ такимъ образомъ на 1000 сажень противъ теченія рѣки Лопасни, въ которую онъ впадаетъ. Этотъ фокусъ (concetto) противенъ всѣмъ правиламъ садоводства, которое имѣетъ цѣлью подражать природѣ, а не идти ей наперекоръ; но фокусъ этотъ является именно въ городѣ Симбирскѣ и, можетъ быть, графъ Орловъ захотѣлъ воспроизвести въ своемъ паркѣ своеобразное теченіе Свіяги, которымъ геологъ Мурчиссонъ былъ столь пораженъ 70 лѣтъ послѣ путешествія Орлова. Кстати, одинъ Англійскій инженеръ, указывая автору настоящаго разсказа на положеніе Симбирска между двумя противоположно-текущими рѣками, предсказывалъ богатую будущность этому городу, потому что обращеніе Свіяжской воды трубами въ Волгу доставитъ по значительности паденія огромную производительную силу, особенно дорогую въ то время, когда паровая сила вздорожаетъ отъ недостатка топлива.

Библиотека "Руниверс"

мостамъ; по обѣимъ сторонамъ болото; лѣсъ дурной, соснякъ и ельникъ. Верстъ за 10 отъ Новгорода мѣста пойдутъ посуше и на всѣ стороны поля, и составляютъ видъ въ разсужденіи здѣшнихъ мѣстъ хорошъ. Отъ Чудова пойдутъ мѣста несравненно хуже, очень болотны и лѣсисты; чѣмъ ближе къ Петербургу тѣмъ хуже кажутся. Отъ Подберезья до Ижоры проѣхали одну или двѣ маленькія рѣчки.

27-го Іюля пріѣхали въ 8 часу пополудни въ Ижору, тутъ и ночевали. Строеніе отъ Новгорода хуже нежели отъ Москвы къ Новгороду".

Сими словами заканчивается бѣглый дневникъ путешествія, совершеннаго Владимиромъ Григорьевичемъ въ 1770 году.

VIII.

Два письма въ Академію Наукъ по возвращеніи изъ путешествія.—Первая депеша объ истребленіи Турецкаго флота при Чесмѣ.—Письма къ разнымъ лицамъ о Чесменской побѣдѣ.—Письма къ братьямъ за границу.—Приглашеніе въ Россію іерарха Евгенія Булгариса.—Письма въ Коммисію Академіи.

По возвращеніи изъ путешествія по Россіи, графъ написалъ слѣдующія два письма:

„Въ Академическое собраніе.

1) „Предложено было отъ меня Академеческому собранію, чтобы оно, принявъ въ разсужденіе всѣ произшествія, касающіяся до предпріятыхъ Академіею въ прошломъ году астрономическихъ, такъ же и прочихъ экспедицій, подумало: не заслуживаетъ ли сіе дѣло, чтобы о немъ сообщить свѣту обстоятельное извѣстіе особливою книгою. Мнѣніе о семъ Академическаго собранія разсмотрѣлъ я, въ которомъ оно и положило сочинить сію книгу на Французскомъ языкѣ; но я за полезнѣйшее призналъ издать оную на первый случай предпочтительно на Россійскомъ, и дѣло сіе препоручилъ г. академику Румовскому. И для того приказалъ, для лучшаго его въ ономъ успѣху, всѣ письма касающіяся до сего дѣла брать ему какъ изъ Академическаго собранія, такъ изъ Коммисіи невозбранно, и ежели ему понадобится при томъ писецъ, то дать ему исправнаго".

2) „Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указала: изъ всѣхъ животныхъ какъ по нынѣ присланныхъ, такъ и впредь присылаемыхъ въ Академію изъ экспедицій, кромѣ насѣкомыхъ, когда Академія удовольствуетъ себя лучшими изъ оныхъ, изъ остальныхъ за излишествомъ отослать и въ предь отсылать ко мнѣ каждаго по два экземпляра. Сентября 4 дня 1770 года".

„Въ учрежденную при Императорской Академіи Наукъ Коммисію.

„По повелѣнію моему книжная лавка разсмотрѣна тѣми, которымъ дѣло сіе препоручено было. Мнѣніе ихъ я объ ономъ видѣлъ, и за нужное при-

Библиотека "Руниверс"

зналъ нѣкоторыя перемѣны здѣлать; а теперь отдаю оное въ Коммисію съ тѣмъ, чтобы немедля къ исполненію онаго приступить. Сентября 30-го дня 1770 года".

24-го Іюня 1770 г., день истребленія Турецкаго флота Алексѣемъ Орловымъ подъ Чесмою, проведенъ былъ младшимъ его братомъ Владиміромъ въ Заволжскихъ степяхъ, какъ было видно изъ его дневника. 27-го Іюля его журналъ оканчивается въ Ижорѣ, и надо изъ этого заключить, что 28-го онъ былъ уже въ Петербургѣ; но изъ писемъ его не видно, когда вѣсть о памятной Чесменской битвѣ дошла до Петербурга. 13 Сентября въ Государственномъ Совѣтѣ читана слѣдующая депеша графа Орлова отъ 28 Іюня объ истребленіи Турецкаго флота при Чесмѣ:

„Всемилостивѣйшая Государыня!

Изъ подъ острова Наксіи, отъ 21-го числа сего мѣсяца, чрезъ нарочно посланнаго полковника Маслова, я имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству о всѣхъ случившихся дѣлахъ врученной мнѣ экспедиціи. Я поручилъ ему донести и о причинахъ оставленія Мореи, также и о причинахъ соединенія обѣихъ эскадръ вмѣстѣ. Теперь доложу я о томъ, что по соединеніи эскадръ до сего времени случилось.

По отправленіи Маслова, получили мы извѣстіе, что непріятельскій флотъ стоитъ на якорѣ подлѣ острова Сціо. Не медля нимало, положили атаковать оный; снялись съ якоря и пошли въ путь свой. Спѣшили болѣе и для того, чтобъ не допустить соединиться капитанъ-пашѣ съ эскадрою, которую онъ ожидалъ въ подкрѣпленіе себѣ изъ Цареграда. 23-го числа подъ вечеръ, чрезъ посланное напередъ судно, увѣдомился, что непріятельскій флотъ виденъ былъ подъ парусами въ каналѣ острова Сціо. Вѣтеръ дулъ намъ способный. Въ ночь подошли ко входу онаго канала и близъ его лавировали до свѣта. При наступающемъ утрѣ 24-го числа, входя въ каналъ, открылся намъ ясно непріятельскій весь флотъ, стоящій на якорѣ, вдоль берега Натолійскаго, близъ крѣпостцы и порта Чесме. По числу онаго примѣтили, что старанія наши воспрепятствовать соединенію были тщетны. Оный уже состоялъ въ шестнадцати линейныхъ корабляхъ, изъ которыхъ шесть было отъ 90 до 80, прочіе отъ 70 до 60 пушекъ; при томъ еще находилося шесть фрегатовъ, нѣсколько шебекъ, бригантиновъ и множество полугалеръ, фелукъ и другихъ малыхъ судовъ. Увидя оное вооруженіе, ужаснулся я и былъ въ невѣдѣніи, что мнѣ предпринять должно; но храбрость войскъ Вашего Императорскаго Величества, рвеніе всѣхъ быть достойными рабами Великой Екатерины, принудили меня рѣшиться и, не смотря на превосходныя силы, отважиться атаковать, пасть или истребить непріятеля. Въ десять часовъ сдѣланъ былъ сигналъ къ атакѣ, въ полъ-двѣнадцата передовые корабли начали сраженіе; въ половинѣ перваго— сдѣлалося общимъ. Какъ ни превосходны были силы непріятельскія, какъ храбро оныя ни защищалися, но не могли вытерпѣть жаркаго нападенія войскъ Вашего Императорскаго Величества; по продолжавшемся чрезъ два часа жесто-

Библиотека "Руниверс"

чайшемъ пушечномъ и ружейномъ огнѣ, наконецъ принужденъ былъ непріятель, отрубя якори, бѣжать въ великомъ смятеніи въ портъ, подъ крѣпость называемую Чесме. Всѣ корабли съ великою храбростію атаковали непріятеля, всѣ съ великимъ тщаніемъ исполняли свою должность; но корабль адмиральскій „Святаго Евстафія“ превзошелъ всѣ прочіе. Англичане, Французы, Венеціане и Мальтисцы, живые свидѣтели всѣмъ дѣйствіямъ, признавалися, что они никогда не представляли себѣ, чтобъ можно было атаковать непріятеля съ такимъ терпѣніемъ и неустрашимостію. 84-хъ пушечный непріятельскій корабль былъ уже взятъ кораблемъ адмиральскимъ, но, по несчастію, загорѣлся оный и сжегъ корабль „Святаго Евстафія“. Кромѣ адмирала, капитана и человѣкъ сорока или пятидесяти разныхъ чиновъ, никого съ онаго не спаслося, оба подорваны были на воздухъ. Какъ ни чувствительна была для насъ потеря линейнаго корабля, но, увидя непріятельское положеніе, робость ихъ и безпорядокъ, въ которомъ они находилися, утѣшился, получа надежду истребить оный совершенно. Тотчасъ же бомбардирскому кораблю велѣно было на небольшое разстояніе отойтить отъ флота и кидать въ кучу непріятельскихъ кораблей бомбы, что онъ исполнилъ съ великою удачею; велѣно было еще, изъ Греческихъ лодокъ, какъ возможно скорѣе, пріуготовить четыре брандера. Сколько стараній приложено ни было, но въ одну ночь оные поспѣть никакъ не могли. Въ полдень 25-го числа, брандеры окончены. Сдѣланъ былъ совѣтъ, положено атаковать непріятеля вторично, брандеры послать подъ прикрытіемъ четырехъ линейныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ и бомбардирскаго судна. Распорядя таковымъ образомъ, капитанъ-бригадиръ Грейгъ, который, въ полночь на 26-е число Іюня, снявшись съ якоря, и не смотря ни на баттарейный, ни на корабельный непріятельскій огонь, приблизился къ непріятелю во всякомъ порядкѣ, подъ жестокою пушечною стрѣльбою послалъ брандеры, но, не допустивъ еще оныхъ, брандъ-кугелями зажегъ непріятельскій корабль. Какъ отъ онаго, такъ и отъ дошедшихъ брандеровъ, почти весь флотъ вдругъ загорѣлся; съ великимъ трудомъ могли мы оттуда только вывести одинъ непріятельскій корабль, пять полугалеръ и нѣсколько десятковъ большихъ и малыхъ шлюпокъ; прочіе же всѣ, безъ остатку, въ гавани сожжены; въ четыре часа времени не осталося отъ сего великаго вооруженія ничего, кромѣ печальныхъ слѣдовъ разбросанныхъ частей по всему берегу и порту. Кромѣ потери линейнаго корабля и всего его экипажа, на которомъ было, какъ адмиральскіе всѣ, такъ и моихъ съ полтораста тысячъ рублевъ, потеряны обѣ канцеляріи и половина большая писемъ важныхъ; прочій уронъ, въ разсужденіи такой важной побѣды, никакого вниманія не заслуживаетъ. Какія были поврежденія въ корабляхъ, почти всѣ исправлены.

Прискорбно мнѣ, Великая Государыня, что я не могу, и впредъ надежды не имѣю поздравить Ваше Величество съ сухопутною, равною морской, побѣдою; ежели бы былъ такъ счастливъ, желанія бы мои совершенно были удовольствованы, могъ бы тогда надѣяться заслужить Ваше благоволеніе. Нынѣ же не остается мнѣ другаго, кромѣ какъ стараться запереть подвозъ въ Царьградъ и стараться еще, если можно, возвратить государству издержки, употребленныя на сію экспедицію.

Библиотека "Руниверс"

Чрезъ взятыхъ плѣнниковъ получено извѣстіе, что въ Константинополѣ есть еще три большіе корабля, два строются въ ономъ, два въ Родосѣ, два въ Митиленѣ и пять изъ Александрійскихъ большихъ купеческихъ судовъ, велѣно вооружить поспѣшнѣе. Ежели бъ и всѣ оные были готовы и соединились, не думаю, чтобъ могли воспрепятствовать положенію вновь сдѣланному. Не опасны уже мнѣ морскія Турецкія силы. Боюсь, ежели воспрепятствуетъ что нибудь исполненію; вѣрно не иное, какъ моровое повѣтріе и слабость многихъ кораблей для зимняго времени.

28-го числа Іюня, отъ вони великаго числа побитыхъ и потопшихъ людей, и чтобы поспѣшить занять свой постъ въ Дарданеллахъ, снялись съ якоря и пошли въ путь свой. Надѣюся, что въ скоромъ времени придемъ къ назначенному мѣсту.

Всемилостивѣйшая Государыня! Напередъ прошу прощенія. Ежели контръ-адмиралъ Эльфинстонъ не перемѣнитъ своего поведенія, я принужденнымъ найдуся, для пользы службы Вашего Величества, отнять у него команду и поручить оную флота капитанъ-бригадиру Грейгу, котораго достоинства, вѣрность, усердіе, прилежаніе и благоразуміе увѣряютъ меня, что подъ его предводительствомъ дѣла пойдутъ гораздо успѣшнѣе.

Всемилостивѣйшая Государыня! Препоручаю всѣхъ со мною бывшихъ, особливо сего*) искуснаго и неутомимаго человѣка въ милость Вашего Величества.

Всеподданнѣйшій рабъ, графъ Алексѣй Орловъ".

При островѣ Сціо
Іюня 28-го числа, 1770 года.

(Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. I, стр. 54—57).

Графъ Владиміръ пишетъ повѣренному Кордюкову о покупкѣ 106 букварей хорошей церковной печати, какъ видно для вновь устроивавшихся крестьянскихъ школъ въ Симбирскомъ имѣніи, заказываетъ въ Тулѣ сто солдатскихъ ружей со штыками также для Усолья, и очень занятъ хозяйственными распоряженіями. Въ самой перепискѣ графа Влад. Гр-ча первая вѣсть о Чесменской побѣдѣ встрѣчается въ письмѣ (безъ числа) къ Мещеринову:

„Здорово, Ѳока. Поздравляю тебя съ побѣдою, совершенно одержанною надъ Турками, подъ предводительствомъ брата Алексѣя Григорьевича и прилагаю оной нѣсколько описанія. Ты можешь ихъ раздать кому заблагоразсудишь; также посылаю тебѣ оду Хераскова, она показалась достойною вашего чтенія. Газеты будутъ къ тебѣ присылаемы, а по сіи поры не могъ этаго исполнить за многими суетами. Я переѣхалъ на свой дворъ въ Милліонной, у брата Ивана Григорьевича непокойно было для родинъ хозяйки. Мужиковъ съ рыбою пришли ко

*) Гвардіи маіора Долгорукаго, съ которымъ было отправлено донесеніе.

Библиотека "Руниверс"

мнѣ прямо и скажи имъ, гдѣ мой домъ. Старикъ всякій день почти ко мнѣ ѣздитъ. Хозяйка еще не родила, а родитъ конечно нынѣшній мѣсяцъ. Письма твои я получилъ; въ одномъ и о кормилицахъ было писано, я уже здѣсь нашелъ хорошую. 100 ружей и 100 подсумокъ, также 140 букварей и 70 псалтырей у меня готовы; ружья, кажется, хороши, хотя не новыя. Когда все получишь, то отпиши ко мнѣ какъ тебѣ понравятся, да также и о томъ, не удобно ли сіе переслать съ тѣми крестьянами, которые рыбу сюда привезутъ. Мнѣ кажется, лучше послать съ ними, нежели съ посторонними. Ежели тебѣ еще что̀ надобно, то пиши ко мнѣ и адресуй прямо, а я уже буду умѣть исполнять по онымъ. и писемъ таковыхъ въ кувертѣ старику не посылай, а то вѣдь онъ тотчасъ помѣшаетъ. Покупка та вся стоитъ болѣе 400 рублей, то переводя 4000 опредѣленныя, переведи и сіи 400 руб. тутъ же и перешли мнѣ эти деньги, конечно, къ новому году, а мнѣ въ деньгахъ нужда: строеніе моего дома безпорядокъ большой сдѣлало въ моихъ расходахъ. Приложенное письмо отошли къ Вас. Ив. Наумову. Гр. Вас. Козицкій писалъ два раза къ Мясникову и отвѣта еще не получилъ. Прощай, Ѳока, пиши пожалуй почаще“.

Въ другомъ письмѣ Мещеринову упоминается о высылкѣ 12 отставныхъ солдатъ и капрала въ Усолье и прибавляется къ концу письма, что братья пожалованы: Ѳедоръ генералъ-поручикомъ и орденомъ св. Георгія 2 класса, а Алексѣй генералъ-аншефомъ и Георгіемъ 1 класса.

Оттого ли, что, за неизвѣстностью прямаго адреса братьевъ, графъ Владиміръ къ нимъ не писалъ, или письма были писаны, но не взято съ нихъ копій, слѣды переписки съ братьями возобновляются только съ Декабря мѣсяца. Имя Чесмы въ нихъ ни разу не встрѣчается и, вмѣсто торжества одержанныхъ побѣдъ, выражаются пламенныя желанія о прекращеніи войны.

Къ этому же времени относится слѣдующее письмо на имя князя Василія Владимировича Долгорукаго. Октября 28 дня.

„Здравствуй, повѣса. Подлинно мы здѣсь о тебѣ наслышались: дай Богъ впередъ таковое слышать. Хотѣлося мнѣ тебѣ оное отписать, ты, я думаю, сюда будешь: милости просимъ. То уже зарядимъ пѣшкомъ иттить въ Ораніенбаумъ. Пожалуй не оставляй братцевъ Елисаветы Ивановны *); да навѣдайся, какъ они себя вели при послѣднихъ дѣлахъ. Отпиши ко мнѣ чистосердечно при вѣрномъ случаѣ. Князя Юрія мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ. Вы, можетъ быть, оба вмѣстѣ съѣдитесь. То-то наскажете, а вишь ты молоть-то лихъ! Однако я думаю, что

*) Молодыхъ Штакельбергъ.

Библиотека "Руниверс"

князь Юрій скорѣе будетъ тебя. Прощай. Хозяйка моя кланяется тебѣ. Она еще не родила. Поклонись отъ меня пожалуй Бауеру, когда ты будешь съ нимъ вмѣстѣ. Вѣрный слуга".

Нѣкоторыя извлеченія изъ переписки Владимира Орлова съ братьями даютъ общее понятіе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, равно какъ объ образѣ жизни перваго въ Петербургѣ.

„Декабря 7. Голубчики братцы, здравствуйте! Подлинно вы насъ наказываете: уже тому мѣсяцевъ съ пять, какъ вы писали; съ того же времени никакаго непосредственнаго извѣстія нѣтъ. Трудно подумать, чтобъ вы во все сіе время не имѣли случая письма пересылать. Ежели сіе такъ, то вы грѣшите и противу насъ, и противу Государыни, оставляя такъ долго въ неизвѣстности. Государыня очень сожалѣетъ объ ономъ, а мы чрезвычайно. Пожалуйста, сударики, хотя впередъ почаще пишите, ежели то можно.—Браиловъ взятъ въ другой разъ. Турки его, точно какъ Хотинъ, совсѣмъ оставили; первый же разъ крѣпко защищали, и нашихъ пропало немало. Между офицерами убитъ средній братъ моей хозяйки, малый очень хорошъ. Она дней съ пять объ ономъ свѣдала и печалится гораздо объ немъ: онъ изъ братьевъ былъ у ней любимый. Я стараюсь ее, сколько возможно, въ ономъ утѣшить, и теперь получше гораздо стала, нежели сначала было. Я во всѣ сіи дни почитай отъ нея не отходилъ. Г. Брюсъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ третьяго дня; чрезвычайно доволенъ; пріѣхалъ сюда съ недѣлю. Князю Юрію данъ орденъ 3-й ст. св. Георгія съ пріѣзда его, а недѣли съ полторы получилъ Александровскій. Маслову данъ 4-й ст. орденъ Св. Георгія. Всѣ очень желаютъ любящіе васъ, чтобъ вы возвратились и думаютъ, что вы здѣсь въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ гораздо болѣе нужны, нежели тамъ, и мнѣ самому тоже кажется. Всякій день молю Бога, чтобъ далъ намъ миръ. Петръ Ив. Панинъ просилъ неотступно объ отставкѣ и получилъ оную; на мѣсто его назначенъ князь Вас. Мих. Долгорукій, онъ теперь здѣсь и когда въ армію поѣдетъ, еще неизвѣстно. Сюда съѣхалось генераловъ съ 6 изъ арміи: Потемкинъ, Рѣпнинъ, Брюсъ, Гербель, Санмаркъ, Бауеръ. Нѣкоторые уже назадъ поѣхали.—4 недѣли назадъ далъ Богъ мнѣ дочь, названа Катей*). Хозяйка моя родила благополучно, и настоящая мука неболѣе 2-хъ часовъ продолжалась. Государынѣ угодно было ее крестить. По сю пору все спитъ и только просыпается какъ сосетъ. Хозяйка послѣ родинъ, славу Богу, здорова и совсѣмъ почти оправилась. Я и

*) *Екатерина Владимировна Новосильцева*, основательница Орлово-Новосильцевскаго заведенія.

Библиотека "Руниверс"

оная вамъ кланяемся и цѣлуемъ ваши ручки. Все милое ваше здорово, братья тоже. Прощайте, голубчики".

„№ 72. Здравствуйте, голубчики братцы! Получивъ извѣстіе, что вы пріѣхали въ Италію, сдѣлался съ братьями споръ. Каждому хотѣлось васъ видѣть, и каждый изыскивалъ доказательства и утверждалъ пользу ѣзды своей. Знатно, за споромъ никому не ѣзжать. Удивились мы сперва очень, что вы пріѣхали въ Италію и не знали чему приписать; получивъ же обстоятельнѣе извѣстіе, что флоть въ Архипелагѣ оставили и на двухъ корабляхъ пришли въ Италію въ добромъ здоровьи, успокоились. Теперь ждемъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ, съ часу на часъ, отъ васъ обстоятельныхъ извѣстій. Ежели, паче чаянія, по сіе письмо вы оныхъ не послали, то ради Христа поспѣшите оными: вы не можете себѣ вообразить, сколь намъ тягостна и горька была неизвѣстность, въ которой мы почти съ полгода находились. За излишнее почитаю повторять тѣ извѣстія, которыя Димонъ сообщилъ. Мы всѣ здѣсь, слава Богу, здоровы. Дочь моя новорожденная и мать въ добромъ здоровьи. Алексаша мой становится смышленъ, при томъ и упрямъ. Я съ нимъ упрямлюсь и имѣю удовольствіе всегда почти переупрямить, хотя ему то слезъ стоитъ. Трудненько мнѣ бываетъ, когда случится при томъ братъ Иванъ: Алексаша только что кричать, а Иванъ изъ горницы бѣжать! Миру мы здѣсь ждемъ, какъ воронъ крови; авось Богъ и дастъ! Надежда нѣкоторая къ этому есть, чрезъ скорое время, я думаю, откроется. Получимъ ли мы оный? Съ нашей стороны кажется, что мы отъ онаго не прочь, но нельзя же сказать, чтобы и очень желали.... По внутреннимъ обстоятельствамъ, сколько я оное смыслю, какъ въ разсужденіи денегъ на издержки войны и добраго внутренняго распоряженія для благоденствія общества, онъ намъ очень нуженъ. Сіе слышу я отъ всѣхъ почти въ тѣ дѣла употребленныхъ. У насъ и въ мирное время дѣла государственныя еще въ такомъ состояніи находились, что большія поправки требуютъ; война же теперешняя отвлекла совсѣмъ почти отъ оныхъ. Мы трое съ нашей стороны сколько можемъ..... сіе дѣло и многіе другіе имѣющіе въ ономъ участіе, каждый по своей силѣ, тоже дѣлаютъ. Князь Вас. Мих. Долгорукой поѣхалъ нѣсколько дней главнымъ надъ 2-й арміей. Петръ Ив. Панинъ находится въ Харьковѣ, боленъ, и никто не знаетъ, будетъ ли онъ сюда. Братъ его Никита Ив. съ того времени, какъ онъ пошелъ въ отставку, унылѣе гораздо сталъ".

„Декабря 28. Братцы голубчики, здравствуйте! Дни съ два имѣли мы удовольствіе получить отъ тебя, Алеханъ, письмо. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обстоятельнаго извѣстія. Братъ Григорій вчерашняго дня

Библиотека "Руниверс"

былъ отъ нетерпѣливости дурнаго нрава, хотя и знаетъ, что теперь курьеру быть еще нельзя. Дня съ три возвратился принцъ Гейнрихъ сюда, хвалитъ Москву и будто говоритъ: естьли бъ ему случилось въ Россіи жить, то бы онъ одинъ мѣсяцъ въ Петербургѣ, шесть—въ Москвѣ, а пять въ лагерѣ проводилъ. Я самъ сего отъ него не слыхалъ и за правду не выдаю. Онъ здѣсь конечно, я думаю, и новый годъ возметъ, а послѣ того скоро уѣдетъ"*).

„№ 78. Декабря 31. Братцы голубчики, здравствуйте! Мы по сіе время еще куръера отъ васъ не получили. Вчерашній день были мы всѣ трое въ Штегельмановомъ домѣ. Государыня и Великій Князь и принцъ Генрихъ много бѣгали и танцовали. Принцъ учился порусски плясать и пѣть. Выѣхали часу въ 4-мъ пополуночи. Весело было и шумно. Поздравляю васъ, голубчики, съ прошедшими праздниками. Погода настала холоднѣе, и морозы два-три были изрядные. Мы всѣ, слава Богу, здоровы. Прощайте, голубчики! Дай Богъ васъ видѣть скоро и въ добромъ здоровьи".

„Января 4. Братцы сударики, здравствуйте!

„Письмо твое, Алеханъ, послѣднее отъ 3 Декабря мы получили, по которому еще къ тебѣ братъ Ѳедоръ не пріѣхалъ. Дай Богъ скоро услышать, что онъ здоровъ и съ тобою. Обстоятельнаго же извѣстія здѣсь съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Мѣшечко присылай къ намъ, давно было пора: не вѣчно же терпѣть его пакости. Письмо, сочиненное Ѳедоромъ и переведенное Домашневымъ, здѣсь безъ ума всѣ хвалили и называли мейстерштикъ въ совершенствѣ; оное было намъ очень ненепріятно. За гостинецъ, Алеханъ, посуленный благодарствуй. Ты и Ѳедоръ посулили, еще не ѣздя въ Архипелагъ, также прислать Лизѣ гостинцу, только она ничего не получила. У насъ здѣсь принцъ поживаетъ и еще дней съ десятокъ пробудетъ. Въ присутствіи его въ Москвѣ весь городъ перебѣсился, даже старики и старухи всѣ разряжены были въ прахъ, и на пикникѣ болѣе 600 человѣкъ было; подлѣ его сажали Мосальскую и Шереметеву. не дочь Петра Борисовича, и они ему очень хороши показались. Съ принцемъ въ Москвѣ былъ Ив. Гр. Чернышевъ и все проводилъ. У насъ стало холодно, а изъ Москвы пишутъ, что отъ тепла рѣки прошли въ Декабрѣ мѣсяцѣ; и здѣсь

*) *Принцъ Генрихъ (Фридрихъ-Людовикъ)*, братъ Прусскаго короля Фридриха II, былъ присланъ къ Екатеринѣ II съ тайнымъ порученіемъ примирить Россію съ Портою, чтобы такимъ образомъ освободить Пруссію отъ обѣщанной ею Россіи помощи, въ случаѣ продолженія Русско-Турецкой войны. Принцъ Генрихъ прибылъ въ Петербургъ 1 Октября 1770 г., 13 Декабря выѣхалъ въ Москву, а 21-го вернулся въ Петербургъ, гдѣ оставался до 26 Января 1771 г.

Библиотека "Руниверс"

27 дождь шелъ, и сдѣлалось было отъ этой превратной погоды много болѣзни. Мы всѣ, славу Богу, здоровы. Лиза и я цѣлуемъ васъ заочно".

„Января 7-го. Братцы, голубчики, здравствуйте! Ѳеденька, на тебя Иванъ сердится, что изъ Мессины не писалъ. Оправдайся или повинись, а старикъ шумитъ. Вчера полки были на Іорданѣ; изъ гвардіи Преображенскій и лучше собою, и лучше маршировалъ. Я, Алеханъ, порадовался и, сказываютъ мнѣ, что онъ во всемъ преимуществуетъ передъ другими полками. Пріѣхалъ сюда къ намъ Мих. Мих. Философовъ*), я думаю на житье, а на его мѣсто кто точно поѣдетъ, я еще не знаю. Онъ въ такой жестокой ипохондріи, что узнать его нельзя. Лицо на немъ очень печальное и кажетъ ко всѣмъ недовѣренность. Я, къ нему приласкавшись, сказалъ только: желаю тебѣ веселѣе здѣсь быть, то у него въ три ручья слезы полились..... Я знаю, что онъ и прежде былъ чувствителенъ, но конечно, не до такой степени. Государыня къ нему милостива. Отъ васъ, братцы, и по сію пору нѣтъ извѣстія обстоятельнаго чрезъ куръ-ера. Дожидаемся, какъ воронъ крови. Подлинно, Алеханъ, описанъ ты въ Англійскихъ газетахъ. Я не знаю, свѣдомо ли тебѣ; конечно такъ хорошо, что едва можно тебя между людьми считать. Заключеніе въ описаніи: „изъ всѣхъ кого я знаю, какъ чрезъ книги, такъ и персонально, нѣтъ, говоритъ сочинитель, ни одного, который бы такъ близко къ совершенству подходилъ", какъ ваше сіятельство. А Ѳедю, моего голубчика, также изрядно похваляетъ, но поставилъ въ довольномъ разстояніи отъ тебя, сказавъ, что братъ его меньшой во многомъ ему не уступитъ. Если бы я, Алеханъ, тебя описывалъ, то не прогнѣвайся, чтобъ я вообще сказалъ: Ѳедя тебѣ ни въ чемъ не уступитъ, развѣ въ одномъ упрямствѣ. Принцъ Генрихъ занемогъ было гораздо, однако есть легче. Сегодня его рожденіе или имянины, будетъ благородная комедія и маскарадъ для него; онъ назначилъ день отъѣзда 17-е Января. Прощайте, голубчики. Всѣ ваши родственники и милые здоровы".

„Января 11-го. Братцы, голубчики, здравствуйте! Письмо отъ тебя, Алеханъ, третье получили, а все братъ Ѳедоръ еще въ Ливорно не пріѣхалъ. Дай Богъ скоро услышать, что онъ здоровъ и съ тобою. Вы писали, что у васъ слухъ пронесся о войнѣ между Англіей и Испаніей, однако по здѣшнимъ извѣстіямъ еще не открылось. Курьеры гонятся отъ насъ, чаю давно къ вамъ доѣхалъ. Благодарствую. Алеханъ, за твое доброе желаніе: чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше. Если этихъ Богъ здоровье сохранитъ, то мнѣ болѣе не хочется. А Катюшка

*) Онъ съ 1768 г. былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ.

Библиотека "Руниверс"

моя гораздо смѣется, теперь десятая недѣля, и такъ здорова, что почти отъ рожденія ни пылинки лекарства не принимала. У меня съ ними возни довольно. Алексаша любитъ ее очень, обнимаетъ и цѣлуетъ. Онъ начинаетъ говорить, а ползаетъ почти въ совершенствѣ; первое его слово—дядя; зубовъ у него вырѣзалось уже и два коренныхъ, а прочіе видны. Дня съ три пожалованы Степ. Вас. Перфильевъ и князь Ив. Сер. Барятинскій въ генералъ-маіоры и оставлены при старомъ мѣстѣ. Степану я очень радъ. Еще пережалованы кое-кто въ генералъ-маіоры, бригадиры и полковники, но я ихъ не помню. У насъ всѣ, слава Богу, здоровы. Лиза цѣлуетъ твои ручки и я. Прощайте, голубчики. Ѳедоръ! Я собираюсь твоего Гельвеціуса читать; отпишу я къ тебѣ, каковъ онъ по моему мнѣнію. Я всякую недѣлю пишу къ вамъ по два раза, съ тѣхъ поръ какъ въ Ливорно. Послалъ я къ вамъ книжку съ Французскаго переведенную о существѣ Бога; на Французскомъ она чрезвычайно хороша, не знаю, каково-то переведена. Отпишите, получили ли? Братья здоровы“.

„№ 83. Января 13. Здравствуйте, голубчики, братцы! У насъ здѣсь все постарому, и теперь особливо ничего не слыхать. Между Испаніей и Англіей будетъ ли война, неизвѣстно еще здѣсь. Чтожъ Шоазель и Праленъ смѣнены, о томъ мы съ недѣлю вѣдаемъ, и ужъ во Французскихъ газетахъ о томъ пишутъ. Также въ Датскомъ дворѣ нѣсколько времени тому, какъ особые управляющіе главными дѣлами перемѣнены. Сказываютъ, что Петръ Ив. Панинъ пріѣхалъ въ Москву; будетъ ли сюда, не знаю. О братѣ Ѳедорѣ все мы еще не знаемъ, пріѣхалъ ли онъ къ тебѣ. Какъ хочется отъ васъ получить подробное извѣстіе; надѣемся, что теперь уже куръеръ въ дорогѣ и скоро сюда будетъ. Зима у насъ нынѣшній годъ стоитъ очень нестудена. Въ Твери 27 Декября прошла Волга, но теперь опять стоитъ, и сказываютъ, вихръ такой былъ, что желѣзные листы съ кровли рвало. Прощайте, голубчики. Братья и я здоровы, милые ваши, мои малютки и Лиза тоже. Катя моя начинаетъ меня тѣшить смѣхомъ и еще кой-чѣмъ, только сказать не умѣю“.

„Января 18. Братцы, сударики, здравствуйте! Почты съ двѣ писемъ отъ тебя, Алеханъ, нѣтъ; куръеръ еще отъ васъ не пріѣхалъ; мы ждали, ждали, да и устали. Гость принцъ Генрихъ завтра отъ насъ поѣдетъ. У насъ въ городѣ здѣсь болятъ много горломъ, въ томъ числѣ я и моя хозяйка; дня съ 4 не выѣзжаемъ со двора. На мѣсто князя Мих. Никитича Волконскаго поѣдетъ отсюда, я думаю, скоро г. Салдернъ *). Братъ Иванъ пришлетъ къ вамъ въ скоромъ времени куръера.

*) Приближенное къ графу Н. И. Панину лицо, посломъ въ Варшаву.

Библиотека "Руниверс"

Братья здоровы, и я со всею моею семьею. Я и хозяйка цѣлуемъ ваши ручки. О братѣ Ѳедорѣ вчерашній день читалъ въ первый разъ въ газетахъ, что онъ благополучно пріѣхалъ въ Мессино".

„Января 21. Б. с. здр. Вчера мы всѣ трое писали къ вамъ съ курьеромъ. Я ему показывалъ сына, а дочь спала. Третьяго дня принцъ ночью отсюда выѣхалъ. У насъ здѣсь стужа стоитъ очень крѣпка. Отъ васъ куръера еще все нѣтъ. Вчерашняго дня читалъ я въ Нѣмецкихъ газетахъ о блокадѣ Лемноса и о произшедшемъ при томъ. Милость твою, Алеханъ, вознесутъ до небесъ, и здѣсь о твоихъ поступкахъ въ разсужденіи Турокъ всѣ безъ ума. Конюха мои пріѣхали изъ Москвы; они жили у тебя въ Островѣ; сказываютъ, что тамъ все здорово. Про Петра Ивановича слышалъ отъ Мелиссина*), что онъ ѣхалъ съ нимъ до Орла и тамъ остановился въ своихъ деревняхъ; сказываютъ, сталъ хворъ, слабъ и печаленъ; доктора ему совѣтуютъ ѣхать къ водамъ; объ отставкѣ его въ Москвѣ многіе сожалѣли. Прощайте, сударики".

„Января 28. Бр. суд. здр. Почтъ пять отъ васъ никакого извѣстія нѣтъ; что вамъ сдѣлалось, что вы рѣдко такъ пишите, а куръера ждемъ да не дождемся: о Ѳедѣ не знаемъ, пріѣхалъ-ли онъ въ Ливорно. Мы здѣсь живемъ все постарому, ни шатко, ни валко. Намъ кажется, что насъ троихъ здѣсь мало и чтобъ цѣлое составить, много недостаетъ. Теперь уже, голубчики, за половину третьяго году пошло, когда-то велитъ Богъ свидѣться?... Не думали, чтобъ мы настоль долгое время разстаемся... Съ отмѣнною радостью слышалъ, что отецъ той дѣвушки, который ты перстень брилліантовый подарилъ и отпустилъ въ Царьградъ, отзывается о тебѣ, Алеханъ, такъ, что онъ въ вѣкъ не позабудетъ отмѣннаго твоего одолженія къ нему и чтобъ онъ за первое благополучіе почелъ, когда бы могъ тебѣ отслужить. Спрашивалъ, нѣтъ ли братьевъ твоихъ при арміи Петра Александровича? Сказано ему, что мы въ Петербургѣ. Сей Турокъ находится теперь при визирѣ командующемъ арміею, и велѣно визирю безъ его совѣтовъ ничего не дѣлать. Прощайте, голубчики".

„Братцы сударики, здравствуйте! Будетъ болѣе 5 недѣль, какъ мы отъ тебя, Алеханъ, никакаго извѣстія не имѣемъ. О Ѳеодорѣ все не знаемъ, съ тобою ли онъ. Всякую почту ласкали себя надеждой и всякій разъ обманывались. Пожалуйста, голубчики, не оставляйте насъ въ такой неизвѣстности, когда отъ васъ то зависитъ, а она ей ей тяжела. У насъ наступила масляница. Вчерашній день былъ маскарадъ у Государыни въ Ермитажѣ и состоялъ изъ 50 человѣкъ; продолжался

*) Петръ Ивановичъ, бывшій учитель Орловыхъ въ Сухопутн. Кадетск. Корпусѣ.

Библиотека "Руниверс"

до 2-го часу; много пляски и рѣзвости было; Государыня была весела. Эка диковинка! Писать къ вамъ многаго не знаю какъ-то балу быть. а говорить на день, другой, третій бы было. Вы конечно съ своей стороны не въ такомъ состояніи. Что это, братья, заѣхали! Дѣламъ вашимъ и по сихъ поръ конца не видать; если скоро будетъ имъ конецъ, то вымѣняю свѣчу Николаю Чудотворцу въ руку толщины".

„Февраля 10. Бр. суд. здр. Ай, Алеханъ, какой ты нравоучитель сталъ! Я уже тебя почти и не узнаю. Послѣднее твое письмо полно нравоученія. Было времячко, что и тебѣ нравоученіе очень надобно было. Славу Богу, что ты тепереча самъ тѣмъ нравоученіе дѣлаешь, отъ которыхъ они тебѣ шли прежде. Но, пожалуйста, будьте покойны, что мы еще въ такомъ состояніи, что большія нравоученія еще не очень нужны. Мнѣ кажется, Алеханъ, съ твоимъ нравоученіемъ и немножко плутовство смѣшано. Ты знаешь, въ какія руки оно попадется, и подлинно Димонъ*) отъ него безъ ума. Ежели ошибся, то прости мнѣ. Мы отъ тебя, Алеханъ, до послѣдняго письма почти писемъ не получали и начинали уже гораздо безпокоиться. Что это отъ Ѳеди по сихъ поръ ни строчки нѣтъ? Онъ безсовѣстно лѣнивъ! Развѣ изъ Мессины писать ему нельзя было? Вчера, Ѳедя, праздновали твое рожденіе. Обнималъ я тебя въ мысляхъ и всѣ твои пальчики разцѣловалъ. О, дай-то Боже, чтобы хотя на будущій годъ симъ счастіемъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться! Г. Салдернъ конечно поѣдетъ посломъ въ Польшу. Онъ уже къ оному и готовится. Гр. Петръ Ив. Панинъ живетъ въ Москвѣ уже съ мѣсяцъ, и не слышно, чтобъ сюда хотѣлъ пріѣхать. Мы отъ васъ гонца съ нетерпѣніемъ ожидаемъ. Лиза обѣщаетъ свой проступокъ загладить: болѣе Катюшъ не родить, а все Ванюшъ. Димонъ просилъ меня усердно, чтобъ я первому будущему сыну далъ имя Алексѣя. Прощайте голубчики! Вся наша семья и всѣ ваши милые здоровы. Я и Лиза цѣлуемъ ваши ручки".

„Февраля 22. Братцы голубчики, здравствуйте! Письмо твое, Алеханъ, послѣднее дня съ три получили. Слава Богу, что ты здоровъ, и желаемъ, чтобъ Ѳедоръ къ тебѣ пріѣхалъ поскорѣе. Ему бѣдняжкѣ, чаю, скучно одному. Пожалуйста, пишите къ Димону, ежели можно, всякій разъ, когда къ намъ пишите; а онъ теперь не доволенъ, что къ намъ письма есть, а къ нему нѣтъ. У насъ теперь здѣсь все тихо, и ничего особливаго въ разсужденіи насъ не слыхать. Готовимся къ войнѣ; также и Турки, сказываютъ, къ тому же готовятся. Повидимому не

*) Димонъ, кажется, условленное между братьями Орловыми названіе одного лица, котораго не считали удобнымъ называть по собственному имени. Не происходитъ ли оно отъ Греческаго Δαιμον—духа, вдохновителя Сократа.

Библиотека "Руниверс"

будемъ мы имѣть счастіе видѣть васъ весною или лѣтомъ здѣсь. Съ начала зимы была къ тому изрядная надежда, а нынѣ всякій часъ исчезаетъ. Объ Англіи слышно и о Франціи тоже, что по внутреннимъ дѣламъ у нихъ очень пестро; чѣмъ-то кончится? Начало зимы у насъ здѣсь было очень тепло, а теперь стоятъ такіе морозы, каковые и въ Крещеніе не всегда бываютъ. Мы всѣ здѣсь, слава Богу, здоровы. Я и Лиза цѣлуемъ ваши ручки. Циплята мои также здоровы".

№ 97. Здравствуйте, голубчики, родимые братишки! Письмо твое, Алеханъ, послѣднее получили. Видно, что ты веселъ былъ. Желаніе твое сюда пріѣхать произвело почти закладъ между мною и Григоріемъ: онъ утверждалъ, что нельзя думать, чтобы ты пріѣхалъ, а я противное. Пожалуй, разрѣши намъ споръ. Что это, Ѳедя, какъ кладъ не дается. Очень давно ждемъ отъ тебя извѣстій, что онъ пріѣхалъ къ тебѣ, и всякое письмо твое въ надеждѣ насъ обманываетъ. Очень скучно такъ долго отъ него никакого извѣстія не имѣть; намъ всѣмъ здѣсь хочется, чтобы вы были вмѣстѣ. Можетъ быть, въ томъ и накакой нужды нѣтъ: однако хочется. Ты пишешь, какъ мы о твоемъ пріѣздѣ сюда думать будемъ. Я съ моей стороны скажу тебѣ: ежели ты чрезъ отсутствіе ничего не упустишь, то никто онаго ни дурачествомъ, ниже слабостію, мнѣ кажется, назвать не можетъ. Развѣ спорщикъ какой. Поздравляйте меня, Алеханъ и Ѳедя, съ тѣмъ, что я нынѣ передъ прежнимъ очень мало спорю. Вы этому, можетъ быть, нескоро повѣрите, только это правда, и нигдѣ мнѣ такъ не весело, какъ сидѣть дома съ дѣтенками. Катенька у меня что за весельчакъ будетъ! Уже и теперь все умывается и сидитъ такъ прямо, какъ въ шнуровапіи. Ей чрезъ недѣлю будетъ 4 мѣсяца, а Алексашѣ сегодня годъ 7 мѣсяцевъ; у него вышло 12 зубовъ, въ томъ числѣ 4 коренныхъ, а теперь рѣжутся глазные; дня съ 4 отъ того хвораетъ, теперь однако получше становится. Мнѣ присовѣтовали для здоровья сидѣть въ ваннѣ, въ тепловатой водѣ. Я съ недѣлю какъ употребляю и чувствую перемѣну примѣтно къ лучшему. Къ вамъ теперь пишу изъ ванны; всегда когда я въ ваннѣ, то веселѣе. Примѣтили вы бы изъ письма, когдабъ я вамъ не сказалъ. Графъ Петръ Ив. Панинъ живетъ въ Москвѣ и выѣзжаетъ; сюда будетъ или нѣтъ не слышно, а больше кажется не будетъ. Генералъ Бауръ ѣдетъ сегодня въ 1-ю армію; онъ здѣсь принятъ очень хорошо отъ Государыни, также и братъ Григорій его любитъ; онъ, кажется, имѣетъ достоинство, разсуждаетъ хорошо и твердо о своемъ ремеслѣ, смѣлъ гораздо, но немного и заносчивъ. Рѣпнинъ уже недѣли 2—3 какъ поѣхалъ въ 1-ю армію; хотѣлось ему, сказываютъ, очень опять у Поляковъ побывать, только не удалось: Салдернъ, я думаю, скоро поѣдетъ,

Библиотека "Руниверс"

а Волконскій сюда возвратится. Прощайте, сударики. Лиза и я цѣлуемъ ваши ручки, а дѣтенушки испрашиваютъ благословленіе".

„№ 101. Бр. суд., здравствуйте! Одно письмо, Алеханъ, отъ тебя изъ Риги, а другое изъ Гданска получили. Спасибо, что писалъ. Желаемъ тебѣ такъ счастливо путь свой докончить, какъ началъ. По отъѣздѣ твоемъ получены изъ Италіи раза съ три письма. О Ѳедѣ здѣсь ни слуху, ни духу. Досадно очень, что столь много препятствій ему случилось. Дай Богъ поскорѣе услышать, что онъ съ тобою. Ѳедя, ты пріобрѣлъ себѣ сообщника: Баскакову я далъ читать любимую твою книжку; онъ ее два раза уже прочелъ и еще читаетъ, и она ему очень полюбилась. Я еще все времени не имѣлъ ее со вниманіемъ прочесть, а безъ того и приниматься не хочу; а когда прочту, то и скажу мое мнѣніе прямо между Руссо и имъ, разумѣется, ежели сіе сравненіе смогу сдѣлать. Дворъ уѣхалъ въ Царское Село уже болѣе недѣли. Снѣгу здѣсь по полямъ въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ болѣе аршина, а въ иныхъ болѣе двухъ. Чрезъ Неву еще въ каретахъ ѣздятъ, хотя уже съ недѣлю стоятъ дни очень теплые. Я будущій мѣсяцъ отсюда поѣду, конечно въ концѣ, ежели еще не прежде. Лиза благодаритъ, Алеханъ, тебя очень за поклонъ, кланяется вамъ обоимъ сама и цѣлуетъ ваши ручки".

„№ 107 Мая 3. Бр. суд., здравствуйте! Вы теперь конечно уже вмѣстѣ. Куръеры, Ѳедоръ, отъ тебя пріѣхали дня съ три. Спасибо и много спасибо за обстоятельное письмо; правда, есть что почитать; мы его раза съ два, не смотря на величину, прочли къ ряду. Можетъ быть, и еще столько же бы прочли, но братъ Григорій въ тотъ день пріѣхалъ въ Совѣтъ въ Петербургъ и увезъ съ собою письмо въ Царское Село. Вообще я съ твоими мыслями очень согласенъ; о главныхъ и первыхъ обтоятельствахъ точно тѣже понятія имѣлъ, какъ и ты, прежде нежели отъ тебя какое нибудь извѣстіе было объ ономъ. Есть же еще кое-что въ твоихъ мысляхъ, о чемъ я ни да ни нѣтъ сказать не могу, не имѣя къ тому достаточнаго свѣдѣнія. Мы не знаемъ еще, какъ братъ и Димонъ объ ономъ думаютъ, съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не видались. Лиза за гостинецъ благодаритъ тебя, Ѳедя, и цѣлуетъ твои ручки. Спрашиваешь ты, чтобъ мы отписали что́ намъ прислать? Мы оба думали, однако не знаемъ что; такъ оставляемъ на вашу волю. За штаны триповые благодарствую; я бы конечно въ этотъ уборъ нарядился, который ты описываешь, да и съ превеликимъ удовольствіемъ, ежели бъ мнѣ въ немъ тебя встрѣтить. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ поѣду я къ водамъ, или въ половинѣ, или въ исходѣ. Армія 2-я выступила изъ зимнихъ квартиръ. Здѣсь ничего особливаго нѣтъ, о чемъ бы къ

Библиотека "Руниверс"

вамъ писать. Братья здоровы. Семья моя здорова и знакомые ваши всѣ здоровы".

„№ 109. Новаго вамъ скажу: генералъ Вейсманъ съ 1400 гренадеръ и съ 200 солдатъ, подъ прикрытіемъ 2 маленькихъ пушечекъ, переѣзжалъ на маленькихъ судахъ на ту сторону Дуная, къ городу Исакчи. Водою онъ ѣхалъ 40 верстъ. Въ 5 часу по утру, прибывъ къ помянутому мѣсту, оставя 200 солдатъ и 2 пушки для защиты судовъ, самъ напалъ на ретраншаментъ, выбилъ непріятеля, шелъ далѣе, встрѣтился съ кавалеріею и опрокинулъ се, наконецъ вошелъ въ городъ и оттуда выгналъ остальныя войска. При сраженіи у нашихъ не было ни одной пушки, у нихъ же, напротивъ 51, изъ коихъ взяты съ бою, другія прикованы. Магазинъ превеликій созженъ съ хлѣбомъ и всякими припасами: хлѣба однаго было до 26000 четвертей. Судовъ съ 30 взято съ собою, болѣе же 30-ти созжено. Когда жгли и забирали съ собою, то 180 человѣкъ держали замокъ въ блокадѣ, что продолжалось болѣе полусутокъ, который обширенъ и куда вкинулись при разсѣяніи войска 500 Янычаръ. Турецкихъ войскъ было всѣхъ 6200, Янычаръ 1500 отборныхъ, да 3000 отборной конницы. Сіе достойно примѣчанія, что были при гренадерахъ артиллеристы съ припасами, и то было не безъ пользы; ибо, выгнавъ непріятеля изъ ретраншамента и взявъ его пушки, употребляли ихъ противъ непріятеля самаго. Наканунѣ сего произшествія былъ самъ тутъ визирь изъ Бабадага, откуда до Исакчи считаютъ только 25 верстъ. Съ нашей стороны убито 14, а съ ихъ, сказываютъ, болѣе 500, да взято въ полонъ 80 и еще 30 плотниковъ; они намѣрены были противъ этаго мѣста мостъ сдѣлать чрезъ Дунай. Здѣсь пришло еще извѣстіе на этихъ дняхъ, что Обрѣзковъ*) со всѣми его домашними выпущенъ и скоро поѣдетъ въ Россію. Поздравляю васъ съ онымъ".

Графъ В. Г. Орловъ оказалъ около того же времени большую услугу отечеству приглашеніемъ въ Россію свѣтила Греческаго народа, знаменитаго и въ нашей церковной іерархіи Евгенія Булгариса, уроженца острова Корфу, основателя Духовной Академіи въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, впослѣдствіи учителя и начальника философствующихъ въ Патріаршей Гимназіи въ Константинополѣ. Графъ Орловъ, вѣроятно, узналъ отъ своихъ корреспондентовъ изъ Лейпцига о прибытіи туда Евгенія, для напечатанія своего творенія о Логикѣ, и указалъ на него для перевода на Греческій языкъ Наказа Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія.

*) Алексѣй Михайловичъ, нашъ резидентъ въ Константинополѣ.

Библиотека "Руниверс"

Графъ написалъ Евгенію два слѣдующія письма:

I.

Monsieur.

S. M. Impériale m'a chargé de Vous faire part, que si Vous voulez venir à Pétersbourg, elle Vous faira tenir une pension de mille roubles par an, et que Vous aurez la bibliothèque de Patriarche où se trouvent toutes sortes de livres curieux et intéressants en langue grecque et quelques'uns en langue latine. Vous pouvez en choisir et faire imprimer selon Vos lumières. Venez, monsieur, je crois qu'on ne Vous laissera pas manquer ici du nécessaire. Si vous y consentez et m'en faites part, on vous enverra aussi l'argent pour Votre voyage, et pour moy je serai fort charmé de voir établir à Pétersbourg une personne que j'estime tant du côté de la littérature, que du côté de l'honnetété.

le 14 May 1771.

II.

Monsieur.

Je viens d'apprendre de m. Heinitz que Vous êtes tout prêt pour le voyage et que Vous n'attendez qu'une lettre de moi pour l'entreprendre. Commencez donc Votre voyage, monsieur, et je souhaits que Vous arriviez sain et sauf ici. Je suis fort fâché, que je ne profiterai pas de Votre présence à Pétersbourg: ma santé exige que je fasse cet été une cure aux bains. Cela ne doit pas vous empêcher ici. L'Impératrice vous connait de réputation, et vous pouvez, à votre arrivée, vous adresser au grand-veneur Narischkin qui est fort de vos amis, et à m. Kositzky, sécretaire de Sa Majésté Impériale, et à ce dernier je recommandai particulièrement votre affaire. Il est un ami déclaré de tous les savans. J'ai l'honneur d'être. . . . . .

Евгеній Булгарисъ дѣйствительно пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ томъ самый годъ, когда къ нему было писано послѣднее письмо, и получилъ назначеніе придворнаго библіотекаря. Онъ былъ посвященъ въ іеромонахи, а въ 1775 году данъ былъ указъ Святѣйшему Синоду объ учрежденіи въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ новой епархіи, подъ названіемъ Славянской и Херсонской, въ которую Государыня повелѣла: *„по случаю переселившихся въ тотъ край иноплеменниковъ**), *не знающихъ Русскаго языка, а исповѣдывающихъ однако православную Греческую вѣру, посвятить въ архіепископы Грека іеромонаха Евгенія, яко мужа высокаго разума, благочестіемъ и всѣми добродѣтелями для упасенія стада Христова отлично одареннаго*“. Евгеній издалъ множество сочиненій и переводовъ богословской и свѣтской литературы, но

*) То были Славяне?

Библиотека "Руниверс"

оставилъ сверхъ того много не изданныхъ. Онъ умеръ въ Петербургѣ 1806 года, на 91 году жизни, и послѣдніе свои дни окончилъ за переводомъ „Les confessions de St. Augustin“.

Въ томъ же 1771 г. были написаны слѣдующія письма:

Графу Румянцеву.

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичь. Подателя сего письма, какъ человѣка хорошаго и искуснаго, поручаю въ милость вашего сіятельства. Онъ посланъ по имянному указу ѣздить по Россіи и съ дозволенія-жъ Ея Величества посылается нынѣ въ вашу сторону. Прошу его ваше сіятельство во всѣхъ его надобностяхъ не оставить, также выдавать ему деньги какъ на чрезвычайныя издержки, такъ и жалованіе его, когда онъ потребуетъ на чрезвычайныя издержки, отъ двухъ до трехъ сотъ руб. всякій разъ, какъ потребуетъ, чѣмъ меня одолжите, и гдѣ прикажите, то я оныя деньги вашему сіятельству съ благодарностью вручу. Исленьева предметъ дѣлать наблюденія астрономическія для совершенства Географіи. Я однаго ученаго, Крафта, къ вамъ посылалъ; однако онъ испужавшись воротился изъ Хотина. Пожалуй, ваше сіятельство, не оставте его вашимъ вспоможеніемъ въ семъ нужномъ и полезномъ для государства дѣлѣ.

въ С. Петербургѣ, Генваря 1771 года.

Исленьевъ получаетъ жалованья пятьсотъ пятьдесятъ семь рублей.

Ив. Ив. Исленьеву.

Іванъ Ивановичь, здравствуй.

По полученіи моего письма не мѣшкай долго и ступай прямо въ армію. Что вамъ тамъ дѣлать, предписано въ приложенной здѣсь инструкціи. Я отъ васъ совершеннаго успѣха ожидаю и надѣюся, что вы по обыкновенному тщанію не упустите ничего къ достиженію намѣренія Академіи. Когда вы на васъ возложенное дѣло исполните, то я конечно не премину объ васъ стараться; а сіе дѣло государству нужно и полезно. Отпишите мнѣ, желаете ли вы быть при Академіи: тобъ я васъ могъ помѣстить при географическомъ департаментѣ. А есть-либъ сіе мѣсто вамъ и не полюбилось, то вы всегда можете имѣть другое. Къ Петру Александровичу Румянцеву писалъ о тебѣ особливо, также къ князю Василію Михайловичу Долгорукому. Адресуйся къ нимъ, они тебя въ твоихъ нуждахъ не оставятъ. Также я и о жалованіи твоемъ писалъ, чтобъ они тебѣ по требованіямъ твоимъ выдавали. Естьли генералъ Бауеръ будетъ находиться при арміи, онъ охотникъ до географическихъ работъ, и ты можешь съ нимъ совѣтоваться. Что до язвы касается, то, сколько здѣсь извѣстно, она совсѣмъ утихла; но ты для своей безопасности можешь вездѣ навѣдываться. Желаю тебѣ щастливой путь. Увѣдомляй насъ всякій разъ, когда будешь случай имѣть. Слободскому губернатору гдну Щербинину и гдну Воейкову прилагаю по письму. Когда тебѣ въ которомъ нужда будетъ, то ты тому мое письмо отдать можешь. Доброжелательный слуга графъ Владиміръ Орловъ.

Въ С. Петербургѣ. Генваря дня 1771 года.

Библиотека "Руниверс"

(Переводъ.)

Представлено 4 Марта 1771.

Мнѣ было пріятно, еслибы Академія обсудила предложеніе г. Бернулли, относящееся къ кораблямъ и сообщила бы мнѣ свое мнѣніе относительно примѣнимости этаго опыта.

(Переводъ.)

Читано въ Академіи 8 Апрѣля 1771.

Въ слѣдующемъ Собраніи представьте гг. академикамъ отъ моего имени, что я считаю достойными быть академиками гг. адъюнктовъ: Лекселя—по части Астрономіи, Крафта—по Экспериментальной Физикѣ, Лепехина и Гильденштедта—по Естественной Исторіи. Но пока мнѣнія членовъ мнѣ еще неизвѣстны, я ихъ не назначаю въ оные. Прочтите эту мою записку и сообщите академикамъ, чтобы они всѣ явились въ слѣдующую Пятницу. Оба адъюнкта, Лексель и Крафтъ, не должны присутствовать на этотъ разъ.

(Переводъ.)

Представлено Академическому Собранію 29-го Апрѣля 1771.

Я остаюсь при томъ, чтобы воротить г. Фалька; но желаю, чтобы Академія сдѣлала это осторожно, такъ чтобы такое предложеніе показалось ему какъ можно менѣе обиднымъ. Напишите г. Палласу, что Академія и я очень довольны его предположеніемъ ѣхать въ Китай и считаемъ, что это намѣреніе можетъ быть плодотворно во многихъ отношеніяхъ; но въ какихъ именно, онъ лучше знать можетъ. Пусть же наведетъ подробныя справки; я самъ напишу ему письмо по этому дѣлу и присоединю еще одно къ Иркутскому губернатору. Вообще напишите ему, что весь его планъ мнѣ весьма нравится.

29 Апрѣля 1771 г.

IX.

Моровая язва въ Москвѣ.—Дневникъ путешествія за границу для поправленія здоровья.

1771 годъ ознаменовался относительно Орловыхъ подвигомъ гражданскаго самоотверженія. Графъ Григорій, любимецъ, щедрый расточитель обильно изліянныхъ на него богатствъ, строитель Арсенала, основатель Вольнаго Экономическаго Общества, благодѣтель прибѣгавшихъ къ его помощи, обрадовался случаю принести въ жертву общественной пользѣ не однѣ деньги, но и собственную безопасность. Страшная моровая язва свирѣпствовала въ Москвѣ. Мятежъ, сопровождавшійся умерщвленіемъ въ Донскомъ монастырѣ архіепископа Амвросія, за перенесеніе съ Варварскихъ воротъ въ другое мѣсто иконы Богоматери, около которой народъ толпился, былъ усмиренъ Еропкинымъ. Нѣсколькими залпами картечи положено было на мѣстѣ множество мятежниковъ. Предстояла надобность устранить главныя причины распространенія заразы, уничтожить народное отвращеніе къ больницамъ и

Библиотека "Руниверс"

карантинамъ и положить конецъ недобросовѣстности должностныхъ лицъ и врачей. Григорій Орловъ чувствовалъ себя въ силахъ поднять духъ народа, пощаженнаго заразой, и это дѣло должно было льстить его самолюбію. Его отважность, воспѣтая поэтами, обнаружилась, надо правду сказать, не столько въ презрѣніи смерти, сколько въ отсутствіи всякаго опасенія зависти придворныхъ людей, всегда готовыхъ воспользоваться удаленіемъ временщика. Любимецъ, болѣе осмотрительный, хотя и не менѣе мужественный Григорія Орлова, не рѣшился бы удалиться въ такую критическую минуту отъ престола. Григорій Орловъ, напротивъ, поѣхалъ въ Москву и началъ терять свое значеніе при Дворѣ именно въ то время, когда оказывалъ наибольшую услугу отечеству и ободрялъ Москвичей своей неустрашимой дѣятельностью. Тріумфальные ворота и другія почести для него готовились, но, не менѣе того, Орловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, нашелъ большую перемѣну во взглядѣ Императрицы на дѣла. Она была теперь расположена, по совѣтамъ графа Панина, покончить съ Турецкою войною *). Мы должны были упомянуть объ этихъ обстоятельствахъ потому, что они впослѣдствіи повели еще къ бо́льшимъ перемѣнамъ въ политическомъ положеніи Орловыхъ и отразились на будущности всей ихъ фамиліи, въ томъ числѣ и на Владимирѣ. Но въ письмахъ сего послѣдняго къ братьямъ не упоминается вовсе о дѣятельности въ Москвѣ любимаго всѣмъ семействомъ Григорія. Въ это самое время графъ Владиміръ Григорьевичъ предпринялъ путешествіе за границу для поправленія своего здоровья.

Постоянныя умственныя занятія и не менѣе утомительная суета свѣтской жизни, отъ которой не можетъ удалиться человѣкъ высшаго круга общества, подѣйствовали вредно на здоровье Владимира Орлова. Онъ чувствовалъ большой упадокъ силъ, совѣтывался съ самыми зна-

---

*) Впослѣдствіи Григорій Орловъ возвратился ко Двору, но прежнее расположеніе къ нему Императрицы не возвратилось. Не возвратилось также и прежнее его вліяніе на дѣла, а оно было вообще полезно. Орловъ, хотя и не обладалъ самъ серьезнымъ образованіемъ, былъ другомъ и покровителемъ просвѣщенія; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ весьма немногихъ, которые желали бы улучшить положеніе Русскаго крестьянина. Онъ же въ совѣтахъ Императрицѣ по дѣламъ внѣшней политики постоянно настаивалъ на покровительствѣ единоплеменникамъ нашимъ въ Польшѣ и единовѣрцамъ въ Турціи, угадывая своимъ Русскимъ чувствомъ направленіе, которому неизмѣнно долженствовала бы слѣдовать наша политика, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ понимали ее многіе, можетъ быть превосходившіе его способностями. Григорій Орловъ первый между Русскими государственными людьми высказался за возстановленіе независимости Турецкихъ христіанъ, и открылъ такимъ образомъ путь блестящему составителю *Греческаго Проекта*, Потемкину. (Чтенія изъ Русской Исторіи, П. Щебальскаго).

Библиотека "Руниверс"

менитыми медиками того времени и получилъ отъ нихъ отзывъ самаго неутѣшительнаго свойства. Гаубіусъ и другіе врачи дали ему письменно свои мнѣнія и совѣты, которые были записаны и тщательно сохранены, а нѣкоторые изъ нихъ уцѣлѣли въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на Русскій. Медики совѣтывали больному леченіе минеральными водами, и больной направилъ, какъ будетъ видно, всю энергію своего характера на поправленіе своего здоровья.

Любопытно читать страшныя предвѣщанія докторовъ, отнимавшихъ почти всякую надежду на выздоровленіе молодаго семьянина, которому однако удалось дожить до 88 лѣтъ. Еще любопытнѣе читать отчетъ больнаго о размѣрахъ употребленія имъ воды въ разныхъ мѣстахъ, и въ одномъ и томъ же году, и объ исполинскихъ его подвигахъ въ промежуткѣ лечебныхъ курсовъ. Ни то, ни другое не похоже на умѣренное употребленіе водъ въ наше время, ни на предписываемое отдохновеніе (Nachkur) послѣ питія водъ.

Дневникъ сего заграничнаго путешествія очень коротокъ и, къ сожалѣнію, статистическія подробности занимаютъ въ немъ много мѣста, а весьма немного разсказъ объ интересныхъ личностяхъ, съ которыми графъ встрѣчался за границей. Такъ, напримѣръ, сказавъ въ двухъ словахъ о своемъ свиданіи съ братьями Алексѣемъ и Ѳедоромъ въ Италіи, онъ прибавляетъ только, что въ то время въ Ливорно поспѣлъ горохъ.

Графъ описывалъ Западную Европу, особенно на первыхъ страницахъ своего дневника, въ томъ же наблюдательномъ духѣ, съ которымъ въ путешествіяхъ по Россіи обращался къ теченію рѣкъ и къ почвѣ.

Изъ слѣдующихъ извлеченій читатель скорѣе познакомится съ личностью автора дневника, нежели съ людьми, съ которыми онъ встрѣчался. Въ Англіи путешественникъ выведенъ былъ изъ своего постояннаго спокойствія удивленіемъ и благосостоянію жителей, и фабричной дѣятельности, и политическимъ учрежденіямъ народа, тогда уже первенствовавшаго въ просвѣщеніи. Владимиръ Орловъ былъ тронутъ дружеской привѣтливостью Англичанъ и, не смотря на обычный его лаконизмъ, видно, какъ онъ пораженъ былъ преніями въ Нижней Палатѣ Великобританскаго Парламента.

Молодой путешественникъ, объѣзжавшій верхомъ два года предъ тѣмъ заставшіе камышами и впослѣдствіи недовершенные каналы между Дономъ и Волгою, перенесенъ въ страну, гдѣ находятся въ полномъ дѣйствіи канады, проведенные подъ сводами въ землѣ или между стѣнами на открытомъ воздухѣ. Одно изъ этихъ чудесныхъ произве-

Библиотека "Руниверс"

деній было только что создано изобрѣтеніемъ лорда Бриджватера, и трудно сказать, что́ болѣе удивляло Орлова: развитіе ли техническаго искусства въ Англіи, или же великодушіе могущественнаго аристократа.

Дневникъ Владимира Григорьевича начинается выѣздомъ изъ Петербурга, 1771 г. 1 Іюня, въ 7 часовъ по утру, съ женою, дѣтьми и фрейлиною Роткирхъ.

Извлекаемъ собственныя слова изъ тетради путешественника.

„Эстляндцы очень бѣдны, въ нѣсколькихъ домахъ былъ я самъ и разговаривалъ; тотъ благодаритъ Бога, который имѣетъ салакушку соленую, ржаной хлѣбъ безъ мякины и квасъ; рѣдкіе изъ нихъ и по праздникамъ ѣдятъ мясо, волосъ не чешутъ, языкъ похожъ на Чухонскій, живутъ чрезвычайно скверно, избы черныя съ палатями, бревна по самый полъ коптѣютъ, двери низенькія, сквозь которыя дымъ проходитъ, у каждаго баня, ходятъ всякую недѣлю, не лежатъ, а сидятъ на перекладинахъ, которыя подъ самымъ потолкомъ, гдѣ и парятся, очень лѣнивы, неопрятны, къ пьянству чрезвычайно склонны и мужчины и женщины; сказываютъ, дворянство держитъ крестьянъ своихъ въ черномъ тѣлѣ.

(18 Іюня, Рига.) „Латыши живутъ гораздо лучше и почитаются какъ до Риги, такъ и къ Вендену лучшими крестьянами изо всей Лифляндіи; но и они ѣдятъ мясо только осенью, одѣваются мужчины и женщины несравненно опрятнѣе. Лифляндцы мнѣ показались опрятнѣе и Русскихъ; вмѣсто лаптей, когда нетяжелую работу производятъ, носятъ башмаки всѣ изъ кожи безъ подошвъ, женщины имѣютъ передники, а дѣвки носятъ шляпы распущенныя; въ домахъ ихъ приборнѣе и чище. И Латыши большею частью употребляютъ хлѣбъ съ мякиною, весною же рѣдкій своимъ хлѣбомъ пробавляется, а занимаютъ у господъ до осени и на двѣ четверти платятъ по полуосминѣ и болѣе, трезвы и прилежны, у многихъ избы бѣлыя. По примѣчанію моему, помѣщики держатъ въ черномъ тѣлѣ Эстляндцевъ и Латышей. Во всей Лифляндіи крестьяне живутъ только по одному двору, гдѣ находится одинъ хозяинъ; ему приданы нѣсколько работниковъ и работницъ, которыя зависятъ совершенно отъ него, и помѣщикъ взыскиваетъ всѣ работы съ хозяина. Дѣти отъ отцевъ берутся и раздаются по хозяевамъ“.

(24-го) „Латыши Курляндскіе живутъ гораздо лучше Лифляндскихъ, да и земля у нихъ гораздо плодороднѣе, особливо подлѣ Либавы и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ. Крестьянинъ Курляндскій есть совершенный невольникъ. Помѣщикъ можетъ засѣчь его до смерти и никому въ томъ не отвѣчаетъ. Ежели одинъ подданный умертвитъ другаго, то помѣщикъ имѣетъ право простить убійцу; самъ на смерть не осуждаетъ, а долженъ созвать 7 сосѣдей, но довольно и 5, объявляетъ имъ преступленіе, судьи разсматриваютъ и налагаютъ наказаніе. Помѣщикъ не долженъ мѣшаться въ сужденіе; увеличить наказаніе помѣщикъ не можетъ, а имѣетъ право не только уменьшить, но даже и освободить отъ смерти; ежели умерщвленъ подданный у другаго помѣщика, то производится судъ такимъ же образомъ, какъ и выше написано, и

Библиотека "Руниверс"

въ семъ случаѣ помѣщикъ убитаго имѣетъ право простить убійцу, хотя бы онъ осужденъ былъ на смерть, тѣмъ вся тяжба и кончится, и переносу по оной никуда не бываетъ".

(25-го Сентября. Франкфуртъ.)

„Во время нашего пребыванія пріѣхали туда княгиня Дашкова и Каменская, два дня проводили съ ними. Чрезъ нихъ познакомились съ купцомъ Когель, у котораго и обѣдали всѣ вмѣстѣ".

„Вообще должно замѣтить, что въ Католическихъ земляхъ жители не наблюдаютъ такой чистоты, какъ въ Лютеранскихъ".

„Въ Эльзасѣ жители гораздо учтивѣе, чѣмъ въ Германіи, особливо простой народъ".

„Въ Базелѣ познакомился я съ старикомъ Бернулли (Бернъ). Окрестности его очень пріятны, и неподалеку находятся снѣжныя горы, во все лѣто покрытыя снѣгомъ и представляющія прекрасные виды, ибо при солнечномъ сіяніи подобны они освѣщеннымъ облакамъ, около горизонта находящимся. 17-го Октября прибыли въ Веве".

„Въ кантонахъ Базелѣ, Солотурнѣ и въ Бернѣ мужики постарѣе бородъ не брѣютъ, но въ Вализерландѣ брѣются всѣ".

„Въ Бернѣ посѣтилъ я Галлера; обхожденіе его просто, онъ жаловался на стараго Эйлера, будто бы онъ воспрепятствовалъ ему быть членомъ Петербургской Академіи" [1]).

„Отъ 17 Октября до 17 Марта 1772 г. жили въ Веве" [2]).

„17 Марта пустился верхомъ въ Италію повидаться съ братцемъ Алексѣемъ Гр., куда и пріѣхалъ въ 17 дней".

(Шамбери) „На горахъ ростетъ по мѣстамъ лиственница; нигдѣ я не встрѣтилъ столь много печальныхъ видовъ какъ въ сей землѣ".

„Отъ Монтсени доѣхали въ одинъ день до Турина. Дорога идетъ по долинѣ, она сначала очень узка, потомъ часъ отъ часу расширяется и становится около Турина очень широкою; въ Туринѣ пробылъ одинъ день и отправился въ Мейландію (Миланъ?), гдѣ также одинъ день проводили и видѣли отмѣнно великолѣпную церковь и чрезвычайной величины. Мейландскія и Піемонтскія земли очень хорошо обработаны. Тутъ ростетъ великое множество шелковицы, всѣ поля наполнены ею, да и другими плодоносными деревами. Около деревъ ростетъ виноградъ. Не смотря на сильную тѣнь, происхо-

---

[1]) Галлеръ, Швейцарскій медикъ, получилъ званіе почетнаго члена Академіи въ 1776 г.; умеръ 1777 г.

[2]) Графъ и графиня, во время своего жительства въ Веве 1772 г., завели знакомство съ мѣстнымъ обществомъ и принимали его, какъ видно изъ сохранившихся тамъ до нашего времени приглашеній, на вечера музыкальные и другіе, которые начинались въ 5 часовъ по полудни. Жители Веве разсказывали внучкѣ гр. Орлова, кн. Елисаветѣ Петровнѣ Долгорукой, какъ графъ прививалъ самъ оспу крестьянскимъ дѣтямъ этой мѣстности.

Библиотека "Руниверс"

дящую отъ деревъ, все во время поспѣваетъ, и сіе только свойственно землямъ теплымъ. На дорогѣ находились Плезансъ, Парма, Модена и Болонья. Во всѣхъ сихъ городахъ церкви прекрасныя. Модена хотя мала, но построена хорошо. Въ Плезансѣ течетъ По. Отъ Веве до Болони употребили 14 дней и ѣхали все верхами. Отъ Монтсени до Болони простирается почти безпрерывно низкая долина, вся очень обработана и крайне плодородна, съ обѣихъ сторонъ окружена превысокими горами; вода въ рѣкахъ мутна и воздухъ осенью и весною нездоровъ. Въ земляхъ Миланской и Піемонтской ростетъ сарачинское пшено. Сѣютъ оное въ самыхъ низкихъ мѣстахъ, которыя потомъ наводняются. Въ Болоньѣ взяли почту и употребили 14 часовъ до Флоренціи. Городъ сей великъ, много зданій прекрасныхъ: храмъ Св. Лаврентія чрезвычайнымъ великолѣпіемъ и богатствомъ славенъ по всей Европѣ, и трудно ему найти подобный, онъ созидается изъ давнихъ лѣтъ и часъ отъ часу получаетъ болѣе совершенства. Видали во дворцѣ самыя рѣдкія картины и славную галерею. Окрестности сего города состоятъ въ возвышеніяхъ и представляютъ очень хорошіе виды. Земля и здѣсь отмѣнно обработана. Отъ сего мѣста пріѣхали въ 10 часовъ въ Пизу, у братца пробыли 6 дней, провели одинъ день въ Ливорнѣ и катались на шлюпкѣ по морю, всходили на Русскій фрегатъ, который въ то время находился около 2 верстъ отъ города. Въ Ливорнѣ въ сіе время поспѣлъ горохъ. Взяли почтовыхъ лошадей и возвратились въ 6 дней въ Миланъ. Дорога была таже".

„Прибылъ въ Парижъ еще въ Маѣ и прожилъ тамъ 3 недѣли. Въ сіе время видѣлъ раза 4 или 5 Руссо, посѣщалъ много разъ Дидерота и былъ однажды у маркиза Мирабо, также и у Даламберта. Руссо полюбилъ меня, просилъ ходить къ нему почаще и много ласки оказывалъ. Осмотрѣлъ Версалію съ ея окружностями, Марли и Бельвю. Изъ Парижа пустился въ Спа".

„По прибытіи въ Ахенъ, принялся я немедленно пить воду. что и продолжалось 12 дней, употребляя по 5 стаканчиковъ въ день..... Потомъ возвратился въ Спа и началъ пить пугонъ по 5 стакановъ. каждый по 5 унцій. Вода отягощала желудокъ. Сіе произошло повидимому отъ безпорядочной жизни, я ѣлъ много и сидѣлъ дома за картами.

Прибыли 4 Октября въ Кале. 5-го сѣли на корабль, онъ не могъ войти въ гавань, и мы принуждены были доплыть до Довера въ маленькихъ лодочкахъ. 8-го прибыли въ Лондонъ, остановился только нѣсколько дней, а 16-го пустился странствовать по землѣ".

„11 миль отъ Манчестера видѣлъ каналъ, сдѣлалъ его герцогъ Бриджватеръ, возятъ по немъ въ городъ каменныя уголья, построенъ очень хорошо и конечно стоитъ большаго иждивенія. Сей каналъ проведенъ теперь до Ливерпуля, стѣны и сводъ онаго сдѣланы изъ простаго кирпича, и такъ крѣпки, что нигдѣ ни малѣйшей порчи не видно; онъ простирается на 2 мили подъ

Библиотека "Руниверс"

землею до самаго мѣста, гдѣ копается уголь, подвозъ водою унизилъ много цѣну. За сіе благодѣяніе народъ обожаетъ герцога, особливо бѣдные".

„4 Ноября пріѣхала жена моя и съ дѣтьми въ Батъ. . . . Трактиры здѣсь чрезвычайно хороши, даже и въ деревняхъ, по проселочнымъ дорогамъ. . . . Въ сей землѣ надѣлано очень много каналовъ. Мнѣ случилось видѣть три, которые ведены чрезъ рѣки, поперекъ оныхъ; сперва состроятъ сводъ съ одного берега на другой, потомъ по обѣимъ сторонамъ онаго стѣны, и вода находится въ нихъ какъ въ ящикѣ. Народъ рослъ и имѣетъ видъ здоровый. Рѣдко увидишь блѣднаго и слабаго, нигдѣ не видалъ я столь здороваго народа. Даже и Лондонскіе жители имѣютъ видъ здоровый. Чай въ столь великомъ употребленіи, что близъ Лондона нѣтъ ни однаго работника, даже и самаго бѣднаго, который бы ни пилъ чаю, хотя однажды въ день. Въ семъ путешествіи товарищъ мой былъ Рохлеръ. Батъ городъ очень небольшой, но прекрасный, зданія отмѣнныя и великолѣпныя, окруженъ со всѣхъ сторонъ возвышеніями, зелень и въ сіе время была почти, какъ середъ лѣта, и по увѣренію жителей, во всю зиму продолжается. Здѣсь находятся три цѣлительные ключа, изъ однаго пилъ я двѣ недѣли. Здѣсь я остановился 8 недѣль, а къ новому году возвратился въ Лондонъ".

Лондонъ и Парижъ встрѣчаютъ чужестранца очень разнохарактернымъ образомъ, и вліяніе этихъ городовъ на пріѣзжаго столь же различно, какъ оказываемый пріемъ. Чужестранцу, прибывшему въ Лондонъ, надобно непремѣнно дать себѣ вѣсу, а въ Парижѣ, напротивъ, дабы осмотрѣться и находить удовольствіе, всего чаще приходится поступиться тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которымъ пользуешься въ своемъ отечествѣ. Въ Лондонѣ *городъ* (city), *восточный*, весь посвященъ дѣловой дѣятельности, а обитаемая, какъ высшимъ, такъ и среднимъ классами общества, часть столицы есть западная. Чужестранецъ, очутясь въ этой части города, святилищѣ моды и всего порядочнаго, почувствуетъ себя совершенно изолированнымъ и умирающимъ со скуки, если не озаботится завести знакомства, не позаймется съ особой тщательностію своей одеждой и не будетъ представленъ въ лучшіе дома; притомъ не безъ большаго труда проникнетъ онъ въ высшія сферы политическія и великосвѣтскія. Роскошные и великолѣпные своими фасадами клубы весьма мало доступны, и въ 1772 г. бывшій мѣстомъ собранія значительнѣйшихъ людей Уайтъ-клобъ, по всей вѣроятности, былъ вовсе недоступенъ чужестранцу. Въ Парижѣ пріѣзжаго встрѣчаютъ сами собою удовольствія; тотчасъ привлекаютъ его Итальянскій бульваръ, кофейни, театры, салоны; ходячею монетою служитъ ему преимущественно добродушіе, и если онъ хотя нѣсколько бывалый человѣкъ и bon enfant, то весьма скоро будетъ встрѣчаться на ногѣ добраго знакомаго со всѣми значительными тамъ людьми.

Библиотека "Руниверс"

Королемъ Великобританскимъ былъ въ то время почтенный, впослѣдствіи сумашествіемъ пораженный, Георгъ III, твердый, по словамъ иныхъ, упрямый и закоснѣлый, по выраженію другихъ, въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, говорили первые, въ своихъ религіозныхъ предразсудкахъ, говорили послѣдніе. Вѣрный присягѣ, данной имъ при восшествіи на престолъ, защищать протестантскую церковь, онъ не соглашался дать эмансипацію, т. е. участіе въ народномъ представительствѣ своимъ подданнымъ Римско-католическаго исповѣданія. По общему мнѣнію всѣхъ, онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный и строго-нравственной жизни. Министромъ его былъ въ 1773 г. lord North, тотъ самый, который впослѣдствіи своей неосмотрительной политикой и стѣсненіемъ торговли Американцевъ, тогда еще Великобританскихъ подданныхъ, возбудилъ несчастную войну и причинилъ окончательное отдѣленіе Американскихъ колоній отъ Великобританіи. Первые ораторы новѣйшихъ временъ, старшій и младшій Питты, Буркъ и 22-лѣтній Чарльсъ Фоксъ, изо всѣхъ можетъ быть самый геніальный, были членами Парламента. Они еще въ то время не достигли той славы, которая скоро увѣнчала ихъ имена. Американскія дѣла уже съ 1765 г. занимали Парламентъ и озабочивали правительство; но война съ Америкой окончательно возгорѣлась только въ 1775 г. Отважные вожди оппозиціи, желавшіе отстранить предвидѣнныя ими бѣдствія и удалявшіеся отъ Двора, не могли встрѣчаться тамъ съ Русскимъ путешественникомъ. Онъ видѣлся во Франціи съ энциклопедистами, прогрессистами, несравненно опаснѣйшими обществу, чѣмъ Англійскіе виги; но въ Англіи онъ могъ развѣ съ галлереи Нижней Палаты увидать и услышать вышеупомянутыхъ ораторовъ.

При Сентжемскомъ дворѣ Владиміръ Орловъ отличался отъ многихъ знатныхъ иностранцевъ и отъ своихъ соотечественниковъ тѣмъ, что не имѣлъ никакихъ орденовъ: ни звѣзды, ни ленты, ни малѣйшаго креста. Это отсутствіе знаковъ отличія не удивляло Англичанъ, которые, хотя и видѣли у себя весьма немногихъ кавалеровъ Подвязки и нѣсколько бо́льшее число кавалеровъ, украшенныхъ знаками отличія за особыя заслуги, привыкли видѣть неукрашенными никакимъ подобнымъ знакомъ самыхъ знаменитыхъ своихъ государственныхъ людей, равно какъ потомковъ тѣхъ старинныхъ родовъ, которые прославились въ крестовыхъ походахъ и были воспѣты Аріостомъ. Графъ Владиміръ Орловъ былъ принятъ Англійскимъ обществомъ съ уваженіемъ, но при отъѣздѣ его выразилась уже къ нему искренняя любовь. Его природная привѣтливость понравилась Англичанамъ. Герцогъ Нортумберландскій, разставшись съ Орловымъ, послалъ ему въ подарокъ пару отличныхъ лошадей; Орловъ отдарилъ его соболями. Съ нимъ и съ другими Англи-

Библиотека "Руниверс"

чанами онъ переписывался конфиденціально о свѣихъ семейныхъ дѣлахъ и о здоровьи своей жены и дѣтей. Въ самомъ дневникѣ онъ пишетъ весьма мало о Лондонской своей жизни.

Вотъ его слова: „Пять разъ былъ я съ женою при дворѣ, король и королева обходились съ нами съ отмѣнною милостію. Король говорилъ часто со мною о моей семьѣ, многія подробности были ему извѣстны, что̀ меня немало удивляло. Онъ зналъ, что мои братья сильны, что старшій при нынѣшнемъ правленіи не служилъ и многія другія обстоятельства. Услышавъ отъ меня, что мы живемъ не въ раздѣлѣ, крайне сему удивлялся. Королева обходилась также милостиво съ женою моею и при первомъ представленіи сказала: наконецъ имѣю я удовольствіе васъ видѣть! При дворѣ большаго великолѣпія нѣтъ, да и ничего такого, что̀ заслуживало бы особое примѣчаніе. Герцогъ Нортумберландъ съ супругою своею, милордъ Шельборнъ, Болби и г. Морицъ оказывали намъ отмѣнныя ласки, особливо домъ герцога Нортумберланда. Они всѣми силами старались сдѣлать пребываніе наше пріятнымъ со всѣхъ сторонъ и въ Лондонѣ и въ Батѣ. Въ Батѣ познакомился я съ славнымъ Гопъ, который имѣлъ первую торговую контору въ Амстердамѣ. Былъ два раза въ Нижнемъ Парламентѣ. Споръ шелъ о войнѣ съ Караибами, живущими на островѣ С. Винцента. Приказано было войти тремъ свидѣтелямъ, которые нѣсколько времени на семъ островѣ находились. Каждый членъ имѣетъ право спрашивать свидѣтелей. Сказываютъ, что $^2/_3$ членовъ на сторонѣ королевской, слѣдовательно Дворъ можетъ все сдѣлать, что̀ захочетъ. Сіе собраніе произвело во мнѣ пріятное впечатлѣніе, и *я ощущилъ почтеніе къ оному*“.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе Англійскихъ садовъ.

„При расположеніи оныхъ стараются они подражать природѣ и скрыть работу, которая необходима и часто много труднѣе бываетъ, нежели въ регулярныхъ; въ сихъ садахъ все разбросано, индѣ лѣсокъ, индѣ кустарникъ, индѣ цвѣты, индѣ лужекъ“.

18 Февраля Орловъ оставилъ Лондонъ. На обратномъ пути: „точно искушеніе, прожили три недѣли въ Ахенѣ, пилъ я воду, но она мнѣ сей разъ ни добра, ни худа не сдѣлала“.

Дневникъ оканчивается выѣздомъ изъ Франкфурта на Майнѣ и слѣдующими словами: „Отсюда пустились прямо въ Петербургъ, куда и возвратились благополучно около начала Сентября“.

Описанное въ дневникѣ леченіе, которое можно назвать героическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удачнымъ по послѣдствіямъ, отличается довольно рѣзко отъ нынѣшняго: теперь совѣтуютъ очень умѣренное употребленіе водъ, но за то требуютъ, чтобы больные почти каждый годъ

Библиотека "Руниверс"

возобновляли свое леченіе. Какой изъ двухъ методовъ лучше, рѣшить не намъ. При нынѣшнемъ методѣ заграничныя путешествія сдѣлались періодической надобностью для больныхъ, и потому столько теперь Русскихъ проводитъ большую часть своей жизни за границей!... Владиміръ Орловъ хотѣлъ кончить заразъ свое леченіе, и, занимавшись имъ два года съ послѣдовательностью и настойчивостью, которая вѣроятно выводила изъ терпѣнія нашего читателя, возвратился въ Россію, и болѣе за границу не ѣздилъ ни для поправленія здоровья, ни для какихъ либо другихъ цѣлей. Но, не ѣздя за границу, онъ тѣмъ не менѣе въ теченіе всей жизни придавалъ важное значеніе систематическому сбереженію здоровья. Впечатлѣнія путешествія по Англіи обнаружились впослѣдствіи въ разныхъ распоряженіяхъ частной жизни Орлова. Онъ занялся очень серьезно устройствомъ сельской своей резиденціи, оставилъ первую мысль строить большой дворецъ въ Симбирской губерніи и выбралъ мѣстность болѣе доступную, особенно въ то время, когда средства сообщенія были самыя недостаточныя, и потому поселился окончательно въ Московской губерніи. Тутъ, какъ будетъ видно впослѣдствіи, онъ соединилъ по возможности все, что̀ могло составлять наслажденіе сельской жизни; тутъ принималъ родственниковъ и друзей, которые у него гостили по цѣлымъ недѣлямъ.

Можно также замѣтить слѣды Англійскихъ впечатлѣній и проявленіе Англійскаго либерализма въ одномъ, весьма важномъ трудѣ Орлова, именно въ сочиненіи уложенія для управленія своихъ многочисленныхъ подчиненныхъ. Мы дойдемъ своимъ чередомъ до описанія фактовъ, указанныхъ здѣсь только по отношенію къ заграничному путешествію Орлова.

Между тѣмъ онъ не предавался ни унынію, ни мысли распроститься съ жизнью еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ боролся съ недугомъ и преодолѣлъ его съ Божьей помощью, и многими годами пережилъ своихъ братьевъ, одаренныхъ несравненно болѣе сильнымъ сложеніемъ. Онъ въ 1773 г. становится опять жителемъ Петербурга.

Графъ вступилъ вновь въ должность директора Академіи въ Сентябрѣ 1773 г., какъ видно изъ писемъ его къ гувернеру Гейницу отъ 6 Сентября и къ Миллеру въ Москву отъ 9 Сентября.

Библиотека "Руниверс"

X.

Письма графа къ разнымъ лицамъ, по возвращеніи въ Россію.—Циркуляры въ вотчины.—Письма къ братьямъ и къ другимъ лицамъ.—Увольненіе графа отъ должности директора Академіи.—Отношенія къ академикамъ графа и его преемника Домашнева.—Выдержка изъ писемъ графа къ брату графу Алексѣю Григорьевичу и др.

Молодой путешественникъ, возвратившись въ Россію, провелъ въ Петербургѣ остальную часть 1773 года. Его переписка наполнена распоряженіями о высылкѣ въ Россію вещей, купленныхъ имъ преимущественно въ Англіи, сношеніями съ гостепріимными Англійскими пріятелями, съ которыми онъ только что разстался; справками о Русскихъ воспитанникахъ за границею, офиціальными и партикулярными сношеніями съ учеными и нѣкоторыми политическими дѣятелями, хозяйственными распоряженіями по имѣніямъ, наконецъ самымъ дружескимъ обмѣномъ мыслей съ старшимъ братомъ, графомъ Иваномъ Григорьевичемъ. Младшій братъ называетъ его въ письмахъ лично къ нему папинькой, а въ письмахъ къ другимъ старикомъ. Старикъ сей былъ предметомъ самаго нѣжнаго и неусыпнаго попеченія младшаго брата, но и причинялъ послѣднему немало заботъ неумѣстнымъ иногда вмѣшательствомъ въ управленіе имѣніями, которыя были еще не раздѣлены между братьями, какъ было видно изъ разговора графа Владимира съ королемъ Георгомъ III. Безпорядокъ въ управленіи общимъ достояніемъ долженъ былъ озабочивать всѣхъ пятерыхъ братьевъ не менѣе, чѣмъ долги, особенно щедраго до расточительности князя Григорія Григорьевича.

По поводу ожидаемыхъ изъ Лондона, кареты, фортепіано, соломорѣзки и пожарной трубы съ принадлежностями, графъ пишетъ: „Александръ Семеновичъ Пушкинъ (Русскій посолъ въ Лондонѣ) благоволитъ приказать перевести съ Англійскаго языка на Русскій наставленіе какъ обращаться съ трубою, и вообще всякаго рода пересылаемыя бумаги въ избѣжаніе недоумѣнія подобнаго происшедшему съ Англійскими конюхами“. Чрезъ Пушкина же заказаны двѣ коляски. Изъ Франкфурта высылалось полотно, изъ Амстердама вина, сахаръ и кофе, изъ Парижа дамскія платья на 5,000 ливровъ, изъ Спа минеральныя воды.

Графъ извѣщаетъ герцога Глочестера, отъ 6-го Сентября, что, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ тотчасъ засвидѣтельствовалъ Императрицѣ особенное почтеніе и преданность со стороны герцога, чѣмъ Ея Величество была очень тронута, поручивъ съ своей стороны

Библиотека "Руниверс"

увѣрить его высочество въ искреннемъ къ нему расположеніи. Затѣмъ, отъ имени братьевъ Алексѣя и Ѳедора и отъ себя лично, свидѣтельствуетъ герцогу глубочайшее почтеніе.

Собольи палатины отправлены въ подарокъ двумъ Англійскимъ пріятельницамъ графини; а герцогу Нортумберландскому, особенно гостепріимному и внимательному, подарены и отправлены какія-то особенной породы красныя утки.

Переписка о молодыхъ Русскихъ заграничныхъ студентахъ дѣятельно продолжается по-прежнему. По просьбѣ брата, графа Алексѣя, Владиміръ Григорьевичъ освѣдомляется у г. Буньона объ успѣхахъ и поведеніи учившагося въ Лозаннѣ молодаго Островскаго, за которымъ отправленъ былъ офицеръ. Но возвращеніе Островскаго въ Россію, кажется, не состоялось; по крайней мѣрѣ, два мѣсяца спустя, графъ Владиміръ Григорьевичъ, на замѣчаніе того же Буньона о томъ, что Островскаго „затрудняютъ извлеченія", отвѣчалъ, что такія занятія весьма полезны, и не слѣдуетъ отъ нихъ отказываться, а должно выбирать предметы, доступные понятіямъ ученика. Графъ проситъ г. Буньона сообщать почаще и подробнѣе объ успѣхахъ въ занятіяхъ и наклонностяхъ Островскаго. Другой изъ братьевъ Орловыхъ принимаетъ живое участіе въ успѣхахъ еще одного юноши, который воспитывался въ Лейпцигѣ, подъ руководствомъ гувернера Гейница. Владиміръ Григорьевичъ, по порученію брата, одобряетъ распоряженія Гейница и входитъ самъ въ подробности, отклоняя Гейница отъ намѣренія вырвать у юноши двойные зубы и прося занять его верховой ѣздой для укрѣпленія силъ. Спрашивается мнѣніе доктора Тиссота о кривобокости мальчика и недостаточномъ развитіи одной изъ его ногъ. Другой воспитанникъ въ Лейпцигѣ, родственникъ Орловыхъ, Зиновьевъ—предметъ особеннаго попеченія графа Владимира и разныхъ его писемъ къ наставникамъ, банкирамъ и къ самому Зиновьеву; возвращеніе его въ Петербургъ, вслѣдствіе представленія о томъ князя Григорія, разрѣшено было самою Государынею. Графъ Владиміръ посылаетъ ему 250 червонцевъ на покупку дорожнаго экипажа и тройки лошадей, разрѣшаетъ добавку, въ случаѣ нужды, еще 50 червонцевъ, но полагаетъ, что при должной бережливости можетъ оказаться, за издержками путешествія, значительный остатокъ. Учителю („гофмейстеру") Константину послано денежное награжденіе, и переписка съ нимъ заключается благопожеланіями.

Кромѣ самыхъ дружескихъ писемъ къ Палласу, путешествовавшему по Россіи, и Гейницу въ Лозанну, осталась въ исходящей книгѣ

Библиотека "Руниверс"

графа Владимира Григорьевича 1773 г. слѣдующая копія съ письма его къ Жанъ-Жаку Руссо:

„Vous avez voulu que je vous donne des nouvelles à mon arrivée ici. Je le fais avec plaisir. En quittant Paris, je me proposais de retourner la même année chez moi; mais une maladie d'un de mes enfants m'en a empêché. Il n'y a que quelques semaines que je suis ici. Mon voyage a fini bien heureusement. Je me porte fort bien avec toute ma famille. Je vous le souhaite aussi du fond de mon coeur. Je me rapelle avec beaucoup de plaisir l'accueil amical et obligeant que vous m'avez fait, il ne s'effacera jamais de ma mémoire. J'envoie cette lettre à mon banquier de Paris. Si vous m'écrivez, envoyez lui les vôtres. Ce banquier doit vous rendre des semences, que je vous ai envoyés avec l'envoyé de Russie, Pr. Borétinski. On m'en a encore promis pour vous. Je souhaite qu'elles vous fascent quelque plaisir. Vous m'obligerez beaucoup en me donnant de vos nouvelles de temps en temps. Croyez que je ne m'y intéresse pas peu. Excusez mon mauvais francais, et que je ne vous écrive pas de ma propre main: la faiblesse de ma vue m'en empêche.

P. S. Nous possédons ici depuis quelque temps m^r^ Diderot et m^r^ Grimm, ils se proposent de passer ici une bonne partie de l'hyver. Faites bien mes compliments à madame votre femme.

NB. L'adresse de ce banquier est: à m^r^ Nicolas Marcet banquier. Le 8 Novembre 1773".

Къ графу Владимиру Григорьевичу обращаются за ходатайствомъ по разнымъ дѣламъ: князь Рѣпнинъ, баронъ Строгоновъ, г. Ливенъ, и видно по отвѣтамъ графа, что онъ продолжаетъ пользоваться милостивымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императрицы.

Имѣнія Орловыхъ оставались нераздѣленными до 1773 г., и даже въ этомъ году не послѣдовало никакого раздѣльнаго акта; но было сдѣлано, вслѣдствіе быть можетъ словеснаго соглашенія между братьями, слѣдующее распоряженіе въ формѣ приказа, или по тогдашнему „указа", въ разныя вотчины, Ярославскія, Костромскія, Нижегородскія и Владимирскія, за подписью одного старшаго брата Ивана.

Указъ Ярославской и другимъ вотчинамъ, 8 Ноября 1773 г.:

„Съ полученія сего нашего указа повелѣвается вамъ всѣмъ отнынѣ въ послушаніи быть у брата графа Владимира Григорьевича, и для того какъ отписки писать, такъ и всякія представленія отъ вотчины чинить на имя его въ Петербургъ, и на то, какія отъ него насылаемы вамъ будутъ письменныя или словесныя повелѣнія, оныя вы непремѣнно должны исполнять и во всемъ волѣ его повиноваться, равнымъ образомъ и положенной на васъ господской оброкъ ежегодно платить имѣете въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ него указано вамъ будетъ". Подлинный за рукою графа Ивана Григорьевича.

Библиотека "Руниверс"

Съ этого собственно времени и начинается дѣйствія Главной Конторы графа Владимира Григорьевича.

Первыми распоряженіями вновь вступившаго въ управленіе имѣніями хозяина были приказы о своевременной высылкѣ оброка, по 4 руб. съ души въ годъ; о порядкѣ построекъ въ деревняхъ, а именно: о выносѣ бань за черту селенія, о разстояніи между домами, о возведеніи въ переулкахъ каменныхъ стѣнъ для защиты отъ огня, о посадкѣ деревьевъ на улицахъ, о постройкѣ каменныхъ лавокъ, о способахъ тушенія пожаровъ; о раздѣлѣ земли, каковому быть „истинному по качеству земли, а не по числу, для чего должно въ удобное время выбрать къ тому совѣстныхъ и знающихъ крестьянъ“; объ ограниченіи крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, о назначеніи бѣднымъ вдовамъ пропитанія отъ міра, о выборѣ бурмистровъ, предоставленіе бурмистру и выборнымъ права рѣшать безъ міру маловажныя дѣла; дѣла же бо́льшей важности, касающіяся всего общества, рѣшать при участіи выборныхъ отъ всѣхъ деревень; о содержаніи лѣсовъ, о запрещеніи охоты сосѣднимъ помѣщикамъ въ графскихъ дачахъ во все время года, кромѣ осени. Эти приказы и распоряженія повторяются и пополняются до 1778 г. Въ семъ послѣднемъ году отправляются десять псалтырей въ село Люткино и предписывается, чтобы нарѣзать господскія и крестьянскія пашни *одинаковой доброты и одинаковой отдаленности отъ селеній*; а въ 1780 г. устроивается въ Бѣжецкой вотчинѣ училище для 30 мальчиковъ.

Въ Декабрѣ 1773 г. разосланъ былъ слѣдующій циркуляръ:

„Во всѣ мои деревни. Окончили ли вездѣ рекрутскій наборъ и когда, въ рекруты отданы изъ своихъ или куплены, и сколько именно куплено и отдано изъ своихъ и для чего меня объ ономъ отпискою по сію пору не увѣдомили? Увѣдомить меня, какимъ образомъ разкладку дѣлали въ послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ. Уже теперь нужно думать о рекрутскомъ наборѣ и заблаговременно, не упуская времени приступить къ оному. Такимъ образомъ лучше сдѣлать, нежели дожидаться объявленія о рекрутскомъ наборѣ. Созовите міръ и объявите ему моимъ именемъ, что я приказываю подумать ему и согласясь положить, какъ впередъ навсегда дѣлать разкладку по крестьянамъ въ рекрутскомъ наборѣ. Я дозволяю міру расположеніе сдѣлать и отписать ко мнѣ подробно о сей разкладкѣ для утвержденія. Когда въ семъ дѣлѣ (крестьяне) разобьются на двѣ части, то обѣихъ частей прислать мнѣнія, описавъ подробно причины, почему которая утверждаетъ. Какъ дѣлали разкладку оброка прежде, и какъ нынѣ сдѣлали, доставшись за насъ, часто ли бываютъ мірскія сходки, и по какимъ дѣламъ кто ихъ созываетъ, отъ всякаго ли дома бываетъ мужикъ или болѣе, всякому ли вольно изъ крестьянъ придти на сходку, кто только пожелаетъ; кто смотритъ, чтобы на сходкѣ не было ссоры и безпорядковъ; о

Библиотека "Руниверс"

всемъ семъ меня увѣдомить. Мірскіе приговоры записываютъ ли въ книгу, также и расходы, у кого сія книга на рукахъ? Мірскіе приговоры, которые сюда ко мнѣ посылаются, всѣ ли ихъ бывшіе на сходѣ подписываютъ, или неумѣющіе грамотѣ уполномочиваютъ другихъ? Когда они не всѣ подписываютъ, то для чего? Когда на мірской сходкѣ крестьяне не всѣ согласны—одна часть одного мнѣнія, а другая—другаго, то записываютъ ли оныя? Ежели не записываютъ, то впредъ записывать и присылать тѣ дѣла, которыя до утвержденія моего касаются, со мнѣніями обѣихъ частей. Кто отправляетъ дѣла Государевы и дѣла по городу? Со времени нынѣшней войны сколько отдано въ рекруты изъ своихъ и сколько куплено?"

„Бурмистрамъ, старостамъ и другимъ чиновнымъ людямъ дѣлались ли какія льготы прежде и дѣлаются ли нынѣ? Ежели не дѣлаются, то отписать для чего; сколько чиновныхъ людей, прислать извѣстіе, и всѣ ли они погодно перемѣняются, какое каждый имѣетъ дѣло. Указамъ брата Ивана Григорьевича всѣмъ прислать ко мнѣ копіи или списки. Межеваніе началось ли, что сдѣлано по оному, и какіе споры и съ кѣмъ, увѣдомить меня. Я желаю, чтобъ бѣднымъ и сиротамъ притѣсненія отъ богатыхъ не было, чего очень беречься надобно; когда такое дѣло до свѣдѣнія моего придетъ и я невинность увижу, то не упущу жестоко за оное наказать. О всемъ, что здѣсь написано, увѣдомить меня не теряя времени; о полученіи сего моего указа увѣдомить меня тотчасъ".

Переписка по дѣламъ Усолья, хотя не поступившаго еще въ непосредственное владѣніе кого либо одного изъ братьевъ, продолжалась съ Мещериновымъ и относилась: къ высылкѣ мальчиковъ, назначенныхъ въ ученіе „архитекторству", конторскому порядку и сельскому хозяйству у Лифляндскаго родственника, къ выписыванію изъ Архангельска сѣмянъ лиственницы и къ найму медика для Усолья.

Копіи съ писемъ къ чтимому „старику, папинькѣ" графу Ивану Григорьевичу сохранились въ тетрадяхъ графскихъ исходящихъ бумагъ. Онѣ писаны рукою писаря чрезвычайно небрежно, со множествомъ ошибокъ противъ грамматики, которая, впрочемъ, въ то время еще не получила правъ гражданства. Эти ошибки не были поправлены графомъ, который, по слабости зрѣнія, затрудялся чтеніемъ. Много въ этихъ письмахъ пробѣловъ, есть въ нихъ также не всегда понятныя для насъ ссылки на происшествія, въ тогдашнее время всѣмъ извѣстныя и съ тѣхъ поръ забытыя. Какъ бы тамъ ни было, приводимъ эти письма въ настоящемъ ихъ видѣ, не дозволяя себѣ никакихъ измѣненій.

„Папинька, сударушко, здравствуй. Каково-то у васъ время? У насъ довольно холодно и морозитъ уже дни съ четыре. Отъ тебя писемъ еще нѣтъ. Старикъ залѣнился. Слышали, что ты пріѣхалъ во Вторникъ въ Москву. Ждемъ извѣстія, какъ ты время свое проводишь. Дѣтки

Библиотека "Руниверс"

твои и внучата здоровы. Братья тоже. Григорій вчерась съ дежурства смѣнился. Въ Субботу 9-го числа Дворъ пойдетъ въ Царское Село, Государыня и Великій Князь проживутъ тамъ, я думаю, весь нынѣшній мѣсяцъ. Дни съ три какъ Государыня занемогла было немного, казалось простудою, теперь слава Богу ходитъ, совершенно поправилась. У насъ все старое по старому, только что папиньки очень жаль. Ты въ моемъ домѣ большую пустоту сдѣлалъ своимъ отсутствіемъ.

„Римской исторіи Ролленовой перваго тому не нашлось, не взялъ ли кто изъ твоихъ людей съ собою? Также исторіи Щербатовой перваго тома не нашлось, да еще былъ маленькій телескопецъ, у тебя ли онъ? Я теперь вступилъ во всѣ правленія и въ деревенскія и въ Академію и въ собраніе переводовъ. Не брани меня, папинька, что я лѣнивъ, и домомъ еще всѣмъ управляю. Ѳедя же повѣса ни за что не принимается, только что лѣтаетъ. Прощай, голубинька. Дай Богъ, чтобъ ты былъ веселъ. Кланійся отъ меня Всеволодскимъ, Обухову*) и всѣмъ знакомымъ. Государыня велѣла тебѣ кланится. Я къ Екатеринѣ Михайловнѣ посылаю тоже поклонъ“. Ноябр. 8 дня 1773 г.

„Папинька сударушко, здравствуй. Дворъ уѣхалъ 9-го ч. въ Царское Село. Мы съ Ѳедоромъ ѣдимъ туда завтра, возвратимся чрезъ два дни. Нева стала, противъ Сената осталась сквозная полынья сажень на сорокъ ширины отъ одного берега до другаго, и по ней вчерашній день переѣзжали на шлюпкахъ. Послѣдними нынѣшними морозами затянуло ее почти совсѣмъ. Морозы болѣе недѣли всякій день сильнѣе становятся. Нынѣшній же морозъ и гораздо нарочитъ. Въ первые были 4 градусовъ, а сегодня 12 по реомюру: такъ сухо, что много пыли по улицамъ, башмаки вымараешь, пыль какъ среди лѣта; такія-то диковинки у насъ безъ тебя пошли. Охотники санные тужатъ, что еще снѣжинки нѣтъ. Мы всѣ здоровы и всѣ по сторому, тишь да гладь да Божья благодать, какъ при тебѣ. Дочь моя здорова. Маминька тоже, сынишка несовсѣмъ. Эти дни было совсѣмъ оправился, нынче же ему не очень ловко; хотѣлъ бы тебѣ еще чего нибудь новаго писать да ничего не знаю. Николай Ивановичъ Салтыковъ поѣхалъ съ Его Высочествомъ въ Царское Село: какъ Дворъ возвратится сюда, то будетъ онъ жить во дворцѣ, и покои ему уже назначены. Позабылъ было тебѣ написать что слухъ носится, когда Салтыковъ назначенъ былъ къ Великому Князю, то графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ не очень онымъ доволенъ былъ.

*) Извѣстные пособники возведенія Екатерины на престолъ.

Библиотека "Руниверс"

„Вотъ тебѣ всѣ сказки; прощай голубчикъ, кланійся отъ насъ знакомымъ, а особливо Всеволодскимъ и Обухову“. Ноября 14-го дня 1773 г.

„Папинька сударушко, здравствуй. Послѣднее твое письмо отъ 11-го Ноября получили. Радуемся, что ты здоровъ. Пеняешь и бранишь ты напрасно. Нумеръ моихъ писемъ доказываетъ, что я къ тебѣ всякую недѣлю пишу, и надѣюсь впередъ, что ты отдашь мнѣ справедливость и преимущество передъ братьями въ перепискѣ, по крайней мѣрѣ столько же буду исправенъ какъ они. Кн. Вяземской обѣщаетъ брату Алексѣю опредѣлить брата Алексѣя Васильевича Еврейнова. Симбирскихъ купцовъ дѣло уже въ Сенатѣ было. Кн. Ал. А. Вяземской сказывалъ мнѣ, что онъ выписку изъ опредѣленія казалъ Симбирскому купцу Маленькому; рѣшеніе не совсѣмъ въ пользу ихъ. Сей докладъ будетъ поданъ Государынѣ. На прошедшей недѣлѣ мы были въ Царскомъ Селѣ, тамъ всѣ здоровы, и все идетъ очень хорошо; въ концѣ нынѣшней поѣду опять туда. Дворъ возвратится совсѣмъ 25-го сего мѣсяца. Въ Сарскомъ Селѣ былъ маленькій маскарадъ; женщины перерядились въ мущины, а мущины въ женщины, и все это учреждено было потихоньку отъ Государыни. Собрались всѣ въ передней Великаго Князя, гдѣ и ихъ Высочества были также наряжены, и въ этомъ уборѣ дождались выходу Государыни. Тогда музыка загремѣла, пошли по польски танцовать передъ Государыней въ маскахъ. Потомъ стали вокругъ Государыни, и она изволила узнавать, человѣкъ съ десять совсѣмъ узнать не могла. По общему признанію я въ женщинахъ лучше всѣхъ былъ. Ѳедоръ былъ передо мною ничто, и онъ самъ не спорилъ, нарумянилъ себѣ такъ щеки, что и папинька меня не узналъ (бы.).

„Братъ Григорій нынѣшнюю недѣлю дежурный въ Сарскомъ Селѣ. Сегодня снѣгу выпало, и скоро я думаю путь станетъ. Алексѣй уже катался въ саняхъ, коренная и пристяжная обѣ Англійскія, каряя, рыжая и въ пристяжкѣ бурая; онъ ими доволенъ и намѣренъ ими оезжать (sic); какъ путь станетъ, то онъ на замѣшкаетъ ѣхать къ тебѣ. Во все время былъ, слава Богу, очень веселъ. Семья моя вся здорова, всѣ у папиньки цѣлуютъ руки. Алексаша мой дни съ два какъ лучше. Просимъ у тебя благословенія“. Ноября 22-го дня (1773 г.).

„Папинька сударушко, здравствуй. Что тебѣ вздурило? Писемъ отъ тебя нѣтъ болѣе недѣли. Ежели ты на меня сердишься, то ты неправъ. Я къ тебѣ всякую недѣлю пишу. Братъ Алексѣй еще здѣсь. Снѣгу отпало, не замѣшкаетъ я думаю къ тебѣ ѣхать. Я выздоровѣлъ почти совсѣмъ, только немного опухоль еще есть на щекѣ и не смѣю выѣз-

Библиотека "Руниверс"

жать. Дни чрезъ два, думаю, можно будетъ. Братъ Ѳедоръ влюбленъ очень и всякій день отъ пяти часовъ до перваго не бываетъ дома; да часа два еще къ тому употребляетъ на переписки; только что глаза продеретъ, то письмо въ руки, и только что встанетъ, то за перо отвѣчать. Скоро его предметъ на нѣсколько мѣсяцовъ удалится, и такъ онъ придетъ въ порядокъ. Алеханъ по временамъ веселъ, недавно очень сурну (sournois) наворотилъ было, можетъ быть не совсѣмъ правъ, теперь получше.

„Изъ Порѣчья пишутъ, что 2600 отдано Сахарову. Отъ отца его здѣсь ети деньги не такъ скоро получу. Самый тотже просилъ меня о семъ же дѣлѣ. Я ему отказалъ; и такъ, папинька, ты самъ начинаешь безпорядки дѣлать, а лучше выдавать въ такомъ случаѣ только, когда я самъ деньги получу отъ мужика и отписку пошлю объ оном въ деревню. Пишутъ ко мнѣ еще оттуда же, что 500 руб. послано въ Московскую домовую канцелярію. Я не знаю, для чего и по чьему повелѣнію, также и то, что тебя туда ожидаютъ. Неужели ты уѣхалъ... Прощай, голубчикъ. Мы всѣ здоровы и цѣлуемъ твои руки. Надѣйся на мои учрежденія, которыя будутъ сдѣланы, конечно ты и самъ ихъ похвалишь. Кирилычь говоритъ, зачемъ дискать гр. Иванъ Григорьевичъ мѣшается въ подробное распоряженіе, вить вотъ тотчасъ сдѣлалъ неловко. Я его бранилъ, какъ онъ смѣетъ это говорить. А онъ говоритъ: да какже? это правда. А я его за то еще болѣе бранилъ, хотя правду сказать и неловко сдѣлано“. Декабря 12-го 1773 г.

„Папинька, здорово живешь. Письма твои № 9 и 10 получилъ. Сожалѣю, что угадалъ, что тебѣ скучно. Коли дѣла таковы, то и причины достаточны. Хорошо сдѣлаешь, что пошлешь въ Вяземскія деревни межевщика. Мнѣ кажется, ты съ лишкомъ сердишься на Ѳоку *). Онъ, можетъ быть, не столько виноватъ; а съ голыми руками право нечего дѣлать: когда бы Пугачевъ былъ такъ близко къ Москвѣ, то бы можетъ быть многіе бы изъ нея убрались. Можетъ статься, чтобы и старикъ уплелся; а то хорошо дурить и шумѣть какъ Римлянинъ, когда предметъ страха далеко. Неправду ты пишешь, что твоя одна страница моихъ двѣ составляетъ. Братъ Алеханъ къ тебѣ еще не поѣхалъ. Сказывалъ онъ мнѣ, что, можетъ быть, на нынѣшней недѣлѣ поѣдитъ. Я не думаю. Теперь у него есть отправленіе въ Архипелагъ. Братья твои письма читали. Двухъ большихъ кромѣ утра дома никогда не застанешь, по вечерамъ никогда не бываютъ и обѣдаютъ нечасто дома. Холостяка метаетъ. Можетъ быть, и у Алехана есть искра любовная,

*) Мещеринова.

Библиотека "Руниверс"

только еще не вѣрно, а подозрѣвать очень можно. Всѣ вечера онъ бываетъ не дома и большую часть проводитъ ихъ въ одномъ домѣ. Не думаю однако, чтобъ онъ замѣшкалъ долго къ тебѣ ѣхать. Послалъ къ тебѣ сегодня Аглицкую коляску съ Островскимъ извощикомъ. Желаю, чтобъ она тебѣ понравилась. За нее и за людей, которыхъ онъ къ тебѣ привезетъ, деньги заплочены. Папинька не правъ, когда утверждаешь, что ты порядочно сдѣлалъ, приказавъ выдать деньги Кобелеву и Захарову въ деревняхъ, прежде нежели я ихъ получилъ: по моему они бы мнѣ должны были прежде отдать, а тогда бы ихъ выдать по отпискѣ моей. Дѣло уже сдѣлано. Ты ничего ко мнѣ не пишешь, на что ты велѣлъ прислать 500 руб. въ домовую канцелярію въ Москву. Отпусти пожалуйста Ѳоку ко мнѣ повидаться хотя на недѣлю. Мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе. Я надѣюсь, и Ѳокѣ будетъ не противно. У меня сынъ было опять нѣсколько прихворнулъ, простудился, теперь совсѣмъ почти опять оправился. Дулцинея Ѳедорова ускакала, и онъ бѣднякъ не знаетъ по вечерамъ, куда голову приклонить, сидитъ со мною также дома; а я, братъ, какъ насѣдка на яйцахъ, рѣдко очень который вечеръ дома не бываю: часто о папинькѣ помнится съ хозяйкою, и цѣлуемъ его въ милыя и руки съ удовольствіемъ вспоминаемъ часто его посѣщеніе. Средніе братья, когда и заглянутъ, то и спѣшатъ уѣхать. Штакельбергъ третьяго дни пріѣхалъ. Лиза ему очень рада. Кобелевъ крестьянинъ приплелся. Онъ кажется добрый мужикъ. У насъ еще снѣгу мало. Время стоитъ непостоянное: въ одинъ день морозитъ, а въ другой оттепель. Вотъ тебѣ вѣсти, вся семья цѣлуетъ твои руки и проситъ у тебя благословенія.

„Отсюда взято двое клавиръ, одни большіе, а другіе маленькіе. Маленькіе мои любимые: пожалуй пришли мнѣ ихъ назадъ, и мнѣ ихъ очень хочется“. Декабря 17-го (1773 г.).

Въ 1774 г. готовилась большая перемѣна въ положеніи фамиліи Орловыхъ. Уже съ выѣзда, 25-го Апрѣля 1772 г., изъ Царскаго Села въ Фокшаны Григорія Орлова посломъ на конгрессъ, Императрица къ нему охладѣла, и Панинъ, его давнишній недоброжелатель, старался еще болѣе остудить отношенія Императрицы къ Орловымъ, любимцамъ народа и гвардіи и на которыхъ сама Екатерина смотрѣла, какъ на своихъ „ангеловъ-хранителей“ *).

По возвращеніи въ Петербургъ, Григорій Орловъ, всегда почтительный къ Императрицѣ, всегда веселый, развязный и любезный съ знакомыми, не исключая и своихъ соперниковъ, уже не былъ любим-

*) Депеша Прусскаго посла Сольмса.

Библиотека "Руниверс"

цемъ Императрицы. Возвышеніе Потемкина, сдѣлавшагося съ Марта 1774 г. самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Россіи, предвѣщало скорое паденіе Орловыхъ. Одинъ за другимъ всѣ пять братьевъ удалились отъ службы; Владиміръ еще продолжалъ въ 1774 г. занимать должность директора Академіи.

О главныхъ происшествіяхъ 1774 года (усмиреніи Пугачевскаго бунта, готовившемся удаленіи отъ Двора Орловыхъ и возвышеніи Потемкина) упоминается въ перепискѣ этого года графа Владиміра Григорьевича, въ которой однако самое большое мѣсто занято семейными дѣлами, рожденіемъ дочери Софіи (впослѣдствіи графини Паниной), хозяйственными распоряженіями и намѣреніемъ „вить гнѣздо“ въ Хатунѣ, т. е. въ той мѣстности, въ которой графъ Владиміръ Григорьевичъ впослѣдствіи основалъ свое собственное загородное жилище, не получившее еще тогда своего теперешняго названія „Отрада“.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ подарилъ брату графу Владиміру, изъ пожалованной ему самому, въ 1772 г., Хатунской волости нѣсколько деревень, и графъ Владиміръ Григорьевичъ, не дождавшись совершенія законнаго акта, началъ постройку своего дома около 1775 г. на землѣ, еще за нимъ неукрѣпленной, и купчую на это имѣніе получилъ отъ своего старшаго брата только въ 1783 г.

Графу Ивану Григорьевичу графъ Владиміръ изъявляетъ удовольствіе, что Алеханъ заводъ свой *) нашелъ въ порядкѣ, и проситъ его, отъ имени супруги, выбрать верховую лошадь хорошую. Указъ брата Ивана, чтобы крестьяне не дѣлились, будетъ подтвержденъ не только въ Ярославскую, но и во всѣ другія деревни. Книги о раскладкѣ рекрутъ получилъ и по разсмотрѣніи ихъ сообщитъ свое мнѣніе. Сочувствуетъ поѣздкѣ его въ Порѣчье и совѣтуетъ заглянуть въ Ярославскія и Костромскія деревни; радуется пріѣзду Ѳоки. У брата Григорія былъ балъ, на которомъ были только Англичане и протанцовали часу до 5-го; что Ѳедоръ сдѣлался домосѣдомъ и часто забавляетъ ихъ и себя штуками; а я, говоритъ о себѣ графъ Владиміръ Григорьевичъ, „похожу болѣе на домового: когда надо выѣзжать, то тяжело“.

Подъ заглавіемъ: „Во всѣ мои деревни“, графъ пишетъ: Предъ симъ посланъ къ вамъ указъ отъ Генваря. По оному не умѣшкайте отвѣтомъ, а особливо о разкладкѣ рекрутовъ сдѣлайте порядокъ и пришлите тотчасъ ко мнѣ на разсмотрѣніе, и еще подтверждаю, чтобы объ отдачѣ рекрутъ для будущаго набора не мѣшкать и чтобъ сіе дѣло заблаговременно исправить. Пьяницъ, воровъ и гулякъ и тому подобныхъ отдавать всегда можно безъ

*) Конный.

Библиотека "Руниверс"

очереди; однако стеречься очень, чтобъ бѣднымъ добраго житія никакого притѣсненія не дѣлать. Въ такихъ случаяхъ я конечно начальниковъ и тѣхъ которые притѣсняли, жестоко накажу. Съ нѣкоторыми крестьянами, находящимися здѣсь теперь, Маковкиномъ изъ Матюшкиной, съ Захаровымъ изъ Порѣчья, Кобелевымъ изъ Спасской слободы говорилъ я и разсуждалъ чтобы первостатейные или лучшаго состоянія крестьяне при разкладкѣ рекруть несли болѣе тягости нежели бѣдные; они добровольно на оное согласились, и я надѣюсь, что и другіе первостатейные въ ономъ спорить не будутъ. Маковкинъ обѣщалъ добровольно рекрутскій наборъ ставить по рекруту, имѣя только три души оплачивать. Я его похвалилъ ревность. О полученіи указовъ меня всегда увѣдомлять".

Слѣдующее письмо адресовано графамъ Ивану и Алексѣю Григорьевичамъ. „Здравствуйте голубчики. № 15 твой, Иванъ, получилъ. Михаилъ Ѳедоровичъ сказывалъ мнѣ, что Иванъ поѣхалъ въ Порѣчье, а Алеханъ въ Хатунь. Желаю, чтобъ вы оба весело тамъ время проводили. Вчерась Государыня изволила быть въ монастырѣ, и ихъ Высочества также. Играли комедію и Италіанскую оперу, гдѣ и мы ваши слуги были. Государыня изволила пожаловать одной дѣвушкѣ брильянтовый перстень, а двумъ по тысячѣ рублей. Гр. Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ отставленъ. Слышалъ, что жалованье ему оставлено по смерть жены его. Старикъ, приказаніе твое въ разсужденіи мальчика, дворянскаго сына, стараться буду исполнить. Кланяются вамъ обоимъ Марія Павловна и Прасковія Александровна Брюсша. Мы дни съ три какъ у графа Якова Александровича обѣдали. Онъ скоро ѣдетъ въ Москву. Графиня Брюсша велѣла сказать Алехану, что она радуется, что ему заводъ такъ понравился. Александра Гавриловича Беклемишева письмо возвращаю. Дивова здѣсь нѣтто (sic). Балла отсюда скоро поѣдитъ и проводитъ Дидерота до Гаги, откуда скоро обратно возвратится. Время у насъ стояло съ недѣлю хорошо и умѣренно, сего же дня очень тепло. Лиза велѣла себя извинить, что у ней глаза болѣли и еще теперь нѣсколько болятъ, для того она не писала. Вся семья моя здорова; дѣти, жена и братъ, и вамъ того же желаю. Вчерась обѣдали у брата Григорья, и всѣ гости почти были родня. Новаго за нимъ, что онъ нѣкоторыя блюда самъ раскладывалъ и потчиваетъ. Генваря 15 д. (1774)".

Письмо къ графу Ивану Григорьевичу.

„Папинька сударушка, здравствуй. Ѳока пріѣхалъ третьяго дня, я его здѣсь не задержу; спасибо, что отпустилъ. Дворъ съ третьяго дни въ Царскомъ Селѣ, болѣе двухъ недѣль тамъ не пробудетъ. Письмо твое № 16 получилъ; жаль мнѣ, что ты не успѣлъ побывать и по другимъ деревнямъ. Повелѣнія твои о распорядкахъ читалъ и въ свое

Библиотека "Руниверс"

время подтвержду. Брата болѣе, я думаю, въ Москвѣ нѣтъ; мы его ждемъ съ часу на часъ. Пришли мѣхъ соболій, о которомъ ты ко мнѣ писалъ. Лиза проситъ о немъ. Ѳока сказываетъ, что ты поѣдишь на низъ; мнѣ и брату Ѳедору кажется, что совсѣмъ оное не къ стати, пользы мало, а безпокойство конечно будетъ; всѣ сосѣды конечно въ разстройкѣ, и это ты брамербаришь совсѣмъ не въ попадъ. Лучше поѣзжай по новымъ деревнямъ въ Ярославль, Кострому и Городецъ. Прощай“ (Февраль 1774).

Ему-же:

„Папинька, здравствуй. Ѳока вручитъ тебѣ сіе письмо. Мы очень весело время съ нимъ проводимъ. Онъ много хохоталъ, да и мы не меньше. Онъ засвидѣтельствуетъ же тебѣ, съ какимъ раченіемъ исполняю я твои повелѣнія: первый дворянинъ былъ записанъ уже до его пріѣзда, а пріѣхавшій съ нимъ также опредѣленъ. Никто изъ братьевъ не похваляетъ, что ты намѣренъ ѣхать въ низовыя деревни; но напротивъ, всѣ мы одного мнѣнія, что это дѣло совсѣмъ безразсудное, и совсѣмъ теперь еще не въ пору и не къ стати. Удивительно будетъ, ежели ты въ ономъ нашему совѣту противно поступишь, и то-то будетъ упрямость очень предосудительная. Деревень много, въ любыя поѣзжай. Я бы желалъ, чтобы ты въ мои Ярославскія и Костромскія съѣздилъ, и тамъ бы, можетъ быть, споровъ сто прекратилъ, и конечно бы твое присутствіе тамъ было бы небезполезно, а между тѣмъ спокойствіе будетъ болѣе утверждено, можетъ быть; пожалуй, папинька, не упрямся и не ѣзди теперь на Низъ. Письмо твое отъ 5 Февр. получилъ. Брата мы Алексѣя сюда давно ждали; пріѣзжіе разные сюда намъ подали къ тому надежды. Тяжело мнѣ съ Ѳокою разстаться, но онъ уже безпокоинъ и спѣшитъ къ тебѣ; да и мое слово хочу тебѣ сдержать. Спасибо, что его отпустилъ, а онъ тебя самолично намѣренъ благодарить; намъ обоимъ была большая пріятность при свиданіи. Записку Ѳокѣ далъ я о мальчикахъ. Мнѣ кажется, очень нужно заводить таковыхъ людей. Я много резоновъ на то имѣю, да и ты конечно объ ономъ не сомнѣваешься. Пожалуй, пришли ихъ не умѣшкая. Нынѣшній годъ мнѣ Польманъ измѣнилъ и никакой провизіи, какъ прежде, не даетъ и говоритъ, что у него нѣтъ. Мы просимъ тебя всѣ сообща, Владиміръ, Ѳедоръ и Лиза отдать намъ Бѣжецкую деревню въ правленіе. Она тебѣ большой пользы не принесетъ, а намъ большую принесла бы въ хозяйствѣ. Просимъ тебя сію отеческую милость учинить, а у насъ уже есть кой какіе прожекты съ Лизою, какъ всякую всячину тамъ завести. птицу всякаго рода, такъ какъ у Семена К. Нарышкина, каплуновъ и прочихъ. Сею мыслію занимается очень Лиза и веселится; уже нашла

Библиотека "Руниверс"

для таковыхъ заведеній хорошую хозяйку, которая туда пошлется, и надѣется твердо, что папинька ее сего удовольствія не лишитъ. И такъ будутъ у насъ не только оброчные по твоей милости, но и экономическіе (т. е. хлѣбопахатные крестьяне?). Въ Сергіевомъ монастырѣ съ Кузминымъ я о твоей запискѣ говорилъ; онъ точно отъ себя писалъ, и нѣтъ въ этомъ никакого сомнѣнія. О нѣкоторыхъ обстоятельствахъ я Ѳокѣ изъяснилъ; онъ тебѣ ихъ перескажетъ. Они такъ хорошо идутъ, что лучше желать нельзя. Дай Богъ чтобы всегда такъ сохранились. Послѣ твоего отъѣзда получили они совсѣмъ новый образъ къ лучшему и по сіе время становились все лучше. Вотъ, братъ, тебѣ добрыя вѣсти, такому патріоту, какъ ты, за одну такую вѣсть можно и двѣ Бѣжецкія деревни отдать. Время у насъ стоитъ безпутное, о чемъ тебѣ Ѳока скажетъ. Вся моя семья здорова, кланіется тебѣ и цѣлуетъ руки. Время, которое съ Ѳокою я проводилъ, почти состояло все въ разговорахъ, и такъ мнѣ будетъ въ первые дни скучно. Сейчасъ Ѳока къ тебѣ скачетъ, и мы, разговаривая о твоемъ заводѣ, слышимъ, что между прочими лошадьми есть у тебя очень хорошія и емскія, наши поустарѣли. Чтобы не тратить понапрасну денегъ, вмѣсто того чтобы продавать на сторону, одолжи, старинушка, пришли къ намъ осмерикъ, какія тебѣ понравятся; ты въ грязь лицемъ не ударишь, а мы у тебя за то ручки разцѣлуемъ. Ѳока сказываетъ, что у тебя 60 мериновъ. Слава Богу, старинушка, есть изъ чего и намъ удѣлить, и сія просьба къ папинькѣ отъ насъ троихъ же. Были рѣчи иногда и о хозяйствѣ, и онъ (Ѳока) отъ тебя ожидаетъ нѣчто великаго, ежели примешься. Пространству твоихъ мыслей въ сей части удивляется, а что̀ касается до торговли, то тутъ онъ ужъ ума не умѣетъ приставить, и только съ восклицаніемъ кричитъ: Великъ графъ въ хозяйствѣ, а несравненъ въ торговлѣ“. (Февраль 1774 г.).

Гильденштедту (Январь 1774 г.) графъ пишетъ о принятіи управленія Академіею. Свидѣтельствуя вообще о высокомъ своемъ мнѣніи касательно дѣятельности Гильденштедта, выражаетъ однако свое неудовольствіе на то, что онъ ничего не отдаетъ въ печать, и проситъ прислать для нея хотя начало своего путешествія по примѣру его товарищей; затѣмъ желаетъ ему всего хорошаго.

Леонарду Эйлеру (2-го Февраля) изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что Эйлеръ, по причинѣ разстроеннаго здоровья, не можетъ продолжать службы при Коммиссіи (Академіи), также какъ и сынъ его, прибавляя, что самъ не можетъ уволить Эйлера отъ должности, а доложитъ о томъ Императрицѣ. Предлагаетъ до того времени еще окончательно обдумать свое намѣреніе объ оставленіи службы и ожидаетъ его отвѣта.

Библиотека "Руниверс"

Графа Ивана Григорьевича графъ Владимиръ благодаритъ за уступку ему Бѣжецкой деревни и за присланный соболій мѣхъ для супруги, которая опять беременна. Проситъ разгадать причину меланхоліи Ѳедора, обѣщаясь впослѣдствіи сообщить свое о томъ мнѣніе. Благодаритъ за согласіе его прислать мальчиковъ и проситъ поспѣшить окончаніемъ межеванія тѣхъ деревень, о которыхъ будетъ докладъ идти, чтобъ это дѣло не затянулось.

„Папинька сударушко, здравствуй. Я радъ очень что ты не поѣхалъ, отпустилъ одного Ѳоку, и братья всѣ это похваляютъ. Я къ тебѣ все пишу, какъ обыкновенно. Напрасно ты меня непостоянствомъ въ послѣднемъ письмѣ попрекаешь. Благодарствую, что велѣлъ намъ прислать два цуга. Только нѣтъ нужды, чтобъ они были одношерстныя. Ихъ Высочества говѣли на первой недѣлѣ. Государыня же еще не изволила говѣть. Дворъ здѣсь пробудетъ по крайней мѣрѣ до конца поста. Алексѣй сегодня немножко прихворнулъ. Мы всѣ здоровы. Хозяйка и дѣти мои также. Вчерась обѣдали у Фридрикса, гдѣ былъ жестокій пѣтушій бой. Алехановы пѣтухи всѣхъ побили. Прощай, голубчикъ, цѣлую со всей семьей твои руки“ (Марта 1774 г.).

Бриля (въ Иркутскѣ) графъ благодаритъ отъ себя и отъ имени Академіи за присланную карту, которая передана въ Географическій Департаментъ, и проситъ прислать также карту ввѣренной ему губерніи. Благодаритъ и за вспоможеніе Палласу.

Графу Ивану Григорьевичу (20-го Марта) сообщаетъ о пожалованіи Потемкина подполковникомъ Преображенскаго полка, „и онъ тотъ же день былъ у брата Алексѣя по утру“; о бывшемъ театральномъ представленіи и богатомъ ужинѣ у Анны Родіоновны*), гдѣ въ числѣ множества званныхъ гостей были и они четверо (братьевъ) и его супруга.

Какъ видно изъ разныхъ предъидущихъ писемъ, графъ Владимиръ писалъ часто за братьевъ по дѣламъ, которыя относились болѣе къ нимъ, чѣмъ къ нему, напримѣръ: по воспитанію за границей молодыхъ людей, участью которыхъ братья особенно интересовались. Письмо написано, по просьбѣ Алексѣя, къ храброму его сподвижнику въ Чесменскомъ бою Эльфинстону. Можно изъ него заключить, что разстроившіяся-было отношенія между графомъ Орловымъ-Чесменскимъ и адмираломъ Эльфинстономъ окончательно возстановлены. Между вещами графа Орлова-Чесменскаго въ Воронежскомъ его имѣніи нашелся писанный масляными красками весьма характерный поколѣнный портретъ

*) Графини Чернышевой. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

адмирала Эльфинстона въ бѣломъ мундирѣ; на фонѣ картины изображены пылающіе карабли.

(Въ Апрѣлѣ) увѣдомляетъ о возвращеніи изъ Гатчины брата Григорія, который отправился на дежурство въ Царское Село. Изъ новостей сообщаетъ, какъ слухъ, о томъ, что отставнымъ запрещено будетъ носить мундиръ и къ дворцовому подъѣзду подъѣзжать на ямскихъ. Производство по военной службѣ было значительное.

„Папинька сударушко, здравствуй. Послѣдніе твои 2 письма получили и приложенное отъ попа. Кириллычъ объ ономъ будетъ стараться (?). Ѳедя прихворнулъ было глазами, простудилъ ихъ и принужденъ съ недѣлю былъ дома сидѣть. Со вчерашняго дни зачалъ опять выѣзжать. Дворъ еще въ Царскомъ Селѣ. Григорій поѣхалъ на дежурство туда дни съ три. Алексѣй также сутки на двое тамъ побывалъ и вчерась возвратился, и я туда же завтра поѣду. Алеханъ здѣсь долго не наживетъ. У слугъ вашихъ теперь такая конюшня верховыхъ лошадей, что, можетъ быть, ни одной въ городѣ нѣтъ, которая бы поравнялась, такъ-то нашихъ знай. Въ сосѣдствѣ подлѣ меня есть манежъ у Семена Кириловича въ домѣ, гдѣ мнѣ позволено хозяиномъ ѣздить. Тамъ я встрѣчалъ часто графа Никиту Ивановича Панина, и мы вмѣстѣ гарцуемъ, и хозяинъ самъ часто на своихъ коняхъ выѣзжаетъ. Онъ хотя и постарѣе насъ обоихъ, однако гораздо получше ѣздитъ“. Апрѣль 4 д.

Его же увѣдомляетъ о возвращеніи Двора изъ Царскаго Села и о полученномъ извѣстіи о кончинѣ бабушки и матушки Великой Княгини, по которымъ наложенъ трауръ на 12 недѣль.

„Бибиковъ произведенъ въ подполковники Измайловскаго полка. Оренбургскому губернатору пожалована Александровская лента, а генералъ-маіорамъ Мансурову и Фрейману Анненскія; молодыя Бутурлина, Бибикова, Шкурина и др. приняты въ фрейлины; оба камердинера Государыни, Михаилъ Ѳедоров. и Пановъ, въ рангъ полковниковъ. Алексѣй Иванычъ Бибиковъ на дняхъ умеръ. Государыня съ Ихъ Высочествами кушала въ монастырѣ, гдѣ воспитываются дѣвушки. По его стараніямъ князь Вяземскій Аѳанасьева опредѣлилъ“.

„Дворъ пошелъ 3-го дни въ Сарское Село. Сюда сегодня будетъ въ Катерингофѣ, ночевать же поворотится опять въ Сарское Село. Все лѣто уже, я думаю, не возвратится сюда. Дунайка*) гонялъ вчерась со псами, наѣхалъ только двухъ зайцовъ; собаками своими очень доволенъ, и я думаю онъ тебѣ, старинушка, въ полѣ не уступитъ. Алеханъ скоро, я думаю, отъ сюда уберется; болѣе недѣли, я думаю, не проживетъ.

*) Дунайко—прозвище, данное графу Ѳедору Орлову. Можетъ быть, это прозвище имѣетъ отношеніе къ упоминаемому въ народныхъ пѣсняхъ Дунаю-богатырю.

Библиотека "Руниверс"

Сообщаетъ, что Петръ Петровичъ Чебышевъ смѣненъ за растрату казенныхъ денегъ, въ чемъ самъ сознался Государынѣ, которая тѣмъ болѣе этимъ недовольна, что отличала его отъ другихъ; теперь онъ все продаетъ, и все-таки не достанетъ на уплату забранныхъ денегъ.

Письма къ академикамъ становятся рѣдки. Сохранилось, однако, одно, очень сердечное, къ Гмелину, котораго извѣщаетъ, что только что получилъ извѣстіе о постигшемъ его несчастіи (о какомъ именно, не сказано въ письмѣ) и тотчасъ же довелъ о немъ до свѣдѣнія Государыни. Со стороны графа сдѣлано все возможное для избавленія его отъ постигшей бѣды. Государыня обѣщала употребить также всѣ зависящія средства къ освобожденію Гмелина, несчастіе котораго живо ее тронуло, и она, какъ мать, принимаетъ въ немъ живѣйшее участіе.

Шварцу, бывшему впослѣдствіи учителемъ сына графа Александра Владимировича и большимъ пріятелемъ отца, графъ Владиміръ Григорьевичъ выражаетъ сожалѣніе по случаю смерти Гейница и поручаетъ выдать его родственникамъ оставшіяся послѣ него вещи и деньги, исключивъ изъ нихъ сумму, опредѣленную на содержаніе дѣтей. Поручаетъ ему приготовиться съ дѣтьми къ возвращенію въ Россію тотчасъ по полученіи слѣдующаго письма; сперва ѣхать на наличныя средства въ Лейпцигъ, гдѣ Шварцъ получитъ деньги для продолженія пути, при чемъ совѣтуетъ особенно заботиться о здоровьи дѣтей. Въ случаѣ нужды въ деньгахъ до пріѣзда въ Лейпцигъ, можетъ обратиться за ними письменно къ Фрезе. При письмѣ прилагается письмо отъ отца дѣтей.

Ольдекопу поручаетъ выслать иллюминированное собраніе четвероногихъ по системѣ Бюффона, подобное присланному уже собранію птицъ: лучшее собраніе ихъ, по увѣреніямъ, принадлежитъ профессору Аллеману, напечатано въ Амстердамѣ; также коллекцію Индѣйскихъ бабочекъ, Англійскаго изданія.

(Эта коллекція много лѣтъ украшала комнаты въ Отрадинскомъ домѣ, но впослѣдствіи снята со стѣнъ).

Катиньку (графиню Тизенгаузенъ), въ началѣ шутливо-нѣжнаго письма извѣщаетъ о благополучномъ разрѣшеніи ея сестры дочерью, прося сообщить объ этомъ всѣмъ роднымъ, въ сообенности ея мужу и отцу, обожаемому всѣмъ свѣтомъ, котораго онъ самъ высоко почитаетъ и уважаетъ, хотя и не имѣлъ случая лично съ нимъ познакомиться. Цѣлуетъ руки сестрицы, желая ей всѣхъ благъ.

Графа Ивана Григорьевича извѣщаетъ о благополучномъ пріѣздѣ съ сыномъ въ Петербургъ и о радостной встрѣчѣ съ женою, для которой разлука съ нимъ была очень тяжела; старанія Дунайки утѣшить

Библиотека "Руниверс"

плакавшую супругу были безуспѣшны. На другой день по пріѣздѣ былъ въ Царскомъ Селѣ. Дворъ, по слухамъ, поѣдетъ нынѣшній годъ въ Москву, къ чему Государыня очень расположена. Въ виду сего просить брата озаботиться пріисканіемъ удобнаго для пишущаго жилища. Оба брата въ Гатчинѣ, куда Ихъ Высочества на дняхъ поѣдутъ кушать. Посылаетъ письмо, полученное отъ брата Алексѣя, и напоминаетъ о межевщикѣ для размежеванія Ярославкихъ деревень.

Слѣдующее письмо къ графу Алексѣю Григорьевичу особенно важно, какъ описаніе окрестностей будущей Отрады.

(Май 1774 г.?) „Алеханъ голубчикъ, здравствуй. Три письма отъ тебя, пріѣхавши сюда, получилъ № 1, 2 и 3. Благодарствую, голубчикъ, что часто пишешь; меня извини въ молчаніи. Когда я былъ въ деревняхъ, и время не доставало, и случая не было вѣрнаго письма пересылать. Въ отсутствіи я былъ девять недѣль. Въ Москвѣ всего только прожилъ пять дней, два дни были трое вмѣстѣ, и мало очень время оставалось однимъ быть: отъ утра до вечера гости были; можетъ быть, часа три четыре были одни. Братъ Григорій ѣздилъ въ Ростовскія и Ярославскія деревни и только успѣлъ на нихъ взглянуть, а пожить и поглядѣться времени не доставало. Онъ всего только былъ во всѣхъ деревняхъ дней пять, а я уже за то болѣе хлопоталъ, вездѣ нашелъ непорядки, въ разсужденіи короткости времени (пребыванія брата въ деревняхъ). Сколько смыслѣлъ и успѣлъ, отвратилъ главные (безпорядки?), а всего въ порядокъ привести никакъ не можно было. Въ твоей Хатунѣ всѣ мѣста выглядѣлъ и избралъ для дома мѣсто, гдѣ буду помаленьку и строиться. Положеніе деревни сей вообще хорошо и для житья выгодно. Крестьяне хлѣбопашцы и кажутся хороши. Мѣстоположеніе есть между тѣмъ очень хорошее, изъ того числа выбранное мною. Эта гора лежитъ точно противъ той горы, гдѣ для тебя будутъ хоромы строить. Мы будемъ верстахъ въ пяти другъ отъ друга, и въ зрительную трубу можемъ глядѣть. Я было нынѣшній же годъ хотѣлъ построить хоромы на выбранномъ мѣстѣ, въ чемъ мнѣ Алеханъ Московскій и руку помощи обѣщалъ; будучи здѣсь, по пріѣздѣ моемъ въ Хатунь, подвелъ онъ подъ меня финтифаны и согласилъ, чтобъ прежде хоромы построить для тебя. Онъ мнѣ разныя причины представлялъ, а настоящая и потаенная та, чтобъ тебѣ сперва хоромы построить. Еще было у насъ маленькое несогласіе въ выборѣ деревень; только все кончилось ладно и дружелюбно, и онъ взялся на каменный домъ матеріалы заготоплять на будущій годъ и съ меня во всемъ подписку взялъ. Одной деревни Костромской брата Григорія Григорьевича положеніе можетъ поровняться съ Хатунскимъ; всѣ другія несравненно хуже. Я такъ отъ деревенскихъ

Библиотека "Руниверс"

хлопотъ усталъ, что съ превеликой радостью отъ туда ускакалъ. Хозяйка моя зачала было очень грустить и горько плакать обо мнѣ, а отъ онаго болѣе безпокоилась, что не имѣла долго извѣстія обо мнѣ. Дунайка старался утѣшать, только не всегда успѣвалъ, за что ее теперь по пріѣздѣ моемъ съ превеликимъ гнѣвомъ бранитъ и не даетъ ей слово молвить и всякіе угрозы дѣлаетъ (??). Старикъ живетъ въ Москвѣ, гдѣ его нашелъ довольно скушнымъ, хотя онъ меня и увѣрялъ, что онъ доволенъ; только на лицѣ его онаго не видно, къ тому же сталъ хворъ, я прямо его болѣзни не зналъ.... На Низъ онъ не поѣдитъ и зимовать будетъ въ Москвѣ. Онъ живетъ теперь въ Островѣ съ Ѳокою, веселится твоимъ заводомъ; жаль старинушки очень, что онъ одряхлѣлъ, да и того, что онъ очень мнителенъ, хоть и не признается. Прямой болѣзни у него нѣтъ, худѣетъ и лихорадочныя припадки часто имѣетъ; ни онъ, ни докторъ его Ореусъ, что̀ за болѣзнь, не знаютъ. Опасности никакой по сію пору не видно. Онъ никогда почти не лежитъ. Мое представленіе жить съ тобою принялъ онъ хорошо, только не могъ уговорить его поселиться съ нами, а все упрямится, и тянетъ на низъ, хотя и многія причины видятся, а особливо въ нынѣшнее время, для которыхъ бы ему надобно со мною согласиться; я надѣюсь, что время перемѣнитъ у него сіи мысли, и онъ будетъ Хатунецъ.

„Братья оба въ Гатчинѣ, будутъ дни чрезъ три сюда назадъ; сказываютъ, что Ихъ Высочества будутъ туда кушать на сихъ дняхъ.

„Я три дни, какъ здѣсь. Хозяйка моя безмѣрно мнѣ обрадовалась, даже и теперь еще не прошла радость. Послѣднее твое письмо къ брату Ивану переслалъ. У насъ крѣпко говорятъ, что Дворъ поѣдетъ въ Москву. Иные сказываютъ нынѣшнею зимою передъ Рождествомъ; кажется сіе вѣроятно, и я самъ отъ достовѣрныхъ людей слышалъ, что Государыня имѣетъ намѣреніе побывать въ Москвѣ. О братѣ Григорьѣ и здѣсь и въ Москвѣ всѣ говорятъ, что онъ намѣренъ ѣхать въ чужіе краи.

„Оба Всеволодскіе отставлены съ жалованіемъ и съ пенсіею генералъ-порутчиками. Въ праздники, сколько я зналъ, пожалованія большаго не было, да и не о комъ не слыхать. Кн. Рѣпнинъ пожалованъ генералъ-аншефомъ и старшинство передъ Григоріемъ Александровичемъ взялъ; Румянцевъ генералъ-маіоромъ“.

Въ объясненіе слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что изъ Хатунской огромной дачи графъ Алексѣй Григорьевичъ подарилъ графу Владимиру часть, на которой послѣдній и устроилъ свою усадьбу въ разстояніи, какъ сказано въ этомъ письмѣ, около 5 верстъ отъ Хатуни. Изъ Отрады,

Библиотека "Руниверс"

и именно съ существующей понынѣ Китайской бесѣдки, можно видѣть Хатунскую церковь: но отъ господскаго дома въ Хатунѣ и слѣда не осталось. Мѣста, описанныя младшимъ братомъ старшему, находятся на берегу рѣки Лопасни, и дѣйствительно очень живописны.

Неизвѣстно, о какомъ особенно красивомъ Костромскомъ имѣніи князя Григорія Григорьевича идетъ рѣчь. Неизвѣстно, кто такой „Алеханъ Московскій", требовавшій, чтобы были выстроены сперва хоромы графа Алексѣя, а потомъ графа Владимира.

„Алеханъ голубчикъ, здравствуй. Послѣднее твое письмо братъ Григорій и Ѳедоръ получили, а къ Ивану я послалъ. Въ прошедшемъ письмѣ писалъ я къ тебѣ, что я возвратился и всѣхъ домашнихъ, слава Богу, нашелъ здоровыми. Хозяйка родитъ, я думаю, мѣсяца чрезъ два. Братъ Григорій вчерась пріѣхалъ изъ Гатчины. Сего же дня возвратился Дворъ изъ Царскаго Села, и сказываютъ останется здѣсь. Положеніе вѣрное, что Дворъ поѣдетъ въ Москву, и мнѣ сказано, что велѣно уже домы скупать недалеко отъ Пречистенки и сказываютъ, что по первомъ пути. Сіе однако еще не такъ вѣрно. Дня съ три кушали Ихъ Высочества у брата Григорія въ Гатчинѣ и пробыли до пяти часовъ. Время у насъ стоитъ отмѣнно хорошо, такъ тепло почти какъ лѣтомъ. Обстоятельства хозяйки моей не дозволяютъ по первому пути намъ ѣхать въ Москву, и я думаю съ Дунайкою и съ ней пробыть здѣсь до исхода Февраля или начала Марта; тогда будетъ потеплѣе, и мы потащимся. Твоего домостроителя-архитектора я призывалъ, и онъ обѣщаетъ нынѣшній же годъ подъ крышу подвести: домъ подлѣ тебя велѣно продавать, только нынче оцѣненъ въ 11,000 и нѣсколько сотъ. Вотъ тебѣ, Алеханъ, вѣстей куча. Ты спрашиваешь Григорія объ мѣстахъ. Я къ тебѣ вообще уже объ ономъ писалъ, а Грицъ можетъ быть позабудетъ; такъ я тебѣ скажу, что для меня Хатунь несравненно лучше Гатчины: мѣста всѣ сухія и веселыя, поля скатистыя, рощъ много, лѣса дровянаго тьма, строеннаго (sic) также, воды ключевыя хорошія и во множествѣ, крестьяне хлѣбопашцы и въ хорошемъ состояніи; однимъ словомъ, деревня для меня очень хороша".

„Кланяйся Петру Григорьевичу, и хозяйкѣ его особливый поклонъ. Лиза и я съ дѣтушками цѣлуемъ твои руки. Она велѣла тебѣ сказать, что она желаетъ сына, и чтобъ онъ былъ на тебя похожъ. Прилагаю здѣсь письмо Французское отъ учителя Алексаши. Оно до тебя принадлежитъ; подарковъ онъ отъ меня никакихъ не получалъ, таковые люди къ нимъ обыкновенно охотники". Августа 26 д.

Графа Ивана Григорьевича (1 Сентяб.) извѣщаетъ объ отправкѣ къ нему кучера Нѣмца, а также коровы и лошади въ Островъ. Госу-

Библиотека "Руниверс"

дарыня намѣрена ѣхать въ Москву въ половинѣ Декабря или Января. Князь Рѣпнинъ назначенъ посломъ въ Турцію. Князья Василій Долгорукій и Александръ Урусовъ подали челобитныя объ отставкѣ, которую намѣрены просить также Каменскій и князь Юрій Долгорукій; графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ уволенъ отъ Коммиссіи и Военной Коллегіи. (Затѣмъ, въ выноскѣ, вычисляется расходъ на коровъ).

Графу Алексѣю Григорьевичу. Спрашиваетъ, что̀ подарить сочинителямъ Энциклопедіи, присланной Дикомъ? Государынѣ угодно это знать, равно и самъ не знаетъ, кто они такіе и гдѣ они; полагаетъ, что лучше всего наградить деньгами, прибавляя, что писалъ уже объ этомъ консулу Дику. Затѣмъ повторяетъ все сказанное въ предъидущемъ письмѣ объ отставкѣ государственныхъ людей, присоединивъ къ нимъ и Григорія Вас. Козицкаго, равно и объ отъѣздѣ Двора въ Москву. Заключаетъ письмо пожеланіемъ, чтобъ папинька былъ доволенъ своимъ Алексашею, который всегда казался ему мальчикомъ, подающимъ надежду.

Графу Ивану Григорьевичу. „Скажу тебѣ о себѣ, что во мнѣ новый талантъ открылся. Братъ Григорій называетъ меня шутомъ да и необыкновеннымъ, и что я брата Ѳедора совсѣмъ въ оном помрачилъ. Такъ-то нашихъ знай! Какъ до сорока лѣтъ доживу, еще можетъ быть что нибудь откроютъ во внѣ вниманія достойное“. Сообщаетъ, что Волконскій назначенъ оберъ-прокуроромъ въ Московскій Сенатъ, и Самойловъ въ 1-й департаментъ. Всѣ оберъ-прокуроры подчинены генералъ-прокурору, который по челобитнымъ дѣламъ входитъ только въ тѣ, въ какія захочетъ. Выражаетъ надежду, что старикъ пріѣдетъ въ Петербургъ повидаться съ братомъ Григоріемъ, который самъ просился у Государыни отпустить его въ чужіе края и получилъ на это милостивое обѣщаніе. Онъ былъ въ Лиговѣ на новой охотѣ, билъ острогой рыбу, что̀ ему очень понравилось.

Графу Алексѣю Григорьевичу сообщаетъ привезенное курьеромъ извѣстіе о поимкѣ Пугачева Перфильевымъ, который отвезъ злодѣя въ Яицкій городокъ, съ чѣмъ и поздравляетъ, радуясь, что это дѣло удалось Перфильеву. Теперь надобно ожидать другаго курьера съ болѣе подробными свѣдѣніями. Поимка Пугачева принесетъ обществу не менѣе радости, чѣмъ миръ. Братья уѣхали на охоту въ Гатчину.

Ему же сообщаетъ болѣе подробныя извѣстія о поимкѣ Пугачева, не ручаясь пока, до пріѣзда другаго курьера, за ихъ достовѣрность: изъ разсыпанныхъ войскъ Пугачева, въ преслѣдованіи командами, по разбитіи его, пойманъ заводскій крестьянинъ, именемъ Мельниковъ, который при распросахъ объявилъ, что Пугачевъ взятъ и связанъ

Библиотека "Руниверс"

Перфильевымъ и другими Яицкими казаками и повезенъ въ Яицкій городокъ. Голицынъ, поймавшій Мельникова, по сему извѣстію пошелъ съ командою своею въ этотъ городокъ взять сего злодѣя и находился отъ него только въ 130 верстахъ. Войско злодѣя было въ нуждѣ и ѣло лошадей. Это извѣстіе къ пишущему пришло отъ графа Петра Ивановича. Братья на охотѣ, и старикъ въ Хатунѣ гоняется за зайцами. Лошадь, подаренную имъ графу Никитѣ Ивановичу, не хвалятъ. При Дворѣ и на половинѣ Ихъ Высочествъ еженедѣльно балы и концерты.

Графу Ивану Григорьевичу пишетъ, что недѣли съ три Государыня изволила ему сказать, что партія Пугачева была будто въ Усольѣ. Проситъ у брата подтвержденія этого извѣстія.

Графу Алексѣю Григорьевичу повторяетъ извѣстія о предстоящемъ отъѣздѣ брата Григорія. „Старику хочется увидаться съ Григоріемъ прежде его отъѣзда отсюда, и старинушко пожалуетъ, думаю, къ намъ. Въ городѣ крѣпко говорятъ, что Грицу не ѣзжать, и что его не отпустятъ; на чемъ этотъ слухъ основанъ, совсѣмъ не знаю, а знаю то, что онъ просилъ словесно Государыню, и она милостиво изволила оное обѣщать“.

„Въ прежнемъ письмѣ писалъ я къ тебѣ, чтобъ подарить учителю Биньону 300 до 400 рублей, и лучше деньгами нежели вещею. Коня твоего даренаго привели къ Никитѣ Ивановичу (Панину) недавно изъ Москвы. Увижу его, спрошу, доволенъ ли онъ имъ. Брюсъ ему недавно подарилъ лошадь, и Никита Ивановичъ ему на оборотъ. Брюсова лошадь на третій или на четвертый день упала (пала) въ конюшнѣ и задавила было конюха. Прощай, сударикъ“.

Графу Алексѣю Григорьевичу сообщаетъ привезенное курьеромъ извѣстіе, что Пугачевъ, везенный къ Яицкому городку, не связанный и не скованный, встрѣченъ былъ въ 60 верстахъ отъ города Яицкимъ сотникомъ съ казаками, которые, принявъ, сковали его; также выѣхалъ изъ Яицкаго городка комендантъ и гвардейскій офицеръ Мавринъ, посланный туда по секретнымъ дѣламъ. Злодѣй сознался въ своихъ проказахъ, сказавъ, что онъ виновенъ предъ Богомъ и Государемъ. Пугачева везутъ въ Москву. Въ это же время сошлись и гнавшіеся за нимъ Михельсонъ, Суворовъ и Голицынъ. Извѣстіе о Перфильевѣ не подтверждалось: его нашли съ 25 человѣками Донскіе казаки въ степи, и когда хотѣли его взять, то онъ оборонялся, однако взятъ, и что во взятіи Пугачева онъ (Перфильевъ) участія не имѣлъ. По донесенію коменданта Яицкаго, тамъ вездѣ настала тишина. Пишущій поздравляетъ брата съ симъ счастливымъ событіемъ, говоря, что весь городъ

Библиотека "Руниверс"

этому радуется. Графъ Захаръ Григорьевичъ поѣхалъ въ свою губернію, а супруга его ѣдетъ на дняхъ въ Ярополчи. „Передайте брату поклонъ отъ Государыни. Братья возвратились съ охоты и всѣ здоровы“.

Графа Ивана Григорьевича поздравляетъ съ праздниками прошедшими Алехановыми и сегодняшнимъ брата Григорія, у котораго былъ съ Алексашею по утру поздравить. Государыня пожаловала ему брилліантовую табакерку, онъ наканунѣ вступилъ въ дежурство. Увѣдомляетъ о полученіи отъ Еврейнова росписи деревнямъ и сожалѣетъ, что домъ въ Хатуни будетъ готовъ только въ Маѣ, а не въ началѣ Марта, какъ того желалъ.

Графу Алексѣю Григорьевичу сообщаетъ, что братъ Григорій на дняхъ подавалъ письмо Государынѣ и уволенъ на два года въ чужіе края; на дняхъ выйдетъ указъ о немъ. Онъ было крѣпко прихворнулъ, однако поправляется и снаряжается въ дорогу, но прежде Декабря не успѣетъ выѣхать. Старикъ скоро пріѣдетъ сюда проститься съ нимъ. Григорію надобно устроить всѣ его домашнія дѣла, особенно въ разсужденіи долговъ, о чемъ пишущій и проситъ брата распорядиться такъ, „чтобы послѣ прорѣхи не вышло“. Сообщенное прежде извѣстіе о подвигѣ Перфильева не подтвердилось: говорятъ напротивъ, что его встрѣтили съ отдѣльною шайкою, и онъ защищался, однако взятъ.

Графу Ивану Григорьевичу сообщаетъ,что съ братомъ Григоріемъ опять былъ припадокъ болѣзни, но теперь ему лучше. Именной указъ объ отпускѣ его полученъ.

Графу Алексѣю Григорьевичу. Безпокоится, не получая отъ него писемъ, и повторяетъ о болѣзни брата Григорія. Сообщаетъ, что старикъ веселился въ Хатуни и пропасть зайцевъ натравилъ на свою свору. Изъ новостей сообщаетъ, что Степанъ Васильевичъ Перфильевъ отставленъ. Супруга должна скоро родить и никуда не выѣзжаетъ. Она писала въ Лифляндію Ребиндеру объ оставленной имъ у него палкѣ, и онъ отвѣчалъ, что она въ Гданскѣ (?).

Ему же.

„Домашневъ отъ тебя пріѣхалъ и обрадовалъ насъ несказанно. Мы уже 3 недѣли отъ тебя никакого извѣстія не имѣли. Боялись, не занемогъ ли ты крѣпко; Ѳедоръ ѣздилъ съ нимъ во дворецъ, и письма вручены. Я къ старику тотже часъ послалъ твои письма, чтобы и его успокоить. Онъ также очень безпокоенъ былъ. Теперь у всѣхъ твоихъ братишковъ сердце на мѣстѣ: мы привыкли отъ тебя всякую недѣлю имѣть письма, такъ пожалуй, когда тебѣ впередъ времени не будетъ, то всетаки ты вели писать хотя строчку о себѣ; съ тѣхъ поръ, какъ я

Библиотека "Руниверс"

здѣсь, всякую недѣлю пишу къ тебѣ и все новое что̀ зналъ сообщалъ. Можетъ быть, братья иного не писали, ежели впередъ также буду поступать. Тепловъ былъ очень боленъ, и параличъ его убилъ: роть на одной сторонѣ. Онъ хотя и не умеръ, но и не совсѣмъ живъ. Выѣзжаетъ рѣдко; но кажется, не долго проживетъ, очень одряхлялъ".

Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, по его просьбѣ, уволенъ отъ Военной Коммиссіи, съ дозволеніемъ жить, гдѣ признаетъ за удобное, и уѣхалъ уже въ свою губернію, а супруга его—въ Ярополецъ. Ожидаетъ пріѣзда старика. Сообщаетъ, что бѣгъ устроенъ по прежнему противъ его дома: „чтобъ молодцы веселились", и сожалѣетъ, что „нашего молодца не будетъ, а безъ него и въ половину на бѣгу такъ весело не будетъ". Гр. Андрей Ивановичъ Толстой смѣненъ, а на его мѣсто президентомъ въ главный магистратъ назначенъ Самойловъ, братъ оберъ-прокурора. Пугачевъ уже болѣе недѣли въ дорогѣ изъ Симбирска къ Москвѣ; на пути разставлены, чрезъ всякія 60 верстъ, войска для препровожденія. Повторяетъ слухъ о пріѣздѣ принца Генриха Прусскаго и о припадкахъ болѣзни брата Григорія. Радуется, что онъ своимъ Алексашею доволенъ и посылаетъ ему поклонъ. Домъ его покрытъ совсѣмъ. Предлагаетъ что̀ получше и подороже въ его домѣ отвезти въ Москву, куда всѣ поѣдутъ; Филиппычъ, человѣкъ старый, можетъ и умереть, а безъ него многое легко утратится. Кареты его отъ Шлейха взяты въ домъ; онѣ хорошо исправлены.

„Алеханъ голубчикъ, здравствуй. Нынѣшнюю недѣлю лишнее письмо получишь отъ меня: Лиза вчерась въ 7 часу родила благополучно. Муки начались часовъ за шесть, а прямыя часа за два до родинъ, только не мальчика, а дѣвочку, что̀ ей очень досадно было. Брюхо у ней было чрезвычайно, и ребенокъ очень великъ; не пѣняй ты ей и шутками, ей и такъ очень непріятно. Хотѣлось черноброваго въ тебя; ребенокъ, кажется, очень здоровъ, и родильница въ очень хорошемъ состояніи. Братъ Григорій Григорьевичъ нынѣшніе дни сталъ лучше, только нельзя еще сказать, чтобъ болѣзнь его совсѣмъ прошла. Поздравляю тебя съ племянницею Софіею, и препоручаю новую тварь въ твою любовь и милость; береги да жалуй. Родильница ея цѣлуетъ твои руки и молимъ Бога, чтобъ все слышать для тебя хорошее". Ноября 7 дня.

„Ребенокъ здоровъ. Государыня будетъ крестить. Старикъ къ намъ прискакалъ дни съ три изъ Москвы, здоровье его нѣсколько, кажется, поправилось; только не таково, чтобы можно твердо положиться. Братъ Григорій Григорьевичъ эти дни опять сталъ нѣсколько похуже. Припадки у него были странные. Онъ въ постелѣ не лежитъ уже съ недѣли

Библиотека "Руниверс"

полторы. Старикъ поселился въ домѣ у него. Пугачева привезли въ Москву, и посаженъ подлѣ Куретныхъ воротъ*). У насъ зима стала порядочная и морозы были около 20 градусовъ. Теперь опять потеплѣе. Что ты за книгу заплатилъ 1000 р., объ ономъ имѣлъ я вчерась случай доложить и сказано, что хорошо. Спрашивать же Ивана Салтыкова о книгахъ, которыя поднесены Его Высочеству, я за нужды не нашелъ, и знаю, что обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ подарковъ съ этой стороны не бываетъ. Княз. Алек. Алек. Вяземскій говорилъ со мною недавно, что посылаетъ къ тебѣ щеты всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя переведены отсюда на издержки флота, и говорилъ мнѣ притомъ, чтобъ я тебѣ писалъ, чтобы ты постарался счеты привести въ порядокъ и очистить себя. Я ему сказалъ, что ты конечно онаго не позабудешь, и что ты въ этомъ случаѣ остороженъ; но и не хотѣлъ однако пропустить, чтобы тебѣ онаго не сообщить. Со стороны же князя другаго подвига не было какъ усердіе къ тебѣ".

„Государыня изволила крестить Софію и пожаловала перстень брилліянтовый и табакерку осыпанную брилліантами. Старикъ похудѣлъ гораздо, только тѣлцо еще есть и довольно, намѣренъ созвать славныхъ врачей, присовѣтуютъ ли ему ѣхать къ водамъ. Всѣ сказываютъ, что онъ очень мнителенъ, я тоже примѣчаю; скукѣ и разстройкѣ тѣла способствуетъ много праздность, въ которой онъ все время препроводилъ, разлучаясь съ нами. У насъ съ Дунайкою много распоряженій въ Хатунѣ твоей заводить всякую всячину. Алеханъ твой меня убаялъ, чтобъ хоромъ мнѣ не строить, а жить въ твоихъ. Онъ плутандусъ великій. Лѣску у тебя нѣсколько повыведу, что ты мнѣ и позволишь, да и неоткуда взять; сверхъ же того употреблю съ бережью и съ разсмотрѣніемъ. Лѣсу столько много, что и правнучатамъ достанется".

Графу Алексѣю Григорьевичу (28 Ноября) сообщаетъ о возвращеніи дѣтей Шкуриныхъ, которыхъ однако самъ еще не видалъ. Старикъ проживетъ вмѣстѣ вѣроятно еще мѣсяцъ; ему здѣсь веселѣе и здоровье его лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Братъ Григорій здоровъ и на дняхъ поѣдетъ въ послѣдній разъ въ Гатчину, проститься съ нею.

Къ Ростовскому воеводѣ Протасову, коллежскому совѣтнику, на котораго была подана жалоба графу бурмистромъ, графъ пишетъ:

„Государь мой, Петръ Григорьевичъ.

„Два письма ваши получилъ, одно о крестьянинѣ Арбековѣ, а другое отъ 28-го Августа о братѣ вашемъ родномъ писанныя. Я не упустилъ стараться по желанію вашему; но сожалѣю, что ничего

*) Такъ назывались Иверскія ворота. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

успѣть не могъ. Замѣдлилъ вамъ отвѣтствовать по причинѣ родинъ моей хозяйки. О дѣтяхъ вашихъ еще брату напомню; онъ болѣе мѣсяца былъ боленъ.

„Изъ Спаской деревни пишетъ ко мнѣ бурмистръ, что будто по приказанію вашему въ лѣсъ, принадлежащій къ той деревнѣ, выѣзжали по дрова нѣсколько разъ, и что вы онаго бурмистра призывали къ себѣ и бранили за то, что онъ 6 возовъ пойманныхъ съ дровами велѣлъ въ деревнѣ нашей сложить. Мнѣ оное конечно невѣроятно, но не осмѣлится же и бурмистръ меня обманывать. Я же сверхъ того и самъ васъ просилъ о неоставленіи Ростовскихъ нашихъ деревень; и такъ прошу васъ, что ежели то правда, что̀ бурмистръ ко мнѣ писалъ, чтобъ оное болѣе дѣлано не было. Ежели же онъ меня оболгалъ, въ такомъ случаѣ, какъ бурмистръ ни старъ, велю его конечно строго наказать“.

Графу Алексѣю: „Я чрезвычайно радъ, что Государыня мое письмо милостиво приняла; конечно ничего мнѣ пріятнѣе быть не можетъ. Поѣду отсюда и чрезвычайно покоенъ и доволенъ. Какъ скоро обо мнѣ рѣшится, то не умедлю тебя увѣдомить. Князь хоть уже и давно получилъ указъ о увольненіи ѣхать въ чужіе края, но какъ онъ желалъ нѣкоторыя дѣла произвесть по мѣстамъ, которыя отъ него зависятъ, то и не объявлялъ онъ онаго. Три дни же тому назадъ объявленъ указъ въ Сенатѣ. Старикъ проживетъ здѣсь, я думаю, пока князь не поѣдетъ отсюда. Не думаю, чтобы онъ прежде Генваря собрался совсѣмъ“.

„Письмо твое послѣднѣе о Перфильевѣ получено. Сожалѣю, что я тебѣ напрасное удовольствіе причинилъ; не я того виною, а извѣстіе которое тогда отъ гр. Петра Ивановича пришло. Нынѣ же я за вѣрное слышалъ, что въ допросѣ Перфильевъ признается, что по прибытіи къ Пугачеву перемѣнилъ намѣреніе его поймать; но, напротивъ, былъ ему совершенно преданъ“.

„И теперь еще неизвѣстно, въ нынѣшнемъ или будущемъ мѣсяцѣ Дворъ пойдетъ. Множество уже отсюда поѣхало и множество ѣдитъ. Я жительствовать буду въ твоемъ домѣ съ Дунайкою и съ хозяйкою. Жаль мнѣ, что отъ старика буду далеко“.

„Братъ Григорій на этихъ дняхъ посылаетъ карету дорожную въ Кенисбергъ напередъ. Самъ же когда ѣдитъ, точно еще неизвѣстно; только все думаю съ начала Генваря, а можетъ быть и ранѣе. Когда узна́ю, то конечно отпишу. Прежде къ тебѣ писано и отъ братьевъ и отъ меня, что я просилъ въ отставку. Уволенъ дни съ три тому назадъ генералпорутчикомъ и съ жалованьемъ по смерть. Государыня мило-

Библиотека "Руниверс"

стиво согласилась, и я доволенъ чрезвычайно. Брата Ѳедора судьба еще не рѣшилась. Письмо отъ него подано; есть надежда, что и онъ скоро уволенъ будетъ по слабости здоровья нашего. Конечно, всего намъ дороже въ семъ случаѣ милость Государская. Живучи на своей волѣ, надѣемся оба востановить здоровье. Поѣдемъ къ тебѣ въ Хатунь и станемъ тамъ гнѣздо вить. Дай Богъ, чтобъ поскорѣе. И хозяинъ пріѣхалъ, и мы его всею семьею встрѣчали, цѣловали, поздравляли съ пріѣздомъ и въ милость себя препоручали. О Перфильевѣ я уже къ тебѣ писалъ, и ты уже самъ увѣдомлялъ меня, что онъ никакого покровительства не заслуживаетъ. О походѣ Двора все еще неизвѣстно; сказываютъ иные, что дворецъ прежде Генваря не поспѣетъ. Старикъ проживетъ у насъ, я думаю, до Генваря. Его здоровье съ пріѣзду примѣтно поправилось, и мнѣ кажется, что праздность, въ которой онъ время проводилъ и къ несчастію, пріятели и окружающіе его расположены больше нежели надобно все къ худу толковать. Поживъ съ нами подолѣе, а особливо въ деревнѣ, надѣемся, что нужды ему и въ водахъ не будетъ. Старикомъ мы очень довольны. Онъ всякой вечеръ съ нами бесѣдуетъ, и всякую всячину калякаемъ".

„Сказывали мнѣ, что Государыня изволила сама сказать, что поѣдетъ отсюда 8-го Генваря. О братѣ Григорьѣ твое повелѣніе стараться буду исполнить увѣдомить тебя за двѣ недѣли о отъѣздѣ его, ежели могу. Теперь онъ еще самъ не знаетъ, а мнѣ кажется по обстоятельствамъ, что онъ послѣ Двора отсюда поѣдетъ. Сіе довольно вѣроятно. Старикъ поживаетъ съ нами и въ виски бьется; дней съ пять назадъ проиграли они, Григорій и старикъ, десятка съ 2 тысячь; старикъ да Григорій 12 въ одинъ вечеръ, и старикъ Дунайкѣ далъ слово, чтобъ роберту болѣе 100 рублей ни играть и ничего не парировать; а до сего игралъ онъ часто и по 1000 роберъ.

„Григорій Александровичъ Потемкинъ нѣсколько дней тому назадъ занемогъ крѣпко горячкою; сказывали мнѣ, что ему теперь лучше".

„Дни съ 2 послѣднее твое письмо получили изъ Ливорны; радуемся, что ты здоровъ. Мы всѣ здоровы, и брата Ивана здоровье, кажется, получше стало; иногда жалуется, что ему не ловко. Нѣсколько мятется, не ѣхать ли ему къ водамъ, сбираетъ на сихъ дняхъ врачей и хочетъ поговорить съ ними о своемъ состояніи; что̀ будутъ говорить, отпишу въ передъ. Часто я съ нимъ разговаривалъ о Низѣ и всѣ 3, т. е. Ѳедоръ, я и Лиза уговариваемъ всячески, чтобы онъ переселился жить къ намъ поближе и хотя онъ говоритъ, что ему жить на Низу надобно и хочется, но въ самомъ дѣлѣ очень мятется, и я считаю, что онъ не жилецъ на Низу".

Библиотека "Руниверс"

„Бѣгъ у насъ сдѣланъ противъ нашего двора на Невѣ; охотники собираются, только безъ атамана Алехана и въ половину веселья нѣтъ. У Калашникова купца есть лошадь, бѣгалась недавно въ два разные дни съ Криднеровой, которую ты знаешь, и Криднерову обѣжала оба раза, въ чемъ онъ и самъ признается. Съ братомъ Григоріемъ ѣдутъ Александръ Зиновьевъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ и генералъ Бауеръ. Еще и теперь неизвѣстно, когда онъ поѣдетъ. Дворъ, сказываютъ, пойдетъ 10-го Генваря. Въ прежнемъ письмѣ писалъ о болѣзни Григ. А. Потемкина; онъ выздоровѣлъ совсѣмъ. Послѣ новаго года станемъ по маленьку всякую всячину изъ дому въ Москву отпускать. Теперь намъ лошади очень дороги; не помню, писалъ ли я къ тебѣ, что Павелъ Обуховъ и Всеволодъ Всеволодскій отпущены на годъ“.

„Въ Рождество пожалованы голубыя ленты принцу Дармштатскому, Григорію Алекс. Потемкину, вице-канцлеру и гр. Миниху. Въ Москву уѣхало уже великое множество, и всякій день ѣдутъ. На этихъ дняхъ поѣхала графиня Брюсша, а кн. Алекс. Вяземскаго домъ недѣли двѣ какъ ускакалъ. Старикъ созываетъ врачей, и почитаютъ его болѣзнь изъ легкихъ. Къ водамъ ѣхать большую нужду ему не почитаютъ, но и не отсовѣтываютъ; а старикъ теперь самъ болѣе склонности имѣетъ ѣхать къ водамъ и вчерась рѣшительно сказалъ, что поѣдетъ въ Маѣ мѣсяцѣ будущаго года. Не перемѣнитъ ли свое мнѣніе послѣ? Кн. Никол. Васильевичъ Репнинъ пріѣхалъ сюда, ѣдитъ въ Москву въ свитѣ съ Государынею. Нарышкинъ былъ посланъ въ Швецію, недѣли съ полторы какъ возвратился. Пугачево дѣло будетъ судиться въ Сенатѣ въ Москвѣ, и сентенцію, я думаю, исполнятъ до прибытія Двора туда. Мещериновъ дни съ три уѣхалъ въ Москву. Будетъ дожидаться старика. Я намѣренъ ѣхать нынѣшнею зимою на Низъ. Къ Маю старикъ намѣренъ непремѣнно возвратиться. Еще новое: Львовъ ѣдитъ кавалеромъ посольства съ Репнинымъ въ Константинополь. Репнинъ изъ Москвы поѣдитъ, я думаю, не прежде Марта мѣсяца. Теперь у меня главное изъ моихъ упражненій: перестроить домъ въ Хатунѣ для меня. Планъ сдѣланъ для каменнаго въ три этажа. Я думаю около 30,000 будетъ стоить совсѣмъ. Будущій годъ стану заготовлять матеріалы, а въ другое лѣто хочется подъ крышу подвести“. Дек. 30. 1774.

Въ письмахъ графа къ братьямъ нѣтъ никакихъ объясненій о причинѣ послѣдовавшаго въ Декабрѣ 1774 г. увольненія его отъ должности директора Академіи Наукъ. Впрочемъ, и не было нужды въ объясненіяхъ, такъ какъ всѣ четыре брата сознавали, что они болѣе уже не нужны при Дворѣ и что историческая роль ихъ кончилась.

Библиотека "Руниверс"

Графъ едва ли могъ бы, при удаленіи братьевъ отъ столицы, продолжать прежнія свои занятія, сопряженныя съ необходимыми ходатайствами о покровительствѣ ученымъ и ученикамъ.

Академическая служба не могла обойтись для него безъ непріязненныхъ столкновеній съ академиками. Ему приходилось, вѣроятно, не одинъ разъ настаивать на соблюденіи порядка и правилъ, имъ введенныхъ при учрежденіи Академической Коммиссіи. Его твердость была иногда не по вкусу академикамъ, какъ можно замѣтить изъ ихъ интимныхъ писемъ, когда сталъ доходить до нихъ слухъ о приближающемся увольненіи графа отъ должности.

Графъ долженъ былъ заявить о своемъ неудовольствіи по какому-то дѣлу, подробности котораго намъ неизвѣстны. Онъ пишетъ:

Читано въ Конференціи 16-го Мая 1774 г.

„Протоколъ я вамъ возвратилъ. Поступокъ г. Палласа, въ отношеніи пересланныхъ имъ въ Голландію предметовъ естественной исторіи, которые случайно попали въ руки Конференціи, безъ сомнѣнія достоинъ порицанія. Я того мнѣнія, что Академія должна бы изъявить ему по этому случаю свое неудовольствіе. Въ письмѣ можно также употребить мое имя“.

Графъ отправилъ въ Москву свою библіотеку и собраніе естественно-историческихъ предметовъ. Л. А. Эйлеръ пишетъ 29-го Сентября 1774 г. исторіографу Миллеру, что обстоятельство это не могло случиться потому, что онъ намѣревается сопровождать Дворъ въ Москву, такъ какъ ради одного года такія вещи не везутся съ собой.

13-го Октября Эйлеръ пишетъ: „Графъ нашъ Владиміръ Орловъ ужъ нѣсколько недѣль не ѣздитъ ко Двору, потому что онъ со дня на день ожидаетъ разрѣшенія своей супруги. Странная причина!“

Графъ Владиміръ Григорьевичъ былъ уволенъ отъ должности директора Академіи 5-го Декабря 1774 г., какъ видно изъ сообщенной ему записки изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената и Коммиссіи Академіи Наукъ.

Два мѣсяца спустя по удаленіи своемъ изъ Академіи, именно 3-го Февраля 1775 года, графъ угощалъ обѣдомъ всѣхъ академиковъ и былъ необыкновенно привѣтливъ со всѣми. По этому случаю Л. А. Эйлеръ замѣтилъ: „Отъ чего начальникъ нашъ не всегда велъ себя такимъ образомъ и почему въ то время, когда онъ еще имѣлъ власть надъ нами, приходилось намъ выносить на себѣ только всю тяжесть его желѣзнаго скипетра?“

Библиотека "Руниверс"

Эйлеръ разсказываетъ своему пріятелю Миллеру, отъ 15-го Января 1775 года слѣдующее, какъ знакъ того, что ихъ бывшій начальникъ сознавалъ свои слабости: „Когда г. Георги былъ въ послѣдній разъ у графа для осмотра его химическихъ печей, графъ держалъ въ рукахъ балалайку, на которой не доставало одной струны. Шутя онъ спросилъ г. Георги, знакомъ ли онъ съ этимъ инструментомъ? „О да, ваше сіятельство, какъ мнѣ не знать этой вещи: но у вашего инструмента только одна струна.“—„Такъ вамъ, значитъ, также небезъизвѣстно, что этотъ инструментъ долженъ имѣть двѣ струны?“—„Да, конечно, и притомъ на этомъ свѣтѣ вѣдь всякая вещь имѣетъ двѣ струны“. Графъ засмѣялся и возразилъ, имѣетъ ли онъ (графъ) также двѣ струны. „Безъ сомнѣнія“, отвѣчалъ г. Георги. Графъ же смѣялся надъ этою двусмысленною фразою, понявъ ее очень хорошо безъ всякихъ болѣе обстоятельныхъ объясненій со стороны г. Георги“.

Всякій, прочитавшій письма графа Владимира Григорьевича къ академикамъ, разсудитъ, дѣйствительно ли графъ держалъ въ рукахъ желѣзный скипетръ и не имѣлъ ли, напротивъ, постоянное и самое заботливое попеченіе о всѣхъ ему подчиненныхъ, и не обращался ли къ нимъ съ замѣчательной деликатностью. Графъ продолжалъ имѣть дружескія сношенія съ своими бывшими товарищами по службѣ. Онъ въ особенности часто вспоминалъ объ Эйлерѣ, читалъ самъ и заставлялъ своихъ дѣтей и внуковъ читать его сочиненія.

Здѣсь будетъ кстати сравнить отношенія къ Академикамъ графа Владимира Григорьевича и его преемника Домашнева. Какъ извѣстно, Коммиссія, управлявшая Академіею Наукъ, существовала 17 лѣтъ, и въ это время директорами Академіи были два лица: графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ и за нимъ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ. О различіи между этими двумя лицами по отношенію ихъ къ Академіи Наукъ можно судить по слѣдующему отзыву современнаго намъ академика М. И. Сухомлинова, въ его „Исторіи Россійской Академіи“ 1876 г., выпускъ 3 й, стр. 23—30.

„Въ дѣятельности Академической Коммисіи (перваго ея періода) и во взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ“, замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, „обнаруживались начала равенства и равноправности, насколько они совмѣстимы были, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, съ общественными нравами того времени. Глава академическаго управленія, графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ, въ сношеніяхъ своихъ съ академиками избѣгалъ начальническаго тона, обращаясь къ членамъ Коммисіи, какъ къ своимъ товарищамъ“, въ доказательство чего и приводитъ два письма его изъ Москвы, относящіяся къ 1767 г. „Но“, продолжаетъ авторъ Исторіи Россійской Академіи, „времена перемѣнились.... Вмѣсто Орлова директоромъ Академіи Наукъ назначенъ Домашневъ, и

Библиотека "Руниверс"

въ академической жизни возникаетъ непрерывный рядъ столкновеній и враждебныхъ выходокъ между директоромъ и членами Коммисіи. Домашневъ смотрѣлъ на Коммисію, какъ на подвластную ему канцелярію, которая обязана подчиняться его произволу и безпрекословно исполнять всѣ приказанія своего начальника. Приказы, выговоры, упреки сыпались на академиковъ съ необыкновенною щедростью. Но члены Коммисіи держали себя съ достоинствомъ, отстаивая свою самостоятельность и честь Академіи отъ произвола и самоуправства ея директора. Въ противоположность съ товарищескими письмами своего предшественника, Домашневъ насылалъ Коммисіи такого рода ордеры: „Дать мнѣ увѣдомленіе, по какимъ причинамъ типографія не считана такъ давно, и котораго года счеты по оной были кончены, и по который годъ внесены отъ типографіи въ Коммисію, и остаются безъ рѣшенія..... Подтверждается Коммисіи, какъ возможно, запущенные счеты кончить; и я съ сожалѣніемъ сказать долженъ, что если далѣе о успѣхѣ оныхъ рапорту не получу, то господамъ, въ Коммисіи присутствующимъ, запрещено будетъ производить жалованье.... Требую, чтобъ Коммисія сей самый день, не выходя изъ присутствія, увѣдомила меня, какихъ ради причинъ не сдѣланы до сего года счеты; а потомъ Коммисіи сбираться ежедневно поутру и послѣ обѣда для окончанія требуемыхъ счетовъ“.... Академики Штелинъ, Румовскій и Котельниковъ, въ отвѣтѣ своемъ на это грозное требованіе, выразили свои оскорбленныя чувства, между прочимъ, слѣдующими словами: „Разсуждая о полученномъ нами предложеніи, наполненномъ прискорбными на насъ, членовъ Коммисіи, нареканіями и законами запрещенными укоризнами, чтобы соблюсти неоцѣненное для насъ право принесть всеподданнѣйшее прошеніе о защищеніи насъ отъ напрасныхъ притѣсненій и для оправданія нашего, положили и мы господину директору предложить слѣдующее“:

Гг. Академики пишутъ далѣе: „Но неудивительно, что господинъ директоръ пишетъ, что онъ не видитъ, въ чемъ Коммисія упражняется, ибо отъ презрѣнія ли Коммисіи или другихъ ради причинъ, намъ неизвѣстныхъ, съ лишкомъ два года не единожды Коммисію присутствія своего не удостоивалъ“.... И затѣмъ оканчиваютъ свое посланіе новому своему Директору слѣдующимъ наставленіемъ.....„ И вслѣдствіе того, его превосходительство просимъ впредъ таковыми укоризнами членовъ Коммисіи, для управленія дѣлъ съ г. директоромъ поставленныхъ, не отягощать, но отдавать какъ мѣсту, такъ и членамъ должное уваженіе“.....

Изъ этихъ словъ академиковъ можно заключить, что „желѣзный скипетръ“, на который г. Эйлеръ жаловался въ своемъ письмѣ историографу Миллеру, будучи въ мягкихъ рукахъ директора графа Владимира Григорьевича Орлова, вовсе не былъ такъ тяжекъ для академиковъ, какъ когда перешелъ въ болѣе жесткія руки его преемника С. Г. Домашнева, постоянныя притязанія котораго къ академикамъ вызывали съ ихъ стороны справедливые протесты и неудовольствія, окончившіеся только съ удаленіемъ Домашнева отъ должности директора и съ упраздненіемъ, по указу 24-го Января 1783 г., самой Коммисіи, управлявшей Академіею Наукъ.

Библиотека "Руниверс"

Орловы и по удаленіи отъ Двора продолжали жить въ неразрывной дружбѣ между собою. Ихъ достояніе было не только достаточное, но богатое, не смотря на накопившіеся долги. Князь Григорій готовился ѣхать за границу; Алексѣй завелъ великолѣпный конный заводъ въ небывалыхъ ни прежде, ни послѣ размѣрахъ; Ѳедоръ, беззаботный и веселый, продолжалъ вести свой прежній, не очень постоянный образъ жизни; одинъ только, склонный къ ипохондріи, Иванъ жилъ въ деревнѣ, то домосѣдомъ, то охотникомъ; Владиміръ, семьянинъ и хозяинъ, продолжалъ быть главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ семьи, не смотря на то, что былъ младшимъ ея членомъ.

Отношенія его къ каждому отдѣльно изъ своихъ братьевъ имѣли свой особый оттѣнокъ. Онъ былъ особенно нѣженъ къ Ѳедору, возрастъ котораго подходилъ ближе къ его собственнымъ годамъ, пріобщалъ его, какъ третье лицо, къ своимъ семейнымъ распоряженіямъ и писалъ: „мы Владиміръ, Ѳедоръ и Лиза желаемъ“ и т. д. Къ брату Григорію онъ относился безпрестанно съ ходатайствомъ по просьбѣ пріятелей и называлъ ангельскою его готовность дѣлать добро кому только можно. Онъ чувствовалъ особенное почтеніе и благодарность къ Алексѣю, имѣя объ его способностяхъ и характерѣ тоже мнѣніе, какое выражено въ извѣстной депешѣ Великобританскаго посла Мальмсбери. Наконецъ, къ Ивану онъ обращался какъ къ старѣйшему изъ братьевъ, выводившему ихъ, правда, часто изъ терпѣнія, но добродушному и требовавшему особеннаго попеченія.

Младшій и старшій изъ Орловыхъ ускользнули вовсе отъ глазъ исторіи. Къ тремъ прочимъ братьямъ Орловымъ можно примѣнить замѣчаніе, что великіе міра сего превозносятся лестію современниковъ, но что исторія караетъ ихъ также чрезъ мѣру, осуждая ихъ пороки и не вѣдая ихъ тайныхъ добродѣтелей.

Письма 1775 г. адресованы всѣ къ графу Алексѣю Григорьевичу, находившемуся въ то время за границей. Сущность ихъ можетъ быть передана въ немногихъ словахъ.

Дворъ выѣхалъ изъ Царскаго Села. Петербургъ опустѣлъ, кое-гдѣ видна карета, и много жителей еще выѣзжаютъ. Наружность Пугачева вовсе не замѣчательна: малъ ростомъ и худощавъ. Здѣсь остался главнымъ фельдмаршалъ Голицынъ. Три брата Орловы ѣздили въ Гатчину*), гдѣ ночевали, и на другой день Григорій отправился въ путь съ Бауеромъ, Волковымъ и Зиновьевымъ; „скуки въ немъ не было замѣтно“.

*) Тогда принадлежавшую еще князю Григорію Григорьевичу. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Въ самый день отъѣзда онъ получилъ милостивое письмо отъ Государыни, которая поздравляетъ его, какъ именинника, желаетъ ему счастливаго пути и посылаетъ въ подарокъ „épaulette“. Григорій располагаетъ ѣхать чрезъ Берлинъ и Вѣну. Владиміръ получилъ уже отъ Григорія письмо о благополучномъ его путешествіи, какъ видно изъ письма его къ Алексѣю: „Дай Богъ, чтобъ вы счастливо увидѣлись, чтобы онъ въ своемъ пути благополученъ былъ. Поздравляю тебя отъ искренняго сердца съ гостемъ. Я себѣ воображаю, какъ вы ради будете другъ другу и веселюся онымъ.. Въ такомъ состояніи, въ какомъ вы нынѣ будете, уже давно не бывали, а нынѣ много будетъ похоже на давнишнее, и съ онымъ тебя поздравляю. Послѣднія твои письма насъ очень веселили. Они наполнены дружескимъ чувствомъ, которое цѣннѣе намъ всего“.... „Старинушка въ нынѣшній пріѣздъ доволенъ чрезвычайно братьями, то есть нами, также и отсутствующимъ. Однако онъ усталъ, какъ собака, отъ занятій дѣлами брата Григорія, и весьма недоволенъ чрезмѣрно большими расходами на его здѣшнее содержаніе, какъ напр. по 25 рублей за обѣдъ изъ 6-ти блюдъ для двоихъ или троихъ, замѣчая, „что принужденъ платить покняжески, а мошна у него дворянская“. Владиміръ прилагаетъ копію съ слѣдующаго своего письма Императрицѣ:

„Всемилостивѣйшая Государыня. Разстроенное издавна мое здоровье, хотя употребленіе водъ нѣсколько и поправило, но по возвращеніи моемъ сюда часъ отъ часу становится хуже и почти въ тоже состояніе пришло, какъ и прежде было; а сверхъ того и зрѣніе такъ слабо, что едва одну страницу прочесть могу. Не находя себя въ состояніи продолжать службу, припадаю къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и прошу о милостивѣйшемъ увольненіи отъ оной“.

Графъ надѣется весело прожить въ Хатуни, чего такъ давно желалъ, и куда будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать Алехана. Онъ одинъ обозъ уже отправилъ и другой приготовляетъ, и 20-го Февраля поѣдетъ со всѣмъ домомъ. Въ заключеніе проситъ выслать къ нему разные музыкальные инструменты, также побольше хорошенькихъ арій и пѣсенокъ, „а я къ тому времени, какъ ты возвратишься, выучусь иныя пѣть и тебя стану веселить“.... „Между прочими упражненіями хозяйства хочется и музыку завести“.

Музыка была дѣйствительно, по мнѣнію графа Владиміра Григорьевича, необходимымъ пополненіемъ занятій въ жизни, особенно же въ деревнѣ. Вкусъ его къ музыкѣ доказывается слѣдующею оцѣнкою сочи-

Библиотека "Руниверс"

неній Бортнянскаго въ то время, когда они еще не пользовались всеобщею извѣстностью:

„.... Есть нѣкто Бортнянской, сочиняетъ онъ для дворцовыхъ пѣвчихъ; мнѣ хочется имѣть записку всѣмъ концертамъ его церковнымъ и другимъ сочиненіямъ, которыя онъ сдѣлалъ на разныя молитвы, что поются у насъ въ церкви. Пожалуй, пошли къ нему отъ моего имени, чтобъ онъ одолжилъ меня и сдѣлалъ бы сію записку; а вы, получа оную, доставьте мнѣ не замедля. Скажите ему при томъ, что я страстной охотникъ до пѣнія и что его сочиненія мнѣ отмѣнно нравятся“.

„Какія ноты сочиненія г. Бортнянскаго находятся у меня, объ оныхъ прилагаю здѣсь извѣстіе. И такъ нужно только на сей же бумажкѣ записать, какихъ у меня еще не достаетъ, о чемъ покорно прошу постараться, Иванъ Автономовичъ“.

„.... Новыя сочиненія г. Бортнянскаго попросите, чтобъ переписываемы были впередъ въ партитурѣ, а голосовъ особенныхъ мнѣ не надобно; разумѣю о сочиненіяхъ, которыя впередъ выйдутъ.... Какъ скоро новое сочиненіе выдетъ Бортнянскаго, то прошу таковыя немедленно доставлять мнѣ“.

„.... Д. С. Бортнянскаго прошу сказать, что я его письмо получилъ, казалъ оное брату Алексѣю; изъявляемыми въ немъ чувствами братъ былъ очень доволенъ и поручилъ мнѣ сообщить ему свое признаніе. Рѣчи его были такія: зналъ я Д. С. очень добрымъ человѣкомъ въ чужихъ краяхъ, да и теперь, кажется, онъ таковъ же, чему я искренно радуюсь. Прошу отъ меня поблагодарить Д. С. за ласковое его письмо“.

„Навѣдайтесь у Д. С. и увѣдомите меня, кто сочинилъ *Нынѣ силы небесныя* и концертъ *Не отвержи мене*. Онъ ко мнѣ писалъ, что сіи сочиненія не его“. (Изъ писемъ къ И. А. Фурсову, 1787 г.).

Съ 1775 г. графъ Владиміръ Григорьевичъ пересталъ быть постояннымъ жителемъ Петербургскимъ и въ томъ же году купилъ въ Москвѣ домъ, на Никитской улицѣ, отъ господъ Александра, Петра и Михаила Матвѣевыхъ Херасковыхъ, князей Юрія, Николая, Александра, Василія и княжны Екатерины Никитиныхъ Трубецкихъ. Видно по числамъ на приказахъ въ вотчины, что графъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ: въ 1793 г. съ 13-го Мая по 12-е Августа, съ 20-го Августа 1796 г. до 1798 г., часть 1801 г., часть 1803 г., съ 1-го до 23-го Января 1806 г. и отъ 17-го Апрѣля до 29-го Іюня 1812 г.; но онъ проводилъ вообще зимнее время въ Москвѣ, въ домѣ на Никитской, а лѣтнее въ подмосковномъ своемъ имѣніи Отрадѣ.

Библиотека "Руниверс"

Съ 1775 г. письма графа Владимира Григорьевича къ братьямъ не вносятся болѣе въ исходящія, а письма старшихъ братьевъ къ младшему не сохранились въ Отрадинскомъ архивѣ, и можно только догадываться объ ихъ содержаніи и общемъ тонѣ по отвѣтамъ гр. Владимира, съ которыми читатель уже знакомъ. Какая была участь этихъ бумагъ, неизвѣстно. Извѣстно по письму 1850 г. Мамрова (одного изъ старшихъ конторщиковъ гр. Владимира Григорьевича), что въ 1815 г. или въ 1816 г. графъ рѣшился предать пламени весь хранившійся до того времени архивъ, и тогда, вѣроятно, сгорѣли и письма четырехъ старшихъ братьевъ. Владиміръ Григорьевичъ сохранилъ копіи съ собственныхъ своихъ писемъ къ братьямъ, но, можетъ быть, не считалъ себя въ правѣ предоставлять критикѣ современниковъ и потомства интимныя сообщенія своихъ братьевъ. Такимъ образомъ, пропали для исторіи документы, вѣроятно, первостепенной важности. Можно ли осуждать за подобную осторожность? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, уважить и похвалить скромность людей, уничтожающихъ слишкомъ откровенную переписку, въ которой слѣды сердечныхъ изліяній и описаніе нѣкоторыхъ фактовъ могутъ вредить славѣ писавшихъ? Любители скандальныхъ хроникъ, конечно, въ потерѣ отъ этой сдержанности въ сообщеніи фамильныхъ документовъ; но, предавая ихъ пламени, гр. Владиміръ Григорьевичъ только оправдалъ ту довѣренность, которая есть непремѣнное условіе безъискусственности и искренности семейныхъ отношеній. Мы увидимъ впослѣдствіи, что графъ Владиміръ поступилъ иначе съ письмами своихъ дѣтей и внуковъ, находившихся еще въ нѣжномъ возрастѣ, и сохранилъ также нѣкоторыя письма взрослыхъ своихъ дѣтей, которыя были ему особенно дороги....

Семейство графа Владимира Григорьевича увеличилось рожденіемъ въ 1777 г. сына Григорія и въ 1782 г. дочери Натальи.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЕ И НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ,

или разсмотрѣніе поведенія нынѣшняго обладателя Франціи съ Тильзитскаго мира по изгнаніи его изъ древней Россійской столицы, съ присовокупленіемъ многихъ любопытныхъ анекдотовъ и плана Москвы *), въ коемъ означены сгорѣвшія и оставшіяся въ цѣлости части города. Писано Московскимъ жителемъ. 1813 г.

Предисловіе.

Походъ Наполеона Бонапарте противъ Россійской Имперіи въ 1812 г. есть одно изъ чрезвычайнѣйшихъ событій отъ самаго сотворенія міра. Размышляя, что болѣе полумиліона войска, сто двадцать тысячъ лошадей, триста тысячъ пушекъ приведены были съ отдаленнѣйшаго края Европы къ границамъ Азіи, въ Іюнѣ мѣсяцѣ вошли въ предѣлы Русскаго царства, въ Сентябрѣ вторглись въ древнюю нашу столицу, что въ началѣ Декабря двадцатая токмо часть съ предводителемъ своимъ спаслась бѣгствомъ, и что наконецъ три мѣсяца спустя отважные наѣздники съ береговъ Волги и Дона привели поить лошадей своихъ къ Эльбѣ, кто изъ потомковъ нашихъ не усумнится въ происшествіяхъ, превышающихъ всякое человѣческое воображеніе?

Разстояніе и пространство земли, краткое теченіе времени, заключавшее въ себѣ происшествія, кои вѣкамъ бы должны быть приготовлены и вѣками приведены въ исполненіи; мгновенное преобразованіе участи многихъ государствъ, соединеніе силъ цѣлой Европы подъ

---

*) Не помѣщаемъ этого плана, такъ какъ онъ неразборчиво нарисованъ: въ 1813 г. трудно было въ Москвѣ найти рисовальщика. Безъименная книжка эта написана несомнѣнно А. Я. Булгаковымъ, котораго близко знаютъ читатели „Русскаго Архива“ по его перепискѣ съ отцомъ и братомъ. Книжка напечатана въ Москвѣ, въ 1813 г. въ типографіи С. Селивановскаго въ малую осмушку на 131 страницѣ. Дозволена къ печати въ Апрѣлѣ 1813 г. ординарнымъ профессоромъ Алексѣемъ Мерзляковымъ. Нѣкоторыя черты великаго времени являются тутъ впервыя. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

предводительствомъ счастливѣйшаго, дерзостнѣйшаго и (до сего) искуснѣйшаго полководца нашихъ временъ, обращенныхъ безъ объявленія войны на державу, почти обезоружившуюся и лишенную всякой чужестранной подпоры—всѣ сіи необычайныя обстоятельства убѣждать должны тлѣнное человѣчество въ той истинѣ, что они предначертаны были неисповѣдимостью и премудростью Того, Который свыше всѣмъ управляетъ. Онъ караетъ злодѣевъ и забывающихся счастливцевъ въ самомъ верхѣ ихъ могущества, и милуетъ тѣхъ, кои спасенія не столько отъ силъ своихъ, сколько отъ милосердія Его ожидаютъ. Сей вышній и праведный Судія хотѣлъ избрать гнуснѣйшаго изъ людей для бо́льшаго уничиженія и наказанія рода человѣческаго. Европа представляла Содомъ и Гоморъ, а Наполеонъ пламя все пожирающее. Тоже премудрое Провидѣніе избрало и руку благочестиваго, кроткаго Александра Перваго для осушенія слезъ толикаго числа нещастныхъ, для возвращенія всякому своего, для возстановленія всюду спокойствія, благоденствія и независимости.

Позднѣйшее потомство будетъ говорить о 1812 г., какъ мы теперь говоримъ о всемірномъ потопѣ. Тогда окруженный водою ковчегъ спасъ Ноеву семью; здѣсь же объятая пламенемъ Москва спасаетъ наводненную, такъ сказать, злодѣяніями, безбожіемъ и ужасными бѣдствіями Европу.

Глаза вселенной обращены были на Наполеона и на Русскихъ: на него съ ужасомъ, на насъ съ надеждою и упованіемъ. Кончилась борьба, долженствовавшая рѣшить оружіемъ, кто самозванцы и угнетатели земнаго шара: Европейскіе ли законные государи, достоинство свое чувствующіе, или Наполеонъ Бонапарте? Что̀ должно предписывать законы, правосудіе ли, или сила? Всякій человѣкъ, рожденный ли гражданинъ своего отечества или солдатъ въ Наполеоновомъ войскѣ? Вѣра ли первая обязанность людей, или слѣпое повиновеніе ненасытному варвару? Чистою ли совѣстію и добрыми дѣлами должна покупаться спокойная жизнь на земли, или подлою лестію, измѣною и рабскимъ участіемъ во всѣхъ предпріятіяхъ коварнаго и жестокаго человѣка? Споръ рѣшился, и человѣческій родъ, вмѣсто того, чтобы подымать руки для пролитія крови ближняго своего, возвышаетъ оныя къ Небу, принося теплыя благодаренія за всѣ миновавшія бѣдствія и мольбы о благоденствіи Царя, воинства и народа Россійскаго.

Краснорѣчію, стихотворству, политикѣ, военному искусству послужитъ война 1812 г. неизчерпаемымъ источникомъ къ разнымъ произведеніямъ пера. Мы конечно не замедлимъ увидѣть множество иностранныхъ сочиненій, описывающихъ на разныхъ языкахъ войну сію и

Библиотека "Руниверс"

Московскія происшествія; и хотя въ оныхъ многое будетъ выдумано или лживо, но плавность и красота слога, острыя выраженія и метафизическія разсужденія замѣнятъ не только историческую истину, но и саму вѣроятность. Въ сей же книжкѣ, писанной на недвусмысленномъ Русскомъ языкѣ, всевозможное безпристрастіе и истина, почерпнутая изъ достовѣрныхъ свѣдѣній, кои имѣли мы случай и возможность доставить себѣ, замѣнятъ недостатки въ красотахъ, наполняющихъ большую часть Французскихъ сочиненій.

Москва, 29-го Апрѣля 1813 г.

Русскіе и Наполеонъ Бонапарте.

Тильзитскій миръ въ началѣ своемъ казался пагубнымъ предвѣстникомъ судьбы цѣлаго свѣта: поелику война Россіи противъ Турецкой Имперіи, Англіи, Швеціи и Персіи содѣлывала предпріятія Наполеона безопаснѣйшими. Упоенный симъ миромъ, онъ вознамѣрился ускорить издавна сооружаемый имъ замыселъ—свергнуть Бурбонскій домъ съ Гишпанскаго. Браганскій съ Португальскаго престоловъ, и уничтожить папское достоинство и правленіе во всѣхъ ихъ отношеніяхъ.

Извѣстныя однакожъ всѣмъ послѣдствія, наказавшія Французскія ополченія въ завоеваніи полуострова Гишпаніи, увѣрили наконецъ Европу, что сей самый миръ, толико прославлявшій Французскаго Императора, хотя и придалъ новый блескъ его подвигамъ, но открылъ Франціи рану, изъ коей кровь и золото восьмидесяти милліоновъ народовъ, ему порабощенныхъ, не перестанутъ течь, какъ развѣ съ новымъ возрожденіемъ дѣлъ въ Европѣ, пагубнѣйшимъ для Наполеона и его поколѣнія.

Плоды отъ сѣмянъ, въ Тильзитѣ посѣянныхъ, были весьма горьки. Наполеонъ, обманутый и наказанный въ завоеваніи Гишпаніи и Португаліи, мечталъ видѣть Россію истощенную бранями, коими Держава сія была занята, и кои пріуготовили ей ухищренія и каверзы Тюльерійскаго кабинета. Между тѣмъ она заключила блистательный миръ съ Швеціею и сдѣлала предѣлы свои съ сею сосѣдственною державою навсегда безопасными: войска же ея не переставали наводить страхъ Оттоманской Имперіи. Наполеонъ, бывъ обуянъ сею неожиданною перемѣною обстоятельствъ и, скрывая зависть свою, причиненную ему торжествомъ Россіи во всѣхъ ея предпріятіяхъ, какъ мирныхъ, такъ и военныхъ, принуждалъ себя оказывать притворную пріязнь Императору Александру, а особенно послѣ его объясненій въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Соединяя лукавство съ злобою, онъ въ политическихъ своихъ вѣдомо-

Библиотека "Руниверс"

стяхъ давалъ чувствовать цѣлой Европѣ, что тѣснымъ союзомъ и сокровенными соглашеніями участь Европы между имъ и Монархомъ Россійскимъ опредѣлена, и въ тоже время изрыгалъ, на подобіе вулкана, огонь и пламя въ своихъ повелѣніяхъ агенту въ Константинополѣ; всѣ средства были употреблены для достиженія желаемой цѣли: обѣщанія, угрозы, обольщенія, обманы, подкупленія. Ни утвержденіе дружественныхъ сношеній съ Франціей, ни защищеніе коммерціи ея въ моряхъ Оттоманскихъ, не привлекали вниманія Наполеоновыхъ агентовъ при Портѣ Оттоманской; оно было обращено единственно къ приведенію въ дѣйство злобныхъ его намѣреній,—продлить съ вящею дѣятельностью войну Турокъ противъ Россіи и положить всѣ препоны къ сближенію мирныхъ договоровъ между сими Державами. Министръ Французскій въ Персіи (генералъ Гарданъ) настоятельно требовалъ отъ Шаха позволить ему образовать войска Персидскія, особенно артилерію; а Боснійскій паша не зналъ, какое употребленіе сдѣлать изъ инженерныхъ офицеровъ Французскихъ, отъ маршала Мармонта къ нему присланныхъ для укрѣпленія границы той провинціи и обезпеченія оной отъ вторженія Россіянъ и Сербовъ*).

Строгіе однакожъ наблюдатели поведенія и политики Наполеона, зная возвышенность чувствованій Россійскаго Самодержца, были увѣрены, что свиданіе двухъ Императоровъ при Эрфуртѣ было послѣдствіемъ мудрой политики одного и честолюбивыхъ видовъ другаго, а не раздѣленіе свѣта, какъ многіе полагали.

---

*) Генералъ Боттень, полковникъ Трамленъ и при нихъ переводчикъ Верберъ посланы были для сего въ Боснію. Французскій консулъ въ Травникѣ проводилъ ихъ до Скутари и представилъ пашѣ съ письмомъ отъ Мармонта; но Турецкій губернаторъ, по узнаніи содержанія онаго, отвѣчалъ консулу, что онъ безъ указа отъ Порты не можетъ имъ позволить приступить къ исполненію данной имъ коммисіи, присовокупивъ къ тому, что онъ удивляется, какъ три человѣка при всѣхъ ихъ познаніяхъ могутъ льститься сдѣлать оплотъ непріятелю въ случаѣ его нападенія на сіи земли? Вышеозначенный Боттень, будучи подполковникомъ, въ 1806 г. въ Іюлѣ мѣсяцѣ взятъ былъ Россіянами въ плѣнъ съ нѣкоторыми другими Французскими офицерами, плывшими на лодкѣ отъ Новой къ Старой Рагузѣ. Какъ скоро привели ихъ на корабль къ контръ-адмиралу Сорокину, командовавшему эскадрою, крейсировавшею въ тѣхъ водахъ, онъ приказалъ осмотрѣть чемоданы плѣнныхъ офицеровъ и отобрать отъ нихъ однѣ бумаги, потомъ пристойно помѣстить на кораблѣ и включить въ компанію офицерскую. Когда начали осматривать чемоданъ Боттеня, онъ, весь побѣднѣвши, подавалъ подозрѣніе, что въ ономъ скрываются какіе либо бумаги или планы, весьма важные и секретные; но вмѣсто оныхъ найдена была киса съ золотыми и серебряными монетами, о коихъ-то онъ столько безпокоился. Александръ Андреевичъ Сорокинъ приказалъ сказать ему, что ежели онъ объявитъ по чести офицерской, что деньги сіи ему принадлежатъ, а не правительству Французскому, то оставлены будутъ при немъ. Отвѣтъ Француза легко можно угадать, и деньги остались при немъ.

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ намѣревался сдѣлать себѣ прибыльнѣйшій торгъ чрезъ союзъ съ Россійскимъ Монархомъ: поелику онъ хотѣлъ увѣрить Англію, что Россія приняла противоположную прежней систему: хотѣлъ навлечь страхъ Австріи, въ то время готовившейся къ обнаженію меча, а болѣе всего устрашить славный народъ, защищающій свои жилища отъ опустошенія Французскихъ войскъ и сражающійся съ толикимъ мужествомъ за права Царей своихъ, политикою Императора Французскаго изгнанныхъ и обремененныхъ оковами. Монархъ Всероссійскій, неусыпно пекущійся о благосостояніи своихъ подданныхъ и благоденствіи обширнаго Царства своего, свято наблюдалъ заключенный имъ трактатъ съ Франціею. Ухищренія и козни, сплетаемыя противу Россіи Наполеономъ, не могли не быть замѣчены бдительнымъ окомъ Отца своихъ подданныхъ; но онъ со всѣмъ достоинствомъ, его величію приличнымъ, избѣгалъ возобновлять внезапно войну съ Франціею; между тѣмъ же занимался съ всевозможною дѣятельностію приготовленіемъ исполинскаго ополченія, долженствовавшаго служить оплотомъ наводненію, угрожавшему поглотить благословенныя и богатыя области Россійскія.

Наполеонъ усиливалъ свои многочисленныя арміи въ Португаліи и Гишпаніи. Народы сіи, лишившись государей своихъ, не были въ состояніи противодѣйствовать арміямъ, навыкшимъ съ толикихъ лѣтъ къ военному искусству, и Англія предвидѣла, что всѣ приготовленія и пособія, которыя она спѣшила привести въ дѣйствіе для защиты вышеупомянутыхъ королевствъ, не успѣютъ быть ко времени готовыми, а потому считала необходимостью отвратить вниманіе Наполеона на другой пунктъ, выиграть тѣмъ время и поставить твердую ногу въ той части Европы. Для достиженія сей цѣли Великобританское правительство употребило всю свою дѣятельность при Дворѣ Австрійскомъ, оказывавшемъ уже расположеніе къ вооруженію. Австрійскій Дворъ не могъ конечно избрать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, для возвращенія всего похищеннаго у него Пресбургскимъ трактатомъ, и для освобожденія себя не только отъ деспотическаго вліянія Франціи, но даже отъ угнетенія ея консуловъ, которые въ Австрійскихъ портахъ несравненно болѣе себѣ присвоили власти, нежели мѣстныя начальства *).

*) Нѣкто Сегіе, во время Французской революціи скрывшійся въ Англію, гдѣ 12 лѣтъ пособіемъ тамошняго правительства и щедротами многихъ партикулярныхъ особъ былъ содержимъ, и сочинившій множество сатиръ и пасквилей противъ правительства Французскаго и главы онаго, возвратившись въ свое отечество для сохраненія имѣнія, сдѣлался отличнымъ приверженцемъ Наполеона и принялъ консульское мѣсто въ Тріестѣ единственно для наблюденія и препятствованія торговли между Англичанами и Тріестин-

Библиотека "Руниверс"

Страшныя приготовленія Австрійской Державы подавали надежду, что послѣдствія сей войны будутъ весьма отличны отъ прежнихъ, что̀ и воспослѣдовало бы, естьли бы Вѣнскій Дворъ оказалъ въ сію войну столько же твердости, рѣшимости и дѣятельности, сколько ревности и преданности оказали Австрійскіе поданные своему Монарху.

Императоръ Французскій со всею быстротою, или лучше сказать, со всею дерзостію, ему свойственною, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, успѣлъ, не уничтожая арміи Австрійской, внушить страхъ Вѣнскому Двору и заключить миръ, самый блистательнѣйшій для себя по всѣмъ его послѣдствіямъ.

Петербургскій кабинетъ по договорамъ, соединявшимъ его съ Тюльерійскимъ, и по тѣснымъ связямъ Австрійскаго Дома съ Державами, въ войнѣ съ Россіею находившимися, долженъ быть ограничиваться въ своемъ поведеніи обстоятельствами того времени и, не нарушая своихъ обязанностей относительно Франціи, оказалъ великое уваженіе Австрійскому Монарху и желаніе въ сохраненіи цѣлости владѣній Императора Франца. Наполеонъ былъ приведенъ въ бѣшенство осторожнымъ поведеніемъ Россійскаго генерала въ Галиціи; поелику не переставалъ съ нетерпѣливостію ожидать извѣстія о кровопролитномъ сраженіи между сими издавна союзными Державами, желая тѣмъ навсегда между ими водворить ненависть и мщеніе. Онъ даже настоятельно требовалъ, чтобы офицеры и матросы Россійскіе, въ то время на эскадрахъ въ Тріестѣ, Корфу и Венеціи находившіеся, высажены были въ областяхъ Венеціи, гдѣ по обученіи ихъ сухопутному воинскому искусству намѣревался употребить противу Австріи, ссылаясь на союзъ, между имъ и Россіею существующій *).

Англія успѣшно совершила желаемое къ защитѣ Португаліи и Гишпаній. Временное правительство одной и Кортесы другой успѣли въ сіе продолженіе времени привести въ устройство свои войски, посредствомъ великодушныхъ пособій Великобританскаго народа.

Наполеонъ, восхищенный новыми и блистательными подвигами, искалъ предлоговъ войти торжественно въ Парижъ и дать великолѣп-

---

цами. Онъ дерзостію своею похитилъ власть морскаго и таможеннаго начальства; ибо безъ письменнаго отъ него вида ни одна лодка Австрійская не могла отплыть отъ порта. Сегіе заключаетъ въ себѣ живый примѣръ характера Французовъ и благодарности ихъ къ тѣмъ, которые ихъ въ несчастіи призрѣваютъ. Они оправдываютъ нашу Русскую поговорку: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

*) Генералъ Віаллисъ былъ назначенъ Наполеономъ для собранія всѣхъ экипажей съ Россійскихъ эскадръ въ Пальменовѣ. Было положено раздѣлить ихъ на баталіоны и, снабдивъ пушками и ружьями, отправить на Дунай къ генералу Бертранду.

Библиотека "Руниверс"

нѣйшее зрѣлище народу, начинавшему уже скучать продолжительностью Гишпанской войны и выпускавшему при всякомъ случаѣ сарказмы острые, но весьма язвительные на счетъ Французскихъ въ Гишпаніи побѣдъ. Народъ вообще негодовалъ на несправедливость сей безконечной и кровопролитной войны, а болѣе на гнусную измѣну, ее произведшую, и чрезъ кою Франція пріобрѣла себѣ девять милліоновъ непримиримыхъ и смежныхъ съ нею враговъ. Наполеонъ, ослѣпляющій безпрестанно важными и гласными событіями глаза изнуренныхъ и несчастныхъ своихъ рабовъ, трубитъ всюду славу своего оружія, щедро награждаетъ свое воинство и его предводителей, снова покрываетъ Гишпанію многочисленными легіонами и союзными войсками, лишаетъ достоинства Голландію и ея государя, преобразуетъ политическое бытіе Германскаго Сѣвера, учреждаетъ подъ названіемъ Иллирическихъ провинцій новую область, и такимъ образомъ открываетъ ходъ своему владычеству къ Оттоманской Имперіи при первомъ удобномъ случаѣ.

Однакожъ сіи успѣхи Наполеона отнюдь не страшили храбрыхъ Гишпанцевъ и Португальцовъ, Квинтомъ-Фабіемъ Британскимъ предводительствуемыхъ; напротивъ, они показали цѣлому свѣту, что при всей неопытности въ воинскомъ искусствѣ, но руководствуясь единою священною и пламенною любовію къ вѣрѣ, отечеству и государю, можно опрокинуть и истребить мнимо-непобѣдимыя и многочисленныя войски Французскія, сопутствуемыя всюду грабежомъ, опустошеніемъ и попраніемъ всего священнаго. Французская армія, которая до того времени мечтала, что ничто не можетъ противостоять счастливому Массенѣ [1]), устрашилась, читая въ публичныхъ Французскихъ вѣдомостяхъ подробности неожиданнаго отступленія маршала сего въ Помбалѣ. Аркольскій побѣдитель сознается противъ воли своей, что распоряженія непріятеля отняли всѣ способы къ существованію предводительствуемой ими арміи въ самомъ виду высотъ Португальскихъ [2]).

Такимъ образомъ Франція, въ сію столь бѣдственную для нея войну, проливала потоки крови и истощала свои финансы; Англія же

---

[1]) Извѣстно, что когда генералъ сей былъ присланъ Наполеономъ въ Парижъ съ прелиминарными артикулами Лоѳбенскаго мирнаго трактата, президентъ директоріи, куда онъ былъ допущенъ на публичную аудіенцію, въ рѣчи имъ говоренной, возвеличилъ Массену торжественно любимымъ дитятею побѣды (Enfant chéri de la Victoire), которое названіе онъ всегда и сохранялъ во Французской арміи.

[2]) Неудачный сей походъ подалъ случай Наполеону оказать сему генералу давно питаемую къ нему ненависть и зависть. Онъ выключилъ его изъ службы и оставилъ въ забвеніи, предоставивъ ему пещись въ южныхъ провинціяхъ Франціи о возстановленіи разстроеннаго своего здоровья; а наконецъ лишилъ его пожалованнаго ему герцогскаго Риволійскаго помѣстья, которое перешло къ маршалу Нею.

Библиотека "Руниверс"

непрестанными своими нападеніями въ портахъ Франціи (въ Рошфортѣ) и въ Адріатическомъ морѣ (при островѣ Лисѣ), истребляла вновь раждающіяся морскія Французскія силы. Наполеонъ изливалъ свое мщеніе надъ хлопчатою бумагою и шерстью, выдѣлываемыми руками Англичанъ. Во всѣхъ земляхъ обширнаго его владычества, Англинскія мануфактуры были преданы огню, и сей законъ, бѣшенствомъ вдохновенный, довелъ до нищеты королевство Неапольское, разорилъ знатнѣйшіе коммерческіе домы въ Голландіи и во всей Германіи, не причинивъ ни малѣйшаго вреда Великобританіи.

Неутомимая дѣятельность Россійскаго Императора по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, какъ въ улучшеніи состоянія своихъ финансовъ, такъ и въ приращеніи его славнаго воинства, безпокоила Наполеона; онъ взиралъ со злобою на благоденствіе и могущество Имперіи Россійской, видя въ нихъ непреодолимый оплотъ хищнымъ своимъ замысламъ и дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Онъ не могъ не сокрушаться мыслію, что доколѣ сія великая Держава не будетъ имъ потрясена и присоединена къ судьбѣ прочихъ Франціи союзныхъ государствъ, весь блескъ его славы подвергнется ежечасному помраченію, и что славное, но насильственное положеніе дѣлъ его, поддерживаясь одними только возрастающими успѣхами, не можетъ быть прочно, доколѣ не истребится всякое равновѣсіе въ Европѣ. Дабы лучше скрыть отъ Россіи мѣры и приготовленія, имъ сооружаемыя для предпріятія сей послѣдней и рѣшительной войны, онъ показывалъ притворное безпокойство при вступленіи корпуса Россійскихъ войскъ въ кантонирныя квартиры въ Волыніи. Между тѣмъ лучшіе его легіоны выступали изъ Гишпаніи, подъ видомъ укомплектованія оныхъ; но они были усиляемы и принимали другое направленіе; ко всѣмъ намѣстникамъ, подчиненнымъ и блюстителямъ власти его посланы были тайныя повелѣнія вооружаться, для окончанія единожды навсегда войны на твердой землѣ. Министры его, при дворахъ союзныхъ исполнявшіе больше должность военныхъ коммисаровъ, нежели мирныхъ агентовъ, вымучивали всякого рода пособія для умноженія арміи и для снабженія оной всемъ нужнымъ. Наполеонъ токмо тогда началъ оказывать свое негодованіе противъ Россіи*), когда всѣ корпусы, въ сей досто-

*) Наполеонъ зналъ, что столь дальній походъ, и противъ первѣйшей въ Европѣ Державы, причинилъ бы негодованіе, уныніе, или по крайней мѣрѣ ропотъ между Французами какъ въ народѣ, такъ и въ войскахъ; и для того разнесены были слухи, будто армія идетъ въ Пруссію для прекращенія тамъ торговли Англичанъ; другіе же увѣряли даже, что Французскіе легіоны идутъ соединиться съ Россійскими для изгнанія изъ Европы Турокъ.

Библиотека "Руниверс"

памятной войнѣ дѣйствовать долженствовавшіе, были въ совершенной готовности и направлялись уже къ Одеру. Его вѣроломство обнаружилось по мѣрѣ приближенія арміи его къ назначенной цѣли. Находясь въ нѣдрахъ Германіи и чувствуя необходимость оправдать нѣкоторымъ образомъ страшныя свои приготовленія и побудить Францію и союзниковъ оной къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ, онъ давалъ имъ разумѣвать, что Императоръ Александръ нарушилъ трактатъ съ Франціею, и что его требованія не совмѣстны съ величіемъ Французской Имперіи. Не менѣе того, онъ оказывалъ по наружности желаніе къ примиренію и избѣжанію войны. Поведеніе Наполеона было прикрываемо столь искусною личиною, что вся Европа полагала еще въ Маіѣ мѣсяцѣ, что ополчившіяся Державы не замедлятъ соединиться вящшею дружбою, посредствомъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ Польшѣ и Пруссіи, въ пользу Россіи*).

Императоръ Александръ, въ слѣдствіе движеній Наполеона, далъ повелѣніе арміи своей собраться въ провинціяхъ Польскихъ, съ твердымъ намѣреніемъ поддержать достоинство своей Державы противу всякаго наглаго покушенія, могущаго послѣдовать со стороны Франціи, и объявлялъ торжественно, что дотолѣ не положитъ оружія своего, доколѣ не сотретъ съ лица земли Русской врага, дерзнувшаго войти въ ея предѣлы. Сіи сладкія и утѣшительныя слова могъ произносить токмо Отецъ своего народа, Государь убѣжденный своимъ могуществомъ, величіемъ и святостью предстоящей брани. Въ рукѣ Александра возблисталъ мечь; но сей мечь не является оруліемъ злобы, мщенія или алчности къ завоеваніямъ: защищеніе собственности, огражденіе Россійскихъ предѣловъ и спасеніе цѣлаго свѣта. Сіи-то святыя побужденія вооружили и всѣхъ сыновъ Отечества. Россіяне готовились всѣ пасть мертвыми, не подчиняя себя гнусной власти самозванца и всемірнаго угнетателя; Россійскій же Самодержецъ, будучи увѣренъ въ непоколебимой преданности, твердости и мужествѣ своего народа, и обладая неисчерпаемыми пособіями въ нѣдрахъ обширнѣйшаго и изобильнѣйшаго своего государства, съ спокойствіемъ духа взиралъ на безумную дерзость неистоваго своего соперника.

Арміи Французскія форсированными маршами прибыли на берега Нѣмана (за семь дней прежде положеннаго по изчисленію времени) и

*) Многіе изъ чиновниковъ Французскихъ, приближенныхъ къ Наполеону, увѣрены были, что графу Нарбону, въ Вильну посланному, поручено было увѣрить Императора Александра, что Французскій обладатель соглашается выполнить обязанности свои по Тильзитскому трактату, то есть очистить Прусскія владѣнія отъ своихъ войскъ и удовлетворить во всемъ принца Ольденбургскаго.

Библиотека "Руниверс"

вступили въ Россійскія владѣнія. Дневные приказы по арміи Французской были слѣдующаго содержанія: „Повелѣвается во всѣхъ корпусахъ наблюдать самострожайшую дисциплину и нимало не притѣснять славную Польскую націю, толико лѣтъ стенящую подъ желѣзнымъ правленіемъ Россіи, и наконецъ обратившую на себя человѣколюбивое вниманіе Наполеона, который предпринимаетъ войну сію единственно съ тою цѣлію, дабы исторгнуть Поляковъ отъ ига Россійскаго, и дать имъ владѣтеля изъ своего дома, способнаго привести Польшу въ состояніе сравниться съ великою націею, даровавшею ей свободу".

Въ другихъ приказахъ между прочимъ сказано было слѣдующее: „Коль скоро побѣдоносные орлы Французскіе появятся въ Россійской Польшѣ, она должна будетъ дѣйствовать обще съ Французами, выставить 200,000 подъ ружьемъ войска и заготовить въ нѣдрахъ своихъ все нужное для продовольствія арміи Французской въ теченіи шести мѣсяцовъ". Вотъ съ какою прекрасною надеждою Французы сдѣлали первый шагъ на землѣ Россійской! Они недолго наблюдали порядокъ, то есть, до тѣхъ поръ, пока не истощили малое количество провіанта, въ Варшавскомъ герцогствѣ и въ Пруссіи взятаго. Скоро грабежъ и обыкновенныя Французскія контрибуціи заступили мѣсто дисциплины. Императоръ Французскій, будучи на балѣ въ Вильнѣ, сдѣлалъ публичный выговоръ Польскимъ генераламъ, обнадежившимъ его въ выставленіи означенныхъ пособій, и назвалъ Поляковъ inconséquens, находя ихъ безъ характера и безпокойнаго духа. Вступленіе Французскихъ войскъ въ Вильну и прочіе города Россійской Польши сдѣлало на жителей тоже впечатлѣніе, какое бываетъ въ зрителяхъ при видѣ новаго явленія на театрѣ. Нѣкоторые изъ дворянъ, пришедшихъ въ упадокъ по причинѣ безпорядочной своей жизни, явились къ Наполеону для того только, чтобы поправить свои дѣла, принявъ участіе въ новообразующемся правленіи, а не для доставленія пособій, нужныхъ Наполеону, которыя и собрать въ столь короткое время было бы невозможно. Французы однакожъ употребили обыкновенныя свои способы, какъ для полученія продовольствія, такъ и для набора рекрутъ, не дожидаясь исполненія обѣщаній многихъ вельможъ, кои не имѣли ни власти ни довольно личнаго уваженія, чтобы заставить своихъ сограждан имъ повиноваться. Императоръ Наполеонъ оставилъ въ Вильнѣ временное военное правительство, которое долженствовало въ назначенное время заготовить магазины и выставить нѣсколько полковъ кавалерійскихъ. Подобныя распоряженія были сдѣланы имъ и въ другихъ городахъ, Россіянами оставленныхъ. Король Неаполитанскій во всѣхъ Польскихъ городахъ являлся на конѣ въ одеждѣ рыцаря, и армія назы-

Библиотека "Руниверс"

вала его новымъ супругомъ Польши, каковой титулъ нимало не былъ Мюрату противенъ.

Россійская армія, которая расположена была въ доль по границамъ Польскимъ и растянута на разстояніи болѣе ста миль Нѣмецкихъ, не могла конечно защитить сихъ провинцій отъ стремленія четырехъ-сотъ-тысячной арміи [1]), которая ускоряла свои марши, дабы сдѣлать внезапное нападеніе и отрѣзать цѣлые корпусы Россійскіе, поспѣшавшіе къ генеральному соединенію. Планъ сего похода, начертанный Наполеономъ, былъ весьма дерзокъ. Онъ твердо увѣренъ былъ, что въ половинѣ Августа мѣсяца его Роландъ (Удино) будетъ въ Петербургѣ, а онъ съ главными силами, воспрепятствовавъ соединенію первой и второй Западной арміи, истребитъ ихъ по частямъ, и что въ тоже самое время падетъ предъ побѣдителемъ своимъ Москва, гдѣ и предложенъ будетъ Императору Александру великодушный миръ, съ умѣренною уступкою Франціи всей Россійской Польши и Курляндіи; потомъ предполагалъ предусмотрительный Наполеонъ перевести на зиму побѣдоносныя свои войски въ теплый климатъ Молдавіи и Валахіи, а къ будущей веснѣ идти съ 700,000 войска въ Византію, освободить христіанъ отъ ига невѣрныхъ, просвѣтить послѣднихъ, ограбить обоихъ, а наконецъ принесть на жертву нѣсколько милліоновъ изъ оныхъ въ переходахъ по ужаснымъ песчанымъ пустынямъ Африки, завоевать богатыя страны Малой Азіи и уничтожить навсегда могущество и торговлю Англіи въ Остъ-Индіи.

Безпрерывное отступленіе Россіянъ, которое было слѣдствіемъ обширнаго и благоразумнаго плана, было истолковано во Французской арміи различными образами. Эмисары [2]), наемники Наполеона, разсѣянные въ столицахъ и провинціяхъ Россійскихъ, сообщали ему весьма благопріятныя и сообразныя его мыслямъ извѣстія. Нѣкоторые увѣряли его, что во всей Россіи царствуетъ великое негодованіе. „Дворянство (писали они), не имѣя болѣе довѣренности къ правительству и къ полководцамъ, командующимъ арміями, оставляетъ военную службу. Купеческое сословіе, обѣднявшее отъ прекращенія торговли, ропщетъ; а народъ, удрученный налогами, непрестанными рекрутскими наборами,

---

[1]) Выключая корпусы князя Шварценберга, маршаловъ Макдональда и Ожеро.

[2]) Они были большею частію иностранцы, въ разныхъ мѣстахъ Россіи поселившіеся и занимавшіеся непозволительными торгами, воспитаніемъ или, лучше сказать, развращеніемъ юношества и тому подобное. Изверги сіи, забывъ кому они были обязаны своимъ призрѣніемъ, благоденствіемъ и обогащеніемъ, въ надеждѣ большей корысти, слагали съ себя званіе благороднаго гражданина, для облеченія себя блистательнымъ титломъ шпіоновъ великаго Наполеона.

Библиотека "Руниверс"

жаждетъ вкусить спасительные плоды наказа величайшаго законодателя въ свѣтѣ". Другіе же утверждали, „что Украинскіе и Донскіе жители не могутъ дать для сей войны болѣе десяти тысячъ человѣкъ, поелику земли ихъ опустошены войнами, а особливо послѣднею противъ Турціи". Сіи басенки дѣлались извѣстными по цѣлой арміи и превращались въ устахъ Французскихъ генераловъ и офицеровъ въ достовѣрныя офиціальныя извѣстія. Воины Наполеоновы ничѣмъ болѣе не занимались, какъ знаменитымъ походомъ, который, полагали они, не подвергая себя кровопролитнымъ битвамъ съ Россіянами, скоро окончить и потомъ возвратиться въ свое отечество со славою и обремененные богатствами.

Разбитіе маршала Удино графомъ Витгенштейномъ при Себежѣ сдѣлало первое разстройство въ планѣ кампаніи Французовъ. Реляція сего сраженія была прикрыта разными лжами и прикрасами, сквозь которыя однакожъ являлась истина, хотя и сказано было въ приказахъ: „что тридцать тысячъ отборныхъ войскъ (élites) маршала Удино цѣлыхъ два дня упорно сражались противу восьмидесяти тысячъ Русскихъ, которые не успѣли причинить ни малѣйшаго вреда Французскому корпусу, въ правильной его ретирадѣ, хотя и пожертвовали сей разъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ лучшаго войска". Маршалъ Даву въ своемъ предпріятіи имѣлъ также не лучшій успѣхъ. Князь Багратіонъ, подъ Могилевымъ, сдѣлалъ ему сильный отпоръ, послѣ котораго совершилось генеральное соединеніе Россійскихъ корпусовъ [1]).

Послѣ сихъ важныхъ событій, уничтожившихъ главныя основанія плана сего похода, Наполеонъ принялъ всѣ мѣры для ускоренія взятія Смоленска, яко главной защиты Москвы. Онъ надѣялся найти въ ономъ изобильные магазины съѣстныхъ припасовъ, въ коихъ армія его терпѣла величайшій недостатокъ, особенно кавалерія. Она, по недостатку фуража, чувствительнымъ образомъ ежедневно ослабѣвала [2]). Всѣ

[1]) Въ сей день князь П. И. Багратіонъ послалъ предупредить маршала Мортье, что будетъ въ Россійскомъ лагерѣ пушечная пальба для празднованія извѣстія, полученнаго о заключеніи съ Турками мира.

[2]) Плѣнный Баварскій генералъ графъ Прейсингенъ, проѣзжавшій въ Генварѣ мѣсяцѣ чрезъ Москву, на вопросъ знатной особы, отъ чего такъ много умирало лошадей во Французской арміи, отвѣчалъ: „Не говоря о другихъ полкахъ, скажу вамъ о своемъ. У меня убивалось ежедневно по пяти, шести и семи лошадей для кормленія кирасиръ, кромѣ того и падало много отъ усилій по несоразмѣрности тяжестей, коими были нагружаемы; кормили же ихъ чѣмъ ни попадется: капустою, рожью, картофелемъ, всякими овощами и проч.". Неусмотрительность Наполеона или слѣпое упованіе его на скорый миръ были столь велики, что онъ, вступая въ наше отечество, не подумалъ запастись зимними подковами. Кавалерія его, на возвратномъ пути изъ Москвы, въ иныхъ мѣстахъ

Библиотека "Руниверс"

корпусы, выключая гвардію Императорскую, питались пареною рожью, а изрѣдка мясомъ. Таковое продовольствіе причинило тяжкія болѣзни; на всякомъ ночлегѣ корпусы оставляли въ бивуакахъ своихъ множество больныхъ безъ пищи и безъ всякой возможности облегчить участь ихъ и дать имъ пособіе, хотя въ деньгахъ у нихъ было большое изобиліе, и сіи новые Танталы, плавая по горло въ награбленномъ золотѣ и серебрѣ, умирали съ голоду. Войски громогласно роптали на свое положеніе; Наполеонъ старался утушить негодованіе сіе лестными приказами, давая имъ вразумѣвать, что взятіе Смоленска рѣшитъ судьбу столицы и положитъ конецъ войнѣ.

Россійскія войски соединились для защиты Смоленска. Наполеонъ приказалъ дѣлать разныя фальшивыя движенія своей арміи, дабы удалить Русскихъ отъ сей крѣпости и потомъ нечаянно ею овладѣть. Онъ устремилъ также большой корпусъ на Ельню, дабы тѣмъ ускорить занятіе Московской дороги. Русскіе однакожъ, тщательно наблюдая за всѣми движеніями войскъ Французскихъ, въ пору явились въ Смоленскъ. Сопротивленіе ихъ въ семъ городѣ стоило Наполеону 7/19 и 9/21 Іюля 22,000 человѣкъ. Дѣйствія Русской артиллеріи и мужественное сопротивленіе двухъ дивизій князя Багратіона противъ цѣлой непріятельской арміи заставили удивляться самыхъ опытнѣйшихъ офицеровъ Французскихъ. Не смотря на сіе, Русскіе должны были оставить Смоленскъ и стараться упредить Французовъ на дорогѣ, ведущей къ столицѣ. Императоръ Французскій, превышая 70,000 армію Россійскую, конечно могъ дѣлать подобныя движенія; онъ готовъ былъ жертвовать для взятія Смоленска 40,000 Поляковъ, 25,000 союзныхъ Нѣмцевъ и пять полковъ Французскихъ, составлявшихъ пятую часть означеннаго корпуса. Съ таковыми-то разчисленіями (то есть, полагая на каждаго Француза четыре иностранныхъ) Наполеонъ во всѣхъ войнахъ старался наносить жестокіе удары своимъ непріятелямъ.

Предмѣстье Смоленска было сожжено, да и въ самомъ городѣ многіе домы были частію сожжены, частію повреждены отъ гранатъ. Непріятельскія войски ворвались въ надеждѣ насытиться хлѣбомъ, котораго вкусъ они начинали уже забывать; но вмѣсто хлѣба найдены были пустые магазины, а въ партикулярныхъ домахъ, оставленныхъ хозяевами, не нашлось даже дневной провизіи.

съ трудомъ могла дѣйствовать. Вышереченный генералъ Баварскій увѣрялъ, что въ Смоленскѣ для подкованія своей верховой лошади на зимній ходъ заплатилъ онъ коновалу Императора Наполеона три луидора. По всѣмъ симъ подробностямъ, кои должны быть вѣроподобны въ устахъ генерала, называвшаго угнетателя своего отечества un grand génie militaire (великій геній военный), можно судить, съ какою страшною прогрессіею изчезала Французская кавалерія.

Библиотека "Руниверс"

Солдаты, голодомъ и пустою надеждою ожесточенные, причиняли всякія обиды малому числу жителей, оставшемуся въ городѣ по недостатку и по дряхлости лѣтъ. Отъ всякаго жителя, попадавшагося имъ на встрѣчу, они требовали хлѣба, потомъ бросились на грабежъ домовъ и церквей; но и отъ сего мало получили пользы. Наполеонъ вошелъ въ городъ съ частію своей гвардіи на другой день въ полдень, будучи извѣщенъ, что Русскіе въ Смоленскѣ ничего не оставили. Тутъ былъ онъ въ первый разъ приведенъ въ бѣшенство поступками Россійскаго народа, который началъ онъ узнавать во времени вступленія въ губернію Смоленскую; поелику жители оной, по мѣрѣ приближенія Французскихъ войскъ къ ихъ селеніямъ, покидали свои жилища, и большая часть изъ нихъ уходила въ лѣса, а другіе слѣдовали за арміею, со всѣми ихъ имуществами, семействами и скотоводствомъ, предавая пламени все то, что̀ могло быть полезнымъ непріятельской арміи. Козаки, замѣнявшіе корпусы Россійскіе, дѣлали тоже самое. Въ одномъ селеніи нѣсколько поселянъ были нечаянно захвачены Французскими фуражирами, кои, отнявъ часть скота, привели трехъ человѣкъ къ кавалерійскому генералу Грушѝ, стоявшему въ одной изъ деревень въ окрестностяхъ Смоленска. Онъ началъ ласкать ихъ и, приказавъ заплатить имъ за скотъ деньги, говорилъ имъ: „За чѣмъ бѣжите отъ Французовъ, которые вамъ никакого притѣсненіи не дѣлаютъ и даже съ вами не имѣютъ войны? Напротивъ того, Наполеонъ хочетъ даровать вамъ свободу“. Долго ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ ни слова; но по многимъ ласкамъ, оказаннымъ имъ ротмистромъ 9-го Польскаго уланскаго полку, престарѣлый изъ сихъ крестьянъ, мужикъ пьяный, но славящійся въ околоткѣ своимъ умомъ и смѣтливостью, ободрившись, отвѣчалъ генералу чрезъ того же переводчика: „Ваше превосходительство! Намъ сходнѣе оставаться въ нашихъ земляхъ, быть подданными Государя Императора и служить нашимъ господамъ. Они насъ не обижаютъ, въ плохіе годы кормятъ. Гдѣ намъ, батюшка, отстать отъ своего быту? А на волю вѣдь и господинъ отпуститъ, коли быть этому. Лошадей мы сроду не ѣдали, да и говорить-то съ вашею милостью не умѣемъ. У васъ, чаю, есть присяга; ну, и у насъ присягали всѣ Государю Александру Павловичу. Грѣшно намъ будетъ православнымъ отстать отъ вѣры нашей и Царя. Воля ваша, дѣлайте что̀ хотите, хоть убейте: Богъ приметъ души наши (перекрестясь), а мы вамъ братьями никогда не будемъ“. Вотъ какія понятія имѣетъ и какія чувства питаетъ въ душѣ своей простой народъ Русской! Изумленный Французскій генералъ и предстоящіе едва могли вѣрить переводчику и видѣли ясно, что имѣютъ дѣло съ народомъ, для котораго все, что̀ не Русское, несносно.

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ въ Смоленскѣ узналъ о всѣхъ подробностяхъ пребыванія Императора Александра въ своей древней столицѣ. Восторгъ, съ коимъ принятъ былъ народомъ своимъ Россійскій самодержецъ, пожертвованія, сдѣланныя всѣми сословіями, а особливо дворянствомъ для пріумноженія ополченій, имѣющихъ поддержать достоинство Царя и народа Россійскаго, терзали завистную душу Наполеона, который видѣлъ, что въ Москвѣ на яву оказалась Императору та покорность, непоколебимость, единодушіе, ревность и пламенная любовь, коими столь давно бредятъ обширные листы лживаго и подлаго Монитора. Посланія къ народу Московскому главнокомандующаго сею столицею были тщательно переводимы и доставляемы Наполеону [1]). Изъ оныхъ усмотрѣлъ онъ, какими прилагательными (épithètes) именами [2]) величали его и всю его шайку въ Москвѣ.

Нѣкоторые изъ маршаловъ Наполеоновыхъ были мнѣнія остановить военныя дѣйствія въ Смоленскѣ, ожидая подкрѣпленія и съѣстныхъ припасовъ, заготовлявшихся ва Польшѣ; усилить корпусъ Австрійской, дабы не допустить Дунайскую армію вступить въ Волынію, а между тѣмъ укрѣпиться съ главною арміею на Днѣпрѣ. Наполеонъ одинъ былъ противнаго мнѣнія съ самымъ малымъ числомъ льстецовъ, къ нему приставшихъ. Однакоже приближеніе Россійской арміи къ источнику всѣхъ ея пособій, пожертвованія, сдѣланныя въ Москвѣ, въ бытность тамъ Императора Александра, недостатокъ во Французской арміи хлѣба и всякаго продовольствія, безпокоя Наполеона, заставляли его вящше упорствовать въ принятомъ имъ твердомъ намѣреніи двинуть быстро всѣ силы, дабы не дать Россійской арміи времени воспользоваться безчисленными пособіями всякаго рода, коихъ Москва была средоточіемъ, и разстроить быстрыми и часто повторяющимися нападеніями всѣ мѣры, въ Россійской арміи принимаемыя, и навести уныніе въ древней столицѣ.

Среди воинскихъ занятій, Наполеонъ не оставлялъ прибѣгать къ обманамъ, кои у Французовъ слывутъ остроумными выдумками. Онъ писалъ къ Австрійцамъ прокламацію, въ коей воспѣвалъ свои побѣды; увѣрялъ ихъ, что ничего не можетъ противостоять его силамъ; что въ скоромъ времени онъ будетъ въ Москвѣ. и наконецъ помѣстилъ сіи

---

[1]) Всему свѣту (посредствомъ самыхъ Французскихъ газетъ) сдѣлалось извѣстно, съ какою гнусною и непристойною злобою Наполеонъ изливалъ желчь свою на главнокомандующаго въ Москвѣ, употребляя наименованія, кои токмо приличны были герою 13-го Вандиміера.

[2]) Сіи имена въ Москвѣ сдѣлались существительными, а въ сердцахъ Россійскаго народа пребудутъ навѣки существующими.

Библиотека "Руниверс"

слова: „Русскіе, наполняя баснями свои обнародованія, хотятъ увѣрить, что Австрійцы всѣми мѣрами уклоняются отъ сраженія съ ними“; а въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же Австрійцовъ чернитъ, упрекая имъ, что не умѣли защищать своей столицы.

Такимъ образомъ Наполеонъ, играя страстями человѣческими и подстрекая самолюбіе народовъ, ябедами своими замѣнилъ подкрѣпленія, коихъ Австрійцы отъ него настоятельно требовали.

Чѣмъ болѣе Россійская армія приближалась къ Москвѣ, тѣмъ болѣе Французы обрѣтали опытовъ твердости духа и непоколебимости Русскихъ; и хотя Наполеонъ давалъ отступленію ихъ совсѣмъ противный видъ, толкуя оное по своему (особенно, когда Русскіе уклонились отъ генеральнаго сраженія при Дорогобужѣ), однакоже Французы явно видѣли, что страхъ Русскимъ вовсе неизвѣстенъ; что совсѣмъ другое чувство обладало ихъ душами и было ихъ путеводителемъ. Фуражиры, разсыланные большими партіями, съ величайшимъ трудомъ могли находить продовольствіе, котораго едва было достаточно для гвардіи Наполеоновой. Они часто испытывали, что не только крестьяне, но даже и самыя женщины вооружались противу нихъ. Въ Вязьмѣ и Гжати они не нашли ничего, кромѣ малаго количества горячаго вина. Опоясь онымъ, Французы забыли на малое время ужасное свое положеніе.

Россійская армія по приближеніи своемъ къ Колоцкому монастырю заняла выгодную позицію при Бородинѣ. Неаполитанскому королю препоручено было со всею кавалеріею напирать на Россійскую армію, дабы не дать времени ей укрѣпиться; но сіе не такъ легко было выполнить, ибо авангардъ Россійскій отличнымъ образомъ дѣйствовалъ и каждый шагъ земли покупался Французами потоками крови. Наполеонъ рѣшился 24 Авг. (5 Сентября) съ корпусомъ кирасиръ и отборныхъ войскъ атаковать лѣвое крыло Русскихъ, которое по причинѣ низкаго мѣстоположенія казалось слабѣйшимъ; но сіе рекогносцированіе, стоившее ему потери 4 пушекъ и нѣсколькихъ тысячъ отборнаго войска, дало ему мѣру жертвъ, кои необходимо принесены быть должны, чтобъ сдвинуть Русскихъ съ ихъ позиціи. Поискъ 24 числа привелъ его въ робость. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ фальшивымъ движеніямъ, дабы обойти лѣвый флангъ Россійской арміи; но разставленные въ 15 верстахъ корпусы легкой кавалеріи и разъѣзды козаковъ содѣлали безуспѣшнымъ предпріятіе, для исполненія коего назначенъ былъ Неополитанскій король, командовавшій всею кавалеріею.

Двадцать пятаго числа по утру привели къ маршалу Даву нѣсколько поселянъ, захваченныхъ разъѣздами Французскими. Ихъ тотчасъ упо-

Библиотека "Руниверс"

требили проводниками по великому въ оныхъ недостатку *). Къ нещастію поселянъ Мюратъ встрѣченъ былъ на пути своемъ Русскими. Проводники осуждены тотчасъ къ смертной казни; ни явныя доказательства, ни клятвы ихъ, не могли увѣрить Французовъ, что у нихъ не было никакого злаго намѣренія, и что вовсе не имѣя сношеній ни съ кѣмъ въ лѣсу, гдѣ укрывались, не знали о разставленной по тѣмъ дорогамъ Россійской конницѣ. Тронутый наконецъ слезами ихъ адъютантъ маршала Даву приводитъ ихъ къ самому генералу. Даву, не говоря ни о пощадѣ, ни о наказаніи, хотѣлъ знать прежде всего причину, побуждающую всѣхъ крестьянъ вообще не повиноваться Французамъ и укрываться отъ нихъ въ лѣса, оставляя на жертву свои селенія, избы и поля. Мужики, обробѣвъ, молчали; но товарищъ ихъ несчастія, о коемъ выше упоминается, отвѣчалъ чрезъ переводчика, принимая конечно Даву за Императора: „Ваше Величество! Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала извѣстна свѣту, мы никогда не признавали другихъ царей, кромѣ своихъ православныхъ, и наша Русская вѣра обязываетъ насъ хранить вѣрность и присягу къ законному Государю до послѣдней капли крови. Поэтому мы и не можемъ повиноваться власти вашей. Конечно мы прогнѣвали Бога. Онъ послалъ намъ такое наказаніе за грѣхи наши; но увидя нашу вѣрность къ Царю, Владыко!“... Всякой другой полководецъ наградилъ бы человѣка, столь преданнаго своему Государю и Отечеству; но Даву, обязанный возвышеніемъ своимъ ужасамъ революціи, присягавшій попеременно королю, Конвенту, Директоріи, Республикѣ, консулу и Императору, Даву, непримиримый врагъ Россіи и Россіянъ, могъ ли безъ досады слушать возраженіе, въ коемъ всякое слово было для него упрекъ? Онъ не даетъ вѣрному сыну Россіи и договорить и, не смотря на неодобрительное молчаніе всѣхъ предстоявшихъ, не уваживъ заступленія начальника своего штаба, генерала Ромене. онъ со свирѣпостью кричитъ: „qu'on fusille cet homme, c'est un espion fanatique et dangereux!“ (Разстрѣляйте сего человѣка, онъ опасный фанатикъ и шпіонъ!) Жестокій сей и несправедливый приговоръ былъ тотчасъ выполненъ. Прочихъ же изумленныхъ крестьянъ, ожидавшихъ равной участи, заставили таскать пушки вмѣсто слабыхъ лошадей, бывшихъ подъ артиллеріею.

Наполеонъ увидѣлъ себя принужденнымъ атаковать Россійскую армію, которая въ сей укрѣпленной и довольно растянутой позиціи могла занимать всѣ его силы.

---

*) Между ними былъ одинъ человѣкъ лѣтъ съ 50 въ темнозеленомъ сертукѣ, коего и званіе и имя къ сожалѣнію неизвѣстны; но всякій Русскій возлагаетъ памяти его должное почтеніе и признательность благороднымъ его чувствамъ.

Библиотека "Руниверс"

Настало 26-ое число Августа, тотъ страшный день, въ который должна была рѣшиться участь Европы, а можетъ быть и цѣлаго свѣта. Наполеонъ истощалъ всѣ употребляемые имъ въ сихъ случаяхъ лукавые способы для ободренія и очарованія войска своего. При восхожденіи солнца онъ воскликнулъ громогласно: „C'est le soleil d'Austerlitz!“ (это Аустерлицкое солнце). Рабы его отвѣчали всѣ: Nous en acceptons l'augure, Sire! (Пріемлемъ предвѣщаніе Вашего Величества[1]). За часъ до сего былъ разосланъ по всѣмъ корпусамъ приказъ слѣдующаго содержанія: „Солдаты! День, толико вами желанный, насталъ. Непріятель, который до сихъ поръ бѣгствомъ уклонялся отъ сраженія, наконецъ остановился и ожидаетъ боя. Помните, что вы солдаты Французскіе. Побѣда въ семъ сраженіи откроетъ вамъ врата древней столицы Россійской и доставитъ вамъ спокойствіе, славу, изобиліе и хорошія зимнія квартиры. Непріятель спасеніе свое купитъ скорымъ токмо миромъ, который буденъ славенъ для насъ и для вѣрныхъ нашихъ союзниковъ“.

Наполеонъ Бонапартъ былъ въ столь сильномъ волненіи, что цѣлую ночь не спалъ. Еще свѣтъ боролся со тьмою, а онъ былъ уже на конѣ. Подъѣзжая съ Дюрокомъ къ рядамъ гвардіи, которая была уже подъ ружьемъ, онъ вдругъ остановился, услыша вдали пушечную пальбу, содѣлавшуюся скоро непрерывающеюся. Подъѣхавъ къ гвардейскимъ конно-егерямъ, онъ снялъ шляпу и произнесъ сіи незабвенныя и богомерзскія слова: „Россійскій Императоръ молитъ Бога даровать ему побѣду, а я васъ, солдаты, молю[2]). Помните, что вы Французы!“

Привѣтствіе безбожнаго Бонапарта было повторено во всѣхъ рядахъ гвардейскихъ маршалами Лефебромъ, Монсеемъ и Мортье. Солдаты слушали оное съ свойственнымъ Французамъ чванствомъ. По содержанію приказа Наполеона и по вышеупомянутымъ словамъ, имъ изустно произнесеннымъ, видно ясно, что онъ все свое упованіе возлагалъ на храбрость солдатъ, не ожидая ничего ни отъ своего воинскаго искусства, ни отъ обыкновенныхъ пронырствъ, посредствомъ коихъ удавалось ему всегда всѣ свои предпріятія увѣнчать блистательными успѣхами.

Описаніе Бородинскаго сраженія будетъ всегда несовершеннымъ, какая бы кисть или перо ни предприняли начертать оное. Естьли бы

---

[1]) Въ то самое время, какъ сія по видимому приготовленная на досугѣ фарса происходила во Французскомъ лагерѣ, никѣмъ не подпущенный орелъ паритъ надъ главою вождя Россійскихъ войскъ, и всѣ восклицаютъ: ура!

[2]) Послѣ сихъ словъ можно ли усумниться, что произнесшій ихъ есть тотъ самый Аполіонъ (губитель всего), о коемъ упоминается въ 9-й главѣ 11-мъ стихѣ Апокалипсиса?

Библиотека "Руниверс"

на сей битвѣ находился Гомеръ, Тассъ или Боргиніони*), то бы они не нашли безопаснаго мѣста, откуда могли бы дѣлать свои наблюденія и обозрѣвать всѣ страшныя картины сего кровопролитнѣйшаго сраженія: тутъ не было мѣста ни для любопытныхъ, ни для историковъ, ни для живописцевъ. Мы скажемъ только, что 180,000 человѣкъ, пріобыкшихъ къ войнѣ, выросшихъ въ оной, цѣлыя двадцать лѣтъ военнымъ ремесломъ, такъ сказать, существовавшихъ, покорившихъ четырнадцать государствъ, нанесшихъ страхъ во всѣхъ концахъ Европы, подъ предводительствомъ щастливѣйшаго и дерзостнѣйшаго изъ полководцевъ, должны были оспаривать побѣду у 120,000 истинныхъ христіанъ, сражавшихся за Вѣру, Отечество и Царя. Ободряемые примѣромъ храбрыхъ офицеровъ, между коими были дѣти или родственники знаменитѣйшихъ Россійскихъ бояръ, воины Александра Перваго поражаются мыслію, что за спинами ихъ Москва—мать Россіи, древняя столица, хранилище святыхъ мощей и священныхъ праховъ Россійскихъ царей. Всѣ пылаютъ однимъ чувствомъ, всѣ, всѣ клянутся пасть, но не пережить порабощенія любезнаго Отечества.

Въ продолженіи одиннадцати съ половиною часовъ огнь и мечь, дѣйствуя попеременно, истребили 75,000 человѣкъ и болѣе 35,000 лошадей. Ядры, картечи, пули, ружья, копья, сабли, штыки, все въ сей день стремилось къ истребленію и сокрушенію человѣчества. Чугунъ и желѣзо, сіи металлы, самое время переживающіе, оказывались недостаточными служить дальнѣйшему мщенію людей. Раскаленныя пушки не могли уже выдерживать дѣйствія пороха и, съ ужаснымъ трескомъ лопаясь, предавали смерти заряжавшихъ ихъ артиллеристовъ. Смерть летала по всѣмъ рядамъ и наконецъ, приходя сама въ безсиліе, паче ожесточалась надъ оставшимися жертвами. Цѣлыя батареи переходили по нѣскольку разъ изъ однихъ рукъ въ другія. Земля изчезла; она вся покрыта была окровавленными трупами и борющимися со смертію ранеными. Обѣ арміи мстятъ за тѣхъ, коихъ попираютъ ногами. Чрезмѣрный жаръ отнималъ послѣднія силы; казалось, что вся сія полоса Россіи превращена волшебнымъ какимъ-то дѣйствіемъ въ адскую обитель. Пальба, звукъ, радостныя восклицанія побѣдителей, часто повторяемыя ура! стенаніе раненыхъ, вопли умирающихъ, ржаніе коней, крики командованія и отчаянія, на девяти разныхъ Европейскихъ языкахъ произносимые: все сіе, смѣшиваясь, придавало ужасной сей картинѣ дѣйствіе, которое никакое перо изобразить не въ силахъ. Дымъ огнестрѣльныхъ орудій, смѣшавшись съ парами крови человѣческой, составилъ вмѣстѣ облако, помрачившее самое солнце, и

*) ? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

благодатная токмо ночь, ускоривъ въ сей день темноту, положила сей сѣчѣ конецъ въ то самое время, какъ побѣда прикрывала щитомъ своимъ знамена Александра Перваго.

Наполеонъ, лишась 50,000 войска, отступилъ; а Русскіе удержали поле сраженія, превратившееся въ пространное кладбище. Можно поздравить съ побѣдою сею не токмо знаменитое Россійское воинство, но и весь человѣческій родъ. На Бородинскомъ полѣ погребены дерзость, мнимая непобѣдимость, гордость и могущество избалованнаго щастливца. Естьли бы Россійская армія равныя съ непріятелемъ имѣла силы, то конечно не осталось бы кому привезти во Францію извѣстіе о судьбѣ, постигшей ея повелителя и армію его; но, будучи несравненно малочисленнѣе, ослаблена потерею главнѣйшихъ своихъ вождей и не въ состояніи защитить съ оставшимися силами столь разтянутую позицію, Россійская армія на другой же день сраженія принуждена была оставить Бородино и принять направленіе къ столицѣ. Наполеонъ, съ изувѣченнымъ остаткомъ арміи своей, занялъ оставленное Русскими поле сраженія и съ свойственною ему наглостію, какъ и въ Прейсишъ-Эйлау, воспѣлъ побѣду, при вопляхъ 25,000 раненыхъ своихъ воиновъ, всуе просившихъ пищи и помощи. Онъ бросилъ ихъ всѣхъ безъ всякаго призрѣнія. Вопли ихъ болѣе возбуждали въ немъ досаду, нежели сожалѣніе. Казалось, что онъ негодовалъ на сіи нещастныя жертвы его властолюбія за то, что не было у нихъ болѣе крови для пролитія и довершенія безумныхъ и несбыточныхъ его намѣреній [1]).

Обѣ арміи послѣ сего безпримѣрнаго сраженія были разстроены; но Россійская находилась въ нѣдрахъ всѣхъ своихъ пособій, а Французская, никогда еще не отвлеченная столь далеко отъ своихъ предѣловъ, была окружаема народомъ, во всѣхъ отношеніяхъ единственнымъ, религіею, языкомъ, обычаями и нравственностью; народомъ, коему ни Наполеонъ, ни его невидимая армія Иллюминатовъ [2]) не могли внушить

---

[1]) Извѣстно всѣмъ, что Наполеонъ въ Египтѣ отравилъ 3500 раненыхъ больныхъ Французовъ, кои не были въ состояніи владѣть оружіемъ. Въ Бородинѣ многіе изъ состраданія другъ друга убивали; другіе же, тащась съ трудомъ за арміею, падали безъ силъ на дорогѣ или достигали Москвы для того только, чтобы обрѣсти смерть тамъ, гдѣ обѣщаны деспотомъ изобиліе, спокойствіе и миръ.

[2]) Сіи сострадатели и улучшатели рода человѣческаго, давъ себѣ наименованіе Космополитовъ (всемірныхъ гражданъ), не имѣютъ ни вѣры, ни отечества, ни родства, и не признаютъ никакой законной власти. Цѣль ихъ учредить всемірное равенство, смѣшивая короны, богатство и все вообще, дабы тогда посредствомъ ума и знаній своихъ управлять вселенною по начертанному плану. Такого рода люди не могутъ не почитать Наполеона идоломъ своимъ. Сія развратная зараза, возникшая въ Германіи, погубила всю ея нравственность. Оттуда иллюминатство переселилось во Францію, гдѣ, принявъ имя якобинства, произвело кровопролитія, ужасы и безбожія, толико всѣмъ извѣстныя,

Библиотека "Руниверс"

коварныхъ и пагубныхъ ученій; Французы были изступлены Россійскою ненавистью, которую они испытывали на каждомъ шагу и, находясь среди изобильнѣйшей страны вселенной и между народомъ, славящимся гостепріимствомъ, они доведены были до величайшаго изнуренія отъ голода и отъ всякаго рода недостатковъ. Французы не находили нигдѣ ни пищи, ни крова.

Наполеонъ слѣдуетъ за отступающею къ столицѣ арміею Россійскою. Движенія ея, доказывавшія, что послѣдствія Бородинскаго сраженія могли быть рѣшительны токмо для Франціи, а отнюдь не для Россіи, заставляли Французскаго полководца твердо полагать, что въ виду Москвы между остатками обѣихъ армій будетъ послѣдній бой; что въ немъ рѣшится судьба цѣлаго свѣта. Наполеонъ полагалъ суевѣріе главною пружиною храбрости Русскихъ, и знаменитые подвиги, коими они избавились въ 1612 г. отъ ига Поляковъ, заставляли его основываться болѣе на томъ мнѣніи, что вождь Россійскихъ силъ, пользуясь предразсудками своей націи, намѣревался дать ему сраженіе въ виду Московскихъ колокольней и золотыхъ верховъ святыхъ храмовъ. вмѣщающихъ въ себѣ чудотворныя иконы и мощи, Россійскимъ народомъ толико почитаемыя. Многіе увѣряютъ, что Коленкуръ и Лористонъ, бывшіе оба послами при Дворѣ Императора Александра и которые мечтали знать всѣ средства къ порабощенію Россіи, служили Наполеону наставниками въ сію войну*). Они его увѣряли, что паденіе Москвы положитъ конецъ войнѣ и увѣнчаетъ его виды; что Россійскій народъ, преданный столицѣ, а не Россіи, преклонитъ свою выю, и все падетъ предъ его стопами. Москва, увѣряли они, доставитъ продовольствіе на цѣлый годъ; Москва одѣнетъ армію, возстановитъ всю кавалерію, а въ церквахъ найдется столько серебра, что съ избыткомъ замѣнятся всѣ издержки, понесенныя Франціею и союзниками ея въ сію войну.

Превышая 50,000 армію Россійскую, онъ посылаетъ два корпуса, одинъ на Звенигородскую, а другой на Боровскую дороги, дабы зайти

и кои будутъ служить вѣчнымъ пятномъ для Французовъ. Кажется, что именно Русскимъ, называемымъ многими непросвѣщенными варварами, предоставлено Всевышнимъ Промысломъ истребить заразу съ главными заразителями и водворить нравственное здравіе обще съ независимостью во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ Наполеонъ и иллюминаты начинали вкореняться.

*) Ежели и позволено вѣрить, что есть случаи, въ коихъ Наполеонъ прибѣгаетъ къ чужимъ совѣтамъ, то этотъ разъ слѣдовалъ онъ пагубнымъ внушеніямъ. Впрочемъ ни Коленкуръ, ни Лористонъ совѣта хорошаго дать не могли. Они жили на берегахъ Финскаго залива между чужестранными, въ маломъ кругу Русскихъ. Кто не жилъ въ древней столицѣ, тотъ понятія объ ней имѣть не можетъ: а кто не знаетъ Москвы, тому свойственно ошибаться на счетъ Россіи и Русскихъ.

Библиотека "Руниверс"

во фланги Русскихъ, и съ разныхъ сторонъ устрашить столицу. На разсвѣтѣ 2-го Сентября приказалъ онъ всей арміи двинуться со всѣхъ мѣстъ къ Москвѣ. Начальствующій Россійскимъ арріергардомъ генералъ Милорадовичъ извѣщаетъ генерала Себастіани, командовавшаго авангардомъ Французскимъ, что столица уступается непріятелю безъ боя и настоитъ, чтобы не сдѣлано было никакого насилія Россійскому вагенбургу, выступающему изъ города, дабы соединиться съ арміею [1]). Себастіани даетъ сіе радостное извѣстіе Наполеону, который повелѣваетъ ему по вступленіи въ городъ съ тремя полками драгунъ и двумя улановъ внушить градоначальнику выти къ нему на встрѣчу съ депутаціею дворянства, духовенства и со всѣми мѣстными начальствами (autorités); а между тѣмъ приказываетъ своей гвардіи одѣться въ большомъ парадѣ, собираетъ всѣхъ князей, маршаловъ и знатныхъ чиновниковъ въ ожиданіи сей знаменитой встрѣчи.

Себастіани, пробывъ нѣсколько времени на Поклонной горѣ въ ожиданіи оной, вступаетъ потомъ съ конницею въ Дорогомиловскую заставу въ 4 часа по полудни и, проскакавъ довольное пространство, весьма былъ удивленъ, не встрѣчая никого. Наконецъ у Арбатскихъ вороть находитъ двухъ иностранцовъ, останавливаетъ ихъ и беретъ проводниками: спрашиваетъ: гдѣ городъ, гдѣ жители? Отъ нихъ узнаетъ онъ, что въ столицѣ, кромѣ нѣкотораго числа черни, никого не осталось. На всякомъ шагу удивленіе Французовъ увеличивается, видя Москву, составленную изъ нѣсколькихъ городовъ, деревень, рощъ, полей, рѣкъ, озеръ, имѣющую въ окружности болѣе 7 миль Нѣмецкихъ и оставленную правительствомъ и гражданами на произволъ непріятелю [2]).

Народъ, невѣдавшій объ уступленіи города и отъ котораго были скрыты мѣры, предпринимаемыя вождемъ Россійскихъ войскъ къ истребленію Наполеоновой арміи и къ спасенію цѣлой Имперіи и который предъ симъ былъ приготовленъ отразить Французовъ у самыхъ стѣнъ градскихъ; вѣрный народъ при видѣ приближающагося во внутрь города непріятеля, кипя еще духомъ, внушеннымъ ему посланіями главнокомандующаго въ Москвѣ, бросается въ арсеналъ. Купцы, лавочники и прочіе граждане берутъ оставшееся тамъ въ маломъ количествѣ оружіе; человѣкъ пять соть вооружаются, занимаютъ Никольскіе ворота и всѣ пути, ведущіе къ соборамъ и чертогамъ царскимъ.

[1]) Французы вступали въ Кремль, а Россійскій арріергардъ по берегу Москвы-рѣки мимо Воспитательнаго Дома пробирался къ Рогожской заставѣ. Французы нарушеніемъ требованія Россійскаго генерала конечно боялись ожесточить противъ себя всѣхъ Московскихъ жителей.

[2]) Не въ такомъ видѣ являлись Французамъ Вѣна и Берлинъ.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ войски Французскія вступаютъ въ городъ чрезъ Дорогомиловскую, Тверскую, Прѣсненскую и Калужскую заставы, не находя нигдѣ сопротивленія. Король Неаполитанскій вступаетъ въ городъ малое время спустя послѣ Себастіани, съ отборными своими гусарами. Избалованный торжественными встрѣчами во всѣхъ столицахъ Германіи и Италіи, воображалъ онъ найти также и въ Москвѣ толпу черни, подкупленную приверженцами Наполеона. Онъ ожидалъ шумныя и радостныя восклицанія, ожидалъ видѣть у оконъ домовъ разряженныхъ дамъ, тѣснящихся взглянуть на новаго Баярда; но вмѣсто всего этого наѣхалъ на хромоногаго слесаря и на двухъ пивоваровъ. Они одни и первые встрѣтили его Неаполитанское величество въ столицѣ Россійской Имперіи.

У Тверскихъ воротъ одна часть кавалеріи отправляется въ лѣво по валу къ Срѣтенскимъ воротамъ, а съ другою Мюратъ идетъ прямо къ Кремлю. Едва въѣзжаетъ онъ въ Кремль, какъ дѣлается по немъ выстрѣлъ неизвѣстно откуда и кѣмъ; въ тоже мгновеніе ратникъ Московскаго ополченія бросается на Польскаго полковника, котораго по богатому его мундиру почелъ конечно за Мюрата, а можетъ быть и за самаго Бонапарте, сталкиваетъ его съ ногъ, и прежде, нежели могли ему въ томъ воспрепятствовать, пронзаетъ его своею пикою. Сей новый Курцій, коего имя къ сожалѣнію неизвѣстно, палъ скоро послѣ того подъ ударами Французовъ, сопровождавшихъ Мюрата.

Потомъ Французы продолжали шествіе свое къ арсеналу, въ коемъ мнили найти такое же во всемъ изобиліе, какъ и въ Вѣнѣ. Московскій арсеналъ былъ дѣйствительно наполненъ; но чѣмъ? мѣщанами и народомъ, встрѣтившими наступающаго непріятеля ружейными выстрѣлами. По приказанію Мюрата поставлена пушка, посредствомъ которой токмо разогнана была толпа народная. Одинъ крестьянинъ кинулся на офицера, командовавшаго при пушкѣ, раздробилъ ему прикладомъ черепъ и началъ рвать зубами мертвое тѣло.

По всей Москвѣ посылаются разъѣзды, кои принуждаютъ народъ входить въ свои жилища. Многіе отряды Французскіе, утомленные походомъ и изнуренные голодомъ, падаютъ посреди площадей и улицъ и требуютъ пищи. Другіе стучатъ у воротъ, и именемъ Бога просятъ хлѣба и квартиры. Офицеры, одни верхами, другіе пѣшіе, останавливаютъ всѣхъ встрѣчающихся съ ними и спрашиваютъ: гдѣ начальство? гдѣ губернаторъ? гдѣ комендантъ? гдѣ магистратъ? (municipalité). Но никто ихъ не понималъ, и они, блуждая по обширнымъ и безчисленнымъ Московскимъ улицамъ, падали отъ усталости, голода и изнеможенія. Нельзя описать смятенія, въ коемъ были Французы, не находя

Библиотека "Руниверс"

по обыкновенію своему ни бургомистровъ, ни другихъ чиновниковъ градскихъ, отъ коихъ они ожидали назначенія квартиръ и выдачи продовольствія. Многіе изъ нихъ, встрѣчая того же вечера козаковъ въ самомъ еще городѣ, падали передъ ними на колѣни, требуя не пощады, но хлѣба и мира.

Наполеонъ оставался за городомъ, ожидая увѣдомленія о занятіи Москвы. Извѣстія, полученныя имъ отъ Мюрата и Себастіани, его устрашили. Онъ опасался вступить въ городъ, не взявъ напередъ всѣхъ предосторожностей, какія обыкновенно онъ принимаетъ при въѣздѣ не токмо въ чужестранные, но и во Французскіе города.

До полуночи еще назначены были партіи съ разныхъ корпусовъ для поиску съѣстныхъ припасовъ, и грабежъ начался съ того времени въ хлѣбныхъ рынкахъ, погребахъ и рядахъ. Русской народъ, не привыкшій къ подобнымъ насиліямъ, дѣлалъ Французамъ сопротивленіе, и многіе купцы и сидѣльцы содѣлывались жертвою лютости сихъ разбойниковъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, куда пагубная саранча по обширности Москвы не успѣла въ сію ночь забраться, чернь, смѣшавшись съ ранеными солдатами Россійскими, оставшимися въ столицѣ, истребляла все Ренское вино, пиво и водку. Всѣ напитки вообще были выпущены и пролиты, а съѣстные припасы брошены на улицу, топтаны ногами, закиданы грязью и землею.

Въ Кремлѣ между тѣмъ дѣлались всѣ пріуготовленія и принимаемы были предосторожности для безопаснаго въѣзда всемірнаго обладателя. Весь народъ изъ онаго до послѣдняго Русскаго былъ выгнанъ. Нѣкоторые бродяги изъ Французовъ, проживавшіе съ давняго времени въ Москвѣ, увѣрили придворныхъ чиновниковъ Наполеона, что правительство не успѣло вывезти большой части царскихъ сокровищъ и что они зарыты въ разныхъ частяхъ города. Французы осмотрѣли всѣ чертоги и палаты и, не находя ничего, распрашивали сторожей, коихъ нѣсколько оставалось при своихъ мѣстахъ. Сіи несчастные *) были замучены побоями и сажаемы скованные въ яму за то, что не хотѣли показать, гдѣ зарыты мнимыя сокровища. Не ужели упущено бы было отправленіе всѣхъ драгоцѣнностей, въ Кремлѣ бывшихъ? Сіи первѣйшія предосторожности были еще взяты со времени занятія непріятелемъ Вязьмы. Надобно быть Французами, чтобы вѣрить подобнымъ нелѣпостямъ, и Французами, чтобы поступать по онымъ такъ безчеловѣчно.

*) Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали изъ Москвы и явились въ Нижній-Новгородъ къ члену Оружейной Палаты Ивану Петровичу Поливанову.

Библиотека "Руниверс"

Цѣлую ночь въ Москвѣ происходило волненіе. Войски входили въ разныя заставы безъ колоновожатыхъ и квартирмистровъ. Генералы оставляли команды свои и выбирали себѣ сами квартиры. Цѣлые полки самопроизвольно занимали нѣсколько домовъ сряду, а другіе оставались на улицѣ. Многіе жители, а особливо женщины съ семействами и съ малолѣтними дѣтьми, выбирались изъ города, и Французскіе солдаты останавливали ихъ и отбирали хлѣбъ, ибо чернь не допускала ихъ отнимать лошадей и пожитки. При захожденіи солнца весь Китай-городъ былъ покрытъ густымъ дымомъ. Пожаръ начался въ москательномъ ряду. Это былъ для Французскихъ войскъ сигналъ пуститься на грабежъ цѣлаго города.

Наполеонъ, тщетно ожидавшій за городомъ депутатовъ съ ключами Московскими, рѣшился наконецъ ѣхать самъ ихъ взять. Онъ въѣхалъ *) въ городъ во Вторникъ 3-го числа въ половинѣ одиннадцатаго часа утра въ Дорогомиловскую заставу. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Первыя и единственныя лица, которыя видѣлъ на большой сей улицѣ Наполеонъ, были у окна Арбатской аптеки: содержатель оной съ своей семьею и раненый Французскій генералъ, наканунѣ къ нимъ поставленный постоемъ. Подъѣхавъ ближе, Наполеонъ посмотрѣлъ на нихъ вверхъ весьма злобно, окинулъ быстро глазами весь домъ и, взглянувъ опять на бывшихъ у окна, продолжалъ путь. Онъ сидѣлъ на маленькой Арабской лошади, въ сѣромъ сертукѣ, въ простой трехугольной шляпѣ безъ всякаго знака отличія. Въ разстояніи ста сажень ѣхали передъ нимъ два эскадрона конной гвардіи. Свита маршаловъ и другихъ чиновниковъ, окружавшихъ Наполеона, была весьма многочисленна. Пестрота мундировъ, богатство оныхъ, орденскія ленты различныхъ цвѣтовъ: все сіе дѣлало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще разительнѣйшею. Такимъ образомъ побѣдитель Москвы доѣхалъ до Боровицкихъ воротъ, не увидя ни единаго почти жителя. Негодованіе написано было на всѣхъ чертахъ Наполеонова лица. Онъ не бралъ даже на себя трудъ скрывать то, что происходило въ душѣ его; однакоже, сходя съ лошади и посмотря на Кремлевскія стѣны, онъ сказалъ съ насмѣшкою: Voilà de fières murailles! (какія страшныя стѣны!). Удивительно, что онъ пренебрегъ обыкновенную свою комедію и что не приказалъ поднести себѣ Московскіе ключи, кѣмъ бы то ни было, для провозглашенія потомъ пышно церемоніи сей въ Монитёрѣ; но онъ также торжественно и великолѣпно встрѣченъ былъ, какъ и Мюратъ и Себастіани. Оже-

*) Иные увѣряютъ, что онъ былъ еще инкогнито съ вечера въ Москвѣ, но возвратился и ночевалъ у Дорогомиловской заставы.

Библиотека "Руниверс"

сточенный до крайности, видя ненависть и пренебреженіе, оказываемое ему правительствомъ и народомъ Россійскимъ, рѣшившимся лучше уступить древнюю свою столицу его ненасытному честолюбію и алчности его ордъ, нежели преклонить предъ нимъ выю, Наполеонъ повелѣваетъ, чтобы во всѣхъ полкахъ, по очереди къ грабежу назначенныхъ, употреблять отборныхъ солдатъ, вмѣстѣ съ офицерами для доставленія въ Кремль съѣстныхъ припасовъ всякаго рода, и чтобы Русскихъ обоего пола, не разбирая ни состоянія, ни лѣтъ, употреблять для сего вмѣсто лошадей. Въ церквахъ, болѣе изобилующихъ богатствомъ, приставить велѣно было для караула жандармъ, которые долженствовали пускать однихъ только членовъ святотатственной коммисіи, установленной по повелѣнію его, подъ вѣдѣніемъ генералъ-интенданта и другихъ членовъ.

Наполеонъ, окруженный своими сообщниками въ Кремлѣ, взираетъ равнодушно на огнь, истребляющій мгновенно многія части города. Вездѣ Французы кричатъ: „c'est Rastopczin qui brûle Moscou, et pas nous“. (Это Растопчинъ жжетъ Москву, а не мы). Вездѣ изрыгались на него тьмы ругательствъ *).

*) Пламя, коимъ графъ Растопчинъ возжегъ сердца народа Россійскаго противъ сего злодѣя, было причиною таковаго его остервененія. Отъ Наполеона не были скрыты, какъ выше было сказано, всѣ посланія главнокомандующаго въ Москвѣ къ народу, и которыя сдѣлали впечатлѣнія во всей Россійской Имперіи. Простой, но убѣдительный ихъ слогъ успокоивалъ всѣхъ жителей. Совершенная тишина и безопасность господствовали до 2-го числа. Ежели бы въ сіе время въ Москвѣ показалась малѣйшая наклонность къ безпорядкамъ или неповиновенію, ежели бы опасныя для правительства особы не были изъ оной заблаговременно высланы; ежели бы довѣріе къ правительству не было неограничено: нельзя исчислить послѣдствій, кои произойти могли бы отъ отчаянія всѣхъ жителей при видѣ приближающагося непріятеля. Глаза всѣхъ губерній обращены были на Москву. Покорность и вѣрность къ Престолу ея жителей послужили образцами для всѣхъ губерній. Все сіе не было сходственно ни съ желаніями, ни съ ожиданіями Наполеона. Онъ по большой привычкѣ долженъ быть уже равнодушенъ къ чувствамъ ненависти, питаемымъ къ нему всѣми вообще; но онъ показалъ къ графу Растопчину злобу и мщеніе, до сего еще никогда не виданныя. Ни Питтъ, ни Сидней-Смитъ, ни Романа, ни Драке, ни Стейнъ, ни одинъ вообще изъ всѣхъ тѣхъ министровъ или генераловъ, кои, дѣйствуя къ гибели Бонапарта, содѣлались ему ненавистными, не навели на себя до такой степени бѣшенство его, какъ графъ Растопчинъ. Всѣ прочіе вселяли ненависть къ Наполеону; но Московскій градоначальникъ избралъ новую дорогу—онъ первый осмѣлился внушать совершенное презрѣніе къ славному Французскому атаману, къ его полчищамъ и къ Французамъ вообще. Графъ Растопчинъ утверждалъ (и Русскіе мужики то показали на опытѣ), что подмосковный крестьянинъ съ вилою-тройчаткою въ рукахъ гораздо страшнѣе Француза съ заряженною пушкою. Наполеону нужны Коленкуры, маркизы Галло, Лукезини, Шиммепенинги и подобные имъ предатели, измѣнившіе отечеству и государямъ въ пользу сего кровопійцы. Такого рода люди токмо достойны уваженія Наполеонова; но Россійская земля не свойственна ихъ производить.

Библиотека "Руниверс"

Почтенный Иванъ Акинфіевичъ Тутолминъ, начальствомъ оставленный въ Москвѣ, безпримѣрною своею ревностію, дѣятельностію и неустрашимостію спасшій многимъ жизнь и сохранившій обширное зданіе Воспитательнаго Дома со всѣмъ его богоугоднымъ заведеніемъ, призванъ былъ къ Наполеону, который не токмо имѣлъ безстыдство увѣрять его, что Москва жжется по приказанію графа Растопчина, а отнюдь не Французами, но и препоручилъ ему донести о томъ своему начальству, желая такимъ образомъ честнаго человѣка мгновенно преобразить въ клеветника. Онъ притворно прибавилъ потомъ: „Я желалъ бы всѣ зданія здѣшней столицы видѣть въ такой же сохранности, какъ вашъ Воспитательный Домъ“*).

Казалось, что со въѣздомъ Наполеона въ Москву самый огонь паче ожесточился и, соединясь съ сильнымъ вѣтромъ (неразлучнымъ своимъ спутникомъ) истреблялъ вдругъ то, что вѣками сооружаемо было. Пламя и ужасный вѣтръ усугубляли свои силы (особенно 4-го числа, въ Среду), для поглощенія всего того, что только могло служить пищею или добычею неистовымъ врагамъ.

17-го токмо числа учрежденъ нѣкоторый образъ правленія. Появились красныя ленты, бѣлыя перевязи на рукахъ, коммисары, полицейскіе и проч. Прокламація на Французскомъ и Русскомъ языкахъ прибита была въ разныхъ мѣстахъ города. Дѣлать замѣчанія на нее было бы слишкомъ отдалить вниманіе читателя отъ главнаго предмета. Вотъ отъ слова до слова сіе піитическое произведеніе пера г. Лессепса:

„Жители Москвы!

„Нещастія ваши жестоки: но Его Величество Императоръ и Король хочетъ прекратить оныя.

„Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленіе.

„Строгія мѣры взяты, чтобы прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

„Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ муниципалитетъ или градское общество. Оное будетъ пещись о васъ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

---

*) Можно ли повѣрить, чтобы армія, составленная изъ ста тысячъ человѣкъ, утомленныхъ голодомъ, ожесточенныхъ всякими недостатками, обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, опоенныхъ безпрестанно виномъ, занимавшихся грабежомъ и всякими неистовствами, чтобы люди, переходившіе ежедневно всѣ степени буйства, лютости и безбожія, и Наполеономъ самимъ предводительствуемые, не дошла наконецъ до совершеннаго истребленія того города, гдѣ все дѣлалось вопреки ихъ желаніямъ и надеждамъ, гдѣ ожидали они найтить конецъ своихъ бѣдствій и блистательный миръ?

Библиотека "Руниверс"

„Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить черезъ плечо, а градской глава будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но исключая время должности ихъ, они будутъ носить только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

„Городовая полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшій существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генераловъ-коммисаровъ или полицеймейстеровъ и 20 коммисаровъ или частныхъ приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки.

„Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣдованія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется Божественная служба.

„Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобы они находили въ нихъ помощь и покровительство, слѣдуемыя нещастію.

„Сіи суть средства, которыя правительство употребило, чтобы возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобы достигнуть до того, нужно, чтобы вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобы забыли, естьли можно, ваши нещастія, которыя претерпѣли, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжная и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутъ на ваши особы и оставшіеся ваши имущества: а напослѣдокъ и не сомнѣвались, что оныя будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ Монарховъ.

„Жители! какой бы вы націи ни были, возстановите публичное довѣріе, источникъ счастія государства. Живите, какъ братья, съ нашими солдатами; дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство; соединитесь, чтобы опровергнуть намѣренія зломыслящихъ; повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ чиновникамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ.

„Москва, 3 (15) Сентября 1812 года“.

Подписано:

„Интендантъ или управляющій городомъ и провинціею Московскою Лессепсъ“.

Французское правленіе въ Москвѣ было составлено изъ слѣдующихъ лицъ:
Маршалъ Мортье, дюкъ Тревизскій, военный губернаторъ.
Дивизіонный генералъ графъ Миллотъ, комендантъ (Commendant d'armes).

Библиотека "Руниверс"

Баталіонный командиръ баронъ Бертень,
Баталіонный командиръ Леру,
} Плацъ-маіоры.

Лессепсъ, интендантъ и управляющій губерніей Московской.

Виллерсъ,
Пюжосъ,
} Полицмейстеры.

73 лица (между коими было 40 иностранцевъ) составляли Французское правленіе въ Москвѣ. Мы не позволимъ себѣ никакихъ замѣчаній на счетъ Русскихъ, въ ономъ замѣшанныхъ. Изъ 300,000 Московскихъ жителей токмо 32 человѣка подвергнулись нещастному сему жребію: иные были увлечены состраданіемъ къ нуждамъ своихъ соотечественниковъ; другіе содѣлались жертвами Французскаго насильства, своего малодушія или пагубныхъ обольщеній, надѣясь чрезъ то не токмо сохранить то, что̀ имѣли, но и пріобрѣсти еще болѣе. Русское сердце гнушается подозрѣвать Русскихъ въ измѣнѣ къ Государю и къ Отечеству. Мы не вѣримъ, чтобы кто нибудь предсталъ служить Французамъ по душевному побужденію; а ежели и было малое число таковыхъ, то горе симъ нещастнымъ! Души ихъ должны уже терзаться мучительнымъ раскаяніемъ. Ежели же чувство сіе для нихъ чуждо, ежели сердца ихъ еще напоены Французскимъ ядомъ: то да предадутся они наказанію, Небомъ имъ приготовленному. Пусть видятъ изверги сіи разрушеніе всѣхъ своихъ замысловъ, гласное уничиженіе и паденіе гнуснаго ихъ идола и торжество благословенной и побѣдоносной Россіи.

Правленіе сіе имѣло нѣсколько засѣданій, но не соотвѣтствовало цѣли своей нимало. Грабежъ продолжался по прежнему. Строгій приказъ, данный по сему предмету принцомъ Нефшательскимъ, не былъ даже уваженъ*). Городъ нуждался съѣстными припасами; фуражиры,

*) Вотъ Французскій переводъ съ печатнаго экземпляра сего приказа:

Генеральная квартира. Дневной приказъ. Въ главной Императорской квартирѣ въ Москвѣ 29 Сентября (н. с.) 1812 года.

Не взирая на данныя повелѣнія, чтобы прекратить грабежъ, однакожъ оный въ нѣкоторыхъ частяхъ города продолжается; почему приказывается господамъ маршаламъ, главнымъ командирамъ армейскихъ корпусовъ, чтобы солдатъ держать въ предѣлахъ частей ихъ квартированія.

Именно запрещается позволять какому бы ни было офицеру или солдату приходить въ городъ въ отрядахъ, или по одиначкѣ, чтобы отыскивать муку, кожи и прочія вещи.

Императоръ приказалъ генеральной администраціи составить магазины изъ всего, что можетъ быть оставлено въ городѣ жителями, которые бѣжали и свое бросили имѣніе. Его намѣреніе есть употребить, что найдено будетъ, на регулярныя раздачи для арміи.

Библиотека "Руниверс"

посыланные въ окрестности, не возвращались, содѣлываясь жертвою подмосковныхъ мужиковъ. Храмамъ Божіимъ оказывалось явное и наглое презрѣніе; изъ всѣхъ церквей цѣлаго города токмо въ четырехъ происходило богослуженіе, отправленіе коего подвергало священниковъ ежечаснымъ опасностямъ и поруганіямъ. Неповиновеніе между войскомъ доходило до чрезвычайной крайности[1]); всякой день Москва подвергалась новымъ пожарамъ: число ея жителей видимо уменьшилось. Всѣ Французы знали, что, не найдя въ Москвѣ храма славы, они обрѣтутъ

Такъ какъ порядокъ еще не возвращенъ въ городѣ[2]), нѣтъ никакого купца, который бы законнымъ продавалъ образомъ. Одни только маркитанты и нѣкоторые солдаты позволяютъ себѣ ограбленныя вещи продавать, что и продолжаетъ безпорядокъ.

Господинъ губернаторъ, маршалъ дюкъ де Тревизъ, прикажетъ караульнымъ у заставъ, разнымъ постамъ и патрулямъ въ городѣ арестовать тѣхъ, кои будутъ нести, или переносить припасы, не происходящіе отъ генеральныхъ роздачей.

Дано на 15 дней водки армейскимъ корпусамъ; главные комисары велѣли прибрать изъ магазиновъ, что нашли нужное для арміи; для того никакой солдатъ не долженъ былъ посланъ въ городъ, чтобы брать водку.

Вина собраны для употребленія госпиталей. Запрещено всякому военнослужащему отыскивать и забирать оныя.

Господа маршалы сдѣлаютъ всѣ распоряженія, которыя отъ нихъ зависѣть будутъ, чтобъ защитить крестьянъ, которые будутъ везти припасы и фуражъ въ Москву.

Прекращеніе грабежа и учрежденіе порядка возвратятъ изобиліе въ сію столицу.

Солдаты, которые будутъ взяты подъ караулъ и которымъ будетъ доказано, что продолжали грабежъ, будутъ преданы, считая отъ завтрашняго дня, то есть отъ 18/30 Сентября, воинскимъ коммисіямъ и будутъ осуждены по строгости законовъ.

Подписано: Князь Нефшательскій, начальникъ генералъ-штабу (или маіоръ-генералъ) Александръ. Сходно съ оригиналомъ. Подписано: генералъ, шефъ генералъ-штабу маіора генерала графъ Монтіонъ.

[1]) Въ доказательство сообщимъ здѣсь анекдотъ, слышанный отъ достовѣрной особы, въ Москвѣ остававшейся. Мюратъ занималъ великолѣпный домъ графа Разумовскаго на Гороховомъ полѣ. Хотѣлось ему велѣть исправить часы свои, которые прежде шли всегда весьма вѣрно. Онъ призываетъ одного изъ дворовыхъ графскихъ людей, знающаго нѣсколько по французски и спрашиваетъ, имѣетъ ли онъ знакомаго часовщика по близости, отдаетъ ему часы, приказывая скорѣе возвращаться и не отдавать ихъ, ежели починка требовать будетъ много времени. Слуга отказывается отъ коммисіи, ежели не будутъ ему даны проводниками два солдата, прибавя, что на улицахъ всѣхъ грабятъ. Ему даютъ двухъ солдатъ Италіанской гвардіи. Едва вышелъ онъ на Покровку, какъ два драгуна подходятъ къ нему и требуютъ все, что у него есть. Италіанцы объявляютъ Французамъ, кѣмъ и куда посланъ провожаемый ими слуга; но высокое имя Его Неаполитанскаго Величества не произвело ни малѣйшаго дѣйствія. Мюратъ былъ выруганъ самыми гнусными словами, а часы отняты у человѣка. Къ сему надобно прибавить, что когда слуга возвратился домой, и все происходившее было доведено до свѣдѣнія Мюрата, даже и имена Французскихъ солдатъ, часы отнявшихъ, онъ удовольствовался токмо пожать плечами.

---

[2]) 2-го Сентября вступили Французы въ Москву, а 29-го Наполеонъ признается, что порядокъ еще не возвращенъ въ городѣ. И дѣйствительно возвратился онъ туда токмо съ возвращеніемъ Русскихъ.

Библиотека "Руниверс"

въ семъ городѣ гробъ для себя. Умы были сильно поражены, и солдаты убивали горесть свою виномъ, предаваясь между тѣмъ самымъ варварскимъ неистовствамъ. Ужасныя ихъ дѣянія не имѣютъ примѣра въ бытописаніяхъ; поелику и раззореніе сей же Москвы ханомъ Тахтамышемъ, въ царствованіе князя Димитрія Донского, и жестокость Аттилы при истребленіи Милана, взятіе Цареграда приступомъ Сарацынами не могутъ сравниться съ злодѣяніями нашихъ новѣйшихъ просвѣщенныхъ разбойниковъ. Какъ ни богатъ языкъ Россійской, но нѣтъ въ немъ словъ, кои могли бы описать донынѣ намъ неизвѣстныя лютости; развѣ только на одномъ Французскомъ языкѣ выразить ихъ можно. Наполеонъ, давъ одинъ разъ волю, не былъ уже во власти остановить грабежъ, дерзость и неповиновеніе солдатъ. Всякой дѣлалъ что хотѣлъ, не слушая никого. Многіе виновники были повѣшены на бульварѣ и у Тверскихъ воротъ за разныя преступленія; но такъ какъ и въ неповинующихся солдатахъ былъ великій недостатокъ, то вѣшали мертвыхъ. Сіе скоро было примѣчено. Новая выдумана хитрость: ловили на улицахъ Русскихъ; несчастные были переодѣты во Французскіе мундиры и повѣшены или разстрѣляны. Можно себѣ представить, колико умножилась дерзость Французскихъ солдатъ, видя, что правительство не смѣетъ ихъ наказывать смертію и сносить всѣ буйства ихъ.

Дабы дать еще болѣе вѣсу распускаемымъ всюду слухамъ, что Москва жжется Русскими, учреждена съ великимъ шумомъ, подъ предсѣдательствомъ маршала Мортье, коммиссія для сужденія зажигальщиковъ и для разбирательства дѣлъ, къ нимъ относящихся. Изъ Хамовническихъ казармъ взято 40 человѣкъ Русскихъ. Сіи мнимые виновники судятся, не представши предъ судилище. 13 человѣкъ выбираются по произволу и находятся инквизиторами виновными; ихъ публично разстрѣливаютъ.

Наполеонъ былъ паче ожесточенъ, узнавъ, что въ Москвѣ не оставлено ни одного чиновника полицейскаго, ниже члена магистрата, которыхъ онъ намѣревался насильственнымъ образомъ, угрожая самою смертію, употребить пружинами, чтобы заставить Русскихъ повиноваться и исполнять его волю*). Онъ изъявлялъ притворное негодованіе

*) Въ послѣднюю войну между Австріею и Франціею, когда главная армія Австрійская послѣ Ратизбонскаго сраженія была принуждена отступить въ Богемію, блистательные успѣхи въ Италіи эрц-герцога Іоанна содѣлались безполезными. Онъ принужденъ былъ взять направленіе къ Стиріи и Венгріи, и Французы появились въ Тріестѣ. Военное начальство Австрійское въ томъ городѣ, при приближеніи Французовъ, отправилось въ Фіумъ и оставило магистратъ, дабы пещись о благосостояніи города и народа.

Библиотека "Руниверс"

на графа Растопчина за то, что были увезены пожарныя трубы, столь нужныя для тушенія пожаровъ, производимыхъ будто Русскими. Всякой благоразумный человѣкъ согласится въ томъ, что 130 трубъ не могли быть достаточны въ городѣ, имѣющемъ 50 верстъ въ окружности, и которой зажигался со всѣхъ сторонъ вдругъ. Кто бы ими дѣйствовалъ? Они имѣли бы одну участь съ домами, сгорѣли бы, какъ они, и казна должна бы употребить большую сумму денегъ на заведеніе ихъ вновь; а между тѣмъ по возвращеніи въ Москву законнаго правительства не имѣлось бы въ ней, въ случаѣ несчастія, ни одной пожарной трубы.

Сколь ни славились между Французами свѣдѣнія г. Лессепса о Россіи и познанія его въ Русскомъ языкѣ, всѣ его старанія о продовольствіи арміи и для водворенія въ Москвѣ нѣкотораго порядка были безуспѣшны. Сильный огонь, продолжавшійся нѣсколько дней съ порывистымъ вѣтромъ [1]), истреблявшемъ ежедневно цѣлыя части города, умножалъ затрудненія, и безпорядки всякаго рода доходили до чрезвычайности. Не имѣлось болѣе средствъ запасаться съѣстными припа-

---

Нѣсколько депутатовъ изъ онаго вышли на встрѣчу къ генералу Шильту, шедшему занять съ однимъ полкомъ сей городъ. Онъ имъ обѣщалъ сохранить въ цѣлости ихъ имѣніе и соблюсти спокойствіе народное, требуя только 800,000 франковъ и продовольствія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы ландверы (милиція) въ Тріестѣ были распущены по домамъ, что̀ и было исполнено, и Французы заняли городъ съ сими условіями. Французской генералъ доноситъ о семъ Наполеону, который находился тогда въ Шембрунѣ. Сіе донесеніе его крайне ожесточило; онъ, будучи увѣренъ въ способностяхъ къ злодѣяніямъ каждаго изъ своихъ чиновниковъ, призываетъ Жуберта [2]) славнаго грабителя Генуи и Верхней Италіи, и повелѣваетъ ему отправиться въ Тріестъ, взять съ города 50 милліоновъ франковъ контрибуціи, давъ ему на то совершенное уполномочіе. Жубертъ пріѣзжаетъ въ Тріестъ и въ два часа собираетъ всѣхъ чиновъ магистрата, страховыхъ конторъ и первостатейныхъ купцовъ и, прочитавъ имъ повелѣніе Наполеона, взять съ нихъ означенную контрибуцію, требуетъ отъ нихъ подписки повиноваться; но они, бывъ изступлены таковымъ безчеловѣчнымъ нарушеніемъ заключеннаго условія и правъ народныхъ, отказываются; послѣ чего онъ сажаетъ ихъ въ фіакры, заблаговременно около магистрата приготовленные, и за конвоемъ посылаетъ въ пограничныя крѣпости Венеціи, не позволивъ никому изъ нихъ видѣться съ своими семействами. Между тѣмъ снаряжаетъ солдатъ и опечатываетъ ихъ имѣнія. Такимъ образомъ наводя страхъ и ужасъ, заставилъ членовъ магистрата и прочихъ чрезъ нѣсколько дней повиноваться и выполнить волю Наполеона. Они были принуждены собрать отъ своихъ согражданъ въ три недѣли требуемую контрибуцію, деньгами, товарами и заемными письмами такъ, что Тріестинцамъ оставлены были только одни глаза для оплакиванія своего несчастія. То ли бы еще Наполеонъ сдѣлалъ въ Москвѣ, естьли бы оставлены были въ оной полиція, магистратъ, или часть какого ни есть правительства?

[1]) Въ Ярославлѣ не запомнятъ вихря, подобнаго тому, который начался съ полуночи 3 Сентября и продолжался нѣсколько дней.

[2]) Не должно смѣшивать сего Жуберта съ тѣмъ, который былъ убитъ подъ Нови.

Библиотека "Руниверс"

сами; не знали даже, гдѣ ихъ находить, и какъ и чѣмъ перевозить. Цѣлыя партіи Русскихъ обоего пола, обобранныхъ Французами, въ однѣхъ рубищахъ, безъ обуви, были водимы за конвоемъ по разнымъ частямъ города и за заставами. Они были навьючены рожью, овсомъ, мукою, картофелемъ, капустою и всѣмъ тѣмъ, что Французы грабили въ домахъ. Добычи сіи были безпрестанно перетаскиваемы на плечахъ съ одного мѣста на другое по мѣрѣ, какъ домы дѣлались жертвою пламени. Соборы, Сенатъ и Оружейная Палата были хранилищемъ съѣстныхъ припасовъ. Въ Кремль никто не впускался, и Спасскіе ворота были наглухо завалены. Въ Москвѣ торжественно являлся безпечный, жестокій, вѣтренный нравъ Французовъ и злодѣйское хладнокровіе ихъ коронованнаго предводителя. Казармы были завалены больными солдатами, лишенными всякаго присмотра, а гошпитали ранеными, умиравшими сотнями отъ недостатка въ лекарствахъ и даже въ пищѣ. Кто повѣритъ, что сіи несчастныя орудія Наполеоновыхъ честолюбивыхъ видовъ были брошены на произволъ ихъ жребію, и что вниманіе Французовъ среди толикихъ бѣдствій было обращено на что же? на заведеніе публичныхъ зрѣлищъ. Въ домѣ г. Познякова учрежденъ театръ. Французы ходили туда веселиться; а самъ Наполеонъ, предаваясь еще слѣпой покровительствовавшей ему до сихъ поръ фортунѣ, забываетъ о Россійской арміи. Ему мечтается, что она разсѣяна по всей Имперіи или вовсе изчезла. Онъ ласкаетъ себя надеждою получить въ скорости изъ Санкт-Петербурга мирныя предложенія; но вмѣсто того Россійскій Самодержецъ ободряетъ свои народы, воспламеняя сердца ихъ и приводитъ въ движеніе всѣ врученныя ему Промысломъ огромныя средства къ гибели злодѣя. Искуснѣйшій и опытнѣйшій вождь Россійскихъ силъ готовитъ Наполеону новыя заботы. Къ фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому летятъ ежедневно цѣлые полки пѣшіе и конные; со всѣхъ сторонъ стекаются тысячи подводъ съ хлѣбомъ и прочими запасами. Онъ усугубляетъ всѣ мѣры для прегражденія Наполеону пути, ведущаго къ изобильнѣйшимъ Россійскимъ областямъ, и даетъ разнымъ отрядамъ нужныя направленія. Шайки непріятельскія истребляются всюду вооружившимися крестьянами. Они не допускаютъ врага отнимать хлѣбъ и опустошать уѣзды Московской губерніи. Подмосковные мужики, ободряемые козаками, оказываютъ храбрость и неустрашимость, возбуждающія удивленіе самыхъ старыхъ солдатъ. Ихъ не только не нужно было побуждать къ бою, но съ трудомъ удерживать можно было стремленіе, съ коимъ они защищали свои селенія, убивая все то, что дерзало имъ противустоять. Въ самой же Москвѣ чернь не упускала ни одного случая, гдѣ только можно было истребить Французовъ. Погреба, подвалы, пруды и нужныя мѣста дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лались могилами сихъ злодѣевъ. Ихъ поили нарочно до пьяна, и потомъ когда они засыпали, бабы и мальчики убивали ихъ сонныхъ и прятали мертвыя тѣла, дабы избѣжать Французскаго мщенія. Множество злодѣевъ перебито такимъ образомъ*).

Положеніе Наполеона дѣлается часъ отъ часу отчаяннѣе; армія его видимо уменьшается; военный духъ и дисциплина замѣняются въ ней алчностью къ грабежу и неповиновеніемъ; извѣстія, получаемыя отъ маршаловъ Удино, Виктора и Макдональда, не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ Наполеона; другія важныя свѣдѣнія, весьма нужныя къ соображенію генеральнаго плана, вовсе не доходятъ, будучи перехватываемы летучими Россійскими корпусами и партизанами. Возмущеніе и заговоръ, произведенныя въ Парижѣ генераломъ Малетомъ, дѣлаются весьма скоро извѣстными Наполеону посредствомъ курьера, отправленнаго къ нему съ симъ извѣстіемъ отъ министра полиціи Савари. Стѣны, преграждающія доступъ къ Наполеону, дѣлаются слабымъ оплотомъ противу всеобщаго негодованія; ропотъ измѣриваетъ ихъ вышину и доходитъ въ Кремль до ушей самаго тирана.

Бертье, коему справедливо приписываютъ большую часть военныхъ успѣховъ Наполеона и который къ великой рѣшимости присоединяетъ много опытности и чрезмѣрную осторожность, рѣшается привести въ разсудокъ ослѣпленнаго счастливца. Онъ ему представляетъ истинное положеніе дѣлъ и арміи, и гибель, къ коей подвергаетъ ее всякой лишній день пребыванія въ Москвѣ. Бертье осмѣливается наконецъ вопросить Наполеона: какую выгоду принесетъ ему и самое покореніе Россіи, ежели между тѣмъ разрушится могущество его во Франціи и истребится армія столь нужная для поддержанія прошедшихъ успѣховъ и огражденія обширныхъ завоеваній въ Германіи, Италіи и Гишпаніи? Основательность сихъ возраженій поражаетъ однакоже человѣка, пріобыкшаго полагаться во всемъ на слѣпое счастіе и оправдывать всѣ свои предпріятія одними лишь успѣхами. Наполеонъ изумляется своимъ положеніемъ; онъ начинаетъ отчаяваться въ полученіи мирныхъ предложеній отъ Россійскаго Императора. Онъ чувствуетъ, что ему миръ несравненно нужнѣе, нежели Россіянамъ, для которыхъ, послѣ потери Москвы, всякое пожертвованіе дѣлалось малозначущимъ.

Зная, сколь въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжело для самолюбія генерала вмѣсто шпаги дѣйствовать перомъ, Наполеонъ полагаетъ, что

*) По признанію самихъ Французскихъ плѣнныхъ, тридцати-девяти-дневное пребываніе ихъ въ Москвѣ стоило имъ 30,000 человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

главнокомандующій Россійскими войсками при всемъ отвращеніи дѣлать мирныя предложенія, съ удовольствіемъ согласится ихъ принять, и вступить въ переговоры, ежели первый шагъ будетъ сдѣланъ побѣжденными, а не побѣдителями.

Бонапарте, уступая нуждѣ, отправляетъ въ Россійскій лагерь генерала Лористона съ письмомъ къ князю Кутузову-Смоленскому, заключающимъ, при множествѣ учтивостей, предложенія о перемиріи. Князь принимаетъ Французскаго посла въ присутствіи всего генералитета и объявляетъ ему, „что предложенія будутъ доведены въ свое время до свѣдѣнія Императора въ Петербургѣ; но что сколь кровопролитнѣйшею ни описывается война настоящая, Бородинское сраженіе Русскими почитается токмо началомъ ея; что Москва хотя и въ рукахъ непріятельскихъ, но не составляетъ еще Россійское Государство, и что теперь токмо настало для Русскихъ время собирать плоды, толикими пожертвованіями пріуготовленные". Таковы были главные пункты словеснаго отвѣта князя Кутузова-Смоленскаго на письмо Наполеона.

Возвращеніе въ Москву Лористона было ожидаемо съ мучительнымъ нетерпѣніемъ. Привезенный имъ отвѣтъ положилъ конецъ ослѣпленію Наполеона, увѣривъ его, что всякое сближеніе съ праведно-озлобленнымъ Россійскимъ народомъ дѣлается невозможнымъ; что Императоръ Александръ Первый живо чувствуетъ и величіе свое, и могущество, и сдѣланное ему наглое оскорбленіе; что Россійское воинство горитъ содѣлаться предметомъ удивленія обращенныхъ на него глазъ цѣлой Европы. Онъ чувствуетъ наконецъ, что слова: миръ съ Бонапартомъ гнусны для всѣхъ вѣрныхъ и истинныхъ Россіянъ.

Тутъ Наполеонъ узнаётъ опытомъ, что тиранъ поддерживаетъ свое могущество одними только непрерывающимися успѣхами; что первая неудача есть первый шагъ къ гибели и разрушаетъ все; но что напротивъ государь законный, кроткій, любовію и правосудіемъ царствующій, въ трудныхъ обстоятельствахъ находитъ еще сильнѣйшую подпору въ вѣрности своихъ подданныхъ, а въ государствѣ своемъ неизчерпаемыя средства къ поддержанію своей славы и независимости своихъ владѣній.

Въ тѣхъ чертогахъ, въ коихъ Россійскіе государи, руководствуясь милосердіемъ, издавали законы, на благоденствіи народномъ основанные, въ тѣхъ самыхъ чертогахъ, ожесточенный Наполеонъ, предаваясь всѣмъ яростнымъ движеніямъ коварнаго и злобнаго своего нрава, готовитъ разрушеніе Россіи. Сердце его воспламеняется мщеніемъ къ Русскимъ. Онъ посылаетъ къ Мюрату строгое приказаніе, соединя всѣ

Библиотека "Руниверс"

силы, напасть на Русскихъ и истребить сихъ варваровъ[1]). Онъ выдумываетъ адскіе способы для истребленія и разрушенія до основанія древней Московской столицы, приказываетъ умножить зажигательныя команды и размѣстить ихъ по разнымъ частямъ города; а между тѣмъ самъ, подъ своимъ надзоромъ, Наполеонъ предпринимаетъ безсмертный подвигъ злодѣйства—взорваніе на воздухъ всего Кремля.

Трудно изобразить ужасное зрѣлище, которое представляла въ сіе время нещастная Москва: толпы зажигателей съ разными фосфорическими составами пробѣгали городъ и предавали пламени великолѣпнѣйшія зданія, улицы и площади были завалены мертвыми и окровавленными тѣлами человѣческими и лошадьми. Въ церквахъ, обращенныхъ въ конюшни, раздавалось ржаніе коней; образа были выкидываемы на улицу, или служили для топки печей, въ коихъ плавились сорванные съ оныхъ золотые и серебряные оклады, воздухъ былъ зараженъ ужаснымъ смрадомъ. Въ одномъ мѣстѣ слышны были вопли измученныхъ побоями гражданъ, отъ которыхъ узнавать хотѣли злодѣи, гдѣ зарыты сокровища казенныя и частныя; въ другомъ стенали борящіеся со смертію раненые, коихъ иные проходящіе мимо солдаты, изъ состраданія, прикалывали съ такимъ точно хладнокровіемъ, съ какимъ мы въ лѣтнее время умерщвляемъ муху или другое какое-либо безпокойное насѣкомое. Здѣсь раздавались вопли обезчестенныхъ и умирающихъ женщинъ; тамъ брошенные невинные младенцы жалкими криками и слезами давали чувствовать, что злодѣи увели ихъ матерей и кормилицъ. Цѣлый городъ превращенъ былъ въ кладбище, и бдительная Наполеонова полиція хоронила вездѣ, гдѣ ни попадалось, умирающихъ съ умершими, зарывая тѣла въ землю едва на два или на три вершка[2]). Нельзя продолжать безъ содроганія ужасную картину, которую представляла тогда Москва. Впрочемъ можно ли было ожидать инаго отъ народа, прославившаго себя злодѣяніями, никогда невиданными, обагрившаго руки свои кровію добродѣтельнѣйшаго изъ государей; отъ народа взросшаго и воспитаннаго среди ужасовъ революціи, и въ продолженіи двадцати лѣтъ непрестававшаго проливать кровь во

---

[1]) Мюратъ былъ предупрежденъ и совершенно разбитъ 6 Октября при Тарутинѣ. Трофеи сего дня были: убитыми 2000, плѣнными 1100, между коими одинъ генералъ и 12 штабъ-офицеровъ, почетное знамя и весь королевскій и офицерскій обозъ.

[2]) По возвращеніи законнаго правительства въ Москву всѣ сіи тѣла были вырыты и за городомъ сожжены. Такимъ образомъ и на полѣ Бородинскомъ сожжено было по первое Марта 56811 человѣческихъ тѣлъ и 31,664 лошади. Казалось бы, что съ появленія Наполеона Бонапарте огонь долженъ быть единственною стихіею Французовъ: они цѣлый вѣкъ проводятъ въ огнѣ; послѣ смерти тѣла ихъ предаются огню земному, а души ихъ адскому.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ частяхъ свѣта? Сколько новѣйшихъ Французовъ, родившихся во времена ужаснаго терроризма, вовсе не крещены, не имѣютъ никакой вѣры, не знаютъ ни своихъ родителей, ни истиннаго своего имени и отечества! Провидѣніе хотѣло стереть сихъ чудовищъ съ земной поверхности, и они всѣ почти изчезли отъ руки Русскаго, вмѣстѣ со славою кровожаднаго ихъ предводителя.

Принцъ Нефшательскій (Бертье), какъ сказано было выше, и нѣкоторыя другія особы, значущія при Наполеонѣ, видя неминуемую гибель отъ плана сей войны, Россійскимъ Дворомъ начертаннаго, представляли Наполеону всѣ причины, по коимъ онъ долженъ былъ оставить Москву. Они предлагали ему показать фальшивое движеніе на Калугу, а между тѣмъ броситься быстро на Тверь, захватить тамъ провіантъ, привести въ уныніе другую столицу, и сдѣлать послѣднее усиліе въ семъ отчаянномъ ихъ положеніи. Справедливость предположеній маршала Бертье доказывалась ежедневными опытами, ибо способы къ существованію арміи въ Москвѣ видимо уменьшались. Фуражиры и сильные отряды, ихъ прикрывавшіе, были жертвою партизановъ и крестьянъ Россійскихъ; безуспѣшная же экспедиція маршала Нея въ Владимирскую губернію довольно ясно показала, что Русскій полководецъ, увеличивая безпрестанно отряды своихъ партизановъ козаками и конною артиллеріею, въ окружающихъ Москву губерніяхъ, намѣренъ былъ симъ способомъ изнурить Французовъ въ Москвѣ самой, и лишить ихъ кавалеріи, которая ужаснымъ образомъ изчезала. Всѣ военноначальники чувствовали, что ежели Наполеонъ останется въ бездѣйствіи еще нѣсколько времени, и настанетъ осень и гололедица: тогда Москва будетъ постыднымъ гробомъ для всей Французской арміи, которая умретъ съ голоду и поставлена будетъ въ невозможность дѣйствовать пушками, лишась всѣхъ почти своихъ лошадей.

Наполеонъ былъ обнадеженъ донесеніями Магдональда, Удино и Виктора. Первые два полагали истребить корпусъ графа Витгенштейна, взять Ригу и потомъ идти прямо въ Санктпетербургъ, безъ всякой защиты ими полагаемый; послѣдній давалъ обѣщанія присоединить къ 15,000 корпусу своему прибывшихъ въ Литву нѣсколько запасныхъ батальоновъ, равно какъ и набираемый въ Россійской Польшѣ 25,000 корпусъ. Съ сими воздушными силами маршалъ Викторъ намѣревался взять направленіе къ Москвѣ, дабы соединиться съ главною арміею, дѣлая между тѣмъ демонстрацію, что идетъ къ Минску и Могилеву на помощь Ренье и Шварценберга. Дюкъ Беллунскій увѣренъ былъ, что заставитъ Дунайскую армію зимовать въ Волыніи и принудитъ въ тоже время главную Россійскую армію оставить защищеніе южныхъ

Библиотека "Руниверс"

провинцій, ослабивъ оную отдѣленіемъ сильныхъ корпусовъ противу него.

Императоръ Французскій былъ жестоко обманутъ. Онъ слишкомъ много надѣялся на искусство и непобѣдимость своихъ маршаловъ, и слишкомъ пренебрегъ въ сію войну полководцевъ и самый народъ Россійскій. Быстрота движеній и рѣшительные удары графа Витгенштейна изумляли его соперниковъ. Онъ ихъ безпрестанно билъ, гналъ и не давалъ имъ времени сообразить общее какое-либо движеніе на обоихъ берегахъ Двины, и Удино и Магдональдъ принуждены были оставить всѣ свои предпріятія.

Въ надеждѣ таковыхъ успѣховъ на Двинѣ, Наполеонъ рѣшается продлить пребываніе свое въ Москвѣ; боясь же быть осажденнымъ въ Кремлѣ, велитъ онъ изъ поставленныхъ въ Сенатской стѣнѣ пушекъ [1]) стрѣлять по противулежащимъ лавкамъ, дабы сдѣлать площадь предъ Кремлемъ. Суконные, серебряный, овощный, суровскій и вообще всѣ ряды были подорваны порохомъ. По разнымъ частямъ города, а особенно въ Дѣвичьемъ монастырѣ, сдѣланы были укрѣпленія. Отъ Польскихъ и Нѣмецкихъ конфедератовъ требовались новыя вспомогательныя войски, а особливо лошади. Между тѣмъ Наполеонъ не пренебрегаетъ забавлять народъ Парижскій бюллетенями, прокламаціями [2]), въ коихъ онъ за благо признаетъ присвоивать себѣ всѣ побѣды Русскихъ и отдавать генію своему ту справедливость, которую отказываютъ ему несвѣдующіе современники. Безуміе, наглость и безбожіе завели его столь далеко, что по его приказанію выбита (вѣроятно во Франціи еще, или въ Польшѣ) медаль, на коей съ одной стороны было его изображеніе съ словами: Napoléon, Empereur des Français, Czar de Moscou (Наполеонъ, Императоръ Французскій, Царь Московскій); на другой изображено было всевидящее око, съ надписью: les cieux sont à toi, à moi la terre (небо твое, а моя земля).

Уши пьяныхъ Французовъ были безпрестанно поражаемы важными произшествіями, какъ примѣръ, разглашалось что разные города Россійской Имперіи покорены: Петербургъ Сен-Сиромъ, Рига Магдональдомъ, а Калуга Мюратомъ; что всюду возникаютъ возмущенія (всюду, всюду, но противъ Наполеона и Французовъ); что Импе-

[1]) Сіи пушки были еще тутъ три мѣсяца послѣ бѣгства Французовъ.

[2]) Достопамятнѣйшая изъ всѣхъ начинается сими словами: „Солдаты! всякой шагъ вашъ ознаменованъ побѣдами и проч.“ Піэса сія весьма рѣдка и по видимому не была и обнародована. Она нашлась въ бумагахъ одного секретаря, котораго министръ Маретъ присылалъ изъ Вильны въ Москву съ препорученіями. Переводъ сей прокламаціи помѣщенъ въ пятой книжкѣ Русскаго Вѣстника.

Библиотека "Руниверс"

раторъ Александръ, лишенный обѣихъ столицъ своихъ, коронуется въ Казани, куда и созванъ уже весь Сенатъ. Россійская Имперія, въ которой Наполеонъ не обрѣтаетъ ничего, кромѣ смерти, голода и холода, описываѐтся имъ страною плодоноснѣйшею, и коей климатъ не столь суровъ, какъ многіе то увѣряютъ. По его словамъ, армія Французская запаслась въ Москвѣ всѣмъ нужнымъ на два года и проч. и проч. Сими-то эпическими басенками старается Наполеонъ во Французскихъ умахъ вселить разсѣянность, а въ Русскихъ страхъ и уныніе. Для Германскихъ газетчиковъ и любителей новостей всякое извѣстіе изъ Россіи было поводомъ витійствовать, одобрять, хулить и удивляться.

Кидаясь изъ одной крайности въ другую, приходитъ Наполеону вдругъ мысль сдѣлаться строгимъ наблюдателемъ порядка въ городѣ. Онъ отвращаетъ грабежъ, когда нечего уже грабить, все сожжено и оставались только невредимыми тѣ дома, въ коихъ жили сами Французы. Для бо̀льшей безопасности въ нѣкоторыхъ изъ сихъ домовъ была выставлена вывѣска съ надписью: Cette maison a été pilliée plusieures fois. (Домъ сей былъ ограбленъ нѣсколько разъ[1]). Подобныя вывѣски были по большей части въ тѣхъ домахъ, въ коихъ аферисты, спекуляторы[2]) складывали свои товары.

Мѣры, которыя принимало новое правительство въ Москвѣ, не обманывали никого и не внушали ни малѣйшаго довѣрія. Слѣдственная коммисія вѣшала и разстрѣливала Русскихъ, яко зачинщиковъ пожаровъ, а между тѣмъ цѣлыя когорты зажигателей Французскихъ входили явно въ домы и требовали платы, чтобы не жечь ихъ; но частыя посѣщенія сихъ гостей повергнули почти всѣ зданія общему жребію.

Боязнь, чтобы всѣ сіи мошенническіе поступки не дошли до свѣдѣнія прочихъ сосѣдственныхъ городовъ, кои нужно было обольщать, заставила принять строгія мѣры, въ разсужденіи выпуска жителей за

---

[1]) Вывѣски, бывшія предъ симъ на Кузнецкомъ мосту (Robes et Modes), тоже значили всегда: Мы здѣсь, чтобы грабить Москву.

[2]) Языкъ непросвѣщенныхъ Россіянъ не имѣетъ словъ для выраженія сихъ Французскихъ почетныхъ наименованій. Люди сіи суть торгаши изъ Варшавскихъ Жидовъ и разные броляги изъ Франціи, Германіи и Италіи, кои въ большомъ количествѣ всегда слѣдуютъ за Французскою арміею, вмѣсто неположенныхъ по штату священниковъ. Они промышляютъ промѣномъ денегъ, перекупаютъ награбленныя вещи у солдатъ и большею частію игроки; причисляются они къ свитѣ фельд-маршаловъ, подъ покровительствомъ коихъ и находятся. Сіи значущіе чиновники Французской арміи прежде всѣхъ начали убираться изъ Москвы; но на возвратномъ пути, преслѣдующіе Россіяне полюбились имъ болѣе преслѣдуемыхъ Французовъ, и они остались въ Россіи вѣковать. Тѣ однакожъ, кои успѣли кое какъ выпутаться и перейти за Нѣманъ, описываютъ Московскую ярмарку самыми дурными красками.

Библиотека "Руниверс"

заставы; но Французамъ невозможно было наблюдать столь велікое пространство. Большая часть жителей, спасавшаяся ежедневно бѣгствомъ, уходила ночью въ Перво-Майскую заставу, кидаясь въ примыкающій къ оной лѣсъ. Съ другой же стороны старались всѣми способами привлекать въ городъ подмосковныхъ мужиковъ съ разными припасами, въ коихъ претерпѣвали величайшій недостатокъ. Обѣщаны были награжденія тѣмъ, которые доставлять будутъ фуражъ въ Москву, и интендантъ Лессепсъ искалъ случая купить у крестьянъ хотя нѣсколько возовъ сѣна, дабы показать Русскимъ щедрость Наполеона и тѣмъ поощрить и прочихъ окрестныхъ мужиковъ къ дальнѣйшему снабженію города.

Главнокомандующій въ Москвѣ и гражданскій губернаторъ, находившіеся всегда во всевозможной близости отъ столицы, разстроивали разными благоразумными распоряженіями всѣ замыслы Французовъ въ уѣздахъ, изъ коихъ многіе не были ими никогда покорены. Въ то самое время, какъ Лессепсъ старался всѣми способами обольщать народъ, по всѣмъ селеніямъ и деревнямъ разсылаемы были отъ главнокомандующаго печатныя объявленія *). Крестьяне руководствуясь

*) Мы сообщимъ здѣсь одно изъ сихъ объявленій.

Крестьяне, жители Московской губерніи! Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское наваждение, злой Французъ, взошелъ въ Москву, предалъ ее мечу, пламени. Ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ олтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Надѣвали ризы вмѣсто попонъ, посорвали оклады, вѣнцы со святыхъ иконъ, поставили лошадей въ церкви Православной вѣры нашея. Разграбилъ домы, имущества, надругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтними. Осквернилъ кладбища и до втораго пришествія тронулъ изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ родителей. Заловилъ кого могъ и заставилъ таскать вмѣсто лошадей имъ краденое. Моритъ нашихъ съ голоду, а теперь какъ самому пришло ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою сзывать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому. Ужъ ли вы, православные, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова положитесь и дадитесь въ обманъ врагу, злодѣю кровожадному? Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху и придетъ вамъ умирать голодною смертію; проведетъ онъ васъ посулами, а коли деньги дастъ, то фалышивыя; съ нимижъ будетъ вамъ бѣда. Оставайтесь, братцы, покорными-Христіанскими воинами, Божіей Матери, не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ; они вамъ защитники, помощники; готовы васъ одѣть, обуть, кормить и поить. Истребимъ достальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси; станемъ бить, гдѣ ни встрѣнутся; ужъ мало ихъ и осталося; а насъ сорокъ милліоновъ людей; слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину заморскую и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ; а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, домы каменны; навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли отецъ нашъ Александръ Павловичъ милліоновъ рублей на выстройку каменной Москвы, гдѣ онъ миромъ помазался, короно-

Библиотека "Руниверс"

содержащимися въ нихъ наставленіями, оказывали всюду ревность, неустрашимость, вѣрность и единодушіе, заслужившія имъ вѣчную славу, знаки монаршаго благоволенія, признательность отечества и похвалу цѣлой Европы.

Всѣ каверзы и старанія Наполеона для искушенія Русскихъ были тщетны. Французскія уловки, обманувшія большую часть просвѣщенныхъ Европейскихъ народовъ, не произвели никакого дѣйствія надъ необразованными Русскими мужиками, которые предавали огню все, что не могли спасти, восклицая: не доставайся же Французу! Не только ассигнаціи, изъ коихъ большая часть была фальшивыя, но и самыя золотыя и серебряныя деньги были въ подозрѣніи въ народѣ, который ни за какую цѣну не хотѣлъ сбывать свое добро. Дюкъ Экмюльскій *), коему особенно было препоручено отъ Наполеона вербовать шпіоновъ и подсылать ихъ въ Россійской лагерь, узнавать силу и положеніе арміи, вотще употребилъ всю свою дѣятельность и познанія къ сему предмету. Онъ могъ лютости своей приносить новыя жертвы, разстрѣливать людей, какъ учинилъ то съ несчастнымъ Пальмомъ; но не нашелъ ни одного измѣнника въ Россіи. При всей крайней нищетѣ, до которой доведены были жители Московскіе отъ пожа-

---

вался Царскимъ вѣнцомъ? Онъ надѣется на Бога Всесильнаго, на Бога Русской земли, на народъ ему подданный, богатырскова сердца молодецкаго. Онъ одинъ Помазанникъ Его, и мы присягали ему въ вѣрности. Онъ отецъ, мы дѣти его; а злодѣй Французъ некрещенной врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою; уже былъ онъ и Туркою, въ Египтѣ обасурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ; а теперь ласкается и говоритъ, что не быть грабежу, а все взято имъ собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, такъ кричать пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ; съѣдятъ все какъ саранча и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными; куда не придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты Русскіе помогутъ вамъ; которой побѣжитъ, того козаки добьютъ; а вы не робѣйте, братцы удалые, дружина Московская, и гдѣ удастся по близости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда къ Царю въ Москву явитеся и дѣлами похвалитеся. Онъ васъ опять возстановитъ по прежнему, и вы будете припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается и къ Французу преклонится, тотъ недостойный сынъ отеческой, отступникъ закона Божія, преступникъ Государя своего, отдаетъ себя на судъ и поруганіе; а душѣ его быть въ аду съ злодѣями, и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва. Подписано: графъ Ѳедоръ Растопчинъ.

*) Ни одинъ изъ маршаловъ Французскихъ ненавидитъ столь жестоко Русскихъ, и ни одинъ не былъ такъ наказанъ въ сію войну, какъ Даву; и онъ, такъ какъ и прочіе, неоднократно былъ разбитъ: подъ Краснымъ лишился части корпуса своего и жезла фельд-маршальскаго; подъ Вильною потерялъ послѣдній экипажъ свой и верховыхъ лошадей, и въ одномъ плащѣ кое-какъ поплелся за Нѣманъ. И такъ сей Даву, который хотѣлъ уничтожить Россійскій народъ, едва не былъ удавленъ орканомъ быстрыхъ и храбрыхъ Аравитянъ безсмертнаго 29 бюллетеня.

Библиотека "Руниверс"

ровъ и грабежей Французскихъ, не было ни одного Россіянина, который бы не предпочелъ сохраненіе вѣрности къ Царю и Отечеству богатствамъ, предлагаемымъ отъ Французовъ тѣмъ, кои бы согласились взять на себя званіе Французскаго шпіона.

Генералы и офицеры Французскіе не могли сыскать ни за какія деньги въ Москвѣ коновала, плотника, кузнеца и другихъ подобныхъ мастеровъ.

Всѣхъ тѣхъ крестьянъ, коихъ ловили въ окрестностяхъ Москвы, приводили прежде къ коменданту Мильотту, а потомъ къ маршалу Даву. Отъ нихъ ничего не могли допытаться касательно Россійской арміи, но всѣ однакожъ увѣряли Французовъ, что вокругъ Москвы повсюду бездна козаковъ.

Неудачи Французскихъ армій въ Курляндіи, Бѣлоруссіи; потеря людей весьма чувствительно и ежедневно умножавшаяся во всѣхъ корпусахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Москвы; ропотъ въ оныхъ по неимѣнію вовсе хлѣба и одежды [1]), коими обѣщано было изобильно ихъ снабдить въ Москвѣ; видимое уничтоженіе всѣхъ лошадей, чрезъ что Наполеонъ лишился артиллеріи, кавалеріи, пищи и всякаго подвоза для своего войска; неповиновеніе, усилившееся въ солдатахъ до того, что они пренебрегали всѣми угрозами и дѣлались даже равнодушными къ наказаніямъ, ихъ токмо паче ожесточавшимъ; медлительность въ исполненіи всѣхъ приказовъ по самопроизвольнымъ отъ командъ отлучкамъ генераловъ и офицеровъ, занимавшихся однимъ только грабежомъ [2]); безпрестанныя ссоры и драки между Французами и разнородными войсками, у коихъ первые отнимали добычу, которая у нихъ самихъ отнимаема была гвардейскими солдатами; потеря всякой надежды получить какое-либо вспоможеніе войскамъ или вступить въ мирные переговоры; бездѣйствіе арміи, клонящееся явно къ пользѣ Россіянъ, получавшихъ отовсюду подкрѣпленія, всѣ сіи обстоятельства заставили наконецъ Наполеона дѣлать сугубыя размышленія и принять мѣры для удаленія себя отъ Москвы, отъ сей бездны, въ которую онъ ежедневно болѣе и болѣе погружалъ себя и остатокъ войскъ своихъ. Здѣсь ни

---

[1]) Наполеонъ, во все время пребыванія своего въ Москвѣ, могъ едва нашить 600 шинелей и набрать кое-какъ до 10,000 сапоговъ.

[2]) Во время сильнаго пожара, полковники и самые генералы, принужденными находились перемѣнять квартиру нѣсколько разъ въ день. Подчиненные офицеры искали своихъ начальниковъ по Москвѣ нѣсколько дней тщетно. Солдаты и офицеры попадались на встрѣчу своимъ генераламъ, и другъ друга не узнавали, будучи всѣ одѣты самымъ страннымъ образомъ: въ салопахъ, шубахъ, рогожахъ, юбкахъ, священническихъ ризахъ, чепцахъ, одѣялахъ, лошадиныхъ шкурахъ и пр. и пр.

Библиотека "Руниверс"

потоки крови столь презираемаго имъ человѣчества, ни измѣны, ни обольщенія, ни угрозы не могли пособить угрожавшимъ ему бѣдствіямъ. Обладатель цѣлой почти Европы, герой новыхъ временъ, геній все предузнавающій, предупреждающій, однимъ словомъ Наполеонъ преображается въ Москвѣ въ самаго обыкновеннаго человѣка, запутавшагося въ своихъ предпріятіяхъ и прибѣгающаго къ извѣстному средству всѣхъ, страхомъ поражаемыхъ, людей: къ бѣгству и бѣгству самому постыдному. Имъ обладаетъ смертельное недоумѣніе и отчаяніе. Нерѣшимость въ его повелѣніяхъ столь велика, что онъ забывалъ, кому какія давалъ приказанія; перемѣнялъ оныя безпрестанно и приходилъ въ бѣшенство, когда узнавалъ исполненіе приказовъ, которые по его мнѣнію и даваны не были никогда.

При всякомъ крикѣ и малѣйшемъ шумѣ подъ окнами его дворца, раздавались въ ушахъ его убивственныя слова: козаки! козаки! И дѣйствительно казалось, что козаки были извѣщены о его положеніи; ибо многіе изъ нихъ не рѣдко подъѣзжали къ заставамъ, а другіе проскакивали даже городомъ; убивали Французовъ и наводили крайнее смятеніе въ самомъ Кремлѣ. На Наполеона находили въ сіе время минуты, въ кои онъ былъ въ совершеннѣйшемъ оцѣпененіи и безуміи. Запершись во внутренности дворца (куда безъ особеннаго приглашенія никто не могъ войти), онъ бредилъ на яву, говорилъ одинъ и показывалъ всѣ признаки отчаяннаго человѣка. Иной разъ испугавшіеся ближайшіе и приверженные ему генералы входили съ поспѣшностью для поданія ему помощи, но были высылаемы съ грубостью вонъ. Не рѣдко случалось, что онъ изъ кабинета своего выбѣгалъ со шляпою на головѣ въ залу, гдѣ находился его штатъ и генералитетъ; всѣ думали, что онъ хочетъ ѣхать со двора, вмѣсто того онъ съ тою же поспѣшностью вбѣгалъ обратно въ кабинетъ, не сказавъ никому ни слова и не удостоя даже взглядомъ предстоявшихъ и пораженныхъ удивленіемъ сообщиковъ своихъ.

По прибытіи всякаго курьера собирались военные совѣты; но все было тщетно: Всевышнее Провидѣніе, управляющее судьбою міровъ, явную поставляло преграду дальнѣйшимъ замысламъ дерзкаго самозванца. Оно его ослѣпило, поразило безуміемъ и страхомъ; отняло у него кормило, и вмѣсто безопасной пристани, въ коей онъ мечталъ найти убѣжище, онъ погрузился въ бездну ужасныхъ бѣдствій.

Даву, Лефебръ и Ней утѣшали *) и убѣждали ускорить походъ для

*) Бертье былъ въ негодованіи на Наполеона во все время пребыванія его въ Москвѣ и занимался наконецъ болѣе мучившей его подагрою, нежели дѣлами своего повелителя.

Библиотека "Руниверс"

усиленія корпуса Мюрата, и тѣмъ принудить Русскихъ оставить свою позицію при Тарутинѣ; между тѣмъ же (Москворецкой!!) герцогъ Ней и Италіянской вице-король Евгеній, съ отборными войсками, были назначены для предупрежденія Русскихъ по Калужской дорогѣ.

Все сіе дѣлалось съ величайшею поспѣшностію; поелику получено было тогда извѣстіе, яко бы въ Ярославлѣ собрались 10 козачьихъ полковъ, долженствовавшихъ двинуться къ Москвѣ, когда и другіе корпусы, отдѣленные отъ главной арміи тронутся съ своихъ мѣстъ, дабы всѣмъ единовременно войти въ столицу и истребить тамъ Французскую армію. Предписывается всѣмъ корпусамъ, при учиненіи сигнала пушечными выстрѣлами, тотъ же часъ слѣдовать данному въ приказѣ направленію, предавая пламени всѣ оставляемые домы.

Наполеонъ получаетъ извѣстіе о разбитіи Мюрата подъ Тарутиномъ тою самою арміею, которую онъ почиталъ разсѣянною или вовсе истребленною. Вскорѣ послѣ того извѣщаютъ его, что главная армія Россійская идетъ на Москву. Извѣстія сіи заставляютъ героя нашего забыть все, чтобы заняться единственно спасеніемъ своей особы; онъ собираетъ охраняющую его гвардію, высылаетъ ее поспѣшно изъ Москвы 7-го числа Октября, въ 8 часовъ утра, а самъ съ приближенными своими чиновниками, сопровождаемый проклятіями Московскихъ жителей, выѣзжаетъ въ слѣдъ за тѣлохранителями своими въ 9 часовъ того же вечера, имянуя бѣгство свое фланговымъ движеніемъ, угрожающимъ Петербургу и приближающимъ Французскую армію къ зимнимъ квартирамъ. А такъ какъ зависитъ не отъ него, но отъ Русскихъ назначить мѣсто отдохновенія увѣнчаннымъ лаврами солдатамъ великой націи; то газетчики, соображаясь даннымъ имъ приказаніямъ, гласятъ: „что не должно угадывать намѣреній генія, ведущаго Французовъ къ славѣ, ежедневно возрастающей, ни предполагать, гдѣ именно возмутся зимнія квартиры, въ Кіевѣ ли, Вильнѣ, Варшавѣ или Ригѣ“ *).

Маршалъ Мортье оставленъ былъ въ Москвѣ для отправленія прочихъ командъ и для совершеннаго истребленія всего того, что оставалось еще въ столицѣ невредимаго. Около двухъ тысячъ самыхъ отчаянныхъ злодѣевъ должны были умертвить всѣхъ жителей, зажечь оставшіеся въ Москвѣ домы и подорвать Кремль.

---

*) Ни въ Кіевѣ, ни въ Вильнѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Ригѣ. Послѣдствія оправдали наставленія газетчиковъ: не должно было угадывать; никто и не угадалъ, что будетъ. Козаки, крестьяне, морозъ и голодъ такъ все устроили, что всякой почти Французъ имѣлъ свою особенную и преспокойную квартиру. Онѣ изображены многими искусными живописцами и несправедливо имянуются каррикатурными рисунками; самъ же Наполеонъ и Коленкуръ избрали себѣ блудящею зимнею квартирою Жидовскую бричку.

Библиотека "Руниверс"

10 числа Октября около полудни данъ вышеозначенный сигналъ. Смятеніе Французовъ было чрезвычайное; ибо въ тоже время появились въ Тверской заставѣ козаки, и всѣ жители полагали, что ни одинъ изъ бывшихъ въ городѣ Французовъ не останется въ живыхъ.

Многіе генералы бѣжали изъ Москвы, забывая свою добычу, адъютантовъ и слугъ; другіе же уходили, не взявъ нужныхъ бумагъ и плановъ. Во всѣхъ почти домахъ найдены были рапорты, письма и записки, свидѣтельствовавшія о важныхъ потеряхъ, отчаяніи и негодованіи Французской арміи. Чернь наводила бѣглецамъ ужасъ; по всѣмъ улицамъ слышны были крики: козаки! козаки! Въ сіе время, а особливо въ ночь съ 10 на 11 число, въ предмѣстіяхъ Москвы множество перебито Французовъ народомъ.

Испуганный Мортье не думалъ уже о выполненіи данныхъ ему жестокихъ приказаній, помышлялъ (слѣдуя примѣру своего Императора) токмо о собственномъ своемъ спасеніи: онъ успѣлъ только зажечь одну часть подкопа и ускакалъ самъ въ слѣдъ за бѣжавшими изъ Москвы Французами. Ужасный трескъ, коимъ взорвана была часть Кремлевскихъ строеній, возвѣстилъ въ одно время Московскимъ жителямъ и окончаніе всѣхъ ихъ бѣдствій, и бѣгство злодѣевъ. Въ тотъ же день вступилъ въ древнюю столицу генералъ-маіоръ Иловайскій и издалъ слѣдующія краткія, но выразительныя объявленія.

Первое объявленіе отъ генерала-маіора Иловайскаго.

Непріятель, тѣснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужденъ былъ очистить Москву; но убѣгая, умышлялъ онъ поразить новою скорбію Христолюбивый народъ Русскій, взорвавъ подкопами Кремлъ и Божіи храмы, въ коихъ почиваютъ тѣлеса угодниковъ. Дивенъ Богъ во святыхъ Его! Стѣны Кремлевскія и почти всѣ зданія взлетѣли на воздухъ, а соборы и храмы, вмѣщающія мощи святыхъ, остались цѣлы и невредимы, въ знаменіе милосердія Господня къ Царю и Царству Русскому.

Москва, 12-го Октября 1812 г.

Второе объявленіе отъ генерала-маіора Иловайскаго.

Слава Богу! Первопрестольный градъ очищенъ отъ враговъ. Окрестные жители могутъ теперь быть спокойны и привозить безопасно въ древнюю столицу всѣ произведенія земли и издѣлія свои. Обитатели Москвы нуждаются въ жизненныхъ припасахъ; я увѣренъ, что всякой Русской будетъ продавать привезенное за умѣренную цѣну; торговые дни назначаются тѣже, что и прежде. Пріѣздъ въ Москву обезпеченъ воинскими отрядами. Господь милосердъ! Государь нашъ благотворите-

Библиотека "Руниверс"

ленъ! Народъ Русской единодушенъ, и скоро древняя столица возвратитъ прежнюю свою славу и благоденствіе.

Москва, Октября 14-го дня, 1812 г.

Мы не войдемъ (по незнанію ремесла) въ разсмотрѣніе всѣхъ грубыхъ военныхъ ошибокъ коронованнаго гражданина города Аякчіо. Сочинитель книги: Разсужденіе о войнѣ 1812 года довольно обнаружилъ ихъ ясными и неоспоримыми доказательствами. Въ отрывкѣ, подъ заглавіемъ: Разсужденіе о покушеніи Французовъ на Россію и во многихъ другихъ любопытныхъ Русскихъ сочиненіяхъ, доказывается посредственность воинскихъ талантовъ неистоваго Наполеона и оплошность, показанная имъ въ разныхъ случаяхъ въ войну сію. Главнѣйшими изъ нихъ должно почитать:

1-е. Неистребленіе первой и второй Западной армій порознь, чѣмъ бы воспрепятствовалось ихъ соединеніе. Наполеону должно было поступить какъ графу Витгенштейну, который разбилъ по одиночкѣ корпусы маршаловъ Удино, Магдональда, Сен-Сира и Виктора.

2-е. Насильства, опустошенія, грабежи, коими Французы содѣлались всѣмъ Русскимъ ненавистными.

3-е. Осквернение храмовъ Божіихъ, поруганіе мощей и пренебреженіе, оказанное религіи, толико Русскими почитаемой *).

4-е. Долговременное, не токмо безполезное, но гибельное пребываніе въ Москвѣ, гдѣ вся армія истреблялась въ совершенномъ бездѣйствіи.

Симъ окончимъ мы печальныя похожденія Дон-Кихота новыхъ временъ, во многомъ съ Ламанхскимъ героемъ не сходствующаго. Тотъ сражался токмо съ вѣтренными мельницами; но сей, вступая въ Россію, долженъ былъ сражаться съ цѣлою природою. Всѣ стихіи искали его гибели: вода, всюду пресѣченная, не утоляла его жажды; огнь истреблялъ жилища, кровы, селы, деревни и все, что могло служить къ его продовольствію или покою; воздухъ, зараженный мертвыми лошадьми и трупами безчисленныхъ несчастныхъ жертвъ, сѣялъ вездѣ смертныя и прилипчивыя болѣзни; земля изверговъ не принимала и не могла имъ служить могилою: ибо тѣла ихъ дѣлались добычею дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ. Бѣдствія, претерпѣнныя Французами въ

*) Наполеонъ видно вспомнилъ, что принятіе Магометова Алкорана въ Египтѣ не принесло ему никакой пользы; въ противномъ случаѣ гонитель благочестиваго Папы конечно объявилъ бы себя защитникомъ Православнаго Греческаго исповѣданія, и облобызалъ бы руку Московскаго Преосвященнаго Владыки.

Библиотека "Руниверс"

Россіи, столь ужасны, что заслуживаютъ состраданія и самыхъ непріятелей ихъ. За чѣмъ не пало все бремя на жестокаго и кровожаднаго ихъ предводителя? Но нѣтъ! злодѣй всѣхъ оставляетъ. Онъ предается бѣгству самому постыдному. Вмѣсто того, чтобы раздѣлять нужды воиновъ, кровію своею поставившихъ на столь высокую степень могущества и его и все его подлое семейство, онъ летитъ въ Парижъ. Злобная душа его не хочетъ быть предупреждена въ удовольствіи возвѣстить столицѣ истребленіе всей Французской арміи. Онъ является туда съ 29 бюллетенемъ въ рукахъ; изложа въ ономъ всѣ бѣдствія, постигшія армію, злодѣй оканчиваетъ бюллетень словами: я никогда не былъ такъ здоровъ, то есть я живу, питаюсь и процвѣтаю несчастіями порабощеннаго мною народа!

Геройскіе подвиги Наполеона Бонапарте со времени изгнанія его изъ Москвы до той Еврейской колесницы, въ которую кинувшись, нашелъ свое спасеніе, рыская подъ чужимъ именемъ и перемѣня одежду, будутъ сообщены читателямъ нашимъ во второй книгѣ *).

Конецъ.

*) Этой второй книги не знаемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКІЙ СОБОРЪ 1884 ГОДА.

Посланіе къ высокопреосвященному Павлу, экзарху Грузіи.

Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архипастырь и отецъ.

Разумѣется, я могу изложить повѣствованіе о Кіевскомъ Соборѣ только съ своей точки зрѣнія. Конечно, въ описаніи такого важнаго событія, какъ соборъ, описаніе, которое можетъ дойти до потомства, я долженъ избѣгнуть всякихъ неосновательныхъ гаданій, особенно же всякой тѣни юмора и жесткости въ сужденіяхъ. Изложу только факты, чтобъ они не забылись.

Самое первоначальное начало Собора скрывается въ слѣдующемъ посланіи къ нынѣшнему епископу Херсонскому [1]).

„Преосвященнѣйшій владыка. Сообщаю вамъ мысль свою. Штунда у васъ—зло великое. Лѣчить надо. Противъ подспорья штундѣ изъ Петербурга отъ Пашковцевъ мы боремся здѣсь свѣтскою властью. Я послалъ вамъ печатную брошюру о Пашковцахъ. Было совѣщаніе. Рѣшено и Государемъ утверждено: Пашкова и графа Корфа [2]) выслать изъ Россіи (уже высланы) съ тѣмъ, чтобъ не возвращались безъ разрѣшенія; а буде возвратятся или станутъ продолжать свою дѣятельность въ Россіи, то имѣнія ихъ будутъ взяты въ опеку. Общество ихъ закрыто (о чемъ будетъ публиковано) и брошюры отобраны изъ Синода. Здѣсь глупыя дамы высшаго круга, ничего не зная и не смысля, вопіютъ противъ сего, но всѣ благоразумные довольны. Между тѣмъ въ народѣ (нѣкоторыхъ мѣстностей) распространилось уже недоумѣніе о томъ, не покровительствуетъ ли правительство и высшее общество новой вѣрѣ. Доселѣ свѣтская власть. А что же церковная? Надо бы ей

---

[1]) Т. е. къ самому Никанору. П. Б.

[2]) Модеста Модестовича. Это сынъ славнаго библіофила и библіографа, такъ много сдѣлавшаго для Императорской Публичной Библіотеки. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

явить себя міру [1]). Се нынѣ время для сего благопріятно. *У меня мысль такая (о чемъ на дняхъ буду писать въ Кіевъ): моъ бы старецъ митрополитъ Кіевскій собрать къ себѣ епископовъ тѣхъ епархій, гдѣ штунда появилась, для соборнаго совѣщанія о мѣрахъ;* тутъ бы кстати посудить и о Латинянахъ. Затѣмъ всѣ за общимъ подписаніемъ могли бы издать *пастырское посланіе* къ народу о штундѣ и вожакахъ ея. Дѣйствіе несомнѣнно было бы благотворное на всю Россійскую церковь. И время бы для того прекрасное—8-го Сентября, Нерушимая Стѣна [2]). *Кстати къ этому дню и вы собирались въ Кіевъ. Я писалъ о семъ сегодня одному преосвященному Виталію* въ Могилевъ. Разсудите о семъ. *Авось старецъ митрополитъ не усумнится.*—Въ чемъ тутъ сомнѣніе? *Пожалуй, можно устроить и разрѣшеніе.* Да хранитъ васъ Господь! Душевно преданный К. Побѣдоносцевъ. 29-го Іюня 1884 г. Петербургъ".

Между тѣмъ отъ Іюля сего же года, изъ Петербурга писалъ ко мнѣ преосвященный Николай, епископъ Новомиргородскій (Іоаннъ Григорьевичъ Заркевичъ), что „при прощаньи г. оберъ-прокуроръ просилъ его передать мнѣ слѣдующее: 1) на счетъ *штунды.* По его мнѣнію, преосвященнымъ тѣхъ епархій, гдѣ существуетъ штунда, слѣдовало бы написать коллективное пастырское посланіе къ православнымъ, въ огражденіе ихъ отъ опасности со стороны штунды, изложивъ въ немъ ея исторію и сущность ея ученія, съ указаніемъ существеннѣйшихъ заблужденій этого ученія и его вреда для Православія. Инціативу этого дѣла онъ предлагаетъ тебѣ", т. е. мнѣ, „прося снестись съ преосвященными другихъ, зараженныхъ этимъ лжеученіемъ, епархій. Сущность дѣла требуетъ, чтобы это посланіе написано было со всею тщательностью и осмотрительностью, и затѣмъ, въ тѣхъ же видахъ, чтобы прислано было въ Петербургъ, для новаго просмотра, передъ его печатаніемъ и обнародованіемъ. 2) Другимъ предметомъ заботливости, доходящей даже до скорби, служатъ для Константина Петровича вообще свѣчные епархіальные заводы, и въ особенности Херсонскій заводъ, о которомъ болѣе всего доходитъ до него неблагопріятныхъ слуховъ. Онъ находитъ, что заводская часть не дѣло пастырей церкви,

---

[1]) П. И. Саввантовъ однажды въ Петербургѣ разсказывалъ при мнѣ, что сынъ его передавалъ ему свое изумленіе: въ общихъ торговыхъ баняхъ не дали ему мыться, пока не пріѣхалъ Пашковъ и не произнесъ рѣчи, въ которой осуждалось поклоненіе Божіей Матери. Министромъ внутреннихъ дѣлъ тогда былъ А. Е. Тимашевъ, женатый на сестрѣ Пашкова. Изъ уваженія къ родству съ министромъ, полиція мирволила проповѣднику. Возвратившись въ Москву, я говорилъ о томъ съ матерью Тимашева, Екатериною Александровной. Черезъ недѣлю она позвала меня къ себѣ и прочитала письмо, полученное ею отъ сына, съ извѣщеніемъ о томъ, что эти проповѣди въ банѣ воспрещены. П. Б.

[2]) Такъ называется въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ икона Богоматери. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

да и вообще ведется оно, повсемѣстно, крайне неудовлетворительно: завѣдующіе свѣчными заводами священники превращаются въ тѣхъ же кулаковъ-промышленниковъ, что̀ и купцы; осложняютъ эту операцію посторонними затѣями, такъ что Константинъ Петровичъ боится, какъ бы не произошло скандала для церкви отъ банкротства свѣчныхъ заводовъ вслѣдствіе того, что прямыя обязательства заводовъ не выполняются, и преслѣдуются косвенныя меркантильныя цѣли. Опредѣленныхъ впрочемъ указаній на этотъ счетъ Константинъ Петровичъ не сдѣлалъ". Доздѣ преосвященный епископъ Николай.

По этимъ сообщеніямъ, которыя шли ко мнѣ посредственно и непосредственно отъ Константина Петровича оберъ-прокурора, въ отвѣтномъ посланіи ему отъ 12-го Іюля, я между прочимъ писалъ: „Не скрою, что въ народѣ уже укоренилось убѣжденіе, что правительство и высшее общество покровительствуютъ новой вѣрѣ штунды. При обозрѣніи мною епархіи народъ говорилъ мнѣ, что православные не встрѣчаютъ ни въ комъ защиты отъ злыхъ выходокъ штунды. Извѣстный *Чепурной* прямо называетъ лица изъ дворянства, земства, прокуратуры и судей, которые будто бы громко провозглашаютъ обѣтъ отстаивать штунду во чтобы то ни стало. Г. Херсонскій губернаторъ (Эрдели) прямо говоритъ о полномъ своемъ безсиліи предпринять что либо противъ штунды, такъ какъ судьи всѣхъ штундистовъ оправдываютъ. Защищать отъ имени земства и училищнаго совѣта извѣстнаго учителя Раснополе-Основскаго училища (который больше склоненъ къ штундѣ, чѣмъ къ православію и устраненъ г. директоромъ народныхъ училищъ, по моему сообщенію) являлся ко мнѣ г. уѣздный предводитель дворянства. Требуютъ въ удовлетвореніе себѣ, по меньшей мѣрѣ, чтобы я вывелъ изъ Раснополя-Основы протоіерея Опойченку, который сдѣлалъ невыгодный отзывъ о семъ учителѣ *). Самый интеллигентный

*) Центръ штунды здѣсь имѣется въ деревнѣ Основѣ, прихода церкви села Раснополя. Приходскимъ священникомъ поставленъ былъ здѣсь переведенный изъ Тавріи протоіерей Опойченко, человѣкъ разумный, лучшій въ здѣшнемъ духовенствѣ знатокъ штунды. Село Раснополь лично посѣтилъ я весною сего года. При моемъ посѣщеніи ученики училища деревни Основы стояли отдѣльною группою въ церкви, дѣлясь на двѣ группы, православныхъ и штундистовъ. И штундисты такія славныя дѣти, бойкія, веселыя. Я спрашиваю: „умѣютъ ли ученики пѣть?—„Нѣтъ", отвѣчаютъ.—Поютъ-ли въ церкви?—Никогда.—Ходятъ ли въ церковь?—Никогда... Какъ, ученики съ учителемъ въ церковь не ходятъ никогда?—Съ родителями иногда бываютъ. Между тѣмъ учитель умѣетъ пѣть и на скрипкѣ играетъ и учитъ пѣть, только вотъ этихъ, штундистовъ ихъ пѣснямъ, а не православныхъ". Это заявилъ протоіерей Опойченковъ всенародно въ церкви. Я сказалъ въ церкви: „оно понятно". И прекратилъ объ этомъ бесѣду. Но по выходѣ изъ церкви, на пути къ кладбищу и обратно, протоіерей и прихожане объяснили мнѣ, что учитель положительно вреденъ, поблажая штундизму и даже поощряя его и

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ изъ здѣшняго Русскаго купечества, первый сказалъ мнѣ, да и всѣ затѣмъ подтверждали тоже, что штунду развелъ здѣсь не кто иной, какъ генералъ-губернаторъ графъ Коцебу. Предсѣдатель же земства въ Херсонѣ сообщилъ мнѣ, на основаніи оффиціальной переписки, что и графъ Тотлебенъ покровительствовалъ здѣсь распространенію штундизма чрезъ миссіонерскую дѣятельность Нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Переписка по этому предмету коснулась и нашей консисторіи. И дѣйствительно, православные, за то, что выведены изъ терпѣнія грубо кощунственными посягательствами штунды, предпринимали нѣчто противъ штундистовъ своевольно и самоуправно" (посѣкли нѣкоторыхъ розгами), „всѣ наказаны по мѣрѣ вины безъ послабленія, по силѣ статей Уложенія о наказаніяхъ" (многіе сосланы были въ арестантскія роты на цѣлые годы). „Между тѣмъ штундисты, за оскорбленіе вѣры, за наругательство надъ православными, за явную и наглую пропаганду, не наказаны ни одинъ, по ясному смыслу тѣхъ же статей Уложенія о наказаніяхъ. Наоборотъ, первые коноводы штунды, посидѣвъ въ заключеніи, всѣ освобождены, окруженные ореоломъ страданія за вѣру, чуть не обожаемые своими послѣдователями, ободряемые вниманіемъ и даже сочувствіемъ всего, что̀ есть высшаго въ краѣ, начиная съ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, преводителей дворянства, предсѣдателей земства и разныхъ судебныхъ учрежденій. Что же долженъ народъ заключить отсюда, какъ не то, что штунду защищаютъ всѣ? Ни, не трогай. Пускай-де ихъ. Вотъ Чепурной, зная все до тонкости что̀ дѣлается въ штундѣ, и увѣряетъ, что такой-то и такой-то громко дали обѣтъ, что пока живы не попустятъ никакой обиды штундѣ. Этого Чепурнаго я захвачу съ собою въ Кіевъ. Онъ презанимательный, знаетъ премного. Говоритъ пребойко. Что дѣлаетъ духовенство противъ штунды, это совершенно искренно я изложу въ Кіевѣ".

Затѣмъ въ томъ же посланіи я развилъ слѣдующую теорію.

„Въ православной восточной, Греко-Византійской, какъ и нашей Россійской церкви, коренное неизгладимое устройство таково, что іерархія церковная, пусть будетъ она массою мозга во главѣ церковной,

развивая. Такъ „ученики-штундисты", расказывалъ протоіерей, „въ великій постъ нарочно ѣдятъ скоромное, мясо, сало. Больше того: озорничаютъ надъ дѣтьми православными, мажутъ имъ губы саломъ. Я просилъ учителя унять шалуновъ, учитель и не подумалъ. Я самъ обратился къ дѣтямъ штундистамъ: „дѣти, молъ, перестаньте. Ѣшьте сами, но все же не открыто, и не обижайте нашихъ". Такъ куды тебѣ! Учитель накинулся на меня же. „Не ваше дѣло. Я-де въ училищѣ хозяинъ, начальникъ, а не вы". А народъ свидѣтельствовалъ: „батюшка-де у насъ хорошъ; такихъ и не бывало". Я сѣсся по сему предмету съ г. директоромъ, и тотъ сейчасъ же устранилъ учителя. Но это возбудило оппозицію въ предводителѣ дворянства и въ земствѣ.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ не менѣе и при такомъ своемъ значеніи правильно дѣйствовать она способна только, когда защищена черепомъ, когда сидитъ на шеѣ, когда получаетъ притокъ крови чрезъ артеріи, когда правильно связана съ тѣломъ церкви. Оттого въ православной восточной церкви іерархія одна, безъ правильной связи съ церковію, никогда не сильна была учинить ничего мирно-плодотворнаго. Оттого на всѣхъ соборахъ православной церкви, для мирно-плодотворной дѣятельности ихъ, рѣшительно требовалось не только присутствіе вліятельныхъ мірянъ, царей и замѣстителей ихъ, но и вліяніе. Это не случайность и никакъ не узурпація. Это требованіе вытекаетъ непреложно изъ существа дѣла, изъ богозданнаго устройства истинной церкви. Въ католичествѣ не такъ: тамъ іерархія въ связи съ папою можетъ рѣшать все одна безъ тѣла церкви. У насъ не такъ: даже на великомъ апостольскомъ Соборѣ несомнѣнно присутствовали и міряне, и присутствовали не какъ безличные, но какъ дѣйствительные члены апостольской Церкви. Присутствовали не только апостолы, не только старцы-пресвитеры, но и братія. И соборное рѣшающее посланіе пишется отъ лица апостоловъ, пресвитеровъ и братіи".

„Эту теорію (писалъ я затѣмъ) излагаю и всю эту рѣчь веду я, простите, къ тому, чтобы съ нѣкоторою благовидною основательностію выразить нескромное мое желаніе, чтобы ваше высокопревосходительство, для благоплодности совѣщанія архіереевъ о штундѣ и о прочемъ, изволили пожаловать въ Кіевъ сами лично".

„Ваше высокопревосходительство изволите выражать желаніе, чтобы преосвященные архіереи въ Кіевѣ составили общее посланіе къ народу; а преосвященному Николаю, епископу Новомиргородскому, изволили поручить передать мнѣ, чтобы я занялся первоначальною редакціей проэкта этого посланія. За честь, какую дѣлаетъ мнѣ одна мысль объ этомъ, выражаю мое глубокое благодареніе. Въ эти самые дни я самъ занятъ былъ и думою, и заботою составить нѣчто такое, чѣмъ бы могли руководствоваться всѣ священники въ своихъ понятіяхъ и толкованіяхъ съ народомъ о штундѣ, равно какъ и самый народъ православный въ своихъ воззрѣніяхъ на штунду. По своей мысли я составилъ большое поученіе о штундѣ, на 29-е Іюня, на день святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, хотя произнесеніемъ въ церкви по частямъ кончу его только наступающаго 15-го Іюля. Эту проповѣдь я думалъ исправивши отпечатать; но теперь не печатаю, а представляю ее вниманію вашего высокопревосходительства. Если къ чему либо пригодна, согласно вашей мысли, она можетъ быть подвергнута всяческимъ исправленіямъ. Даже не лишнее было бы отдать ее въ С.-Петербургскую Д. Академію, на просмотръ спеціалистамъ".

Библиотека "Руниверс"

„Не скрою отъ васъ однакоже и того, что ни этой проповѣди, ни другой какой либо своей редакціи я не посмѣю предложить старцу митрополиту Кіевскому и сущимъ съ нимъ преосвященнымъ архіереямъ для предполагаемаго обще-архіерейскаго посланія къ народу. Вообще отклоню отъ себя всякую самомалѣйшую тѣнь иниціативы въ такомъ важномъ дѣлѣ. Желалъ бы, чтобъ съ этою проповѣдью и имя мое не соединялось. Думаю, что подобное же самоотрицаніе учинятъ и всѣ прочіе архіереи, если только прибудутъ. Потому-то я и осмѣливаюсь думать, что это, хотя бъ и частное совѣщаніе, могло бы быть и оживленнымъ и твердымъ только при личномъ присутствіи вашего высокопревосходительства".

„Все ли вамъ извѣстно, что̀ извѣстно намъ? По крайней мѣрѣ вамъ невсегда возможно видѣть вещи съ нашей точки зрѣнія. Когда съѣзжались архіереи на юбилей Кіевской Д. Академіи, то оберъ-прокуроръ графъ Д. А. Толстой виталъ въ тѣ дни гдѣ-то не вдалекѣ отъ Кіева, но никакъ не въ Кіевѣ. И это принято было архіереями за тонкое внушеніе, что они ни о чемъ, касающемся церкви, разсуждать не должны, а могутъ только попраздновать, съѣсть свои обѣды и за бокалами шампанскаго пожелать другъ другу многихъ лѣтъ. Это я слышалъ отъ участника съѣзда, блаженныя памяти святителя Казанскаго Антонія. Когда скоро послѣ этого явились нѣкоторые архіереи на юбилей владыки митрополита Исидора въ Петербургъ, то, дѣлая имъ первый пріемъ, старецъ владыка встрѣтилъ ихъ словами: „ну вотъ, вы всѣ тамъ озабочены теперь проэктомъ преобразованія духовнаго суда".... Всѣ архіереи поняли это, какъ внушеніе старца владыки, чтобъ ни одинъ изъ нихъ и не заикался о проэктѣ преобразованія духовнаго суда. А графъ Дмитрій Андреевичъ отбылъ на эти дни изъ столицы. Это я слышалъ отъ преосв. Германа епископа Кавказскаго, моего товарища по академическому воспитанію. Опасаюсь, что безъ прямой иниціативы и непосредственнаго руководства съ вашей стороны въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ и нынѣ, поклонившись Кіевской святынѣ, мы съѣдимъ одинъ или два обѣда, пожелаемъ старцу-митрополиту премногихъ лѣтъ въ дополненіе къ его многимъ лѣтамъ и мирно отбудемъ въ свояси, благословяще Бога".

„Отвыкли мы... сказать ли?—принимать общія дѣла церкви къ сердцу... Мы о нихъ тоскуемъ только дома, въ келейномъ уединеніи, да развѣ изливаемъ другъ другу свою тоску иногда только въ секретной бесѣдѣ при крайне рѣдкихъ свиданіяхъ, да въ братски-довѣренныхъ посланіяхъ... И винятъ насъ за это... Imbecilitas?... Да?"...

По предмету свѣчной операціи я тогда же написалъ Константину Петровичу другое посланіе. „Преосвященный Николай" (писалъ я)

Библиотека "Руниверс"

епископъ Новомиргородскій, передаетъ мнѣ пока письменно, что ваше высокопревосходительство изволите очень озабочиваться состояніемъ свѣчныхъ епархіальныхъ заводовъ. Такъ, правда. Неблистательно, скорѣе печально, ихъ состояніе. Въ Уфѣ я засталъ свѣчной заводъ только въ Уфимскомъ женскомъ монастырѣ. Шелъ онъ до меня тихо, но вѣрно. Монахини выдѣлывали свѣчу изъ чистѣйшаго воска; выдѣлывали столько, сколько успѣвали, и продавали тому, кто хотѣлъ у нихъ покупать, не состоя ни съ кѣмъ ни въ какихъ обязательствахъ. Я не хотѣлъ ни разрушить старое существовавшее, твердо поставленное, ни создавать новое невѣрное. Заводъ монастыря я не разрушилъ, обще-епархіальный свѣчной заводъ завести не отважился, какъ нѣчто невѣрное и лично для меня крайне-хлопотливое; а только пріурочилъ монастырскій заводъ къ обще-епархіальнымъ нуждамъ, обязавъ чрезъ съѣзды духовенства всю епархію брать свѣчи не иначе, какъ изъ складовъ женскаго монастыря, а монастырь обязавъ уплачивать извѣстные проценты на нужды епархіи. Правда, монастырю стало труднѣе; свѣчка стала терять свою чистоту отъ поставки изъ епархіи нечистаго огара; но выходила и своя польза; а противъ злоупотребленій принимались мѣры. Здѣсь, увы! дѣло поведено на широкую руку. На нужды епархіи выдачи попечительство завода дѣлало большія; но чистая свѣчка совсѣмъ исчезла изъ епархіи. При мнѣ состава попечительства оно запутывалось въ расчетахъ такъ, что и распутать нѣтъ надежды. Но и закрыть заводъ—сохрани Богъ!“

„Вообще я держусь пока того мнѣнія, что закрывать всѣ свѣчные заводы въ Россіи, состоящіе въ вѣдѣніи духовенства, сразу не слѣдуетъ. Основанія такого моего мнѣнія таковы: 1) Свѣчные епархіальные заводы составляютъ собственность, а всякая собственность имѣетъ права. 2) Создалась она на основаніи существующихъ законовъ, при покровительствѣ властей. Полезно ли для самаго закона, еслибы твердость его была не гарантирована, и довѣріе, которое къ нему питалось, было подрываемо? Съ другой стороны полезно ли поддерживать въ православномъ Русскомъ духовенствѣ убѣжденіе, воспитываемое вѣками, что собственность именно духовенства и церкви стоитъ внѣ закона? 3) Въ свѣчные заводы вошли капиталы иногда сиротскіе попечительскіе, иногда взятые заимообразно. Кто и какимъ образомъ воротитъ ихъ къ своему источнику? 4) Съ свѣчными заводами связаны многіе интересы, которымъ они до сихъ поръ удовлетворяли своими прибылями. Кто возмѣстилъ бы гибель этихъ интересовъ? Прибыли идутъ на училища епархіальныя, на мужскія, на женскія и т. д., и значительными выдачами. Подорвать ли самое существованіе этихъ учрежденій? 5) Самое же важное, по моему мнѣнію, это то, что Россійская цер-

Библиотека "Руниверс"

ковь выпуститъ, конечно навсегда, единственный источникъ и способъ, болѣе или менѣе самостоятельно поддерживать свое благосостояніе; выпуститъ даже единственный способъ благоукрашать свои храмы чистою восковою свѣчою. Теперь никакая сила не заставитъ торгашей производить свѣчи изъ чистаго пчелинаго воску. Неодолимый двигатель выгоды заставитъ ихъ, всегда, неизбѣжно, дѣлать удобную контрафакцію церковной свѣчки изъ суррогатовъ воска, въ 10 разъ болѣе дешевыхъ, чѣмъ самый воскъ. И эту статью, уничтоживъ свои заводы, мы выпустимъ изъ рукъ одинъ разъ навсегда. Чистая восковая свѣчка въ церкви останется свѣтлымъ апостольскимъ въ прошедшемъ и грустнымъ въ настоящемъ воспоминаніемъ, не болѣе. А чрезъ 50 лѣтъ вторгнется въ церковь и всякое освѣщеніе. Теперь въ рукахъ епархіальной власти имѣется хоть какой либо способъ бороться съ этой контрафакціей, и орудіе для этой борьбы даютъ свѣчные епархіальные заводы“.

Это письмо о свѣчныхъ заводахъ Константинъ Петровичъ оставилъ безъ отвѣта. Тѣмъ не менѣе я записалъ факты этой переписки потому, что по этому вопросу была рѣчь и на Соборѣ, о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ. На письмо же о самомъ соборѣ Константинъ Петровичъ соизволилъ отвѣтить посланіемъ отъ 30 Іюля.

„Все, что вы пишете, о необходимости присутствія властныхъ мірянъ на церковныхъ совѣщаніяхъ и я понимаю также, но вы выводите это изъ исторической идеи церковнаго устройства. Я не иду такъ глубоко, дальше практической почвы. Опытъ (правда невеселый) и наблюденіе удостовѣряютъ меня въ томъ, что наша церковная іерархія нуждается въ мірянинѣ и ищетъ себѣ опоры внѣ круга церковнаго управленія. Правда, тутъ есть нѣчто раціональное и отвѣчающее понятію о церкви; но есть и признакъ нѣкоторой внутренной косности и той лѣни, которая вообще свойственна Славянской натурѣ. Вслѣдствіе того многимъ изъ насъ легче и удобнѣе стать мучениками за идею, нежели вести непрерывную изо дня въ день борьбу съ заботами, то сдерживая, то понуждая себя въ нормальной дѣятельности. Но это сюжетъ пространный, и трудно касаться его мимоходомъ. Вообще у насъ въ Россіи невозможно ни въ какой сферѣ дѣятельности успокоиться на томъ, что все и организуется и пойдетъ само собою; всюду надо хозяина, а хозяинъ не бываетъ безъ заботы; а заботу рѣдко кто у насъ охотно принимаетъ на себя, тѣмъ болѣе что у насъ работа труднѣе и сложнѣе, чѣмъ гдѣ либо“.

„По Кіевскому же дѣлу скажу вамъ, что и у меня на мысли было ѣхать туда, если дѣло состоится. Вообще еслибъ отъ меня зависѣло,

Библиотека "Руниверс"

то я большую часть года проводилъ бы внѣ Петербурга. Кіевское же дѣло готово состояться. На дняхъ уже получено представленіе митрополита Кіевскаго Св. Синоду и указъ посылается разрѣшительный. Онъ предполагаетъ пригласить преосвященныхъ изъ Одессы, Житоміра, Каменца, Екатеринослава, Чернигова, Полтавы, Могилева. Теперь надлежало бы ему обдумать внимательно, какъ все это будетъ, гдѣ и когда, и какіе предметы будутъ на совѣщаніи. Слѣдуетъ быть всему благообразно и по чину, чтобы служеніе трапезамъ не выступало впередъ передъ служеніемъ Слову Божію. Благодарю за доставленіе весьма любопытнаго предложенія вашего Консисторіи".

Дѣло въ томъ, что Константинъ Петровичъ выразилъ желаніе знать о моихъ впечатлѣніяхъ, какія получилъ я при первомъ обозрѣніи Херсонской епархіи. Изъ каждаго прихода съ пути я посылалъ въ Консисторію повѣсть о томъ, что̀ узрѣлъ въ этомъ приходѣ съ нужными частными для каждаго мѣста предложеніями. А прибывъ въ Одессу, я написалъ особое предложеніе, гдѣ изложилъ общій свой взглядъ на состояніе, въ какомъ нашелъ Херсонскую епархію. Съ сего-то предложенія копію посылалъ я и г. оберъ-прокурору. Объ этомъ-то предложеніи онъ теперь и пишетъ. Нашъ старый другъ, Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ извѣстилъ меня, что эту мою запись читалъ даже Государь Императоръ. Теперь она печатается въ нашихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ". Благоволите полюбопытствовать.—„Относительно штунды (продолжаетъ посланіе г. оберъ-прокуроръ) справедливо и вѣрно указываете на великое значеніе школы, и именно нашей школы церковной. Это камень нашего спасенія. Теперь вышли правила, освобождающія церковную школу отъ принудительнаго союза съ канцелярщиной училищныхъ совѣтовъ. Дай Богъ на семъ основаніи строить „злато, сребро, каменіе честное", а инымъ хотя и дрова, сѣно, тростіе. Когождо дѣло явлено будетъ".... Впрочемъ, Богъ дастъ, поговоримъ о семъ. По новому семинарскому уставу при каждой семинаріи должна быть *образцовая* церковная начальная школа; и если такая школа устроится, это будетъ весьма полезно для всего епархіальнаго дѣла".

„Благодарю и за доставленіе вашего поученія о штундѣ. Безъ сомнѣнія это будетъ поученіе полезное, конечно, для духовенства и для мірскихъ людей, не знающихъ своей вѣры и церкви. Необходимо отпечатать его. Надобно еще, и по вашей мысли, подвергнуть его разсмотрѣнію лицъ знающихъ и опытныхъ. А С.-Пбургская Духовная Академія, какъ Академія, едвали поможетъ этому дѣлу".

Отъ 17 Іюля сего же 1884 г. я нашелъ возможнымъ обратиться и къ старцу митрополиту Кіевскому съ слѣдующимъ посланіемъ,

Библиотека "Руниверс"

нарочито употребляя обдуманныя и нѣсколько туманныя выраженія. „По доходящимъ до меня свѣдѣніямъ ваше высокопреосвященство изволите предполагать предложить преосвященнымъ архіереямъ, которые имѣютъ собраться во свѣтлый градъ Кіевъ къ 8-му Сентября, на общее обсужденіе нѣкоторые вопросы о мѣрахъ, какія полезно было бы предпринять по отпаденію къ штундѣ. Повидимому, и Константинъ Петровичъ, г. оберъ прокуроръ, помышляетъ о посѣщеніи богоспасаемаго Кіева, особенно еслибъ на то было ясное желаніе вашего высокопреосвященства. Повидимому ждутъ, чтобы въ этомъ важномъ дѣлѣ ваше высокопреосвященство приняли смѣлую иниціативу на пользу церкви Божіей, на славу вашей свѣтло закатывающейся жизни".

„На случай, что я не ошибаюсь въ своихъ предположеніяхъ, позвольте обратиться къ вамъ, милостивѣйшій отецъ, съ покорнѣйшею просьбою, не соблаговолите ли извѣстить и наставить мое смиреніе, съ какими данными прилично было бы явиться на это предполагаемое совѣщаніе епископу Херсонскому. Я еще очень мало знакомъ и съ краемъ, этою колыбелью штунды, и съ самою штундою, а тѣмъ менѣе знакомъ съ мѣрами, какія слѣдовало бы принять къ ея укрощенію".

Объясню прямо и открыто, зачѣмъ это я писалъ въ такихъ загадочныхъ выраженіяхъ, прикрывая ими то, что мнѣ было хорошо извѣстно. Изъ смиренія, скажу прямо. Мнѣ не хотѣлось выставлять себя предъ старцемъ-митрополитомъ, что мнѣ хорошо извѣстны самые первоначальные мотивы созванія Кіевскаго Собора. Наперед хотѣлось поставить себя въ тѣни, за спины другихъ отцовъ Собора, чтобъ ни одному изъ нихъ не могло придти и на мысль, что я собираюсь занять на Соборѣ хоть сколько либо выдающееся положеніе. Думаю, что я и до конца Собора остался вѣренъ этой задачѣ, этому тайному, но твердо принятому моему рѣшенію, на сколько позволяли то естественныя требованія, по ходу соборныхъ разсужденій, выразить свое мнѣніе по тому или другому вопросу.

Между тѣмъ прибылъ въ Одессу преосвященный Николай, епископъ Новомиргородскій и говоритъ: „Ну, братъ, пиши соборное посланіе". — „Не буду", я говорю. „Какъ не будешь? Константинъ Петровичъ желаетъ, чтобъ ты написалъ". — „Знаю, но не буду". — „Ну вотъ, не будешь?" — Буду, если Соборъ поручитъ. Но Соборъ не поручитъ. Старецъ-митрополитъ самъ напишетъ посланіе. А какъ я предложу свое сочиненіе ему? Платону! Какъ я предложу Собору? Соборъ самъ обязанъ написать посланіе. Тамъ на Соборѣ будутъ все авторитеты, Виталій Могилевскій, Тихонъ Волынскій! Прибылъ изъ Кіева гостившій у старца-митрополита Платона нѣкто Александръ Сергѣевичъ Князевъ, старый слуга и близ-

Библиотека "Руниверс"

кій человѣкъ старца, служившій подъ его начальствомъ во Псковѣ и въ Ригѣ съ начала 40-хъ годовъ и чуть ли даже не питомецъ его по С.-Пбургской Д. Академіи, написавшій исторію его Псковской и Рижской дѣятельности, великій его почитатель; прибылъ и говоритъ, что старецъ-митрополитъ думаетъ предложить собору возстановленіе старыхъ митрополичьихъ округовъ; что вообще мысли его летаютъ высоко и далеко и забираются глубоко. Эти сообщенія еще болѣе утвердили меня въ тайномъ моемъ желаніи, чтобы на нашемъ Соборѣ самолично присутствовалъ самъ Константинъ Петровичъ, чтобъ не оказалось рискованной нужды или стать въ оппозицію широкимъ планамъ старца, или же скомпрометировать первую попытку возстановленія соборныхъ разсужденій, при которой собравшіеся архіереи сразу же взялись за самый корень современнаго церковнаго строя и управленія.

Между тѣмъ удостоился я получить и отъ старца-митрополита письменный отвѣтъ отъ 25-го Іюля, съ надписью *секретно*, что отъ 21-го Іюля онъ проситъ Св. Синодъ о дозволеніи пригласить въ Кіевъ къ 8-му Сентября преосвященныхъ юго-западныхъ епархій для личнаго совѣщанія съ ними: „какія болѣе дѣйствительныя мѣры можно принять, съ одной стороны, къ ослабленію иновѣрія, въ особенности же штундизма, въ юго-западномъ краѣ, и къ пресѣченію его вреднаго вліянія на православныхъ жителей, а съ другой—къ бо́льшему развитію и утвержденію Православія въ народѣ. Поэтому (пишетъ старецъ-митрополитъ), „въ собраніи нашемъ мы должны разсудить о томъ: 1) чего мы, для достиженія вышеозначенной цѣли, можемъ просить у правительства относительно иновѣрцевъ въ нашемъ краѣ вообще и особенно касательно штундистовъ; 2) что̀ нужно сдѣлать въ отношеніи нашего духовенства, дабы оно было лучше въ нравственномъ отношеніи, точнѣе и усерднѣе исполняло свои священныя обязянности и не подавало своимъ прихожанамъ повода быть недовольными имъ и уклоняться въ иновѣріе, и 3) какъ достигнуть того, чтобы православные лучше понимали догматы нашей церкви, болѣе любили свою вѣру и крѣпче держались ея. Вотъ наша задача“.

10-го Августа сего 1884 г. получилъ я и указъ изъ Св. Синода отъ 31 Іюля. „Слушали: представленіе преосвященнаго митрополита Кіевскаго, отъ 21-го сего Іюля, въ коемъ изъясняетъ, что въ Кіевской и другихъ юго-западныхъ епархіяхъ находится немало разныхъ иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и штундистовъ, которые производятъ вредное вліяніе на православныхъ мѣстныхъ жителей. Къ охраненію сихъ послѣднихъ отъ такого вліянія и къ утвержденію въ Православіи епархіальными начальствами принимаются различныя мѣры; но онѣ,

Библиотека "Руниверс"

къ сожалѣнію, не достигаютъ вполнѣ своей цѣли, лжеученія иновѣрцевъ вообще остаются въ своей силѣ, а штундизмъ еще и распространяется. Поэтому онъ, преосвященный митрополитъ, признаетъ полезнымъ и даже необходимымъ видѣться съ преосвященными сосѣднихъ съ Кіевскою епархіей и лично съ ними обсудить: какія болѣе дѣйствительныя мѣры можно принять, съ одной стороны, къ ослабленію иновѣрія, въ особенности же штундизма, въ юго-западномъ краѣ, и къ пресѣченію его вреднаго вліянія на православныхъ, жителей, а съ другой—къ бо́льшему развитію и утвержденію Православія въ народѣ. Донося о семъ, преосвященный митрополитъ Платонъ проситъ дозволенія пригласить въ Кіевъ для означенной цѣли ваше преосвященство“ (епископа Херсонскаго) „и преосвященныхъ: Кишиневскаго, Подольскаго, Волынскаго, Могилевскаго, Черниговскаго, Екатеринославскаго и Полтавскаго, присовокупляя при семъ, что онъ полагаетъ пригласить васъ и прочихъ названныхъ преосвященныхъ въ Кіевъ къ 8-му числу будущаго Сентября мѣсяца, когда будутъ праздноваться въ немъ храмовой день Кіевскаго каѳедральнаго собора и 50-лѣтній юбилей Университета Св. Владимира. *Приказали:* преосвященный митрополитъ Кіевскій ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему пригласить.... для совмѣстнаго обсужденія вопроса о замѣчаемомъ нынѣ развитіи въ епархіяхъ юго-западнаго края иновѣрія и въ особенности штундизма съ цѣлію выработать общія мѣры какъ къ ослабленію и пресѣченію пагубнаго вліянія штундизма на православныхъ жителей, такъ и къ развитію и укрѣпленію Православія. Признавая таковое ходатайство преосвященнаго митрополита заслуживающимъ полнаго уваженія, Св. Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить вашему преосвященству“ (мнѣ) „и другимъ поименованнымъ отправиться въ г. Кіевъ къ 8-му будущаго Сентября“.

Обратилъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что выше приведенный указъ помѣченъ былъ: *конфиденціально.* Между тѣмъ въ газетѣ Свѣтъ отъ 10-го Августа появилось извѣстіе, что „нынѣшней осенью, преимущественно для обсужденія штундистской пропаганды и средствъ для борьбы противъ нея, ожидаютъ въ Кіевѣ созванія помѣстнаго Собора, въ которомъ примутъ участіе православные іерархи южныхъ Русскихъ областей. Ожидаютъ, что на Соборѣ соберется 8 епископовъ“, съ точнымъ и неошибочнымъ указаніемъ дѣйствительнаго числа приглашенныхъ на Соборъ. Значитъ, конфиденціальность распоряженія не помѣшала газетамъ получить вѣрныя свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ въ самомъ С.-Петербургѣ.

Снесшись съ о. намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры относительно помѣщенія, я отбылъ изъ г. Одессы 2-го Сентября въ Воскре-

Библиотека "Руниверс"

сенье, намѣренно разсчитавъ такъ, чтобы прибыть въ Кіевъ во Вторникъ 3-го Сентября вечеромъ, а 4-го по утру чтобъ представиться владыкѣ митрополиту Кіевскому. Разсчетъ мой осуществился вполнѣ согласно моему желанію. Въ пути моемъ три факта достойны замѣчанія. Еще будучи въ Одессѣ, предъ поѣздкою въ Кіевъ, я выражалъ свое прискорбіе на то, что нашъ южный край очень унылъ, такъ какъ совершенно лишенъ лѣсной растительности. На это о. ключарь Одесскаго собора возразилъ мнѣ, что вотъ по дорогѣ въ Кіевъ „какъ проснетесь вы поутру, увидите лѣсъ“. Дѣйствительно, проснувшись въ вагонѣ желѣзной дороги поутру 3-го Сентября, я былъ изумленъ, пораженъ и обрадованъ тѣмъ, что увидѣлъ не только лѣсъ, но лѣса, на протяженіи нѣсколькихъ станцій, лѣса старые, хорошо охраняемые, на разнообразныхъ холмистыхъ мѣстоположеніяхъ, между которыми видѣлись нерѣдко кое-гдѣ преживописные пейзажи. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, что вижу настоящій большой лѣсъ на Югѣ нашего отечества. Спрашиваю: а какая это губернія? Говорятъ: „Каменецъ-Подольская“, и увѣряютъ, что въ этой губерніи, особенно же въ Кишиневской, какъ и Волынской, преимущественно поближе къ отрогамъ Карпатскихъ горъ, еще много имѣется прекрасныхъ живописныхъ и обширныхъ лѣсовъ. Этимъ отчасти измѣняются мои понятія объ оголеніи отъ лѣса большей, особенно же южной, части нашего отечества. Всесовершенно оголены только Донская область и, къ моему прискорбію, нашъ Херсонскій край: печальная голая пустыня. Памятно мнѣ по этой дорогѣ и то, что на какой-то станціи въ Подольской губерніи я замѣтилъ двухъ благообразныхъ священниковъ, и одинъ изъ нихъ, очень развязный, вошелъ ко мнѣ въ вагонъ принять благословеніе, при чемъ объяснилъ, что они ожидаютъ проѣзда своего Каменецъ-Подольскаго архипастыря, преосвященнаго епископа Іустина, который, какъ имъ дано было знать, уже выѣхалъ изъ Каменецъ-Подольска. На станціи же подъ Кіевомъ я замѣтилъ изъ вагона благообразнаго старца, съ длинною сѣдою бородою, который въ рясѣ съ палкою и въ монашеской скуфьѣ прогуливался по платформѣ. Чрезъ нѣсколько мгновеній, мой келейникъ доложилъ мнѣ, что это преосвященный Иларіонъ епископъ Прилукскій, викарій Полтавскій, и что онъ желаетъ войти ко мнѣ. Чрезъ минуту сей благолѣпный старецъ входитъ въ мой вагонъ, въ полной архіерейской формѣ. Кланяемся другъ другу. Бесѣдуемъ. Оказалось, что преосвященный Іоаннъ, архіепископъ Полтавскій, хотя и поздоровѣлъ, но самъ поопасся отправиться въ Кіевъ; вмѣсто же себя отправилъ на Соборъ своего викарія, что̀ предварительно было предусмотрѣно. Повидимому, преосв. архіепископъ Іоаннъ получилъ и указъ въ такомъ же смыслѣ: если молъ нездоровъ, можетъ за себя препроводить

Библиотека "Руниверс"

своего викарія. Расказывалъ преосв. Иларіонъ, что жизнь его въ Полтавѣ пока не особенно красна: дали ему монастырь хотя и въ Полтавѣ, но обитель стоитъ на высокой, совершенно уединенной горѣ съ такими крутыми спусками, что чрезъ глубокій буеракъ въ большую часть года не бываетъ даже переѣзда и что самому преосвященному приходится иногда переправляться чрезъ эту необходимую пропасть кое-какъ; а народъ въ его монастырь совсѣмъ почти не ходитъ, и какъ по прибытіи изъ Кіева, изъ этого многолюдства богомольцевъ, наполняющихъ Лавру и святые Кіевскіе соборы, пришлось, ему въ своей новой обители совершить первую архіерейскую литургію при трехъ богомольцахъ, изъ которыхъ двое были старые его знакомые, то пришлось и всплакнуть на старости лѣтъ. Ну, теперь ничего. Дѣло кое-какъ обошлось; пріобрѣтаются навыки къ новой жизни и обстановкѣ. На послѣднемъ предъ Кіевомъ полу-станкѣ преосв. Иларіонъ оставилъ меня, и мы увидѣлись съ нимъ только уже назавтра въ Кіевѣ на обѣдѣ у владыки-митрополита.

На Кіевскомъ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ меня ожидалъ Лаврскій экономъ, ожидали и лошади. Темною ночью проѣзжали мы Кіевъ, который послѣ Одессы уже не показался мнѣ такъ красивъ, какъ въ 1870 г., въ первое мое посѣщеніе Кіева, послѣ Казани и Нижняго Новгорода. Впослѣдствіи я тщательно повѣрялъ свои первыя впечатлѣнія. Выводъ тотъ же: Казань большой и отлично обстроенный городъ, съ нѣкоторыхъ пунктовъ и живописенъ; Нижній Новгородъ— большой же городъ, отлично благоустроенъ и съ Волги съ Оки прекрасенъ; Кіевъ по мѣстоположенію, раскинутый весь по Кіевскимъ горамъ, самый красивый въ Россіи городъ. Но все это города Русскіе по всему своему внутреннему характеру, на сколько онъ опредѣляется не природой, а искусствомъ человѣческимъ. Одесса-же не даромъ зовется красавицей Юга. Она и по мѣстоположенію, если смотрѣть на нее съ моря, или примѣрно изъ моего сада, красива не въ примѣръ другимъ городамъ; по внутреннему же устройству она далеко оставляетъ за собою всѣ Русскіе города, за исключеніемъ Москвы и Петербурга, но и тѣ превосходитъ своими мостовыми, водопроводами и своими тротуарами-аллеями. Чистота въ Одессѣ примѣрная. Равномѣрность и однохарактерность зданій, какихъ въ другихъ городахъ видѣть нельзя. Всѣ зданія съ такими архитектурными претензіями, что я называю Одессу не только „красавицею“, но и принаряженною красавицею. На убранствѣ зданій, на множествѣ нарядныхъ магазиновъ, на движеніи народонаселенія, на пристаняхъ, мòлахъ, на безпрерывно движущихся паровозахъ, пароходахъ и желѣзно-конныхъ вагонахъ, на всемъ лежитъ печать города настоящаго, большого города. Этотъ бульваръ

Библиотека "Руниверс"

на пристани, противъ генералъ-губернаторскаго дома, это безъ всякого сомнѣнія одна изъ красивѣйшихъ картинъ въ цѣломъ мірѣ. Когда въ этомъ году въ 4 часа пасхальнаго утра всѣ мы катили изъ собора „разговляться“ къ генералъ-губернатору, и путь нашъ на этой пристани освѣщался сотнями меркнувшихъ фонарей, десятками блещущихъ синимъ свѣтомъ электрическихъ солнцевъ, а на закраинѣ неба румянымъ блескомъ загорающейся зари свѣтло-пасхальнаго дня, а по безбрежной дали моря безконечнымъ отраженіемъ этой зари въ тихомъ зеркалѣ необразимой водной дали, о! эта картина не забудется... Кіевъ по мѣстонахожденію живописенъ, но раскиданъ, мало упорядоченъ и не можетъ похвалиться ни чистотою, ни нарядностію. Тутъ прелестный бульваръ, тамъ художественно-архитектурный памятникъ или часовня или храмъ, а далѣе разваливающійся деревянный заборъ, убогая хижина, грязный рынокъ. По знаменитому Крещатику открыто и постоянно течетъ спускъ какой-то нечисти. Чего же больше! Кіевъ не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія порядочности: напротивъ кидается въ глаза и въ носъ Русско-жидовскою склонностію не очень-то прятаться отъ чужихъ глазъ съ своими отбросками *).

Въ Святую Кіево-Печерскую Лавру вступилъ я среди глубокой ночной темени. По Лавровскому двору шелъ пѣшими стопами. Различивъ въ темнотѣ силуэтъ Великой церкви, низко преклонился и присоединилъ свой глубокій молитвенный вздохъ къ многимъ милліонамъ таковыхъ же вздоховъ, которые вылетали здѣсь же изъ многихъ же милліоновъ подобныхъ мнѣ странниковъ, посѣтителей сего святаго мѣста, истоптаннаго стопами святыхъ, на пространствѣ девяти вѣковъ бытія Русской церкви и сей святой Лавры. Помѣщеніе дано мнѣ было вблизи святыхъ вратъ, удобное для временнаго жительства, но довольно смиренное.

4-го Сентября поутру, поклонившись святымъ Великой церкви, я направился къ владыкѣ-митрополиту, впрочемъ сперва къ о. намѣстнику архимандриту Ювеналію, прежде бывшему намѣстнику Александро-Невскія Лавры, съ которымъ теперь пришлось встрѣтиться второй разъ въ жизни. Въ первый разъ встрѣтился, когда въ 1868 г. лѣтомъ проѣзжалъ черезъ Петербургъ изъ Витебска ректоромъ Академіи въ Казань. Тогда о. Ювеналій, конечно, былъ помоложе; теперь сталъ постарѣе, но дряхлости еще ни тѣни, бодрый и крѣпкій; Петербурга, явно, не долюбливаетъ по нѣкоторымъ печальнымъ воспоминаніямъ. О. намѣстникъ объяснилъ, что владыка-митрополитъ проситъ пожаловать къ нему

*) Тоже впечатлѣніе производилъ Кіевъ и на Екатерину Великую, которая прожила въ немъ первые три мѣсяца 1787 года. Главное значеніе Кіева—политическое. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

въ 2 часа, прямо къ обѣду. Меня повергло это въ нѣкоторое недоумѣніе. А такъ какъ я приготовилъ для поднесенія его высокопреосвященству святую икону седми священно-мучениковъ Херсонскихъ, и она была у меня въ рукахъ, то и послалъ освѣдомиться, не приметъ ли меня на нѣсколько минутъ. Старшій келейникъ владыки Платона Семенъ Ѳедоровичъ хорошо знакомъ мнѣ еще по Ригѣ, съ 1856 по 1858 гг., далѣе по Петербургу съ 1864 по 1865 годовъ. Поэтому онъ охотно доложилъ обо мнѣ старцу, и старецъ сейчасъ же вышелъ весьма благосклонный. Первыми словами его были послѣ привѣтствія: „Вотъ вы стали моимъ преемникомъ. Очень радъ видѣть васъ. Душевно радъ принять отъ васъ сію святую икону“. Посмотрѣлъ на нее съ умиленіемъ и облобызалъ. Написана она довольно, т. е. весьма художественно замѣчательною во многихъ отношеніяхъ художницею, извѣстною матерью Митрофаніей, и художествено же облечена граненымъ серебромъ: однимъ словомъ, стоила поднесенія. Тутъ же владыка-митрополитъ откровенно объяснилъ мнѣ, что онъ дѣйствительно распорядился, чтобы мы всѣ явились къ нему одновременно въ 2 часа, прямо къ обѣду, такъ какъ иначе ему пришлось бы все утро употребить на одни пріемы. Послѣ 1877 г., когда я съ нимъ разстался во Новочеркасскѣ, отбывая въ Уфу, въ немъ произошла замѣтная перемѣна только въ глазахъ. Явно стало, что глаза у него уже не въ порядкѣ отъ дряхлости; да цвѣтъ лица потускнѣлъ, отъ той же почтенной старости. Во всемъ же остальномъ оказался прежній Платонъ, бодрый духомъ и пока еще сравнительно весьма бодрый и тѣломъ. Вѣдь служитъ еще обѣдни съ молебнами; послѣ оныхъ сидитъ за завтраками, за обѣдами; разговариваетъ, говоритъ даже рѣчи, наприм. 8 Сентября въ Университетѣ или же 9 Сентября новорукоположенному архіерею, и не жалуется на усталость, даже явно-особенно и не утомляется. Это во всякомъ случаѣ замѣчательная бодрость для 82 лѣтняго старца.

Вышедши отъ него, я отправился съ визитами сперва по лаврѣ. Подъ кельями митрополита помѣщенъ былъ преосвященный Сергій, архіепископъ Кишиневскій. Я не засталъ его дома и росписался у него въ книгѣ. У преосвященнаго Иларіона Прилукскаго, который по старой памяти прежде-бывшаго намѣстника Лавры помѣстился въ нижнихъ кельяхъ намѣстническаго дома, я росписался же. У митрополита Сербскаго Михаила, который прибылъ въ Лавру наканунѣ вмѣстѣ съ Сергіемъ Кишиневскимъ, былъ принятъ лично. Помѣщался онъ въ верхнихъ кельяхъ намѣстническаго дома. Онъ моложе насъ, и цвѣтъ лица свѣжій; видъ кроткій и привлекательный, но станъ уже согбенный; сѣдина покрыла голову и особенно бороду. Ростъ малый. Въ архіерей-

Библиотека "Руниверс"

скомъ облаченіи удивительно, поразительно схожъ съ святителемъ Московскимъ Филаретомъ, какъ въ послѣдніе годы жизни изображался онъ въ святительскомъ облаченіи. Преосвященнаго архіепископа Волынскаго Тихона пока еще не было (прибылъ въ этотъ же день только къ обѣду). Не помню, былъ ли я принятъ въ это утро у преосв. Ѳеодосія Екатеринославскаго. Помѣщенъ былъ онъ сбоку противъ великой церкви, съ сѣверной стороны. А преосв. Тихонъ въ сосѣдствѣ со мной, поодаль отъ святыхъ вратъ. Преосв. Подольскій Іустинъ прибылъ въ этотъ же день также только къ обѣду. Не теряя времени, въ тоже утро я отправился изъ Лавры во градъ съ посѣщеніями къ ново-нареченному епископу Поликарпу въ Никольскій монастырь; не засталъ дома. Преосвященнаго Виталія Чигиринскаго въ Михайловскомъ монастырѣ засталъ и былъ любезно принятъ. Помѣщеніе у него, отдѣланное преосвященнымъ епископомъ Порфиріемъ, дѣйствительно великолѣпно, и мало сказать великолѣпно: нѣтъ, эта отдѣлка изящна. Ни у кого изъ архіереевъ, начиная съ митрополитовъ, нѣтъ такихъ нарядныхъ и можно сказать изящныхъ палатъ. Вѣдь это всюду позолота. Золоченыя фигуры на потолкахъ. Картины, портреты въ роскошнѣйшихъ, вдѣланныхъ въ стѣны, рамахъ. Вообще видно мастерство устроителя. Самъ преосвященный Виталій роста болѣе средняго, довольно дородный, сановитый и привѣтливый архіерей; въ священнодѣйствіи сановитъ и даже величественъ. Отъ него отбылъ я въ Софійскій митрополичій домъ. Конечно, и въ Михайловскомъ монастырѣ и въ Софійскомъ соборѣ я кланялся святынѣ того и другаго мѣста. Въ Софійскомъ митрополичьемъ домѣ, внизу по кельямъ остановились два преосвященныхъ, Черниговскій Веніаминъ и Могилевскій Виталій (прежде протоіерей Василій Гречулевичъ, основатель и многолѣтній издатель журнала „Странникъ“). Я сдѣлалъ посѣщеніе тому и другому. Оба уже совсѣмъ сѣдые, Веніаминъ Черниговскій съ большою сѣдою бородою, а Виталій Могилевскій съ малою, но сѣдою же бородою. Первый съ двумя звѣздами, послѣдній совсѣмъ безъ звѣздъ пока, хотя и старше насъ четырьмя годами. По словамъ товарища его по академическому курсу, преосвященнаго архіепископа Волынскаго Тихона, преосвященный архіепископъ Волынскій Димитрій хотѣлъ представить преосв. Виталія, какъ викарія Волынскаго къ звѣздѣ, но не успѣлъ за переводомъ своимъ въ Одессу; преосв. Тихонъ также собирался, но не успѣлъ за переводомъ самаго Виталія въ Могилевъ. Изъ Софійскаго митрополичьяго дома я успѣлъ еще съѣздить въ Кіевскую Академію. У о. ректора, архимандрита Сильвестра засталъ цѣлое засѣданіе Академическаго совѣта. О. Сильвестръ видитъ плохо, имя свое подписываетъ плохо, повидимому наугадъ, но подписываетъ. Изъ Академіи хотѣлъ было поспѣть еще въ Семинарію, къ

Библиотека "Руниверс"

о. ректору архимандриту Иринею (Ордѣ), но не успѣлъ. Нужно было поспѣшать въ Лавру къ назначенному у митрополита обѣду въ 2 часа.

Въ Лавру я прибылъ какъ разъ къ сроку. По привычкѣ своей не вылѣзать изъ черноты, я и тутъ одѣтъ былъ въ черную шерстяную рясу, но чувствовалъ себя нѣсколько неловко, потому что прочіе преосвященные архіереи одѣты были всѣ въ цвѣтное, не ниже шелка. Неловко было какъ-то выдаваться и смиреніемъ. Тѣмъ не менѣе я не измѣнилъ своей привычкѣ, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ являлся въ той же шерстяной черноткѣ постоянно. Здѣсь въ митрополичьей кельѣ я имѣлъ честь представиться преосв. архіепископу Сергію Кишиневскому. По молвѣ я имѣлъ о немъ нѣсколько иное представленіе; на дѣлѣ нашелъ его привѣтливѣе, чѣмъ ожидалъ. Онъ склоненъ и къ юмору, такому мѣрному. Тутъ же вошелъ и представился владыкѣ митрополиту архіепископъ Волынскій Тихонъ и поднесъ хозяину святую икону. Важный такой сановникъ. Тутъ же оказались преосвященные и Ѳеодосій Екатеринославскій, уже старичекъ, впрочемъ бодрый и поворотливый, и Іустинъ Подольскій, уже значительно сѣдѣющій, съ широкою окладистою бородою и великолѣпными, еще не сѣдыми, а только сѣдѣющими волосами, такой представительный, довольно рослый, по моему жаль, что усы подстригаетъ: это портитъ безукоризненность вида. У Екатеринославскаго Ѳеодосія также усы крѣпко подстрижены, отчего внѣшній видъ довольно напоминаетъ простого сельскаго священника. Тутъ же оказались и всѣ прочіе новоприбывшіе преосвященные, и митрополитъ Сербскій Михаилъ, и Иларіонъ Прилукскій, и преосвященный Виталій викарій Кіевскій и о. архимандритъ Поликарпъ, новонареченный или только приготовлявшійся къ нареченію епископомъ, съ виду статный, волоса свѣтло-рыжеватаго, борода довольно большая окладистая.

Вечеръ 4-го Сентября я провелъ въ молитвѣ, такъ какъ назавтра выпросилъ себѣ и получилъ благословеніе мѣстныхъ духовныхъ властей отслужить обѣдню въ верхней церкви ближнихъ пещеръ, чтобы совершить поминовеніе въ Бозѣ почившихъ святителей Кіевскихъ, митрополитовъ Филарета, Арсенія и Филоѳея, да присоединить къ нимъ первое поминовеніе моей матери, рабы Божіей Анастасіи, по кончинѣ ея, совершившейся совершенно мирнымъ, буквально успеніемъ, 31-го Августа. Сидѣлъ я вечеромъ у сына, моего единственнаго родного брата, Ильи Ивановича Бровковича (судебнаго слѣдователя въ г. Нахичевани), въ кругу семьи какъ обычно. Часовъ около 10 повели и уложили ее почивать. Братъ спросилъ: „какъ вы себя чувствуете?—Такъ себѣ“, былъ послѣдній отвѣтъ, послѣднія слова. Подложила правую

Библиотека "Руниверс"

руку подъ правую щеку и тутъ же заснула, безъ стона, безъ вздоха, а чрезъ полчаса на глазахъ семьи похолодѣла. Оказалось, что заснула на вѣки... Извѣстіе о кончинѣ ея получилъ я передъ самымъ отъѣздомъ, почему и рѣшилъ помянуть ее при первомъ служеніи въ Кіевѣ.

Вечеромъ наканунѣ 5-го Сентября стоялъ я въ Великой церкви. Расположился лечь спать пораньше, чтобы въ $1^1/_2$ утра встать на утреню въ той же церкви, и съ вечера заснулъ было; но скоро же проснулся. Природа вообразила, что это я прилегъ заснуть послѣ обѣда; а мнѣ случалось прилегать заснуть вечеромъ часовъ и въ семь (тогда я скоро проснусь и ночь не сплю). Такъ случилось и здѣсь. Сонъ улетѣлъ, и я знаю по опыту, что до $1^1/_2$ часа ночи онъ и не воротится. Поднялся и сѣлъ писать поученіе, которое озаглавлено въ печати: *Въ честь и память въ Бозѣ почившаго святителя Филоѳея, митрополита Кіевскаго.* Я уже давно навѣшивался поднять свой голосъ въ защиту его чести; навѣшивался потому, что живущая около меня въ Одессѣ извѣстная мать Митрофанія тогда же, какъ только возникли газетныя молвы о дѣлѣ Булахъ, разсказала мнѣ, что почившему митрополиту Филоѳею эти злосчастные 30000 рублей вручилъ знаменитый богачъ и благотворитель Иванъ Ивановичъ Стахѣевъ, купецъ-милліонеръ г. Елабуги, строитель церквей, монастырей и разныхъ благотворительныхъ учрежденій. Желая, по заповѣди Христа, роздать свои имѣнія и послѣдовать Христу всесовершенно, Иванъ Ивановичъ, старецъ уже подъ 80 лѣтъ, задумалъ было скончать вѣкъ свой на Аѳонѣ, которому много благотворилъ на своемъ вѣку. Собираясь теперь положить тамъ и кости свои, Иванъ Ивановичъ захватилъ съ собою туда 100000. Но этому крайне своенравному старцу, который, ворочая милліонами, весь вѣкъ свой проходилъ въ изорванномъ зипунѣ, въ засаленномъ картузѣ и смазныхъ сапогахъ, весьма не понравилось на Аѳонѣ, что тамъ его встрѣтили съ великимъ подобострастіемъ. Конечно, сюда привзошли и другія причины. Зная этого великаго чудака, весь вѣкъ свой юродствовавшаго и Христа ради и честолюбія ради, крайне своеобычнаго и избалованнаго всеобщею угодливостью людей, всегда примѣнявшихся къ его своенравію, я еще въ Уфѣ, гдѣ слава Стахѣевыхъ громка и все извѣстно, что̀ дѣлается около нихъ въ Елабугѣ (этой купеческой столицѣ, орудующей Сибирскою торговлею), я пророчилъ, что Иванъ Ивановичъ на Аѳонѣ не уживется; не достанетъ у него полнаго самоотверженія отъ своей воли, необходимаго для Аѳонской жизни. Наконецъ гдѣ-же 80-лѣтнему старцу, привыкшему во всю свою жизнь къ своеобычной роскоши, ѣсть и переваривать своимъ старческимъ желудкомъ Аѳонскую рѣдьку? Какъ отстаивать своими старческими ногами

Библиотека "Руниверс"

14-часовыя Аѳонскія всенощныя и т. п.? Такъ оно и вышло. Обидѣвшись подобрастнымъ пріемомъ и ухаживаніемъ за этимъ золотымъ мѣшкомъ, этимъ великимъ жертвователемъ и своеобычнымъ подвижникомъ Аѳонскихъ старцевъ, онъ поворотилъ назадъ въ свое любезное отечество, въ свою дорогую Елабугу, гдѣ уже знаютъ всѣ его пріемы; знаютъ, что подобострастное ухаживанье за нимъ должно быть облечено внѣшнимъ видомъ Россійской простоты и даже грубоватости. Разсказывали за достовѣрное объ одномъ архимандритѣ въ его вкусѣ, что въ домѣ Ивана Ивановича тотъ развѣшивалъ по бархатной мебели свои дѣйствительно нечистыя онучи, и Ивана Ивановича это умиляло, и великія пожертвованія шли чрезъ руки сего о. архимандрита. Разсказывали объ архимандритѣ же въ другомъ родѣ, высшаго пошиба. Вотъ сей мужъ, погостивъ у Ивана Ивановича и усладивъ его сердце, отправляется въ дальнѣйшій путь. Самъ Иванъ Ивановичъ провожаетъ гостя на пароходную Елабужскую пристань. Въ Елабугѣ Иванъ Ивановичъ великъ... На берегу у пристани разстилаютъ заблаговременно коверъ, знаютъ напередъ что̀ будетъ и готовятся. О. архимандритъ, ставъ на коверъ, всенародно кланяется Ивану Ивановичу въ ноги. Иванъ Ивановичъ, ставъ на коверъ, всенародно кланяется о. архимандриту въ ноги. Поднявшагося Ивана Ивановича о. архимандритъ благословляетъ большимъ крестомъ и принимаетъ въ свои объятія. Иванъ Ивановичъ и архимандритъ лобызаются по русски, по христіански и разлучаются. Такъ Ивану Ивановичу всѣ, начиная съ архимандритовъ и игуменій, непремѣнно кланяются въ ноги. Объ архіереяхъ не слышалъ. Нѣкоторымъ и самъ Иванъ Ивановичъ отвѣтитъ доземнымъ же поклоненіемъ. Но со стороны другихъ, если требуется выпросить что нибудь, земное поклоненіе требуется неотложно. Такъ одинъ изъ невѣдомыхъ Ивану Ивановичу игуменовъ выкланялся у него пожертвованія въ 3000 десятинъ земли на бѣднѣйшій, только что основанный въ Самарской губерніи въ глуши монастырь. Вотъ сей-то Иванъ Ивановичъ, прогнѣвавшись на Аѳонъ, въ который прежде перевелъ много своихъ денегъ, на сей разъ оставилъ Аѳону всего только 10000 рублей. Остальные, конечно, роздалъ гдѣ либо; но онъ-то именно завезъ по пути въ Кіевъ и вручилъ святителю Филоѳею, зная его высокую подвижническую жизнь, извѣстные по дѣлу Булахъ 30000 рублей на благотворенія. Иванъ Ивановичъ и жертвовать могъ только по разбору лицъ. Если кто, то конечно свягитель Филоѳей достоинъ былъ его усердія. Къ святителю Антонію Казанскому отнесся онъ же, Иванъ Ивановичъ, какъ-то шероховато: вручилъ ему 60000 р., но съ спеціальною цѣлію на постройку женскаго монастыря тамъ-то. Владыка Антоній такъ и поступилъ, но часть направилъ на какое-то другое благое дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Ивановичъ изволилъ гнѣваться на святителя Антонія Казанскаго. Все, что̀ я говорю объ Иванѣ Ивановичѣ Стахѣевѣ, всѣ подробности знаю я, конечно, только по слухамъ; лично я не зрѣлъ его никогда. Письменно просилъ у него его фотографію, но получить не удостоился. Тѣмъ не менѣе изображаемый мною типъ вѣренъ оригинальному оригиналу. Это своеобразнѣйшій продуктъ исчезающей, наиболѣе типичной Русской старины, съ ея великими достоинствами и нѣкоторыми недостатками. А святитель Филоѳей, получивъ эти 30000, невнимательно къ презрѣнному металлу, по своему всегдашнему обычаю, сунулъ въ какую-то этажерку, да и забылъ, а тутъ подоспѣлъ и недугъ, пораженіе мозга.

Къ 1½ утра проповѣдь моя была набросана на бумагу. Изъ-за письменнаго стола я отправился прямо въ Великую церковь на утреню. Послѣ утрени готовился къ обѣднѣ. Такъ и не спалъ. На совершаемой мною литургіи изволили присутствовать преосвященные Тихонъ, архіепископъ Волынскій, и Іустинъ Каменецъ-Подольскій. Пѣли митрополичьи пѣвчіе. Народу была полна церковь. Какъ оказалось, была одна и Петербургская барыня, Вальрондъ, близкая къ Варварѣ Петровнѣ Базилевской. Было нѣсколько человѣкъ даже студентовъ Кіевской Д. Академіи. Свою проповѣдь я прочиталъ съ великимъ раздраженіемъ нервовъ, сколько отъ безсонницы, послѣ которой обычно бываютъ у меня почти истерики съ плачемъ, столько жъ и отъ раздражающаго свойства самаго предмета, о которомъ я говорилъ, да и отъ мѣста, гдѣ говорено, надъ гробами святителей Филарета, Арсенія, Филоѳея, надъ гробами святыхъ угодниковъ Кіевопечерскихъ, во храмѣ, который упитанъ молитвенными воздыханіями, вздохами, стонами, слезами премногихъ поколѣній, на землѣ, утоптанной стопами святыхъ... Проповѣдь по всѣмъ этимъ причинамъ сказана такъ, что m-me Вальрондъ очень хвалила и тамъ-же добивалась получить отъ меня рукописную копію оной, въ чемъ я тогда отказалъ, но изъ Одессы препроводилъ въ Петербургъ печатные оттиски.

(Окончаніе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

I.

Наши фальшивыя ассигнаціи въ Лондонѣ.

Секретное дѣло № 1 (по описи № 14) объ иностранцѣ Мирсѣ, 20-го Генваря 1819 г. На 30 листахъ.

Письмо министра финансовъ Д. А. Гурьева къ Н. Н. Новосильцову.

Секретно.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ.

Ваше высокопревосходительство, изъ препровождаемаго при семъ въ спискѣ донесенія ко мнѣ генеральнаго консула въ Лондонѣ, усмотрѣть изволите, что нѣкто, выдавая себя въ томъ городѣ за иностраннаго путешественника, поручилъ одному бумажному фабриканту приготовить для него 50,000 листовъ для Россійскихъ государственныхъ ассигнацій и, получивъ въ число оныхъ 20 т. совершенно готовыхъ, уѣхалъ изъ Лондона, какъ извѣстился означенный фабрикантъ, въ Варшаву.

Извѣстіе сіе хотя и не почитаю я за достовѣрное, но тѣмъ не менѣе признавая неизлишнимъ на всякій случай принять мѣры осторожности къ отвращенію вреднаго кредиту нашихъ ассигнацій зла, обращаюсь къ вамъ, м. г. мой, съ покорнѣйшею прозьбою, употребить предварительно извѣстными вамъ средствами всѣ возможныя розысканія объ означенномъ и прекратить зло при самомъ его началѣ. Отнесясь съ симъ вмѣстѣ къ послу нашему въ Лондонѣ о выкупѣ остающагося у фабриканта количества готовыхъ листовъ и о изысканіи, буде можно, ближайшихъ свѣдѣній о томъ путешественникѣ, я не премину въ свое время о послѣдствіяхъ по сему предмету сообщить и вашему высокопревосходительству. Покорнѣйшій слуга Д. Гурьевъ.

Библиотека "Руниверс"

Письмо А. Я. Дубачевскаго къ Д. А. Гурьеву.

7-го Генваря 1819.

Я спѣшу на первый случай довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства самое непріятное и неожиданное открытіе.

Одинъ изъ здѣшнихъ знатнѣйшихъ бумажныхъ заводчиковъ изъ Албури, что въ Суррескомъ графствѣ, возлѣ Гильдфорда, получивъ въ минувшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ заказаніе отъ какаго-то путешествовавшаго здѣсь иностранца (коего имя, хотя можетъ быть и подложное, надѣюсь отъ него узнать на сихъ дняхъ) выдѣлать для него пятдесятъ тысячъ бѣлыхъ бумажекъ по данному образцу 25-ти и 50-ти рублевыхъ государственныхъ нашихъ ассигнацій, съ имѣющимися на оныхъ вокругъ и по угламъ надписями и знаками или гербами, выдалъ ему 20 тысячъ оныхъ, выработанныхъ со всякою точностію; но когда прислалъ къ нему въ Лондонъ чрезъ нѣсколько дней и остальное заказанное количество, чтобы получить отъ него договоренный за то платежъ, то заказателя не нашлось уже болѣе въ семъ городѣ, а ему сказали, что онъ уѣхалъ въ Варшаву. Сей фабрикантъ видя себя такимъ образомъ обманутымъ и подозрѣвая, какъ онъ говоритъ, что таковыя бумажки не для другаго чего были у него заказаны какъ для поддѣлыванія на оныхъ Россійской ходячей монеты, обратился къ здѣшнему правителю Россійской торговой компаніи и представилъ ему образчики выдѣланныхъ на заводѣ его бумажекъ. Правитель же, немедленно извѣстивъ меня о томъ, вручилъ мнѣ вчерась два образчика искусства сего фабриканта, но съ тѣмъ конечно, не соглашусь ли я выкупить у него остальныя связки 30 т. бумажекъ, заплатя ему и за другія 20 т. увезенныя иностраннымъ онымъ обманщикомъ.

При ежеденномъ ожиданіи возвращенія г. посла изъ Парижа, удерживаюсь я отъ дальнѣйшей по сему открытію выправки, равно какъ и отъ отобранія у фабриканта остальнаго количества поддѣланныхъ имъ бумажекъ; потому что онъ вѣрно не согласится на отдачу мнѣ оныхъ безъ платежа и безъ настоянія въ томъ отъ здѣшняго правительства; а таковое настояніе зависѣть будетъ единственно отъ требованія г. посла. Со всѣмъ тѣмъ я сегодня же пойду къ г. совѣтнику посольства Блудову и покажу ему имѣющіяся у меня двѣ бумажки, дабы онъ могъ предувѣдомить о томъ г. посла безъ всякаго потерянія времени.

*

Дѣло это причинило нашему посольству въ Лондонѣ и въ особенности генеральному консулу, Андрею Яковлевичу Дубачевскому, много хлопотъ и расходовъ. По объясненію фабриканта Беля (Charles Ball Iunior, Paper-Manufacturer

Библиотека "Руниверс"

at Alburg, near Guildford in Surry), „заказатель бумажекъ", назывался Мирсъ и говорилъ, что тѣ бумажки необходимы ему „якобы для паспортовъ для Средиземнаго моря". При этомъ Бель указалъ примѣты Мирса: Нѣмецъ, средняго роста, красивый и свѣтлорусый. Новосильцовъ совѣтовалъ Дубачевскому обратиться за содѣйствіемъ въ „Англійскій приказъ для иностранцевъ" (Alien-Office), гдѣ записываются имена прибывшихъ въ Англію иностранцевъ, но и этотъ, „приказъ" и состоявшій при немъ „приставъ" ничего не помогли.

Въ письмѣ къ Новосильцову отъ 14 (26) Марта 1819 г., Дубачевскій, между прочимъ, пишетъ: „Всего для меня впротчемъ прискорбнѣе то, что помянутый Карлъ Бель Младшій поступилъ со мною во всякомъ видѣ никакъ несогласно ни съ тѣмъ добрымъ мнѣніемъ, которое изъявилъ мнѣ о немъ товарищъ директора торговой здѣшней Россійской Компаніи, ни съ собственнымъ своимъ въ отвѣтѣ ко мнѣ показаніемъ. Покуда онъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды, что у него выкуплено будетъ показанное имъ количество 40 т. остающихся на заводѣ его бумагъ за полную договоренную имъ съ заказателемъ Мирсомъ цѣну, потуда отзывался, что ему извѣстно жительство какъ остающейся здѣсь жены заказателя, такъ и вытѣснившаго 10 т. бумажекъ гравера, и что онъ можетъ даже показать надежные слѣды къ открытію всего гнѣзда соучастниковъ того злодѣя; но коль скоро узналъ отъ меня, что я имѣю приказаніе заплатить ему требуемую имъ цѣну 140 фун. стерлинговъ, только бы онъ въ роспискѣ своей, при полученіи отъ меня сихъ денегъ и по врученіи мнѣ 40 т. имѣющихся у него бумажекъ, обязался впредъ подобныхъ ни по чьему заказанію не вырабатывать, не предувѣдомивъ о томъ либо Россійскаго здѣсь посла, либо консула (а въ противномъ случаѣ подвергъ себя, своихъ наслѣдниковъ и кураторовъ законному взысканію денежной пени, и именно 10 т. фунтовъ стерлинговъ), то, увѣренъ будучи, что его ни къ чему здѣшними законами принудить невозможно, и начиналъ увѣрять меня, что съ оставшагося у него числа бумажекъ, по выѣздѣ отсюда злонамѣреннаго заказателя, большая уже часть, т. е. отъ 30 до 40 т., истреблены его подмастерьемъ, въ чемъ онъ готовъ учинить въ судѣ присягу; что сколько затѣмъ оныхъ найдется у него на заводѣ, онъ обязывается вручить мнѣ при полученіи денегъ; что жена Мирса жила когда-то въ такой-то улицѣ, № дома такой-то, а о гравернѣ ему неудобовозможно провѣдать, и при всемъ томъ онъ никакъ не усумнится подписать росписку вышеописаннаго содержанія. Извѣстивъ обстоятельно г. посла, г. Ливена, о такомъ безстыдномъ заводчика запирательствѣ, получилъ я приказаніе поудержаться отъ выдачи ему вышепрописанной суммы денегъ; потому что подобное его заявленіе подаетъ довольную причину сомнѣваться о всемъ отъ него показанномъ и даже подозрѣвать его въ злодѣйскомъ всего соучастіи".

Поэтому, по приказанію графа Ливена, Дубачевскій отобралъ отъ Беля 27377 „бумажекъ" и двѣ формы, „служившія къ поддѣланію оныхъ" и за все это долженъ былъ заплатить уже 190 фунтовъ стерлинговъ, конечно, со взятіемъ при этомъ отъ Беля „обязательной росписки".

Но вскорѣ, именно 17 (29) Іюня, Дубачевскій увѣдомляетъ Новосильцова, что, наконецъ-то, ему удалось напасть на слѣдъ злоумышленника, скрывшагося

Библиотека "Руниверс"

подъ именемъ Мирса. Оказывается, что это—нѣкто Якобъ Эбергардъ Мейеръ, который съ 1814 г. проживалъ въ Лондонѣ, по торговымъ дѣламъ и затѣмъ въ 1817 г. убѣжалъ въ Петербургъ.

„Какъ здѣсь (въ Лондонѣ), такъ и тамъ (въ Петербургѣ), доносилъ Дубачевскій графу Ливену отъ 10 (22) Іюня 1819 года, обнаружилъ онъ (Мейеръ) много пышности, но гдѣ и какъ нажилъ себѣ къ тому средства, о томъ кромѣ его самого никому не было извѣстно. Между тѣмъ открылось въ Ревелѣ дѣло производства и распространенія торговли заповѣднымъ образомъ, и вскорѣ потомъ сообщники сего противнаго законамъ предпріятія начали укрываться изъ Ревеля бѣгствомъ отъ преслѣдованія ихъ тамъ судомъ. Въ числѣ сихъ перебѣжчиковъ былъ и оный Мейеръ, хотя вѣроятно и подъ другимъ какимъ именемъ; потому что онъ успѣлъ выѣхать изъ Петербурга съ паспортомъ отъ правительства, выправленнымъ конечно въ пору и не безъ происковъ. Въ Лондонѣ полагаютъ, что Iacob Eberhard Meyer былъ въ Лондонѣ агентомъ Либавскаго своего брата, Caspar Diederick Meyer, обанкрутившагося въ 1815 г., и что послѣ того онъ сдѣлался агентомъ меньшаго своего брата, торгующаго подъ скрѣпою: Brede et Meyer, на счетъ которыхъ конечно и теперь еще путешествуетъ по Европейскимъ торговымъ мѣстамъ, а можетъ и въ Гамбургѣ находится“...

Графъ Ливенъ почему-то былъ убѣжденъ, что Якобъ Мейеръ долженъ находиться или въ Россіи, или въ предѣлахъ Царства Польскаго. Того же мнѣнія повидимому былъ и министръ финансовъ Гурьевъ, вошедшій въ сношеніе съ Министерствомъ Полиціи „объ открытіи Мейера въ Россіи“.

Но Мейеръ, подобно Мирсу, канулъ въ воду.

Правда, намѣстникъ Царства Польскаго, кн. Заіончикъ, писалъ Новосильцову, отъ 11-го Января 1820 г. за № 6311, что, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Правительственною Коммиссіею Внутреннихъ дѣлъ, въ мѣстечкѣ Ржешовѣ Австрійской Галиціи обнаруженъ какой-то Мейеръ, вполнѣ подходившій къ „описаннымъ примѣтамъ“; но вслѣдъ затѣмъ (отъ 29-го Января за № 6965) намѣстникъ увѣдомилъ Новосильцова, что по сообщенію Австрійскихъ властей обнаруженный Мейеръ ничего не имѣетъ общаго съ разыскиваемымъ Мейеромъ...

II.

Старое обвиненіе Евреевъ.

Дѣло № 156 (по описи № 413) о возводимомъ на Евреевъ подозрѣніи въ умерщвленіи ими христіанскихъ младенцевъ. Съ 29 Октября 1816 г. На 84 листахъ.

Во время пребыванія императора Александра I въ Варшавѣ, въ Октябрѣ 1816 года, Еврейка Эстеръ Бакова обратилась къ Государю съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ объяснила, что, въ Маѣ мѣсяцѣ того же года, въ городѣ Сѣдлецѣ, было возбуждено слѣдственное дѣло по обвиненію двухъ Евреевъ въ убіеніи христіанскаго младенца, съ ритуальными якобы цѣлями. Мужъ просительницы,

Библиотека "Руниверс"

Любельскій подравинъ, Берекъ Мордковичъ, 70-ти лѣтній старецъ, пріѣхавшій въ Сѣдлецъ для того, чтобы защитить несчастныхъ Евреевъ отъ ужаснаго обвиненія, былъ немедленно арестованъ производившимъ слѣдствіе коммисаромъ и „до сихъ поръ содержится въ заключеніи самымъ жесточайшимъ образомъ“. Просительница ходатайствовала, во-первыхъ, объ освобожденіи мужа и, во-вторыхъ, о томъ, чтобы Государь соблаговолилъ, „не ввѣряя участи Евреевъ по дѣламъ сего рода разбирательству обыкновенныхъ судей въ семъ краѣ существующихъ, предоставить довѣреннымъ (Его Величества) лицамъ участвовать въ разборѣ сихъ дѣлъ“.

На прошеніи рукою Новосильцова сдѣлана такая надпись: „Докладывано Сент.—Окт. 1816 г. Высочайше повелѣно: препроводить къ намѣстнику, съ объявленіемъ высочайшей воли, чтобы строжайшее предписаніе дано было о немедленномъ изслѣдованіи сего дѣла, и буде окажется, что мужъ просительницы содержится невинно и беззаконно, то немедленно его выпустить, а съ преступившими или во зло употребившими власть свою поступить по законамъ“.

Въ то время, какъ по этому дѣлу началось „изслѣдованіе“, къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицыну поступила отъ „депутатовъ Еврейскаго народа“ подобная же жалоба на „мѣстное начальство Гродненской губерніи“.

Изъ письма кн. Голицына къ Новосильцову, отъ 7-го Марта 1817 г. за № 270, по этому поводу, видно слѣдующее. Вблизи города Гродны былъ найденъ въ буракѣ, мертвый и изувѣченный ребенокъ. По увѣренію жалобщиковъ, „мѣстное начальство старалось обвинить жительствующихъ въ Гроднѣ Евреевъ въ умерщвленіи этого ребенка, для употребленія якобы крови сего дитяти въ пасхальный хлѣбъ“. „Подобныя обвиненія, пишетъ кн. Голицынъ, происходящія, по словамъ депутатовъ, отъ древняго предразсудка въ Польшѣ на счетъ Еврейскаго народа, и прежде сего многократно на нихъ были взводимы; но всякой разъ по произведеніи безпристрастнаго изслѣдованія оказывались ложными. Доказательствомъ неосновательности оныхъ служить могутъ двѣ грамоты бывшаго Польскаго короля Сигизмунда Августа 9-го Августа мѣсяца 1564 г. и 20-го Маія 1566 г., коими воспрещается взводить на Евреевъ такого рода извѣты; рѣшеніе Коммиссіи, которая особо въ подобномъ случаѣ была наряжена 1775 года, но уличенными въ таковомъ преступленіи Евреевъ не нашла, и письмо папскаго нунція 21-го Марта 1763 г., что нѣтъ достаточныхъ доказательствъ къ утвержденію сего предразсудка противъ Евреевъ“.

Далѣе, князь Голицынъ пишетъ: „По поводу сего дѣла, депутаты представляютъ также, что въ департаментахъ нынѣшняго Польскаго Царства Люблинскомъ и Сѣдлецкомъ, вслѣдствіе подобныхъ подозрѣній, въ городахъ Мижиричѣ и Люблинѣ содержится нынѣ въ строгомъ тюремномъ заключеніи около двадцати первостатейныхъ Еврейскихъ купцовъ подъ распоряженіемъ

Библиотека "Руниверс"

одного только криминальнаго рата, который, по тамошнему обыкновенію, одинъ, производя надъ ними слѣдствіе, не упускаетъ притѣснять и мучить ихъ до самой крайности. На всеподданнѣйшее мое о семъ донесеніе, Государь Императоръ высочайше указать соизволилъ дать, кому слѣдуетъ, надлежащее повелѣніе по Гродненской губерніи; начальствующимъ же прочихъ губерній сдѣлать циркулярное предписаніе, чтобы подобныя обвиненія не служили впредь поводомъ къ притѣсненію Евреевъ; а вмѣстѣ съ симъ Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть мнѣ снестись съ вашимъ превосходительствомъ, съ тѣмъ, чтобы вы, милостивый государь мой, вникнувъ во всѣ обстоятельства дѣла сего, приняли также мѣры съ Польскимъ правительствомъ и намѣстникомъ Польскаго Царства къ оказанію Евреямъ, содержащимся въ тюремномъ заключеніи, законной защиты и къ совершенному прекращенію притѣсненій, коимъ подвергаются они по поводу сего взводимаго на нихъ мнимаго преступленія, а между тѣмъ, естьли не будетъ дальняго затрудненія, освободить ихъ на поручительство мѣстныхъ кагаловъ. Приверженность сего народа къ Россійскому престолу и усердіе его къ пользамъ правительства, въ продолженіи прошедшей войны, неоднократно доказанныя, и какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ начальствомъ засвидѣтельствованныя, пріобрѣли Евреямъ благоволеніе Государя Императора и конечно даютъ имъ полное право, наравнѣ съ прочими подданными Его Величества, на покровительство законовъ, неослабная строгость коихъ должна обращена быть только противу однихъ виновныхъ" *).

Въ заключеніе кн. Голицынъ просилъ Новосильцова о распоряженіяхъ, какія онъ, въ исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, учинитъ, а равно и о послѣдствіи оныхъ донести Его Императорскому Величеству.

На это письмо Новосильцовъ, отъ 5-го Апрѣля за № 138, отвѣчалъ, что онъ сносился съ намѣстникомъ и что послѣдній, „по разсмотрѣніи въ Административномъ Совѣтѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла сего, назначилъ для точнѣй-

---

*) Михайловскій-Данилевскій („Описаніе Отечественной войны 1812 г.". С.-Петербургъ, 1843 г., ч. 2-я, стр. 43), приводя цѣлый рядъ примѣровъ „готовности всей Россіи устремиться къ оружію" для защиты отечества, говоритъ: „Евреи оказывали также примѣрное усердіе. Одинъ раввинъ написалъ изъ Полтавы посланіе къ своимъ единовѣрцамъ въ Бѣлоруссію, представляя, что ни въ какой другой землѣ Евреи не пользуются такою вѣротерпимостію и *такими выгодами*, какъ въ Россіи; онъ *увѣщевалъ* ихъ пребывать вѣрными Русскому Монарху, оказывать услуги нашимъ военнымъ начальникамъ, увѣдомляя ихъ тайно и поспѣшно другъ черезъ друга о войскахъ непріятельскихъ, числѣ ихъ, расположеніи, намѣреніяхъ и т. д.

Конечно, въ Русской исторической литературѣ имѣются и другого рода свѣдѣнія. Напримѣръ, академикъ Дубровинъ въ своей монографіи „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка" (Русская Старина, 1902 г., Сентябрь), упоминаетъ о томъ, что въ Іюлѣ 1811 г. Барклай-де-Толли просилъ Кіевскаго военнаго губернатора Милорадовича о принятіи надлежащихъ мѣръ къ открытію всякаго рода подозрительныхъ людей, пріѣзжающихъ къ намъ изъ Варшавы и объ арестѣ лицъ Польской, Французской и *Жидовской* націй, любопытствующихъ о числѣ и состояніи войскъ и пр.

Библиотека "Руниверс"

шаго изслѣдованія онаго на мѣстѣ, коммиссаромъ члена апелляціоннаго суда, г. Голецкаго и далъ по сему нужное Министерству Юстиціи предписаніе".

6-го Іюня 1817 г. за № 536 князь Голицынъ пишетъ:

„Депутаты Еврейскаго народа въ Россіи, по довѣренности Варшавскаго кагала, просили высочайшаго покровительства ихъ собратіямъ въ Польскомъ Царствѣ. Члены Варшавскаго кагала въ особенности жалуются: 1) что Евреи страдаютъ отъ подозрѣнія недоказаннаго въ употребленіи христіанской крови для пасхальнаго хлѣба; 2) что на нихъ возлагается противная ихъ вѣрѣ и бѣдственная для народа обязанность военной службы; 3) что послѣдовало общее запрещеніе торговать имъ напитками, а до приведенія сего запрещенія въ дѣйство, они обременяются чрезвычайными налогами. Но еще болѣе безпокоятся они о слухѣ, въ Варшавѣ носившемся, что приготовляется новое положеніе о Евреяхъ, въ которомъ будто есть статьи, по ихъ отзыву, самыя тягостныя для нихъ и клонящіяся къ уничтоженію самой ихъ вѣры" *).

„Все сіе было доведено мною до свѣдѣнія Государя Императора".

„О первомъ изъ сихъ обстоятельствъ, т. е. относящемся къ подозрѣнію противъ Евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови для пасхальнаго хлѣба, еще прежде доклада о жалобахъ Варшавскаго кагала, послѣдовала высочайшая воля, вашему превосходительству изъ моего отношенія отъ 7-го Марта извѣстная. Что жъ касается до другихъ обстоятельствъ, то Его Величество изволилъ повелѣть мнѣ, чтобы я отдалъ вашему превосходительству, по прибытіи вашемъ въ С.-Петербургъ, бумагу, ихъ содержащую. Исполняя высочайшую волю, препровождаю при семъ подлинный Еврейскими депутатами представленный переводъ письма къ нимъ членовъ Еврейскаго кагала".

16-го Іюля 1817 г. за № 629, кн. Голицынъ еще пишетъ:

„Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 5-го Апрѣля № 130 мною доведено было до свѣдѣнія Государя Императора о распоряженіяхъ сдѣланныхъ въ Польскомъ Царствѣ для оказанія защиты тамошнимъ Евреямъ противу подозрѣнія на нихъ въ употребленіи христіанской крови для пасхальнаго хлѣба, и Его Величество повелѣлъ мнѣ дать знать объ оныхъ депутатамъ Еврейскихъ обществъ въ Россіи".

---

*) Здѣсь кстати будетъ упомянуть о томъ, что въ Варшавѣ въ это время происходила цѣлая *„война изъ за Евреевъ"* („woyna o Zydów"), какъ выразился одинъ анонимный авторъ статьи, помѣщенной подъ такимъ заглавіемъ въ № 19 Rozmaitosci (приложеніе къ Gazet'ѣ Korrespondenta Warszawskiego 1818 г.). „Никогда еще (говоритъ этотъ авторъ) вопросъ о томъ, что дѣлать съ Евреями, не озабочивалъ насъ въ такой степени, какъ теперь, и это, конечно, потому, что никогда еще въ нашемъ краѣ не думали столько о хорошихъ законахъ и всеобщей свободѣ, какъ теперь". Въ томъ же журналѣ помѣщенъ цѣлый рядъ статей по Еврейскому вопросу. Въ однихъ изъ нихъ рекомендуются разныя, чуть что не патентованныя, средства противъ Евреевъ („Sposob na Zydow"), въ другихъ трактуется „o reformi ludu Izraela", а въ третьихъ—прямо указывается на необходимость изгнанія (wypedzenia) ихъ изъ края „do granic Tartaryi"...

Библиотека "Руниверс"

„Нынѣ сіи депутаты, по увѣдомленію мѣстныхъ кагаловъ, представляютъ мнѣ о производимомъ по таковому подозрѣнію надъ Евреями въ городахъ Польскаго Царства Межиричѣ, Люблинѣ, Влодавѣ и Бѣломъ слѣдствіи, что хотя посланный туда членъ аппелляціоннаго суда Голецкій удостовѣрился, что сіи Евреи содержатся только по поводу обвиненія ихъ въ употребленіи христіанской крови, однако они не освобождаются, какъ высочайше было повелѣно о томъ. Депутаты, присовокупляя къ сему, что Голецкій производитъ порученное ему дѣло очень медленно, просятъ, во первыхъ, о скорѣйшемъ освобожденіи вышепомянутыхъ Евреевъ, и во вторыхъ, чтобы, вмѣсто Голецкаго, оно было поручено Россійскимъ природнымъ чиновникамъ".

Кн. Голицынъ пишетъ Новосильцову, 7-го Сентября 1817 г. за № 790.

„Депутатъ Еврейскихъ обществъ въ Россіи Зундель Зонненбергъ, по свѣдѣніямъ отъ кагаловъ Польскаго Царства полученнымъ, представляетъ мнѣ о Евреяхъ мѣстечка Сѣдлицы, находившихся 15 мѣсяцевъ подъ стражею въ крѣпости города Замосца по подозрѣнію въ убійствѣ младенца, что Люблинскій судъ не освобождаетъ ихъ и предалъ ихъ заключенію еще болѣе жестокому; между тѣмъ какъ посланный для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ членъ Варшавскаго суда Голецкій открылъ несправедливость сего подозрѣнія, и мать убитаго младенца призналась, что она сама лишила его жизни, склоненная къ такому преступленію нѣкоторыми Поляками единственно для обвиненія Евреевъ въ ономъ. Депутатъ Зундель Зонненбергъ присовокупляетъ къ сему, что Люблинскій судъ, вопреки наставленіямъ Голецкаго, оставляетъ равнымъ образомъ въ заключеніе Евреевъ Межиричскихъ, Бѣльскихъ и Влодавскихъ, которые были взяты подъ стражу по одному подозрѣнію въ убійствѣ христіанскихъ младенцовъ".

Наконецъ, изъ Москвы, отъ 23-го Ноября 1817 г. за № 111.

„Депутатъ Еврейской націи въ г. Гродно Зундель Зонненбергъ доводитъ до свѣдѣнія, что со стороны Люблинскаго суда въ Царствѣ Польскомъ дѣлаются якобы притѣсненія тѣмъ Евреямъ, которые судимы были по подозрѣнію въ умерщвленіи христіанскаго ребенка; и хотя по произведенному слѣдствію открылось, какъ пишетъ Зонненбергъ, что тѣ Евреи невинны и потому освобождены были членомъ аппелляціоннаго суда Голецкимъ отъ тюремнаго заключенія, но Люблинскій судъ предписалъ взять ихъ опять въ жесточайшее заключеніе; равнымъ образомъ поступаетъ и съ прочими Евреями по подобному же извѣту въ умерщвленіи христіанскихъ младенцовъ въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго".

Изъ рапорта Голецкаго видно, что предметомъ изслѣдованія его были три случая обвиненія Евреевъ въ умерщвленіи христіанскихъ младенцовъ съ ритуальными цѣлями.

Въ первомъ случаѣ дѣло шло о двухлѣтнемъ ребенкѣ, трупъ котораго былъ найденъ 19-го Апрѣля 1816 г. вблизи города Сѣдлеца въ кустарникахъ. По мнѣнію врача, смерть ребенка послѣдовала отъ множества ранъ, вызвавшихъ большое кровотеченіе (par la suite de beaucoup de blessures qui ont occas-

Библиотека "Руниверс"

sionné une hémorragie violante). Мать несчастнаго ребенка, Урсула Зелинчанка, говорившая раньше всѣмъ, что ея малютка умеръ въ д. Бискупице, созналась, что утопила его и трупъ забросила въ кустарники. По ея объясненію, она была вынуждена совершить это преступленіе вслѣдствіе крайней бѣдности, а также потому, что съ ребенкомъ никто не хотѣлъ принимать ее въ услуженіе. Мѣстный войтъ, жена его и дочь, не вѣря объясненіямъ Зелинчанки, всячески убѣждали ее сказать правду, но она машинально твердила одно тоже. Войтъ былъ убѣжденъ, что Евреи хорошо заплатили ей за ребенка и возлагалъ надежду на розги, которыя-де заставятъ Зелинчанку сказать все. Народъ, толпившійся во дворѣ войта, прямо указывалъ на Евреевъ какъ на убійцъ. Между прочимъ, упоминалось имя какого-то „рыжаго Ицка“ изъ Сѣдлеца... Раздраженіе толпы еще болѣе усиливалось благодаря разсужденіямъ мѣстнаго жителя, Даніеля Пушковскаго, авторитетно ссылавшагося на какую-то книгу о Еврейскихъ таинствахъ... Зелинчанку, конечно, продолжали уговаривать, чтобы она созналась, и, дѣйствительно, достигли того, что она сказала, что ребенокъ былъ оставленъ ею у какого-то Еврея, хотя имени этого Еврея и не назвала.

Вслѣдъ за симъ, впрочемъ, бѣдная женщина возвратилась къ своему прежнему показанію; но дѣло уже было сдѣлано: двухъ Евреевъ и двухъ Евреекъ уже влекли въ тюрьму...

Римско-католическій епископъ Цѣхановскій, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, поспѣшилъ обратиться въ Люблинскій Криминальный Трибуналъ съ требованіемъ немедленнаго суда надъ виновными Евреями. По мнѣнію епископа, дѣло было настолько ясно, что не нуждалось ни въ какихъ разслѣдованіяхъ, которыя могутъ только затемнить дѣло. Люблинскій Трибуналъ, вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что это преступленіе ритуальное, все таки находилъ необходимымъ произвести надлежащее разслѣдованіе и съ этою цѣлью, между прочимъ, издалъ декретъ, въ которомъ, выражая мнѣніе, что разъ дѣло касается религіи, то позволительны всѣ мѣры, обрекалъ на арестъ всѣхъ Евреевъ Царства Польскаго (ce tribunal, en partant de ce principe erroné, que tout était permis lorsqu 'il s'agissait d'une cause de religion, décréta une arrestation de police sur tous les Juifs du royaume).

Но этого мало. Трибуналъ вошелъ еще съ представленіемъ въ Коммиссію Юстиціи о невыдачѣ Евреямъ паспортовъ. Мѣра эта, впрочемъ, была отклонена Коммиссіею Юстиціи.

Голецкій, критикуя дѣйствія Люблинскаго Трибунала и другихъ властей, говоритъ, что когда онъ сдѣлалъ распоряженіе объ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ по этому дѣлу Евреевъ, то Трибуналъ немедленно же заключилъ ихъ опять въ тюрьму. Въ общемъ Голецкій пришелъ къ убѣжденію, что взведенное на Евреевъ обвиненіе въ умерщвленіи ребенка Урсулы Зелинчанки было безусловно ложно.

Второй случай произошелъ вблизи д. Корынь. 8 Апрѣля 1816 г. былъ найденъ въ колодцѣ, прикрытый двумя кусками дерева, трупъ пятилѣтней дѣвочки. Ротъ несчастнаго ребенка былъ заткнутъ тряпками, а руки и ноги

Библиотека "Руниверс"

исколоты (les mains, les pieds et les doigts piqués). Врачъ, констатировавшій эти „piqûres", призналъ, что дѣвочка была утоплена. Скоро въ несчастномъ ребенкѣ узнали сестру одной Француженки, Петролянки. Когда къ послѣдней пришли посланные отъ войта люди, Луи Шабранскій и Тивонъ, и спросили ее о сестрѣ, то она отвѣтила, что сестра ея умерла въ д. Зберже. Шабранскій ударилъ Петролянку и потребовалъ, чтобы она созналась, что продала дѣвочку Жидамъ, но Петролянка продолжала увѣрять, что сестра ея умерла. Петролянку арестовали и повели къ войту. Проходя черезъ лѣсъ, Петролянка разсказала своимъ стражамъ, что здѣсь, у болота, настигли ее какіе-то два Еврея и отняли у нея сестру. Тоже самое повторила она и войту, поясняя при этомъ, что въ Евреяхъ узнала содержателей постоялыхъ дворовъ въ Оссовѣ и Макошинѣ. Съ ними, впрочемъ, были еще и другіе два Еврея. Войтъ на это возразилъ Петролянкѣ, что она говоритъ неправду, такъ какъ въ указываемое ею время cabaretiers были у него. Нашлась также какая-то Улька Земецова, которая въ это же время видѣла Петролянку съ дѣвочкой совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Послѣ этого, конечно. Петролянкѣ не оставалось ничего другого, какъ только повиниться во всемъ, что она и сдѣлала. По ея объясненію, сестра ея была больна. Желая освѣжить ее водой, она подошла съ нею къ колодцу и, зачерпывая воду одной рукой, а на другой держа сестру, нечаянно уронила въ него бѣдную дѣвочку. Это же самое она разсказала и въ судѣ исправительной полиціи. Но когда ее стали тамъ усовѣщивать и упрашивать сказать правду, то она, соединивъ двѣ версіи своихъ объясненій, показала слѣдующее: дѣйствительно, въ лѣсу, у болота на нее напали четыре Еврея съ требованіемъ отдать имъ дѣвочку; но когда она отказала имъ въ этомъ, то они пошли себѣ своей дорогой, а она, свернувъ, по лѣсной тропинкѣ, къ постоялому двору, подошла къ колодцу, гдѣ, затѣмъ, и произошло все вышеописанное... Голецкій призналъ, что и по этому дѣлу всѣ аресты Евреевъ были произведены мѣстными властями „sanc indice juridique et sans fait constaté"...

Третій случай произошелъ въ дер. Тлущъ. Утромъ 14 Апрѣля 1816 г. видѣли, какъ маленькая Агаѳья (Agathe) Поликарпова выбѣжала изъ родительскаго дома посмотрѣть, какъ ея бабушка доитъ коровъ вблизи постоялаго двора. И больше ея уже не видали. А черезъ двѣ недѣли трупъ ея нашли въ полѣ, въ зарослях. Врачъ, производившій осмотръ трупа, нашелъ, что смерть дѣвочки послѣдовала отъ двухъ большихъ ранъ, нанесенныхъ острымъ орудіемъ, результатомъ чего было сильное кровоизліяніе (que la mort a été causée avec un instrument tranchant et par une hémorragie qui en était la suite). При этомъ врачъ прибавилъ, что на эти раны слѣдуетъ смотрѣть какъ на происшедшія per accident. bethalia. Бабушка умерщвленной дѣвочки показала, что, когда, вечеромъ, она стала розыскивать внучку и, между прочимъ, зашла на постоялый дворъ, чтобы узнать, не видалъ ли кто дѣвочки, то застала тамъ двухъ Евреевъ: самого хозяина и его брата; служанка постоялаго двора сказала ей, что видѣла дѣвочку на большой дорогѣ, возлѣ дерева. Затѣмъ, на другой день, мѣстный житель Шимонъ Калясинекъ, видя безуспѣшность розысковъ, сказалъ старухѣ, что внучку ея навѣрно украли Жиды, такъ какъ вчера, по дорогѣ въ Меджиречь, онъ

Библиотека "Руниверс"

встрѣтилъ двуколку съ какимъ-то Евреемъ, очень похожимъ на Бенка, брата хозяина постоялаго двора; въ глубинѣ двуколки виднѣлось что-то бѣлое...

Но интереснѣе всего то, что въ началѣ Іюля Евреи мѣстечка Меджиречь донесли на своего единоплеменника Вульфа Ниселовича, какъ на соучастника въ похищеніи дѣвочки. Немедленно арестованный, Ниселовичъ показалъ на допросѣ, что вечеромъ, наканунѣ Еврейской пасхи, онъ видѣлъ въ мѣстечкѣ Меджиречь запряженную двуколку, стоявшую у дома Еврея Гершека, одного изъ членовъ кагала. Тутъ же находились Гершъ Вакерманъ и Беньяминъ Гершковичъ. Послѣдній, на вопросъ Вакермана о причинѣ пріѣзда, отвѣтилъ, что хотѣлъ-де посовѣтоваться съ раввиномъ на счетъ того, можетъ ли онъ кушать свое блюдо въ томъ случаѣ, если въ него упало пшеничное зерно... Ниселовичъ, побужденный любопытствомъ, спрятался и сталъ наблюдать. Спустя три четверти часа, изъ дома вышли тѣ же Евреи. Вслѣдъ за ними, Бенко, братъ хозяина постоялаго двора въ Тлущѣ, вынесъ ребенка, завернутаго въ бѣлое полотно. Такъ какъ въ это время одна нога ребенка обнажилась, то жена и невѣстка Гирша довольно громко сказали, чтобы Бенко получше закрывалъ...

Послѣ такого признанія, дополненнаго впослѣдствіи цѣлымъ рядомъ именъ якобы причастныхъ къ этому дѣлу лицъ, Ниселовичъ обратился къ криминальному коммиссару съ убѣдительнѣйшей просьбой защитить его отъ кагала (Il finit par demander protection contre les membres du kahal)...

Пріѣздъ апелляціоннаго судьи Голецкаго сразу далъ этому дѣлу надлежащее направленіе. Голецкій тотчасъ же обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Ниселовичъ отличался неодобрительнымъ поведеніемъ и что за нимъ вообще водились разные грѣхи. Затѣмъ, въ показаніяхъ его были обнаружены сбивчивость и явныя противорѣчія. Все это, понятно, бросало тѣнь сомнѣнія на искренность и правдивость показаній Ниселовича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дѣйствіяхъ криминальнаго коммиссара Белевскаго Голецкій усмотрѣлъ цѣлый рядъ неправильностей до превышенія власти включительно. Между прочимъ Белеевскій производилъ ревизію у самыхъ именитыхъ Евреевъ (les principaux Juifs) и даже арестовалъ ихъ. По мнѣнію Голецкаго, коммиссаръ этотъ гораздо болѣе соображалъ свои дѣйствія съ старинными книгами: „о Сандомирскихъ Евреяхъ“ и „о заблужденіяхъ Талмуда“, чѣмъ съ законнымъ, требующимъ для признанія кого-либо виновнымъ въ совершеніи преступленія безусловнаго сознанія или же предъявленія противъ него неоспоримыхъ уликъ...

Въ концѣ „извлеченія изъ рапорта“, Голецкій сообщаетъ, что произведенное имъ изслѣдованіе уже поступило къ генеральному прокурору и что этимъ послѣднимъ предложено апелляціонному суду произнести окончательное рѣшеніе по этому дѣлу, такъ какъ „Sa Majesté l'Empereur attend un rapport définitif sur ces trois matières“...

Дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому дѣлу не имѣется въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова.

Сообщилъ И. Попруженко.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГЪ.

22-го Іюля нынѣшняго года скончался въ Лондонѣ баронъ **Романъ Романовичъ Унгернъ-Штернбергъ.** Нѣкогда жилъ онъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, въ Славянскомъ Базарѣ и велъ знакомство съ немногими. Занятія исторіографическія были у насъ общія. Онъ нерѣдко бесѣдовалъ со мною о царствованіи Александра Павловича и читывалъ выдержки обширнаго сочиненія своего (на Нѣмецкомъ языкѣ) объ этомъ Государѣ. Перечелъ онъ все, что появилось по этой части въ заграничной печати. Не знаемъ, продолжалъ ли онъ эту работу въ Австраліи, въ Мельборнѣ, куда былъ назначенъ генеральнымъ нашимъ консуломъ, и за тѣмъ въ Лондонѣ, гдѣ занималъ ту же должность. Желаніе улучшить свое сочиненіе мѣшало ему оглашать его. Это былъ человѣкъ добросовѣстный и вполнѣ достойный уваженія. Погребенъ онъ на островѣ Даго, въ имѣніи Кертель. Онъ велъ жизнь холостяка. Не знаемъ, кто его наслѣдники и пожелаемъ, чтобы многолѣтняя *чуждая пристрастія* работа его сохранилась: у насъ нѣтъ еще настоящей біографіи этого удивительнаго Государя, которую изучать слѣдуетъ преимущественно со стороны психологической. По нашему мнѣнію, это былъ несчастнѣйшій человѣкъ, и Н. К. Шильдеръ изобразилъ его невѣрно. П. Б.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ Н. А. Санина въ 3-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года слѣдуетъ читать „отъ города Чердыни до села Ныроба не 8, а 44 версты“.

ОДЕССКІЙ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ, НЫНѢ КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ.

Къ столѣтію со дня его освященія. Историческое описаніе и біографіи по вновь изданнымъ документамъ.

Изданіе съ 24 фототипіями, 25 цинкографическими изображеніями въ текстѣ и 61 приложеніемъ. Одесса 1908 г. Цѣна 5 руб. съ пересылк. 6 руб.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1908 года.

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

169. Новонайденный трудъ **Екатерины Великой.** Замѣтки на сочиненіе Блакстона объ Англійской конституціи и предначертаніе о нынѣшнихъ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

178. Екатерина Великая о масонахъ (1790).

— **Екатерина Великая** о Нѣмецкихъ школахъ (1791).

Донесенія князя Лобковича о Россіи 1772—1776 годовъ. Внутри сорочки 5-го выпуска.

396. Митрополитъ **Гавріилъ Петровъ** и его письма. Статья **А. А. Титова.**

О новомъ изданіи Н. Д. Чечулина Записокъ княгини Дашковой въ Русскомъ переводѣ.—О трудѣ В. И. Саитова по изданію переписки князя Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Внутри сорочки 7-го выпуска.

301 и **429.** Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Составленъ внукомъ его **графомъ В. П. Орловымъ-Давыдовымъ I—V.** (Предки.— Братья.— Лейпцигъ. — Плаваніе по Волгѣ.—Въ Астрахани и Саратовскихъ колоніяхъ.—Усолье.—Директорство въ Академіи Наукъ).

145. Неизвѣстная сатирическая статья П. А. Крылова (о Княжнинѣ). **В. Каллаша.**

5. Изъ записной книжки Наполеонова посла **Коленкура.** 1809—1811 годы.

403. С. А. Масловъ: Путешествіе въ Москву во время пребыванія въ оной Французовъ.

270. Отечественная война: письма **графа Ѳ. В. Ростопчина** къ графамъ Воронцовымъ.

Партизанъ Фигнеръ (Сообщено **Н. Ѳ. Окуличемъ**).

40. Изъ Записокъ **графа Филиппа Сегюра.** Французское нашествіе на Россію. (Графъ Ростопчинъ.—Наполеонъ въ Москвѣ).

165. Письмо **А. П. Ермолова** къ князю П. М. Волконскому. (Сообщилъ **А. А. Сиверсъ**).

179 и **574.** Изъ Варшавскаго Архива **Н. Н. Новосильцова.** Обращикъ Русскаго великодушія (башмачникъ Килинскій).—О дѣлахъ Греко-Россійской церкви въ Царствѣ Польскомъ.—Наши фальшивыя ассигнаціи въ Лондонѣ. — Старое обвиненіе Евреевъ. (Сообщилъ **И. Г. Попруженко**).

163. Письмо А. Я. Булгакова къ графу Клейнмихелю и отвѣтъ гр. Клейнмихеля (буйство князя Долгорукаго въ Московскомъ Почтамтѣ).

82. Изъ воспоминаній **Н. А. Милевича-Малевскаго.** А. И. Розовъ, Московскій старожилъ.

117. Изъ Записокъ **архіепископа Никанора.** 1877. Мой отъѣздъ изъ Новочеркасска въ Уфу.

288. Графъ П. А. Шуваловъ (†).

Библиотека "Руниверс"

71. Антоній Радонежскій. Статья **А. А. Титова.**

219. Изъ Записокъ архіепископа **Саввы.** Статья **А. А. Титова.**

416. О. М. Бодянскій, его стихи о Крымской войнѣ и о М. П. Погодинѣ.

419. В. Д. Кигнъ (Дѣдловъ). Поминка **П. А. Россіева.**

586. Баронъ Р. Р. Унгернъ-Штернбергъ (†).

159. Памятные листки (У И. С. Тургенева. Мое Знакомство съ Г. П. Успенскимъ и П. И. Страховымъ. Въ защиту себя. Къ статьѣ П. А. Сапина). **П. А. Россіева.**

О письмахъ Гоголя. **В. В. Каллаша.** — О новой книжкѣ графа П. С. Шереметева „Звадъ". Внутри сорочки 5-го выпуска.

155. О сочиненіяхъ И. О. Горбунова. **Ю. П. Бартенева.**

426. Новыя подробности о поединкѣ и кончинѣ Пушкина.

101. Изъ Писемъ **Н. П. Барсукова** къ М. А. Максимовичу. 1870—1872. Съ примѣчаніями **В. В. Данилова.** (Письмо **К. А. Коссовича** къ М. П. Каткову).

289. Село Ухолово. Свящ. Окаёмова.

167. Изъ записной книжки „Русскаго Архива" (Дочь княгини Дашковой. — А. С. Хомяковъ. — Наше богослуженіе. — Память о Полтавскомъ сраженіи. — Шведскій король въ Москвѣ. — Братъ Пушкина).

195. Фамильныя прозвища Великорусскаго духовенства въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. **В. В. Шереметевскаго.**

Объ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича „Русскіе портреты". Внутри сорочки 8-го выпуска.

Изъ архива собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи:

02. Балансовая вѣдомость о суммахъ Кабинета Его Императорскаго Величества за 1801 годъ.

04. Записка графа А. Р. Воронцова для сочиненія манифеста о коронованіи императора Александра Павловича.

018. Отвѣтъ графа Завадовскаго на запросъ императора Александра Павловича о причинѣ медленности въ составленіи законовъ.

021. Письма къ П. Г. Дивову: князя **Адама Черторыйскаго** (о цензурѣ при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ) и барона **А. Я. Будберга.** (объ основаніи газеты Journal du Nord).

031. Апологія „Сіонскаго Вѣстника" **А. Ѳ. Лабзина.**

046. О мнимомъ бракѣ помѣщика съ его крѣпостною женщиной.

050. Письмо **императора Александра Павловича** въ Москву. 1806.

053. Германія въ 1806 году. Записка неизвѣстнаго, на Французскомъ языкѣ.

065. Безъименный доносъ на Постеля Фонъ-Брина и Трескина.

Библиотека "Руниверс"

ГЕРМАНІЯ ВЪ 1806 ГОДУ*).

L'Allemagne en 1806.

Copie.

La fin de l'année 1805 avait éte marqué par le traité de Presbourg, conclu le 26 Décembre entre François II, comme empereur d' Allemagne et d'Autriche, et le chef du gouvernemeut français. Les pertes auxquelles le monarque autrichien avait consenti sur ses états héréditaires, présentaient une surface territoriale de 3668 lieues quarrées et une population de 2, 989 347 habitans. Il avait été stipulé que dans le délai de deux mois, à compter de l'échange des ratifications, les provinces autrichiennes seraient évaquées par les troupes françaises et alliées et que la seule place de Braunau resterait, pendant un mois de plus, à la disposition des Français, comme lieu de dépôt pour les malades et pour l'artillerie.

Le commencement de l'année 1806 trouva les provinces allemandes, que les armées avaient touchées, gémissantes sous les maux dont la guerre les avait frappées. En Autriche les contributions imposées lors de l'invasion française sont ramassées à la hâte et avec sévérité; des longs convois de chariots, chargés de numéraire et de dépouilles précieuses, se dirigeant vers le Rhin; d'immenses traîns d'artillerie, sortant des arcenaux de Vienne, remontent le Danube pour prendre la même route. Il reste aux çontrées que vont quitter les armées, l'abattement, la disette et les maladies épidémiques. Dans les provines limitrophes de l'Empire, en Bavière, en Souabe, en Franconie même, ces maux sont devenus stationnaires, puisque les armées y stationnent. Des villages sans bestiaux, sans recolte, sans pain, voyent émigrer leurs habitans. Des villes ont perdu leur aissance et les ressources qui la les procurent; l'industrie et les arts de la

*) Сочинитель этой записки, присланной Александру Павловичу, намъ неизвѣстенъ; она показываетъ, чего могла ждать Россія отъ приближенія Наполеона къ ея предѣламъ, еще за шесть лѣтъ до его вторженія. „Отъ Запада узрѣли мы Батыя", по выраженію В. А. Жуковскаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

paix sont anéantis. L'antique ville d'Augsbourg renferme des milles d'individus, incapables de pourvoir à leur subsistance; car depuis quatre mois dix-mille militaires par jour. l'un dans l'autre, ont été pour la nourriture et l'entretien à la charge des habitans; et pendant un espace considérable cette ville, qui dans les tems ordinaires ne comptait dans son sein que 40 décés par mois, vit mourir par jour 60 de ses habitans, outre les victimes que les hôpitaux enlevaient. Dans la Bavière même manque de vivres, même anéantissement des ressources. même cherté, méme mortalité. On a évalué que dans les quatre premiers mois de l'an 1806 il est mort dans cette province autant d'individus, qu'il en meurt ordinairement dans l'année. Les denrées les plus communes sont hors de portée des consommateurs par l'exorbitance des prix. La même quantité de fourrages qu'on payait ordinairement cinq florins, revient à trente et quarante. Les provinces ainsi souffrantes appartiennent cependant à des princes, dont la Françe s'était fait des alliés, dont elle avait pris à coeur de fonder l'accroissement en puissance et en bien-être. Les électeurs de Bavière et de Würtemberg devaient à cette même guerre la dignité rolayle, une augmentation de possessions territoriales et l'exercice d'une pleine souverainité dans l'étendue de leurs états respectifs.

Telle était la situation du Midi de l'Allemagne après la campagne de 1805. Elle était la suite naturelle de la guerre. Mais les suites du traité de Presbourg s'étendaient plus loin; elles avaient frappé la constitution germanique au coeur et étaint devenues une calamité publique. En vain la clause de l'article VII, portant que les électeurs de Bavière et de Würtemberg, malgré le tître de rois, ne cesseraient pas d'appartenir à la confédération germanique, s'efforçait de sauver les apparences; de fait, par la souverainité à eux accordée, tous les rapports entr'eux et l'Empire se trouvaient changés. Le chef du gouvernement français avait surpris la religion de l'Empereur d'Autriche, en le faisant déployer son caractère de chef du corps germanique dans une négociation qui ne regardait point l'Empire, en lui faisant prendre des engagements que la diète avait la liberté de ne pas remplir. Dans l'esprit de Bonaparte le corps germanique n'existait déjà plus au moment, où il en parlait dans le traité de Presbourg, et même avant qu'il en parlait, ce corps germanique avait cessé d'être devant son ambitieuse volonté.

Six jours avant la signature du traité. dix jours avant l'échange des ratifications un simple ordre du jour du général Berthier, daté de Schönbrunn, anéantit la constitution de l'Empire. Dans cet ordre il fut prescrit „à tous les commendans militaires français de prêter assistance aux troupes et plénipotentiaires des trois électeurs dans la prise de pos-

Библиотека "Руниверс"

session des biens de l'ordre équêstre de l'Empire, en ce que Bonaparte avait garanti à ces trois princes la souverainité pleine et absolue dans leurs états. „Eh, certés on n'a pas besoin de traité, quand on a le pouvoir de garantir et d'exécuter en conclure! L'ordre équêstre avait porté des plaintes à la diète par l'organe de archichancelier. Aussitôt le ministre de la France près la diète adresse à ce prince des reproches de la part de son maître Bonaparte, disant que celui-ci avait vu avec le plus grand étonnement qu'on se soit montré aussi disposé à accuellir et porter à la dictature des plaintes de la part de l'ordre équêstre et des ordres teutoniques et de St. Jean Jérusalem, et que le Bonaparte était également surpris que S. A. S. n'ait pas fait aussi intervenir l'exercice de ses fonctions lors de l'invasion de l'armée autrichienne en Bavière; que ce que les cours électorales faisaient aujourd'hui, la Prusse et l'Autriche l'avaient fait il y a longtems et que lui, Bonaparte, avait la volonté et le pouvoir de seconder ces cours dans l'exécution de leurs entreprises, et de modifier la constitution germanique autant que les circonstances l'exigeront". C'était parler en maître. Aussi l'archichancelier porta-t-il les excuses au chef du gouvernement français, en alléguant les lois de l'Empire, comme ayant réglé sa conduite. Un étranger reprochant au directeur de la diète de faire son devoir, et le directeur de la diète s'accusant de l'avoir fait, ce spectacle paraissait annoncer le terme de la constisution germanique; rien que la haute antiquité du monument défendait de croire à ce terme, et le prestige de dix siècles semblait la garantir contre une main téméraire.

Mais il existait une telle main; elle s'était depuis longtems fait un jeu des traités et des constitutions, des souverains et des peuples. Elle s'était plue à faire pressentir par des actes arbitraires l'esprit du traité de Presbourg.

Ce traité parut enfin. Avec lui éclata le mécontentement universel, c'est qu'il avait placé toutes les forces, toutes les prétentions, tous les avantages d'un côté, et de l'autre côté tous les sacrifices. Aussi jamais traité peut-être n'a-t-il produit l'effet qui suivit immédiatement le traité de Presbourg: au lieu de dissiper les inquiétudes, il en fit naître de nouvelles; partout il répandait incertitude et appréhensions; le sol qui devait devenir le théâtre de la paix, semblait de nouveau destiné à être celui de la guerre; l'appareil guerrier s'augmentait sur différents points d'Allemagne, et l'on se demandait avec frayeur: contre qui il s'apprêtait? Des corps français s'étendent subitement vers le Neckar, le Main et le Rhin. Au commencement de Janvier le maréchal Augéreau, avec un corps d'armée, entre dans Heidelberg et prend pied

Библиотека "Руниверс"

dans les environs. où, malgré les représentations instantes des autorités d'un pays ami, les soldats sont mis à la charge des habitans pour la nourriture et l'entretien. En même temps le maréchal Lefebre avance sur le Main; d'autres corps mettent le Rheingau à contribution; d'autres se rassemblent près Mayence. Angéreau lui-même, après avoir placé ses troupes dans le pays de Darmstadt, part pour Strasbourg pour y recevoir de Bonaparte des ordres, qui donnent lieu à d'inquiétantes conjectures. Le 28 Janvier les Français entrent dans Francfort à l'étonnement des paisibles habitans; le maréchal Augéreau y établit son quartier-général et en demande, comme d'une ville conquise, une contribution de 4 millions de francs, avec menace de faire entrer une garnisou de dix mille hommes, si la moitié de la somme imposée n'est acquittée sans délai. Les citoyens effrayés engagent leur argenterie et leurs effets précieux pour faire face aux contributions exigées, et cette ville, qui tant de fois dans le courrant de la guerre avait été atteinte et par les armes, et par les contributions des Français, qui tant de fois en avait reçu l'assurance de sa sûreté, de la neutralité et la garantie même de son indépendence, se demande: pourquoi elle se trouve investie de troupes au millieu de la paix; quelle sera le terme de ses souffrances et à qui elle sera donnée en partage?

En vertu d'une convention conclue entre le gouvernement français et celui de la Prusse, les troupes françaises prennent possession du pays d'Anspach, cédé par le dernier gouvernement contre l'électorat d'Hannovre. L'Anspach est destiné à la Bavière. Au lieu de lui être transmis, les Français y prolongent leur séjour sous le prétexte de certains comptes à règler entre l'ancien souverain et le nouveau. Leur nombre s'accroit jusqu'à 37000 hommes; la disette en vivres et fourages est extrême, les travaux de l'agriculture sont interrompus, et les dépenses de leur séjour pendant deux mois sont évaluées à 2 millions 200,000 florins d'empire.

L'armée française, estimée à 100,000 hommes, formant une ligne, dont la gauche touche aux frontières de la Westphalie, la droite à celles du Haut-Palatinat, vit aux dépenses des pays dont elle fonce le sol. On se demande qui est l'ami, qui l'ennemi? Aucun pays est épargné, le sort de tous devient précaire, et l'on semble vouloir tourmenter les hommes par l'incertitude dans le choix des maîtres, auxquels on les destine et par la mystère avec lequel on les trafique. Le corps du général Soult entre inopinément dans Passau; la ville Nürenberg doit recevoir des troupes se portant en force vers les pays d'Ekstedt et s'y dévéloppent; les Français occupent de nouveau Würzbourg, destiné à un prince autrichien, et les troupes allemandes l'évacuent de nouveau: les abbayes d'Essen, Werden et Elten sont contestées entre les Prussiens et les Français, qui

Библиотека "Руниверс"

tour à tour s'en emparent et s'en retirent. Le duché de Cleves sur la rive droite du Rhin est cédé par le traité du 15 Février; le général Beaumont est chargé d'exécuter le traité; mais le moment de l'exécution même ne tranquillise pas les habitans sur leur destination; le général français se déclare nommé „à l'effet de recevoir le duché au nom du prince, qui sera désigné par le chef du gouvernement commettant". L'opinion publique cherche ce prince dans les rangs illustres, mais elle ne se rappelle pas qu'au nouvel art de créer des états pour des maîtres se joint celui de créer des maîtres pour des états. Une proclamation du 21 Mars termine les doutes: un beau-frère de Bonaparte, peu d'années avant simple chasseur français, s'annonce comme grand-duc de Cleves et de Berg et prend le nom de Ioachim I. C'est pour ce Ioachim que les Français entrent dans Düsseldorf, capitale du duché de Berg; les habitans et le prince, qui y réside, sont pris au dépourvu. Le duc Guillaume de Birkenfeld eut à peine quelques heures pour céder sa résidence au nouveau maître. Du jour au lendemain les villes, les territoires, les états sont menacés d'être cédés, échangés, troqués. On destine à Francfort différents souverains; on parle d'un troc projetté du pays d'Ekstedt contre Aschaffenbourg; l'électeur-archiduc Ferdinand ignore, si, après Florence et Salzbourg, Würzbourg sera sa dernière résidence; les princes de l'illustre maison de Nassau sont forcés de négocier avec Ioachim de Clèves pour augmeter son territoire le long de la rive droit du Rhin. Le traité de Presbourg dispose de la ville d'Augsbourg en faveur du roi de Bavière; au mois de Mars la constitution libre de cette ville est abolie par un général français, et huit jours après un autre général de cette nation, le maréchal Ney, entre dans Augsbourg et demande une contribution de 40.000 francs. Le magistrat proteste, les caisses publiques se trouvent sous les scellés bavarois, et l'intervention du nouveau souverain, roi allié, sauve l'infortunée ville de la contribution française.

Sur les princes comme sur les peuples, sur les alliés comme sur les neutres pèse le joug de l'arbitraire et de la plus cruelle incertitude; rien n'est certain que le but de celui qui appésantit son bras sur les faibles, son aggrandissement illimité et leur assujetissement absolu. Pour river à jamais les fers forgés de ses armes, il profane des sentimens sacrés qu'il ne connait pas être attachés aux plus douces émotions du coeur humain, comme de liens à son char triomphale. Les princes soumis sont forcés de mêler leur sang illustre à celui de son obscure famille. Le 15 Janvier déjà la princesse Auguste de Bavière fut liée par le mariage à Eugène Beauharnais, fils adoptif de Bonaparte et fils de son épouse. Le 4 Mars mademoiselle Stéphanie Beauharnais, soeur d'Eugène, fut fiancée au prince héréditaire de Bade et adoptée comme fille de Bonaparte.

Библиотека "Руниверс"

Pendant que la France multipliait ainsi les moyens de tenir l'Allemagne limitrophe dans sa dépendence, il n'était plus possible de se cacher, que l'état précaire de l'Empire germanique augmentait dans une progression effrayante. Le roi de Suéde, comme membre de l'Empire, en sa qualité de duc de Poméranie, énonça le premier ses sentimens à cet égard. Le 13 Janvier il fit formellement déclarer à la diète par son ministre y accrédité: que, vû les transgressions que se permettaient journellement les membres de l'Empire aux lois et à la constitution germanique et les atteintes portées sans cesse aux principes de l'honneur et de la vertu, il serait au dessous de la dignité de sa majeste Suédoise de continuer ses rapports accoutumés, et qu' en conséquence elle ne prendra pas dorénavant part aux délibérations de la diète, tant qu'elles seraient soumises à l'influence de l'usurpation et de l'égoïsme. Bientôt après il appuya ces principes par des faits. Fidèle allié de l'Angleterre, il blâma hautement la Prusse de s'être mise en possession du Hanovre, et il vit son ennemi dans l'allié de la France. Il prit le pays de Lauenbourg sous la protection de ses armes, en déclarant qu'il regarderait une attaque contre cette province comme dirigée contre ses propres états. La suite de cette déclaration fut un combat, livré le 23 Avril par les postes avancés des deux armées, entre Möller et Ratzebourg, et ayant pour résultat la mort de quelques hommes: mais une suite plus importante fut l'ambargo sur tous les vaisseaux de la Prusse et le blocas de tous ses ports sur la Baltique ordonné et exécuté par le roi de Suède. Se regardant comme détaché de l'Empire germanique, en butte aux usurpations et actes de violence, il constitua son isolément en ordonnant la levée d'une milice royale dans la Poméranie et l'isle de Rügen. La régence qui, s'appuyant des statuts du pays, avait désobéi à ces ordres, fut destituée, et pour completter l'isolement de ses provinces allemandes, le roi remplaça dans le mois de Juin leur constitution par celle qui régit la Suède.

D'autres souverains de l'Allemagne étaient pressés par des intérêts plus directs, à la vue des changemens qui s'opéraient sous leurs yeux. La Prusse, dans le traité, qui lui assurait de la part de la France l'occupation de l'électorat d'Hannovre, avait stipulé la conservation de l'Empire dans l'état où il se trouvait au moment de la stipulation. Pendant qu'elle exécutait en faveur de la France les clauses du même traité, en fermant aux Anglais les ports de la mer du Nord, ainsi que les fleuves qui s'y jettent, tels qu'ils l'étaient du temps de l'occupation française du Hannovre: pendant que les Anglais bloquaient les ports de la Prusse et frappaient ses vaissenux de l'ambargo; la France marchait de changemens en changemens dans le Midi de l'Allemagne et avança ses forces vers les possession de la Prusse alliée. Le souvenir des traités rompus, ses engagemens

Библиотека "Руниверс"

éludés, des territoires violés par la France dans le cours de ses campagnes, dut guider la Prusse. Le roi remet son armée, qui avait repris ses garnisons ordinaires, sur le pied de guerre et forme en Allemagne une ligne parallèlle à celle des Français. Un corps combiné de Prussiens et Hessois sous les ordres de l'électeur de Hesse se réunit au commencement de Janvier dans les contrées du Mein; la forteresse de Hanau fut mise en état de défense; de plus en plus les forces s'organisent, les corps sont distribués, les généraux nommés.

Les démarches de la Suède, les mesures de la Prusse étaient la suite des événemens, qui ébranlaient de jour en jour l'édifice de la constitution germanique. Par des intrigues et la force le gouvernement français avait en attendant amené le prince archichancelier de l'Empire à se jetter entre ses bras, en choisissant, à l'étonnement de l'univers, pour son coadjuteur le cardinal Fesch, oncle de Bonaparte, fils d'un lieutenant Suisse, jadis en garnison en Corse. Ce moyen avait seul paru propre à ce prince d'Empire d'assurer, dans ces temps de destruction universelle, son existence présente et future. Presque rien de tout ce que le récès de l'Empire de 1803 lui avait accordé, était exécuté; il n'avait pu jusque là rien faire pour organiser l'église catholique d'Allemagne dans le sens de recès; il ne lui avait pas même été possible de constituer son chapitre métropolitain à Ratisbonne: il se vit menacé de perdre de son vivant, et plus encore après sa mort, les pays et revenus que le récès avait assignés à sa charge. Les pays? leur sort changeait avec le cours des événemens. Les revenus? L'octroi de la navigation du Rhin n'avait à beaucoup près atteint les termes de la dotation de l'archichancelier et les revenus en résultans lui étaient contestés par le nouveau maître d'une grande partie de la rive Rhénane Ioachim de Cleves. Ces motifs d'intérêt privé emportèrent sur les motifs d'intérêt général, ce qui ne dut pas étonner, puis que c'est dans l'esprit du siècle: mais ce qui dut étonner c'est le secret avec lequel la trame avait été ourdie, secret gardé au point que la diète, depuis longtems accoutumée à s'attendre aux ouvertures les plus extraordinaires, se vit surprise par la lettre de l'archichancelier, qui annonça son étrange détermination. Mais ce qui dut étonner d'avantage, se fut d'entendre un prince, issu d'une maison dont chaque nouvel empereur constatait la gloire*), recommander à la diète un homme obscur pour des services qu'on n'a jamais entendu citer rendus dans des siècles oubliés par des ancêtres qu'on n'a jamais entendu nommer. La démarche de l'archichancelier dont il fut donné acte le 28 Mai, par son ministre

*) On sait que chaque empereur Romain créait à son couronnement des chevaliers d'Empire, et qu'avant de commencer l'acte, il prononça à haute voix ces paroles: Ist kein Dalberg da?

Библиотека "Руниверс"

à là diète, ne fut que la préliminaire de l'événement, qui fut porté à la connaissance de ce corps, le 1-er d'Août, par le chargé d'affaires de France mr Bacher, et qui termina bien des incertitudes sur la situation de l'Empire germanique.

Si depuis le traité de Presbourg il n'existait plus de constitution germanique de fait, la déclaration française du 1-er Août la fit cesser aussi par la forme. Dans le langage connu du gouvernement français, qui présente les demarches forcées de ses esclaves, comme des déterminations volontaires, le chargé d'affaire déclara que douze princes du Midi de l'Allemagne avaient pris la résolution de former, sous la protection de la France, une ligue, dite Confédération du Rhin.

L'acte, constatant l'assujetissement de ces princes, avait été souscrit à Paris le 12 Juillet par leur pleni-potentiaires. A la suite des princes de Bavière, de Würtemberg et de Bade, qui avait été attachés à la France avant le traité par la force des armes, se trouvaient dans l'acte, comme parties contractantes, le beau-frère de Bonaparte, pour Cléves et Berg, Hesse-Darmstadt, les maisons de Nassau, de Hohenzollern et quelques princes moins considérables, possessionnés dans le Midi et l'Ouest de l'Allemagne. Ils déclarent expressément se déparer à jamais de leur patrie et renoncer aux titres et dignités dont ils étaient revêtus par sa constitution. L'électeur-archichancelier reçoit le tître de prince-primas, les souverains de Bade, de Berg, de Darmstadt obtiennent celui d'archiducs. La pleine souverainité est accordée à tous. Le siège de la confédération est placé à Francfort, ville donnée au prince-primas. Des contingens en hommes sont fixés pour chaque membre dans le cas de la défense commune. Il est enfin laissé la liberté à d'autres princes d'Allemagne d'accéder à la confédération. Voici en substance le contenu du nouvel acte de confédèration.

L'exposition ministérielle des motifs de cette confédération caractérisait toute la perfidie de la politique qui pèse sur l'Europe. Cette même France, qui à l'époque de la conclusion du traité de Presbourg avait reconnu dans le chef de monarchie autrichienne l'Empereur d'Allemagne et qui avait stipulé son intervention à la diète pour acceptation des plusieurs despositions négociées, déclara à présent „ne voir dans cette confédération qu'une suite naturelle et le complément nécessaire du traité de Presbourg". C'est que dans le langage de la diplomatie française on donne plusieurs prédicats à un objet, pour tirer parti de celui dont on a besoin et pour ne pas reconnaître ceux qui ne présentent pas de profit, et que les événemens doivent donner la clef aux acceptions diplomatiques. Cette même France, qui avait détaché trois électeurs de

Библиотека "Руниверс"

la constitution de l'Empire, en leur donnant la souveraineté, qui par un autre traité avait cédé un autre électorat, appuya, dans sa notification officielle, la nécessité de changer l'aspect de l'Allemagne par une confédération sous ses auspices de ce que „par la réunion du Hannovre à la Prusse un électorat avait disparu"; de ce que „le roi de Suède avait soumis ses provinces allemandes à la constitution de ses autres états". C'est que dans le langage de la diplomatie française la série des causes et des effets est intervertie sans cesse, et l'on impute aux autres les événemens qu'on a soi-même produits. On traite avec l'empereur d'Allemagne, et le traité devient un motif de faire cesser l'Empire; on cède un électorat à la Prusse, et dans cette cession on trouve le motif d'abolir la constitution germanique.

Contre une diplomatie, fondée sur des double-sens, des sous-entendus, des réticences, des explications arbitraires, la bonne-foi doit toujours échouer. L'empereur d'Autriche, lors de la conclusion du traité de Presbourg, avait cru à la possibilité de maintenir une constitution dans l'Empire et de continuer les fonctions de chef suprême que lui imposaient les loix fondamentales du corps germanique. Mais, si à l'époque de la négociation du traité l'Autriche s'était fait illusion sur le caractère de celui qui le dictait, les changemens qui depuis s'opéraient avec une si prodigieuse rapidité, auraient dû éclairer Français II sur le sort qui attendait l'Allemagne. Ce ne n'est que la défection déclarée de plusieurs grands états et de nombre de petits princes de l'union germanique et leur réunion ouverte sous un chef étranger par le traité du 12 Juillet, qui ne permirent plus de croire à l'ancien ordre des choses, et c'est cinq jour après la notification officielle de ce traité à la diète, que l'empereur François II renonça solenellement à la couronne impériale du Saint-Empire-Romain et déclara la constitution germanique dissoûte.

C'est ainsi, que le plus ancien des empires existans, et tant de souvenir glorieux, qui s'attachaient à son part fondamental, furent anéantis par une patente émanée de Vienne le 6 Août 1806. La paix d'Empire, la Bulle d'Or, la Capitulation d'élection, l'Union des électeurs, la Paix de Westphalie, résultats célèbres de tant d'essais, d'efforts et d'expériences, cimentés en partie du sang des siécles passés, consolidés par la prudence des sages de la nation, garanties par la bonne-foi publique, sont tout à coup tombés en ruines, que la postérité regardera avec le penible sentiment de la caducité des choses humaines. Et cette couronne, qui pendant près de quatre siecles avait brillé dans l'illustre maison d'Habsbourg sur les têtes des Rudolph, des Albert, des Ferdinand, des Maximilien et des Leopold, fut déposée par Français II après

Библиотека "Руниверс"

avoir été pendant 14 ans une couronne d'épines sur son front. La diète de l'Empire termina son antique existence par un aveu que la postérité ne croira pas être fait par des princes de nation allemande, et que l'histoire doit signaler à la honte du siècle présent. Ces princes, membres de la nouvelle confédération, déclarerent formellement à la diète de s'être assurés de la protection d'un monarque, „dont les intentions s'étaient continuellement montrées conformes au véritable intérêt d'Allemagne.“ Certes, ces princes ne pouvaient mieux se caractériser, ainsi que leurs comtemporains, à la postérité qu'en avouant dans la même déclaration „qu' envain on avait depuis quelque tems cherché l'Allemagne au milieu du coprs germanique“. C'est ainsi qu'a fini par l'égoïsme, qui frappe les sens de lâcheté et excite l'audace des autres, le nom d'Empire germanique, le nom de nation germaine, qu'a fini l'Allemagne!

Quelques défauts que pût reprocher le politique à cette association d'états, le cosmopolite pensera avec douleur à sa destruction.

Il ne trouvera de longtems dans aucune constitution d'état tant de germes à une haute civilisation, et tant de disposition à un heureux dévéloppement de l'esprit humain, tant d'institutions pour tous les branches d'instruction, tant d'établissements utiles pour les scinces et les arts, tant d'exemples dans tous le genres d'industrie, tant d'asyles pour la liberté de la pensée au milieu d'une si grande complication d'intérêts, d'émulation, de jalousies et d'encouragemens, ne se trouveront plus nulle part rassemblés dans une espace de territoire semblable à celui de cette Allemagne, qui n'est plus. Qui n'est plus?..... On peut anéantir une constitution politique, mais on ne peut pas effacer les traces d'un peuple, qui pendant des sciécles occupait une place distinguée dans l'ordre intellectuel des nations. Et quand on pourrait faire taire tout-à-coup la langue qu'il parlait, quand on pourrait anéantir d'un seul coup sa littérature, les traces sont là où ce grand peuple a marché; elles sont empreints à tout le genre humain et attesteront à jamais que ce peuple fut.

Avant que la constitution germanique fût abolie, le journal officiel annoncait du gouvernement français aux différentes fois la prochaine évacuation de l'Allemagne par les Français; il détaillait même des dispositions particulières et la marche des colonnes; en même tems on affectait de parler des fêtes triomphales, qui attendaient les armées dans la capitale. Mais de tems à autre le terme de ces fêtes fut réculé, et différens motifs furent énoncés à la fin de justifier le retard du départ des armées françaises du territoire allemand. Parmi les prétextes de rendre leur attitude plus ménaçante, il s'en présenta surtout un qui secondait parfaitement les vues du gouvernement français sur l'Allemagne. C'était l'in-

Библиотека "Руниверс"

cident des bouches du Cattaro. La place de Braunau dut être évacuée trois mois après la ratification du traité de Presbourg. Les Russes s'étaient emparés de la place de Cattaro au moment, où les Autrichiens l'avaient évacuee Le gouvernement français déclara que ses troupes ne quitteraient Braunau, avant que Cattaro ne fût évacué par les Russes et remis au Français par les soins du gouvernement autrichien. Braunau fut fortifié avec un appareil formidable; trois mille paysans bavarois et des soldats français travaillaient sans cesse aux fortifications, les remparts furent garnis de grosse artillerie, et d' immenses magasins établis dans la place. Le nombre des Français augmentait dans les provinces de Bavière et de Suabe; le cabinet de Vienne fut pressé et menacé. et les retards qu'éprouvaient ses négociations avec celui de Pétersbourg, par la distance des lieux, étaient autant de motifs pour augmenter les démonstrations militaires. La prise de possession de Raguse par les Français, en compliquant les affaires d'Albanie, compliqua également celles d'Allemagne. Mais ces affaires ne se bornaient plus à Braunau et aux provinces limitrophes de l'Autriche; les troupes françaises, stationnées jusque là en Franconie, se portèrent précipitamment à travers le pays de Würzbourg, vers les frontières de la Saxe. où la famine les avait précédées; en même temps l'autre extrêmité de la ligue française, formant sa gauche, s'avançait vers les possessions prussiennes en Westphalie. Certes, ni par l'une, ni par l'autre de ces routes, les Français pouvaient prétendre marcher sur Cattaro, seul cri que leur gouvernement avait jusqu'ici fait entendre.

Le territoire de l'ancienne Allemagne ne présentait plus que deux grandes séparations: celle du Midi renfermant la partie la plus favorisée en productions du sol et avantages de la nature: celle du Nord, la plus riche en résultats de la civilisation. La première fait partie des immenses espaces, désignés par le mot de Grand-Empire. Elle s'est pliée sous le joug que lui ont imposé la perfidie et la force.

Le despotisme pèse sur elle: la vérité est déclarée crime de lèse-majesté: des conseils militaires jugent la pensée. En Septembre six libraires, dont deux, sujets d'Autriche, d'autres habitans d'états alliés de la France, sont condamnés comme des criminels, pour avoir vendu des livres dont l'esprit a déplu à Bonaparte. Des gensdarmes les poursuivent: Palm, habitant de Nürenberg, est enlevé à sa famille et traîné à Braunau. Il est condamné à mort pour avoir osé attester à l'univers la profonde humiliation de l'Allemagne. Palm meurt et constate son courage et la honte de sa patrie.

. . . Les magistrats de Francfort annoncent à leur concitoyens que l'indépendence de leur ville, plus d'une fois assurée par la France, a cessé et que le primas-archevêque sera leur souverain. Le général Augé-

Библиотека "Руниверс"

reau fait à ces magistrats un crime de l'accent retenu de la douleur; il veut voir des criminels dans des affligés. Il les somme de dénoncer les auteurs de l'annonce. Les magistrats se lèvent tous et s'en déclarent en corps auteurs et déclarent d'en partager les sentimens. Ces magistrats ont fini avec honneur. L'esprit d'union des magistrats de Francfort, le courage héroïque de Palm, donnent la mesure de ce qui aurait pu être fait, si l'égoïsme n'eût étouffé tout élan généreux. De tels élans plutôt, et l'on ne dirait pas aujourd'hui: l'Allemagne n'existe plus. Voilà la position du Sud de l'ancien Empire.

La seconde partie de l'ancien territoire d'Allemagne touche aux états du Nord. Elle s'appuye de la Russie qui déjà a fait plus d'un sacrifice pour la cause de l'humanité et qui vient de refuser sa sanction à une paix déshonorante. La Prusse est devenue le boulevard de cette partie de l'Empire. Après la conclusion de la confédération du Rhin Bonaparte proposa au roi Frederic-Guillaume III de former dans le Nord de l'Allemagne une confédération semblable. Mais au moment même de ces propositions le même chef du gouvernement français chercha à détacher plusieurs princes des intérêts de la Prusse, leur allié naturel. La Hesse et la Saxe reçurent des propositions insidieuses, le gouvernement français fit la prétention de prendre les villes anséatiques sous sa protection et de ne pas permettre leur accession à la fédération du Nord. La Prusse, se voyant circonvenue également par la diplomatie de la France et par ses armes, fut forcée de reconnaître dans son allié un oppresseur. Envain la politique du cabinet de Berlin, qui en temporisant avait su pendant des années écarter la rupture, aurait tenté la voie des ménagemens et des sacrifices. Il n'y en avait plus à faire, sans compromettre l'existence de la monarchie. Les explications et négociations étaient épuisées; le moment de temporiser était passé. La Prusse avait demandé au gouvernement français comme condition de la paix qu'il retirât les troupes qu'il entretenait à Allemagne et qu'il ne mît pas obstacle à la formation d'une confédération dans le Nord, devant embrasser les grands et petits états de cette contrée. La France répondit par des mouvemens de troupes vers les frontières des possessions prussiennes, en prétendant vouloir sauver du joug prussien la Saxe, pour laquelle elle affecta tout-à-coup un tendre intérêt, et pour défendre les villes anséantiques.

La Prusse n'avait plus qu' à choisir entre l'assujetissement et la guerre. Elle choisit la guerre, et la tâche dont elle se chargea devint triple: celle de combattre pour l'existence de sa monarchie, pour l'Empire germanique et pour l'humanité entière. Une année plutôt elle aurait pu remplir cette tâche, secondée par des puissans alliés; sa volonté aurait décidé le sort de l'Europe. Aujourd'hui elle entra seule dans l'arène.....

Библиотека "Руниверс"

БЕЗЪИМЕННЫЙ ДОНОСЪ НА ПЕСТЕЛЯ, ФОНЪ-БРИНА И ТРЕСКИНА.

Секретная записка.

Почтеннѣйшему патрону и сыну отечества въ Россійскомъ сословіи дворянъ.

Съ самаго основанія Сибири не было еще такого деспотическаго правленія, какое водворилось во времена генералъ-губернатора Пестеля: онъ забылъ или не понимаетъ добродѣтельный манифестъ царствующаго и любезнѣйшаго подданнымъ императора Александра Перваго, который, при восшествіи на престолъ, говорилъ: „*я пойду по стопамъ бабки моей*“. Сей священный гласъ не падаетъ на чувства Пестеля! Онъ путями злыми достигаетъ своей цѣли. Судя по его тираническимъ дѣйствіямъ, должно предполагать, что Пестель имѣетъ какія-то сокровеннѣйшіе виды.... для коихъ всѣми мѣрами старается поработить Сибирскій край и обитателей тамошнихъ обратить въ ничтожное состояніе, дабы они не имѣли никакого справедливаго голоса.

Дѣйствія злодѣяній Пестеля есть слѣдующія.

Онъ окружилъ себя любимцами и вмѣстѣ съ нимъ участвующими. Въ Иркутскѣ губернаторъ Трескинъ, безъ коего Пестель не хотѣлъ отправиться въ Сибирь. Въ Томскѣ губернаторъ Фонъ-Бринъ, родной зять Пестеля, исполнитель всѣхъ его предпріятій. Въ Тобольскѣ губернаторъ Шишковъ, человѣкъ не знающій охранять права званія своего и защищать стадо ему ввѣренное. Прочіе средняго состоянія чиновники: одни для собственныхъ видовъ, чтобы паденіемъ другого проложить тропинку къ своему счастію: другіе, изъ подобострастія къ начальству; а послѣдніе по слабости своего разсудка. Всѣ раболѣпствуютъ Пестелю и любимцамъ его. Онъ какъ бичъ рода человѣческаго, поддерживаемый непонятною силою и употребляющій власть свою на одни только несчастія гражданъ! Испровергаетъ *все священное предъ Богомъ и праведное предъ человѣками.*

Библиотека "Руниверс"

Не говоря о дѣлахъ, бывшихъ въ Тобольскѣ и Томскѣ губернаторовъ Корнилова и Хвостова, которыя уже разсматриваются Правительствующимъ Сенатомъ и откроютъ ненависть Пестеля, порабощающаго чиновниковъ и гражданъ, но еще есть много жертвъ, кои страждутъ, и стоны ихъ не доходятъ до сердецъ чувствительныхъ.

Вотъ истинныя дѣйствія Пестеля и любимцевъ его.

По Иркутской губерніи.

1-е. Подъ видомъ продовольствія Иркутскихъ обитателей хлѣбомъ, губернаторомъ Трескинымъ вызваны были волостныя головы и ясашныхъ народовъ старшины, которые, въ удовольствіе ласковыхъ пріемовъ Трескина, и для того, что имъ возбраненъ былъ выѣздъ изъ Иркутска, вмѣсто существуемыхъ въ Иркутскѣ цѣнъ отъ 80 и 90 коп. за пудъ, принуждены были согласиться съ Трескинымъ получить только отъ 50-ти до 60-ти коп. Тогда разосланы коммиссарамъ повелѣнія и отправлены нѣкоторые чиновники изъ канцеляріи, производившіе покупку хлѣба даже и въ селеніяхъ. Крестьяне сію поставку хлѣба дѣлали раскладкою по тяглымъ душамъ; бѣдные одолжались у достаточныхъ и покупали между собою и въ городѣ отъ рубля и до 1 рубля 30 коп. пудъ, чѣмъ самымъ они ввергнуты въ крайнее раззореніе.

2-е. По наступленіи лѣтнихъ крестьянскихъ работъ, привозъ изъ селеній въ Иркутскъ хлѣба остановился. Тогда Трескинъ открылъ городовой магазинъ и къ продажѣ хлѣба опредѣлилъ *сержанта Кропушенкова.*

Жители, по крайнимъ своимъ нуждамъ и съ великими затрудненіями, покупали хлѣбъ по 1 рублю 10 коп. съ недовѣсомъ отъ 5-ти и до 7-ми фунтовъ у каждаго пуда. Промышленники рыбой и другія артели, удаляющіеся на долгое время для работъ, принуждены были договариваться съ сержантомъ Кропушенковымъ, который, подъ видомъ собственнаго, продавалъ хлѣбъ отъ 1 рубля 60 коп. до 2 рубля пудъ.

3-е. Въ бытность въ Иркутскѣ генералъ-губернатора Пестеля, отъ губернатора Трескина дано было приказаніе городской полиціи и сельскимъ коммиссарамъ, чтобы для холостыхъ поселенцевъ пріискивать дѣвокъ и вдовъ въ жены. Несчастныя жертвы были влечены изъ домовъ своихъ публичнымъ и постыднымъ образомъ, содержались въ полицейскихъ казармахъ вмѣстѣ съ ссыльными колодниками. Дѣвицы страдали, отцы и матери ихъ были въ отчаяніи!!!

Гдѣ-же священный законъ Бога Россіи и премудрой Екатерины, которая говорила: „*и жена угольщика почтенные любовницы вельможи?*“ Гдѣ это нѣжное очарованіе, что всякое сословіе людей гордилось

Библиотека "Руниверс"

своимъ состояніемъ? Гдѣ тѣ сыны отечества-боляре, которые болѣли о другихъ, за вѣру и вѣрность полагали животъ своей??? Гдѣ они?

Есть и нынѣ въ потомкахъ великихъ мужей, къ коимъ несчастные простираютъ свои слабыя руки, томный голосъ, и ожидаютъ отъ нихъ своего спасенія!!!

Сей тиранической уставъ, хотя и кончился, но спросите отцовъ и матерей, во что имъ таковая дѣтей ихъ свобода стоила? И при первомъ оныхъ отвѣтѣ, содрогнется всякій благомыслящій человѣкъ.

4-е. Въ 1807-мъ году урожай хлѣба и жатва были самая изобильная, каковыхъ въ теченіи 30 лѣтъ не бывало. Цѣна на хлѣбъ съ 1 рубля 10 коп. понизилась въ 50 коп. Поселяне и городскіе обитатели благодарили Бога за ниспосланіе имъ сей милости.

Кажется, кто-бы въ состояніи былъ лишить первѣйшаго удовольствія отца семейства, что онъ домъ свой будетъ содержать цѣлый годъ малыми избытками? Но нѣтъ, есть и на людей саранча, которая пожираетъ сердечное ихъ спокойствіе!

Губернаторъ Трескинъ выдумалъ новый источникъ къ гибели многотысячнаго народа. Онъ сдѣлалъ распорядокъ вотъ какой: такимъ же манеромъ (какъ въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ сей записки объяснено), хлѣбъ купленъ въ селеніяхъ отъ 40 до 55 коп., а продавался въ Иркутскѣ отъ 70 до 75 коп. пудъ. Самъ онъ, Трескинъ, 5-го Декабря 1807 года, лучшимъ гражданамъ объявилъ, что для продовольствія города имъ куплено хлѣба 150.000 пудовъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, съ приказанія Трескина, по распорядку полиціи, около Иркутска были поставлены по проѣзжимъ дорогамъ рогатки и караулы. Всякаго поселянина, всякаго продавца хлѣба останавливали и вотъ что дѣлали: 1-е пересчитывали мѣшки съ хлѣбомъ съ совершенною медленностью, чтобы утомить продавца; 2-е давали билеты, чтобы по въѣздѣ въ городъ являлись къ базарному смотрителю; 3-е базарный смотритель не позволялъ хлѣба продавать болѣе одного и трехъ съ половиною пудоваго мѣшка; 4-е, при въѣздѣ въ городъ караульные, а при продажѣ въ городѣ базарный смотритель наблюдали собственные интересы; 5-е, поселяне проѣхавшіе отъ своихъ жилищъ большое разстояніе, видя таковое притѣсненіе и чувствуя въ полной мѣрѣ изнуреніе себѣ и лошадямъ, оставили добровольный пріѣздъ для продажи хлѣба въ Иркутскѣ. Трескинъ, пользуясь симъ новымъ пагубнымъ для гражданъ изобрѣтеніемъ, открылъ городовой магазейнъ и покупаемый имъ хлѣбъ отъ 40 до 55 коп. продавалъ 70 и 75 коп. пудъ.

Библиотека "Руниверс"

5-е. Когда по благословенію Всевышняго Творца, умножился Императорскій домъ рожденіемъ Государыни Великой Княжны Елисаветы Александровны, тогда усердные вѣрно-подданные по добровольной складкѣ въ Иркутскѣ, Якутскѣ, Верхнеудинскѣ и Кяхтѣ, отъ купцовъ, Якутовъ, Братскихъ Таишей и прочихъ, собрана немалотысячная сумма денегъ, съ такимъ предположеніемъ, что оными будутъ призрѣны и облаготворены вдовы и сироты; но по сіе время не слышно отъ бѣдныхъ гласу велехваленія, чтобы рубище ихъ преобразилось въ прочныя пелены.

6-е. Такимъ образомъ дѣйствуютъ коварство, злоба и ненависть на участь многотысячныхъ народовъ.

Богатые и убогіе страдали, и ропотъ былъ всеобщій, предвѣщающій непріятныя слѣдствія бунта.

Лучшіе граждане стараются удержать и отвратить безчеловѣчныя и пагубныя намѣренія Пестеля и Трескина, которымъ едва-ли кто слыхалъ подобные примѣры. Но чтобы чувство Иркутскаго сословія гражданъ убить единымъ залпомъ, Пестель и Трескинъ избрали оружіе самое трогательное для каждаго отца семейства: они лишили добраго имени семидесятилѣтнихъ старцевъ, первогильдейныхъ купцовъ Сибирякова и Мыльникова, изъ коихъ первый сосланъ въ Нерчинскъ, а послѣдній въ Баргузинъ.

Сіи достопочтенные два гражданина, всегда руководствуемые чистою совѣстію, жертвовали жизнію своей за вѣру къ Богу, вѣрноподданничество къ Императору и за благо отечества. Изъ нихъ Сибиряковъ служилъ въ губернскомъ магистратѣ президентомъ, городскимъ головою и напослѣдокъ депутатомъ при уравненіи по губерніи повинностей, а Мыльниковъ ратманомъ и городскимъ головою.

Подъ видомъ неблагонамѣренной и ябеднической шайки, всѣ тѣ почитаются, кои осмѣлятся въ справедливости объясняться и въ невинности защищать себя.

Слѣдствія производятся не чиновниками, но палачами рода человѣческаго, на коихъ основываются рѣшенія объ участи отличныхъ гражданъ.

Таковымъ тиранскимъ закономъ Пестеля и Трескина наведенъ ужасъ на всѣхъ гражданъ, что никто не смѣетъ и подумать защищать ближняго, дабы не быть самому сосланнымъ и не убить своего семейства.

Въ доказательство сему есть слѣдующіе примѣры.

Библиотека "Руниверс"

По Тобольской губерніи.

7-е. Былъ привезенъ въ Тобольскъ Иркутскій чиновникъ Пѣтуховъ и содержался подъ строгимъ карауломъ. Я совершенно знаю, что сей благородный чиновникъ за то пострадалъ, что не хотѣлъ выполнять злодѣйскихъ намѣреній Трескина. Его Пестель мучилъ или, лучше сказать, тиранилъ разнообразными манерами, чтобы только убить человѣка. И наконецъ Пѣтуховъ разлученъ съ женою, дѣтьми и сосланъ Томской губерніи, въ городъ Туруханскъ, въ разстояніи отъ губернскаго города 1644, а отъ С. Петербурга 5916 верстъ. Онъ для того туда сосланъ, чтобы губернаторъ Фонъ-Бринъ, зять Пестеля, отнялъ у несчастнаго Пѣтухова всѣ способы искать правосудія.

„*Чудны дѣла Твои, Господи, вся премудростію сотворилъ еси!*“

8-е. Генералъ-маіоръ Куткинъ, удрученный 60-ти лѣтнею старостію, покрытый сѣдинами, низверженъ злобнымъ рокомъ въ геенну. И успѣвшее въ намѣреніяхъ своихъ злодѣйство утѣшается адскими мученіями невинности. Если-бы онъ былъ и государственный преступникъ, который не думаетъ о будущей жизни, то однѣ нынѣшнія его на землѣ страданія уготовали уже кому-либо изъ семейства его царствіе небесное.

Съ нимъ вотъ что случилось. 1-е. Природа одарила его особенно чѣмъ-то отличнымъ отъ прочихъ: узнавшій Куткина, умный и честный человѣкъ имѣетъ къ нему довѣренность, за удовольствіе почитаетъ бесѣдовать съ нимъ и заняться полезнѣйшими свѣдѣніями. Подлецъ, извергъ и блюститель своихъ интересовъ, робѣетъ съ нимъ знакомиться и изыскиваетъ способы вредить Куткину ложными выдумками и чернить невѣроятными дѣйствіями. 2-е. Съ самаго пріѣзда Пестеля въ Тобольскъ, Куткинъ злодѣя сего въ скоромъ времени смѣрялъ и открылъ въ немъ ядовитое свойство устраивать свое счастіе на развалинахъ другихъ. Куткинъ тотчасъ принялъ намѣреніе, съ потеряніемъ мѣста своего рожденія, спокойствія и выгодъ тамошняго края къ содержанію семейства, удалиться отъ зла и творить благо. Онъ, по безпристрасной службѣ своей, имѣлъ всегда вѣрный каналъ и былъ опредѣленъ въ Петербургѣ совѣтникомъ по провіантскому департаменту. 3-е. Куткинъ бѣжалъ отъ злыхъ крокодилъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вредить имъ, но чтобы остатки дней своихъ провести въ мирной и спокойной жизни. Но, увы! съ первымъ шагомъ въ Петербургъ встрѣтилъ все для себя несчастіе.... По представленіямъ Пестеля, на третій день пріѣзда, Куткинъ былъ арестованъ и посаженъ на главную гауптвахту. На послѣдней недѣлѣ Великаго поста, въ самую распутицу и гнилое время, былъ отправленъ съ фельдегеремъ въ

Библиотека "Руниверс"

Тобольскъ къ Пестелю. 4-е. Пестель, коль скоро узналъ, что Куткина постигли несчастія и влекутъ къ нему такую жертву, которою онъ наведетъ страхъ на цѣлую губернію, онъ подлымъ политическимъ манеромъ убилъ цѣлое семейство. Жена Куткина получила истерическій припадокъ и разродилась мертвымъ младенцемъ. Двѣ дочери, благовоспитанныя дѣвицы, больныя лежатъ въ постеляхъ. Сынъ, служившій въ Петербургѣ по части государственнаго казначея, 18-ти лѣтній молодой человѣкъ, съ лучшимъ воспитаніемъ и пылкимъ умомъ, отъ одного только воображенія о несчастіяхъ отца сдѣлался боленъ гнилою горячкою и умеръ въ домѣ купца Пастухова. Статскій совѣтникъ Михайло Куткинъ, при первомъ извѣстіи о страданіяхъ брата, убитъ параличемъ.

Вотъ уже два года, какъ почтеннаго старика тиранятъ самыми невѣроятными муками. И наконецъ Пестель довершилъ свои злодѣянія: *генералъ-маіоръ и кавалеръ Куткинъ въ Тобольскѣ содержится въ темницѣ. Жена, дѣти, братъ и знакомые къ нему не допускаются.*

И ни единый лучъ утѣшенія не озарилъ мрака тюрьмы невиннаго. Правительствующій Сенатъ, Военная Коллегія, Генералъ-Аудиторіатъ и Экспедиція Провіантская наполнены прошеніями и стонами Куткина, но для него законы молчатъ подъ рукою гонителя, затворившаго дверь къ правосудію. Вотъ горькая участь старости.... и плачевный примѣръ для честныхъ!!! Пестель, вмѣсто тучной жертвы, нашелъ тощую и терзаетъ ее съ большею яростію. Ему не можно Куткина выпустить изъ рукъ своихъ, дабы не обнаружить злодѣйства своего и его невинности. Богъ, покровительствующій людямъ, въ Бозѣ почивающая Екатерина! Гдѣ тѣ священныя правила, которыми руководствовались прежніе начальники, *что лучше десять винныхъ освободить, нежели одного невиннаго истязать.*

9-е. Не одинъ Куткинъ страждетъ, но и тѣ раззоряются и истребляются, кои были имъ облагодѣтельствованы и изъ благодарности привержены.

Тобольскій купецъ Андрей Полуяновъ есть первая жертва въ пищу Пестелю, который разстроилъ его манерой слѣдующей. 1-е. Полуяновъ, имѣющій собственнаго капитала триста тысячъ рублей, вошелъ въ поставку провіанта для войскъ въ Сибири расположенныхъ, вмѣстѣ съ Зеленцовымъ, Куклинымъ и Передовщиковымъ. Пестель, по происканъ товарищей Полуянова и Передовщикова, назвавъ нарушителями, контрактныя связи безнадежными и не заслуживающими довѣрія, испросилъ высочайшій указъ, коимъ они исключены изъ контракта; а чрезъ то самое Полуяновъ понесъ убытку 200.000 руб.

Библиотека "Руниверс"

2-е. Съ Полуяновымъ былъ заключенъ контрактъ объ исправленіи мостовъ и дорогъ, но Пестель его разрушилъ и принадлежащія Полуянову деньги удержаны, къ совершенной его разстройкѣ. 3-е. Потомъ выдумывали на Полуянова разные способы къ его угнетенію, какъ-то: оглашенъ безнадежнымъ въ довѣріяхъ, поставлены ему преграды въ закупкѣ провіанта, отданъ подъ судъ и лишенъ свободы отлучаться изъ города; дѣланы ему въ Губернскомъ Правленіи допросы безъ выпуска, какъ важному преступнику; и словомъ сказать, что притѣсненія и раззоренія Полуянову сдѣланы даже неимовѣрныя каждому благомыслящему человѣку. Что Полуяновъ всегда былъ правилъ честныхъ и похвальный гражданинъ, въ томъ, о поведеніи его, могутъ засвидѣтельствовать не только общество купцовъ и мѣщанъ, но и бывшіе въ Тобольскѣ губарнаторы: Алябьевъ, Кошелевъ, Гермесъ и Корниловъ.

Окончивъ описаніе страдальцевъ, жителей богатѣйшей страны, на коихъ ниспущенъ гнѣвъ за ихъ добродѣтели, я уже не постигаю, почему министры или кто-нибудь изъ усердныхъ сыновъ отечества, таковое истребленіе Сибирскаго края не доведутъ до свѣдѣнія добродѣтельнаго и милосердаго Государя Императора Александра Перваго, воспитанника и преемника Великой Екатерины!!!

Во времена сей матери отечества, были примѣры въ Вятской и Владимирской губерніяхъ; но они такъ малы, что въ сравненіи нынѣшнихъ дѣйствій Пестеля и Трескина по Иркутску и Тобольску ничего не значатъ.

Пестель руководствуется данною Сибирскому генералъ-губернатору инструкціей, но съ тѣмъ-ли она ему вручена, чтобы изъ честныхъ и добрыхъ гражданъ дѣлать несчастныхъ? Намѣреніе Императора было и существенное содержаніе инструкціи есть такое, чтобы отдаленный край сей обогатить новыми полезнѣйшими произведеніями; чтобы жителей просвѣтить художествомъ и ремесломъ; чтобы Сибирь, на которую природа посѣяла щедрою рукой все изобиліе, была источникомъ богатствъ Россіи и чтобы, людей, нынѣ туда посылаемыхъ за преступленія, сдѣлать полезнѣйшими хлѣбопашцами.

Но вопреки святыхъ намѣреній Монарха, Пестель и Трескинъ истребляютъ Сибирскій край и изъ счастливыхъ жителей дѣлаютъ несчастныхъ.

Они судятъ о дѣлахъ другихъ по своимъ характерамъ, по своимъ наклонностямъ. Будучи поставлены рукою слѣпаго счастія на степень отличія, думаютъ, что и каждый получаетъ честь безъ заслугъ, безъ дарованій.

Библиотека "Руниверс"

Сіи коварные льстецы, чрезъ хитрые обороты, успѣшно достигаютъ своихъ намѣреній; но я надѣюсь, что попечительные званіеносцы въ прямой точности откроютъ предъ свѣтомъ ревнованіе свое къ неусыпному прохожденію возложенныхъ на нихъ должностей: откроютъ и докажутъ подлой толпѣ хищниковъ отличій, что истинная честь и постоянная слава сопутствуютъ тѣмъ только, кои послушны вѣрѣ, закону и священной волѣ Монарха; тѣмъ, кои несутъ иго званія своего неупустительно.

Въ заключеніе сего, долгомъ почитаю объяснить, что Пестель и Трескинъ, узнавъ о сей запискѣ, могутъ подумать, что она пущена отъ кого-нибудь изъ описанныхъ страдальцевъ и усугубятъ болѣе еще ихъ несчастіе; но они ошибутся: я житель Московскій, имѣю прочные доходы и никакою должностію не занятъ.

Собственныя мои обстоятельства заставили меня быть въ Тобольскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ. Я инкогнито обо всемъ узналъ и всѣ, описанныя мною, дѣянія совершенно истинны и справедливы, въ томъ клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ.

Сія записка послана къ разнымъ особамъ.

Библиотека "Руниверс"

Третьяго. Впрочемъ преступленіе это еще не обслѣдовано (не изданы, напримѣръ, письма къ Екатеринѣ отрекшагося императора изъ Ропши, за послѣднюю недѣлю его жизни).

Любопытны портреты и біографіи Рѣзвыхъ. Павловскій графъ Кутайсовъ былъ женатъ на одной изъ нихъ, а другая была за Александромъ Васильевичемъ Казадаевымъ (составителемъ большого, доселѣ неизданнаго біографическаго словаря), сынъ котораго, Владиміръ Александровичъ, передавалъ намъ, что имя Рѣзваго и дворянство даны были императрицею Елисаветою Петровною сыну Петербургскаго большого рыботорговца Балкашина за то, что онъ отлично плясалъ трепака. Вспоминая свою молодость, когда она гуливала въ Москвѣ, въ селѣ Покровскомъ (нынѣ на улицѣ Покровкѣ) пѣла народныя пѣсни и водила хороводы, Елисавета и на престолѣ не чуждалась сношеній съ людьми незнатными и ѣзжала къ нѣкоторымъ изъ нихъ на долгую вечернюю бесѣду и угощеніе.

Черты лица знаменитой Полторачихи соотвѣтствуютъ ея дѣятельности. Она соединяла въ себѣ набожность съ жестокостью. Умирая, она оповѣстила о томъ весь околодокъ и закончила громкимъ крикомъ: „православные, простите меня грѣшную“, на что послѣдовалъ единогласный отвѣтъ большой толпы: „Богъ проститъ!“ Точно также умирала въ Петербургѣ княгиня Софья Андреевна Трубецкая, дочь которой, княгиня М. В. Воронцова, передавала намъ, какъ жутко было семьѣ ея, прислугѣ и дворнѣ выслушивать покаянныя признанія съ исчисленіемъ содѣянныхъ грѣховъ.

Ѳ. П. Уваровъ изображенъ новыми чертами. Близость его къ Александру Павловичу объясняется тѣмъ, что въ ночь на 12 Марта 1801, когда возникло намѣреніе предложить новому Государю ограниченіе самодержавія (на что онъ соглашался) и даже составлена была Трощинскимъ бумага для подписанія, Уваровъ убѣдилъ заговорщиковъ не тревожить Александра Павловича. Онъ говорилъ: „Если мы ввѣряли ему свою жизнь, неужели не повѣримъ его слову?“ Уваровъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и умиралъ въ немъ вскорѣ послѣ наводненія 1824 года. Государь проводилъ часы у смертнаго одра его. Тутъ же находился дальній его родственникъ С. С. Уваровъ, оставившій о томъ на Французскомъ языкѣ особую, доселѣ неизданную, записку.

Фельдмаршалъ графъ Задунайскій, крестникъ Екатерины I-ой названъ сыномъ Петра Великаго. Внучка его, Зинаида Сергѣевна Дивова, говорила намъ, что у нея хранились бумаги о томъ. Онѣ должны находиться гдѣ-то въ Нижегородской губерніи, у единственнаго ея сына Николая Николаевича Дивова.

Въ очеркѣ жизни „Княгини Ночной“ не сказано о томъ, что она оставила капиталъ для выдачи молодымъ людямъ, вступавшимъ въ жизнь со школьной скамьи. Пушкинъ не могъ въ 1823 году называть ее adorable comme la liberté, потому что преклонялся передъ ней еще до своей ссылки, т. е. до 1820 года.

О графѣ Платовѣ не замѣчено, что онъ былъ старообрядецъ. На самое короткое время, въ Августѣ 1812 года, онъ пріѣзжалъ въ Москву на Рогожское кладбище, можетъ быть посланный туда для того, чтобы удержать своихъ единовѣрцевъ отъ подчиненія Наполеону. Это единственный графъ изъ старообрядцевъ. **П. Б.**

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"